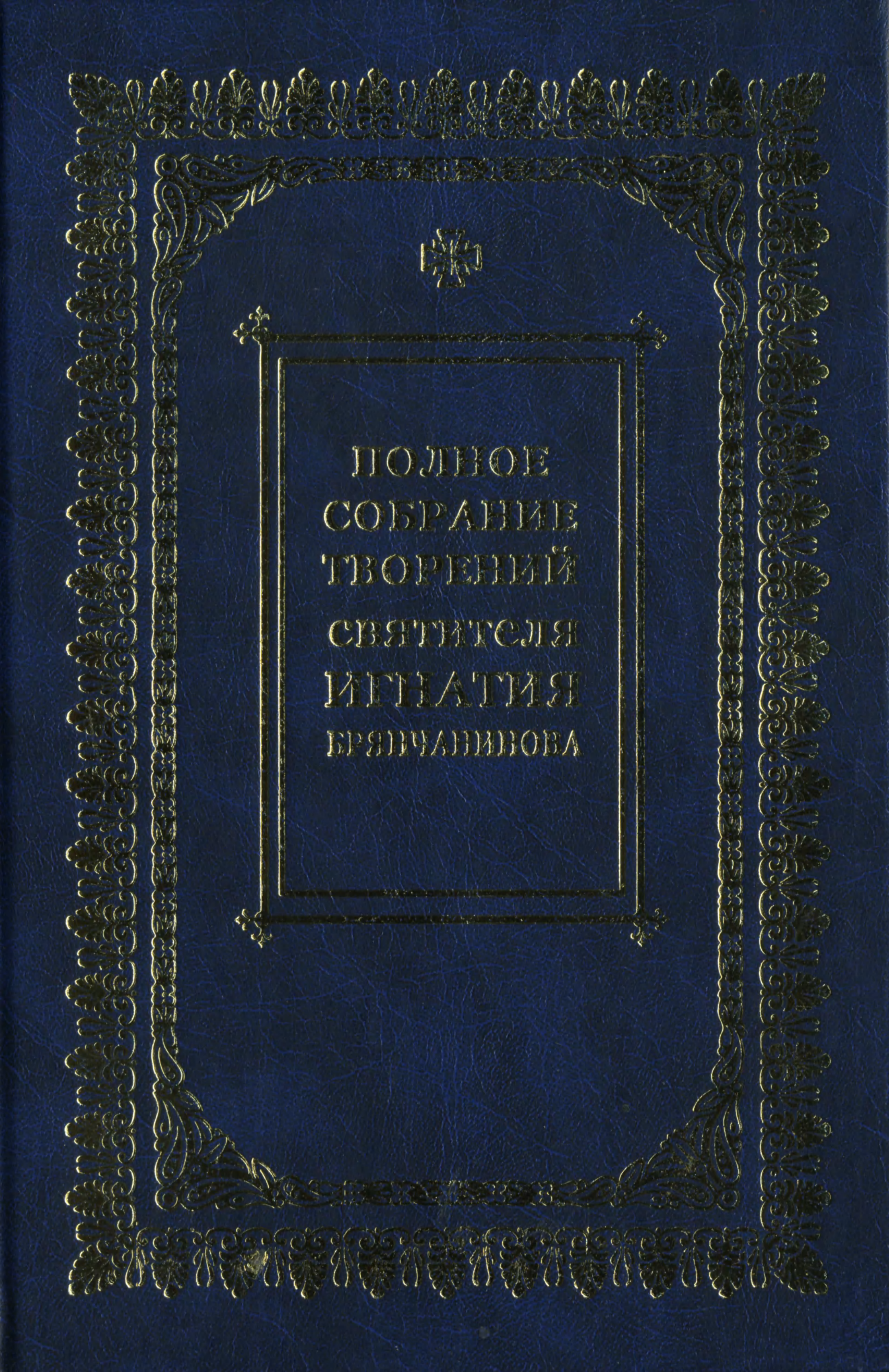
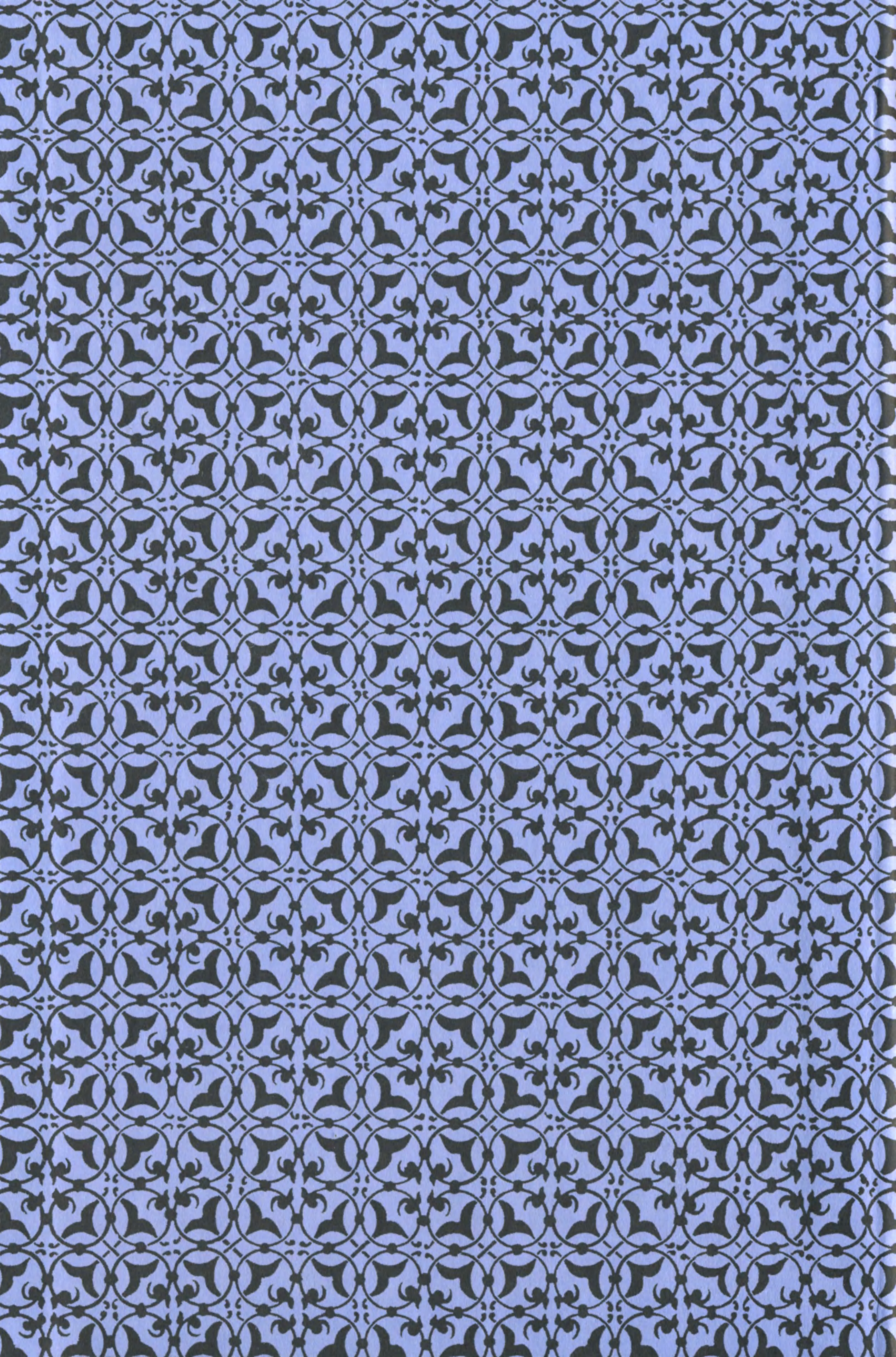
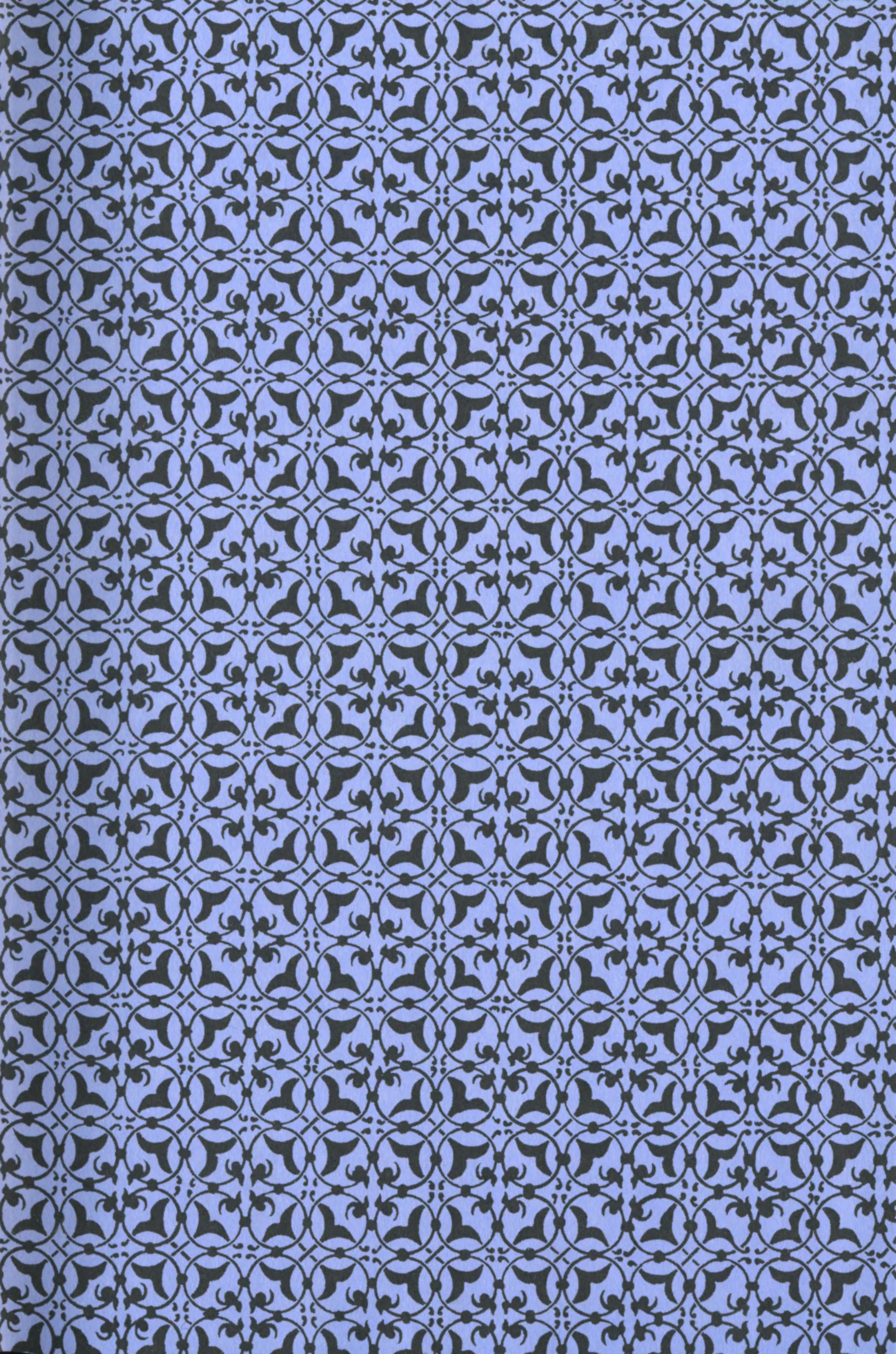

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

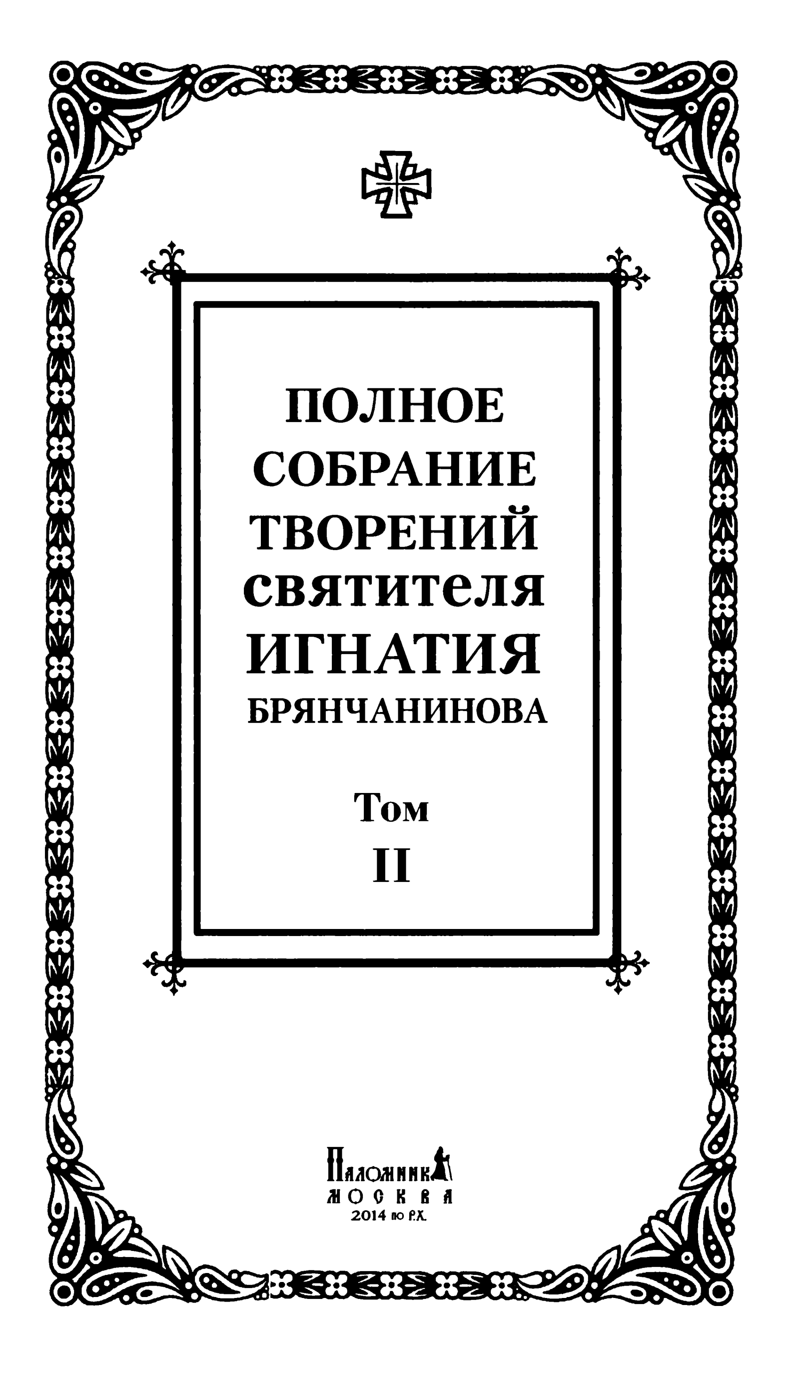




Полное собрание творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах

Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в пяти томах

Издание 2-е,
исправленное и дополненное



ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ святителя ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том

II

Паломникъ
Москва
2014 по Р.Х.

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532**

Общая редакция
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель
Б 89 Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. — 2-е изд., испр. и доп.: Письма: В 3 т. — М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 2. — М.: Паломник, 2014. — 704 с.

ISBN 978-5-88060-032-8

Второй том Полного собрания творений святителя Игнатия содержит его капитальный труд «Аскетические опыты» — вторую часть, а также его знаменитый богословский трактат «Слово о Смерти», труд, по общему признанию, выдающийся, и «Прибавление к Слову о Смерти». В разделе «Приложение» печатается сочинение Святителя «Слово о человеке», в котором он излагает учение о человеке на основании Священного Писания и Творений святых Отцов.

УДК 242
ББК 86.37.42

1-е издание вышло в 8 т. в 2001–2007 гг.:

составление и общая редакция
А. Н. Стрижёв

Подписано в печать 02.10.2013. Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Объем 44 п.л. Тираж 3000 экз. Заказ № 1312430.

Издательство «Паломник»
111141, Москва, Плеханова, 15.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-88060-032-8

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

АСКЕТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Часть II

Блажен муж[1]

Поет вдохновенный Божественный певец, ударяет в звучные струны.

Когда оглушал меня шум мира, я не мог внимать ему. Теперь, в тишине уединения, начинаю прислушиваться к певцу таинственному. И звуки, и песнь его делаются мне как бы понятнее. Как бы открывается во мне новая способность, способность внимать ему и способность понимать его. Расслушиваю в звуках его новое чувство, в словах — новый смысл, дивный, дивный, как Божия премудрость.

Саул! престань неистовствовать: да отступит от тебя дух лукавый... поет святой Давид, бряцает в стройные гусли.

Саулом называю мой ум, тревожимый, возмущаемый помышлениями, исходящими от миродержца. Он, ум мой, поставлен Богом при установлении царства израильского — при сотворении, и потом, при искуплении человека, — в царя, владыку души и тела; преслушанием Богу, нарушением заповедей Божиих, нарушением единения с Богом он лишил себя достоинства и благодати. Душевные и телесные силы ему непокорны; сам он под влиянием лукавого духа.

Поет святой Давид, вещает слова Неба. И звуки псалтири его — звуки небесные! Предмет песнопения: *блаженство человека.*

Братия, послушаем учения Божественнаго, изложеннаго в Божественном песнопении. Послушаем глаголов, послушаем звуков, которыми глаголет, которыми гремит к нам Небо.

О вы, ищущие счастия, гонящиеся за удовольствиями, жаждущие наслаждений! придите: послушайте священной песни, послушайте учения спасительнаго. Доколе вам скитаться, рыскать по долам и горам, по непроходимым пустыням и дебрям? Доколе мучить себя трудом непрестанным и тщетным, невенчаемым ника-

---

[1] Пс. 1.

кими плодами, никакими приобретениями прочными? Склоните покорное ухо: послушайте, что говорит Дух Святой устами Давида о человеческом блаженстве, к которому стремятся, которого алчут все человеки.

Да умолкнет все вокруг меня! и внутри меня да умолкнут самые помышления мои! да молчит сердце! Да живет, действует одно благоговейное внимание! да входят в душу, при посредстве его, святые впечатления и мысли!

Был Давид царем и не сказал, что престол царей — престол блаженства человеческого.

Был Давид полководцем и героем, от юных лет до старости препирался с иноплеменниками в кровавых сечах; сколько дал битв, столько одержал побед; на берега Евфрата с берегов Иордана передвинул границы своего царства и не сказал, что в славе победоносца и завоевателя — блаженство человека.

Собрал Давид бесчисленное богатство, собрал его мечом своим. Золото лежало в кладовых его как бы медь, а серебро накидано в них было как бы чугун. Но не сказал Давид, что в богатстве — блаженство человека.

Имел Давид все земные утешения — ни в одном из них не признал блаженства человеческого.

Когда Давид был отроком, когда занятием его было пасти овец отца его Иесссея — внезапно, по повелению Божию, приходит пророк Самуил, святым елеем помазует убогого пастуха в царя израильскому народу. Час помазания своего на царство Давид не назвал часом блаженства.

Дни детства проводил Давид в пустыне дикой. Там мышцы его начали ощущать в себе доблесть мышц богатыря: без оружия, с одними руками, кидался он на льва и медведя, удавлял льва и медведя. Там душу его начало двигать, наполнять небесное вдохновение. Руки, сокрушавшие льва и медведя, устроили псалтирь, прикасались к струнам, напряженным и приведенным в согласие действием Духа: издались гармонические, усладительные, духовные, разумные звуки. Далеко, далеко, через времена, через столетия и тысячелетия, понеслись эти звуки, повторились и повторяются бесчисленными голосами, прославили имя Давида по всем концам земли, по всем векам ее христианского быта. Жизни пустынной, жизни, полной подвигов чудных, чудного вдохновения, Давид не назвал блаженством человека.

Блажен муж, воспевает он, в каком бы месте, в каком бы звании, в каком бы состоянии и сане ни был этот муж, *иже не иде на*

совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе[1].

Блажен муж, который хранится от греха, который отражает от себя грех, в каком бы образе, в каком бы облачении ни предстал ему грех: предстанет ли он в беззаконном поступке, представится ли в помышлении, советующем беззаконие, или в чувстве, приносящем наслаждение, упоение греховное.

Если с таким крепким мужеством слабая жена отражает от себя грех, то и она — *блажен муж,* воспетый Давидом.

Участники этого блаженства, участники мужеского о Христе возраста — отроки и дети, твердо противостоящие греху. Нет лицеприятия у Правосудного Бога.

Блажен муж, которого вся воля в Законе Божием[2]. Блаженно сердце, созревшее в познании воли Божией, увидевшее *яко благ Господь*[3], стяжавшее это видение вкушением заповедей Господних, соединившее волю свою с волей Господа. Такое сердце — муж. Блаженно сердце, разожженное ревностию Божественной! Блаженно сердце, сгорающее ненасытимым желанием воли Божией! Блаженно сердце, сладостно и нестерпимо страждущее любовию к Богу! Такое сердце — место, селение, чертог, престол блаженства!.. Сидит с раннего утра орел на вершине высокого утеса, сверкающие очи его жадно ищут добычи, потом он поднимается в синее небо, плавает, распростерши широкие крылья, в обширных пространствах, ищет добычи. Когда увидит ее, — стрелой, молнией спускается на нее, другой стрелой подымается с нею, исчезает. Накормил птенцов своих, и снова на страже своей: на скале или в небе. Таково сердце, заразившееся язвою неисцельною любви к заповедям Бога! И в этой-то любви — *блаженство.* В заповедях — не одно делание: в них сокровен и при посредстве их является духовный разум: *от заповедей Твоих разумех,* говорит Пророк. *Всем сердцем моим взысках Тебе... Путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое!.. Поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело!.. Благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра!.. Возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия!.. В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе!.. Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу!.. Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех*[4].

---

[1] *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей* (Пс. 1. 1). || [2] Пс. 1. 2. || [3] Пс. 3. 9. || [4] *Повелениями Твоими я вразумлен... Всем сердцем моим ищу Тебя... Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое... Буду утешаться заповедями*

Восходит солнце: люди спешат к занятиям своим. У каждого своя цель, свое намерение. Что душа в теле, то цель и намерение во всяком человеческом занятии. Один трудится, заботится для снискания тленных сокровищ; другой — для доставления себе обильных наслаждений; иной — для приобретения земной, суетной славы; наконец, иной говорит, думает, что его действия имеют целию государственную и общественную пользу. Наперсник Закона Божия во всех упражнениях, во всех делах своих имеет целию Богоугождение. Мир обращается для него в книгу заповедей Господних. Прочитывает он эту книгу делами, поведением, жизнию. Сердце его чем более прочитывает эту книгу, тем более просвещается духовным разумом, тем более разгорячается к течению по пути благочестия и добродетели. Оно стяжавает огненные крылья веры, начинает попирать всякий страх враждебный, переноситься через всякую пропасть, дерзать на всякое благое начинание. Блаженно такое сердце! Такое сердце — *блажен муж*.

Приходит ночь с ее тенями, с бледным светом, который издают ночные светильники неба, собирает людей с поверхности земной в их шатры, в их приюты. В этих приютах скука, пустота души; стараются заглушить свое мучение безумным развлечением; праздность, испорченность нравов предаются шумным увеселениям, и сосуды храма Божия — ум, сердце, тело — употреблены Валтасаром на употребление преступное. Раб земли, раб временных житейских попечений, едва вырвавшийся из забот, в которых он утопал в течение дня, приготовляет в тишине ночной новые заботы к следующему дню; и дни его, и ночи, вся жизнь — жертва суете и тлению. Теплится смиренная лампада пред святыми иконами, разливает томный свет в ложнице[1] праведника. И он со своей заботой, с непрестающим, со снедающим его попечением. Он приносит в ложницу воспоминание дневной деятельности своей, сличает ее со скрижалями, на которых начертана откровенная человеку воля Бога, — с Писанием; недостатки в своих поступках, в помышлениях, в сердечных движениях врачует покаянием, омывает слезами; для возобновления и усиления подвигов просит у Неба новых сил, нового света. Благодатный свет, вышеестественная сила нисходит от Бога в душу, приносящую молитвы

Твоими, которые возлюбил... Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра... А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого... В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою... Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль... Поставь меня на стезю заповедей Твоих, ибо я возжелал ее (Пс. 118. 104, 10, 32, 47, 72, 127, 11, 162, 35).

[1] Ложница (*устар.*) — уединенная комната. — *Ред.*

с болезненным ощущением нищеты, слабости, удобопадательности человеческой. Так *день дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум*[1]. Такая жизнь — неперестающий успех, непрерывные приобретения, приобретения вечные. Так живущий — *блажен муж.*

И будет этот муж *яко древо насажденное при исходищих вод*[2]. Такое древо не боится палящих лучей солнца, не боится засухи: корни его всегда напитаны влагой; не ждут они дождей, не терпят никогда недостатка в питании, того недостатка, от которого древа, растущие на горных и сухих местах, часто болеют, часто вянут, умирают. Древу, растущему на высоте, открытому для влияний ветров и солнца, изредка пьющему дождь небесный, изредка освежающемуся росою небесною, подобен человек, расположенный к благочестию, но ведущий жизнь невнимательную, рассеянную, мало и поверхностно занимающийся изучением Закона Божия. Иногда и он освежается росою умиления; иногда и на его иссохшую душу падает живительный слезный дождь покаяния; иногда и его ум и сердце возбуждены движением к Богу; но это состояние не бывает, не может быть постоянным, даже продолжительным. Мысли и ощущения религиозные, когда не просвещены ясным и полным познанием воли Божией, не имеют никакой определенности, никакой основательности, а потому не имеют силы и жизни. Поучающийся в Законе Божием день и ночь подобен древу, насажденному при *исходищих вод*. Непрестанно бьют у самых корней его прохладные свежие воды; непрестанно его ум и сердце — эти корни человека — погружены в Закон Божий, напаяваются святым Законом Божиим; непрестанно кипят для него чистые, полные силы, струи жизни вечной. Эти воды, эта сила, эта жизнь — Дух Святой, обитающий в Священном и Святом Писании, обитающий в заповедях Евангелия. Кто углубляется постоянно в Писание, изучает его в смирении духа, испрашивая у Бога разумение молитвой, кто направляет по евангельским заповедям все дела свои, все сокровенные движения души, тот непременно соделывается причастником живущего в них Святого Духа. *Причастник Аз есмь,* возвестил о Себе Дух Святой, *всем боящимся Тебе, и хранящим заповеди Твоя*[3].

Изучение Закона Божия требует терпения. Это изучение есть стяжание души своей: *в терпении вашем,* — повелевает Господь, —

---

[1] *День дню передает речь, и ночь ночи открывает знамение* (Пс. 18. 3). ‖ [2] *...как дерево, посаженное при потоках вод* (Пс. 1. 3). ‖ [3] Ср.: *Общник я всем боящимся Тебя и хранящим повеления Твои* (Пс. 118. 63). Так объяснен этот стих преподобным Пименом Великим, см. Патерик Скитский.

стяжите души ваша[1]. Это — наука из наук! Это — небесная наука! Это — наука, сообщенная человеку Богом! Стези ее совершенно отдельны от тех обыкновенных стезей, которыми идут науки земные, науки человеческие, науки, рожденные нашим падшим разумом из собственного его света для нашего состояния в падении. Кичат, напыщают ум науки человеческие, осуществляют, растят человеческое я! Божественная наука открывается душе, предуготовленной, сотренной[2], углажденной самоотвержением, как бы лишившейся самобытности по причине своего смирения, содеявшейся зеркалом, не имеющим никакого собственного вида, способным по этой причине принимать и отражать Божественные начертания. Божественная наука — Премудрость Божия, Божие Слово. Говорит о ней сын Сирахов: *Премудрость сыны своя вознесе и заступает ищущих ея. Любяй ю любит жизнь, и утренюющии к ней исполнятся веселия: держайся ея наследит славу, и идеже входит, благословит его Господь; служащии ей послужат Святому, и любящих ю любит Господь; слушаяй ея, судити имать языки, и внимаяй ей, вселится надеялся*[3]. Такова Божественная наука! Такова премудрость Божия! Она — откровение Божие! В ней — Бог! К ней доступ — смирением! к ней доступ — отвержением своего разума! неприступна она для разума человеческого! отвергнут он ею, признан безумием! И он, дерзостный, гордый враг ее, богохульно признает ее юродством, соблазняется на нее за то, что она явилась человекам на кресте и озаряет их с креста. Доступ к ней — самоотвержением! Доступ к ней — распятием! Доступ к ней — верой! Продолжает сын Сираха: *Аще веруеши, наследиши ю*[4].

Истинная, богоугодная вера, в которой нет никакой лести и обмана, заключается в исполнении заповедей Евангелия, в трудолюбивом и постоянном насаждении их в душе своей, в борьбе с разумом, с богопротивными ощущениями, движениями сердца и тела. И разум, и сердце, и тело падшего человека враждебно настроены к Закону Божию. Разум падший не приемлет разума Божия; падшее сердце противится воле Божией; само тело, подвергшись тлению, стяжало свою отдельную волю, данную ему грехопадением,

[1] *...терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19). || [2] Сотрение (*ц.-сл.*) — сокрушение. — *Ред.* || [3] *Премудрость возвышает сынов своих и поддерживает ищущих ее: любящий ее любит жизнь, и ищущие ее с раннего утра исполнятся радости: обладающий ею наследует славу, и, куда бы ни пошел, Господь благословит его; служащий ей служит Святому, и любящих ее любит Господь; послушный ей будет судить народы, и внимающий ей будет жить надежно* (Сир. 4. 12–16). || [4] *Кто вверится ей, тот наследует ее* (Сир. 4. 17).

обильно сообщившим человеку смертоносное познание добра и зла. Тесен и прискорбен путь наш к премудрости Божией! ведет нас к ней святая вера, попирая, сокрушая противодействие и разума, и сердца, и тела падших. Здесь нужно терпение! Здесь нужны твердость, постоянство, долготерпение! *В терпении вашем стяжите души ваши.* Кто хочет принести плод духовный — да совершит с терпением продолжительную, преисполненную различных переворотов и бед войну против греха! Тот только может узреть плод Духа на древе души своей, кто возлелеет этот плод, святой, нежный, многим и мужественным терпением! Послушаем, послушаем еще Премудрого! Премудрость, вещает он, *стропотно ходит с ним* — учеником своим — *в первых, боязньже и страх наведет нань. И помучит его в наказании своем: дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиих своих. И паки возвратится прямо к нему и возвеселит его: и открыет ему тайны своя*[1].

Проходят дни, месяцы, годы, настает *свое время,* время, известное Богу, положившему *времена и лета во Своей власти*[2], и древо, насажденное при *исходищих вод*, приносит плод свой. Этот плод — явственное причастие Святого Духа, обетованное Сыном Божиим всем истинно верующим в Него. Благолепен, дивен плод Духа! изменяет всего человека! Переносится Священное Писание из книги в душу; начертываются невидимым перстом на ее скрижалях — на уме и сердце — слово Бога и воля Бога, Слово и Дух. Совершается над таким человеком обетованное Сыном Божиим: *реки от чрева его потекут воды живы. Сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его*[3], — объясняет слово Спасителя возлюбленный ученик Его, наперсник Премудрости и подаваемого ею Богословия. Самый *лист* такого древа *не отпадет*[4]. Лист, по учению Отцов, — телесные подвиги: и они получают свою цену, нетление и жизнь по обновлении, возрождении души Духом Святым. Воля такого человека сливается воедино с волей Божией: он желает одного угодного Богу, исполняет одну только волю Божию. Потому-то он имеет Бога споспешником во всех своих начинаниях *и вся, елика аще творит, успеет*[5].

---

[1] *...сначала она пойдет с ним путями извилистыми, наведет на него страх и боязнь и будет мучить его своим водительством, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами; но потом она выйдет к нему на прямом пути и обрадует его и откроет ему тайны свои* (Сир. 4. 18–21). ‖ [2] *...времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1. 7). ‖ [3] *...из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него* (Ин. 7. 38–39). ‖ [4] *...лист которого не вянет* (Пс. 1. 3). ‖ [5] *...и во всем, что он ни делает, успеет* (Пс. 1. 3).

Не такое подобие для нечестивых! не сравнивает их вдохновенный Давид с древами или с чем другим, имеющим свойство, признаки жизни! Другое, другое для них сравнение! *Не тако нечестивии, не тако,* воспевает царственный Пророк, *но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли*[1]. Нечестивые! вы — пыль безжизненная, поднятая вихрем бурным — шумной суетой мира — с лица земли, крутящаяся в воздухе, несущаяся густым, заслоняющим солнце, всю природу, облаком.

Не смотри на это облако! не верь обману очей твоих! для них пустая пыль, ничтожная пыль ложно представляется облаком. Закрой на минуту глаза, и пролетит облако пыли, носимое сильным, мгновенным дыханием вихря, не повредив твоего зрения. Через минуту ты откроешь очи, посмотришь — где облако обширное? поищешь его следа, и нет облака, нет после него никакого следа, нет никакого признака бытия его.

Грозною песнию, грозными звуками продолжает Давид изрекать грозное, роковое определение на нечестивых. *Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных*[2]. Нет участия для нечестивых в воскресении первом[3], которое описал святой Иоанн в «Апокалипсисе», в воскресении духовном, совершающемся во время земной жизни, когда прикоснется к душе вседетельный Дух и обновит ее в пакибытие. Воскресает душа, оживает в жизнь Божественную. Ее ум и сердце просвещаются, соделываются причастниками духовного разума. *Духовный разум — ощущение живота бессмертного*[4], по определению Духоносцев. Самый этот разум — признак воскресения. Так, напротив, плотское мудрование — невидимая смерть души[5]. Духовный разум — действие Святого Духа. Он видит грех, видит страсти в себе и других, видит свою душу и души других, видит сети миродержителя, низлагает всякое помышление, взимающееся на разум Христов, отражает от себя грех, в каком бы видоизменении он ни приблизился: потому что духовный разум — царство, свет Святого Духа в уме и сердце. *Не воскреснут нечестивии* для духовного рассуждения! Это рассуждение — *совет* одних *праведных,* их достояние. Оно неприступно, непостижимо для нечестивых и грешных. Оно — Боговидение, и только *чистии сердцем узрят Бога*[6].

---

[1] *Не так — нечестивые, [не так]: но они — как прах, возметаемый ветром [с лица земли]* (Пс. 1. 4). ‖ [2] *Потому не устоят нечестивые на суде и грешники — в собрании праведных* (Пс. 1. 5). ‖ [3] Откр. 20. ‖ [4] Святой Исаак Сирин. Слово 38. ‖ [5] Рим. 8. 4–6. ‖ [6] Мф. 5. 8.

Путь нечестивых ненавистен Богу, так чужд и мерзостен Ему, что Писание представляет Бога отвратившимся от него, как бы не знающим его. Напротив того, путь правды настолько приятен Богу, что Писание говорит о нем: *Весть Господь путь праведных*[1]. И точно, Он Един весть этот путь! — Блаженный путь! ты приводишь к Богу! ты сокровен в бесконечном Боге! твое начало — Бог и конец твой — Бог! Ты бесконечен, как бесконечен Бог.

Путь нечестивых имеет грань, имеет горестный предел! Эта грань на краю глубокой, мрачной пропасти, вечного хранилища вечной смерти. И *погибнет* он — путь нечестивых — навсегда в этой страшной пропасти, приведя наперед к ней и погубив в ней всех шествовавших им.

Весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет[2]. *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых,* не увлекается их образом мыслей, их нравственными правилами, их поведением, *но в законе Господни* вся *воля его.*

Так воспевает небесный, чудный Певец; к святой вдохновенной песне его прислушивался пустынножитель.

1847 года. Николаевский Бабаевский монастырь

Иосиф[3]

Священная повесть, заимствованная из книги Бытия (гл. 32–50)

Чудно приходит к праведникам посреди их бедствий мысль благодарения Богу[4]. Она исторгает их сердца из печали и мрака, возносит к Богу, в область света и утешения. Бог всегда спасает прибегающих к Нему с простотою и верою.

Возвращался святой патриарх Иаков из Месопотамии в землю Ханаанскую, в землю рождения своего, в предопределенное

[1] *Знает Господь путь праведных* (Пс. 1. 6). ‖ [2] *Знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет* (Пс. 1. 6). ‖ [3] Преподобный Ефрем Сирин, церковный писатель IV века, составил сказание о прекрасном Иосифе в литературной форме того времени. Эта повесть читается по указанию церковного Устава на утрени во вторник Страстной недели. ‖ [4] Благодарение Богу составляет часть умного иноческого делания и состоит в благодарении и славословии Бога за все случающееся — и приятное, и скорбное. Это делание завещано Апостолом от лица Господня: *о всем благодарите,* сказал Апостол, *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Сол. 5. 18). Делание благодарения объяснено с особенною удовлетворительностию в ответах преподобного Варсонофия Великого.

Богом свое наследие[1]. Внезапно пришла к нему весть, что гневный Исав, брат его, идет к нему навстречу, что при нем четыреста вооруженных мужей. Еще в лета юношества Исав, волнуемый завистию, покушался на жизнь Иакова. Чтоб избегнуть преждевременной, насильственной смерти, Иаков удалился в Месопотамию. Он пробыл там двадцать лет. Время могло бы исцелить уязвленное злобой сердце Исава... нет, он идет навстречу брату с вооруженною дружиной. Многочисленность толпы, воинственный вид ее обличали злонамеренный умысел. Время не исцелило ненависти в Исаве: возмужал он, возмужала в нем и ненависть к брату.

Испугался Иаков: не знал, что делать; он решился разделить имение свое, состоявшее из домочадцев и многочисленных стад, на два полка. «Если разъяренный Исав, — рассуждал он, — изрубит один полк, может быть, истощится гнев его, и он не прикоснется к другому полку». За двумя полками стояли жены и дети Иакова; позади всех стояла вторая супруга его, Рахиль, с единственным сыном своим Иосифом, юнейшим из сыновей Иакова. Они заняли последнее место, как младшие, но это место дала им также особенная предусмотрительная любовь супруга и отца как безопаснейшее. Глаз любви сметлив; сметлив и глаз ревности. Сделав такое распоряжение, праведник спешит в обычное пристанище праведников, спешит встать пред Богом в благоговейной молитве. «Довлеет ми, — исповедуется он Богу, — от всея правды и от всея истины, юже сотворил еси рабу Твоему: с жезлом бо сим преидох Иордан сей, ныне же бех в два полка»[2]. Отвсюду окруженный напастию, праведник изливает сердце свое пред Богом, сводит расчет свой с судьбой, находит себя вполне удовлетворенным, находит, что Бог, заповедовавший ему путешествие в Месопотамию и возвращение из нее, сделал все по обетованию Своему. «Довлеет ми от всея правды, от всея истины, юже сотворил еси рабу Твоему». Глубокое, истинное смирение! Оно одно достойно предстоять Богу, оно одно достойно беседовать с Богом: никогда оно не оставляется Богом. Ему внимает милостиво Бог, изливая обильные щедроты на молящегося со смирением. Изменилось, по мановению Божию, сердце Исава: доселе оно пылало враждою, теперь внезапно запылало любовию к брату. Исав кидает меч, бежит в объятия брата, и плачут два брата в объятиях друг у друга[3].

---

[1] Быт. 32. ‖ [2] *Недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему, ибо я с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь у меня два стана* (Быт. 32. 10). ‖ [3] Быт. 33. 4.

Вот Иаков уже давно в Ханаанской земле. Уже скончалась его любимая супруга, Рахиль, родами второго сына Вениамина. Уже много скорбей испытал Иаков от буйных сыновей, которые вели себя в обетованной земле как бы в земле, приобретенной завоеванием[1]. В окрестностях кущи его, раскинутой близ Хеврона, они пасли многочисленные стада свои, иногда уходя и довольно далеко, на другие, более тучные пастбища. Иаков пребывал постоянно дома, где удерживали его и лета, и духовное преуспеяние. Оно привлекало ум и сердце старца к Богу, и потому полюбил он уединение в куще. Некогда и несродно такому человеку вдаваться в житейские попечения. Неотлучно при нем был — его утешение — любимый сын, прекрасный душою и телом, Иосиф. Услуга старцу-отцу и внимание глубокому, святому учению отца-Боговидца составляли все занятие, все наслаждение юноши. В душу его падало слово благочестия, как падает семя на тучную землю, и скоро принесло плод: засияла в душе Иосифа святая чистота. В чистоте сердца начинает отражаться Бог, как в зеркале тихих, прозрачных вод отражается солнце. Добродетель Иосифа возбудила в братьях не соревнование, а зависть: так, по несчастию, всего чаще случается в человеческом обществе. Братья изобрели и вознесли злую клевету на Иосифа — какую именно, умалчивает Писание. Но проницательный и благодатный Иаков не был обманут хитросплетенной выдумкой, он продолжал любить — любить Иосифа, и в знак особенной любви подарил сыну пеструю одежду. Яркость и разнообразие цветов особенно уважались и доныне уважаются на кочевом Востоке. Не была ли эта одежда символом испещренной противоположными обстоятельствами жизни, предстоявшей юноше? Вдохновение внушило прозорливому старцу изобразить пророчество не словом — символом: пестрою одеждою. Отсюда начинаются странные приключения Иосифа. Он служит прообразованием, дальней Библейскою тению Господа нашего Иисуса Христа, а для деятельной жизни является примером благочестивого и добродетельного человека, подвергающегося разнообразным, странным бедствиям, во время которых сохраняет он верность благочестию и добродетели, никогда и нигде не оставляется Богом, повсюду храним, и, наконец, прославляется дивно. Послушаем, послушаем любопытное сказание о чудных и наставительных приключениях облеченного пророком-отцом в пеструю одежду.

---

[1] Быт. 34–35.

Братья Иосифа[1], увидев, что отец их любит его более всех других сыновей, возненавидели его: при каждом слове с ним, при каждом взгляде на него закипало в них мрачное смущение. А он не понимал объявшего их недуга: чистая душа его видела всех чистыми, благонамеренными. С доверчивостию открывал он пред ними сердце. Это незлобивое сердце уже избрано Богом в сосуд таинственных откровений. Благодать Святого Духа, сообразно юношеским летам Иосифа, начала являть свое присутствие и действие в знаменательных сновидениях. Живо рисовались таинственною рукою странные сновидения в девственном воображении. Иосифу было семнадцать лет, когда приснился ему первый пророческий сон. С откровенностью, не подозревающей никакого зла, он пересказывает его братьям: видно, сон оставил в душе юноши необычайное впечатление, которое нуждалось в объяснении. Он хотел вызвать, услышать это объяснение из уст старших братьев. «Привиделось мне, — говорил он им, — будто все мы вяжем снопы на поле; мой сноп вдруг поднялся и встал прямо, а ваши снопы обратились к снопу моему и поклонились ему». Братья отвечали: «Неужели ты будешь в самом деле царствовать над нами или сделаешься господином нашим?» И удвоили братья ненависть к нему за благодатный сон, за уязвившую их, перетолкованную, искаженную ими святую откровенность его. Иосиф видит новый сон. С детскою невинностью, как бы в оправдание первого сна и в доказательство, что знаменательные сны приходят к нему невольно, независимо от него, рассказывает он сон отцу и братьям: «Видел я, — говорит он, — будто солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились мне». Отец, услышав рассказ сына, остановил юношу. «Что — сон, виденный тобой? — сказал он ему. — Неужели я, мать твоя и братья твои поклонимся тебе до земли?» Опытный и духовный отец остановил сына не потому, что признал сон его суетным мечтанием, собственным произведением души, недугующей высокоумием, но чтоб предохранить юную душу от впадения в высокоумие и, вместе, строгим замечанием сколько-нибудь погасить зависть и ненависть в братьях.

Так, христианские аскетические наставники заповедают не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным: заповедают соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность[2]. Бывают сновидения от Бога, чему служат приме-

[1] Быт. 37. || [2] См. Главы зело полезные Григория Синаита, главу 10. Добротолюбие. Ч. 1. Этого мнения держатся и все прочие Отцы Церкви.

ром и доказательством сны Иосифа, но состояние видящего сны и видения опасно, очень близко к самообольщению. Зрение недостатков наших — вот безопасное видение! Зрение падения и искупления нашего — вот нужнейшее видение! *Дух сокрушен и смирен*[1] — вот состояние существенно полезное, чуждое самообольщения, состояние, о котором благоволит Бог! Рассуждение, способное постигать, расценивать и объяснять видения, свойственно одним преуспевшим в духовном подвиге: оно приобретается долгим временем, оно — дар Божий. Имел этот Божий дар святой Иаков: он остановил сына, рассказывавшего пророчественное сновидение, а сам — свидетельствует Писание — соблюдал в памяти слова его, носившие на себе помазание Духа.

Не такое действие произвел новый сон на братьев Иосифа: он только умножил в них ненависть и зависть к нему. Однажды они угнали стада в Сихем. Иаков сказал Иосифу: «Братья твои в Сихеме, хочу послать тебя к ним». Иосиф отвечал: «Я готов». «Поди, — продолжал Иаков, — посмотри, здоровы ли твои братья, и здоровы ли наши овцы. Потом воротись и скажи мне».

Легко иногда расстаются люди: расставаясь, они как бы не расстаются, прощаясь, почти не прощаются. А такое прощание бывает часто прощанием навсегда; часто следует за ним продолжительная, исполненная горестей разлука. Не знал старец, отпуская Иосифа, что он долго-долго не увидит любимого сына! Мог ли он думать, что, посылая Иосифа к братьям, посылает его к убийцам? Ему была известна ненависть их к юноше; но могла ли ему прийти мысль, чтоб эта ненависть возросла до замысла, до заговора, до решимости совершить братоубийство? Незлобие старца было незлобие опытное — не то детское незлобие, которого исполнен был Иосиф, шедший прямо на нож, как агнец. Мудрый Иаков, при всем духовном преуспеянии своем, при всей опытности, накопленной в многолетнюю страдальческую жизнь, не мог представить себе, чтоб буйные сыновья его были способны к ужасному преступлению братоубийства. Свойственно святыне не мыслить зла о ближних; ей свойственно самых явных, открытых злодеев считать менее злыми, нежели каковы они на самом деле. И видим мы многих святых людей, не обманутых явным грехом, обманутых многою любовию своею, своею доверчивостию к ближним. Старец! надолго ты расстаешься с любимым твоим сыном Иосифом! Ты имеешь дар и пророчества, и прозорливости; но на это время Бог, непостижимо устрояющий участь человека, закрыл от тебя будущее

[1] Пс. 50. 19.

непроницаемою завесою. Ты отпустил Иосифа на несколько дней — увидишь его после многих скорбных годов. А он увидит землю Ханаанскую, то место, где раскинута куща твоя, когда настанут дни погребения твоего — и только на короткие дни этого погребения! Сюда принесутся кости его; сюда возвратится с ними многочисленное потомство его и вооруженною рукою вступит во владение наследием праотца своего — теперь юноши Иосифа.

Пошел Иосиф из дома отцовского, из Хеврона, пришел в Сихем. Там уже не было его братьев. Он не знал, где найти их, и начал искать и расспрашивать. Внезапно встретился с ним незнакомый человек, который спросил его, кого он ищет. Иосиф отвечал ему: «Ищу братьев моих; скажи мне, не знаешь ли, где они со стадами своими?» Незнакомец отвечал: «Ушли отсюда; я слышал, они говорили между собой: пойдем в Дофаим». По словам этого человека, которого как будто судьба нарочно привела навстречу Иосифу, чтоб направить его к его предопределению, юноша начинает снова искать братьев — жертва жрецов своих — и находит их в Дофаиме. Издали узнали они его, начали сговариваться об убийстве. Раздались в собрании братьев ужасные слова о брате: «Вот идет сновидец. Убьем его и скажем: его съел хищный зверь. Посмотрим, что будет тогда с его снами!» Вслед за ужасными словами поднялись и преступные руки. Но Рувим, старший сын Иакова, отнял его у них. «Не будем убивать его, — сказал он им, — собственными руками! Спустите его в один из здешних рвов; рук же ваших не возлагайте на него!» И помышлял смягчившийся Рувим возвратить старцу-отцу любимого сына. Они сняли с Иосифа пеструю одежду и бросили его в глубокий сухой колодезь — живого в ужасную могилу. Во рву Иосиф, в челюстях смерти!.. Святой юноша, тяжким опытом начинается твоя духовная опытность! Чудная твердость души твоей, перенесшая такую лютую скорбь! Твердость в бедствиях дается непорочною, безукоризненною совестию. Научи нас стяжать и чистоту твою, и твердость — могучие опоры для сердца в превратностях жизни.

Иосиф во рву. Что делают братья? они сели есть... Созревшая ненависть!.. Когда какая-нибудь страсть созреет в душе, душа уже не чувствует своего смертного недуга. Страшнее быть сердцем в этой глубине злобы, чем телом, при душе ангельской, во рву глубоком. Сыны Иакова совершили злодеяние, как бы исполнили долг: столько природнилась им ненависть к брату. *И седоша ясти хлеб*[1], говорит Писание.

---

[1] *И сели они есть хлеб* (Быт. 37. 25).

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего доброго. Буйно совершалась она. Как иначе могли обедать убийцы? Громкий хохот прерывал страшное молчание: то был хохот души, которая сбросила с себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившейся, насытившейся злобой. Выскакивали по временам адские слова — как бы из темной пропасти — из сердец, решившихся на братоубийство. Мрачны, зверовидны были лица обедающих. Зрение и слух их угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здесь благоразумие. Какое благоразумие! Когда страсти овладеют человеком, тогда ум, лишенный владычества, служит угодливым и изобретательным слугой страстям для удовлетворения их лукавых, прихотливых, преступных требований.

Пируют сыновья Иакова над могилой с живым мертвецом, и вот мечущиеся взоры их внезапно усматривают путешественников. То были измаильтяне, купцы. Они показались от Галаада, на дороге к Египту. Их верблюды были обильно навьючены стираксой[1], бальзамом и ладаном: эти товары везли они для продажи в Египет. На бешеной трапезе послышался голос: «Что нам пользы, если убьем брата и скроем кровь его? Продадим его этим измаильтянам! Руки же наши да не будут на нем: ведь он брат нам и плоть наша!» Голос этот был голос Иуды, четвертого в сынах Иакова; Иуда предложил продажу брата-праведника. Через многие столетия явится другой Иуда, он скажет о другом Праведнике, о Самом Богочеловеке: *Что ми хощете дати, и аз вам предам Его?*[2]

Зазвенели златницы... уже вытащен из колодца Иосиф и поспешно продан аравитянам. Ни одного спорного слова ни о цене, ни о пленнике не произнесено ни с той, ни с другой стороны. Не умолчало бы Писание о достойном памяти слове, если бы оно было сказано. Писание в этой повести передает и те слова, которые сколько-нибудь стоят замечания. Звучат златницы... их было двадцать. Как схож звон этот со звоном тридцати сребреников!.. Блаженный юноша, проданный за двадцать златниц! ты удостоился быть прообразованием Проданного за тридцать сребреников!

Рувима не было за обедом. Не был он участником в умысле и заговоре преступном, не был и на пиру, на котором праздновалось удавшееся злодейство. Тайно приходит он ко рву и зовет погребенного. Нет ответа. Опять зовет... нет ответа! В отчаянии он рвет на себе одежду, прибегает к братьям, говорит им: «Нет юноши во рву!

---

[1] Стиракса (*греч.*) — благовонная смола. — *Ред.* || [2] *Что вы дадите мне, и я вам предам Его* (Мф. 26. 15).

Куда теперь денусь я?..» В ответ зазвучали златницы. Их было двадцать: девять братьев, присутствовавших при продаже, доказали, что они не забыли отсутствовавшего десятого.

Между тем сыновья Иакова придумывали, как скрыть от старца-отца поступок свой с Иосифом. Они закололи козленка, в крови его обагрили пеструю одежду и послали ее отцу с жестким вопросом: «Мы нашли это; узнавай — одежда ли это сына твоего или нет?» — Он узнал ее; он сказал: «Это — одежда сына моего: зверь лютый съел его? Лютый зверь похитил Иосифа!» — Растерзал Иаков на себе одежды, надел на себя вретище и многие дни оплакивал сына. Собрались к нему сыновья и дочери; они утешали старца. Но он не хотел утешиться, говорил: «Сойду со стенанием к сыну моему в ад». Долго повторял он эти слова и долго плакал.

Измаильтяне привели Иосифа в Египет[1]; там перепродали его Пентефрию, вельможе фараона — фараонами именовались цари египетские — начальнику телохранителей царских. И Господь был с Иосифом, таинственно бдел над ним, помогал ему. Скоро заметил господин благословение неба над рабом своим и очень полюбил его. Следствием этой особенной любви было то, что Пентефрий вручил Иосифу управление всем домом своим и всем имением. Господь, ради Иосифа, благословил достояние египтянина: излилась благодать Божия на все имение его, на дом его и на поля его. Пентефрий предался расположению своему со всей беззаботливою доверчивостью, даже сам не осматривал ничего, не обращал ни на что внимания. Иосиф был очень статен, прекрасен собой. Красота его привлекла взоры жены Пентефрия. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юноше страсть свою. Юноша не согласился на беззаконие. Он увещевал жену, пылавшую безумным и преступным вожделением; он говорил ей: «Господин мой так вверился мне и так почил на моих заботах, что даже не знает ничего, что у него в доме. Все добро свое он сдал безотчетливо в мои руки: в его доме нет никого выше меня; все в моем ведении, кроме тебя, супруги его. Как же мне поступить по словам твоим? Как мне согрешить пред Богом?» — Не слышит преступная жена мудрых слов сына Иаковлева: другое говорит в ней овладевшая ею страсть. Она слышит только голос страсти: слова Иосифа пролетели мимо слуха ее, как пустые звуки без смысла и значения. От времени до времени повторяет жена предложение, всегда с одинаково открытой, пламенною наглостию. Однажды Иосиф занимался в доме по долж-

[1] Быт. 39.

ности своей; случилось, что тут никого не было из домашних, исключая госпожи. Она схватывает его за одежду, умоляет, требует, чтоб желание ее было тут же исполнено. Иосиф вырывается из рук ее, убегает; верхняя одежда его осталась в руках египтянки. Неудовлетворенная преступная любовь внезапно превращается в бешеную ненависть: та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекрасной плоти, теперь неистово жаждет напиться кровью. Вопиет исступленная египтянка, громким визгом и криком сзывает домашних. Прибегают они. «Глядите, — говорит им египтянка, — этот молодой евреянин введен в дом наш, чтоб поругаться над нами!.. Он пришел ко мне... он сказал мне... я закричала громким голосом... услышав вопль мой, он убежал от меня... вот верхняя его одежда в руках моих!» Она сохранила эту одежду до возвращения Пентефрия. В очередной раз одежда — немой, услышанный лжесвидетель на Иосифа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событие. Она говорила жалобно и тихо: «Ко мне приходил молодой евреянин, которого ты ввел к нам, чтоб обесчестить нас, и предлагал мне беззаконие. Когда же я громко закричала, он убежал, оставив у меня свою верхнюю одежду». Услышав правдоподобное сказание, в котором простотою и холодностию рассказа искусно прикрывались страшная душевная буря и адская клевета, видя в руках жены доказательство происшествия — одежду Иосифа, — доказательство, против которого, по-видимому, не было опровержений, Пентефрий пришел в сильное негодование. Расспросы и суд признал он излишними, ненужными — так преступление раба в глазах его было ясно, живо, очевидно. Он велел ввергнуть Иосифа в темницу, в которой содержались государственные преступники, — в твердыню: так называет эту темницу Писание.

Господь, избравший Иосифа с дней его детства, Господь, помогавший ему в плену и в доме Пентефрия, не оставил его и в темнице. Расположилось к Иосифу сердце начальника темницы: он вверил юному узнику всю темницу, всех узников, заключенных в ней, и, подобно Пентефрию, почил со всей доверенностию на заботах Иосифа. Спустя несколько времени провинились пред египетским царем двое вельмож его: старейшина виночерпий и старейшина над хлебами[1]. Разгневанный фараон заключил их в ту же темницу, в которой содержался Иосиф. Начальник темницы поручил их Иосифу. Когда они пробыли несколько дней в темнице, в одну и ту же ночь каждый из них увидел сон. Утром приходит к ним Иосиф

[1] Быт. 40.

и примечает, что они оба в смущении. Он спрашивает вельмож фараоновых: «Отчего на лицах ваших печаль?» Они отвечают: «Каждый из нас видел сон, но некому истолковать снов наших». Иосиф сказал: «Не Бог ли дает дар изъяснять те сны, которые посылаются от Него? Расскажите мне сны ваши». Из слов Иосифа видно его духовное преуспеяние, плод искушений. Когда в детстве он видел сны, то ощущал только, что в них есть значение, и пересказывал их отцу и братьям, как бы ища объяснения, но не смея присовокуплять никакого толкования. А здесь — едва услышал, что старейшины видели сон, и уже надеется найти разрешение загадочных сновидений в Боге, к Которому он приблизился, Которому усвоился скорбями, верою, чистотою, молитвою. Сны ввели его в горнило скорбей; сны выведут его из этого горнила, в которое Промысл обыкновенно ввергает людей, предназначаемых им для дел великих. Начал старейшина виночерпий рассказывать сон свой: «Привиделось мне, — сказал он, — что передо мною виноградный сад; в саду вижу три лозы, сочные, пустившие отрасли и давшие зрелый плод. Чаша фараонова была в руке моей. Я взял кисть винограда, выжал сок в чашу и подал ее фараону». Иосиф отвечал: «Вот значение этого сна: три лозы — три дня. Пройдут еще три дня, и вспомнит фараон о тебе, возвратит тебе прежний сан твой старейшины виночерпия: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, в благополучии твоем, вспомни о мне. Окажи мне милость: поведай обо мне фараону и изведи меня из этих угрюмых стен. Я украден из еврейской земли и здесь не сделал ничего худого, а меня ввергли в эту ужасную темницу». Старейшина над житницами, услышав истолкование благоприятное, также пересказал свой сон Иосифу: «И я, — говорил он, — видел сон. Мне представилось, что держу на голове три корзины с хлебами. В верхней корзине было всякого рода печенье, употребляемое фараоном. Внезапно налетели птицы, начали клевать печенье». Иосиф отвечал: «Вот значение сна: три корзины — три дня. Пройдут еще три дня — и снимет фараон с тебя голову твою! труп твой повесят на древе; птицы небесные съедят тело твое». Настал третий день: это был день рождения фараона. Он дал пир своим придворным; в беседе с ними вспомнил царь о двух заключенных старейшинах: старейшине виночерпию возвратил прежний сан, и тот снова стал подавать чашу фараону, а старейшину над житницами велел казнить, по предсказанию Иосифа. И забыл старейшина виночерпий о Иосифе. Еще нужно было праведнику томление в темнице! Еще нужны ему были уединение и мрак тюрьмы, чтоб душа его глубже погрузилась в молитву, ею

еще более приблизилась к Богу, еще светлее озарилась разумом духовным.

Прошло два года, — фараон видит сон[1]. Ему представилось, будто он стоит при реке: вот выходят из реки семь коров, тучных, прекрасных, и стали ходить по прибрежному пастбищу. За ними вышли из реки другие семь коров, тощих, неприятного вида, — тоже начали ходить с первыми по берегу реки. Внезапно тощие коровы пожрали тучных, и не заметно было, чтоб тучные взошли в них: они сохранили свой прежний вид изнурения. Проснулся фараон. Потом опять засыпает, — видит другой сон: видит будто из одного стебля выросли семь колосьев, наполненных зрелыми зернами, за ними выросли другие семь колосьев, тонких, как бы иссушенных зноем и ветром. Эти тонкие колосья поглотили в себя семь первых полных колосьев. Проснулся фараон, смутилась душа его; с наступлением утра он приказывает созвать всех ученых и мудрецов Египта и пересказывает им сон свой. Но они не могли истолковать сновидения, произведшего в царе задумчивость и смущение. Тогда старейшина виночерпий сказал фараону: «Теперь вспоминаю согрешение мое! Когда ты, царь, прогневался на рабов твоих, на меня и на старейшину над житницами, повелел заключить нас в темницу, которая при доме начальника телохранителей, каждый из нас, в одну и ту же ночь, увидел сон. Там с нами был молодой евреянин, раб начальника телохранителей; мы рассказали ему сны свои, и он истолковал их. Мне предсказал возвращение сана, а товарищу моему — казнь. Так и случилось с обоими нами».

Фараон послал в темницу за Иосифом, велел привести его к себе. Вывели Иосифа из твердыни: вывела его рука Божия. По обычаю страны остригли ему волосы, переменили на нем одежду: он предстал пред лицом фараона. Египетский царь пересказал ему сны свои и жаловался на мудрецов, что они не могли истолковать этих видений. «Я слышал о тебе, — говорил фараон Иосифу, — что ты объясняешь сны, когда тебе перескажут их». Иосиф отвечал: «Без Бога не может фараон получить удовлетворительного ответа». Невольно Иосиф обнаруживает свое духовное состояние! Он исповедует явное, чудное, существенное Божественное действие, действие Святого Духа, не зависящее от человека, посещающее человека по Высшей воле и открывающее ему тайны. Это невидимое общение с Богом, это благодатное действие ощущал в душе своей Иосиф: до такой высоты духовного преуспеяния возвели его

[1] Быт. 41.

постоянство в добродетели, бедствия, страдания, или правильнее — благодать Святого Духа, осеняющая постоянно добродетельных, в особенности же страдальцев невинных. «Оба сна твоих, — сказал он фараону, — имеют одно значение; сны твои — один сон. Семь коров тучных предзнаменуют семь лет плодородных; семь полных колосьев предзнаменуют то же. Семь коров тощих и семь колосьев иссохших означают семь лет голода. Бог показывает фараону то, что Он вознамерился совершить. Наступят семь лет: в течение их будут в Египте обильные жатвы. Придут другие семь лет, и от скудости их забудется обилие первого семилетия. Голод поразит, сгубит землю. Самые следы предшествовавшего обилия изгладятся последующей за ним скудостью, потому что голод будет очень сильный. Дважды повторился сон фараона: это подтверждение изречения Божия и знак, что Бог ускорит привести в исполнение Свое определение. Царь! высмотри у себя разумного человека и поручи ему землю Египетскую. Пусть в течение семи плодоносных лет собирается пятая часть всего урожая; собираемая пшеница должна поступить в ведение фараона и храниться в городах. Таким образом составятся хлебные запасы для семи лет неурожайных, и земля не погибнет от голода». — Понравились слова Иосифа фараону и окружающим его. Фараон сказал им: «Где же нам найти другого человека, который бы, как этот, имел в себе Духа Божия?» Потом, обращаясь к Иосифу, говорит ему: «Бог открывает тебе тайны, и потому нет человека, который бы сравнился с тобою мудростию и разумом. Будь главою в доме моем, пусть повинуются тебе все люди мои! Разве одним престолом я буду выше тебя. Поставляю тебя над всей землей Египетской».

Фараон снял перстень с руки и надел его на руку Иосифа, облек его в червленую одежду, возложил на него золотую гривну и повелел посадить его на вторую колесницу свою: в ней возили нового сановника по городу; перед колесницей шел глашатай, возвещая народу сан и власть Иосифа. Тогда Иосифу исполнилось тридцать лет. Фараон женил своего наперсника на Асенефе, дочери жреца илиопольского, и переименовал его, назвав *Псомфомфаних*. Что бы значило это наименование? Оно значит *Спаситель мира*[1]. Прообразовал Иосиф нисшествие на землю Богочеловека к падшему и заблудшему роду человеческому, когда послан был отцом к братьям, пасшим скот вдали от отцовской кущи. Прообразовал Его, когда был продаваем братьями иноплеменникам. Прообразовал

[1] Porro ab Aegiptiis didicimus, quod in linqua eorum resonet: Salvator mundi, S. Hieronimi. Liber de nominibus hebraicis.

Его погребение своим заключением в темнице; внезапным возвышением и славою своею прообразовал славу Его воскресения. Дочь жреца илиопольского, вступившая в супружество с Иосифом, предызображала Церковь Христову, составившуюся из язычников. Спасением народа от смерти предзнаменовалось спасение человечества от смерти вечной. Раздаятель вещественного хлеба был предызображением Того, Кто и *Хлеб сшедый с небесе,* и Раздаятель этого небесного хлеба[1]. Из среды таинственных ветхозаветных прообразований в первый раз услышалось утешительное имя: *Спаситель мира!* Дивно Промысл Божий предвещал великое дело Божие, искупление человечества, Библейскими прообразовательными тенями. В какой дали времен начали являться эти тени! Как живо обрисовывали они истину! какою таинственностию покрыты были для современников! Как они стали ясны, очевидны, когда Бог открыл человекам разумение вдохновенных Им Писаний.

Иосиф приступил к исполнению обязанностей, к которым призвал его Сам Бог и которые, по устроению Божию, возложил на него владетель Египта. Он предпринял путешествие по всему Египту и, обозрев страну, сделал нужные распоряжения. Земля в продолжение семи лет давала обильную жатву. В течение этих семи лет Иосиф скоплял хлебные запасы, которые хранил в городах за надежным присмотром и стражей в обширных кладовых. Он собрал бесчисленное количество пшеницы: она лежала в складочных местах, подобно горам песку. В течение тех же плодородных семи лет Асенефа родила двух сынов. Иосиф назвал первенца Манассией. Называя так, он включил в имя старшего сына глубокую мысль: *так устроил меня Бог, что я забыл страдания мои.* Второго он назвал Ефремом, соединяя с этим именем другую глубокую и благочестивую мысль: *Бог возрастил меня в земле смирения моего.* Такие мысли заключают в себе эти имена по значению своему на еврейском языке[2].

Протекли семь лет плодородных, как проходит все, что подчинено времени; наступили голодные годы. По предсказанию Иосифа, голод начал свирепствовать по всей земле. Народ египетский возопил к фараону, прося хлеба. Фараон отвечал подданным: «Идите к Иосифу и делайте то, что он скажет вам». — Иосиф отворил запасные житницы, начал продавать оттуда хлеб египтянам. Голод свирепствовал по лицу земли. Жители соседних стран, услышав, что в Египте продается хлеб, и утесняемые голодом, начали

[1] Ин. 6. 51. ‖ [2] «Записки на книгу Бытия» Московского митрополита Филарета [Дроздова. — *Ред.*].

приезжать в Египет для покупки пшеницы. Мудрый, предусмотрительный правитель заготовил запасной хлеб в количестве, способном не только прокормить свой народ, но и привлечь деньги других народов в египетское государство.

В числе прочих земель, угнетенных голодом, томилась земля Ханаанская. Терпело недостаток в пище и семейство святого патриарха. Слух, что в Египте продается хлеб, дошел до старца[1]. Он сказал сыновьям своим: «Я слышал, есть пшеница в Египте: что вы не обратите на это внимания? Сходите туда, купите сколько-нибудь хлеба для поддержания жизни нашей; иначе — чтоб не пришлось нам умереть с голоду». Повинуясь воле отца, десять братьев Иосифа отправились в Египет для покупки хлеба. Вениамина не отпускал Иаков с братьями; он сказал: «Чтоб не случилось с ним по дороге чего худого».

Прибыв в Египет, сыновья Иакова пришли с прочими покупателями на то место, где продавался хлеб. Продажей хлеба занимался сам Иосиф. Когда братья предстали пред ним, он тотчас узнал их; но они нисколько не подозревали, что стоят пред братом, проданным в рабы за двадцать златниц. И как им было узнать его? Когда они расстались с ним, ему едва минуло семнадцать лет; теперь он приближался к сорокалетнему возрасту. Измененный годами, он не менее изменен был величием и блеском сана, первого в царстве Египетском, которое опередило почти все другие государства образованностью, могуществом, внутренним устройством. Представ пред Иосифом, братья низко поклонились ему, челом до земли. Иосиф вспомнил сны свои... Мудрый, добродетельный Иосиф! Он отложил до другого времени объявить себя братьям. Сколько эта великая душа имела над собою власти! Не снедалось ли сердце его желанием тотчас дать о себе радостнейшую весть престарелому святому родителю, который более двадцати лет ничего не знал о нем и, считая погибшим безвозвратно, печалился неутешно? Он не внимает влечению милостивого, великодушного сердца, избирает образ действования, необходимо нужный для пользы и своей, и братьев своих. Иосиф знал грубые, необузданные нравы этих людей; то были полудикие пастухи, взросшие на кочевьях, проведшие всю жизнь при стадах, на приволье буйной свободы, под открытым небом, в безлюдных пустынях. Они не знали никакой власти над собою, не знали никакой бразды: отцу оказывали неповиновение; причиняли ему частые оскорбления; всякое пожелание свое, как бы оно пре-

[1] Быт. 42.

ступно ни было, приводили в исполнение; руки их нередко бывали обагрены кровию невинных. Такими изображает Писание сыновей Иакова. Им нужен был урок. Для собственного благополучия их, необходимо было познакомить их с покорностью, с благонравием. Жестокие души, привыкшие попирать совесть и страх Божий, иначе не могли быть потрясены, приведены в чувство и самопознание, как пыткою страха человеческого. Предвидя продолжительный голод, Иосиф предвидел и необходимость переселения семейства Иаковлева из Палестины в Египет. Не поэтому ли он назвал братьев своих, при первом их приезде в Египет, соглядатаями?.. Если б братья его внесли с собою в новое отечество свою необузданность, свое буйство, скоро навлекли бы на себя негодование египтян; скоро низринулось бы благополучие семейства Иаковлева, благополучие самого Иосифа; семейство это и он подверглись бы величайшим бедствиям. Приобретенное долговременными страданиями до́лжно было оградить, сохранить мудрым поведением.

Иосиф обошелся с братьями важно, сурово, как строгий властелин. «Откуда вы?» — спросил он их. Они отвечали: «Из земли Хананской: пришли купить хлеба». Он возразил: «Вы соглядатаи: пришли высмотреть нашу страну!» Они отвечали: «Нет, господин! рабы твои пришли купить хлеба. Все мы братья, сыновья одного старца. Мы пришли с мирным расположением: рабы твои не соглядатаи». Он сказал: «Нет, нет: вы пришли высмотреть землю!» Они отвечали: «Нас двенадцать братьев. Рабы твои — из земли Ханаанской. Меньший из нас остался при отце, а одного... не стало». Иосиф заметил: «В ваших словах есть ложь! правду я сказал, что вы соглядатаи. Клянусь неприкосновенностью фараона, вы не выйдете отсюда, если меньший брат ваш не приедет ко мне. Этим вы должны оправдать себя. Пошлите одного из среды вас: пусть приведет брата. Вы же останетесь здесь под стражей, доколе не объяснится, справедливы ли слова ваши или нет. Если они окажутся несправедливыми... Клянусь неприкосновенностью фараона, вы соглядатаи!» — и с этими словами отдал их под стражу.

Прошли три дня. На третий он призывает их и говорит: «Я из числа боящихся Бога. Вот как поступите: если вы с мирным расположением, то идите, отвезите купленную вами пшеницу; один же из вас будет удержан здесь под стражей. В следующий раз приведите ко мне брата вашего: этим вы докажете истину слов ваших. Если же не приведете меньшего брата, то ниже[1] увидите лица мое-

---

[1] Ниже (*ц.-сл.*) — даже не. — *Ред.*

го!» Иосиф говорил с братьями своими при посредстве переводчика. Он еще не отпустил их окончательно, и, в то время как занялся с другими покупателями, сыновья Иакова начали потихоньку беседовать между собою на еврейском языке. Могли ли они предполагать, что грозный египетский вельможа понимает их! А он напряженным слухом и вниманием следит за каждым словом; каждое их слово уловляет душа его, полная святой любви, действующая со святою, спасительною мудростию. «Право, — говорили друг другу сыновья Иакова, — преследует нас грех, который мы совершили над братом нашим! Мы пренебрегли глубокою скорбию его, мы не послушали его, когда он умолял нас: за него пришла на нас эта напасть!» Рувим сказал прочим: «Не говорил ли я вам, не обижайте юноши? Вы меня не послушали: вот кровь его взыскивается». — Пронзали чувствительное сердце Иосифа слова братьев. Он вышел на минуту от них и облегчил обременившееся сердце потоками слез. Потом опять пришел к ним, избрал из среды их Симеона, приказал возложить на него пред глазами их оковы. В поступках мудрого Иосифа все имеет свою причину. О причине, по которой цепи сделались уделом дикого и свирепого Симеона, не другого кого из братьев, умалчивает Писание; но из того же Писания видно, что именно ему нужен был более строгий урок. Все десять братьев позволяли себе тяжкие проступки, но Симеон запятнал себя ужасным убийством сихемлян, чем подверг все семейство святого патриарха страшной опасности, от которой оно было избавлено особенным заступлением Промысла. И не его ли руки поднимались на другое убийство, более ужасное и преступное?.. Иосиф отдал тайное приказание наполнить пшеницею мешки братьев и в мешок каждого вложить деньги, отданные за пшеницу, сверх того — дать им на дорогу пищи. Видно, каждый отдельно заплатил за взятую им пшеницу: это черта — одна из тех, которыми изображаются пред нами отдаленные обычаи библейской древности.

Навьючив ослов пшеницей, сыновья Иакова отправились в обратный путь. На первом стане один из них с намерением накормить осла снял с него мешок, который как-то развязался, и увидел узелок своих денег в мешке, поверх пшеницы. Он закричал братьям: «Мои деньги мне возвращены! вот они... в мешке моем». Ужаснулось сердце их, они смутились и говорили друг другу: «Что Бог творит с нами?» — Прибыв в землю Ханаанскую, к отцу, они рассказали все случившееся с ними, говорили: «Муж, господин земли той, обошелся с нами очень сурово, даже посадил нас в тюрьму, как соглядатаев. Мы сказали ему: "Нет! Господин, мы не согляда-

таи! мы пришли с мирным расположением. Нас двенадцать братьев, мы сыновья отца нашего; одного из нас... не стало, а меньший при отце, в Ханаанской земле". Отвечал нам тот муж, господин земли: "Вот что будет для меня доказательством, что вы не соглядатаи, а люди с мирным расположением: одного из вас оставьте здесь, у меня; сами, взяв купленную для дома вашего пшеницу, идите; но меньшего брата вашего приведите ко мне. По этому узнаю, что вы не соглядатаи, но люди мирные, и тогда отдам вам брата вашего, остающегося у меня теперь заложником, и вы будете торговать свободно в Египетской земле"». Когда они высыпали пшеницу из мешков, у каждого вместе с пшеницей выпал узелок с его деньгами, отданными за пшеницу. Увидев узелки своих денег, они испугались. Увидел эти узелки отец их и также испугался. «Вы, — сказал он им, — сделали меня совсем бездетным! Иосифа нет, Симеона нет, и Вениамина ли хотите взять? За вас обрушились на голову мою все эти беды». Рувим отвечал ему: «Двух сыновей моих убей, если не приведу Вениамина к тебе обратно». Старец отвечал: «Не пойдет сын мой с вами! Брат его умер; он остался один: если случится ему зло на дороге, в которую вы отправляетесь, то вы сведете старость мою с печалью в ад».

Голод усиливался, усиливался, одолел землю[1]. Кончилась в доме Иакова пшеница, привезенная из Египта, и сказал старец сыновьям своим: «Сходите опять в Египет, купите нам сколько-нибудь хлеба». Иуда отвечал ему: «Муж, господин той земли, сказал нам, подтверждая клятвою слова свои, что мы не увидим лица его, если не придет с нами меньший брат наш». Иаков заметил: «Зачем вы сделали это злое дело, зачем сказали мужу, что есть у вас брат?» Они отвечали: «Муж делал нам строгие и подробные допросы. Он выспрашивал: жив ли еще отец ваш? Есть ли еще у вас брат? Мы отвечали на вопросы его. Разве знали мы, что он скажет: приведите брата вашего?» Потом Иуда начал уговаривать отца своего: «Отпусти юношу со мной; мы встанем, пойдем, достанем хлеба на пропитание тебя и себя, чтоб нам не умереть с голоду. Я возьму на мою ответственность Вениамина: от моей руки взыщи его. Если не приведу его назад и не поставлю пред тобою, да будет гнев твой на меня во всю жизнь мою. Если бы мы не промедлили столько, то два раза успели бы побывать в Египте». На это сказал отец: «Когда уж так, то вот как сделайте: возьмите здешние произведения и принесите тому мужу в дар. Возьмите ладан, мед, стираксы и орехи. Возьмите двойные деньги, чтоб

---

[1] Быт. 43.

можно было возвратить деньги, найденные в мешках ваших: может быть, они попали туда по какому недоразумению. И брата вашего возьмите. Собирайтесь в путь и идите к мужу. Бог мой да преклонит мужа к милосердию, чтоб он отпустил брата вашего и Вениамина. Я вполне сделался бездетным!»

Сыновья Иакова взяли с собою дары и двойные деньги, отправились в Египет. Прибыв туда, предстали Иосифу. Увидел Иосиф Вениамина, брата своего по матери, и возмутилась душа его. Он призвал управляющего своим домом и сказал ему: «Веди этих людей в дом мой и приготовь хороший обед: в полдень они будут обедать со мною». Домоправитель исполнил приказание Иосифа, повел братьев в дом его. Они, видя, что их ведут в дом Иосифа, говорили друг другу: «Нас ведут сюда по случаю денег, найденных в наших мешках, чтоб возвести на нас клевету, обвинить нас, взять в рабы и завладеть ослами нашими». Поэтому у ворот дома, не входя в них, они приступили к домоправителю и говорили ему: «Умоляем тебя, выслушай нас. Когда мы приходили в первый раз за покупкою хлеба и, взяв насыпанными наши мешки, отправились в обратный путь, на первом стану развязали мешки наши и внезапно увидели деньги свои, каждый в своем мешке; эти деньги мы принесли теперь обратно, весом. А для покупки нового хлеба принесли другие деньги. Кто же отданное нами серебро за первый хлеб вложил в мешки наши, мы не знаем». «Успокойтесь, — отвечал домоправитель, — не опасайтесь ничего. Бог ваш, Бог отцов ваших послал вам богатство в мешки ваши. А деньги, внесенные вами, значатся у меня в приходе и считаются в числе полученных». Он вывел к ним Симеона. Потом была принесена вода, им умыли ноги, а ослам дали корм. Они выложили дары и, приготовив их, ожидали выхода Иосифова к полудню.

Когда Иосиф возвратился в дом, братья поднесли ему дары и поклонились челом до земли. Он спросил их: «Здоровы ли вы? — потом прибавил: — Здравствует ли старец, отец ваш, о котором вы мне сказывали? неужели он жив еще?» Они отвечали: «Еще жив и здравствует раб твой, отец наш». «Благословен этот человек пред Богом!» — сказал Иосиф. Они низко поклонились ему. Сыскав глазами между ними Вениамина, Иосиф спросил: «Это ли меньший брат ваш, которого вы обещали привести ко мне?» И на утвердительный ответ их промолвил: «Бог да помилует тебя, дитя мое!» Смутился Иосиф; сильно забилось его сердце; слезы хлынули из глаз. Поспешно ушел он в свою спальню, там насытился слезными потоками; потом умыл лицо, вышел к братьям и, удерживая себя,

сказал: «Предложите трапезу». Для него приготовлено было отдельно, а отдельно для сыновей Иакова, и отдельно для египтян, которые в тот день обедали у вельможи. Египтяне, повествует Писание, не могли быть за одним столом с евреями; они, по своему поверью, гнушались всякого пастуха-овцевода. Сыновей Иакова посадили прямо против Иосифа, по годам их. Удивились они, увидев себя рассаженными по старшинству. Им подавали кушанья, каждому отдельно часть его: части накладывал сам Иосиф, и Вениамину накладывал больше, нежели прочим братьям. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Иакова за трапезою роскошною и приветливою. Не привыкшие стеснять себя пустынные пастухи поели досыта и выпили обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христианам на Божественной Литургии. Господь благоволил соделаться братом нашим, Он приобрел владычество над миром — таинственным Египтом, — а братьям Своим, которые страждут под бременем греха, *уготовал трапезу и упоявающую державную чашу*[1], Пресвятое Тело Свое и Пресвятую Кровь Свою. Христиане, причащаясь этой Божественной Пищи, причащаются живота вечного, освобождаются от грехов и, в упоении наслаждением духовным, забывают скорби, гнетущие их при странствовании в Египте — в стране чужой, в стране изгнания: эта страна, исполненная горестей и бедствий, видимых и невидимых, — жизнь земная.

Иосиф между тем отдал тайное приказание своим подчиненным[2]: «Наполните мешки этих людей пшеницею, всыпьте больше, лишь бы в силах были увезти. Деньги каждого положите в мешок сверху пшеницы. В мешок меньшего вложите, кроме денег, и серебряную мою чашу». Все было исполнено по приказанию Иосифа. Наступило утро; сыновья Иакова пустились в путь с навьюченными хлебом ослами. Когда они вышли из города и были еще недалеко, Иосиф говорит домоправителю своему: «Ступай скорее в погоню за этими людьми, настигни их и скажи: что это? вы за мое добро воздали злом? Зачем вы украли мою серебряную чашу? Не та ли эта чаша, из которой пьет господин мой? да в ней же он и волхвует». Домоправитель, настигнув их, повторил от слова до слова приказанное Иосифом. Они отвечали: «Напрасно так говорит господин! Нет, рабы твои не сделали этого. Если деньги, найденные нами в мешках наших, мы принесли опять из земли Ханаанской, то с чего нам красть из дому господина твоего серебро и золото? У кого

[1] *...приготовил... трапезу* (Пс. 22. 5). ‖ [2] Быт. 44.

найдешь чашу, тот да будет казнен, и мы отдадимся в рабство господину нашему». Домоправитель отвечал: «Пусть будет по слову вашему: у кого найдется чаша, тот да поступит в рабы к господину моему». Они поспешно сняли мешки с ослов, и каждый развязал мешок свой. Домоправитель начал обыскивать со старшего, дошел до младшего; чаша нашлась в мешке Вениамина. В отчаянии они растерзали на себе одежды, положили мешки на ослов и возвратились в город. Иосиф был в доме своем: они пришли к нему и пали пред ним на землю. «Что вы сделали? — сказал он им. — Разве вы не знали, что нет на земле гадателя, подобного мне?» Иуда отвечал: «Господин! нам нечего отвечать тебе, нечего говорить, нечем оправдаться! Бог карает тайное согрешение рабов твоих. Отдаем себя в рабы господину нашему. Пусть будем рабами твоими, мы и тот, у кого нашлась чаша». «Зачем мне, — сказал Иосиф, — быть несправедливым? Тот, у кого нашлась чаша, пусть будет рабом моим, а вы идите свободно к отцу». Тогда Иуда, приступив к нему, сказал: «Господин! Умоляю тебя, позволь мне сказать пред тобою несколько слов и не прогневайся на раба твоего: я знаю, что ты второй по фараоне. Господин! ты спрашивал рабов твоих: имеете ли вы отца или брата? И мы сказали господину: есть у нас престарелый отец и меньший брат, родившийся, когда уже отец был в преклонных летах. Их было два у матери: старший... умер; этот остался один, и отец полюбил его. Ты сказал рабам твоим: приведите его ко мне, хочу видеть его. Мы сказали господину: невозможно юноше оставить отца своего; если он покинет отца — отец умрет. Ты же сказал рабам твоим: если не придет меньший брат ваш, то вы не увидите более лица моего. Когда мы пришли к рабу твоему, отцу нашему, то передали ему слова господина нашего. Отец сказал нам: "Идите опять, купите хлеба". Мы отвечали: "Нельзя нам идти! Если меньший брат наш пойдет с нами, то пойдем: потому что без него мы не будем допущены пред лицо мужа". Твой раб, отец же наш, сказал нам: "Вы знаете, что жена моя родила мне двоих. Один пошел от меня к вам: вы сказали, что он съеден зверем; с тех пор и поныне я не видал его. Если и этого возьмете и случится с ним дорогой какое зло, вы сведете старость мою с печалью в ад". Итак, если я пойду теперь к рабу твоему, отцу нашему, а юноши не будет со мною — ведь душа его привязалась к душе... этого! — и увидит отец мой, что нет с нами юноши, он умрет. И сведут рабы твои старость раба твоего, отца нашего, с печалью в ад. Я, раб твой, взял юношу у отца, сказав ему: если не приведу его к тебе и не поставлю пред тобою, пусть будет гнев твой на мне во все дни жизни моей. Пусть

же я буду рабом твоим вместо юноши... да! рабом господину... А юноша пусть идет с братьями своими. Как мне идти к отцу без юноши? Не снести мне той горести, которая поразит отца моего». Иосиф не мог далее удерживать и скрывать себя[1]. Всем присутствующим он приказал выйти; даже из приближенных и домашних не было никого, когда он открыл себя братьям. Все удалились; тогда с плачем и воплем воскликнул Иосиф братьям: «Я — Иосиф!.. неужели еще жив отец мой?» Братья пришли в совершенное недоумение, не могли ничего отвечать ему. Иосиф сказал им: «Приблизьтесь ко мне». Они подошли к нему. «Я — Иосиф, — повторил он им, — я — брат ваш, которого вы продали в Египет. Не скорбите же, что вы продали меня сюда... Чтоб это вас не тревожило, не мучило! Бог, промышляющий о спасении вашем, послал меня сюда. Вот второй год на земле голод, и еще осталось пять лет, в которые напрасно будут пахать землю, в которые жатвы не будет. Бог послал меня пред вами приготовить вам убежище на земле и прокормить наше многочисленное семейство. Не вы продали меня сюда: сюда послал меня Бог, сделал как бы отцом фараону, господином над всем домом его и владыкою всей Египетской земли. Поспешите возвратиться к отцу моему и скажите ему: вот что говорит тебе сын твой, Иосиф: "Бог сделал меня господином Египта: приди ко мне, не медли. Ты поселишься в Гесемской земле, будешь близ меня, ты и сыновья твои, и сыны сынов твоих, и овцы твои, и волы твои, и все стада твои. Я буду доставлять тебе пропитание, потому что еще в течение пяти лет будет голод на земле". Ваши глаза видят, и глаза Вениамина, брата моего, видят, что я моими устами говорю вам это. Расскажите отцу моему всю славу и власть, которые даны мне в Египте, которые вы видели собственными вашими глазами. Поспешите, приведите отца моего сюда». Он бросился на шею к Вениамину и, обняв его, плакал, и Вениамин обнял его и также плакал. Потом со слезами он обнимал всех братьев своих. Тогда открылись уста их, доселе запечатленные страхом и недоумением: они вступили в беседу с Иосифом.

Дошел слух до дома фараонова о прибытии братьев Иосифа; обрадовались фараон и двор его. Фараон сказал Иосифу: «Скажи братьям своим: так поступите, наполните мешки ваши хлебом, идите в землю Ханаанскую и, взяв отца вашего, переселитесь ко мне со всем имением вашим. Богатства Египта отворены для вас». Иосиф подарил братьям, каждому, по две перемены платья, а

[1] Быт. 45.

Вениамину пять перемен и триста золотых монет. Отцу своему он послал многие дары на десяти ослах и дал десять мулов с хлебом на дорогу. Одарив так братьев своих, он отпустил их; отпуская, сказал: «На пути не ссорьтесь между собою». Нужно было вольным питомцам пустыни такое наставление: конечно, теперь они дали ему должный вес, помнили и сохранили его.

Возвратились сыновья Иакова в Ханаанскую землю, к отцу своему, сказали ему: «Сын твой Иосиф жив: он-то и управляет всею Египетскою землею». Ужаснулся Иаков, не поверил им. Они уверяли его, пересказывали в точности все слова Иосифа. Когда же старец увидел богатые дары и колесницы, посланные за ним Иосифом, тогда ожил дух его, и сказал Иаков: «Велико для меня, если жив еще Иосиф! пойду увижусь с ним, прежде нежели умереть мне».

Патриарх поднялся со всеми домочадцами, со всем имуществом; достигнув так называемого Клятвенного Колодца, принес близ него жертву Богу[1]. В ночном видении Бог сказал старцу: «Иаков! Иаков! Я Бог отцов твоих. Не убойся переселиться в Египет: там сотворю тебя в народ многочисленный. Я сойду с тобою в Египет и Я выведу тебя оттуда. Иосиф своими руками закроет глаза твои».

Семейство Иакова при переселении своем в пределы Египта состояло, включая сюда и Иосифа с его сыновьями, из семидесяти пяти душ мужского пола. Достигнув Гесемской земли, он послал Иуду известить Иосифа о своем прибытии. Иосиф велел запрячь колесницы и выехал навстречу старцу-отцу в область Гесемскую; увидев его, кинулся ему на шею с воплем и рыданием. Иаков сказал Иосифу: «Теперь пусть умру, потому что я увидел лицо твое: еще ты жив!» Когда все семейство прибыло в Египет, Иосиф сказал братьям: «Пойду к фараону, извещу его о вашем пришествии, скажу: братья мои и весь дом отца моего, обитавшие в Ханаанской земле, пришли ко мне. Они — скотоводы: такое занятие нашего рода исстари. Они пригнали сюда и стада свои. Если призовет вас фараон и спросит, какое ваше занятие, отвечайте ему: мы, рабы твои, с детства и поныне занимаемся скотоводством; им занимались и отцы наши. А он скажет вам: поместитесь в Гесеме аравийском». — Этот значительный участок плодороднейшей земли, очень удобный для скотоводства, никогда не был населен. Причиною помещения семейства патриархова в отдельной и необитаемой стране, говорит Писание, было известное поверье египтян, признававших нечистыми тех, которые занимались овцеводством. Иосиф

[1] Быт. 46.

доложил фараону, что отец его и братья со стадами своими прибыли из Ханаанской земли и остановились в стране Гесем[1]. Из братьев он избрал пять человек и представил их фараону. Фараон спросил братьев Иосифовых: «Чем вы занимаетесь?» Они отвечали: «Мы, рабы твои, занимаемся овцеводством: это занятие было нашим с детства, и занятием отцов и праотцов наших. Ныне мы пришли обитать в земле твоей: в Ханаанской стороне крайне усилился голод, и тамошние пастбища недостаточны для стад наших. Позволь рабам твоим поселиться в земле Гесемской». Фараон отвечал, обратясь к Иосифу: «Отец твой и братья твои пришли к тебе. Пред тобою вся земля Египетская; посели их на лучшем месте. Пусть поселятся в земле Гесем. Если же между ними есть люди способные, то поставь их в старейшины над стадами моими». Ввел Иосиф и Иакова пред фараоном: старец благословил царя египетского. Фараон спросил Иакова о числе лет его. «Мне, — отвечал старец, — сто тридцать лет. Немного лет мне! жизнь моя преисполнена бедствий: я не проживу столько, сколько прожили отцы мои». И, снова благословив царя, старец вышел от него. Иосиф исполнил все по приказанию фараона относительно помещения отца своего в земле Гесемской. Там часто любимый сын навещал старца-отца своего и доставлял ему все нужное для его содержания.

Очень занимательны разные подробности о гражданском устройстве Египта во времена Иосифа, сохраненные для нас книгой Бытия. В этих подробностях виден образец, как первоначально возникали государства, как люди переходили из состояния дикой свободы в состояние подданства; как это подданство было сначала неполным и более подходило к патриархальному подчинению; как потом сделалось подданством безусловным; наконец тут же видно, что учредителем самодержавного (или монархического) правления в Египте был мудрый, святой Иосиф. Тогдашний двор фараона, хотя уже и представляет некоторое величие и пышность, но не успел еще уклониться от патриархальной простоты: его высший царедворец лично занимается продажей хлеба; другой царедворец носит корзины с хлебом на голове своей, третий собственными руками выжимает сок из винограда в чашу, подает эту чашу царю не только в дни торжественных пиршеств, но, как видно, ежедневно. Народонаселение в Египте было еще очень незначительно, отчего целая плодородная область Гесем оставалась ненаселенной, а жители городов имели возможность заниматься пашней

[1] Быт. 47.

и скотоводством. Книга Бытия дышит юностью политического мира. Сказание Боговдохновенного писателя этой книги, Моисея, своей естественностию переносит внимательного читателя в отдаленную, священную древность, к этим людям, жившим в чудной простоте, к этой недавно начавшейся жизни, чуждой всех утонченностей. Эта жизнь и эта простота полны силы! Кто погружается часто в созерцание Библейских сказаний, тот непременно ощутит в душе своей особенное, странное впечатление. Это впечатление состоит в обонянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа молодеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром; ее силы бодреют, укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, отдохнуть в ней от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося.

Сильный голод продолжался; особенно страдали от него Египет и Палестина: в этих странах ни у кого не было хлеба, кроме заготовленного Иосифом. Не осталось ни золота, ни серебра в обеих землях: все деньги перешли в руки Иосифа, а он внес их в казнохранилище фараона, которое, нужно заметить, было в самом доме царя египетского. Египтяне, не имея денег, имели нужду в хлебе: они продали фараону прежде скот свой, потом земли, наконец самих себя. Вот начало безусловного подданства в Египте. Только земли жрецов остались их собственностью: они получали хлеб от фараона безмездно, в подаяние. По скончании голодных лет, когда египтяне укрепили за фараоном и земли свои, и самих себя, Иосиф выдал им на посев семена с тем, чтоб они пятую часть урожая предоставляли ежегодно в дань казне. Эта вновь учрежденная мера относительно дани и самый переворот относительно власти были приняты с удовольствием и благодарностью народом новорождающегося самодержавного государства. «Сохранил ты жизнь нашу, — говорили египтяне Иосифу, — ты благодетель наш; будем рабами фараону». Писатель книги Бытия замечает, что эта дань оставалась неизменною и в его времена, то есть по истечении почти четырех столетий. Из сочинений несравненно позднейших писателей, Геродота и Диодора, видно, что тот же способ взимания податей продолжался до их времени, видно, что земля в Египте была собственностью царей египетских. Доходы царей египетских с земли, говорит Диодор, были столь удовлетворительны, что всякую другую дань с народа сделали ненужною[1]. В этом распоряжении

[1] «Записки на книгу Бытия» Московского митрополита Филарета.

виден глубокий, светлый ум Иосифа, его необыкновенная способность к управлению, способность, которая обнаружилась в нем с самой юности и которую так скоро и справедливо приметили и начальник телохранителей, и начальник темницы. Он учреждает налог сильный, но чрезвычайно удобный для взноса по свойству страны. Какая дань свойственнее для плодородного Египта, как не дань хлебом? Легко было вносить ее там, где урожай обыкновенный — сам сто; легко было доставлять с полей, лежащих при судоходной реке, каковы все поля Египта, расположенные по берегам Нила, в города с хлебными кладовыми, стоящие при той же реке; легко было вознаграждать недоимки, которые могли случаться в неурожайные годы, уплатой в годы непомерного урожая. Если можно назвать какие урожаи непомерными, то название это преимущественно пред всеми урожаями мира принадлежит урожаям нив египетских. Сбыт хлеба внутри был вполне удобен для фараона из пристаней, лежавших при этой же судоходной реке. Впоследствии, когда основались гавани и у Средиземного моря, на берегах которого обитал весь просвещенный и торгующий мир того времени, Египет стал житницею этого мира и оставался его житницею, доколе Средиземное море оставалось его центром; а оно было центром образованного, действующего мира почти до новейших времен, почти через всю жизнь мира. Установление Иосифа имело необыкновенную основательность при всей простоте своей: потому и было долговечно. Самое время благоговеет пред мудрым государственным постановлением и через многие столетия хранит его в неприкосновенной, столь благотворной для государств неизменяемости. Через явное для всех государственное благодеяние Иосиф усилил и образовал власть фараонов, обеспечил новое государство капиталом и постоянными, обильными доходами.

Семнадцать лет прожил Иаков в земле Египетской и, достигнув стасорокасемилетнего возраста, почувствовал приближение кончины. За несколько дней пред смертию он призывает возлюбленного сына своего, Иосифа, и говорит ему: «Сделай надо мною милость и истину: не хорони меня в Египте. Да почию с отцами моими! вынеси меня из Египта и похорони в гробе их». Движимый верою — не каким-нибудь мелочным, земным пожеланием, — вдохновенный старец завещает перенесение тела своего в Палестину и погребение его в пещере Хевронской области. Так объясняет его завещание святой апостол Павел, упоминающий о словах этого завещания как о внушенных Свыше и заключающих в себе глубокую таинственность. Святой сын обещает свято исполнить волю

святого отца[1]. Иаков потребовал, чтоб обещание было скреплено клятвою, — и дал клятву Иосиф; тогда Иаков, сидевший на одре своем, поклонился на верх жезла Иосифова. Жезл был в руке вельможи — или по тогдашнему обычаю, или как знак высокого сана.

По прошествии немногих дней известили Иосифа, что отец его пришел в совершенное изнеможение[2]. Он взял с собою двух сыновей своих, Манассию и Ефрема, отправился к умирающему отцу. Дряхлый старец лежал на смертном одре в расслаблении. Ему сказали: «Идет к тебе сын твой Иосиф». Старец собрался с силами, сел на одре. Укрепила ли его любовь к сыну? или в эту минуту снизошло на него осенение благодати? Умирающий ожил жизнию Божественного вдохновения. Часто в избранниках Божиих к естественному действию человека внезапно присовокупляется сверхъестественное действие Святого Духа. Это могущественное действие выводит человека из его обыкновенного состояния и делает оружием Божиим. Такими были предсмертные минуты Иакова. Когда Иосиф вошел к нему, он сказал сыну: «Мой Бог явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, благословил меня и сказал мне: "Я умножу тебя, произведу из тебя племена народов и дам тебе, а после тебя потомству твоему эту землю в вечное владение". На этом основании два сына твои, родившиеся тебе до пришествия моего в Египет, пусть будут моими. Ефрем и Манассия будут моими, как мои — Рувим и Симеон. Сыновья, которые родятся тебе после их, будут твоими и призовутся к наследию под именами этих двух братьев в их участки. Мать твоя Рахиль скончалась в Ханаанской земле, когда я шел из Месопотамии и приближался к Ефрафе. Это то же, что и Вифлеем. Тут, при пути, похоронил я ее». Увидев сыновей Иосифа, он спросил его: «Кто это с тобой?» Иосиф отвечал: «Это сыновья мои, которых Бог даровал мне здесь». И сказал Иаков: «Подведи их ко мне: я благословлю их». Глаза патриарха померкли от старости: он не видел ясно. Когда Иосиф подвел к нему детей, он обнял их, поцеловал их и сказал Иосифу: «Вот я не надеялся увидеть лицо твое, а Бог показал мне и детей твоих». Иосиф отвел их от колен старца, и они поклонились ему до земли! Потом, взяв Ефрема в правую руку против левой Иакова, а Манассию в левую против правой Иакова, он подвел их снова к старцу; и простер вдохновенный старец руки для благословения, сложив их крестообразно: правую руку положил он на голову Ефрему, а левую на голову Манассии. В первый раз является при благословении крестное

---

[1] *Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего* (Евр. 11. 21). ‖ [2] Быт. 48.

знамение, обычное знамение благословения в Новозаветной Церкви! «Бог, — говорил святой патриарх, — Бог, Которому благоугодили отцы мои Авраам и Исаак, Бог, покровительствующий и помогающий мне с младенчества моего и доселе, избавляющий меня от всех напастей, да благословит этих детей! да назовутся они по имени моему и по имени отцов моих Авраама и Исаака; да произойдет от них многочисленное потомство». Когда Иосиф увидел, что старец наложил правую руку на Ефрема, это показалось ему неправильным; он взял отцовскую руку, чтоб переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии, и сказал: «Отец мой! ты не так положил руки. Вот первенец: на него возложи правую руку». Старец не захотел этого сделать. «Знаю, — сказал он, — сын мой, знаю: и от этого будет многочисленное потомство, и этот будет велик. Но меньший брат его будет больше: потомство его составит целый народ». Он снова благословил их. «В вас, — сказал он, — да благословится Израиль! Будут говорить: да совершит Бог над тобою то, что Он совершил над Ефремом и Манассиею». А Иосифу сказал: «Я умираю. Бог будет с вами и возвратит вас из этой земли в землю отцов ваших. В той земле даю тебе участок лишний пред братьями твоими: его взял я у Аммореев мечом и луком моим». Слово мужей духоносных, замечает один великий наставник аскетов[1], подобно слову престарелого Иакова: они словом своим передают слушателям духовную силу, живущую в них, приобретенную ими в борьбе с грехом победами над невидимыми Аммореями — помышлениями и ощущениями порочными.

Час кончины святого патриарха приближался. В этот предсмертный час излился на него обильно Святой Дух и как бы вполне овладел им. В те последние минуты земной жизни, в которые душа готова была выйти из обветшавшего тела, нисшел Дух Божий, остановил разлучение, излил в отходящую душу, в остающееся тело жизнь благодатную. Умирающий ожил жизнью будущего века. Поспешно потребовал к себе старец всех сыновей своих; поспешно они стеклись к нему, окружили его[2]. Он еще сидел на одре. Когда они собрались, Иаков произнес им вдохновенное, пророческое завещание. Это завещание дышит юношескою силою и поэзией, вечною юностью небожителей и святою поэзией их. Тут — нет человека! Тут язык человека был только орудием. Так и слышен говорящий Бог. Так и слышен Бог, изрекающий волю Свою, с властию распоряжающийся будущими судьбами человеков

---

[1] Преподобный Исаак Сирский. Слово 1. ‖ [2] Быт. 49.

и их отдаленного потомства! Завещание патриарха — небесная песнь, воспетая Духом во всеуслышание мира. Эта песнь возвещает миру Искупителя и народам, погруженным в идолослужение, озарение светом христианства. «Соберитесь, — сказал умирающий старец сыновьям своим, сказал как бы уже из области того века, — соберитесь, окружите меня; я возвещу вам будущее. Соберитесь, сыны Иакова, послушайте меня, послушайте Израиля, послушайте отца вашего. Рувим устраняется от прав первенства за угождение чувственности; не получили их Симеон и Левий. Их наклонность к кровопролитию поражена проклятием, потомству их суждено рассеяние по племенам прочих братьев. Над Иудой разверзлось все обилие благословения: ему обещано гражданское могущество, знаменитость, первенство между братьями, в особенности же ему предопределено быть праотцом Спасителя, Который, — возвестил пророчествующий старец, — ожидание народов». Вдохновенный патриарх изрекал благословение сыновьям, отдельно каждому, исчисляя сыновей по старшинству. Достигнув имени Иосифа, он снова призвал на него и на его потомство благословение неба и земли. Верно и сильно выразилось это благословение в том благоденствии, которым впоследствии пользовалось многочисленное потомство Иосифа.

С окончанием пророческого завещания речь Иакова изменилась: уже не одушевляет ее восторг, торжественность, небесное величие. Она подобна телу, оставленному душой. Бог, говоривший устами старца, прекратил Свои таинственные вещания: умолк вдохновенный Пророк; начинает в изнеможении говорить умирающий старец: «Я обращаюсь, — были последние слова Иакова, — к людям моим; погребите меня в пещере, которая на поле Ефрона хеттеянина. Там похоронены Авраам и Сарра; там похоронены Исаак и Ревекка; там похоронил я Лию». Сказав это, Иаков положил на одр ноги и скончался. «Он присоединился к людям своим», — говорит Писание, к тем святым праведникам, которых земля произвела и воспитала для неба, которых она уже предала в область вечности.

Увидев, что Иаков скончался, Иосиф пал на лицо отца своего, — целовал лицо, уста, запечатленные смертью, — орошал это лицо обильными слезами[1]. Он повелевал врачам приготовить тело, по обычаю Египта, к погребению. Врачи в течение сорока дней совершали приготовление, предохраняющее тело от гниения. Весь Египет участвовал в печали Иосифовой; семьдесят дней оплакивали

[1] Быт. 50.

египтяне кончину святого старца, родоначальника израильского. По прошествии дней плача Иосиф испросил себе у фараона позволение исполнить завещание отца и свой клятвенный обет ему похоронить драгоценное тело праведника в Ханаанской земле. Фараон пожелал, чтоб шествие его наперсника в землю Ханаанскую было сопровождаемо должным великолепием. Весь двор царя египетского, все вельможи его сопутствовали Иосифу; при них было множество колесниц и всадников. Все сыновья Иакова, все внуки его, способные к путешествию, участвовали в нем. Достигнув места погребения, они почтили священное тело семидневным плачем, ***плачем великим*** — так называет его Писание. То поле, на котором остановилось это многочисленное собрание и где оно совершало свой погребальный плач, назвали жители страны «Плачем Египетским».

Исполнив обет, Иосиф возвратился в Египет. Еще продолжало беспокоить братьев совершенное ими над ним злодеяние. Они подозревали вельможу-брата в памятозлобии, а эта чистая, святая душа была способна только к благости! Полагая, что Иосиф не хотел зрелищем мщения возмутить спокойствие престарелого отца, что он отлагал мщение до удобного времени, они пришли к нему и сказали: «Отец пред кончиной заповедал: "Скажите Иосифу: прости им согрешение их, прости им неправду их; они совершили над тобою преступление, но ты прости им вину их ради Бога отцов твоих"». Когда они говорили это, Иосиф плакал. Они пали пред ним и сказали: «Вот, мы отдаемся тебе в рабы!» Великодушный Иосиф, Иосиф, достойный благословений земли и неба, достойный благословения всего племени христианского, благословения всех, читающих сказание его назидательных деяний, отвечал братьям: «Не бойтесь! я — Божий. Вы сговорились сделать мне зло, а Бог совещал о мне благое. И исполнилось Его определение! множеству людей доставлено пропитание, сохранена жизнь. Не бойтесь: я буду покровителем вашим и семейств ваших». Живая вера в Бога и зрение чистым душевным оком Промысла Божия возносят человека превыше всех бедствий, превыше страшного душевного бедствия: памятозлобия и мести.

Книга Бытия умалчивает о дальнейших обстоятельствах жизни Иосифовой: вероятно, жизнь его протекла в тишине и нерушимом благополучии. Писание говорит только, что Иосиф остаток дней своих провел в Египте, видел внуков Ефремовых, видел сынов Махира, старшего сына Манассиина, и скончался ста десяти лет. Отходя в вечность, он завещал своим: «Я умираю. Бог посетит вас

и выведет из этой земли в землю, которую Он обещал даровать вам. Тогда, при переселении вашем, возьмите кости мои отсюда с собою в землю обетованную». Сделав это завещание, он почил; тело его, предохраненное от гниения, было положено в ящик, приготовлено к заповеданному перенесению. И три столетия ожидало тело Иосифа перенесения, о котором завещание было дано и принято с такою верою.

Пусть умру и буду погребен в Египте, стране моего пришельничества. Но завещаю детям моим я — бездетный — завещаю племени моему, чтоб они переселились в землю обетованную и перенесли туда с собою мое тело. Детьми и племенем называю помышления, рождающиеся в уме моем, чувствования, рождающиеся в сердце моем. Дети мои! племя мое! Оставьте землю Гесем, ее тучные пастбища, лишь удобные для скотоводства. Переселитесь из Египта, из этого дольнего мира, где господствует плоть и грех, переселитесь на Небо! Тело мое да снидет на время в землю, из которой оно взято. Когда же, возбужденное трубою воскресения, оно восстанет от сна смертного, вы — помышления и чувствования мои, — окрыленные Духом, вознесите воскресшее тело на небо! Небо обетовано Богом всему человеку; не только душе его, но и телу! Так! Придет время — посетит Бог человека, соберет тело его, рассыпавшееся в прах, смешавшееся с землей, оживит это тело. И если помышления и чувствования человека достойны неба, помазаны, запечатлены Духом, то и тело его изменится, прославится, окрылится, вместе с душою возлетит на небо.

Предисловие к повести «Иосиф»[1]

В Онегине Пушкина и Печорине Лермонтова изображен эгоист, современный каждому из двух поэтов. Взглянувшие в это зеркало, узнавшие в нем себя ощутили ли угрызение совести? Заронилась ли в их душу, как благословенное семя, мысль исправиться? сомнительно. Весело было автору Печорина, как он сам говорит, рисовать современного человека: почему же и современному человеку не весело увидеть себя нарисованным? почему современному человеку не дополнить в себе, по рисунку художника, того, чего недоставало?

Самолюбие любуется собой, радуется своим успехам. Когда оно овладеет человеком, — начинает быстро стремиться к совер-

[1] ОР РНБ. Q. 1, 1520. Л. 274–279.

шенству и стремится к нему, доколе из человека не выработает демона. Разумеется: прочитали Онегина, особенно Печорина, многие молодые люди пред вступлением в свет или только что вступив в него, прочитали со всем жаром, со всею восприимчивостию юности: этим чтением произведено ли в них отвращение от эгоизма? сомнительно, сомнительно! не такова судьба природы человеческой, и не испорченной еще опытами жизни. Должно быть, большая часть юных читателей заразилась ядом эгоизма! во многих непременно блеснула мысль: «Вот верный способ успевать в свете!» — и — вперед! по следам Григория Александровича. Мы не долго задумываемся, особенно в лета молодости, при решении судьбы своей: лукавое обещание обольстителя «будете яко бози»[1] сохраняет поныне всю власть свою над человеками. Выше сказанная мысль юношей далеко не основательна: но она непременно должна родиться в душе неопытной при чтении «Героя нашего времени»: ведь — ему все сходит с рук, всякое предприятие удается! чего больше надо? А мастерская рука писателя оставила на изображенном ею образце безнравственного, чуждого религии и правил человека какую-то мрачную красоту, приманчивую красоту ангела отверженного. Григорий Александрович соблазняет, не только при чтении его подвигов, соблазняет сильным впечатлением, которое остается и долго живет по прочтении романа. Автор Печорина не решил и для самого себя: полезна ли, вредна ли его книга. Печорин умирает во время бестолкового путешествия в Персию. При жизни он был мертв для общества, а в частности для ближних: — мало того! заражал смертным недугом всякого, кому бы ни пришлось быть в соприкосновении с ним. И этого мало! несмотря на свое нравственное одиночество, на свое отчуждение от людей, Печорин оставил по себе многочисленное потомство последователей, которых он ведет туда же, куда достиг сам.

По образцам порока портится человек, по образцам добродетели исправляется. С этою целию предлагается здесь повесть, всеми началами своими противоположная двум вышеупомянутым повестям, противоположная и впечатлением, и последствиями. Она — не вымысел — изложение истинного события с сохранением всей исторической точности.

Впечатление от нее должно быть положительно, существенно, верно, сильно, не мечтательное, должно действовать истиною,

---

[1] Быт. 3. 5.

а не увлечением и обольщением. Неверие — источник эгоизма; вера в Бога — источник правильной любви к себе и ближнему. Действия, истекающие из правой веры в Бога, радикально противоположны действиям, истекающим из веры в себя или в какой-то неопределенный фатализм.

Всякий по необходимости должен убедиться, что в человеке добро смешано со злом; удовлетворять одним порочным стремлениям — значит ли любить себя? скорее значит — ненавидеть. А так-то и любят себя эгоисты. От того они — враги себе и всем. Правильная любовь к себе заключается в подавлении в себе зла, в возможном развитии добра. Здравый разум, по необходимости, должен признать эту любовь истинною. Такою она признается Богом: на нее указывает заповедь Божия как на меру любви к ближнему. Оправдывают ее самые последствия: человек поставляется в согласие с самим собою, с обществом, с обстоятельствами, каковы бы они ни были; все действия его носят на себе печать высокой добродетели; последствия этих действий — постоянно и всегда благоверны. Верующий в Бога живою верою и руководствующийся в поступках Законом Божиим выносит с твердостию и мужеством бедствия земного странствования; не злоупотребляет слабостями ближних; не мстит врагам — благодетельствует им; владеет сердечными чувствованиями с целию благонамеренною, не с целию преступного исполнения своих глубоких порочных замыслов; устраивает благосостояние государственное и семейное; умеет быть мудро и благодетельно строгим для исправления людей, совратившихся с пути правды; нравственная сила его, сила добродетели, имеет счастливое и продолжительное влияние на его потомство; природнившаяся сердцу его добродетель доставляет ему кроткое и вместе сильное наслаждение: оно слышится в душе его, как слышится благоухание сидра из запечатанного сосуда. Историческим, верным доказательством всего этого служит Иосиф. Желаем, чтоб его потомство было многочисленно, чтоб многие из последователей Печорина обратились в последователей Иосифа: желаем этого для блага общего, для блага частного, для блага истинного и вечного.

Послание к братии Сергиевой Пустыни из Бабаевского монастыря

Возлюбленнейшие отцы и братия!

Благодарю вас за памятование ваше о мне, грешном, за любовь Вашу ко мне. Благословение Божие да почиет над Вами и над всеми, переплывающими житейское море с целию спасения, с целию достижения Божественной пристани. Кто же зрит единственно к выгодам, преимуществам, наслаждениям преходящего мира, к тому нет у меня слова.

Во время путешествия моего из Сергиевой пустыни чрез Москву в Бабаевский монастырь я посетил многие иноческие обители и видел на опыте то, что святые Отцы описывают в своих Боговдохновенных книгах. Видел, что во всяком месте: и в пустыни уединенной, и среди шумящего многолюдства — те из христиан, которые вникают в Слово Божие и стараются осуществлять его жизнию, наполняют мышцы свои — ум и сердце — напутствием к блаженной вечности. Напротив того, те, которые небрегут о упражнении в Слове Божием, о исполнении святых Божиих заповедей, пребывают в горестном омрачении греховном, в плену у греха, в совершенном бесплодии, несмотря на то что живут в глубокой пустыни. Пустынножитие, не соединенное с духовными занятиями, вскармливает, тучнит, усиливает греховные страсти[1]. Так наставляют нас святые Отцы; так есть на самом деле. Слово Божие — живот вечный: питающийся им *жив будет во веки*[2]. Где бы ни питался человек Словом Божиим: в пустыни ли, или посреди многолюдства — везде Слово Божие сохраняет свое святое свойство: свойство живота вечного. А потому никакое место не препятствует этому животу вечному сообщать причащающимся ему жизнь духовную, единую истинную жизнь. Пребывая с вами, всегда напоминал я вам, увещевал вас заниматься Словом Божиим: оно может даровать нашей шумной обители достоинство обители уединенной; оно может построить духовную ограду вокруг обители нашей, не имеющей вещественной ограды. Эта духовная ограда будет крепче и выше всякой ограды, воздвигнутой из кирпичей и камней; никакой порок не проникнет в обитель нашу, никакая добродетель не утратится из нее. Находясь в отсутствии, не нахожу ничего лучшего, как повторить вам письменно то, что говорил устами. Братия!

[1] Преподобный Кассиан Римлянин. О гневе. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [2] ...*будет жить вовек* (Ин. 6. 51).

не проводите жизни вашей в пустых занятиях; не промотайте жизни земной, краткой, данной нам для приобретений вечных. Она пробежит, промчится и не возвратится; потеря ее — невознаградима; проводящие ее в суетах и играниях лишают сами себя блаженной вечности, уготованной нам Богом. Употребите ее на изучение воли Божией, благой и совершенной, изложенной в Священном и Святом Писаниях. *Таяжде бо писати вам,* сказал святой Апостол, *мне убо неленостно, вам же твердо*[1].

Когда милосердый Господь, даровав мне некоторое поправление телесного здоровия моего, возвратит в ваше благословенное общество и сподобит узреть лица ваши, как лица святых Ангелов, и тогда мое слово к вам будет то же самое, какое оно было прежде. И прежде увещевал я вас, чтоб вы, претерпевая в Богоданном нам убежище, искали мира душевного в Слове Божием, не увлекаясь суетными помыслами и мечтами, которые обещают дать мир и отнимают его. «Безумного часть — мала пред очами его»[2], — сказал великий Исаак. Напротив того, в душе, принимающей с благодарением дары Божии, возрастает ценность этих даров. Так говорю о нашем пристанище, Сергиевой пустыни. Благодарение Богу за эту пристань может сделать пристань тихой, приятнейшей; смущенные взгляды ропота и недовольства передают свою мутность, свою мрачность и тому, за что, по всей справедливости, следовало бы благодарить, прославлять Бога.

Древо, пересаживаемое с места на место, растрачивает свои силы, хотя бы по природе оно было и сильно, лишается возможности приносить плоды. *В терпении нашем* повелел нам *стяжевать души наши* Божественный Учитель наш[3]. Он возвестил, что творящие плод *творят* его *в терпении*[4]. Он возвестил: *претерпевый до конца, той спасен будет*[5]; *кто же поколеблется,* возвестил наконец Он же, *о том не благоволит душа Моя*[6].

Погружаюсь в созерцание нивы Христовой. Сколько на ней посеяно семян, сколько выросло колосьев! Как они прекрасно зеленеют, шумят утешительно и насладительно, волнуемые ветром. Приходит для этих колосьев время зрелости, время жатвы; они оставляют поле, на котором родились и выросли, сбираются на гумно, сушатся, обмолачиваются, вывеваются. Точно такова наша жизнь. Сколько нужно различных переворотов, чтоб человек уви-

---

[1] *Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно* (Флп. 3. 1). ‖ [2] Слово 2. ‖ [3] *...терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19). ‖ [4] *...приносят... в терпении* (Лк. 8. 15). ‖ [5] *...претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24. 13). ‖ [6] *...**кто** поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10. 38).

дел всю суетность мира, всю его ничтожность, достиг наконец, как гумна, недра святой обители. Тяжеловесное, плодоносное зерно, как бы ни перевевали его, всегда падает на гумно, а плевелы и зерна бессильные, пустые, легкие уносятся с гумна ветром; сперва показываются они облаком, чем-то значащим; потом редеют, редеют, теряются из виду, пропадают. Скорби, встречающиеся в обществе, не могут быть извинением малодушия. Быт и место бесскорбные на земле — несбыточная мечта, которой ищут умы и сердца, чуждые Божественного просвещения, обольщенные бесами. Нам заповедано искать мира душевного во взаимном ношении немощей. Не переменами места, рождающимися единственно от осуждения ближних, исполняется закон Христов. Нет! *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*[1]. Убегает от исполнения закона Христова безумно ищущий места бесскорбного. Место и жизнь бесскорбные — на небе: оттуда *отбеже всякая печаль и воздыхание*. Земля — место воздыханий, и блаженны воздыхающие на ней: они утешатся на небе. Место и жизнь бесскорбные — когда сердце обрящет смирение и смирением войдет в терпение.

Всему этому, всему, что ни есть благое и спасительное, научает нас Слово Божие. И потому Сам Господь повелевает, все Пророки и Апостолы, все святые Отцы увещевают, заповедуют, умоляют пребывать постоянно в Слове Божием, которое источник всех благ, которое — жизнь, которое — свет на земле, в этой юдоли плача, глада, тьмы, смерти. *И свет во тме светится, и тма его не объят*[2]. Водимый лучом этого света, выходит странник земной на пажить спасительную, духовную, отсюда предначинает жизнь вечную. Примите, братия, слова мои, которые — не что иное, как отголосок учения всех святых. Так пустынный дикий вертеп — жилище гадов и всякой нечистоты — повторяет эхом своим вдохновенные звуки Божественных песнопений.

Испрашивающий Ваших святых молитв и поручающий себя Вашим святым молитвам

Архимандрит Игнатий.
1847 года. Николаевский Бабаевский монастырь

[1] *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6. 2). || [2] *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1. 5).

О Покаянии

Покайтеся и веруйте во Евангелие! Покайтеся: приближися бо Царство Небесное[1]. Таковы были первые слова проповеди Богочеловека. Эти же слова доселе произносит Он нам при посредстве Евангелия.

Когда грех наиболее усилился в мире, нисшел всесильный Врач в мир. Он нисшел в страну изгнания, в страну томлений и страданий наших, предшествующих вечному мучению в аде, благовествует избавление, отраду, исцеление всем человекам, без всякого изъятия. *Покайтеся!*

Сила покаяния основана на силе Божией: Врач всемогущ, — и врачевство, подаваемое Им, всемогуще.

Тогда — во время проповеди Своей на земле — Господь призывал к исцелению всех болезнующих грехом, не признал никакого греха неисцелимым. И теперь Он продолжает призывать всех, обещает и дарует прощение всякого греха, исцеление всякого греховного недуга.

О, странники земные! о, вы все, стремящиеся или влекущиеся по широкому пути при неумолкающем шуме земных попечений, развлечений и увеселений, по цветам, перемешанным с колючим терпнием, спешащие по этому пути к концу, всем известному и всеми забываемому — к мрачному гробу, к еще более мрачной и страшной вечности, — остановитесь! Отряхните обаяние мира, постоянно содержащее вас в плену! Прислушайтесь к тому, что возвещает вам Спаситель, обратите должное внимание на слова Его! *Покайтеся и веруйте во Евангелие,* говорит Он вам, *покайтеся: приближися бо Царствие Небесное.*

Крайне нужно вам, земные странники, обратить полное внимание на это существенно полезное, спасительное увещание: иначе вы достигнете гроба, достигнете порога и врат вечности, не стяжав никакого правильного понятия ни о вечности, ни об обязанностях вступающего в нее, приготовив себе в ней одни справедливые казни за ваши грехи. Тягчайший из грехов — невнимание к словам Спасителя, пренебрежение Спасителем. *Покайтеся!*

Льстив, обманчив путь земной жизни: для начинающих он представляется бесконечным поприщем, исполненным действительности; для совершивших его — путем самым кратким, обставленным пустыми сновидениями. *Покайтеся!*

---

[1] *Покайтесь и веруйте в Евангелие! Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мк. 1. 15; Мф. 4. 17).

И славу, и богатство, и все прочие тленные приобретения и преимущества, на стяжание которых употребляет всю земную жизнь, все силы души и тела ослепленный грешник, он должен оставить в те минуты, в которые насильственно снимается с души одежда ее — тело, когда душа ведется неумолимыми Ангелами на суд праведного Бога, ей неведомого, пренебреженного ею. *Покайтеся!*

Трудятся, торопятся люди обогатить себя познаниями, но только познаниями маловажными, годными лишь для времени, способствующими для удовлетворения нуждам, удобствам и прихотям земной жизни. Познание и дело, существенно нужные, для которых единственно дарована нам земная жизнь, — познание Бога и примирение с Ним при посредстве Искупителя — мы вполне презираем. *Покайтеся!*

Братия! Всмотримся беспристрастно, при свете Евангелия, в земную жизнь нашу. Она ничтожна! все блага ее отнимаются смертию, а часто и гораздо раньше смерти различными неожиданными обстоятельствами. Недостойны эти тленные, так скоро исчезающие блага называться благами! Скорее, они — обманы, сети. Увязающие в этих сетях и опутывающиеся ими лишаются истинных, вечных, небесных, духовных благ, доставляемых верой во Христа и последованием Ему по таинственному пути жительства евангельского. *Покайтеся!*

В каком мы страшном ослеплении! Как очевидно доказывается этим ослеплением наше падение! Мы видим смерть наших братий; мы знаем, что и нам непременно и, может быть, очень скоро предлежит она, потому что никто из человеков не остался навсегда на земле; мы видим, что многим и прежде смерти изменяет земное благополучие, что превращается оно часто в злополучие, похожее на ежедневное вкушение смерти. Несмотря на это столь явное свидетельство самого опыта, мы гоняемся за одними временными благами как бы за постоянными, за вечными. На них одних обращено все наше внимание! Забыт Бог! Забыта величественная и вместе грозная вечность! *Покайтеся!*

Изменят, братия, непременно изменят нам все тленные блага: богачам изменит их богатство, славным — их слава, юным — их юность, мудрецам — их мудрость. Только одно вечное, существенное благо может стяжать человек во время странствования земного: истинное Богопознание, примирение и соединение с Богом, даруемые Христом. Но для получения этих верховных благ надо оставить жизнь греховную, надо возненавидеть ее. *Покайтеся!*

Покайтеся! Что значит покаяться? Значит сознаться, раскаяться в грехах своих, оставить грехи свои — отвечал некоторый великий святой Отец на такой вопрос — и уже более не возвращаться к ним[1]. Таким образом многие грешники претворились в святых, многие беззаконники — в праведников.

Покайтеся! Отвергните от себя не только явные грехи — убийство, грабительство, блуд, клевету, ложь, — но и пагубные развлечения и наслаждения плотские, и мечтания преступные, и помышления беззаконные — все, все, воспрещаемое Евангелием. Прежнюю и греховную жизнь омойте слезами искреннего раскаяния.

Не скажи сам себе в унынии и расслаблении душевном: «Я впал в тяжкие грехи; я стяжал долговременною греховною жизнию греховные навыки; они обратились от времени как бы в природные свойства, сделали для меня покаяние невозможным»[2]. Эти мрачные мысли внушает тебе враг твой, еще не примечаемый и не понимаемый тобою[3]: он знает могущество покаяния, он и боится, чтобы покаяние не исторгло тебя из его власти, — и старается отвлечь тебя от покаяния, приписывая Божию всемогущему врачевству немощь.

Установитель покаяния — Творец твой, создавший тебя из ничего. Тем легче Он может воссоздать тебя, претворить твое сердце: соделать сердце боголюбивое из сердца греховлюбивого, соделать сердце чистое, духовное, святое из сердца чувственного, плотского, злонамеренного, сладострастного.

Братия! познаем неизреченную любовь Божию к падшему человеческому роду. Господь вочеловечился, чтобы чрез вочеловечение соделать для Себя возможным принятие на Себя казней, заслуженных человеками, и казнию Всесвятого искупить виновных от казни. Что привлекло Его к нам сюда, на землю, в страну нашего изгнания? Правды ли наши? Нет! Его привлекло к нам то бедственное состояние, в которое ввергла нас наша греховность.

Грешники! ободримся. Для нас, именно для нас, Господь совершил великое дело Своего вочеловечения; на наши болезни призрел Он с непостижимою милостию. Престанем колебаться! Престанем унывать и сомневаться! Исполненные веры, усердия и благодарности, приступим к покаянию: посредством его примиримся с Богом. *Беззаконник аще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит вся заповеди Моя и сотворит суд и правду и милость, жизнию поживет и не умрет: вся согрешения*

[1] Преподобный Пимен Великий. См. Патерик Скитский. || [2] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 2. || [3] Там же.

его, елика сотворил, не помянутся ему, но в правде своей, юже сотворил, жив будет[1]. Такое обетование дает Бог грешнику устами Своего великого Пророка.

Будем соответствовать, по нашим слабым силам, великой любви к нам Господа, как могут соответствовать любви Создателя Его твари, и твари падшие: покаемся! Покаемся не одними устами; засвидетельствуем наше покаяние не одними немногими, кратковременными слезами, не одним наружным участием в церковном богослужении, в исполнении церковных обрядов, чем довольствовались фарисеи. Принесем вместе со слезами, с наружным благочестием, и плод достойный покаяния: изменим жизнь греховную на жизнь евангельскую.

Вскую умираете, доме Израилев![2] Зачем вы гибнете, христиане, от грехов ваших вечною смертию? Зачем наполняется вами ад, как бы не было установлено в Церкви Христовой всемогущего покаяния? Дан этот бесконечно благой дар дому Израилеву — христианам, — и в какое бы ни было время жизни, какие бы ни были грехи, он действует с одинаковой силой: очищает всякий грех, спасает всякого, прибегающего к Богу, хотя бы то было в последние, предсмертные минуты.

Вскую умираете, доме Израилев! Оттого окончательно гибнут христиане вечной смертью, что во все время жизни земной занимаются одним нарушением обетов Крещения, одним служением греху, они гибнут оттого, что не удостаивают ни малейшего внимания Слово Божие, возвещающее им о покаянии. В самые предсмертные минуты они не умеют воспользоваться всемогущею силою покаяния! Не умеют воспользоваться, потому что не получили о христианстве никакого понятия или получили понятие самое недостаточное и сбивчивое, которое должно быть названо скорее полным незнанием, нежели каким-нибудь познанием.

Живу Аз, глаголет Господь — как бы вынужденный усилить уверение пред неверующими и возбудить внимание в невнимающих, — *живу Аз, глаголет Господь: не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему*[3]... *Вскую умираете, доме Израилев?..*

---

[1] *И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его, какие делал, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет* (Иез. 18. 21–22). ‖ [2] *И зачем вам умирать, дом Израилев?* (Иез. 18. 31). ‖ [3] *Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33. 11).

Ведал Бог немощь человеков, ведал, что они и по Крещении будут впадать в согрешения: по этой причине Он установил в Церкви Своей Таинство Покаяния, которым очищаются грехи, совершенные после Крещения. Покаяние должно сопутствовать вере во Христа, предшествовать Крещению во Христа; а после Крещения оно исправляет нарушение обязанностей уверовавшего во Христа и крестившегося во Христа.

Когда многие из Иерусалима и всей Иудеи сходились к Иоанну, проповеднику покаяния, на Иордан для Крещения, то исповедовали ему грехи свои, — исповедовали не потому, замечает некоторый святой Писатель[1], чтобы святой Креститель имел нужду знать согрешения приходивших к нему, но потому, что для прочности их покаяния нужно было соединить с чувствами сожаления о впадении в грехи исповедание грехов.

Душа, знающая, что она обязана исповедать грехи свои, говорит тот же святой Отец, этой самой мыслью, как бы уздой, удерживается от повторения прежних согрешений; напротив того, — неисповеданные грехи, как бы совершенные во мраке, удобно повторяются.

Исповедованием грехов расторгается дружба с грехами. Ненависть к грехам — признак истинного покаяния, решимости вести жизнь добродетельную.

Если ты стяжал навык к грехам, то учащай исповедь их — и вскоре освободишься из плена греховного, легко и радостно будешь последовать Господу Иисусу Христу.

Кто постоянно предает друзей своих, тому друзья делаются врагами, удаляются от него, как от предателя, ищущего их верной погибели: кто исповедует грехи свои, от того отступают они, потому что грехи основываются и крепятся на гордости падшего естества, не терпят обличения и позора.

Кто в надежде на покаяние позволяет себе согрешать произвольно и намеренно, тот поступает в отношении к Богу коварно. Грешащего произвольно и намеренно, в надежде на покаяние, поражает неожиданно смерть, и не дается ему времени, которое он предполагал посвятить добродетели[2].

Таинством исповеди решительно очищаются все грехи, соделанные словом, делом, помышлением. Для того чтобы изгладить из сердца навыки греховные, вкоренившиеся в него долгим временем, нужно время, нужно постоянное пребывание в покаянии. Посто-

[1] Святой Иоанн Лествичник. Слово 4. || [2] Преподобный Исаак Сирский. Слово 90.

янное покаяние состоит в постоянном сокрушении духа, в борении с помыслами и ощущениями, которыми обнаруживает себя сокровенная в сердце греховная страсть, в обуздании телесных чувств и чрева, в смиренной молитве, в частой исповеди.

Братия! Мы потеряли произвольным грехом святую непорочность, неприкосновенную не только делу греховному, но и познанию зла, — непорочность, в духовном сиянии которой мы явились в бытие из рук Создателя. Мы потеряли и ту непорочность, которую получили при воссоздании Крещением; мы запятнали на пути жизни различными грехами наши ризы, убеленные Искупителем. Осталась нам еще одна вода для омовения — вода покаяния. Что будет с нами, когда мы пренебрежем и этим омовением? Придется нам предстать Богу с душами, обезображенными грехом, — и грозно воззрит Он на душу оскверненную, осудит ее в огнь геенны.

Измыйтеся, говорит Бог грешникам, *и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима, престаните от лукавств ваших. И приидите, и истяжимся.* Чем же оканчивается этот суд Божий, суд покаяния, на который Бог непрестанно призывает грешника во время его земной жизни? Когда человек сознает грехи свои, решится на искреннее покаяние и исправление, то решает Бог суд Свой с человеком следующим решением: *Аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленое, яко волну убелю*[1].

Если же христианин окажет пренебрежение к этому последнему многомилостивому призванию Божию, то возвещается ему от Бога окончательная погибель. *Благость Божия*, говорит Апостол, *на покаяние тя ведет*[2]. Бог видит твои согрешения: Он долготерпеливо взирает на согрешения, совершаемые тобой под взорами Его, на цепь согрешений, из которых сложилась вся жизнь твоя; Он ожидает твоего покаяния и вместе предоставляет твоему свободному произволению избрание спасения или погибели твоих. И благостью и долготерпением Божиими ты злоупотребляешь! Нет в тебе исправления! Нерадение твое усиливается! Усиливается в тебе пренебрежение и к Богу, и к твоей собственной вечной участи! Ты заботишься только о умножении грехов твоих, прилагаешь к прежним согрешениям согрешения новые и сугубые! *По жестокости*

---

[1] *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло... Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю* (Ис. 1. 16, 18). || [2] *Благость Божия ведет тебя к покаянию* (Рим. 2. 4).

твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго Божия суда, на котором воздается *коемуждо по делом его; овым убо, по терпению дела благаго, славы и чести и нетления ищущим, живот вечный; а иже по рвению противляются убо истине, повинуются же неправде, ярость и гнев. Скорбь* вечная *и теснота* вечная *на всяку душу человека, творящаго злое*[1]. Аминь.

Зрение греха своего

Придет то страшное время, настанет тот страшный час, в который все грехи мои предстанут обнаженными пред Богом-Судиею, пред Ангелами Его, пред всем человечеством. Предощущая состояние души моей в этот грозный час, исполняюсь ужаса. Под влиянием живого и сильного предощущения с трепетом спешу погрузиться в рассматривание себя, спешу поверить в книге совести моей отмеченные согрешения мои делом, словом, помышлением.

Давно нечитанные, застоявшиеся в шкафах книги пропитываются пылью, истачиваются молью. Взявший такую книгу встречает большое затруднение в чтении ее. Такова моя совесть. Давно не пересматриваемая, она с трудом могла быть открыта. Открыв ее, я не нахожу ожидаемого удовлетворения. Только крупные грехи значатся довольно ясно; мелкие письмена, которых множество, почти изгладились, и не разобрать теперь, что было изображено ими.

Бог, один Бог может побледневшим письменам возвратить яркость и избавить человека от совести лукавой[2]. Один Бог может даровать человеку зрение грехов его и зрение греха его — его падения, в котором корень, семя, зародыш, совокупность всех человеческих согрешений.

Призвав на помощь милость и силу Божию, призвав их на помощь теплейшею молитвою, соединенною с благоразумным постом, соединенною с плачем и рыданием сердца, снова раскрываю книгу совести, снова всматриваюсь в количество и качество грехов моих, всматриваюсь, что породили для меня соделанные мною согрешения?

---

[1] *Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, — жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, — ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое* (Рим. 2. 5–9). || [2] Евр. 10. 22.

Вижу: *беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне. Умножишася паче влас главы моея*[1]. Какое последствие такой греховности? *Постигоша мя беззакония моя, и не возмогох зрети; сердце мое остави мя*[2]. Последствием греховной жизни бывают слепота ума, ожесточение, нечувствие сердца. Ум закоренелого грешника не видит ни добра, ни зла; сердце его теряет способность к духовным ощущениям. Если, оставив греховную жизнь, этот человек обратится к благочестивым подвигам, то сердце его, как бы чужое, не сочувствует его стремлению к Богу.

Когда при действии Божественной благодати откроется подвижнику множество согрешений его, тогда невозможно, чтоб он не пришел в крайнее недоумение, не погрузился в глубокую печаль. *Сердце мое смятеся* от такового зрелища, *остави мя сила моя, и свет очию моею, и той несть со мною: яко лядвия моя наполнишася поруганий*, то есть деятельность моя исполнилась преткновений от навыка к греху, влекущего насильно к новым согрешениям; *возсмердеша и согниша раны моя, от лица безумия моего*, то есть греховные страсти состарелись и страшно повредили меня по причине моей невнимательной жизни; *несть исцеления в плоти моей*, то есть нет исцеления при посредстве одних собственных моих усилий для всего существа моего, пораженного и зараженного грехом[3].

Сознанием грехов моих, раскаянием в них, исповеданием их, сожалением о них повергаю все бесчисленное их множество в пучину милосердия Божия. Чтоб на будущее время остеречься от греха, присмотрюсь, уединившись в самого себя, как действует против меня грех, как он приступает ко мне, что говорит мне.

Приступает он ко мне, как тать: прикрыто лицо его; *умякнуша словеса его паче елеа*[4]; говорит он мне ложь, предлагает беззаконие. Яд в устах его; язык его — смертоносное жало.

«Насладись! — тихо и льстиво шепчет он, — зачем запрещено тебе наслаждение? Насладись! какой в том грех?» — и предлагает, злодей, нарушение заповеди Всесвятого Господа.

Не должно б было обращать никакого внимания на слова его: знаю я, что он тать и убийца. Но какая-то непонятная немощь, немощь воли, побеждает меня! внимаю словам греха, смотрю

[1] *...беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне; ...их более, нежели волос на голове моей* (Пс. 37. 5; 39. 13). ‖ [2] *...постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу... сердце мое оставило меня* (Пс. 39. 13). ‖ [3] *Сердце мое трепещет; оставила меня сила моя, и свет очей моих, — и того нет у меня. ...Чресла мои полны воспалениями, смердят, гноятся раны мои от безумия моего. ...Нет целого места в плоти моей* (Пс. 37. 11, 8, 6, 4). ‖ [4] *...уста их мягче масла* (Пс. 54. 22).

на плод запрещенный. Тщетно совесть напоминает мне, что вкушение этого плода — вместе и вкушение смерти.

Если нет плода запрещенного пред глазами моими, внезапно рисуется этот плод в моем воображении, рисуется живописно, как бы рукою очарования.

Влекутся чувства сердца к картине соблазнительной, подобной блуднице. Наружность ее — пленительна, дышит из нее соблазн; украшена она в драгоценную, блестящую утварь; тщательно укрыто ее смертоносное действие. Ищет грех жертвы от сердца, когда не может принести этой жертвы тело, за отсутствием самого предмета.

Действует во мне грех мыслию греховною, действует ощущением греховным, ощущением сердца и ощущением тела; действует через телесные чувства, действует через воображение.

К какому заключению ведет меня такое воззрение на себя? К заключению, что во мне, во всем существе моем, живет повреждение греховное, которое сочувствует и вспомоществует греху, нападающему на меня извне. Я подобен узнику, окованному тяжкими цепями: всякий, кому только это будет дозволено, хватает узника, влечет его куда хочет, потому что узник, будучи окован цепями, не имеет возможности оказать сопротивления.

Проник некогда грех в высокий рай. Там предложил он праотцам моим вкушение плода запрещенного. Там он обольстил, там обольщенных поразил вечною смертию. И мне, потомку их, непрестанно повторяет то же предложение; и меня, потомка их, непрестанно старается обольстить и погубить.

Адам и Ева немедленно по согрешении были изгнаны из рая и изринуты в страну горестей[1]; я родился в этой стране плача и бедствий! Но это не оправдывает меня: сюда принесен мне рай Искупителем, всажден в сердце мое. Я согнал грехом рай из сердца моего. Теперь там — смешение добра со злом, там — лютая борьба добра со злом, там — столкновение бесчисленных страстей, там — мука, предвкушение вечной муки адской.

В себе вижу доказательство, что я сын Адама: сохраняю его наклонность ко злу; соглашаюсь с предложениями обольстителя, хотя и знаю наверно, что предлагается мне обман, готовится убийство.

Напрасно бы я стал обвинять праотцов за сообщенный мне ими грех: я освобожден из плена греховного Искупителем и уже впадаю в грехи не от насилия, а произвольно.

---

[1] Быт. 3. 23–24.

Праотцы совершили в раю однажды преступление одной заповеди Божией, а я, находясь в лоне Церкви Христовой, непрестанно нарушаю все Божественные заповедания Христа, Бога и Спасителя моего.

То волнуется душа моя гневом и памятозлобием! в воображении моем сверкает кинжал над главою врага и сердце упивается удовлетворенным мщением, совершенным мечтою. То представляются мне рассыпанные кучи золота! вслед за ними рисуются великолепные палаты, сады, все предметы роскоши, сладострастия, гордости, которые доставляются золотом и за которые грехолюбивый человек поклоняется этому идолу — средству осуществления всех тленных пожеланий. То прельщаюсь почестями и властию! влекусь, занимаюсь мечтаниями об управлении людьми и странами, о доставлении им приобретений тленных, а себе — тленной славы. То, как бы воочию, предстоят мне столы с дымящимися и благоухающими яствами! смешно и вместе жалостно услаждаюсь я представляющимися предо мною обольщениями. То внезапно вижу себя праведным, или, правильнее, сердце мое лицемерствует, усиливается присвоить себе праведность, льстит само себе, заботится о похвале человеческой, как бы привлечь ее себе!

Страсти оспаривают меня одна у другой, непрерывно передают одна другой, возмущают, тревожат. И не вижу своего горестного состояния! на уме моем непроницаемая завеса мрака; на сердце лежит тяжелый камень нечувствия.

Опомнится ли ум мой, захочет ли направиться к добру? противится ему сердце, привыкшее к наслаждениям греховным, противится ему тело мое, стяжавшее пожелания скотские. Утратилось даже во мне понятие, что тело мое, как сотворенное для вечности, способно к желаниям и движениям Божественным, что стремления скотоподобные — его недуг, внесенный в него падением.

Разнородные части, составляющие существо мое — ум, сердце и тело — рассечены, разъединены, действуют разногласно, противодействуют одна другой; тогда только действуют в минутном богопротивном согласии, когда работают греху.

Таково мое состояние! Оно — смерть души при жизни тела. Но я доволен своим состоянием! доволен не по причине смирения — по причине слепоты моей, по причине ожесточения моего. Не чувствует душа своего умерщвления, как не чувствует его и тело, разлученное от души смертью.

Если б я чувствовал умерщвление мое, пребывал бы в непрерывном покаянии! Если бы я чувствовал мое умерщвление, заботился бы о воскресении!

Я весь занят попечениями мира, мало озабочен моим душевным бедствием! жестоко осуждаю малейшие согрешения ближних моих; сам наполнен грехом, ослеплен им, превращен в столп соляной, подобно жене Лотовой, не способен ни к какому движению духовному.

Не наследовал я покаяния, потому что еще не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца.

Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы со грехом, кто встал на бодрой страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приблизился к нему.

Кто совершит великое дело — установит вражду со грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, — тому дарует Бог великий дар: *зрение греха своего.*

Блаженна душа, узревшая гнездящийся в себе грех! блаженна душа, узревшая в себе падение праотцов, ветхость ветхого Адама! Такое видение греха своего есть видение духовное, видение ума, исцеленного от слепоты Божественною благодатию. С постом и коленопреклонением научает святая Восточная Церковь испрашивать у Бога зрение греха своего.

Блаженна душа, непрестанно поучающаяся в Законе Божием! в нем может она увидеть образ и красоты Нового Человека, по ним усмотреть и исправить свои недостатки.

Блаженна душа, купившая село покаяния умерщвлением себя по отношению к начинаниям греховным! на этом селе найдет она бесценное сокровище спасения.

Если ты стяжал село покаяния, вдайся в младенческий плач пред Богом. Не проси, если можешь не просить, ничего у Бога; отдайся с самоотвержением в Его волю.

Пойми, ощути, что ты создание, а Бог — Создатель. Отдайся же безотчетно в волю Создателя, принеси Ему один младенческий плач, принеси Ему молчащее сердце, готовое последовать Его воле и напечатлеваться Его волей.

Если ж по младенчеству твоему не можешь погрузиться в молитвенное молчание и плач пред Богом, произноси пред Ним смирен-

ную молитву, молитву о прощении грехов и исцелении от греховных страстей — этих страшных нравственных недугов, составляющихся от произвольных, повторяемых в течение значительного времени согрешений.

Блаженна душа, которая сознала себя вполне недостойною Бога, которая осудила себя как окаянную и грешную! она — на пути спасения; в ней нет самообольщения.

Напротив того, кто считает себя готовым к приятию благодати, кто считает себя достойным Бога, ожидает и просит Его таинственного пришествия, говорит, что он готов принять, услышать и увидеть Господа, тот обманывает себя, тот льстит себе, тот достиг высокого утеса гордости, с которого падение в мрачную пропасть пагубы[1]. Туда ниспадают все возгордившиеся над Богом, дерзающие бесстыдно признавать себя достойными Бога и из этого самомнения и самообольщения говорить Богу: *глаголи, Господи, яко слышит раб Твой.*

Услышал воззвавшего его Господа юный пророк Самуил и, не признавая себя достойным беседы с Господом, предстал своему престарелому наставнику, испрашивая у него наставления для своего поведения. Услышал Самуил во второй раз тот же призывающий голос и опять предстал наставнику. Наставник понял, что голос призывавшего был голос Божий; повелел юноше, когда он услышит подобное призвание, отвечать говорящему: *Глаголи, Господи, яко слышит раб Твой*[2].

То же дерзает говорить сладострастный и надменный мечтатель, никем не призываемый, упоенный тщеславным мнением, сочиняющий в себе гласы и утешения, ими льстящий надменному своему сердцу, ими обманывающий себя и легковерных своих последователей[3].

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 55. || [2] *...говори, Господи, ибо слышит раб Твой* (1 Цар. 3. 9). || [3] «Подражание», Московского издания, 1834 г., кн. 3, гл. 2. В указываемом нами месте западного писателя разгорячение, самомнение и самообольщение выставляются так ярко и живописно, что признается не лишним представить вниманию читателя самый текст: «Говори, Господи, ибо раб Твой слышит. Я — раб Твой! Вразуми меня, да познаю свидетельства Твои. Приклони сердце мое к словам уст Твоих, и да снидет, как роса, глагол Твой. Сыны Израилевы говорили некогда Моисею: "Говори ты к нам, и мы будем слушать; Господь же да не говорит к нам, дабы нам не умереть". Не так, Господи, не так молю я! но паче с пророком Самуилом смиренно и ревностно умоляю: "Говори, Господи, ибо раб Твой слышит. Да не говорит мне Моисей или другой кто из пророков, но паче говори Ты, Господи Боже, дарующий вдохновение и просвещение всем пророкам. Ты один, без них, можешь совершенно научить меня; они же без Тебя не могут иметь никакого успеха. Могут звучать слова их, но Духа не сообщают!

Сын Восточной Церкви, единой святой и истинной! в невидимом подвиге твоем руководствуйся наставлениями святых Отцов твоей Церкви: от всякого видения, от всякого гласа вне и внутри тебя, прежде нежели обновишься явственным действием Святого Духа, они повелевают отвращаться, как от явного повода к самообольщению[1].

Храни ум безвидным, отгоняй все приближающиеся к нему мечты и мнения, которыми падение заменило истину. Облечен-

Они изящно говорят, но, когда Ты молчишь, *не воспламеняют* сердца! Они передают буквы, но Ты отверзаешь смысл! Они изрекают таинства, но Ты отверзаешь разум иносказаний! Они объявляют Твои веления, но Ты подаешь силу к исполнению! Они показывают путь, но Ты даешь крепость проходить его! Они действуют только извне, но Ты наставляешь и просвещаешь сердца! Они орошают внешне, но Ты даруешь плодоносие! Они взывают словами, но Ты даешь слуху разумение! И потому да не говорит мне Моисей! Говори Ты, Господи, Боже мой, вечная Истина. Да не умру и останусь бесплодным, если буду наставляем только наружно, внутренне же не буду воспламенен, и да не будет мне в суд слово слышанное и неисполненное, — познанное, и любовию не объятое, — уверованное, и не соблюденное. Итак, говори, Господи, ибо раб Твой слышит: Ты имеешь глаголы жизни вечной"». Дерзость этого напыщенного велеречия и пустословия наводит ужас и глубокую печаль на душу, воспитанную учением Православной Церкви. Устранено тут покаяние! устранено сокрушение духа! тут решительное стремление к ближайшему и теснейшему соединению с Богом! Таково вообще настроение аскетических западных писателей. Один из них, выражая свое неправильное понимание достоинства Божией Матери, заключает исступленное велеречие следующим образом: «Итак! кинемся в объятия Богоматери!» Противоположно это настроение настроению, которое преподает Святая Восточная Церковь своим чадам. «Аще не быхом святые Твоя имели молитвенники, — говорит она в одном из песнопений своих, — и благостыню Твою милующую нас, како смели быхом, Спасе, пети Тя, Его же славословят непрестанно Ангели» (тропарь на Великом Повечерии). В другом песнопении она говорит: «К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смирении, и припадем, в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши! потщися: погибаем от множества прегрешений! не отврати Твоя рабы тщы: Тя бо и едину надежду имамы» (канон молебный ко Пресвятой Богородице). Непонятно состояние самообольщения и бесовской прелести для тех, которые не воспитаны духовным подвигом по преданию Православной Церкви; признают они это бедственное состояние за состояние самое правильное, благодатное. Потрудившийся перевести «Подражание» с латинского языка на русский поместил в конце книги свои наставления для читателя. Указывая на 2-ю главу 3-й книги, на эту живопись самообольщения и самомнения, он советует перед всяким благочестивым чтением приводить себя в настроение, изображенное в этой главе. Очевидно, что таким настроением предоставляется свобода объяснять Священное Писание по произволу, снимается обязательство последовать объяснению, сделанному святыми Отцами и принятому Церковию. Это — догмат протестантизма.

[1] Преподобный Григорий Синаит. О прелести и пр. Добротолюбие. Ч. 1. Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 73. Добротолюбие. Ч. 2.

ный в покаяние, предстой со страхом и благоговением пред великим Богом, могущим очистить грехи твои и обновить тебя Своим Пресвятым Духом. Пришедший Дух наставит тебя *на всяку истину*[1].

Чувство плача и покаяния — едино на потребу душе, приступившей к Господу с намерением получить от Него прощение грехов своих. Это — благая часть! Если ты избрал ее, то да не отымется она от тебя! Не променяй этого сокровища на пустые, ложные, насильственные, мнимоблагодатные чувствования, не погуби себя лестию себе.

«Если некоторые из Отцов, — говорит преподобный Исаак Сирин, — написали о том, что есть чистота души, что есть здравие ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтоб мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано Писанием: *не приидет Царствие Божие с соблюдением*[2]. Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение... Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковию Божиею. Это — не признак любви к Богу, это — недуг души»[3].

Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении[4].

Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им; другим являлись бесы в своем собственном виде и представлялись побежденными их молитвою, чем вводили их в высокоумие; иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, в совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным.

Если имеешь нужду беседовать с самим собою, приноси себе не лесть, а самоукорение. Горькие врачевства полезны нам в нашем состоянии падения. Льстящие себе уже восприяли здесь, на земле, мзду свою — свое самообольщение, похвалу и любовь враждебного Богу мира: нечего им ожидать в вечности, кроме осуждения.

Грех мой предо мною есть выну[5], говорит о себе святой Давид: грех его был предметом непрестанного его рассматривания. *Беззаконие мое аз возвещу, и попекуся о гресе моем*[6].

---

[1] *...на всякую истину* (Ин. 16. 13). ‖ [2]*...не придет Царствие Божие приметным образом* (Лк. 17. 20). ‖ [3] Преподобный Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [4] Его же Слово 36. ‖ [5] *...грех мой всегда предо мною* (Пс. 50. 5). ‖ [6] *Беззаконие мое я сознаю, сокрушаясь о грехе моем* (Пс. 37. 19).

Святой Давид занимался самоосуждением, занимался обличением греха своего, когда грех уже был прощен и дар Святого Духа уже был возвращен ему. Этого мало: он обличил грех свой, исповедал его во услышание вселенной[1].

Святые Отцы Восточной Церкви, особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрения греха своего.

Некоторого великого Отца спросили, в чем должно заключаться делание уединенного инока? Он отвечал: «Умерщвленная душа твоя предлежит твоим взорам, и ты ли спрашиваешь, какое должно быть твое делание?»[2] Плач — существенное делание истинного подвижника Христова; плач — делание его от вступления в подвиг и до совершения подвига.

Зрение греха своего и рождаемое им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле: зрением греха возбуждается покаяние; покаянием доставляется очищение; постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе человеческом, которых оно прежде, в омрачении своем, совсем не примечало.

Господи! даруй нам зреть согрешения наши, чтоб ум наш, привлеченный всецело ко вниманию собственным погрешностям нашим, перестал видеть погрешности ближних и, таким образом, увидел бы всех ближних добрыми. Даруй сердцу нашему оставить пагубное попечение о недостатках ближнего, все попечения свои соединить в одно попечение о стяжании заповеданной и уготованной нам Тобою чистоты и святыни. Даруй нам, осквернившим душевные ризы, снова убелить их: они уже были омыты водами Крещения, нуждаются теперь, по осквернении, в омовении слезными водами. Даруй нам узреть, при свете благодати Твоей, живущие в нас многообразные недуги, уничтожающие в сердце духовные движения, вводящие в него движения кровные и плотские, враждебные Царству Божию. Даруй нам великий дар покаяния, предшествуемый и рождаемый великим даром зрения грехов своих. Охрани нас этими великими дарами от пропастей самообольщения, которое открывается в душе от непримечаемой и непонимаемой греховности ее, рождается от действия непримечаемых и непонимаемых ей сладострастия и тщеславия. Соблюди нас этими

[1] Пс. 50. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 21.

великими дарами на пути нашем к Тебе и даруй нам достичь Тебя, призывающего сознающихся грешников и отвергающего признающих себя праведниками, да славословим вечно в вечном блаженстве Тебя, Единого Истинного Бога, Искупителя плененных, Спасителя погибших. Аминь.

Чаша Христова

Просили у Господа два возлюбленные Его ученика Престолов Славы — Он даровал им *Чашу Свою*[1].

Чаша Христова — страдания.

Чаша Христова доставляет на земле причастникам своим участие в благодатном Царстве Христовом, приготовляет для них на Небе Престолы вечной Славы.

Все мы безответны пред Чашею Христовою; никто не может жаловаться на нее, отказываться от нее, потому что Заповедавший вкушение ее Сам прежде всех испил ее.

Древо познания добра и зла! Убило ты в раю родоначальников наших, обольстив их прелестями чувственного наслаждения и прелестями разума. Христос, Искупитель погибших, принес на землю, к падшим и изгнанникам, Свою спасительную Чашу. Горечью этой Чаши истребляется в сердце преступное, убийственное наслаждение греховное; смирением, обильно из нее точащимся, умерщвляется гордый плотский разум; пьющему ее с верою и терпением возвращается живот вечный, отнятый и отнимаемый у нас вкушением плода запрещенного.

Чашу Христову, *чашу спасения приму*![2]

Принимается Чаша, когда христианин переносит скорби земные со смиренномудрием, заимствуемым из Евангелия.

Святой Петр устремился с обнаженным мечом на защиту Богочеловека, окруженного злодеями; но кротчайший Господь Иисус сказал Петру: *Вонзи нож в ножницу, чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея?*[3]

И ты, когда окружат тебя напасти, говори в утешение и укрепление души твоей: *Чашу, юже даде мне Отец, не имам ли пити ея?*

Горька Чаша; при одном взоре на нее теряются все земные соображения. Замени соображения верою и выпей мужественно горькую Чашу: ее подает тебе Отец всеблагий и премудрый.

---

[1] Мф. 20. 23. ‖ [2] *Чашу спасения приму* (Пс. 115. 4). ‖ [3] *Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18. 11).

Не фарисеи, не Каиафа, не Иуда приготовили ее, не Пилат и не воины подают ее! *Чашу, юже даде мне Отец, не имам ли пити ея?*

Злоумышляют фарисеи, предает Иуда, Пилат повелевает беззаконное убийство, совершают его воины игемона. Все они приготовили себе верную погибель злодеяниями своими; ты не приготовь себе погибели, столько же верной, памятозлобием, желанием и мечтанием мести, негодованием на врагов твоих.

Отец Небесный всемогущ, всевидящ: Он видит твои скорби — и если б находил, что нужно и полезно отвратить от тебя Чашу, то сделал бы это непременно.

Господь — свидетельствуют и Писание, и церковная история — во многих случаях попускал скорби возлюбленным Своим и во многих случаях отклонял скорби от возлюбленных Своих сообразно непостижимым судьбам Своим.

Когда явится пред тобою Чаша — не гляди на человеков, которые подают ее тебе; возведи взоры твои к Небу и скажи: *Чашу, юже даде мне Отец, не имам ли пити ея?*

Чашу спасения приму. Не могу отвергнуть Чаши — залога небесных вечных благ. Наставляет меня терпению Апостол Христов: *многими скорбьми*, говорит он, *подобает нам внити в Царствие Божие*[1]. Неужели мне отвергнуть Чашу — средство к достижению, к развитию в себе этого Царства! Приму Чашу — дар Божий.

Чаша Христова — дар Божий. *Вам даровася*, писал великий Павел Филиппийцам, *еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати*[2].

Ты принимаешь Чашу по-видимому из рук человеческих. Что тебе за дело, праведно ли поступают эти человеки или беззаконно? Твое дело — поступить праведно, по обязанности последователя Иисусова: с благодарением Богу, с живою верою принять Чашу и мужественно, до дна выпить ее.

Принимая Чашу из рук человеческих, вспомни, что она — Чаша не только Невинного, но и Всесвятого. Вспомнив это, повтори о себе и о подобных тебе страдальцах-грешниках слова блаженного и благоразумного грешника, которые он произнес, будучи распят одесную распятого Богочеловека: *Мы... достойная по делом наю восприемлева... Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Си*[3].

---

[1] *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14. 22). || [2] *Вам дано ради Христа не только веровать, но и страдать за Него* (Флп. 1. 29). || [3] *Мы осуждены справедливо... Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк. 23. 41–42).

Потом, обратясь к людям, скажи им (если ж они не в состоянии понять и принять слов твоих, то, не пометая честных жемчужин смирения под ноги не могущих оценить их, скажи мыслию и сердцем): «Благословенны вы, орудия правды и милости Божией, благословенны отныне и до века!»

Этим только исполнишь заповедь Евангелия, которая говорит: *Любите враги ваши, благословите кленущия вы*[1].

Помолись о них Господу, чтоб за нанесенные тебе оскорбления и обиды было воздано им временными и вечными наградами, чтоб совершенное над тобою было вменено совершавшим, на Суде Христовом, в добродетель.

Хотя б сердце твое и не хотело поступать так, принуждай его: потому что одни насилующие свое сердце к исполнению евангельских заповедей могут наследовать Небо[2].

Если не хочешь так поступать, то не хочешь быть последователем Господа Иисуса Христа. Тщательно вникни в себя и осмотрись: не нашел ли ты другого учителя, не подчинился ли ему? Учитель ненависти — диавол.

Ужасное преступление — обижать, притеснять ближних; ужасное преступление — убийство. Но кто ненавидит своего гонителя, клеветника, предателя, убийцу, памятозлобствует на них, мстит им, того грех очень близок к их греху. Всуе себе и другим представляется он праведником. *Всяк, ненавидяй брата своего, человекоубийца есть*[3], возвестил возлюбленный ученик Христов.

Живая вера в Христа наставляет принимать Чашу Христову: а Чаша Христова вливает в сердца причастников своих надежду на Христа; надежда на Христа подает сердцу крепость и утешение.

Какая мука, какая адская мука — жаловаться, роптать на предопределенную свыше Чашу.

Грешны пред Богом ропот, нетерпеливость, малодушие, особливо же отчаяние — уродливые чада преступного неверия.

Грешен ропот на ближних, когда они — орудия наших страданий; тем грешнее он, когда Чаша нисходит к нам прямо с Неба, от десницы Божией.

Кто пьет чашу с благодарением Богу, с благословением ближних, тот достиг в священный покой, в благодатный мир Христов, отселе уже наслаждается в духовном раю Божием.

---

[1] *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас* (Мф. 5. 44). || [2] Мф. 11. 12. || [3] *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3. 15).

Ничего не значат сами по себе временные страдания: мы даем им значение нашею привязанностию к земле и всему тленному, нашею холодностию к Христу и вечности.

Ты терпишь горечь и отвратительный вкус лекарственных смешений; терпишь мучительное резание и жжение членов; терпишь продолжительное томление голодом, продолжительное заключение в комнате, — терпишь все это для возвращения потерянного здоровья телу, которое, исцелев, опять непременно заболит, непременно умрет и истлеет. Потерпи же горечь Чаши Христовой, доставляющей исцеление и вечное блаженство бессмертной душе твоей.

Если Чаша кажется тебе невыносимою, смертоносною — этим она обличает тебя: называясь Христовым, ты не Христов.

Для истинных последователей Христовых Чаша Христова — чаша радостей. Так святые Апостолы после того, как были биты пред собранием старцев иудейских, *идяху, радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти*[1].

Услышал праведный Иов горькие вести. Весть за вестию приходили ударять в его твердое сердце. Последнею из вестей была тягчайшая: сражение всех сынов и всех дщерей его насильственною, внезапною, лютою смертию. От сильной печали растерзал ризы свои праведный Иов, посыпал пеплом главу, — от действия жившей в нем покорной веры пал на землю, поклонился Господу и сказал: *Наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо: Господь даде, Господь и отъят. Яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно во веки*[2].

Вверься в простоте сердца Тому, у Кого и власы главы твоей сочтены: Он знает, какого размера должна быть подана тебе целительная Чаша.

Смотри часто на Иисуса: Он — пред убийцами Своими, как безгласный агнец пред стригущим его; Он предан смерти, как безответное овча на заколение. Не своди с Него очей — и растворятся твои страдания небесною, духовною сладостию; язвами Иисуса исцелятся язвы твоего сердца.

«Остановитесь!» — сказал Господь хотевшим защитить Его в саду Гефсиманском, а пришедшему связать Его исцелил отрезанное ухо[3].

---

[1] *Пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие* (Деян. 5. 41). ‖ [2] *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1. 21). ‖ [3] Лк. 22. 51.

Или мнится ти, возразил Господь покусившемуся отвратить от Него Чашу оружием, *яко не могу ныне умолити Отца Моего, и представит Ми вящше неже дванадесяте легеона Ангел?*[1]

Во время напастей не ищи помощи человеческой; не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога: по Его мановению в свое время придут люди и помогут тебе.

Молчал Господь пред Пилатом и Иродом, не произнес никакого оправдания. И ты подражай этому святому и мудрому молчанию, когда видишь, что судят тебя враги твои с намерением осудить непременно, судят только для того, чтоб личиною суда прикрыть свою злонамеренность.

Предшествуемая ли и предваряемая постепенно скопляющимися тучами или внезапно, носимая свирепым вихрем, явится пред тобою Чаша — говори о ней Богу: «Да будет воля Твоя».

Ты ученик, последователь и слуга Иисуса. Иисус сказал: *Аще кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет*[2]. А Иисус провел земную жизнь в страданиях: Он был гоним от рождения до гроба; злоба, от самых пелен Его, уготовляла Ему смерть насильственную. Достигнув цели, она не насытилась: самую память Его она усиливалась искоренить с лица земли.

По стези временных страданий прошли в блаженную вечность вслед за Господом все избранники Его. Невозможно нам, пребывая в плотских наслаждениях, пребывать вместе с тем в состоянии духовном. Потому-то Господь непрестанно преподает возлюбленным Своим Чашу Свою, ею поддерживает в них мертвость для мира и способность жить жизнию Духа. Сказал преподобный Исаак Сирский: «Познается человек, о котором особенно печется Бог, по непрестанно посылаемым ему печалям»[3].

Моли Бога, чтоб отклонил от тебя всякую напасть, всякое искушение. Не должно дерзостно бросаться в пучину скорбей: в этом самонадеянность гордая. Но когда скорби придут сами собою — не убойся их, не подумай, что они пришли случайно, по стечению обстоятельств. Нет, они попущены непостижимым Промыслом Божиим. Полный веры и рождаемых ею мужества и великодушия, плыви бесстрашно среди мрака и воющей бури к тихому пристанищу вечности: тебя невидимо руководит Сам Иисус.

---

[1] *Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?* (Мф. 26. 53). ‖ [2] *Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12. 26). ‖ [3] Слово 35.

Благочестивым глубоким размышлением изучи молитву Господа, которую Он приносил Отцу в саду Гефсиманском в многотрудные часы, предшествовавшие Его страданиям и крестной смерти. Этою молитвою встречай и побеждай всякую скорбь. *Отче Мой,* молился Спаситель, *аще возможно есть, да мимо идет от Мене Чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*[1].

Молись Богу об удалении от тебя напасти и вместе отрекайся своей воли как воли греховной, воли слепой; предавай себя, свою душу и тело, свои обстоятельства настоящие и будущие, предавай близких сердцу ближних твоих воле Божией, всесвятой и премудрой.

Бдите и молитеся, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна[2]. Когда окружат скорби, нужно учащать молитвы, чтоб привлечь к себе особенную благодать Божию. Только при помощи особенной благодати можем попирать все временные бедствия.

Получив свыше дар терпения, внимательно бодрствуй над собою, чтоб сохранить, удержать при себе благодать Божию. Не то грех непременно вкрадется в душу или тело и отгонит от нас благодать Божию.

Если ж по небрежению и рассеянности впустишь в себя грех, особливо тот, к которому так склонна немощная плоть наша, который оскверняет и тело, и душу: то благодать отступит от тебя, оставит тебя одиноким, обнаженным. Тогда скорбь, попущенная для твоего спасения и усовершения, сурово наступит на тебя, сотрет тебя печалию, унынием, отчаянием, как содержащего дар Божий без должного благоговения к дару. Поспеши искренним и решительным покаянием возвратить сердцу чистоту, а чистотою дар терпения, потому что он, как дар Духа Святого, почивает в одних чистых.

Святые мученики воспевали радостную песнь среди печи разжженной, ходя по гвоздям, по острию мечей, сидя в котлах кипящей воды или масла. Так и твое сердце, привлекши к себе молитвою благодатное утешение, храня его при себе бдительностию над собою, будет воспевать, среди несчастий и бед лютых, радостную песнь хвалы и благодарения Богу.

Ум, очищенный Чашею Христовою, соделывается зрителем духовных видений: он начинает видеть всеобъемлющий, невидимый для плотских умов Промысл Божий, видеть закон тления во всем тленном, видеть близкую всем, необъятную вечность, видеть Бога в великих делах Его — в создании и воссоздании мира. Жизнь

---

[1] *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26. 39). ‖ [2] *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26. 41).

земная представляется ему скорооканчивающимся странствованием, события ее — сновидениями, блага ее — кратковременным обольщением очей, кратковременным, пагубным обольщением ума и сердца.

Какой плод временных скорбей, приносимый ими для вечности? Когда святому апостолу Иоанну было показано Небо, один из небожителей спросил его, указывая на бесчисленное собрание светоносных белоризцев, праздновавших пред Престолом Божиим свое спасение и блаженство: *сии облеченнии в ризы белыя, кто суть, и откуду приидоша? — И рех ему,* говорит Иоанн Богослов: *господи, ты веси.* Тогда сказал Богослову небожитель: *сии суть, иже приидоша от скорби великия, и испраша ризы своя, и убелиша ризы своя в крови Агнчи. Сего ради суть пред Престолом Божиим, и служат Ему день и нощь в церкви Его: и Седяй на Престоле вселится в них. Не взалчут ктому, ниже вжаждут, не имать же пасти на них солнце, ниже всяк зной: яко Агнец, Иже посреде Престола, упасет я, и наставит их на животныя источники вод, и отъимет Бог всяку слезу от очию их*[1].

Отчуждение от Бога, вечная мука в аде, вечное общение с диаволами и диаволоподобными людьми, пламень, хлад, мрак геенны — вот что достойно назваться скорбию! Это точно — скорбь великая, ужасная, нестерпимая.

К великой вечной скорби приводят земные наслаждения.

От этой скорби предохраняет, спасает Чаша Христова, когда пьющий ее пьет с благодарением Богу, с славословием всеблагого Бога, подающего человеку в горькой Чаше скорбей временных беспредельную, вечную Свою милость.

О Посте

Глава добродетелей — молитва; их основание — пост.

Пост есть постоянная умеренность в пище с благоразумною разборчивостию в ней.

Гордый человек! Ты мечтаешь так много и так высоко о уме твоем, а он — в совершенной и непрерывной зависимости от желудка.

---

[1] *Сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца; за это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на Престоле будет обитать в них; они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди Престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод, и отрет Бог всякую слезу с очей их* (Откр. 7. 13–17).

Закон поста, будучи по наружности законом для чрева, в сущности есть закон для ума.

Ум, этот царь в человеке, если желает вступить в права своего самодержавия и сохранить их, должен прежде всего подчиниться закону поста. Только тогда он будет постоянно бодр и светел; только тогда он может властвовать над пожеланиями сердца и тела; только при постоянной трезвенности он может изучать заповеди евангельские и последовать им. Основание добродетелей — пост.

Вновь созданному человеку, введенному в рай, дана единственная заповедь — заповедь о посте. Конечно, дана одна заповедь потому, что она была достаточна для сохранения первозданного человека в его непорочности.

Заповедь не говорила о количестве пищи, а воспрещала только качество. Да умолкнут же те, которые признают пост только в количестве пищи, а не в качестве. Углубясь в опытное изучение поста, они увидят значение качества пищи.

Так важна заповедь поста, объявленная Богом человеку в раю, что, вместе с заповедию, произнесена угроза казнию за нарушение заповеди. Казнь заключалась в поражении человеков вечною смертию.

И ныне греховная смерть продолжает поражать нарушителей святой заповеди поста. Несоблюдающий умеренности и должной разборчивости в пище не может сохранить ни девства, ни целомудрия, не может обуздывать гнева, предается лености, унынию и печали, делается рабом тщеславия, жилищем гордости, которую вводит в человека его плотское состояние, являющееся наиболее от роскошной и сытой трапезы.

Заповедь поста возобновлена или подтверждена Евангелием. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством*[1], завещал Господь. Объядение и пьянство сообщают дебелость не только телу, но уму и сердцу, то есть вводят человека по душе и телу в плотское состояние.

Напротив того, пост вводит христианина в состояние духовное. Очищенный постом — смирен духом, целомудрен, скромен, молчалив, тонок по чувствам сердечным и мыслям, легок по телу, способен к духовным подвигам и умозрениям, способен к приятию Божественной благодати.

Плотской человек всецело погружен в греховные наслаждения. Он сладострастен и по телу, и по сердцу, и по уму, он неспособен

[1] *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством* (Лк. 21. 34).

не только к духовному наслаждению и к приятию Божественной благодати, но и к покаянию. Он неспособен вообще к духовным занятиям: он пригвожден к земле, утонул в вещественности, заживо — мертв душой.

Горе вам, насыщеннии ныне: яко взалчете![1] Таково изречение Слова Божия нарушителям заповеди святого поста. Чем будете вы питаться в вечности, когда научились здесь единственно пресыщению вещественными брашнами и вещественными наслаждениями, которых нет на небе? Чем будете вы питаться в вечности, когда вы не вкусили ни одного небесного блага? Как можно вам питаться и наслаждаться небесными благами, когда вы не стяжали к ним никакого сочувствия, стяжали отвращение?

Насущный хлеб христиан — Христос. Ненасытное насыщение этим Хлебом — вот пресыщение и наслаждение спасительное, к которому приглашаются все христиане.

Ненасытно насыщайся Словом Божиим; ненасытно насыщайся исполнением заповедей Христовых; ненасытно насыщайся трапезой, уготованной *сопротив стужающих тебе,* и упивайся *чашею державною*[2].

С чего начать нам, — говорит святой Макарий Великий[3], — никогда не занимавшимся исследованием сердец наших? Стоя вне, будем стучаться молитвой и постом, как и Господь повелел: *Толцыте, и отверзется вам*[4].

Этот подвиг, который предлагает нам один из величайших наставников монашества, был подвигом святых Апостолов. Из среды его они сподоблялись слышать вещания Духа. *Служащим им Господеви,* говорит писатель их деяний, и *постящимся, рече Дух Святый: отделите Ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их. Тогда постившеся и помолившеся и возложше руки на ня, отпустиша их*[5]. Из среды подвига, в котором совокуплены были пост и молитва, услышалось повеление Духа о призвании язычников в христианство.

Чудное совокупление поста с молитвою! Молитва — бессильна, если не основана на посте, и пост — бесплоден, если на нем не создана молитва[6].

---

[1] Лк. 6. 25. ‖ [2] Ср.: *Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих... чаша моя преисполнена* (Пс. 22. 5). ‖ [3] Слово 1, гл. 4. ‖ [4] *Стучите, и отворят вам* (Мф. 7. 7). ‖ [5] *Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их* (Деян. 13. 2–3). ‖ [6] Преподобный Марк Подвижник. Слово 8, о пощении и смирении.

Пост отрешает человека от плотских страстей, а молитва борется с душевными страстями и, победив их, проникает весь состав человека, очищает его; в очищенный словесный храм она вводит Бога.

Кто, не обработав земли, засевает ее, тот погубляет зерна и вместо пшеницы пожинает терние. Так и мы, если будем сеять семена молитвы, не истончив плоти, то вместо правды плодопринесем грех. Молитва будет уничтожаться и расхищаться различными суетными и порочными помышлениями и мечтаниями, оскверняться ощущениями сладострастными. Плоть наша произошла от земли и, если не возделать ее подобно земле, никогда не может принести плода правды[1].

Напротив, если кто обработает землю с великим тщанием и издержками, но оставит ее незасеянною, то она густо покрывается плевелами. Так, когда тело будет истончено постом, а душа не возделается молитвою, чтением, смиренномудрием, тогда пост делается родителем многочисленных плевелов — душевных страстей: высокоумия, тщеславия, презорства[2].

Что такое — страсть объядения и пьянства? Потерявшее правильность естественное желание пищи и пития, требующее гораздо большего количества и разнообразного качества их, нежели сколько нужно для поддержания жизни и сил телесных, на которые излишнее питание действует противоположно своему естественному назначению, действует вредно, ослабляя и уничтожая их.

Желание пищи выправляется простой трапезой и воздержанием от пресыщения и наслаждения пищею. Сперва должно оставить пресыщение и наслаждение: этим изощряется желание пищи и получает правильность. Когда ж желание сделается правильным, тогда оно удовлетворяется простой пищей.

Напротив того, желание пищи, удовлетворяемое пресыщением и наслаждением, притупляется. Для возбуждения его мы прибегаем к разнообразным вкусным яствам и напиткам. Желание сперва представляется удовлетворенным; потом делается прихотливее и наконец обращается в болезненную страсть, ищущую непрестанного наслаждения и пресыщения, постоянно пребывающую неудовлетворенною.

Намереваясь посвятить себя на служение Богу, положим в основание подвига нашего пост. Существенным качеством всякого основания должна быть непоколебимая твердость: иначе невозможно

[1] Преподобный Марк Подвижник. Слово 8, о пощении и смирении. ||
[2] Там же.

устоять на нем зданию, как бы здание само по себе не было прочно. И мы никак, никогда, ни под каким предлогом не дозволим себе нарушить поста пресыщением, особенно же упивством.

Наилучшим постом признают святые Отцы употребление пищи однажды в день не досыта. Такой пост не расслабляет тела продолжительным неядением и не отягощает его излишеством пищи, притом сохраняет его способным к душеспасительной деятельности. Такой пост не представляет никакой яркой особенности, и потому постящийся не имеет причины к превозношению, к которому так склонен человек по поводу самой добродетели, особенно когда она резко выставляется.

Кто занят телесными трудами или так слаб телом, что не может довольствоваться употреблением пищи однажды в день, тот должен вкушать дважды. Пост для человека, а не человек для поста.

Но при всяком употреблении пищи, и редком и частом, строго воспрещается пресыщение: оно делает человека неспособным к духовным подвигам и отворяет дверь другим плотским страстям.

Неумеренный пост, то есть продолжительное излишнее воздержание в пище, не одобряется святыми Отцами: от безмерного воздержания и происходящего от него изнеможения человек делается неспособным к духовным подвигам, часто обращается к объядению, часто впадает в страсть превозношения и гордости.

Весьма важно качество пищи. Запрещенный райский плод, хотя был прекрасным на вид и вкусным, но он пагубно действовал на душу: сообщал ей познание добра и зла и тем уничтожал непорочность, в которой были созданы наши праотцы.

И ныне пища продолжает сильно действовать на душу, что особенно заметно при употреблении вина. Такое действие пищи основано на разнообразном действии ее на плоть и кровь и на том, что пары ее и газы от желудка подымаются в мозг и имеют влияние на ум.

По этой причине все охмеляющие напитки, особливо хлебные, возбраняются подвижнику, как лишающие ум трезвости и тем победы в мысленной брани. Побежденный ум, особливо сладострастными помыслами, усладившийся ими, лишается духовной благодати; приобретенное многими и долговременными трудами теряется в несколько часов, в несколько минут.

«Монах отнюдь не должен употреблять вина», — сказал преподобный Пимен Великий[1]. Этому правилу должен последовать и всякий

[1] Алфавитный патерик.

благочестивый христианин, желающий сохранить свое девство и целомудрие. Святые Отцы следовали этому правилу, а если и употребляли вино, то весьма редко и с величайшею умеренностию.

Горячительная пища должна быть изгнана с трапезы воздержника как возбуждающая телесные страсти. Таковы перец, имбирь и другие пряности.

Самая естественная пища — та, которая назначена человеку Создателем немедленно по создании — пища из царства растительного. Сказал Бог праотцам нашим: *Се, дах вам всякую траву семенную сеющую семя, еже есть верху земли всея: и всякое древо, еже имать в себе плод семене семеннаго, вам будет в снедь*[1]. Уже после потопа разрешено употребление мяса[2].

Растительная пища есть наилучшая для подвижника. Она наименее горячит кровь, наименее утучняет плоть; пары и газы, отделяющиеся от нее и восходящие в мозг, наименее действуют на него; наконец, она — самая здоровая, как наименее производящая слизей в желудке. По этим причинам при употреблении ее с особенною удобностию сохраняется чистота и бодрость ума, а с ними и его власть над всем человеком; при употреблении ее слабее действуют страсти, и человек более способен заниматься подвигами благочестия.

Рыбные яства, особливо приготовленные из крупных морских рыб, уже совсем другого свойства: они ощутительнее действуют на мозг, тучнят тело, горячат кровь, наполняют желудок вредными слизями, особливо при частом и постоянном употреблении.

Эти действия несравненно сильнее от употребления мясной пищи: она крайне утучняет плоть, доставляя ей особенную дебелость, горячит кровь; пары и газы ее очень отягощают мозг. По этой причине она вовсе не употребляется монахами; она — принадлежность людей, живущих посреди мира, всегда занятых усиленными телесными трудами. Но и для них постоянное употребление ее вредно.

«Как! — воскликнут здесь мнимые умницы. — Мясная пища разрешена человеку Богом, и вы ли воспрещаете употребление ее?» — На это мы отвечаем словами Апостола: *Вся ми леть суть* (то есть все мне позволено), *но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не вся назидают*[3]. Мы уклоняемся от употребления мяс не потому, чтобы счи-

---

[1] *Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя, — вам сие будет в пищу* (Быт. 1. 29). || [2] *Все движущееся, что живет, будет вам в пищу* (Быт. 9. 3). || [3] *Все мне позволительно, но не все полезно, все мне позволительно, но не все назидает* (1 Кор. 10. 23).

тали их нечистыми, но потому, что они производят особенную дебелость во всем нашем составе, препятствуют духовному преуспеянию.

Святая Церковь мудрыми учреждениями и постановлениями своими, разрешив христианам, живущим посреди мира, употребление мяса, не допустила постоянного употребления их, но разделила времена мясоядения временами воздержания от мяса, временами, в которые вытрезвляется христианин от своего мясоядения. Такой плод постов может узнать на себе опытом всякий соблюдающий их.

Для иночествующих запрещено употребление мяса, дозволено употребление молочной пищи и яиц во времена мясоядений. В известные времена и дни им разрешается употребление рыбы. Но наибольшее время они могут употреблять только одну растительную пищу.

Растительная пища почти исключительно употребляется самыми ревностными подвижниками благочестия, особливо ощутившими в себе хождение Духа Божия[1], по вышесказанному удобству этой пищи и ее дешевизне. Для пития они употребляют одну воду, избегая не только разгорячающих и охмеляющих напитков, но и питательных, каковы все хлебные напитки[2].

Правила поста установлены Церковию с целию вспоможения чадам ее, как руководство для всего христианского общества. При этом предписано каждому рассматривать себя с помощию опытного и рассудительного духовного отца и не возлагать на себя поста, превышающего силы: потому что, повторяем, пост для человека, а не человек для поста; пищею, данною для поддержания тела, не должно разрушать его.

«Если удержишь чрево, — сказал святой Василий Великий, — то взойдешь в рай; если же не удержишь, то будешь жертвою смерти»[3]. Под именем рая здесь должно разуметь благодатное молитвенное состояние, а под именем смерти — состояние страстное. Благодатное состояние человека во время пребывания его на земле служит залогом вечного блаженства его в небесном Эдеме; ниспадение во власть греха и в состояние душевной мертвости служит залогом ниспадения в адскую пропасть для вечного мучения. Аминь.

---

[1] 2 Кор. 6. 17. ‖ [2] Лествица. Слово 14, гл. 12. ‖ [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 5. Помысл чревообъядения.

О образе и подобии Божиих в человеке

Сотворим человека по образу Нашему и по подобию[1], таинственно совещался в Самом Себе и с Самим Собою Бог-Троица пред сотворением человека.

Человек — образ и подобие Бога. Бог, неприступный в величии Своем, Бог, превысший всякого образа, изобразился в человеке, изобразился с ясностию и славою. Так изображается солнце в смиренной капле воды. Существо человека, верховная его сила, которою он отличается от всех земных животных, которою он равен Ангелам, дух его, есть образ существа Божия; свойства духа человеческого служат в состоянии непорочности своей подобием свойств Бога, Который, начертав всемогущею десницею Свое подобие на человеке, пребывает превыше всякого подобия и сравнения.

Какое же превосходное, исполненное многообразного достоинства, многообразной красоты существо — человек?!

Для него создана Создателем вся видимая природа; вся она назначена в служение ему, вся она — его чудная обстановка.

Когда Создатель извлекал в бытие из ничтожества все прочие творения, довольствовался тем, что произносил Свое всемогущее повеление. Когда же восхотел завершить дело мироздания сотворением изящнейшего, совершеннейшего создания, Он предваряет сотворение совещанием.

Громадное вещество в его необозримом и неисчислимом разнообразии, созданное прежде человека, было — скажем утвердительно, потому что скажем справедливо — созданием приготовительным.

Так земной царь устраивает и украшает великолепный чертог для того, чтоб в нем поставить свое изображение.

Царь царей и Бог богов приготовляет всю видимую природу со всем ее убранством, со всем зримым нами изумительным великолепием. Потом в этот чертог поставляет, как конечную причину всего, Свой образ.

По окончании мироздания, пред созданием человека, Бог осматривает сотворенное Им и находит его удовлетворительным: *виде Бог, яко добра*[2].

По сотворении человека снова Бог осматривает все сотворенное Им и уже находит творение Свое изящным, полным, совершенным: *и виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело*[3].

---

[1] *...сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему* (Быт. 1. 26). ‖ [2] *И увидел Бог, что **это** хорошо* (Быт. 1. 25). ‖ [3] *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт. 1. 31).

Человек! пойми твое достоинство.

Взгляни на луга и нивы, на обширные реки, на беспредельные моря, на высокие горы, на роскошные древа, на всех зверей и скотов земных, на всех зверей и рыб, странствующих в пространствах воды, взгляни на звезды, на луну, на солнце, на небо: это все — для тебя, все назначено тебе в услужение.

Кроме видимого нами мира, есть еще мир, не видимый телесными очами, несравненно превосходнейший видимого. И невидимый мир — для человека.

Как Господь почтил образ Свой! какое предначертал ему высокое назначение! Видимый мир — только предуготовительное преддверие обители, несравненно великолепнейшей и пространнейшей. Здесь, как в преддверии, образ Божий должен украситься окончательными чертами и красками, чтоб получить совершеннейшее сходство со своим всесвятейшим, всесовершеннейшим Подлинником, чтоб в красоте и изяществе этого сходства войти в тот чертог, в котором Подлинник присутствует непостижимо, как бы ограничивая Свою неограниченность для явления Себя Своим возлюбленным разумным тварям.

Образ Троицы-Бога — троица-человек.

Три лица в троице-человеке — три силы его духа, которыми проявляется существование духа. Мысли наши и духовные ощущения проявляют существование ума, который, проявляясь со всей очевидностию, вместе пребывает вполне невидимым и непостижимым.

В Священном Писании и в писаниях святых Отцов иногда вообще душа называется духом, иногда называется духом отдельная сила души. Отцы называют эту силу души словесностию, или силою словесности. Они разделяют ее на три частные силы: ум, мысль (или слово) и дух. Умом они называют сам источник, само начало и мыслей, и духовных ощущений. Духом, в частном значении, называется способность духовного ощущения. Нередко в Отеческих писаниях словесная сила или дух называются умом, нередко называются умами сотворенные духи. Целое получает имя от главной своей части.

Самое существо души нашей — образ Бога. И по падении в грех душа пребывает образом! И вверженная в пламень ада душа грешная, в самом пламени ада, пребывает образом Божиим! Так учат святые Отцы[1].

Воспевает Святая Церковь в своих песнопениях: «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу прегрешений»[2].

---

[1] Святитель Димитрий Ростовский. Летопись. || [2] Тропари по Непорочных в субботу, гл. 5. Псалтирь с восследованием.

Ум наш — образ Отца; слово наше (непроизнесенное слово мы обыкновенно называем мыслию) — образ Сына; дух — образ Святого Духа.

Как в Троице-Боге три Лица неслитно и нераздельно составляют Одно Божественное Существо, так в троице-человеке три лица составляют одно существо, не смешиваясь между собою, не сливаясь в одно лицо, не разделяясь на три существа.

Ум наш родил и не перестает рождать мысль; мысль, родившись, не перестает снова рождаться и вместе с тем пребывает рожденною, сокровенною в уме.

Ум без мысли существовать не может и мысль — без ума. Начало одного непременно есть и начало другой; существование ума есть непременно и существование мысли.

Точно так же дух наш исходит от ума и содействует мысли. Потому-то всякая мысль имеет свой дух, всякий образ мыслей имеет свой отдельный дух, всякая книга имеет свой собственный дух.

Не может мысль быть без духа, существование одной непременно сопутствуется существованием другого. В существовании того и другого является существование ума.

Что — дух человека? — Совокупность сердечных чувств, принадлежащих душе словесной и бессмертной, чуждых душам скотов и зверей.

Сердце человека отличается от сердца животных духом своим. Сердца животных имеют ощущения, зависящие от крови и нервов, не имеют ощущения духовного — этой черты Божественного образа, исключительной принадлежности человека.

Нравственная сила человека — дух его.

Наш ум, слово и дух, по единовременности своего начала и по своим взаимным отношениям, служат образом Отца, Сына и Святого Духа, Совечных, Собезначальных, Равночестных, Единоестественных.

Видевый Мене виде Отца, возвестил Сын, *Аз во Отце, и Отец во Мне есть*[1]. То же можно сказать об уме человеческом и мысли его: ум, невидимый сам по себе, является в мысли; ознакомившийся с мыслию, ознакомился с умом, произведшим эту мысль.

Господь наименовал Дух Святой *силою свыше*[2], *Духом Истины*[3]; Истина — Сын. Свойство силы имеет и дух человеческий; он есть и дух мыслей человека, истинны ли они или ложны. Он проявляется и в тайных движениях сердца, и в образе мыслей, и во всех

[1] *Видевший Меня видел Отца... Я в Отце и Отец во Мне* (Ин. 14. 9, 10). ‖ [2] Лк. 24. 49. ‖ [3] Ин. 14. 17.

действиях человека. Духом человека вынаруживается и ум его, и образ мыслей; дух каждого поступка вынаруживает мысль, руководившую человеком при поступке.

Милосердый Господь украсил Свой образ и подобием Своим. Образ Бога — самое существо души, подобие — душевные свойства.

Был новосотворенный образ Божий — человек, — подобно Богу, бесконечен, премудр, благ, чист, нетленен, свят, чужд всякой греховной страсти, всякого греховного помышления и ощущения.

Искусный художник сперва изображает форму, черты того лица, с которого снимает портрет. Изобразив с точностию эти черты, он дает лицу, самой одежде цвет и краски подлинника — тем усовершает сходство. Бог, сотворив Свой образ, украсил его Своим подобием: свойственно образу Божию иметь по всему сходство с Богом. Иначе образ был бы недостаточен, недостоин Бога, не выполнял своего назначения, не соответствовал ему.

Увы! увы! Восплачьте, небеса! восплачь, солнце; восплачьте, все светила; восплачь, земля; восплачьте, все твари небесные и земные! восплачь, вся природа! восплачьте, святые Ангелы! Возрыдайте горько, неутешно! Облекитесь, как в одежду, в глубокую печаль! — Совершилось бедствие, бедствие, вполне достойное назваться бедствием: образ Божий пал.

Почтенный самовластием от Бога, как одним из ярких, живых цветов Богоподобия, обольщенный ангелом, уже падшим, он сообщился мысли и духу темным отца лжи и всякой злобы. Сообщение это осуществил действием: разъединением с волею Божиею. Этим отогнал от себя Дух Божий, исказил Божественное подобие, сделал самый образ непотребным.

Живо и точно изобразил Екклезиаст бедствия падения: *Развращенное*, сказал он, *не может исправитися, и лишение не может изчислитися*[1].

Расстройство образа и подобия удобно каждому усмотреть в себе. Красота подобия, состоящая из совокупности всех добродетелей, осквернена мрачными и смрадными страстями. Черты образа лишены своей правильности, своего взаимного согласия: мысль и дух борются между собою, выходят из повиновения уму, восстают против него. Сам он — в непрестанном недоумении, в омрачении страшном, закрывающем от него Бога и путь к Богу, святой, непогрешительный.

---

[1] *Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать* (Еккл. 1. 15).

Ужасным мучением сопутствуется расстройство образа и подобия Божия. Если человек внимательно, в уединении, в течение значительного времени постоянно будет смотреть в себя, то он убедится, что это мучение действует непрерывно — раскрывается и закрывается смотря по тому, много или мало заглушает его развлечение.

Человек! твои развлечения, твои увеселения — обличители живущей внутри тебя муки. Ты ищешь заглушить ее чашей шумных забав и непрерывного развлечения. Несчастный! Едва выпадет для тебя минута трезвения, как ты снова убеждаешься, что мука, которую ты старался уничтожить развлечением, живет в тебе. Развлечение служит для нее пищей, средством укрепления: отдохнув под сению развлечения, му́ка просыпается с новыми силами. Она — свидетельство, живущее в самом человеке, свидетельствующее ему о его падении.

Печатью, свидетельством падения запечатлено тело человека. С самого рождения своего оно во вражде, в борьбе со всем окружающим и с самой живущей внутри него душою. Наветуют против него все стихии; наконец, утомленное внутренними и внешними бранями, поражаемое недугами, угнетаемое старостию, оно падает на косу смерти — хотя и сотворено бессмертным, рассыпается в прах.

И снова является величие образа Божия! оно является в самом падении его, в способе, которым человек извлечен из падения.

Бог, одним из Лиц Своих, восприял на Себя образ Свой: вочеловечился; Собою извлек его из падения, восстановил в прежней славе, возвел к славе несравненно высшей, нежели та, которая была ему усвоена при сотворении.

В милости Своей праведен Господь. При искуплении Он возвеличил образ Свой более, нежели при создании: человек не сам себе изобрел падение, как изобрел его падший ангел, — привлечен в падение завистию, обманут злом, прикрывшимся личиною добра.

Все Лица Троицы-Бога участвуют в деле вочеловечения, каждое в свойстве Лица своего. Отец пребывает родившим и рождающим, Сын рождается, действует Дух Святой.

И здесь опять видно, какой точный образ — человек Бога. Принимает человечество Сын; через Него вся Троица-Бог вступает в общение с человеком. Мысль наша, чтоб сообщиться с человеками, облекается в звуки: невещественная — сопрягается с веществом; через посредство ее входит в общение дух, является ум.

Вочеловечился Сын — Божие Слово, Божия Истина. Истиною исправлена, очищена наша мысль; наш дух сделался способным к

общению со Святым Духом. Святым Духом оживлен умерщвленный вечною смертию дух наш. Тогда ум вступил в познание и видение Отца.

Троица-человек исцеляется Троицей-Богом: Словом исцеляется мысль, переводится из области лжи, из области самообольщения, в область Истины; Духом Святым оживотворяется дух, переводится из ощущений плотских и душевных в ощущения духовные; уму является Отец — и ум соделывается умом Божиим. *Ум Христов имамы*[1], говорит Апостол.

До пришествия Святого Духа человек, как мертвый духом, вопрошал: *Господи, покажи нам Отца*[2]. По принятии Духа сыноположения, ощутив сыновство свое, ожив духом для Бога и спасения от действия Святого Духа, он относится к Отцу как к знаемому, как к Отцу: *Авва Отче*![3]

В купели Крещения восставляется падший образ, человек рождается в жизнь вечную водою и Духом. Отселе Дух, отступивший от человека при падении его, начинает соприсутствовать ему во время его земной жизни, исцеляя покаянием повреждения, наносимые человеку грехом после Крещения, и таким образом соделывая ему возможным спасение посредством покаяния до последнего издыхания.

Красота подобия восстановляется Духом, как и образ при Крещении. Она развивается, усовершается исполнением евангельских заповедей.

Образец этой красоты, полнота этой красоты — Богочеловек, Господь наш Иисус Христос.

Подражателе мне бывайте, якоже и аз Христу[4], возвещает Апостол, призывая верных к восстановлению и усовершенствованию в себе Божественного подобия, указывая на Священнейший Образец совершенства новых человеков, воссозданных, обновленных искуплением. *Облецытеся Господем нашим Иисусом Христом*[5].

Бог-Троица, при искуплении образа Своего — человека, дал такую возможность к преуспеянию в усовершенствовании подобия, что подобие обращается в соединении образа с Подлинником, бедной твари с всесовершенным Творцом ее.

Дивен, чуден образ Божий, тот образ, из которого светит, действует Бог! Тень Петра Апостола исцеляла! Солгавший пред ним пал внезапно мертвым, как солгавший пред Богом! Убрусцы

---

[1] *А мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2. 16). ‖ [2] Ин. 14. 8. ‖ [3] Рим. 8. ‖ [4] *Будьте подражателями мне, как я Христу* (1 Кор. 11. 1). ‖ [5] *...облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 13. 14).

и головные повязки Апостола Павла совершали знамения! Кости Елисея Пророка воскресили мертвеца, телу которого неосторожность погребателей допустила прикоснуться к давно покоившимся в гробу костям Духоносца!

Ближайшее подобие, соединение получается и по получении удерживается пребыванием в евангельских заповедях. *Будите во Мне*, заповедует Спаситель ученикам Своим, *и Аз в вас. Аз есмь лоза, вы же рождие: и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног*[1].

Блаженнейшее соединение доставляется, когда с чистою совестию, очищаемой удалением от всякого греха, точным исполнением евангельских заповедей христианин приобщается Святейшего Тела Христова и Святейшей Его Крови, а вместе и соединенного с ними Божества Его. *Ядый Мою Плоть*, сказал Спаситель, — *и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*[2].

Разумный образ Божий! Рассмотри: к какой славе, к какому совершенству, к какому величию ты призван, предназначен Богом!

Непостижимая премудрость Создателя предоставила тебе сделать из себя то, что пожелаешь сделать.

Разумный образ Божий! Неужели ты не захочешь пребыть достойным образом Божиим, захочешь исказить себя, уничтожишь подобие, превратишься в образ диавола, низойдешь к достоинству бессловесных?

Не всуе излил Бог Свои блага, не напрасно совершил чудное мироздание, не тщетно почтил предварительным совещанием создание Своего образа, не безотчетливо Собою искупил его, когда он пал! Во всех дарах Своих Он потребует отчета. Он будет судить, как употреблены Его щедроты, как оценено Его вочеловечение, как оценена кровь Его, пролитая за нас при нашем искуплении.

Горе, горе тварям, пренебрегшим благодеяниями Бога, Создателя-Искупителя!

Огнь вечный, бездна огненная, зажженная давно, неугасимая, приготовленная для диавола и ангелов его, ожидает образы Божии, искаженные, сделавшиеся непотребными. Там они будут гореть вечно, не сгорать вечно!

Братия! Доколе мы странствуем на земле, доколе мы в преддверии к вечности — в этом видимом мире — постараемся привести в

---

[1] *Пребудьте во Мне, и Я в вас... Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода* (Ин. 15. 4–5). ‖ [2] *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6. 56).

правильность черты образа Божия, напечатленного Богом на душах наших, дать оттенкам и цветам подобия красоту, живость, свежесть, и Бог на испытании страшном признает нас способными к вступлению в Его вечный блаженный чертог, в Его вечный день, в Его вечные праздник и торжество.

Ободримся, маловерные! подвигнемся, ленивые! Подобострастный нам человек, сперва в омрачении своем гнавший Церковь Божию, бывший противником, врагом Бога, столько исправил в себе, по обращении своем, Богоданный Божественный образ, столько усовершил подобие, что с дерзновением возвещает о себе: *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос!*[1]

Никто да не усомнится в истине этого гласа! Этот глас был столько преисполнен всесвятой Истины, столько содействовал ему Дух Святой, что на глас Павла воскресали мертвецы, демоны исходили из мучимых ими людей, умолкали бесовские прорицалища, враги Света Божия лишались света очей, язычники отвергли своих идолов, познали Христа — истинного Бога и поклонились Ему. Аминь.

Размышление,

заимствованное из первого послания святого апостола Павла к Тимофею, относящееся преимущественно к монашеской жизни

Слово Божие есть завещание: принявшим Слово Божие оно доставляет спасение и блаженство[2].

Любовь рождается от чистоты сердца, непорочной совести и нелицемерной веры[3].

Возделывай эти добродетели, сохраняя внимательность к себе и молчание, чтоб достичь любви, которая — верх и совокупность христианского совершенства.

Чистота сердца нарушается принятием греховных помыслов, в особенности блудных; непорочность совести — произвольными грехами; вера ослабляется упованием на свой разум, неискренностию и самолюбием.

Кто захочет рассуждать об истине без просвещения свыше, тот только вдастся в пустые беседы и прения, уклонится от пути, ведущего в любовь[4].

[1] *...и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2. 20). || [2] 1 Тим. 1. 5. || [3] 1 Тим. 1. 5. || [4] 1 Тим. 1. 6–7.

От безвременного, превышающего знание, тщеславного рассуждения об истине родились ереси, заблуждения и богохульство.

Постоянство в православном исповедании догматов веры питается и хранится делами веры и непорочностию совести.

Не руководствующиеся верою в своих поступках и нарушающие непорочность совести произвольным уклонением в грехи не возмогут сохранить своего знания догматов в должной чистоте и правильности: это знание, как знание о Боге, требует необходимой чистоты ума, которая свойственна одним только благонравным и целомудренным[1].

Един Бог и Един Посредник между Богом и людьми — Богочеловек Иисус Христос[2]. Никто не может приступить и приблизиться к Богу без этого Посредника. Отвергающий Посредника отвергает и Бога. *Отметаяйся Сына, ни Отца имать. Иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем*[3].

Духовный разум состоит в познании Истины верой. Сперва приобретается познание веры; вера, усвоившись христианину, изменяет его разум откровением ему Истины, которая — Христос.

Достигшие мужеского возраста о Христе получают непрестанную молитву, которую совершают в тайне душевной клети на всяком месте и во всякое время. Христианин тогда получает непрестанную молитву, когда воля его и зависящая от воли деятельность поглощены будут разумением, желанием и исполнением воли Божией. Этим водворяется в сердце живая вера, евангельская простота, мир Божий, чуждый всякого возмущения.

Таковой разумный младенец непрестанно видит свою немощь, непрестанно верует, непрестанно алчет и жаждет Божественной правды и потому — непрестанно молится[4].

Добродетели, особенно нужные безмолвнику, суть: кроткая покорность Богу, расположение к молчанию, удаление от бесед, даже полезных, но отдаляющих от беседы с Богом и нарушающих безмолвие сердечное. Особенно в начале своего подвига безмолвник способен к увлечению впечатлениями внешними. Тщательное пребывание в келлии, удаление от свиданий со знакомыми и от всех видов развлечения противодействуют этой немощи[5].

Новопостриженному иноку не должно поручать должностей, значащих в монастыре, потому что он удобно может возгордиться и подвергнуться другим козням диавола[6].

---

[1] 1 Тим. 1. 19. ‖ [2] 1 Тим. 2. 5. ‖ [3] *Отвергающий Сына, не имеет и Отца. Не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем* (1 Ин. 2. 23; Ин. 3. 36). ‖ [4] 1 Тим. 2. 8. ‖ [5] 1 Тим. 2. 11–12. ‖ [6] 1 Тим. 3. 6–7.

Таинственное знание и ощущение веры соблюдается чистотой совести.

Церковь Бога Живого есть столп и утверждение истины. Потому Бог именуется здесь живым, что действует. Действует Он во всех верующих Таинствами, а в избранных, сверх Таинств, многоразличными явными благодатными дарованиями. Этим доказывается твердость и непоколебимость в истине Восточной Церкви. Напротив того, Церкви инославные, хотя и украшают себя именем Церквей Христовых, хотя признают Бога, но не действующего, как бы мертвого (для мертвых и живой — мертв!), чем обнаруживают, что они поколебались, не устояли в истине.

Великое таинство благочестия[1]! Бог явился во плоти; доказал, что Он Бог Духом, то есть учением Своим, которое — Дух и живот; делами своими, совершенными о персте Божии; дарованием Духа Святого человекам. Облекшись плотию, Он соделался видимым не только для человеков, но и для Ангелов, для которых по Божеству Он — невидим[2]. Язычники, погибавшие от неведения Бога, услышали проповедь спасения. Приемлет учение о Боге не мудрость земная, не возвышенный разум, не обширная ученость, не богатое, высокое и славное мира, но смиренный залог сердца, верою. Уверовавшие в Бога вступают в усвоение Ему и, вознесшись благодатию превыше всего временного, получают таинственное, опытное знание, что Он вознесся на небо и возносит туда с Собою истинно верующих в Него.

Не утвердившие и не возрастившие веру от слуха делами веры удобно обольщаются учением лжи, лицемерно принимающей вид истины[3].

Телесные подвиги *вмале полезны*[4], то есть они могут только укротить страсти, а не искоренить их. Благочестие же, которое состоит в невидимом упражнении ума и сердца при православной вере, *на все полезно:* при нем только может человек ощутить жизнь вечную, вкушаемую святыми здесь отчасти, как в обручении, вполне раскрывающуюся по разлучении души с телом. Жизнь вечная заключается в многообразном действии благодати в душе, которое ощущается по мере очищения от страстей. Слово это, как сказанное от духовного опыта, верно; оно достойно быть принятым[5] как начало, от которого христианин может востечь к неизреченным благам, полагая восхождения в сердце своем.

---

[1] 1 Тим. 3. 16. ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Беседа 4, гл. 9. ‖ [3] 1 Тим. 4. 1. ‖ [4] ...*мало полезно* (1 Тим. 4. 8). ‖ [5] 1 Тим. 4. 9.

Вера и внимание приводят к познанию креста Христова, от чего великодушное терпение скорбей, рождаемое и питаемое упованием на Бога Живого, то есть действующего благодатным утешением в сердце терпящего о Христе[1].

Когда благодатное утешение действует при таинственном познании Христа и Его смотрения, тогда христианин не осуждает ни иудея, ни язычника, ни явного беззаконника[2], но пламенеет ко всем тихою, непорочною любовию. Он созерцает чистотою ума своего, что со времени пришествия Христова достоинство, цену, похвалу и спасение человека составляет Христос, а не естественные добродетели человеческие. Он непрестанно желает быть распятым, потому что слух его отверзся, и он слышит глас Христа Бога своего, ему говорящий: *Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин. Обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[3]. Чашу скорбей он считает чашею спасения, свидетельством избрания, даром Божиим. Он не может иметь ненависти и врагов, потому что наносящие ему скорби в глазах его — не что иное, как орудия промысла Божия[4]; он извиняет их, приводя в причину оправдания неведение их; он благословляет их, как орудия благодетельствующего ему Бога. «Могу ли, — говорит он себе, — могу ли осудить тех, которые теперь, предо мною, впадают в явные беззакония, когда Христос уже искупил все грехи их, прошедшие, настоящие и будущие, когда они во Христе уже имеют оправдание и спасение, которых иначе лишиться не могут, как отвергнув Христа до конца?»[5]

Не должно подавать ближним никакого соблазна своим поведением[6]. Потому сохраняй по душе и по телу благоговение. Будь скромен и прост в словах и телодвижениях; в домашней твоей жизни будь воздержен, целомудр, не дерзок; по душе будь кроток, ко всем любовен, правдив, мудр, никак не допускай себе лукавства и лицемерия; вместо них имей веру, которая научит тебя, что мир и судьбы каждого человека управляются Промыслом Божиим, а

[1] 1 Тим. 4. 10. ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Беседа 8, гл. 6. ‖ [3] *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10. 38–39). ‖ [4] Преподобный Макарий Великий. Беседа 37, гл. 2, 4. ‖ [5] Опытное доказательство сказанного видим в святом мученике Арриане. Он, будучи идолопоклонником, в сане игемона [римского начальника завоеванной области. — *Ред.*], обагрил себя кровию многих святых мучеников, потом уверовал во Христа и веру запечатлел торжественным исповедованием ее и своею кровию. Четьи-Минеи. Страдание святого мученика Филимона в 14 день декабря, также святых мучеников Тимофея и Мавры 3 мая. ‖ [6] 1 Тим. 4. 12.

не ухищрениями разума человеческого и что по этой причине должно наблюдать кроткую христианскую правоту в делах, словах и помышлениях.

«Доколе не приду к тебе, — говорит благодать Божия подвижнику Божию, — и, вселившись в тебя, не заменю собою всякое наставление извне, занимайся внимательно чтением, молитвою, наставляйся учением преуспевших. Не позволяй себе нерадения, но с постоянством пребывай во внимании. Тогда постепенное преуспеяние твое будет очевидно; ты стяжаешь спасение и будешь полезен для ближних словом назидательным и спасительным»[1].

Кто истинно ощутил бедность естества Адамова, кто познал, что оно находится в горестном падении и погибели, тот, конечно, вместе с этим понял и убедился, что человеку для спасения необходимо приобщиться Христу. Такое познание есть признак истинной вдовицы. Ей дозволяется вступить в безмолвие, чтоб пребывать в молитвах и молениях день и ночь, чтоб ощутительно вообразился в ней Христос[2].

Как кормчий смотрит на звезды и по ним направляет ход корабля, так и безмолвник должен непрестанно взирать на Бога, Его видеть очами веры и надежды, чтоб сохраниться в постоянстве и терпении. На море безмолвия предшествуют необыкновенной тишине необыкновенные бури.

Безмолвник, увлекающийся чревоугодием, предающийся излишнему сну и изнеженности или вообще сластолюбию и самолюбию, доказывает этим, что он мертв душою, хотя и жив по телу[3]. Христос, истинная Жизнь, обитает в одних только распятых.

Возраст вдовицы, способный к безмолвию, определяется шестьюдесятью годами[4], чем означается в духовном отношении средняя мера преуспеяния, изображаемого в Евангелии числами тридцать, шестьдесят и сто. В этой средней мере находятся те, которые, хотя и душевны, но прияли молитвенную силу к победе во время браней, которым открылось таинство креста, которые ощущают во время скорбей, наносимых извне, благодатное действие в душах своих, служащее вместе и светом, и утешением для сердца.

Безмолвник, прежде вступления в безмолвие, должен иметь свидетельство от добрых дел. Рассматривай себя, ты, желающий вступить в пристанище, или, правильнее сказать, в море безмолвия! Последовал ли ты всякому делу благому, не по естеству ветхого Адама, но сообразно свойствам Нового?[5] Иначе: приял ли

---

[1] 1 Тим. 4. 14, 15, 16. ‖ [2] 1 Тим. 5. 5. ‖ [3] 1 Тим. 5. 6. ‖ [4] 1 Тим. 5. 9. ‖ [5] 1 Тим. 5. 10.

ты на себя иго смирения и кротости, вкусил ли ты, что это иго благо и бремя легко? Иначе: изучил ли заповеди евангельские? ум твой и сердце сделались ли их скрижалями, а поведение твое их выражением и последствием? Не ищешь ли ты правды вне креста? Если ищешь, то ты не способен, не готов к безмолвию, в которое вступать, не осудив себя и пребывая в осуждении ближних, бедственно.

Юных по духовному возрасту подвижников, хотя бы они были и стары по плоти, хотя бы они стремись от мира и потому заслуживали имя вдовиц, не должно допускать до безмолвия[1]. Они, по недостатку духовного разума, не могут быть постоянны в мысли, что для спасения единственно необходим один Христос; они не стерпят своей мертвости, захотят оживить свое «я» в добрых делах, принадлежащих душевному человеку, чем свергнут с себя иго Христово и вступят в естество ветхого Адама. Лучше им упражняться в деятельных добродетелях; лучше им, уклоняясь от всего нижеестественного, пребывать в естестве своем, чем стремиться преждевременно и неправильно к сверхъестественному.

Не воспрещается и им стремление к обновлению себя в Господе; но завещается стремление правильное: пусть они стараются исправить свои нравы по нраву Христову, изображенному в Евангелии. При исцелении нравов постепенно исцеляется и ум. Он, получив исцеление, то есть сделавшись чистым, ясно усматривает Истину, признает ее и исповедует. После этого, если Истине угодно, единственно по ее благоволению и избранию, ученик возводится на гору и соделывается зрителем преображения. Если же не так, то оставайся под горою, займись изгнанием беса из отрока. Бес изгоняется верою, молитвою и постом. Под именем поста должно разуметь не одно воздержание от неумеренности в пище, но воздержание от всех греховных начинаний. Вникавший в свое состояние и в состояние всего рода человеческого, зараженного грехом, подчинившегося духам тьмы, может понять таинственный ответ, данный Спасителю отцом беснующегося о времени, с которого началась болезнь сына: *рече: издетска*[2].

Покушение на преждевременное безмолвие влечет за собою неминуемые пагубные последствия. Дерзновенный, самонадеянный, омраченный и связанный неведением подвижник не найдет пищи для души своей в безмолвии, а от этого непременно впадет в уныние, которое в безмолвниках действует с особенною силою

---

[1] 1 Тим. 5. 11. ‖ [2] ...*сказал: с детства* (Мк. 9. 21).

и вредом, предавая их увлечению разнообразными лукавыми помыслами и мечтаниями. Пища для безмолвников есть благодатное просветительное утешение откровением таинства Креста Христова. Оно — дар свыше, а не познание, свойственное собственно естеству человеческому. Душевным духовное заменить невозможно. Если же кто будет усиливаться заменить, тот усвоит себе ложь вместо истины, в лицемерном образе истины. Плод лжи — расстройство, так как и плод уныния. Но расстройство от лжи различествует от расстройства, рождаемого унынием. Первое обнаруживается в самообольщении, в высоком о себе мнении, в хвастовстве мнимыми добродетелями своими и дарованиями, в презрении и осуждении ближних, оканчивается гордостию, прелестию, исступлением ума, иногда впадением в плотские страсти, а иногда самоубийством, всего чаще — беснованием и умоповреждением, которые обыкновенно называются сумасшествием. Второе обнаруживается в праздности, лености, в оставлении своей келлии, в расположении к развлечению беседами, частыми выходами, странствованиями, обращением к земной мудрости и учености. С оживлением душевного разума по свойству ветхого Адама отвергается вера, скрывается Промысл Божий от очей ума; человек, как бы вечный на земле, устремляется всецело к одному земному и постепенно ниспадает в состояние нижеестественное, страстное, плотское, которое есть, по отношению к истинной жизни — Христу, смерть души[1].

Кто впал в расстройство того и другого рода, в особенности же первого, тот по большей части делается вовсе не способным к жизни подвижнической. Впрочем, смирение исцеляет и такие недуги, которые сами по себе неисцелимы, как сказал Иоанн Лествичник[2].

Желающий быть чистым исполнителем заповедей Христовых должен крайне храниться от пристрастий[3]. Когда сердце заражено пристрастием, оно не может исполнить чистой и святой воли Христовой с подобающей святостию и чистотою. Исполняя волю свою вместо воли Христовой и упорствуя показывать, что творим волю Христову, впадаем в лицемерие. Нередко выказывая, а может быть, и думая, что творим волю Христову, по самой вещи исполняем волю диавола.

Те, которые стараются познать Христово учение не для него самого, но с целию постороннею, земною, с целию приобретения

---

[1] 1 Тим. 5. 12–13. || [2] Слово 25. || [3] 1 Тим. 5. 21.

корысти или чести, никогда не возмогут получить истинного духовного разума, потому что он есть дар Божий, даруемый смиренным по мере веры их, очищения от страстей и самоотвержения[1].

Если увидишь, что именующие себя учителями и мнящиеся знать Христа предаются спорам, зависти, злоречию, подозрительности, ненависти и прочим страстям, то знай, что они имеют одно мертвое знание от слуха, а ум и сердце их во мраке и недуге, как не исцеленные и не очищенные деланием заповедей евангельских[2]. Против их гремит изречение Господа: *Не вем вас*![3] Это говорит о Себе Истина — Христос тем, которые думают ведать Его не от дел веры, а от одного лишь слуха.

Кто познал, что род человеческий находится в падении, что земля есть место нашего изгнания, наша темница, где пробыв краткое время, мы выходим для получения или вечного блаженства, или вечной казни, тот, конечно, познал и то, что единое сокровище человека на земле — Христос, Спаситель погибших. Следовательно, единственное и неоцененное приобретение человека на земле — познание Христа и усвоение Христу. Желающий стяжать это сокровище будет ли желать приобретений и наслаждений временных? Напротив — он будет убегать их, опасаясь, чтоб они не развлекли его. Он будет доволен не только необходимым, но и скудостию. А довольный — богаче богатых![4]

Братия, мы вступили нагими в мир сей; выходя из него, оставим в нем и тела наши. Зачем же искать приобретений тленных? зачем искать того, что должно покинуть непременно? Не будем терять драгоценного времени для тления, чтоб не утратить единственного нашего сокровища — Христа. К Нему устремим и ум и сердце; имея пищу и одежду, будем этим довольны; не допустим к себе излишеств и прихотей, чтоб они, мало-помалу привлекая к себе нашу любовь, не лишили нас Христа[5].

Желающие обогатиться впадают в напасти и сети, которые приготовляет им самое их стремление к обогащению. Первым плодом этого стремления есть множество попечений и забот, отводящих ум и сердце от Бога. Душа, мало, холодно, небрежно занимающаяся Богом, получает грубость и впадает в нечувствие; страх Божий в ней изглаждается; отступает от нее воспоминание о смерти, ум помрачается и перестает видеть Промысл Божий, от чего теряется вера; надежда, вместо того чтоб утверждаться в Боге, обращается к идолу, приводя к подножию его и любовь. Тогда человек умира-

[1] 1 Тим. 6. 4–5. ‖ [2] 1 Тим. 6. 4. ‖ [3] *...не знаю вас* (Мф. 25. 12; 7. 23). ‖ [4] 1 Тим. 6. 6. ‖ [5] 1 Тим. 6. 7–8.

ет для добродетелей, предается лжи, лукавству, жестокости, словом сказать, всем порокам, и впадает в совершенную погибель, сделавшись сосудом диавола. *Корень всех зол есть сребролюбие*, как содержащее в себе причину и повод ко всем грехам[1].

И те, которых не вполне погубило сребролюбие, потому что они не вполне предались ему, а только искали умеренного обогащения, потерпели многие бедствия. Они опутали себя тяжкими заботами, впали в разнообразные скорби, принуждены были нередко нарушать непорочность совести, потерпели большой урон в духовном преуспеянии и видели в себе значительное уклонение от веры и духовного разума. — Для христианина нищета евангельская вожделеннее всех сокровищ мира, как руководствующая к вере и ее плодам. Подвижник Христов чем свободнее от мира, тем безопаснее, а сколько связался с миром, столько уже победился.

Лжеименный разум[2] есть образ мыслей и суждений, усвоившихся уму по падении человека. Как следствие падения, он имеет характер самообольщения, как следствие лжи и обмана, он не приемлет Истины — Христа; как высоко ценящий все земное, между тем как земля есть место изгнания падших, он противен вере и рождаемому ею духовному разуму, взирающему на все земное оком странника. Предмет лжеименного разума — одно временное и тленное. Когда предметом его делается вечное и духовное, то суждения его вполне неосновательны и ошибочны. Он лишен просвещения свыше, объясняющего предметы духовные; для собственных его сил, без откровения, эти предметы недоступны; посторонний в нем свет есть свет темных духов лжи. Все сведения доставляются ему чувствами телесными, которые повреждены падением. Когда не видимое чувственными очами сделается для него доступным какимлибо средством, например магнетизмом, то этим он умножает только свои заблуждения, укрепляет свое омрачение и самообольщение, как пребывающий в области лжи, как стяжающий одни превратные познания. Последователи его находятся в непрестанном несогласии между собою, противоречат один другому и сами себе. Он не требует от человека благонравия, напротив — предоставляет свободу грешить. Он считает себя правителем мира, потому отвергает Промысл Божий, если не всегда словами, то всегда самим делом. Он содержит в себе начало безбожия, которое составляет всю сущность каждого заблуждения, раскрываясь в нем более или

[1] *Корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6. 9–10). ‖ [2] 1 Тим. 6. 20.

менее. Наконец, он есть отрицательное богатство падших духов и тех человеков, которые находятся в общении с падшими духами.

Оставим мудрость мира сего, оставим упование на нее и приступим с верою и смирением к Божией мудрости и силе, к святой Истине — Христу, Который пришел в мир, *да спасется Им мир*[1]. Он Свет, которого тьма не объемлет и не приемлет[2]. Тот только способен Его принять, кто возлюбил правду. *Всяк делаяй злая ненавидит света. Не веруяй в Онь уже осужден есть. Сей же есть суд, яко Свет прииде в мир, и возлюбиша человецы паче тму неже Свет: беша бо их дела зла*[3]. Аминь.

О существенном делании монаха

Существенное делание монаха — молитва, как то делание, которое соединяет человека с Богом. Все прочие делания служат или приготовительными, или способствующими средствами для молитвы, или же даются тем, которые по нравственной немощи или по недостатку умственных способностей не могут заниматься всецело молитвою. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Не могущим претерпевать в молитве, хорошо находиться в служении (заниматься трудами и рукоделием в послушании), чтоб не лишиться того и другого; но тем, которые могут, лучше не нерадеть о лучшем»[4].

Преподобный Марк, объясняя слова Господа: *Делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный*[5], научает, что значение их заключается в том, чтоб молитвою искать *Царства Небесного*, которое *внутри нас*[6], как сказал Господь, обетовавший ищущим Небесного Царства доставить все телесные потребности Своим Божественным Промыслом[7].

Объясняя слова святого апостола Павла: *Не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная*[8], преподобный Марк говорит: «Апостол наставляет нас к исполнению совершенной воли Божией, желая, чтоб мы вовсе не были даже

---

[1] *...чтобы мир спасен был чрез Него* (Ин. 3. 17). || [2] Ин. 1. 5. || [3] *Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет... Неверующий уже осужден... Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы* (Ин. 3. 20, 18–19; 1 Тим. 6. 11, 16). || [4] Слово 4. || [5] *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6. 27). || [6] Лк. 17. 21. || [7] Мф. 6. 33. || [8] *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12. 2).

судимы. Зная же, что молитва содействует к совершению всех заповедей, он не перестает многократно и многообразно заповедовать о ней и говорить: *молящеся на всяко время духом, и в сие истое бдяще во всяцем терпении и молитве*[1]. Из этого знаем, что молитва различествует от молитвы; иное — непарительною мыслию молиться Богу, и иное — предстоять на молитве телом, а мыслию парить. Опять: иное — молиться в известные времена и приступать к молитве по окончании мирских бесед и занятий, и иное — предпочитать и предпоставлять молитву, сколько можно, мирским попечениям, по наставлению того же Апостола: *Господь близ: ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются Богу*[2]. Подобное этому говорит и блаженный апостол Петр: *Уцеломудритеся убо и трезвитеся в молитвах, все* попечение ваше *возвергше Нань, яко Той печется о вас*[3]. Во-первых же, и Сам Господь, зная, что все молитвою утверждается, говорит: *Не пецытеся, что ясте, или что пиете, или чим одеждитеся: но паче ищите Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*[4]. Может быть, этим Господь призывает нас и к большей вере: ибо кто, отвергши попечения о привременном и не терпя скудости, не поверит Богу вследствие этого относительно вечных благ? Это-то объясняя, Господь говорил: *Верный в мале, и во мнозе верен есть*[5]. Но и в этом обстоятельстве Он снизошел нам человеколюбиво, зная, что неизбежно ежедневное попечение о плоти, не отсек ежедневного попечения; но, попустив попечение о настоящем дне, повелел не заботиться о завтрашнем. Повелел Он это весьма прилично, благолепно и человеколюбиво: потому что невозможно человекам, облеченным в тело, нисколько не заботиться о том, что относится к жизни тела. Многое сократить в малое, при посредстве молитвы и воздержания, возможно; но всеконечно презреть все, относящееся к телу, невозможно. И потому желающий, по Писанию, *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова достигнути*[6], не должен предпочитать молитве различные служения или без нужды, как случится, брать их на

---

[1] *...молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением* (Еф. 6. 18). ‖ [2] *Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Флп. 4. 5–6). ‖ [3] *Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 4. 7; 5. 7). ‖ [4] *Не говорите: «что нам есть?» или «что пить?» или «во что одеться?» Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 31, 33). ‖ [5] *Верный в малом и во многом верен* (Лк. 16. 10). ‖ [6] *...в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4. 13).

себя, ниже, под предлогом молитвы, отвергать их, когда они встретятся по нужде и смотрению Божию, но рассматривать, различать и служить смотрению Божию без испытания. Иначе мудрствующий и не признает, что одна заповедь может быть выше и главнее другой, как то видит из Писания, и не хочет *направлятися ко всем заповедем*[1], смотрительно встречающимся ему, как то заповедует Пророк. Нужное и смотрительно встречающееся с нами — неизбежно, а безвременные занятия должно отвергать, предпочитая им молитву, в особенности же те занятия, которые низвлекают нас ко многим расходам и к собранию излишнего имущества. Насколько кто ограничит их и отвергнет предметы их, настолько удержит мысль от парения, насколько удержит мысль, настолько даст место чистой молитве и докажет веру во Христа. Если же кто, по причине маловерия или другой какой немощи, не может так поступать, тот, по крайней мере, пусть признает истину и подвизается по силе, обвиняя свое младенчество. Лучше подвергнуться ответственности за оскудение, чем за прелесть и возношение: в этом да удостоверит тебя притча Господа, представляющего в первом состоянии мытаря, а по втором — фарисея[2]. Постараемся отстранять от себя всякое мирское попечение надеждою и молитвою. Если же не возможем исполнить этого как должно, то будем приносить Богу исповедание в оскудениях; от упражнения же в молитве не попустим себе отступить. Лучше подвергнуться укорению за частное упущение, нежели за совершенное оставление. Во всем сказанном нами о молитве и неизбежном служении много нам потребно вразумления от Бога к рассуждению, чтоб знать, когда и какое занятие мы должны предпочитать молитве: потому что каждый, упражняясь в любимом ему занятии, думает совершать должное служение, не зная, что служение должно рассматривать в отношении угождения Богу, а не в отношении угождения себе. Тем затруднительнее здесь рассуждение, что и эти нужные и неизбежные заповеди не всегда одинаковы в отношении к исполнению, но одна другой, в свое время, должны быть предпочтены. Не всякое служение совершается всегда, но в свое время, а служение молитвы законоположено нам непрестанное, потому и должны мы предпочитать ее занятиям, в которых не настоит необходимой надобности. Все Апостолы, уча этому различию народ, желавший привлечь их к служению, сказали: *Не угодно есть нам, оставльшим слово Божие, служити трапезам. Усмотрите убо, братие, мужы свиде-*

[1] Ср.: *ко всем заповедем Твоим направляхся... — Все повеления Твои — все признаю справедливыми* (Пс. 118. 128). ‖ [2] Лк. 18.

тельствованы от вас седмь, ихже поставим над службою сею. Мы же в молитве и служении слова пребудем. И угодно бысть слово сие пред всем народом[1].

«Начнем дело: преуспевая постепенно, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубина разумения, и избавление искушений, и даров дарование, и исповедание сердечное, и прилежные слезы доставляются верующим молитвою. Не только это, но и находящих скорбей терпение, и чистая любовь к ближним, и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Святого Духа, и подаяние духовных сокровищ — словом, все, что обетовал Бог подать верующим в этом и будущем веке. Невозможно душе восстановить в себе образ иначе, как только Божиею благодатию и верою человека, когда он пребывает умом в непарительной молитве и великом смиренномудрии»[2].

Подобно преподобному Марку рассуждает и преподобный Макарий Великий: «Глава всякого благого тщания и верх добрых дел есть всегдашнее в молитве пребывание, чрез которую и другие добродетели приобретаем, содействуя Подающему руку Тому Самому, Который и зовет нас на сие. Ибо общение с таинственной силой, и сопряжение мыслей, намеревающихся вдатися святости, яже к Богу, и прилепление самой души, горящей любовию ко Господу чрез оную же, неизглаголанно в молитве подаваемы бывают достойным. Глаголет бо: *Дал еси веселие в сердцы моем*[3]. И Сам Господь сказует: *Царство Небесное внутрь вас есть*[4].

Святой Иоанн Лествичник называет молитву матерью всех добродетелей[5].

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит о внимательной молитве: «Святые отцы наши, слыша слова Господа во Священном Евангелии, что *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетелства, хулы* и что *сия суть сквернящая человека*[6]; опять слыша в другом месте Евангелия, что Господь заповедует нам очистить *внутреннее стекля-*

---

[1] *Нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости: их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию* (Деян. 6. 2–5). ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] *Исполнил сердце мое веселием* (Пс. 4. 8). ‖ [4] *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17. 21) — Слово 3, гл. 1. ‖ [5] Лествица. Заглавие 28-го Слова. ‖ [6] *Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека* (Мф. 15. 19–20).

ницы и блюда, да будет и внешнее их *чисто*[1], оставили всякое иное дело и подвизались всеусильно в этом делании, то есть в хранении сердца, зная наверно, что вместе с этим деланием они удобно приобретут все прочие добродетели, что без этого делания не может ни стяжаться, ни пребыть ни одна добродетель. Некоторые из Отцов наименовали это делание *сердечным безмолвием*, другие назвали *вниманием*, иные — *трезвением* и противоречием, иные — истязанием помыслов и *хранением ума*: потому что *все* занимались им и при посредстве его сподобились Божественных дарований. О нем говорит Екклесиаст: *Веселися, юноше, во юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен* и чист, и удали сердце твое от помышлений[2]; о нем говорит и Приточник: *Аще взыдет на тя дух владеющаго* (прилог диавола), *места твоего не остави*[3], то есть: не попусти ему войти в место твое, под именем места разумея сердце; о нем говорит и Господь наш в Священном Евангелии: не возноситеся[4], то есть: не расточайте ума вашего туда и сюда; опять в другом месте говорит: *блажени нищии духом*[5], то есть: блаженны те, которые не стяжали в сердце свое ни одной мысли этого мира, но нищи — не имеют никакого мирского помысла. И все Божественные Отцы наши много написали об этом. Кто хочет прочитать их писания, тот увидит, что написал подвижник Марк, что сказал святой Иоанн Лествичник, и преподобный Исихий, и Синаит Филофей, и авва Исаия, и великий Варсонофий, и многие другие. Кратко сказать: кто не внимает хранению ума своего, тот не может быть чист сердцем, тот не сподобится зреть Бога. Кто не внимает, тот не может быть нищ духом, не может плакать и рыдать, ни быть кротким и смиренным, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым и миротворцем, ни изгнанным правды ради. Вообще скажу: невозможно стяжать никакой другой добродетели иным образом, как только вниманием. И потому тебе должно озаботиться о нем более, нежели о чем другом, чтоб на самом деле стяжать то, о чем говорю тебе». Затем предлагает Преподобный непрестанно совершать молитву Иисусову при соединении ума с сердцем, причем подвижник может постоянно пребывать в трезвении и отгонять именем Иисуса всякий греховный помысл, откуда бы он ни возник, отгонять его, прежде нежели он войдет и изобразится. При посредстве этого делания стяжавается опытное и существенное

---

[1] *Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их* (Мф. 23. 26). ‖ [2] *Веселись, юноша, в юности твоей... и ходи по путям сердца твоего* (Еккл. 11. 9). ‖ [3] *Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего* (Еккл. 10. 4). ‖ [4] Лк. 12. 20. ‖ [5] Мф. 5. 3.

познание падших духов; познав их, мы стяжаем к ним ненависть и памятозлобие, вступаем в непрестанную брань с ними, воздвизаем против них естественную ревность, гоним их, поражаем, уничтожаем[1].

Блаженный[2] Никифор определяет внимание так: «Одни из Святых назвали внимание *блюдением ума*, другие *хранением сердца*, иные *трезвением*, иные *мысленным безмолвием*, иные иначе. Всем этим выражается одно и то же, как бы кто сказал *хлеб*, или сказал *ломоть* и *кусок;* так понимай и об этом. Что есть внимание и какие его свойства, тому научись тщательно. Внимание есть чистого покаяния познание, внимание есть воззвание души, ненависть к миру, восхождение к Богу; внимание есть отвержение греха и восприятие добродетели; внимание есть несомненное извещение в прощении грехов; внимание есть начало умозрения, правильнее же — причина умозрения: ибо Бог, при посредстве его, нисходит и является ему. Внимание есть несмущение ума или, правильнее, твердость его, дарованная душе милостию Божиею; внимание есть низложение помыслов, памяти Божией храм, сокровищехранитель терпения встречающихся напастей; внимание — причина веры, надежды, любви»[3]. Блаженный Никифор, подобно преподобному Симеону Новому Богослову и прочим святым Отцам, предлагает в средство ко вниманию непрестанное упражнение молитвою Иисусовою при соединении ума с сердцем. Приглашая всех иноков, произволяющих стяжать истинное преуспеяние, к подвигу внимания и соединенной с ним непрестанной молитвы, Никифор говорит: «Вы, желающие сподобиться великолепного, Божественного светоявления Спасителя нашего Иисуса Христа, вы, желающие восприять ощутительно пренебесный огнь в сердце, вы, которые тщитесь получить существенное примирение с Богом, вы, которые оставили все мирское для приобретения и стяжания сокровища, сокрытого на селе сердец ваших, вы, которые хотите, чтоб светильники душевные отныне возжглись светло и потому отреклись от всего временного, вы, которые хотите разумно и опытно познать и приять Царство Небесное, находящееся внутри вас! придите, и поведаю вам науку и художество вечного, небесного жития, вводящие делателя своего без труда и пота в пристанище бесстрастия, не боящиеся ни падения, ни обольщения от бесов, тогда только упадающие, когда мы, по причине преслушания, пребываем вне этого

---

[1] О трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. || [2] Так назван он святыми Ксанфопулами. Добротолюбие. Ч. 2, гл. 18. || [3] Никифор монах. Слово его. Добротолюбие.Ч. 2.

жительства, где-то в далекой стране, подобно древнему Адаму, который, презрев заповедь Божию, вступив же в дружество со змеем и признав его верным, насытился плода прелести до пресыщения и низверг бедственно в глубину смерти, тьмы и тления себя и всех своих потомков. Невозможно нам получить примирение и соединение с Богом, если мы, во-первых, не возвратимся по возможности к себе, если не войдем в себя. Преславно — отторгать себя от общения с миром и от суетного попечения и неослабно соблюдать находящееся внутри нас Небесное Царство. По этой причине монашеское жительство названо наукою из наук и художеством из художеств: это преподобное жительство доставляет не какие-либо тленные предметы, чтоб в них мы похоронили ум наш, отвлекши его от лучшего, но обещает страшные и неизреченные блага, которых око не видело, о которых ухо не слышало, которые вовсе не известны для сердца[1]. И посему *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего*[2]. Если настоящий век — тьма, то бежим от него, бежим, помышляя, что у нас нет ничего общего со врагом Божиим. Желающий быть другом ему соделывается врагом Бога[3], а соделавшемуся врагом Бога кто может помочь? И потому будем подражать Отцам нашим и, подобно им, займемся взысканием находящегося внутри сердец наших сокровища и, найдя, будем держать его крепко, возделывая его и храня: таково наше назначение с самого начала»[4].

Преподобный Нил Сорский советует желающим упражняться в сердечном безмолвии отречься от всех вообще помышлений и заменить их призыванием имени Господа Иисуса, то есть молитвою Иисусовою. «Должно, — говорит преподобный Нил, — понуждаться молчать мыслию и от мнящихся правых помыслов непрестанно смотреть в глубину сердечную и говорить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*»[5]. Так вожделенно это делание, так оно обширно, преисполнено обилия духовного, что святой апостол Павел предпочитал пребывание в нем ума всем прочим помышлениям и размышлениям: *Не судих бо ведети что в вас*, говорит он, *точию Иисуса Христа, и сего распята*[6].

Блаженный старец Серафим Саровский говорит: «Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом:

---

[1] 1 Кор. 2. 9. ‖ [2] *...наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей века сего* (Еф. 6. 12). ‖ [3] Иак. 4. 4. ‖ [4] Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [5] Слово 2. ‖ [6] *Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2. 2).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго[1]. Благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих»[2].

Преподобный Марк Подвижник, называя в 4-м Слове своих сочинений молитву главнейшим деланием монаха, долженствующим обымать все частные его делания, всю жизнь его, в 1-м Слове называет главным и единственным деланием монаха *покаяние*, а заповедь о покаянии — главною заповедию, объемлющею все прочие заповеди. Противоречие представляется здесь только при наружном взгляде. Это значит, что делание покаяния должно быть соединено с деланием молитвы в одно делание. Господь соединил их: человек да не разлучает. *Бог*, говорит Сын Божий, *не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь*[3]. Здесь указано на делание избранных, на их непрестанную молитву: она названа воплем, то есть выражением плача и покаяния. «Покаяние, — говорит преподобный Марк, — как я полагаю, не ограничивается ни временем, ни какими-либо делами: оно совершается исполнением заповедей Христовых, соразмерно этому исполнению. Заповеди одни, более общие, заключают в себе много частных и многие части порочности отсекают разом. Например, в Писании сказано: *Всякому же просящему у тебе дай и от взимающаго твоя не истязуй*[4] и: *Хотящаго заяти у тебе, не отврати*[5], — это заповеди частные. Общая же, заключающая их в себе, — *Продаждь имение твое, и даждь нищим*[6], *и взем крест твой, гряди вслед Мене*[7], разумея под крестом терпение встречающихся нам скорбей. Раздавший все нищим и взявший крест свой исполнил разом все вышеозначенные заповеди. Опять: *Хощу*, говорит Писание, *да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки*[8], общее же: *Вниди в клеть твою, и помолися Отцу твоему, Иже в тайне*[9], и еще: *Непрестанно молитеся*[10]. Вшедший в клеть свою и непрестанно молящийся в этом заключал приношение молитв на всяком месте. Опять сказано: *не соблуди, не прелюбы сотвори, не убий* и тому подобное, общее же этого: *Помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий*[11].

---

[1] Наставление 11. ‖ [2] Наставление 4. По изданию 1844 г. ‖ [3] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь* (Лк. 18. 7). ‖ [4] *Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад* (Лк. 6. 30). ‖ [5] *И от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5. 42). ‖ [6] *Продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19. 21). ‖ [7] *И приходи, последуй за Мною, взяв крест* (Мк. 10. 21). ‖ [8] *Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки* (1 Тим. 2. 8). ‖ [9] *Войди в комнату твою, помолись Отцу твоему, Который втайне* (Мф. 6. 6). ‖ [10] 1 Сол. 5. 17. ‖ [11] *Ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия* (2 Кор. 10. 4–5).

Низлагающий помышления поставил преграду всем вышеименованным видам греха. По этой причине боголюбивые и известно верные понуждают себя на общие заповеди и не упускают исполнения частных, когда оно по обстоятельствам потребуется. Из всего этого я заключаю, что дело покаяния совершается при посредстве следующих трех добродетелей: очищения помыслов, непрестанной молитвы и терпения встречающихся скорбей. Эти три добродетели должны быть совершаемы не только наружным образом, но и умным деланием, чтоб укосневшие в них соделывались бесстрастными. А как без этих трех добродетелей не может быть совершено дело покаяния, то я думаю, что покаяние приличествует всегда и всем, хотящим получить спасение — и грешникам, и праведникам, потому что нет степени совершенства, на которой бы не было нужным делание поименованных трех добродетелей. Посредством их приобретается начинающими введение в благочестие, средними — преуспеяние, совершенными — утверждение и пребывание в совершенстве. Как преподобный Марк в его 4-м Слове, так и прочие вышеприведенные Отцы свидетельствуют, что терпение всех встречающихся скорбей и успешное отражение помыслов доставляется молитвою; они называют молитву источником покаяния. Она — и мать покаяния, и дщерь его. Сказанное святым Иоанном Лествичником о молитве и памяти смертной можно, со всей справедливостию, сказать о молитве и покаянии: «Воспеваю две сущности во единой ипостаси (во едином лице)»[1]. Делание покаяния и молитвы — одно, но оно совмещает в себе два различных вида добродетели.

Отражение греховных помыслов и ощущений совершается при посредстве молитвы: оно есть делание, соединенное с молитвою, неразлучное от молитвы, постоянно нуждающееся в содействии и в действии молитвы. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преподобного Григория Синаита, говорит: «Блаженный Григорий Синаит, достоверно зная, что нам, страстным, невозможно победить лукавые помыслы, сказал следующее: никто из новоначальных не может удержать ума и отогнать помыслы, если Бог не удержит ум и не отгонит помыслы. Удерживать ум и отгонять помыслы свойственно сильным, но и они отгоняют их не собою: они подвизаются на брань против них, имея с собою Бога, будучи облечены благодатию и всеоружием Его. Ты же, если увидишь нечистоту лукавых духов, то есть воздымающиеся помыслы в уме твоем, не ужасайся, не удивись; если явятся и благие разумения о разных

[1] Лествица. Слово 28, гл. 46.

предметах, не внимай им, но, удерживая дыхание по возможности и ум заключая в сердце, вместо оружия призывай Господа Иисуса часто и прилежно. Они отбегут, будучи невидимо опаляемы Божественным именем. Когда же помыслы начнут очень стужать, тогда, встав, помолись на них, а потом опять берись с твердостию за прежнее делание»[1], то есть за моление именем Господа Иисуса. Святой Иоанн Лествичник в Слове о молитве говорит: «Приходящего пса — греховный помысл — отгоняй этим оружием — оружием молитвы, и сколько бы раз он ни покусился напасть, не окажи ему послабления»[2]. Симеон Новый Богослов: «Сатана с подчиненными ему духами приобрел право с того времени, как при посредстве преслушания причинил человеку изгнание из рая и отлучение от Бога невидимо колебать и ночью, и днем словесность каждого человека, одного много, другого мало, одного больше, другого меньше, и не иначе можно оградиться уму, как непрестанною памятию Божиею. Когда силою креста напечатлеется в сердце память Божия, тогда он утвердит в непоколебимости словесность. К этому ведет мысленный подвиг, которым обязался подвизаться каждый христианин на поприще веры Христовой; если же он этого не достигнет, то суетен его подвиг. Для мысленного подвига служат вводными все и многоразличные подвиги всякого, претерпевающего страдания ради Бога с целию преклонить к себе милосердие Божие и исходатайствовать у него возвращение прежнего достоинства, чтоб напечатлелся в уме Христос»[3].

Постоянное пребывание в молитве хотя и составляет существенное делание инока, но оно нуждается в приуготовительном обучении, как видно из вышеприведенного Слова блаженного Никифора, который, упоминая о преподобном Савве, говорит, что этот вождь многочисленного общества иноков, когда усматривал, что монах основательно изучил правила монашеской жизни, соделался способным бороться с сопротивными помыслами и блюсти свой ум, то предоставлял такому монаху безмолвствовать в келлии. Приуготовительное обучение к непрестанной молитве совершается посредством послушания и упражнения в монастырских трудах, как сказал преподобный Филимон: «Бог хочет, чтоб мы являли наше тщание к Нему сперва в трудах, потом в любви и непрестанной молитве»[4]. Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя. Великое благо молитвы проистекает из послушания, как сказал пре-

[1] Слово 2. ‖ [2] Слово 28, гл. 55. ‖ [3] Никифора Монашествующего Слово. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [4] Добротолюбие. Ч. 4. Об авве Филимоне.

подобный Симеон Новый Богослов[1]. Находящиеся в послушании и занимающиеся монастырскими трудами никак не должны считать себя свободными от упражнения молитвою: без этого самые труды и даже послушание будут бесплодными, мало того, принесут зловредный плод тщеславия и других грехов, непременно являющихся в той душе, в которой окажется бедственная пустота, в которой не живут сила и благоухание молитвы. Занимаясь монастырскими трудами и рукоделием, молись часто, если не можешь еще молиться непрестанно; возвращайся к молитве, как ни вспомнишь о ней: молитва постепенно обратится в навык, и частая молитва неприметным образом перейдет в непрестанную. «Подвижники послушания, — говорит святой Иоанн Лествичник, — различным образом употребляют ноги: одна из них движется к служению, другая неподвижна на молитве»[2]. Под словом *ноги* разумеется вся деятельность. «Видел я просиявших в послушании и не нерадевших, по возможности, о умной памяти Божией, — говорит тот же святой, — как они, встав на молитву, немедленно овладевали умом своим и проливали потоками слезы: они были предуготовлены преподобным послушанием»[3]. Из этого видно, что древние подвижники при монастырских трудах не позволяли себе суетного развлечения, но, занимая руки делом, занимали ум молитвою. По этой причине, когда они приходили в церковь или начинали в келлии исполнять свое молитвенное правило, немедленно ум их и сердце устремлялись к Богу без всякого препятствия. Напротив того, кто при трудах и рукоделии позволяет себе суетные мысли и разговоры, тот, встав на молитву, никак не может справиться с умом своим, непрестанно исторгающимся из его власти, непрестанно обращающимся к тем предметам, которые привлекали его к себе до времени молитвы.

Чадо, говорит Писание, *от юности твоея избери наказание, и даже до седин обрящеши премудрость. Якоже оряй и сеяй приступи к ней и жди благих плодов ея: в делании бо ея мало потрудишися, и скоро ясти будеши плоды ея*[4]. Не будем терять драгоценного, невозвратного времени, не будем губить его, предаваясь рассеянности, празднословию и другим пустым занятиям: с самого вступ-

---

[1] О третьем образе внимания и молитвы святого Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 2. ‖ [3] Лествица. Слово 28, гл. 31. ‖ [4] *Сын мой! От юности твоей предайся учению, и до седин твоих найдешь мудрость. Приступай к ней как пашущий и сеющий, и ожидай добрых плодов ее: ибо малое время потрудишься в возделывании ее, и скоро будешь есть плоды ее* (Сир. 6. 18–20).

ления нашего в монастырь ознакомимся тщательно с монашескою жизнию и в юности возделаем душевную ниву истинным подвигом, чтоб в старости и при преселении в вечность возрадоваться об обилии благодатных даров, залогов спасения, залогов блаженства на небе. Аминь.

Дух молитвы новоначального

Введение

Здесь предлагается учение о качестве молитвы, свойственной начинающему идти к Господу путем покаяния. Главные мысли изложены каждая отдельно с тою целию, чтоб они могли быть читаемы с большим вниманием и удерживаемы в памяти с большею удобностию. Чтение их, питая ум истиной, а сердце смирением, может доставлять душе должное направление в ее молитвенном подвиге и служить к нему предуготовительным занятием.

1. Молитва есть возношение прошений наших к Богу.

2. Основание молитвы заключается в том, что человек — существо падшее. Он стремится к получению того блаженства, которое имел, но потерял, и потому — молится.

3. Пристанище молитвы — в великом милосердии Божием к роду человеческому. Сын Божий для спасения нас принес Себя Отцу Своему в умилостивительную, примирительную жертву; на этом основании, желая заняться молитвою, отвергни сомнение и двоедушие[1]. Не скажи сам себе: «Я грешник, неужели Бог услышит меня?» Если ты грешник, то к тебе-то и относятся утешительные слова Спасителя: *Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние*[2].

4. Приготовлением к молитве служат: непресыщенное чрево, отсечение попечений мечом веры, прощение от искренности сердца всех обид, благодарение Богу за все скорбные случаи жизни, удаление от себя рассеянности и мечтательности, благоговейный страх, который так свойственно иметь созданию, когда оно будет допущено к беседе с Создателем своим по неизреченной благости Создателя к созданию.

5. Первые слова Спасителя к падшему человечеству были: *Покайтеся, приближися бо Царство Небесное*[3]. Потому, доколе

---

[1] Иак. 1. 6–8. || [2] *Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 13). || [3] *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4. 17).

не войдешь в это Царство, стучись во врата его покаянием и молитвою.

6. Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог. Он не уничижит *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно*[1].

7. Спаситель мира называет блаженными нищих духом, то есть имеющих о себе самое смиренное понятие, считающих себя существами падшими, находящимися здесь, на земле, в изгнании, вне истинного своего отечества, которое — небо. *Блажени нищии духом*, молящиеся при глубоком сознании нищеты своей, *яко тех есть Царствие Небесное*[2]. *Блажени плачущии* в молитвах своих от ощущения нищеты своей, *яко тии утешатся*[3] благодатным утешением Святого Духа, которое состоит в Христовом мире и в любви о Христе ко всем ближним. Тогда никто из ближних, и злейший враг, не исключен из объятий любви молящегося, тогда молящийся бывает примирен со всеми тягостнейшими обстоятельствами земной жизни.

8. Господь, научая нас молитве, уподобляет молящуюся душу вдовице, обижаемой соперником, приседящей[4] неотступно судии беспристрастному и нелицеприятному[5]. Не удаляйся расположением души при молитве от этого подобия. Молитва твоя да будет, так сказать, постоянною жалобою на насилующий тебя грех. Углубись в себя, раскрой себя внимательною молитвою: увидишь, что ты точно вдовствуешь в отношении ко Христу по причине живущего в тебе греха, тебе враждебного, производящего в тебе внутренние борьбу и мучение, соделывающего тебя чуждым Богу.

9. *Весь день*, говорит о себе Давид, весь день земной жизни, *сетуя хождах*[6], препроводил в блаженной печали о грехах и недостатках своих: *яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть изцеления в плоти моей*[7]. Лядвиями названо шествие по пути земной жизни; плотию — нравственное состояние человека. Все шаги всех человеков на этом пути преисполнены преткновений; их нравственное состояние не может быть уврачевано никакими собственными средствами и усилиями. Для исцеления нашего необходима благодать Божия, исцеляющая только тех, которые признают себя больными. Истинное признание себя больным доказывается тщательным и постоянным пребыванием в покаянии.

---

[1] Пс. 50. 19. ‖ [2] Мф. 5. 3. ‖ [3] Мф. 5. 4. ‖ [4] Докучающей, надоедающей. — *Ред.* ‖ [5] Лк. 18. 1–8. ‖ [6] *Весь день сетуя хожу* (Пс. 37. 7). ‖ [7] *...ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей* (Пс. 37. 8).

10. *Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом*[1], говорит Пророк, а другой Пророк говорит от лица Божия: *На кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих*[2]. Господь *призре на молитву смиренных и не уничижи моления их*[3]. Он — *даяй живот*, то есть спасение, *сокрушеным сердцем*[4].

11. Хотя бы кто стоял на самой высоте добродетелей, но если он молится не как грешник, то молитва его отвергается Богом[5].

12. «В тот день, в который я не плачу о себе, — сказал некоторый блаженный делатель истинной молитвы, — считаю себя находящимся в самообольщении»[6].

13. «Хотя бы мы проходили многие возвышеннейшие подвиги, — сказал святой Иоанн Лествичник, — но они не истинны и бесплодны, если при них не имеем болезненного чувства покаяния»[7].

14. Печаль мысли о грехах есть честный дар Божий; носящий ее в персях своих с должным хранением и благоговением, носит святыню. Она заменяет собою все телесные подвиги при недостатке сил для совершения их[8]. Напротив того, от сильного тела требуется при молитве труд, без него сердце не сокрушится, молитва будет бессильною и неистинною[9].

15. Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней диавола: бежит диавол от подвижников, издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся[10].

16. Приноси Господу в молитвах твоих младенческое лепетание, простую младенческую мысль — не красноречие, не разум. *Аще не обратитеся* — как бы из язычества и магометанства, из вашей сложности и двуличности — *и будете*, сказал нам Господь, *яко дети, не внидете в Царство Небесное*[11].

17. Младенец выражает плачем все свои желания: и твоя молитва пусть всегда сопровождается плачем. Не только при словах молитвы, но и при молитвенном молчании пусть выражается

---

[1] *Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом* (Пс. 2. 11). ‖ [2] *На кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66. 2). ‖ [3] *...призрит на молитву беспомощных и не презрит моления их* (Пс. 101. 18). ‖ [4] Ср.: *...оживлять сердца сокрушенных* (Ис. 57. 15). ‖ [5] Преподобный Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [6] Эти слова произнес иеросхимонах Афанасий, безмолвствовавший в башне Свенского монастыря Орловской епархии, некоторому страннику, посетившему его в 1829 году. ‖ [7] Лествица. Слово 7, гл. 64, по изданию Московской Духовной Академии 1851 г. ‖ [8] Святой Исаак Сирский. Слово 89. ‖ [9] Он же. Слово 11. ‖ [10] Преподобный Григорий Синаит. О прелести, идеже и о иных многих предлогах. Добротолюбие. Ч. 1. «Егда видит кого диавол, — говорит святой Григорий, — плачевне живуща, не пребывает тамо, еже от плача, приходящаго смирения бояся». ‖ [11] *Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18. 3); Лествица. Слово 28, гл. 9.

плачем твое желание покаяния и примирения с Богом, твоя крайняя нужда в милости Божией.

18. Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве. Тогда похвально количество, когда оно приводит к качеству. Качество всегда приводит к количеству; количество приводит к качеству, когда молящийся молится тщательно[1].

19. Качество истинной молитвы состоит в том, что ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму.

20. Заключай ум в произносимых словах молитвы, и сохранишь его во внимании[2]. Имей глаза на устах, или закрытыми[3]: этим будешь способствовать соединению ума с сердцем. Произноси слова с крайнею неспешностию, и будешь удобнее заключать ум в слова молитвы: ни одно слово твоей молитвы не будет произнесено, не будучи одушевлено вниманием.

21. Ум, заключаясь в слова молитвы, привлекает сердце в сочувствие себе. Это сочувствие сердца уму выражается умилением, которое есть благочестивое чувство, соединяющее в себе печаль с тихим, кротким утешением[4].

22. Необходимые принадлежности молитвы — *пождание*[5]. Когда чувствуешь сухость, ожесточение, не оставляй молитвы: за пождание твое и подвиг против сердечного нечувствия снизойдет к тебе милость Божия, состоящая в умилении. Умиление — дар Божий, ниспосылаемый *пребывающим и претерпевающим в молитвах*[6], постоянно возрастающий в них, руководствующий их к духовному совершенству.

23. Ум, предстоя внимательною молитвою пред невидимым Богом, должен быть и сам невидим, как образ невидимого Божества: то есть ум не должен представлять ни в себе, ни из себя, ни пред собою никакого вида, должен быть совершенно безвидным. Иначе: ум должен быть вполне чужд мечтания, сколько бы ни казалось это мечтание непорочным и святым[7].

---

[1] Преподобный Мелетий, в Галисийской горе подвизавшийся. Стихотворение о молитве. Лествица. Слово 28, гл. 21. ‖ [2] Лествица. Слово 28, 17. ‖ [3] Совет старца, иеромонаха Серафима Саровского. О том, что полезно молиться при закрытых глазах, сказано и в 11-м наставлении его, о молитве. Издание 1844 года. Москва. ‖ [4] Преподобный Марк Подвижник. О мнящихся от дел оправдатися, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [5] Преподобный Григорий Синаит. О еже како подобает безмолвствующему сидети и творити молитву. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [6] Ср.: *Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением* (Кол. 4. 2). И: *...в скорби будьте терпеливы, в молитве — постоянны* (Рим. 12. 12). ‖ [7] Преподобные Каллист и Игнатий. О безмолвии и молитве. Слово 73. Добротолюбие. Ч. 2 и Лествица. Слово 28, гл. 42.

24. Во время молитвы не ищи восторгов, не приводи в движение твоих нервов, не горячи крови. Напротив — содержи сердце в глубоком спокойствии, в которое оно приводится чувством покаяния: вещественный огнь, огнь естества падшего, отвергается Богом. Сердце твое нуждается в очищении плачем покаяния и молитвою покаяния; когда же оно очистится, тогда Сам Бог ниспослет в него Свой всесвятой духовный огнь[1].

25. Внимание при молитве приводит нервы и кровь в спокойствие, способствует сердцу погружаться в покаяние и пребывать в нем. Не нарушает тишины сердечной и Божественный огнь, если он низойдет в сердечную горницу, когда в ней будут собраны ученики Христовы — помыслы и чувствования, заимствованные из Евангелия. Этот огнь не опаляет, не горячит сердца, напротив того, орошает, прохлаждает его, примиряет человека со всеми людьми и со всеми обстоятельствами, влечет сердце в неизреченную любовь к Богу и к ближним[2].

26. Рассеянность окрадывает молитву. Помолившийся с рассеянностию ощущает в себе безотчетливую пустоту и сухость. Постоянно молящийся с рассеянностию лишается всех плодов духовных, обыкновенно рождающихся от внимательной молитвы, усваивает себе состояние сухости и пустоты, из этого состояния рождается хладность к Богу, уныние, омрачение ума, ослабление веры и от них мертвость в отношении к вечной, духовной жизни. Все же это вместе взятое служит явным признаком, что такая молитва не принимается Богом.

27. Мечтательность в молитве еще вреднее рассеянности. Рассеянность делает молитву бесплодною, а мечтательность служит причиною плодов ложных: самообольщения и, так называемой святыми Отцами, бесовской прелести. Изображения предметов видимого мира и сочиняемые мечтательностию изображения мира невидимого, напечатлеваясь и замедляя в уме, соделывают его как бы вещественным, переводят из Божественной страны Духа и Истины в страну вещества и лжи. В этой стране сердце начинает сочувствовать уму не духовным чувством покаяния и смирения, а чувством плотским, чувством кровным и нервным, безвременным и беспорядочным чувством наслаждения, столько не свойственного грешникам, чувством неправильным и ложным мнимой любви к Богу. Преступная и мерзостная любовь представляется неискусным в духовных опытах святой, а на самом деле она — только

[1] Лествица. Слово 28, гл. 45. ‖ [2] Преподобный Максим Капсокаливи. Собеседование с преподобным Григорием Синаитом. Добротолюбие. Ч. 1.

беспорядочное ощущение не очищенного от страстей сердца, наслаждающегося тщеславием и сладострастием, приведенными в движение мечтательностию. Такое состояние есть состояние самообольщения. Если человек укоснит в нем, то являющиеся ему образы получают чрезвычайную живость и привлекательность. Сердце при явлении их начинает разгорячаться и наслаждаться беззаконно, или, по определению Священного Писания, прелюбодействовать[1]. Ум признает такое состояние благодатным, божественным: тогда — близок переход к явной прелести бесовской, при которой человек теряет самовластие, делается игралищем и посмешищем лукавого духа. От мечтательной молитвы, приводящей человека в это состояние, с гневом отвращается Бог. И сбывается над молящимся такою молитвою приговор Писания: *Молитва его да будет в грех*[2, 3].

28. Отвергай благие, по-видимому, помышления и светлые, по-видимому, разумения, приходящие к тебе во время молитвы, отвлекающие тебя от молитвы[4]. Они выходят из области лжеименного разума, восседают, как бы всадники на конях, на тщеславии. Закрыты мрачные лица их, чтоб ум молящегося не мог узнать в них врагов своих. Но потому именно, что они враждебны молитве, отвлекают от нее ум, уводят его в плен и тягостное порабощение, обнажают и опустошают душу, потому именно познаются, что они — враги и из области миродержца. Духовный разум, разум Божий содействует молитве, сосредоточивает человека в самом себе, погружает его во внимание и умиление, наводит на ум благоговейное молчание, страх и удивление, рождающиеся от ощущения присутствия и величия Божиих. Это ощущение в свое время может очень усилиться и сделать молитву для молящегося страшным судилищем Божиим[5].

29. Внимательная молитва, чуждая рассеянности и мечтательности, есть видение невидимого Бога, влекущего к Себе зрение ума и желание сердца. Тогда ум зрит безвидно и вполне удовлетворяет себя невидением, превысшим всякого видения. Причина этого блаженного невидения есть бесконечная тонкость и непостижимость Предмета, к которому направлено зрение. Невидимое Солнце Правды — Бог испускает и лучи невидимые, но познаваемые явственным ощущением души: они исполняют сердце чудным спокойствием, верою, мужеством, кротостию, милосердием, любовию

[1] Пс. 72. 27. || [2] Пс. 108. 7. || [3] Преподобный Симеон Новый Богослов. О первом образе молитвы у преподобного Синаита, гл. 131. Добротолюбие. Ч. 1. || [4] Лествица. Слово 28, гл. 59. || [5] Лествица. Слово 28, гл. 1.

к ближним и Богу. По этим действиям, зримым во внутренней сердечной клети, человек признает несомненно, что молитва его принята Богом, начинает веровать живой верой и твердо уповать на Любящего и Любимого. Вот начало оживления души для Бога и блаженной вечности[1].

30. Плоды истинной молитвы: святой мир души, соединенный с тихою, молчаливою радостию, чуждою мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений, любовь к ближним, не разлучающая для любви добрых от злых, достойных от недостойных, но ходатайствующая обо всех пред Богом, как о себе, как о своих собственных членах. Из такой любви к ближним воссиявает чистейшая любовь к Богу.

31. Эти плоды — дар Божий. Они привлекаются в душу ее вниманием и смирением, хранятся ее верностию к Богу.

32. Душа тогда пребывает в верности к Богу, когда удаляется всякого слова, дела и помышления греховного, когда немедленно раскаивается в тех согрешениях, в которые увлекается по немощи своей.

33. То, что желаем стяжать дар молитвы, доказываем терпеливым приседением молитвою при дверях молитвы. За терпение и постоянство получаем дар молитвы. *Господь*, говорит Писание, *даяй молитву* благодатную *молящемуся*[2] терпеливо при одном собственном усилии.

34. Для новоначальных полезнее краткие и частые моления, нежели продолжительные, удаленные одно от другого значительным пространством времени[3].

35. Молитва есть высшее упражнение для ума.

36. Молитва есть глава, источник, мать всех добродетелей[4].

37. Будь мудр в молитве твоей. Не проси в ней ничего тленного и суетного, помня заповедание Спасителя: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся,* то есть все потребности для временной жизни, *приложатся вам*[5].

38. Намереваясь сделать что или желая чего, также в затруднительных обстоятельствах жизни повергай мысль твою в молитве пред Богом: проси того, что считаешь себе нужным и полезным; но

[1] Вышеупомянутое стихотворение преподобного Мелетия. Слово о сокровенном делании Феолипта, митрополита Филадельфийского. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] 1 Цар. 2. 9. ‖ [3] Святитель Димитрий Ростовский. Ч. 1. Внутренний человек, гл. 4. ‖ [4] Преподобный Макарий Великий. Слово 3, гл. 1. Лествица. Слово 28, заглавие. Согласно сему поучают и другие Отцы. ‖ [5] *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 33). Святой Исаак Сирский. Слово 5.

исполнение и неисполнение твоего прошения предоставляй воле Божией в вере и уповании на всемогущество, премудрость и благость воли Божией. Этот превосходный образ моления даровал нам Тот, Кто молился в саду Гефсиманском, *да мимо идет* определенная Ему *чаша. Обаче не Моя воля,* заключил Он молитву Свою ко Отцу, *но Твоя да будет*[1].

39. Приноси Богу смиренную молитву о совершаемых тобою добродетелях и благочестивых подвигах: очищай, совершенствуй их молитвою и покаянием. Говори о них в молитве твоей то, что говорил в ежедневной молитве своей праведный Иов о детях своих: *Негли когда сынове мои согрешиша и в мысли своей злая помыслиша противу Бога*[2]. Лукава злоба: неприметно примешивается к добродетели, оскверняет, отравляет ее.

40. Отвергнись всего, чтоб наследовать молитву, и, поднятый от земли на кресте самоотвержения, предай Богу дух, душу и тело твои, а от Него прими святую молитву, которая, по учению Апостола и Вселенской Церкви, есть действие в человеке Святого Духа, когда Дух вселится в человека[3].

Заключение

Кто небрежет об упражнении внимательною, растворенною покаянием молитвою, тот чужд преуспеяния духовного, чужд плодов духовных, находится во мраке многообразного самообольщения. Смирение есть единственный жертвенник, на котором дозволено человекам приносить молитвенные жертвы Богу, — единственный жертвенник, с которого молитвенные жертвы приемлются Богом[4]; молитва есть мать всех истинных, Божественных добродетелей. Невозможно, невозможно никакое духовное преуспеяние для того, кто отверг смирение, кто не озаботился вступить в священный союз с молитвóю. Упражнение молитвою есть завещание Апостола: *Непрестанно молитеся,* говорит нам Апостол[5]. Упражнение молитвою есть заповедь Самого Господа, заповедь, соединенная с обетованием: *Просите,* приглашает нас Господь, повелевает нам Господь, *и дастся вам: ищите, и обрящете:*

---

[1] *...пронести... мимо... впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22. 42). ‖ [2] *Может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем* (Иов. 1. 5). ‖ [3] Рим. 8. 26. Святой Исаак Сирский. Слово 21. «Кто достиг (непрестанной молитвы), тот достиг края добродетелей и соделался жилищем Святого Духа», — сказал святой Исаак. ‖ [4] Мнение преподобного Пимена Великого. Алфавитный патерик. ‖ [5] 1 Сол. 5. 17.

толцыте, и отверзется вам[1]. *Не воздремлет, ниже уснет*[2] молитва, доколе не укажет возлюбившему ее и постоянно упражняющемуся в ней чертог наслаждений вечных, доколе не введет его в небо. Там она преобразится в непрестанную жертву хвалы. Эту хвалу непрестанно будут приносить, будут провозглашать неумолчно избранные Божии от непрестанного ощущения блаженства в вечности, прозябшего[3] здесь, на земле и во времени, от семян покаяния, посеянных внимательною и усердною молитвою. Аминь.

Слово о келейном молитвенном правиле

Вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве[4]. Вот установление Самим Господом уединенной келейной молитвы.

Господь, заповедавший уединенную молитву, очень часто Сам, во время Своего земного странствования, как повествует Евангелие, пребывал в ней. Он не имел где главу подклонить, и потому часто заменяли для Него безмолвную, спокойную келлию безмолвные вершины гор и тенистые вертограды.

Пред исшествием Своим на страдания, которыми долженствовало быть куплено спасение рода человеческого, Господь молился в загородном, уединенном саду Гефсиманском. Во время молитвы Богочеловек преклонял колена, от усиленного молитвенного подвига обильный пот кровавыми каплями катился с лица Его на землю. Гефсиманский сад состоял из вековых масличных дерев. И днем, при свете лучей солнечных, лежала в нем густая тень, а тогда лежала на нем темная ночь Палестины. Никто не разделял с Господом Его молитвы: вдали Его были спящие ученики, вокруг — спящая природа. Сюда с факелами и вооруженною толпою пришел предатель: предатель знал любимое место и время молитв Иисусовых.

Темнота ночи закрывает предметы от любопытных взоров, тишина безмолвия не развлекает слуха. В безмолвии и ночью можно молиться внимательнее. Господь избирал для молитвы своей преимущественно уединение и ночь, избирал их с тем, чтоб мы не только

[1] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7. 7). || [2] *Не дремлет и не спит* (Пс. 120. 4). || [3] Расцветшего, произросшего. — *Ред.* || [4] *Войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6. 6).

повиновались Его заповеданию о молитве, но и последовали Его примеру. Господу, для него Самого, нужна ли была молитва? пребывая, как человек, с нами на земле, Он вместе, как Бог, неразлучно был с Отцом и Духом, имел с Ними едину Божественную волю и Божественную власть.

Вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне. Пусть о молитве твоей не знает никакая *шуйца* твоя! ни друг твой, ни родственник, ни самое тщеславие, сожительствующее сердцу твоему и подстрекающее высказать кому-нибудь о молитвенном подвиге твоем, намекнуть о нем.

Затвори двери келлии твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений, которые предстанут, чтоб отвлечь тебя от молитвы; затвори двери сердца от ощущений греховных, которые покусятся смутить и осквернить тебя, *и помолись.*

Не дерзни приносить Богу многоглаголъных и красноречивых молитв, тобою сочиненных, как бы они ни казались тебе сильны и трогательны: они — произведение падшего разума и, будучи жертвою оскверненною, не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий. А ты, любуясь изящными выражениями сочиненных тобою молитв и признавая утонченное действие тщеславия и сладострастия за утешение совести и даже благодати, увлечешься далеко от молитвы. Ты увлечешься далеко от молитвы в то самое время, когда тебе будет представляться, что ты молишься обильно и уже достиг некоторой степени Богоугождения.

Душа, начинающая путь Божий, погружена в глубокое неведение всего Божественного и духовного, хотя бы она была и богата мудростию мира сего. По причине этого неведения она не знает, как и сколько должно ей молиться. Для вспомоществования младенчествующей душе Святая Церковь установила молитвенные *правила.* Молитвенное правило есть собрание нескольких молитв, сочиненных Боговдохновенными святыми Отцами, приспособленное к известному обстоятельству и времени.

Цель правила — доставить душе недостающее ей количество молитвенных мыслей и чувств, притом мыслей и чувств правильных, святых, точно богоугодных. Такими мыслями и чувствованиями наполнены благодатные молитвы святых Отцов.

Для молитвенного упражнения утром имеется особенное собрание молитв, называемое *утренними молитвами,* или *утренним правилом*; для ночного моления пред отшествием ко сну — другое собрание молитв, именуемое *молитвами на сон грядущим,*

или *вечерним правилом.* Особенное собрание молитв прочитывается готовящимся ко причащению Святых Христовых Таин и называется *правилом ко Святому Причащению.* Посвятившие обильную часть своего времени благочестивым упражнениям прочитывают около 3 часа пополудни особенное собрание молитв, называемое ежедневным или иноческим правилом. Иные прочитывают ежедневно по нескольку кафизм, по нескольку глав из Нового Завета, полагают несколько поклонов: все это называется правилом.

Правило! какое точное название, заимствованное из самого действия, производимого на человека молитвами, называемыми правилом! Молитвенное правило направляет правильно и свято душу, научает ее поклоняться Богу Духом и Истиною[1], между тем как душа, будучи предоставлена самой себе, не могла бы идти правильно путем молитвы. По причине своего повреждения и помрачения грехом она совращалась бы непрестанно в стороны, нередко в пропасти: то в рассеянность, то в мечтательность, то в различные пустые и обманчивые призраки высоких молитвенных состояний, сочиняемых ее тщеславием и самолюбием.

Молитвенные правила удерживают молящегося в спасительном расположении смирения и покаяния, научая его непрестанному самоосуждению, питая его умилением, укрепляя надеждой на всеблагого и всемилосердого Бога, увеселяя миром Христовым, любовью к Богу и ближним.

Как возвышенны и глубоки *молитвы ко Святому Причащению!* какое превосходное приготовление они доставляют приступающему к Святым Христовым Тайнам! Они убирают и украшают дом души чудными помышлениями и ощущениями, столь благоугодными Господу. Величественно изображено и объяснено в этих молитвах величайшее из Таинств Христианских; в противоположность этой высоте живо и верно исчислены недостатки человека, показаны его немощь и недостоинство. Из этих молитв сияет, как солнце с неба, непостижимая благость Бога, по причине которой Он благоволит тесно соединяться с человеком, несмотря на ничтожность человека.

Утренние молитвы так и дышат бодростию, свежестию утра: увидевший свет чувственного солнца и свет земного дня научается желать зрения высшего, духовного Света и дня бесконечного, производимых Солнцем Правды — Христом.

[1] Ин. 4. 23.

Краткое успокоение сном во время ночи — образ продолжительного сна во мраке могилы. И воспоминают нам *молитвы на сон грядущим* преселение наше в вечность, обозревают всю нашу деятельность в течение дня, научают приносить Богу исповедание соделанных согрешений и покаяние в них.

Молитвенное чтение Акафиста Сладчайшему Иисусу, кроме собственного своего достоинства, служит превосходным приготовлением к упражнению молитвою Иисусовою, которая читается так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* Эта молитва составляет почти единственное упражнение преуспевших подвижников, достигших простоты и чистоты, для которых всякое многомышление и многословие служит обременительным развлечением. Акафист показывает, какими мыслями может быть сопровождаема молитва Иисусова, представляющаяся для новоначальных крайне сухой. Он на всем пространстве своем изображает одно прошение грешника о помиловании Господом Иисусом Христом; но этому прошению даны разнообразные формы сообразно младенчественности ума новоначальных. Так младенцам дают пищу предварительно размягченную.

В Акафисте Божией Матери воспето вочеловечение Бога-Слова и величие Божией Матери, Которую за рождение Ею вочеловечившегося Бога ублажают *вси роди*[1]. Как бы на обширной картине бесчисленными дивными чертами, красками, оттенками изображено в Акафисте великое Таинство вочеловечения Бога-Слова. Удачным освещением оживляется всякая картина, — и необыкновенным светом благодати озарен Акафист Божией Матери. Свет этот действует сугубо: им просвещается ум, от него сердце исполняется радости и извещения. Непостижимое приемлется как бы вполне постигнутое по чудному действию, производимому на ум и сердце.

Многие благоговейные христиане, в особенности иноки, совершают очень продолжительно вечернее правило, пользуясь тишиною и мраком ночи. К *молитвам на сон грядущим* они присовокупляют чтение кафизм, чтение Евангелия, Апостола, чтение акафистов и поклоны с молитвою Иисусовою. В те часы, в которые слепотствующий мир предается буйным и шумным увеселениям, рабы Христовы плачут в тишине своих келлий, изливая усердные молитвы пред Господом. Проведши ночь в бдении безумном, сыны мира встречают наступающий день в омрачении и унынии духа; в веселии и бодрости духа, в сознании и ощущении

[1] ...все роды (Лк. 1. 48).

необыкновенной способности к Богомыслию и ко всем благим делам встречают рабы Божии тот день, предшествующую ночь которого они провели в молитвенном подвиге.

Господь повергался на колени во время молитвы Своей: и ты не должен пренебрегать коленопреклонениями, если имеешь достаточно сил для совершения их. Поклонением до лица земли, по объяснению Отцов, изображается наше падение, а восстанием с земли — наше искупление[1]. Пред начатием вечернего правила особенно полезно положить посильное число поклонов: от них тело несколько утомится и согреется, а сердцу сообщится чувство благочестивой печали; тем и другим приготовится усердное и внимательное чтение правила.

При совершении правила и поклонов никак не должно спешить; должно совершать и правила, и поклоны с возможною неспешностию и вниманием. Лучше менее прочитать молитв и менее положить поклонов, но со вниманием, нежели много без внимания.

Избери себе правило, соответствующее силам. Сказанное Господом о субботе, что она для человека, а не человек для нее[2], можно и должно отнести ко всем подвигам благочестивым, а между ними — и к молитвенному правилу. Молитвенное правило для человека, а не человек для правила: оно должно способствовать человеку к достижению духовного преуспеяния, а не служить бременем неудобоносимым, сокрушающим телесные силы и смущающим душу. Тем более оно не должно служить поводом к гордостному и пагубному самомнению, к пагубному осуждению и унижению ближних.

Благоразумно избранное молитвенное правило, соответственно силам и роду жизни, служит большим пособием для подвизающегося о спасении своем. Совершать его в положенные часы обращается в навык, в необходимую естественную потребность. Стяжавший этот блаженный навык едва приближается к обычному месту совершения правил, как душа его уже наполняется молитвенным настроением: он не успел еще произнести ни одного слова из читаемых им молитв, а уже из сердца проливается умиление и ум углубился весь во внутреннюю клеть.

«Предпочитаю, — сказал некоторый великий Отец[3], — непродолжительное правило, но постоянно исполняемое, продолжительному, но в скором времени оставляемому». А такую участь всегда имеют молитвенные правила, несоразмерные силе: при первом

[1] Слово святого Феолипта. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] Мк. 2. 27. || [3] Преподобный Матой. Алфавитный патерик Скитский, буква М.

порыве горячности подвижник выполняет их некоторое время, конечно, обращая более внимания на количество, нежели на качество; потом изнеможение, производимое подвигом, превосходящим силы, постепенно принуждает его сокращать и сокращать правила.

И часто подвижники, безрассудно уставившие для себя обременительное правило, переходят от многотрудного правила прямо к оставлению всякого правила. По оставлении правила, и даже при одном сокращении его, непременно нападает на подвижника смущение. От смущения он начинает чувствовать душевное расстройство. От расстройства рождается уныние. Усилившись, оно производит расслабление и исступление, а от действия их безрассудный подвижник предается праздной, рассеянной жизни, с равнодушием впадает в самые грубые согрешения.

Избрав для себя соразмерное силам и душевной потребности молитвенное правило, старайся тщательно и неупустительно исполнять его: это нужно для поддержания нравственных сил души твоей, как нужно для поддержания телесных сил ежедневное в известные часы достаточное употребление здоровой пищи.

«Не за оставление псалмов осудит нас Бог в день суда Своего, — говорит святой Исаак Сирский, — не за оставление молитвы, но за последующий оставлению их вход в нас бесов. Бесы, когда найдут место, войдут и затворят двери очей наших: тогда исполняют нами, их орудиями, насильственно и нечисто, с лютейшим отмщением, все воспрещенное Богом. И по причине оставления малого (правила), за которое сподобляются заступления Христова, мы делаемся подвластными (бесам), как написано некоторым премудрым: “Непокоряющий воли своей Богу, подчинится сопернику своему”. Эти (правила), кажущиеся тебе малыми, соделаются для тебя стенами против старающихся пленить нас. Совершение этих (правил) внутри келлии премудро установлено учредителями церковного устава, по откровению Свыше, для хранения живота нашего»[1].

Великие Отцы, пребывавшие от обильного действия благодати Божией в непрестанной молитве, не оставляли и правил своих, которые привыкли они совершать в известные часы нощеденствия. Многие доказательства этого видим в житиях их: Антоний Великий, совершая правила девятого часа — церковный девятый час соответствует третьему часу пополудни — сподобился Божественного откровения; когда преподобный Сергий Радонежский зани-

[1] Преподобный Исаак Сирский. Слово 17.

мался молитвенным чтением Акафиста Божией Матери, явилась ему Пресвятая Дева в сопровождении апостолов Петра и Иоанна.

Возлюбленнейший брат! покори свою свободу правилу: оно, лишив тебя свободы пагубной, свяжет тебя только для того, чтоб доставить тебе свободу духовную, свободу во Христе. Цепи сначала покажутся тягостными; потом сделаются драгоценными для связанного ими. Все святые Божии приняли на себя и несли благое иго молитвенного правила: подражанием им и ты последуй в этом случае Господу нашему Иисусу Христу, Который, вочеловечившись и указуя нам Собою образ поведения, действовал так, как действовал Отец Его[1], говорил то, что заповедал Ему Отец[2], имел целию исполнение во всем воли Отца[3]. Воля Отца и Сына и Святого Духа — одна. По отношению к человекам она заключается в спасении людей. Всесвятая Троице, Боже наш! Слава Тебе. Аминь.

Слово о церковной молитве

Без всякого сомнения, превосходнейшее по достоинству своему из всех зданий земных есть *храм*, или *дом* Божий, *церковь*; слова эти тождезначущи[4]. Хотя Бог присутствует повсюду, но в церкви присутствие Его проявляется особенным образом, самым ощутительным и самым полезнейшим для человека. Тогда только явление Бога еще полезнее и еще ощутительнее для человека, когда человек сам соделается храмом Божиим, соделавшись обителию Святого Духа, подобно Апостолам и другим величайшим святым. Но такого состояния достигают весьма редкие из христиан. И потому, оставляя до другого времени беседу о нерукотворенном, Богозданном, словесном храме Божием — человеке — и о Богослужении, какое в нем должно отправляться, побеседуем теперь о вещественном Божием храме, созданном руками человеческими, о молитвословиях, отправляемых в нем, об обязанности христианина тщательно посещать храм Божий, о пользе такового посещения.

Божий храм есть земное небо: «В храме славы Твоея Господи стояще, на небеси стояти мним», — воспевает Святая Церковь[5]. Храм есть место общения Бога с человеками: в нем совершаются все Христианские Таинства. Божественная Литургия и хиротония не могут быть совершены нигде, как только в храме. И прочие

[1] Ин. 5. 19. ‖ [2] Ин. 12. 49. ‖ [3] Ин. 5. 30. ‖ [4] Новая Скрижаль, гл. 1. ‖ [5] Последование утрени, тропарь по славословии.

Таинства также должны быть совершаемы в храме; по крайней нужде допускается совершение их, особенно исповеди и Елеосвящения, в домах. Денно и нощно храм Божий оглашается славословием Бога; для слов мира сего в нем нет места. Все в храме Божием свято: и самые стены, и помост, и воздух. Постоянно хранит его Ангел Божий; Ангелы Божии и святые торжествующей Церкви нисходят в него. Присутствие в таком священном здании составляет величайшее счастие для земного странника. Святой пророк Давид, хотя был царь, хотя имел обширные и великолепные палаты, хотя обладал всеми средствами земного наслаждения и увеселения, но, как бы рассмотрев все и оценив все должным образом, сказал: *Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его*[1]. Это произнес устами Давида Святой Дух. Кто во время земной жизни будет, по возможности, часто посещать храм Божий, как бы жить в нем, тот, разлучившись с телом, весьма удобно перейдет для вечного празднования в небесный, нерукотворенный храм, которого зиждитель — Бог. В храме мы и молимся, и назидаемся, и очищаемся от грехов, и сообщаемся с Богом.

Пример посещения храма Божия показал нам Спаситель[2], показали и святые Апостолы[3]. Христиане всех времен признавали тщательное посещение храма Божия своею неотложною обязанностию. Святой Димитрий Ростовский уподобляет посещение храма во время всех отправляемых в нем молитвословий царской дани, которую каждый ежедневно должен выплатить[4]. Если присутствие при каждом Богослужении, совершаемом в церкви, признается святым пастырем непременной обязанностию каждого благочестивого христианина, тем более такое присутствие есть священная обязанность инока. От дани увольняются нищие по нищете своей: и от постоянного хождения в церковь увольняются больные, удерживаемые недугом в келлии своей. От дани свободны сановники царя: и от постоянного хождения в церковь свободны преуспевшие иноки, упражняющиеся в умственных подвигах и пожинающие от них обильный плод, долженствующий быть скрытым от людей. От дани свободны воины и все, находящиеся в царской и государственной службе: от постоянного хождения в церковь свободны иноки, занятые во время Богослужения послушаниями. Блюди, чтоб под предлогом послушания или келейного занятия умственным подвигом,

[1] Пс. 26. 4. || [2] Ин. 7. 14. || [3] Деян. 3. 1. || [4] Сочинения Святителя. Ч. 1. Внутренний человек.

или даже мнимой немощи, не подействовала тайно и с оправданием кознь диавола, который ненавидит молитву, как матерь добродетелей и как меч, сокрушающий лукавых духов, который употребляет все усилия и все средства, придавая этим средствам всевозможную благовидность, чтоб отвлечь человека от молитвы, обезоружить, обезоруженного погубить или уязвить[1].

Церковных молитвословий считается семь, но они совокупляются в три отдела: 1) Вечерня; 2) Повечерие; 3) Полунощница; 4) Утреня с первым часом; 5) Третий час; 6) Шестый час и 7) Девятый час. *Вечерня*, с которой начинается служба каждых суток, отправляется вместе с *повечерием* и *девятым часом*, девятый час читается пред вечерней. *Утреня* отправляется с *первым часом* и *полунощницей*; полунощница читается пред утреней, первый час после утрени. *Третий* и *шестый* час читаются вместе с *изобразительными*, которые читаются после часов. Когда утреня соединяется с вечернею или великим повечерием, тогда молитвословие называется *всенощным бдением*. Оно отправляется пред великими праздниками, в честь праздников. Действие всенощного бдения на подвижника заключается в том, что проведший в молитве значительную часть ночи с должным благоговением и вниманием ощущает на следующий день особенную легкость, свежесть, чистоту ума, способность к Богомыслию. Посему-то сказал святой Исаак Сирский: «Сладость, даруемая подвижникам в течение дня, источается из света нощных молитв (ночного делания) на ум чистый»[2]. Божественная Литургия не причисляется к семи молитвословиям, она вне числа их, как особенное, священнейшее молитвословие, которым обставлено Бескровное Божественное Жертвоприношение[3].

Спасительный образ посещения храма Божия мы видим в представленном нам Евангелием посещении храма мытарем[4]. Мытарь встал в глубине храма, не считал для себя позволительным возвести глаза к небу, но ударял в грудь, говоря: *Боже, милостив буди мне грешному*. Мытарь вышел из церкви, привлекши к себе благость Божию. И ты, придя в церковь, если не имеешь какого послушания в ней, встань сзади, в скромном углу или за столпом, чтоб тебе самому не развлекаться и чтоб твое благоговение не было выставлено на позор[5] другим; устреми око ума к сердцу, а телесное око к земле и помолись Богу в сокрушении духа, не признавая за

---

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 1, гл. 3; Слово 3, гл. 2 и 3. || [2] Слово 40. || [3] О седми службах смотри Новую Скрижаль. Ч. 1, гл. 13. || [4] Лк. 18. 10. || [5] Обозрение. – *Ред.*

собою никакого достоинства, никакой добродетели, признавая себя виновным в бесчисленном множестве согрешений, ведомых тобою и неведомых. Мы очень много согрешаем и в неведении, и по причине нашей ограниченности, и по причине повреждения природы нашей грехом. Божественное Писание говорит: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[1]. И ты, если помолишься с сознанием греховности и нищеты своей, то Бог услышит *от храма святаго Своего глас* твой, и молитвенный *вопль* твой *пред Ним внидет во уши Его*[2]. Он пролиет на тебя Свою богатую милость. — Если ты имеешь какую-либо обязанность при храме, то исполняй ее с величайшим благоговением и осторожностию, как служащий Богу, а не человекам.

Вместе с упомянутым мытарем, повествует Евангелие, взошел в церковь для молитвы фарисей. Как лицо с значением, фарисей встал на видном месте. Вероятно, у него была мысль — она обычна всем фарисеям — принести назидание присутствующему народу своим благоприличным стоянием и молением. Тщеславие он вменял неопасным для себя, как преуспевший в добродетели, а некоторое лицемерство извинительным в видах общей пользы. В чем же заключалась молитва фарисея? Он, во-первых, прославил Бога. Начало хорошее. Но вслед за тем принялся исчислять не благодеяния Божии, а свои заслуги и доблести, так что по такому исчислению следовало бы и началу быть иному. Фарисей правильнее бы начал, если бы начал прямо с прославления себя, а не Бога. Бог прославлен только проформой, для некоторого прикрытия гордости. Гордость эта проявилась в осуждении и уничижении ближнего, совесть которого неизвестна была фарисею, сознание в грехах которого привлекло милость Божию. Фарисей, лицемерно прославив Бога, говорил: ***несьмь якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодеи, или яко же сей мытарь. Пощуся два краты в субботу, десятину даю всего елико притяжу***[3]. Здесь очевидны: несознание своей греховности, сознание своего достоинства, истекающая из них гордость, высказывающаяся осуждением и уничижением ближнего. Молитва фарисея не была принята Господом, Который в заключение сей приточной повести сказал: *Всяк возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесется.* Из этого видно, что

---

[1] *Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19). || [2] *...от [святого] чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его* (Пс. 17. 7). || [3] *...я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю* (Лк. 18. 11–12).

каждый, желающий, чтоб молитва его была принята Богом, должен приносить ее из сознания своей греховности и крайней недостаточности по отношению к добродетели, должен приносить ее, отвергнув сознание своих достоинств, точно ничтожных пред необъемлемым достоинством Бога; должен приносить ее из сердца, смирившегося пред всеми ближними, из сердца, полюбившего всех ближних, из сердца, простившего ближним все оскорбления и обиды. *Аз же*, говорит молитвенно Богу Пророк, *множеством милости Твоея вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страсе Твоем*[1].

Великая милость Божия к человеку — учреждение общественных молитвословий в святых Божиих храмах. Эти молитвословия установлены Апостолами, их святыми учениками и святыми Отцами первых веков христианства по откровению Свыше[2]. В этих молитвословиях каждый христианин может принимать участие, и неграмотный усваивает себе познания, красноречие, поэзию духовных, святых витий и книжников христианства. При этих молитвословиях желающий может весьма удобно обучиться умственной молитве: количество молитвы приводит к качеству, сказали Отцы, и потому продолжительные монастырские молитвословия очень способствуют подвижнику перейти от устной молитвы к умственной и сердечной. Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное Богословие: посещающий неупустительно церковь и тщательно внимающий ее чтению и песнопению может отчетливо научиться всему нужному для православного христианина на поприще веры.

Блажен инок, всегда живущий близ храма Божия! Он живет близ неба, близ рая, близ спасения. Не отвергнем спасения, которое милосердием Божиим преподано нам, так сказать, в руки. Особливо новоначальный инок должен неупустительно посещать церковь. В лета старости и изнеможения, когда и годы и болезненность заключат инока почти неисходно в келлии, он будет питаться тем духовным припасом, который собрал во время юности и крепости своей, приметаясь[3] в дому Божием. Духовным припасом называю умственную и сердечную молитву. Милосердый Господь да сподобит нас воспользоваться как должно нашим монашеством и прежде отшествия из земной жизни переселиться умом и сердцем на небо. Туда может вознести нас молитва, когда осенит ее

---

[1] *А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь храму Твоему в страхе Твоем* (Пс. 5. 8). ‖ [2] См. житие святого Игнатия Богоносца. 20 декабря; святого Исаака Сирского, Слово 71. ‖ [3] Лежа у порога. — *Ред.*

Божественная благодать, и молитва в человеке соделается уже не молитвою человека, но молитвою Святого Духа, ходатайствующего о человеке *воздыхании неизглаголанными*[1]. Аминь.

Слово о молитве устной и гласной

Никто из желающих преуспеть в молитве да не дерзает легко мыслить и судить о молитве, произносимой устами и гласом при внимании ума, как о делании малозначащем, не заслуживающем уважения. Если святые Отцы говорят о бесплодии устной и гласной молитвы, не соединенной со вниманием, то из этого не должно заключать, чтоб они отвергали или уничижали и самую устную молитву. Нет! Они только требуют при ней внимания. Внимательная устная и гласная молитва есть начало и причина умной. Внимательная устная и гласная молитва есть вместе и молитва умная. Научимся сперва молиться внимательно устною и гласною молитвою, тогда удобно научимся молиться и одним умом в безмолвии внутренней клети.

Устная и гласная молитва указана нам Священным Писанием, пример и ее, и гласного пения подал Сам Спаситель, подали святые Апостолы по преемству от Господа. И *воспевше*, по окончании Тайной Вечери, повествует святой Евангелист Матфей о Господе и Его Апостолах, *изыдоша в гору Елеонску*[2]. Господь молился во услышание всех пред воскрешением четверодневного Лазаря[3]. Заключенные в темнице святые апостол Павел и его спутник Сила в полночный час молились и воспевали Бога; прочие узники внимали им. Внезапно на голос их псалмопения *трус бысть велий, яко поколебатися основанию темничному: отверзошася же абие двери вся, и всем юзы ослабеша*[4]. Молитва святой Анны, матери пророка Самуила, приводимая часто святыми Отцами в образец молитвы, не была единственно умная. *Та*, говорит Писание, *глаголаше в сердцы своем, токмо устне ея двизастеся, а глас ея не слышашеся*[5]. Молитва эта хотя не была гласною, но, быв сердечною, была вместе и устною. Святой апостол Павел назвал устную молитву *плодом устен*, завещает приносить *жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен, исповедающихся имени Его*[6], повелевает глаголати *себе*

---

[1] *...воздыханиями неизреченными* (Рим. 8. 26). ‖ [2] *И, воспев, пошли на гору Елеонскую* (Мф. 26. 30). ‖ [3] Ин. 11. 41–42. ‖ [4] *Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели* (Деян. 16. 26). ‖ [5] *Говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее* (1 Цар. 1. 13). ‖ [6] *...жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его* (Евр. 13. 15).

во псалмех, пениих и песнех духовных, вместе с гласным и устным молением и песнопением *воспевающе и поюще в сердцах Господеви*[1]. Он порицает невнимательность в устной и гласной молитве. *Аще безвестен* (неизвестный, непонятный) *глас труба даст*, говорит он, *кто уготовится на брань? Тако и вы аще не благоразумно слово* (т. е. неразумеваемое) *дадите языком, како уразумеется глаголемое? Будете бо на воздух глаголюще*[2]. Хотя Апостол и сказал слова эти собственно о молящихся и возвещающих внушения Святого Духа на иностранных языках, но святые Отцы со справедливостию применяют их и к молящимся без внимания. Без внимания молящийся и потому не понимающий произносимых им слов, что другое для себя самого, как не иностранец?

Основываясь на этом, преподобный Нил Сорский говорит, что молящийся гласом и устами без внимания молится на воздух, а не Богу[3]. «Странно твое желание, чтоб Бог тебя услышал, когда ты сам себя не слышишь!» — говорит святой Димитрий Ростовский, заимствуя слова у священномученика Киприана Карфагенского[4]. А это точно случается с молящимися устами и гласом без внимания: они до того не слышат себя, до того допускают себе развлечение, так далеко удаляются мыслями от молитвы в посторонние предметы, что нередко случается им внезапно останавливаться, забыв, что читали, или же они начинают вместо слов читаемой молитвы говорить слова из других молитв, хотя открытая книга и пред их глазами. Как святым Отцам не порицать такой невнимательной молитвы, повреждаемой, уничтожаемой рассеянностию! «Внимание, — говорит святой Симеон Новый Богослов, — должно быть столько связуемо и неразлучно с молитвою, сколько связуется тело с душою, которые не могут быть разлучены, не могут быть одно без другого. Внимание должно предварять и стеречь врагов, как некоторый страж, оно первое да подвизается на грех, да противостоит лукавым помыслам, приходящим к сердцу; вниманию же да последует молитва, немедленно истребляющая и умерщвляющая все лукавые помыслы, с которыми внимание первым начало борьбу: ибо оно одно не может их умертвить. От этой борьбы, производимой вниманием и молитвою, зависит жизнь и смерть

---

[1] *...назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными* (Еф. 5. 19). ‖ [2] *И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер* (1 Кор. 14. 8–9). ‖ [3] Предисловие от Писаний святых Отцов о мысленном делании, сердечном и умном хранении и проч. ‖ [4] Внутренний человек, гл. 3.

души. Если храним молитву посредством внимания чистою, то преуспеваем. Если же не стараемся хранить ее чистою, но оставляем нестрегомою[1], то ее оскверняют лукавые помыслы — мы соделываемся непотребными, лишаемся преуспеяния».

Устной, гласной молитве, как и всякой другой, должно непременно сопутствовать внимание. При внимании польза устной молитвы неисчислима. С нее должен начинать подвижник. Ее первой преподает святая Церковь своим чадам. «Корень монашеского жительства — псалмопение», — сказал святой Исаак Сирский[2]. «Церковь, — говорит святой Петр Дамаскин, — с благой и богоугодною целию приняла песни и различные тропари по причине немощи ума нашего, чтоб мы, неразумные, привлекаемые сладостию псалмопения, как бы и против воли, воспевали Бога. Те, которые могут понимать и рассматривать произносимые ими слова, приходят в умиление, и, таким образом, как по лестнице, мы восходим в мысли благие. По мере того, сколько преуспеваем в навыкновении Божественных мыслей, является в нас Божественное желание и влечет достигнуть того, чтоб уразуметь поклонение Отцу Духом и Истиною, по заповеданию Господа»[3]. Уста и язык, часто упражняющиеся в молитве и чтении Слова Божия, стяжевают освящение, соделываются неспособными к празднословию, смеху, к произнесению слов шуточных, срамных и гнилых. Хочешь ли преуспеть в умной и сердечной молитве? Научись внимать в устной и гласной: внимательная устная молитва сама собою переходит в умную и сердечную. Хочешь ли научиться отгонять скоро и с силою помыслы, насеваемые общим врагом человечества? Отгоняй их, когда ты один в келлии, гласною внимательною молитвою, произнося слова ее неспешно, с умилением. Оглашается воздух внимательною, устною и гласною молитвою — и объемлет трепет князей воздушных, расслабляются мышцы их, истлевают и рушатся сети их! Оглашается воздух внимательною устною и гласною молитвою — и приближаются святые Ангелы к молящимся и поющим, становятся в их лики, участвуют в их духовных песнопениях, как удостоились это зреть некоторые угодники Божии, и между прочими — наш современник, блаженный старец Серафим Саровский. Многие великие Отцы во всю жизнь свою упражнялись устною и гласною молитвою, и притом обиловали дарованиями Духа. Причиной такого преуспеяния их было то, что у них с гласом и устами были соединены ум, сердце, вся

[1] Неохраняемой. — *Ред.* ‖ [2] Слово 40. ‖ [3] Святой Петр Дамаскин. О третьем видении. Добротолюбие. Ч. 3.

душа и все тело; они произносили молитву от всей души, от всей крепости своей, из всего существа своего, из всего человека. Так, преподобный Симеон Дивногорец прочитывал в продолжение ночи всю Псалтирь[1]. Святой Исаак Сирский упоминает о некотором блаженном старце, занимавшемся молитвенным чтением псалмов, которому попускалось ощущать чтение только в продолжение одной «Славы», после чего Божественное утешение овладевало им с такою силою, что он пребывал по целым дням в священном исступлении, не ощущая ни времени, ни себя[2]. Преподобный Сергий Радонежский во время чтения Акафиста был посещен Божией Матерью в сопровождении апостолов Петра и Иоанна[3]. Повествуют о преподобном Иларионе Суздальском: когда он читал в церкви Акафист, то слова вылетали из уст его, как бы огненные, с необъяснимою силою и действием на предстоящих[4]. Устная молитва святых была одушевлена вниманием и Божественною благодатию, соединявшей разделенные грехом силы человека воедино: оттого она дышала такою сверхъестественною силою и производила такое чудное впечатление на слушателей. Святые *воспевали* Бога во *исповедании сердечном*[5]; они *пели* и *исповедовались* Богу *непоколеблемо*[6], то есть без рассеянности, они пели Богу *разумно*[7].

Надо заметить, что преподобные иноки первых времен и все, желавшие преуспеть в молитве, отнюдь не занимались или весьма мало занимались собственно пением, а под именем псалмопения, о котором упоминается в житиях и писаниях их, должно разуметь крайне неспешное, протяжное чтение псалмов и других молитв. Протяжное чтение необходимо для сохранения строгого внимания и избежания рассеянности. По протяжности и сходству с пением такое чтение названо псалмопением. Оно совершалось наизусть, иноки тех времен имели правилом изучать Псалтирь наизусть: чтение псалмов наизусть особенно способствует вниманию. Такое чтение — уже не чтение, как совершающееся не по книге, — а в полном смысле псалмопение — может быть отправляемо в темной келлии, при закрытых глазах, потому что все это охраняет от рассеянности, между тем как светлая келлия, необходимая для чтения по книге, и самое взирание на книгу рассевает и отторгает ум от сердца к внешности. «Ови поют, — говорит святой Симеон Новый

---

[1] Житие его. Четьи-Минеи, 24 мая. || [2] Слово 31. || [3] Смотри житие сего преподобного. || [4] Рукописное житие преподобного Илариона Суздальского. || [5] 1-я из молитв утренних: «От сна возстав, благодарю Тя, Святая Троице» и проч. || [6] 6-я из утренних молитв: «Тя благословим, Вышний Боже» и проч. || [7] Пс. 46. 8.

Богослов, — сиречь молятся усты»[1]. «Иже отнюдь не поющии, — говорит преподобный Григорий Синаит, — такожде добре творят, аще суть в преуспеянии: сии бо не требуют глаголати псалмы, но молчание и непрестанную молитву»[2]. Собственно чтением Отцы называют чтение Священного Писания и писаний святых Отцов, а молитвой они называют по преимуществу молитву Иисусову, также молитву мытаря и другие самые краткие молитвы, обильно заменяющие псалмопение, что для новоначальных непостижимо и не может быть им объяснено с удовлетворительностию, как превысшее душевного разума и объясняемое единственно блаженным опытом.

Братия! будем внимательны в устных и гласных молитвах наших, произносимых нами при церковных службах и в уединении келейном. Не сделаем наших трудов и жизни в монастыре бесплодными нашей невнимательностью и небрежением в деле Божием. Пагубно небрежение в молитве! *Проклят*, говорит Писание, *творяй дело* Божие *с небрежением*[3]. Очевидно действие этой клятвы: совершенное бесплодие и безуспешность, несмотря на долголетнее пребывание в иночестве. Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами, для которого все прочие подвиги, внимательную устную и гласную молитву, за каковую милосердый Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную. Аминь.

Слово о поучении, или памяти Божией

Под именем *поучения*, или *памяти Божией*, святые Отцы разумеют какую-либо краткую молитву или даже какую-либо краткую духовную мысль, к которой они приобучились и которую они старались усвоить уму и памяти вместо всякой мысли.

Можно ли заменить одною духовною, краткою мыслию о Боге все прочие мысли? — Можно. Святой Апостол Павел говорит: *Не судих бо ведети что, точию Иисуса Христа, и Сего распята*[4]. Мысль

---

[1] [«Одни поют... то есть молятся устами». — *Ред.*] Слово о трех образах молитвы св. Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1. || [2] [«Те же, которые не поют... также хорошо поступают, если находятся в состоянии духовного преуспеяния: им не требуется пения псалмов, поскольку они пребывают в молчании и непрестанной молитве». — *Ред.*] Преподобный Григорий Синаит. 15 глав о безмолвии, глава 8. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] *Проклят, кто дело Господне делает небрежно* (Иер. 48.10). || [4] *Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого* (1 Кор. 2. 2).

суетная, земная, постоянно занимая человека, производит в нем оскудение разума, препятствует приобретению полезных и нужных познаний; напротив того, мысль о Боге, усвоившись христианину, обогащает его духовным разумом. Стяжавшему в себе Христа непрестанным воспоминанием о Нем поверяются Божественные тайны, неведомые плотским и душевным человекам, неведомые ученым земным, неприступные для них: *в Немже* (во Христе) *суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*[1]. Соделывается обладателем этих сокровищ стяжавший в себе Господа Иисуса Христа.

Поучение, или *память Божия*, есть установление Божественное. Оно заповедано Самим вочеловечившимся Божиим Словом, подтверждено Святым Духом чрез посланников Слова (Апостолов). *Бдите убо на всяко время молящеся*[2], завещал некогда Господь предстоявшим ученикам Его. Завещает Он это и нам, ныне предстоящим Ему и умоляющим Его, да сподобит нас творить волю Его и быть Его учениками, христианами не только по имени, но и по жительству. Сказал Господь приведенные здесь слова, указывая на те нравственные и вещественные бедствия, которыми будет окружено земное странствование каждого ученика Его, — на те страдания и страхи, которые предшествуют смерти каждого из нас, сопровождают ее, последуют за ней, — на те соблазны и горести, которые постигнут мир пред пришествием антихриста и во время его господства, — наконец, на сотрясение и превращение вселенной во время Второго славного и страшного пришествия Христова. *Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим*[3] в радости спасения; *стати* в этой радости и после суда частного, наступающего для каждого человека вслед за разлучением души его от тела, и на суде общем, на котором поставятся избранные одесную Судии, а отверженные ошуюю[4]. *Трезвитеся в молитвах*, говорит святой апостол Петр, повторяя верующим заповедь Господа. *Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: емуже противитеся тверди верою*[5]. Повторяя и подтверждая эту всесвятую, спасительную заповедь, святой

[1] ...*в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения* (Кол. 2. 3). || [2] *Бодрствуйте на всякое время и молитесь* (Лк. 21. 36). || [3] *Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого* (Лк. 21. 36). || [4] Мф. 25. 32. || [5] *Бодрствуйте в молитвах. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 4. 7; 5. 8, 9).

апостол Павел говорит: *Непрестанно молитеся*[1]. *Ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением с благодарением прошения ваша да сказуются Богу*[2]. *В молитве терпите* (пребывайте), *бодрствующе в ней со благодарением*[3]. *Хощу убо да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздевающе преподобныя руки без гнева и размышления*[4]. *Прилепляяйся Господеви* непрестанною молитвою, *един дух есть с Господем*[5]. Прилепляющегося к Господу и соединяющегося с Господом непрестанною молитвою Господь избавляет от порабощения и служения греху и диаволу: *Бог же*, возвещает нам Спаситель, *не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре*[6]. Признак иноческого совершенства — непрестанная молитва. «Достигший сего, — говорит святой Исаак Сирский, — достиг высоты всех добродетелей и соделался жилищем Святого Духа»[7]. Упражнение в непрестанной молитве, приучение себя к ней необходимо для всякого инока, желающего достигнуть христианского совершенства. Упражнение в непрестанной молитве и приучение себя к ней есть обязанность каждого инока, возложенная на него заповедию Божиею и иноческими обетами[8].

Очевидно, что святые Апостолы, получившие лично от Господа заповедь о непрестанной молитве, передавшие ее верующим, сами занимались непрестанною молитвою. До приятия Святого Духа они пребывали в одном доме, занимаясь молитвою и молением[9]. Под именем молитвы здесь разумеются те молитвословия, которые они совершали вместе, а под именем моления — постоянное молитвенное направление их духа, непрестанная молитва. Когда снизошел на Апостолов Святой Дух, то, соделав их храмами Божиими, соделал вместе храмами непрестанной молитвы, как говорит Писание: *Дом бо мой дом молитвы наречется*[10]. «Дух, когда вселится

[1] *Непрестанно молитесь!* (1 Сол. 5. 17). ‖ [2] *Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом* (Флп. 4. 6). ‖ [3] *Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением* (Кол. 4, 2). ‖ [4] *Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2. 8). ‖ [5] *А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6. 17). ‖ [6] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих в Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* (Лк. 18. 7, 8). ‖ [7] Слово 21. ‖ [8] Требник, или особая книга, содержащая чин пострижения в малую схиму. Настоятель, вручая новопостриженному четки, завещает ему непрестанную молитву Иисусову. Принятием четок новопостриженный дает обет исполнять завещание настоятеля. ‖ [9] Деян. 1. 14. ‖ [10] Ис. 56. 7.

в кого из человеков, тогда человек тот не престает от молитвы: ибо Сам Дух непрестанно молится»[1]. Апостолы имели только два духовных подвига: молитву и проповедь Слова Божия: от молитвы они переходили к возвещению человекам Слова Божия, от проповеди Слова они возвращались к молитве. Они находились в непрестанной духовной беседе: то беседовали молитвою с Богом, то беседовали от лица Божия с человеками. В той и другой беседе действовал один и тот же Святой Дух[2]. Чему мы научаемся из примера святых Апостолов? Тому, что вслед за послушанием, послушанием деятельным Слову Божию, должно сосредоточить всю деятельность свою в непрестанную молитву, потому что непрестанная молитва приводит христианина в состояние, способное к приятию Святого Духа. Господь, возлагавший на Апостолов различные служения, когда соделал их способными приять Святого Духа, то повелел им пребывать *во граде Иерусалимсте*, во граде мира и безмолвия, вне всякого служения: *седите во граде Иерусалимсте*, сказал Он им, *дондеже облечетеся силою свыше*[3].

Из писаний преподобных иноков видно, что память Божия, или поучение, были в общем употреблении у иноков первенствующей Церкви Христовой. Преподобный Антоний Великий завещает непрестанное памятование имени Господа нашего Иисуса Христа: «Не предавай забвению, — говорит он, — имени Господа нашего Иисуса Христа, но непрестанно обращай его во уме твоем, содержи в сердце, прославляй языком, говоря: *Господи Иисусе Христе, помилуй меня.* Также: *Господи Иисусе Христе, помоги мне.* Также: *Славословлю Тебя, Господь мой, Иисус Христос*[4].

Занимались непрестанною молитвою не только безмолвники и отшельники, но и общежительные иноки. Святой Иоанн Лествичник говорит об иноках посещенного им Александрийского общежития, что они «и за самою трапезою не престают от умственного подвига, но условленным и введенным в обычай знаком и мановением, блаженные, напоминают друг другу о молитве, совершаемой в душе. И делают они это не только за трапезою, но и при всякой встрече, при всяком собрании»[5]. Преподобный Исаак, безмолвник Египетского Скита, поведал преподобному Кассиану Римлянину, что ему для непрестанной молитвы служит второй стих 69 псалма: *Боже в помощь мою вонми, Господи помощи ми потщися*[6]. Преподобный Дорофей, инок общежительного монастыря аввы

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 21. ‖ [2] Деян. 6. 2, 4. ‖ [3] *...в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше* (Лк. 24. 49). ‖ [4] Antonii Magni Opera. Patrologiae Graecae tom. XL. Pag. 1080. ‖ [5] Слово 4, гл. 17. ‖ [6] Collatio X. Cap. X.

Серида в Палестине, преподал ученику своему преподобному Досифею, сказано в житии Досифея, непрестанно упражняться в «памяти Божией», заповедав ему постоянно произносить: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя* и: *Сыне Божий, помоги мне*[1]. Преподобный Досифей молился попеременно то первыми, то вторыми словами преподанной ему молитвы. Она преподана была ему в таком виде по причине новоначалия ума его, чтоб ум не уныл от единообразия молитвы. Когда блаженный Досифей тяжело заболел и приближался к кончине, то святой наставник его напоминал ему о непрестанной молитве: «Досифей! Заботься о молитве; смотри, чтоб не потерять ее». Когда болезнь Досифея еще более усилилась, опять святой Дорофей говорит: «Что, Досифей? Как молитва? Пребывает ли?» Из этого видно то высокое понятие, которое имели о поучении древние святые иноки. Преподобный Иоанникий Великий непрестанно повторял в уме молитву: *Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый, Троице Святая, слава Тебе*[2]. Ученик Иоанникия Великого, преподобный Евстратий, которого святой писатель жития его назвал Божественным, стяжал непрестанную молитву: «Он всегда *Господи, помилуй* в себе глаголаше», — говорит писатель жития его[3]. Некоторый Отец Раифской пустыни постоянно сидел в келлии, занимаясь плетением веревок, причем говорил с воздыханием, колебля главою: «Что будет?» Произнесши эти слова и несколько помолчав, опять повторял: «Что будет?» В таком поучении он провел все дни жизни своей, непрестанно сетуя о том, что последует по исшествии его из тела[4]. Святой Исаак Сирин упоминает о некотором Отце, который в течение сорока лет молился одной следующею молитвою: «Я, как человек, согрешил; Ты, как Бог, прости меня». Другие Отцы слышали, что он поучается в этом стихе с печалию: он плакал, не умолкая, и все молитвословия заменяла для него эта одна молитва день и ночь[5]. Большинство монашествующих всегда употребляли для поучения молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. Иногда, смотря по надобности, они разделяли ее для новоначальных на две половины и говорили в течение нескольких часов: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго*; потом в течение другого промежутка времени: *Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. Впрочем, не должно часто переменять слов молитвы, потому

[1] Житие преподобного Досифея в книге преподобного аввы Дорофея, также в Четьих-Минеях февраля 19. ‖ [2] Канонник. Молитвы на сон грядущим. Также житие Преподобного. ‖ [3] Четьи-Минеи. 9 января. ‖ [4] Письменный патерик из библиотеки епископа Игнатия. ‖ [5] Слово 52.

что деревья, часто пересаждаемые, не укореняются, как замечает святой Григорий Синаит[1]. Избрание молитвы Иисусовой для поучения весьма основательно как потому, что имя Господа Иисуса Христа содержит в себе особенную Божественную силу, так и потому, что при упражнении молитвою Иисусовою воспоминание о смерти, об истязании от духов воздушных, об изречении Богом окончательного определения, о вечных муках начинает приходить в свое время само собою, и столь живо, что приведет подвижника в обильные непрестанные слезы, в горькое рыдание о себе как о мертвеце, уже погребенном и смердящем, ожидающем оживления от всесильного Божия Слова[2].

Польза от поучения или памяти Божией неисчислима: она превыше слов, превыше постижения. И те, которые ощутили ее, не в силах вполне объяснить ее. Непрестанная молитва, как заповедь Божия и дар Божий, необъяснима человеческим разумом и словом. — Краткая молитва собирает ум, который, если не будет привязан к поучению, сказал некто из Отцов, то не может престать от парения и скитания всюду[3]. — Краткую молитву подвижник может иметь на всяком месте, во всякое время, при всяком занятии, особенно телесном. Даже присутствуя при церковном Богослужении, полезно заниматься ею, не только при не довольно внятном чтении, но и при чтении отчетливом. Она способствует внимать чтению, особенно когда вкоренится в душе, сделается как бы естественной человеку. — Поучение вообще, в особенности Иисусова молитва, служат превосходным оружием против греховных помыслов. Следующее изречение святого Иоанна Лествичника повторено многими святыми писателями: «Иисусовым именем поражай ратников сопротивного: ибо ни на небеси, ни на земли не найдешь оружия более крепкого»[4]. От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога. — Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его, нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший

[1] 15 глав о безмолвии, глава 2. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Ин. 11. 39, 43–44. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 72. ‖ [4] Слово 21, гл. 7.

Его присутствие не может не уверовать в Него живою верою, являемою делами. — Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждою на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение. Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней. Наконец, он может придти в состояние младенчества, заповеданное Евангелием, сделаться буим ради Христа, то есть утратить лжеименный разум мира и получить от Бога разум духовный. — Непрестанною молитвою уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми; а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь. — Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжавает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотою — в Божественную любовь. Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа.

Говорит преподобный авва Исаия Отшельник в поучении: «Благоразумный богач скрывает внутри дома сокровища свои: сокровище, выставленное наружу, подвергается хищничеству воров и наветуется сильными земли; так и монах, смиренномудренный и добродетельный, таит свои добродетели, как богач сокровища, не исполняет пожеланий падшего естества. Он укоряет себя ежечасно и упражняется в тайном поучении, по сказанному в Писании: *Согреяся во мне сердце мое, и в поучении моем разгорится огнь*[1]. О каком огне говорит здесь Писание? О Боге: *Бог наш есть огнь поядаяй*[2]. Огнем растопляется воск и иссушается тина скверных нечистот: так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы и истребляются из души страсти, просвещается ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце. Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы: им оживотворяется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог; Ангелы преподают ему силу; человеки прославляют его. Тайное поучение и чтение соделывают душу домом, отвсюду затворенным и заключенным, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, охраняя ее от колебания. Очень смущаются и молвят[3] бесы, когда инок вооружает себя тайным

[1] *Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь* (Пс. 38. 4). ‖ [2] *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12. 29). ‖ [3] Тревожатся. — *Ред.*

поучением, которое заключается в молитве Иисусовой: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй меня, — чтением в уединении споспешествует упражнению в поучении. Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести. Тайное поучение иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя страх Божий: оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смиренномудрие нелестное, бдение благоумиленное, молитва несмущенная. Тайное поучение есть сокровище молитвенное: оно отгоняет помыслы, уязвляет бесов, очищает тело. Тайное поучение научает долготерпению, воздержанию; причастнику своему возвещает о геенне. Тайное поучение соблюдает ум немечтательным и приносит ему размышление о смерти. Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякой добродетелию, всякого скверного дела непричастно и чуждо»[1].

Святой Исаак Сирин: «Кого поучение непрестанно в Боге, тот отгоняет от себя бесов и искореняет семя злобы их. Веселится сердце во откровениях у того, кто непрестанно внимает душе своей. Обращающий зрение ума своего в себя зрит в себе зарю Духа. Возгнушавшийся всяким парением (скитанием, рассеянностию) зрит Владыку во внутренней клети сердца своего... Небо внутри тебя, если будешь чист, и в самом себе увидишь Ангелов с светом их, и с ними Владыку их, и внутри их... Сокровище смиренномудрого внутри его, и оно — Господь... Страсти изгоняются и искореняются непрестанным поучением о Боге: оно — меч, убивающий их. Желающий увидеть Господа внутри себя старается очистить свое сердце непрестанной памятью Божией: таким образом светлостию очей ума будет на всякий час зреть Господа. Что приключается рыбе, вынутой из воды, то приключается и уму, исшедшему из памяти Божией и блуждающему в воспоминаниях мира... Страшен бесам, любезен Богу и Ангелам Его тот, кто ночью и днем с горячею ревностию взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прозябающие прилоги врага[2]. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу»[3].

Преподобный Кассиан Римлянин: «Моление сим малым стихом (вышеупомянутым вторым стихом 69 псалма) должно быть непрестанное, чтоб искушения нас не ниспровергли, чтоб в благо-

[1] Алфавитный патерик Скитский, буква Н. ‖ [2] Слово 8. ‖ [3] Слово 69.

получии сохраниться от превозношения. Поучение в сем малом стихе, говорю, да вращается в персях твоих непрестанно. Не переставай повторять его, в каком бы ни был деле или послушании, или если бы ты находился в путешествии. Поучайся в нем и отходя ко сну, и употребляя пищу, и при исправлении нижайших нужд телесных. Такое упражнение сердца соделается для тебя спасительным правилом, которое не только сохранит тебя неповрежденным при всяком нападении демонов, но и, очистив от всяких телесных страстей, возведет к невидимым и небесным видениям, вознесет к неизреченной, весьма немногим по опыту известной, высоте молитвы. Сей малый стих будет удалять от тебя сон, доколе ты, образовавшись сим неизъяснимым словами упражнением, не приучишься заниматься им и во время сна. Он, когда случится тебе пробудиться, первый будет приходить тебе на мысль; он, когда проснешься, будет предупреждать все прочие помышления; он, когда встанешь с одра твоего, будет занимать тебя, доколе не начнешь коленопреклонений; он будет препровождать тебя ко всякому труду и делу; он во всякое время будет за тобою следовать. В нем поучайся по заповеданию законодателя (т. е. Моисея, законодателя израильского), сидя в дому и шествуя по пути, ложась спать и вставая от сна; напиши его на порогах и на дверях уст твоих; напиши его на стенах дома твоего и во внутренних сокровищах персей твоих, так, чтоб он, когда ты возлежишь, был готовым для тебя псалмопением, когда же встанешь и приступишь к исправлению всего необходимого для жизни, — удобной к отправлению и непрестанною молитвою»[1].

Святой Иоанн Златоуст: «Братия! Умоляю вас: не допустите себе когда-либо престать от совершения правила сей молитвы, или презреть его... Инок употребляет ли пищу или питие, сидит ли, или служит, путешествует ли, или что другое делает, должен непрестанно вопить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* Чтоб имя Господа Иисуса, сходя в глубину сердца, смирило змея, обладающего сердечными пажитями, спасло и оживотворило душу. Непрестанно пребывай в имени Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа и Господь сердце, и да будут сии два — едино»[2].

Брат спросил преподобного Филимона: «Что значит, Отец, сокровенное поучение?» Старец отвечал: «Иди, трезвись в сердце твоем и говори в мысли твоей трезвенно, со страхом и трепетом: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя»[3].

[1] Cassiani callatio X. Cap. X. || [2] Добротолюбие. Ч. 2. Ксанфопулов гл. 21. || [3] О авве Филимоне. Добротолюбие. Ч. 4.

Отчего непрестанная молитва, или непрестанное памятование Бога, названы поучением? — Оттого, что подвижники, на делание которых низошла роса Божественной благодати, обрели в повторяемой ими краткой молитве духовный, глубочайший, неисчерпаемый смысл, постоянно привлекавший и усугублявший их внимание своею духовною новизною. И делался для них краткий стих обширнейшею наукою, наукою из наук, а занятие им — в точном смысле поучением.

Таковы наставления святых Отцов: таково было их делание. Не только все дела и слова — все помышления их были посвящены Богу. Вот причина обилия в них дарований Духа. Напротив того, мы небрежем о делах наших; поступаем не так, как повелевают заповеди Божии, но как случится, по первому влечению чувств, по первой представившейся мысли. О словах небрежем еще более, нежели о делах, а на помышления не обращаем никакого внимания; они рассыпаны у нас всюду, они все принесены нами в жертву суете. Ум наш, в противность состоянию ума, огражденного поучением[1], подобен четверовратной храмине, все двери которой открыты, при которой нет никакой стражи, куда может входить и откуда может выходить всякий желающий, внося и вынося все что угодно. Братия! перестанем от такового жительства невнимательного и бесплодного. Будем подражать деланию святых Отцов, а между прочими деланиями — и памятованию Бога, в котором они непрестанно содержали ум свой. Юноша! сей с прилежанием семена добродетелей, приучайся с терпением и понуждением себя ко всем боголюбезным упражнениям и подвигам, приучайся и к памяти Божией, заключай ум твой в святое поучение. Если увидишь, что он непрестанно ускользает в посторонние и суетные помышления, не приди в уныние. Продолжай с постоянством подвиг: «Старайся возвращать, — говорит святой Иоанн Лествичник, — или, правильнее, заключать мысль в словах молитвы. Если она по младенчеству исторгается *(из заключения в слова молитвы)*, — опять вводи ее *(в них)*. Свойственна ему нестоятельность *(приснoподвижность)*; но может дать ему стояние Тот, Кто все уставляет. Если постоянно пребудешь в этом подвиге, то придет Полагающий границы морю ума твоего в тебе и скажет ему в молитве твоей: *До сего дойдеши и не прейдеши*»[2]. Поучение по наружности кажется деланием странным, сухим, скучным, но в сущ-

---

[1] Смотри выше о поучении преподобного Исаии Отшельника, уподобляющего душу, огражденную поучением, дому, отвсюду затворенному и заключенному. ‖ [2] ...*доселе дойдешь и не перейдешь* (Иов. 38. 11). Слово 28, гл. 17. О стоянии и приснодвижимости ума смотри главы святого Каллиста Катафигиота. Добротолюбие. Ч. 4.

ности есть делание многоплоднейшее, драгоценнейшее церковное предание, установление Божие, сокровище духовное, достояние Апостолов и святых Отцов, приявших и предавших его нам по велению Святого Духа. Ты не можешь представить себе тех богатств, которых сделаешься наследником в свое время, стяжав навык непрестанно памятовать Бога. На ум и сердце новоначального *не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*[1] не только в будущем веке, но и в этой жизни[2], в которой они предвкушают блаженство будущего века. «Приуготовляйся, — сказал святой Иоанн Лествичник, — непрестанною молитвою, совершаемой в тайне души твоей, к молитвенному предстоянию, и вскоре преуспеешь»[3]. В свое время поучение обымет все существование твое, ты сделаешься от него как бы упоенным, как бы принадлежащим этому миру и вместе не принадлежащим, чуждым ему: принадлежащим по телу, не принадлежащим по уму и сердцу. Упоенный чувственным вином не помнит себя, забывает горе, забывает свой сан, свое благородство и достояние: и упоенный Божественным поучением делается хладным, бесчувственным к земным похотениям, к земной славе, ко всем земным выгодам и преимуществам. Мысль его непрестанно при Христе, Который поучением действует как священным благоуханием: *овем* как *воня смертная в смерть, овем* как *воня животная в живот*[4]. Поучение умерщвляет в человеке сочувствие к миру и страстям, оживляет в нем сочувствие к Богу, ко всему духовному и святому, к блаженной вечности. «*Что бо ми есть на небеси?* — вопиет упоенный поучением. Ничто. *И от Тебе что восхотех на земли?* Только того, чтоб мне непрестанно прилепляться к Тебе молитвою безмолвною. Иным вожделенно богатство, иным слава, но мне вожделенно *прилеплятися Богови моему и полагати* на Него упование бесстрастия моего»[5].

Слова поучения первоначально дóлжно произносить языком, весьма тихим голосом, неспешно, со всевозможным вниманием, заключая, по вышеприведенному совету святого Иоанна Лествичника, ум в слова поучения. Мало-помалу молитва устная перейдет в умственную, а потом и в сердечную. Но на переход этот нужны многие годы. Не должно искать его преждевременно; пусть он совершится сам собою, или, правильнее, да дарует его Бог в известное Ему время, смотря по духовному возрасту и обстоятельствам подвижника. Смиренный подвижник довольствуется тем, что спо-

---

[1] *...не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). ‖ [2] Мк. 10. 30. ‖ [3] Слово 28, гл. 31. ‖ [4] *...для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь* (2 Кор. 2. 16). ‖ [5] *...приближаться к Богу!* (Пс. 72. 25, 28). Лествица. Слово 28, гл. 25.

добляется памятовать Бога. И это уже считает он великим благодеянием Создателя для бедной и немощной твари — человека. Он признает себя недостойным благодати, не ищет раскрыть в себе действий ее, познавая из учения святых Отцов, что такое искание имеет началом своим тщеславие, от которого — прелесть и падение, что это искание само собою уже есть обольщение, потому что при всеусильном искании получение благодати зависит единственно от Бога[1]. Он жаждет открыть в себе свою греховность и стяжать способность плача о ней. Он предоставляет себя воле всеблагого и премилосердого Бога, ведающего, кому полезно даровать благодать и для кого полезно удержать пришествие ее. Многие, получив благодать, пришли в небрежение, высокоумие и самонадеянность; данная им благодать послужила, по причине их неразумия, только к большему осуждению их. Блажен залог сердца в иноке, по которому он, упражняясь в каком бы то ни было подвиге, упражняется вполне бескорыстно, алчет и жаждет единственно исполнить волю Божию, а себя предает со всею верою и простотою, с отвержением своих разумений, власти, воли, управлению милосердого Господа Бога нашего, желающего всем человекам спастись и в разум истины прийти. Ему слава во веки веков. Аминь.

Слово о молитве умной, сердечной и душевной

Кто с постоянством и благоговением занимается внимательною молитвою, произнося слова ее громко или шепотом, смотря по надобности, и заключая ум в слова, кто при молитвенном подвиге постоянно отвергает все помыслы и мечтания, не только греховные и суетные, но и благие, тому милосердый Господь дарует в свое время умную, сердечную и душевную молитву.

Брат! Неполезно тебе преждевременное получение сердечной, благодатной молитвы! неполезно тебе преждевременное ощущение духовной сладости! Получив их преждевременно, не приобретя предварительных сведений, с каким благоговением и с какою осторожностию должно хранить дар благодати Божией, ты можешь употребить этот дар во зло, во вред и погибель души твоей[2]. Притом

[1] Преподобный Исаак Сирский. Слово 55. || [2] Святой Исаак Сирский. Слово 5: «Не должно нам преждевременно искать великих мер, чтобы Божие дарование не потребилось по причине скорости приятия его. Все, легко приобретенное, легко и утрачивается; все же, приобретенное с сердечною болезнию, хранится тщательно».

собственными усилиями раскрыть в себе благодатную, умную и сердечную молитву невозможно, потому что соединить ум с сердцем и душой, разъединенные в нас падением, принадлежит Единому Богу. Если же будем безрассудно принуждать себя и искать раскрытия одним собственным усилием тех даров, которые ниспосылаются единственно Богом, то понесем труды тщетные. И хорошо, если бы вред ограничивался потерей трудов и времени! Часто гордостные искатели состояний, свойственных обновленному естеству человеческому, подвергаются величайшему душевному бедствию, которое святые Отцы называют *прелестию*. Это логично: самая основная точка, от которой они начинают действие, ложна. Как же от ложного начала не быть и последствиям ложным? Таковые последствия, называемые прелестию, имеют различные виды и степени. Прелесть бывает по большей части прикрыта, а иногда и явна, нередко поставляет человека в состояние расстроенное, вместе смешное и самое жалостное, нередко приводит к самоубийству и конечной погибели душевной[1]. Но прелесть, понятная для многих в ее явных последствиях, должна быть изучаема, постигаема в самом ее начале: в мысли ложной, служащей основанием всех заблуждений и бедственных душевных состояний. В ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует то растение, которое должно произойти из него по насаждении его в землю. Сказал святой Исаак Сирин: «Писание говорит: *Не приидет Царствие Божие с соблюдением*[2] ожидания. Те, которые подвизались с таким душевным залогом, подверглись гордыни и падению. Но мы установим сердце в делах покаяния и в жительстве, благоугодном Богу. Дары же Господа приходят сами собой, если сердечный храм будет чист, а не осквернен. То, чтоб искать с *наблюдением*, говорю, высоких Божиих дарований, отвергнуто Церковию Божиею. Предпринявшие это подверглись гордыни и падению. Это не признак, что кто-либо любит Бога, но недуг души. И как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда Божественный Павел хвалится скорбями и признает высшим Божиим даром общение в страданиях Христовых!»[3]

Положись в молитвенном подвиге твоем вполне на Бога, без Которого невозможно даже малейшее преуспеяние. Каждый шаг к успеху в этом подвиге есть дар Божий. Отвергнись себя и отдайся

---

[1] Преподобный Симеон Новый Богослов. О первом образе внимания и молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. Также: Аскетические опыты. Ч. 1. О Иисусовой молитве. Разговор старца с учеником его. || [2] *Не придет Царствие Божие приметным образом* (Лк. 17. 20). || [3] Слово 55.

Богу, да творит с тобою, что хочет. А хочет Он, Всеблагий, даровать тебе то, что ни на ум, ни на сердце наше *не взыде*[1]: хочет даровать такие блага, каких наш ум и сердце, в падшем их состоянии, не могут даже представить себе. Невозможно, невозможно не стяжавшему чистоты получить о духовных дарах Божиих ни малейшего понятия ни посредством воображения, ни посредством сличения с приятнейшими душевными ощущениями, какие только известны человеку! С простотою и верою возложи попечение свое на Бога. Не послушайся представлений лукавого, который еще в раю говорил праотцам нашим: *будете, яко бози*[2]. Ныне он же предлагает тебе безвременное и гордое стремление к приобретению духовных дарований сердечной молитвы, которые, повторяю, подает един Бог, которым определено свое время и свое место. Это место — весь сосуд, как душевный, так и телесный, очищенный от страстей.

Позаботимся освободить храм — душу и тело — от идолов, от жертвоприношений идолам, от идоложертвенного, от всего, что принадлежит к кумирослужению. Как святой пророк Илия свел на поток Киссов всех жрецов и пророков Вааловых и там предал их смерти: так и мы погрузимся в плач покаяния, и на блаженном потоке этом умертвим все начала, принуждающие сердце наше приносить жертвы греху, все оправдания, которыми оправдывается, извиняется такое жертвоприношение. Омоем алтарь и все, что окружает его, слезами; удвоим, утроим омовение, потому что нечистота душевная для омытия своего требует обильнейших слез. Алтарь да будет устроен из камней во имя Господне — из ощущений, заимствованных единственно из Евангелия; да не будет тут места для ощущений ветхого человека, как бы они ни казались невинными и изящными[3]. Тогда великий Бог низведет Свой всесвятой огнь в сердца наши и соделает наши сердца храмом благодатной молитвы, как Он изрек Божественными устами Своими: *Храм Мой храм молитвы наречется*[4].

Сперва обратим внимание на страсти телесные, на употребление пищи и на наиболее зависящие от излишества при этом употреблении блудные стремления наши. Постараемся мудро устроить состояние плоти нашей, давая ей столь много пищи и сна, чтоб она не изнемогла излишне и оставалась способною к подвигам, давая их столь мало, чтоб она постоянно носила в себе мертвость, не оживая для движений греховных. По замечанию Отцов, при

[1] 1 Кор. 2. 9. || [2] *...будете, как боги* (Быт. 3. 5). || [3] 3 Цар. гл. 18. || [4] *...дом Мой домом молитвы наречется* (Мф. 21. 13).

употреблении пищи и сна много значит сделанный навык, потому очень полезно приучить себя заблаговременно к умеренному, малому, по возможности, их употреблению[1]. Святой Исаак Сирин так выразился о посте и бдении: «Кто возлюбил общение с этими двумя добродетелями в течение всего жития своего, тот соделается наперсником целомудрия. Как начало всех зол есть удовлетворение чрева и расслабление себя сном, возжигающих блудную страсть, так и святой Божий путь и основание всех добродетелей есть пост и бдение, и бодрствование в службе Божией при распятии тела в течение целой ночи отъятием у него сладости сна. Пост есть ограждение всякой добродетели, начало подвига, венец воздержников, красота девства и освящения, светлость целомудрия, начало христианского пути, мать молитвы, источник целомудрия и разума, учитель безмолвия. Он предшествует всем добрым делам. Как последует здравию очей желание света, так посту, совершаемому с рассуждением, последует желание молитвы. Когда кто начнет поститься, тогда от поста приходит к желанию беседы с Богом в уме своем. Не терпит тело постящегося провести на постели всю ночь. Когда печать пощений наложена на уста человека, тогда помысл его поучается в умилении, сердце его источает молитву, лицо его облечено сетованием, далеко отстоят от него помышления постыдные. Веселие не видится в глазах его, он — враг прихотям и пустым беседам. Никогда не было видно, чтоб постящийся с рассуждением был порабощен злым пожеланием. Пост с рассуждением есть великий храм всех добродетелей. Нерадеющий о нем не оставляет непотрясенною ни одной добродетели. Пост есть заповедь, с самого начала данная естеству нашему во охранение его при вкушении пищи; от нарушения поста пало созданное начало бытия нашего. Откуда истекла пагуба, оттуда обратно начинают подвижники шествовать к страху Божию, когда они начнут хранить Закон Божий»[2]. Предающийся излишнему сну и чревоугодию не может не оскверняться сладострастными движениями. Доколе волнуются этими движениями душа и тело, доколе ум услаждается плотскими помыслами, дотоле человек не способен к новым и неведомым ему движениям, которые возбуждаются в нем от осенения его Святым Духом.

Сколько нужен пост для желающего заняться и преуспеть в умной молитве, столько нужно для него и безмолвие или крайнее уединение — вообще возможное удаление от скитания. Живя

[1] Житие преподобного Досифея. Книга поучений преподобного аввы Дорофея. ||
[2] Слово 21.

в монастыре, выходи из монастыря как можно реже; при отлучках из монастыря как можно скорее возвращайся в монастырь; посещая город и село, со всею внимательностию храни свои чувства, чтоб не увидеть, не услышать чего-либо душевредного, чтоб не получить нечаянной и непредвиденной смертоносной раны. В монастыре знай церковь, трапезу и свою келлию; в келлии к другим братиям ходи только по уважительной причине, — если можно, отнюдь не ходи; посещай келлию твоего наставника и духовного отца, если ты так счастлив, что в наши времена нашел наставника; и то посещай своевременно и по требованию нужды, а никак не от уныния и не для празднословия. Приучи себя к молчанию, чтоб ты мог безмолвствовать и среди людей. Говори как можно меньше, и то по крайней нужде. Тяжко претерпевать злострадание безмолвия для привыкшего к рассеянности; но всякий, желающий спастись и преуспеть в духовной жизни, непременно должен подчинить себя этому злостраданию и приучить себя к уединению и безмолвию. После кратковременного труда, безмолвие и уединение сделаются вожделенными по причине плодов, которые не замедлит вкусить душа благоразумного безмолвника. Преподобный Арсений Великий, находясь в миру, молил Бога, чтоб Бог наставил его, как спастись, и услышал голос, провещавший ему: «Арсений! Беги от человеков и спасешься». Когда Преподобный поступил в Египетский Скит, в котором проводили жительство великие по святости иноки, он снова молил Бога: «Научи меня спастись», — и услышал голос: «Арсений! Беги, молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». Святой Исаак Сирин говорит о преподобном Арсении Великом: «Молчание помогает безмолвию. Как это? живя в многолюдной обители, невозможно нам не встречаться с кем-либо. Не мог избежать этого даже равноангельский Арсений, более других возлюбивший безмолвие. Невозможно не встречаться с отцами и братиями, живущими с нами; встреча эта случается неожиданно: и в то время, когда кто идет в церковь или в какое другое место. Когда достоблаженный этот муж (преподобный Арсений) увидел все это, и что ему, как жительствующему близ селения человеческого (хотя он и жил в Египетском Скиту, наполненном совершенными иноками), невозможно было избежать по большей части сближения с мирскими людьми и иноками, обитавшими в тех местах, тогда он научился от благодати этому способу — постоянному молчанию. Если по необходимости он отверзал дверь келлии своей для некоторых, то они утешались только лицезрением его — беседа и потребность

ее оставались излишними»[1]. Говорит тот же святой Исаак: «Более всего возлюби молчание: оно приближает тебя к плоду. Язык недостаточен к изложению тех благ, которые рождаются от молчания. Сперва понудим себя к молчанию: тогда от молчания рождается в нас нечто, наставляющее нас родившему его молчанию. Да дарует тебе Бог ощутить нечто, рождаемое молчанием. Если ты начнешь жить сим жительством, то не умею и сказать, какой свет воссияет тебе отсюда. Не подумай, брат, что дивный Арсений, как сказывают о нем, что когда входили к нему отцы и братия, приходившие видеть его, то он принимал их молча и отпускал молча — поступал так только потому, что хотел, он поступал так потому, что сначала понудил себя на это делание. Сладость некоторая рождается по времени в сердце от обучения деланию сему и с понуждением наставляет тело пребывать в безмолвии. В этом жительстве рождаются нам множество слез и видение дивное»[2]. Святой Исаак в 75-м Слове говорит: «В течение многого времени, будучи искушаем десными и шуими, сам искусив себя многократно следующими двумя образами жительства, приняв от противника (диавола) бесчисленные язвы, сподобившись великих таинственных заступлений, я, вразумленный благодатию Божиею, приобрел многими годами и опытами опытное, нижеследующее познание. Основание всех добродетелей, воззвание души из плена вражия, путь, ведущий к Божественному свету и животу, заключается в сих двух образах жительства: в том, чтоб в одном месте собрать себя в себя и непрестанно поститься. Это значит: установить себе премудро и разумно правило воздержания чрева в постоянном, неисходном жилище, при непрестанном упражнении и поучении о Боге. Отсюда проистекает покорность чувств, отсюда трезвение ума, отсюда укрощение свирепых страстей, движущихся в теле, отсюда кротость помыслов, отсюда движение светлых мыслей, отсюда тщание к деланию добродетелей, отсюда высокие и тонкие разумения, отсюда безмерные слезы во всякое время и памятование смерти, отсюда то чистое целомудрие, которое отстоит от всякого мечтания, искушающего ум; отсюда быстрозрение и острота уразумения далеко отстоящих (т. е. добра и зла, могущих быть отдаленными последствиями всякого делания); отсюда глубочайшие таинственные разумения, которые постигает ум силой Божия Слова, и внутреннейшие движения, возникающие в душе, и различение и рассуждение духов от свя-

---

[1] Слово 41. || [2] Там же.

тых сил и истинных видений от суетных мечтаний; отсюда страх путей и стезь в море мысли, отсекающий нерадение и небрежение, отсюда пламень ревности, попирающий всякую беду, возвышающий превыше всякого страха, — та горячность, которая презирает всякую похоть и истребляет ее из мысли, производит забвение всякого воспоминания о преходящем и о всем, принадлежащем сему миру и веку. Короче сказать, отсюда свобода истинного человека, радость и воскресение души, упокоение ее со Христом в Царстве Небесном. Если же кто вознерадит о сих двух образах жительства, тот да знает, что он не только лишил себя всего вышесказанного, но и потрясает презрением сих двух добродетелей основание всех добродетелей. Как сии две добродетели суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу, если кто удержит их и претерпит в них, так, напротив, если кто оставит их и отступит от них, тот приходит к двум противоположным им образам жительства, то есть к телесному скитанию и к бесстыдному чревообъядению. Это — начала противному сказанного выше и устрояют место в душе для страстей».

Первое из этих начал прежде всего разрешает чувства, уже пришедшие в повиновение, от уз, которыми они удерживались. Что же делается от этого? Отсюда неподобающие и неожиданные приключения, близкие к падениям[1], восстание сильных волн, лютое разжжение, возбуждаемое зрением, овладевающее телом и содержащее его в своей власти, удобные поползновения в (принятом благочестивом) образе мыслей, неудержимые помыслы, влекущие к падению, охлаждение теплоты к делам Божиим и постепенное изнеможение в любви к безмолвию; наконец, совершенное оставление начатого образа жизни, обновление забытых зол и научение новым, дотоле неизвестным, по причине непрестанных новых встреч, невольно и многообразно представляющихся зрению при переселении из страны в страну, из места в другое место. Страсти, благодатию Божиею уже умерщвленные в душе и истребленные в уме забвением воспоминания о них, опять начинают приходить в движение и понуждать душу к деланию их. Вот что — не исчисляю

[1] Опыт показывает, что встреча с женским полом, с развратным обществом и с другими соблазнами действуют несравненно сильнее на инока, нежели на мирянина, всегда вращающегося среди соблазнов. Действие это на инока тем сильнее, чем внимательнее и строже его жительство. Страсти в нем измучены голодом и кидаются с неистовством и исступлением на свои предметы, когда не будет принята осторожность. Если возбужденная страсть и не совершит убийства, то может нанести страшную язву, для врачевания которой потребуются многие годы, кровавые труды, а более всего особеннейшая милость Божия.

подробно всего прочего — открывается (в иноке) от первого начала, то есть от скитания тела, по отвержении терпеливого злострадания в безмолвии. Что же бывает и от другого начала, то есть когда начато будет дело свиней? В чем заключается дело свиней, как не в оставлении чрева без устава для него, как не в непрестанном насыщении его, без определенного времени для удовлетворения потребности его, в противоположность обычаю словесных? Что последует за этим? Тяжесть головы, значительное отягчение тела с ослаблением плеч. От этого делается необходимым упущение в службе Божией; является леность, не допускающая творить поклонов при молитвенном правиле, нерадение об обычных коленопреклонениях, помрачение и хладность мысли, дебелость ума, нерассудительность его по причине возмущения и особенного помрачения помыслов, дебелый и густой мрак, распростертый на всей душе, обильное уныние при всяком деле Божием, равно и при чтении, по причине неспособности ко вкушению сладости Слова Божия, оставление нужнейших упражнений; неудержимый ум, парящий по всей земле; накопление обильной влаги во всех членах, нечистые мечтания ночью, представляющие душе скверные и непотребные образы, исполненные похоти, и в самой душе исполняющие свое нечистое хотение. Постель окаянного сего, одеяния его и самое тело оскверняются множеством постыдного истицания, истощающегося из него, как из источника. И это случается с ним не только ночью, но и днем; тело постоянно точит нечистоты и оскверняет мысль, так что человек по причине таких обстоятельств лишается надежды сохранить целомудрие, ибо сладость скоктаний действует во всем теле его с непрестанным и с нестерпимым разжжением, и пред ним образуются обольстительные мысленные образы, изображающие пред ним красоту, раздражающие его во всякое время, и склоняют ум к сочетанию с собою (с этими мысленными образами красоты). Без сомнения, он сочетается с ними размышлением о них и похотением их по причине омрачения рассудительности его. Это то и есть, о чем сказал Пророк: «Таково воздаяние сестры твоея Содомы, которая наслаждалась, вкушая хлеб до сытости» и проч.[1] Но и следующее было сказано некоторым из великих мудрецов: «Если кто будет питать тело свое, доставляя ему наслаждение, тот ввергает душу свою в великую

[1] Иез. 16. 49. Подлинный стих Писания читается так: *Сие беззаконие Содомы сестры твоея, гордость в сытости хлеба и во изобилии вина, и сластолюбствоваша та и дщери ея.* [Ср.: Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей, и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности...]

брань (борение). Таковой, если когда и придет в себя, захочет понудить себя и удержать, то не сможет (сего сделать) по причине чрезмерного разжжения телесных движений, по причине насилия и могущества раздражений и обольщений, пленяющих душу похотениями своими». Видишь ли здесь тонкость безбожных сил? Опять тот же говорит: «Наслаждение тела, при его мягкости и влажности юношеских, соделывается причиною скорого стяжания душою страстей, ее обымает смерть, и таким образом она подпадает под суд Божий. — Напротив того, душа, непрестанно поучающаяся в памятовании своих обязанностей, почивает в свободе своей, попечения ее умалены, она не заботится ни о чем (временном), заботится о добродетели, обуздывая страсти и храня добродетели; она находится постепенно в преуспеянии, в беспопечительной радости, в животе благом и пристанище безбедном. Телесное же наслаждение не только укрепляет страсти и восстановляет их на душу, но даже искореняет ее из ее оснований. При том возжигается им чрево к невоздержанию и к блудным бесчинным ощущениям. Они побуждают безвременно употреблять пищу. Ратуемый им не хочет потерпеть небольшого голода, чтоб возобладать собою, потому что он в плену у страстей». Подобным образом рассуждают и все святые Отцы, которых мы не приводим здесь, чтоб не очень распространить Слово.

Оградив наше жительство снаружи воздержанием от излишества и наслаждения при употреблении пищи и пития, оградив его зависящим от нас уединением, то есть безвыходным пребыванием в монастыре и уклонением от знакомства вне и внутри монастыря, обратим внимание на душевные страсти. Обратим внимание прежде всего по заповеди Господа, на гнев[1], имеющий основанием своим гордость[2]. Простим отцам и братиям нашим, близ и далече пребывающим, живым и отшедшим, все оскорбления и обиды, нанесенные ими нам, как бы эти обиды тяжки ни были. Завещал нам Господь: *Егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших*[3]. Прежде всего помолись о врагах твоих и благослови их[4], как орудия Божественного Промысла, которыми воздано тебе за грехи твои во время кратковременной земной жизни, чтоб избавить тебя от

[1] Мф. 5. 22. || [2] Преподобный Марк Подвижник. Слово к Николаю иноку. || [3] *И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши* (Мк. 11. 25–26). || [4] Мф. 5. 44.

заслуженного тобою воздаяния в вечности адскими муками. Когда ты будешь поступать так, когда возлюбишь врагов своих и будешь молить о них, чтоб им дарованы были все блага, временные и вечные, тогда только низойдет к тебе Бог на помощь, и ты поперешь молитвою твоею всех супостатов твоих, вступишь умом в сердечный храм для поклонения Отцу Духом и Истиною[1]. Но если попустишь сердцу твоему ожесточиться памятозлобием и оправдаешь гнев твой гордостию твоею, то отвратится от тебя Господь Бог твой, и предан будешь в попрание под ноги сатане. Всеми скверными помыслами и ощущениями он будет топтать тебя, ты не будешь в силах воспротивиться ему[2]. Если же Господь сподобит положить тебе в основание молитвенного подвига незлобие, любовь, неосуждение ближних, милостивое извинение их, тогда с особенною легкостию и скоростию победишь противников твоих, достигнешь чистой молитвы.

Знай, что все страсти и все падшие духи находятся в ближайшем сродстве и союзе между собою. Это сродство, этот союз — грех. Если ты подчинился одной страсти, то чрез подчинение этой одной страсти ты подчинился и всем прочим страстям. Если ты попустил пленить тебя одному духу злобы, собеседованием с влагаемыми им помыслами и увлечением этими помыслами или мечтаниями, то ты поступил в рабство ко всем духам. По побеждении твоем, они будут передавать тебя друг другу, как пленника[3]. Этому учат святые Отцы, этому учит самый опыт. Замечай за собою, и увидишь, что, допустив себе в чем-либо победиться произвольно, вслед за тем, в совсем ином, в чем бы ты и не хотел уступить победы, будешь побеждаться невольно; дотоле, доколе тщательным покаянием не восстановишь своей свободы. Положив в основание молитвенному подвигу безгневие, любовь и милость к ближним, заповеданные Евангелием, с решительностию отвергни всякую беседу с помыслами и всякое мечтание. Навстречу всем помыслам и мечтаниям говори: «Я всецело предал себя воле Бога моего, и потому нет для меня никакой нужды разглагольствовать, предполагать, предугадывать, ибо *Господь близ. Ни о чемже пецытеся*, завещает Дух Святой мне вкупе со всеми истинно верующими во Христа, *но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказу-*

---

[1] Ин. 4. 24. ‖ [2] Преподобный Марк Подвижник. Слово 7. О пощении и смирении. ‖ [3] Преподобный Исаия Отшельник. Слово 8, гл. 1. Этот глубоко вникавший в себя инок говорил: «Иногда вижу себя подобным коню, блуждающему без всадника: кто найдет его, садится на него; когда же сей отпустит, то схватывает другой и равным образом садится на него».

ются к Богу»[1]. *Уцеломудритеся*, то есть отвергните пресыщение и наслаждение, отвергните обманчивые помыслы и мечтания, *и трезвитеся в молитвах,* все попечение ваше *возвергше Нань* (на Бога), *яко Той печется о вас*[2]. *Хощу убо, да молитвы творят мужие*, то есть христиане, усовершенствовавшиеся в молитвенном подвиге, *на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки*, ум и сердце, очищенные от страстей, исполненные смирения и любви, *без гнева и размышления*, то есть будучи чужды всякой злобы на ближнего, чужды сложения с помыслами и услаждения мечтаниями[3]. Возненавидь *всяк путь неправды*, и направишься *ко всем заповедем* Господним[4]. Путь неправды — беседа с помыслами и мечтание. Отвергший эту беседу и мечтание может наследовать все заповеди Божии, может волю Божию совершить посреди сердца своего[5], непрестанно прилепляясь молитвой к Господу, окрыляя молитву свою смирением и любовию. *Любящии Господа! ненавидите злая*[6], увещает нас Дух Святой.

Делателю молитвы необходимо узнать и увидеть действие страстей и духов на кровь его. Не без причины говорит Священное Писание, что не только плоть, но *и кровь Царствия Божия наследити не могут*[7]. Не только грубые плотские ощущения ветхого человека, но и ощущения более тонкие, иногда очень тонкие, происходящие от движения крови, отвергнуты Богом. Тем более этот предмет нуждается во внимании подвижника, что утонченное действие страстей и духов на кровь тогда только делается ясным, когда сердце ощутит в себе действие Святого Духа. Ощущение объясняется ощущением. Стяжав духовное ощущение, подвижник со всею ясностию внезапно усматривает действие крови на душу, усматривает, каким образом страсти и духи, действуя посредством крови самым тонким образом на душу, содержат душу в порабощении у себя. Тогда он поймет и убедится, что всякое действие крови на душу, не только грубое, но и утонченное, мерзостно пред Богом, составляет жертву, оскверненную грехом, недостойно быть помещенным в области духовной, недостойно быть сопричисленным к действиям и ощущениям

---

[1] *Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Флп. 4. 5–6). ‖ [2] *...будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 4. 7; 5. 7). ‖ [3] *...на всяком месте... воздевая чистые руки* (1 Тим. 2. 8). ‖ [4] *Все повеления Твои — все признаю справедливыми* (Пс. 118. 128). ‖ [5] Ср.: *я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце* (Пс. 39. 9). ‖ [6] *Любящие Господа, ненавидьте зло* (Пс. 96. 10). ‖ [7] *...и кровь не могут наследовать Царствия Божия* (1 Кор. 15. 50).

духовным. До явления действий Духа в сердце утонченное действие крови остается или вовсе непонятным, или малопонятным и даже может быть признано за действие благодати, если не будет принята надлежащая осторожность. Предосторожность эта заключается в том, чтоб, до времени очищения и обновления Духом, не признавать никакого сердечного ощущения правильным, кроме ощущения покаяния, спасительной печали о грехах, растворенной надеждою помилования. От падшего естества принимается Богом только одна жертва сердца, одно ощущение сердца, одно его состояние: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[1].

Действие крови на душу вполне очевидно при действии страсти гнева и помыслов гнева на кровь, особенно в людях, склонных к гневу. В какое исступление приходит человек, воспламененный гневом! он лишается всей власти над собою; поступает во власть страсти, во власть духов, жаждущих его погибели и желающих погубить его, употребив во орудие злодеяния его же самого; он говорит и действует, как лишенный рассудка. Очевидно также действие крови на душу, когда кровь воспалится страстию блудною. Действие прочих страстей на кровь менее явно, но оно существует. Что такое печаль? что — уныние? что — леность? это разнообразные действия на кровь разных греховных помыслов. Сребролюбие и корыстолюбие непременно имеют влияние на кровь: услаждение, которое производят на человека мечты о обогащении, что иное, как не обольстительное, обманчивое, греховное играние крови? Духи злобы, неусыпно и ненасытно жаждущие погибели человеческой, действуют на нас не только помыслами и мечтаниями, но и разнообразными прикосновениями, осязая нашу плоть, нашу кровь, наше сердце, наш ум, стараясь всеми путями и средствами влить в нас яд свой[2]. Нужна осторожность, нужна бдительность, нужно ясное и подробное знание пути мысленного, ведущего к Богу. На этом пути множество татей, разбойников, убийц. При виде бесчисленных опасностей восплачем пред Господом нашим и будем умолять Его с постоянным плачем, чтоб Он Сам руководил нас по пути тесному и прискорбному, ведущему к жизни. Разнообразные воспаления крови от действия различных помыслов и мечтаний демонских составляют то пламенное оружие, которое дано при нашем падении падшему херувиму, которое он вращает внутри нас, воз-

---

[1] *Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19). || [2] Святой Иоанн Карпафийский, гл. 87. Добротолюбие. Ч. 4.

браняя нам вход в таинственный Божий рай духовных помышлений и ощущений[1].

Особенное внимание должно обратить на действие в нас тщеславия, действие которого на кровь очень трудно усмотреть и понять. Тщеславие почти всегда действует вместе с утонченным сладострастием и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние самообольщения; признавая самообольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела, постоянно принимающего вид Ангела светлого, делается орудием, апостолом отверженных духов. Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением. Это мнимо духовное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченными тщеславием, высокоумием и сладострастием. Не наслаждение — удел грешника, удел его — плач и покаяние. Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу и тело. Тщеславие делает душу не способной для духовных движений, которые тогда начинаются, когда умолкнут движения душевных страстей, будучи остановлены смирением. Потому-то святыми Отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвою и желающим преуспеть в ней, святое покаяние, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную. Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти. Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с постороннею плотию, и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устроение души и тела; тщеславие влечет к противозаконному приобщению славе человеческой, и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь, — этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелым[2] и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия. Тщеславие в отношении к истинной славе есть блуд. «Оно, — говорит

[1] По объяснению преподобного Макария Великого (Беседа 37, гл. 5) и преподобный Марк Подвижник. Слово 6. || [2] Грубым, нечувственным. — *Ред.*

святой Исаак Сирин, — на естества вещей блудным видением взирает»[1]. Сколько оно омрачает человека, как делает для него приближение и усвоение Богу затруднительным, это засвидетельствовал Спаситель: *Како вы можете веровати,* сказал Он тщеславным фарисеям, искавшим похвалы и одобрения друг от друга и от слепотствующего человеческого общества, — *славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищете?*[2] Так называемое преподобными Иоанном Лествичником и Нилом Сорским[3] гордостное усердие к преждевременному исканию того, что приходит в свое время, можно непогрешительно отнести к страсти тщеславия при непременном содействии крови; кровь разгорячают и приводят в движение тщеславные помыслы, а тщеславие, обратно, растит и размножает обольстительные мечты и напыщенное мнение о себе, именуемое Апостолом *дмением плотскаго ума, без ума дмящагося*[4].

Из всего вышесказанного можно усмотреть и время, приличествующее для умной, сердечной молитвы. Для занятия ею приличествует возраст зрелый, при котором уже естественно укрощаются в человеке порывы. Не отвергается юность, когда она имеет качество зрелости, в особенности, когда имеет руководителя. Но для зрелости недостаточно одного числа лет от рождения или от вступления в монастырь; зрелость должна наиболее истекать из продолжительного предварительного рассматривания себя, рассматривания не произвольного, но о Господе Иисусе Христе, при свете Евангелия, в котором изображен новый человек и все оттенки недугов ветхого, — при изучении писаний святых Отцов Православной Восточной Церкви, наставляющих непогрешительно пользоваться светом Евангелия. Чем более человек вникает в себя, чем более познает себя, чем более познает свои страсти, их разнообразное действие, средства борения, свою немощь, чем более старается истребить в себе свойства греховные, привитые падением, и стяжать свойства, указанные Евангелием, тем основание для здания молитвы будет прочнее. Не должно торопиться при выводе основания; напротив того, должно позаботиться, чтоб оно имело удовлетворительные глубину и твердость. Мало — изучить страсти с их многоплетенными отраслями в чтении книг Отеческих, надо прочитать их в живой кни-

[1] Слово 56. || [2] *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5. 44). || [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 11. || [4] Ср.: *Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом* (Кол. 2. 18).

ге душевной и стяжать знание о них опытное. Очевидно, что нужны многие годы для того, чтоб такое упражнение было плодоносно, особенно в наше время, когда беструдное получение какого-либо духовного знания от человека — редко, когда должно доискиваться в книгах до каждого такого познания, и потом усмотреть в книгах же порядок, постепенность духовных знаний, деланий, состояний. Не позаботившиеся достаточно о прочности основания увидели в здании своем многие недостатки и неудобства, значительные трещины и другие повреждения, а часто видели они и горестное разрушение самого здания. Братия! не будем спешить: по совету Евангелия[1] ископаем, углубим, положим в основание твердые, тяжеловесные камни. Копание и углубление есть подробное исследование сердца, а твердые камни — утвержденные долгим временем и деланием навыки в евангельских заповедях.

Когда подвижник Христов, по силе своей, возобладает движениями крови и ослабит действия ее на душу, тогда в душе начнут мало-помалу возникать духовные движения, начнут являться уму тонкие Божественные разумения, привлекать его к рассматриванию их и отвлекать от скитания всюду, сосредоточивая в себе[2]; сердце начнет сочувствовать уму обильным умилением. От действий духовных окончательно ослабевают действия крови на душу: кровь вступает в отправление своего естественного служения в телесном составе, престав служить, вне естественного своего назначения, орудием греху и демонам. Святой Дух согревает человека духовно, вместе орошая и прохлаждая душу, доселе знакомую только с разнообразными разгорячениями крови[3]. При явлении мысленного Солнца Правды отходят мысленные звери в свои логовища, и подвижник исходит из мрака и плена, в котором держали его грех и падшие духи, на духовное делание и преуспеяние до самого вечера земной жизни, до преселения в вечную, невечернюю жизнь[4]. От блаженного действия Святого Духа в человеке сперва начинает веять в нем необычная тишина, является мертвость к миру, к наслаждению его суетностию и греховностию, к служениям посреди его. Христианин примиряется ко всему и ко всем при посредстве странного, смиренного и вместе высокого духовного рассуждения, неизвестного и недоступного плотскому и душевному состоянию. Он начинает ощущать сострадание ко всему человечеству и к каждому

---

[1] Лк. 6. 48. ‖ [2] «Прежде всех (духовных даров) *непарение* даруется уму Господом». Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 24. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] Беседа преподобного Максима Капсокаливи с преподобным Григорием Синаитом. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [4] Пс. 103. 22–23.

человеку в частности. Сострадание переходит в любовь. Потом начинает усугубляться внимание при молитве его: слова молитвы начинают производить сильное необычное впечатление на душу, потрясать ее. Наконец, мало-помалу сердце и вся душа двинутся в соединение с умом, а за душой повлечется в это соединение и самое тело. Такая молитва называется:

Умною, когда произносится умом при глубоком внимании, при сочувствии сердца;

Сердечною, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву;

Душевною, когда совершается от всея души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа, причем все существо соделывается как бы едиными устами, произносящими молитву.

Святые Отцы в писаниях своих часто заключают под одно именование умной молитвы и сердечную, и душевную, а иногда различают их. Так, преподобный Григорий Синайский сказал: «Непрестанно зови умне или душевне». Но ныне, когда учение из живых уст об этом предмете крайне умалилось, весьма полезно знать определительное различие. В иных более действует умная молитва, в других сердечная, а в иных душевная, смотря по тому, как каждый наделен Раздаятелем всех благ, и естественных и благодатных[1]; иногда же в одном и том же подвижнике действует то та, то другая молитва. Такая молитва весьма часто и по большей части сопутствуется слезами. Человек тогда отчасти познает, что значит блаженное бесстрастие. Он начинает ощущать чистоту, а от чистоты живой страх Божий, снедающий дебелость плоти наводимым странным, доселе не знакомым человеку ужасом от ясного ощущения предстояния своего пред Богом, как пред Богом. Христианин вступает в новую жизнь и новый подвиг, соответствующие его обновленному душевному состоянию: прежнее млеко для питания его нейдет. Все делания его стекаются во одно — «в блаженное непрестанное покаяние». Разумеваяй да разумевает: сказано нужнейшее, душеспасительнейшее, величайшей важности сведение для истинного делателя, хотя слова и просты. Это состояние изобразил Великий Пимен в ответе своем на вопрос, как должен вести себя внимательный безмолвник? Великий отвечал: «Подобно человеку, который погряз в тину по выю, который имеет бремя на вые, и вопиет к Богу: помилуй меня»[2]. Глубокий плач, плач духа человеческо-

---

[1] Различие показано выше. ‖ [2] Алфавитный патерик.

го, подвигнутого к плачу Духом Божиим, есть неотъемлемый спутник сердечной молитвы; духовным ощущением страха Божия, благоговения и умиления сопутствуется молитва душевная. В совершенных христианах оба эти ощущения переходят в любовь. Но и эти ощущения принадлежат к разряду благодатных. Они — дары Божии, подаваемые в свое время, чуждые даже постижению подвизающегося в области их, хотя бы он и подвизался правильно. Сердечная молитва действует наиболее при молении именем Господа Иисуса; душевною молитвою молятся получившие сердечную молитву, когда они занимаются молитвословием и псалмопением.

Умная, сердечная, душевная молитва заповедана человеку Богом и в Ветхом, и в Новом Завете. *Возлюбиши Господа Бога твоего*, повелевает Бог, *всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь*[1]. Очевидно, что исполнения величайшей, возвышеннейшей заповеди из всех заповедей невозможно иначе достигнуть, как умною, сердечною и душевною молитвою, которою молящийся отделяется от всей твари, весь, всем существом своим, устремляется к Богу. Находясь в этом устремлении к Богу, молящийся внезапно соединяется сам с собою и видит себя исцелившимся от прикосновения к нему перста Божия. Ум, сердце, душа, тело, доселе рассеченные грехом, внезапно соединяются воедино о Господе. Так как соединение произошло о Господе, произведено Господом, то оно есть вместе и соединение человека с самим собою и соединение его с Господом. За соединением, или вместе с соединением, последует явление духовных дарований. Правильнее: соединение — дар Духа. Первое из духовных дарований, которым и производится чудное соединение, есть мир Христов[2]. За миром Христовым последует весь лик даров Христовых и плодов Святого Духа, которые Апостол исчисляет так: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*[3]. Молитва исцеленного, соединенного, примиренного в себе и с собою чужда помыслов и мечтаний бесовских. Пламенное оружие падшего херувима перестает действовать: кровь, удержанная силою Свыше, перестает кипеть и волноваться. Это море делается неподвижным, дыхание ветров —

---

[1] *...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!* (Мк. 12. 30; Втор. 6. 5). ‖ [2] Варсонофий Великий. Ответ 184-й. Святитель Григорий Палама. Послание к монахине Ксении. ‖ [3] *...любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5. 22–23).

помыслы и мечтания бесовские — уже на него не действуют. Молитва, чуждая помыслов и мечтаний, называется *чистою*[1], *непарительною*. Подвижник, достигший чистой молитвы, начинает посвящать упражнению в ней много времени, часто сам не замечая того. Вся жизнь его, вся деятельность обращается в молитву. Качество молитвы, сказали Отцы, непременно приводит к количеству. Молитва, объявши человека, постепенно изменяет его, соделывает духовным от соединения со Святым Духом, как говорит Апостол: *Прилепляяйся же Господеви един дух есть с Господем*[2]. Наперснику Духа открываются тайны христианства.

Благодатный мир Христов, которым подвижник вводится в чистую молитву, совершенно отличен от обыкновенного спокойного, приятного расположения человеков: вселившись в сердце, он оковывает возмутительные движения страстей, отъемлет страх не удалением страшного, но блаженным доблестным состоянием о Христе, при котором страшное не страшно, как Господь сказал: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам. Да не смущается сердце ваше, ни устрашает*[3]. В мире Христовом сокровенно жительствует такая духовная сила, что он попирает ею всякую земную скорбь и напасть. Эта сила заимствуется из Самого Христа: *во Мне мир имате: в мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир*[4]. Призываемый сердечной молитвой, Христос ниспосылает в сердце духовную силу, называемую миром Христовым, непостижимую умом, невыразимую словом, непостижимо постигаемую одним блаженным опытом. *Мир Божий,* говорит Апостол христианам, *превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Иисусе Христе*[5]. Такова сила мира Христова. Он — *превосходяй всяк ум*. Это значит: он превыше всякого ума созданных, и ума человеческого, и ума Ангелов света, и ума ангелов падших. Он, как действие Божие, властительски, Божественно распоряжается помышлениями и чувствованиями сердечными. При появлении его отбегают все помышления демонские и зависящие от них ощущения, а помышления человеческие вместе с сердцем поступают под его всесвятое управление и водительство. Отселе он делается царем их и соблюдает их, то есть хранит неприкосно-

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 15. ‖ [2] *А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом* (1 Кор. 6. 17). ‖ [3] *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается* (Ин. 14. 27). ‖ [4] *...чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 33). ‖ [5] *...который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Иисусе Христе* (Флп. 4. 7).

венными для греха о Христе Иисусе. Это значит: он содержит помышления неисходно в евангельском учении, просвещает ум таинственным истолкованием этого учения, а сердце питает хлебом насущным, сходящим с неба и дающим жизнь всем, причащающимся его[1]. Святой мир, при обильном действии своем, наводит молчание на ум и к блаженному вкушению себя влечет и душу и тело. Тогда прекращается всякое движение крови, всякое ее влияние на состояние души: бывает тишина велия. Веет во всем человеке некий тонкий хлад, и слышится таинственное учение. Христианин, держимый и хранимый святым миром, делается неприступным для супостатов: он прилеплен к наслаждению миром Христовым и, упиваясь им, забывает наслаждения не только греховные, но все вообще земные, и телесные и душевные. Целительный напиток! Божественное врачевство! блаженное упоение! Точно: какое может быть другое начало обновления человека, как не благодатное ощущение мира, которым составные части человека, разделенные грехом, соединяются опять воедино! Без этого предварительного дара, без этого соединения с самим собою, человек может ли быть способным к какому-либо духовному, Божественному состоянию, созидаемому всеблагим Святым Духом? Разбитый сосуд, прежде нежели он будет исправлен, может ли быть вместилищем чего-либо? Ощущение о Христе мира, как и всех вообще благодатных дарований, начинает прежде всего проявляться при молитве, как при том делании, в котором подвижник бывает наиболее приготовлен благоговением и вниманием к приятию Божественных впечатлений. Впоследствии, сделавшись как бы принадлежностию христианина, он постоянно сопутствует ему, постоянно и повсюду возбуждая его к молитве, совершаемой в душевной клети, указывая издали мысленных врагов и наветников, отражая и поражая их всесильной десницей своей.

Величие духовного дара, мира Христова, его явление в избранном народе Божием, новом Израиле, христианах, силу его исцелять души, силу поддерживать здравие душ, начало этого дара от Богочеловека, подаяние этого дара Богочеловеком описано святым пророком Исаией так: *Бог крепкий*, говорит Пророк о вочеловечившемся Господе, *Властелин, Князь мира, Отец будущаго века: приведу бо мир на князи,* на преуспевших христиан, побеждающих страсти и потому заслуживших название князей, *мир и здравие Ему. И велие началство Его, и мира Его несть предела на престоле*

[1] Ср.: *Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру* (Ин. 6. 33).

Давидове и на царстве Его, исправити е и заступити Его в суде и правде, отныне и до века: ревность Господа Саваофа сотворит сия[1]. *Возсияет во днех Его правда и множество мира*[2]; *Господь благословит люди Своя* — христиан — *миром*[3], *кротции же наследят землю и насладятся о множестве мира*[4]. Как Святой Дух возвещает Сына[5], так действие в человеке Святого Духа, мир Христов, возвещает, что помыслы человека вступили во всесвятую область Божественной Правды и Истины, что Евангелие принято его сердцем: *милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастася*[6]. Действие мира Христова в человеке есть признак пребывания его в заповедях Христовых, вне заблуждения и самообольщения; напротив того, смущение, самое тончайшее, какими бы оно ни прикрывалось оправданиями, служит верным признаком уклонения с тесного пути Христова на путь широкий, ведущий в погибель[7]. Не осуждай ни нечестивого, ни явного злодея: *своему Господеви стоит* он, *или падает*[8]. Не возненавидь ни клеветника твоего, ни ругателя, ни грабителя, ни убийцы: они распинают тебя одесную Господа, по непостижимому устроению судеб Божиих, чтоб ты, от сердечного сознания и убеждения, мог сказать в молитве твоей Господу: «Достойное по делам приемлю, помяни мя, Господи, в Царстве Твоем». Уразумей из попускаемых тебе скорбей твое несказанное благополучие, твое избрание Богом, и помолись теплейшею молитвою о тех благодетелях твоих, посредством которых доставляется тебе благополучие, руками которых ты отторгаешься от мира и умерщвляешься для него, руками которых ты возносишься к Богу. Ощути к ним милость по подобию той милости, которую ощущает к несчастному, утопающему в грехах человечеству Бог, Который предал Сына Своего в искупительную жертву за враждебное создание Создателю, ведая, что это создание в большинстве своем посмеется и этой Жертве, пренебрежет ей. Такая милость, простирающаяся до любви к врагам, изливающаяся в слезных молитвах о них,

---

[1] Ср.: *Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог Крепкий, Отец Вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это* (Ис. 9. 6–7). ‖ [2] *Во дни Его процветет праведник, и будет обилие мира* (Пс. 71. 7). ‖ [3] *Господь благословит народ Свой миром* (Пс. 28. 11). ‖ [4] *...кроткие наследуют землю и насладятся множеством мира* (Пс. 36. 11). ‖ [5] Ин. 16. 14. ‖ [6] *Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются* (Пс. 84. 11). ‖ [7] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Ответ 59. ‖ [8] *...пред своим Господом стоит он или падает* (Рим. 14. 4).

приводит к опытному познанию Истины. Истина есть Слово Божие, Евангелие; Истина есть Христос. Познание Истины вводит в душу Божественную правду, изгнав из души падшую и оскверненную грехом правду человеческую; вшествие свое в душу Божественная правда свидетельствует Христовым миром. Мир Христов соделывает человека и храмом, и священником Бога живого: *в мире место Его* (Божие), *и жилище Его в Сионе. Тамо сокруши крепости луков, оружие и меч и брань*[1].

О блаженном соединении человека с самим собою от действия мира Христова свидетельствуют величайшие наставники иночества. Святой Иоанн Лествичник говорит: «*Воззвах всем сердцем моим*, то есть телом, душою и духом; *идеже бо два* сии последние соединены, тамо и Бог посреде их[2]. Преподобный Исаия Отшельник: «Если ты, подобно мудрым девам, знаешь, что сосуд твой исполнен елея, и ты можешь войти в чертог, а не должен остаться вне; если ты ощутил, что дух твой, душа и тело соединились непорочно и восстали нескверными в день Господа нашего Иисуса Христа, если совесть не обличает и не осуждает тебя, если ты сделался младенцем, по слову Спасителя, сказавшего: *Оставите детей и не возбраняйте им приити ко Мне: таковых бо есть Царство Небесное*[3], — то воистину ты сделался невестою (Христовою); Святой Дух почил на тебе, хотя ты и находишься еще в теле»[4]. Святой Исаак Сирин: «Не сравни творящих знамения, чудеса и силы посреди мира с безмолвствующими разумно. Возлюби праздность безмолвия больше, нежели насыщение алчущих в мире и обращение многих язычников к поклонению Богу. Лучше тебе разрешить себя от уз греха, нежели освободить рабов от работы. Лучше тебе умириться с душою твоею во единомыслие имеющейся в тебе троицы — говорю тела, души и духа, — нежели умирять учением твоим разномыслящих»[5]. Святой мир есть то недвижение ума, рождающееся от исполнения евангельских заповедей, упоминаемое святым Исааком Сириным в 55-м Слове, которое ощутили святой Григорий Богослов и святой Василий Великий и, ощутив, удалились в пустыню. Там, занявшись внутренним своим человеком и окончательно образовав его Евангелием, они сделались зрителями таин-

---

[1] *И было в Салиме жилище Его и пребывание Его на Сионе. Там сокрушил Он стрелы лука, щит и меч и брань* (Пс. 75. 3–4). ‖ [2] *Взываю всем сердцем [моим]... ибо, где двое* (Пс. 118. 145; Мф. 18. 20; Лествица. Слово 28, гл. 61). ‖ [3] *...пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное* (Мф. 19. 14). ‖ [4] Слово 19. Эта же мысль помещена Преподобным и в 17-м Слове его. ‖ [5] Слово 56.

ственных видений Духа. Очевидно, что недвижение ума, или непарительность (уничтожение рассеянности), стяжается умом по соединении его с душою. Без этого он не может удержаться от парения и скитания всюду. Когда ум, действием Божественной благодати, соединится с сердцем, тогда он получает молитвенную силу, о которой говорит преподобный Григорий Синайский: «Если бы Моисей не принял от Бога жезла силы, то не поразил бы им Бог фараона и Египет; так и ум, если не будет иметь в руке молитвенной силы, то не возможет сокрушить грех и сопротивные силы»[1]. С необыкновенною ясностию и простотою изображено учение о Христовом мире, показана высота и важность этого дара в духовных наставлениях иеромонаха Серафима Саровского; там все снято прямо с сердечного святого опыта: «Когда ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души нерассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссияет свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека[2]. Ничтоже лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Признак разумной души, когда человек погружает ум внутрь себя и имеет делание в сердце своем. Тогда благодать Божия приосеняет его, и он бывает в мирном устроении, а посредством этого и в премирном: в мирном, то есть с совестию благою; в премирном же, ибо ум созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *в мире место Его*[3]. Когда кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары. Когда человек придет в мирное устроение, тогда может от себя и на прочих издавать свет разума. Этот мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим, пред смертию Своею глаголя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*[4]. Мы должны все свои силы, желания и действия сосредоточить к тому, чтоб получить мир Божий и с Церковию всегда вопиять: *Господи Боже наш! Мир даждь нам*[5]. Всеми мерами надо стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других: для этого нужно всячески стараться удерживать гнев и соблюдать посредством внимания ум и сердце от непристойных движений. Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приучаться к такому расположению духа, как бы оскорбления их относились не к нам, а к кому-либо из лиц, чуждых нам. Такое упражнение может доставить тишину сердцу человеческому и сделать его обителию Самого Бога. Каким образом побеждать гнев

[1] Добротолюбие. Ч. 1, гл. 114. || [2] Наставление 11 о молитве. || [3] *...жилище Его* (Пс. 75, 3). || [4] Ин. 14. 27. || [5] *Господи! Ты даруешь нам мир!* (Ис. 26. 12).

можно видеть из жития Паисия Великого. Он просил явившегося ему Господа Иисуса Христа, чтоб освободил его от гнева. И рече ему Христос: "Аще гнев и ярость купно победити хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавидь кого, ни уничижи"[1]. Чтоб сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: *Печаль многих уби, и несть пользы в ней*[2]. Для сохранения мира душевного должно всячески избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный; когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения»[3]. *Царство Божие — правда и мир и радость о Дусе Святе. Иже бо сими служит Христови, благоугоден есть Богови*[4].

Мир Христов есть источник непрестанной умной, сердечной, душевной, благодатной, духовной молитвы, молитвы, приносимой из всего существа человеческого действием Святого Духа; мир Христов есть постоянный источник благодатного, превышающего ум человеческий, смирения Христова. Не погрешит тот, кто скажет, что благодатная молитва есть благодатное смирение и благодатное смирение есть непрестанная молитва. Признаем необходимым изложить здесь теснейший союз молитвы со смирением. Что — смирение? «Смирение, — сказали Отцы, — Божественно и непостижимо»[5]. Не то ли же это значит, что и сказанное Апостолом: *мир Божий, превосходяй всяк ум?*[6] Мы безошибочно определим смирение, если скажем: «Смирение есть непостижимое действие непостижимого мира Божия, непостижимо постигаемое одним блаженным опытом». К составлению такого определения смирению мы имеем руководителем Самого Господа. *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии*, сказал Господь, *и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*[7]. Преподобный Иоанн Лествичник, объясняя эти слова Спасителя, говорит: «*Научитеся* не от Ангела, не от человека, не из книги, но *от Мене*, то есть из Моего в вас пребывания, осияния и действования, *яко кроток есмь и смирен сердцем*,

---

[1] Четьи-Минеи, 19 июня. Житие преподобного Паисия Великого. ‖ [2] ...*ибо печаль многих убила, а пользы в ней нет* (Сир. 30. 25). ‖ [3] Наставления 3 и 4. О мире душевном и о хранении его. Москва, издание второе 1844 года. ‖ [4] *Ибо Царствие Божие... праведность и мир и радость во Святом Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и* **достоин** *одобрения от людей* (Рим. 14. 17–18). ‖ [5] Поучение преподобного аввы Дорофея о смирении. ‖ [6] ...*мир Божий, который превыше всякого ума* (Флп. 4. 7). ‖ [7] *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 28–29).

и помыслом, и усвоенным образом мыслей, *и обрящете покой* от браней и облегчение от страстных помыслов *душам вашим*»[1]. Это научение — деятельное, опытное, благодатное! Далее в слове о смирении святой Иоанн Лествичник, исчислив разные признаки смирения, которые могут быть известны и постижимы не только обладателю сего духовного сокровища, но и его присным и друзьям о Господе, присовокупляет: «Имеются признаки для обладателя этого великого богатства (смирения) в душе его (по которым он может познать, что соделался обладателем смирения) превысшие всех вышесказанных. Ибо те все, за исключением этого, могут быть усмотрены посторонними зрителями. Ты уразумеешь и не обманешься, что в тебе это преподобное (смирение) присутствует по множеству неизреченного света и по несказанному рачению к молитве». Святой Исаак Сирский на вопрос: «Какие отличительные признаки смирения?» — отвечал: «Как возношение души есть ее расточение, понуждающее ее парить (посредством производимого им мечтания) и не препятствующее ей воскрыляться облаками своих помыслов, на которых она обтекает всю тварь, так (в противоположность возношению) смирение собирает душу в безмолвие; при посредстве смирения душа сосредоточивается в себе самой. Как душа неведома и невидима телесными очами, так смиренномудрый не познается, находясь среди людей. Как душа сокрыта внутри тела от видения человеками и от общения с ними, так истинно смиренномудрый не только не хочет быть видим и понят человеками по причине своего удаления и отречения от всего, но даже он желал бы и от самого себя погрузиться внутрь себя, жительствовать и пребывать в безмолвии, вполне забыв прежние свои помышления и чувствования, соделаться каким-то несуществующим и не начинавшим существовать, даже неизвестным для самой души своей. Такой насколько сокровен, скрыт и отлучен от мира, настолько весь бывает в своем Владыке»[2]. Какое это состояние, как не состояние, производимое благодатною умною, сердечною и душевною молитвою? Можно ли пребывать в Господе иначе, как не соединясь с Ним чистою молитвою? В этом же слове помещен ответ святого Исаака на вопрос: «Что есть молитва?» — Святой сказал: «Молитва есть упразднение и праздность мысли от всего здешнего и сердце, совершенно обратившее взоры свои к уповаемому будущему». Итак, не то ли же, по действиям и последствиям, и истинная молитва, и истинное смирение? Молитва есть мать добродетелей и дверь ко всем духовным дарам.

---

[1] Слово 25, гл. 3 и 27. || [2] Слово 48.

Тщательною, с терпением и понуждением себя совершаемою внимательною молитвою приобретаются и благодатная молитва, и благодатное смирение. Податель их — Дух Святой, податель их — Христос; как им не быть столько сходственными между собою, когда источник их один? Как из такого источника не явиться всем вообще добродетелям, в чудном согласии и соотношении между собою? Внезапно они являются в том христианине, во внутреннюю клеть которого вошел Христос для внимания плачу заключенного в клети и для отъятия причин плача. «Молитва есть мать добродетелей, — сказал преподобный Марк Подвижник, — она рождает их от соединения со Христом»[1]. Святой Иоанн Лествичник назвал молитву материю добродетелей, а смирение — губителем страстей[2].

Надо объяснить и сделать сколько-нибудь понятным соединение ума, души и тела для неощущавших его, чтоб они познали его, когда оно, по милости Божией, начнет проявляться в них. Это соединение вполне явственно, вполне ощутительно, не какое-либо мечтательное или усвояемое обольстительным мнением. Оно может несколько объясниться из противоположного состояния, в котором обыкновенно все мы находимся. Противоположное состояние — разделение ума, души и тела, несогласное их действие, часто обращающееся в противодействие одного другому, — есть горестное следствие нашего падения в праотцах наших[3]. Кто не видит в себе этого разногласного действия? Кто не ощущает внутренней борьбы и производимого ею мучения? Кто не признает этой борьбы, этого мучения — часто невыносимых — нашим недугом, признаком, убедительным доказательством падения? Ум наш молится или находится в размышлении и намерении благочестивом, а в сердце и теле движутся различные порочные пожелания, различные страстные стремления влекут с насилием ум от его упражнения, и по большей части увлекают! Самые телесные чувства, в особенности зрение и слух, противодействуют уму: доставляя ему непрестанные впечатления вещественного мира, они приводят его в развлечение и рассеянность. Когда же, по неизреченному милосердию Божию, ум начнет соединяться в молитве с сердцем и душою, тогда душа, сначала мало-помалу, а потом и вся начнет устремляться вместе с умом в молитву. Наконец устремится в молитву и самое бренное наше тело, сотворенное с вожделением Бога, а от падения заразившееся вожделением скотоподобным.

---

[1] Слово о думающих оправдаться делами, гл. 35. ‖ [2] Слова 25, 28. ‖ [3] Преподобный Симеон Новый Богослов называет такое состояние нашего естества *раздранием его*. Слово 3.

Тогда чувства телесные остаются в бездействии: глаза смотрят и не видят, уши слышат и вместе не слышат[1]. Тогда весь человек бывает объят молитвою: самые руки его, ноги и персты несказанно, но вполне явственно и ощутительно участвуют в молитве и бывают исполнены необъяснимой словами силы. Человек, находясь в состоянии мира о Христе и молитвы, не доступен ни для каких греховных помыслов — тот самый человек, для которого прежде всякое сражение с грехом было верным побеждением. Душа ощущает, что приближается к ней супостат; но молитвенная сила, ее наполняющая, не попускает врагу приблизиться и осквернить храм Божий. Молящийся знает, что приходил к нему враг, но не ведает, с каким помыслом, с каким видом греха. Сказал святой Иоанн Лествичник: «*Уклоняющагося от мене лукаваго не познах*[2], ниже как он приходил, ниже для чего приходил, ниже как отошел, но в таковых случаях пребываю без всякого ощущения, будучи соединен с Богом ныне и всегда»[3].

При соединении ума с душою всего удобнее заниматься памятию Божиею, в особенности молитвою Иисусовою: при ней чувства телесные могут оставаться в бездействии, а такое бездействие их крайне способствует глубочайшему вниманию и его последствиям. Чтение молитвенное псалмов и прочих молитвословий не только можно, но и должно производить при соединении, как особенно способствующем вниманию. Но как при псалмопении уму представляются разнообразные мысли, то он при псалмопении не может быть так чист от рассеянности, как при краткой единообразной молитве. При чтении Священного Писания и книг Отеческих также должно соединять ум с душою — чтение будет гораздо плодоноснее. «Требуется от ума, — говорит святой Иоанн Лествичник, — при каждой его молитве (а потому и при чтении, которым питается молитва и которое составляет отрасль молитвы и умного делания) изъявление той силы, которая дарована ему Богом — почему должно внимать»[4].

Брат! Если ты еще не ощутил соединения ума, души и тела, то занимайся внимательною молитвою, соединяя устную и по временам гласную с умом. Пребывай в евангельских заповедях, с терпением и долготерпением борясь против страстей, не приходя в уныние и безнадежие при побеждении твоем помыслами и ощущениями греховными; впрочем, и не попускай себе произвольно

---

[1] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 10. ‖ [2] Ср.: *Сердце развращенное будет удалено от меня; злого я не буду знать* (Пс. 100. 4). ‖ [3] Лествица. Слово 29, гл. 10. ‖ [4] Слово 28, гл. 38.

побеждения. Упав, вставай; опять упав, опять вставай, доколе не научишься ходить без преткновения. Чаша немощи имеет свою пользу: до известного времени она попускается Промыслом Божиим подвижнику для очищения от гордости, гнева, памятозлобия, осуждения, высокомудрия и тщеславия. Особенно важно усмотреть в себе действие тщеславия и обуздать его. Доколе оно действует, дотоле человек не способен вступить в страну жительства духовного, вход в которое есть беспристрастие, даруемое пришествием мира Христова.

Если же ты ощутил, что соединился ум твой с душою и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвеял в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг, прочим делам давай второстепенное значение, а к делам земным будь хладен, — если можно, чужд их. Священный мир, как веяние Святого Духа, тонок, немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва, и вторгаются в душу, как гладные звери, страсти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от нее Богом[1]. Если ты пресытишься, в особенности упьешься, святой мир перестанет в тебе действовать. Если разгневаешься, — надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость, — он перестанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещи, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку, — святой мир непременно отступит от тебя. Если попустишь себе услаждение блудными помыслами, он надолго, весьма надолго оставит тебя, как не терпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь его, и не обрящешь. Восплачешь о потере его, но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтоб ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающими тщательностию и благоговением.

Возненавидь все, влекущее тебя долу, в развлечение, в грех. Распнись на кресте заповедей евангельских, непрестанно содержи себя пригвожденным к нему. Мужественно и бодренно отвергай все греховные помыслы и пожелания, отсекай попечения земные, заботься

---

[1] Пс. 103. 20–21.

об оживлении в себе Евангелия ревностным исполнением всех его заповедей. Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы. Отклоняй от себя все воспоминания, самые важнейшие, приходящие тебе во время молитвы, пренебрегай ими. Не богословствуй, не увлекайся в рассматривание мыслей блестящих, новых и сильных, если они начнут внезапно плодиться в тебе. Священное молчание, наводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова. «Если ты истинно молишься, — сказали Отцы, — то ты — Богослов»[1].

Имеешь сокровище! Видят это невидимые тати, угадывают о нем по утрате своего влияния на тебя[2]. Они алчут похитить у тебя дар Божий! Они искусны, богаты и опытностию и изобретательностию злою. Будь внимателен и осторожен. Храни в себе и расти чувство покаяния, не любуйся своим состоянием, взирай на него как на средство к стяжанию истинного покаяния. Нищета духовная сохранит в тебе дар благодати и оградит от всех вражеских козней и обольщений: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[3] преданием его во власть врагу и лишением спасения и благодати. Аминь.

Слово о молитве Иисусовой[4]

Начиная говорить о молитве Иисусовой, призываю в помощь скудоумию моему всеблагого и всемогущего Иисуса. Начиная говорить о молитве Иисусовой, воспоминаю изречение о Господе пра-

[1] Преподобный Нил Синайский. Главы о молитве, гл. 61. ‖ [2] *Внегда возвратити Господу плен Сионь, быхом яко утешени. Тогда исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия: тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними.* — [Ср.: *Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне: тогда уста наши были полны веселья, и язык наш — пения; тогда между народами говорили: «великое сотворил Господь над ними!»* (Пс. 125. 1–2).] В Псалтири повсюду под именем языков разумеются, в таинственном значении, демоны. Тогда подвижник познает избавление свое от порабощения демонам, когда ум его перестанет увлекаться приносимыми ими помыслами и мечтаниями, когда он начнет молиться чистой молитвой, всегда соединенной с духовным утешением. Избавление это понятно и для демонов: *Тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними.* ‖ [3] *...сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 19). ‖ [4] О молитве Иисусовой помещена статья в 1-й части Опытов: как в этом слове имеются свои особенности, то не сочтено излишним предложение его вниманию боголюбцев. О повторениях же, по необходимости вступивших в него из упомянутой статьи, можно сказать, что повторение столько спасительных истин отнюдь не бесполезно. *Таяжде* [то же самое. — *Ред.*] *писати вам*, говорит Апостол, *мне убо неленостно, вам же твердо* (Флп. 3. 1).

ведного Симеона: *Се, лежит Сей на падение и востание многим во Израили и в знамение пререкаемо*[1]. Как Господь был и есть истинным знамением, знамением пререкаемым, предметом несогласия и спора между познавшими и не познавшими Его, так и моление всесвятым именем Его, будучи в полном смысле знамением великим и дивным, соделалось, с некоторого времени, предметом несогласия и спора между занимающимися таким молением и не занимающимися им. Справедливо замечает некоторый Отец, что отвергают этот способ моления только те, которые не знают его, отвергают по предубеждению и по ложным понятиям, составленным о нем[2]. Не внимая возгласам предубеждения и неведения, в надежде на милость и помощь Божию, мы предлагаем возлюбленным отцам и братиям наше убогое слово о молитве Иисусовой на основании Священного Писания, на основании Церковного Предания, на основании Отеческих писаний, в которых изложено учение об этой всесвятой и всесильной молитве. *Немы да будут устны льстивыя, глаголющия на праведнаго* и на великолепное имя его *беззаконие, гордынею* своею, своим глубоким неведением и соединенным с ними *уничижением* чуда Божия. Рассмотрев величие имени Иисусова и спасительную силу моления им, мы воскликнем в духовной радости и удивлении: *Коль многое множество благости Твоея, Господи, юже скрыл еси боящимся Тебе, соделал еси уповающим на Тя, пред сыны человеческими*[3]. *Сии на колесницах, и сии на конех* — на плотском и суетном умствовании своем, *мы же*, с простотою и верою младенцев, *имя Господа Бога нашего призовем*[4].

Молитва Иисусова произносится так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. Первоначально произносилась она без прибавки слова *грешнаго*; слово это присовокуплено к прочим словам молитвы впоследствии. Это слово, заключающее в себе сознание и исповедание падения, замечает преподобный Нил Сорский, нам прилично, благоприятно Богу, заповедавшему воссылать молитвы к Нему из сознания и исповедания своей греховности[5]. Для новоначальных, снисходя их немощи, Отцы позволяют разделять молитву на две половины, иногда говорить: *Господи Иисусе*

---

[1] *...се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2. 34). ‖ [2] Схимонах Василий Поляношерульский. Сочинения его изданы Введенскою Оптиною Пустынию вместе с сочинениями старца Паисия Величковского. Москва, 1847 год. ‖ [3] *Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое с гордостью и презрением. Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя и которые приготовил уповающим на Тебя пред сынами человеческими* (Пс. 30. 19–20). ‖ [4] *Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся* (Пс. 19. 8). ‖ [5] Слово 2.

Христе, помилуй мя грешнаго, — а иногда: *Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* Впрочем, это — только дозволение и снисхождение, а отнюдь не приказание и не установление, требующее непременного исполнения. Гораздо лучше творить постоянно единообразную, цельную молитву, не занимая и не развлекая ума переменой и заботой о переменах. И тот, кто находит необходимость для немощи своей в перемене, не должен допускать ее часто. Примерно: можно одною половиною молитвы молиться до обеда, другою после обеда. Воспрещая частую перемену, преподобный Григорий Синаит говорит: «Не укореняются те деревья, которые пересаживаются часто»[1].

Моление молитвою Иисусовою есть установление Божественное. Установлено оно не чрез посредство Пророка, не чрез посредство Апостола, не чрез посредство Ангела — установлено Самим Сыном Божиим и Богом. После Тайной Вечери, между прочими возвышеннейшими, окончательными заповеданиями и завещаниями, Господь Иисус Христос установил моление Его именем, дал этот способ моления, как новый, необычный дар, дар цены безмерной. Апостолы уже знали отчасти силу имени Иисуса: они исцеляли им неисцелимые недуги, приводили к повиновению себе бесов, побеждали, связывали, прогоняли их. Это могущественнейшее, чудное имя Господь повелевает употреблять в молитвах, обещая от него особенную действительность для молитвы. *Еже аще что просите,* сказал Он святым Апостолам, *от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю*[2]. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите и приимете, да радость ваша исполнена будет*[3]. О, какой дар; он — залог нескончаемых, безмерных благ! он истек из уст неограниченного Бога, облекшегося в ограниченное человечество, нарекшегося именем человеческим — *Спаситель*[4]. Имя, по наружности своей ограниченное, но изображающее собой Предмет неограниченный, Бога, заимствующее из Него неограниченное, Божеское достоинство, Божеские свойства и силу. Податель бесценного, нетленного дара! Как нам, ничтожным, бренным,

[1] О безмолвии в 15 главах, гл. 2. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю* (Ин. 14. 13–14). ‖ [3] *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16. 23–24). ‖ [4] Спаситель — на еврейском «Иисус».

грешным, принять дар? Не способны для этого ни руки наши, ни ум, ни сердце. Ты научи нас познать, по возможности нашей, и величие дара, и значение его, и способ принятия, и способ употребления, чтоб не приступить нам к дару погрешительно, чтоб не подвергнуться казни за безрассудство и дерзость, чтоб, за правильное познание и употребление дара, принять от Тебя другие дары, Тобой обетованные, Тебе единому известные.

Из Евангелия, Деяний и Посланий Апостольских мы видим неограниченную веру во имя Господа Иисуса и неограниченное благоговение к этому имени святых Апостолов. Именем Господа Иисуса они совершали поразительнейшие знамения. Нет случая, из которого можно бы было научиться, каким образом они молились именем Господа, но они молились им непременно. Как могли они не молиться им, когда это моление было преподано и заповедано Самим Господом, когда заповедание укреплено двукратным повторением и подтверждением его? Если умалчивает о сем Писание, то умалчивает единственно потому, что моление это было в общем употреблении, не нуждаясь в особенном внесении в Писание по известности своей и общеупотребительности. Общеупотребительность и общеизвестность молитвы Иисусовой явствует со всей очевидностию из постановления Церкви, которым повелевается неграмотным заменять для себя все молитвословия молитвою Иисусовою[1]. Древность этого постановления несомненна. Впоследствии оно пополнялось по мере появления новых молитвословий в Церкви. Святой Василий Великий изложил молитвенное правило на письме для своей паствы, потому некоторые приписывают ему самое учреждение правила. Оно — отнюдь не изобретение и не учреждение Великого Святителя; Святитель лишь заменил устное предание письменным, точно так же, как написал чин Литургии, чин, который существовал в Кесарии от времен Апостольских, не был изложен письменно, а передавался по преемству устно, чтоб великое священнодействие охранить от кощунства язычников. Правило монашеское заключается наиболее в молитве Иисусовой. В таком виде преподается это правило вообще для всех монахов Православной Церкви[2]; в таком виде преподано оно Ангелом преподобному Пахомию Великому для его общежительных монахов. Преподобный жил в IV веке; в правиле говорится о молитве Иисусовой точно так, как о молитве Господней, о пятидесятом псалме и о Символе Веры — как об общеизвестных и общепринятых. Преподобный

[1] Псалтирь с восследованием. || [2] Там же.

Антоний Великий, Отец III и IV веков, завещает ученикам своим тщательнейшее упражнение молитвою Иисусовою, говоря о ней как о предмете, не нуждающемся в каком-либо объяснении. Объяснение этой молитвы начало появляться впоследствии, по мере оскудения живого познания о ней. Подробнее учение о молитве Иисусовой изложено Отцами XIV и XV столетий, когда упражнение в ней начало почти забываться даже между монахами.

В дошедших до нас исторических памятниках первых времен христианства не говорится о молении именем Господа отдельно, но лишь упоминается о нем при изложении других обстоятельств. В жизнеописании святого Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского, увенчавшегося в Риме мученическою кончиною при императоре Траяне, повествуется следующее: «Когда его вели на съедение зверям и он непрестанно имел в устах имя Иисуса Христа, то спросили его нечестивые: для чего он непрестанно воспоминает это имя? Святой отвечал, что он, имея в сердце своем имя Иисуса Христа написанным, устами исповедует Того, Кого в сердце всегда носит. После того как Святой съеден был зверями, при оставшихся его костях, по изволению Божию, сохранилось целым сердце. Неверные, нашедши его и вспомнив слова святого Игнатия, разрезали это сердце на две половины, желая узнать, справедливо ли сказанное святым. Они нашли внутри, на обеих половинах разрезанного сердца, надпись золотыми буквами: *Иисус Христос.* Таким образом, священномученик Игнатий был именем и делом Богоносец, всегда нося в сердце своем Христа Бога, написанного Богомыслием ума, как бы тростию». Богоносец был учеником святого апостола Евангелиста Иоанна Богослова и сподобился в детстве своем видеть Самого Господа Иисуса Христа. Это тот блаженный отрок, о котором сказано в Евангелии, что Господь поставил его среди Апостолов, препиравшихся о первенстве, обнял и сказал: ***аминь, глаголю вам, аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное. Иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий в Царствии Небеснем***[1]. Конечно, святой Игнатий научен был молитве Иисусовой святым Евангелистом и занимался ею в эти цветущие времена христианства подобно всем прочим христианам. Тогда молитве Иисусовой обучали всех христиан, во-первых, по великому значению этой молитвы, потом, по редкости и дороговизне рукописных священных книг, по редкости грамотности

[1] *Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18. 3–4; Мк. 9. 36. Четьи-Минеи, 20 декабря).

(большая часть Апостолов были неграмотные), по удобству, удовлетворительности, по особеннейшим действию и силе Иисусовой молитвы. «Имя Сына Божия, — сказал Ангел святому Гермию, непосредственному ученику Апостолов, — велико и неизмеримо: оно держит весь мир». Услышав это учение, Гермий спросил Ангела: «Если все творение держится Сыном Божиим, то поддерживает ли Он тех, которые призваны Им, носят имя Его и ходят в заповедях Его?» Ангел отвечал: «Он поддерживает тех, которые от всего сердца носят имя Его. Он Сам служит для них основанием, и с любовию держит их, потому что они не стыдятся носить имя Его»[1]. В Церковной истории читаем следующее повествование: «Воин, по имени Неокора, уроженец Карфагенский, находился в римском отряде, охранявшем Иерусалим, в то время как Господь наш Иисус Христос претерпел вольные страдания и смерть для искупления рода человеческого. Видя чудеса, совершившиеся при смерти и воскресении Господа, Неокора уверовал в Господа и был крещен Апостолами. По окончании срока службы, Неокора возвратился в Карфаген и сокровище веры сообщил всему семейству своему. В числе принявших христианство находился Каллистрат, внук Неокоры. Каллистрат, достигши надлежащего возраста, вступил в войско. Отряд воинов, в который он был помещен, состоял из идолопоклонников. Они присматривали за Каллистратом, заметив, что он не поклоняется кумирам, а по ночам, в уединении, совершает продолжительные молитвы. Однажды они подслушивали его при молитве его и, услышав, что он непрестанно повторяет имя Господа Иисуса Христа, донесли об этом воеводе. Святой Каллистрат, исповедовавший Иисуса наедине и при темноте ночи, исповедал Его и при свете дня, всенародно — исповедание запечатлел кровью»[2]. Писатель V века, преподобный Исихий Иерусалимский, уже жалуется, что упражнение в этой молитве очень оскудело среди монахов[3]. Оскудение это с течением времени более и более усиливалось, потому святые Отцы писаниями своими старались поддержать его. Последний писатель об этой молитве был блаженный старец иеромонах Серафим Саровский. Не сам старец написал наставления, украшенные его именем; они были записаны со слов его одним из наставлявшихся у него иноков; они отмечены благодатным помазанием[4]. Ныне упражнение молитвою Иисусовою

---

[1] Подобие 9, гл. 14. Книга святого Гермия особенно уважалась в первенствующей Церкви Христовой. Иногда присовокуплялась она к Новому Завету и читалась при богослужении. ‖ [2] Четьи-Минеи. 27 сентября. ‖ [3] Слово преподобного Исихия, гл. 1. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [4] Издание 1844 года, Москва.

почти оставлено монашествующими. Преподобный Исихий приводит в причину оставления — нерадение; надо сознаться, что обвинение справедливо.

Благодатная сила молитвы Иисусовой заключается в самом Божественном имени Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа. Хотя многочисленные свидетельства Священного Писания возвещают нам величие имени Божия, но с особеннейшею определенностию объяснил значение этого имени святой апостол Петр пред синедрионом Иудейским, когда синедрион допрашивал Апостола *коею силою или коим именем* даровано им исцеление хромому от рождения? *Петр, исполнився Духа Свята, рече к ним: князи людстии и старцы Израилевы, аще мы днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся: разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, Его же вы распясте, Его же Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав. Сей есть камень, укоренный от вас зиждущих, бывый во главу угла, и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам*[1]. Это свидетельство — свидетельство Святого Духа: уста, язык, голос Апостола были только орудиями Духа. И другой орган Святого Духа, Апостол языков, издает подобное провещание. *Всяк*, говорит он, *иже призовет имя Господне, спасется*[2]. *Христос Иисус смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних*[3].

Воспел предвидевший дальнее будущее Давид, праотец Иисуса по плоти, воспел величие имени Иисуса, живописно изобразил действие этого имени, борьбу при посредстве его с началами греха, силу его при освобождении молящегося им из плена страстей

---

[1] *Какою силою или каким именем... Петр, исполнившись Духа Святого, сказал им: начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения; ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4. 7–12). ‖ [2] *...всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Рим. 10. 13). ‖ [3] *...смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2. 8–10).

и бесов, благодатное торжество одержавших победу именем Иисуса. Послушаем, послушаем Боговдохновенного Давида!

С необыкновенною ясностию, описывая долженствующее совершиться чрез тысячу лет установление духовного царства Христова на земле, Царь-Пророк говорит, что владычество Богочеловека будет распростираться *от моря и до моря, и от рек до конец вселенныя. Поклонятся Ему вси царие земстии, вси языцы поработают Ему. Честно имя Его перед ними. И помолятся о Нем выну, весь день благословят Его. Будет имя Его благословено во веки; прежде солнца пребывает имя Его: и благословятся в Нем вся колена земная, вси языцы ублажат Его. Благословенно имя славы Его во век и в век века: и исполнится славы Его вся земля*[1]. Великое служение молитвы, вводящей человеков в ближайшее общение с Богом, появилось на земле, в обширнейшем размере, со времени примирения человеков с Богом при посредстве Богочеловека. Служение это объяло вселенную. Оно водворилось в городах и селениях; оно процвело в диких, необитаемых дотоле пустынях; оно воссияло в темных вертепах, в ущельях, в пропастях и на вершинах гор, в глуши лесов дремучих. Имя Богочеловека получило в служении молитвенном важнейшее значение, будучи именем Спасителя человеков, Творца человеков и Ангелов, будучи именем вочеловечившегося Бога, Победителя возмутившихся рабов и созданий — демонов. *Пред Ним* — Господом и Искупителем нашим — *припадут ефиопляне*, бесы, *и врази Его*, падшие духи, *персть полижут*[2]. *Господи Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли: яко взятся великолепие Твое превыше небес. Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, враг Твоих ради, еже разрушити врага и местника*[3]. Точно! величие имени Иисуса превыше постижения разумных тварей земли и неба: постижение его непостижимо приемлется младенческою простотою и верою. С таким же бескорыстным настроением должно приступать к молению име-

---

[1] Ср.: *...от моря и до моря и от реки до концов земли... поклонятся Ему все цари; все народы будут служить Ему. ...В почете будет имя Его у них. И будет жить, и будут давать Ему от золота Аравии, и будут молиться о Нем непрестанно, всякий день благословлять Его. Будет имя Его [благословенно] вовек; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя Его; и благословятся в Нем [все племена земные], все народы ублажат Его. И благословенно имя славы Его вовек, и наполнится славою Его вся земля* (Пс. 71. 8, 11, 14, 15, 17, 19). ‖ [2] Ср.: *Падут пред Ним жители пустынь, и враги Его будут лизать прах* (Пс. 71. 9). ‖ [3] *Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя* (Пс. 8. 2–3).

нем Иисуса и пребывать в этом молении; постоянство и тщательность в молении должны быть подобны непрестанному стремлению младенца к сосцам матери: тогда моление именем Иисуса может увенчаться полным успехом, невидимые враги могут быть попраны, окончательно может быть сокрушен *враг и местник* (отмститель). *Враг* назван *местником*, потому что у молящихся, особенно по временам, а не постоянно, он старается отнять после молитвы то, что приобретено ими во время молитвы[1]. Для решительной победы необходима непрестанная молитва и непрерывающаяся бдительность над собою. По такому значению моления именем Иисуса Давид приглашает всех христиан к этому молению. *Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне. Буди имя Господне благословенно от ныне и до века. От восток солнца до запад хвально имя* Его[2]. *Принесите Господеви славу имени Его: поклонитеся Господеви во дворе святем Его*[3]; молитесь так, чтоб в молитвах ваших явилось величие имени Иисуса и вы, силою Его, взошли в нерукотворенный сердечный храм для поклонения духом и истиною; молитесь тщательно и постоянно; молитесь в страхе и трепете пред величием имени Иисуса, *и да уповают на Тя*, всемогущего и всеблагого Иисуса, *знающии имя Твое* по блаженному опыту своему, *яко не оставил еси взыскающих Тя, Господи*[4]. — Только нищий духом, непрестанно прилепляющийся молитвою ко Господу по причине непрестанного ощущения нищеты своей, способен раскрыть в себе величие имени Иисуса. *Не возвратится смиренный посрамлен* с предстояния молитвы своей, но принесет ее всецело Богу не расхищенной развлечением: *нищ и убог восхвалита имя Твое*[5]. *Блажен муж, емуже есть имя Господне упование его, и не призре в суеты и неистовления ложная*[6]: он не обратит внимания при молитве своей на обольстительное действие суетных попечений и пристрастий, покушающихся осквернить и растлить молитву. — Ночное время особенно способствует, по тишине и мраку своим, к упражнению Иисусовою молитвою; ночью занимался великий подвижник молитвы, Давид, памятию Божиею: *Помянух в нощи имя Твое, Господи*, говорит он; ночью

---

[1] Преподобный Нил Сорский. Слово 9. ‖ [2] *Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне. Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек. От восхода солнца до запада да* ***будет*** *прославляемо имя Господне* (Пс. 112. 1–3). ‖ [3] *...воздайте Господу славу имени Его; поклонитесь Господу в благолепном святилище Его* (Пс. 28. 2). ‖ [4] *...потому что Ты не оставляешь ищущих Тебя, Господи* (Пс. 9. 11). ‖ [5] *Да не возвратится угнетенный посрамленным; нищий и убогий да восхвалят имя Твое* (Пс. 73. 21). ‖ [6] *Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою и не обращается к гордым и к уклоняющимся ко лжи* (Пс. 39. 5).

настраивал я душу мою Божественным настроением *и*, стяжав это настроение, в деятельности последующего дня *сохраних закон Твой*[1]. «Ночью, — советует преподобный Григорий Синаит, ссылаясь на святого Иоанна Лествичника, — многое время отдавай молитве, малое же псалмопению»[2]. В тяжкой борьбе с невидимыми врагами спасения нашего превосходнейшим оружием служит молитва Иисусова. *Вси языци* — язычниками названы многоглаголивые и многокозненные демоны — *обыдоша мя*, говорит Давид, *и именем Господним противляхся им*: *обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им; обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася яко огнь в тернии: и именем Господним противляхся им*[3]. «Именем Иисуса бей супостатов: потому что ни на небе, ни на земле нет оружия более крепкого»[4]. *О Тебе*, Господи Иисусе, *врази наша избодем роги, и о имени Твоем уничижим востающия на ны. Не на лук бо мой уповаю, и меч мой не спасет мене. Спасл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси. О Бозе похвалимся весь день, и о имени Твоем исповемыся во веки*[5]. — Ум, победив и разогнав врагов именем Иисуса, сопричисляется блаженным духам, входит для истинного Богослужения в сердечный храм, который доселе был затворен для него, воспевая новую, духовную песнь, воспевая таинственно: *исповемся Тебе, Господи, всем сердцем моим и пред Ангелы воспою Тебе, яко услышал еси вся глаголы уст моих: поклонюся ко храму святому Твоему, и исповемся имени Твоему о милости Твоей и истине Твоей: яко возвеличил еси над всеми имя Твое святое. В онь же аще день призову Тя, скоро услыши мя: умножиши мя в души моей силою Твоею*[6]. — Святой Давид исчисляет чудные действия *страшнаго и святаго имени*[7] Иисусова. Оно действует подобно принятому врачевству, образ действия которого неизвестен больному и непостижим для него,

---

[1] *Ночью вспоминал я имя Твое, Господи, и хранил закон Твой* (Пс. 118. 55). ‖ [2] Главы зело полезные, о еже како подобает пети. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] *Все народы окружили меня, но именем Господним боролся я с ними; обступили меня, окружили меня, но именем Господним боролся я с ними; окружили меня, как пчелы [сот], и угасли, как огонь в терне: именем Господним боролся я с ними* (Пс. 117. 10–12). ‖ [4] Лествица. Слово 21, гл. 7. ‖ [5] *С Тобою избодаем рогами врагов наших; во имя Твое попрем ногами восстающих на нас: ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня; но Ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас. О Боге похвалимся всякий день, и имя Твое будем прославлять вовек* (Пс. 43. 6–9). ‖ [6] *Славлю Тебя всем сердцем моим, пред Ангелами пою Тебе, [что Ты услышал все слова уст моих]. Поклоняюсь пред святым храмом Твоим и славлю имя Твое за милость Твою и за истину Твою, ибо Ты возвеличил слово Твое превыше всякого имени Твоего. В день, когда я воззвал, Ты услышал меня, вселил в душу мою бодрость* (Пс. 137. 1–3). ‖ [7] *Свято и страшно имя Его* (Пс. 110. 9).

а самое действие очевидно по производимому исцелению. Ради имени Иисусова, употребляемого молящимся, нисходит к нему помощь от Бога и даруется ему отпущение грехов; по этой причине святой Давид, представляя воззрению Бога опустошение и бедственное состояние души всякого человека, произведенное греховною жизнию, умоляет от лица всех человеков о помиловании, говорит: *Помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имене Твоего, Господи, избави ны, и очисти грехи наша имене ради Твоего*[1]. — Ради имени Господня бывает услышана молитва наша, даруется нам спасение; на основании убеждения в этом опять молится Давид: *Боже, во имя Твое спаси мя, и в силе Твоей суди ми: Боже, услыши молитву мою, внуши глаголы уст моих*[2]. — Силою имени Иисусова освобождается ум от колебания, укрепляется воля, доставляется правильность ревности и прочим свойствам душевным, мыслям и чувствованиям богоугодным, мыслям и чувствованиям, принадлежащим непорочному естеству человеческому, только таким мыслям и чувствованиям дозволяется пребывать в душе; нет в ней места для мыслей и чувствований чуждых, *яко Бог спасет Сиона, и созиждутся гради Иудейстии, и вселятся тамо, и наследят и; и семя рабов Твоих удержит и, и любящии имя Твое вселятся в нем*[3]. — Во имя Господа Иисуса даруется оживление душе, умерщвленной грехом. Господь Иисус Христос — жизнь[4], и имя Его — живое: оно оживотворяет вопиющих им к источнику жизни, Господу Иисусу Христу. *Имене ради Твоего, Господи, живиши мя правдою Твоею*[5]; *не отступим от Тебе: оживиши ны, и имя Твое призовем*[6]. — Когда силою и действием имени Иисуса услышана будет молитва, когда низойдет Божественная помощь к человеку, когда отражены будут и отступят от него враги, когда сподобится он отпущения грехов, когда он будет исцелен и возвращен к непорочному естественному состоянию, когда дух его будет восстановлен во власти своей, тогда последует покаяние, во имя Господа, благодатных даров, духовного имущества и сокровища, залога блаженной вечности, *яко Ты, Боже, услышал*

[1] *Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего; избавь нас и прости нам грехи наши ради имени Твоего* (Пс. 78. 9). ‖ [2] *Боже! именем Твоим спаси меня, и силою Твоею суди меня. Боже! услышь молитву мою, внемли словам уст моих* (Пс. 53. 3–4). ‖ [3] *...ибо спасает Бог Сион, создаст города Иудины, и поселятся там и наследуют его, и потомство рабов Его утвердится в нем, и любящие имя Его будут поселяться на нем* (Пс. 68. 36–37). ‖ [4] См.: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25). ‖ [5] *Ради имени Твоего, Господи, оживи меня; ради правды Твоей выведи из напасти душу мою* (Пс. 142. 11). ‖ [6] *...и мы не отступим от Тебя; оживи нас, и мы будем призывать имя Твое* (Пс. 79. 19).

еси молитвы моя: дал еси достояние боящимся имене Твоего. Дни на дни царевы приложиши: лета его до дне рода и рода. Пребудет в век пред Богом[1]. Тогда человек делается способным воспеть *Господеви песнь нову*: он исключается из числа плотских и душевных, сопричисляется к духовным и восхваляет Господа *в церкви преподобных*. Дух Святой, доселе приглашавший и возбуждавший его единственно к плачу и покаянию, приглашает его, *да возвеселится Израиль о Сотворшем его: и сынове Сиони возрадуются о Царе своем. Да восхвалят имя Его в лице, в тимпане и псалтири да поют Ему*[2], потому что, по обновлении души, силы ее, приведенные в чудное согласие и стройность, делаются способными, при прикосновении к ним Божественной благодати, издавать звуки и гласы духовные, восходящие на небо, пред престол Божий, благоприятные Богу. *Да возвеселится сердце мое боятися имене Твоего! Исповемся Тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим, и прославлю имя Твое в век. Яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго*[3]. *Праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим*[4], потому что, по отгнании врагов, причиняющих рассеянность, ослабляющих и оскверняющих молитву, ум входит в мрак невидения ничего и предстоит лицу Божию без всякого посредства. Мысленный мрак есть тот покров, тот занавес, которым покрыто лице Божие. Покров этот — непостижимость Бога для всех сотворенных умов. Умиление сердца делается тогда настолько сильным, что оно названо исповеданием. — Благодатное действие молитвы Иисусовой в преуспевшем христианине Давид изображает так: *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его*[5]. Точно! при обильном действии молитвы Иисусовой все силы души, самое тело, принимают участие в ней. — Упражнение молитвою Иисусовою святой Давид, точнее же Дух Святой устами Давида, предлагает всем христианам без исключения: *царие земстии*

---

[1] *...ибо Ты, Боже, услышал обеты мои и дал мне наследие боящихся имени Твоего. Приложи дни ко дням царя, лета его* ***продли*** *в род и род, да пребудет он вечно пред Богом* (Пс. 60. 6–8). ‖ [2] Пойте Господу песнь новую; хвала Ему в собрании святых. Да веселится Израиль о Создателе своем; сыны Сиона да радуются о Царе своем. Да хвалят имя Его с ликами, на тимпане и гуслях да поют Ему (Пс. 149, 1–3). ‖ [3] *...утверди сердце мое в страхе имени Твоего. Буду восхвалять Тебя, Господи, Боже мой, всем сердцем моим и славить имя Твое вечно, ибо велика милость Твоя ко мне: Ты избавил душу мою от ада преисподнего* (Пс. 85. 11–13). ‖ [4] *...праведные будут славить имя Твое; непорочные будут обитать пред лицом Твоим* (Пс. 139. 14). ‖ [5] *Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его* (Пс. 102. 1).

и вси людие, князи и вси судии земстии, юноши и девы, старцы с юнотами. Да восхвалят имя Господне, яко вознесеся имя Того единаго[1]. Буквальное понимание перечисленных здесь состояний будет вполне непогрешительным, но существенное значение их — духовное. Под именем *людей* разумеются все христиане, под именем *царей* — христиане, сподобившиеся получить совершенство; под именем *князей* — достигшие весьма значительного преуспеяния, *судьями* названы те, которые еще не стяжали власти над собою, но ознакомлены с Законом Божиим, могут различать добро от зла и, по указанию и требованию Закона Божия, пребывать в добре, отвергая зло. *Девой* обозначается беспристрастное сердце, столько способное к молитве. *Старцами и юношами* изображены степени деятельного преуспеяния, которое очень отличается от преуспеяния благодатного, хотя и первое имеет свою весьма знаменательную цену; достигший совершенства в благочестивой деятельности назван старцем, возведенный в благодатное совершенство — царем.

Между непостижимыми, чудными свойствами имени Иисуса находится свойство и сила изгонять бесов. Это свойство объявлено Самим Господом. Он сказал, что верующие в Него *именем* Его *бесы ижденут*[2]. На это свойство имени Иисуса необходимо обратить особенное внимание, потому что оно имеет важнейшее значение для упражняющихся молитвою Иисусовою. — Во-первых, нужно сказать несколько слов о пребывании бесов в человеках. Это пребывание бывает двоякое: одно может быть названо чувственным, другое нравственным. Чувственно пребывает сатана в человеке, когда существом своим вселится в тело его и мучит душу и тело. Таким образом в человеке может жить и один бес, могут жить и многие бесы. Тогда человек называется беснующимся. Из Евангелия видим, что Господь исцелял беснующихся, равным образом исцеляли их и ученики Господа, изгоняя бесов из человеков именем Господа. Нравственно пребывает сатана в человеке, когда человек сделается исполнителем воли диавола. Таким образом в Иуду Искариотского *вниде сатана*[3], то есть овладел его разумом и волею, соединился с ним в духе. В этом положении были и находятся все неверующие во Христа, как и святой апостол Павел говорит христианам, перешедшим к христианству из язычества: *И вас сущих*

[1] *...цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господа, ибо имя Его единого превознесенно* (Пс. 148. 11–13). || [2] *...именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16. 17). || [3] *...вошел в него сатана* (Ин. 13. 27).

прегрешеньми мертвых и грехи вашими, в нихже иногда ходисте по веку мира сего, по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления, в нихже и мы вси жихом иногда в похотех плоти нашея, творяще волю плоти и помышлений, и бехом естеством чада гнева, якоже и прочии[1]. В этом положении находятся более или менее, смотря по степени греховности, крестившиеся во Христа, но отчуждившиеся от Него согрешениями. Так понимаются святыми Отцами слова Христовы о возвращении диавола с другими седмию лютейшими духами в душевный храм, из которого удалился Святой Дух[2]. Вшедшие таким образом духи снова изгоняются молитвою Иисусовою, при жительстве в постоянном и тщательном покаянии. Предпримем спасительный для нас подвиг! позаботимся изгнать духов, вошедших в нас, по причине небрежения нашего, молитвою Иисусовою[3]. Она имеет свойство оживлять умерщвленных грехом, она имеет свойство изгонять бесов. *Аз есмь*, сказал Спаситель, *воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет*[4]. *Знамение же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы ижденут*[5]. Молитва Иисусова и открывает присутствие бесов в человеке и изгоняет их из человека. При этом совершается нечто подобное тому, что совершилось при изгнании беса из беснующегося отрока, после Преображения Господня. Когда отрок увидел пришедшего Господа, *дух стрясе* отрока, *и пад на земли, валяшеся пены теща*. Когда Господь повелел духу выйти из отрока, дух, от злобы и лютости движения, при которых он вышел, возопил, сильно и продолжительно потрясал отрока, от чего отрок сделался как бы мертвым[6]. Сила сатаны, пребывающая в человеке при его рассеянной жизни непримечаемою и непонимаемою, когда услышит

---

[1] *И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по* ***воле*** *князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие* (Еф. 2. 1–3). || [2] Мф. 12. 43–45. По объяснению блаженного Феофилакта. Благовестник. || [3] Преподобный Григорий Синаит. Глава 3. О дыхании. Добротолюбие. Ч. 1. || [4] *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25). || [5] *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16. 17). || [6] Ср.: *Один из народа сказал в ответ: Учитель! Я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он испускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли. Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? Приведите его ко Мне. И привели его к Нему. Как скоро* ***бесноватый*** *увидел Его, дух сотряс его; он упал на землю и валялся, испуская пену. И спросил* ***Иисус*** *отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно* ***дух*** *бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжалься над нами и помоги*

имя Господа Иисуса, призываемое молящимся, приходит в смятение. Она воздвизает все страсти в человеке, посредством их приводит всего человека в страшное колебание, производит в теле различные, странные болезни. В этом смысле сказал преподобный Иоанн Пророк: «Нам, немощным, остается только прибегать к имени Иисуса: ибо страсти, как сказано, суть демоны — и исходят от призывания сего имени»[1]. Это значит: действие страстей и демонов — совокупное; демоны действуют посредством страстей. Когда увидим при упражнении Иисусовою молитвою особенное волнение и воскипение страстей, не придем от этого в уныние и недоумение. Напротив того, ободримся и уготовимся к подвигу, к тщательнейшему молению именем Господа Иисуса, как получившие явственное знамение, что молитва Иисусова начала производить в нас свойственное ей действие. Говорит святой Иоанн Златоуст: «Памятование имени Господа нашего Иисуса Христа раздражает на брань врага. Ибо нудящаяся к молитве Иисусовой душа все может обрести этою молитвою, и злое и благое. Во-первых, она может усмотреть зло во внутренности сердца своего, а потом добро. Молитва эта может привести в движение змея, и молитва эта может смирить его. Молитва эта может обличить живущий в нас грех, и молитва эта может истребить его. Молитва эта может привести в движение всю силу врага в сердце, и молитва эта может победить и искоренить ее мало-помалу. Имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердца, смирит владеющего пажитями его змея, а душу спасет и оживотворит. Непрестанно пребывай в имени Господа Иисуса, да поглотят сердце Господа и Господь сердце, и да будут сии два воедино. Впрочем, это дело совершается не в один день и не в два дня, но требует много годов и времени: много нужно времени и подвига, чтоб был изгнан враг и вселился Христос»[2]. Очевидно, что здесь описано то делание, с ясным указанием на орудие делания, о котором говорит и к которому приглашает преподобный Макарий Великий в 1-м Слове своем: «Вниди ты, кто бы ни был, сквозь непрестанно возрастающие в тебе помышления

нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию. Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал (Мк. 9. 17–27). Преподобный Варсонофий. Ответ 116.

[1] Ответ 301. ‖ [2] Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Глава 49. Добротолюбие. Ч. 2.

к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений твоих исследуй: и узришь в недрах души твоей ползающего и гнездящегося змея, убившего тебя отравою частей души твоей. Неизмеримая бездна — сердце. Если убьешь змея, то похвались перед Богом чистотою твоею; если же нет, то смири себя, молясь, как немощный и грешный, о тайных твоих Богу»[1]. Тот же великий угодник Божий говорит: «Царство тьмы, то есть злой князь духов, пленив изначала человека, обложил и облек душу его властью тьмы. Этот злой властелин облек грехом душу и все ее существо, всю ее осквернил, всю пленил в свое царство; он не оставил свободными от порабощения себе ни помышлений, ни разума, ни плоти, наконец, ни одного состава ее; всю ее одел хламидою тьмы. Этот злой враг всего человека душу и тело осквернил и обезобразил, он облек человека в ветхого человека, оскверненного, нечистого, богопротивного, не повинующегося закону Божию, то есть облек его в самый грех, чтоб человек уже не видел, как хочет, но видел страстно, чтоб слышал страстно, чтоб ноги имел устремленными к злым делам, руки — к творению беззакония, сердце — к помышлениям злым. Но мы помолимся Богу, чтоб Он совлек с нас ветхого человека, так как Он один может отъять от нас грех, потому что пленившие нас и держащие в своей власти крепче нас, а Он обетовал освободить нас от этого рабства»[2]. На основании этих понятий святые Отцы дают молящемуся молитвою Иисусовою следующее душеспасительнейшее наставление: «Душа, если не поболезнует весьма значительно о неотвязчивости греха, то не возможет обильно возрадоваться о благости правосудия. Желающий очистить сердце свое да разжигает его непрестанно памятию Господа Иисуса, имея единственно это непрерывающимся поучением и делом. Те, которые хотят отвергнуть свою ветхость, не должны иногда молиться, а иногда нет, но непрестанно пребывать в молитве блюдением ума, хотя бы они и находились вне молитвенных храмов. Намеревающиеся очистить золото, если и на короткое время попустят угаснуть огню в горниле, то производят вновь отвердение в чистящемся веществе; подобно этому, памятствующий иногда Бога, а иногда непамятствующий погубляет праздностью то, что мнит стяжать молитвой. Любодобродетельному мужу свойственно постоянно истреблять памятию Божиею земляность сердца, чтоб таким образом зло мало-помалу потреблялось огнем памяти о благе, и душа совершенно возвратилась

[1] Слово 1, гл. 1. || [2] Беседа 2, гл. 1, 2.

в естественную свою светлость с великою славою. Таким образом ум, пребывая в сердце, чисто и непрелестно молится, как тот же святой (Диадох) сказал: тогда молитва бывает истинною и непрелестною, когда ум, в то время, как молится, соединен с сердцем»[1]. Не устрашимся, делатели молитвы Иисусовой, ни ветров, ни волнения! ветрами называю бесовские помыслы и мечтания, а волнением — мятеж страстей, возбужденных помыслами и мечтами. Из среды свирепеющей бури с постоянством, мужеством и плачем будем вопиять ко Господу Иисусу Христу: Он воспретит ветрам и волнам, а мы, опытно узнав всемогущество Иисуса, воздадим Ему должное поклонение, *глаголюще: воистинну Божий Сын еси*[2]. Мы сражаемся за спасение наше. От победы или поражения наших зависит наша вечная участь. «Тогда, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — то есть при упражнении Иисусовою молитвою, бывает брань: лукавые бесы ратуют с великим возмущением, производят действием страстей мятеж и бурю в сердце, но именем Господа Иисуса Христа потребляются и разрушаются, как воск от огня. Опять, когда они будут прогнаны и отступят от сердца, то не престают от брани, но возмущают ум внешними чувствами извне. По этой причине ум не очень скоро начинает ощущать тишину и безмолвие в себе, потому что бесы, когда не имеют силы возмутить ум в глубине, то возмущают его извне мечтаниями. И потому невозможно освободиться вполне от брани и не быть ратуему лукавыми духами. Это свойственно совершенным и тем, которые удалились вполне от всего и постоянно пребывают во внимании сердца»[3]. Первоначально и самое делание представляется необыкновенно сухим, не обещающим никакого плода. Ум, усиливаясь соединиться с сердцем, сперва встречает непроницаемый мрак, жесткость и мертвость сердца, которое не вдруг возбуждается к сочувствию уму[4]. Это не должно приводить делателя к унынию и малодушию и упоминается здесь с тою целию, чтоб делатель был предуведомлен и предостережен. Терпеливый и тщательный делатель непременно будет удовлетворен и утешен: он возрадуется о безмерном обилии таких духовных плодов, о которых и понятия себе составить не может в плотском и душевном состоянии своем. В действии молитвы Иисусовой имеется своя постепенность: сперва она действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать к сердцу, возбуждая его от сна смертного

[1] Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 56. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] *...сказали: истинно Ты Сын Божий* (Мф. 14. 33). ‖ [3] О третьем образе внимания. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [4] Добротолюбие. Ч. 1.

и знаменуя оживление его явлением в нем чувств умиления и плача. Углубляясь еще далее, она мало-помалу начинает действовать во всех членах души и тела, отвсюду изгонять грех, повсюду уничтожать владычество, влияние и яд демонов. По этой причине при начальных действиях молитвы Иисусовой «бывает сокрушение неизреченное и болезнь души неизглаголанная», как говорит преподобный Григорий Синаит. Душа болезнует как болящая и рождающая[1], по Писанию: *Живо бо Слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра,* то есть Иисус проходит, как свидетельствует Апостол, *даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судително помышлением и мыслем сердечным*[2], проходит, истребляя греховность из всех частей души и тела[3].

Когда семьдесят меньших Апостолов, посланные Господом на проповедь, возвратились к Нему по совершении возложенного на них служения, то с радостию возвестили Господу: *Господи, и беси повинуются нам о имени Твоем*[4]. О, как эта радость была справедлива! как она была основательна! Более пяти тысяч лет господствовал диавол над человеками, уловив их в рабство себе и в родство с собою при посредстве греха, а ныне слышит имя Иисуса, — и повинуется человекам, доселе повиновавшимся ему, связывается связанными им, попирается попранными. В ответ ученикам, радующимся о низложении власти бесов над человеками и о приобретении власти человеками над бесами, Господь сказал: *Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит*[5]. Дана власть, но предоставлена свобода пользоваться властию и попрать змей и скорпионов или пренебречь даром и произвольно подчиниться им. Под именем змей святые Отцы разумеют начинания явно греховные, а под именем скорпий — прикрытые наружностию непорочности и даже добра. Власть, данная Господом семидесяти ученикам Его, дана всем христианам[6]. Пользуйся ею, христианин! посекай именем Иисусовым главы, то есть начальные проявления греха в помыслах, мечтаниях и ощущениях; уничтожь в себе владычество

---

[1] Ср.: *Тогда затрепетали сердца и руки их, и они мучились, как родильницы* (Сир. 48. 21). ‖ [2] *Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4. 12). ‖ [3] О еже обрести действо, § 4. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [4] *Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем* (Лк. 10. 17). ‖ [5] *...се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам* (Лк. 10. 19). ‖ [6] Ср.: *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками* (Мк. 16. 17).

над тобою диавола, уничтожь все влияние его на тебя, стяжи духовную свободу. Основание для подвига твоего — благодать Святого Крещения, оружие — моление именем Иисуса. Господь, даровав ученикам Своим власть попирать змей и скорпионов, присовокупил: *Обаче о сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех*[1]. «Радуйтесь не столько о том, — говорит блаженный Феофилакт, — что бесы вам повинуются, сколько о том, что имена ваши написаны на небе, не чернилами — Божественною благодатию и Божиею памятию», молитвою Иисусовою. Таково свойство молитвы Иисусовой: она возводит с земли на небо делателя своего и включает его в число небожителей. Пребывание умом и сердцем на небе и в Боге — вот главный плод, вот цель молитвы; отражение и попрание врагов, противодействующих достижению цели, — дело второстепенное: не должно оно привлекать к себе всего внимания, чтоб сознанием и созерцанием победы не дать входа в себя высокоумию и самомнению, не претерпеть страшного поражения по поводу самой победы. Далее повествует Евангелие: *В той час возрадовася духом Иисус и рече: исповедаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем: ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою. И обращься ко учеником, рече: вся Мне предана быша от Отца Моего: и никтоже весть, кто есть Сын, токмо Отец*[2]. Радуется Господь непостижимою радостию Бога о преуспеянии человеков; возвещает, что таинства веры христианской открываются не мудрым и превознесенным мира, но младенцам в гражданском отношении, каковы были ученики Господа, взятые из среды простого народа, неученые, неграмотные. Чтоб быть учеником Господа, должно соделаться младенцем и с младенческою простотою и любовию принять Его учение. К соделавшимся уже учениками обращается Господь с изложением таинственнейшего учения, открывает, что Сын, несмотря на принятие Им человечества, пребывает превысшим постижения всех разумных тварей. Превыше постижения их — и Его всесвятое имя. С простотою и доверчивостию младенцев примем учение о молитве именем Иисуса;

---

[1] *однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10. 20). || [2] *В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение. И обратившись к ученикам, сказал: все предано Мне Отцом Моим; и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца* (Лк. 10. 21–22). Благовестник.

с простотою и доверчивостию младенцев приступим к упражнению этою молитвою: един Бог, ведающий вполне таинство ее, преподаст нам его в доступной для нас степени. Возрадуем Бога трудом и преуспеянием в служении, которое Им же преподано и заповедано нам.

Молитва Иисусова была во всеобщем употреблении у христиан первых веков, как уже мы сказали выше. Иначе и не могло быть. Именем Господа Иисуса Христа совершались поразительнейшие знамения пред лицом всего христианского общества, что возбуждало питать во всем обществе христианском веру в неограниченную силу имени Иисуса. Преуспевшие понимали эту силу из преуспеяния своего. Об этой силе, обильно развивающейся в святых Божиих, преподобный Варсонофий Великий выражается так: «Знаю одного раба Божия в нашем роде, в настоящее время и в сем благословенном месте, который и мертвых может воскрешать во имя Владыки нашего Иисуса Христа, и демонов изгонять, и неизлечимые болезни исцелять, и делать другие чудеса не менее апостольских, как свидетельствует Давший ему дарование, или, точнее сказать, дарования. Да и что это значит в сравнении с тем, что можно сделать о имени Иисуса!»[1] Имея пред глазами чудеса, в памяти — завещание Господа, в сердце — пламенную любовь к Господу, верные первенствующей Церкви постоянно, тщательно, с огненною ревностию Херувимов и Серафимов упражнялись в молении именем Иисуса. Таково свойство любви! она непрестанно памятует о любимом, она непрестанно услаждается именем любимого, она хранит его в сердце, имеет в уме и на устах. Имя Господа — паче всякого имени: оно источник услаждения, источник радости, источник жизни; оно — Дух; оно — животворит, изменяет, переплавляет, боготворит. Для неграмотных оно со всею удовлетворительностию заменяет молитвословие и псалмопение; грамотные, преуспев в молитве Иисусовой, оставляют разнообразие псалмопения, начинают преимущественно упражняться в молитве Иисусовой, ради присущих в ней преизобильных силы и питания. Все это явствует из писаний и постановлений святых Отцов. Святая Восточная Православная Церковь предлагает всем неграмотным, вместо всех молитвословий, молитву Иисусову[2], предлагает не как нововведение, но как упражнение общеизвестное. Это постановление, вместе с другими преданиями Восточной Церкви, перешло из Греции в Россию, и многие из простого народа, малограмотные и даже

[1] Ответ 181. || [2] Псалтирь с последованием.

неграмотные, напитались силою молитвы Иисусовой во спасение и жизнь вечную, многие достигли великого преуспеяния духовного. Святой Иоанн Златоуст, советуя тщательное и постоянное упражнение молитвою Иисусовою, особенно монахам, говорит о ней как о предмете общеизвестном. «И у нас, и у нас, — говорит он, — имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная. Заклинание это не только гонит дракона из норы его и ввергает в огнь, но даже исцеляет от нанесенных им ран. Если же многие произносили это заклинание и не исцелились, произошло это от маловерия их, а не от недействительности произнесенного. Многие, хотя неотступно ходили за Христом и теснили Его, но не получили пользы, а у кровоточивой жены, прикоснувшейся не к телу, но к краю одежды Его, остановились долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демонов, для душевных страстей и недугов. Им украсим, им оградим себя. Им и Павел (Апостол) стал велик, хотя и был одного с нами естества»[1]. Преподобному Пахомию Великому для подведомственного ему многочисленного общества монахов Ангел Божий преподал молитвенное правило. Иноки, подчиненные духовному руководству преподобного Пахомия, должны были каждый час совершать правило; от исполнения правила освобождены были достигшие совершенства и соединенной с ним непрестанной молитвы. Правило, преподанное Ангелом, состояло из Трисвятого, Молитвы Господней, 50 псалма, Символа Веры и ста молитв Иисусовых[2]. В правиле говорится о молитве Иисусовой так же, как и о Молитве Господней, то есть как об общеизвестных и общеупотребительных. Преподобный Варсонофий Великий повествует, что монахи Египетского Скита преимущественно занимались молитвою, что видно и из жития преподобного Памвы, инока и аввы горы Нитрийской, недалекой от скита, в которой, подобно скиту, монахи проводили жизнь безмолвническую[3]. Из упомянутых в этом слове угодников Божиих, упражнявшихся или писавших о молитве Иисусовой, святой Игнатий Богоносец жил в Антиохии, скончался в Риме; святой мученик Каллистрат был уроженцем и жителем Карфагена; преподобный Пахомий Великий жил в Верхнем Египте; скитские и нитрийские монахи, равно как и преподобный Исаия, — в нижнем; святой Иоанн Златоуст жил в Антиохии и в Константинополе; святой Василий Великий — в восточной поло-

[1] Беседа 8, на Послание к Римлянам. || [2] Канонник. Издание Киево-Печерской Лавры. || [3] Ответ 74. Преподобного Григория Синаита. 4 глава из 15 глав о безмолвии. Добротолюбие. Ч. 1.

вине Малой Азии, в Каппадокии; святой Варсонофий Великий — в окрестностях Иерусалима; святой Иоанн Лествичник — на Синайской горе и некоторое время в Нижнем Египте, близ Александрии. Из этого видно, что моление именем Господа Иисуса было повсеместным, общеупотребительным во Вселенской Церкви. Кроме упомянутых Отцов, писали о молитве Иисусовой нижеследующие: преподобный Исихий, иерусалимский пресвитер, ученик святого Григория Богослова, писатель V века, уже жалующийся на оставление монахами упражнения Иисусовою молитвою и трезвения; преподобные: Филофей Синаит, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Феолипт Филадельфийский, Григорий Палама, Каллист и Игнатий Ксанфопулы и многие другие. Сочинения их большею частию помещены в обширном сборнике аскетических писателей, в «Добротолюбии». Из российских Отцов имеются сочинения о ней преподобного Нила Сорского, священноинока Дорофея, архимандрита Паисия Величковского, схимонаха Василия Поляномерульского и иеромонаха Серафима Саровского. Все упомянутые писания Отцов достойны глубокого уважения по обилию живущих в них и дышащих из них благодати и духовного разума; но сочинения российских Отцов, по особенной ясности и простоте изложения, по большой близости к нам относительно времени, доступнее для нас, нежели писания греческих светильников. В особенности писания старца Василия можно и должно признать первою книгою, к которой в наше время желающему успешно заняться Иисусовою молитвою необходимо обратиться[1]. Таково и назначение ее. Старец назвал свои писания предпутиями, предисловиями, или таким чтением, которое приготовляет к чтению греческих Отцов. Превосходна книга преподобного Нила Сорского. Чтением ее должно также предварять чтение греческих писателей; она, постоянно ссылаясь на них и объясняя их, приготовляет к чтению и правильному пониманию этих глубокомысленных, святых учителей, нередко витий[2], философов, поэтов. — Все вообще творения святых Отцов о монашеской жизни, и в особенности же о Иисусовой молитве, составляют для нас, монахов последнего времени, неоцененное сокровище. Во времена преподобного Нила Сорского, за три века до нас, живые сосуды Божественной благодати были крайне редки, *до зела оскудели*, по его выражению; ныне они так редки, что можно не останавливаясь и безошибочно сказать: их нет. За особеннейшую милость Божию признается, если кто,

[1] Издание Оптиной Пустыни, 1847 года. || [2] Ораторов. — *Ред.*

истомившись душою и телом в монашеском жительстве, к концу этого жительства неожиданно найдет где-либо в глуши сосуд, избранный нелицеприятным Богом, уничиженный пред очами человеков, возвеличенный и превознесенный Богом. Так Зосима нашел в заиорданской безлюдной пустыне, сверх всякого чаяния, великую Марию[1]. По такому конечному оскудению в духоносных наставниках, Отеческие книги составляют единственный источник, к которому может обратиться томимая голодом и жаждою душа для приобретения существенно нужных познаний в подвиге духовном. Книги эти — дражайшее наследие, оставленное святыми Отцами их иноческому потомству, нам, нищим. Книги эти — крохи, упавшие к нам и составляющие нашу долю, крохи с духовной трапезы Отцов, богатых духовными дарованиями. Заметно, что время написания большего числа книг о умном делании совпадает с временем особенного оскудения в монашестве умного делания. Преподобный Григорий Синаит, живший в XIV веке, когда прибыл на Афонскую гору, то нашел там, между тысячами монахов, только трех, которые имели некоторое понятие об умном делании. К XIV и XV векам относится большинство писаний об Иисусовой молитве. «Движимые тайным Божественным вдохновением, — говорит Паисий Величковский, — многие Отцы изложили в книгах святое учение, исполненное премудрости Святого Духа, об этой Божественной умной молитве на основании Божественных Писаний Ветхого и Нового Заветов. Это устроилось по особенному Божию Промыслу, чтоб Божественное делание не пришло во всеконечное забвение. Многие из этих книг, по попущению Божию за грехи наши, истреблены магометанами, поработившими себе Греческое государство; некоторые же смотрением Божиим сохранены до нашего времени»[2]. Возвышеннейшее умное делание необыкновенно просто, нуждается, для принятия, в младенческой простоте и вере, но мы сделались такими сложными, что эта-то простота и неприступна, непостижима для нас. Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое *я*, не терпим самоотвержения, не хотим действовать верою. По этой причине нам нужен наставник, который бы вывел нас из нашей сложности, из нашего лукавства, из наших ухищрений, из нашего тщеславия и самомнения в широту и простоту веры. По этой причине случается, что на поприще умного делания младенец достигает необыкновенного преуспеяния, а мудрец сбивается с пути и низвергается в мрачную пропасть пре-

[1] Четьи-Минеи, 1 апреля. ‖ [2] Главы о умной молитве. Гл. 1. Издание Оптиной Пустыни, 1847 года.

лести. «В древние времена, — говорит Паисий Величковский, — всесвятое делание умной молитвы сияло на многих местах, где пребывали святые Отцы, и много тогда было наставников этому духовному подвигу; по этой причине и святые Отцы тех времен, пиша о нем, объясняли только неизреченную духовную пользу, происходящую от него, не имея, как я полагаю, нужды писать о той части делания, которая приличествует новоначальным. Писали они отчасти и об этом, что очень ясно для имеющих опытное знание подвига, но для не имеющих его оно остается прикрытым. Когда некоторые из Отцов увидели, что истинные и непрелестные наставники этого делания начали очень умаляться, то, будучи подвигнуты Божиим Духом, чтоб не оскудело истинное учение о начале этой мысленной молитвы, изложили письменно о самом начале и приемах, как должно обучаться новоначальным, входить умом в страну сердечную, там истинно и непрелестно совершать умом молитву»[1].

Мы видели, что святой пророк Давид приглашает всех, без исключения, людей Божиих к молению именем Господа и что постановлением Святой Церкви законополагается всем неграмотным и не знающим Священного Писания наизусть заменять молитвословия и псалмопения молитвою Иисусовою. Святой Симеон, архиепископ Солунский, заповедует и советует архиереям, священникам, всем монахам и мирским на всякое время и час произносить эту священную молитву, имея ее как бы дыхание жизни[2]; при пострижении в монашество, когда новопостриженному даются четки, постригающий говорит: «Приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, его же и носяй во устех твоих, уме же и сердце, глаголи непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»[3]. Но преподобный Нил Сорский наставляет, что «память Божия, то есть умная молитва, выше всех деланий, добродетелей глава, как любовь Божия. Кто бесстыдно и дерзко захочет войти к Богу и беседовать с Ним чисто, кто нудится стяжать Его в себе, тот удобно умерщвляется бесами (если будет попущено) как взыскавший достигнуть того дерзостно и гордостно, превыше своего достоинства и устроения»[4]. При поверхностном взгляде завещание преподобного Нила может представиться противоречащим законоположению Священного Писания, святых Отцов и Преданию Церкви. Тут нет противоре-

---

[1] Гл. 4. ‖ [2] Старец Василий. Предисловие на книгу преподобного Григория Синаита. ‖ [3] Старец Василий. Предисловие на книгу блаженного Филофея Синайского. ‖ [4] Слово 11.

чия, тут говорится о молитве Иисусовой в ее высшей степени. Всем христианам можно и должно заниматься молитвою Иисусовою с целию покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верою, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа; но не всем дозволяется приступать к молитвенному священнодействию умом, в сердечной клети. Первым образом могут и должны заниматься Иисусовою молитвою не только монахи, живущие в монастырях и занятые послушаниями, но и миряне. Такая внимательная молитва может назваться и умною, и сердечною, как совершаемая часто одним умом, и в тщательных делателях всегда при участии сердца, выражающимся чувством плача и слезами по причине умиления. Молитвенное священнодействие ума в сердце требует предварительного упражнения в первом образе моления, удовлетворительного преуспеяния в этом молении. Благодать Божия сама собою, в известное ей время, по ее благоволению, переводит подвижника молитвы от первого образа ко второму. Если благоугодно Богу оставить подвижника при молитве покаяния, то да остается он при ней, да не ищет высшего состояния, да не ищет его в твердом убеждении, что оно не приобретается человеческим усилием, — даруется Богом. Пребывание в покаянии есть залог спасения. Будем довольны этим состоянием, не будем искать состояния высшего. Такое искание есть верный признак гордости и самомнения, такое искание приводит не к преуспеянию, а к преткновениям и погибели. Святой Нил, основываясь на учении всех святых Отцов, воспрещает преждевременно стремиться к низведению ума в сердце, к наружному и внутреннему безмолвию, к ощущению сладости и прочих высоких молитвенных состояний, которые открываются тогда, когда будет принята Богом молитва покаяния и враги отступят от души. Сказал Псалмопевец: *Отступите от Мене вси делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего. Услыша Господь моление мое, Господь молитву мою прият*[1]. Утешение, радость, наслаждение, подаяние даров суть последствия примирения. Искание их прежде примирения есть начинание, исполненное безрассудства.

Для стяжания глубокой сердечной молитвы нужно значительное предуготовление, оно должно состоять в удовлетворительном изучении опытом монашеской жизни, в приобучении себя к деятельности по евангельским заповедям: святая молитва основыва-

[1] *Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое, Господь примет молитву мою* (Пс. 6. 9–11).

ется на устроении души, производимом деятельностию по заповедям, почивает в этом устроении, не может пребыть в душе, когда она не находится в таком устроении. Приготовление должно состоять в удовлетворительном изучении Нового Завета и Отеческих писаний о молитве. Тем необходимее последнее приготовление, что за неимением духоносных руководителей единственным руководителем нашим должны быть Отеческие писания и молитвенный плач пред Богом. Вожделенна сердечная молитва; вожделенно сердечное безмолвие; вожделенно келейное неисходное безмолвие и жительство в уединеннейшей пустыне, как особенно способствующие развитию сердечной молитвы и сердечного безмолвия. «Но и самые эти благие и благолепные делания, — говорит преподобный Нил Сорский, — должно проходить с рассуждением, в приличное время, по достижении надлежащей меры преуспеяния, как говорит Василий Великий: всякому деланию должно предшествовать рассуждение: без рассуждения и благое дело обращается в злое по *безвременности* и *неумеренности*. Когда же рассуждением определятся время и мера благому, тогда бывает чудный прибыток. И Лествичник, заимствовав слова из Писания, говорит: *время всякой вещи, яже под небесем*[1], между всеми же, сказал он, и в нашем святом жительстве есть время каждому занятию. И, продолжая, говорит: есть время безмолвию, и время немятежной молве; есть время непрестанной молитве, и время нелицемерному служению. Не будем прельщаться гордостным усердием и искать прежде времени того, что приходит в известное время. В противном случае не получим ничего и в должное время. Есть время сеять труды, и время пожинать колосья неизреченной благодати»[2]. В особенности преподобный Нил воспрещает безрассудное стремление к отшельничеству, а такое стремление почти всегда появляется у личностей, не понимающих ни себя, ни монашества, потому-то преткновения и самообольщения при этом роде жизни случаются самые тяжкие. Если монахам воспрещается безвременное стремление к молитве, приносимой умом в сердечном храме, тем более воспрещается оно мирянам. Имели глубочайшую сердечную молитву святой Андрей юродивый и некоторые другие, весьма немногие миряне: это — исключение и величайшая редкость, которая никак не может служить правилом для всех. Причисление себя к этим исключительным личностям есть ни что иное, как обольщение себя

---

[1] См.: *...время всяцей вещи под небесем* (Екк. 3. 1). ‖ [2] Слово 11.

самомнением, скрытая прелесть прежде явной прелести. Паисий Величковский в письме к старцу Феодосию говорит: «Отеческие книги, в особенности те из них, которые научают истинному послушанию, трезвению ума и безмолвию, вниманию и умной молитве, то есть той, которая совершается умом в сердце, исключительно приличествуют только одному монашескому чину, а не всем вообще православным христианам. Богоносные Отцы, излагая учение об этой молитве, утверждают, что ее начало и непоколебимое основание есть истинное послушание, от которого рождается истинное смирение, а смирение хранит подвизающегося в молитве от всех прелестей, последующих самочинникам. Истинного монашеского послушания и совершенного во всем отсечения своих воли и разума отнюдь не возможно стяжать мирским людям. Как же возможно будет мирским людям без послушания, по самочинию, которому последует прелесть, понуждаться на столь страшное и ужасное дело, то есть на такую молитву, без всякого наставления? как им избежать многоразличных и многообразных прелестей вражиих, наводимых на эту молитву и ее делателей прековарно? Так страшна эта вещь, то есть молитва, — молитва не просто умная (умственная), то есть совершаемая умом нехудожно, но действуемая художественно умом в сердце, — что и истинные послушники, не только отсекшие, но и совершенно умертвившие волю свою и рассуждение пред отцами своими, истинными и преискусными наставниками деланию этой молитвы, всегда находятся в страхе и трепете, боясь и трепеща, чтоб не пострадать в этой молитве от какой-нибудь прелести, хотя и хранит их всегда от нее Бог за истинное смирение их, которое они стяжали благодатию Божиею при посредстве истинного послушания своего. Тем более мирским людям, жительствующим без послушания, если они от одного чтения таких книг понудятся на молитву, предстоит опасность впадения в какую-либо прелесть, приключающуюся начинающим самочинно подвиг этой молитвы. Эту молитву святые назвали художеством художеств: кто ж может научиться ей без художника, то есть без искусного наставника? Эта молитва есть духовный меч, дарованный от Бога, на заклание врага наших душ. Молитва эта просияла как солнце только среди иноков, особенно в странах Египетских, также в странах Иерусалимских, в горе Синайской и Нитрийской, во многих местах Палестины и на иных многих местах, но не повсюду, как явствует из жития святого Григория Синаита. Он обошел всю Святую (Афонскую) Гору и, сделав тщательное разыскание дела-

телей этой молитвы, не нашел в ней ни одного, который бы имел хотя малое понятие об этой молитве[1]. Отсюда явствует: если в таком святом месте преподобный Григорий не нашел ни одного делателя молитвы, то и во многих местах делание этой молитвы было не известно между иноками. А где и занимались им, где она просиявала между иноками подобно солнцу, там хранилось делание этой молитвы, как великая и неизреченная тайна, известная лишь Богу и ее делателям. Мирскому народу делание этой молитвы было вполне неизвестно. Но ныне, по напечатании Отеческих книг, узнают о нем не только иноки, но и все христиане. По поводу этого боюсь и трепещу, чтоб по вышесказанной причине, то есть за самочинное вступление в подвиг этой молитвы, без наставника, таковые самочинники не подверглись прелести, от которой Христос Спаситель да избавит Своей благодатию всех, хотящих спастись»[2].

Признаем обязанностью своей изложить здесь, по мере скудного разумения нашего и скудной опытности, учение святых Отцов о художественном возделании молитвы Иисусовой, с ясным обозначением, какой образ упражнения молитвою и какого вида умная и сердечная молитва приличествует всем без исключения христианам и новоначальным инокам, и какой образ делания свойствен преуспевшим, возведенным в преуспеяние Божиим благоволением и Божиею благодатию.

Без всякого сомнения, первое место между всеми способами должно дать способу, предлагаемому святым Иоанном Лествичником, как особенно удобному, вполне безопасному, нужному, даже необходимому для действительности молитвы, приличествующему всем благочестиво жительствующим и ищущим спасения христианам, и мирянам и инокам. Великий наставник иночествующих

---

[1] Преподобный Григорий Синаит посетил Афонскую Гору в XIV веке по Рождестве Христовом. В то время монашество в Палестине, особенно же в Египте, было почти уничтожено магометанами, покорившими своей власти Египет и Палестину еще в начале VII века. Во время святого Григория Синаита учение об умной молитве до крайности умалилось повсеместно. Его можно признавать восстановителем этого учения, как это сказано в кратком жизнеописании его, помещенном в Добротолюбии. И во времена Григория Синаита были иноки, достигшие великого преуспеяния в молитве, как, например, Максим Капсокаливи, жительствовавший в Афонской Горе, — наставлениями его пользовался сам Григорий, называвший Максима земным Ангелом. Добротолюбие. Ч. 1. Преподобный Григорий научен умной молитве некоторым иноком острова Кипра; до знакомства с этим иноком он занимался исключительно псалмопением. Рукописное житие преподобного Григория Синаита. ‖ [2] Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1847 года.

дважды говорит об этом способе в своей «Лествице», возводящей от земли на небо: в «Слове о послушании» и в «Слове о молитве». Уже то, что он излагает свой способ в изложении учения о послушании общежительных иноков, с очевидностию показывает, что этот способ назначается и для новоначальных иноков. Предложение способа повторяется в отдельном, пространном учении о молитве, после наставления для безмолвников, следовательно, повторяется для преуспевших иноков: это показывает с очевидностию, что способ очень хорош и для безмолвников, и для преуспевших иноков. Повторяем: величайшее достоинство способа заключается в том, что он, при всей удовлетворительности своей, вполне безопасен. — В «Слове о молитве» святой Иоанн Лествичник говорит: «Подвизайся возвращать, точнее, заключать мысль в словах молитвы. Если по причине младенчественности она изнеможет и уклонится, опять введи ее. Свойственна уму нестоятельность. Может же установить его Тот, Кто уставляет все. Если стяжешь это делание и постоянно будешь держаться его, то придет Определяющий в тебе границы морю твоему и скажет ему при молитве твоей: *до сего дойдеши и не прейдеши*[1]. Невозможно связывать дух, но где присутствует Создатель этого духа, там все покоряется Ему[2]. Начало молитвы — помыслы, отгоняемые молитвою при самом их начале; середина — когда ум пребывает в одних словах, произносимых гласно или умом, конец — восхищение ума к Богу»[3]. В «Слове о послушании» святой Иоанн говорит: «Борись с мыслию непрестанно, возвращая ее к себе, когда она улетает: Бог не требует от послушников молитвы непарительной. Не скорби, будучи окрадаем, но благодушествуй, постоянно возвращая ум к самому себе»[4]. Здесь преподан способ внимательно молиться, молиться и гласно, и одним умом. Во внимательной молитве не может не принять участия сердце, как сказал преподобный Марк. «Ум, молящийся без развлечения, утесняет сердце»[5]. Таким образом, кто будет молиться по способу, предложенному святым Иоанном Лествичником, тот будет молиться и устами, и умом, и сердцем; тот, преуспев в молитве, стяжет умную и сердечную молитву, привлечет в себя Божественную благодать, как видно из приведенных слов великого наставника иноков. Чего желать более? нечего. При таком образе упражнения молитвою какая может быть прелесть? лишь одно увлечение в рассеянность: погрешность, вполне явная, в новона-

---

[1] *...доселе дойдешь и не перейдешь...* (Иов. 38. 11). ‖ [2] Слово 28, гл. 17. ‖ [3] Там же, гл. 19. ‖ [4] Слово 4, гл. 93. ‖ [5] О мнящихся от дел оправдитися, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1.

чальных неизбежная, способная к немедленному уврачеванию чрез возвращение мысли в слова, уничтожаемая милостию и помощию Божиею в свое время, при постоянном подвиге. — Спросят: неужели такой великий Отец, живший в то время, когда умное делание процветало, ничего не говорит о молитве, совершаемой умом в сердце? Говорит, но так прикрыто, что одни знакомые опытно с деланием молитвы могут понять, о чем говорится. Так поступил Святой, будучи руководим духовною мудростию, с которою написана вся книга его. Изложив о молитве самое верное и удовлетворительное учение, могущее возвести делателя в благодатное состояние, Лествичник выразился приточно[1] о том, что совершается по осенении молитвенного подвига благодатию. «Иное, — сказал он, — обращаться часто к сердцу, а иное — быть по уму епископом сердца, князем и архиереем, приносящим Христу словесные жертвы»[2]. Иное — молиться со вниманием, при участии сердца, иное — нисходить умом в сердечный храм и оттуда приносить таинственную молитву, исполненную силы и благодати Божественных. Второе происходит от первого. Внимание ума при молитве привлекает сердце к сочувствию; при усилении внимания сочувствие сердца уму обращается в соединение сердца с умом; наконец, при внимании, усвоившемся молитве, ум нисходит в сердце для глубочайшего молитвенного священнослужения. Все это совершается под водительством благодати Божией, по ее благоволению и усмотрению. Стремление ко второму прежде стяжания первого не только бесполезно, но может быть причиною величайшего вреда; для отвращения этого вреда прикрыто молитвенное таинство от любопытства и легкомыслия в книге, назначенной для общего употребления монашествующих. В те блаженные времена, при обилии живых сосудов благодати, могли прибегать к совету их при всех особенных случаях нуждавшиеся в совете.

Между Раифскими иноками, для которых написана блаженным Иоанном «Лествица», процветала умная молитва под руководством опытного, духовного наставления. Об этом святой писатель опять выражается приточно и прикровенно в «Слове к пастырю». Выражается он так: «Прежде всего, о честный отец, потребна нам духовная сила, чтоб тех, которых мы возжелали ввести во Святая Святых, которым вознамерились показать Христа, Почивающего на их таинственной и сокровенной трапезе — в особенности доколе они находятся в преддверии у этого входа, и когда увидим, что их тес-

[1] Притчами. — *Ред.* || [2] Слово 28, гл. 51.

нит и угнетает народ, с целью возбранить им желанный вход, — мы могли, взяв за руку, как младенцев, освободить от народа помыслов. Если же младенцы крайне голы и немощны, то необходимо нам поднять их на рамена, и возносить на раменах, доколе они не пройдут чрез дверь входа; точно знаю: обычно там быть всевозможной тесноте и давке. Почему и сказал некто об этой тесноте: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие*[1], — и труд простирается только до вшествия»[2]. «Желающий видеть Господа внутри себя старается очистить сердце свое непрестанною памятию Божиею. Мысленная страна чистого душою — внутри его. Солнце, сияющее в ней, — свет Святой Троицы. Воздух, которым дышат жители ее, — Всесвятой Дух. Жизнь, радость и веселие этой страны — Христос, Свет от Света — Отца, это — Иерусалим и Царство Божие, сокровенное *внутри нас*, по слову Господа[3]. Эта страна — облак славы Божией: одни чистые сердцем войдут в нее, чтоб увидеть лицо своего Владыки и чтоб озарились умы их лучом света Его[4]. Постарайся войти в клеть, которая внутри тебя, и увидишь клеть небесную. Та и другая — одно: одним входом вступишь в обе. Лествица к Царству Небесному — внутри тебя: она устроена таинственно в душе твоей. Погрузи себя в себя от греха, и найдешь там ступени, которыми возможешь взойти на небо»[5]. Вводил учеников своих в святилище сердечной благодатной молитвы и в состояния, производимые ею, преподобный Варсонофий, инок, достигший высшей степени духовного преуспеяния. Между наставлениями его читаем и следующее, данное некоторому безмолвнику, состоявшему под его руководством: «Единый безгрешный Бог, спасающий надеющихся на Него, да укрепит любовь твою служить Ему в преподобии и правде во все дни живота твоего во храме и жертвеннике внутреннего человека, где приносятся духовные жертвы Богу, злата, ливан и смирна, где жрется телец упитанный, кропится Честная Кровь непорочного Агнца, где раздаются согласные воскликновения святых Ангелов: *тогда возложат на олтарь Твой тельцы*[6]. Тогда — когда? Когда придет Господь наш, этот великий Архиерей, приносящий и приемлющий Бескровную Жертву; когда, во имя Его, хромой, сидящий у красных ворот, сподобится услышать радостный глас: *востани и ходи*[7]. Хромой входит тогда в святилище, ходя и скача, и хваля Бога. Тогда прекращается сон нерадения

[1] *...но это трудно было в глазах моих, доколе не вошел я во святилище Божие* (Пс. 72. 16–17). ‖ [2] Гл. 14. ‖ [3] Лк. 17. 21. ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 8. ‖ [5] Святой Исаак Сирский. Сл. 2. ‖ [6] *...тогда возложат на алтарь Твой тельцов* (Пс. 50. 21). ‖ [7] *...встань и ходи* (Деян. 3. 6).

и невежества, тогда отъемлется дремание уныния и лености от вежд ей, тогда пять мудрых дев вжигают светильники свои[1] и ликуют с женихом в святом чертоге, воспевая согласно, безмолвно: *Вкусите и видите, яко благ Господь: блажен муж, иже уповает Нань*[2], — тогда прекращаются и брани, и осквернения, и движения, тогда водворяется святой мир Святой Троицы, печатлеется сокровище и пребывает некрадомым. Помолись, чтоб уразуметь и достигнуть, и возрадоваться о Христе Иисусе, Господе нашем»[3]. Внушается величайшее благоговение к молитвенному сердечному священнодействию величественным изображением его, сделанным Отцами. Это благоговение и самое благоразумие требует от нас, чтоб мы отреклись от преждевременного, самочинного, гордостного, безрассудного усилия войти в таинственное святилище. И благоговение, и благоразумие учат нас пребывать внимательною молитвою, молитвою покаяния, при дверях храма. Внимание и сокрушение духа — вот та клеть, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она — преддверие святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха. Да соберутся в эту Вифезду все, страждущие нравственною хромотою, все прокаженные, все слепые и сухие, — словом, все недугующие грехом, *чающие движения воды*[4] — действия милости и благодати Божией. Сам и Един Господь, в известное Ему время, дарует исцеление и вход во святилище, единственно по Своему непостижимому благоволению. *Аз вем, ихже избрах*[5], говорит Спаситель. *Не вы Мене избрасте,* говорит Он избранным Своим, *но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, да, егоже просите от Отца во имя Мое, даст вам*[6].

Весьма хорош способ обучения Иисусовой молитве, предлагаемый священноиноком Дорофеем, российским подвижником и аскетическим писателем. «Кто молится устами, — говорит священноинок, — а о душе небрежет и сердца не хранит, такой человек молится воздуху, а не Богу, и всуе трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего: от души, и ума, и сердца своего, со страхом Божиим, от всей крепости своей. Умная молитва не попускает входить во внутреннюю клеть ни парению, ни скверным помыслам. Хочешь

---

[1] Мф. 25. 3. ‖ [2] *Вкусите и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!* (Пс. 33. 9). ‖ [3] Ответ 115. ‖ [4] *...ожидающих движения воды* (Ин. 5. 3). ‖ [5] *Я знаю, которых избрал* (Ин. 13. 18). ‖ [6] *Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам* (Ин. 15. 16).

ли научиться деланию умной и сердечной молитвы? Я научу тебя. Внимай прилежно и разумно, послушай меня, любимый мой. Сначала должно тебе творить молитву Иисусову голосом, то есть устами, языком и речью, вслух себе одному. Когда насытятся уста, язык и чувства молитвою, произносимою гласно, тогда гласная молитва прекращается и начинает она произноситься шепотом. После этого должно поучаться умом, *приницать* и прилежать всегда к гортанному *почувению*[1]. Тогда умная и сердечная молитва начнет *манием*[2], самовластно, непрестанно воздвизаться, обноситься и действовать, на всякое время, при всяком деле, на всяком месте»[3].

Блаженный старец, иеромонах Серафим Саровский, завещает новоначальному, по прежде существовавшему общему обычаю в Саровской пустыне, творить непрестанно молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. «При молитве, — наставляет старец, — внимай себе, то есть собирай ум и соединяй его с душою. Сначала, день, два и более, твори эту молитву одним умом, раздельно, внимая каждому слову особо. Когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит тебя во един дух, тогда потечет в тебе эта молитва непрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя[4]. Это-то и значат слова, сказанные пророком Исаией: *роса бо, яже от Тебе изцеление им есть*[5]. Когда же будешь содержать в себе эту пищу душевную, то есть беседу с Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказываю тебе, что празднословие есть и празднолюбие. Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и учить других? Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но вместе и остерегайся осуждать разговаривающих и смеющихся. Будь в этом случае глух и нем. Что бы о тебе ни говорили, все пропускай мимо ушей. В пример себе можешь взять Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынническое; послушание его было безропотливое, делание — терпеливо, труд — усерден.

---

[1] Слышанию. — *Ред.* || [2] То есть по действию Божественной благодати. || [3] Цветник. Поучение 32. Сведения о священноиноке Дорофее помещены в 1-й части, в статье «Посещение Валаамского монастыря». || [4] Весьма редкие получают соединение ума с сердцем вскоре после начатия молитвенного подвига, обыкновенно протекают многие годы между началом подвига и благодатным соединением ума с сердцем: мы должны доказать искренность нашего произволения постоянством и долготерпением. || [5] Ср.: *...роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис. 26. 19).

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, сколько кто ест, но внимай себе, питая душу молитвою»[1]. Старец, дав такое наставление новоначальному иноку, проводящему деятельную жизнь в монастырских трудах, и преподав ему упражнение молитвою, приличествующей деятельному, воспрещает преждевременное безрассудное стремление к жительству умозрительному и к соответствующей этому жительству молитве. «Всякому, — говорит он, — желающему проходить жизнь духовную, должно начинать с деятельной жизни, а потом уже переходить к умозрительной, потому что без деятельной жизни в умозрительную прийти невозможно. Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умозрительной жизни. К ней могут приступать только очистившиеся от страстей и стяжавшие полное обучение в деятельной жизни, как это можно видеть из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят*[2], и из слов святого Григория Богослова: к умозрению могут приступать только совершеннейшие по своей опытности (в деятельной жизни). К умозрительной жизни должно приступать со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием святых Писаний и под руководством искусного старца, если такового можно найти, а не с дерзостию и самочинием. Дерзостный и презорливый[3], по словам Григория Синаита, не по достоинству своему взыскав (высокого духовного состояния), с кичением усиливается достигнуть его преждевременно. И опять: если кто мечтает по мнению своему достигнуть высокого состояния, и стяжал желание сатанинское, а не истинное, того диавол уловляет своими мрежами[4], как слугу своего»[5]. Предостерегая таким образом от гордостного стремления к высоким молитвенным состояниям, старец настаивает, можно сказать, на необходимости для всех вообще иноков, никак не исключая и самых новоначальных послушников, во внимательной жизни и в непрестанной молитве. Замечено, что, по большей части, то направление, которое примется при вступлении в монастырь, остается господствующим в иноке на всю его жизнь. «Благодатные дарования, — утверждает Серафим, — получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих[6]. Истинно решившиеся служить Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Господу Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*

[1] Наставление 32. || [2] *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5. 8). || [3] Гордый. — *Ред.* || [4] Сетями. — *Ред.* || [5] Наставление 29. || [6] Наставление 4.

грешнаго. Таковым упражнением, при охранении себя от рассеянности и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Иначе как непрестанною молитвою, по словам святого Исаака Сирского, приблизиться к Богу мы не можем»[1]. Монахам и послушникам, произволяющим заниматься молитвою Иисусовою, для удобнейшего избежания рассеянности и пребывания во внимании Серафим советует стоять в церкви, при молитвословиях, с закрытыми глазами, и открывать их только тогда, когда будут отягощать сон и дремание. Тогда советует он устремлять взоры к святым иконам, что также охраняет от рассеянности и возбуждает к молитве[2]. Новоначальный с особенным удобством приучается к молитве Иисусовой на продолжительных монастырских молитвословиях. Присутствуя на них, к чему бесплодно и душевредно скитаться мыслями повсюду? а этого невозможно избежать, если ум не будет привязан к чему-либо. Займись молитвою Иисусовою: она удержит ум от скитания, ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже, гораздо лучше будешь внимать чтению и песнопениям церковным, вместе неприметным образом и постепенно обучишься умной молитве. — Желающему проводить внимательную жизнь Серафим завещает не внимать посторонним слухам, от которых голова наполняется праздными и суетными помышлениями и воспоминаниями, завещает не обращать внимания на чужие дела, не размышлять, не судить и не говорить о них; завещает избегать собеседований, вести себя странником, встречающихся отцов и братий почитать поклонами в молчании, при хранении себя от внимательного воззрения на них[3], потому что такое воззрение производит непременно в душе какое-либо впечатление, которое будет причинять ей развлечение, привлекая к себе внимание ее и отвлекая его от молитвы. Вообще проводящему внимательную жизнь не должно смотреть ни на что пристально и не слушать ничего с особенным тщанием, но видеть, как бы не видя, и слышать мимоходно, чтоб память и сила внимания были всегда свободными, чуждыми впечатлений мира, способными и готовыми к приятию впечатлений Божественных.

Очевидно, что способы, предложенные священноиноком Дорофеем и старцем Серафимом, тождественны со способом, предложенным святым Иоанном Лествичником. Но святой Иоанн изложил свой способ с особенною ясностию и определенностию. Этот Отец принадлежит к древнейшим и величайшим наставникам ино-

---

[1] Наставление 11. ‖ [2] Там же. ‖ [3] Наставление 6.

чества, признан таким Вселенскою Церковию; позднейшие святые писатели ссылаются на него как на достовернейшего учителя, как на живой сосуд Святого Духа — на этом основании мы со всей благонадежностию предлагаем его способ во всеобщее употребление возлюбленным отцам и братиям, не только жительствующим в монастырях, но и жительствующим посреди мира, имеющим искреннее желание непритворно, успешно и богоугодно молиться. Этот способ не может быть устранен: устранение его из молитвы было бы устранением из нее внимания, а без внимания молитва — не молитва. Она мертва! она — бесполезное, душевредное, оскорбительное для Бога пустословие! Внимательно молящийся непременно молится более или менее этим способом. Если внимание умножится и усилится при молитве, непременно явится образ моления, предлагаемый Божественным Иоанном. «*Проси* плачем, — говорит он, — ***ищи*** послушанием, ***толцы*** долготерпением: так ***просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется***»[1].

Опыт не замедлил показать, что при употреблении способа, в особенности сначала, должно произносить слова с крайнею неспешностию, чтоб ум успевал вмещаться в слова, как в формы; этого нельзя достигнуть при поспешном чтении. Способ святого Иоанна весьма удобен и при упражнении молитвою Иисусовою, и при келейном чтении молитвословий, даже при чтении Писания и Отеческих книг. Приучаться к нему должно, как бы читая по складам — с такой неспешностию. Приучившийся к этому способу стяжал молитву устную, умную и сердечную, свойственную всякому, проводящему деятельную жизнь. Святейший Каллист, патриарх Константинопольский, так рассуждает о молитве: «Непрестанная молитва состоит в непрестанном призывании имени Божия. Беседует ли кто, сидит ли, ходит, делает ли что, ест ли, или занимается чем другим, должен во всякое время и на всяком месте призывать имя Божие, по завещанию Писания: *Непрестанно молитеся*[2]. Таким образом уничтожаются покушения на нас врага. Молиться должно сердцем, молиться должно и устами, когда мы одни. Если же кто находится на торжище или в обществе с другими, тот не должен молиться устами, но одною мыслию. Должно наблюдать за зрением и всегда смотреть вниз для охранения себя от развлечения и от сетей врага. Совершенство молитвы заключается в том, когда она произносится к Богу без уклонения ума в развлечение, когда все мысли и чувствования человека соби-

[1] *...ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7. 8). Слово 28, гл. 56. ‖ [2] 1 Сол. 5. 17.

раются во единое моление. Молитва и псалмопение должны совершаться не только умом, но и устами, как говорит пророк Давид: *Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою*[1]. И Апостол, показывая, что требуются и уста, сказал: *Приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен исповедающихся имени Его*»[2]. Преподобный Варсонофий Великий священноиноку, спросившему его о том, как должно молиться, отвечал: «Должно несколько упражняться в псалмопении, несколько молиться изустно; нужно время и на то, чтоб испытывать и блюсти свои помыслы. У кого на обед много разных снедей, тот ест много и с услаждением, а кто каждый день употребляет одну и ту же пищу, тот не только вкушает ее без услаждения, но иногда, может быть, чувствует и отвращение от нее. Так бывает и в нашем состоянии. В псалмопении и молитве устной не связывай себя, но делай сколько Господь даст тебе. Не оставляй также чтения и внутренней молитвы. Несколько того, несколько другого — и так проведешь день, угождая Богу. Совершенные Отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня исполняли свое правило: несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали изустно молитвы, несколько испытывали помыслы, мало, но заботились и о пище; все же это делали со страхом Божиим»[3]. Так рассуждал и наставлял брата преподобный Отец, бывший в великом молитвенном преуспеянии. Опыт научит всякого упражняющегося в молитве, что произнесение несколько вслух молитвы Иисусовой, и вообще всех молитвословий, очень способствует к удержанию ума от расхищения развлечением. При усиленном вражеском нападении, когда ощутится ослабление произволения и омрачение ума, необходима гласная молитва. Внимательная гласная молитва есть вместе и умная, и сердечная.

Убогим словом нашим мы не уклоняем и не устраняем возлюбленных отцов и братий наших от молитвенного, возвышенного преуспеяния; напротив того, всеусердно желаем им его. Да будут все иноки подобны Ангелам и Архангелам, которые не имеют покоя день и ночь от возбуждающей их Божественной любви и по причине ее непрестанно и ненасытно насыщаются славословием Бога. Именно для того, чтоб получено было неизреченное богатство сердечной молитвы в свое время, дается предостережение от действования преждевременного, ошибочного, дерзостного. Воспрещает-

[1] *Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою* (Пс. 50. 17). ‖ [2] *...приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его* (Евр. 13. 15). Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [3] Ответ 177.

ся безрассудное, разгоряченное стремление к открытию в себе благодатной сердечной молитвы, воспрещается это стремление потому, что причина его — неведение или недостаточное знание и гордостное признание себя способным к благодатной молитве и достойным ее; воспрещается это стремление потому, что раскрытие в себе благодатной молитвы одними собственными усилиями — невозможно; воспрещается это стремление, ломящееся неистово во врата таинственного Божиего храма, чтоб оно не воспрепятствовало благости Божией когда-либо умилосердиться над нами, признать недостойных достойными, дать дар не чающим дара, обрекшим себя на вечные казни в узилищах ада. Дар дается смирившемуся и уничижившему себя пред величием дара; дар дается отрекшемуся своей воли и предавшемуся воле Божией; дар дается укрощающему и умерщвляющему в себе плоть и кровь, укрощающему и умерщвляющему в себе плотское мудрование заповедями Евангелия. Жизнь воссиявает соответственно степени умерщвления. Придя неожиданно, единственно по благоволению своему, она довершает и совершает умерщвление, предначатое произвольно. Неосторожные, особенно упорные, водимые самомнением и самочинием искатели высокого молитвенного состояния всегда бывают запечатлены печатию отвержения, по определению духовного закона[1]. Снятие этой печати очень затруднительно, по большей части невозможно. Какая тому причина? — Вот она: гордость и самомнение, вводящие в самообольщение, в общение с демонами и в порабощение им, не дают видеть неправильности и опасности своего положения, не дают видеть ни горестного общения с демонами, ни бедственного, убийственного порабощения им. «Оденься прежде листьями, а потом, когда повелит Бог, принесешь и плоды», — сказали Отцы[2]. Стяжи сперва внимательную молитву: предочищенному и предуготовленному внимательною молитвою, образованному, скрепленному заповедями Евангелия, основанному на них в свое время, Бог — всемилостивый Бог — дарует молитву благодатную.

Молитвы учитель — Бог, истинная молитва — дар Божий[3]. Молящемуся в сокрушении духа, постоянно, со страхом Божиим, с вниманием Сам Бог дает постепенное преуспеяние в молитве. От внимательной и смиренной молитвы являются духовное действие и духовная теплота, от которых оживает сердце. Ожившее сердце

[1] Мф. 22. 12–13. ‖ [2] Преподобный Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Ответ 325. ‖ [3] Лествица. Слово 28, гл. 64.

привлекает к себе ум, делается храмом благодатной молитвы[1] и сокровищницей доставляемых ею, по ее свойству, духовных даров. «Потрудись, — говорят великие подвижники и учители молитвы, — сердечным болезнованием приобрести теплоту и молитву, и Бог даст тебе иметь их всегда. Забвение изгоняет их; само же оно рождается от нерадения[2]. — Если хочешь избавиться от забвения и пленения, то не сможешь иначе достигнуть этого, как стяжав в себе духовный огнь: только от его теплоты исчезают забвение и пленение. Приобретается же этот огнь стремлением к Богу. Брат! если сердце твое день и ночь, с болезнию не будет искать Господа, то ты не сможешь преуспеть. Если же, оставив все прочее, займешься этим, то достигнешь, как говорит Писание: *упразднитесь и разумейте*[3]. — Брат! умоли благость Того, Который *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити*[4], чтоб Он даровал тебе духовное бодрствование, возжигающее духовный огнь. Господь, Владыка неба и земли, пришел на землю для низведения на нее этого огня[5]. Вместе с тобою, по силе моей, буду молиться и я, чтоб это бодрствование даровал тебе Бог, Который подает благодать всем, просящим с трудом и усердием. Она, придя, наставит тебя на истину. Она просвещает очи, исправляет ум, прогоняет сон расслабления и нерадения, возвращает блеск оружию, покрывшемуся ржавчиной в земле лености, возвращает светлость одеждам, оскверненным в плену у варваров, влагает ненависть к мерзостным мертвечинам, составляющим пищу варваров, влагает желание насытиться великою жертвою, приносимою нашим великим Архиереем. Это та жертва, о которой было открыто Пророку, что она очищает грехи и отъемлет беззакония[6], плачущих прощает, смиренным дает благодать[7], является в достойных, и ею они наследуют живот вечный, о имени Отца и Сына и Святого Духа»[8]. «Духовное бодрствование, или трезвение есть духовное художество, совершенно избавляющее человека, с помощию Божиею, от греховных дел и страстных помыслов и слов, когда оно проходится в течение долгого времени и усердно. Оно — сердечное безмолвие; оно — хране-

[1] Лествица Божественных даров инока Феофана. Добротолюбие. Ч. 1. — Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 54. Добротолюбие. Ч. 2. — Старца Серафима наставление 11. ‖ [2–3] Преподобного Варсонофия Великого и Иоанна Пророка ответы 264 и 274; Пс. 45, 11. Приведенные здесь ответы даны преподобному авве Дорофею, который по благословению этих Отцов занимался непрестанною памятию Божиею, т. е. умною Иисусовою молитвою. Отцы завещали авве не ослабевать в этом подвиге, но сеять с надеждою, — ответ 263. ‖ [4] *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2. 4). ‖ [5] Лк. 12. 49. ‖ [6] Ис. 6. 7. ‖ [7] Притч. 3. 34. ‖ [8] Ответ 111.

ние ума; оно — внимание себе, чуждое всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Им дышащее, с Ним мужественно ополчающееся на врагов, Ему исповедающееся». Такое определение духовному бодрствованию дает святой Исихий Иерусалимский[1]. Согласны с ним и прочие Отцы[2].

«Огнь, пришедши в сердце, восстановил молитву. Когда же она восстала и вознеслась на небо, тогда совершилось сошествие огня в горницу души»[3]. Слова эти принадлежат светильнику Синайскому, Иоанну Лествичнику. Очевидно, что святой говорит из своего блаженного опыта. Подобное случилось и с преподобным Максимом Капсокаливи. «Я, — поведал он преподобному Григорию Синаиту, — от юности моей имел великую веру к Госпоже моей, Богоматери, и молился ей со слезами, чтоб Она подала мне благодать умной молитвы. Однажды пришел я по обычаю в храм Ее и усердно молился Ей об этом. Приступил я и к иконе Ее, начал целовать с благоговением изображение Ее, и внезапно ощутил я, что впала в грудь мою и в сердце теплота, не опалявшая внутренности, напротив того, услаждавшая и орошавшая, побуждавшая душу мою к умилению. С этого времени *сердце* мое начало внутри себя пребывать в молитве и *ум* мой услаждаться памятию Иисуса моего и Богоматери, и непрестанно Его, Господа Иисуса, иметь в себе. С этого времени молитва никогда не прекращалась в *сердце* моем»[4]. Благодатная молитва явилась внезапно, неожиданно, как дар от Бога; душа Преподобного была предуготовлена к получению дара молитвы усердною, внимательною, смиренною, постоянною молитвою. Благодатная молитва не осталась в Преподобном без своих обычных последствий, вовсе неизвестных и несвойственных плотскому и душевному состоянию. Обильное явление духовного огня в сердце, огня Божественной любви, описано Георгием, Задонским затворником, из собственного опыта[5]. Но прежде этого послан ему был Божественный дар покаяния, предочистивший сердце для любви, дар, действовавший как огнь, истребивший все, оскверняющее дворы Господа Святого и Сильного[6], и повергший самое тело в изнеможение. «Святой и пренебесный огнь, — говорит святой Иоанн

---

[1] Слово о трезвении, гл. 1, 3 и 5. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] Блаженный Никифор. Слово о трезвении и хранении сердца. Добротолюбие. Ч. 2. Преподобный Симеон Новый Богослов. О третьем образе молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] Слово 28, гл. 45. || [4] Добротолюбие. Ч. 1. || [5] Поведание Затворника описано во 2-м т. «Аскетических опытов», в «Слове о Страхе Божием и о любви Божией». || [6] Святой Исаак Сирский. Слово 68.

Лествичник, — одних опаляет по причине недостаточной чистоты их, других, напротив того, просвещает, как достигших совершенства. Один и тот же огнь называется и огнем поядающим и светом просвещающим. По этой причине одни исходят от молитвы своей, как бы из жарко натопленной бани, ощущая некоторое облегчение от скверны и вещественности, другие же выходят просвещенные светом и одеянными в сугубую одежду смирения и радования. Те же, которые после молитвы своей не ощущают ни одного из этих двух действий, молятся еще телесно, а не духовно»[1]. Духовною молитвою названа здесь молитва, движимая Божественною благодатию, а телесною молитвою — молитва, совершаемая человеком при собственном усилии, без явственного содействия благодати. Необходима второго рода молитва, как утверждает тот же Иоанн Лествичник, чтоб дарована была в свое время молитва благодатная[2]. Чем же ознаменовывает свое пришествие молитва благодатная? — Она ознаменовывает свое пришествие плачем вышеестественным, и входит человек во врата святилища Божия, своего сердца, во исповедании неизреченном.

Прежде нежели приступим к описанию способа, предлагаемого святыми Отцами почти исключительно безмолвникам, признаем нужным несколько приготовить читателя. — Писания Отцов можно уподобить аптеке, в которой находится множество целительнейших лекарств; но больной, не знакомый с врачебным искусством и не имея руководителем врача, очень затруднится в выборе лекарства, приличествующего болезни его. Если же по самонадеянности и легкомыслию, не справясь основательно, за неимением врача, с врачебными книгами, больной торопливо решится сам на выбор и принятие лекарства, то выбор этот может быть самым неудачным. Лекарство, само собою целительное, может оказаться не только бесполезным, но и очень вредным. В положение, подобное положению такого больного, поставлены мы, за неимением духоносных руководителей, по отношению к писаниям святых Отцов о тайнодействии сердечной молитвы и ее последствиях. Учение о молитве, в дошедших до нас Отеческих книгах, изложено с удовлетворительными полнотою и ясностию, но мы, будучи поставлены при неведении нашем пред этими книгами, в которых изображены, в величайшем разнообразии, делания и состояния новоначальных, средних и совершенных, находим себя в крайнем затруднении при избрании делания и состояния, нам свойствен-

[1] Лествица. Слово 28, гл. 51. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 16, 21 и 27.

ных. Несказанно счастлив тот, кто поймет и ощутит эту затруднительность. Не поняв ее, при поверхностном чтении святых Отцов, поверхностно ознакомясь с предлагаемыми ими деланиями, многие приняли на себя делание, несвойственное себе, и нанесли себе вред. Святой Григорий Синаит в сочинении своем, написанном для весьма преуспевшего безмолвника, Лонгина[1], говорит: «Иное дело — безмолвия, и иное — общежития. Каждый, пребывая в том жительстве, к которому призван, спасется. И потому я опасаюсь писать по причине немощных, видя, что жительствуешь посреди них, ибо всякий, проходящий излишне усиленный подвиг молитвы от слышания или учения, погибает, как не стяжавший руководителя»[2]. Святые Отцы упоминают, что многие, принявшись за делание молитвы неправильно, по способам, для которых они не созрели и были не способны, впали в самообольщение и умоповреждение. — Не только от чтения Отеческих книг, при недостаточном понимании их, происходит величайший вред, но и от общения с величайшими угодниками Божиими, от слышания святого учения их. Так случилось с сирским монахом Малпатом. Он был учеником преподобного Иулиана. Сопутствуя старцу, Малпат посетил преподобного Антония Великого и сподобился слышать от него возвышеннейшее учение о монашеском жительстве: о самоумерщвлении, о умной молитве, о чистоте души, о видении. Не поняв должным образом учения, разгорячившись вещественным жаром, Малпат возложил на себя строжайший подвиг в неисходном затворе, с надеждою достигнуть того высокого духовного состояния, о котором он слышал от Великого Антония, которое видел и осязал в Великом Антонии. Последствием такого делания было ужаснейшее самообольщение. Соответственно сильному деланию образовалась сильная прелесть, а самомнение, объявшее душу несчастного, сделало эту душу неприступной для покаяния, а потому и для исцеления: Малпат явился изобретателем и главой ереси Евхитов[3]. О, горестное событие! о, горестнейшее зрелище! ученик великого Святого, услышав учение величайшего из святых, по причине неправильного приложения этого учения к своей деятельности, погиб. Погиб в те времена, когда по причине множества святых, способных и руководить и исцелять, было очень мало погибавших от прелести. Говорится это для нашего предостережения. При сиянии бесчисленных светил путь внутреннего монашества — таинственного, молитвенного уединения и безмолвия ума

[1] См. статью под заглавием: «О еже како подобает пети». Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Там же. О еже како подобает пети. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 55.

в сердце — признавался обстановленным опасностями; тем опаснее этот путь при наступившей темной ночи. Мглою и густыми облаками сокрыты светила небесные. Путешествовать должно с крайнею неспешностию, ощупью. Изучение Отеческих книг, предоставленных Промыслом Божиим в нравственное руководство современному монашеству, отнюдь не малозначащий подвиг. Чтоб совершить его, нужно самоотвержение, нужно оставление житейских попечений, не говорю уже о развлечениях, увеселениях и наслаждениях; нужно жительство по евангельским заповедям, нужна чистота ума и сердца, которой одной усматривается и понимается духовное, святое, таинственное учение Духа, соответственно степени очищения. Тот, кто узнал, что в настоящие времена сокровище спасения и христианского совершенства скрыто в словах, изреченных Святым Духом или под влиянием Его, то есть в Священном Писании и писаниях святых Отцов, да возрадуется духовно о приобретении существенно полезного познания, да скроется всецело от мира в благочестивую жизнь, *да идет, и вся, елика имать, продает, и купует село*, на котором сокровенно спасение и совершенство[1]. Для основательного изучения Писания, при соответствующей деятельности, нужно продолжительное время. По основательном изучении Писания, с величайшею осторожностию, испрашивая постоянно помощь Божию молитвою и плачем, из нищеты духа, можно касаться и тех делании, которые ведут к совершенству. Некоторый святой инок поведал о себе, что он в течение двадцати дет изучал писания Отцов, ведя обыкновенную жизнь общежительного монаха; по истечении этого времени он решился деятельно ознакомиться с глубоким монашеским деланием, теоретическое познание которого стяжал чтением и, вероятно, по свойству того времени, из бесед с преуспевшими Отцами[2]. Преуспеяние иноческое при руководстве чтением идет несравненно медленнее, нежели при руководстве духоносным наставником.

Написанное каждым святым писателем написано из его благодатного устроения и из его деятельности, соответственно его устроению и его деятельности. На это должно обратить особенное внимание. Не будем увлекаться и восхищаться книгою, написанною как бы огнем, поведающею о высоких деланиях и состояниях, нам не свойственных. Чтение ее, разгорячив воображение, может повредить нам, сообщив познание и желание подвигов для нас безвре-

[1] *...идет и продает все, что имеет, и покупает поле то* (Мф. 13. 44). ‖ [2] Письменный Отечник.

менных и невозможных. Обратимся к книге Отца, по умеренности своего преуспеяния, наиболее близкого к нашему состоянию. При таком взгляде на Отеческие книги, в первоначальное чтение инока, желающего ознакомиться с внутренним молитвенным подвигом, можно предложить наставления Серафима Саровского, сочинения Паисия Нямецкого и друга его, схимонаха Василия. Святость этих лиц и правильность их учения — несомненны. После изучения этих писаний можно обратиться к книге преподобного Нила Сорского. Мала эта книга по наружности, но духовный объем ее необыкновенной величины. Трудно найти вопрос о умном делании, который не был бы разрешен в ней. Все изложено с необыкновенною простотою, ясностию и удовлетворительностию. Так изложен и способ упражнения молитвою Иисусовою. Впрочем, как способ, так и вся книга предназначены для иноков, уже способных к безмолвию.

Преподобный Нил завещает *молчать* мыслию, не только не допуская помышлять себе о чем-либо греховном и суетном, но и о полезном по-видимому, и о духовном. Вместо всякой мысли, он повелевает непрестанно взирать в глубину сердца и говорить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* Молиться можно и стоя, и сидя, и лежа; крепкие по здоровью и силам молятся стоя и сидя, немощные могут молиться и лежа, потому что в этой молитве господствует не подвиг тела, а подвиг духа. Должно давать телу такое положение, которое бы предоставляло духу всю свободу к свойственному ему действию. Помнить надо, что здесь говорится о делании иноков, которые достаточным телесным подвигом привели в должный порядок свои телесные влечения и по причине преуспеяния своего перешли от телесного подвига к душевному. Преподобный Нил повелевает затворять ум в сердце и приудерживать, по возможности, дыхание, чтоб не часто дышать. Это значит: надо дышать очень тихо. Вообще все движения крови должно удерживать и содержать душу и тело в спокойном положении, в положении тишины, благоговения и страха Божия. Без этого духовное действие появиться в нас не может: оно появляется тогда, когда утихнут все кровяные движения и порывы. Опыт скоро научит, что удерживание дыхания, то есть нечастое и негрубое производство дыхания, очень способствует к приведению себя в состояние тишины и к собранию ума от скитания. «Много добродетельных деланий, — говорит святой Нил, — но все они — частные, сердечная же молитва — источник всех благ; она напаяет душу, как сады. Это делание, состоящее в блюдении ума в сердце, вне всяких

помыслов, для необучившихся ему крайне трудно; трудно оно не только для новоначальных, но и для долго трудившихся делателей, которые еще не приняли и не удержали внутри сердца молитвенной сладости от действия благодати. Из опыта известно, что для немощных это делание представляется очень тяжким и неудобным. Когда же кто приобретет благодать, тогда молится без труда и с любовию, будучи утешаем благодатию. Когда придет *действие* молитвы, тогда оно привлекает ум к себе, веселит и освобождает от парения»[1]. Чтоб приучиться к способу, предлагаемому преподобным Нилом Сорским, очень хорошо присоединять его к способу святого Иоанна Лествичника, молясь очень неспешно. В преподавании своего способа преподобный Нил ссылается на многих Отцов Восточной и Вселенской Церкви, преимущественно же на преподобного Григория Синаита.

Писания преподобного Григория Синаита, имея ~~полное~~ духовное достоинство, уже не так доступны и ясны, как писания преподобного Нила Сорского. Причина тому — образ изложения, понятия того времени о разных предметах, для нас чуждые, особенно же — духовное преуспеяние как лица, написавшего книгу, так и того лица, для которого написана книга. Способ моления, предлагаемый Синаитом, почти тот же, какой предложен и Нилом, заимствовавшим учение молитвы как из чтения и учения книги Синаита, так и из устных бесед с учениками Синаита при посещении Востока. «*В заутрии сей*, говорит преподобный Григорий, ссылаясь на Премудрого Соломона, *семя твое*, то есть молитвы, *и в вечер да не оставляет рука твоя*, чтоб всегдашность молитвы, прерываемая расстояниями, не лишалась того часа, в который могла бы быть услышана: *яко не веси, кое произыдет сие или оно*[2]. С утра, сев на стул, высотою в пядь, низведи ум от головы в сердце, и держи его в нем, наклонившись болезненно, и очень болезнуя грудью, плечами и шеею, непрестанно взывай умом или душою: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя*. Удерживай несколько и дыхание, чтоб не дышать неосторожно»[3]. Относительно учения о том, что должно приудерживать дыхание, Синаит ссылается на преподобных Исаию Отшельника, Иоанна Лествичника и Симеона Нового Богослова. «Если хотим безошибочно найти истину и познать ее, — говорит Синаит, — то постараемся иметь единственно сердечное *действие*, вполне безвидное, никак не допуская свободы воображению, не

[1] Слово 2. ‖ [2] *Утром сей семя твое, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет* (Еккл. 11. 6). ‖ [3] О безмолвии в 15 главах, гл. 2 и 3.

дозволяя мечтанию изобразить вид какого-либо святого или свет, потому что обычно прелести, особенно в начале подвига, прельщать ум неискусных такими ложными мечтаниями. Потщимся иметь в сердце действующим одно *действие* молитвы, согревающее и веселящее ум, распаляющее душу к неизреченной любви Божией и человеческой. Тогда от молитвы является значительное смирение и сокрушение, потому что молитва в новоначальных есть приснодвижимое умное *действие* Святого Духа. *Действие* это в начале подобно огню, прозябающему из сердца, в конце же подобно свету благоухающему»[1]. Под именем новоначальных здесь разумеются новоначальные в безмолвии, и вся книга преподобного Григория Синаита назначена для наставления безмолвников. Опять говорит святой Синаит: «Иные, преподавая учение о молитве, предлагают ее творить устами, а другие — одним умом; я предлагаю и то и другое. Иногда ум, унывая, изнемогает творить молитву, а иногда уста, и потому должно молиться обоими: и устами, и умом. Однако должно вопиять безмолвно и несмущенно, чтоб голос не смутил чувства и внимания ума и не воспрепятствовал молитве. Ум, обвыкнув в делании, преуспеет и примет от Духа силу крепко и всеми образами молиться. Тогда он не понуждается творить молитву устами и не возможет, будучи вполне удовлетворяем молитвою умною»[2]. Предлагая по временам молитву устную, святой Григорий соединяет свой способ со способом святого Иоанна Лествичника. В сущности это — один и тот же способ, но святой Григорий говорит о нем в его известной степени преуспеяния. Тщательно занимающийся по способу Лествичника достигнет, в свое время, того молитвенного состояния, о котором говорит Синаит. Молитве, по весьма основательному, практическому мнению Синаита, должно содействовать особенно терпение. «Безмолвствующий должен по большей части сидеть при совершении молитвы, по причине трудности этого подвига, иногда же на короткое время ложиться и на постель, чтоб дать телу некоторое отдохновение. В терпении же должно быть твое сидение во исполнение завещания, что в молитве должно терпеть[3] и не скоро вставать, малодушествуя по причине весьма трудной болезни, умного взывания и постоянного углубления ума в сердце. Так, говорит Пророк: *объяша мя болезни яко раждающия*[4]. Но опустив голову вниз и ум собирая в сердце — если отверзлось тебе твое сердце — призывай в помощь Господа

---

[1] Ведение известное о безмолвии и молитве. О еже како обрести действо. || [2] О безмолвии. О еже како подобает глаголати молитву. || [3] Кол. 4. 2. || [4] Ср.: *...хожу мрачен, ужас объял меня* (Иер. 8. 21).

Иисуса. «Болея плечами и часто подвергаясь головной боли, претерпевай это с постоянством и ревностию, взыскуя в сердце Господа, потому что Царство Небесное есть достояние понуждающих себя, и понуждающие себя *восхищают е*[1]. Господь указал, что истинное тщание заключается в претерпении этих и им подобных болезней. Терпение и пождание во всяком делании есть родитель болезней душевных и телесных»[2]. Под словом *болезни* здесь, по преимуществу, разумеется сокрушение духа, плач духа, болезнование и страдание его от ощущения греховности своей, от ощущения вечной смерти, от ощущения порабощения падшим духам. Страдание духа сообщается сердцу и телу, как неразрывно связанным с духом, и по естественной необходимости принимающим участие в его состояниях. В немощных по телу сокрушение духа и плач его вполне заменяют телесный труд[3]; но от людей сильного телосложения непременно требуется утеснение тела: в них без утеснения тела самое сердце не стяжет блаженной печали, которая рождается в немощных от ощущения и сознания немощи. «Всякое делание, — говорит преподобный Григорий, — телесное и духовное, не имеющее болезни или труда, никогда не приносит плода проходящему его, потому что *Царствие Небесное нудится*, сказал Господь, *и нуждницы восхищают е*»[4]. Под *понуждением* разумей телесное во всем болезненное чувство. Многие в течение многих лет неболезненно делали или делают, но так как они трудятся без болезни и теплого усердия сердца, то и пребывают непричастными чистоты и Святого Духа, отвергши лютость болезней. Совершающие делание в небрежении и слабости, трудятся по-видимому, как они думают, много, но не пожинают плода за безболезненность, будучи всячески безболезненны. Свидетель этому — говорящий: «Если и все виды жительства нашего возвышенны, а болезнующего сердца не имеем, то они не истинны и бесполезны»[5]. Свидетельствует и великий Ефрем, говоря: «Трудясь, трудись болезненно, чтоб тебе устранить от себя болезни суетных трудов. Если, по Пророку[6], чресла наши не истают от слабости, будучи измождены постным подвигом, и страданиями болезни не зачнем, как рождающая младенца, болезненным водружением сердца, то не родим Духа спасения на земле сердечной, как ты слышал, но будем только (достойно сожаления и смеха) хвалиться, мнясь быть *нечто* по причине бесполезной

---

[1] Мф. 11. 12. || [2] О еже како подобает безмолвствующему сидети и творити молитвы. || [3] Святой Исаак Сирский. Слово 89. || [4] *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). || [5] Лествица. Слово 7. || [6] Ис. 21. 3.

пустыни и расслабленного безмолвия. Во время исхода из этой жизни все, несомненно, познаем весь плод»[1]. Учение преподобного Синаита о болезненности, сопровождающей истинное делание умной молитвы безмолвника, может показаться странным, как оно и показалось, для плотского и душевного разума, не знакомого с опытами монашеской жизни. Приглашая таковых обратить внимание на сведения, обретенные опытностию, мы свидетельствуем, что не только делание умной молитвы, но и внимательное чтение глубоких о ней Отеческих писаний производит головные боли. Сердечное сокрушение, по причине открываемой молитвою греховности, плена и смерти, так сильно, что оно производит в теле страдания и болезни, о существовании и о возможности существования которых вовсе не известно не знакомому с молитвенным подвигом. Когда сердце исповедуется Господу в греховности своей, в своем бедственном состоянии, тогда тело распинается. *Пострадах*, говорит опытный в молитвенном подвиге Давид, *и слякохся до конца, весь день сетуя хождах. Яко лядвия моя наполнишася поруганий, и несть исцеления в плоти моей. Озлоблен бых, и смирихся до зела, рыках от воздыхания сердца моего*[2]. — В учении святого Григория о молитве замечается та особенность, что он уставляет ум сосредоточивать в сердце. Это и есть то делание, которое Отцы называют художественным деланием молитвы, которое они воспрещают новоначальным инокам и мирянам, к которому нужно значительное приготовительное обучение, к которому и предуготовленные иноки должны приступать с величайшим благоговением, страхом Божиим и осторожностию. Повелев сосредоточивать ум в сердце, Преподобный присовокупляет: *если отверзлось твое сердце*. Это значит: соединение ума с сердцем есть дар Божественной благодати, подаваемый в свое время, по усмотрению Божию, а не безвременно и не по усмотрению подвизающегося. Дар внимательной молитвы обыкновенно предшествуется особенными скорбями и потрясениями душевными, низводящими дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей[3]. Привлекается дар Божий смирением и верностию Богу, выражаемой ревностным отвержением всех греховных помыслов при самом появлении их. Верность — причина чистоты. Чистоте и смирению вручаются дарования Духа.

---

[1] О безмолвии и о двух образах молитвы, в 15 главах, гл. 14. ‖ [2] *Я согбен и совсем поник, весь день сетуя хожу, ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей. Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего* (Пс. 37. 7–9). ‖ [3] Св. Исаак Сирский. Слово 78.

Художественное делание умной молитвы изложено с особенною ясностию и полнотою блаженным Никифором, иноком, безмолвствовавшим в Святой Афонской Горе. Справедливо называет он молитвенное делание художеством из художеств и наукой из наук, как доставляющее уму и сердцу познания и впечатления, истекающие из Духа Божия, между тем как все прочие науки доставляют познания и впечатления только человеческие. Умное делание есть высшее училище Богословия[1]. «Это великое из величайших деланий, — говорит великий наставник безмолвников, — стяжевают многие или и все от научения. Редкие, будучи не научены, усердным деланием и теплотою веры получают его от Бога, но редкость — не закон. По этой причине нужно искать непрелестного наставника, чтоб назиданием его нам поучаться и наставляться при случающихся в упражнении вниманием десным и шуиим умалениям и превосхождениям, вводимым злохитростию лукавого, потому что наставник обличает нам их, зная их по собственным опытам, которым он подвергался. Он достоверно показывает этот умственный путь, и мы под руководством его удобно совершаем этот путь. Если нет наставника, нам известного, то должно искать его всеусердно. Если же и при таком искании не найдется наставник, то, призвав Бога в сокрушении духа и со слезами, в нестяжании, и помолившись Ему, поступай, как скажу тебе. Знаешь, что дыхание, которым дышим, составляется из воздуха; производим же дыхание сердцем, не иным чем. Оно — орудие жизни и теплоты телесной. Сердце втягивает в себя воздух, чтоб дыханием выпустить вон из себя теплоту свою, а себе доставить прохлаждение. Причина этого механизма или, точнее, служитель — легкое, которое Бог создал редким, почему оно удобно вводит и изводит содержимое им. Таким образом, сердце, привлекая в себя дыханием прохладу и извергая им теплоту, неупустительно соблюдает тот порядок, в котором оно устроено для содержания жизни. И так ты, сев и собрав твой ум, введи в ноздренный путь, которым дыхание входит в сердце, приведи дыхание в (самое тихое) движение и понудь ум сойти с вдыхаемым воздухом в сердце. Когда он взойдет туда, то последующее за этим будет исполнено для тебя веселия и радости. Как некоторый муж, отлучавшийся из своего дома, когда возвратится, не помнит себя от радости, что сподобился увидеться с женою и детьми, так и ум, когда соединится с душою, исполняется неизреченных сладости и веселия. Брат! приучи ум

[1] Преподобный Нил Синайский. О молитве. Добротолюбие. Ч. 4, гл. 61.

твой нескоро выходить оттуда, потому что сначала он очень уныває от внутренних заключения и тесноты. Когда же привыкнет к ним, то не возлюбит скитаться вне, потому что Царство Небесное — внутри нас. Рассматривая его там и взыскуя чистою молитвою, ум признает все внешнее мерзостным и ненавистным. Если сряду же, как сказано, ты взойдешь умом в сердечное место, которое тебе мною показано, то воздай благодарение Богу и прославь, и взыграй, и всегда держись этого делания, а оно научит тебя тому, чего ты не ведаешь. Надо тебе и то знать, что ум твой, находясь там, не должен молчать и оставаться в праздности, но иметь непрестанным деланием и поучением, никогда не преставая от него, молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* Эта молитва, содержа ум невысящимся, соделывает его неприступным и неприкосновенным для прилогов врага, возводит к ежедневному преуспеянию в любви и желании Божественных. Если же, много потрудившись, о брат, не возможешь взойти в страны сердца, как мы повелели тебе, то делай, что скажу, и найдешь искомое при содействии Божием. Знаешь, что словесность каждого человека находится в его персях. Внутри персей, при молчании уст наших, говорим, совещаемся, совершаем молитвы, псалмопение. Этой словесности, отняв у нее всякий помысл — можешь это сделать, если захочешь — предоставь говорить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* И понудься вопиять это внутри персей вместо всякой другой мысли. Когда же некоторое время будешь поступать таким образом, тогда, при посредстве этого, отверзется тебе, без всякого сомнения, и вход в сердце, как мы написали, узнав это из опыта. Придет же к тебе, с многожелательным и сладостным вниманием, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочее: ими оно исполнит все прошения твои о Христе Иисусе, Господе нашем»[1]. Здесь, во-первых, должно обратить внимание на устроение блаженного Отца и на устроение, которое он видел в наставляемом им иноке. Это явствует из статей его Слова, предшествующих изложению художества, из которых видно, по ссылке на житие святого Саввы, что наставление о сердечном безмолвии, для которого и в соответственность которому предоставляется и наружное безмолвие по телу, приличествует тем инокам, которые вполне обучились правилу монашеского жительства, могут бороться с сопротивными помыслами и блюсти свой ум. Наставляемому лицу блаженный Никифор говорит: «Знаешь, что словесность каждого

[1] Добротолюбие. Ч. 2.

человека находится в его персях. Там, при молчании уст, мы говорим, совещаваемся, совершаем молитвы и псалмопение». Явственное ощущение силы словесности в персях так, чтоб там можно было совершать молитвы и псалмопение, имеют очень редкие, значительно преуспевшие, занимавшиеся продолжительное время молением по способу святого Иоанна Лествичника, стяжавшие в значительной степени непарительность и очень внимательною молитвою возбудившие дух, названный здесь словесностию, к обильному сочувствию уму. У человеков, в обыкновенном их состоянии, дух, пораженный падением, спит сном непробудным, тождественным со смертию: он не способен к духовным упражнениям, указанным здесь, и пробуждается для них лишь тогда, когда ум постоянно и усиленно займется возбуждением его при посредстве животворящего имени Иисусова. Способ, предлагаемый блаженным Никифором, превосходен. В изложении его видна для понимающего дело и та постепенность, которой должно восходить к нему, и то, что стяжание его — дар Божий. Так как этот способ объяснен с особенною подробностию в сочинении Ксанфопулов о молитве и безмолвии, то мы и переходим к упомянутому сочинению.

Святой Каллист Ксанфопул был учеником преподобного Григория Синаита, монашествовал в Афонской Горе, обучаясь первоначально монашескому жительству в общежитии; впоследствии он перешел к жизни безмолвной, когда оказался созревшим для нее. Умной молитве научился он, находясь в послушании монастырского повара; он имел и ученость мира сего, что ясно видно из составленной им книги. Уже в преклонных летах святой Каллист возведен в сан патриарха Константинопольского. Святой Игнатий был его ближайшим другом и участником в иноческих подвигах. Оба они достигли великого молитвенного преуспеяния. Книга их исключительно написана для безмолвников. К механизму, изложенному блаженным Никифором, они присовокупляют, что при употреблении его должно иметь *уста закрытыми*. Они говорят, что новоначальный, по отношению к безмолвной жизни, должен заниматься молитвою Иисусовою по способу блаженного Никифора, непрестанно вводя ее в сердце *тихо*, при посредстве ноздренного дыхания, столько же тихо испускаемого, имея при этом уста *закрытыми*[1]. Очень важно знать *значение*, которое придают святые наставники умной молитвы предлагаемому им механизму, кото-

[1] Главы 19 и 45.

рый, как вещественное пособие, никак не должно смешивать с собственным действием молитвы, которому никак не должно придавать особенной важности, как будто от него проистекает все преуспеяние молитвы. В молитвенном преуспеянии действует сила и благодать Божия, они совершают все: пособия остаются пособиями, в которых нуждается наша немощь, и отвергаются, как ненужные и излишние, по стяжании преуспеяния. Возложение упования на эти способы очень опасно: оно низводит к вещественному, неправильному пониманию молитвы, отвлекая от понимания духовного, единого истинного. От ложного понимания молитвы всегда происходит или бесплодное, или душевредное упражнение ею. «И то знай, брат, — говорят Ксанфопулы, — что всякое художество и всякое правило, если же хочешь, и разнообразное делание, предначертаны и правильно установлены по той причине, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться в сердце. Когда же это совершится благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, тогда мы, оставив многое и различное, и разнообразное, соединяемся непосредственно, превыше слова, с Единым, единственным и соединяющимся[1]. — От пребывания в вышеизложенном художестве сердечной, чистой и непарительной молитвы — впрочем, она может быть отчасти нечистою и не чуждою развлечения по причине, очевидно, восстающих на возбранение ей помыслов и воспоминаний преждесодеянного — подвизающийся приходит в навыкновение молиться без понуждения, непарительно, чисто и истинно, то есть приходит в такое состояние, при котором ум пребывает в сердце, а не только вводится в него с понуждением, малодушно, посредством вдыхания и потом опять отскакивает, при котором сам ум постоянно обращается к себе, с любовию пребывает в сердце и непрестанно молится»[2]. Подвиг умной и сердечной молитвы «исправляется умом от осенения его помощию Божественной благодати и от единомысленного[3], сердечного, чистого, непарительного, с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не от одного простого, вышеизложенного естественного художества через ноздренное дыхание или от сидения при упражнении молитвою в безмолвном и темном месте — да не будет! Это изобретено Божественными Отцами не для чего иного, как в некоторое пособие к собранию мысли от обычного парения, к возвращению ее к самой себе и ко вниманию[4]. Прежде всех благодатных даров даруется уму непарение Господом нашим Иисусом Христом и призыванием

[1] Глава 38. ‖ [2] Глава 53. ‖ [3] Техническое монашеское слово. ‖ [4] Глава 24.

в сердце святого Его имени с верою. Вспомоществует же этому несколько и естественное художество, способствующее низводить ум в сердце при посредстве ноздренного дыхания, сидение в безмолвном и несветлом месте и другое тому подобное»[1]. Ксанфопулы строго воспрещают преждевременное стремление к тому, чему, по духовной системе монашеского жительства, назначено свое известное время. Они желают, чтоб инок действовал в установленном для него порядке, по законам, преподанным Божественною благодатию. «И ты, — говорят они, — желая обучиться путеводствующему к небу безмолвию, последуй мудро постановленным законам, и, во-первых, с радостию возлюби послушание, потом безмолвие. Как деяние есть восхождение к видению, так и послушание — к безмолвию. *Не прелагай предел вечных*, по Писанию, *яже положиша отцы твои*[2]; *горе единому*[3]. Таким образом положив благое основание началу, возможешь со временем возложить благославнейший покров на началоздание Духа. Как все отвержено у того, у кого, по сказанному, начало не искусно, так, напротив, у того все благолепно и благочинно, у кого начало искусно, хотя и случается иногда противное этому»[4]. Вообще признано, что до стяжания непарительности, не обманчивой или кратковременной, но постоянной и существенной, полезно упражняться молитвою Иисусовою в иноческом обществе, вспомоществуя упражнению молитвою деятельным исполнением евангельских заповедей, или, что то же, смирением. После же получения дара непарительности дозволяется касаться и безмолвия. Так поступили святые Василий Великий и Григорий Богослов. Они, по поведанию святого Исаака Сирского, сперва занимались исполнением тех заповедей, которые относятся к живущим в обществе человеческом, проходя и молитву, соответствующую этому положению; от этого жительства ум их начал ощущать недвижение или непарительность, тогда они удалились в уединение пустыни, там занялись деланием во внутреннем человеке и достигли умозрения[5]. Совершенное безмолвие в наше время очень неудобно, почти невозможно: Серафим Саровский, Игнатий Никифоровский, Никандр Бабаевский — иноки, весьма преуспевшие в умной молитве, пребывали по временам то в безмолвии, то в обществе иноков, особенно последний никогда не уединялся в приметное для людей безмолвие, будучи по душе великим безмолвником. Способ безмолвия, которым руководствовался преподобный Арсений Великий, был всегда превос-

---

[1] Заглавие 24-й главы. ‖ [2] *Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои* (Притч. 22. 28). ‖ [3] *...горе одному* (Еккл. 4. 10). ‖ [4] Глава 14. ‖ [5] Слово 55.

ходным, ныне должен быть признан наилучшим. Этот Отец постоянно наблюдал молчание, по братским келлиям не ходил, в свою келлию принимал лишь в случаях крайней необходимости, в церкви стоял где-либо за столпом, не писал и не принимал писем, вообще удалялся от всех сношений, могущих нарушить его внимание, имел целию жизни и всех действий сохранение внимания[1]. Образ жительства и безмолвия, которым преподобный Арсений достиг великого преуспеяния, очень похваляется и предлагается к подражанию святым Исааком Сирским, как образ весьма удобный, мудрый и многоплодный[2]. — В заключение извлечений наших из творений Ксанфопулов приведем их опытное мнение, согласное с мнением прочих святых Отцов, что для достижения непарительной сердечной молитвы нужно и много времени, и много усилий. «То, чтоб постоянно внутри сердца молиться, — говорят они, — также как и высшие этого состояния, приводится в исполнение не просто, не как бы случилось, не при посредстве малого труда и времени, хотя и это изредка встречается по непостижимому смотрению Божию, но требует оно и долгого времени, и немалого труда, подвига душевного и телесного, многого и продолжительного понуждения. По превосходству дара и благодати, которых надеемся причаститься, должны быть, по силе, равны и соответственны подвиги, чтоб, по таинственному священному учению, изгнан был из пажитей сердца враг и вселился в него явственно Христос. Говорит святой Исаак: "Желающий увидеть Господа тщится художественно очистить свое сердце памятию Божиею и таким образом светлостию мысли своей будет ежечасно видеть Господа". И святой Варсонофий: "Если не внутреннее делание Божиею благодатию поможет человеку, то тщетно трудится он по внешности. Внутреннее делание, в соединении с болезнию сердца, приносит чистоту, а чистота — истинное безмолвие сердца; таким безмолвием доставляется смирение, а смирение соделывает человека жилищем Божиим. Когда же вселится Бог, тогда бесы и страсти изгоняются, и соделывается человек храмом Божиим, исполненным освящения, исполненным просвещения, чистоты и благодати. Блажен тот, кто зрит Господа во внутреннейшей сокровищнице сердца, как в зеркале, и с плачем изливает моление свое пред благостию Его". Преподобный Иоанн Карпафийский: "Нужно много времени и подвига в молитвах, чтоб найти в нестужаемом устроении ума некоторое иное сердечное небо, где живет Христос, как говорит Апостол: *Или*

[1] Патерик Алфавитный и «Достопамятные сказания» об Арсении Великом. ‖ [2] Слово 41.

не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? разве точию чим неискусни есте"»[1].

Этими извлечениями из святых Отцов, как удовлетворительно объясняющими делание молитвы Иисусовой, мы довольствуемся. В прочих Отеческих писаниях изложено то же самое учение. Признаем нужным повторить возлюбленным отцам и братиям нашим предостережение, чтоб они не устремлялись к чтению Отеческих писаний о возвышенных деланиях и состояниях иноческих, хотя к этому чтению влечет любознательность, хотя это чтение производит наслаждение, восторг. Наша свобода, по свойству времени, должна быть особенно ограничена. Когда имелись благодатные наставники, тогда увлечения новоначальных удобно замечались и врачевались. Но ныне некому ни уврачевать, ни заметить увлечения. Часто пагубное увлечение признается неопытными наставниками великим преуспеянием, увлеченный поощряется к большему увлечению. Увлечение, подействовав на инока и не будучи замечено, продолжает действовать, уклонять его более и более от направления истинного. Можно безошибочно сказать: большинство находится в разнообразном увлечении, отвергших свое увлечение и увлечения очень мало, неувлекавшихся не существует. По этой причине, когда Отеческие книги остались нам в единственное средство руководства, должно с особенною осторожностию и разборчивостию читать их, чтоб единственное средство к руководству не обратить в средство к неправильной деятельности и проистекающему из нее расстройству. «Будем искать, — говорит святой Иоанн Лествичник о выборе наставника, — не предведущих, не прозорливых, но паче всего точно смиренномудрых, наиболее соответствующих объемлющему нас недугу, по нравственности своей и месту жительства»[2]. То же должно сказать и о книгах, как уже и сказано выше: должно избирать из них никак не возвышеннейшие, но наиболее близкие к нашему состоянию, излагающие делание, нам свойственное. «Великое зло, — сказал святой Исаак Сирский, — преподавать какое-либо высокое учение тому, кто еще находится в чине новоначальных и по духовному возрасту — младенец»[3]. Плотский и душевный человек, слыша духовное слово, понимает его соответственно своему состоянию, извращает, искажает его, и, последуя ему в его извращенном смысле, стяжавает ложное направление, держится этого направления с упорством, как направления, данного святым словом. Некоторый ста-

[1] *Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас* (2 Кор. 13. 5). Глава 52. ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 121. ‖ [3] Слово 74.

рец достиг христианского совершенства по особенному смотрению Божию, вступив вопреки правилам в безмолвие с юности своей. Сперва он безмолвствовал в России в лесу, живя в землянке, а потом в Афонской Горе; по возвращении в Россию он поместился в общежительный заштатный монастырь. Многие из братий, видя в старце несомненные признаки святости, обращались к нему за советом. Старец давал наставления из своего устроения и повреждал души братий. Некоторый, хорошо знакомый старцу, монах говорил ему: «Отец! ты говоришь братии о деланиях и состояниях, недоступных для их понятия и устроения, а они, объясняя твои слова по своему и действуя согласно этому объяснению, наносят себе вред». Старец отвечал с святою простотою: «Сам вижу! да что ж мне делать? я считаю всех высшими меня, и, когда спросят, отвечаю из своего состояния». Старцу был неизвестен общий монашеский путь. Не только пагубен для нас грех, но пагубно и самое добро, когда делаем его не вовремя и не в должной мере; так пагубны не только голод, но и излишество в пище и качество пищи, не соответствующее возрасту и сложению. *Не вливают вина нова в мехи ветхи: аще ли же ни, то просадятся меси, и вино пролиется, и меси погибнут; но вливают вино ново в мехи новы, и обое соблюдется*[1]. Это сказал Господь о деланиях добродетели, которые непременно должны соответствовать состоянию делателя, иначе они погубят делателя и сами погибнут, то есть предприняты будут бесплодно, во вред и погибель души, противоположно своему назначению.

Кроме вышеизложенных пособий, для вспомоществования новоначальным в упражнении молитвою Иисусовою имеются разные другие пособия. Исчисляем главные из них. 1) Четки или лестовка. Четки состоят обыкновенно из ста зерен, а лестовка из ста ступеней, так как правило, совершаемое с молитвою Иисусовою, обыкновенно исчисляется сотней молитв. По четкам считаются поклоны, также и сидя иноки упражняются молитвою Иисусовою первоначально по четкам. Когда же при молитве усилится внимание, тогда прекращается возможность молиться по четкам и исчислять произносимые молитвы: все внимание обращается к молитве. 2) Очень полезно обучаться молитве Иисусовой, совершая ее с поклонами земными и поясными, полагая эти поклоны неспешно и с чувством покаяния, как полагал их блаженный юноша Георгий, о котором

[1] *Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то и другое* (Мф. 9. 17).

повествует святой Симеон Новый Богослов в Слове о вере[1]. 3) В церкви и вообще при упражнении молитвою Иисусовою полезно иметь глаза закрытыми и 4) держать левую руку у персей, над левым сосцем груди, несколько повыше его: последний механизм способствует к ощущению силы словесности, находящейся в персях. 5) Безмолвствующим Отцы советуют иметь несколько темную келлию, с завешенными окошками, для охранения ума от развлечения и для воспомоществования ему сосредоточиваться в сердце. 6) Безмолвствующим советуют сидеть на низком стуле, во-первых, потому, что внимательная молитва требует спокойного положения, а во-вторых, по образу слепого нищего, упоминаемого в Евангелии, который, сидя при пути, вопиял ко Господу: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя*[2], — был услышан и помилован. Также этот низменный стул изображает собою гноище, на котором был повержен Иов, вне града, когда диавол поразил его с ног до головы лютою болезнию[3]. Инок должен видеть себя изувеченным, искаженным, истерзанным греховностию, извергнутым ею из естественного состояния, повергнутым в противоестественное, и из этого бедственного состояния вопиять ко всемилостивому и всемогущему Иисусу, Обновителю человеческого естества: *помилуй мя*. Низкий стул очень удобен для упражнения молитвою Иисусовою. Этим не отвергается стояние при ней; но так как почти все время истинного безмолвника посвящено молитве, то и предоставляется ему заниматься ею и сидя, а иногда и лежа. Особенно больные и престарелые должны остерегаться излишнего телесного подвига, чтоб он не истощал сил их и не отнимал возможности заниматься подвигом душевным. Сущность делания в Господе и в имени Его. Расслабленный был свешен на одре своем пред Господом сквозь покров дома и получил исцеление[4]. Исцеление привлекается смирением и верою. — 7) Подвижники умного делания иногда имеют нужду помогать себе обливанием холодною водою или прикладыванием к местам прилива крови намоченных водою полотенец. Вода должна быть летняя — никак не самая холодная, потому что последняя усиливает разгорячение. Вообще умственные занятия имеют свойство производить жар в известных сложениях. Такой жар чувствовал в себе преподобный авва Дорофей, когда занимался науками, почему и прохлаждал себя водою[5]. Такой жар непременно должны ощутить те, которые будут очень понуждать себя к соединению ума с сердцем при помощи вещественных пособий,

---

[1] Добротолюбие. Ч.1. || [2] *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня* (Мк. 10. 47). || [3] Иов. 2. 8. || [4] Мк. 2. 4. || [5] Преподобный авва Дорофей. Поучение 10. О еже ити в путь Божий.

придавая им излишнее значение и не придавая должного значения духовным пособиям. При особенном вещественном усилии к сердечной молитве начинает действовать в сердце теплота. Эта теплота есть прямое следствие такого подвига[1]: всякий член человеческого тела, подвергаемый трению, разгорячается; то же делается и с сердцем от постоянного, продолжительного напряжения его. Теплота, являющаяся от усиленного, вещественного подвига, также вещественна. Это — теплота плотская, кровяная, в области падшего естества[2]. Неопытный подвижник, ощутив эту теплоту, непременно возомнит о ней нечто, найдет в ней приятность, услаждение, в чем начало самообольщения[3]. Не только не должно думать чего-либо особенного об этой теплоте, но, напротив того, должно принять особенные меры предосторожности при появлении ее. Предосторожность необходима по той причине, что эта теплота, как кровяная, не только переходит по разным местам груди, но и очень легко может упасть на нижние части чрева, произвести в них сильнейшее разжжение. Естественно, что при этом начинает действовать плотское вожделение, свойственное этим частям в состоянии разгорячения. Некоторые, придя в это состояние и не понимая совершающегося с ними, вдались в смущение, в уныние, в отчаяние, как это известно из опыта. Признавая свое состояние бедственным, они прибегли к знаменитым старцам, ища в их советах врачевания душам своим, растерзанным горестию и недоумением. Старцы, услышав, что при призывании имени Иисуса явилось сильнейшее разжжение, соединенное с действием вожделения, ужаснулись козням диавола. Они признали тут страшную прелесть, страждущим воспретили упражнение молитвою Иисусовою, как причиною зла, многим другим подвижникам поведали это обстоятельство, как замечательное бедственное последствие упражнения молитвою Иисусовою. И многие поверили произнесенному суду по уважению к громкому имени старцев, поверили суду, как выведенному из самого опыта. Между тем эта страшная прелесть есть не что иное, как прилив крови, происшедший от усиленного, невежественного употребления вещественных пособий. Этот прилив легко может увночеваться в два-три дня прикладыванием к воспалившимся частям полотна, напитанного летнею водою. Гораздо опаснее, гораздо ближе к прелести, когда подвижник, ощутив кровяную теплоту в сердце или груди, сочтет ее за благодатную, возмнит о ней, а потому и о себе *нечто*, начнет сочинять себе наслаждение, омрачать, обманывать, опутывать, губить

[1] Святейший Каллист, патриарх Константинопольский. Образ внимания молитве. Добротолюбие. Ч. 4. || [2] Там же. || [3] Там же.

себя самомнением. Чем более понуждения и напряжения в подвижнике по телу, тем кровяная теплота разгорается сильнее. Оно так и быть должно! Чтоб умерить эту теплоту, чтоб предупредить падение ее вниз, должно не нажимать ума с особенным усилием в сердце, должно не утруждать сердца, не производить в нем жару чрезмерным удерживанием дыхания и напряжением сердца; напротив того, должно и дыхание приудерживать тихо, и ум приводить к соединению с сердцем очень тихо; должно стараться, чтоб молитва действовала в самой вершине сердца, где пребывает словесная сила, по учению Отцов, и где, по этой причине, должно быть отправляемо Богослужение. Когда Божественная благодать осенит молитвенный подвиг и начнет соединять ум с сердцем, тогда вещественная кровяная теплота совершенно исчезнет. Молитвенное священнодействие тогда вполне изменяется: оно делается как бы природным, совершенно свободным и легким. Тогда является в сердце другая теплота, тонкая, невещественная, духовная, не производящая никакого разжжения — напротив того, прохлаждающая, просвещающая, орошающая, действующая как целительное, духовное, умащающее помазание, влекущая к неизреченному люблению Бога и человеков, — так поведает об этой теплоте преподобный Максим Капсокаливи из своего блаженного опыта[1]. Предлагаю отцам и братиям убогий совет, умоляя их не отвергнуть убогого совета моего: не понуждайте себя преждевременно к открытию в себе сердечного молитвенного действия. Нужна, нужна благоразумная осторожность, особенно в наше время, когда уже почти невозможно встретить удовлетворительного наставника для этих предметов, когда подвижник должен пробираться сам, ощупью, при руководстве писаниями святых Отцов, в сокровищницу знаний духовных, и также ощупью, сам, выбирать из них свойственное себе. При жительстве по евангельским заповедям, займитесь внимательной Иисусовою молитвою по способу святого Иоанна Лествичника, соединяя молитву с плачем, имея началом и целию молитвы покаяние. В свое время, известное Богу, откроется само собою действие сердечной молитвы. Такое действие, открываемое прикосновением перста Божия, превосходнее достигаемого усиленным принуждением себя при посредстве вещественных пособий. Превосходнее оно во многих отношениях: оно гораздо обширнее, обильнее, оно вполне безопасно от прелести и других повреждений; получивший таким образом, видит в получении единственно милость Божию, дар Божий; а достигший при усиленном употре-

[1] Добротолюбие. Ч. 1.

блении вещественных пособий, видя дар Божий, не может не видеть своего подвига, не может не видеть самого механического способа, им употребленного, не может не приписывать ему особенной важности. Это на тонком мысленном пути — значительный недостаток, значительное претыкание, значительное препятствие к развитию духовного преуспеяния. Для развития духовного преуспеяния нет ни конца, ни пределов. Ничтожное, незаметное упование на что-либо вне Бога может остановить ход преуспеяния, в котором и вождь, и ноги, и крылья — вера в Бога. «Христос для верующего — все», — сказал святой Марк[1]. Из употреблявших с особенным тщанием вещественные вспомогательные средства достигли преуспеяния весьма редкие, а расстроились и повредились весьма многие. При опытном наставнике употребление вещественных пособий мало опасно, но при руководстве книгами оно очень опасно по удобности впадения, по неведению и неблагоразумию, в прелесть и другие роды душевного и телесного расстройства. Так некоторые, увидев вредные последствия безрассудного подвига и имея о молитве Иисусовой и сопутствующих ей обстоятельствах лишь поверхностное и сбивчивое понятие, приписали эти последствия не неведению и безрассудству, но самой всесвятой молитве Иисусовой. Может ли что быть печальнее, бедственнее этой хулы, этой прелести?

Святые Отцы, научая сердечной молитве, не дали точного наставления, в которой части сердца она должна быть совершаема, — вероятно, по той причине, что в те времена не встречалось нужды в этом наставлении. Святой Никифор говорит, как об известном предмете, что словесность находится в персях и что когда возбудится словесность к участию в молитве, то вслед за ней возбудится к такому участию и сердце. Трудно знающим что-либо со всею подробностию и основательностию предвидеть и предупредить решением все вопросы, которые могут возникнуть из совершенного неведения: в чем неведение видит темноту, в том для знания нет ничего неясного. В последующие времена неопределенное указание в писаниях Отеческих на сердце послужило причиною важного недоумения и ошибочного упражнения молитвою в тех, которые, не имея наставника, не исследовав с должною тщательностию Отеческих писаний, на основании наскоро схваченных чтением поверхностных понятий, решились заняться художественною сердечною молитвою, возложив все упование на вещественные пособия к ней. Определенное объяснение этого предмета сделалось,

[1] О Законе духовном. Добротолюбие. Ч. 1, гл. 4.

таким образом, необходимостию. Сердце человеческое имеет вид продолговатого мешка, к верху расширяющегося, к низу суживающегося. Оно, верхнею оконечностию, находящеюся напротив левого сосца груди, прикреплено, а нижняя его часть, нисходящая к оконечности ребр, свободна; когда она придет в колебание, это колебание называется биением сердца. Многие, не имея никакого понятия об устройстве сердца, признают свое сердце там, где чувствуют биение его. Приступая самочинно к упражнению сердечною молитвою, они устремляют дыхание, вводя его в сердце, к этой части сердца, приводят ее в плотское разгорячение, причем биение сердца очень усиливается, призывают к себе и навязывают себе неправильное состояние и прелесть. Схимонах Василий и старец Паисий Величковский повествуют, что из современников их многие повредились, злоупотребляя вещественным пособием[1]. И впоследствии примеры расстройства от такого действия встречались нередко; встречаются они и поныне, хотя расположение к упражнению молитвою Иисусовою умалилось до крайности. Нельзя им не встречаться: они должны быть непременным последствием неведения, самочиния, самомнения, безвременного и гордостного усердия, наконец — совершенного оскудения опытных наставников. Схимонах Василий, ссылаясь на святого Феофилакта и других Отцов, утверждает, что три силы души, словесная, сила ревности и сила желания, расположены так: в персях и в верхней части сердца присутствует словесная сила, или дух человека, в средней — сила ревности, в нижней — сила желания, или естественное вожделение. Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца, приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых частей и по свойству своему, приводит в движение эти части. Невежественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжжение плотского вожделения. Какое странное явление! по-видимому подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием, и неведение, злоупотребившее вещественным пособием, приписывает Иисусовой молитве то, что должно приписать злоупотреблению. Сердечная молитва происходит от соединения ума с духом разъединенных падением, соединяемых благодатию искупления. В духе человеческом сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств; нужно, чтоб при молитве

---

[1] Предисловие на главизны блаженного Филофея Синайского. Письмо старца Паисия к старцу Феодосию. С. 231. Издание Оптиной Пустыни, 1847 г.

действие этих свойств соединялось с действием ума. На это должно быть обращено все внимание делателя молитвы. Соединение совершается перстом Божиим, единым могущим исцелить язву падения; делатель же молитвы доказывает искренность произволения своего получить исцеление постоянным пребыванием в молитве, заключением ума в слова молитвы, деятельностию внешнею и внутреннею по заповедям Евангелия, делающей дух способным к соединению с молящимся умом. При этом несколько способствует художественное направление ума к словесности и к верхней части сердца. Вообще, излишнее напряжение, при употреблении этого вещественного пособия, как возбуждающее вещественную теплоту, вредно: теплота плоти и крови не должна иметь места в молитве.

По душеспасительнейшему действию на нас молитвы вообще и памяти Божией, или молитвы Иисусовой, в особенности, как средства к пребыванию в непрестанном соединении с Богом и к постоянному отражению нападений врага, занятие молитвою Иисусовою особенно ненавистно диаволу. Упражняющиеся молением именем Господа Иисуса подвергаются особенным гонениям диавола. «Весь подвиг и все тщание нашего супостата, — говорит преподобный Макарий Великий, — заключается в том, чтоб мысль нашу отвратить от памятования Бога и от любви к Нему; для этого он употребляет прелести мира и отвлекает от истинного блага к мнимым, несущественным благам»[1]. По этой причине посвятивший себя в истинное служение Богу, непрестанною молитвою Иисусовою, должен особенно хранить себя от рассеянности мыслей, никак не дозволять себе празднословия мысленного, но, оставляя без внимания являющиеся мысли и мечтания, постоянно возвращаться к молению именем Иисуса, как бы в пристанище, веруя, что Иисус неусыпно печется о том рабе Своем, который находится непрестанно при Нем неусыпным памятованием о Нем. «Лукавые бесы, — говорит преподобный Нил Синайский, — *ночью* стараются возмущать духовного делателя через самих себя, а *днем* — через человеков, окружая его клеветами, напастями и злоключениями»[2]. Этот порядок в бесовской брани скоро усмотрится на опыте всяким делателем молитвы. Бесы искушают помыслами, мысленными мечтаниями, воспоминанием о нужнейших предметах, размышлениями по-видимому духовными, возбуждением заботливости, различных опасений и другими проявлениями неверия[3]. При всех

[1] Слово 1, гл. 3. Слово 2, гл. 15. || [2] О молитве, гл. 139. Добротолюбие. Ч. 4. || [3] Там же, гл. 9, 10 и проч.

многообразных бесовских бранях, ощущение смущения служит всегда верным признаком приближения падших духов, хотя бы производимое ими действие имело вид праведности[1]. Подвижникам, уединенно и усиленно молящимся, бесы являются в виде страшилищ, в виде соблазнительных предметов, иногда в виде светлых Ангелов, мучеников, преподобных и Самого Христа; угроз бесовских бояться не должно, а ко всем вообще явлениям нужно быть весьма недоверчивым. В таких случаях, которые однако же бывают нечасты, первейшая обязанность наша — прибегнуть к Богу, предаваясь всецело Его воле и прося Его помощи; на явления не обращать внимания и не входить в сношение и собеседование с ними, признавая себя немощными для сношения с духами враждебными, недостойными сношения с духами святыми.

Особенным скорбям и гонениям подвергается истинный, богоугодный подвижник молитвы от братии своей, человеков. И в этом, как мы сказали уже, главные деятели — демоны: они употребляют в свое орудие как тех человеков, которые деятельность свою слили воедино с деятельностию бесовскою, так и тех, которые не понимают браней бесовских и потому удобно делаются орудиями бесов, — даже и тех, которые, понимая лукавство врага, недостаточно внимательны к себе и осторожны, и потому допускают себя быть обманутыми. Разительнейший и ужаснейший пример того, какою страшною ненавистию к Богу, к Слову Божию, к Духу Божию, могут заразиться человеки, слившие настроение своего духа с настроением демонов, видим в иудейских первосвященниках, старцах, книжниках и фарисеях, совершивших величайшее преступление между преступлениями человеческими — богоубийство. Святой Симеон Новый Богослов говорит, что по внушению бесов иноки, проводящие лицемерную жизнь, завидуют истинным подвижникам благочестия, употребляют все меры расстроить их или изгнать из обители[2]. Даже благонамеренные иноки, но проводящие жительство наружное и не имеющие понятия о жительстве духовном, соблазняются на духовных делателей, находят их поведение странным, осуждают и злословят их, делают им различные оскорбления и притеснения. Великий делатель молитвы Иисусовой, блаженный старец Серафим Саровский, много претерпел неприятностей от невежества и плотского воззрения на монашество своих собратий, потому что те, которые читают Закон Божий телесно, полагают исполнять его одними внешними делами, без

[1] Там же, гл. 91, 100. Ксанфопулов гл. 73. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] Гл. 13. Добротолюбие. Ч. 1.

мысленного подвига, *не разумеюще ни яже глаголют, ни о нихже утверждают*[1]. «Проходя путь внутренней, умозрительной жизни, — наставляет и утешает Серафим, черпая наставление и утешение из своей духовной опытности, — не должно ослабевать, не должно оставлять его потому, что люди, прилепившиеся к внешности и чувственности, поражают нас противностию своих мнений в самое сердечное чувство и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на нем различные препятствия. Никакими противностями в прохождении этого пути колебаться не должно, утверждаясь в этом случае на слове Божием: *Страха же их не убойтеся, ниже возмятитеся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх*»[2]. Когда преподобный Григорий Синаит — его в XIV веке Промысл Божий употребил в орудие восстановления между иноками забытого ими умного делания — прибыл в Афонскую Гору и начал сообщать Богодарованное ему знание благочестивым, ревностным и разумным подвижникам, но понимавшим Богослужение лишь телесно, то они сначала очень воспротивились ему — такой странностию представляется учение о духовном подвиге для не имеющих понятия ни о нем, ни о существовании его, для давших телесному подвигу значение, ему не принадлежащее. Еще большею странностию представляется умное делание для плотского и душевного разума, особенно когда он заражен самомнением и ядом ереси. Тогда ненависть духа человеческого, вступившего в общение с сатаною, к Духу Божию выражается с чудовищным неистовством. Чтоб объяснить это и вообще чтоб представить с очевидностию, как превратно плотской и душевный разум понимает все духовное, искажает его соответственно мраку падения, в котором находится, несмотря на свою земную ученость, изложим здесь вкратце клеветы и злоречие на умное делание латинского монаха Варлаама и некоторых западных писателей. Преосвященный Иннокентий в своей Церковной истории повествует, что Варлаам, Калабрийский монах, в XV веке прибыл в Солунь, город восточной греческой империи. Здесь, чтоб действовать в пользу Западной Церкви под покровом Православия, он отвергся латинства. Написав несколько сочинений в доказательство правоты Восточной Церкви, заслужил этим похвалу и доверие Императора

[1] *...не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают* (1 Тим. 1. 7). Преподобный Марк Подвижник. Слово о Законе духовном, гл. 34. || [2] Ср.: *...не бойтесь того, чего он боится, и не страшитесь. Господа Саваофа — Его чтите свято, и Он — страх ваш, и Он — трепет ваш* (Ис. 8. 12–13). Наставление 29.

Кантакузена; зная же, что греческое монашество служит главным подкреплением Церкви, он хотел ослабить его, даже сокрушить, чтоб поколебать всю Церковь. С этою целию он выказал желание проводить самую строгую иноческую жизнь и лукаво склонил одного Афонского пустынника открыть ему художественное упражнение Иисусовою молитвою. Получив желаемое, поверхностно, бессмысленно поняв открытое, Варлаам принял за единственную сущность дела вещественное пособие, которое Отцы, как мы видели, называют лишь некоторым пособием, а духовные видения — за видения вещественные, зримые одними телесными очами. Он донес об этом императору, как о важном заблуждении. Созван был Собор в Константинополе. Святой Григорий Палама, Афонский инок и великий делатель умной молитвы, вступил в прение с Варлаамом, силою благодати Божией победил его. Варлаам и хулы его преданы анафеме. Он возвратился в Калабрию и в латинство, оставил во многих греках, поверхностных христианах, доверие к своему учению, принес его на Запад, где хулы и нелепые клеветы его приняты как исповедание истины[1]. Историк Флери, описывая действия Варлаама, подобно ему сосредоточивает все делание умной молитвы в вещественном пособии, искажая его. Флери делает выписку о механизме из Слова святого Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, находящегося в Добротолюбии, утверждает, будто бы Симеон научает, сев в углу келлии, *обратить глаза и всю мысль к средине чрева, то есть к пупу, удерживать дыхание, даже носом*, и так далее. Трудно б было поверить, что умный и ученый Флери написал такую нелепость, если бы она не читалась на страницах его истории[2]. Бержье, другой весьма умный и ученый писатель, говорит, что греческие иноки-созерцатели, от усилия к созерцанию, помешались в рассудке и впали в фанатизм (прелесть). Чтоб придти в состояние восторга, они упирали глаза в пуп, удерживая дыхание; тогда им представлялось, что они видят блестящий свет, и так далее[3]. Искажая образ моления умных делателей Восточной Церкви и кощунствуя над ним, латиняне не останавливаются кощунством и над благодатными состояниями, производимыми молитвою, не останавливаются хулить действие Святого Духа. Предоставим суду Божию клеветы и хулу еретиков; с чувством плача, а не осуждения отвратим внимание от произносимых ими нелепостей, послушаем, что говорит о видении света Христова наш блаженный делатель молитвы Иисусовой, Серафим Саров-

[1] Часть 2. Раскол Варлаамов. || [2] Т. 6, книга 95, гл. 9. || [3] Dictionnaire Theologique par Bergier. Tome 4. Hesichistes.

ский: «Чтоб приять и узреть *в сердце* свет Христов, надобно сколько возможно отвлечь себя от видимых предметов; предочистив душу покаянием, добрыми делами и верою в Распявшегося за нас, закрыть телесные очи, погрузить ум внутрь сердца, где вопиять призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа; тогда по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному находит человек в призываемом им имени услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения. Когда чрез такое упражнение укоснит ум в сердце, тогда воссияет свет Христов, освящая храмину души своим Божественным сиянием, как говорит пророк Малахия: *и возсияет вам боящимся имене Моего солнце правды*[1]. Этот свет есть вместе и жизнь по евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком*»[2]. Из этого видно, в противность пониманию Калабрийского Варлаама и латинян, что свет этот не вещественный, а духовный, что он отверзает душевные очи, созерцается ими, хотя вместе и действует на телесные глаза, как то случилось со святым апостолом Павлом[3]. Преподобный Макарий Великий, подробно и с особенною ясностию излагая учение об этом свете в 7-м Слове, говорит, что «он есть существенное осияние в душе силы Святого Духа, через него открывается всякое знание и истинно познавается Бог душою достойною и любимою»[4]. Согласно с Великим свидетельствуют и все святые Отцы Восточной Церкви, опытно познавшие христианское совершенство и изобразившие его в своих писаниях, свойственным этому неизобразимому таинству изображением в стране вещества. Очень полезно знать, что плодом чистой непарительной молитвы бывает обновление естества, что обновленное естество снабжается и украшается дарами Божественной благодати, но стремление к преждевременному стяжанию этих даров, стремление, которым, по побуждению самомнения, предупреждается благоволение о нас Бога, крайне вредно и ведет лишь к прелести. По этой причине все Отцы очень кратко говорят о дарах благодати, говорят очень подробно о стяжании чистой молитвы, последствие которой — благодатные дары. Подвиг молитвы нуждается в тщательном обучении, а благодатные дары являются сами собою, как свойства естества обновленного, когда это естество, по очищении покаянием, будет освящено осенением Духа.

Старец Паисий Величковский, живший в конце XVIII столетия, написал свиток о умной молитве в опровержение хулений,

---

[1] *А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет солнце правды* (Мал. 4. 2). ‖ [2] *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков* (Ин. 1. 4). Наставление 12. ‖ [3] Деян. 9. ‖ [4] Слово 12, гл. 43.

произнесенных против нее некоторым *суетноумным* философом монахом, пребывавшим в Мошенских горах, современником Паисия[1]. «Во дни наши, — говорит Паисий в письме к старцу Феодосию, — некоторый инок, философ *суеумный*, увидев, что некоторым ревнителям этой молитвы, хотя и не по разуму, воспоследствовала некоторая прелесть по причине их самочиния и невежественного руководства наставниками, неискусными в этой молитве, не возложил вины на самочиние и неискусное наставление, но вооружился хулою на эту святую молитву, вооружился, возбуждаемый диаволом, настолько, что далеко превзошел и древних, трижды проклятых еретиков, Варлаама и Акиндина, хуливших эту молитву. Не боясь Бога, не стыдясь человеков, он воздвиг страшные и срамные хуления на эту святую молитву, на ее ревнителей и делателей, хуления, невыносимые для целомудренного слуха человеческого. Сверх того, он воздвиг такое величайшее гонение на ревнителей этой молитвы, что некоторые из них, оставив все, перебежали в нашу страну и проводят в ней богоугодно пустынное житие. Другие же, будучи слабоумны, дошли до такого безумия от растленных слов философа, что и имевшиеся у них Отеческие книги потопили, как мы слышали, в реке, привязав их к кирпичу. Так возмогли его хуления, что некоторые старцы воспретили чтение Отеческих книг при угрозе лишить благословения за чтение. Философ, не довольствуясь устным хулением, вознамерился изложить эти хуления письменно; тогда, пораженный наказанием Божиим, он ослеп, чем и было пресечено его богоборное предприятие». Вообще, плотской и душевный разум, как бы ни был богат премудростию мира, смотрит очень дико и недоброжелательно на умную молитву. Она — средство единения духа человеческого с Духом Божиим и потому особенно странна и ненавистна для тех, которые благоволят пребыванию своего духа в сонме духов падших, отверженных, враждебных Богу, не сознающих своего падения, провозглашающих и превозносящих состояние падения как состояние высшего преуспеяния. *Слово крестное*, возвещаемое устами Апостолов всем человекам, *погибающим юродство есть*; оно пребывает юродством, когда возвещается умом сердцу и всему существу ветхого человека молитвою; но для спасаемых оно *сила Божия есть*[2]. Еллины, не познавшие христианства, и *еллины*, возвратившиеся от христианства к еллинству, *ищут*, сообразной настроению своему, *премудрости* в умной молитве, и находят *безумие*; но истин-

[1] Житие и писания Паисия. ‖ [2] *Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия* (1 Кор. 1. 18).

ные христиане, немощным и малозначащим по наружности подвигом умной молитвы, обретают *Христа, Божию силу и Божию премудрость. Зане буее Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть*[1]. Немудрено, что и наши ученые, не имея понятия об умной молитве по Преданию Православной Церкви, а прочитав о ней только в сочинениях западных писателей, повторили хуления и нелепости этих писателей[2]. — Духовный друг старца Паисия Величковского упоминает и о других, современных ему, иноках, которые отвергали упражнение Иисусовою молитвою по трем причинам: во-первых, признавая это упражнение свойственным для одних святых и бесстрастных мужей; во-вторых, по причине совершенного оскудения наставников этому деланию; в-третьих, по причине последующей иногда умному подвигу прелести. Неосновательность этих доводов рассмотрена нами в своем месте[3]. Здесь достаточно сказать, что отвергающие, по этим причинам, упражнение умною молитвою занимаются исключительно молитвою устною, не достигая и в ней должного преуспеяния. Они, отвергая опытное познание умной молитвы, не могут стяжать и в устной молитве должного внимания, доставляемого преимущественно умною молитвою. Псалмопение, совершаемое гласно и устно, без внимания, при значительном развлечении, неотступном от телесных делателей, небрегущих о уме, действует на душу очень слабо, поверхностно, доставляет плоды, сообразные действию. Весьма часто, когда оно совершается неупустительно и в большем количестве, порождает самомнение с его последствиями. «Многие, — говорит схимонах Василий, — не зная опытно умного делания, погрешительно судят, что умное делание приличествует одним бесстрастным и святым мужам. По этой причине, держась, по внешнему обычаю, одного псалмопения, тропарей и канонов, препочивают в этом одном своем внешнем молении. Они не понимают того, что такое песненное моление предано нам Отцами на время, по немощи и младенчеству ума нашего, чтоб мы, обучаясь мало-помалу, восходили на степень умного делания, а не до кончины нашей пребывали в псалмопении. Что младенчественнее этого, когда мы, прочитав устами наше внешнее моление, увлекаемся радостным

[1] *Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев — соблазн, а для Еллинов — безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, — Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков* (1 Кор. 1. 22–26). ‖ [2] Энциклопедический словарь Старчевского. Исихасты. Смотри это же слово в Богословском лексиконе Бержье. ‖ [3] Аскетические опыты. Ч. 1. О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником.

мнением, думая о себе, что делаем нечто великое, потешая себя одним количеством и этим питая внутреннего фарисея!»[1]

Да отступит от неправды всяк, именуяй имя Господне[2], завещает Апостол. Это завещание, относясь ко всем христианам, в особенности относится к вознамерившимся упражняться непрестанным молением именем Господа Иисуса. Пречистое имя Иисуса не терпит пребывать посреди нечистоты, оно требует, чтоб из сосуда душевного было извергнуто и извергаемо все нечистое; входя в сосуд по степени чистоты его, оно само начинает действовать в нем и совершать дальнейшее очищение, для которого собственные усилия человека недостаточны и которое требуется для того, чтоб сосуд соделался достойным вместилищем духовного сокровища, всесвятой святыни. Устранимся от пресыщения и даже насыщения, положим себе в правило умеренное, постоянное воздержание в пище и питии, откажем себе в наслаждении вкусными яствами и питиями, будем упокаивать себя сном удовлетворительно, но не чрезмерно; откажемся от празднословия, смеха, шуток, кощунства, прекратим ненужные выходы из келлии к братиям и прием братий в келлию, под предлогом любви, именем которой прикрываются пустые беседы и занятия, опустошающие душу. Откажемся от мечтательности и суетных помышлений, возникающих в нас по причине нашего неверия, по причине безрассудной попечительности, по причине тщеславия, памятозлобия, раздражительности и других страстей наших. С полнотою веры возложим все на Господа, и многомыслие наше, наши пустые мечты заменим непрерывающеюся молитвою ко Господу Иисусу. Если мы окружены еще врагами, то будем вопиять с сильным плачем и воплем к Царю царей, как вопиют обиженные и угнетенные из толпы народной; если же мы допущены во внутренний чертог Царя, то будем приносить Ему жалобу и просить Его милости с величайшею тихостию и смирением, из самой глубины душевной. Такая молитва — особенно сильна: она — вполне духовна, произносится непосредственно к самому слуху Царя, к Его сердцу.

Необходимое, существенное условие преуспеяния в молитве Иисусовой есть пребывание в заповедях Господа Иисуса. *Будите в любви Моей*[3], сказал Он ученикам Своим. Что значит пребывать в любви ко Господу? — Значит: непрестанно памятовать о Нем, непрестанно пребывать в единении с Ним по духу. Первое без

[1] Предисловие к книге преподобного Григория Синаита. ‖ [2] *...да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа* (2 Тим. 2. 19). ‖ [3] *Пребудьте в любви Моей* (Ин. 15. 9).

последнего мертво, и даже не может осуществиться. *Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[1]; если будем постоянно соблюдать заповеди Господа, то духом нашим соединимся с Ним. Если соединимся с Ним духом, то устремимся к Нему всем существом нашим, будем непрестанно памятовать о Нем. Направь поступки твои, все поведение твое по заповедям Господа Иисуса, направь по ним слова твои, направь по ним мысли и чувствования твои — и познаешь свойства Иисуса. Ощутив в себе эти свойства действием Божественной благодати и из этого ощущения стяжав опытное познание их, ты усладишься сладостию нетленною, не принадлежащею миру и веку сему, сладостию тихою, но сильною, уничтожающею расположение сердца ко всем земным наслаждениям. Усладившись свойствами Иисуса, возлюбишь Его и возжелаешь, чтоб Он вполне обитал в тебе; без Него сочтешь себя погибающим и погибшим. Тогда будешь непрестанно вопиять, вопиять из полноты убеждения, от всей души: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. Молитва Иисусова заменит для тебя все прочие молитвословия. И все они какую могут вместить и изложить мысль, более обширную мысли о помиловании грешных Иисусом? Положи себе единственною целию жизни исполнение воли Иисусовой во всяком обстоятельстве, как бы оно по-видимому ни было важно или мелочно; старайся делать дела, единственно благоугодные Иисусу, и все дела твои будут одинаково достойны неба. Возлюби волю Иисуса паче пожеланий плоти твоей, паче спокойствия и удобств твоих, паче жизни, паче души твоей. Как можно чаще читай Евангелие, изучай в нем волю Господа и Спаса твоего. Не оставь без внимания ни малейшей черты из Евангелия, никакой маловажной, по наружности, заповеди. Обуздывай и умерщвляй все движения собственные свои, не только греховные, но по-видимому и добрые, принадлежащие падшему человеческому естеству, часто весьма развитые у язычников и еретиков, отстоящие от добродетелей евангельских, *яко Запады от Востоков*. Да молчит в тебе все ветхое твое! да действует в тебе один Иисус святейшими заповедями Своими, помышлениями и ощущениями, истекающими из этих заповедей. Если будешь жительствовать таким образом, то непременно процветет в тебе молитва Иисусова, независимо от того, пребываешь ли ты в глубокой пустыне, или посреди молв общежития, потому что место вселения и покой этой молитвы — ум и сердце, обновленные познанием, вкушением,

[1] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 10).

исполнением *воли Божией, благой, угодной и совершенной*[1]. Жительство по евангельским заповедям есть единый и истинный источник духовного преуспеяния, доступный для каждого, искренно желающего преуспеть, в какое бы наружное положение он ни был поставлен недоведомым Промыслом Божиим.

Упражнение молитвою Иисусовою по самому свойству этого упражнения требует непрерывного бодрствования над собою. «Благоговейная осторожность, — говорит старец Серафим, — здесь нужна по той причине, что *сие море*, то есть сердце со своими помыслами и пожеланиями, которое следует очистить посредством внимания, *велико и пространно: тамо гади, ихже несть числа*[2], то есть многие помыслы суетные, неправые и нечистые, порождения злых духов[3]. Непрестанно должно наблюдать за собою, чтоб не подкрался каким-либо образом грех и не опустошил души. Этого мало, непрестанно должно наблюдать, чтоб ум и сердце пребывали в воле Иисусовой и следовали Его святым велениям, чтоб плотское мудрование не вытеснило какою злохитростию мудрования духовного, чтоб не увлечься каким-либо разгорячением крови, чтоб пребывать по возможности в непрестанной мертвости, в некотором тонком хладе[4]. Когда явится ощущение этого тонкого хлада, тогда из него усматривается яснее воля Божия и исполняется свободнее. Когда усмотрится яснее воля Божия, тогда с особенною силою возбуждается алчба и жажда правды Божественной, и подвижник, в глубоком сознании нищеты своей и в плаче, с новым усилием старается раскрыть в себе эту правду внимательнейшею, благоговейнейшею молитвою. «Как эта Божественная молитва, — говорит старец Паисий, — есть высший из всех монашеских подвигов, верх исправлений, по определению Отцов, источник добродетелей, тончайшее и невидимое делание ума во глубине сердца, так, сообразно этому, поставляются невидимым врагом против нее невидимые, тонкие, едва постижимые для ума человеческого сети многообразных прелестей и мечтаний»[5].

Положить другое основание для моления именем Иисуса, кроме положенного, невозможно: оно есть Сам Господь наш, Иисус Христос, Богочеловек, непостижимо прикрывший неограниченное естество Божие ограниченным естеством человека и из ограниченного человеческого естества проявляющий действия неограниченного Бога. По младенчеству же нашему, святые Отцы

---

[1] Рим. 12. 2. ‖ [2] *Это — море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа* (Пс. 103. 25). ‖ [3] Наставление 5. ‖ [4] 3 Цар. 19. 12. ‖ [5] Свиток, гл. 4.

преподают некоторые способы, как выше сказано, для удобнейшего приобучения себя молитве Иисусовой. Эти способы суть не что иное, как только способы, не заключающие в себе ничего особенного. На них не должно останавливаться с излишним вниманием, им не должно придавать излишней важности. Вся сила и все действие молитвы Иисусовой истекает из покланяемого и всемогущего имени Иисус, имени, *единаго под небесем, о немже подобает спастися нам*. Чтоб сделаться способными к открытию этого действия в нас, мы должны быть возделаны евангельскими заповедями, как и Господь сказал: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное*, и в то, которое ожидает нас по блаженной кончине, и в то, которое раскрывается в нас во время земной жизни нашей, *но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех*[1]. Для преуспевших не нужны никакие внешние способы: среди шумящего многолюдства они пребывают в безмолвии. Все препятствия к преуспеянию духовному — в нас, в одних нас! Если же что извне действует, как препятствие, то это только служит обличением нашего немощного произволения, нашего двоедушия, нашего повреждения грехом. Не были бы нужными никакие внешние способы, если бы мы жительствовали, как должно жительствовать. Жительство наше расслаблено, произволение шатко, ничтожно, и потому мы нуждаемся во внешних способах, как больные ногами в костылях и посохе. Милосердые Отцы, видя, что я желаю заняться Иисусовою молитвою, притом видя, что я вполне жив для мира, что он сильно действует на меня через мои чувства, советуют мне для моления войти в уединенную, темную келлию, чтоб таким образом чувства мои пришли в бездействие, прервано было мое сообщение с миром, облегчено было мне углубление в себя. Они советуют сидеть во время упражнения молитвою Иисусовою на низком стуле, чтоб я, по телу, имел положение нищего, просящего милостыни, и удобнее ощутил нищету души моей. Когда я присутствую при Богослужении и во время его занимаюсь молитвою Иисусовою, Отцы советуют мне закрывать глаза для сохранения себя от рассеянности, потому что мое зрение живо для вещества, и едва открою глаза, как начнут тотчас напечатлеваться на уме моем видимые мною предметы, отвлекут меня от молитвы. Много и других внешних пособий, найденных делателями молитвы для вещественного вспомоществования духовному подвигу. Эти пособия могут быть употреблены с пользою;

[1] *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7. 21).

но при употреблении их должно соображаться с душевными и телесными свойствами каждого: какой-либо механический способ, весьма хорошо идущий для одного подвижника, для другого может быть бесполезным и даже вредным. Преуспевшие отвергают вещественные пособия, как исцелевший от хромоты кидает костыль, как младенец, достигший некоторого возраста, отлагает пелены, как от выстроенного дома снимаются леса, при помощи которых он строился.

Для всех и каждого существенно полезно *начинать* обучение молению именем Господа Иисуса с совершения молитвы Иисусовой *устно при заключении ума в слова молитвы.* Заключением ума в слова молитвы изображается строжайшее внимание к этим словам, без которого молитва подобна телу без души. Предоставим Самому Господу преобразовать внимательную устную молитву нашу в умную, сердечную и душевную. Он непременно совершит это, когда узрит нас сколько-нибудь очищенными, воспитанными, возращенными, приуготовленными деланием евангельских заповедей. Благоразумный родитель не даст острого меча младенцу, сыну своему. Младенец не в состоянии употребить меча против врага, он будет играть мечом грозным, скоро и легко пронзит себя им. Младенец по духовному возрасту не способен к дарованиям духовным, он употребит их не во славу Божию, не в пользу свою и ближних, не для поражения невидимых супостатов; употребит их для поражения себя самого, возмечтав о себе, исполнясь пагубного превозношения, пагубного презорства к ближним. И чуждые дарований духовных, исполненные смрадных страстей, мы гордимся и величаемся, мы не перестаем осуждать и уничижать ближних, которые по всем отношениям лучше нас! Что было бы, если б нам доверилось какое-либо духовное богатство, какое-либо духовное дарование, отделяющее обладателя своего от братий его, свидетельствующее о нем, что он — избранник Божий? Не соделалось ли бы оно для нас причиною страшного душевного бедствия? Потщимся усовершиться в смирении, которое состоит в особенном блаженном настроении сердца, и является в сердце от исполнения евангельских заповедей. Смирение есть тот единственный жертвенник, на котором дозволяется нам законом духовным приносить жертву молитвы, на котором принесенная жертва молитвы восходит к Богу, является лицу Его. Смирение есть тот единственный сосуд, в который влагаются перстом Божиим благодатные дарования. Займемся молитвою Иисусовою бескорыстно, с простотою и прямотою намерения, с целию покая-

ния, с верою в Бога, с совершенною преданностию воле Божией, с упованием на премудрость, благость, всемогущество этой святой воли. При избрании механических способов постараемся поступить со всевозможною осмотрительностию и благоразумием, не увлекаясь пустою пытливостию, безотчетливою ревностию, которая неопытным представляется добродетелию, а святыми Отцами названа гордостной дерзостию, разгорячением безумным. Будем преимущественно обращаться к способам простейшим и смиреннейшим, как к безопаснейшим. Повторяем: все механические пособия должно считать не иным чем, как только пособиями, сделавшимися для нас полезными по причине немощи нашей. Не возложим упования нашего ни на них, ни на количество делания нашего, чтоб не похищено было у нас таким образом упование на Господа, чтоб по сущности дела мы не оказались уповающими на себя или на что-либо вещественное и суетное. Не будем искать наслаждения, видений: мы — грешники, не достойные духовных наслаждений и видений, не способные к ним по ветхости нашей. Внимательною молитвою взыщем обратить взоры ума на самих себя, чтоб открыть в себе нашу греховность. Когда откроем ее, встанем мысленно пред Господом нашим Иисусом Христом в лике прокаженных, слепых, глухих, хромых, расслабленных, беснующихся; начнем пред Ним из нищеты духа нашего, из сердца, сокрушенного болезнию о греховности нашей, плачевный молитвенный вопль. Этот вопль да будет неограниченно обилен! да окажется всякое многословие и всякое разнообразие слов неспособным к выражению его. По обилию и невыразимости его, да облекается он непрестанно, да облекается он в малословную, но обширного значения молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* Аминь.

Чин внимания себе для живущих посреди мира[1]

Душа всех упражнений о Господе — *внимание*. Без внимания все эти упражнения бесплодны, мертвы. Желающий спастись должен так устроить себя, чтоб он мог сохранять *внимание себе* не только в уединении, но и при самой рассеянности, в которую иногда против воли он вовлекается обстоятельствами. Страх Божий пусть

[1] Написано вследствие желания проводить среди мира внимательную жизнь для некоторого благочестивого мирского лица.

превозможет на весах сердца все прочие ощущения: тогда удобно будет сохранять *внимание себе*, и в безмолвии келейном, и среди окружающего со всех сторон шума.

Благоразумная умеренность в пище, уменьшая жар в крови, очень содействует *вниманию себе*; а разгорячение крови — как то: от излишнего употребления пищи, от усиленного телодвижения, от воспаления гневом, от упоения тщеславием и от других причин — рождает множество помыслов и мечтаний, иначе, рассеянность. Святые Отцы предписывают желающему внимать себе, во-первых, умеренное, равномерное, постоянное воздержание в пище[1].

Проснувшись — в образ ожидающего всех человеков пробуждения из мертвых — направь мысли к Богу, принеси в жертву Богу начатки помышлений ума, еще не принявшего на себя никаких суетных впечатлений. С тишиною, очень осторожно, исполнив все нужное по телу для вставшего от сна, прочитай обычное молитвенное правило, заботясь не столько о количестве молитвословия, сколько о качестве его, то есть о том, чтоб оно было совершено со *вниманием* и, по причине *внимания,* чтоб освятилось и оживилось сердце молитвенным умилением и утешением. После молитвенного правила, опять всеми силами заботясь о внимании, читай Новый Завет, преимущественно же Евангелие. При этом чтении тщательно замечай все завещания и заповедания Христа, чтоб по ним можно было направлять свою деятельность, видимую и невидимую. Количество чтения определяется силами человека и обстоятельствами. Не должно обременять ум излишним чтением молитв и Писания, также не должно упускать обязанностей своих для неумеренного упражнения молитвой и чтением. Как излишнее употребление пищи расстраивает и ослабляет желудок, так и неумеренное употребление духовной пищи ослабляет ум, производит в нем отвращение от благочестивых упражнений, наводит на него уныние[2]. Для новоначального святые Отцы предлагают частые молитвы, но непродолжительные. Когда же ум возрастет духовным возрастом, окрепнет и возмужает, тогда он будет в состоянии непрестанно молиться. К христианам, достигшим совершенного о Господе возраста, относятся слова святого апостола Павла: *Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления*[3], то есть бесстрастно и без всякого развлечения или парения. Свойственное мужу еще не свойственно

---

[1] Добротолюбие. Ч. 2, главы преподобного Филофея Синайского. || [2] Исаак Сирский. Слово 71. || [3] *Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2. 8).

младенцу. Озарившись при посредстве молитвы и чтения Солнцем Правды, Господом нашим Иисусом Христом, да исходит человеком на дела дневного поприща, *внимая,* чтоб во всех делах и словах его, во всем существе его царствовала и действовала всесвятая воля Божия, открытая и объясненная человекам в евангельских заповедях.

Если выпадут свободные минуты в течение дня, употреби их на чтение со вниманием некоторых избранных молитв или некоторых избранных мест из Писания и ими снова подкрепи душевные силы, истощаемые деятельностию посреди суетного мира. Если же этих золотых минут не выпадает, то должно пожалеть о них, как о потере сокровища. Что утрачено сегодня, не надо потерять в следующий день: потому что сердце наше удобно предается нерадению и забывчивости, от которых рождается мрачное неведение — столь гибельное в деле Божием, в деле спасения человеческого.

Если случится сказать или сделать что-нибудь противное заповедям Божиим, то немедленно врачуй погрешность покаянием, и посредством искреннего покаяния возвращайся на путь Божий, с которого уклонился нарушением воли Божией. Не косни вне пути Божия! — Приходящим греховным помышлениям, мечтаниям и ощущениям противопоставляй с верою и смирением евангельские заповеди, говоря со святым патриархом Иосифом: *Како сотворю глагол злый сей и согрешу перед Богом*[1]. Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще — как бы она ни казалась приманчивою и благовидною; всякая мечтательность есть скитание ума вне истины, в стране призраков, не существующих и не могущих осуществиться, льстящих уму и его обманывающих. Последствия мечтательности: утрата внимания себе, рассеянность ума и жесткость сердца при молитве; отсюда — душевное расстройство.

Вечером, отходя ко сну, который по отношению к жизни того дня есть смерть, рассмотри действия свои в течение мимошедшего дня. Для того, кто проводит *внимательную жизнь,* такое рассматривание незатруднительно: потому что по причине *внимания себе* уничтожается забывчивость, столь свойственная человеку развлеченному. Итак, припомнив все согрешения свои делом, словом, помышлением, ощущением, принеси в них покаяние Богу с расположением и сердечным залогом исправления. Потом, прочитав

[1] *Как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом* (Быт. 39. 9).

молитвенное правило, заключи богомыслием день, начатый богомыслием.

Куда уходят все помышления и чувствования спящего человека? Что это за таинственное состояние — сон, при котором душа и тело живы и вместе не живут, чужды сознания своей жизни, как бы мертвые? Сон так же непонятен, как и смерть. Во время его покоится душа, забывая самые лютые горести и бедствия земные, в образ своего вечного покоя; а тело!.. если оно восстает от сна, то непременно воскреснет и из мертвых. Сказал великий Агафон: «Невозможно без усиленного *внимания себе* преуспеть в добродетели»[1]. Аминь.

Совещание души с умом

Душа. — Скорблю невыносимо, нигде не нахожу отрады. Не нахожу отрады и утешения ни вне, ни внутри меня. Не могу смотреть на мир, исполненный непрерывного обольщения, обмана, душегубства. Неосторожное созерцание мира, немногие неосторожные взгляды на его соблазны, незнание ядовитости его впечатлений, детская, неопытная доверчивость к нему привлекли в меня его стрелы, исполнили меня смертельных язв. К чему мне смотреть на мир? К чему любопытствовать о нем, подробно изучать его или привязываться к нему, когда я лишь кратковременная странница в мире. Непременно я оставлю его, и не знаю, когда оставлю. Каждый день, каждый час я должна быть готова к призыву в вечность. Как бы ни продолжительно было мое скитание по пустыне мира, оно ничтожно пред неизмеримою вечностию, пред которой равны и часы, и дни, и годы, и столетия. Самый мир со всем громадным столпотворением своим мимо идет: *земля же и яже на ней дела сгорят*[2]. Сгорят эти дела — плоды падения и отвержения человеков. Раны, нанесенные мне миром, сделали мир отвратительным для меня, но не предохранили от новых ран. Не хочу быть посреди мира! не хочу подчиняться ему! не хочу принимать никакого участия в служении ему! не хочу даже видеть его! Но он повсюду преследует меня: насильно вторгается, в очаровательной красоте представляется взорам, расслабляет, уязвляет, поражает, губит меня. Я сама, постоянно нося и содержа в себе начало самообольщения и обмана, ввергнутых в меня грехом, продолжаю обольщаться миром: ненавидя его, невольно влекусь к нему и с жадностию пью яд его,

[1] Патерик Скитский. || [2] ...*земля и вся дела на ней сгорят* (2 Пет. 3. 10).

глубоко вонзаю в себя стрелы, пускаемые им в меня. — Обращаю тоскующий и пытливый взор от мира к себе самой. В себе не нахожу ничего утешительного. Во мне кипят бесчисленные греховные страсти! я непрестанно оскверняюсь разнообразными согрешениями: то мучат меня гнев и памятозлобие; то чувствую, что горю пламенем любодеяния. Волнуется кровь, разгорячается воображение от какого-то действия, мне чуждого, враждебного, и вижу предстоящие мне соблазнительные образы, влекущие к мечтанию греха, к услаждению губительным соблазном. Не имею сил бежать от соблазнительных образов: невольно, насильно приковываются к ним мои болезненные очи. И бежать некуда! Бежала я в пустыню: в пустыню пришли со мной картины греха, или предварили меня в ней — не знаю; в пустыне предстали мне с особенною, убийственною живостию. Не существуют эти образы: и образы, и существование их, и красота — обман и обольщение; но вместе они живы, и ничто: ни самое время, ни дряхлая старость, — не может умертвить их. Их смывает с воображения слеза покаяния: слезы покаяния нет у меня. Их сглаживает с воображения молитва смиренная, соединенная с плачем сердца: такой молитвы нет у меня. Сердце мое лишено умиления, лишено спасительного плача: оно во мне неподвижно, как осколок бесчувственного камня. Несмотря на мою ужасную греховность, я редко вижу свою греховность. Несмотря на то что во мне добро смешано со злом, и сделалось злом, как делается ядом прекрасная пища, смешанная с ядом, я забываю бедственное положение добра, данного мне при сотворении, поврежденного, искаженного при падении. Я начинаю видеть в себе мое добро цельным, непорочным и любоваться им: мое тщеславие уносит меня с плодоносной и тучной пажити покаяния в далекую страну! в страну каменистую и бесплодную, в страну терний и плевел, в страну лжи, самообольщения, погибели. Я оставляю исполнение заповедей Христовых и начинаю исполнять внушения моего сердца, последовать его чувствованиям, его воле; я дерзко называю ощущения падшего естества добрыми, его деяния добродетелию, — это добро и эту добродетель достойными наград земных и небесных, человеческих и Божиих. Когда я старалась исполнять заповеди Христовы, не внимая воле сердца и насилуя его, я признавала себя должницей пред Богом и человеками, рабою неверною и непотребною! Вслед за самообольщением являются во мне печаль, уныние и какой-то страшный мрак. Печаль лишает меня нравственной деятельности, уныние отнимает силу бороться с грехом, а мрак — последствие печали и уныния, густой мрак скрывает от меня Бога,

Его суд нелицеприятный и грозный, обетованные награды за христианскую добродетель, обетованные казни за отвержение христианства и его всесвятых уставов. Я начинаю согрешать бесстрашно, при молчании совести, как бы убитой или спящей на то время. Редко, очень редко выпадает минута умиления, света и надежды. Тогда ощущаю себя иною. Но минута светлая — коротка. Небо мое бывает ясным нечасто. Как черные тучи, снова налетают на меня страсти и снова повергают в мрак, в смятение, в недоумение, в погибель. — Ум мой! ты — руководитель души. Наставь меня! введи в меня блаженное спокойствие! Научи меня, как мне затворить в себя вход впечатлениям мира, как мне обуздать и подавить страсти, которые возникают во мне самой. Мир и страсти измучили, истерзали меня.

Ум. — Неутешительным будет мой ответ. И я вместе с тобою, душа, поражен грехом. То, о чем ты говорила, мне вполне известно. Как я помогу тебе, когда мне самому нанесены убийственные удары, когда я лишен силы действовать самовластно? В непрерывной деятельности моей, дарованной мне Творцом и составляющей мое свойство[1], я непрерывно подчиняюсь постороннему влиянию. Влияние это — влияние греха, которым я поврежден и расстроен. Это влияние непрестанно отвлекает меня от Бога, от вечности, влечет в обольщение суетным и преходящим миром, в обольщение собою, в обольщение тобою, душа, в обольщение грехом, в обольщение ангелами падшими. Мой существенный недостаток заключается в непрестанно насилующем меня развлечении. Пораженный развлечением, я парю, скитаюсь по вселенной без нужды и без пользы, подобно прочим духам отверженным. Я желал бы остановиться — и не могу: развлечение расхищает, уносит меня. Расхищаемый развлечением, я не могу взглянуть, как должно, ни на тебя, душа, ни на самого себя. От развлечения я не могу внимать, как должно, Слову Божию: по наружности представляюсь внимательным, но в то время, как усиливаюсь внимать, невольно уклоняюсь во все стороны, уношусь очень далеко, к предметам вполне посторонним, рассматривание которых не только не нужно для меня, но и чрезвычайно вредно. От убийственного развлечения не могу принести Богу сильной, действительной молитвы и запечатлеться страхом Божиим, которым уничтожилась бы моя рассеянность и помыслы мои соделались бы послушными мне, которым сообщились бы тебе, душа, сердечное сокрушение и умиление. От моего развлече-

[1] Каллиста Катафигиота. Добротолюбие. Ч. 4, гл. 3.

ния ты пребываешь в ожесточении; при твоем ожесточении и нечувствии я развлекаюсь еще более. Развлечение — причина моей слабости в борьбе с греховными помыслами. От развлечения я ощущаю омрачение и тяжесть: когда предстанет помысл греховный, я не вдруг и не скоро узнаю его, если он прикрыт оправданием. Если же он и явен, то я, вооружаясь против него, не обнаруживаю к нему решительной и непримиримой ненависти, вступаю в беседу со своим убийцею, услаждаюсь смертоносным ядом, который он лукаво влагает в меня. Редко бываю я победителем, часто побежденным. По причине развлечения моего объемлет меня забывчивость: я забываю Бога, я забываю вечность, я забываю превратность и обманчивость мира, влекусь к нему, увлекаю, душа, тебя с собою. Я забываю грехи мои. Я забываю падение мое, я забываю бедственное положение мое: в омрачении и самообольщении моем начинаю находить в себе и в тебе достоинства. Я начинаю искать, требовать признания этих достоинств от лживого мира, готового на минуту согласиться, чтоб после злее насмеяться. Достоинств нет в нас: достоинство человека всецело осквернено падением, и он справедливо будет думать о себе, если, как советует некоторый великий подвижник, сочтет себя мерзостью[1]. Как не мерзость немощное, малейшее существо, призванное Всесильным Творцом всего видимого и невидимого в бытие из ничтожества и вооружившееся против Творца своего? Как не мерзость существо, не имеющее ничего собственного, получившее все от Бога и восставшее против Бога? Как не мерзость существо, не устыдившееся рая, позволившее себе среди райского блаженства охотно выслушать страшную клевету и хулу на Бога, доказавшее немедленное соизволение на клевету и хулу деятельным попранием заповеди Божией? Как не мерзость ум — вместилище и непрестанный родитель помыслов скверных и злобных, помыслов, постоянно враждебных Богу? Как не мерзость душа, в которой непрестанно вращаются буйные и чудовищные страсти, как бы ядовитые змеи, василиски и скорпионы в глубоком рву? Как не мерзость тело, в беззакониях зачатое, в грехах рожденное, орудие греха во время краткой земной жизни, источник смертоносного зловония по окончании земной жизни? — Мы, душа,

---

[1] Брат просил преподобного Сисоя Великого сказать ему слово на пользу. Старец отвечал ему, что монах должен быть ниже идолов. На вопрос же брата, что бы значило «быть ниже идолов», старец сказал: «Писание говорит об идолах, что *они уста имут и не глаголют, очи имут и не видят, уши имут и не слышат*: таковым должен быть и монах. И как идолы суть мерзость, так и монах да помышляет о себе, что он — мерзость». Патерик Скитский, буква С.

составляем одно духовное существо: я помышляю, ты чувствуешь. Но мы не только повреждены грехом, мы рассечены им как бы на два отдельные существа, действующие почти всегда противоположно одно другому. Мы разъединены, противопоставлены друг другу, мы отделены от Бога! живущим в нас грехом мы противопоставлены Самому Всесвятому и Всесовершенному Богу!

Душа. — Прискорбен твой ответ, но он справедлив. То служит некоторым утешением, что наше бедственное состояние находится во взаимном соотношении, и мы можем разделять нашу скорбь, можем помогать друг другу. Дай же совет, как выйти нам из общего нашего расстройства? Я заметила, что всегда мои чувствования соответствуют твоим помышлениям. Сердце не может долго бороться с мыслию: оно всегда покоряется ей, а когда и противится, то противится только на краткое время. Ум мой! будь путеводителем к общему нашему спасению.

Ум. — Я согласен с тем, что сердце недолго противится мысли. Но оно, оказав покорность на минуту, снова восстает против самой правильной, против самой богоугодной мысли, восстает с такою силою и ожесточением, что почти всегда низлагает и увлекает меня. Низложив меня, оно начинает плодить во мне самые нелепые помышления, служащие выражением и обнаружением сокровенных страстей. Что сказать мне и о мыслях моих? По причине расстройства и повреждения моего грехом мои мысли чрезвычайно непостоянны. С утра, например, родились во мне известные мысли о нашем духовном жительстве, о невидимом многотрудном подвиге, о земной нашей обстановке, отношениях, обстоятельствах, о нашей участи в вечности; эти мысли казались основательными. Вдруг к полудню, или раньше, они исчезают сами собою от какой-либо неожиданной встречи, заменяются другими, которые, в свою очередь, признаются достойными внимания. К вечеру являются новые помышления с новыми оправданиями. Ночью мятусь иными помыслами, которые в течение дня скрывались где-то, как бы в засаде, чтоб внезапно предстать мне во время безмолвия ночного, возмутить меня обворожительною и убийственною живописию греха. Тщетно, научаемый Словом Божиим, я признаю правильными только те помышления, на которые ты, душа, отвечаешь состоянием глубокого спокойствия, смирения, любви к ближним; тщетно я убежден, что все помышления, не только производящие в тебе мучение и расстройство, но и соединенные с малейшим смущением, с малейшим ожесточением твоим, чужды истине, вполне ложны, обманчивы, гибельны, какой бы личиною праведности они ни

были прикрыты. Тщетно это знание! тщетен этот верный признак, с решительностью отделяющий в мире духов добро от зла! По непостижимому, живущему во мне недугу, постигаемому только опытом, я не могу оторваться от помышлений убийственных, порождаемых во мне грехом. Не могу их ни подавить, ни исторгнуть, когда они начнут кипеть во мне, как черви; не могу ни отогнать их, ни оттолкнуть от себя, когда они нападут на меня извне, как разбойники, как лютые, кровожадные звери. Они держат меня в плену, в тяжкой работе, томят, мучат, ежечасно готовы растерзать, поразить вечною смертию. Производимое ими мучение я невольно сообщаю тебе, душа, сообщаю его самому телу нашему, которое от того болезненно и немощно, что изъязвлено бесчисленными язвами, пронзено и стрелами, и мечами греховными. Отравленная ядом вечной смерти, ты, душа, скорбишь невыносимо, — ищешь отрады, нигде не находишь ее. Напрасно ты думаешь найти эту отраду во мне: я убит вместе с тобою; вместе с тобою я погребен в тесном и мрачном гробе невидения и неведения Бога. Отношение наше к живому Богу, как бы к несуществующему и мертвому, есть верное свидетельство нашего собственного умерщвления.

Душа. — Руководитель мой! око мое! высшая духовная сила моя! ум мой! ты приводишь меня в безнадежие. Если ты, будучи светом моим, признаешь себя мраком, то чего ожидать мне от других сил моих, которые мне — общие с бессловесными животными? Чего ожидать мне от воли моей или силы желания, от ревности или естественного гнева, которые тогда только могут действовать иначе, нежели действуют в скотах, зверях и демонах, когда они находятся под твоим водительством. Ты сказал мне, что, при всей немощи твоей, при всем омрачении твоем, при всей мертвости твоей, Слово Божие еще действует на тебя и доставило тебе, по крайней мере, признак различать добро от зла, в чем заключается величайшая трудность. И я сделалась причастницею этого познания! Уже и я, когда начну ощущать смущение и расстройство, вместе с этим ощущаю неправильность моего состояния, ощущаю к такому состоянию и недоверчивость и ненависть, стараюсь свергнуть с себя состояние, мне неестественное и враждебное. Напротив того, когда ты остановишься, хотя на краткое время, как бы в родных объятиях, в помышлениях, почерпнутых из Слова Божия, — какое я чувствую утешение! Какое начинается из глубины моей, из самых сердечных сокровищ воссылаться славословие Богу! Какое меня объемлет благоговение пред величием Бога, тогда открывающегося мне! Какою я кажусь сама себе ничтожною пылинкою посреди громадного

и разнообразного мироздания! Какая благодатная тишина, как бы наносимая дыханием райского ветра, начинает веять во мне и прохлаждать меня, истомленную зноем и бездождием! Какая сладкая и целительная слеза, зародившись в сердце, восходит в главу и вытекает на разгоревшуюся ланиту из смиренного и кроткого ока, смотрящего на всех и все так мирно, так любовно! Тогда я чувствую исцеление естества моего! Тогда уничтожается внутренняя борьба! Тогда силы мои, рассеченные и раздробленные грехом, соединяются воедино. Соделавшись едино с тобою и с прочими моими силами, привлекши к этому единству самое тело, я чувствую милость Создателя к Его падшему созданию, познаю деятельно значение и силу Искупителя, исцеляющего меня Своею всесильною и животворящею заповедию. Я исповедую Его! Я вижу действие поклоняемого Всесвятого Духа, от Отца исходящего и Сыном посылаемого! Я вижу действие Бога-Духа, вводимого Богом-Словом, являющего Божество Свое творческою Своею силою, при посредстве которой сосуд сокрушенный является как бы никогда не подвергавшимся сокрушению, в первобытной целости и красоте. Ум мой! обратись к Слову Божию, из которого мы уже заимствовали бесчисленные блага, но утратили нашим нерадением, нашею холодностию к дарам Божиим. Бесценные духовные дары мы променяли на обманчивый призрак даров, под видом которых грех и мир предлагали нам яд свой. Ум мой! обратись к Слову Божию! поищи там отрады для меня: в настоящие минуты скорбь моя невыносима, и я страшусь, чтоб мне не впасть в окончательную погибель — в отчаяние.

Ум. — Слово Божие, душа, решает наше недоумение самым удовлетворительным определением. Но многие из человеков, услышав Слово Духа и истолковав его себе плотским своим разумением, сказали о животворящем Божием Слове: *Жестоко есть Слово сие, и кто может его послушати?*[1] Услышь, душа, сказанное Господом: *Обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[2]. *Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своей в мире сем в живот вечный сохранит ю*[3].

Душа. — Я готова умереть, если повелевает Бог. Но как умереть мне, бессмертной? Не знаю того орудия, которое было бы способно лишить меня жизни.

---

[1] *...какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин. 6. 60.) ‖ [2] *Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10. 39). ‖ [3] *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25).

Ум. — Не полагай, душа, что заповедь Христова повелевает умереть тебе одной, что я изъят из приговора. Нет! Чашу смерти я должен разделить с тобою и первый испить ее, как главный виновник нашего общего падения, отвержения, бедствия, временной и вечной смерти. Смерть и погубление, которых от нас требует Бог, состоят не в уничтожении существования нашего: они состоят в уничтожении самолюбия, соделавшегося как бы нашею жизнию. Самолюбие есть искаженная любовь падшего человека к самому себе. Самолюбие боготворит свой падший, лжеименный разум, старается во всем и постоянно удовлетворять своей падшей, ложно направленной воле. Самолюбие выражается по отношению к ближним или посредством ненависти, или посредством человекоугодия, то есть угождения страстям человеческим, а к предметам мира, которыми он всегда злоупотребляет, — посредством пристрастия. Как святая Любовь есть *соуз совершенства*[1] и составляется из полноты всех добродетелей, так самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных греховных страстей. Для уничтожения в нас самолюбия я должен отвергнуть все мои разумения, хотя бы я был очень богат разумениями, доставляемыми учением мира и по стихиям мира[2]. Я должен погрузиться в нищету духа и, обнаженный этою нищетою, омовенный плачем, углажденный, смягченный кротостию, чистотою и милостию, приять разум, который благоволит начертать на мне десница моего Искупителя. Эта десница — Евангелие. А ты, душа, должна отречься своей воли, как бы это ни было тягостно для сердца, хотя бы чувствования и влечения твоего сердца казались тебе и самыми праведными и самыми изящными. Вместо своей воли ты должна исполнять волю Христа Бога и Спасителя нашего, как бы это ни было противным и жестоким для самолюбивого сердца. Вот — смерть, которой от нас требует Бог, чтоб мы добровольною смертию уничтожили смерть, живущую в нас насильственно, и получили в дар воскресение и жизнь, источающиеся из Господа Иисуса.

Душа. — Решаюсь на самоотвержение: от одних слов, произнесенных тобой о самоотвержении, я уже начала чувствовать отраду и надежду. Оставим жизнь, рождающую безнадежие, и примем смерть — залог спасения. Веди меня, мой ум, вслед велений Божиих, а сам неуклонно пребывай в том Слове, Которое возвестило о Себе: ***Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже***[3]. Аминь.

---

[1] *...совокупность совершенства* (Кол. 3. 14). ‖ [2] Кол. 2. 8. ‖ [3] *Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15. 5).

Отношение христианина к страстям его

Некоторый великий подвижник сказал: «Должно терпеть свои недостатки точно так же, как терпим недостатки других, и снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах. Вместе с этим не должно предаваться нерадению: должно заботиться усердно об исправлении и усовершенствовании себя»[1].

«Не возмущайся, не приходи в недоумение, — сказал некоторый святой отец, — когда увидишь в себе действие какой-либо страсти. Когда восстанет страсть, подвизайся против нее, старайся обуздать и искоренить ее смирением и молитвою»[2].

Смущение и недоумение при открывшемся действии страсти служит доказательством, что человек не познал самого себя[3].

При свете Слова Божия рассмотрим отношение наше к страстям и немощам нашим, чтоб получить правильное понятие о себе и, на основании правильного понятия о себе, правильно управлять собою.

Человек в беззакониях зачинается, рождается во грехах[4]: следовательно, страсти или греховные недуги души и тела свойственны нашему падшему естеству.

Страсти противоестественны непорочному естеству нашему, каким оно было создано; противоестественны страсти и естеству обновленному; они естественны падшей природе. Так естественны всякой телесной болезни свойства этой болезни; так естественны болезни и смерть нашему телу, утратившему бессмертие и свойства бессмертия. До падения бессмертие было естественно нашему телу — болезни и смерть были неестественны.

Страсти — иначе *грех*, в обширном значении этого слова. Апостол, когда говорит о *грехе, живущем в человеке*[5], разумеет под словом «грех» заразу злом всего естества человеческого, разумеет страсти. Это состояние называется также состоянием *плотским*[6] и *смертию*[7].

Человек, до искупления рода нашего Спасителем, не мог противиться страстям, хотя бы и хотел: они насильно увлекали его; они властвовали над ним против воли его. Христианин при посредстве Святого Крещения свергает с себя иго страстей; он получает силу и возможность противиться страстям, попирать их[8]. Но и

---

[1] Духовные наставления блаженного старца Серафима Саровского. Глава 10, о подвигах. Изд. 1844 года. ‖ [2] Преподобного аввы Дорофея поучение 13, о терпении искушений. ‖ [3] Там же. ‖ [4] Пс. 50. 7. ‖ [5] Рим. 7. 14; 17. 20. ‖ [6] Рим. 7. 14; 8. 8. ‖ [7] Рим. 7. 24; 8. 2. ‖ [8] Преподобного аввы Дорофея поучение 1, об отвержении мира.

искупленному человеку, человеку обновленному, помещенному в духовном раю — в Церкви — предоставлена свобода: по произволу своему он может или противиться страстям и победить их о Господе, или покоряться и поработиться им. Так и в чувственном раю предоставлено было на произвол первозданному человеку или повиноваться заповеди Божией, или преслушать ее.

Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстию усиливает ее, постоянное увлечение страстию порабощает страсти увлекающегося ею.

Сопротивление христианина страстям должно простираться до распятия *плоти со страстьми и похотьми*[1]; оно должно простираться в избранных духовных борцах до пролития крови: отдай кровь и приими Дух[2]. Только *пострадавший плотию преста от греха*[3]. Это значит: только злостраждущий по телу в вольных или невольных подвигах способен противостоять греховным пожеланиям плоти, подавить и заглушить их в себе. Тело, упокоеваемое и лелеемое разнообразною негою и угождениями ему, — вместилище страстей.

Пострадавший и распявшийся за нас Богочеловек требует от учеников и последователей Своих, чтоб они подражали Его страданиям, чтоб пожертвовали всем временным для вечного, тленным для нетленного, чтоб были учениками и последователями Богочеловека самою жизнию.

Необходим подвиг для христианина; но не подвиг освобождает христианина от владычества страстей: освобождает его десница Вышнего, освобождает его благодать Святого Духа.

Обузданием и умерщвлением плоти, трудами благочестия при тщательном соблюдении евангельских заповедей доставляется христианину истинное смирение. Истинное смирение заключается в полном самоотвержении, в полной преданности Богу, в непрестанном служении Богу. Такое смирение привлекает в душу Божественную благодать. Божественная благодать, осенивши душу, преподает ей духовное ощущение — и страсти, эти ощущения и влечения плотские и греховные, остаются праздными[4].

Действие страстей, услаждающее человека плотского, тягостно, мучительно для человека духовного — возбуждает в нем сильнейшее отвращение. При малейшем появлении или возбуждении страсти бежит он от нее, как от хищного, лютого зверя, как от

[1] Гал. 5. 24. || [2] 4-е изречение аввы Лонгина. «Достопамятные сказания». || [3] 1 Пет. 4. 1. || [4] Святой Исаак Сирский. Слово 43.

убийцы, бежит под покров молитвы, под покров евангельского учения, под покров Божий.

Душа, не возделанная евангельскими заповедями, и тело, не возделанное трудами благочестия, не способны быть храмом Божественной благодати, храмом Святого Духа.

Сущность подвига заключается в исполнении заповедей. Не обуздывающий своего тела трудами, постом, бдением, молитвенными стояниями и потому предоставляющий господствовать в себе плотскому мудрованию, питающий и поддерживающий в себе страсти — не возможет соделаться исполнителем заповедей.

Смерть, одна смерть вполне освобождает даже святых Божиих от влияния на них греха. Бесстыдны страсти: могут восстать они и в лежащем на смертном одре. Даже на смертном одре невозможно прекратить бдительности над собою. Поверь бесстрастию тела твоего тогда, когда оно уляжется во гроб.

Страсти, пребывая в христианине, постоянно принуждая его быть на страже, постоянно вызывая его на борьбу, содействуют его духовному преуспеянию. Зло, по премудрому устроению Божественного Промысла, содействуют благому намерением неблагим. Сказал это преподобный Макарий Великий[1].

Жесткий и тяжеловесный жернов стирает зерна пшеницы в муку, пшеницу соделывает способною к печению из нее хлебов. Тяжкая борьба со страстями стирает сердце человека, сминает надменный дух его, заставляет сознаться в состоянии падения, опытно обнаруживая это состояние, — заставляет сознаться в необходимости искупления, уничтожает надежду на себя, переносит всю надежду на Искупителя.

Должно веровать, что в первородном грехе заключается семя всех страстей, что мы родимся с наклонностию ко всем видам греха: и потому не должно удивляться проявлению и восстанию ни одной страсти, как чему-нибудь необыкновенному и странному.

По свойствам души и тела, по влиянию обстоятельств в одном человеке действует и развивается с особенною силою одна страсть, в другом — другая: в ином заметна особенная наклонность к сребролюбию, в другом к объедению; один увлекается плотским вожделением, другой жаждою суетных почестей. Не увлекающийся какою-либо страстию не должен думать, что нет в нем этой страсти: только не было случая к обнаружению ее.

---

[1] Слово 4, гл. 6.

Постоянно должно быть готовым к противодействию всем страстям. В особенности должно бодрствовать против страсти преобладающей, проявляющейся чаще других страстей, наиболее беспокоящей человека.

Страсти, свойственные падшему естеству, различаются величайшим различием от страстей, усваиваемых произвольно каждым человеком. Сила вторых несравненно значительнее силы первых. Но покаяние, как всемогущее врачевство, преподаемое всемогущим Врачом — Богом, врачует человека, произволящего употребить законно это врачевство, врачует со всею удовлетворительностию от всех греховных недугов.

Некоторые страсти служат началом и причиною для других страстей; таковы: объедение, нега, развлечения, роскошь, сребролюбие, славолюбие, неверие. Последствия их: сладострастие, печаль, гнев, памятозлобие, зависть, гордость, забвение Бога, оставление добродетельного жительства.

В духовном подвиге должно преимущественно вооружаться против начальных страстей: последствия их будут уничтожаться сами собою. Отрекшийся от телесных наслаждений, от человеческой славы, от любостяжания, от рассеянной жизни — не будет предаваться гневу и печали, не обуяет его ни гордость, ни зависть; беспрепятственно будет он шествовать по пути заповедей Божиих к спасению, к обширному богопознанию, доступному для одних чистых сердцем.

Вождь всех страстей — неверие. Оно отверзает вход в душу и сребролюбию, и честолюбию, и скверным вожделениям, и гневу, и печали, и исполнению зол — отчаянию.

Вождь и дверь всех истинных христианских добродетелей — вера.

Страсти живут тайно в людях, проводящих рассеянную, невнимательную жизнь; по большей части они удовлетворяются ими, по большей части не примечаются ими, по большей части оправдываются — часто признаются за чистейшие, возвышеннейшие добродетели.

Один истинный христианин, постоянно внимающий себе, поучающийся в Законе Господнем день и ночь, старающийся исполнять евангельские заповеди со всею тщательностию, может увидеть свои страсти. Чем более он очищается и преуспевает, тем более страсти обнаруживаются пред ним. Наконец пред взорами ума, исцеленного Евангелием, открывается страшная пропасть падения человеческого. Христианин видит в себе падение человечества,

потому что видит свои страсти. Страсти — знамение греховного смертоносного недуга, которым поражено все человечество.

В какое положение приводит христианина зрение страстей своих, своего падения? — Приводит в плач о себе, в плач горький, неутешный. Никакая земная радость не может остановить, прервать этого плача. Одна Божественная благодать останавливает его по временам, преподавая плачущему и растерзанному сердцу надежду спасения, духовное успокоение и небесное наслаждение, истекающие из мира Христова.

В какое положение приводит христианина открывшееся в нем действие страстей? — Оно восставляет его к усиленной брани против страстей. Подвижник Христов усугубляет свои молитвы, свой пост, свои бдения, свои коленопреклонения и, показуя умственно бедствия свои Богу, ходатайствует неизреченным сокрушением и болезнию сердца о помиловании. *Аз же*, говорит Божественный Давид, ***внегда они стужаху ми, облачахся во вретище, и смирях постом душу мою, и молитва моя в недро мое возвратися. Плача и сетуя тако смиряхся***[1].

Чем обнаруживаются страсти? — Помыслами, мечтаниями и ощущениями греховными. Помыслы и мечтания иногда внезапно являются уму, иногда татебным образом подкрадываются к нему; подобно этому возникают и ощущения в сердце и теле. Греховные помыслы, мечтания и ощущения влекут к совершению греха на самом деле или, по крайней мере, к услаждению и пленению греховными помыслами, мечтаниями, ощущениями, к совершению греха в воображении и чувстве.

Подвижник Христов должен отречься не только от совершения греха делом, но и от совершения его в воображении и чувстве. Каждая страсть усиливается от услаждения ею, от исполнения беззаконных требований и представлений ее тайными душевными движениями. Страсть, исполненная на самом деле или насажденная в душу долговременным сочувствием ей и питанием ее, получает владычество над человеком. Нужно много времени, нужен кровавый подвиг, нужно особенное Божие милосердие, особенная Божия помощь, чтоб свергнуть иго страсти, принятой произвольно, получившей власть над человеком или от падения человека в смертный грех, или от преступного, произвольного наслаждения грехом в сокровенном душевном чертоге, посвященном Христу.

---

[1] *Я одевался во вретище, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недро мое. Я ходил скорбный, с поникшей головою, как бы оплакивающий мать* (Пс. 34. 13–14).

Невозможно, чтоб страсти, живущие внутри человека, не обнаруживались в его помышлениях, словах и действиях. Эти обнаружения страстей, когда сопровождаются каким бы то ни было увлечением, называются и признаются падениями[1] на поприще истинного христианского подвижничества, стремящегося к совершенству. Врачуются они немедленным покаянием.

Такие падения — неотъемлемая принадлежность ветхости ветхого Адама, человеческого естества, падшего и зараженного грехом. Особливо новоначальный подвижник не может не увлекаться греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; он не может не согрешать словом и самым делом. Согрешения эти врачуются немедленным покаянием.

Не говорится здесь о падениях в смертные грехи и о произвольно греховной жизни, которая вся — падение: здесь говорится о падениях легких, от немощи, называемых грехами простительными, от которых и самые праведники не были вовсе свободны.

Свидетельствует Писание: *седмерицею падет праведник, и возстанет* покаянием[2]. Соответственно очищению покаянием уменьшаются увлечения, но вместе они делаются утонченнее, неприметнее, обольщают и обманывают иногда мужей, исполненных Божественной благодати[3]. Увлечения эти охраняют от превозношения, служат причиною смирения, удерживают на спасительной пажити покаяния[4].

Смотря на себя из такого познания себя, должно хранить мир душевный, никак не смущаться и не унывать, не приходить в недоумение, когда откроется в нас действие страстей. Иногда действие это бывает легким, иногда очень сильным. Мужественно воспротивимся страстям.

Не престанут они восставать и нападать на нас до гробовой доски! И мы приготовимся к пожизненному сопротивлению им, в твердом убеждении, что не можем быть постоянными победителями страстей, что по естественной необходимости мы должны подвергаться невольным побеждениям, что самые эти побеждения споспешествуют преуспеянию, когда поддерживают и усиливают в нас покаяние и рождающееся из него смирение.

Не будем доверять нашим победам над страстями, не будем восхищаться этими победами. Страсти, подобно орудующим ими

---

[1] Преподобный Нил Сорский называет их мысленными падениями. Слово 3. || [2] *Семь раз упадет праведник и встанет* (Притч. 24. 16). || [3] 1 Пар. 21. 1. || [4] Преподобный Нил Сорский. Слово 3.

демонам, лукавы: они представляются побежденными, чтоб мы превознеслись и чтоб по причине нашего превозношения победа над нами была удобнее и решительнее.

Приготовимся смотреть на наши победы и побеждения одинаково: мужественно, хладнокровно, беспристрастно.

Увлекся ли ты мечтаниями греховными, усладился ли греховными помыслами, произнес ли праздное, безрассудное слово, употребил ли много пищи или сделал что другое, подобное этому, — не возмущайся, не малодушествуй, не прилагай вреда ко вреду[1]. Покайся немедленно пред сердцеведцем — Богом, старайся исправиться и усовершенствоваться, убедись в необходимости строжайшего наблюдения за собою и, сохраняя спокойствие души, с твердостию и настойчивостию продолжай духовный путь твой.

Спасение наше — Бог наш, не наши дела. Делами веры, то есть исполнением евангельских заповедей, мы доказываем истину нашей веры и верность нашу Богу.

Не обращай внимания на помыслы ложного смирения, которые по увлечении и падении твоем внушают тебе, что ты невозвратно прогневал Бога твоего, что Бог отвратил лице Свое от тебя, оставил, забыл тебя. Познай источник этих помыслов по плодам их. Их плоды: уныние, ослабление в духовном подвиге, а часто и оставление его навсегда или на продолжительное время.

Если человекам доступно познание, что каждому подвижнику на продолжительном и многотрудном поприще духовного подвига непременно предлежат и победы, и побеждения, что невозможно ограниченности, немощи, греховности нашим не выражаться проявлениями, тем более ведает это Создатель наш и Установитель подвига — Бог. С милосердием взирает Он на преткновения Своего подвижника и за великодушное постоянство и верность готовит ему венец правды, победы, славы.

Вожделенна чистота сердца и тела! Ею зрится Бог[2]. Чистота эта приобретается постоянным и многотрудным подвигом против нечистоты. Для вступления в подвиг против нечистоты необходимо, чтоб она открылась пред взорами ума. Открывается она помыслами, мечтаниями, ощущениями плотскими. Никогда не боровшийся против нечистоты, не ведающий ее, признающий себя чистым находится в самом опасном самообольщении, способен неожиданно для себя и внезапно низвергнуться в пропасть смертных согрешений: нечистота есть неотъемлемая принадлежность

---

[1] Старца Серафима, глава 10. || [2] Мф. 5. 8.

падшего естества, а чистота — дар благодати Божией, привлекаемый правильным трудом человека к очищению себя.

Величайшая разница — согрешать намеренно, по расположению к греху, и согрешать по увлечению и немощи, при расположении благоугождать Богу. Величайшая разница — проводить греховную жизнь, проводить жизнь, удовлетворяя всем пожеланиям, всем страстям своим, и претыкаться по причине немощи, ограниченности, по причине греховной заразы, шествуя по пути Божию.

Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатию. Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей падениями, неопытного в жизни, неискусного в борьбе с греховными помыслами, не ознакомленного подробно с лукавством и злобою демонов, с удобоизменяемостию человеческого естества. Человек свободен в избрании добра и зла; хотя бы этот человек и был сосудом Божественной благодати, он может злоупотребить самою благодатию Божиею. По причине ее он может превознестись над ближними; по причине ее он может подвергнуться самонадеянности. Последствием самонадеянности обыкновенно бывает нерадение, ослабление в подвиге, оставление его. Вслед за нерадением внезапно, неистово восстают плотские вожделения в душе и теле освященных, увлекают, подобно бурному потоку, низвергают в пропасть блудных поползновений, часто в самую смерть душевную.

Человеколюбец Бог, *Иже всем человекам хощет спастися, и в разум истины приити*[1], попустил служителям Своим, попустил возлюбленным Своим на все время земного странствования их борьбу с внешними и внутренними скорбями. Борьба со страстями и страдания, прозябающие из этой борьбы, несравненно тягостнее всех искушений извне. Томление и подвиг, в которые возводится христианин невидимою внутреннею борьбою, восходит значением своим к подвигу мучеников. *Дай кровь и приими Дух*, — повторяем изречение Отцов, ознакомившихся опытно с этою борьбою. Иго такого подвига несут одни тщательные исполнители заповедей Евангелия, одни истинные служители Христа. «Исполнение заповедей научает человека его немощи», — сказал преподобный Симеон[2]. На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения.

Странный ход дела для поверхностного взгляда! «Исполнение заповедей научает человека его немощи». Но это — слова опыта.

[1] ...*Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2. 4). ‖ [2] Главы богословские и деятельные, гл. 4. Добротолюбие. Ч. 1.

Только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может увидеть множество страстей своих; только при тщательном исполнении заповедей Христовых человек может убедиться в совершенном бессилии ветхого Адама для деятельности Нового, в справедливости определения, произнесенного духовным законом, определения, что этот закон может быть исполнен единственно щедротами Христовыми[1].

Во всемогущей деснице Промысла самый грех, живущий внутри человека, объявший все существо его, объявший все члены души и тела, содействует его преуспеянию, если этот человек — истинный христианин.

Нищета духовная, сознание своего падения, сознание необходимости в Искупителе, стремление всем существом к исповеданию искупившего нас Сына Божия и Бога, Господа нашего Иисуса Христа, — плоды борьбы со страстями. Эти плоды — залог вечного блаженства.

Нищета духовная, падение человечества, живое исповедание Искупителя неизвестны сыну века сего. Он работает страстям, признает в себе обилие достоинств, видит добродетели — и или ничего не ожидает на небе, не помышляя никогда о небе, или ожидает там наград, как долга, ожидает по причине глубокого неведения об единственной добродетели, награждаемой на небе. Добродетель эта — христианство.

Раб Божий, исполняя евангельские заповеди, более и более открывает в себе страсти и, в то время как благодать Святого Духа образует в нем блаженные духовные состояния, нищету духа, плач, кротость, милость, целомудрие, духовный разум, он признает себя грешником из грешников, не соделавшим никакого добра, виновным в бесчисленных согрешениях, достойным вечной муки в геенне огненной за непрестанное нарушение заповедей Божиих.

Святые Отцы, видя в себе прозябающим плод духовный от борьбы со страстями, не желали прекращения этой борьбы; они желали претерпевать в ней доблественно, великодушно[2]. Блаженные! Они не искали другого совершенства, кроме совершенства в смирении; они не искали обрести надежду спасения в чем-либо своем, искали обрести ее во Христе. Где нет смирения, там нет христианских добродетелей, а где истинное смирение, там все добродетели во всей полноте их; там — Христос; там страсти и орудующий ими

[1] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 32. || [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 13.

враг диавол *ничтоже успеют* на служителя Христова, *и сын беззакония*, грех, *не приложит озлобити его*[1].

Последуем стопам Отцов — и достигнем в пристань вечного блаженства. Аминь.

Странник[2]

Откуда Ты шествуешь? Где Твое обычное селение? Где Ты был доселе? Почто доселе оставлял меня в одиночестве, в сиротстве, в нищете, в смерти ужасной? Познав Тебя, я познал, что без Тебя таким было мое состояние! так было оно бедственно! я стоял в преддвериях темного ада, я был повергнут в глубокую, неисходную пропасть. Не оставляй меня! Не могу быть без Тебя! Если оставишь, — опять я в дверях ада, опять в пропасти, опять в бедствии, невыносимом и невыразимом.

Ты приходишь! я не вижу образа шествия Твоего; вижу Твое пришествие, вижу не плотскими очами — ощущением. Ты не даешь ни времени, ни способа размыслить — кто Ты? Неожиданно являешься в душе, Невидимый и Непостижимый! являешься с несказанною тихостию и тонкостию, вместе с властию и силою Творца, потому что изменяешь всего человека: изменяешь, претворяешь, воссозидаешь, обновляешь и ум, и сердце, и тело! Ты — Сильный — входишь в дом, связываешь крепкого, расхищаешь сосуды дома, расхищаешь не в погибель — во спасение! И дом и сосуды были прежде Твоими, Ты их устроил, устроил для Себя; они сами отдались в горестный плен хищнику. И были они доселе — ум мой, душа моя, тело мое — под властию лютого властелина, действовали под его влиянием. Ты приходишь: они отныне поступают в Твое распоряжение, начинают действовать под Твоим влиянием, святым, блаженным.

Как назову Тебя? как скажу о Тебе братии моей? Как передам им имя Странника, уклонившегося под кров души моей, под кров

---

[1] *Враг не превозможет его, и сын беззакония не притеснит его* (Пс. 88. 23). ‖

[2] Эта статья заимствована из опыта инока, занимавшегося умною молитвою и пришедшего от нее в то упоение, о котором говорит святой Исаак Сирский в конце 55-го Слова. Такое упоение есть действие духовного ощущения, как тот же Исаак Сирский в 38-м Слове сказал: «Духовный разум есть ощущение живота вечного, а живот вечный — ощущение Божественное, то есть даруемое Святым Духом». О духовном ощущении говорит преподобный Макарий Великий в 7-й беседе; преподобный Симеон Новый Богослов в Слове 1; преподобные Григорий Синаит и Нил Сорский называют его благодатным молитвенным действием. Наименование «Странник», в смысле статьи, употреблено в 4-й беседе преподобного Макария Великого.

обветшавший, пришедший в окончательное разрушение, открытый для ветров порывистых, для дождя и снега, — под кров, лишь годный для стоялища бессловесных? Что нашел Ты в сердце моем, к которому приходили попеременно различные греховные помышления, входили в него беспрепятственно, находили в нем, как в яслях, как в корыте свиней, лакомую пищу разнообразных страстных чувствований? Мне кажется, я знаю имя Гостя моего! но, взирая на нечистоту мою, страшусь произнести имя. Одно неблагоговейное произнесение великого и всесвятого имени может подвергнуть осуждению! Сколько страшнее самое присутствие Именуемого!

Но Ты присутствуешь! Твоя безмерная благость привела Тебя к скверному грешнику, чтоб грешник, познав достоинство и назначение человека, вкусив самим опытом, увидев ощущением, *яко благ Господь*[1], оставил пути беззаконий, оставил возлюбленное себе блато смрадных страстей, позаботился о стяжании чистоты покаянием, соделался Твоим храмом и жилищем.

Как же назову витающего у меня, витающего во мне Странника? Как назову чудного Гостя, пришедшего утешить меня в моем изгнании, исцелить от болезни неисцелимой, изъять из пропасти мрачной, вывести на поле Господне злачное, наставить на стези правые и святые; пришедшего отъять непроницаемую завесу, которая доселе распростиралась пред очами моими, закрывала от меня величественную вечность и Бога моего? Как назову Наставника, возвещающего мне учение о Боге, учение новое и вместе древнее, учение Божественное, а не человеческое? Назову ли Наставника светом? Я не вижу света, но Он просвещает ум мой и сердце превыше всякого слова, превыше всякого земного учения, без слов, с несказанною быстротою, каким-то странным — так выражу невыразимое — прикосновением к уму, или действием внутри самого ума. Назову ли Его огнем? — но Он не сожигает, напротив того, — орошает приятно и прохлаждает. Он — некий *глас хлада тонка*[2]; но от Него бежит, как от огня, всякая страсть, всякий греховный помысл. Он не произносит никакого слова, — не произносит, и вместе глаголет, учит, воспевает чудно, таинственно, с несказанною тихостию, тонкостию, изменяя, обновляя ум и сердце, прислушивающиеся Ему в безмолвии в душевной клети. Он не имеет никакого образа, ни вида, ничего в Нем нет чувственного. Он вполне невещественен, невидим, крайне тонок: внезапно, неожиданно,

[1] *...как благ Господь* (Пс. 33. 9). || [2] *...веяние тихого ветра* (3 Цар. 19. 12).

с несказанною тихостию является в уме, в сердце, постепенно разливается во всю душу, во все тело, овладевает ими, удаляет из них все греховное, останавливает действие плоти и крови, соединяет рассеченные части человека воедино, являет целым наше естество, которое рассыпалось от страшного падения, как рассыпается от падения сосуд скудельный[1]. Кто, видя воссозидание, не познает руки Создателя, единого имеющего власть созидать и воссозидать?

Доселе говорю лишь о действии, не называя, кто — действующий. Наименовать мне Его — страшно! Осмотрите меня, братия! разглядите совершающееся во мне! вы скажите мне, что во мне совершается? вы скажите мне, кто — совершающий? — Чувствую, ощущаю в себе присутствие Странника. Откуда Он пришел, как во мне явился — не знаю. Явившись, Он пребывает невидимым, вполне непостижимым. Но Он присутствует, потому что действует во мне, потому что обладает мною, не уничтожая моей свободной воли, увлекая ее в Свою волю несказанною святостию Своей воли. Невидимою рукою взял Он ум мой, взял сердце, взял душу, взял тело мое. Едва они ощутили эту руку, как ожили! Явилось в них новое ощущение, новое движение — ощущение и движение духовные! Я не знал доселе этих ощущений и движений, даже не ведал, не предполагал существования их. Они явились, и от явлений их скрылись или сковались ощущения и движения плотские и душевные; они явились, как жизнь, — и исчезло, как смерть, прежнее состояние. От прикосновения руки ко всему существу моему ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука. Какое ж чувство объемлет меня там? Объемлется все существо мое глубоким, таинственным молчанием, вне всякой мысли, вне всякого мечтания, вне всякого душевного движения, производимого кровию; субботствует[2] и вместе действует все существо мое под управлением Святого Духа. Управление это необъяснимо словом. Пребываю как упоенный, забываю все, питаюсь недоведомой, нетленной пищей, нахожусь вне всего чувственного, в области невещественного, в области, которая превыше не только вещества, превыше всякой мысли, всякого понятия: не чувствую самого тела моего. Очи мои смотрят и не смотрят, видят и не видят, уши слышат и не слышат; все члены мои упоены — и я шатаюсь на ногах моих, держусь за что-нибудь

---

[1] Глиняный. — *Ред.* ‖ [2] Празднует. — *Ред.*

руками, чтоб не упасть мне, или лежу, поверженный на одр, как бы в болезни безболезненной и в расслаблении, происшедшем от преизобилия силы. *Чаша* Господня, чаша Духа упоявает *державно*[1]. Так провожу дни, недели!.. и сокращается время!.. Молчание дивное, объемлющее ум, сердце, душу устремившихся всей крепостию своею к Богу и потерявшихся — так сказать — в бесконечном движении к беспредельному; молчание это — вместе и беседа, но — без слов, без всякого разнообразия, без мыслей, превыше мыслей: Странник, совершающий все это, имеет и голос и слово необычное, без слов и звука говорящие и слышимые таинственно. Ищу в Писании, где бы сказано было о таких действиях, чтоб познать чудного Странника, и невольно останавливаюсь пред словами Спасителя: ***Дух, идеже хощет, дышет, и глас Его слышиши, но не веси, откуду приходит и камо идет: тако есть всяк человек рожденный от Духа***[2]. Как же назвать самое действие? — Оно примиряет, соединяет человека с самим собою, а потом с Богом; невозможно не узнать в этом действии веяния благодатного мира Божия, превышающего *всяк ум,* соблюдающего сердце и помышления во *Христе Иисусе*[3], подаваемого приходящим к человеку, обновляющим человека Святым Духом. Точно! При этом действии ум и сердце соделываются евангельскими, соделываются Христовыми: человек зрит Евангелие начертанным в себе: на скрижалях души, перстом Духа.

Божественный Странник отходит, скрывается так же незаметно, как незаметно приходит и является. Но Он оставляет во всем существе моем воню бессмертия, невещественную, как и Сам Он невещественен, воню духовную, живительную, ощущаемую новым ощущением, которое Он насадил или воскресил во мне. Оживляемый, питаемый этим благоуханием, пишу и сказую слово жизни братии моей. Когда же истощится это благоухание, когда раздастся в душе моей воня смертная страстей, тогда и слово мое — без жизни, заражено смрадом и тлением!..

Если кто, слыша из уст грешника слово великое о действиях Духа, колеблется неверием, смущается мыслию, полагая, что возвещаемое действие есть действие прелести бесовской, тот да отвергнет помышление хульное. Нет, нет! Не таково действие, не таковы свойства прелести! Скажи, свойственно ли диаволу, врагу, убийце человеков, делаться врачом их? Свойственно ли диаволу соединять

---

[1] Ср.: *чаша моя преисполнена* (Пс. 22. 5). ‖ [2] *Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа* (Ин. 3. 8). ‖ [3] *...который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4. 7).

воедино рассеченные грехом части и силы человека, изводить их из порабощения греху на свободу, изводить из состояния противодействия, борьбы междоусобной, в состояние священного о Господе мира? Свойственно ли диаволу извлекать из глубокой пропасти неведения Бога и доставлять живое, опытное Богопознание, уже не нуждающееся ни в каких доказательствах извне? Свойственно ли диаволу проповедовать и подробно объяснять Искупителя, проповедовать и объяснять приближение к Искупителю покаянием? — Свойственно ли диаволу восставлять в человеке падший образ, приводить в порядок расстроенное подобие? Свойственно ли приносить вкушение нищеты духовной и вместе воскресения, обновления, соединения с Богом? Свойственно ли диаволу возносить на высоту Богословия, на которой человек бывает как ничто, без мысли, без желания, весь погруженный в чудное молчание? Это молчание есть иссякновение всех сил существа человеческого, устремившихся к Богу и, так сказать, исчезающих пред бесконечным величием Бога[1]. — Иначе действует прелесть, и иначе Бог, беспредельный Владыка человеков, Который был и ныне есть их Создатель. Тот, Кто создал и воссозидает, не пребывает ли Создателем? Итак, услышь, возлюбленнейший брат, услышь, чем различается действие прелести от действия Божественного! Прелесть, когда приступает к человеку, мыслию ли, или мечтанием, или тонким мнением, или каким явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами, — приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее, внутри ли оно, или снаружи человека, есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда не соединяет прелесть рассеченного грехом человека, не останавливает движений крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его пред ним самим; напротив того, возбуждает в нем мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безвкусное, ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол *я*.

Божественное действие — невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из этого века; приходит, действует таинственно.

[1] Иов. 42. 6.

Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть погибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца; потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве. Приготовив таким образом сосуд, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается рассеченным частям, и они соединяются воедино. Как прикоснулся? — Не могу объяснить: я ничего не видел, ничего не слышал, но вижу себя измененным, внезапно ощутил себя таким от действия самовластного. Создатель подействовал при воссоздании, как действовал Он при создании. Скажи: слепленное из земли тело Адама, когда лежало еще не оживленное душою пред Создателем, могло ли иметь понятие о жизни, ощущение ее? Когда внезапно оживилось душою, могло ли прежде размыслить, принять ли душу или отвергнуть ее? Созданный Адам внезапно ощутил себя живым, мыслящим, желающим! С такою же внезапностию совершается и воссоздание. Создатель был и есть неограниченный Владыка — действует самовластно, вышеестественно, превыше всякой мысли, всякого постижения, бесконечно тонко, духовно вполне, невещественно.

Но ты еще колеблешься сомнением! Смотришь на меня и, видя пред собою толикого (такого) грешника, невольно вопрошаешь: неужели в этом грешнике, в котором действие страстей так явно и сильно, — неужели в нем действует Дух Святой?

Справедливый вопрос! и меня он приводит в недоумение, ужас! Увлекаюсь, согрешаю, прелюбодействую с грехом, изменяю Богу моему, продаю Его за мерзостную цену греха. И несмотря на мое постоянное предательство, на мое поведение изменническое, вероломное, — Он пребывает неизменен. Незлобивый, Он ожидает долготерпеливо моего покаяния, всеми средствами привлекает меня к покаянию, к исправлению. Ты слышал, что говорит в Евангелии Сын Божий? *Не требуют*, говорит Он, *здравии врача, но болящии. Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние*[1]. Так говорил Спаситель, так и действовал. Возлежал Он с мытарями, грешниками, вводил их чрез обращение к вере и добродетели в духовное родство с Авраамом и прочими праведниками. Тебя удивляет, поражает бесконечная благость Сына Божия? Знай, что столько же благ и Всесвятой Дух, столько же жаждет спасения челове-

[1] *...не здоровые имеют нужду во враче, но больные... Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 12–13).

ческого, столько же кроток, незлобив, долготерпелив, многомилостив Дух — Один из Трех Равночестных Лиц Всесвятой Троицы, составляющих собою, неслитно и нераздельно, единое Божественное существо, имеющих единое естество.

И грех-то привлекает Святого Духа к человеку! Привлекает Его грех, не осуществляемый совершением, но зримый в себе, признаваемый, оплакиваемый! Чем более человек вглядывается в грех свой, чем более вдается в плач о себе, тем он приятнее, доступнее для Духа Святого, Который, как врач, приступает только к сознающим себя больными; напротив того, отвращается от *богатящихся* суетным своим самомнением[1]. Гляди и вглядывайся в грех твой! не своди с него взоров! Отвергнись себя, не имей *душу свою честну себе*[2]. Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нем! Тогда, в свое время, узришь воссоздание твое непостижимым, тем более необъяснимым действием Святого Духа. Он придет к тебе, когда ты не чаешь Его, — воздействует в тебе, когда ты признаешь себя вполне недостойным Его!

Но если в тебе кроется ожидание благодати — остерегись: ты в опасном положении! Такое ожидание свидетельствует о скрытном удостоении себя, а удостоение свидетельствует о таящемся самомнении, в котором гордость. За гордостию удобно последует, к ней удобно прилепляется прелесть. Прелесть есть уклонение от Истины и содействующего Истине Святого Духа, уклонение ко лжи и содействующим лжи духам отверженным. Прелесть существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати. Это ее первоначальные виды; так почка, цвет, зародыш — первоначальные виды зрелого плода. От ложных понятий являются ложные ощущения. Из ложных понятий и ощущений составляется самообольщение. К действию самообольщения присоединяется обольстительное действие демонов. Демоны первенствуют и начальствуют в области лжи; произвольно подчинившийся демонам поступает под насильственное влияние их. Как омраченный и обольщенный ложью, признанной им за истину, он лишается самовластия, не примечая того. Такое состояние — состояние прелести. В него входим, в него низвергаемся за гордость нашу и самолюбие. *Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю*[3]. Аминь.

---

[1] Лк. 1. 53. ‖ [2] Ср.: *Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение* (Деян. 20. 24). ‖ [3] *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25).

Таинственное объяснение 99 псалма

Воскликните Богови вся земля[1]. Землей здесь назван человек. Это название дано человеку Самим Творцом его, Богом. Бог сказал Адаму: *земля еси*[2]. Хотя я одушевлен, но — земля: одушевлен я душою мертвою. Мертвая душа во время земной жизни погребена в земле, то есть заключена в страстном теле, как в темнице, как в оковах, и порабощена ему; по разлучении с телом, она нисходит в недра земли. Для спасения — необходимо оживление.

Чтоб земле ожить, и *воскликнуть Богови*, нужно предварительное уничтожение в ней разобщения, произведенного в ней падением, нужно соединение ее с собою и в себе. *Воскликнуть Богови* может только *вся земля*: только все цельное, воссоединенное с самим собою и в себе существо человека, руководимое умом, нерасхищаемым и неколеблемым в молитве чуждыми помыслами, может устремиться всеми силами своими к Богу; только *все кости* могут обратиться с живым словом истинной молитвы к Богу; *всеми костями* названы в Писании все составные части человека, собранные и воссозданные Господом, соединенные воедино между собою, соединенные воедино с Господом[3]. Тогда поймет человек из внутреннего опыта, совершившегося в душе его, что он ожил духовно, что дотоле был в плену, в оковах, в смерти. Из этого блаженного опыта преподобный Ефрем сказал: «Умножилась на мне, Господи, благодать Твоя, утолила глад мой и жажду мою, просветила мой омраченный ум, *собрала скитавшиеся помыслы мои*, наполнила мое сердце. Теперь поклоняюсь, припадаю, молюсь и умоляю Тебя, исповедуя мою немощь: ради человеколюбия Твоего, ослабь во мне волны благодати Твоей и сохрани ее для меня, чтоб опять дать мне ее в страшный день (второго пришествия Твоего или в день смерти моей). Не прогневайся на меня, Человеколюбец! не терплю быть без нее, и потому, отвергши всякое сомнение, обращаюсь к Тебе с молитвою. Превыше меры умножилась во мне благодать Твоя, и язык мой изнемог, не имея средства выразить ее; ум мой пришел в недоумение, не вынося множества волн ее. Образ и сияние благословенного Отца! укроти во мне ныне волны ее, потому что она сжигает члены мои и сердце; укроти здесь, чтоб там опять дать ее. Спаси меня, Владыко, и соделай достойным Царства Твоего. Не помяни беззаконий моих, и не прогневайся на дерзновение молитвы моей. Даруй мне просимое мною, и

[1] *Воскликните Господу, вся земля* (Пс. 99. 1). || [2] *...прах ты* (Быт. 3. 19). || [3] Пс. 34. 10.

вселись в меня, как в обитель[1], с благословенным Отцом Твоим, в день явления Твоего[2]. Христе! даруй мне молитву мою, потому что Ты один — Податель жизни. Скрой беззакония мои от друзей моих! прими эти слезы мои! да предстанет перед Тобою плач мой!»[3] — Эта речь — речь упоенного духовно милостию Божиею: она — *воскликновение.*

Работайте Господеви в веселии, внидите пред Ним в радости[4]. Доколе молитва расхищается чуждыми помыслами, дотоле подвиг молитвы совершается с трудом, со скорбию, с понуждением и насилием себя, дотоле молящийся не допускается пред лице Божие. Когда же молитва начнет произноситься из всего существа, тогда подвиг ее преисполняется духовным наслаждением. Этим наслаждением влечется подвижник к подвигу, ободряется, укрепляется, удерживается в подвиге; подвиг молитвы соделывается главнейшим, непрестанным единственным подвигом подвижника. В несказанной радости делатели непрестанной молитвы входят духом пред невидимое лице Божие и предстоят лицу Божию. Предстоят они этому Лицу, потому что чуждые помыслы и мечтания, составлявшие непроницаемую завесу, отъяты. Нет никакого препятствия к зрению! Но Бог, необъяснимо зримый чистотою сердца, пребывает невидимым: *Бога никтоже виде нигдеже*[5] по причине бесконечной тонкости, духовности существа Его. Совершенство существа Божия служит причиною **неприступности**[6] его не только к видению тварями, но и к постижению: оно — *мрак под ногама Его*, оно — *тьма, положенная в покров,* которым закрыт Бог. *Приклони небеса и сниде ...* Бог, *и взыде на Херувимы и лете, лете на крилу ветреню*[7].

[1] Ин. 14. 23. ‖ [2] Ин. 14. 21. ‖ [3] Слово 58, по славянскому переводу. На эти слова преподобного Ефрема Сирина ссылается святой Иоанн Лествичник в «Лествице» своей: «Кто, прежде будущей славы, сподобился такого бесстрастия, какого сподобился святой Сириянин? Славный в пророках Давид говорит Господу: *ослаби ми да почию* (Пс. 38. 14); Божий подвижник взывает: ослабь во мне волны благодати Твоей». Слово 29, гл. 8. В состояние, подобное описанному здесь, пришел юный инок Захария, которому дарована была за смирение его особенная, ощутительная благодать Святого Духа. См. «Достопамятные сказания» и Алфавитный патерик. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Огнь, нисшедший в сердце, восстановляет молитву. Когда же она восстанет и вознесется на небо, тогда совершается сошествие огня в горницу души». Слово 27, гл. 45. О духовной теплоте см. в «Слове о Иисусовой молитве» (Аскетические опыты. Т. II). Эта теплота бывает иною в начале своем и иною в недостижимой полноте своей. ‖ [4] *Служите Господу с веселием; идите пред лицо Его с восклицанием* (Пс. 99. 2). ‖ [5] *Бога не видел никто никогда* (Ин. 1. 18). Слич. Мф. 5. 8. ‖ [6] 1 Тим. 6. 16. «Во свете живый неприступнем», см. объяснение Иоанна Златоуста; Аскетические опыты. Т. 2 (с. 548 наст. изд.). ‖ [7] *..мрак под ногами Его. ... Наклонил Он небеса и сошел... И воссел на Херувимов и полетел, и понесся на крыльях ветра. И мрак сделал покровом Своим...* (Пс. 17. 10–12).

Преклонением небес и сошествием с них названо здесь умаление Богом величия Его, приспособление Его к свойствам тварей, по всемогуществу Его и неизреченной благости. Он как бы умаляется, нисходит с высоты совершенства Своего, чтоб соделать ощутительным всесвятое действие Свое Херувимам и тем человекам, которые оказываются, подобно Херувимам, способными к Богоношению. Действие Духа Божия уподоблено движению ветра или движению на крыльях ветра, чтоб показать, что это действие — невещественно, вполне духовно.

Радость и веселие свойственны душе, ощутившей оживление, ощутившей избавление из плена, в котором держали ее грех и падшие духи, ощутившей осенение Божественной благодати, ощутившей, что действием этой благодати она представлена лицу Божию, возведена в непорочное и блаженное служение Богу. Радость и веселие так сильны, что Святой Дух приглашает ощутившего их к *воскликновению*. Как не воскликнуть от радости освободившемуся, ожившему, окрылатившемуся, вознесшемуся с земли на небо? Воскликновение принадлежит духу человеческому. Оно сильно, но духовно: плоть и кровь не имеют, и не могут иметь в нем участия. Самовольное действие их устраняется: они поступают в подчинение действующей благодати Божией, служат орудиями в истинном подвиге и уже не увлекают человека в неправильные состояния и действия.

Уведите, яко Господь Той есть Бог наш: Той сотвори нас, а не мы: мы же людие Его и овцы пажити Его[1]. Молящийся молитвою нечистою имеет понятие о Боге мертвое, как о Боге неведомом и невидимом. Когда же, освободившись от расхищения и пленения помыслами, он допустится пред невидимое лице Божие, тогда познает Бога познанием живым, опытным. Он познает Бога как Бога[2]. Тогда человек, обратив взоры ума на себя, видит себя созданием, а не существом самобытным, каким обманчиво представляются люди самим себе, находясь в омрачении и самообольщении; тогда уставляет он себя в то отношение к Богу, в каком должно быть создание Его, сознавая себя обязанным благоговейно покоряться воле Божией и всеусердно исполнять ее. *Пажить Бога* — воля Его, открытая для овец Его в Священном Писании и являемая в непостижимых судьбах Его.

Внидите во врата Его во исповедании, во дворы Его в пениих: исповедайтеся Ему, хвалите имя Его[3]. Средство к получению доступа

---

[1] *Познайте, что Господь есть Бог, что Он сотворил нас, и мы — Его, Его народ и овцы паствы Его* (Пс. 99. 3). ‖ [2] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, главы 13 и 14. ‖ [3] *Входите во врата Его со славословием, во дворы Его — с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его* (Пс. 99. 4).

пред лице Божие — смирение. Смирение — врата Божии, врата во дворы Божии, в нерукотворенный чертог и храм Божий, в храм сердечный, в котором водворен Бог при посредстве Таинства Крещения. Врата Божии принадлежат единственно Богу. Они — *врата Его*; они отворяются исключительно перстом Божиим. Пред отверзением их даруется исповедание, исповедание сердечное, исповедание от всей души. Исповедание есть действие смирения. Исповедание есть выражение человеком сознания его пред Богом. Сознание это является при отверзении очей наших на нас самих от прикосновения благодати к очам души, причем ум отрясает слепоту, доселе омрачавшую его и лишавшую правильного, богоугодного самовоззрения. Мы исповедуем, — исповедуем от полноты убеждения, от такой полноты убеждения, с какою произносится и исповедуется Символ Веры, — что мы существа падшие, обремененные и тою греховностию, которая принадлежит всему человеческому роду, и тою, которая принадлежит каждому из нас в частности. Мы воздаем славу правосудию Божию, извергшему преступный род наш из рая на землю, обрекшему все человечество на труд и злострадание, карающему каждого человека частными казнями за частные его согрешения. Вслед за исповеданием является непарительная молитва. Она — дар Божий. Десницею этого дара восприемлется молящийся из среды окружавшего и пленявшего развлечения, представляется, вне всякого развлечения, лицу Божию в нерукотворном Божием храме. Из совершенного смирения и из совершенной покорности воле Божией рождается чистейшая, святая молитва. Не может она родиться иначе и из иных деланий: так винограду свойственно родиться на одной лозе, ни на каком ином древе. Молитва эта названа пением, потому что молитва духа есть святая, таинственная песнь, которой воспевается Бог. Великий Павел сказал: *исполняйтеся Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви*[1]. «Просвети мои очи мысленныя, отверзи моя уста поучатися словесем Твоим, и разумети заповеди Твоя, и творити волю Твою, и пети Тя во исповедании сердечнем, и воспевати всесвятое имя Твое!»[2]

Яко благ Господь, в век милость Его, и даже до рода и рода истина Его[3]. По познании и исповедании правосудия Божия, по

[1] *...исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу* (Еф. 5. 18–19). ‖ [2] Утренняя молитва по 12-ти «Господи, помилуй». ‖ [3] *Ибо благ Господь: милость Его вовек, и истина Его в род и род* (Пс. 99. 5).

оправдании судеб Божиих[1] подвижник молитвы вступает в познание бесконечной благости Божией, неразлучной с правосудием Его. В союзе благости Бога с правосудием Его является всесвятая истина Его: *милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастася*[2]. В молитву молящегося молитвою чистою проливается из ощущения благости Божией духовная сладость, погружающая дух человеческий в бездну смирения, вместе возносящая его от земли на небо. Такой молитвенник есть и уединеннейший безмолвник. Безмолвник этот пребывает непрестанно при Боге по действию в нем Бога, вне мира, вне помышлений о преходящем, вне сочувствия к преходящему. Сердце, ожив ощущением своим для Бога и для всего, что принадлежит Богу, умирает для мира, умирает для всего, что враждебно Богу и что чуждо Бога. В смерти этой — жизнь, и в погибели этой — спасение. Аминь.

Судьбы Божии

Нет слепого случая! Бог управляет миром, и все, совершающееся на небе и в поднебесной, совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем.

Бог управляет миром: разумные твари Его да покоряются Ему, и слуги Его да созерцают благоговейно, да славословят в удивлении и недоумении превышающее разум их величественное управление Его!

Бог управляет миром. Слепотствующие грешники не видят этого управления. Они сочинили чуждый разума случай; отсутствия правильности во взгляде своем, тупости своего взгляда, взгляда омраченного, взгляда извращенного, они не сознают; они приписывают управлению Божию отсутствие правильности и смысла; они хулят управление Божие и действие премудрое признают и называют действием безумным.

Господь Бог наш, по всей земли судьбы Его[3], проповедует царственный Пророк. *Судьбы Господни истинны, оправданны вкупе*[4]. В них нет ничего несправедливого! в них нет ничего неразумного! оправдываются они последствиями своими, своими духовными плодами; оправдываются они совершенством всесовершенного Источника своего.

---

[1] Пс. 18, 10: *Судьбы Господни истинны, оправданны вкупе* [Суды Господни — истина, все праведны]. ‖ [2] *Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются* (Пс. 84. 11). ‖ [3] *Он Господь Бог наш: по всей земли суды Его* (Пс. 104. 7). ‖ [4] *Суды Господни — истина, все праведны* (Пс. 18. 10).

Похвали, Иерусалиме, Господа, хвали Бога твоего, Сионе! яко укрепи вереи врат твоих, благослови сыны твоя в тебе[1]. Способна восхвалить Бога похвалой Богоугодной одна Православная Церковь; одни истинные сыны ее, верные недру ее — ее догматическому и нравственному преданию — способны наследовать благословение. Бог, *возвещаяй слово Свое Иакову, оправдания и судьбы Своя Израилеви*[2], открывает учение спасения всем членам Православной Церкви; но таинство евангельской правды и таинство судеб Своих открывает, насколько оно может быть постигнуто, одним избранникам, сподобившимся увидеть чистым умом Бога в промысле и управлении Его. *Не сотвори* Бог *тако всякому языку, и судьбы Своя не яви им*[3].

Видение судеб Божиих — видение духовное. Возводится Божественною благодатию, в свое время, к этому видению ум христианина, подвизающегося правильно[4]. Духовному видению ума сочувствует сердце духовным святым ощущением, которым оно напаявается, как бы напитком сладостным и благовонным, изливающим в него и питание, и мужество, и веселие. Вглядываюсь в судьбы Твои, Господь мой: *судьбы Твоя бездна многа*[5]. Глубину их не возможет исследовать ни ум человеческий, ни ум ангельский, подобно тому как чувственное око наше не может усмотреть сводов неба, скрывающихся за прозрачною, беспредельною синевою его.

Правильное и точное исполнение воли Божией не возможно без познавания судеб Божиих. Что — заповеди Божии? это — воля Божия, объявленная Богом людям для руководства в действиях, зависящих от произвола их. Что — судьбы Божии? это — действия или попущения воли Божией, на которые произвол человека не имеет никакого влияния. Очевидно, что для всецелого исполнения воли Божией человеком необходимо человеку встать в правильное отношение и к заповедям Божиим и к судьбам Божиим. *Сохраних пути Господни,* говорит истинный служитель Божий, *яко вся судьбы Его предо мною, и оправдания Его не отступиша от мене*[6]. *Судьбам*

---

[1] *Хвали, Иерусалим, Господа; хвали, Сион, Бога твоего, ибо Он укрепляет вереи ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя* (Пс. 147. 1–2). ‖ [2] *...возвестил слово Свое Иакову, уставы Свои и суды Свои Израилю* (Пс. 147. 8; Быт. 32. 28). Как Иаковом, так и Израилем назван здесь народ Израильский по имени своего родоначальника, который при рождении наречен Иаковом и переименован Израилем после того, как сподобился Боговидения. В духовном смысле Израилем называются христиане, достигшие значительного духовного преуспеяния. ‖ [3] *Не сделал Он того никакому другому народу, и судов Его они не знают* (Пс. 147. 9). ‖ [4] Святой Исаак Сирский. Слово 56. ‖ [5] *...судьбы Твои — бездна великая* (Пс. 35. 7). ‖ [6] *Я сохранил пути Господни... ибо все заповеди Его предо Мною, и от уставов Его я не отступал* (Пс. 17. 22– 23).

Твоим, Господь мой, *научи мя*[1]. *Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научитимися судьбам правды Твоея*[2].

Раздражи Господа грешный — произвольный служитель демонов — *несть Бога пред ним, оскверняются путие его на всяко время: отъемлются судьбы Твоя,* Господь наш, *от лица его*[3]. Пренебрежение заповедями Божиими по необходимости присоединяется к отвержению управления Божия миром и Промысла Божия о мире: пренебрежение заповедями Божиими вытекает из этого отвержения, как естественное последствие. Правителем вселенной, начальной причиной всего, совершающегося в обществе человеческом и с каждым человеком в частности, произвольный, намеренный грешник признает или человеческий разум, или слепой, бессмысленный случай. Становится этот грешник, по самому образу мыслей, по настроению души, в отношение, враждебное Господу, враждебное святому Евангелию Его; попирает бесстрашно этот грешник все заповеди Божии, удовлетворяет бесстрашно всем порочным пожеланиям своим.

Для кого нет Бога в Промысле Божием, для того нет Бога и в заповедях Божиих. Кто увидел Бога в управлении Его миром, кто возблагоговел пред этим управлением, кто возблагоговел *пред судьбами Божиими,* тот только может *пригвоздить плоти своя к страху Божию*[4]: распять волю и мудрование греховные и веществолюбивые на кресте евангельских заповедей. Чтоб увидеть Бога в Промысле Его, нужна чистота ума, сердца и тела. Для стяжания чистоты нужна жизнь по заповедям Евангелия. Из видения судеб Божиих рождается в сугубом обилии матерь этого видения — жизнь благочестивая.

Управляет Бог вселенною; управляет Он и жизнию каждого человека во всей подробности ее. Такое управление, входящее в самые мелочные, ничтожнейшие по-видимому условия существования тварей, соответствует бесконечному совершенству свойств Божиих. Закон такого управления прочитывается в природе, прочитывается в общественной и частной жизни человеков, прочитывается в Священном Писании. *Не две ли птице,* сказал Спаситель, *ценитеся единому ассарию; и ни едина от них падает на землю без Отца вашего. Вам же,* присные и верные служители

---

[1] *...судам Твоим научи меня* (Пс. 118. 108). ‖ [2] *я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей* (Пс. 118. 7). ‖ [3] *В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: «не взыщет»; во всех помыслах его: «нет Бога!» Во всякое время пути его гибельны; суды Твои далеки от него* (Пс. 9. 25–26). ‖ [4] *Пригвозди страху Твоему плоти моя: от судеб бо Твоих убояхся* (Пс. 118. 120).

Божии, *и власи главнии вси изочтени суть*[1]. Верю всесвятым словам! Не могу не верить им: они изображают с точностью совершенство Бога моего. *От лица Твоего*, Господь мой, *судьба моя изыдет*![2] Весь принадлежу тебе! Жизнь моя и смерть находятся ежечасно в руках Твоих! Во всех делах моих, во всех обстоятельствах моих Ты участвуешь: вспомоществуешь мне в благоугождении Тебе; долготерпишь мне при действиях моих своевольных, греховных, безумных. Постоянно направляет меня на путь Твой десница Твоя! Без содействия этой десницы давно-давно заблудился бы я безвыходно, погиб бы безвозвратно. Ты, единый способный судить человека, судишь меня и решаешь участь мою навеки по праведному суду Твоему, по неизреченной милости Твоей. Я — Твой и прежде бытия моего, и в бытии моем, и за пределом земного бытия или странствования моего!

Судьбы Божии — все, совершающееся во вселенной. Все совершающееся совершается вследствие суда и определения Божиих. Тайно от Бога и в независимости от Него не совершается и не может совершиться ничто. Одно совершается по воле Божией; другое совершается по попущению Божию; все совершающееся совершается по суду и определению Божиим. По этой причине судьбы Божии часто называются в Писании судом Божиим. Суд Божий всегда праведен; *праведен еси, Господи*, говорит Пророк, *и прави суди Твои*[3].

Действием воли Божией сотворены миры видимый и невидимый, сотворен и искуплен человек, совершены и совершаются все события, общественные и частные, из которых светит, как солнце с неба, Божия благость, Божие всемогущество, Божия премудрость. По попущению Божию, по произволу тварей явилось зло со всеми последствиями его: по попущению Божию, по собственному произволению пали ангелы, пал человек, не приняли Бога и отступили от Бога человеки, искупленные вочеловечившимся Богом; по попущению Божию, по злому произволению ангелов отверженных и падших человеков растлилась земля преступлениями и нечестием этих ангелов и этих человеков. По попущению и суду Божию карают и будут карать вселенную различные скорби и бедствия, общественные и частные; по попущению и суду Божию постигнет отступников от Бога, врагов Божиих вечная мука в огненной,

---

[1] *Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без* ***воли*** *Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10. 29–30). ‖ [2] *От Твоего лица суд мне да изыдет* (Пс. 16. 2). ‖ [3] *Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои* (Пс. 118. 137).

мрачной бездне адской, для которой они приготовили себя произвольно. Воззрел Апостол умом чистым, умом, озаренным лучами святой Истины, воззрел на недосягаемую высоту судеб Божиих и в священном ужасе от видения этих судеб воскликнул: *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень; или кто советник Ему бысть?*[1]

Воскликнул это Апостол, беседуя о страшном преступлении, о произвольном отвержении иудеями Искупителя, об отвержении исступленном, которое увенчалось злодейством чудовищным: убийством Искупителя. Говоря о преступлении человеков, вполне зависевшем от свободного произволения их, Апостол выражается так, как бы преступление совершено было Богом. *Затвори Бог всех* иудеев *в противление*[2]. *Даде им Бог дух умиления*[3], *очи не видети и уши не слышати*[4]. Попущение Божие названо действием Божиим. Неограниченный по силе и власти как бы ограничил Себя, не изменив произволения человеческого, не остановив действий человеческих, вступивших в упорное сопротивление, в ожесточенное противодействие воле и действию Бога. Произволение тварей, все усилия их не возмогли бы воспротивиться всемогущей деснице Творца. Этого не сделано. Это — судьбы Божии. Постижение их невозможно, как превышающее разум разумных созданий. Исследование того, что не может быть постигнутым, — труд тщетный, чуждый смысла. Исследование судеб Божиих воспрещается Богом как начинание, внушаемое слепотствующим высокоумием, как начинание, внушаемое ложным взглядом на предмет, как начинание, ведущее к неизбежному заблуждению, к богохульству, к душепогибели. Должно, по примеру Апостола, видеть и созерцать судьбы Божии оком веры, оком духовного разума и, не дозволяя себе бесплодных суждений по началам человеческим, погружаться благоговейно в священное недоумение, в священный *духовный мрак*, который вместе и чудный свет, которым закрыт Бог от умственных взоров и человеческих, и ангельских[5].

«Зло не имеет сущности, — сказали Отцы, — оно является от нашего нерадения о добродетели и исчезает от нашего усердия к

---

[1] *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его, ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?* (Рим. 11. 33–34.) ‖ [2] *...всех заключил Бог в непослушание* (Рим. 11. 32). ‖ [3] Ожесточения, нечувствия, ослепления ума и сердца. ‖ [4] *Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат...* (Рим. 11. 8). ‖ [5] Пс. 17. 12.

добродетели»[1]. Зло, будучи недостатком добра, может относиться только к ограниченным разумным тварям, в которых добро ограничено. Недостаток не имеет места в бесконечном, ни приступа к нему. Бог — бесконечен, и добро Его — бесконечно. Бесконечное по свойству своему не уменьшается при всевозможных численных вычитаниях из него и не увеличивается при всех таких приложениях к нему. Ни зло, ни добро тварей не имеет и не может иметь никакого влияния ни на Бога, ни на действия Его. Судьбы Божии стоят на высоте недоступной и неприкосновенной; они стоят на высоте, не зависящей от действий и демонских, и человеческих. Действие Божие пребывает со своим собственным свойством и значением, несмотря на то, каково бы ни было действие и человеческое и демонское, соединенное по наружности в одно действие с действием Божиим.

Разительный образец такого действия представляет собою великое событие: страдания и смерть Богочеловека. С одной стороны, этим страданиям и этой смерти благоволил подчиниться вочеловечившийся Бог по всесвятой воле Своей; с другой стороны, первосвященники иудейские, водимые также своим собственным произволением, подвергли вочеловечившегося Бога унизительнейшему бесчестию, истязаниям лютым и смерти позорной. В злодеянии человеков участвовали демоны, как начальники злодеяния[2]. Здесь действие Божие было соединено, по наружности, в одно действие с действием человеческим и демонским; но, в сущности, отличалось действие от действия всесовершенным различием. *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся*, сказал иудеям апостол Петр, вы *Начальника же жизни убисте; Бог же, яже предвозвести усты всех пророк Своих пострадати Христу, исполни тако*[3]. Эту же мысль выразили и все Апостолы в молитве, которую они произнесли при вести об открывшемся гонении на Церковь в Иерусалиме. Они сказали в молитве своей: *Владыко, Ты, Боже, сотворивый небо и землю и море и вся, яже в них, Иже Духом Святым усты отца нашего Давида отрока Твоего рекл еси: вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным! предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе на Господа и на Христа Его. Собрашася бо воистинну во граде сем на Святаго Отрока Твоего Иисуса, Егоже помазал еси, Ирод же и Понтийский Пилат с языки*

[1] Преподобный авва Дорофей. Поучение 11. || [2] Ин. 13. 2, 27. || [3] *Но вы от Святого и Праведного отреклись... а Начальника жизни убили... Бог же как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил* (Деян. 3. 14–15. 18).

и людьми Израилевыми, сотворити, елика рука Твоя и совет Твой преднарече быти[1].

Судьбы и действия Божии идут путем своим; действия человеческие и демонские идут также путем своим. Преступления и злодеяния не перестают быть преступлениями и злодеяниями в отношении к деятелям своим, хотя бы совершающие зло с намерением злым вместе были лишь орудиями воли Божией. Последнее есть следствие неограниченной премудрости Божией, неограниченного могущества Божия, по причине которых твари, действуя по свободному произволению своему, вместе с тем пребывают неисходно во власти Творца, не понимая того, исполняют волю Творца, не ведая того.

Судьбы Божии присутствуют и действуют в среде событий, совершаемых человеками и демонами, как тончайший дух среди вещества, не завися от вещества, не стесняясь веществом, действуя на вещество и не подвергаясь действию вещества. Судьбы Божии — всемогущее действие во вселенной всесовершенного Бога, единого, в точном смысле, Духа, наполняющего вселенную и все, что́ за пределами вселенной, не объемлемого вселенною. Не объемлет Бога мир вещественный, подверженный нашим чувствам; не объемлет Бога и мир духов, не подверженный нашим чувствам. Соответствуют Богу действия Его, судьбы Его: и они необъемлемы. Да безмолвствуют благоговейно пред ними и человеки и Ангелы! В отношении к Богу духи — то же вещество: отличаются они от Бога и по существу и свойствам, отличаются различием безмерным, отличаются настолько, насколько отличается и грубое вещество[2]. Таков закон для отношений бесконечного ко всему ограниченному и конечному. Как бы ни различались между собою предметы ограниченные, как бы ни возрастали или умалялись, различие их с бесконечным не изменяется и не может измениться никогда: всегда оно равно, потому что всегда бесконечно.

---

[1] *...Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и все, что в них! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: «что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его». Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой* (Деян. 4. 24–28). ‖ [2] «Ангелы, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — называются бестелесными и невещественными в сравнении с нами. В сравнении же с Богом, единым несравнимым, *все* оказывается грубым и вещественным». Изложение Православной Веры. Книга 2, гл. 3. Об Ангелах. Наука, в современном развитии ее, определяет со всей отчетливостию, что все ограниченное — по необходимости — и вещественно.

Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном: обаче горе человеку тому, имже соблазн приходит[1]. Это сказано Спасителем мира, Господом нашим Иисусом Христом. Это сказано о событиях, которые совершаются пред очами нашими и должны еще совершиться, в которых всесвятые судьбы Божии сливаются воедино с преступными и гибельными последствиями греховного, любострастного, враждебного Богу произволения человеческого.

Нужда приити соблазном: этими словами объявляется предопределение Божие, объявляются судьбы Божии, непостижимые для человека и недоступные для постижения его. *Горе человеку тому, имже соблазн приходит*: этим объявляется гнев Божий служителям, проповедникам, покровителям греха, сеятелям и распространителям греха в обществе человеческом, врагам и гонителям истинного Богопознания и Богослужения. Настроение и деятельность их уже осуждены Богом; уже произнесены громовые угрозы против этого настроения и этой деятельности; уже приготовлен в возмездие им вечный ад с его темницами, с его ужасными пытками и казнями. Но деятельность и настроение человеков, неприязненные и противодействующие Богу, попущены Богом. Таковы судьбы Божии. Зло, совершаемое тварями, не может нарушать в Боге — в Добре Всесовершенном — нерушимого, неприкосновенного пребывания в неизменяемых свойствах и достоинстве Его, не может воспрепятствовать беспредельной Премудрости Божией совершение всесвятой, всемогущей воли Ее.

Что такое — предопределение Божие? Это — образ выражения, употребляемый Священным Писанием, которым изображается величие Божие, превысшее всякого изображения. Понятие о предопределении много сходствует с понятием о судьбах: понятие с понятием сливаются часто. Объясним, по возможности нашей, предопределение Божие, о существовании которого свидетельствует Священное Писание[2], неправильным пониманием которого увлекаются многие в гибельную пропасть заблуждения.

Бог не подлежит времени[3]: время не существует для Бога. Словом «время» выражается понятие, составившееся в разумных тварях от впечатления, произведенного в них переменами явлений в природе. Так определяется время наукою. *И бысть вечер, и бысть утро, день един*[4]. Так представляется Писанием происхождение

---

[1] *Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18. 7). ‖ [2] Рим. 9. ‖ [3] Святой Иоанн Дамаскин. Изложение Православной Веры. Книга 2, гл. 3. Об Ангелах. ‖ [4] *И был вечер, и было утро: день один* (Быт. 1. 5).

понятия о времени, вполне согласно с выводом положительной науки[1]. Очевидно, что впечатления извне не могут действовать на Бога, иначе Он не был бы совершен и подвергался приложениям и умалениям, что не свойственно бесконечному. Вообще нет времени для Бога: нет для него и будущего времени. Имеющее совершиться предстоит уже совершившимся лицу Божию, и загробная участь каждого человека, долженствующая истечь как естественное следствие из земной, произвольной деятельности его, известна уже Богу, уже решена Богом. ***Несоделанное мое видесте очи Твои***[2], всесовершенный Бог! Исповедал это вдохновенный Пророк; исповедать это должен, по логичной необходимости, каждый человек.

«Я предопределен! противиться предопределению, изменить или разрушить предопределение Божие не имею никакой возможности. Зачем же принуждать себя к неумолимо строгой христианской добродетели? зачем подвергать себя бесчисленным лишениям и жить, постоянно отрекаясь от жизни? Поживу как хочется и нравится! Поспешу к тому, к чему приманивает меня мечта моя, рисуя пред взорами моими очаровательные картины! Потешусь досыта всеми наслаждениями, хотя бы и греховными! С роскошью рассыпаны они по вселенной, и нестерпимое любопытство влечет вкусить и узнать их опытно! Если предопределено мне спастись, то, несмотря на всю порочность мою, Бог спасет меня. Если же суждено мне погибнуть, то погибну, несмотря на все усилия мои стяжать спасение». Провозглашается такое суждение неведением таинств христианства! Провозглашается оно лжеименным разумом и плотским мудрованием. Произносится в нем страшное, непонимаемое ими богохульство! Несчастное, вполне ошибочное умствование признается и принимается многими за неопровержимую истину: на нем зиждется жительство своевольное, жительство беззаконное и развратное. На земном порочном жительстве зиждется жительство вечно горестное, жительство вечно бедственное в стране загробной.

Ложное, душепагубное умствование о предопределении и судьбе возникло из смешения действий, свойственных единому Богу, с действиями человеческими. Одна погрешность влечет непременно к другой погрешности; влечет она ко многим погрешностям, если сделана в мысли начальной, исходной. Человек, смешав свое действие с действием Божиим, уже как бы естественно подчинил оба действия одному закону, одному суду, суду своего разума.

---

[1] Физика. || [2] *Зародыш мой видели очи Твои* (Пс. 138. 16).

Отсюда открылось для него необозримое поприще заблуждений. Поставив себя судиею действий Божиих, он по необходимости приписал Богу то же отношение к добру и злу, какое имеет к ним человек. Свойства Божии признал он тождественными со свойствами человеческими; мышление Божие подчинил он законам мышления человеческого; он постановил и некоторое различие, но различие не бесконечное, а какое-то свое, неопределенное, чуждое правильности и смысла.

От безначального начала Своего Бог довольствовался и довольствуется Своим единым Словом. Слово Бога есть вместе и Мысль Его: *Слово искони бе, к Богу, и Бог бе Слово*[1]. Таково свойство беспредельного Ума. По беспредельному совершенству Своему Бог имеет одну и единственную Мысль, несмотря на то что Мысль эта выражается в области разумных тварей бесчисленным множеством мыслей. Отделим от себя на бесконечное расстояние и существо Бога, и свойства Его, и действия Его: тогда суждение наше о судьбах и предопределении получит должную основательность. Предопределение участи человека вполне приличествует Богу по неограниченному совершенству ума Божия, по независимости Бога от времени. Предопределение, показывая человеку величие Божие и пребывая тайной, известной одному Богу, нисколько не стесняет свободной деятельности человеческой на всем поприще земной жизни, не имеет никакого влияния на эту деятельность, никакого соотношения к ней. Не имея никакого влияния на деятельность человека, предопределение Божие не имеет и не может иметь никакого влияния на последствия этой деятельности, на спасение и погибель человека. В руководители поведению нашему даны, с одной стороны, разум и свободное произволение, с другой — откровенное учение Божие. Откровенное учение Божие возвещает с удовлетворительнейшею подробностию волю Божию в средство спасения, возвещает благоволение Божие, чтоб спаслись все человеки, возвещает муку вечную за попрание воли Божией. Отсюда ясное следствие: спасение и погибель человека зависят единственно от произвола его, а не от не известного ему определения Божия.

Отчего один родится в богатстве и знатности, другой — в нищете, в среде людей, презираемых и угнетаемых, обреченных на всежизненный телесный труд в поте лица, лишенных средства к развитию умственному? Отчего иной умирает дряхлым старцем, иной

[1] Ср.: *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Сей бе искони к Богу. — В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога* (Ин. 1. 1–2).

в цвете юношеского или мужеского возраста, иной дитятей и даже краткодневным младенцем? Отчего один пользуется постоянно здравием и благополучием, другой томится в болезнях, передается скорбями скорбям, бедствиями бедствиям, как бы с рук на руки? Эти и этим подобные вопросы заняли однажды великого пустынножителя египетского Антония, и тщетно искал разрешения им пустынножитель в собственном разуме, осененном Божественною благодатию, способном углубляться в рассматривание таин Божиих. Когда святой старец утомился размышлением бесплодным, последовал к нему с неба глас: «Антоний! Это — судьбы Божии. Исследование их душевредно. Себе внимай»[1].

«Себе внимай», о человек! Вступи в труд и исследование, существенно нужные для тебя, необходимые. Определи с точностию себя, твое отношение к Богу и ко всем частям громадного мироздания, тебе известного. Определи, что дано понимать тебе, что предоставлено одному созерцанию твоему и что скрыто от тебя. Определи степень и границы твоей способности мышления и понимания. Эта способность, как способность существа ограниченного, естественно имеет и свою степень и свои пределы. Понятия человеческие, в их известных видах, наука называет полными и совершенными, но они всегда остаются относительными к человеческой способности мышления и понимания: они совершенны настолько, насколько совершен человек. Достигни важного познания, что совершенное понимание чего-либо несвойственно и невозможно для ума ограниченного. Совершенное понимание принадлежит одному Уму совершенному. Без этого познания, познания верного и святого, правильность положения и правильность деятельности постоянно будут чуждыми для самого гения. Положение и деятельность разумеются здесь духовные, в которых каждый из нас обязан развиться развитием, назначенным и предписанным для разумной твари Создателем ее. Не говорится здесь о том срочном положении и о той срочной деятельности, в которые поставляемся на кратчайший срок во время земного странствования нашего, как члены человеческого общества.

Кажется: что ближе ко мне меня? что мне известнее меня? Я постоянно с собою; по естественной необходимости я должен постоянно внимать себе; обращаю внимание на другие предметы, насколько нужно это для меня. Любовь ко мне самому поставлена мне законом Божиим в меру любви к ближнему. И я-то, беру-

[1] Патерик Скитский.

щийся узнавать далекое в глубинах земли и моря, в глубинах поднебесной и за сводами неба, прихожу в затруднение, в совершенное недоумение, не знаю, что отвечать мне, когда услышу вопрос: кто я и что я? Кто — я? Существо ли? Но я подвержен необычайным изменениям со дня зачатия моего и до дня смерти. Существо в полном смысле не должно подлежать изменениям; оно должно проявлять постоянно одинаковую, всегда равную себе силу жизни. Нет во мне свидетельства жизни, которое бы всецело заключалось во мне самом; я подвергаюсь совершенному иссякновению жизненной силы в теле моем: я умираю. Не только бренное тело мое подчинено смерти, но и самая душа моя не имеет в себе условия жизни нерушимой: научает меня этому Священное Предание Церкви Православной. Душе, равно и Ангелам, даровано бессмертие Богом: оно не их собственность, не их естественная принадлежность[1]. Тело для поддержания жизни своей нуждается в питании воздухом и произведениями земли; душа, чтоб поддержать и сохранить в себе бессмертие свое, нуждается в таинственном действии на себя Божественной десницы. Кто — я? явление? но я чувствую существование мое. Многие годы размышлял некто об ответе удовлетворительном на предложенный вопрос, размышлял, углубляясь в самовоззрение при свете светильника — Духа Божия. Многолетним размышлением он приведен к следующему относительному определению человека: «Человек — отблеск существа, и заимствует от этого Существа характер существа»[2]. Бог, единый *Сый*[3], отражается в жизни человека. Так изображает себя солнце в чистой дождевой капле. В дождевой капле мы видим солнце; но то, что видим в ней, — не солнце. Солнце — там, на высоте недосягаемой.

Что — душа моя? что — тело мое? что — ум мой? что — чувства сердца? что — чувства тела? что — силы души и тела? что — жизнь? Вопросы неразрешенные, вопросы неразрешимые! В течение тысячелетий род человеческий приступал к обсуждению этих вопросов, усиливался разрешить их и отступал от них, убеждаясь в их неразрешимости. Что может быть знакомее нам нашего тела? Имея чувства, оно подвергается действию всех этих чувств: познание о теле должно быть самым удовлетворительным, как приобретаемое и разумом и чувствами. Оно — точно таково в отношении к познаниям о душе, о ее свойствах и силах, о предметах, не подверженных

---

[1] Святой Иоанн Дамаскин. Изложение Православной Веры. Книга 2, 3. Об Ангелах. ‖ [2] Святой Иоанн Дамаскин. Изложение Православной Веры. Книга 4, гл. 13. ‖ [3] *Сущий* (Исх. 3. 14).

чувствам тела[1]; вместе оно — познание, крайне недостаточное в отношении к условиям, при которых познание может быть признано полным и совершенным.

Чтоб узнать значение какого бы то ни было вещества, наука обязана разложить его на составные, неразлагаемые части, потом из составных частей воссоздать разложенное вещество. Полученные этим способом познания о веществе наука принимает за верные; предположения[2], доколе они не доказаны положительно, не допускаются в состав познаний, в сокровищницу науки, хотя произвол человеческий провозглашает о них и устно и печатно, как бы об истинах, насмехаясь над невежеством и легковерием человечества. Чтоб разложить удовлетворительно человеческое тело, необходимо совершить это тогда, когда тело еще живо. Нет возможности определить значение жизни иначе, как уловив ее и рассмотрев одну и саму по себе. Верность разложения должна быть доказана образованием из составных частей живого тела. Это — невозможно. Мы разлагаем одни трупы[3], не зная, чтó оставляет жизнь в оставленном ею теле и что уносит с собою. Раскрывая трупы, мы знакомимся с устройством машины, сокрытой во внутренности тела, но машины, уже не способной к движению и действию, машины, уже лишенной своего существенного значения. Что ж знаем мы о нашем теле? Нечто, далеко отстоящее от познания полного и совершенного.

Сделаем запрос уму нашему, этому главному орудию для приобретения познаний, чтоб он дал существенное определение себе: что — он? Сила души? Но этим высказывается лишь понятие, явившееся в нас от впечатлений, произведенных действиями ума, — не определяется сущность ума. Точно то же должны мы сказать и о духе человеческом, то есть о тех возвышенных сердечных чувствах, которых лишены животные, о чувствах, которыми сердце человека отличается от сердца животных и которые составляют изящный избыток чувств в сердце человеческом пред сердцами животных. Дух — сила души. Каким образом соединены силы души с самою душою? Образ соединения непостижим, так как непостижим образ соединения тела с его чувствами, зрением, слухом и прочим разнообразным осязанием. Чувства тела оставляют тело в то время, ког-

---

[1] Это относится к одним плотским людям, в которых душа не оживлена действием Божественной благодати. Оживленные этим действием имеют о душе более ясное понятие. || [2] Ипотезы [гипотезы]. || [3] Трупом называется тело человеческое в первых степенях разложения по оставлении его душою, но еще не разложившееся окончательно.

да оставляет его жизнь, уносятся из него отходящею душою. Значит, телесные чувства принадлежат собственно душе и, когда она пребывает в теле, делаются как бы чувствами тела. Отсюда вытекает необходимое естественное последствие: способность души чувствовать то же, что чувствует тело; сродство души с телом — не та совершенная противоположность, которая опрометчиво приписана некоторыми душе и сотворенным духам, которая доселе приписывается им невежеством[1]. Существует между тварями постепенность и происходящее из постепенности различие, как и между числами. Различие может быть очень значительным; но оно не уничтожает ни сродства, ни постепенности. В этой постепенности одно грубее по отношению к нам, другое тоньше; но все сотворенное, ограниченное, существующее в пространстве и времени, не может быть чуждым вещественности — этой неотъемлемой принадлежности всего ограниченного. Невещественен — один Бог: Он отличается решительным различием от всех тварей; Он противоположен им по существу и свойствам так, как противоположно бесконечное числам, всем без исключения. Вот что знаем о нашей душе, о уме, о сердце! Что же знаем мы? *Нечто*, самое ограниченное *нечто*.

Кто знает все это со всею удовлетворительностию? Един Бог! Он, по свойству бесконечного, имеет обо всем совершенное понятие, чуждое всякого недостатка, и доказал Он такое понятие доказательством совершенным: сотворением из ничего бесчисленных миров, видимых нами и невидимых, ведомых и неведомых. Свойственно бесконечному оживлять несуществующее в существование, чего не сильны сотворить никакие числа, как бы ни были они велики. Доказательство беспредельности Разума, управляющего вселенной, продолжает великолепно выражаться существованием всего существующего[2]. Малейшее количество законов творчества и существования, и то в некоторой степени, постигнуто человеками. Постигнуто ими и то, что всю природу объемлет превысшее человеческого постижения Законодательство. Если нужен ум для постижения частицы законов, тем необходимее Он для составления их.

Человек! «Себе внимай», себя рассматривай! Из ясного, по возможности твоей, понимания себя яснее и правильнее будешь смотреть на все, что подлежит твоим взорам вне тебя. Каким образом,

---

[1] Декарт и его последователи признают душу субстанциею, совершенно противоположной телу, не имеющею с ним ничего общего, не имеющею никакого отношения к пространству и времени; мы признаем такою субстанциею единого Бога. ‖ [2] Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной Веры. Книга 4, гл. 13.

с какого повода вступил я в существование и явился на поприще земной жизни? Явился я на этом поприще невольно и бессознательно; причины вступления в бытие из небытия не знаю. Обдумываю, изыскиваю причину и не могу не сознаться, что должен по необходимости признать ее в определении неограниченной, неизвестной, непостижимой Воли, которой подчинен я безусловно. Явился я со способностями души и тела, как с принадлежностями: они даны мне — не избраны мною. Явился я с разнообразными немощами, как бы запечатленный уже казнию; явился страдальцем и обреченным на страдания. Встал я в обстоятельства и обстановку, какие нашел, или какие приготовлены мне, — не знаю. На пути земного странствования очень редко могу поступить по произволу моему, исполнить мое желание: почти всегда влекусь насильно какой-то невидимою, всемогущею Рукою, каким-то Потоком, которому не могу оказать никакого сопротивления. Почти постоянно встречается со мною одно неожиданное и непредвиденное. Увожусь из земной жизни наиболее внезапно, без всякого согласия моего на то, без всякого внимания к земным нуждам моим, к нуждам окружающих меня, для которых я, по суждению моему и их, необходим. Увожусь с земли навсегда, не зная, куда пойду! увожусь в грозном одиночестве! В стране неведомой, в которую вступаю смертию, встретит меня одно новое, одно невиданное никогда. Чтоб вступить в неведомую страну, я должен оставить на земле все земное, должен скинуть с себя самое тело. Оттуда, из неведомой страны, не могу подать на землю никакой вести о себе, потому что нет возможности услышать весть оттуда кому бы то ни было, облеченному в оболочку земного, грубого вещества. Жизнь моя в этом видимом мире есть непрерывающаяся борьба со смертию; такова она от колыбели моей и до могилы моей. Могу умереть ежедневно и ежечасно, но дня и часа смерти — не ведаю. Известно мне, что умру; в этом нет и не может быть ни малейшего сомнения, но живу как бы бессмертный, потому что чувствую себя бессмертным. Предощущение смерти отнято у меня, и я никак бы не поверил, что человеку возможно умереть, если бы не видел на всех человеках, что смерть есть неизбежный удел каждого человека. Верно изображается Евангелием немощь власти нашей над нами. «Сколько бы ты ни делал усилий, — говорит Евангелие человеку, — не можешь приложить возрасту твоему одного локтя[1] и белого волоса твоего сделать черным»[2].

[1] Мф. 6. 27. || [2] Мф. 5. 36.

«Почему делается это так? Нельзя не сознаться, что многое из сказанного здесь сказано с осязательною справедливостию. Страдальческое состояние человечества на земле, состояние, предлежащее взорам всех, должно иметь свою причину. Но как может быть виноватым потомство в согрешении праотца, отдаленного от потомства и уже чуждого потомству? Потомство карается: это — очевидно. Почему же карается оно, невинное? Почему несет оно ужасную вечную казнь? Казнь переходит с поколения на поколение, ложится тяжеловесно на каждом поколении, стирает с лица земли каждое поколение, подвергнув прежде каждое поколение бесчисленным томлениям. Каждое поколение является на лице земли бессознательно, невольно, насильственно. Каждый человек вступает в земную жизнь без способности произвольно действовать способностями, которые в младенце должно скорее уподобить семенам, нежели произрастениям. Какое же участие потомства в грехе праотца, участие, достойное таких казней, когда не было и нет самой возможности для потомства принять участие в грехе ни тонким сердечным согласием, ниже малейшим уклонением ума? Где тут правосудие Божие? где благость? Вижу одно, противное им». Так вопиет немощный человек, ослепленный греховным, вещественным жительством своим. Так вопиет он и призывает пред себя к допросу судьбы Божии.

Так вопиет неведение Бога! так вопиет гордость человеческая! так вопиет незнание человеком самого себя! так вопиет ложное понятие о себе и о всей обстановке своей! так вопиют они — и никто не внемлет воплю. Посредством таких возгласов человеки, не понимая того, обнаруживают только объявший их недуг самомнения и самообольщения: посредством таких возгласов они обличают живущее в них сознание в себе способности и желание быть распорядителями вселенной, судьями и наставниками Бога в Его управлении миром, и никто не дает им высоких заоблачных престолов, на которых прежде возмутившихся человеков захотели воссесть возмутившиеся ангелы. Безрассудное начинание погрязает, как в темной пропасти, в безрассудности своей, терзая жертвы, предавшиеся опрометчиво, увлеченно этим начинанием, терзая их муками бесплодными в цепях неразрешимых. События идут своею чередою, в домостроительстве вселенной не происходит никакой перемены, судьбы Божии пребывают непреложными. Ничтожество и самообольщение человеков доказывается им положительно и неопровержимо суровым опытом.

Точнейшее математическое соображение объясняет человеку со всею определенностию бесконечное отличие его от Бога и по

существу, и по свойствам, хотя для изображения того и другого употребляются одни и те же слова по причине скудости языка человеческого. Бесконечное управляется совсем иными законами, нежели все, что только может быть изображено числом по методу положительной науки, на которой зиждутся все другие науки, как зиждется на костях весь состав человека. Из этой аксиомы вытекает другая аксиома: действия бесконечного естественно недоступны для постижения всех каких бы то ни было разумных тварей, подвергающихся изображению числом. Число, насколько бы ни возрастало оно, пребывает числом и отличается от бесконечного бесконечным различием, которым одинаково отличаются от бесконечного все числа. Стремление к постижению недоступного для постижения есть ни что иное, как следствие ложного знания, составившегося из ложных понятий. Стремление это не может не действовать сообразно своему началу: оно должно повести к самым гибельным последствиям по свойству всех действий, исходящих из лжи. Откуда явилось это стремление? Очевидно: из гордостного, ошибочного мнения о себе, которое увлекает человека давать себе иное значение, нежели какое ему дано в необъятном мироздании.

Рассматриваю себя! и вот зрелище, изобразившееся предо мною при рассматривании себя! вот как описан я неоспоримо, описан чертами верными, красками живыми, описан самими опытами, самими событиями из моей жизни! Какое заключение должен я вывести о себе из этой живописи? Заключение, что я отнюдь не самобытное и не самостоятельное существо, что я лишен самых основных, самых жизненных познаний о себе. Настоит нужда, настоит необходимость, чтоб иной объяснил мне меня удовлетворительнее, чтоб объявил мне мое назначение, чтоб указал мне деятельность правильную и тем предохранил меня от деятельности без смысла и без цели.

Эту настоятельную нужду, эту необходимость признал Сам Бог. Признал Он ее и даровал человекам Откровенное учение, которое возводит нас к познаниям, не доступным для собственного постижения нашего. В Богооткровенном учении Бог открыл Себя человеку, насколько ограниченному человеку может быть объяснен и открыт неограниченный и необъяснимый Бог. В Богооткровенном учении открыл Бог человеку значение и назначение человека, его отношение к Богу и к мирам, видимому и невидимому. Открыл Бог человеку познание о человеке, насколько это познание доступно уму человека. Полное и совершенное познание человека, как и вся-

кой другой твари, имеет один, способный к полному и совершенному познанию всего, — всесовершенный Бог.

Божественное откровенное учение, будучи сличено с познаниями, доставляемыми человеку точным рассматриванием себя, подтверждается этими познаниями и подтверждает их. Познания, подтверждаясь одни другими, предстоят пред человечеством в ярком свете неопровержимой истины.

Божественное откровенное учение возвещает мне, опыты жизни доказывают мне, что я — создание Божие. Я — создание Бога моего! я — раб Бога моего, раб, вполне подчиненный власти Бога, объемлемый, содержимый властию Его, властию неограниченною, самодержавною в точном смысле слова. Власть не совещается ни с кем, власть не дает о предположениях и действиях своих никому никакого отчета: никто, ни из человеков, ни из Ангелов, не способен ни дать совета, ни выслушать, ни понять отчета. *Искони бе к Богу Слово Его*[1].

Я раб Бога моего, несмотря на то что мне даны свободная воля и разум для управления волей. Воля моя свободна почти только в одном избрании добра и зла; в прочих отношениях она ограждена отвсюду. Могу пожелать! но пожелание мое, встречаясь с противоположною волею других человеков, с противоположным направлением непреодолимых обстоятельств, остается, по большей части, неисполнимым. Могу пожелать многого, но собственная немощь моя соделывает бесплодным многое множество пожеланий моих.

Когда пожелание останется неисполненным, особенно когда пожелание представляется и благоразумным, и полезным, и нужным, — тогда сердце поражается печалию. Соответственно значению пожелания печаль может усиливаться, нередко переходить в уныние и даже отчаяние. Что успокаивает в лютые времена душевного бедствия, когда всякая помощь человеческая или бессильна, или невозможна? Успокаивает одно сознание себя рабом и созданием Божиим; одно это сознание имеет такую силу. Едва скажет человек молитвенно Богу от всего сердца своего: *да совершается надо мною, Господь мой, воля Твоя,* — как и утихает волнение сердечное. От слов этих, произнесенных искренне, самые тяжкие скорби лишаются преобладания над человеком.

Что значит это? Это значит, что человек, исповедав себя рабом и созданием Божиим, предавшись всецело воле Божией, немедленно вступает всем существом своим в область святой Истины. Истина

---

[1] Ср.: *Сей бе искони к Богу. — Оно было в начале у Бога* (Ин. 1. 2).

доставляет правильное настроение духу, жизни. Взошедший в область Истины, подчинившийся Истине, получает нравственную и духовную свободу, получает нравственное и духовное счастие. Эта свобода и это счастие не зависят от человеков и обстоятельств.

Аще вы пребудете во словеси Моем, сказал Спаситель иудеям, *воистинну ученицы Мои будете и уразумеете Истину, и Истина свободит вы. Всяк творяй грех раб есть греха. Аще убо Сын* Божий, Который есть Само-истина, *высвободит, воистинну свободни будете*[1]. Служение греху, лжи, суете есть в полном смысле рабство, хотя бы оно представлялось по наружности блестящей свободой. Рабство это — рабство вечное. Только тот совершенно и истинно свободен, кто — истинный раб Бога своего.

Еще глубже погружаюсь в рассматривание себя, и новое зрелище открывается предо мною. Усматриваю решительное расстройство моей собственной воли, непокорность ее разуму, а в разуме усматриваю утрату способности руководить волей правильно, утрату способности действовать правильно. При рассеянной жизни мало замечается это состояние, но в уединении, когда уединение освещено светом Евангелия, состояние расстройства сил душевных является в обширной, мрачной, ужасной картине. И служит оно свидетельством предо мною, что я — существо падшее. Я — раб Бога моего, но раб, прогневавший Бога, раб отверженный, раб, караемый рукою Божиею. Таким объявляет мне меня и Божественное Откровение.

Мое состояние есть состояние, общее всем человекам. Человечество — разряд существ, томящихся в разнообразном бедствии, казнимых. Не может быть иначе! Доказательствами этого я обставлен и извне и внутри меня. Если бы я не был изгнанником на земле, подобно всем братиям моим, человекам, если бы земная жизнь моя не была наказанием, то зачем всей жизни этой быть поприщем непрестанного труда, непрестанного столкновения, ненасытного стремления, никогда и ничем не удовлетворяемого? зачем земной жизни быть путем одного страдания, иногда действующего сильнее, иногда слабее, иногда ощущаемого, иногда заглушаемого упоением земными попечениями и наслаждениями? зачем быть болезням и всем другим несчастиям, частным и общественным? зачем быть в обществе человеческом ссорам, обидам, убийствам? зачем быть всему разнообразному злу, неусыпно ратующему против

---

[1] *...если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными... Всякий, делающий грех, есть раб греха... Если Сын освободил вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8. 31, 34, 36; 14. 6).

добра, угнетающему и гонящему добро, почти всегда торжествующему над добром? зачем каждый человек внутри себя отравлен страстями, мучится ими несравненно более, нежели скорбями извне? зачем быть смерти, пожирающей нещадно всех? Что за явление — поколения, сменяемые одно другим, возникающие из небытия, вступающие в жизнь на краткий срок, опять погружающиеся навсегда в неизвестность?

Что за явление — деятельность каждого поколения на земле, как бы вечного на ней? Что за явление — эта деятельность, постоянно противоречащая самой себе, постоянно зиждущая с усилием, зиждущая на потоках крови человеческой, как бы на цементе, постоянно разрушающая свою работу с таким же усилием, с таким же кровопролитием?.. Земля — юдоль изгнания, юдоль непрерывающегося беспорядка и смятения, юдоль срочного[1] страдальческого пребывания существ, утративших свое первобытное достоинство и жилище, утративших здравый смысл. Бесчисленными образами страдания страдают человеки в этой юдоли мрачной и глубокой! страдают они и под гнетом нищеты и в обилии богатства; страдают и в убогих хижинах и в великолепных царских чертогах; страдают от бедствий извне и от того страшного расстройства, которым поражено естество каждого человека внутри его, которым поражены и душа и тело его, которым извращен, ослеплен ум его.

Так гадательствую о себе! К таким неоспоримым, осязательным заключениям приводят меня опыты моей жизни и все, совершившееся и совершающееся над всем человечеством. Таким изображает меня и Божественное откровение, изображает с большею определенностию, отворяя мне врата в область познаний по дару Бога моего, врата заключенные, к которым я мог только достичь, пред которыми мог только встать действием собственного умствования моего. Поведается Божественным Откровением, что первый человек создан Богом из ничего, создан в красоте духовного изящества, создан бессмертным, чуждым зла. Поведание это не может не быть справедливым: чувствую себя бессмертным, и зло — чуждо мне; ненавижу его, мучаюсь им, увлекаюсь им, как льстецом и как тираном. Сотворенный на земле первый человек взят в отделение неба, называемое раем. Здесь, среди ненарушаемого ничем блаженства, он отравил себя самопроизвольно вкушением зла, в себе и с собою он отравил и погубил все потомство свое. Адам — так назывался этот человек — поражен смертию, то есть грехом, безвозвратно

[1] Ограниченного сроком. — *Ред.*

расстроившим естество человека, сделавшим его неспособным к блаженству. Убитый этою смертию, но не лишенный бытия, причем смерть тем ужаснее, как ощущаемая, он низвергнут на землю в оковах: в грубой, многоболезненной плоти, претворившейся в такую из тела бесстрастного, святого, духовного. Земля проклята за преступление человека: она, утратив свое первобытное состояние[1], преобразилась в состояние, какое должна иметь обитель изгнанников с неба за попрание на небе заповеди Божией. Враждебное настроение к нам всей видимой природы встречаем на каждом шагу! на каждом шагу встречаем ее укоризну, ее порицание, ее несогласие на наше поведение! Пред человеком, отвергшим покорность Богу, отвергла покорность тварь бездушная и одушевленная! Она была покорна человеку, доколе он пребывал покорным Богу! Теперь она повинуется человеку насильно, упорствует, часто нарушает повиновение, часто сокрушает своего повелителя, жестоко и неожиданно возмутившись против него. Закон размножения человеческого рода, установленный Творцом вслед за сотворением, не отменен; но он начал действовать под влиянием падения; он изменился, развратился. Родители подверглись враждебным отношениям между собою, несмотря на плотской союз свой[2]; они подверглись болезням рождения и трудам воспитания[3]; чада, зачинаясь в недре растления и в грехе[4], вступают в бытие жертвами смерти. Пребывание на поверхности земной, среди разнообразных и многочисленных томлений, дано каждому человеку срочное. По миновании срока, определяемого непостижимым Богом, каждый человек должен нисходить в вечную темницу, в ад, образуемый обширною внутренностию земной планеты. Что такое — человечество, исполненное гордого мечтания о себе, обезумленное этою суетною и ложною мечтою? Человечество — сор, непотребный для неба, выметенный с неба, повергнутый сперва к устию пропасти, потом повергаемый постепенно, по мере своего размножения, в самую пропасть. Пропасть именуется бездною: такова она в отношении к человекам. Нет выхода из нее: *вереи ея* и *заклепи вечнии*[5], говорит Писание.

Внимаю поведанию Божественного Откровения и признаю его истинным. Невозможно не признать его справедливым! Бесконеч-

---

[1] Быт. 2. 5–6. || [2] Быт. 3. 16. || [3] Быт. 3. 16–19. || [4] Пс. 50. 7. || [5] *Вереи ея заклепи вечнии — запоры ее* (земли) *навек* (навсегда) *стали мне преградой* (Иона 2. 7). [Запорами земли пророк Иона называет подводные морские скалы, к которым пророк спустился, когда был брошен с корабля, и которые служат как бы преградою морю. — *Ред.*].

ный Бог есть Добро всесовершенное; человек отличается от Него бесконечным различием по существу, а по свойствам и направлению встал в положение противодействия Богу. Если же человек, столь ничтожный пред Богом, вместе и противник Богу, то какое значение должен он иметь пред святынею и величием Божества? Значение презренной нечистоты и скверны, по свидетельству Писания[1]. Он должен быть изгнан от лица Божия, как бы сокрыт от взоров Божиих.

Божественное Откровение научает человека, что он — создание Божие и раб Божий, раб преступный, создание отверженное, пресмыкающееся и гибнущее в падении своем[2]. Отравленный общением с начальником и родителем зла, с исступленным и упорным врагом Бога, с ангелом падшим, лишенный естественной свободы подчинением этому всезлобному духу, человек извратил свое естественное отношение к Богу, соделался, подобно ангелу падшему, врагом Божиим[3]. Одни из человеков удовлетворялись этим состоянием, не понимая и не предполагая состояния иного, находя наслаждение в служении греху; другие, наставляемые Богом и остатком своего благого произволения, вступили в усиленную борьбу с грехом, но не могли очистить естество от противоестественной примеси, от зла, не могли расторгнуть оков рабства и свергнуть иго греха и смерти. Восстановить естество мог только Творец естества.

Томилось человечество в страшном рабстве более пяти тысяч лет, по непостижимому суду Божию; томилось оно в рабстве, обильно наполняло темницы ада, получив от Бога обетование освобождения в самый час впадения в рабство. ***Един день пред Господем яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един***[4]. Обетование произнесено вместе с изречением наказания за преступление. Удостоено человечество этого обетования, потому что причиною падения было обольщение и увлечение, а не замысел намеренный и обдуманный. По истечении пяти тысячелетий нисшел на землю к изгнанникам в страну изгнания их Искупитель — вочеловечившийся Бог. Он посетил и преддверие нашей темницы — поверхность земли, и самую темницу — ад. Он даровал спасение всем человекам, предоставив свободному произволению их или принять спасение, или отвергнуть его. Он освободил всех уверовавших в Него: заключенных в подземной бездне Он возвел на небо, а странствующих на земной поверхности ввел в общение с Богом, расторгнув их общение

[1] Откр. 22. 11, 15. || [2] Быт. 2. 7, 22; 3. 11–12; Пс. 118. 125; 89. 13, 16; 37 и пр. || [3] Рим. 5. 10. || [4] *...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день* (2 Пет. 3. 8).

с сатаною. Богочеловек, восприяв на Себя все последствия падения человеческого, кроме греха, восприял и образ земной жизни, соответствующий падшему и отверженному, караемому правосудием Божиим, сознающему свое падение, исповедающему правосудие Божие благодушным терпением всех попущений. Он явил в деятельности Своей образец для деятельности каждого человека на поприще земной жизни его.

Две отличительные черты представляет взорам нашим Евангелие в деятельности Спасителя: точнейшее исполнение воли Божией в делах, зависящих от произвола, и совершенную покорность воле Божией в судьбах Божиих. *Снидох с небесе*, сказал Господь, *не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца*[1]. *Чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея?*[2] Точнейшее исполнение воли Божией и покорность судьбам Божиим Богочеловек выражал всею жизнию Своею. Великую добродетель, начало всех добродетелей, утраченную Адамом на небе, — добродетель послушания Богу — принес Богочеловек с неба на землю к человекам, томившимся в погибели, причиненной преслушанием Бога. В особенности явилась эта добродетель во всем величии при восприятии Господом лютых страданий. Он, *во образе Божии сый*, не преставая быть Богом, *Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя*[3]. По причине такой всесовершенной покорности Богу Господь был единственным истинным Рабом Божиим по человеческой природе Своей[4]. Он был всесовершенным Рабом Бога, не уклонившимся никогда от исполнения воли Божией и от покорности этой воле. Ни один из праведных человеков не выполнил этой священнейшей обязанности человека пред Богом удовлетворительно и неопустительно.

Собранию иудеев Господь объявил: *не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца*[5]. Пред исшествием на живоносные для рода человеческого страдания и крестную смерть Господь явил в Себе немощь падшего человека пред карающими его судьбами Божиими. Он начал скорбеть и тужить[6]. Томление души Своей Он благо-

---

[1] *...ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин. 6. 38). ‖ [2] *...неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18. 11.) ‖ [3] *Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2. 6–8). ‖ [4] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского 17-го стиха 14-й главы Евангелия от Луки. ‖ [5] *...не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца* (Ин. 5. 30). ‖ [6] Мф. 26. 37.

волил открыть избранным ученикам: *прискорбна есть душа Моя до смерти*[1], сказал Он им. Потом обратился к молитве — этому верному пристанищу в напастях и искушениях. Он пал *на лицы Своем*[2], и возведен был по человечеству в такой усиленный подвиг, что *бысть же пот Его яко капли крове каплющия на землю*[3]. Несмотря на такое напряженное состояние, в которое приведено было человеческое естество Богочеловека, молитва Его выражала вместе и присутствие в Нем воли человеческой и полную покорность в Нем воли человеческой воле Божией. Молитва Богочеловека, произнесенная Им пред исшествием на страдания, есть духовное, драгоценное наследие для всего племени христианского: способна она пролить утешение в душу, томящуюся под бременем самых тяжких скорбей. *Отче Мой*, говорил Господь в молитве Своей, *аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*[4]; *обаче не Моя воля, но Твоя да будет*[5]. Чашей назвал Господь судьбы Божии. Чаша эта преподается Богом человеку во спасение его.

Крестную смерть и предшествовавшие ей надругания, терзания, пытки Богочеловек благоволил принять на Себя произвольно. Как Сын Божий и Бог, имеющий одну волю с Отцом и Духом, Он возложил казнь на Себя, на неповинного во грехе, на Сына Человеческого и вместе Сына Божия, для искупления виновного во грехах человечества. Покусившемуся употребить средство человеческое в защиту Его, в противодействие судьбам Божиим, Он сказал: *возврати меч* [*нож*] *Твой в место его. Или мнится ти, яко не могу ныне умолити Отца Моего, и представит Ми вящше неже дванадесяте легеона Ангел? Како убо сбудутся Писания,* в которых изображено определение Божие, *яко тако подобает быти?*[6] Такое же понятие о действии непреложных судеб Божиих Господь выразил пред Пилатом. Гордый римлянин, оскорбленный молчанием Господа, сказал: *мне ли не глаголеши? Не веси ли, яко власть имам распяти Тя и власть имам пустити Тя*? Господь отвечал ему: *не имаши власти*

---

[1] *...душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26. 38). ‖ [2] *...на лицо Свое* (Мф. 26. 39). ‖ [3] *...и был пот Его, как капли крови, падающие на землю* (Лк. 22. 44). ‖ [4] *...если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26. 39). ‖ [5] *...впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22. 42). ‖ [6] *...возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?* (Мф. 26. 52–54). Многочисленнейшая армия римлян, владык вселенной, простиралась до 12 легионов. Очевидно, что здесь намерение Слова Божия состояло в том, чтобы выразить понятие о таком воинстве, которое многочисленнее и сильнее всякого человеческого войска.

ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше[1]. Действуют судьбы Божии, действует власть Божия: ты — не понимающее себя орудие. Но орудие одарено разумом и свободною волею: в этом оно убеждено, высказывает это с наглостию и тщеславием. Оно действовало без всякого понимания судеб Божиих, действовало свободно и произвольно: действие его объявляется грехом, имеющим свой вес и меру на суде Божием[2].

Сопротивление судьбам Божиим причисляется к начинаниям сатанинским. Когда Господь предвозвестил ученикам о предстоявших Ему страданиях и насильственной смерти, — *поем Его Петр, начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие. Он же обращься рече Петрови: иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*[3]. Петр был подвигнут, по-видимому, добрым чувством; но он подействовал из образа мыслей и из добра, принадлежащих падшему человеческому естеству. Враждебны воле Божией и всесвятому добру, исходящему от Бога, разум и добро падшего человеческого естества; порицаются и осуждаются ими судьбы Божии. Разум и воля человеческие в слепоте своей готовы противостать и противодействовать судьбам и определениям Божиим, не понимая того, что такое начинание есть начинание нелепое, есть борьба ограниченнейшей, ничтожной твари со всемогущим и всесовершенным Богом.

Несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти[4], сказал Господь Апостолам, когда они вопросили Его о времени, в которое должно образоваться царство израильское. Этот ответ Господа есть ответ на все вопросы любопытства и гордости человеческой о судьбах Божиих. *Несть ваше*, о человеки, *разумети* то, *еже Бог положи во Своей власти*! Вам свойственно понимание, соответственное уму вашему; не свойственно вам понимать мысль Ума беспредельного.

Ваша деятельность, человеки, должна всецело заключаться в исполнении воли Божией. Образец этой деятельности показан, правила этой деятельности преподаны человечеству совершенным

---

[1] *..мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? ...ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше* (Ин. 19. 10–11). ‖ [2] Ин. 19. 11. ‖ [3] *И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16. 22–23). ‖ [4] *...не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1. 7).

человеком, Богом, принявшим на Себя человечество. Движимые силою правильнейшей веры в Бога, последуйте тщательно заповедям Евангелия и покоряйтесь благоговейно судьбам Божиим.

Что приводит к нарушению, к попранию заповедей Христовых, к противодействию судьбам Божиим, к противодействию тщетными усилиями, ропотом, хулою, отчаянием? Забвение о вечности, забвение о смерти, забвение того, что мы — кратковременные странники на земле; отвержение мысли, что мы на ней — изгнанники, стремление удовлетворять похотениям и страстям, желание наслаждаться наслаждением плотским и греховным, пагубный обман и обольщение себя, под обаянием которых человек безумно злоупотребляет властию над собою и своим произволением, принося себя всецело в жертву земной суетности, убивая себя для блаженства, возвращенного страдальческим подвигом Искупителя, готовя себе в аде вечный гроб, гроб и для тела, и для души.

Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе[1], увещевает христиан апостол Павел, указывая на покорность Богочеловека судьбам Божиим, на покорность беспрекословную, простершуюся до принятия на Себя той казни, которой подверглись одни уголовные преступники из варварских народов, от которой были свободны преступники из граждан Рима. *Гордость всяку отложше и удобь обстоятельный*[2] *грех, терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив*[3]. *Помыслите убо таковое Пострадавшаго от грешник на Себе прекословие*[4], *да не стужаете, думами своими ослабляеми*[5]. *Иисус, да освятит люди Своею кровию, вне врат пострадати изволил. Темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его нося-ще*[6]. Исхождением вне стана и отложением всякой гордости именуется отречение от миролюбия. Апостол напоминает Божественное утешение, произнесенное Богом к тем избранникам Его, которых Он усыновил Себе и которых, в доказательство усыновления, посещает скорбями: *сыне Мой! не пренемогай наказанием Господним,*

[1] *Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Флп. 2. 5–8). ‖ [2] Удобно запинающий нас. ‖ [3] Не обратив внимания на нанесенное Ему бесчестие. ‖ [4] Поругание. ‖ [5] *...свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегше посрамление... Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими* (Евр. 12. 1–3). ‖ [6] *...Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание* (Евр. 13. 12–13).

ниже ослабей, от Него обличаем, егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет[1].

Христос пострада по нас, говорит святой апостол Петр, *нам оставль образ, да последуем стопам его*[2]. *Аще добро творяще и страждуще терпите, сие угодно пред Богом: на сие бо и звани бысте*[3]. Таковы судьбы Божии! Таково определение Божие! Таково призвание истинных христиан на все время земного странствования их! — Возлюбленные Богу и Небу христиане! не удивляйтесь, как бы приключению странному, несвойственному, совершающемуся вне порядка, тому *огненному искушению*, которое посылается вам для испытания[4]. Радуйтесь при нашествии искушений! Как здесь, на земле, вы соделываетесь причастниками Христовых страданий, так в будущей жизни вы соделаетесь общниками славы Его и торжества[5]. Дом Божий подлежит суду Божию, нуждается в этом суде[6]. Домом Божиим называется и вся Церковь Христова, и каждый христианин. Требует этот дом посещения Божия и очищения, как подвергающийся непрестанному осквернению и повреждению. И при великой помощи от скорбей, смиряющих дух человека, столь наклонный к превозношению, затруднительно, очень затруднительно спасение. *Праведник едва спасется!*[7] Если так, то что ожидает противящихся *Божию Евангелию?*[8] *Нечестивый и грешный где явится?*[9] *Смиреномудрие стяжите,* потому что *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать*[10]. Вы ощутите пришествие благодати по чудному спокойствию и утешению, которое прольется в сердца ваши, когда вы исповедуете суд Божий о вас праведным, а себя — достойными наказания, нуждающимися в нем. При нашествии искушений не предавайтесь печали, безнадежию, унынию, ропоту — этим проявлениям гордости и неверия; напротив того, оживляемые и окрыляемые верою, *смиритесь убо под крепкую руку Божию, да вы вознесет* в свое *время всю печаль вашу*, то есть все попечение и всю заботливость *возвергше Нань, яко Той печется о вас*[11]. Страждущие! знайте, что вы страдаете по воле Божией; будьте убеждены, что без воли Божией, без попущения Божия не прикоснулась бы к вам никакая скорбь. Воззрел мило-

---

[1] Ср.: *сын мой! не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 5–6). ‖ [2] *...Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2. 21). ‖ [3] *...если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны* (1 Пет. 2. 20–21). ‖ [4] 1 Пет. 4. 12. ‖ [5] 1 Пет. 4. 13. ‖ [6] 1 Пет. 4. 17. ‖ [7] 1 Пет. 4. 18. ‖ [8] 1 Пет. 4. 17. ‖ [9] 1 Пет. 4. 18. ‖ [10] 1 Пет. 5. 5. ‖ [11] *...смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5. 6–7).

стиво на вас Господь, возблаговолил о вас, признал ваши сердце и жительство благоугодными Себе и потому простер к вам руку помощи в судьбах Своих. Он послал (или попустил) вам скорби в очищение ваше, в охранение, в средство к достижению совершенства. *Страждущии по воле Божией!* при нашествии скорбей предавайте себя всецело воле и милости Божией и с особенною тщательностию прилежите исполнению заповедей Божиих[1]. Время скорби есть то блаженное время, в которое Бог зиждет душу возлюбленного избранника Своего из среды человеков.

Установлен Богом тесный и прискорбный путь из земной жизни к Небу: заповедано шествие по этому пути под крестом; путем этим, под бременем креста Своего, прошел Вождь христианского племени, вочеловечившийся Бог. Крест — терпение в Господе всех огорчений и напастей, которые будут попущены Промыслом Божиим. Таков суд Божий. На чем он основан? — на том, что человек на земле — преступник в ссылочном месте. Этому преступнику дан краткий срок земной жизни единственно для того, чтоб он усмотрел свое состояние падения и отвержения, сознал необходимость спасения, стяжал спасение при посредстве Искупителя человеков, Господа нашего Иисуса Христа. Преступник, исповедавший себя преступником, ищущий помилования, должен самою жизнию выразить исповедь в греховности. Исповедь не может быть признана искреннею, когда она не засвидетельствована соответствующим поведением. Преступник обязан доказать истину обращения своего к Богу исполнением воли Божией и покорностию этой воле: он обязан принести пред Богом, правосудном и в милости, терпение наказательных попущений Божиих, принести смиренное терпение, как фимиам благовонный, как благоприятную жертву, как достоверное свидетельство веры.

Все святые, все без исключений, причастились пути скорбному[2]. Все они протекали поприще земной жизни по колючему тернию, питаясь опресноками разнообразного лишения, окропляясь горьким иссопом, напаяваясь постоянно чашею различных испытаний. Это было необходимым для их спасения и совершенства: скорби служили им вместе и средством образования духовного, и врачевством, и наказанием. Поврежденная природа ни в одном человеке не осталась без свойственного ей плодоприношения в большей или меньшей степени; поврежденная природа наша постоянно нуждается, как в противоядии, в скорбях: ими погашается в ней сочув-

[1] 1 Пет. 5. 9. ‖ [2] Евр. 12. 8.

ствие к греховному яду страстей, в особенности к гордости[1] — к страсти, самой ядовитой и пагубной между страстями; ими выводится служитель Божий из напыщенного, неправильного мнения о себе в смиренномудрие и духовный разум. Напыщенное мнение о себе по необходимости должно отнимать правильность и достоинство у жительства, представляющегося по наружности удовлетворительным[2]. *Разумех, Господи,* исповедуется Богу святой Пророк Его, *яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси*[3]. *Судьбы Твоя — благи*[4], несмотря на строгий наружный образ их. Последствия их благотворны, живоносен и усладителен плод их. *Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим*[5]. *Путь истины изволих и судьбы Твоя не забых*[6], *от судеб Твоих не уклонихся*[7], потому что без покорности им благоугождение Тебе — невозможно. В тяжких искушениях и напастях, не находя ни откуда помощи, *помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся*[8]. *На судьбы твоя уповах!*[9] *Судьбы твоя помогут мне!*[10] *Седмерицею днем,* то есть непрестанно, *хвалих Тя о судьбах правды Твоея*[11]: действие человека, соответствующее действию Бога в непостижимых судьбах Его, есть непрестанное или, по возможности, частое славословие Бога. Славословием Бога прогоняются помыслы неверия, малодушия, ропота, хулы, отчаяния, вводятся помыслы святые, Божественные. Говорит Апостол: *Судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся*[12]. Аминь.

Слово о спасении и о христианском совершенстве

Многие говорят о спасении, многие желают спастись; но если спросить их, в чем заключается спасение, то ответ для них делается очень затруднительным. Не беда, если бы дело оканчивалось одною

[1] 2 Кор. 12. 7. ‖ [2] С особенною ясностию видно это из книги Иова. Праведник сперва исчислял свои добродетели и представил их в прекрасной, живописной картине; когда же он очистился и усовершился скорбями, тогда изменилось в нем понятие о себе: он увидел себя как бы исчезнувшим пред величием Божества, признал себя землею и пеплом. ‖ [3] *Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости Ты наказал меня* (Пс. 118. 75). ‖ [4] *...суды Твои благи* (Пс. 118. 39). ‖ [5] *Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим* (Пс. 118. 71). ‖ [6] *Я избрал путь истины, поставил пред собою суды Твои* (Пс. 118. 30). ‖ [7] *...от судов Твоих не уклонюсь* (Пс. 118. 102). ‖ [8] *Вспоминал суды Твои, Господи, от века, и утешался* (Пс. 118. 52). ‖ [9] *...я уповаю на суды Твои* (Пс. 118. 43). ‖ [10] *...суды Твои да помогут мне* (Пс. 118. 175). ‖ [11] *Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей* (Пс. 118. 164). ‖ [12] *Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11. 32).

затруднительностию в ответе! Нет: вредное последствие, истекающее отсюда, очень значительно. Незнание, в чем состоит спасение, сообщает действиям нашим на поприще добродетели неопределенность, неправильность. По-видимому, мы делаем много добрых дел; но, в сущности, делаем очень мало дел для спасения. Отчего это? Ответ очень прост: оттого, что не знаем, в чем состоит спасение наше.

Чтоб знать, в чем состоит спасение наше, надо знать наперед, в чем состоит наша погибель, потому что спасение нужно только для погибших. Ищущий спасения этим самым по необходимости признает себя погибшим: иначе для чего бы ему искать спасения?

Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и чрез вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаною и в восстановлении общения с Богом[1].

Часть первая

Весь род человеческий находится в погибели, в падении. Мы лишились общения с Богом в самом корне и источнике нашем: в наших праотцах, при посредстве их произвольного согрешения. Они были сотворены непорочными, непричастными греху и тлению, с самого сотворения своего соделались причастниками Святого Духа; получив бытие естественное по человечеству, вместе получили и бытие сверхъестественное от соединения с Божеским Естеством. Произвольно отвергнув подчинение Богу, произвольно вступив в подчинение диаволу, они утратили общение с Богом, свою свободу и достоинство, предали себя в подчинение и рабство падшему духу. Они произвольно отвергли жизнь, призвали в себя смерть; они произвольно нарушили целость дарованного им при сотворении добра, отравили себя грехом[2]. Как начала рода человеческого, они сообщили и не перестают сообщать свою заразу, свою погибель, свою смерть всему человечеству. Адам, сотворенный по всесвятому Образу и Подобию Божиим, долженствовавший произвести соответствующее потомство, осквернил Образ, уничтожил Подобие, произвел потомство, соответствующее оскверненному образу, уничтоженному подобию. Священное Писание, засвидетельствовавшее, что человек сотворен по Образу Божию[3], уже лишает этого свидетельства чад Адамовых. Писание говорит о них,

[1] Требник. Последование Святого Крещения. ‖ [2] Послание святого Григория Паламы к монахине Ксении. ‖ [3] Быт. 1. 27.

что они родились по образу Адама[1], то есть такими, каким соделался Адам по падении. По причине утраты подобия, образ соделался непотребным[2]. От лица каждого человека, вступающего в бытие падения, Писание приносит горестную исповедь: *В беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя*[3]. Человеки соделались врагами Бога, Творца своего[4].

Бог, по неизреченной милости Своей, призвал снова род человеческий в общение с Собою. Это совершил Он при посредстве самого чудного, непостижимого способа. Одним из трех Лиц Своих, Всесвятым Словом, Он принял человечество, зачавшись во утробе Пресвятой Девы действием Всесвятого Духа, устранив от Себя обыкновенное человеческое зачатие от семени мужского, — зачатие, сообщавшее всем человекам заразу греховную. Таким образом явился в роде человеческом непорочный Человек, каким создан праотец. Этот непорочный Человек был причастником Божественного Естества, подобно первозданному, но несравненно в большей степени: первозданный был святым по благодати человеком, а вочеловечившийся Бог соделался Богочеловеком. Все грехи человеческие Он принял на Себя. Он мог сделать это, потому что, будучи человеком, был и всемогущим, всесовершенным Богом. Приняв все человеческие грехи на Себя, Он принес Себя в искупительную жертву правосудию Божию за согрешившее человечество, Он совершил искупление, ибо мог сделать это. Неограниченно и бесконечно Святой искупил Своими страданиями и смертию многочисленные, но ограниченные согрешения человеческие — и Священное Писание со всею справедливостию свидетельствует о Нем: *Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира*[5]. Богочеловек заменяет Собою пред Богом и весь мир, и каждого человека. Добродетели, и общественные и частные, истекающие из падшего человеческого естества, утратили по вочеловечении Бога значение: они заменены великим делом Божиим — верою *в Того, Егоже посла Бог*[6]. В этом великом деле Божием заключается и спасение, как засвидетельствовал Сам Спаситель: *Се же есть живот вечный* (спасение), *да знают Тебе, единаго истиннаго Бога,* и *Его же послал еси Иисус Христа*[7]. Добродетели христианина должны истекать из Христа, из обновленного Им человеческого

[1] Быт. 5. 3. ‖ [2] О различии между образом и подобием Божиим в человеке см. сочинения св. Димитрия Ростовского: Летопись. Т. 4. С. 15. 1840 г. ‖ [3] *Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50. 7). ‖ [4] Рим. 5. 10. ‖ [5] *...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1. 29). ‖ [6] *...веровали в Того, Кого Он послал* (Ин. 6. 29). ‖ [7] *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17. 3).

естества, а не из естества падшего. Как падение наше состоит не в истреблении добра из естества нашего — это отличительный признак падения отверженных ангелов, — а в смешении нашего естественного добра с неестественным для нас злом, то падшее естество наше имеет свойственные ему добрые дела и добродетели. Совершают их язычники, магометане и все, чуждые Христа. Добрые дела и добродетели эти, как оскверненные примесию зла, недостойны Бога, препятствуют общению с Ним, противодействуют спасению нашему. Отвергнем это мнимое добро, или, правильнее сказать, это величайшее зло! Отвергнем деятельность падшего естества! предадимся деятельности, заповедуемой нам Верою во Христа! престанем проводить жительство по указаниям нашего падшего разума, по влечению нашего падшего сердца! начнем проводить жительство по указанию евангельских заповедей, по требованиям воли Божией. Жительствуя так, спасемся.

Те, которые дают добрым делам падшего естества незаслуживаемую ими высокую цену, впадают в величайшую душевредную погрешность. Они впадают, не понимая того, в уничижение и отвержение Христа. Часто слышится от них вопрос: «Отчего не спастись язычникам, магометанам, лютеранам и всем подобным, явным и прикрытым врагам христианства? между ними много самых добродетельных людей». Очевидно, что вопрос и возражение являются от совершенного незнания, в чем заключается погибель и спасение человеческие. Очевидно, что таким вопросом и возражением уничижается Христос, выражается мысль, что Искупление и Искупитель не были необходимостию для человеков, что человеки могут удовлетворить своему спасению собственными средствами. Короче, этим вопросом и возражением отвергается христианство. Добродетели падшего человеческого естества имели свою цену, подобно постановлениям ветхозаветным: до пришествия Христова они приводили человека в состояние, способное принять Спасителя. *Свет прииде в мир,* сказал Богочеловек о Своем пришествии к человекам, *и возлюбиша человецы паче тму, неже Свет: беша бо их дела зла. Всяк бо делаяй злая ненавидит Света и не приходит к Свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть: творяй же истину грядет к Свету, да явятся дела его, яко о Бозе суть соделана*[1]. Свойственно

[1] Ср.: *...свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явлены были дела его, потому что они в Боге соделаны* (Ин. 3. 19–21).

возлюбившим грех отвергать Христа, потому что Христос повелевает оставление возлюбленного грешниками греха. Свойственно любителям добродетели притекать и прилепляться ко Христу, потому что исполнение (полнота) возлюбленного ими добра — Христос.

Не на лица зрит Бог, но во всяцем языце боящийся Его и делаяй правду приятен Ему есть[1]. Эти слова произнес святой апостол Петр по поводу призванного Богом к Вере язычника, сотника Корнилия. Стремление к истинной добродетели предуготовило и соделало Корнилия способным к принятию спасения. Так должно разуметь слово *приятен*, по объяснению великого учителя Церкви, святого Иоанна Златоустого[2]; так объясняется это слово и самим повествованием, изложенным в Деяниях Апостольских святым Евангелистом Лукою. Корнилий, хотя был язычником, но, оставив идолов, молился прилежно единому истинному Богу и подавал обильную милостыню. Однажды, во время молитвы, предстал ему Ангел Божий и сказал: *Корнилие! Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога: и ныне посли во Иоппию мужей и призови Симона, нарицаемаго Петра* (Апостола): *той речет тебе глаголы, в нихже спасешися ты и весь дом твой*[3]. Молитвы и милостыни Корнилия были так сильны, что милосердый Господь призрел на них; но они, сами собой, не доставили спасения Корнилию. Они соделали его способным уверовать во Христа, а вера во Христа доставила ему спасение. Вот точная оценка добру падшего естества! тогда имеет цену это добро, когда оно приводит ко Христу. Когда же оно, удовлетворяясь собою, отлучает от Христа, тогда оно делается величайшим злом, отнимает у нас спасение, даруемое Христом, спасение, которого оно, само собою, никак подать не может.

Подобно действию естественного добра действие Ветхого Завета. Уклонение от него до пришествия Христова было отступлением от Бога; желание остаться при нем, по пришествии Христа, соделалось отступлением от Бога[4]. Ветхий Завет был служителем спасения, приготовляя человеков к Вере во Христа, которой даруется спасение; но для иудеев, захотевших остаться навсегда при Ветхом Завете, он соделался ходатаем, орудием погибели. Душепагубная погрешность иудеев заключается в том, что они, по дей-

---

[1] *...Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10. 34–35). || [2] Беседа 23 на Деяния Апостольские. || [3] *Корнилий! ...Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак, пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром. ...Он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой* (Деян. 10. 3–6). || [4] Ср.: *Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5. 4).

ствию гордости и самомнения, дали Богом данному им Завету иное значение, нежели какое дано ему Богом, и ради Ветхого Завета, который был живописною тению Истины — Нового Завета, отвергли Новый Завет; ради тени они отвергли то, что предызображала тень; ради временного руководства ко спасению они отвергли самое спасение, отвергли Искупление и Искупителя.

Столько же душепагубна погрешность тех, которые, ослепляясь гордостию и самомнением, дают своим добрым делам, делам падшего естества, несвойственную им цену. «Разбойник и хищник — тот, — говорит преподобный Макарий Великий, — кто *не входит дверьми, но прелазит инуде*[1]; таков и тот, который без оправдывающего Христа оправдывает сам себя[2]. Все святые, оставляя свою правду, искали правды Божией и в ней обрели (святую) любовь, сокровенную от естества»[3], растленного падением. Естество, будучи растлено падением, имеет и правду растленную. *Заблудихом*, говорит Пророк, *и быхом яко нечисти вси мы, якоже порт нечистыя вся правда наша*[4]. *От ног даже до главы несть в нем,* в падшем человеке, *целости*[5]. Зло, поразившее нас, по объяснению Отцами слов Пророка, не частное, но во всем теле, объяло всю душу, овладело всеми силами ее[6]. Не осталось в естестве нашем никакой частицы, не поврежденной, не зараженной грехом; никакое действие наше не может обойтись без примеси зла. Когда вода смешана с вином или уксусом, тогда каждая капля ее содержит в себе подмесь; так и естество наше, будучи заражено злом, содержит примесь зла в каждом проявлении деятельности своей. Все достояние и достоинство наше в Искупителе[7]. *Оправдится человек токмо верою Иисус Христовою*[8]. Чтоб усвоиться Искупителю живою верою, требуется всецелое отвержение души своей[9], то есть не только греховности, но и праведности падшего естества. Стремление к удержанию за собою оскверненной грехом правды падшего естества есть деятельное отвержение Искупителя. *Упразднистеся от Христа* (вы отчуждились от Христа), *иже законом* Моисеевым или естественным *оправдаетеся, отпадосте от благодати*[10], говорит Апостол.

---

[1] *...кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник* (Ин. 10. 1). ‖ [2] Беседа 31, гл. 4. ‖ [3] Беседа 37, гл. 2. ‖ [4] *Все мы сделались — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда* (Ис. 64. 6). ‖ [5] *От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места* (Ис. 1. 6). ‖ [6] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1. Об отвержении мира. ‖ [7] Преподобный Марк Подвижник. О Законе Духовном, гл. 4. ‖ [8] *...человек оправдывается... только верою в Иисуса Христа* (Гал. 2. 16). ‖ [9] Лк. 14. 26. Подтверждают это требование все Евангелисты. ‖ [10] *Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5. 4).

Аще бо законом правда, убо Христос туне умре[1]. Это значит: в образе мыслей (мудровании), допускающем достоинство собственной правды человеческой пред Богом по явлении христианства, непременно существует богохульное понятие, оквашивающее весь этот образ мыслей, понятие о ненеобходимости Христа для спасения, понятие, равновесное отвержению Христа. Господь сказал фарисеям, усиливавшимся удержать за собою свою правду: *глаголете, яко видим, грех убо ваш пребывает*[2]. *Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние*[3]. Это значит: не признающие своих грехов грехами, а своей правды непотребным рубищем, оскверненным и истерзанным посредством общения с грехом и сатаною, отчуждаются от Искупителя, исповедуя Его, может быть, устами, деятельностию и в духе своем отвергают Его. Святой апостол Павел, бывший непорочным и праведным по законам Моисееву и естественному, вменил свою праведность *в тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса, Господа.* Он отрекся своей праведности, вменив ее за *уметы* (за сор), *да Христа приобрящу*, говорит великий Павел, *не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Христовою, сущую от Бога правду в вере*[4]. Ища же *оправдитися о Христе, обретохомся и сами грешницы*[5], потому что нет возможности приступить к Христу и усвоиться Ему, не признав себя от искренности сердца грешником, грешником погибшим, не имеющим никакого собственного оправдания, никакого собственного достоинства. *От дел закона не оправдится всяка плоть пред Богом. Ныне же кроме закона правда Божия явися, свидетелствуема от закона и пророк. Правда же Божия верою Иисус Христовою во всех и на всех верующих: несть бо разнствия, вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе*[6].

---

[1] *...если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2. 21). ‖ [2] *...но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас* (Ин. 9. 41). ‖ [3] *Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9. 13). ‖ [4] Ср.: *Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, и рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению — фарисей, по ревности — гонитель Церкви Божией, по правде законной — непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере* (Флп. 3. 4–9). ‖ [5] *...ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками* (Гал. 2. 17). ‖ [6] *потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познается грех. Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия,*

По непреложному закону подвижничества, обильное сознание и ощущение своей греховности, даруемое Божественною благодатию, предшествует всем прочим благодатным дарам. Оно предуготовляет душу к принятию этих даров. Душа неспособна принять их, если предварительно не придет в состояние блаженной нищеты духа. «Когда ум увидит согрешения свои, количеством подобные песку морскому, то это служит признаком начавшегося просвещения души, признаком ее здравия»[1]. Пришедши в это состояние, святитель Тихон Воронежский сказал: «Познаем грехи наши: се бо есть начало покаяния[2]. Покаемся, признаем себя не достойными ничего. Чем недостойнейшими признают себя они (угодники Божии), тем Бог, яко благ и милосерд, более их удостаивает[3]. Что наше собственное? немощь, растление, тьма, злость, грехи»[4]. Остережемся смертоносного заблуждения! убоимся сопряженного с заблуждением отречения от Христа! убоимся верной утраты спасения за усвоение мысли ложной, враждебной Вере! Тем нужнее осторожность в наше время, что ныне с особенным усилием распространяется проповедь о высоте добродетелей и успехов падшего человечества, с открытою целию привлечь всех на поприще этих добродетелей и этого преуспеяния. Осмеивая всесвятое добро христианства, проповедь эта старается внушить к нему презрение и ненависть.

Дела спасения суть дела Веры, дела Нового Завета. Этими делами исполняется не человеческое разумение, не человеческая воля, но воля Всесвятого Бога, открытая нам в заповедях Евангелия. Христианин, желающий наследовать спасение, должен совершить следующие дела:

1) Уверовать в Бога так, как Бог повелевает веровать в Него, то есть принять учение о Боге, открываемое Богом, принять христианство, хранящееся во всей чистоте и полноте в недрах Православной Церкви, насажденной Богочеловеком на Востоке, распространившейся с Востока по вселенной, доселе пребывающей в целости только на Востоке и содержащей Богопреданное христианское Учение неизвращенным, без изменения и без примеси к нему учений человеческих и бесовских[5]. *Веровати же подобает*, говорит

о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе (Рим. 3. 20–24).

[1] Святой Петр Дамаскин. Книга 1, статья 2. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [2] Келейные письма. Т. 15, письмо 73. ‖ [3] Келейные письма. Т. 15, письмо 70. ‖ [4] Келейные письма. Т. 15, письмо 11. ‖ [5] Требник. Последование исповеди.

Апостол, *приходящему к Богу, яко есть, и взыскающым Его мздовоздаятель бывает*[1]. Учение христианское возвещено вселенной проповедию, а принято верой. Будучи учением Божественным, учением Богооткровенным, превысшим человеческого разума, оно иначе не может быть принято, как сочувствием сердечным, верою. Вера, по естественному свойству своему, способна принять и усвоить уму и сердцу то, что непостижимо для ума и не может быть принято обыкновенным путем суждения. *Иже веру имет и крестится,* сказал Господь, *спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет*[2].

2) Уверовавший должен принести покаяние в прежней своей произвольно греховной жизни и твердо решиться проводить жизнь богоугодную. *По звавшему вы святому,* завещает святой апостол Петр христианам, *и сами святи во всем житии будите, яко чада послушания, не преобразующеся первыми неведения вашего похотении*[3]. Невозможно ни усвоиться Богу, ни пребывать в усвоении Богу, оставаясь и пребывая произвольно в греховной жизни. Новый Завет всем, приступающим к Богу, возвещает покаяние в первое условие доступа к Богу. Проповедник, начавший проповедь Нового Завета, великий Иоанн, Предтеча Господень, начал проповедь свою с приглашения к покаянию. *Покайтеся,* говорил он отверженным человекам, вновь призываемым в общение с Богом, *приближися бо Царствие Небесное*[4]. С этих слов начал проповедь Свою Сам Богочеловек: *оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное*[5]. С этих слов заповедало Божие Слово Своим святым Апостолам начинать их проповедь, послав их первоначально *к овцам погибшим дому Израилева,* косневшим в погибели, несмотря на дарованное им предызображение общения с Богом. *Ходяще,* повелело Апостолам Слово Божие, *проповедуйте, глаголюще:* покайтеся, *яко приближися Царствие Небесное*[6]. Призвание к вере и покаянию — Божественны. Послушание этому призванию необходимо для спасения: оно есть исполнение всесвятой Божией воли.

---

[1] *...ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает* (Евр. 11. 6). ‖ [2] *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16. 16). ‖ [3] *...по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем* (1 Пет. 1. 15–14). ‖ [4] *...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3. 2). ‖ [5] *С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4. 17). ‖ [6] *...к погибшим овцам дома Израилева; ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное* (Мф. 10. 6–7).

3) Уверовавшие в Бога, отвергшие греховную жизнь для вступления в общение с Богом, вступают в это общение посредством начального Христианского Таинства — Святого Крещения: Крещение есть рождение в Божественную жизнь. Невозможно вступить в естественное существование, не родившись по закону естества; невозможно вступить в общение с Богом, в чем заключается истинная наша жизнь, или наше спасение, не вступив в христианство посредством Святого Крещения. Таково Божественное установление. Крещением вступаем в *пакибытие*[1], то есть в то святое бытие, которое даровано было Адаму при его сотворении, потеряно им при его падении, возвращено нам Господом нашим Иисусом Христом. *Аще кто не родится свыше,* сказал Господь, *не может видети Царствия Божия. Аще кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие*[2]. Рождаясь по плоти, мы составляем потомство нашего праотца по плоти, Адама, доставляющего нам бытие вместе с вечною смертию; посредством Святого Крещения мы переходим в духовное потомство Богочеловека, Который, по свидетельству Пророка, есть *Бог Крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущаго века*[3], Который, рождая нас духовно, уничтожает в нас начало смерти, насажденное рождением по плоти, и дарует нам вечную жизнь, спасение, блаженство в Боге. Святой Иоанн Богослов возвещает об уверовавших в Бога и возрожденных Святым Крещением: *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующым во имя Его, иже не от крове, не от похоти плотския, но от Бога родишася*[4]. Святое Крещение, соделав нас чадами Божиими, восстанавливает нашу свободу, данную нам при сотворении, утраченную нами при падении, восстанавливает силу воли, предоставляет нашей власти или пребывать чадами Божиими, или отвергнуть усыновление[5]. Так в раю предоставлено было самовластию праотцев или пребывать вечно в блаженстве — или потерять его. *Сего ради подобает нам лишше внимати,* то есть с особенною тщательностию наблюдать за собой, *да не когда отпадем*[6]. Святое Крещение запечатлевается другим, непосредственно последующим за ним Таинством, Святым Мѵропомазанием. Справедливо это Таинство названо печатию, так как Святое Крещение

[1] *...банею возрождения и обновления Святым Духом* (Тит. 3. 5). ‖ [2] *...если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. ...Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3. 3, 5). ‖ [3] Ис. 9. 6. ‖ [4] *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дать власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, но от Бога родились* (Ин. 1. 12–13). ‖ [5] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1. ‖ [6] *Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть* (Евр. 2. 1).

со справедливостию может быть названо условием, заветом между Богом и человеком. Печать, которою запечатлевается это условие, — Святое Мѵропомазание.

4) Пребывание в усыновлении Богу, доставляемом чрез Святое Крещение, поддерживается жизнию по евангельским заповедям; теряется пребывание в усыновлении отступлением от жительства по евангельским заповедям. То и другое засвидетельствовал Сам Господь: *Аще заповеди Моя соблюдете,* сказал Он, *пребудете в любви Моей. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю, и во огнь влагают, и сгарает*[1]. Для спасения необходимо, чтоб крещенный во Христа жительствовал по законодательству Христа.

5) Богочеловек, родив нас во спасение Святым Крещением, вводит нас в теснейшее общение с Собою другим великим, непостижимым Таинством, Таинством Евхаристии, при посредстве которого мы соединяем и смешиваем[2] наши тело и кровь с Телом и Кровью Богочеловека. *Ядый Мою Плоть,* сказал Господь, *и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный. Аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе*[3]. Богочеловек посредством этого Таинства совершенно отторгнул нас от сродства с ветхим Адамом и ввел в теснейшее сродство, в единение с Собою. Как не спастись тем, которые с Богочеловеком составляют одно? *Идеже тело, тамо соберутся и орли*[4], питающиеся этим телом, свидетельствует святое Евангелие. Достойным и учащенным вкушением духовной пищи, сшедшей с Неба и дающей жизнь миру, соделаемся духовными орлами, подымемся с низин плотского состояния на высоты состояния духовного, возлетим туда, куда вознес человеческое естество и тело Свое Богочеловек, искони бывший в Боге Отце по Божеству Своему, воссевший одесную Отца человеческим естеством по совершении искупления человеков.

6) Для поддержания немощи нашей, для врачевания язв греховных, получаемых нами после Крещения, для поддержания святы-

---

[1] *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают* (Ин. 15. 10, 6). ‖ [2] «Смеси с нами Себе, и возмеси Тело Свое в нас». Эти слова святителя Иоанна Златоуста приводят святые Ксанфопулы в 92 главе своего сочинения о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6. 56, 54, 53). ‖ [4] *...где труп, там соберутся и орлы* (Лк. 17. 37).

ни, которой запечатлены мы Святым Крещением, в целости, Бог даровал нам Таинство Исповеди. Этим Таинством возобновляется и восстанавливается состояние, доставляемое Святым Крещением[1]. К Таинству Исповеди должно прибегать по возможности часто: душа того человека, который имеет обычай часто исповедовать свои согрешения, удерживается от согрешений воспоминанием о предстоящей исповеди; напротив того, неисповедуемые согрешения удобно повторяются, как бы совершенные в потемках или ночью[2].

Часть вторая

Евангелие упоминает о двух блаженных состояниях: о состоянии спасения и о состоянии христианского совершенства. Некоторый богатый и знатный юноша иудейский припал к ногам Богочеловека и просил сказать ему, как он должен поступать, чтоб наследовать живот вечный, спасение? Иудею, то есть правильно верующему в Бога, Господь отвечал: *Аще хощеши внити в живот, соблюди заповеди*[3]. На вопрос юноши, какие бы то были заповеди, Господь указал на одни заповеди, определяющие богоугодные отношения каждого правоверного к ближнему, не упомянув о заповедях, определяющих отношение человека к Богу, как об известных иудею и с точностию сохраняемых им, по крайней мере по наружности. Нравственный и религиозный недуг иудеев ко времени пришествия на землю вочеловечившегося Бога изменился.

Недуг изменился в своей видимой форме, оставаясь в сущности тем же, чем был и прежде — стремлением к богоотступничеству. Иудеи не выражали той непреодолимой наклонности к идолопоклонству, которая наветовала, разрушала и духовное и гражданское благосостояние их в течение целого тысячелетия, от исшествия их из Египта до переселения в Вавилон. Сатана не влек их к отступлению от Бога и к поклонению себе при посредстве поклонения идолам: другую кознь, более действительную, другую погибельную пропасть, несравненно более глубокую и мрачную, он придумал и приготовил для них. Сатана оставил иудеев служителями истинного Бога по наружности. Мало этого, он увлек их к усиленному, неправильному уважению обрядовых постановлений и старческих преданий, в то же время выкрал уважение к заповедям Божиим; он увлек их в подробнейшее и утонченное изучение Зако-

[1] Требник. Последование исповеди. ‖ [2] Лествица. Слово 4, гл. 53. ‖ [3] *Если же хочешь войти в жизнь **вечную**, соблюди заповеди* (Мф. 19. 17).

на Божия по букве, в то же время выкрал у них изучение Закона Божия жизнию; знание Закона Божия по букве он употребил в средство вовлечения в ужаснейшую гордость, в ужаснейшее самомнение, при которых они, именуя себя и представляясь другим чадами Божиими, на самом деле были врагами Бога и чадами диавола[1]. Под предлогом сохранения верности Богу они отвергли Бога; под предлогом сохранения общения с Богом они отвергли общение с Богом, заразились сатанинскою ненавистию к Богу, запечатлели эту ненависть богоубийством[2]. Все это совершилось от оставления жизни богоугодной! все это совершилось от оставления заповеданных Богом отношений к ближнему, причем сохраненные по наружности отношения к Богу делаются мертвыми. По этой причине Спаситель возводит иудея, спросившего о том, как ему спастись, в отношения к ближним, заповеданные Богом. Так и всякий православный христианин, если захочет перейти от нерадивой жизни к жизни внимательной, если захочет заняться своим спасением, должен сначала обратить внимание на отношения свои к ближним. В этих отношениях он должен исправить то, что подлежит исправлению, принести искреннее покаяние пред Богом в том, что уже не подлежит исправлению, и предначертать себе деятельность, благоугодную Богу. *Се, пол имения моего,* сказал Господу мытарь Закхей при обращении своем*, дам нищым: и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.* Он услышал радостнейшее определение всеблагого и всемогущего Господа, пребывающего и ныне столь же благим и столь же всесильным: *Днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть: прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго*[3]. Потомок Авраама по плоти признан Богом за потомка в то время, как решился на жизнь богоугодную; из этого следует, что до того времени он не был признаваем, несмотря на право по плоти. И христианин, доколе проводит произвольную греховную жизнь, противную евангельским заповедям, не признается христианином, хотя имеет право на это наименование, присовокупившись к святому христианскому племени Крещением. Что пользы в исповедании словами при отвержении делами? *Исповем им*, небрегущим об исполнении евангельских заповедей, обетовал Господь, *яко николиже знах вас: отъидите от Мене, дела-*

---

[1] Ин. 8. 44. ‖ [2] Обличениями Господом злочестия иудеев наполнены страницы Евангелия, особенно 23 глава от Матфея и 8 глава от Иоанна. ‖ [3] *...половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. ...Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19. 8–10).

ющии беззаконие![1] Для спасения необходимо исполнение всех постановлений Евангелия, хранимых в должной целости одной Святою Православною Церковию.

Упомянутый выше юноша, услышав ответ Господа, что для спасения нужно жительство по заповедям Божиим, сказал: *Вся сия сохраних от юности моея: что есмь еще не докончал? Рече ему Иисус: Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищым: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене, взем крест*[2]. Спасение возможно при сохранении имения, в жизни посреди мира; для снискания же совершенства требуется предварительное отрешение от мира. Спасение необходимо для всех — снискание совершенства предоставлено произволяющим. Образец христианского совершенства мы видим в святых Апостолах, как засвидетельствовал о себе и о них святой апостол Павел, сказав: *Елицы убо совершенни, сие да мудрствуим*[3], что совершенство христианское, будучи жительством в Боге, есть бесконечное поприще преуспеяния, как бесконечен Бог[4]. «Это совершенное, несовершающееся совершенство совершенных, как поведал мне некто вкусивший его, — говорит святой Иоанн Лествичник, — столько освещает ум и отвергает его от всего вещественного, что, по вступлении в сие небесное пристанище, по большей части из жизни по плоти возносит, приведши в состояние исступления, на небо к видению (и там содержит). Об этом говорит некогда познавший, может быть, из опыта, *яко Божии державнии земли зело вознесошася*[5]. Об этом сказал восхищенный до третьего неба и оставшийся жить там сердечными чувствованиями и помышлениями: *наше бо житие на небесех есть*[6]. Совершенство состоит в явном причастии Святого Духа, Который, вселившись в христианина, переносит все желания его и все размышление в вечность. Такое состояние души своей исповедал святой Давид, засвидетельствовавший о себе: *Дух Господень глагола во мне, и слово Его на языце моем*[7]. От действия Святого Духа мог сказать Давид: *Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил. Желает и скончавается душа моя во дворы Господни: сердце мое и плоть*

---

[1] *И тогда объявлю им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие»* (Мф. 7. 23). ‖ [2] *...все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19. 20–21) *...взяв крест* (Мк. 10. 21). ‖ [3] *Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить* (Флп. 3. 15). ‖ [4] Флп. 3. 20, 12. ‖ [5] *...ибо щит земли — Божии; Он превознесен* ***над ними*** (Пс. 46. 10). Лествица. Слово 29, гл. 5. ‖ [6] *Наше же жительство — на небесах* (Флп. 3. 20). ‖ [7] *Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня* (2 Цар. 23. 2).

моя возрадовастася о Бозе живе[1]. *Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?*[2] *Увы мне, яко пришелствие мое продолжися!*[3] Неестественно человеку в обыкновенном его состоянии такое пламенное желание переселения в вечность; оно свойственно лишь мужу Духоносному, как и Духоносный Павел сказал о себе: *Мне бо еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение (есть). Желание имый разрешитися и со Христом быти*[4]. «Купец, — говорит святой Исаак Сирский, — когда исполнится предприятие его и получится следующая ему часть корысти, спешит возвратиться в дом свой. И монах, доколе не совершено поприще делания его, не хочет разлучиться с телом. Когда же ощутит в душе своей, что поприще им совершено и он получил залог, тогда начинает желать будущего века... Ум, обретший премудрость Духа, подобен человеку, нашедшему корабль на море. Когда он поместится в этот корабль, то немедленно уплывает в нем из моря мира преходящего и приплывает на остров, принадлежащий будущему веку. Ощущение будущего века в сем мире подобно малому острову на море: приставший к этому острову уже не будет более трудиться в волнах мечтаний сего века»[5]. Преподобный Макарий Великий живописует христианское совершенство следующими чертами: «Надобно человеку, так сказать, пройти двенадцать ступеней и потом достигнуть совершенства. Если кто достиг сей степени, то и пришел в совершенство. Опять, когда благодать начнет действовать слабее, он сходит с одной ступени и стоит на одиннадцатой. Иной, богатый и обилующий благодатию, всегда, день и ночь, стоит на степени совершенства, будучи свободным и чистым от всего, всегда увлеченным и восхищенным в горняя. Если бы это сверхъестественное состояние, явленное ныне человеку, изведанное им на самом опыте, всегда ему сопребывало, то он не мог бы

---

[1] *Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому* (Пс. 83. 2–3). ‖ [2] *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лицо Божие* (Пс. 41. 2–3). ‖ [3] *Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских* (Пс. 119. 5). [По толкованию А. П. Лопухина: Мосок, или Моски, местность в Армении, около Черного моря. «Шатры Кидарян» — кочевое племя, по одним источникам — бродившее между Месопотамией и Каменистой Аравией, по другим — жившее в Египте. В этом стихе указано на состояние евреев, еще находившихся в рассеянии среди разных языческих народов. — *Ред.*] ‖ [4] *Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение. ...Имею желание разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1. 21, 23). ‖ [5] Слово 85.

ни принять на себя служения Слову, ни понести каких-либо трудов, ни слышать что, ни в нужных случаях позаботиться о себе или о наступающем дне, а сидел бы в одном углу восхищенным и как бы упоенным. По этой причине полная мера совершенства не дана человеку, чтоб он мог иметь попечение о братии и упражняться в служении Слова. Но стена уже разрушена, и смерть побеждена. — Это должно понимать так: как в каком-либо месте, при возжженной и светящей в нем свече, может находиться и некоторая мрачная сила, и густой воздух потемнять его, так и при духовном свете находится некоторое покрывало. По сей причине находящийся в этом свете человек исповедует себя еще не совсем совершенным и свободным от греха. Разрушилась, так сказать, и разорилась отделявшая стена, но только отчасти, а не совсем и навсегда, потому что благодать иногда сильнее наставляет и укрепляет человека, а иногда как бы слабеет и уменьшается, сообразуясь с пользою человека. Кто достиг в сей жизни совершенной степени и самим опытом узнал будущий век? — я еще не видел ни одного человека, который бы вполне достиг христианского совершенства, вполне был свободен от всякого порока. Хотя и упокоевается кто в благодати, постигает тайны и откровения, вкушает неизреченную сладость благодати, однако, при всем том, и грех в нем обитает... Я еще не видел никого совершенно свободным, ибо и я отчасти восходил некогда до этой степени и узнал, что нет ни одного человека (вполне) совершенного»[1]. По сей-то причине, как мы видели, святой Иоанн Лествичник, а подобно ему и многие святые Отцы, назвали человеческое совершенство в христианстве *несовершенным совершенством*, как и св. апостол Павел сказал: *Не зане уже достигох, или уже совершихся: гоню же, аще и постигну, о немже и постижен бых от Христа Иисуса. Братие! аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышняго звания Божия* — христианского совершенства — *о Христе Иисусе*[2].

Христианское совершенство есть дар Божий, а не плод человеческого труда и подвига, подвигом доказывается только действительность и искренность желания получить дар; подвигом, который обуздывает и укрощает страсти, естество человеческое соделывается

---

[1] Беседа 8, гл. 4, 5. || [2] ***Говорю так*** *не потому, чтобы я уже достиг и усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3. 12–14).

способным и предуготовляется к принятию дара. От человека зависит очистить и украсить, и то с помощию Божиею, обитель в себе для Бога; пришествие Бога в эту обитель зависит единственно от Божия благоволения[1].

Нестяжание и отречение от мира есть необходимое условие к достижению совершенства. Ум и сердце должны быть всецело устремлены к Богу, все препятствия, все поводы к развлечению должны быть устранены; *всяк от вас*, сказал Господь, *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик*[2]. Упование на тленное имущество должно быть заменено упованием на Бога, а самое имущество — обетованием Бога, Который сказал: *не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся? Всех бо сих языцы ищут: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*[3]. Посреди всех лишений, посреди трудного положения, в которое по-видимому приводит себя христианин, отказавшийся от имения и от всех преимуществ, доставляемых миром, он, содействующей ему Божиею благодатию, поставляется в самое удовлетворительное положение, какого мир никогда не может дать своим служителям. Это положение изображено святым апостолом Павлом так: *Во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениих, в трудех, во бдениих, в пощениих, во очищении, в разуме, в долготерпении, в благости, в Дусе Святе, в любви нелицемерне, в словеси истины, в силе Божией, оружии правды десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением: яко лестцы, и истинни: яко незнаеми, и познаваеми: яко умирающе, и се, живи есмы: яко наказуеми, а не умерщвляеми: яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще*[4]. В таком

---

[1] Ин. 14. 23. ‖ [2] *Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 33). ‖ [3] *Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или «что пить?» или «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6. 31–33). ‖ [4] *...во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6. 4–10).

положении были все святые Апостолы, все оставившие и шедшие в след Господа[1]. Они не имели вещественного имущества, но всему миру, утопавшему в погибели, доставили неоцененное духовное богатство — Богопознание и спасение. Они не имели вещественного имущества, но вселенная им принадлежала: во всяком городе, во всяком селении, куда они ни приходили, приготовлены им были Промыслом Божиим и помещение, и содержание, и *елицы* из уверовавших во Христа *господие селом или домовом бяху, продающе приношаху цены продаемых и полагаху при ногах Апостол*[2]. — В таком положении были святые мученики. Пред вступлением в подвиг обыкновенно они давали свободу рабам, а имущество раздавали нищим[3]. Разорвав все связи с миром, они совлекали с себя самую одежду — тело — в беззакониях зачатую, облекались в одежду Святого Духа, в Самого Господа нашего Иисуса Христа, претворяли свою одежду — тело — из плотской в духовную, из тленной в нетленную, из греховной в святую, из земной в небесную. Страдания святых мучеников имели особенный характер: они страдали не как чада ветхого Адама — как члены Христа. Святая мученица Фелицитата была беременной в то время, как ее, за твердое исповедание Веры, заключили в мрачную и душную темницу. В темнице она разрешилась. Во время родов, которые были трудны, Фелицитата не могла удерживаться от воплей. По этому поводу один из тюремных стражей сказал ей: «Ты так кричишь теперь; что же с тобою будет, когда тебя предадут зверям на съедение?» Она отвечала: «Теперь страдаю я, но тогда Другой во мне будет страдать за меня, потому что я страдаю за Него»[4]. Мученичество отнюдь не было изобретением человеческим или последствием одного человеческого произволения: оно было даром Божиим человечеству и потому было сверхъестественно, как и святой апостол Павел сказал: *Вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати*[5]. Подобно мученичеству и монашество есть дар Божий. Монашество есть подвиг вышеестественный. Оно есть то же мученичество в сущности своей, лишь для поверхностного невежественного взгляда представляясь чем-то иным, неопределенным. Подобно мученичеству, монашество требует, чтоб ему предшествовало отречение от мира. Как подвиг мученичества начинается различными терзаниями тела, а

---

[1] Мф. 19. 27. || [2] *...все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов* (Деян. 4. 34–35). || [3] Жития великомучеников Димитрия Солунского, Георгия Победоносца и др. || [4] Histoire du Christianisme par Fleury. Livre V, chap. XVII. || [5] *...вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него* (Флп. 1. 29).

совершается смертию его, так и подвиг монашества начинается отсечением своей воли и своих разумений, отречением от плотского наслаждения, а совершается умерщвлением души и тела для греха, оживлением их для Бога. Встав против греха до смерти, купив победу над ним непощадением тела в усиленных, сверхъестественных подвигах, многие иноки с величайшею удобностию перешли от подвига иноческого к подвигу мученическому по сродству между собою этих двух подвигов, заключающихся в отречении от мира и от себя. Как подвиг мученичества непонятен для гордого, служащего тлению мира, представляется для него буйством, так непонятен и странен для него подвиг монашества. Мученики по мере совершения подвига начинали обнаруживать обилие благодатных Даров; точно так и в иноках благодать Божия открывала свое действие по умерщвлении их для греха, усиливала это действие по мере того, как усиливалась в иноках их святая мертвость. Подвиг всякого инока — сверхъестественен: он непременно должен быть сопряжен с победою скотоподобного свойства телесного, сделавшегося по падении принадлежностию каждого человека. Подвиг некоторых святых иноков кажется более непостижимым по сверхъестественности своей, нежели даже подвиг мучеников. В этом можно убедиться, прочитав жития преподобных Марка Фраческого, Онуфрия Великого, Марии Египетской и других. Отчего мученичество и монашество представляются сумасбродством и нелепостию для рабов греха и мира? — Очевидно оттого, что они признают добром одно добро падшего естества, а христианства не знают и не понимают.

Для достижения совершенства, вслед за истощанием имения на нищих, необходимо взять крест свой[1]. Оставлению имения должно последовать отвержение от самого себя, в чем и заключается принятие креста, или произвольное и постоянное подчинение скорбям двоякого рода, из которых составляется крест, как бы из двух древ, соединенных между собою и пресекающих друг друга. Одни из этих скорбей попускаются Промыслом Божиим к нашему душевному созиданию, а другие мы должны возлагать произвольно сами на себя для обуздания и умерщвления страстей своих, для умерщвления в себе своего падшего естества. О скорбях, попускаемых нам Промыслом Божиим, говорит святой апостол Павел: *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог. Который бо есть сын, егоже не наказует отец? Аще*

[1] Мк. 8. 34.

же без наказания есте, емуже причастницы быша вси (истинные служители Божии), *убо прелюбодейчищи есте, а не сынове. К сим, плоти нашей отцы имехом наказатели, и срамляхомся: не много ли паче повинемся Отцу духовом, и живи будем?*[1] Святой апостол Петр возводит к духовному разумению скорбей и утешает подвергшихся им следующим образом: *Возлюбленные! огненнаго искушения, для испытания вам посылаемаго, не чуждайтесь, как приключения для вас страннаго. Но так как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если за имя Христово злословят вас, то вы блаженны. Ибо Дух славы и силы, Дух Божий на вас почивает. Теми он хулится, а вами прославляется. Только бы кто из вас не пострадал как убийца, или тать, или злодей, или как мятежник. А если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Ибо время начаться суду с дома Божия. Если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию? если праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где явится? Итак, страждущие по воле Божией, Ему, как верному Создателю, да предают души свои, делая добро*[2]. По наставлению апостола Павла, попускаемые Промыслом скорби должно принимать с величайшею покорностию Богу, как и Апостол принимал попущенные ему искушения: *благоволю*, говорил он, *в немощех, в досаждениих, в бедах, во изгнаниих, в теснотах по Христе*[3]. По наставлению святого апостола Петра, при нашествии скорбей должно предаваться

---

[1] *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же останетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?* (Евр. 12. 6–9.) ‖ [2] Ср.: *Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнется, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию? И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится? Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 12–19). По русскому переводу издания 1822 г. ‖ [3] *Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа* (2 Кор. 12. 10).

всесвятой воле Божией и с особенною трезвенностию, твердо держаться Заповедей Божиих, от которых враг старается во время скорби отторгнуть помыслами печали, безнадежия, ропота, гнева, хулы. *Всю печаль нашу возвергнем на Бога, яко Той печется о нас*[1]. Подобает нам иметь *всяку радость*, то есть величайшую радость, *егда во искушения впадаем различна*[2]: искушения суть признак призвания нас Богом, признак избрания, признак усыновления. Из среды их будем возносить славословие Богу, как возносил его праведный, многострадальный Иов из среды разнообразных бедствий, отвсюду окруживших его[3]. Из среды их будем приносить благодарение Богу, исполняющее сердце благодарящего духовным утешением и силою терпения, благодарение, заповеданное Самим Богом. *О всем благодарите,* завещает Апостол, *сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас*[4]. Говорит святой Петр Дамаскин: «Как чадолюбивые родители, будучи побуждаемы любовию, с угрозами обращают к благоразумному поведению детей своих, позволивших себе поведение безрассудное, так и Бог попускает искушения, как жезл, обращающий достойных от диавольского злосоветия. *Иже щадит жезл (свой), ненавидит сына своего: любяй же наказует прилежно*[5]. Лучше терпением находящих (попускаемых) искушений прибегать к Богу, нежели из страха бедствий подвергаться отпадению, впадать в руки диавола, и навлечь на себя вечные отпадение и муку с ним. Одно из двух непременно предлежит нам: или мы должны претерпеть первое, временное, или подвергнуться второму, вечному. Праведников не прикасаются ни те ни другие бедствия, потому что они, любя события, представляющиеся нам несчастиями, радуются им, лобызая искушения, как находки и время для приобретения духовной корысти, пребывают неуязвленными. Не умирает тот, в кого ударила стрела, но не поразила его; погибает тот, кому она нанесет смертельную рану. Повредила ли напасть Иову? Напротив того, не увенчала ли его? Привели ли в ужас Апостолов и мучеников муки? они радовались, говорит Писание, *яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти*[6]. Победитель чем более бывает борим, тем больших сподобляется венцов, тем большую от этого ощущает радость. Когда он услышит голос трубы, то

---

[1] *Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5. 7). ‖ [2] *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения* (1 Иак. 1. 2). ‖ [3] Иов. 1. 21; 2. 10. ‖ [4] *За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* (1 Сол. 5. 18). ‖ [5] *Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его* (Притч. 13. 25). ‖ [6] *...что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие* (Деян. 5. 41).

не приходит в страх, как бы от голоса, возвещающего заколение; напротив того, веселится, как о предвещании венца и воздаяния. Ничто не доставляет победы столь беструдной, как мужество с извещенною верою! Ничто не навлекает с таким удобством побеждения, как самолюбие и боязнь, рождающиеся от неверия»[1]. Господь обетовал скорби последователям Своим на все время земного странствия их, обетовал земную жизнь, подобную Своей, проведенной в лишениях и гонениях, но вместе заповедал им мужество и благонадежие. «*Аще мир вас ненавидит,* сказал Он им, *ведите, яко Мене прежде вас возненавиде: аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир*[2]. *В мире скорбни будете: но дерзайте, (яко) Аз победих мир*[3]: никакая скорбь, никакое искушение не возмогут ни одолеть, ни сокрушить вас, если вы будете веровать в Меня и пребывать во Мне исполнением Моих заповедей». *Верен же Бог,* говорил Апостол, *Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[4]. Также и в другом месте Писания Святой Дух свидетельствует: *Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь. Хранит Господь вся кости их, и ни едина от них сокрушится*[5]. Поверим обетованию Божию, не устрашимся волнующегося моря скорбей и благополучно переплывем его, держимые невидимой, но всесильной десницею Божиею.

Другая часть креста составляется из произвольных подвигов духовных, установленных и заповеданных Богом, которыми обуздываются греховные пожелания тела, а следовательно, и души. О них святой апостол Павел сказал: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду*[6], а святой апостол Петр: *Христу убо пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитеся: зане пострадавый плотию преста от греха*[7]. *Иже*

[1] Добротолюбие. Ч. 3, кн. 1, статьи под заглавием «Яко без смиренномудрия невозможно спастись». ‖ [2] *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15. 18–19). ‖ [3] *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 33). ‖ [4] *...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖ [5] *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь. Он хранит все кости его; ни одна из них не сокрушится* (Пс. 33. 20–21). ‖ [6] *усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9. 27). ‖ [7] *Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотию перестает грешить* (1 Пет. 4. 1).

Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми[1]; плоть, не распятая, а утучняемая и утешаемая обильным питанием, наслаждением и упокоением, не может не сочувствовать греху, не услаждаться им, не может не быть неспособною к приятию Святого Духа, не может не быть чуждою и враждебною Христу. *Сущая истинная вдовица и уединена*, то есть истинно отрекшийся от мира, умерший для него, отделившийся от всех и от всего для служения Богу *уповает на Бога и пребывает в молитвах и молениих день и нощь: питающаяся же пространно*, несмотря на оставление мира по наружности и на раздаяние имения нищим, *жива умерла*[2], потому что *сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление: а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный*[3]. Необходимо, необходимо для подвижника Христова распятие плоти! необходимо подчиниться благому игу подвигов для обуздания скотоподобных стремлений плоти, а не для отнятия у нее здоровья и сил, необходимых для самого подвижничества. «Мы научились быть убийцами страстей, а не тела», — говорит Пимен Великий[4]. Даже для немощных по телу и больных очень вредно нарушение воздержания, усиливающее болезни, не подкрепляющее, а расстраивающее слабого и больного. Благоразумная умеренность особенно способна поддерживать и сохранять телесные силы и здоровье, и в людях крепкого сложения, и в людях сложения слабого, болезненного.

По раздаянии имения нищим и по расторжении связи с миром, первым делом для подвижника Христова должно быть удаление из среды соблазнов в уединенную иноческую обитель. Таким удалением изглаживаются прежде полученные греховные впечатления и отвращается возможность заражаться новыми впечатлениями. К такому удалению приглашает истинных служителей Бога сам Святой Дух: *Изыдите от среды их и отлучитеся, глаголет Господь, и нечистоте не прикасайтеся, и Аз прииму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель*[5]. И в самой святой обители необходимо охраняться от знакомства, от хождения по келлиям братий и от принятия их к себе, чтоб душа соделалась способною к посеву на ней Слова Божия,

[1] *Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстьми и похотьми* (Гал. 5. 24). ‖ [2] *Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5. 5–6). ‖ [3] *...сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную* (Гал. 6. 8). ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] *И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель* (2 Кор. 6. 17–18).

принесла в свое время плод духовный. И вещественная нива приготовляется к обильному хлеборождению разрыхлением посредством железных орудий и устранением из нее всех иных произрастаний. Преподобный Симеон Благоговейный заповедал ученику своему, преподобному Симеону Новому Богослову, при вступлении его в монастырь: «Смотри, чадо, если хочешь спастись, то никак не беседуй на церковных последованиях и не ходи по келлиям. Не имей свободного обращения. Храни ум твой, чтоб он не скитался туда и сюда, но чтоб взирал неуклонно на грехи твои и на вечную муку»[1]. В келлии должно иметь только самые нужные принадлежности, по возможности простые: к излишним и красивым вещам немедленно является в сердце пристрастие, а ум, по поводу их, получает наклонность к мечтательности и рассеянности, что очень вредно.

Второй подвиг заключается в умеренном посте. Пост для новоначальных определяется монастырскою трапезою. В трапезе должно употреблять пищу, не дозволяя себе пресыщения, впрочем, столько, чтоб тело было способно к послушаниям; вне трапезы пищу употреблять воспрещается Отеческим преданием и монастырским уставом. Те иноки, которых Бог привел к жизни безмолвной и к постоянному упражнению в молитве и Богомыслии, должны употреблять пищу однажды в день[2], не насыщаясь и употребляя все роды яств, дозволенных монашеству, смотря по тому, что послано будет Богом. При такой свободе строго должно наблюдать, чтоб она не дала повода к наслаждению или излишеству. Истинное наслаждение ожидает нас в будущем веке, а здесь, на пути к нему, возбраним себе наслаждение, удовлетворяя единственно естественной нужде, а не страстной прихоти. Уединение и пост — такие существенные принадлежности иноческой жизни, что от них иноки получили в древности свое название: монах (μοναχός, solitarius, от слов греческого μόνος, латинского solus — один) значит уединенный; монахи назывались также и постниками.

Третий подвиг — бдения. Новоначальный инок тогда удовлетворительно упражняется этим подвигом, когда неупустительно присутствует при всех церковных последованиях. Для проводящего безмолвную жизнь подвиг бдения особенно важен. В этот подвиг возводит инока живое памятование, как бы предощущение

---

[1] Житие преподобного Симеона Нового Богослова. Рукопись. Житие это напечатано иждивением Оптиной Пустыни. || [2] По совету святого Петра Дамаскина. См. статью под заглавием: «Нужное и изрядное показание седми телесных деланий». Кн. 1. Добротолюбие. Ч. 3.

смерти и последующего за нею нелицеприятного суда Божия. Инок тщится предупредить страшное стояние на этом суде благоговейным и трепетным предстоянием на молитве, как бы пред лицем и взорами Самого Бога. Он надеется испросить и получить здесь прощение грехов, чтоб, по исшествии души из тела, совершить путь от земли к небу без всякого страха, и потому неотступно стоит при дверях милосердия Божия во время келейной уединенной молитвы своей, стучится в эти двери плачем, стучится тяжкими воздыханиями, смиренными словами, исходящими из глубины болезнующего о греховности сердца. По мере того как усиливается духовное ощущение страха Божия, усиливается подвиг бдения. Но сначала надо принуждать себя к этому подвигу, без которого невозможно получить окончательной и совершенной победы над страстями. Надо придти в состояние, заповеданное Господом: *Да будут чресла ваша препоясана, и светилницы горящии: и вы подобни человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих: аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им. И аще приидет во вторую стражу, и в третию стражу приидет, и обрящет (их) тако, блажени суть раби тии. Се же ведите, яко аще бы ведал Господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего: и вы убо будите готови: яко, в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет*[1]. Такое состояние доставляется ощущением страха Божия. Пришедшие в него начинают жить на земле, как путешественники в гостинице, ожидая ежечасно выхода из нее. Время земной жизни сокращается пред их взорами, когда пред ними откроется необъемлемая, величественная вечность. Мысль, что они могут быть призваны Господом неожиданно, содержит их в непрестанном бодрствовании, на непрестанной страже от греха, непрестанно наветующего. Ночи проводят они подобно дням, приемля сон только по необходимой нужде, никак не попуская себе глубоко погружаться в него и разнеживаться им. На жесткие ложа

[1] Ср.: *Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те. Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий* (Лк. 12. 35–40).

свои они ложатся одетые и препоясанные, чтоб тотчас воспрянуть при требовании нужды. Подвиг бдения должен соответствовать телесным силам человека. Он, как и уединение и пост, усиливается при постепенном переходе подвижника из плотского и душевного состояния в духовное или благодатное. Духовный человек хотя бы и немощен был по телу, выдерживает несравненно больший подвиг, нежели к какому способен человек плотский и душевный. Первый возбуждается к подвигу Божественною благодатию и встречает менее препятствий от своего тела, обыкновенно отлагающего при вступлении в такое состояние значительную часть своей дебелости.

Для составления видимого креста необходимо нужны два бруса в поперечном соединении между собою; так и для составления невидимого креста необходимы и скорби произвольные — подвиги, содержащие тело в распятии, и скорби извне, обуздывающие и смиряющие дух человека, постоянно расположенный к гордости по причине повреждения падением. Из совокупности этих скорбей составляется тот крест, который заповедано нам взять на себя и последовать Христу, без которого последование Христу невозможно. Нераспявшие плоти своей, необуздавшие в ней греховных вожделений и стремлений, увлекающиеся сладострастными ощущениями и помыслами не могут быть в общении со Христом, состоя посредством услаждения и увлечения грехом в общении с сатаною. *Сущии же во плоти*, сказал святой апостол Павел, то есть проводящие плотскую жизнь, живущие в свое тело, изобильно питающие его, упокаивающие, нежащие, *Богу угодити не могут*[1]. *Сущии бо по плоти плотская мудрствуют*[2], то есть проводящие плотскую жизнь непременно имеют плотский образ мыслей, не помнят и не заботятся о вечности, имеют ложное завещание[3] к земной жизни, признавая ее бесконечною и действуя единственно для нее, высоко ценят земные преходящие положения и преимущества, не могут усвоить себе Нового Завета, не могут отвергнуть падшего естества, развивают его, уважают его достоинства и преуспеяние. *Мудрование бо плотское смерть есть, мудрование плотское вражда на Бога: Закону бо Божию не покаряется, ниже бо может* покориться[4]. Несвойственна, невозможна ему эта святая покорность. Никакой пользы не принесет нам оставление имущества и мира, удаление

[1] *Посему живущие по плоти Богу угодить не могут* (Рим. 8. 8). ‖ [2] *Ибо живущие по плоти о плотском помышляют* (Рим. 8. 5). ‖ [3] Отношение. — *Ред.* ‖ [4] *Помышления плотские суть смерть... плотские помышления суть вражда против Бога; ибо Закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим. 8. 6–7).

в монастырь, если мы будем угождать прихотливым пожеланиям нашей плоти, если не возведем ее на крест, лишив ее излишеств и наслаждений, предоставив одно необходимое к существованию. Первоначальная заповедь, данная Богом человечеству, была заповедь о посте. Она дана в раю, подтверждена в Евангелии. При нарушении ее святой рай не мог предохранить от погибели; при нарушении ее не может предохранить нас от погибели искупление, дарованное нам Богочеловеком. *Мнози бо ходят*, говорит апостол Павел, то есть проводят земную жизнь, *ихже многажды глаголах вам, ныне же и плачя глаголю, враги креста Христова: имже кончина погибель, имже бог чрево, и слава в студе их, иже земная мудрствуют*[1]. Апостол, говоря это христианам, умолял их подражать его жительству[2], которое он совершал *в труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажди, в пощениих многащи, в зиме и наготе*[3]. Пост есть основание всех иноческих подвигов, без него невозможно ни сохранить уединения, ни обуздать языка, ни проводить трезвенной, внимательной жизни, ни преуспеть в молитве и бдении, ни стяжать воспоминания о смерти, ни узреть множества согрешений и немощей своих. Инок, небрегущий о посте, колеблет все здание добродетелей своих; не устоять этому зданию, если здатель не опомнится и не позаботится благовременно об укреплении основания. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Начальник бесов — падший денница, и начало страстей — объядение[4]. Не вводи себя в обман! ты не освободишься от фараона и не узришь горней Пасхи, если не будешь постоянно вкушать горького зелья и опресноков. Горькое зелье — понуждение к посту и труд, а опресноки — ненапыщенное мудрование. Да совокупится с жизнию твоею слово сказавшего: *Аз же, внегда стужаху ми* демоны, *облачахся во вретище и смирях постом душу мою, и молитва моя в недро мое* углублялась[5]. Если ты дал обет Христу идти тесным и узким путем, то утесняй чрево твое. Упокоевая и расширяя его, ты нарушаешь этот обет. Будь внимателен и услышь говорящего: пространен и *широк путь* чревоугодия, *вводяй в пагубу* блуда, *и мнози суть входящии им*. Что *узкая врата и тесный путь* поста, *вводяй в живот* чистоты, *и мало их есть, иже входят им*»[6].

[1] *Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном* (Флп. 3. 18–19). ‖ [2] Флп. 3. 17. ‖ [3] *...в труде и изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе* (2 Кор. 11. 27). ‖ [4] Слово 14, гл. 30. ‖ [5] *Я во время болезни их одевался во вретище, изнурял постом душу мою, и молитва моя возвращалась в недро мое* (Пс. 34. 13). Лествица. Слово 14, гл. 52. ‖ [6] Лествица, гл. 29.

Что значит *последовать Христу*[1], по раздаянии имения и принятии на себя креста? Последовать Христу значит проводить земную жизнь единственно для Неба, подобно тому, как проводил Свою земную жизнь Богочеловек. Живущие благочестно посреди мира по евангельским заповедям уподобляются уже благими нравами и настроением душевным Сыну Божию; но отрекшиеся от мира, распявшие плоть свою подвижничеством, привлекшие в себя благодать Святого Духа по причине умерщвления плоти для греха[2], стяжавают особенное сходство с Богочеловеком. Они *Духом Божиим водятся,* и *суть сынове Божии*[3], по благодати, образовав себя по образу Небесного Человека, второго Человека, Богочеловека[4]. Не буква, не поверхностное познание по букве, не имеющее никакого значения пред Богом, свидетельствует им, что они — чада Божии; свидетельствует это Сам Всесвятой Божий Дух, вселившись в них ощутительно для них и соединившись с их духом[5]. *Аще же чада,* то *и наследницы: наследницы убо Богу, снаследницы же Христу*[6]. Откуда могла возникнуть такая слава для бедной, падшей твари — человеков? из живой веры во Христа, Бога, Создателя и Спасителя нашего, из живой веры, научившей избранных Божиих не только сердцем признать Искупителя, но исповедать самою жизнию, отречением от мира, приятием сугубого креста, составляемого из скорбей вольных и невольных, и точнейшим исполнением *воли Божией, благой, и угодной, и совершенной*[7]. *Понеже с Ним страждем,* говорит Апостол всему лику подвижников Христовых, *да и с Ним прославимся*[8]. Сравнив вечную, небесную славу, уготованную страдальцам о Христе, изведанную Апостолом опытно, с кратковременными скорбями, которыми она приобретается, святой Павел говорит: *Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас*[9]. Ничего не значат эти скорби! Наш Всемогущий и Всеблагой Подвигоположник вложил в самые скорби такое духовное утешение, что скорби ради Христа уже сами по себе составляют источник радости. «Телесные сии мучения, — сказал великомученик Евстратий о претерпенных им сверхъестественных страданиях в предсмертной молитве своей к Богу[10], — суть веселия рабам Твоим». Точно такое же свойство заключают в себе и скорби иноческие: в недре их

[1] Мф. 19. 21. ‖ [2] Рим. 8. 10. ‖ [3] *...водимые Духом Божиим, суть сыны Божии* (Рим. 8. 14). ‖ [4] 1 Кор. 15. 47–49. ‖ [5] Рим. 8. 16. ‖ [6] *А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу* (Рим. 8. 17). ‖ [7] *...воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12. 2). ‖ [8] *...если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8. 17). ‖ [9] *Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8. 18). ‖ [10] См. Житие его. Четьи-Минеи, 13 декабря.

истекает и кипит источник духовной сладости и радости, начаток во времени блаженства в вечности. Крест — оружие победы, почетное знамение христианина: *мне же,* говорит Апостол, *да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру*[1].

Достойна глубокого рассмотрения и удивления связь между телом и духом человеческим. Образ мыслей человека, его сердечные чувствования много зависят от того состояния, в котором находится его тело. «При утеснении чрева, — заметил святой Иоанн Лествичник, — смиряется сердце; когда же чрево удовлетворяется, тогда помыслы заражаются превозношением»[2]. «Душа иначе не может придти в смирение, — сказал Пимен Великий, — как умалением пищи для тела». Настоятель некоторого общежития спросил у Великого: «Почему я не ощущаю в себе страха Божия?» «Как ощущать тебе страх Божий, — отвечал Великий, — когда чрево твое начинено пирогами и сырами?»[3] При насыщении тела сердце наше не может не порождать блудных ощущений, а ум — блудных помыслов и мечтаний, которые силою своею и увлекательностью способны изменить самое решительное благое произволение, склонить его к услаждению грехом; потому-то святой Иоанн Лествичник сказал: «Угождающий своему чреву и вместе желающий победить духа блудного подобен погашающему пожар маслом»[4]. Святой Исаак Сирский говорит: «Возлюби убогие одежды, чтоб уничижить прозябающие в тебе помышления: высокомудрие, говорю, сердца. Любящий блеск не может стяжать смиренных помышлений, потому что сердце внутри напечатлевается соответственно внешнему образу[5]. Святой апостол Павел, исчисляя дела плотские, наименовал между ними *вражды, рвения, завиды, ярости, распри, соблазны, ереси*[6] — недостатки собственно духа человеческого. По какой причине? По той, что эти виды грехов обличают плотское мудрование человека, а плотским мудрованием обличается жительство по плоти, отвержение Креста Христова[7]. Из церковной истории видим, что таковы были все ересиархи.

Убогое Слово это написал я, многогрешный Игнатий, в возбуждение себе, в увещание к жительству подвижническому. Заметил

---

[1] *А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6. 14). ‖ [2] Слово 14, гл. 22. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Слово 14, гл. 21. ‖ [5] Там же, гл. 21. ‖ [6] *...вражда, ссоры, зависть, гнев... разногласия, [соблазны,] ереси* (Гал. 5. 20). ‖ [7] Преподобный Симеон, Христа ради юродивый, указал в отвержении Креста Христова причину заблуждения и погибели Оригена. Четьи-Минеи, 21 июля.

я, что те предметы духовного учения, которые изложу письменно, особенно объясняются для меня самого и иногда бывают небесполезны для возлюбленных братий моих по современности изложения. Если кто прочтет это Слово, тот да простит мне недостатки познания моего и слова! Если кто прочтет это Слово и найдет в нем что-либо полезное для души своей, того умоляю обратить внимание на это убогое Слово и при понятиях, доставляемых им, тщательно рассмотреть себя.

Необходимо, необходимо всем вообще христианам исполнить с точностию завещания Спасителя, Который сказал: *Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелиа, той спасет ю*[1]. *Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю*[2]. Что значит любить душу свою? Это — любить свое падшее естество, его свойства, оскверненные падением, его лжеименный разум, его пожелания и влечения, его правду. Что значит спасать душу свою в мире сем? Это — развивать свойства падшего естества, последовать своим разумениям и своей воле, созидать свою праведность из мнимых добрых дел падшего естества. Что значит погубить душу свою ради Христа и Евангелия, что значит ненавидеть душу свою? Это — познать и признать падение и расстройство естества грехом, это — возненавидеть состояние, произведенное в нас падением, и умерщвлять его отвержением поведения по своим разумениям, по своей воле, по своим влечениям; это — прививать насильно к естеству своему разум и волю естества, обновленного Христом, и поведение свое располагать по всесвятому Божию учению и по всесвятой воле Божией, открытых нам Самим Богом во Евангелии. Падшее естество наше враждебно Богу, последование разумениям и влечениям падшего естества есть стремление к верной и вечной погибели. По этой причине святые пустынные Отцы, наставники монашества и всего христианства, произнесли столько страшных изречений против последования своей воле и своим разумениям. Преподобный Пимен Великий говаривал: «Воля человеческая есть стена медная между Богом и человеком, камень, ударяющий против воли Божией. Если человек оставит ее, то и он может сказать: *Богом моим прейду стену. Бог мой, непорочен путь Его*[3]. Если же оправдание

---

[1] *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8. 35). ‖ [2] *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25). ‖ [3] *...с Богом моим восхожу на стену. Бог! — непорочен путь Его* (Пс. 17. 30, 31).

соединится с волею, то человек развращается и погибает»[1]. Под словом *оправдание* надо разуметь признание нами деятельности по своей воле справедливой или праведной; это служит верным признаком душевного расстройства и совращения с пути спасительного. Преподобный авва Дорофей говорит: «Я другой причины падению монаха не знаю, кроме последования воле и влечениям своего сердца. Говорят: от того или от другого падает человек; я же, как сказал, не знаю другой причины падения, кроме этой. Увидел ли ты кого падшим? знай: он последовал себе». Далее преподобный Дорофей повествует, что он, находясь в общежитии аввы Серида, руководствовался во всем наставлениями Духоносного старца Иоанна, вполне отвергая собственные разумения и сердечные влечения. Когда представлялась ученому и умному Дорофею какая-либо собственная мысль о духовном предмете, тогда он говорил себе: «Анафема тебе и рассуждению твоему, и разуму твоему, и ведению твоему»[2]. Вот образец блаженной ненависти к душе своей, ненависти, заповеданной Спасителем душ и телес наших! Вот образец блаженного погубления души ради Христа и Евангелия для спасения души! Вот образец отношения Святых к падшему естеству!

Последуем, братия, учению Христову! последуем жительству, поведению, образу мыслей святых угодников Божиих! не остановимся для спасения нашего отречься от нашего падшего естества! для истинной любви к себе отвергнем обманчивую любовь к себе, наше самолюбие! для спасительной деятельности по заповедям Евангелия отринем от себя деятельность по законам естества падшего, возлюбленным для мира, враждебным Богу! Возненавидим мнимые добрые дела, возникающие из лжеименного разума, из движений крови, из сердечных чувств как бы ни казались нам наши чувства и помышления возвышенными, непорочными, святыми. Эти дела способны лишь к развитию в нас пагубных самомнения, гордыни, самообольщения. Они не просвещают очей души, как просвещает их заповедь Господня[3]; напротив того, они усиливают слепоту души, делают эту слепоту неисцельною. Творящие их пойдут в вечную муку, как творящие добро естества падшего, добро, всегда смешанное со злом, добро оскверненное, от которого Господь, как от сатанинской мерзости, отвращает Свои всесвятые взоры. Для совершения добрых дел падшего естества не нужно быть христианином: они принадлежат всему падшему человечеству. Там, где

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Поучение о еже не составляти свой разум. ‖ [3] Пс. 18. 9.

совершаются добрые дела падшего естества, при громе похвал от мира, исключен, отвергнут Спаситель мира. Дела веры, дела спасения, или, что то же, исполнение евангельских заповедей, принадлежат одним христианам. «Благое, — сказал об истинном добре преподобный Марк Подвижник, — не может быть веруемо или действуемо, точию о Христе Иисусе и Святом Дусе»[1]. Исполнение евангельских заповедей вводит человека в истинное Богопознание и самопознание, в истинную любовь к себе, к ближнему, к Богу, в общение с Богом, которое развивается тем обильнее, чем усерднее и точнее исполняются евангельские заповеди. Общение с Богом, даруемое христианину еще во время земного странствования, есть залог блаженства небесного и вечного. Этот залог сам свидетельствует о своей верности, свидетельствует так ясно и сильно, что многие для сохранения его решились подчиниться величайшим скорбям, предпочли его временной жизни. Жалостно, горестно ослепление, с которым гордый мир презрительно смотрит на дела Веры Христианской, с которым он произносит о них суждение безумное и приговор, убийственный для мира. Какими ничтожными делами представляются для мира дела Веры в сравнении с громкими и живописными делами мира! Что повидимому за доброе дело — сознание своей греховности, за которое на мытаря излилась милость Божия?[2] Что повидимому за доброе дело покаяние, при посредстве которого величайшие грешники примирились с Богом и наследовали вечное блаженство? Что за доброе дело исповедание Христа, исповедание, выраженное немногими, простейшими словами? и кем выраженное? выраженное казненным разбойником. Эти немногие простейшие слова ввели разбойника в рай, совершили то, чего не могли и не могут совершить все блестящие добродетели всего человечества. *Слово крестное погибающим юродство есть*, столь же бессмысленною представляется для них и деятельность по Евангелию. *Спасаемым нам* и слово крестное, и деятельность по Евангелию *сила Божия есть*[3], исцеляющая и спасающая души наши[4].

Святые Отцы всех времен постоянно выражали свое отношение к откровенному Божию учению словом: *верую*. В современном обществе, которое величает себя по преимуществу образованным и христианским, непрестанно раздается выражение сердечного отношения, залога к Божественному Откровению

---

[1] Добротолюбие. Ч. 1. О Законе Духовном, гл. 2. ‖ [2] Лк. 18. 10–14. ‖ [3] Ср.: *Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия* (1 Кор. 1. 18). ‖ [4] Лк. 6. 19.

в слове: *я думаю*. Откуда явились эти залог и слово? из незнания христианства. Горестное зрелище, когда сын Восточной Церкви рассуждает о христианской Вере вне учения своей Церкви, противно ее учению Божественному, рассуждает своево́льно, невежественно, богохульно. Такое рассуждение не есть ли отречение от Церкви, от христианства? Устрашимся нашего невежества, влекущего нас в вечную погибель; изучим христианство; возлюбим послушание Святой Церкви, возлюбленное для всех, имеющих знание Веры христианской. Соделаемся тщательными исполнителями евангельских заповедей, будем исполнять их, как рабы неключимые[1], долженствующие исполнить долг свой, непрестанно погрешающие в исполнении его или исполняющие очень недостаточно. Евангелие да руководит нас к добрым делам, а не движение крови и нервов. Научимся совершать добродетели со смирением, а не с разгорячением, которому непременно сопутствуют и содействуют тщеславие и высокомудрие или гордыня. Когда Господь прольет в нас святой хлад смирения и от действия его остановятся волны чувств сердечных, тогда познаем, что разгорячение, совершающее возвышенные и громкие человеческие добродетели, есть плоть и кровь, не могущие наследовать Царства Небесного[2].

Спасайтесь, возлюбленные братия, спасайтесь! *Спасайтесь из сего развращеннаго рода*[3], говорил святой апостол Петр тем современным ему иудеям, которые из среды враждебного христианству народа склонялись принять христианство. *Спасаяй, спасет свою душу*, говорили древние великие иноки об истинных христианах последнего времени[4]. Это значит: спасение для них будет очень затруднительно по причине особенного умножения греховных соблазнов и по причине всеобщего уклонения человеков ко греху. Для спасения потребуется особенных усилий, особенного тщания, особенной осторожности и самосохранения, особенного благоразумия, особенного терпения. Но всемогущий Вождь и Наставник наш, наша Жизнь, наша Сила, наше Спасение, Господь Иисус Христос, предвозвестивший нам, что мы *в мире скорбни* будем, вместе и ободряет нас: *дерзайте*, говорит Он, *яко Аз победих мир*[5]. *Се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Аминь*[6].

---

[1] Лк. 17. 10. ‖ [2] 1 Кор. 15. 50. ‖ [3] *...спасайтесь от рода сего развращенного* (Деян. 2. 40). ‖ [4] Изречение преподобного Памвы. Патерик Алфавитный. ‖ [5] *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 33). ‖ [6] *Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28. 20).

Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу

Содержание слова

1. Введение. 2. Состояний естества человеческого в отношении к добру и злу — три. 3. О состоянии естества в отношении к добру и злу по сотворении человека. 4. О состоянии — по падении человека. 5. О состоянии — по искуплении человека. 6. Об обновлении искупленного естества, в случае его повреждения, покаянием. 7. Об отношении обновленного естества ко злу. 8. Заключение

1. Введение

Христов подвижник, чтоб верно судить о себе и правильно действовать относительно себя, имеет необходимую нужду в правильном понятии о своем естестве. Истинная мысль есть источник всех благ; мысль ложная есть источник ошибочной деятельности и тех плодов, которые непременно должны родиться от нее. Если мы видим подвижничество не увенчанным духовными плодами или увенчанным плодами самообольщения, то должны знать, что причиною этого было ложное направление, ложная исходная точка деятельности. Увы! нередко взор ума поражается печальным зрелищем, возбуждающим сердце к горьким слезам. Что может быть печальнее того зрелища, когда подвижник, проведший всю жизнь в недрах святой обители, в непрестанном служении Богу, в непрерывных подвигах, увидит при беспристрастном воззрении на себя свое решительное бесплодие, увидит в себе возросшими и укрепившимися различные страсти, которые, при вступлении его в иночество, были очень слабы, почти недействительны? Что может быть печальнее зрелища, когда то же самое он увидит и в собратиях своих? Тем печальнее это зрелище, что обращение и исправление себя делается в известном возрасте и положении весьма затруднительным. Великое и блаженное дело — когда мы возвеличим в себе Христа. Великое несчастие — несчастие, состоящее в отчуждении от Бога и во времени и в вечности — когда мы разовьем в себе свое падшее *я*.

2. Состояний естества человеческого в отношении к добру и злу — три

Чтоб избегнуть великого злополучия — отчуждения от Бога и во времени и в вечности, вступим на стези правые и святые. Чтоб стяжать правильную христианскую деятельность, с отчетливостию изучим естество человеческое в трех его состояниях: в состоянии по сотворении, в состоянии по падении, в состоянии по искуплении[1]. Тогда только может быть правильной, душеспасительной, богоугодной деятельность христианина, когда он действует или старается действовать исключительно по законам естества человеческого, обновленного.

3. О состоянии естества в отношении к добру и злу по сотворении человека

В состоянии по сотворении человеческое естество было вовсе непричастно злу. В нем жило и действовало одно цельное добро. Никакого опытного понятия о зле человечество не имело. Оно знало только, что существует зло, что опытное познание зла пагубно для человечества[2]. Теоретическое, поверхностное познание о зле не могло иметь никакого вредного влияния на человеческое естество, как познание мертвое, равновесное незнанию в отношении к внутренней и внешней деятельности человека. Падение человека совершилось при посредстве деятельного, опытного познания зла; падение человека заключается в деятельном, опытном познании зла, в усвоении себе зла. Так, теоретическое познание о яде не причиняет смерти, напротив того, предостерегает от него; практическое познание яда, то есть вкушение его, приносит смерть.

4. О состоянии по падении человека

В падшем естестве человеческом добро смешано со злом. Пришедшее в человека зло так смешалось и слилось с природным добром человека, что природное добро никогда не может действовать отдельно, без того, чтоб не действовало вместе и зло. Человек вкушением греха, то есть опытным познанием зла, отравлен. Отрава проникла во все члены тела, во все силы и свойства души: поражены недугом

[1] Святые Отцы называют состояние по сотворении *естественным*, состояние по падении — *нижеестественным*, состояние по искуплении — *сверхъестественным*. Святой Исаак Сирский. Слово 4; Преподобного Дорофея «Поучение». ‖ [2] Быт. 2. 9, 17; 3. 2–3.

греховным и тело, и сердце, и ум. Пагубно льстя себе и обманывая себя, падшие человеки называют и признают свой разум здравым. Здравым разум был до падения; по падении у всех человеков, без исключения, он сделался лжеименным, и для спасения должен быть отвергнут[1]. *Свет очию моею, и той несть со мною*[2], говорит Писание о разуме падшего естества. Пагубно льстя себе и обманывая себя, падшие человеки называют и признают свое сердце добрым; оно было добрым до падения; по падении добро его смешалось со злом и для спасения должно быть отвергнуто, как оскверненное. Сердцеведец Бог всех человеков назвал злыми[3]. От греховной заразы все в человеке пришло в расстройство, все действует неправильно, все действует под влиянием лжи и самообольщения. Так действует его воля, так действуют все его сердечные чувствования, так действуют все его помышления. Тщетно и всуе именует их падшее и слепотствующее человечество добрыми, изящными, возвышенными! Глубоко наше падение, весьма немногие человеки сознают себя существами падшими, нуждающимися в Спасителе; большинство смотрит на свое состояние падения как на состояние полного торжества, употребляет все усилия, чтоб упрочить, развить свое состояние падения.

Отделение собственными усилиями прившедшего зла от природного добра соделалось для человека невозможным. Зло проникло в самое начало человека: человек зачинается в беззакониях, рождается во грехах[4]. С самого рождения своего человек не имеет ни одного дела, ни одного слова, ни одного помышления, ни одного чувствования, ниже на кратчайшую минуту, в которых бы добро было без большей или меньшей примеси зла. Это засвидетельствовано Священным Писанием, которое говорит о падших человеках, что между ними *несть праведен никтоже: вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго*[5]. Указывая на свое падшее естество, святой апостол Павел говорит: *не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе*[6]. Здесь под именем *плоти* Апостол разумеет не собственно тело человеческое, но плотское состояние всего человека: его ума, сердца и тела. И в Ветхом Завете назван *плотию* весь человек: *Не имать Дух Мой,* сказал Бог, *пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть*[7]. В этом плотском состоянии, как в своем теле, живут грех и вечная смерть. Апостол

---

[1] 1 Тим. 6. 20, 21. ‖ [2] *...свет очей моих, — и того нет у меня* (Пс. 37. 11). ‖ [3] Лк. 11. 13. ‖ [4] Пс. 50. 7. ‖ [5] *...нет праведного ни одного; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного* (Рим. 3. 10, 12). ‖ [6] *...не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе* (Рим. 7. 18). ‖ [7] *...не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть* (Быт. 6. 3).

называет плотское состояние телом смерти[1], телом греха[2]. Состояние это по той причине называется плотию, телом, телом смерти и греха, что в нем мысль и сердце, долженствующие стремиться к духовному и святому, устремлены и пригвождены к одному вещественному и греховному, живут в веществе и грехе. Человеческое тело Апостола, как всем известно, было храмом Святого Духа, было проникнуто Божественной благодатию и источало из себя действия Божественной благодати[3]. К нему не могут относиться выражения, так верно относящиеся к плотскому состоянию, в которое низверглось человеческое естество падением: *сущии же во плоти Богу угодити не могут*[4], *да упразднится тело греховное*[5], *кто мя избавит от тела смерти сея?*[6]

Превосходно описывает Апостол смешение добра со злом в падшем человеке, предоставленном собственным усилиям к творению добра, причем по необходимости зло проникает из естества, искажает его добро и низлагает замыслы ума, тщетно покушающегося ввести в душевный храм истинное служение Богу. *Закон*, говорит Апостол, *духовен есть: аз же плотян есмь, продан под грех. Еже бо содеваю, не разумею: не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю. Аще ли, еже не хощу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живый во мне грех. Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит. Соуслаждаюся бо Закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих, противу воюющь закону ума моего и пленяющь мя законом греховным, сущим во удех моих. Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея? темже убо сам аз умом моим работаю Закону Божию, плотию же закону греховному*[7]. Под словом *плоть*

---

[1] Рим. 7. 24. ‖ [2] Рим. 6. 6. ‖ [3] Деян. 19. 12. ‖ [4] *...живущие по плоти Богу угодить не могут* (Рим. 8. 8). ‖ [5] *...чтобы упразднено было тело греховное* (Рим. 6. 6). ‖ [6] *...кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7. 24.) ‖ [7] Ср.: *...закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию — закону греха* (Рим. 7. 14–25).

здесь опять надо разуметь плотское состояние, которым ниспровергаются все покушения ума человеческого исполнить волю Божию, доколе человек пребывает в состоянии падения, доколе он не обновлен Духом; Дух, вселившись в человека, освобождает его от греховного рабства[1], разрушая тело греха[2], то есть плотское состояние в человеке. Так надо понимать и слова Апостола: *плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут*[3]. Здесь под именем плоти и крови разумеются помыслы и чувствования, рождающиеся в падшем естестве, содержащие человека в плотском состоянии по его уму, сердцу и телу. Это состояние называется и *ветхим человеком*[4], которого Апостол повелевает христианину отложить и облечься *в новаго человека, созданнаго по Богу в правде и преподобии Истины*[5]. Это — то же самое, что он сказал в Послании к Римлянам: *Облецытеся Господем нашим Иисус Христом*[6] и к Коринфянам: *Облечемся во образ Небеснаго* (человека)[7]. Известно, что Апостол был обновлен Духом и облечен во Христа; просвещенный Духом и движимый любовью к ближним, он произнес от лица падшего человека, усиливающегося расторгнуть цепи греховные, исповедание состояния, производимого падением, состояния, при котором человек, насилуемый живущим в нем злом, не может не совершать зла, хотя бы и желал совершать добро[8]. Такое зрение падения человеческого — дар благодати Божией[9].

В обществе падшего человечества некоторые люди называются добрыми. Так называются они неправильно, относительно. В этом обществе называется добрым тот человек, который делает наименее зла, а злым тот, который делает наименее добра. Впрочем, злой человек может до того преуспеть во зле, что вся деятельность его обращается в непрерываемый ряд злодеяний. В точном смысле доброго человека — нет. Нет человека, который бы в падшем состоянии своем делал чистое добро, не оскверненное злом: *никтоже благ, токмо един Бог*[10], говорит Слово Божие. Оно всех человеков, как выше сказано, признает и называет *злыми*[11]. Ветхозаветные пра-

---

[1] Рим. 8. 14. ‖ [2] Рим. 6. 6. ‖ [3] *...плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия* (1 Кор. 15. 50). ‖ [4] Еф. 4. 22. ‖ [5] *...в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины* (Еф. 4. 23–24). ‖ [6] *...облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 13. 14). ‖ [7] *...будем носить и образ небесного* (1 Кор. 15. 49). ‖ [8] Преподобного аввы Дорофея поучение 1. ‖ [9] Священномученик Петр Дамаскин, исчисляя благодатные духовные видения, представляющиеся уму подвижника Христова при постепенном его очищении, помещает между этими видениями и видение падения, которому подверглось человечество. Св. Петр Дамаскин, книга 1-я о осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [10] *Никто не благ, как только один Бог* (Мк. 10. 18). ‖ [11] Лк. 11. 13.

ведники именовались праведниками единственно по отношению к прочим человекам[1], а не по отношению к Богу. По отношению к Богу все без исключения падшее человечество соделалось недостойным Бога, все дела растленного падением естества соделались не благоугодными Богу, как оскверненные неотъемлемою примесию зла. Одна вера в обетованного Искупителя, доказываемая делами веры, усваивала Богу ветхозаветных праведников, вменялась им в правду[2], доставляла надежду спасения, надежду исшествия из темниц адовых, в которые низвергались все без исключения души человеческие по разлучении их с телами, доколе вочеловечившийся Бог не сокрушил заклепов и врат адских.

Мало того, что грех чрез падение соделался как бы естественным человеку, столь свойственным ему, что Писание назвало грех душою человека[3], что отречение от греха сделалось отречением от себя[4], падший человек принял в себя обольстившего его сатану и сделался жилищем сатаны. «Обретается некоторым образом, — говорит преподобный Макарий Великий, — внутри нас пребывающим и сам враг, борющий, пленяющий нас»[5]. Это отнюдь не произвольное суждение и не мечта, а опытное познание, получаемое теми, которые, как говорит тот же угодник Божий, искренно предали себя Господу, твердо пребывают в молитве и непоколебимо противостоят борющему их врагу[6].

Такое опытное познание человеческого падения недоступно для христианина, живущего посреди мира, связанного попечениями, отторгаемого от самозрения непрерывным развлечением. Не к нему наше слово. Пусть добрыми делами в недрах Православной Церкви, особенно милостыней и целомудрием, он зарабатывает свое спасение. Мы беседуем с иноками, всецело предавшими себя в служение Богу, желающими увидеть в себе Царство Божие открывшимся в силе и славе. Непреложный духовный закон подвижничества требует, чтоб человек сперва расторг узы вещества, которыми он связан извне, и потом уже приступил к расторжению тех уз, которыми он связан во глубине своего ума и сердца духами злобы. «Двояким образом и двоякого рода узами, — говорит св. Макарий Великий, — оказался человек связанным по пре-

---

[1] Рим. 4. 2–3; Иов. 1. 8. ‖ [2] Рим. 4. 2–8; Гал. 3. 18–26. ‖ [3] Мф. 10. 39. ‖ [4] Мф. 16. 24. ‖ [5] Слово 4, гл. 16. Это явствует из запрещений, совершаемых пред Святым Таинством Крещения. Падший человек сделался жилищем не только греха, но и сатаны; Таинством Св. Крещения изгоняется сатана из человека, но при нерадивой и греховной жизни крещеного сатана возвращается в него, как это будет объяснено далее. См. последование Св. Крещения в Требнике. ‖ [6] Слово 4, гл. 5.

ступлении им заповеди и по изгнании его из рая: (оказался связанным) в мире сем предметами мира и любовию к миру, то есть к плотским пожеланиям и страстям, к богатству и славе, также любовию к тварям, к жене и детям, к сродникам, к отечеству, к местам, к одеждам, короче сказать: любовию ко всем видимым вещам, от которых Слово Божие повелевает ему отречься по собственному произволению (потому что человек порабощает себя всему видимому произвольно), чтоб, разрешившись и освободившись от всего этого, он возмог исполнить волю Божию совершенно. Внутри же себя (человеческая) душа связана, заключена, окружена стенами и окована узами мрака до такой степени духами злобы, что не может, как бы ей хотелось, любить Бога, веровать в Него и почитать Его»[1]. Далее в беседе своей великий угодник Божий и наставник иноков научает, что только те, которые свергли с себя узы мира и предали себя в истинное и исключительное служение Богу, могут открыть в себе плен свой, свое рабство, свою вечную смерть. Напротив того, тот, кто предварительно не позаботился о разрешении уз, возложенных на него веществом, то есть видимым миром и земною временною жизнию с ее положением и отношениями, — никогда не познает, не приметит своего плена и не увидит духов злобы, в нем действующих. Он остается навсегда чуждым сам себе: питая в себе сокровенные страсти, не только не познает их, но весьма часто признает побуждения их за побуждения правды и действие их за действие благодати Божией или за утешение совести. В самой монашеской жизни телесный подвиг, как бы он ни был велик, не может сам собою открыть внутренних уз и внутреннего бедствия: для этого необходим подвиг душевный. Телесный подвиг, не сопровождаемый душевным, более вреден, нежели полезен, он служит причиною необыкновенного усиления душевных страстей: тщеславия, лицемерия, лукавства, гордыни, ненависти, зависти, самомнения[2]. «Если внутреннее делание по Богу, — сказал великий Варсонофий, — не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем»[3].

Следующие духовные подвиги открывают для подвижника его внутренний плен, служа причиною возбуждения брани в помыслах и чувствованиях: 1) истинное послушание; при нем новоначальный подвижник, отсекая ради Бога свою волю и свои разумения для исполнения воли и разумений подвижника преуспевшего, стяжавшего неуклонное послушание Богу, непременно возбудит

[1] Преподобный Макарий Великий. Беседа 21, гл. 1. || [2] 16-е поучение преподобного Синклитикия. «Достопамятные сказания». || [3] Ответ на вопрос 210.

к противодействию гордого падшего ангела и тем откроет его присутствие в себе. Если подвижник не обольстится злохитрыми представлениями лукавого, стремящегося под разными предлогами отвлечь от послушания, и пребудет постоянным в подвиге, то возбудит к зависти и лютой борьбе невидимого врага, который не преминет воздвигнуть в подвижнике разнообразные греховные мечтания, помышления, ощущения, увлечения и тем обнаружит зло, в необыкновенной обширности таившееся во глубине сердечной и представлявшееся вовсе несуществующим; 2) чтение, изучение и исполнение евангельских заповедей, которые, отсекая деятельный грех, по преимуществу истребляют грех в самом уме, в самом сердце. Исполнение этих заповедей, или, правильнее, усилие к исполнению заповедей, по необходимости обличает живущий внутри нас грех и возбуждает жестокую внутреннюю борьбу, в которой принимают сильнейшее участие духи злобы; 3) бесчестия и другие скорби также обнаруживают таящийся грех во глубине души. Скорбь по той причине и называется искушением, что она открывает сокровенное состояние сердца. Естественно, что в человеке, находящемся еще под властию греха, она обличает живущий во глубине души грех, который обнаруживается сердечным огорчением, печалию, помыслами ропота, негодования, самооправдания, мщения, ненависти. Усиленное действие этих страстей в душе, особенные нашествие и напор помыслов и мечтаний служит несомненным признаком действия падшего гордого духа; 4) внимательная молитва, особенно молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, при усилии соединять сердце с умом, обличает гнездящегося в сердечной глубине змея и, уязвляя его, побуждает к движению. Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы в сочинении своем о безмолвии и молитве приводят следующие слова святого Иоанна Златоуста: «Молю вас, братия, никогда не попирать и не презирать правила молитвы. Слышал я некогда отцов, говоривших, что не инок тот, кто поперет или презрит это правило, но он должен — употребляет ли пищу, или питие, пребывает ли в келлии, или находится в послушании и в путешествии, или что другое делает — непрестанно вопиять так: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня", — чтоб непрестанно воспоминаемое имя Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань врага. Ибо нудящаяся душа может все найти таким воспоминанием, и злое, и благое. Сперва она увидит зло во внутренности сердца своего, а потом (сокровенное в нем) добро (то есть благодать Божию, насажденную в каждого православного христианина Свя-

тым Крещением)»[1]. Такое состояние внутренней борьбы должно переносить благодушно, как наставляет преподобный Макарий Великий, с несомненною верою и надеждою на Господа, с великим терпением, ожидая от Господа помощи и дарования внутренней свободы. Брань не может быть увенчана победою, и свобода не может быть приобретена собственными усилиями человека: то и другое — дар Божий, даруемый подвижнику в свое время, известное единому Богу[2].

Весьма ошибочно поступают те, которые, находясь под властию страстей, требуют от себя бесстрастия. При таком неправильном требовании от себя, происходящем от неправильного понятия о себе, они приходят в необыкновенное смущение, когда проявится каким-либо образом живущий в них грех. Они приходят в уныние, в безнадежие. Им представляется, по неправильному взгляду их на себя, проявление греха чем-то необычным, чем-то совершающимся вне порядка. Между тем проявление греха в помыслах, чувствованиях, словах и делах (здесь говорится не о смертных грехах и не о грехах произвольных, но об увлечениях) есть проявление логичное, естественное, необходимое. «Если страсть тревожит нас, — говорит преподобный авва Дорофей, — то мы не должны этим смущаться: смущаться тем, что тревожит нас страсть, есть дело неразумия и гордости и происходит от того, что мы не знаем своего душевного состояния и избегаем труда, как сказали Отцы. Потому мы и не преуспеваем, что не знаем меры нашей и не имеем терпения в начинаемых нами делах, но без труда хотим приобрести добродетель. Чему удивляется страстный, когда страсть тревожит его? зачем смущается? Ты стяжал ее, имеешь в себе и смущаешься! принял в себя и залоги ее, говоришь: зачем она тревожит меня? Лучше терпи, подвизайся и моли Бога»[3].

Созерцающие в себе грех, по причине этого созерцания, весь день земной жизни проводят в сетовании о греховности своей,

---

[1] Гл. 49. Добротолюбие. Ч. 2. Эта цитата полнее приведена в «Слове об Иисусовой молитве». ‖ [2] Беседа 21, гл. 3 и 4. ‖ [3] Поучение 13 о том, как переносить искушения. Наш российский подвижник, старец Серафим Саровский, говорит: «Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим другим, но не облеяться, а побуждать себя к лучшему. Употребил ли пищи много или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой, сделал — не возмущайся сим и не прилагай ко вреду вред, но мужественно подвигни себя к исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается*». *[Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает]* (Рим. 14. 22). Сказание о жизни и подвигах Старца Серафима. Москва, 1884 г.

умственно показывают себя, свое бедственное состояние Господу и вопиют в болезни сердечной: *Очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои. Призри на мя и помилуй мя, яко единород и нищь есмь аз. Скорби сердца моего умножишася, от нужд моих изведи мя. Избави от оружия душу мою, и из руки песии единородную мою. Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Или что даст человек измену за душу свою? Спаси мя от уст львовых, и от рог единорожь смирение мое, зане супостат* мой *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский мя поглотити. Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя. Виждь враги моя, яко умножишася, и ненавидением неправедным возненавидеша мя. Сохрани душу мою,* яко душу Иова, раба твоего, *и избави мя, да не постыжуся, яко уповах на Тя*[1]. Живущий этим правилом без всякого сомнения удостоится сказать в свое время: *терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему*[2]. Неложен Даровавший обетование уповающим на Него и не отторгающимся от упования на Него, несмотря на продолжительное и мучительное томление, производимое в сердце насилием грехов. Даровавший обетование непременно исполнит его. *Бог же не имать ли сотворити отмщение,* свидетельствует Сын Божий, *избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? Глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре*[3]. Здесь под словом *долготерпение* должно разуметь попущение Божие искушаться человеку, для его же пользы, в течение известного времени, грехом, живущим внутри человека, и духами злобы. «Князь века сего, — говорит

---

[1] *Очи мои всегда к Господу, ибо Он извлекает из сети ноги мои. Призри на меня и помилуй меня, ибо я одинок и угнетен. Скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих...* (Пс. 24. 15–20); *...избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою* (Пс. 21. 21); *...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16. 26); *...спаси меня от пасти льва и от рогов единорогов* (Пс. 21. 22); *...потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5. 8); *...призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои. Посмотри на врагов моих, как много их, и какою лютою ненавистью они ненавидят меня. Сохрани душу мою и избавь меня, да не постыжусь, что я на Тебя уповаю* (Пс. 24. 18–20; Иов 2. 6). ‖ [2] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему* (Пс. 39. 2–4). ‖ [3] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* (Лк. 18. 7, 8).

святой Макарий Великий, — для младенцев по духу есть жезл наказующий (вразумляющий) и бич, дающий раны; но он, как выше сказано, этим приготовляет великую славу и большую честь, озлобляя и искушая их... Чрез него некоторое великое устраивается дело спасения, как негде сказано: *зло, имея целию зло, споспешествует добру.* Для благих душ, имеющих благое произволение, и самое по-видимому скорбное обращается наконец во благо, как свидетельствует сам Апостол: *Любящим Бога вся поспешествуют во благое*[1]. Этот жезл наказания допущен действовать с тою целию, чтоб, при посредстве его, сосуды были испытаны, как в разжженной печи, и хорошие соделались более твердыми, а негодные обличились своей способностию к сокрушению, не выдержав силы огня. Он, то есть диавол, будучи творение и раб Божий, не столько искушает, сколько ему рассудится, не в такой степени озлобляет, сколько бы ему хотелось, но сколько дозволит и попустит ему Божие мановение. Бог, в точности зная состояние всех и то, сколько каждый имеет сил, столько каждому допускает и искуситься. *Верен же Бог,* говорит Апостол, *Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[2]. Ищущий и ударяющий в дверь, просящий до конца, получит просимое»[3].

Причина попущения Божия искушаться подвижнику от духов злобы и греха заключается в необходимости для человека познания в точности и подробности его падения, без чего не может быть им как должно познан и принят Искупитель. Необходимо познать свое падшее естество, его наклонности, свойственную ему деятельность, чтоб впоследствии, приняв благодать Святого Духа, доставляемую Искупителем, не употребить ее во зло себе, не приписать ее действий себе, но быть достойным ее сосудом и орудием. Говорит святой Григорий Синаит: «Если человек не будет оставлен и побежден и обладан, поработившись всякой страсти и помыслу, и духом побеждаем, не обретая никакой помощи ни от дел, ни от Бога, ни от иного кого, от чего он приходит почти в отчаяние, будучи искушаем отвсюду, то он не может придти в сокрушение духа, счесть себя меньшим всех, последнейшим и рабом всех, неключимейшим самих бесов, как мучимого и побеждаемого ими. Это — (смотрительное) попускаемое Промыслом и наказательное смирение, вслед за которым даруется Богом второе, высокое, которое

---

[1] *...любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8. 28). ‖ [2] *...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но и при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖ [3] Слово 4, гл. 6–8.

есть Божественная сила, действующая Богом и совершающая Им все; (человек) видит ее в себе как орудие и этим орудием совершает Божии Чудеса»[1]. Так объясняется то дивное зрелище, которое представляют собою Святые Божии: они, будучи сосудами Святого Духа, вместе видели, признавали, исповедали себя величайшими грешниками, достойными казней, временных и вечных. Они основательно познали и изучили свое падшее естество, в котором ничего нет неоскверненного, и потому все благое, которое посредством их совершалось вселившейся в них Божественною благодатию, они с полным убеждением приписывали Ей и постоянно трепетали, чтоб не возник из падшего естества какой помысл или какое чувство, оскорбительные для Святого Духа[2]. Не полезен для человека быстрый переход от состояния борьбы к состоянию духовной свободы. Святой Макарий Великий замечает, что «нередко души, будучи уже причастницами Божественной благодати, будучи преисполнены небесной сладости и наслаждаясь спокойствием духа, но не свидетельствованные, не искушенные скорбями, наносимыми от злых духов, пребывают в младенчестве и, так сказать, не способны к Царству Небесному. *Аще же без наказания есте,* говорит Божественный Апостол, *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[3]. Посему и искушения, и скорби посылаются человеку для его пользы, чтоб испытанная ими душа соделалась более сильною и честною пред Господом своим. Если она претерпит до конца с надеждою на Господа, то невозможно ей не получить благ, обещанных Святым Духом, и совершенного освобождения от злобы страстей»[4]. По этой причине, за исключением немногих случаев, вследствие особенного Божественного смотрения подвижники Христовы значительную часть своего земного странствования проводят в горькой борьбе с грехом, под игом немилосердого фараона. При выходе из Египта — страны плинфоделания и пресыщения мясами, чем изображается плотское состояние, — служители истинного Бога обирают египтян, то есть выносят с собою богатство деятельного разума, который приобретается в борьбе с грехом и духами злобы. Таково Божественное постановление духовного закона[5]. Святой Исаак Сирский рассказывает следующую повесть: «Некто из святых говорил: был отшельник, старец достопочтенный. Однажды я

---

[1] Святого Григория Синаита глав зело полезных, гл. 117. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Беседа 27, главы 4, 5 и 18. ‖ [3] *Если же останетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8). ‖ [4] Слово 7, гл. 14. ‖ [5] Исх. 3. 21–22.

пошел к нему, потому что угнетала меня печаль от постигших искушений. Старец в это время был болен, лежал. Я приветствовал его, сел близ него и сказал: "Отец! помолись о мне, потому что я очень скорблю от искушений бесовских". Он открыл глаза, посмотрел на меня внимательно и сказал: "Сын! ты молод: Бог не попускает тебе искушений". Я отвечал ему: "Точно, я молод, но искушаюсь искушениями крепких мужей". Он опять сказал: "Если так, то Бог хочет упремудрить тебя". Я сказал: "Как Бог упремудрит меня, когда я ежедневно вкушаю смерть?" Опять он: "Бог любит тебя: молчи. Бог даст тебе благодать Свою", — и присовокупил: "Знай, сын, что я боролся с бесами в продолжение тридцати лет. Проведя в борьбе двадцать лет, я не ощутил никакого облегчения. На двадцать пятом году я начал чувствовать покой. С течением времени покой умножался. По прошествии двадцати семи лет, на двадцать восьмом году, покой начал особенно умножаться. В исходе тридцатого года, уже к концу его, так утвердился покой (значит, прежде покой колебался: то приходил, то отходил), что уже не знаю и меры, в которую он преуспел..." Вот какой покой родился от многотрудного и долговременного делания (подвига)»[1].

Возложив упование на Всесильного и Всеблагого Бога нашего, потщимся, посредством истинного монашеского жительства, сквозь облак, дым и бурю непрестанно возникающих в нас помышлений, низойти к душе нашей, плененной и умерщвленной грехом, смердящей, обезображенной, лежащей во гробе падения. Там, в сердечной бездне, мы увидим и змея, убившего нашу душу[2]. Глубокое и точное познание падения человеческого весьма важно для подвижника Христова: только из этого познания, как бы из самого ада, он может молитвенно, в истинном сокрушении духа, воззвать ко Господу, по наставлению святого Симеона Нового Богослова: «Боже и Господи всех! всякаго дыхания и души имеющий власть, Един исцелити меня могущий, услышь моление меня, окаяннаго, и гнездящагося во мне змея наитием Всесвятаго и Животворящаго Духа умертвив, потреби»[3]. В состоянии падения грех и диавол так насилуют человека, что он не имеет никакой возможности противиться им, но невольно увлекается ими[4] не в смертные грехи, как мы

---

[1] Слово 31. Здесь употреблено слово «делание», потому что Отцы наиболее так называют мысленный и сердечный подвиг, чаще обозначая словом «подвиг» телесные труды. Преподобный Варсонофий. Отв. 210. Исаака Сирского. Слово 56. || [2] Преподобный Макарий Великий. Слово 1, гл. 1. || [3] Добротолюбие. Ч. 1. Преподобного Симеона, Нового Богослова Главы деятельные и богословские. 43. || [4] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1.

сказали выше, но наиболее в поползновения мысленные. В тщаливых[1] подвижниках внутреннее волнение весьма редко попускается обнаружиться и словом, не только делом.

5. О состоянии по искуплении человека

Искуплением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собою и в Себе. Такое обновленное Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством Крещения. Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения; не делая естества иным, изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию[2].

Крещение есть вместе и умерщвление, и оживотворение — вместе и погребение, и рождение. В купель Крещения погружается, в ней погребается и умирает греховное повреждение падшего естества, и из купели восстает естество обновленное; в купель погружается сын ветхого Адама, из купели выходит сын Нового Адама. Это засвидетельствовано Господом, Который сказал: *Аще кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие: рожденное от плоти плоть есть и рожденное от Духа дух есть*[3]. Из этих слов очевидно, что Святой Дух, приняв в купель Крещения плотского человека, каким человек сделался по падении, извлекает из купели того же человека, но уже духовным, умертвив в нем греховное плотское состояние и родив духовное. При крещении человеку прощается первородный грех, заимствованный от праотцев, и собственные грехи, соделанные до крещения. При крещении человеку даруется духовная свобода[4]: он уже не насилуется грехом, но по произволу может избирать добро или зло. При креще-

[1] Трудолюбивых, ревностных. — *Ред.* || [2] 2 Пет. 1. 4. || [3] *...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3. 5–6). || [4] «Он (Господь) освободил нас Св. Крещением, подав нам прощение грехов, и дал нам свободу делать добро, если пожелаем, и не увлекаться уже, так сказать, насильственно к злому; ибо того, кто порабощен грехами, они отягощают, и увлекают, как и сказано (в Писании), что каждый связывается узами своих грехов (Притч. 5. 22)». (Преподобного аввы Дорофея поучение 1 об отвержении мира). — «Самовластия и самопроизволения нашего не отнимает Крещение: оно доставляет нам свободу, при которой диавол уже не насилует нас, когда мы не соизволяем ему. Нам предоставляется по крещении на произвол или пребывать в заповедях Христа, Владыки и Бога, в Которого мы крестились, и ходить по пути повелений Его, или снова возвратиться лукавыми деяниями к супостату и врагу нашему, диаволу» (Преподобный Симеон Новый Богослов, гл. 109. Добротолюбие. Ч. 1).

нии сатана, жительствующий в каждом человеке падшего естества, изгоняется из человека; предоставляется произволу крещеного человека или пребывать храмом Божиим и быть свободным от сатаны, или удалить из себя Бога и снова сделаться жилищем сатаны[1]. При крещении человек облекается во Христа[2]. При крещении все человеки получают равенство, потому что достоинство каждого христианина есть одно и то же. Оно — Христос. Достоинство это бесконечно велико, в нем уничтожается всякое земное различие между человеками[3]. Как ничтожное, это различие, по его наружности, не отъято во время земной жизни Христом, и, пребывая, еще яснее обнаруживает свое ничтожество. Так труп, когда исторгнута из него душа, признается мертвым, хотя бы еще не разрушился. При крещении изливается на человека обильно благодать Всесвятого Духа, которая отступила от преступившего заповедь Божию в раю, от последовавшего греховному разуму и воле падшего ангела. Благодать снова приступает к искупленному кровию Богочеловека, к примиряющемуся с Богом, к отрекающемуся своего разума и воли, к погребающему в купели Крещения влечения падшего естества, его жизнь — причину смерти. «Христос, будучи совершенным Богом, — сказал преподобный Марк Подвижник, — даровал крестившимся совершенную благодать Святого Духа, не приемлющую от нас приложения, но открывающуюся и являющуюся нам по мере делания заповедей»[4]. Крещеный человек, делая добро, принадлежащее естеству обновленному, развивает в себе благодать Всесвятого Духа, полученную при крещении, которая, будучи неизменяема сама по себе, светлее сияет в человеке по мере делаемого им Христова добра: так светлее сияет не изменяющийся

[1] Мф. 12. 43–45. «Крещением изгоняется нечистый дух и обходит безводные и безверные души, но в них не обретает покоя, ибо покой для беса состоит в том, чтобы смущать лукавыми делами крещеных — некрещеные принадлежат ему от начала (зачатия), — и он возвращается на крещеного с семью духами. Как семь даров Духа, так семь и лукавых злых духов. Когда диавол возвратится на крещеного и найдет его праздным, то есть по причине лености не имеющим той деятельности, которая сопротивляется супостатам, тогда, взошедши в него, злодействует лютее прежнего. Очистившемуся крещением, потом (осквернившемуся) нет надежды на второе крещение: разве [что] есть надежда на многотрудное покаяние» (Объяснение Блаженным Феофилактом Болгарским приведенного здесь евангельского текста). — Преподобный Григорий Синайский сказал: «Держи неудержимый ум, то есть обуреваемый и рассеиваемый сопротивною силою, возвратившеюся снова по крещении, по причине нерадения, с иными лукавейшими духами, в ленивую душу, как говорит Господь» (Святого Григория Синаита главы зело полезные, гл. 3. Добротолюбие. Ч. 1). — Преподобный Макарий Великий. Беседа 27, гл. 11. ‖ [2] Гал. 3. 27. ‖ [3] Гал. 3. 28. ‖ [4] Слово 3 о Крещении.

сам по себе солнечный луч по мере того, как свободнее небо от облаков. Напротив того, делая по крещении зло, доставляя деятельность падшему естеству, оживляя его, человек теряет более или менее духовную свободу: грех снова получает насильственную власть над человеком; диавол снова входит в человека, соделывается его владыкою и руководителем. Избавленный от горестного и тяжкого плена всемогущею десницею Божиею, опять является в цепях, в плену, в темнице, во аде, по собственному произволу. Такому бедствию подвергается человек, в большей или меньшей степени, соответственно тем грехам, которые он позволяет себе, и соответственно навыку, который он стяжал к греховной жизни. Грех, живущий внутри человека и насилующий его, называется страстию. Страсть не всегда выражается очевидно: она может жить тайно в человеке и губить его. Духовная свобода совершенно теряется и от того, если крещеный человек позволит себе проводить жительство по разуму и воле естества падшего, потому что крещеный отрекся своего естества и обязался во всех действиях, словах, помышлениях и ощущениях проявлять одно обновленное Богочеловеком естество, то есть жительствовать единственно по воле и разуму Господа Иисуса Христа, — иначе, по евангельским заповедям и учению. Последование своему падшему естеству, последование его разуму и воле, есть деятельное отвержение Христа и дарованного Им обновления при Крещении. Оживление в себе падшего естества есть полное возвращение к вечной смерти, полное водворение и развитие ее в себе. Отчего погибли и погибают иудеи и еллины? от любви к падшему естеству. Одни хотят удержать достоинство за правдою падшего естества, за его добром, другие — за его разумом; те и другие делаются чужды Христа, этой единой Правды, этой единой сокровищницы разума[1]. Невозможно не отрекшемуся естества, не признавшему его, по причине падения непотребною, по всем отношениям, скверною, приблизиться и усвоиться Христу, или, и усвоившись, пребыть в усвоении.

Милосердие Божие живописно изобразило в видимой природе многие таинственные учения христианства. Оживление всех произрастений весною служит образом воскресения человеков; действие некоторых лекарств, сперва обнаруживающих болезни и как бы усиливающих ее, а потом уже исцеляющих, служит образом духовного подвига, который сперва обличает в человеке тайные его страсти, приводит их в движение, а потом мало-помалу

[1] Кол. 2. 3; Рим. 5. 19.

уничтожает[1]. Действие Крещения над человеком имеет также свое разительное подобие. Пойдем в сад и посмотрим там, что делает садовник с яблонями, чтоб доставить им способность приносить вкусные плоды. Всякая яблоня, выросшая из семени, взятого хотя бы из лучшего яблока, может приносить только кислые, горькие и вредные плоды, негодные для употребления; по этой причине всякая яблоня, выросшая из семени, называется дикою. Наше падшее естество подобно дикой яблоне. Оно может приносить только горький, зловредный плод: добро, смешанное со злом и отравленное злом, погубляющее того, кто это добро, соделавшееся злом от примеси зла, признает добром, достойным Бога и человека. Садовник, чтоб превратить дикую яблоню в благородную, без пощады отсекает все ее ветви, оставляет один ствол. К оставшемуся стволу он прививает сучок с благородной яблони; этот сучок срастается с стволом и корнем, начинает пускать от себя ветки во все стороны, ветками заменяются отсеченные ветви; природное дерево заменяется древом искусственным, привитым; привитое дерево держится, однако, на природном стволе, тянет соки из земли посредством природных корней — словом, жизнь свою неразрывно соединяет с жизнию природного древа. Такое древо начинает приносить превосходные плоды, которые принадлежат природному древу, и вместе вполне отличаются от плодов, приносимых природным древом в его диком состоянии. Потом, во все время существования древа в саду, садовник тщательно наблюдает, чтоб из ствола и от корня не пошли отрасли, принадлежащие природному древу, потому что они опять будут приносить свой негодный плод и, привлекая в себя соки, отнимут их у привитых ветвей, отнимут у этих ветвей силу приносить свой прекрасный плод, высушат, погубят их. Для сохранения достоинства, здравия и силы в яблоне необходимо, чтоб все ее ветви произрастали единственно из привитого сучка. Подобное обряду прививания благородного сучка к дикой яблоне совершается в Таинстве Крещения с крещаемым человеком; подобное поведению садовника

[1] *Прозябоша грешницы яко трава, и проникоша вси делающии беззаконие, яко да потребятся в век века* (Пс. 91. 8). Грешники, прозябающие как трава, суть страстные помышления, подобные траве слабой и не имеющей силы. Итак, когда прозябают в душе страстные помышления, тогда *проникают*, то есть обнаруживаются *вси делающии беззаконие*, то есть страсти, *яко да потребятся в век века,* ибо когда страсти соделаются явными для подвизающихся, тогда они истребляются ими. Вникните в порядок изложения: сперва прозябают страстные помышления, таким образом обнаруживаются страсти, и затем истребляются. Преподобный авва Дорофей. Поучение 13. О терпении искушений.

относительно привитой яблони должно совершаться относительно крещеного человека. В крещении не отсекается наше бытие, имеющее началом зачатие в беззакониях и рождение во грехах: отсекается тело греха, отсекается плотское и душевное состояние естества, могущее производить добро лишь в смешении со злом; к бытию, к жизни, к существу человека прививается обновленное Богочеловеком естество человеческое. Все помыслы, чувствования, слова, дела крещеного должны принадлежать обновленному естеству, как преподобный Марк Подвижник сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, как только во Христе Иисусе и Святом Духе»[1]. Крещеный никак не должен допускать в себе действие падшего естества, должен немедленно отвергать всякое его влечение и побуждение, хотя бы они и казались по наружности добрыми; он должен исполнять единственно заповеди евангельские и помышлениями, и чувствами, и словами, и делами. К такому образу мыслей приводят завещания, данные Господом Его ученикам и последователям: *Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы (же) рождие: (и) иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгараеть. Будите в любви Моей: аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[2]. Что может быть сего яснее, определеннее? только соблюдающий со всей тщательностию евангельские заповеди, как подобает исполнять заповеди, данные Богом, может пребывать в любви к Богу — не в той любви, которая принадлежит падшему естеству, но в той, которая есть дар Святого Духа, которая изливается в обновленного человека действием Святого Духа[3] и соединяет человека с Богом. Небрегущий о заповедях, последующий влечениям падшего естества нарушает любовь, расторгает соединение. Призвав народ с учениками Своими, повествует Евангелие, Господь объявил им: *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет: иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погу-*

[1] О Законе Духовном, глава 2. ‖ [2] *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие* **ветви** *собирают и бросают в огонь, и они сгорают. ...Пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 4–10). ‖ [3] Рим. 5. 5.

бит душу свою Мене ради и Евангелиа, той спасет ю[1]. Очевидно, что здесь требуется отвержение не бытия, а отвержение падшего естества, его воли, его разума, его правды. Грех и состояние падения так усвоились нам, так слились с существованием нашим, что отречение от них сделалось отречением от себя, погублением души своей. Для спасения души соделалось совершенной необходимостию погубление души, для спасения себя сделалось совершенною необходимостию отречение от себя, от своего падшего *я*, не сознающегося в падении. Доколе это *я* существует, дотоле Христос не может принести нам никакой пользы. *Иже не возненавидит душу свою, не может Мой быти ученик*[2]. *Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин. Обретый душу свою погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю*[3], засвидетельствовал Господь. Он заповедал погубление души не только ради Его, но и ради Евангелия, объясняя последним первое. Погубление души ради Господа есть отвержение разума, правды, воли, принадлежащих падшему естеству, для исполнения воли и правды Божией, изображенных в Евангелии, для последования разуму Божию, сияющему из Евангелия. Все, которые понуждали себя исполнять евангельское учение, опытно знают, как противоположны и враждебны Евангелию разум, правда и воля падшего естества. Примирение и соглашение — невозможны. Отвержение падшего естества есть неизбежная, осязательная необходимость спасения. Совершает это отвержение тот, кто непрестанно изучает Евангелие и старается оживлять его в себе всею деятельностию своею. Евангелие есть учение Христово. Учение Христово, как учение Божие, есть закон. Точное исполнение закона, изреченного Богом, Творцом и Искупителем, есть непременный долг искупленных созданий. Небрежение об изучении и исполнении закона есть отвержение Законодателя.

Святой Апостол Павел сказал: *Елицы бо во Христа креститеся, во Христа облекостеся*[4]. Это значит: крестившиеся во Христа прияли при Крещении, в самом Крещении дар от Святого Духа, подействовавшего на них: живое ощущение Христа, ощущение

---

[1] *...кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8. 34–35). ‖ [2]*Если кто... не возненавидит самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 26). ‖ [3] *...и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10. 38–39). ‖ [4] *...все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3. 27).

свойств Его. Но свобода избирать произвольно ветхое или новое не отнята у крещеных, так же как была не отнята и у Адама в раю свобода сохранить заповедь Божию или нарушить ее. Апостол говорит уверовавшим и крещеным: *Нощь (убо) прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистию: но облецытеся Господем нашим Иисус Христом, и плотоугодия не творите в похоти*[1]. Имея свободу избрания, крещеный приглашается Святым Духом к поддержанию единения с Искупителем, к поддержанию в себе естества обновленного, к поддержанию состояния духовного, дарованного крещением, к воздержанию от угождения вожделениям плоти, то есть от уклонения во след влечений плотского, душевного мудрования. Такое же значение имеют слова Апостола: *Первый человек от земли, перстен: вторый человек Господь с небесе. Яков перстный, таковы и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии: и якоже облекохомся во образ перстнаго* — ибо мы все рождаемся в первородном грехе и со всеми усвоившимися нашему естеству вследствие падения немощами, каковые открылись в Адаме по его падении — *да облечемся и во образ небеснаго* посредством Крещения, дарующего нам этот образ, и тщательного соблюдения евангельских заповедей, которые сохраняют в нас образ целым, в его совершенстве и изяществе Божественных[2]. Облекаться во образ Небесного Человека, облекаться в Господа Иисуса Христа, всегда носить в теле мертвость Господа Иисуса Христа[3] значит не что иное, как постоянно умерщвлять в себе плотское состояние постоянным пребыванием в евангельских заповедях. Так облекся и пребывал облеченным в Богочеловека святой апостол Павел; по этой причине он мог с дерзновением сказать о себе: *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос*[4]. Того же он требует и от всех верующих. *Или не знаете себе,* говорит он, *яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте* (по русскому переводу: *разве только вы не то, чем должны быть*)[5]. Справедливое требование и справедливое обличение!

---

[1] *Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13. 12–14). ‖ [2] *Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного* (1 Кор. 15. 47–49). ‖ [3] 2 Кор. 4. 10. ‖ [4] *...и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2. 20). ‖ [5] 2 Кор. 13. 5.

Святым Крещением отсекается в каждом крещеном человеке падшее естество, прививается к человеку естество, обновленное Богочеловеком. По этой причине Крещение называется в Священном Писании *банею пакибытия*, а жизнь по крещении — *пакибытием*[1]. Обновленное естество обязан явить и развить в себе каждый крещеный: это и есть — явить в себе жительствующим, глаголющим и действующим Господа Иисуса Христа. Христианин, не сделавший этого, — не то, чем он должен быть.

С особенною точностию и подробностию объясняет Таинство Крещения святой апостол Павел: *Крестившиеся во Иисуса Христа*[2], говорит он, *погружались*[3] *в смерть Его. И так мы погреблись с Ним крещением в смерть, чтоб как Христос из мертвых воскрес славою Отца, так и мы ходили в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти, то должны быть соединены подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтоб исчезло тело греха и нам не быть уже рабами греха. Ибо кто умер, тот свободен от греха. Если же мы умерли со Христом, то верим, что нам и жить с Ним, зная, что Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает, смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо когда Он умер, умер однажды для греха: а живя, Он живет для Бога. Так и вы почитайте себя для греха мертвыми, а живыми для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем. И так да не царствует грех в смертном вашем теле, так, чтоб вы не повиновались ему в похотях его. Не предавайте членов тела вашего греху в орудие неправды, но представьте себя Богу, как ожившие из мертвых, и члены ваши Богу в орудие правды*[4]. Отсюда опять видно, что Крещение есть вместе и умерщвление и оживление. При согрешении праотцев смерть немедленно поразила душу, немедленно отступил от души Святой Дух, составлявший Собою истинную жизнь души и тела; немедленно вступило в душу зло, составляющее собою истинную смерть души и тела. Угроза Творца сбылась буквально: *от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а в оньже аще день снесте от него, смертию умрете*[5]. Смерть в одно мгновение сделала

---

[1] *...банею возрождения и обновления Святым Духом* (Тит. 3. 5; Мф. 19. 28). ‖ [2] Здесь выписаны слова Апостола в русском переводе, изд. 1822 г., для большей ясности. ‖ [3] По-славянски: *Елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся* (погружались). Крещение и погружение — однозначные слова. Во всей Вселенской Церкви Крещение совершалось через погружение до 12 столетия. В 12 столетии начали заменять в Риме погружение обливанием. Dictionnaire Théologique par Bergier, Baptême. ‖ [4] Рим. 6. 3–13 (перевод издания 1822 года). См. объяснение сих слов св. Иоанна Златоуста. ‖ [5] *...а от древа познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 17).

духовного человека плотским и душевным, святого — грешным, нетленного — тленным; сообщила телу дебелость, болезненность, нечистые похотения; окончательно же поразила тело по прошествии нескольких столетий[1]. Святое Крещение, напротив того, доставляет воскресение душе, плотского и грешного человека претворяет в духовного и святого, умерщвляет тело греха, то есть плотское состояние человека, освящает не только душу человека, но и его тело, доставляет ему способность воскреснуть во славе; самое же воскресение совершится впоследствии, в определенное Богом время. Как между явлением смерти в человеке, не явным для плотских очей, и разлучением души от тела, явным и для плотских очей, протекло значительное время, так и между явлением жизни в человеке и оживлением этою жизнию тела, долженствующего опять соединиться с душою, назначено свое, Единому Богу известное время. Чтó душа для тела, то Святой Дух для всего человека, для его души и тела. Как тело умирает тою смертию, которою умирают все животные, когда оставит его душа, так умирает весь человек, и телом и душою, в отношении к истинной жизни, к Богу, когда оставит человека Святой Дух. Как тело оживает и воскресает, когда возвратится в него душа, так весь человек, и телом и душою, оживает и воскресает духовно, когда возвратится в него Святой Дух. Это-то оживление и воскресение человека совершаются в Таинстве Святого Крещения. Оживает и воскресает посредством Святого Крещения сын первозданного Адама, но уже не в том состоянии непорочности и святости, в котором был создан Адам; оживает и воскресает он в состоянии несравненно высшем, в состоянии, доставленном человечеству Богом, принявшим человечество. Обновляемые Крещением человеки облекаются не в первоначальный, непорочный образ первозданного человека, но в образ человека небесного, Богочеловека[2]. Второй образ столь превосходнее первого, сколь Богочеловек превосходнее первого человека в его состоянии непорочности.

Изменение, производимое Святым Крещением в человеке, вполне ясно, вполне ощущается, однако это изменение остается для большей части христиан неизвестным: мы крещаемся в младенчестве, с детства предаемся занятиям, принадлежащим преходящему миру и падшему естеству, помрачаем в себе Духовный Дар, преподанный

---

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 26. || [2] «Чрез Крещение крещаемый изменяется в уме, в слове и деле и, по данной ему силе, делается тем же, что Родивший его». 20 нравственное правило св. Василия Великого. Творения св. Отцов.

Святым Крещением, как помрачается сияние солнца густыми тучами. Но дар не уничтожается, он продолжает пребывать в нас во все время земной жизни нашей. Так не уничтожается и продолжает существовать солнце, закрытое облаками. Лишь крещеный человек оставит деятельность падшего естества, начнет омывать свои согрешения слезами покаяния, распнет плоть со страстями и похотями, вступит в поприще деятельности Нового Человека — дар Духа снова начинает обнаруживать свое присутствие в крещеном, развиваться, преобладать. Очищение покаянием есть последствие и действие благодати, насажденной Крещением. Покаяние есть возобновление, возвращение состояния, произведенного Крещением[1]. Очистившийся покаянием может иметь опытное понятие об изменении, произведенном в человеке Крещением.

«Когда крещаемся, — говорит святой Иоанн Златоуст, — тогда душа, очищаемая Духом, сияет светлее солнца, и не только зрим Славу Божию, но и из нее заимствуем некоторое сияние. Как чистое серебро, положенное против солнечных лучей, само также испущает лучи, не только по своему естеству, но и от сияния солнечного, таким же образом душа, будучи очищена и соделана светлее серебра, приемлет от Духа луч славы и взаимно испущает его»[2].

В книге Деяний Апостольских хотя и нет прямого, фактического изложения о том изменении, которое производилось в крещаемых Таинством Святого Крещения — потому что в первенствующей Церкви всем было известно изменение, производимое Крещением, для всех было явным это изменение по плодам Святого Духа, большею частию открывавшимся немедленно по крещении, — однако описаны случаи, сохранившие для потомства доказательство об этом изменении. Так, когда крестился евнух эфиопской царицы и вышел из воды, немедленно снизошел на него Святой Дух; евнух, уже не нуждаясь в наставнике — удовлетворительным его наставником соделался Дух, — отправился с радостию в свой дальний путь, хотя только что узнал о Господе Иисусе Христе из самой краткой беседы с апостолом Филиппом[3]. На Корнилия сотника, язычника, и других язычников, бывших с ним и уверовавших в Господа, еще прежде крещения снизошел Святой Дух, и они начали говорить на иностранных, доселе вовсе им не известных языках, возвещая величие Божие, которого они до сей минуты вовсе не понимали[4]. Несмотря на то что уже нисшел на них Дух,

---

[1] Преподобный Марк Подвижник. Слово о Крещении; Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, главы 1–6. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] Ioanni Chrisostomi in Epistola 11 ad Cor. Homila VII. Cap. 5. ‖ [3] Деян. 8. 39. ‖ [4] Деян. 10. 44–46.

святой апостол Петр повелел крестить их в воде, по неотложному требованию Таинства. Церковная история сохранила для нас следующее величайшей важности событие. Римский император Диоклетиан, при котором было воздвигнуто самое жестокое гонение на христиан, провел большую часть 304 года по Рождестве Христовом в Риме. Он прибыл в столицу для празднования своих побед над персами. В числе прочих увеселений, которым предавался император, было и посещение театра. Некто Генесий, комический актер, очень забавлял публику импровизациями. Однажды, играя в театре в присутствии императора и многочисленного народного собрания, он, представясь больным, лег на постель и сказал: «Ах, друзья мои! чувствую себя очень тяжело, мне бы хотелось, чтоб вы утешили меня». Другие актеры отвечали: «Как нам утешить тебя? Хочешь ли, погладим тебя скоблем[1], чтоб тебе сделалось легче?» «Безумные! — отвечал он. — Я хочу умереть христианином». «Для чего?» — сказали они. «Для того, чтоб в этот великий день Бог принял меня, как блудного сына». Тотчас послано за священником и заклинателем. Они, то есть представлявшие их актеры, пришли, сели возле кровати, на которой лежал Генесий, и сказали ему: «Сын наш, для чего ты призвал нас?» Он отвечал: «Потому что я хочу получить милость от Иисуса Христа и возродиться для освобождения от грехов моих». Они исполнили над ним весь обряд Святого Таинства, потом облачили его, по обычаю новокрещеных, в белую одежду. Тогда воины, продолжая игру, взяли его и представили императору, как бы для допроса, подобно мученикам. Генесий сказал: «Император и весь двор его! мудрецы сего города! выслушайте меня. Когда только ни случалось мне слышать имя христианина, я ощущал к этому имени ужасное отвращение, я осыпал ругательствами тех, которые пребывали в исповедании этого имени, я ненавидел даже моих родственников и близких по причине имени христианина, я презирал эту веру до такой степени, что с точностию изучил ее Таинства, чтоб забавлять вас представлениями их. Но когда меня, обнаженного, прикоснулась вода, когда я, спрошенный, отвечал, что верую, я увидел руку, нисходящую с неба; окружая ее, снизошли на меня Ангелы светозрачные. Они в некоей книге прочитали все согрешения, соделанные мною с детства, смыли их тою самою водою, в которой я крестился в присутствии вашем, и потом показали мне книгу, которая оказалась чистою (неисписанною), подобно снегу. Итак, великий император и народ,

[1] Скобель — плотничный инструмент, которым скоблят дерево.

вы, осыпавшие насмешками христианские Таинства, уверуйте, как уверовал я, что Иисус Христос есть истинный Господь, что Он — Свет Истины и что, при посредстве Его, вы можете получить прощение». Диоклетиан, приведенный в крайнее негодование этими словами, приказал жестоко бить Генесия палками, потом его предали префекту Плавциану, чтоб принудить к жертвоприношению идолам. В продолжение значительного времени его драли железными ногтями и жгли горящими факелами. Среди этих мучений он восклицал: «Нет другого царя, кроме Того, Которого я видел! Чту Его и служу Ему! и если б тысячекратно лишили меня жизни за служение Ему — я всегда буду принадлежать Ему! мучения не исторгнут Иисуса Христа ни из уст моих, ни из сердца. Крайне сожалею о моем заблуждении, о том отвращении, которое я имел к Его святому Имени, и о том, что я так поздно сделался поклонником Его». Генесию отрубили голову[1]. Святой Григорий Богослов в надгробном слове по отцу своему по плоти, Григорию, епископу Назианза, принявшему Святое Крещение уже в преклонных летах, говорит нижеследующее: «Родитель приступает к *возрождению водою и Духом*, чрез которое, как исповедуем пред Богом, образуется и совершается человек Христов, земное прелагается в дух и воссозидается. Приступает же к омовению с пламенным желанием, с светлою надеждою, предочистив себя, сколько мог, став по душе и по телу гораздо чище готовившихся принять скрижали от Моисея. Их очищение простиралось на одни одежды, состояло в кратковременном целомудрии и в том, чтоб обуздать несколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приготовлением к просвещению и очищению до очищения, ограждающим дар, чтоб совершенство вверено было чистоте и даруемое благо не подверглось опасности от навыков, противоборствующих благодати. При выходе из воды осиявает его свет и слава, достойные того расположения, с каким он приступил к дарованию веры. Это явственно было и для других. Хотя они сохранили тогда чудо в молчании, не осмеливаясь разглашать, потому что каждый почитал себя одного видевшим, однако же вскоре сообщили о том друг другу. Но тому, кто крестил и совершил его Таинством, видение было весьма ясно и вразумительно, и он не мог сохранить его в тайне, но всенародно

[1] «Церковная История» Флери, кн. 8, гл. 49. Подобная этой повести помещена в Четьих-Минеях, сентября в 15 день. Комедиант Порфирий, погрузясь в воду для насмешки над крещением, был претворен святым Таинством в христианина. Это произошло пред взорами императора Юлиана Отступника. Порфирий исповедал Христа, обличил царя в нечестии, за что был жестоко мучим и потом казнен.

возвестил, что помазал Духом своего преемника»[1]. Здесь святой Григорий Богослов называет Святое Крещение возрождением водою и духом, просвещением, очищением, даром, совершенством, даруемым благом, дарованием веры, Таинством. В Слове о Крещении Богослов говорит так: «Этот дар, как и Податель его, Христос, называется многими и различными именами, и происходит это или оттого, что он очень приятен для нас — обыкновенно питающий к чему-либо сильную любовь с удовольствием слышит и имена любимого, — или оттого, что многообразие заключающихся в нем благодеяний произвело у нас и наименования. Мы именуем его даром, благодатию, крещением, помазанием, просвещением, одеждою нетления, банею пакибытия, печатию — всем, что для нас досточестно»[2]. В этом же Слове святой Григорий восклицает: «Познать силу этого Таинства есть уже просвещение!» Так понимал Святое Крещение Григорий Богослов, крестившийся в зрелом возрасте, узнавший из собственного опыта и из опыта других, современных ему святых мужей, то неизреченное изменение, то совершенное перерождение, ту новую жизнь, которые ощущаются от Таинства Крещения крестившимися достойно, приуготовившимися к Крещению должным образом и потому ощутившими и познавшими всю его силу. Как мы видели, Григорий Богослов упоминает об осиянии дивным Светом его родителя, исшедшего из купели. Друг Богослова, святой Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, подвергся также весьма ощутительному действию Таинства. Повествуется это в житии его[3].

Необходимо тщательное приготовление пред принятием Святого Крещения. В тщательном приготовлении заключается неотъемлемое условие того, чтоб великое Таинство принесло обильно плод свой, чтоб оно послужило во спасение, а не в большее осуждение. Это говорится для объяснения Таинства и в особенности для приступающих к нему не в младенческом возрасте, в котором по обстоятельствам настоящего времени почти все мы принимаем Крещение. Приготовление к Святому Крещению есть истинное покаяние. Истинное покаяние есть неотъемлемое условие для того, чтоб Святое Крещение было принято достойным образом, во спасение души. Такое покаяние состоит в признании своих грехов грехами, в сожалении о них, в исповедании их, в оставлении греховной жизни. Иначе: покаяние есть сознание падения, сознание необходимости в Иску-

---

[1] Святитель Григорий Богослов. Слово 18. Творения святых Отцов. || [2] Святитель Григорий Богослов. Слово 40. Творения святых Отцов. || [3] Четьи-Минеи, 1 января.

пителе, покаяние есть осуждение своего падшего естества и отречение от него для естества обновленного. Необходимо, чтоб наш сосуд — сосудом называю ум, сердце и тело человеческие по отношению к Божественной благодати — был предочищен для принятия и сохранения Духовного Дара, преподаваемого Святым Крещением. Необходимо, чтоб этот сосуд не только был очищен, но и осмотрен прилежно; необходимо, чтоб имеющиеся в нем повреждения, особенно скважины, были тщательно исправлены; если же они останутся неисправленными, то живая вода[1], вливаемая в сосуд Святым Крещением, не удержится в сосуде: она изольется из него, к величайшему его бедствию. Скважинами называю греховные навыки. Необходимо, чтоб наш Иерусалим был отвсюду обнесен, как стенами, благими нравами и обычаями: тогда только может быть принесено в жертву и всесожжение, в купели Крещения, наше падшее естество, а естество обновленное, доставляемое Крещением, сделаться алтарем благопотребным для принесения жертв и всесожжения, благоугодных Богу[2]. Без такого приготовления какая может быть польза от Крещения? Какая может быть польза от Крещения, когда мы, принимая его в возрасте, нисколько не понимаем его значения? Какая может быть польза от Крещения, когда мы, принимая его в младенчестве, остаемся впоследствии в полном неведении о том, что мы приняли? Между тем мы приняли неоцененный Дар, приняли на себя страшное обязательство; ответственность по этому обязательству так же неизмерима и бесконечна, как неизмерим и бесконечен Дар. Какая может быть польза от Крещения, когда мы не понимаем нашего падения, даже не признаем, что наше естество находится в состоянии горестнейшего падения? когда мы считаем изящным и благоугодным добром непотребное добро падшего естества? когда мы стремимся с упорством делать это добро, не примечая того, что оно только питает и растит в нас наше самолюбие, только удаляет нас более и более от Бога, только упрочивает, печатлеет наше падение и отпадение? Какая может быть польза от Крещения, когда мы не считаем грехами даже смертные грехи, например прелюбодеяние со всеми его отраслями, а называем их наслаждением жизнию? когда мы не знаем, что наше естество обновлено Крещением? когда вполне пренебрегаем деятельностию по законам обновленного естества, осыпаем ее хулами и насмешками?

Иоанн, Предтеча Господень, которого крещение было только крещением, вводящим в покаяние, а не доставляющим Небесное

---

[1] Ин. 7. 38. ‖ [2] Пс. 50. 20–21.

Царство, требовал от приходивших к нему креститься исповедания грехов, не сам имея нужду в этом исповедании, как замечает Иоанн Лествичник[1], но заботясь о душевной пользе крестившихся у него. В самом деле: как может человек вступить в поприще покаяния, не исповедав грехов своих? как узнает он степень важности различных грехов и способ покаяния в них, если не скажет ему того и другого опытный, духовный наставник? как ознакомится он без наставника с оружиями духовными, с употреблением их против греховных помыслов и ощущений, против греховных навыков, против страстей, укоренившихся от долгого времени? Исповедание грехов необходимо нужно и для того, чтоб раскаяться надлежащим образом в преждесодеянных грехах, и для того, чтоб предохраниться на будущее время от впадения в грехи. Исповедание грехов всегда признавалось в Церкви Христовой неотъемлемою принадлежностию покаяния. Его требовали от всех намеревающихся креститься с тою целию, чтоб преподанное Святое Крещение было принято и сохранено так, как подобает быть принятым и сохраненным великому, неповторяемому Таинству. Наконец, покаяние есть установление Божие и Дар Божий падшему человечеству.

Покайтеся, приближибося Царствие Небесное[2], возвещал святой Предтеча приходившим к нему и принимавшим от него Крещение покаяния. Небесным Царством, как далее объяснял Предтеча, знаменовалось в проповеди его Святое Новозаветное Таинство Крещения[3]. Чтоб принять Небесное Царство, нужно покаяние. Покаяния требовал от человеков Спаситель мира, чтоб даровать человекам дар спасения посредством Святого Крещения, чтоб сделать человеков способными к принятию небесного духовного Дара. ***Покайтеся***, говорил он, ***приближися бо Царство Небесное***[4]; ***покайтеся и веруйте во Евангелие***[5]. Для вас уже сделано все, от вас не ищется никакого труда, никакого подвига, никакого приложения к дару! от вас ищется одно очищение покаянием, потому что нечистым и не намеревающимся быть чистыми невозможно вверить бесценное, всесвятое, духовное сокровище. Посылая учеников на проповедь, Богочеловек повелевает им возвещать человечеству покаяние по причине приблизившегося Небесного Царства[6]. Апостол Павел говорит о себе, что он, странствуя по вселенной, возвещал всем, и иудеям и еллинам, покая-

[1] Слово 4 о послушании. || [2] *...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3. 2). || [3] Мф. 3. 11. || [4] *...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4. 17). || [5] *...покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1. 15). || [6] Мф. 10. 7.

ние, обращение к Богу и веру в Господа нашего Иисуса Христа[1]. Когда в Иерусалиме тысячи иудеев уверовали в Спасителя вследствие проповеди святого апостола Петра и спросили его и прочих Апостолов: *что сотворим, мужие, братие?* Тогда апостол Петр сказал: *покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов: и приимете дар Святаго Духа*[2]. Повсюду видим покаяние, как единственный вход, единственную лествицу, единственное преддверие пред Верою, Евангелием, Царством Небесным, пред Богом, пред всеми Христианскими Таинствами, пред Святым Крещением — этим рождением человека в христианство. Необходимо отвержение прежней греховной жизни и решимость проводить жизнь по евангельским заповедям, чтоб достойно принять и иметь возможность достойно сохранять в себе Дар Святого Духа, получаемый при Крещении. Церковные пастыри христианской Церкви первых веков принимали всевозможное попечение о том, чтоб Святое Крещение, которое принималось тогда почти исключительно в зрелом возрасте, было принимаемо принимающими его с полным понятием о принимаемом Духовном Даре[3].

И на современных пастырях лежит священная, непременная обязанность доставлять точное и подробное понятие о Святом Крещении тем, которые приняли Таинство в младенчестве и потому не имеют о Таинстве никакого опытного знания. Дар получен ими: отчет в употреблении Дара неминуем. Благовременное приготовление к отчету нужно, крайне нужно! Небрежное и невежественное владение Даром влечет за собою самые бедственные последствия. Кто не употребит Дара по желанию и повелению Дародателя, кто не разовьет в себе благодати Крещения деятельностию по евангельским заповедям, но скроет врученный ему талант в земле — то есть закопает, похоронит благодать Крещения, уничтожит в себе всякое ее действие, всецело предавшись земным попечениям и наслаждениям, — у того отнимется благодать Крещения на суде Христовом. Недостойный владетель ее ввергнется *во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубов*[4]. Чтоб иметь должное понятие о важном значении Святого Крещения, надо проводить жизнь богоугодную, евангельскую: одна она с должною

---

[1] Деян. 20. 21. ‖ [2] *...что нам делать, мужи братия? ...Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа* (Деян. 2. 37–38). ‖ [3] См. сочинения св. Григория Богослова, св. Кирилла Иерусалимского, св. Иоанна Златоуста и других. ‖ [4] *...во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 25. 30).

ясностию и удовлетворительностию открывает христианину тайны христианства[1].

Крещение — неповторяемое Таинство. *Исповедую едино Крещение во оставление грехов,* возвещает православный Символ Веры. Как рождение в бытие может совершиться однажды, так и рождение в пакибытие — Крещение — может совершиться однажды. Как различные недуги, приключающиеся человеку по рождении, наветующие, потрясающие, разрушающие его бытие, врачуются различными лекарствами, находящими свою опору в жизненной силе, сообщенной с бытием, так и различные согрешения, совершенные после Крещения, наветующие и расстраивающие духовную жизнь человека, врачуются покаянием, которого действительность основывается на благодати Святого Духа, насажденной в человека Святым Крещением, и заключается в развитии этой благодати, подавленной и заглушенной согрешениями. «Христос, — говорит преподобный Марк Подвижник, — как совершенный Бог, даровал крестившимся совершенную благодать Святого Духа, которая не приемлет от нас приложения, но открывается нам и является по мере делания заповедей, и подает нам приложение, чтоб все мы достигли *в соединение веры, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*»[2]. Под *соединением веры* разумеется здесь поглощение всей деятельности христианина верою, причем вся деятельность служит выражением духовного разума или Евангелия. «Итак, что ни приносим Ему (Христу), по нашем возрождении (Крещением), все уже от Него и Им было насаждено в нас (при Таинстве Крещения)»[3].

6. Об обновлении искупленного естества, в случае его повреждения, покаянием

Желающие стяжать опытное познание Святого Крещения, желающие открыть сокровенное Таинство и бесценный Духовный Дар, вложенный неизреченною благостию Божиею в душевную сокровищницу, желающие узреть свое естество в состоянии обновления и пакибытия, желающие ощутить и узреть в себе Христа могут достичь всего этого покаянием. Образ покаяния, приличествующий и подобающий христианину, соответствен тому Дару,

[1] «Закон свободы, — сказал преподобный Марк, — разумением истинным чтется; деланием же заповедей (евангельских) разумеется» (глава 32): О Законе Духовном. ‖ [2] *...в единство веры... в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4. 13). ‖ [3] Заключение «Слова о Крещении».

который он желает раскрыть в себе: истинное покаяние соответствует Таинству Крещения. Крещением, единственно, по неизреченной благости Божией, сообщается человеку Дар Божий; и при покаянии христианина, допустившего себе по Крещении деятельность и жизнь падшего естества, оживившего в себе смерть, убившего в себе жизнь, возвращается Дар единственно благостию Божиею. При Крещении мы рождаемся водою и Духом; при покаянии возрождаемся слезами и Духом. Покаяние есть младенческий, неумолкающий плач пред Богом о потере Дара, при надежде снова получить Дар. ***Винограда моего не сохраних!*** вопиет в страшной скорби душа, нисшедшая от естества, обновленного Крещением, в область естества падшего, потерявшая свободу, насилуемая грехом; ***пасу козлища мои!*** нет во мне ощущений и помыслов духовных! все стада чувствований и мыслей моих непотребны! они — козлища, как составляющие смешение добра со злом! они — ***мои***, потому что рождаются из моего падшего естества![1] — свойства естества обновленного мною утрачены! Святой Исаак Сирский, будучи спрошен, какими размышлениями должен постоянно заниматься подвижник Христов в своем уединении, отвечал: «Ты вопрошаешь о размышлении и о той мысли, которая должна непрестанно занимать человека в его келлии, чтоб соделать его мертвым (для мира, то есть для греха)? Рачительный и трезвящийся человек нуждается ли спрашивать, как ему вести себя, когда он один, сам с собою? Что другое может быть мысленным занятием монаха в его келлии, как не плач? Плач оставляет ли ему возможность обратиться к другим каким помышлениям? Какое другое мысленное занятие может быть лучше этого? Самое местопребывание инока, его уединение, его жительство, подобно жительству во гробе, чуждое радости человеческой, учит его, что плач есть его делание. Самое значение имени его призывает и побуждает его к плачу; он именуется сетующим, то есть преисполненным горести в сердце. Все святые отошли из здешней жизни в плаче. Если святые плакали, и очи их непрестанно исполнялись слез до самого переселения из сей жизни, то кому не плакать? Утешение для монаха рождается из его плача. Если совершенные и победоносные плакали здесь, то как стерпит престать от плача исполненный язв? Имеющий мертвеца своего лежащим пред собою и видящий самого себя умерщвленным грехами, нуждается ли в учении — при каком роде мыслей ему проливать слезы? Душа твоя

[1] *...моего собственного виноградника я не стерегла. ...Паси козлят твоих* (Песн. 1. 5–7).

умерщвлена грехами, повержена мертвою пред тобою та, которая для тебя дороже всего мира: неужели она не нуждается быть оплаканною? Если мы вступим в безмолвие и в нем пребудем с терпением, то непременно можем пребывать в плаче. По этой причине будем непрестанно молиться умом Господу, чтоб Он подал плач. Если будет дарован нам этот дар благодати, лучший и превосходнейший прочих даров, то мы, при посредстве его, войдем в чистоту. Когда приобретем чистоту, тогда чистота эта не отнимется от нас до исшествия нашего из этой жизни»[1]. Очевидно, что такой плач может родиться только в том, кто имеет ясное понятие о состояниях естества падшего и естества, обновленного Крещением. Только тот может восплакать горько и плакать постоянно, кто понимает цену утраченного Дара. «Плач по Боге, — сказал святой Иоанн Лествичник, — есть постоянное чувство болезнующего сердца, ему усвоившееся, — с исступлением непрестанно ищущее того, чего оно жаждет, с напряжением гонящееся за тем, чего оно лишено, и сильно рыдающее во след его»[2]. Страдальческое ощущение плача должно составлять характер кающегося христианина. Оставление плача есть признак самообольщения и заблуждения. Одно христоподражательное смирение может успокоить плачущего; одна любовь во Христе может утешить его, может отереть слезы его, может озарить светом небесного радования лицо его и сердце. Жертвы и всесожжения от падшего естества не приемлются; одна жертва от этого естества, благоугодная Богу: *дух сокрушен*[3].

Как уклонение от состояния, принадлежащего естеству обновленному, и ниспадение в состояние, принадлежащее естеству падшему, совершается при посредстве оставления деятельности, принадлежащей естеству обновленному, иначе, от оставления жительства по евангельским заповедям, и посредством уклонения в деятельность, принадлежащую падшему естеству, — так, наоборот, возвращение от состояния, принадлежащего естеству падшему, к состоянию, принадлежащему естеству обновленному, совершается посредством решительного и полного отвержения деятельности по разуму и воле падшего естества, посредством решительного и полного восприятия деятельности по учению и завещанию Богочеловека. При этом открывается внутренняя борьба в человеке, потому что предшествовавшая покаянию жизнь по собственной воле и разуму лишила человека духовной свободы, предала в плен

[1] Слово 21. ‖ [2] Слово 7. ‖ [3] ...*дух сокрушенный* (Пс. 50. 18–19).

греху и диаволу. Кающийся усиливается поступать по евангельским заповедям, а грех и диавол, получившие власть, произвольно им переданную предшествовавшим жительством, стараются удержать пленника в плену, в оковах, в темнице! Опытное познание плена чрез ощущения плена и насилия, опытное познание душевной смерти чрез ощущение смерти усиливают и упрочивают плач кающегося. «Борьба эта, — говорит преподобный Марк Подвижник, — междоусобная. Она не извне, и не с братией нашей мы должны бороться. Она внутри нас, и никто из человеков не может вспомоществовать нам в ней. Одного имеем мы помощника: таинственно сокровенного в нас Крещением Христа, непобедимого и не могущего быть подавленным (уничтоженным). Он будет укреплять нас, если мы по силе будем исполнять Его заповеди»[1]. Здесь Преподобный подвижник не отвергает руководства советами и наставлениями духовных и опытных человеков — нет! он советует непременно и тщательно прибегать к совету духовных Отцов и братий![2] Здесь он хочет показать, что невидимое торжество наше во внутренней брани зависит единственно от воли и действия благодати, насажденной в нас Крещением, действующей сообразно нашему произволению, являемому и доказываемому исполнением евангельских заповедей, и сообразно непостижимому изволению Божию о человеке. По этой причине одни, при обильном и постоянном человеческом руководстве, приносят самый скудный плод; другие, услышав самое краткое наставление, в краткое время обнаруживают быстрый успех духовными дарованиями своими. «Знай наверно, — сказал святой Исаак Сирский, — что всякого блага, действующего в тебе мысленно и втайне, были ходатаями Крещение и Вера, которыми ты призван Господом нашим Иисусом Христом на благие дела Его»[3], — а не на мнимые благие дела падшего естества.

Кающемуся таким образом вспомоществуют судьбы Божии, как сказал святой пророк Давид: *Судьбы Твоя помогут мне*[4]. Промыслом Божиим попускаются кающемуся многоразличные скорби: ***егоже бо любит Господь***, говорит Апостол, ***наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет***[5]. Терпение скорбей с благодарением Богу, с признанием себя достойным скорби, с признанием попущенной скорби именно тем спасительным врачевством, в котором нуждаемся для исцеления, есть знамение истинного покаяния. «Не познающий Судеб Божиих, — говорит преподобный Марк, — идет

---

[1] Слово 5. Советы ума душе. ‖ [2] Слово 1. ‖ [3] Слово к иноку Николаю. ‖ [4] ...*суды Твои да помогут мне* (Пс. 118. 175). ‖ [5] *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 6).

умом по пути, пролегающему между стремнин, и от всякого ветра удобно низлагается. Кто противится постигающим его скорбям, тот, сам не зная того, противится повелению Божию, а кто принимает их с истинным разумом, тот, по Писанию, ***терпит Господа***[1]. Познавший истину не противится скорбным приключениям: знает, что они приводят человека к страху Божию. Прежние грехи, будучи воспоминаемы по виду, приносят вред имеющему благую надежду: если возникнет это воспоминание в соединении с печалию, то им отнимается упование; если же возникнет без печали, то обновляет внутри прежнюю скверну. Когда ум чрез отречение от самого себя, простотою (несложностию) мысли приобретет надежду, тогда враг, под предлогом исповедания, изображает (в памяти) преждесодеянные согрешения, чтоб возобновить страсти, которые благодать Божия изгладила забвением, чтоб таким образом неприметно причинить вред человеку. Тогда и твердый, ненавидящий страсти (ум) по необходимости помрачится, смутившись воспоминанием соделанных грехов. Если он еще темен и сластолюбив, то непременно умедлит в воспоминании и будет страстно беседовать с приходящими помыслами, так что такое воспоминание соделается не исповеданием, а мысленным обновлением в себе прежде-соделанных грехов[2]. Если хочешь приносить Богу неосужденное исповедание, не вспоминай греховных поползновений по виду, но мужественно терпи наводимые за них скорби. Скорби приходят (в возмездие) за прежние грехи, принося всякому согрешению сродное (соответствующее) возмездие. Разумный и ведущий истину исповедуется Богу не воспоминанием соделанных грехов, но терпением приключающихся скорбей. Отвергнув страдания и бесчестие, не обещайся принести покаяния при посредстве других добродетелей; тщеславие и безболезненность умеют служить греху и при посредстве правых дел»[3]. «Путь Божий есть повседневный крест. Человек, состоящий под особенным Промыслом Божиим, познается по тому, когда постоянно посылаются ему Богом скорби»[4]. ***Сила Божия совершается в немощи***[5] естества падшего, когда это

---

[1] Ср.: *Твердо уповал я на Господа* (Пс. 39. 2). || [2] В славянском последнее предложение читается так: *якоже предприятию обрестися таковой памяти* (гл. 152). *Предприятием* называют деятельные Отцы приятие (обновление) в мысли и ощущении греха, совершенного некогда на самом деле. Предприятия более или менее продолжительно мучат кающегося подвижника по оставлении им греховных дел. Это ясно можно видеть из житий преподобного Моисея Мурина, преподобной Марии Египетской и других. || [3] Слово «О думающих оправдаться делами». Главы 193, 197, 150–156. || [4] Слово 36. || [5] *...сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12. 9).

естество стирается в прах Крестом Христовым[1]. Напротив того, падшее естество может развиваться только при обилии пособий, доставляемых падшим человеческим обществом: при учености, при богатстве, при почестях. Таковы основания и вместе признаки развития падшего естества. В таком развитии своем падшее естество приемлет, как апокалипсическая жена, поклонение[2] от ослепленного, несчастного человечества и вступает с ним в блудное сочетание при отречении его от Христа и Святого Духа — может быть, без слов отречения — при отречении существенном, деятельностию, жизнию. По обновлении нашего естества Богочеловеком возвращение человека к своему естеству падшему есть в отношении к Богу прелюбодеяние.

Благодать Святого Крещения посредством покаяния возводит христианина в духовную свободу, в ту свободу, которую он уже имел при исшествии из купели Крещения. Так больной, после усиленного лечения, начинает чувствовать в себе ту свежесть и те силы, которые он имел до болезни, в состоянии здравия. Начальною причиною обновления сил не лекарства, а та жизнь, которая вложена Создателем в человеческое естество: лекарства только помогли жизненной силе успешно бороться с болезнию, победить и изгнать болезнь, которая есть ни что иное, как расстройство действий жизненной силы. Покаяние требует более или менее продолжительного времени по разным обстоятельствам, особенно же по воле Божественного Промысла, нами управляющего. Это можно усмотреть из жизнеописаний многих угодников Божиих, перешедших из состояния греховности в состояние святости покаянием. Преподобная Мария Египетская поведала о себе блаженному Зосиме, что она боролась с своими помышлениями и похотениями, как с зверями лютыми, в течение семнадцати лет[3]. От нашего небрежения о сохранении драгоценного Дара, доставляемого нам Крещением, от деятельности по беззаконному закону падшего естества, власть греха вкрадывается в нас неприметно: неприметно мы теряем свободу духовную. Самый тяжкий плен остается для многих невидным, признается удовлетворительнейшею свободою. Наше состояние плена и рабства обнаруживается для нас только тогда, когда мы приступим к исполнению евангельских заповедей: тогда разум наш с ожесточением восстает против разума Христова, а

[1] Мф. 21. 44. || [2] Откр. 18. 9. || [3] Житие преподобной Марии Египетской. Четьи-Минеи, 1 апреля. Преподобная Мария сказала о себе святому Зосиме, между прочим, и следующее: «Я — жена грешная, но огражденная Святым Крещением».

сердце дико и враждебно взирает на исполнение воли Христовой, как бы на смерть свою и на убийство свое; тогда опытно познаем мы горестную потерю свободы, свое страшное падение; тогда усматриваем всю глубину этого падения, нисходящую до пропастей адских. Не должно приходить в уныние и расслабление от такого зрелища: должно с мужеством и решительностию предаться покаянию, как всесильному врачу, имеющему повеление и власть от Бога врачевать и исцелять все грехи, как бы эти грехи ни были велики и многочисленны, как бы навык к грехам ни был застарелым и укрепившимся. Христос дал Себя нам и вошел в нас посредством Святого Крещения, потом утаил Себя в нас, когда мы не представили нашего произволения, чтоб Он обитал в нас и управлял нами; Христос непременно явит Себя в нас, если мы истинным покаянием докажем решительное произволение, чтоб Он обитал в нас. *Се, стою при дверех,* говорит Он, *и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною. Побеждающему дам сести со Мною на Престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем Моим на Престоле Его*[1]. Голос Христов — Евангелие.

Порядок, которым кающийся грешник восходит посредством покаяния к святости, преподобный Макарий Великий излагает так: «Хотящий приступить к Господу и сподобиться вечной жизни, сделаться домом Божиим и удостоиться Святого Духа, чтоб получить возможность непорочно и чисто приносить плоды Духа по заповедям Господним, должен начать таким образом: во-первых, он должен твердо веровать Господу, всецело предать себя глаголам заповедей Его, отречься мира во всем, чтоб ум не был занят ничем из видимых предметов (мира), — пребывать непоколебимо в молитвах, не приходить в отчаяние (в уныние, безнадежность) при ожидании (замедлении) посещения и помощи от Господа, — во всякое время иметь ум непрестанно направленным к Господу. Потом он должен постоянно принуждать себя ко всякому благому делу и ко всем Господним заповедям, хотя бы и не желало того сердце по причине пребывающего в нем греха; он должен насиловать себя к смирению пред всеми людьми, к вменению себя меньшим и худшим всех; он должен не искать себе чести или славы, или похвалы от кого-либо, как предписано в Евангелии, но всегда иметь пред оча-

---

[1] *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на Престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на Престоле Его* (Откр. 3. 20–21).

ми одного Господа и Его заповеди, Ему одному стараясь благоугождать. Он должен принуждать себя также к кротости, хотя бы сердце и противилось тому, по сказанному Господом: *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*[1]. Равным образом, он должен быть милостивым, снисходительным, сострадательным, благим, принуждая к тому себя насильно, как сказал Господь: *Будите милосерди, якоже Отец ваш Небесный милосерд есть*[2]. И еще: *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите*[3]. И еще: Принуждайте себя, потому что *нуждницы* (принуждающие, насилующие себя) *восхищают Царствие Небесное*[4]. И: *Подвизайтеся внити сквозе тесная врата*[5]. Он должен иметь всегда пред очами смирение Господне, Его жизнь, Его поведение, содержать их постоянно в памяти, как бы образец и пример, не допуская похищения их забвением. Он должен, сколько имеет сил, понуждать себя к непрестанному пребыванию в молитвах, постоянно прося с постоянною верою, чтоб Господь пришел и сотворил его Своею обителию[6], чтоб наставил его всем Своим заповедям, утвердил в них, да соделается душа его домом Иисуса Христа. Когда таким образом он будет поступать, насилуя себя, при сопротивлении сердца, приучаясь ко всякому благому делу, ко всегдашнему памятованию Господа, ко всегдашнему ожиданию Его во многой благости и любви, тогда Господь, видя такое расположение его и такое благое рачение, как он всегда насилует себя к памятованию Господа и ко всякому благому делу, к смиренномудрию, кротости и любви, как он подклоняет игу (Христову) свое сердце, сопротивляющееся тому, принуждая сердце ко всему доброму, — тогда, говорю, Господь изливает на него Свою милость (в известное время), избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Святым Духом. Таким образом он будет, без всякого с своей стороны труда и насилия, исполнять истинно заповеди Господни все и всегда. Правильнее же: Сам Господь будет совершать в нем Свои заповеди и являть плоды духовные, а человек будет плодоприносить их в чистоте. Но прежде этого надо всякому приходящему к Господу (как выше сказано) принуждать себя к благому, несмотря на сопротивление сердца, в постоянном ожидании с несомненною верою милости Божией; надо насильно принуждать себя,

---

[1] *...научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 29). ‖ [2] *Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6. 36). ‖ [3] *Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди* (Ин. 14. 15). ‖ [4] *...употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11. 12). ‖ [5] *...подвизайтесь войти сквозь тесные врата* (Лк. 13. 24). ‖ [6] Ин. 14. 23.

чтоб быть милосердым ко всем, чтоб иметь человеколюбивое сердце, чтоб иметь смирение пред всеми, долготерпение ко всем, не скорбеть душою при изгнаниях и бесчестиях, не жаловаться — по сказанному: *не себе отмщающе возлюбленнии* — понуждать себя и к молитве, когда кто не получил дара ее от Святого Духа. Когда Бог увидит кого так подвизающимся и насильно принуждающим себя к благому, тому дает истинную Христову молитву, утробу милосердия, истинное человеколюбие, кратко сказать: дает ему все духовные плоды»[1].

Мы видим, что многие из грешников, принеся покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства. Они восстановили в себе Дар Крещения не только в той степени, в какой он дается, но и в той, в какой он развивается впоследствии от жительства по евангельским заповедям. Стяжав, возвратив себе духовную свободу, они не останавливались на этом, не удовлетворились этим, они не перестали от покаяния и плача, возвративших им свободу. Познанная ими на опыте немощь и удобопоползновенность человека, его способность скоро изменяться[2], постоянно возбуждали их к плачу. *Не веси, что родит находяй* (наступающий) *день*[3], говорили они ежедневно сами себе устами Писания; по причине чистоты их открылось им, что *заповедь Господня широка зело*[4]. Сравнивая с необъемлемо обширною заповедию необъемлемого Господа свое исполнение заповеди, они признавали это исполнение вполне недостаточным. Свое исполнение евангельских заповедей они называли и признавали осквернением заповедей[5]. Они омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез. Так никогда не плачет ослепленный грешник об ужаснейших грехах своих, как плачут рабы Христовы о своих добродетелях. *Небо же нечисто пред Ним* (пред Богом)[6], то есть чистые святые Ангелы, как имеющие ограниченную чистоту, нечисты пред всесовершенною чистотою Бога, нечисты пред Ним и святые человеки, которых житие хотя и на земли, но вместе и на небесах[7]. Оттого они плачут, и, принося покаяние, более и более погружаются в покаяние. *Я ничего за собою не знаю,* сказал святой апостол Павел, *но тем не оправдываюсь: судия мой Господь*[8]. Несмотря на великие духовные дарования, несмотря на преизобильную благодать Божию, обитавшую в Апо-

---

[1] Слово 1, гл. 13. ‖ [2] Преподобный Исаак Сирский, Слово 1. ‖ [3] *...не знаешь, что родит тот день* (Притч. 27. 1). ‖ [4] Ср.: *Вся заповеди Твоя истина... — Твоя заповедь безмерно обширна* (Пс. 118. 96). ‖ [5] Св. Петр Дамаскин. Добротолюбие. Ч. 3, кн. 1, ст. 1. ‖ [6] *...небеса нечисты в очах Его* (Иов. 15. 15). ‖ [7] Флп. 3. 20. ‖ [8] 1 Кор. 4. 4 — по русскому переводу 1822 г.

столе, он говорил: *Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз*[1].

Жительство по евангельским заповедям, созерцание своего падшего естества, созерцание бесконечного величия и бесконечных совершенств Божиих, сличение ничтожного по ограниченности своей человеческого естества с неограниченным естеством Божиим, созерцание последствий грехопадения прародителей и последствий своей собственной греховности, плач о бедствии собственном и всего человечества, терпение всех скорбных случаев развивает в православном христианине благодать Крещения в необъятных размерах, непостижимых и невероятных для ума человеческого в падшем его состоянии. Развитие священного, духовного Дара, доставляемого Крещением, столь же необъятно, сколь необъятен Дар, даруемый Богом из Его Божественного естества[2]; это развитие столь же необъятно и непостижимо, сколь необъятен и непостижим Сам Бог, вселяющийся в сердца наши Крещением. Это развитие объемлет все существо христианина. Когда всмотримся на это развитие в избранных сосудах Божиих, тогда изображение притчами евангельскими действия в человеке, производимого святым Крещением, делается вполне ясным. *Подобно есть Царствие Небесное,* сказал Спаситель, *зерну горушичну, еже взем человек всея на селе своем, еже малейше убо есть от всех семен: егда же возрастет, более (всех) зелий есть и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его*[3]. Уподобление, исполненное Божественного смиренномудрия[4]. *Сын Божий Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек*[5]. В этом *образе* Он благоволил сопричислиться не к сонму сильных, славных и богатых мира, но к сонму нищих и страдальцев. *Вид его безчестен,* говорит Пророк, *умален паче всех сынов человеческих*[6]. *Предана бысть на смерть душа Его, и* Он *со беззаконными вменися*[7], заняв место между двумя разбойниками, как бы главнейший и опаснейший из преступников. Свои всесвятые, животворящие, Божественные заповеди Он назвал малыми[8], по

---

[1] *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1. 15). ‖ [2] 2 Пет. 1. 4. ‖ [3] *Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Мф. 13. 31–32). ‖ [4] Преподобный Исаия Отшельник. Слово 11 о зерне горчичном. ‖ [5] *...уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек* (Флп. 2. 7). ‖ [6] *Он был презрен и умален пред людьми* (Ис. 53. 3). ‖ [7] *...предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был* (Ис. 53. 12). ‖ [8] Мф. 5. 19.

той простейшей, безыскусственной форме, в которой они были предложены, присовокупив, однако же, что нарушение одной такой заповеди может быть причиною вечного бедствия для нарушителя[1]. Так и благодать Крещения Он уподобил самому малому из семян земных. И в самом деле, что может быть проще и обыкновеннее, по наружности, Святого Крещения? Людям обычно обмываться в воде, погружаясь в ней, — с этим общеупотребительным действием сопряжено Таинство, в котором омываются и душа и тело от греховной нечистоты[2]. Смерть и погребение человека заменяются мгновенным погружением его в воде. Незаметно для плотских очей нисходит Святой Дух и воссозидает падшего человека. Обстоятельства временной жизни остаются для крещеного, по наружности, теми же, какими они были до Крещения. По наружности так незаметен Дар, сообщаемый Крещением, что он со всею точностию и справедливостию должен быть уподоблен малейшему горчичному семени[3]. Дар этот — цены безмерной. Он возрастает, будучи развит деланием заповедей: тогда величием своим превзойдет все прочие дары, которыми щедрая рука Создателя изобильно наградила человека, и соделает его храмом небесных помышлений, ощущений, откровений, состояний, свойственных одним небожителям.

Подобно есть, сказал также Спаситель, *Царствие Небесное квасу* (в русском переводе: закваске), ***егоже веемши жена скры в сатех триех муки, дондеже вскисоша вся***[4]. Как смиренно и как верно духовный Дар, сообщаемый Святым Крещением, назван закваскою! Всякий, приемлющий Святое Крещение, уневещивается Христу, сочетавается со Христом, и потому со всею справедливостию назван приточно женою. Эта жена скрывает, то есть сохраняет и растит благодатный Дар, посредством жительства по Евангелию, в уме, сердце и теле своем[5], пока Дар не проникнет, не преисполнит, не обымет собою всего человека. Хотите ли видеть не только душу, но и тело человеческое, напоенное и проникнутое благодатным Даром, данным при Крещении? Обратите внимание на Павла, которого одежды чудодействовали[6], которого укушение ехидны не повредило[7]; воззрите на Марию Египетскую, возвышавшуюся от земли при молитве своей, ходив-

[1] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского. ‖ [2] Добротолюбие. Ч. 2. Св. Каллист и Игнатий, гл. 92. ‖ [3] В первые времена христианства язычники, видя в Таинстве Крещения только наружную сторону его и не понимая сущности, насмехались над ничтожностию, по их мнению, наружности. Св. Кирилл Иерусалимский. ‖ [4] *Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Мф. 13. 33). ‖ [5] 1 Сол. 5. 23. ‖ [6] Деян. 19. 12. ‖ [7] Деян. 28. 5.

шую по струям Иордана, как по суху, совершившую тридцатидневный путь в течение одного часа[1]; воззрите на Марка Фраческого, на голос которого гора снялась с оснований своих и двинулась в море[2]; воззрите на Иоанникия Великого, который, как дух, был невидим теми, которыми он не желал быть видим, хотя и находился в присутствии их[3]; воззрите на тела угодников Божиих, почивающих в священном нетлении в течение многих столетий, не покоряющихся закону тления, общему для всего человечества, источающих потоки исцелений, потоки благоухания, потоки жизни.

Преподобный Сисой Великий, особенно обиловавший дарами Святого Духа, сказал: «Тому (человеку), в котором вселился Бог благодатию Святого Крещения и деланием заповедей, (духовные) Дары – естественны»[4]. Это произнес святой пустынножитель из собственного опыта. Не то ли же самое засвидетельствовано Священным Писанием? *Елицы во Христа крестистеся*, говорит оно, *во Христа облекостеся*[5]. Облеченным во Христа, имеющим в себе Христа естественны дарования Духа: где Христос, там и Отец и Дух.

7. Об отношении обновленного естества ко злу

Здесь сам собою является вопрос: какое отношение имеет обновленный человек ко злу? он не может не иметь точного познания о зле. Но мы видели, что невинное естество человеческое, в состоянии его по сотворении, едва получило такое познание, как и погибло от него. Тем нужнее знать отношение естества обновленного к познанию зла. Отвечаем: чистота сердца – духовное состояние обновленного естества, названное в Евангелии блаженством, доставляющим человеку Боговидение[6], является в душе после блаженства милости, проистекает из этого блаженства. Известно, что евангельские блаженства суть духовные состояния, открывающиеся в христианине от исполнения евангельских заповедей, что блаженства открываются одно вслед за другим, рождаясь одно от другого[7]. По отвержении своей правды, как оскверненной злом,

---

[1] Четьи-Минеи, 7 апреля. ‖ [2] Там же, 5 апреля. ‖ [3] Там же. ‖ [4] Алфавитный патерик. ‖ [5] *...все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3. 27). ‖ [6] Мф. 5. 8. ‖ [7] «Тщательное блюдение (евангельских заповедей) научает человека немощи его» (св. Симеон Новый Богослов. 4-я глава Деятельная и Богословская, Добротолюбие. Ч. 1). Это значит: тщательное блюдение заповедей вводит в первое блаженство, именуемое *духовною нищетою*, от которой рождается *духовный плач*, рождающий из себя *кротость*. Последовательность «Блаженств» изложена с особенною ясностию священномучеником Петром, митрополитом Дамаска. Добротолюбие. Ч. 3, кн. 1.

из среды плача о своем состоянии падения, из среды кротости — этого примирения ко всем скорбям, видимым и невидимым — начинает ощущаться в душе алкание и жажда Правды Божией. Правда Божия обретается в милости, где Евангелие и повелевает искать ее. *Любите враги ваша*, говорит оно, *благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы, яко да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесех: яко солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и на неправедныя. Аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други ваша токмо, что лишше творите? Не и язычницы ли такожде творят? Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть*[1]. Совершенство христианской, а потому и человеческой добродетели в обновленном естестве есть благодатное Богоподражательное милосердие, производимое в христианине развитием Божественной благодати, данной ему в Крещении и возделанной заповедями. От такого милосердия является духовная чистота: она питается им, она живет им. Преподобный Исаак Сирский на вопрос: *Что есть чистота?* — отвечал: «Чистота — сердце, исполненное милости о всяком создании». На вопрос: *Что есть милостивое сердце?* — этот великий учитель иночествующих сказал: «Это — горение сердца о всякой твари, о человеках, о птицах, о животных, о бесах — словом, о всяком создании. От воспоминания о них и видения их очи милостивого источают слезы по причине обильной и сильной милости, овладевшей сердцем. От постоянного терпения сердце его сделалось сердцем младенца, и он не может быть равнодушным, когда услышит или увидит какой-либо вред или даже малую скорбь, которым подверглась тварь. И потому он ежечасно приносит молитву, сопровождаемую слезами и о бессловесных, и о врагах истины, и о наветующих ему, чтоб они были сохранены и очистились; даже он делает это о естестве пресмыкающихся, от великой милости, движущейся чрезмерно в его сердце по подобию Божию»[2]. От великой милости, которую ощущал в себе великий Исаак, он восклицает: «В тот день, в который ты состраждешь

---

[1] *...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5. 44–48). ‖ [2] Слово 48.

кому-либо каким бы то ни было образом страждущему, телесно или мысленно, благому или злому, — почитай себя мучеником и взирай на себя, как на пострадавшего за Христа, как на сподобившегося исповедничества. Вспомни, что Христос умер за грешников, а не за праведников. Смотри, как велико скорбеть о злых и благодетельствовать грешникам! оно более, нежели делать то и другое относительно праведников. Апостол воспоминает об этом как о достойном удивления»[1]. Святой Исаак, сравнивая правду падшего человеческого естества с Божественною правдою, состоящею в благодатном, духовном милосердии, вторую называет служением Богу, а первую служением идолам[2]. О стяжании этого милосердия говорит Апостол, когда завещает уверовавшим во Христа: *Облецытеся убо якоже избраннии Божии, святи и возлюбленни, во утробы щедрот, благость, смиреномудрие, кротость (и) долготерпение: приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы*[3]. Святой Макарий Великий говорит: «Благодать так действует и умиряет все силы и сердце, что душа, от великой радости (милости), уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни еллина, ни иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек и радуется о целом мире и всемерно желает чтить и любить и еллинов, и иудеев»[4]. «Чистота сердца, — сказал вышеприведенный святой Исаак, — зрит Бога; она воссиявает и цветет в душе не вследствие учения человеческого, но от невидения злобы человеческой»[5]. Тогда человек не видит злобы в ближних своих, когда все отношения его к ближним будут поглощены милостию к ним. Неужели такое невидение недостатков в ближних есть ослепление ума, есть признание зла добром? Напротив того: ослепление ума, невидение греха и зла, признание зла добром принадлежат нераскаянным грешникам, оправдывающим грех свой. Святые Божии, просвещенные Духом Божиим, понимают зло во всей его подробности, знают его козни и его ядовитость; они, при помощи этого познания, доставляемого Духом, с особенною тщательностию охраняют себя от опытного знания грехов, доставляемого исполнением греха на самом деле. *Рожденный от Бога*, говорит святой Иоанн Богослов, *не согрешает: но рожденный*

---

[1] Слово 89; Рим. 5. 6–8. || [2] Там же. || [3] *Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы* (Кол. 3. 12–13). || [4] Беседа 9. || [5] Слово 55 к преподобному Симеону.

от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему[1]. При посредстве благодатного милосердия, которым истинные христиане дышат к ближним, они пребывают чуждыми греховности ближних, сообщающейся чрез осуждение осуждающему, нарушающей его собственное, спокойное, радостное, святое устроение. *Мир Христов, превосходяй всяк ум*, обитающий в святых Божиих, немедленно обличает всякий приближающийся помысл сопротивного, какою бы личиною праведности ни был прикрыт этот помысл[2]. Святой Иоанн Лествичник в Слове[3] о духовном рассуждении и о помыслах, страстях и добродетелях говорит, что оно является от непорочной совести и чистоты сердечной; что оно в новоначальных по преуспеянию есть познание падения и греховности своей; что оно в средних (по преуспеянию) отделяет истинное добро от естественного и от зла, как открытого, так и прикрытого личиною добра; наконец, что оно в совершенных есть духовный разум, воссиявающий от Святого Духа, и видящий образ действия зла в других человеках. Так святой апостол Петр сказал Симону Волхву: *в желчи бо горести и союзе неправды зрю тя суща*[4]. В предисловии к Слову о священном безмолвии святой Иоанн говорит, что Святые Божии имеют точное и подробное знание греха по откровению Святого Духа[5]. Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку, сказал святой Петр Дамаскин[6]. Этот Отец называет зрение своего падения и зрение грехов своих духовным видением, открывающимся от действия благодати в делателе Христовых заповедей[7]. Святая Церковь законоположила чадам своим испрашивать теплейшею молитвою у Бога великий дар — зрение грехов своих[8]. Падшее естество поражено слепотою ума. Оно не видит своего падения, не видит грехов своих, не видит своего странничества на земле и распоряжается собою на ней как бы бессмертное, как бы существующее единственно для земли. Оно не только с жестокостию судит и осуждает грехи ближнего, но и из собственного своего бедственного устроения сочиняет для ближнего грехи, каких в нем нет; оно соблазняется самыми возвышенными христианскими добродетелями, искажая значение их сооб-

---

[1] *...рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему* (1 Ин. 5. 18). ‖ [2] *...мир Божий, который превыше всякого ума* (Флп. 4. 7). ‖ [3] Слово 26. ‖ [4] *...ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды* (Деян. 8. 23). ‖ [5] Слово 27. ‖ [6] Добротолюбие. Ч. 3. О седми телесных деяниях. ‖ [7] Там же. О осьми видениях ума. ‖ [8] Молитва прп. Ефрема Сирина, употребляемая в Святую Четыредесятницу.

разно лжеименному разуму своему по своей сердечной злобе. Напротив того, обновленное естество имеет благодатное знание и зрение зла, даруемые Богом, знание и зрение зла, не только не нарушающие целости добра в человеке, но и служащие к строжайшему охранению человека от опытного познания зла, гибельного для человека. Обновленное естество видит и ведает зло в себе, в человеках и в демонах, но пребывает неоскверненным от зла, потому что эти видение и ведение естества обновленного принадлежат не собственно человеку, приобретены не собственным усилием человека, но дарованы ему Богом. Можно уподобить знание зла, приобретенное человеками чрез падение, знанию больными болезней, которыми они страждут, а знание зла человеками обновленными — знанию болезней врачами. Больные опытно знают болезнь, но не знают ни причин ее, ни средств к врачеванию ее; врачи, не зная опытно болезни, знают ее несравненно определеннее, нежели больные, знают причины ее и средства пользования от нее.

8. Заключение

Изложив, по мере скудных сил, состояние в отношении к добру и злу человеческого естества по сотворении, по падении и по искуплении его, к кому обращусь с заключением этого убогого Слова? Слово служит обличением моих собственных недостатков, и потому обращаюсь с увещанием, которым обыкновенно оканчивается всякое Слово, к самому себе. Увещание заимствую от Отца Церкви. Если кто из ближних моих признает его приличествующим и для себя, то да приимет его с любовью. «Ты воспомянул, — говорит воспомянутый мною Отец, — то благородство, которое ты принял в Крещении от благодати, отверг же произвольно страстями в мире, ты возжелал восстановить (это благородство) благим произволением; такое желание ты доказал делом, пришедши в священное училище, облекшись в честные одежды покаяния и дав обет благодушно пребывать в монастыре до самой смерти. Ты завещал с Богом второй завет. Первый был сделан при вступлении в настоящую жизнь; второй сделан, когда ты начал склоняться к концу настоящей жизни. Тогда ты был принят Христом ради благочестия, ныне ты присоединился Христу покаянием. Тогда ты получил благодать, ныне исповедал долг. Тогда, будучи младенцем, ты не ощутил данного тебе достоинства, хотя впоследствии, придя в возраст, познал величие дара, и заграждены уста твои (к самооправданию); ныне, при достаточном разви-

тии познания, ты постигаешь значение обета. Смотри, чтоб не пренебречь и этим обещанием (покаяния); смотри, чтоб не быть отвергнутым и повергнутым, подобно какому-нибудь сосуду, совершенно сокрушенному, во тьму кромешную, где *будет плач и скрежет зубов*[1]. Кроме пути покаяния, нет другой стези, возвращающей ко спасению»[2]. *Глаголет Дух Святый: днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, якоже в прогневании, во дни искушения в пустыни: идеже искусиша Мя отцы ваши, искусиша Мя и видеша дела Моя четыредесять лет. Сего ради негодовах рода того и рех: присно заблуждают сердцем, тии же не познаша путей Моих: яко кляхся во гневе Моем, аще внидут в покой Мой. Блюдите, братие, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво, (исполнено) неверия, во еже отступити от Бога жива. Но утешайте себе на всяк день дондеже днесь нарицается, да не ожесточится некто от вас лестию греховною: причастницы бо быхом Христу, аще точию начаток состава*[3] *даже до конца известен удержим*[4]. *Имуще убо Архиерея велика, прошедшаго небеса, Иисуса Сына Божия, да держимся исповедания. Не имамы бо архиерея не могуща спострадати немощем нашим, но искушена по всяческим по подобию, разве греха. Да приступаем убо с дерзновением к престолу благодати, да приимем милость и благодать обрящем во благовременну помощь*[5]. Аминь.

---

[1] *...там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 22. 13). ‖ [2] Св.Феолипт, митрополит Филадельфийский. Слово о сокровенном делании. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] Начатком состава, то есть залогом завета с Богом, здесь разумеется благодать Крещения, насаждаемая в нас при вступлении в сочетание со Христом подобно зерну горчичному. Сохранение дара благодати есть развитие его: *иже не собирает со Мною, расточает* (Лк. 11. 23), — сказал Господь. ‖ [4] *...говорит Дух Святой, «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой». Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом. Ибо мы сделались причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца* (Евр. 3. 7–14). ‖ [5] *Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания* ***нашего****. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно* ***нам****, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи* (Евр. 4. 14–16).

Слово о чувственном и о духовном видении духов

Введение

Приступая к объяснению, по мере скуднейших понятий моих, свойственного человеку сугубого видения сотворенных духов, нахожу необходимым изложить учение и о сугубой слепоте человека, усвоившейся ему при посредстве его падения. Большинство людей чуждо всякого понятия об этой слепоте; даже не подозревает существования ее! Большинство людей чуждо всякого понятия о духах или имеет о них одно теоретическое, самое поверхностное, самое неясное и неопределенное понятие, почти равновесное совершенному незнанию.

В современном обществе человеческом, преимущественно в обществе образованном, многие сомневаются в существовании духов, многие отвергают его. Сомневаются в нем и отвергают его даже и те, которые признают существование души своей[1], признают ее бессмертие или существование ее после смерти, признают ее духом. Странное сочетание взаимно противоречащих друг другу понятий! Если души существуют после разлучения их с телами, то это самое уже значит, что существуют и духи добрые, и духи злые. Они существуют! Существование их делается вполне ясным и очевидным для того, кто занялся правильным и подробным изучением христианства. Отвергающие существование духов непременно вместе с этим отвергают и христианство. *Сего ради явися Сын Божий*, говорит Священное Писание, *да разрушит дела диавола, да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола*[2]. Если нет падших духов, то вочеловечение Бога не имеет ни причины, ни цели.

Существование духов остается предметом темным для тех, которые не изучали христианства или изучали его поверхностно, по букве, между тем как Господом Иисусом Христом заповедано

---

[1] Случалось слышать и отвержение существования души! Так, умствующие утверждают, что в нас находится непостижимая жизненная сила, еще неразгаданная наукою, подобно как и во всех животных, действующая только во время жизни тела и умирающая вместе с ним, — что мы нисколько не выше прочих животных; что признаем себя высшими их только по гордости нашей. Суждение это принадлежит тем, которые, по пословице, не слышат в себе души! конечно, по причине преобладающего плотского состояния, причем весь человек делается плотию (Быт. 6. 3). || [2] *Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. ..Дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола* (1 Ин. 3. 8; Евр. 2. 14).

и установлено обучение христианству и проповедию его, и соблюдением евангельских заповедей[1]. Господь заповедал изучение христианства, и теоретическое, и практическое, соединил эти два изучения неразрывною связию, повелел, чтоб за теоретическим познанием непременно последовало практическое. Без второго первое не имеет никакой цены пред Богом! Без второго первое не может принести нам никакой пользы![2] — Второе служит доказательством искренности первого и увенчивается осенением Божественной благодати[3]. Первое можно уподобить основанию, второе — зданию, воздвигнутому на этом основании. Здание не может быть воздвигнуто, если прежде не будет устроено основание, и устроение основания остается бесполезным трудом, если на основании не будет воздвигнуто здание. — Результаты наук человеческих и способ для достижения этих результатов остаются недоступными для понятия людей, не занимавшихся науками: результаты и способ достижения их в науке из наук, в науке, сшедшей с небес, дарованной человечеству Богом, в науке, совершенно изменяющей человека, претворяющей его из плотского и душевного в духовного, в христианстве, тем более остаются недоступными для тех, которые не занимались изучением его законно, по способу установленному Богом. Безрассудно же требование некоторых, чтоб результаты изучения христианства, его высокие и глубокие тайны, были для них вполне ясны без всякого изучения христианства! Хотите знать тайны христианства? — Изучите его.

Учение школьное, по букве, не только очень полезно, но и необходимо, как доставляющее точные и подробные познания о христианстве по Преданию Православной Церкви. В течение восьмнадцати столетий устремлялись против христианства с целью ниспровергнуть его, особенно ныне устремляются бесчисленные лжеучения: ныне, более нежели когда-либо, настоит крайняя нужда в основательной проповеди и изучении христианства. Но теоретическое изучение требует, чтоб непременно ему сопутствовало и ему последовало учение деятельное. «Закон свободы деланием заповедей чтется»[4]. Христианский книжник должен научиться Царству Небесному не только от слышания проповеди о нем, но и опытно[5]. Без этого учение по букве соделается исключительно учением человеческим, послужит только к развитию падшего естества. Горестное доказательство этому видим на иудейском духовенстве, современном Христу. Учение по букве, будучи предоставлено самому себе,

[1] Мф. 28. 19, 20. || [2] Мф. 7. 21–23. || [3] Ин. 14. 21–24. || [4] Преподобного Марка Подвижника о Законе Духовном, гл. 32. Добротолюбие. Ч. 1. || [5] Мф. 13. 52.

немедленно рождает самомнение и гордость, отчуждает посредством их человека от Бога. Представляясь по наружности познанием Бога, оно в сущности может быть совершенным незнанием, отвержением Его. Проповедуя Веру, можно утопать в неверии! Тайны, открытые для некнижных христиан, весьма часто остаются закрытыми для мужей ученейших, удовлетворившихся одним школьным изучением Богословия, как бы науки единой из наук человеческих[1]. А такой именно характер и дан Богословию во всем инославном Западе, и папском, и протестантском. По недостатку в опытном познании христианства, в наше время очень трудно услышать правильное, основательное учение о видении духов, столько нужное для каждого инока, желающего заняться душевным подвигом в области духов, к которым мы принадлежим нашею душою, с которым мы должны разделить и вечное блаженство и вечную муку[2].

Видение духов — сугубо. Есть чувственное видение духов, когда видим их чувственными, телесными очами, и есть духовное видение духов, когда видим их душевными очами, умом и сердцем, очищенными Божиею благодатию. В обыкновенном состоянии падения, в котором пребывает все человечество, мы не видим духов ни чувственно, ни духовно; мы поражены сугубою слепотою. Для слепых разные цвета и предметы чувственного мира как бы не существуют: так и для ослепленных падением мир духовный и духи как бы не существуют. Невидение нами чего-либо никак не служит признаком небытия его.

Увы! увы! Прерывают плачем Слово. *Земля Израилева* низвращена от меча, ***бысть пуста вельми! язык, собранный от языков многих,*** умалился и изнемог до крайности[3]. «Как не плакать, — говорил преподобный Исаак Великий, пустынножитель египетский: — куда пойдем мы теперь? Отцы наши почили. Прежде недоставало нам рукоделия на наем лодок, в которых мы ездили (по реке Нилу) к старцам. Теперь же мы осиротели: потому-то я и плачу»[4]. ***Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов***

---

[1] «Отрекшиеся от мира, хотя и алфавита (азбуки) не знают, но мудрейшими бывают, Божиим просвещаемы светом, паче тех, которые все Писание знают, но ищут в мире сем прославиться. Писание бо Святое дано нам от Бога ради спасения нашего и прославления имени Божия: ради того должно его читать, и поучаться, и внимать. А когда ради прославления нашего читаем и тщимся знать, то оно не только не в пользу, но и во вред будет нам» (Святой Тихон Воронежский. Т. 15, письмо 32). ‖ [2] Мф. 22. 30; 25. 41. ‖ [3] См.: ***...на горы Израилевы, которые были в постоянном запустении... собранный из народов*** (Иез. 38. 8, 12). ‖ [4] Алфавитный патерик и «Достопамятные сказания» об Исааке Великом, пресвитере Келлий. — Келлиями называлась отдельная пустыня, соседняя к горе Нитрийской.

человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце[1]. Если Исаак Великий, при современном ему высоком состоянии иночества, оплакивал умаление старцев-воспитанников, то какого же труда стоит иноку нашего времени, истинно желающему спастись, найти совет, столько необходимый в его многотрудном подвиге? *Лукавые человецы и чародеи* (то есть все вообще обольстители, вступившие в явное и неявное общение с сатаною) *преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаеми*[2], предсказывает Апостол, говоря о последних днях мира. Совершается пред нами это предсказание. Нередко говаривал я единодушной братии, при келейных беседах, то, что считаю себя обязанным теперь начертать и пером на бумаге. Не мне бы, пребывающему в рабстве у греха, заниматься наставлением братий! в глубоком молчании и уединении следовало бы мне оплакивать мое горестное душевное состояние. Но я принужден и говорить и писать в назидание, чтоб не оставить ближних моих и любящих меня о Господе без всякого назидания. «Лучше, — сказал Пимен Великий, — употреблять хлеб нечистый и иметь пропитание, нежели оставаться вовсе без хлеба»[3]. При таком воззрении на себя и на окружающие обстоятельства пишу Слово о видении духов, признавая правильное познание о видении духов существенно и необходимо нужным для подвижников, которым предстоит брань не *к крови и плоти, но к началам, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[4]. Необходимо это познание. Духи злобы с такою хитростию ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться[5]. Чтоб бороться со врагом, надо непременно видеть его. Без видения духов борьба с ними не имеет места, может быть одно увлечение ими и рабское повиновение им. Призвав в помощь скудоумию моему Божественную благодать, сперва буду говорить о чувственном видении духов, о не необходимости и об опасности его, потом о духовном видении духов, о необходимости и пользе его.

---

[1] *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему; уста льстивы, говорят от сердца притворного* (Пс. 11. 2–3). ‖ [2] *Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь* (2 Тим. 3. 13). ‖ [3] Алфавитный патерик, изречения преподобного Пимена Великого. ‖ [4] *...против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6. 12). ‖ [5] Преподобного Макария Великого Слово 7, гл. 31.

1. О чувственном видении духов

До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховных и плотских ощущений, ныне ему естественных[1]. Чувства его были несравненно тоньше, действие их было несравненно обширнее, вполне свободно. Облеченный в такое тело, с такими органами чувств, человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою, был способен к общению с ними, к тому Боговидению и общению с Богом, которые сродны святым духам[2]. Святое тело человека не служило для сего препятствием, не отделяло человека от мира духов. Человек, облеченный в тело, способен был для жительства в рае, в котором ныне способны пребывать одни святые и одними душами своими, в который взойдут и тела святых по воскресении. Тогда эти тела оставят в гробах дебелость, усвоившуюся им по падении; тогда они соделаются духовными, даже духами, по выражению преподобного Макария Великого[3], явят в себе те свойства, которые им даны были при сотворении. Тогда человеки снова вступят в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое вместе было и тело и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по Его воскресении.

Падением изменились и душа и тело человеческие. В собственном смысле падение было для них вместе и смертию. Видимая и называемая нами смерть, в сущности, есть только разлучение души с телом, прежде того уже умерщвленных отступлением от них истинной жизни, Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечною смертию! мы не чувствуем, что мы убиты, по общему свойству мертвецов не чувствовать своего умерщвления! Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ из вещественного мира, его дебелость суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных; оно существует жизнию животных, жизнию своего падшего естества. Оно служит для души темницею и гробом. Сильны употребляемые нами выражения! но они еще недостаточно выражают ниспадение нашего тела с высоты состояния духовного в состояние плотское. Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного, чтобы стяжать понятие о бедственном состоянии нашего тела, о состоянии его мертвости, причиненной отчуждением

---

[1] Преподобного Макария Великого Слово 4. ‖ [2] Быт. гл. 2 и 3. ‖ [3] Слово 6, гл. 13.

от Бога. В этом состоянии мертвости по причине крайней дебелости и грубости, телесные чувства неспособны к общению с духами, не видят их, не слышат их, не ощущают. Так, притупленная секира уже неспособна к употреблению по ее назначению. Святые духи уклонились от общения с человеками, как с недостойными такого общения; духи падшие, увлекшие нас в свое падение, смесились с нами, и чтоб удобнее содержать нас в плену, стараются соделать и себя, и свои цепи для нас незаметными. Если же они и открывают себя, то открывают для того, что укрепить свое владычество над нами. Всем нам, находящимся в рабстве у греха, надо знать, что общение с святыми Ангелами несвойственно нам по причине нашего отчуждения от них падением, что нам свойственно, по той же причине, общение с духами отверженными, к разряду которых мы принадлежим душою, — что чувственно являющиеся духи человекам, пребывающим в греховности и падении, суть демоны, а никак не святые Ангелы. «Душа оскверненная, — сказал святой Исаак Сирский, — не входит в чистое царство и не сочетавается с духами святых»[1]. Святые Ангелы являются только святым человекам, восстановившим с Богом и с ними общение святою жизнию. Хотя демоны, являясь человекам, наиболее принимают вид светлых Ангелов для удобнейшего обмана; хотя и стараются иногда уверить, что они человеческие души, а не бесы[2]; хотя они иногда и предсказывают будущее; хотя открывают тайны, но вверяться им никак не должно. У них истина перемешана с ложью, истина употребляется по временам только для удобнейшего обольщения. *Сатана преобразуется во Ангела светла, и служители его преобразуются, яко служители правды*, сказал святой апостол Павел[3].

Святой Иоанн Златоуст, в Беседе 2-й о нищем, Лазаре, и о богатом, повествует случавшееся в его время: «Демоны говорят: *я — душа такого-то монаха.* Разумеется, этому не верю именно потому, что говорят это демоны. Они обманывают внимающих им. По этой причине и Павел повелел демону молчать, хотя он говорил и правду, чтоб он не обратил этой правды в повод, не подмесил впоследствии к ней лжи, и не привлек к себе доверенности. Диавол говорил: *сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения*[4].

---

[1] Слово 74. ‖ [2] Этот образ обольщения в настоящее время находится в особенной моде у бесов, по особенному расположению современных человеков доверять ему. ‖ [3] *...сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды* (2 Кор. 11. 14, 15). ‖ [4] *...сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения* (Деян. 16. 17).

Апостол, огорчась этим, повелел пытливому духу выйти из девицы. И что ж говорил дух худого, когда говорил: *сии человецы рабы Бога вышняго суть?* Но так как большинство незнающих не может основательно судить о том, что говорится демонами, — Апостол решительно отверг всякую доверенность к ним. Ты принадлежишь к числу отверженных, говорит Апостол демону, ты не имеешь права говорить свободно; умолкни, онемей. Не твое дело проповедовать: это предоставлено Апостолам. Зачем похищаешь не твое? умолкни, отверженный. Так и Христос, когда демоны говорили Ему: *вемы Тя, кто еси*[1], очень строго воспретил им, предписывая этим закон нам, чтоб мы ни под каким предлогом не доверяли демону, если б даже говорил что справедливое. Зная это, мы должны ни в чем решительно не верить демону. Если он будет говорить что и справедливое, — бежим, отвратимся от него. Здравым и спасительным познанием мы должны научаться не от демонов, но из Божественного Писания». Далее в этой Беседе Златоуст говорит, что души как праведников, так и грешников немедленно после смерти уводятся из этого мира в другой, одни для принятия венцов, другие для казней. Душа нищего Лазаря немедленно после смерти вознесена Ангелами на лоно Авраама, а душа богача низвергнута в адский пламень. В Беседе 28-й на Матфея Златоустый поведает, что в его время некоторые беснующиеся говорили: *я — душа такого-то.* «Поистине это ложь и обман диавольские, — присовокупляет великий Святитель. — Не душа умершего вопиет это, а демон, который притворяется, чтоб обмануть слушателей».

Демоны не знают будущего, известного Единому Богу и тем разумным Его тварям, которым Бог благоволит открыть будущее; но как умные и опытные люди из событий совершившихся или совершающихся предусматривают и предугадывают события, имеющие совершиться, так и хитрые, многоопытные лукавые духи могут иногда предполагать с достоверностью и предсказывать будущее[2]. Часто они ошибаются; весьма часто лгут и неясными провещаниями приводят в недоумение и сомнение. Иногда они могут предвозвестить событие, которое уже предназначено в мире духов, но между человеками не приведено еще в исполнение: так прежде, нежели постигли праведного Иова искушения, попущение этих искушений уже было решено в совете Божием и было известно падшим духам[3]; так решена была на суде Божием, известна святым Небесным Силам и отверженным ангелам, передана к исполнению

[1] *...знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий* (Мк. 1. 26; Лк. 5. 34). || [2] Vita sanct. Pachomii. Cap. XLIX. Patrologiae tom. LXXIII. || [3] Иов. 1.

духу лукавому погибель в сражении царя израильского Ахава, прежде нежели царь выступил в поход[1]; так предсказал диавол святому Иоанну, архиепископу Новгородскому, искушение, которое впоследствии навел на него[2]. Были случаи, когда и грешникам являлись святые Ангелы, но это случалось по особенному смотрению Божию и крайне редко: так лжепророку и волхву, то есть человеку, бывшему в особенном ближайшем общении с демонами, являлся святой Ангел[3]. Исключительные случаи, по особенному смотрению Божию, не должны иметь никакого влияния на общее правило для всех[4]. Общее правило для всех человеков состоит в том, чтоб никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением. Во время этого искушения должно устремлять мысль и сердце к Богу с молитвою о помиловании и об избавлении от искушения. Желание видеть духов, любопытство узнать что-нибудь о них и от них есть признак величайшего безрассудства и совершенного незнания нравственных и деятельных преданий Православной Церкви. Познание духов приобретается совершенно иначе, нежели как-то предполагает неопытный и неосторожный испытатель. Открытое общение с духами для неопытного есть величайшее бедствие или служит источником величайших бедствий.

Боговдохновенный писатель Бытейской книги говорит, что по падении первых человеков Бог, произнесши приговор над ними, еще до изгнания их из рая, *сотвори им ризы кожаны и облече их*[5]. Ризы кожаные, по объяснению святых Отцов[6], означают нашу грубую плоть, которая, при падении, изменилась: утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелость. Хотя начальною причиною изменения и было падение, но изменение совершилось под влиянием Всемогущего Творца, по неизреченной Его милости к нам, к нашему величайшему благу. Между прочими полезными для нас последствиями, истекающими из состояния, в котором ныне находится наше тело, мы должны указать на то, что чрез допущение дебелости нашему телу мы сделались неспособными к чувственному видению духов, в область которых мы ниспали. Объясним это. Мы стяжали как бы естественное влечение ко злу. Это влечение естественно падшему естеству: это влечение подобно влечению демонов

[1] 3 Цар. 22. 19–23. ‖ [2] Четьи-Минеи, сентября 7 дня. ‖ [3] Чис. 22. ‖ [4] Св. Исаака Сирского Слово 1. ‖ [5] См.: *...сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их* (Быт. 3. 21). ‖ [6] Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной Веры. Кн. 3, гл. 1.

ко злу: *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его*[1]. Но в нас смешано добро со злом: мы влечемся то к злу, то, покидая это стремление, направляемся к добру. Демоны, напротив того, всегда и всецело устремлены к злу. Если бы мы находились в чувственном общении с демонами, то они в кратчайшее время окончательно развратили бы человеков, непрестанно внушая зло, явно и непрестанно содействуя злу, заражая примерами своей постоянно преступной и враждебной Богу деятельности. Тем удобнее они могли бы совершить это, что падший человек естественно влечется к злу, что падший человек находится в подчинении у демонов, покорившись им произвольно. В кратчайшее время человеки, по преуспеянию во зле, соделались бы демонами; покаяние и восстание из падения были бы для них невозможны. Премудрость и благость Божия положила преграду между человеками, низверженными на землю из рая, и духами, низверженными на землю с неба, — грубую вещественность тела человеческого. Так, земные правительства отделяют темничною стеною злодеев от общества человеческого, чтоб они по произволу не вредили этому обществу и не развращали прочих человеков[2]. Духи падшие действуют на человеков, принося им греховные помыслы и ощущения; до чувственного видения духов достигают весьма немногие человеки.

При размножении человечества в его настоящем состоянии падения тело приносит душе весьма сходное служение с тем служением, которое исполняют пелены для новорожденного тела. Обернутое пеленами тело младенца получает правильность, без пелен члены его, по мягкости своей, могли бы получить уродливые формы: так и душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением Закона Божия или, что то же, изучением христианства и стяжавает способность различать добро от зла[3]. Тогда даруется ей духовное видение духов и, если то окажется сообразным с целями руководствующего ею Бога, чувственное, так как обман и обольщение для нее уже гораздо менее опасны, а опытность и знание полезны. При разлучении души от тела видимою смертию мы снова вступаем в разряд и общество духов. Из этого видно, что для благополучного вступления в мир духов необходимо благовременное образование себя Законом Божиим, что именно для этого образования и предоставлено нам некоторое время, определенное каждому человеку Богом

[1] *...помышление сердца человеческого — зло от юности его* (Быт. 8. 21). ‖ [2] Преподобного Кассиана Собеседование 8, гл. 12. ‖ [3] Евр. 5. 14.

для странствования по земле. Это странствование называется земною жизнию.

Человеки делаются способными видеть духов при некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым для человека образом. Он только замечает в себе, что внезапно начал видеть то, чего доселе не видел и чего не видят другие, — слышать то, чего доселе не слышал. Для испытавших на себе такое изменение чувств оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для других; для неиспытавших — оно странно и непонятно. Так, всем известно, что люди способны погружаться в сон; но что за явление — сон, каким образом, незаметно для себя, мы переходим из состояния бодрости в состояние усыпления и самозабвения — это остается для нас тайною. Изменение чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Священном Писании *отверзением чувств. Отверзе Бог,* говорит Писание, *очи Валааму, и узре Ангела Божия противостояща на пути, и мечь извлечен в руце его*[1]. Окруженный врагами, пророк Елисей, чтоб успокоить устрашенного слугу своего, *помолися и рече: Господи, отверзи ныне очи отрока, да узрит. И отверзе Господь очи его, и виде: и се гора исполнь коней, и колесница огненна окрест Елиссеа: и снидоша к нему: И помолися Елиссей ко Господу, и рече: порази убо язык сей невидением. И порази ихъ невидение по глаголу Елиссееву... и отведе их в Самарию. И бысть егда внидоша в Самарию, и рече Елиссей: отверзи убо, Господи, очи их, и да видят. И отверзе Господь очи их, и видеша*[2]. Когда два ученика шли с Господом по дороге из Иерусалима в Еммаус, то *очи ею држастеся,* повествует Евангелист, *да Его,* Господа, *не познаста.* Когда же они пришли на ночлег, тогда, при преломлении хлеба, *онема отверзостеся очи, и познаста Его*[3]. Из приведенных мест Священного Писания явствует, что телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа, что эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Пре-

---

[1] *И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке...* (Чис. 22. 31). ‖ [2] *..молился Елисей, и говорил: Господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл Господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея. Когда пошли к нему Сирияне, Елисей помолился Господу и сказал: порази их слепотою. И Он поразил их слепотою по слову Елисея... И привел их в Самарию. Когда они пришли в Самарию, Елисей сказал: Господи! открой глаза им, чтобы они видели. И открыл Господь глаза их, и увидели...* (4 Цар. 6. 17–20). ‖ [3] *Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. ...Открылись у них глаза, и они узнали Его* (Лк. 24. 16–31).

мудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших человеках, чтоб заклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области падших духов, окружены ими, порабощены ими. Не имея возможности ворваться к нам, они извне подают нам знать о себе, принося различные греховные помыслы и мечтания или привлекая легковерную душу в общение с собою. Непозволительно человеку устранять смотрение Божие и собственными средствами, по попущению Божию, а не по воле Божией, отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами. Но и это случается. Очевидно, что собственными средствами можно достигнуть общения только с падшими духами. Святым Ангелам несвойственно принять участие в деле, несогласном с волею Божиею, в деле, неблагоугодном Богу. Чем влекутся человеки к вступлению в открытое общение с духами? Легкомысленные и не знающие деятельного христианства увлекаются любопытством, незнанием, неверием, не понимая, что, вступив в такое общение, они могут нанести себе величайший вред; люди, предавшиеся греховности и отступившие от Бога, вступают в это общение по самым порочным побуждениям и для самых порочных целей.

То, что совершается с нами по Промыслу Божию, всегда преисполнено величайшей премудрости и благости, совершается по существенной надобности для существенной пользы нашей, отнюдь не для удовлетворения нашему любопытству или какому другому мелочному, недостойному Бога, нашему побуждению. По этой причине обыкновенный порядок и ход нарушаются весьма редко; весьма редко вводится человек в чувственное видение духов. Богу благоугодно, чтоб служитель его пребывал постоянно в величайшем благоговении пред Ним, в безусловной покорности к Нему, в безусловной преданности Его святейшей воле. Всякое нарушение этих отношений неблагоприятно Богу и налагает на нас печать гнева Божия[1]. Легкомысленно покушающиеся нарушить порядок, установленный Богом, и вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога и изгоняются от лица Его во тьму кромешную, в которой не светит Свет Божий. Приведем несколько примеров, которые объяснят нам, с какою спасительною для нас предосторожностию, с целию величайшей нашей душевной пользы, Бог допускает нам чувственное видение духов. В Африке[2]

[1] Преподобного Исаака Сирского, Слово 36. ‖ [2] Африкою называлась в Римской Империи Карфагенская область. Четьи-Минеи, житие св. мученика Артемия, октября в 20 день.

был мытарь, именем Петр, человек самый жестокосердый, подавший в течение всей своей жизни милостыню нищему однажды, и то не по движению сострадания, а по увлечению гневом. Когда Петр нес большое количество хлебов, нищий начал неотступно просить у него милостыни: Петр, рассердившись и не имея возможности ударить нищего чем другим, кинул в него хлебом. По прошествии двух дней после этого случая Петр заболел; болезнь усилилась; больной очень изнемог и, казалось, приближался к смерти. При таком положении отверзлись его очи: он увидел пред собою весы; по одну сторону их стояли мрачные демоны, по другую — светлые Ангелы. Демоны, собрав все злые дела, соделанные Петром в течение его жизни, положили на весы. Светоносцы, не находя никаких добрых дел, чтоб противоположить их злым делам Петра, стояли в унынии и в недоумении говорили друг ко другу: «Мы ничего здесь не имеем». Тогда один из них сказал: «Точно, мы ничего не имеем здесь, кроме одного хлеба, который дан Петром Христу, два дня тому назад, и то поневоле». Они положили хлеб в другую чашу весов, и она тотчас начала перетягивать первую. Тогда световидные мужи сказали мытарю: «Иди, убогий Петр, приложи к этому хлебу, чтоб темнообразные мурины не похитили тебя и не ввергли в вечную муку». Петр выздоровел, сделался необыкновенно милостивым к нищей братии, истощил на них все весьма значительное имение свое, рабам дал свободу и, переселившись в Иерусалим, продал себя в раба одному из благочестивых жителей Святого Града, чтоб смирением еще ближе усвоиться Богу, Которому он уже усвоился милостынею. Петр сподобился великих духовных дарований[1]. — В Киево-Печерском монастыре был инок Арефа; он имел значительное богатство и хранил сокровище в келлии, будучи крайне скуп не только к нищим, но и к самому себе. Воры ночью обокрали его. Арефа впал в тоску, едва не наложил на себя рук; стал разыскивать об украденном имении и подвергать неприятностям многих невинных. Братия упрашивали его прекратить такие разыскания и возложить печаль свою на Господа[2]; но он не хотел и слышать увещаний, отвечал на их жестко и грубо. Чрез несколько дней Арефа впал в тяжкую болезнь и приблизился к смерти. Братия собрались к нему; он лежал как мертвый, ничего не говоря; потом внезапно, вслух всем, начал вопиять громким голосом: «Господи помилуй! Господи прости! Господи согрешил! имение — Твое! не жалею о нем!» Он немедленно выздоровел и так поведал братии о причине своих восклица-

---

[1] Четьи-Минеи, сентября 22 дня. ‖ [2] Пс. 56. 23.

ний: «Я видел, — говорил он, — что пришли ко мне Ангелы и полк бесов. Они начали препираться обо мне по поводу украденного моего богатства. Бесы говорили: “Он по этому случаю не воздал хвалы Богу, но роптал, и потому он наш, и должен быть предан нам”. Ангелы сказали мне: “Несчастный человек! если б ты, при случившемся похищении у тебя имения, принес Богу благодарение, то похищение имения вменилось тебе в милостыню, как Иову. Когда кто подает милостыню — это велико пред Богом, потому что подавший поступает так из своего благого произволения; претерпевающему же с благодарением насильственное похищение вменяется искушение, нанесенное диаволом, в благое произволение. Диавол, хотя ввергнул человека в злохуление, устрояет похищение его имения; но человек, который благодарит Бога, все предавая Богу, поступает одинаково с милостивым раздаятелем”. Когда Ангелы сказали мне это, я воскликнул: “Господи, прости! Господи, я согрешил! имение принадлежит Тебе; не жалею о нем!” — тогда бесы исчезли, а святые Ангелы возрадовались и, вменив мне украденные деньги в милостыню, удалились». После этого видения Арефа изменился и в образе мыслей и в нраве, проводил самую добродетельную, подвижническую жизнь, богатея в Бога: он сподобился блаженной кончины, и блаженство свое засвидетельствовал нетлением мощей своих: они почивают в пещерах с мощами прочих преподобных Отцов, к лику которых Арефа справедливо причислен Святою Церковию[1]. — В той же Киево-Печерской лавре жил слепой старец Феофил, непрестанно погружавшийся в покаяние и, по причине непрестанного умиления, непрестанно проливавший обильные слезы, чтó признается верным признаком святой души, переселившейся в вечность помышлениями своими еще во время пребывания своего на земле[2]. Феофил плакал над сосудом и в него собрал значительное количество слез. Это было следствием непонятого им тонкого самомнения, столько душевредного для подвижника, который не должен давать никакой цены своим подвигам, вполне предоставляя оценку их Богу[3]. За три дня до кончины своей Феофил прозрел, как ему то было предсказано его наставником, преподобным Марком. Поняв, что настало время преселения в вечность, Феофил удвоил свой плач и, имея в виду накопленные им слезы в сосуде, умолял Бога, чтоб слезы его были приняты. Внезапно предстал пред ним Ангел с благоухающим сосудом и сказал ему: Феофил! хорошо, что молился и плакал: но напрасно ты хвалишься слезами, собранными

[1] Четьи-Минеи, октября в 24 день. ‖ [2] Преподобного Исаака Сирского Слово 65. ‖ [3] Флп. 3. 12–14.

тобою в сосуд. Вот сосуд, гораздо больший того, наполненный твоими же слезами, которые ты изливал при усердной молитве и отирал или рукою, или платком, или оставлял падать на землю или одежды твои. Я собрал их по повелению Владыки и Творца моего, а теперь послан возвестить тебе радость преселения к Тому, Кто сказал: *Блаженни плачущии, яко тии утешатся*[1]. — Из приведенных здесь событий ясно усматривается общий характер явления духов, устрояемого Промыслом Божиим. По смотрению Божию являются духи только во время крайней нужды, с целию спасения и исправления человеков; являются таким образом, что явление их не может иметь вредных последствий. Петр и Арефа извлечены были из пропасти греховной страхом от виденного ими состязания Ангелов с бесами, а Феофил, которого недостаток заключался не в образе жизни, а в образе мыслей, наставлен смиренномудрию и вместе извещен об ожидающем его блаженстве. Он не мог превознестись явлением ему Ангела и обетованием блаженства, потому что при этом обнаружен ему его недостаток и объявлено о спасении пред самою смертию как о даре, дарованном единственно милостию Божиею. Только совершеннейшим христианам, преимущественно из иноков, сподобившимся прозреть душевными очами, был открыт мир духов: но таких христиан и в самые цветущие времена иночества было очень мало, по свидетельству преподобного Макария Великого[2]. Свойство всех видений, посылаемых Богом, замечает святой Иоанн Лествичник, заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознания своих греховности и ничтожества. Напротив того, видения, в которые мы вторгаемся произвольно, в противность воле Божией, вводят нас в высокоумие, в самомнение, доставляют радость, которая не что иное, как непонимаемое нами удовлетворение наших тщеславия и самомнения[3]. Демоны, являясь наиболее в виде Ангелов, стараются польстить человеку похвалою, потешить его любопытство и тщеславие; затем они удобно ввергают его в самообольщение и наносят ему сильнейший, более или менее явный, душевный вред.

Мысль, что в чувственном видении духов заключается что-либо особенно важное, ошибочна. Чувственное видение, без духовного, не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения духов

---

[1] *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5. 4). Четьи-Минеи, декабря в 29 день. ‖ [2] Беседа 8, гл. 6. ‖ [3] Лествицы Слово 3, о сониях.

достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни. Кто видит духов и находится в чувственном общении с ними? Волхвы, отрекшиеся от Бога и признавшие богом сатану[1]; люди, предавшиеся страстям и, для удовлетворения их, прибегшие к волхвам, при посредстве их вступившие в явное общение с падшими духами, что совершается под непременным условием отречения от Христа[2]: люди, истощенные пьянством и развратною жизнию; подвижники, впавшие в самомнение и гордость; весьма немногие способны к нему по естественному сложению; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях человек не подлежит порицанию, но должен приложить все тщание, чтоб выйти из этого положения, как весьма опасного. В наше время многие позволяют себе входить в общение с падшими духами посредством магнетизма, причем падшие духи обыкновенно являются в виде светлых Ангелов, обольщают и обманывают различными интересными сказками, перемешивая правду со лжею, — всегда причиняют крайнее душевное и даже умственное расстройство. Употребление магнетизма есть отрасль волхвования. При нем нет явного отречения от Бога, но несомненно имеется отречение прикрытое, так как в настоящее время вообще диавол очень прикрывает свои сети, более заботясь об уничтожении существенного, нежели наружного. Оставя без всякого внимания постановления Божии, не справясь тщательно угодно ли Богу, сообразно ли воле Божией предпринимаемое, легкомысленный испытатель таинственного слепо вверяется действию магнетизма, без всякой предосторожности вступает в общение с духами, верит им и вверяется, действует под их наставлением. Что это, как не отступление от Бога?

Случалось, что, по особенному смотрению Божию, святые духи являлись людям порочной жизни, и даже идолопоклонникам. Этим людям не принесло никакой пользы явление им святых Ангелов; да оно и устраивалось не для их личностей и потому не служило признаком их достоинства. Священное Писание повествует, что в то время, когда патриарх Иаков ушел тайно из Месопотамии от тестя своего Лавана, идолопоклонника, и Лаван пустился в погоню за зятем,

[1] Святой апостол Павел определил так значение волхва: *исполненный всякого коварства и всякого злодеяния, сын диавола, враг всякой правды* (Деян. 13. 10). При чтении Четьих-Миней можно получить достаточное понятие о волхвах. ‖ [2] Четьи-Минеи, смотри житие Василия Великого, 1 января; Повесть о Ософиле, падшем и покаявшемся, июня в 23 день.

приде Бог (здесь надо разуметь Ангела Божия: посланный назван именем Пославшего) *к Лавану Сирину нощию во сне, и рече ему: блюди себе, да не како возглаголеши Иакову зла*[1]. Идолопоклоннику Лавану явился Бог не для Лавана, а для того, чтоб доставить спасение Иакову. Идолопоклонник остался идолопоклонником, несмотря на то, что видел Бога лицем к лицу и беседовал с Ним. Чувственное видение не принесло никакой пользы, потому что ему не предшествовало познание. Увидев истинного Бога, идолопоклонник не престает признавать богами идолов своих; он говорит о них: *вскую украл еси боги моя?*[2] — Идолопоклонник, лжепророк и волхв Валаам видел явно на пути святого Ангела и беседовал с ним; по внушению этого Ангела произнес истинное пророчество, пророчество Боговдохновенное об израильском народе, но это не принесло ему никакой пользы: он пребыл в своем нечестии, дерзнул действовать враждебно определению Божию и подвергся казни с врагами Божиими[3]. — Саул, царь израильский, явно не отступивший от Бога, но часто преступавший повеления Божии, что вменено ему в отступление[4], довершил свои беззакония сообщением с волшебницею. Он знал, что волшебство есть тяжкий грех, ибо предал смерти всех волшебников в земле Израильской; но, увлекшись своим поведением, решился на поступок, явно богопротивный. Желая узнать, какой исход будет иметь сражение, в которое он намеревался вступить с филистимлянами, Саул просил волшебницу, чтобы она вызвала из ада душу почившего пророка Самуила для совещания с ним. Волшебница исполнила это. Явившийся на призыв ее из подземных темниц пророк предсказал царю поражение и смерть в битве. Саул, вместо того чтоб погрузиться в покаяние, впал в отчаяние; явление пророка и предузнание будущего вместо пользы принесли ему величайший вред[5]. Войско язычников, сириян, вступившее в землю Израильскую, внезапно увидело полк святых Ангелов и предалось бегству[6]. Святые Ангелы и почившие праведники подобными явлениями нередко останавливали варваров и разбойников от нападения на жилища

---

[1] *...пришел Бог к Лавану Арамеянину ночью во сне и сказал ему: берегись, не говори Иакову ни доброго, ни худого* (Быт. 31. 24). ‖ [2] *...зачем ты украл богов моих* (Быт. 31. 30). ‖ [3] Чис. 22. 23, 24, 31. ‖ [4] 1 Цар. 15. 22, 23. ‖ [5] 1 Цар. 28. — Смотри о сем различные мнения в Четьих-Минеях, марта 11, в житии священномученика Пиония, пресвитера Смернского, и в примечаниях к сему житию. Мог явиться Саулу демон в виде пророка, и наугад произнести пророчество, основанное на прежних истинных прореченьях и на ходе дела; мог явиться, по попущению Божию, и сам Самуил, ибо ветхозаветные праведники до пришествия Христова содержались во аде и находились под властью диавола, хотя и не в такой степени, в какой грешники и нечестивцы. ‖ [6] Ср.: 4 Цар. 7. 6.

угодников Божиих[1]. Да не мнят о себе что-либо увидевшие чувственно духов, даже святых Ангелов: это видение одно, само по себе, нисколько не служит свидетельством о достоинстве видевших: к нему способны не только порочные человеки, но и самые бессловесные животные[2].

Святые Отцы предпочитали всякое духовное видение видению чувственному. Великий наставник иноков, святой Исаак Сирский, сказал: «Сподобившийся увидеть себя выше сподобившегося видеть Ангелов: ибо последний входит в общение очами телесными, а первый — очами душевными»[3]. Те преподобные иноки, которые сподобились обильного видения духовного, обиловали духовным рассуждением и другими возвышеннейшими дарованиями Святого Духа: скудны были ими те преподобные Отцы, которые за простоту свою и чистоту удостоены были одного чувственного видения духов. Преподобный Даниил Скитский поведал о некотором старце весьма строгой жизни, жившем в Нижнем Египте, что он говорил по неведению: «Мельхиседек, царь Салимский, упоминаемый в Бытейской книге[4], есть Сын Божий». Это было передано блаженному Кириллу, архиепископу Александрийскому. Кирилл пригласил к себе старца, который совершал знамения, которому Бог открыл то, о чем просил старец. Архиепископ поступил очень благоразумно. Он сказал старцу: «Авва! помолись за меня. Один помысл говорит мне, что Мельхиседек есть Сын Божий, а другой помысл говорит: нет! он человек и архиерей Божий. Я колеблюсь, которому из этих помыслов поверить. По этой причине и пригласил тебя. Помолись Богу, чтоб Бог возвестил тебе это откровением». Старец, уповая на свое жительство, отвечал с решительностию: «Дай мне сроку на три дня: я попрошу Бога об этом и возвещу тебе, кто Мельхиседек». По прошествии трех дней старец пришел к архиепископу и говорит ему: «Мельхиседек — человек». Архиепископ отвечал: «Как ты это узнал, отец?» Старец: «Бог показал мне всех патриархов, от Адама до Мельхиседека. При этом Ангел сказал мне: вот Мельхиседек. Будь уверен, что это так». Возвратившись в келлию, старец уже сам собою проповедовал всем, что Мельхиседек человек, а не Сын Божий. Святой Кирилл возрадовался о спасении брата, который — несмотря на то что совершал знамения и получал откровения от Бога, был в общении с святыми Ангелами и с душами отшедших святых — погибал от усвоения себе богохульной мысли, не понимая своего душевного бедствия[5]. Подобное случилось с некоторым святым пресвитером

[1] Смотри житие преподобного Макария Желтоводского, июня 15, Четьи-Минеи. ‖ [2] Чис. 22. 23. ‖ [3] Слово 41. ‖ [4] Быт. 14. 18. ‖ [5] Пролог, февраля 23.

первых веков христианства. По причине чистоты и незлобия он, при служении Божественной Литургии, постоянно сподоблялся видеть Ангела, который стоял близ его. Посетил пресвитера странник-диакон. Пресвитер предложил диакону совершить с ним бескровное жертвоприношение. Когда они начали священнодействовать, диакон заметил пресвитеру, что он при молитвах произносит слова, в которых заключается еретическое богохульство. Поразило пресвитера замечание. Он обратился к Ангелу, который тут присутствовал, и спросил его: «Справедливы ли слова диакона?» Ангел отвечал: «Справедливы». «Почему же, — возразил пресвитер, — ты, находясь при мне столько времени, не сказал мне этого?» — «Богу угодно, — отвечал Ангел, — чтоб человеки наставлялись человеками». Постоянное общение с Ангелом не препятствовало святому пресвитеру коснеть в погибельном заблуждении.

Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем человекам, которые не имеют духовного видения. Здесь, на земле, образы истины перемешаны с образами лжи[1], как в стране, в которой перемешано добро со злом, как в стране изгнания падших ангелов и падших человеков. В эту страну низшел Богочеловек для спасения человеков; в эту страну прежде вочеловечения Бога-Слова святые Ангелы нисходили к человекам, как к существам падшим, но получившим обетование спасения; в эту страну, по вочеловечении Бога-Слова, нисходят святые Ангелы для вспоможения человекам, изработывающим свое спасение: но в этой же стране постоянно жительствуют и человеки, произвольно пребывающие в своем падении, и падшие ангелы, закосневшие и утвердившиеся в своем падении, во вражде к Богу. Как человеки, возлюбившие свое падение, свою греховность, употребляют все меры, чтоб привлечь всех человеков в свое направление: так в особенности заботятся об этом падшие духи. Они совершают дело погубления человеков с несравненно большим успехом, чем злонамереннейшие человеки. Повреждение человеков заключается в смешении в них добра со злом; повреждение падших духов заключается в полном преобладании зла, при совершенном отсутствии добра. Способности падших духов далеко превосходнее способностей падших человеков, которые связаны в своих начинаниях самою тяжестию и дебелостию своего тела. Демоны свободно и быстро обтекают вселенную, свободно совершают и такие дела, которые вовсе невозможны для человеков[2]. Человеки должны поневоле удовлетворять-

---

[1] Святого Исаака Сирского Слово 2. ‖ [2] Иов. 1. 7.

ся тою опытностию во зле, которую они стяжавают во время краткой земной жизни; их злые намерения уничтожаются сами собою в тот час, когда они поневоле оставляют поприще земной жизни, будучи востребованы на суд Божий и в вечность. Демонам, напротив того, предоставлено пребывать на земле со времени их окончательного падения[1] до кончины мира: всякий легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они в такое продолжительное время, при их способностях и при постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением, или увлечением. Если они и притворяются благонамеренными, то это единственно с целию вернее успеть в злом намерении. Для благонамеренности они вовсе неспособны. Видящий чувственно духов легко может быть обманут в свое повреждение и погибель. Если же он, при видении духов, окажет доверенность к ним, или легковерие, то он непременно будет обманут, непременно будет увлечен, непременно будет запечатлен непонятною для неопытных печатию обольщения, печатию страшного повреждения в своем духе, причем часто теряется возможность исправления и спасения. Со многими, с весьма многими это случалось. Случилось это не только с язычниками, которых жрецы были по большей части в открытом общении с демонами; случилось это не только с многими христианами, не знающими таин христианства, и по какому-нибудь обстоятельству вступившими в общение с духами: случалось это с многими подвижниками и иноками, не стяжавшими духовного видения духов и увидевшими их чувственно.

Одним только христианским подвижничеством доставляется правильный, законный вход в мир духов. Все прочие средства незаконны и должны быть отвергнуты как непотребные и пагубные. Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог. Когда руководит Бог, тогда отделяются призраки истины, в которые облекается ложь от истины; тогда даруется подвижнику, во-первых, духовное видение духов, подробно и с точностию обнаруживающее пред ним свойства этих духов. Уже после этого даруется некоторым подвижникам чувственное видение духов, которым пополняются познания о них, доставленные видением духовным. Злые духи связываются в своих действиях по отношению к подвижнику Христову властию и премудростию руководящего им Бога, и несмотря на то что дышат особеннейшею злобою на служителя Божия,

[1] Быт. 3. 14.

они не могут причинить ему того зла, какое бы желали. Наносимые ими напасти содействуют его преуспеянию[1].

Подробное, существенно нужное учение о духах злобы излагает преподобный Антоний Великий в поучении, которое он произнес ученикам своим. Учение это Великий заимствовал из собственных святых опытов, из обильно-благодатного состояния своего; свидетельствуется оно Священным Писанием. Антоний имел видение духов и чувственное, и духовное. То и другое видение достигли в нем высшей степени развития. По самоумерщвлению, по глубоко безмолвной жизни, по *житию на небесех*[2], куда возводил его обитавший в нем Святой Дух, Антоний, находясь еще в теле, уже как бы принадлежал к духам[3]. Постоянно находился он то в общении с святыми Ангелами, то в борьбе с демонами[4]. Наставление произнесено отшельникам — инокам, весьма преуспевшим, каковы были ученики Великого. Чувственное видение духов есть принадлежность отшельнической жизни; с общежительными иноками бесы сражаются наиболее невидимо, принося им греховные помыслы, мечтания, ощущения, очень редко являясь чувственно. Антоний Великий, достаточно обучив преподобного Павла Препростого иноческой жизни, устроил для него отшельническую келлию в значительном расстоянии от себя и ввел в нее святого ученика своего, сказав ему при этом: «Вот! благодатию Христа, даровавшего помощь, ты изучился монашеской жизни: отныне пребывай наедине, чтоб стяжать опытность в борьбе с демонами»[5].

«Писание заповедует, — говорил Антоний Великий[6], — чтоб мы *всяцем хранением блюли свое сердце*[7]. Врагов имеем страшных и коварных[8], то есть лукавых демонов; с ними предлежит нам сражение, как говорит Апостол: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[9]. Великое множество их находится в объемлющем нас воздухе; они — недалеко от нас; господствует между

---

[1] Преподобного Макария Великого Слово 4, гл. 6 и 7. || [2] *...жительство — на небесах* (Флп. 3. 20). || [3] Маронитский месяцеслов. Sancti Antonii magui opera. Patrologiae Graecae tom. XL. P. 960. || [4] Четьи-Минеи, житие преподобного Антония Великого, повесть о Зерефере. «Великий в совершенных отцех, преподобный Антоний, прозорлив сый, прешед бесовския искушения, ктому ни во что же коварство их вменяше: и многажды зряше чувственными очесы и Ангелы и бесы». || [5] Historia Lavsaica. Cap. XXVIII. Patrologiae Graecae tom. XXXIV. || [6] Patrologiae Graecae tom. XXVI. Vita s. Antonii. P. 873, 874–907, 908. || [7] *Больше всего хранимого храни сердце твое* (Притч. 4. 23). || [8] По иному чтению: «искусных в обольщении». Patrologiae tom. LXXIII. P. 137. || [9] Еф. 6. 12.

ними великое несогласие[1]. О природе и разнообразии их многое могут сказать другие, превосходящие нас в духовном преуспеянии, а нам настоит особенная нужда знать употребляемые ими против нас козни.

Во-первых, мы должны быть убеждены в том, что демоны называются демонами не потому, чтоб они были созданы в настоящем их устроении. Бог не создал ничего такого, что, само по себе, было бы злым. Демоны созданы благими. Впоследствии, отпавши от небесной мудрости, низверженные на землю, они обольстили язычников привидениями. Пламенея ненавистию к нам, христианам, они употребляют все средства к возбранению нам доступа на небеса, чтобы мы не взошли туда, откуда они ниспали. Нужна усиленная молитва, нужен великий подвиг, чтоб те, которым они являются, получив действием Духа благодать рассуждения, могли узнавать их. Некоторые из них менее злобны, другие более злобны; но у всех — одно стремление: разными способами устроять для нас падение и погибель. Многообразна их хитрость; многообразны приемы к приуготовлению козней[2]. Конечно, блаженный Апостол с последователями своими знал это с точностию. ***Не неразумеваем бо умышлений его*** (сатаны)[3]. Мы должны друг друга наставлять, заимствуя познание из тех искушений, которым подверглись от демонов; почему и я, как стяжавший некоторое опытное знание о духах, сообщаю его вам, чадам моим.

Если демоны увидят что кто-либо из христиан, в особенности из монахов, начинает подвизаться и преуспевать, то приступают к нему и тотчас начинают полагать препятствия на пути его. Препятствия эти суть греховные помышления. Не должно приходить в смущение

[1] По иному чтению: «Необычайное множество их летает в этом воздухе; не далеко от нас протекает полчище врагов» (Р. 137). ‖ [2] По иному чтению: «Бог не сотворил ничего такого, что, само по себе, было бы злым. Не по Его установлению демоны получили свое начало: причиною их превращения было не естество, а воля. Бог создал их благими; но они по произволению собственного духа низверглись с неба на землю, где, пресмыкаясь в смрадной тине, учредили нечестивые верования язычества. Ныне, терзаясь завистию к нам, они непрестанно устрояют нам всевозможные напасти, чтоб мы не наследовали престолов, которые прежде принадлежали им. Многоразлична и многообразна злоба их. Некоторые из них ниспали в самую глубину испорченности; другие по сравнению с самыми злыми, представляются не столько лютыми, но все они по возможности сил устрояют различные брани против каждой добродетели, против каждого подвижника. По этой причине необходимо просить у Бога *дар рассуждения духов* (1 Кор. 12. 10), чтоб мы, провидя козни и ухищрения их, могли против разнообразных нападений их воздымать одно и то же знамя — Крест Христов» (Р. 137). ‖ [3] ***...нам не безызвестны его умыслы*** (2 Кор. 2. 11).

и недоумение от приносимых ими искушений: они немедленно уничтожаются молитвами, постами и верою в Господа. Но будучи отражены, демоны не престают от брани: злохитро и коварно приступают они снова. Не успев обольстить сердце тайным действием при посредстве вожделений, они подступают иным путем и покушаются привести в испуг пустыми привидениями, принимая различные образы, то женщин, то зверей, то гадов, то величайших исполинов, то множества воинов. Но и этих привидений, показываемых ими, не должно страшиться: не имея никакого значения, они мгновенно исчезают, если кто потщится оградить себя верою и знамением Креста. Впрочем, они дерзки и крайне бесстыдны: побежденные при одном способе борьбы, прибегают к другому. Они представляют себя одаренными пророчеством, способными предсказывать будущее. Они вытягиваются привидением в такую высоту роста, при великом объеме в ширину, что представляются прикасающимися к крышам домов. Так действуют они с тою целию, чтоб обольстить дивами тех, кого не могли обольстить помыслами. Если же и при этом покушении они найдут душу, укрепленною верою и надеждою, то наконец приводят с собою своего начальника»[1].

Антоний говорил, что он часто видел диавола таким, каким открыл его Господь Иову в следующих словах: «*Очи его — видение денницы. Из уст его исходят аки свещы горящыя, и размещутся яко искры огненнии. Из ноздрей его исходит дым пещи горящия огнем углия. Душа его яко углие, и яко пламы из уст его исходит*[2]. Являясь таким, князь демонов, велеречивый и состарившийся во зле,

[1] По иному чтению: «Люта ненависть падших духов ко всем христианам, в особенности к монахам и к посвятившим свое девство Христу. На пути их духи расстилают сети, умы их стараются совратить противозаконными и скверными помышлениями. Но это не должно поражать вас страхом: козни демонов тотчас сокрушаются молитвами верных (христиан) к Богу и их постами. Однако если демоны прекратят брань на короткое время, то не подумайте, чтоб это было знаком совершенной победы над ними. Им обычно восставать, когда они будут уязвлены, с бо́льшею жестокостию и возобновлять нападение, изменив образ борьбы. Когда они ничего не успеют, действуя помыслами, тогда стараются поколебать страхованиями — принимают вид то женщин, то зверей, то змей, то необыкновенной величины исполинов, то являются как бы полками воинов. Все такие привидения исчезают при первом крестном знамении. Когда эти средства обмана будут познаны и останутся тщетными, тогда они начинают пророчествовать, покушаются предсказывать события наступающих дней. Когда же и в этом будут попраны, тогда призывается ими на помощь, для борьбы с подвижниками, сам начальник нечестивого их сонмища, глава и полнота всякого зла» (Р. 138). ‖ [2] *...глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя* (Иов. 41. 10–13).

старается, как я сказал, навести ужас, в чем обличает его Господь, говоря опять Иову: *вменяет железо яко плевы, медь же аки древо гнило, мнит же море, яко мироварницу и тартар бездны, якоже пленника, вменил бездну в прохождение* (в место прогулки)[1]; чрез пророка: *гнав, постигну*[2]; чрез другого пророка: *вселенную всю обыму рукою моею, яко гнездо, и яко оставленная яица возьму*[3]. Таким образом демоны хвастают и обещаются сделать то и другое, чтоб обмануть подвижников благочестия. Нам, верующим, не должно страшиться их привидений, не должно внимать их провозглашениям. Лгут они всегда, никогда не говорят ничего справедливого. Хотя диавол дерзко высказал о себе так многое[4]; однако Господь извлек его как змея на уде, возложил на него узду, как на рабочий скот, заковал в железный обруч, как беглого раба, продел в ноздри и губы его кольцо. Он связан Господом подобно воробью и предан нам в игралище. Вместе с ним низвержены его сообщники, демоны, как скорпионы и змеи, в попрание нам, христианам. Доказательством этого служит то, что мы самым образом жительства нашего боремся с диаволом, — и тот, кто похвалялся иссушить море и охватить вселенную, уже не может противостоять нашему подвижничеству, не может воспретить мне, говорящему против него. Не будем обращать никакого внимания на слова его, потому что он постоянно лжет! не будем страшиться его привидений, не имеющих, всеконечно, никакого значения! Показываемый демонами свет — неистинный: скорее он — предзнаменование и предызображение приготовленного им огня: они усиливаются являться человекам в том пламени, в котором будут гореть. Точно — они являются, но исчезнут тотчас, не повредив никого из верующих, в самой же вещи явив только образ огня, в который они будут ввергнуты. Не должно страшиться их ни по какому поводу: благодать Христова соделала все покушения их против нас тщетными[5].

---

[1] *Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево. ...Море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою* (Иов. 41. 18, 22, 23). ‖ [2] *...погонюсь, настигну...* (Исх. 15. 9.) ‖ [3] *...рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца* (Ис. 10. 14). ‖ [4] Здесь указывается на велехваление демона, изображенное в приведенных выше местах Священного Писания. ‖ [5] Великий египетский отшельник описывает велеречие, необыкновенные обещания, провозглашенные демонами с целию обольстить и обмануть человеков, также чудовищные привидения, представляемые демонами, их неимоверные и тщетные угрозы. Разнообразными средствами демоны усиливаются увлечь человеков в повиновение себе, являясь им чувственно. Внимательный делатель заповедей Христовых может усмотреть точно такое действие бесов, когда они невидимо приближаются к душе, стараются подействовать на нее помыслами и мечтаниями. Желая склонить человека к сладострастию,

Демоны — лукавы; они способны принимать разные образы и виды. Часто представляются поющими псалмы, пребывая при этом невидимыми, и вспоминают слова Писания[1]. Очень часто, когда мы читаем, они тотчас повторяют прочитанное, подобно эху. Когда спим, они возбуждают нас на молитву, чтоб не дать нам вовсе успокоиться сном. Иногда, приняв вид монахов, как бы самых благочестивых, вступают в разговор, чтоб обмануть привидением одежды и образа и обманутых увлечь, когда желают. Их никак не должно слушать, возбуждают ли они к молитве, увещавают ли, чтоб мы вовсе ничего не вкушали, обвиняют ли и обличают нас во грехах, которые знают за нами. Они делают это не с целию благочестия или добродетели, но с тем, чтобы привести простейших в отчаяние. Они представляют подвижническую жизнь бесполезною, внушают отвращение к монашеской жизни, как к невыносимо тягостной; они действуют с целию поставить всевозможные препятствия этой жизни[2].

они представляют ему в воображении животные соблазнительные образы и многочисленные средства к удовлетворению плотского вожделения. Желая обольстить тщеславием, представляют в обольстительной картине земное преуспеяние. Желая оковать сребролюбием, — представляют продолжительную и тягостную старость, также предлоги, на которых зиждется этот порок. Словом сказать, они и обольщают и угрожают — всеми средствами стараются окрасть веру в Бога, отвлечь под свое водительство. С тем, кто покорится бесам, они поступают жестоко, поступают как злейшие враги, предлагавшие все с одним намерением, с намерением нанести всевозможный вред. Склонившегося на искании славы иногда поражают бессилием сряду после сказанного повиновения лести, иногда как будто удовлетворяют в течение продолжительного времени с тем, чтоб ввести в затруднительное положение, в погибельную пропасть. Когда оставит человека десница Божия за его постоянное и намеренное порабощение страсти: тогда демоны повергают его во все виды уничижения. Они обольщают греховным наслаждением, чтоб излить в повинующегося им свою смертную горечь; они обольщают обилием благ, чтоб тем вернее ввергнуть в пропасть бедствий; они угрожают бедствиями, чтоб человек, отрекшись от упования на Бога, хранящего человеков от нашествия бедствий и в нашествии бедствий, уклонился к мерам сохранения себя, предлагаемым демонами, и впал в бедствия, самые запутанные, неисходные.

[1] *По иному чтению*: «Обычно демонам иногда петь псалмы в стройном согласии, при чем — о нечестие! — они произносят нечистыми устами святые изречения Писания» (Р. 139). ‖ [2] По иному чтению: «Когда спим, — они возбуждают нас на молитву, чтоб отнять сон всей ночи. Многие из них, принимая вид почтенных монахов, склоняют братию к подробному рассматриванию преждесодеянных грехов, известных бесам, чтоб возобновить ощущение услаждения этими грехами или чтоб привести в отчаяние. Должно презирать обличение в грехах, приносимое бесами, должно презирать их коварные советы, когда они склоняют к посту или возбуждают к всенощному бдению. Они принимают вид, нам знакомый и близкий, именно с тою целию, чтоб удобнее вредить под личиною добродетели, чтоб удобнее впустить свой яд, чтоб обмануть простосердечие благовидною наружностию. Впоследствии же — когда сблизятся с теми, которым являются —

Пророк, посланный Богом, объявляет о бедственном состоянии демонов, говоря: *Горе напаяющему подруга своего развращением мутным*[1]. Такие внушения и помыслы наветуют путь, ведущий ко спасению. Когда демоны говорили правду — говорили они правду, когда говорили: *Ты еси Святый Божий*[2]. — Господь заключал им уста и повелевал молчать, чтоб они не примесили лукавства своего к правде и чтоб научить нас решительному недоверию к демонам, хотя бы они и говорили правду. Неприлично нам, имеющим Священное Писание и свободу, дарованную Спасителем, научаться от диавола, который не сохранил собственного чина и изменился по разуму, ниспадши от духовного к плотскому. По этой причине, когда диавол покушается говорить, Писание воспрещает ему это следующими словами: *грешнику рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлеши завет Мой усты твоими*[3]. Чтоб обмануть простейших, они прибегают ко всевозможным средствам, ко всевозможному притворству, многословят, шумят, приводят в смятение, производят стук, непомерно хохочут, свищут. Если не будет обращено на них никакого внимания, то они, наконец, начинают плакать и рыдать, как побежденные.

Господь, как Бог, заключал уста демонов; нам же, наученным святыми, подобает подражать им, уподобляться им мужеством. Они, увидев что-либо такое, восклицали: *Внегда возстати грешному предо мною, онемех и смирихся, и умолчал от благ*[4]. И опять: *Аз же яко глух, не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих: и бых, яко человек не слышай*[5]. Почему мы должны даже не внимать демонам, как чуждым нам, не слушаться их ни в чем, хотя бы они возбуждали к молитве, хотя бы поучали посту. Напротив того, будем твердо держаться постановлений нашего жительства, чтоб не быть обманутыми их действиями, которые все преисполнены

внушают им, что монашеский подвиг невыносим и невозможен; представив начатое монашеское жительство бременем тяжким, приводят в безнадежие, безнадежием в уныние, унынием в совершенное расслабление» (Р. 139). Таково же коварство и такова же цель у демонов, когда они действуют помыслами или чрез людей, преданных чувственности и миру. Демоны оклеветывают монашеское жительство, называя его противоестественным и невозможным; внушением этих ложных понятий они стараются охладить ревность подвижника, ввергнуть его в небрежение о спасении, потопить в плотской жизни и в угождении страстям.

[1] *Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей* (Авв. 2. 15). ‖ [2] См.: *Ты Христос, Сын Божий* (Лк. 4. 41). ‖ [3] *Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои»* (Пс. 49. 16). ‖ [4] *...доколе нечестивый предо мною. ...Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром* (Пс. 38. 2, 3). ‖ [5] *...я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит* (Пс. 37. 14–15).

злохитрости и злонамеренности. Нечего страшиться их, хотя бы они представлялись нападающими, хотя бы угрожали смертию: они немощны, могут только угрожать, не могут сделать ничего более[1].

Сказав доселе кратко об этом предмете, не остановлюсь сказать подробнее: такое поведение возведет вас к строжайшей бдительности над собою. С пришествием Господа на землю пал враг, силы его сокрушились. Как низверженный тиран, не могущий сделать ничего, он никак не может оставаться спокойным и, по крайней мере, угрожает словами. Каждый из вас должен знать это; каждый из вас, на основании этого знания, может презирать демонов. Если б они были связаны такими телами, какими связаны мы, то без сомнения могли бы сказать: "Мы не находим людей, потому что они скрываются; если б мы находили их, то вредили бы им; также мы могли бы, замкнувши двери, скрываться от них, подобно тому как они скрываются от нас". Но положение их совсем не таково: они могут входить при запертых дверях, могут, как они, так и начальник их диавол, свободно действовать в воздушном пространстве, — готовы к нанесению зла и вреда; диавол, как сказал Господь, *человекоубийца*

[1] Благоразумное и осторожное поведение, предписываемое по отношению к демонам при чувственном явлении их, должно быть строго наблюдаемо и тогда, когда они действуют одними помыслами. Действуя помыслами, они стараются, как и при чувственном явлении, осквернить и извратить всякую добродетель своею примесию, чтоб поколебать и ниспровергнуть жительство подвижника, чтоб поколебать и ниспровергнуть в нем нравственные понятия, понятия, на которых зиждется истинно благочестивое жительство. Демоны внушают иноку возложить на себя неумеренный пост, неумеренное бдение, обременительное молитвенное правило, излишнюю скудость в одежде, излишнюю ревность к телесным трудам, чтоб ввести в высокоумие или, истощив силы и здоровье, сделать неспособным к благочестивому подвигу. Богоугодную печаль плачущего о грехах они стараются усилить, и превратить в печаль погибельную, примесив к раскаянию во грехах безнадежие в получении прощения; от безнадежия приводят к отчаянию. Выставляя любовь к ближнему в благовидный предлог, они научают часто выходить из келлии для посещения братий и в свою келлию непрестанно принимать и приглашать посетителей. Этим отторгают от плача и прочих душеполезных занятий, возможных не иначе, как на лоне уединения и безмолвия; этим вовлекают в рассеянность, от которой помрачается ум, и побеждение соблазнами делается очень удобным. В исповедание истинной веры, в это основание спасение человеков, демоны стараются ввергнуть свою примесь и святую Веру превратить в зловерие или ересь — этим уничтожить все значение Веры. Что такое — ересь? Ересь есть примесь к откровенному Богопознанию учения, заимствованного из плотского мудрования, общего отступникам духам и отступникам человекам. Откровенное Богопознание преподано Самим Богом; оно не терпит никакой примеси; оно вполне отвергается как прямым отрицанием, так и примесью. Такая примесь — отрицание прикрытое.

бе искони[1]. Несмотря на это, мы живем, даже в противудействие ему установили наше жительство: из этого явствует, что демоны лишились всякой силы. Место не служит препятствием для их кознодейства; нет у них залога, чтоб они щадили нас по причине любви к ним, что они — отнюдь не праведны и не благорасположены к нам, чтоб заботиться о исправлении нашем. Напротив того, они — злонамеренны, и ни о чем столько не стараются, как о том, чтоб наносить вред подвижникам добродетели и благочестия. Не делают они ничего только по той причине, что ничего не могут сделать, могут только угрожать; они не могут воздержаться от зла, жаждут нанести нам всякий вред, имея к этому всецело направленную волю. Вот! мы собрались и говорим против них; они знают, что соответственно нашему преуспеянию они приходят в изнеможение. Наверно — они не допускали бы жить никому из христиан, если б имели на то власть: *благочестивая жизнь по Богу мерзостна для грешника*. Не имея никакой силы, они терзаются при виде, что не могут выполнить никакого замысла своего. Утвердимся в мысли, что отнюдь не должно страшиться их. Если б они имели какую-либо власть, то не приступали бы с шумом, в разных привидениях, не устроивали бы ковов, изменяя образы; было б достаточным одного из них, чтоб исполнить желаемое им и возможное для него. Имеющий власть убить, приступает не в пустом привидении, не приводит в ужас шумом и мятежом, но действует свободно по власти своей. Напротив того, демоны, не имея никакой силы, разыгрывают как бы театральное представление, изменяя вид свой и приводя детей в ужас шумом и безобразными личинами своими: по этому самому они заслуживают презрения, как немощные. Истинный Ангел, посланный Господом против ассириян, не нуждался ни в шуме, ни в поразительной обстановке, ни в стуке, ни в плескании руками: спокойно действуя по данной власти, он убил в течение самого скорого времени сто восемьдесят пять тысяч воинов[2]. Не имеющие же никакой силы — каковы демоны — стараются лишь привести в ужас суетными привидениями.

Может быть, кто-нибудь, на основании повести об Иове, спросит в опровержение сказанному: почему же диавол, вооружившись на этого праведного мужа, возмог сделать все: и отнял имущество, и убил детей, самого поразил смрадною проказою?[3] Да ведает вопрошающий, что это совершилось не силою диавола, но силою Бога, Который предал Иова диаволу для искушения. Диавол,

[1] *...был человекоубийца от начала* (Ин. 8. 44). ‖ [2] 4 Цар. 19. 35. ‖ [3] Иов. 1. 15–22; 2. 1–17.

и именно потому, что сам ничего не мог сделать, просил дозволения сделать сделанное им. Это событие служит основанием большего презрения к врагу, который хотя и желал, но не имел возможности действовать и против одного праведного человека: если б имел, то не просил бы. Но он просил, просил не однажды, просил дважды: этим обличается его немощь и бессилие. Не удивительно, что он ничего не мог сделать Иову, когда не мог нанести вреда стадам его, без соизволения на то Бога. Даже над свиньями он не имел никакой власти: потому что демоны просили Господа, как написано в Евангелии, говоря: *повели нам ити в стадо свиное*[1]. Если они не имеют власти над свиньями: тем менее над человеками, сотворенными по подобию Божию.

Должно страшиться одного Бога: демонов должно презирать и нисколько не бояться. Чем настойчивее они действуют против нас: тем ревностнее мы должны принадлежать подвижничеству. Великое оружие против них — чистая жизнь и вера в Бога. Несомненно, что они боятся пощения, бдения, молитв, кротости, сердечного безмолвия, презрения денег и суетной славы, смирения, любви к нищим, милости, благости, более всего благочестия во Христе[2], когда видят эти добродетели в подвижниках. По этой причине они употребляют все усилия, чтоб кто-либо не попрал их: они знают благодать, которую Спаситель дал против них верующим. *Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию*[3].

Итак, если демоны будут предсказывать будущее, — никто да не внимает им. Часто они предвозвещают за несколько дней пришествие братий, — и в самом деле братия приходят. Это делают демоны не для чего иного, как только для того, чтоб внушить доверенность к себе тем, которые внимают им, чтоб подчинить их постепенно своему влиянию, и погубить. По этой причине не должно внимать им, должно отвергать слова их, когда они говорят, потому что мы нисколько не нуждаемся в них. Что удивительного в том, *что они, имея тела, более легкие, нежели каковы тела человеческия*[4], и увидев кого-либо отправившегося в дорогу, приходят прежде его и возвещают о нем? таким образом едущие на лошадях могут предупреждать пешеходов: в этом отношении они нисколько не достойны

---

[1] *...пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8. 31). ‖ [2] Под благочестием во Христе разумеется строгое православие, соединенное с строгим жительством по заповедям Евангелия. ‖ [3] *...се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10. 19). ‖ [4] Patrologiae Graecae tom. XXVI. S. Athanasii. Tom. 11. Vita s. Antonii. P. 889–890. — Λεπτοτέροις χρώμενοι σώματι μᾶλλον τῶν ἀνθρώπων и проч.

удивления. Они ничего не знают такого, что еще не совершалось: один Бог знает все события прежде совершения их. Они же, увидев что-либо, извещают об этом, перебегая поспешно. Так многим возвещают они то, что делается между нами, то есть что мы сошлись, что сговариваемся против них, прежде нежели кто-либо из нас, вышедши отсюда, мог бы пересказать об этом. Конечно — всякий проворный мальчик мог бы сделать это, предупредив идущего медленно. Сказанное мною надо так понимать. Если кто собирается в дорогу из Фиваиды или из какой другой страны: то они не знают, пойдет ли он или не пойдет. Когда же увидят, что он пошел: то бегут вперед и предвозвещают пришествие его, и он по прошествии немногих дней точно приходит. Случается же отправившимся в путь возвратиться назад: тогда демоны оказываются солгавшими[1].

Таким же образом они нередко болтают о прибыли воды в реке: увидев, что пошли большие дожди в Ефиопии, и заключая из этого, что река выступит из берегов, они, прежде нежели вода дойдет до Египта, поспешно прибегают и возвещают о наступающем наводнении. Это могли бы возвещать и человеки, если бы имели ту *способность к быстрому движению*, какую имеют демоны. Каким образом телохранитель Давида[2], взошедши на высокое место, скорее усматривал приходящего человека, нежели тот, который стоял

[1] По иному чтению: «Если б они (демоны), представляя себя имеющими предведение, возвестили о пришествии братий, и случилось, что точно придут те, о которых они предвозвещали, то и тогда не должно дозволять себе доверенности к их лжам. Они для того лишь предвозвещают о приходящих, чтоб возвещением этим насадить доверенность к себе, и после, по причине доверенности, иметь свободный доступ с своими обманами. В таких предсказаниях христианин не должен видеть никакого чуда: не только они, по тонкости (места) естества свободно странствующие повсюду, могут предупредить идущих пешком, но и человеки, севши на быстрых коней, предвозвещают о приходящих пешеходах. Они возвещают не то, что еще не начало совершаться — один Бог знает будущее, — но, увидев что-нибудь, начавшееся совершаться, возвещают о нем, и этим способом насевают, подобно ворам, доверенность к себе в неимеющих духовного разума. Таким образом мог бы юноша, одаренный быстротою бега, возвестить находящимся в дальнем расстоянии о нынешнем собрании нашем и о том, о чем мы беседуем, прежде нежели кто-нибудь из нас пришел в то место. Сказанное может быть объяснено фактами. Если кто из Фиваиды или из города какой-либо другой страны отправится в путь, то демоны, увидев его идущим, могут, по причине вышеупомянутой быстроты своей, предсказать о пришествии его. Таким же образом предсказывают они о наводнении Нила, когда увидят, что в Ефиопии пошли большие дожди, от которых река наполняясь, обыкновенно выступает из русла, перебегают в Египет и возвещают о наступлении наводнения. Это могли бы легко возвещать и человеки, если б они были одарены от природы такою быстротою» (Р. 141). ‖

[2] 2 Цар. 18. 24.

внизу; также каким образом тот из вестников, который предупредил прочих приходом, прежде их возвестил не о том, что еще не совершилось, но о том, что начало совершаться: таким образом и демоны предупреждают возвещением, единственно с целию обмана. Между тем, если по Промыслу Божию обстоятельства сложатся иначе, вода не прибудет, или путешественники не придут, тогда демоны окажутся солгавшими, а поверившие им обманутыми[1].

Так начались в древности оракулы (прорицалища) язычников; так язычники издревле обмануты демонами. Но обману положен конец. Пришел Господь, низверг демонов и ухищрения их. Ничего не знают они сами по себе, но, как тати, сказывают то, что увидят у других. Правильнее сказать: они не столько предсказывают, сколько предугадывают. По этой причине, если б они когда сказали и правду: то и тогда не заслуживают удивления. Опытные и искусные врачи, изучив какую-либо болезнь во многих больных, очень часто предсказывают о последствиях ее; и также кормчие и земледельцы, постоянно наблюдающие за состоянием воздуха, предсказывают ясную и пасмурную погоду, но приписывают эти предсказания отнюдь не Божественному откровению, а опытности и наглядности. По этой причине никто да не удивляется, если демоны, может быть, на основании подобной сметливости, скажут что-либо справедливо; никто да не подчинится влиянию их вниманием к ним. Какая может быть польза для слышащих, если они за несколько дней узнают имеющее случиться? или какая нужда знать это, если и удастся узнать справедливо? не доставляет такое знание никакого преуспеяния в добродетели, не служит свидетельством святости. Никто из нас не призывается к суду за незнание будущего; никто из получивших это знание не признается блаженным, каждый даст ответ на суде в том, сохранил ли он веру, исполнял ли в точности заповеди.

Не для того подъемлем мы многие труды, не для того проводим жизнь в подвигах, чтоб предузнавать будущее, но чтоб благоугодить Богу добродетелями. Должно прилежать молитве не для того, чтоб получить предведение будущего; не в этом заключается награда подвижничества: нам должно просить Господа, чтоб Он помог нам одержать победу над диаволом. Если же мы желаем непременно стяжать предуведение будущего, то стяжем для этого чистоту

---

[1] *По иному чтению:* «Демоны, осматривая все с величайшим тщанием, передают друг другу вести, быстро перебегая. Если случится, что начатое, по мановению Божию, не будет приведено к концу, то есть если путешественник воротится с половины дороги, или разнесены будут ветром дождливые облака, тогда открывается обман вместе и обманывавших и тех, которые верили им» (Р. 141–142).

ума. Имею убеждение, что душа, очистившись и возшедши в состояние естественное[1], соделывается прозорливою и, действием Божественного откровения, может видеть дальше и более сокровенное, нежели сколько видит диавол. Таков был ум Елисея, который видел поступки Гиезия[2], совершенные вдалеке, также видел небесное воинство, посланное в защиту ему[3] (Елисею).

Итак, если демоны придут к вам ночью и начнут говорить о будущем, поведая о себе *мы — ангелы:* то не верьте им. Они лгут. Если они будут восхвалять ваше жительство и вас называть блаженными: то не слушайте их, не обращайте внимания, даже не глядите на них; но немедленно знаменайте себя и жилище ваше крестным знамением, обращайтесь к молитве, и — увидите — они исчезнут. Они робки и чрезвычайно боятся знамения крестного: потому что Спаситель Крестом лишил их силы и предал на позор. Если они будут действовать настойчиво и бесстыдно, скача и изменяя образы гнусных личин своих, — не испугайтесь, не придите в ужас, не вверьтесь им, как бы благим. Очень скоро можно отличить, благодатию Божиею, присутствие благих духов от присутствия злых. Явление святых духов не производит смущения в душе. *Не возопиет бо святый Ангел, ниже ослабит, ниже услышится вне глас его*[4]: он столько приятен, столько благ, что от зрения его являются в душе веселие, радость, восторг[5]. Это оттого, что святым Ангелам соприсутствует Господь, Который — наша радость и сила Бога Отца. Помышления души пребывают в спокойствии, чуждыми смущения; объемлет ее желание Божественных, будущих благ; она желала бы навсегда пребыть в них и отыти отсюда со святыми Ангелами. Если же кто, как человек, устрашится явления благих Ангелов: то они немедленно отъемлют страх этот своею благостию. Так поступил Гавриил относительно Захарии[6]; так поступил Ангел, явившийся женам в гробе Господа[7], и тот, который сказал пастырям, упоминаемым в Евангелии: *не бойтеся*[8]. Страх в видевших родится не от возмущения души, но от присутствия и созерцания превосходного достоинства существ. Таковы признаки видения святых Ангелов.

Напротив того, нашествие и привидение злых духов сопровождается шумом, стукотнею, звуками и криком, подобно тому

---

[1] Состоянием естественным Отцы называют то состояние, в котором человеки сотворены; состояние падение они называют нижеестественным. || [2] 4 Цар. 5. 26. || [3] 4 Цар. 6. 17. || [4] Ср.: *не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах* (Ис. 42. 2). || [5] *По иному чтению:* «Вид святых Ангелов — приятный и спокойный: они не спорят между собою, не кричат, — столько тихи, что не слышится голос их. Являясь с благостию и тихостию, поливают в душу радость, наслаждение, извещение» (Р. 142). || [6] Лк. 1. 13. || [7] Мф. 28. 5. || [8] *...не бойтесь...* (Лк. 2. 10).

беспорядку, который производят неблаговоспитанные юноши и разбойники. От присутствия их является в душе страх, в мыслях смущение и недоумение, тоска, отвращение от подвига, леность, уныние, воспоминание о родственниках, боязнь смерти, потом греховные вожделения, охлаждение ревности к добродетелям, нравственное расстройство. Итак, если вы увидите кого-либо явившегося и вас обымет страх, но страх этот немедленно отымется, и его заступят неизреченная радость, веселие, извещение, обновление души, мир помыслов и прочее вышеупомянутое, крепость души и любовь к Богу, то будьте спокойны и молитесь; радость и такое состояние души служат признаком присутствия святых духов. Так Авраам, увидев Господа, возрадовался[1]; так Иоанн, *взыгрался от радости*[2], когда Богоматерь Мария произнесла приветствие. Если же предстанет нам какое бы то ни было явление, сопровождаемое шумом, стукотнею и обстановкою по обычаю мира, с устрашением смертию и при вышеисчисленных признаках, — знайте, что пришли духи лукавые.

И следующее да служит для вас знамением их. Если страх не будет отступать от души, то это — признак присутствия врагов. Демоны никак не отъемлют страха, как отъяли страх великий Архангел Гавриил, явившись Марии и Захарию, и Ангел, явившийся женам во гробе Господа. Напротив того, демоны, увидев, что человек испугался их, усиливают привидение, чтоб поразить бóльшим испугом и наругаться, извлекши поклонение себе. Приступив, они говорят испуганным: *Простритесь, и воздайте поклонение.* Таким образом они обманули язычников и признаны ими за богов. Господь не попускает нам быть обманутыми демонами. Когда диавол приступил к Господу с подобными привидениями, то Господь запретил ему следующими словами: *иди за Мною, сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши*[3]. Посему мы должны более и более презирать этого лукавого, принимающего на себя разные виды. Сказанное диаволу Господом, сказано ради нас, чтоб демоны, слыша от нас эти слова, сокрушались силою Господа, Который запретил им этими словами.

Не должно тщеславиться благодатною силою изгнания бесов; не должно превозноситься благодатным даром исцеления болезней. Не заслуживает удивления тот, кто изгоняет бесов, ни презрения тот, кто не изгоняет. Желающий правильно рассуждать о иноке да исследует образ подвига его. Совершение знамений есть дело

---

[1] Ин. 8. 56. || [2] Лк. 1. 41. || [3] *...отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4. 10; Втор. 13. 4).

Спасителя, а не наше: почему Он и сказал ученикам Своим: *О сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, радуйтеся же яко имена ваша написана суть на небесех*[1]. То, что имена наши написаны на небесех, служит свидетельством нашей добродетели и богоугодной жизни, а сила изгнания бесов есть дар Спасителя. По этой причине славившимся чудотворением, а не добродетелию и говорившим: *Господи, Господи! не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом?* — отвечал: *Аминь глаголю вам: не вем вас*[2]. Не ведает Господь путей, которыми идут нечестивые. Должно непрестанно молиться, как я уже сказал, о получении *дара рассуждения духов,* чтоб не вверяться *всякому духу*[3], как научает нас Писание.

Теперь хотел было я замолчать и уже более не продолжать беседы; но, чтоб вы не подумали, что сказанное мною сказано наобум, и уверились, что я поведал из знания, приобретенного опытами, соделываюсь, как *бы несмысленным*[4], продолжая слово. Господь, слышащий произносимое мною, знает чистоту сердечного намерения моего, что я не ради себя, а ради любви вашей и вашего назидания начинаю поведание о известных мне по опыту демонских кознодействиях. Сколько раз демоны называли меня блаженным, а я проклинал их во имя Господа! Сколько раз они предвозвещали мне прибыль воды в реке, а я отвечал им: какое вам дело до этого? Однажды они приступили ко мне грозно, в подобии воинов, вооруженных разным оружием, намереваясь изрубить меня. В другой раз они, приняв вид лошадей, зверей и змей, наполнили дом мой. Тогда я повторял изречение Псалма: *Сии на колесницех и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего призовем*[5]. В то время как я молился таким образом, Господь прогнал их. Однажды, в ночное время, они пришли ко мне, произведя привидение света и говоря: Антоний! мы пришли к тебе и принесли свет; я, закрыв глаза, начал молиться, и немедленно угас свет нечестивых. Чрез несколько месяцев они пришли, воспевая псалмы и произнося изречения из Священного Писания: *аз же яко глух не слышах*[6]. Случилось, что они поколебали мое жилище: я, не смутившись, пребывал в молитве. После этого они опять приходили, со стукотнею, свистом и плясанием;

[1] *...тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах* (Лк. 10. 20). ‖ [2] *Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас* (Мф. 7. 22, 23). ‖ [3] *...не всякому духу верьте* (1 Ин. 4. 1). ‖ [4] 2 Кор. 12. 11. ‖ [5] *Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся* (Пс. 19. 8). ‖ [6] *...я, как глухой, не слышу* (Пс. 37. 14).

но увидя, что я молюсь, и, лежа, совершаю умом псалмопение, они тотчас начали плакать и рыдать, как лишившиеся сил, а я воссылал славословие Господу, обуздавшему и извратившему их дерзость и свирепство.

Однажды демон явился мне в привидении необыкновенной величины и осмелился сказать: Я — Божия сила, я — Божие провидение: могу даровать тебе благо; чего ты хочешь? Но я, призвав имя Христа, дунул на него и покусился подвергнуть его побоям; на самом деле представилось мне, что я подверг его побоям![1] тотчас этот великан, со всеми его демонами, исчез. — Однажды, в то время, как я постился, диавол пришел ко мне, приняв на себя образ монаха; он как бы держал в руках хлебы и сделал мне следующее предложение: «Прекрати великое пощение твое и вкуси пищи: потому что ты — человек и подвергаешься опасности впасть в болезнь». Поняв лукавство его, я встал на молитву: не вынесши этого, он исчез, и в подобии дыма проник сквозь дверь. Сколько раз диавол представлял мне в пустыне привидение золота с тем, чтоб я хотя прикоснулся к нему или поглядел на него! Но я прибегал к оружию псалмопения, и привидение пропадало. Многократно они жестоко били меня и покрывали ранами; но я восклицал: «Ничто не отлучит меня от любви Христовой»[2]. Тогда они кидались друг на друга и поражали друг друга. Но я укрощал и прогонял их: совершал это Господь, сказавший: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша*[3]. Чада мои! помня изречение Апостола, *преобразив сия на себе*[4], чтоб вы научились не упадать духом, протекая поприще подвижничества, и не устрашиться привидений диавола и его демонов.

Поведал я это, как несмысленный, выслушайте же и следующее, чтоб проводить вам жительство без страха и преткновения. Веруйте моему нелживому сказанию. Однажды кто-то постучался в дверь моего уединенного жилища. Я вышел: предо мною стоял исполин высочайшего роста. Я спросил его: кто ты? Я — сатана, отвечал он. Опять спросил я: для чего пришел ты сюда? Он отвечал: Напрасно обвиняют меня монахи и все христиане! напрасно не престают ни на час проклинать меня. Я сказал ему: они делают это потому, что ты преследуешь их, и не даешь им спокойствия. — Не я, воз-

---

[1] Человек, при видении духов — так как это состояние находится вне обычного порядка — не может тотчас дать себе верного отчета, совершается ли видимое им на самом деле или это — только видение. Деян. 12. 9. || [2] Рим. 8. 35. || [3] *...Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию* (Лк. 10. 18). || [4] *...приложил я к себе* (1 Кор. 4. 6).

разил он на это, но они сами смущают себя, а я окончательно потерял всю силу. Неужели они не читают: *Врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси*[1]. В моем владении не осталось никакого места, ни страны, ни города. Повсюду принято христианство, а ныне и пустыни наполнились монахами. Пусть они наблюдают за собою и не обвиняют меня напрасно. Тогда, удивившись благодати Господа, я сказал демону: "Ты — ложь, всегда пребываешь ложью, и никогда не говоришь правды. Но ныне невольно сказал ты правду: потому что Христос пришествием Своим расслабил тебя, низверг и обнажил". Демон, услышав имя Спасителя и не терпя огня, исходящего из этого имени, исчез.

Если сам диавол сознается, что он не имеет никакой силы, то, всеконечно, достоин презрения нашего он, достойны презрения и демоны его. Враг со псами своими прибегают к кознодейству, а мы, зная немощь его, должны презирать его. Не будем утруждать ума нашего размышлениями, не будем рассматривать причин к испугу, не попустим себе усвоить помыслов боязни, говоря: как бы демон, напавши на меня, не ниспроверг! как бы он меня не поднял, и потом не ударил о землю! или как бы внезапным нападением не перепугал меня! Никак не попустим себе таких помыслов; не попустим себе тоски, как бы долженствующие погибнуть. Напротив того, будем более и более утверждаться верою, исполняясь радости, как долженствующие наследовать спасение, содержа в памяти, что с нами Господь, обративший в бегство и сокрушивший демонов. Также будем помышлять и непрестанно памятствовать, что, доколе Господь находится с нами, дотоле враги не могут причинить нам никакого зла. Когда они придут к нам: то поступают относительно нас соответственно тому, какими найдут нас, и приноровляют свои привидения к помышлениям, которыми тогда мы будем объяты. Если они найдут нас в страхе и смущении: то вторгаются в это состояние наше, подобно ворам, нашедшим какое-либо место, никем не охраняемое. Что помышляем мы сами: то они стараются представить в преувеличенном виде. Если они увидят, что мы испугались и вострепетали: то они соответственно нашему состоянию испуга представляют привидения и страхования, и несчастная душа подвергается наказанию на самом деле за свое внутреннее состояние. Если же они найдут нас радующимися о Господе, размышляющими о будущих благах, утвержденными в мысли, что все — в деснице Божией, что демоны вполне немощны по отношению

[1] Пс. 9. 7.

к христианам, что они ни в чем не имеют ни малейшей власти; если, говорю, они найдут душу огражденную таким оружием, то со стыдом отступают от нее. Враг нашел так вооруженным Иова, и отступил от него; Иуду же он нашел без этого оружия, и увлек в порабощение себе. Если хотим презирать врага: то да пребываем тщательно в Божественных помышлениях, да пребывает душа постоянно в радости, производимой надеждою на Бога. Тогда будем вменять позорищные представления демонов за дым; будем видеть, что они более бежат от нас, нежели преследуют нас: потому что, как я выше сказал, они — чрезвычайно трусливы; их постоянно содержит в трепете ожидаемый ими, приготовленный для них огнь геенны.

И следующее нужно знать нам для вашей безопасности. Когда представится какое-либо видение, не допусти себе испуга, но каково бы то ни было это видение, мужественно спроси его, во-первых: *Кто ты, и откуда?* Если то будет явление святых, то они успокоят тебя и страх твой обратят в радость. Если же явление — диавольское, то оно, встретив в душе твердость, немедленно придет в колебание: потому что вопрос *кто ты и откуда?* — служит признаком неустрашимой души. Сделав такой вопрос, Иисус Навин удостоверился в истине[1], а от Даниила не скрылся враг[2]».

Те из подвижников, которые не стяжали дара *рассуждения духов,* не усмотрели в себе своего падения, не поняли, что Христос для христианина — все, — что должно отвергнуть самое добро падшего естества и отречься души своей, которые по этой причине способны к самомнению в большей или меньшей степени, — подверглись великим бедствиям и самой погибели от чувственного видения духов, последовавшего по поводу изнурения плоти телесными подвигами и вкравшегося в душу самомнения. Когда духи пленят или уловят человека в тайне сердца и ума его, тогда они удобно действуют снаружи[3]. Человек вверяется лжи, думая, что он доверяет чистейшей истине. Преподобный Исаак Сирский повествует: «Некто Асинас, уроженец города Едеса, сочинитель многих трилогий, которые поются и доныне, проводил высокое (по-видимому) жительство. Он безрассудно наложил на себя труднейшие подвиги с (тайною) мыслию

[1] Нав. 5. 13. || [2] Дан. 10. 20. || [3] Иное чтение, местами вписанное здесь в выносках, есть перевод греческого текста на латинском Евагрием. Этим чтением пользовался святой Димитрий Ростовский, составляя жизнеописание преподобного Антония Великого. Евагрий сознается в недостаточной точности своего перевода, но перевод этот, будучи сделан иноком, имевшим опытное знание отшельнической жизни, имеет свою цену. «Достопамятные сказания», изречения преподобного Пимена Великого, гл. 90.

получить известность. Его прельстил диавол: он вывел его из келлии, поставил на вершине горы, именуемой Сторий, и, предварительно получив его согласие, показал ему образ колесницы и коней, причем сказал: Бог послал меня взять тебя в рай, как Илию. Асинас вдался в обольщение по младенцеумию своему, и взошел на колесницу: тогда разрушилась вся эта мечта, он низринулся с большой высоты, упал на землю и умер смертию достойною плача и вместе смеха»[1]. Очевидно: Асинас погиб по недостатку духовного знания о падших духах, о таинстве искупления человечества Богочеловеком. При этом познании не имеет места в человеке самомнение, на котором были основаны kознь и обольщение. Страшному бедствию и по той же причине подверглись два киево-печерские затворника, святые Исаакий и Никита: первому явился демон в виде Христа, второму — в виде Ангела[2]. Вполне справедливы слова святого апостола Петра: *супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит иский кого поглотити*[3]. Пожирает он немощных и младенцев по духовному разуму; не стыдится нападать и на великих угодников Божиих, надеясь и их обмануть и низложить в минуты душевного дремания или недостаточного бодрствования над собою. Средство, которое диавол употребил столь удачно против Асинаса, он хотел употребить для сокрушения преподобного Симеона Столпника. У Асинаса он извлек предварительно согласие; Столпника он хотел уловить внезапностию — погубить, отняв и время и возможность к рассмотрению приготовленного обмана. Он преобразился в светлого Ангела — предстал с колесницею и конями огненными Симеону, стоявшему на возвышенном столпе. «Услышь, Симеон! — сказал он. — Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницею и конями, чтоб взять тебя на небо, как Илию: ты достоин такой чести за святость жития твоего. Уже настал час твой, в который ты должен пожать плоды трудов твоих, и принять венец доброты от руки Господа. Иди не медля, раб Господа, да видишь Творца твоего, да поклонишься Творцу твоему, создавшему тебя по образу Своему. Да узрят тебя Ангелы и Архангелы, Пророки, Апостолы, мученики, желающие тебя видеть». Когда искуситель говорил это и этому подобное — бесы многоглаголивы и велеречивы, — преподобный не понял, что имеет дело с обольстителем. В характере Святого была особенная простота и наклонность к беспрекословному повиновению, как это легко можно усмотреть при внимательном чтении его жизнеописания.

[1] Слово 55. || [2] Четьи-Минеи, житие преподобного Исаакия 14 февраля, житие преподобного Никиты 31 января. || [3] *...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5. 8).

Симеон сказал в ответ, обратясь к Богу: «Господи! меня ли грешного Ты хочешь взять на небо?» С этими словами он поднял ногу, чтоб вступить в колесницу, а рукою сотворил на себе крестное знамение, от которого диавол, колесница с конями мгновенно исчезли[1]. Само собою разумеется, что, по причине этого искушения, Симеон еще более погрузился в смирение, еще более убоялся самомнения, которое, таясь в самой малой степени, едва не погубило его. Если святые находились в такой опасности быть обманутыми лукавыми духами, то для нас эта опасность еще страшнее. Если святые не всегда узнавали демонов, являвшихся им в виде святых и Самого Христа: то как возможно нам думать о себе, что мы безошибочно узнаем их? Одно средство спасения от духов заключается в том, чтоб решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя к таким видению и общению неспособными.

Святые наставники христианского подвижничества, просвещенные и наученные Святым Духом, постигая благодетельную и богомудрую причину, по которой души человеческие во время пребывания своего на земле прикрыты телами, как завесами и покровами, заповедуют благочестивым подвижникам не вверяться никакому образу или видению, если они внезапно представятся, не входить с ними в беседу, не обращать на них внимания. Они заповедуют при таких явлениях ограждать себя знамением креста, закрывать глаза и, в решительном сознании своего недостоинства и неспособности к видению святых духов, молить Бога, чтоб Он прикрыл нас от всех козней и обольщений, злохитро расставляемых человекам духами злобы, зараженными неисцельною ненавистию и завистию к человекам. Падшие духи так ненавидят род человеческий, что, если б им было попущено невидимо удерживающею их десницею Божиею, то они истребили бы нас мгновенно[2]. Учение о вышесказанной осторожности и о спасительной недоверчивости к явлениям духов принято всею Церковию: оно есть одно из ее нравственных Преданий, которое чада ее должны хранить тщательно и неупустительно. Святые Ксанфопулы говорят: «Никогда не прими, если б ты увидел что-либо чувственно или умом внутри или вне тебя, хотя бы то был вид как бы Христа, или Ангела, или какого Святого, или мечтание света; но пребывай не веруя этому и негодуя об этом»[3]. В Прологе читаем о сем следующее наставление: «Некоторому монаху явился диавол, преобразившись в светлого Ангела, и сказал ему: "Я — Гавриил; послан Богом к тебе". Монах

[1] Четьи-Минеи, 1 сентября. || [2] Преподобного Макария Великого Беседа 26, гл. 3. || [3] Добротолюбие. Ч. 2. Гл. 73.

отвечал: "Смотри: не к другому ли кому ты послан: потому что я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела". Посрамленный этим ответом, демон тотчас исчез. По этой причине и говорят старцы: если и в самом деле явится кому Ангел, не прими его, но смирись, говоря: я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела. Некоторый старец говорил о себе: пребывая и подвизаясь в келлии моей, я видел бесов наяву, но не обращал на них никакого внимания. Диавол, видя, что он побежден, пришел однажды к старцу (преобразившись и в великом свете), говоря: я — Христос. Старец, увидев его, зажал глаза и сказал: я недостоин видеть Христа, Который Сам сказал: *мнози приидут во имя Мое, глаголюще, аз есмь Христос: и многи прельстят*[1]. Диавол, услышав это, исчез; старец же прославил Бога. Сказали старцы: никак не желай видеть чувственно Христа или Ангела, чтоб тебе окончательно не сойти с ума, приняв волка вместо пастыря и воздав поклонение врагам твоим, бесам[2]. Начало обольщения ума — тщеславие: увлекаемый им подвижник покушается образами и подобиями представить себе Божество. И это тебе должно знать, что иногда бесы разделяются на части: сперва одни приходят в своем виде, потом другие — в виде Ангелов, как бы в помощь тебе»[3]. Пр. Григорий Синаит в наставлениях своих безмолвнику говорит: «Хочу, чтоб ты имел точное понятие о прелести, чтоб тебе охраниться от нее, чтоб ты, в неведении, устремившись (ко лжи, прикрытой личиною добра), не получил величайшего вреда и не погубил души твоей. Самовластие человека (свободная воля) удобно преклоняется к общению с сопротивными (с падшими духами), особливо самовластие неимеющих духовного знания (разума), как находящихся под постоянным влиянием их (духов). Бесы близки к новоначальным и самочинным, окружают их, распростирая сети помыслов, рвы падений и мечтаний пагубу: ибо град их (ум и сердце новоначальных и самочинных) находится в обладании варваров. И не должно удивляться, если кто прельстится, или сошел с ума, принял или принимает прелесть, или видит что противное истине, или говорит неподобающее от неопытности и неразумия. Не удивительно, если кто новоначальный обманут обольщением и по многих трудах: ибо это случилось со многими древними и нынешними подвижниками... Ты никак не прими, если увидишь что чувственно или умом, вне

[1] *..многие придут под именем Моим, и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят* (Мф. 24. 5). || [2] Такое поклонение воздал диаволу, явившемуся в виде Христа, преподобный Исаакий Печерский и страшно пострадал. || [3] Апреля в 22 день.

или внутри себя, будет ли то образ Христа или Ангела, или какого Святого, или если возмечтается и изобразится воображением в уме свет: ибо и самому уму свойственна по естеству мечтательность, и он удобно составляет образы, какие желает, что обычно невнимающим себе строго, и чем они наносят вред самим себе... Часто попущенное Богом для доставления венца многих повредило: ибо Богу благоугодно, чтоб самовластие наше было испытано, куда оно преклонится. Если кто будет принимать, без вопрошения знающих, то, что он увидит умом или чувственно, тот удобно прельщается, или склонен к прелести, как легковерный... Немалого труда потребно, чтоб достигнуть точно истины и соделаться чистым от всего, противного благодати: ибо диавол обыкновенно показывает прелесть свою новоначальным во образе истины, преобразуя свои злохитрости как бы в нечто духовное. Почему, желающий достигнуть чистой молитвы в безмолвии, должен шествовать во многом трепете и плаче, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, чтоб ему не отпасть от Бога, не подвергнуться отлучению в этом или будущем веке. Диавол, когда увидит кого живущего плачевно, не пребывает там, боясь смирения, доставляемого плачем. Если же кто, водясь самомнением, мечтает достигнуть в нечто высокое и стяжал ревность, исходящую от сатаны, а не истинную, того сатана удобно опутывает своими сетями, как своего слугу. По этой причине великое оружие — совокуплять с молитвою и плач... Жительствующие же дерзостно и водящиеся своими разумениями, удобно повреждаются... Человек нуждается во многом рассуждении (т. е. в духовном разуме), чтоб стяжать различие добра от зла. Не вдавайся скоро и легкомысленно явлениям, но, пребывая тяжек, удерживай доброе по многом испытании, а лукавое отвергай: ибо ты обязан испытывать и рассуждать, и тогда уже веровать (тому, что окажется достойным веры). Знай, что действия благодати явственны. Их подать диавол, хотя и преобразуется, не может; не может подать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненавидения мира, не утоляет сластей и страстей, что все — действие благодати. Действие же, истекающее от диавола, есть дмение, высокомудрие, страхование и все виды злобы. От действия (произведенного на душу твою) можешь познать воссиявший свет в душе твоей, от Бога ли он, или от сатаны»[1]. Вообще и помыслы, и сердечные ощущения, и чувственные явления бесовские познаются по плодам их, по производимому ими действию в душе, как и Спаситель

[1] Последняя из глав зело полезных преподобного Григория Синаита. Добротолюбие. Ч. 1.

сказал: *От плод их познаете их*[1]. Смущение, недоумение суть верные признаки помыслов, ощущений и явлений бесовских. Но и по этим признакам может познать искусителя только обучивший в течение долгого времени чувства своего духа к различению добра от зла[2]. Преподобного Елеазара Анзерского посетил однажды святой апостол Павел и сообщил ему некоторое таинственное учение. На другой день предстало преподобному точно такое же явление. «Я плюнул ему в лицо, — пишет Елеазар в своих записках, — и сказал ему: поди прочь, обольститель, с обольщениями твоими! потому что я ощутил его сердцем моим»[3]. Вот образец действия чувств, обученных различению добра и зла! Точно так же обличил преподобный Пахомий Великий диавола, представшего ему в образе Христа[4]. Но для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и погибели заключается в решительном отречении от всякого видения, по совершенной неспособности к правильному суждению о нем.

Какая причина ужасного лицемерства духов, лицемерства ужасного и по началу своему, и по последствиям? Причина — очевидна. Всего яснее можем рассмотреть ее в самих себе: потому что человек участвует в падении отверженных ангелов, и если последует злым внушениям, приносимым ими и возникающим из падшего естества, то делается подобным демону. В числе свойств нашего падения мы замечаем сопутствующее всем беззакониям человеческим желание скрыть преступление и оправдать себя. Так поступили Адам и Ева по нарушении заповеди Божией[5], так поступил первенец их Каин по убиении брата своего, Авеля[6]. Чем дальше человек от исправления и добродетели, тем сильнее и утонченнее в нем стремление прикрывать себя лицемерством. Намеренные, отчаянные злодеи обыкновенно бывают вместе и бессовестнейшими лицемерами. Закрытые личиною лицемерия, закрытые личиною добродетели и святости, они приготовляют и совершают величайшие злодеяния. Чем искуснее сочинена личина, тем удачнее выполняется злодеяние. Личиною лицемерства прикрываются и падшие ангелы. Они — отчаянные, постоянные, неисправимые злодеи — злодействуют, наиболее принимая вид святых Ангелов, Пророков, Мучеников, Апостолов, Самого Христа. Они стараются сообразоваться с обстоятельствами, с образом мыслей человека, с наклонностями, с впечатлениями, им полученными. Некоторым

---

[1] *По плодам их узнаете их* (Мф. 7. 16, 20). || [2] Евр. 5. 14. || [3] Рукопись. || [4] Четьи-Минеи, житие преподобного Пахомия Великого, мая в 15 день. || [5] Быт. 3. || [6] Быт. 4.

подвижникам они представляют груды золота и серебра, также и прочие предметы роскоши и земного великолепия, с целию найти отголосок мечте в душевной страсти корыстолюбия и любоимения, если она таится в душе; другим подвижникам с подобною же целию представляют трапезы с обильными яствами и питиями; иным обширные залы, оглашаемые музыкою, с толпами играющих и танцующих; иным являются в виде женщин, возбуждающих вожделение и собственною красотою и искусственными украшениями. Когда падшие ангелы захотят низложить кого-либо страхом, тогда являются в виде зверей, в виде палачей, в виде тюремной и градской стражи, в виде воинов с сверкающим оружием, с пылающими факелами, — преимущественно же в виде лиц, которые когда-либо возбуждали в подвижнике страх. Иных они стараются обольстить пением, будто бы ангельским, — гармоническою музыкою, будто бы небесною. Иных покушались ввести в заблуждение гласами и порицаниями, как бы божественными. Иным они являлись в виде отсутствующих родственников и знакомых; иным являлись в каком-либо виде, свойственном человекам, уговаривая видящих, чтоб они не сомневались в них, не подумали, что они — отверженные духи, стараясь уверить, что они человеческие души, которых участь еще не решена и которые по этой причине блуждают по земле, не обретши себе пристанища; при этом они сочиняют какую-нибудь интересную сказку, способную возбудить любопытство в легкомысленных и привлечь их доверенность ко лжи, представив ее чистейшею и святою правдою. Последний способ обольщения особливо употребляется духами в наше время. Блуждающим душам доверяют и те, которые не верят существованию злых духов. Злым духам это-то и надо: тати и убийцы тогда именно могут совершать и предпринимать все злодеяния, когда те, против которых направлена их злоба, даже не верят их существованию. «Отвсюду, — говорит преподобный Макарий Великий, — вражие козни, обманы и злоковарные действия весьма осмотрительно примечати должно. Ибо яко же Дух Святый чрез Павла *«всем вся бывает, да вся приобрящет*[1], тако и лукавый дух чрез злобу всем вся старается быти, да всех низведет в пагубу»[2].

Человек произвольно отверг общение с Богом и святыми Ангелами, произвольно вступил в общение с злыми духами, в один разряд с ними, в разряд существ, отверженных Богом, враждебных Богу, подчинился злым духам. Спасение падшему человеку даро-

[1] Ср.: *Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9. 22). ‖ [2] Слово 7, гл. 7.

вано *туне* Богом; но предоставлено на произвол принять или отвергнуть это спасение. Ему дана возможность, дана благодатная сила исторгнуться из разряда падших духов, свергнуть иго их; но предоставлено на произвол и оставаться в прежнем состоянии общения с ними, порабощения им. Для человеков неизбежны или плен, или борьба. Благочестивый подвиг есть не что иное, как деятельное принятие спасения, как явление нашего произволения, показываемое и доказываемое самым опытом, самою жизнию. Весьма естественно, что падшие духи стараются удержать нас в своем плене и общении, когда мы захотим расторгнуть общение, освободиться из плена; а нам необходимо доказать наше искреннее желание свергнуть их иго приведением в действие всех зависящих от нас средств к тому. Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими. Хотя втайне руководит нас, вспомоществует нам и поборствует за нас Божественная благодать, данная нам при Святом Крещении, без которой борьба с духами и освобождение из плена их невозможны; однако сначала мы бываем окружены ими и, находясь, по причине падения, в общении с ними, должны насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения. По причине падения нашего естества в нас перемешаны добрые и правильные помышления и ощущения с помышлениями злыми и ложными. По причине смешения со вторыми и первые непотребны. Падшие духи стараются удержать нас в состоянии нашего падения, в котором мы по необходимости находимся в порабощении у них, и потому приносят нам греховные помышления и мечтания такие, которым сочувствует и которыми наслаждается наше падшее естество, или такие, в которых зло, отвергаемое даже падшим естеством, прикрыто личиною добра и истины. Действуя таким образом, чрез помыслы и мечтания, духи действуют точно так же, когда начнут являться чувственно. Общий порядок иноческого христианского подвижничества состоит в том, что инока, по вступлении его в подвиг, встречают и окружают падшие духи, сперва действуют против него помыслами и мечтаниями, а потом и чувственным образом. Это ясно видно из жизнеописания Антония, Макария, Пахомия Великих, Марка Фраческого, Марии Египетской, Андрея Христа ради юродивого, Иоанна Многострадального и всех прочих святых подвижников. Сперва они должны были бороться с помышлениями, мечтаниями и ощущениями явно греховными и прикрыто греховными; уже по прошествии долгого времени, после многих и постоянных усилий, ниспосылались им помышления и ощущения свя-

тые. Когда они достигли чувственного видения духов, то сперва встретили их полчища ангелов отверженных, а потом уже, после лютой борьбы, приближались к ним и входили в общение с ними святые Ангелы, как с отвергшими деятельно первое общение и деятельно показавшими способность ко второму общению. Это порядок в подвижничестве явил над Собою Господь Иисус Христос, Спаситель наш, восприявший все наши немощи, кроме греха: сперва предстал ему в пустыне искуситель диавол, потом, уже по побеждении диавола Господом, святые Ангелы приступили к Господу *и служаху Ему*[1], говорит Евангелие.

Юным инокам, не стяжавшим достаточного познания духов из невидимой брани с ними в помыслах и ощущениях, опытные наставники воспрещали усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при каковых подвигах духи скоро начинают являться чувственно и удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и погибели[2]. К открытой борьбе с бесами способны весьма немногие, даже из иноков, способны из них те, которые стяжали о духах подобное познание в невидимой брани с ними, обучили сердечные чувства различению добра от зла при посредстве духовного ощущения, которых подвиг осенен Божественною благодатию[3]. Единственный правильных вход в мир духов — христианское подвижничество. Единственный правильный вход к чувственному видению духов — христианское преуспеяние и совершенство. Вводит в это видение тех, которые должны взойти в него, Сам Бог. Вторгающийся в чувственное видение духов самопроизвольно поступает неправильно, незаконно, в противность воле Божией: невозможно такому избежать обмана и следующих за обманом самообольщения и повреждения. Самое намерение его имеет своим началом обман и самообольщение.

2. О духовном видении духов

Гораздо менее стеснительна для человека ограниченность его чувственного видения, слепота по отношению к первобытному зрению, произведенная падением, нежели произведенная этим же падением слепота духа[4]. Какая это слепота духа? что за слепота

[1] ...*служили Ему* (Мф. 4. 11). || [2] Лествица. Слово 27. Преподобного Нила Сорского Слово 11. Пролог января в 9 день, о монахе, прельщенном бесами. Житие преподобного Никиты Печерского. Четьи-Минеи, 31 января. || [3] Преподобный Нил Сорский, Слово 11; так рассуждают и прочие наставники христианского подвижничества. || [4] О слепоте духа много говорит святой Тихон Воронежский в келейных письмах своих. Тома 14 и 15.

духа? спросят в особенности мудрецы мира, и, не ожидая ответа, немедленно назовут пустословием и нелепостию возвещение о слепоте человеческого духа, о мертвости его. Такова эта слепота! ее безошибочно можно назвать и смертию. *Еда и мы слепи есмы?*[1] говорили слепые и надменные фарисеи Господу. Неощущение слепоты не есть признак зрения. Падшие человеки, не хотевшие сознать слепоты своей, остались слепыми, а слепорожденные, сознавшие слепоту свою, прозрели о Господе Иисусе Христе[2]. Постараемся при свете Святого Духа усмотреть слепоту нашего духа.

Слепотою поражены наши ум и сердце. По причине этой слепоты ум не может различать истинных помыслов от ложных, а сердце не может различать ощущений духовных от ощущений душевных и греховных, особливо когда последние не очень грубы. По причине слепоты духа вся деятельность наша делается ложною, как и Господь называл книжников (ученых) и фарисеев *буими и слепыми*[3], *вождями слепыми*, невходящими в Царство Небесное и непопущающими человеков входить в него.

При истинном духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас Святым Крещением, начинает исцелять нас мало-помалу от слепоты духа посредством умиления. В противоположность состоянию слепоты мы начинаем входить в состояние видения. Как в состоянии видения зритель — ум, то и видение названо святыми Отцами видением умным, то есть умственным. Как состояние видения доставляется Святым Духом, то и видение названо духовным, будучи плодом Святого Духа. Этим оно различается от созерцания. Созерцание свойственно всем человекам; каждый человек занимается созерцанием, когда захочет. Видение свойственно одним очищающим себя посредством покаяния; является оно не по произволу человека, но от прикосновения к духу нашему Духа Божия, следовательно, по всесвятой воле Всесвятого Духа. Учение о духовных или умных видениях изложено с особенною ясностию и подробностию священномучеником Петром, митрополитом Дамаска[4].

Умиление есть первое духовное ощущение, доставляемое сердцу осенившею его Божественною благодатию. Оно состоит из вкушения Богоугодной печали, растворенного благодатным утешением, и отверзает пред умом доселе не виденное им зрелище. Священное Писание говорит: *Вкусите и видите*[5]. От видения усугубляется ощущение. «От делания с понуждением рождается безмерная теплота, возгарающаяся в сердце от теплых помышлений

[1] *...неужели и мы слепы?* (Ин. 9. 40.) ‖ [2] Ин. 9. 39, 41. ‖ [3] *Безумные и слепые!* (Мф. 23. 17.) ‖ [4] Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [5] *Вкусите, и увидите* (Пс. 33. 9).

новоприходящих уму. Такое делание и хранение утончавают ум теплотою своею и доставляют ему способность видеть. От сего рождаются теплые помышления, как мы сказали, во глубине души, что называется *Видением*. Эти видения рождают (родившую) его теплоту. От этой теплоты, возрастающей от благодати Видения, рождается изобильное течение слез»[1]. Доколе действует ощущение, дотоле действует и видение. С прекращением ощущения прекращается видение. Неведомо оно приходит, неведомо отходит, не завися от нашего произвола, завися от устроения. Врата в духовное видение — смирение[2]. Постоянное пребывание умиления сопровождено с постоянным видением. Видение есть чтение и приятие духов Нового Завета. С прекращением умиления прекращается общение с Новым Заветом, является общение с Ветхим; вместо преобладания в душе смирения, непротивящегося злу[3], является правосудие, усиливающее исторгнуть око за око, зуб за зуб[4]. По этой причине преподобный Сисой Великий со стенанием говаривал: «Читаю Новый Завет, а возвращаюсь на Ветхий»[5]. Желающему постоянно пребывать в умилении и духовном видении должно заботиться о постоянном пребывании в смирении, изгоняя из себя самооправдание и осуждение ближних, вводя смирение самоукорением и сознанием своей греховности пред Богом и человеками.

Первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением. Увидев их при посредстве умиления, подвижник немедленно получает опытное познание о предшествовавшей слепоте духа своего, при которой существующее и существовавшее представлялось ему вовсе несуществовавшим и несуществующим. Это существующее при отступлении умиления опять скрывается в небытие, и снова представляется несуществующим. При появлении умиления оно опять является. Подвижник опытно переходит от сознания грехов своих к познанию своей греховности, которою заражено естество его, к познанию страстей или разнообразных недугов естества. От видения своего падения он переходит постепенно к видению падения, которым объято все естество человеческое. Затем открывается ему постепенно мир падших духов; он изучает их в своих страстях, в борьбе с ними, в приносимых духами помыслах, мечтаниях и ощущениях. Отъемлется от него обольстительное и обманчивое воззре-

---

[1] Св. Исаак Сирский, начало 59-го Слова. ‖ [2] Изречение преподобного Иоанна Колова, Алфавитный патерик. ‖ [3] Мф. 5. 39. ‖ [4] Мф. 5. 38. ‖ [5] Алфавитный патерик.

ние на земную жизнь, доселе представлявшуюся ему бесконечною: он начинает видеть грань ее — смерть; он начинает восхищаться, то есть переноситься духом, ощущением к самому часу смерти, к часу нелицеприятного суда Божия. Из своего падения он усматривает необходимость Искупителя, а прилагая заповедания Господа к своим недугам и усматривая целительное и животворное действие этих заповедей на недуги и на страждущую душу, стяжавает живую веру во Евангелие и начинает жизнию исповедовать Евангелие. В Евангелии, как бы в зеркале, еще яснее видит и падшее естество свое, и падение человечества, и лукавых духов. Ограничиваемся исчислением этих видений, как существенно нужных и скоро соделывающихся доступными для тщаливого инока; исчисление заключим словами преподобного Максима Исповедника: «невозможно уму (т. е. духу) достигнуть бесстрастия от одного деяния (т. е. от одних телесных подвигов), если не *приемлют* его многие и различные видения»[1]. Слово *приемлют* показывает, что эти видения не суть, как созерцания, произвольные состояния или сочинения ума; можно слово *приемлют* перевести словом *посетят*. Весьма естественно духу нашему стяжание бесстрастия, когда ощущения падшего естества заменятся ощущениями духовными, последующими и сопутствующими умилению, а разум естества падшего заменится духовным разумом, образующимся из понятий, доставляемых духовными видениями. Чтоб отвлечь нас от жительства по евангельским заповедям, от Христоподражательного смирения, от умиления, от духовного видения, от освобождения из рабства страстей или от бесстрастия, от воскресения душою, чтоб удержать в слепоте, в смерти, в плену у себя, падшие духи ведут с подвижниками ожесточенную брань. В этой брани истощают всю свойственную им злобу, все свойственное им лукавство. Лукавство и злоба названы здесь свойственными падшим духам не потому, чтоб они даны им были при сотворении — нет! падшие духи были сотворены добрыми, чуждыми зла, как мы это уже знаем из учения Антония Великого — потому что они произвольным падением своим усвоили себе зло, соделались чуждыми добра. Повторяем сказанное выше: падение человеков состоит в смешении добра со злом; падение демонов — в полном отвержении добра, в полном усвоении зла[2]. *Ко всем заповедям твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех*[3], говорит Святый Дух о руководстве своем человека ко спасению: так,

[1] Иноков Каллиста и Игнатия о безмолвии и молитве, гл. 68. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] Лествицы Слово 4, гл. XXXV. Этого же мнения и все святые Отцы. || [3] Ср.: *Повелениями Твоими я вразумлен; потому ненавижу всякий путь лжи* (Пс. 118. 104).

в противоположность этому, дух злобы противодействует всякой заповеди Нового Завета, ненавидит всякий образ богоугодного жительства. Но в этом-то противодействии евангельским заповедям, в содействии всем греховным наклонностям, изучаются подвижником благочестия падшие духи, усматриваются им, познаются: при познании духов, приобретенном этим средством, чувственное видение духов, если оно допустится, только пополняет познание. Точно таким образом получается познание о человеке: существенное познание человека приобретается изучением его образа мыслей и чувствований, его образа действий; чем такое изучение будет подробнее, тем познание делается определеннее. Знакомством лицом к лицу пополняется это познание; одно личное же знакомство не имеет почти никакого значения в отношении к существенному знанию человека.

Падшие духи действуют на нас различными помыслами, различными мечтаниями, различными прикосновениями. В этих действиях своих они усматриваются и изучаются. О всех этих действиях упоминает Священное Писание. Святое Евангелие изображает диавола сперва вложившим в сердце Иуды Искариотского мысль о предании Богочеловека[1], потом взошедшим в Иуду[2]. Из Евангелия явствует, что Иуда имел наклонность к сребролюбию[3] и, вопреки заповеданиям Господа, начал удовлетворять влечениям этой страсти, прикрываясь благовидным, но в сущности лукавым попечением о нищих. На основании этой страсти диавол начал внушать ему мысль о предательстве; когда Иуда усвоил диавольскую мысль о себе и решился привести ее в исполнение, тогда диавол вполне возобладал им. «Смотри, — говорит блаженный Феофилакт, — взошел в него сатана, то есть взошел в самое сердце, объял душу. Прежде он стужал ему извне страстию сребролюбия: ныне окончательно овладел им». Страшно согласиться с помыслом диавольским; за такое согласие Бог отступает от человека, и человек погибает. Это случилось с Ананиею и Сапфирою, упоминаемых в Апостольских Деяниях, которые, по принятому ими внушению диавола, согласились солгать пред Духом Святым, и немедленно, по преступлении, поражены были смертию. *Анание,* сказал святой апостол Петр, *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому, и утаити от цены села?*[4] Что мечтаниями искушает диавол человека, это видно из искушения диаволом Богочеловека: диавол показал Господу все

[1] Ин. 13. 2. ‖ [2] Ин. 13. 27. ‖ [3] Ин. 12. 6. ‖ [4] *Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?* (Деян. 5. 3).

земные царства и славу их *в часе времение*[1], то есть в мечтании. Ум наш имеет способность мышления и способность воображения; посредством первой он усвоивает понятия о предметах, посредством второй усвоивает себе образы предметов. Диавол, основываясь на первой способности, старается сообщить нам греховные помыслы, а основываясь на второй способности, старается запечатлеть соблазнительными изображениями. «Как малое и незлобивое дитя, — говорит святой Исихий, — видя какого-либо фокусника, веселится и последует фокуснику по незлобию: так и душа наша, простая и добрая, будучи такою создана Всеблагим Владыкою, увеселяется мечтательными прилогами диавола, — прельщаемая, прилепляется ко злу, как бы к добру, и перемешивает (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[2]. Мечтание бесовское действует на душу очень вредно, возбуждая в ней особенное сочувствие к греху. Являясь часто, оно может произвести неизгладимое, пагубнейшее впечатление. О том, как действует диавол на человека чрез прикосновение, читаем в книге Иова[3] и в евангельской повести о женщине, которую связал сатана особенным странным недугом[4]. От прикосновений бесовских возбуждаются плотские страсти и порождаются болезни, на которые не действуют обычные человеческие врачевания. — Все эти образы бесовских устремлений на человека можно изучить, читая жизнеописания святых и Отеческие сочинения, преимущественно составленные для назидания иноков. Но изучение из чтения очень недостаточно: для удовлетворительного познания необходимо изучение опытом. Когда же Божественною благодатию начнет очищаться дух человеческий, тогда он постепенно переходит от познания духов к духовному видению их. Это видение совершается умом и сердцем, даруется Духом Святым. Оно естественно уму и сердцу обновленным: так чувственное зрение естественно чувственному оку, которое видит не по причине научения, но по естественному свойству, а не видит только по случаю болезни, препятствующей естественному действию или прекращающей его.

Духовное видение духов совершается умом и сердцем. Обличает духов лукавых сердце; ум недостаточен для сего: ему не различить одними собственными силами образов истины от образов лжи, прикрытых образами истины. Духовное рассуждение основано на духовном ощущении, как и святой Исаак Сирский сказал:

---

[1] *...во мгновение времени* (Лк. 4. 5). ‖ [2] Слово о трезвении, гл. 43. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] Иов., гл. 1 и 2. ‖ [4] Лк. 13. 10–16.

«Духовный разум есть ощущение живота вечного»[1], или как засвидетельствовали два ученика о своем ощущении и о значении этого ощущения при беседе с Господом, Которого они не узнали ни чувственными очами, ни по соображению умственному: *не сердце ли наше горя бе в наю, егда глаголаше* (Господь) *нама на пути, и егда сказоваше нама Писания*[2]. Это-то сердце, свидетельствававшее с верностию о Господе, свидетельствует с верностию и о духах и искушает их, *аще от Бога суть*[3] или из царства тьмы и неприязни. Способно к такому свидетельству сердце, очищенное покаянием, обновленное Святым Духом; но сердце, находящееся в плену у страстей и демонов, способно только к показаниям лживым и ошибочным. По этой причине преподобный Варсонофий Великий сказал иноку, вопросившему его о том, как различать помыслы, приходящие от Бога, от естества и от демонов: «То, о чем ты спрашиваешь, относится к людям, достигшим великой меры (духовного возраста). Если внутреннее око не будет очищено многими врачеваниями, то оно не может избавиться от терний и волчцов и собрать гроздь винограда, укрепляющего и вселяющего сердце. Если человек не достигает сей меры, то не может различать (этих помыслов), но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи как хотят, особливо для тех, которые не знают козней их»[4]. Далее в этом послании великий Отец говорит: «Помыслы, происходящие от демонов, прежде всего бывают исполнены смущения и печали, и влекут вслед себя скрыто и тонко: ибо враги одеваются в одежды овчие, то есть внушают мысли, по-видимому, правые, внутренно же су́ть *волцы хищницы*[5], то есть восхищают и *прельщают сердца незлобивых*[6] тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно». — Свет, происходящий от бесов, обращается впоследствии в тьму. Что ни услышишь, или помыслишь, или увидишь, и при этом хотя на волос смутится твое сердце, — все это — от бесов. В другом послании Великий сказал: «Знай, брат, что всякий помысл, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостию; все же вражеское бывает со смущением и мятежом. Хотя (бесы) и показываются облеченными во одежду овчую, но, будучи внутренно волками хищными, обнаруживаются посредством наводимого ими

---

[1] Слово 38. ‖ [2] ...*не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?* (Лк. 24. 32). ‖ [3] ...*от Бога ли они* (1 Ин. 4. 1). ‖ [4] Ответ на вопрос 59. ‖ [5] ...*волки хищные* (Мф. 7. 15). ‖ [6] ...*обольщают сердца простодушных* (Рим. 16. 18).

смущения: ибо сказано *от плод их познаете их*[1]. Да вразумит Господь всех нас, чтоб не увлечься (мнимою) их правдою»[2]. Заключим наше Слово духовно-мудрым наставлением преподобного Макария Великого: «Любителю добродетели должно очень заботиться о стяжании рассуждения, чтоб он вполне мог различать добро от зла, чтоб мог исследовать и познавать разнообразные демонские козни, которыми диавол имеет обычай развращать под видом добрых представлений уму. Полезно быть всегда осторожным для избежания опасных последствий. По легкомыслию не поддавайся скоро внушениям духов, хотя бы то были и Ангелы Небесные, но пребывай непоколебимым, подвергая все самому тщательному исследованию, и тогда, что усмотришь истинно добрым, прими, а что окажется злым, то отвергни. Не неявны действия благодати Божией, которых грех, хотя бы и принял на себя вид добра, никак не может подать. Хотя, по Апостолу, сатана и преобразуется во Ангела Светлого[3], чтоб обольстить человека; но если бы и представлял светлые видения, то благого действия, как сказано, отнюдь подать не может, что и служит ясным его признаком. Он не может преподать ни любви к Богу и ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни обуздания помыслов, ни ненависти к миру, ни спокойствия духовного, ни вожделения небесных даров, ниже может укрощать страсти и похоти, что — явное действие благодати, ибо сказано: *Плод духовный есть любы, радость, мир* и прочее[4]. Напротив того, он удобно может сообщить человеку гордость и высокоумие, как очень способный к этому. Итак, ты можешь узнать воссиявший в душе твоей умный свет по действию его, от Бога ли он, или от сатаны. Впрочем, и самой душе, если она имеет здравое рассуждение и может различать добро от зла, немедленно делается явным то и другое по разумному чувству (духовному ощущению). Как уксус и вино по внешнему их виду одинаковы, но по вкусу язык немедленно познает различие между ними, являя что — уксус и что — вино, так и душа собственно своею силою, своим духовным чувством действительно может различать дарования Благого Духа от мечтаний лукавого»[5]. Сердце, осененное Божественною благодатию, воскресает в духовную жизнь, стяжавает духовное ощущение, неизвестное ему в состоянии падения, в котором словесные ощущения человеческого сердца умерщвлены смешением с ощущениями скотоподобными. Духовное ощущение или чувство со всею справедливостию

[1] *По плодам их узнаете их* (Мф. 7. 15, 16). ‖ [2] Ответ на вопрос 21. ‖ [3] 2 Кор. 9. 14. ‖ [4] *Плод же духа: любовь, радость, мир* (Гал. 5. 22). ‖ [5] Слово 4, гл. 13.

называется разумным: потому что податель его — *Святый Дух, Свет и Живот, и Живый Источник Умный, Дух Премудрости, Дух Разума, Бог и Боготворяй*[1]. *Вкусите и видите*[2], повторяем уже приведенное нами изречение Священного Писания. Духовное видение, от которого духовное рассуждение, является от духовного ощущения[3]. *Совершенных*, говорит Апостол, *есть твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в разсуждение добра же и зла*[4]. Итак, духовное рассуждение есть достояние совершенных христиан; участвуют в этом благе значительно преуспевшие в благочестивом подвиге; чуждо оно новоначальных и неопытных, хотя бы они были по телесному возрасту и старцы.

Что ж делать новоначальным? — Вступая в иночество, они вместе с этим вступают в борьбу с духами; какими правилами они должны руководствоваться, чтоб не сделаться жертвою своего незнания, жертвою злобы и лукавства духов? — Святые Отцы Православной Церкви отвечают на этот вопрос так: «Истинного рассуждения достигаем не иначе, как посредством истинного смирения, состоящего в том, чтобы мы открывали Отцам не только то, что делаем, но и то, что помышляем, — чтоб мы ни в чем не верили своему помыслу, но во всем последовали словам старцев и признавали добром то, что они одобрят. Это делание не только удерживает инока в истинном рассуждении и на правом пути, но и предохраняет его от всех сетей диавольских. Невозможно управляющему свою жизнь по суду и совету преуспевших пасть от обольщения бесовского: ибо прежде нежели кто сподобится дара рассуждения, само то, что он являет и открывает отцам свои помыслы, увядает их и отнимает у них силу. Как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться: так и лукавые помыслы, будучи обнаружены искреннею исповедию и объявлением их, стараются убежать от человека»[5]. Откровение помыслов и руководство советом преуспевших отцов и братий было общим деланием древнего монашества. Оно — предание Апостолов: *исповедайте друг другу*, говорит апостол Иаков, *согрешения и молитеся друг за друга яко да исцелеете*[6]; а апостол Павел поведал о себе, что он самым тщательным образом занимался назиданием каждо-

[1] Третья стихира самогласна на вечерни в Пятидесятницу. ‖ [2] *Вкусите, и увидите* (Пс. 33. 9). ‖ [3] О духовном ощущении смотри Беседу 8 преподобного Макария Великого и Слово 1 преподобного Симеона Нового Богослова. ‖ [4] *...твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла* (Евр. 5. 14). ‖ [5] Преподобного Кассиана Римлянина Слово о Рассуждении. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [6] *Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться* (Иак. 5. 16).

го христианина, старался каждого возвести в христианское совершенство, что так действовала в нем благодать Святого Духа[1]. Подобно сему поступали и святые наставники древнего монашества: будучи сосудами Святого Духа, они скоро возводили учеников своих к совершенству, соделывая их храмами Божиими. В этом со всею удовлетворенностию можно удостовериться из оставшихся нам их писаний. Не седины, не количество лет, не земная ученость, но причастие Святому Духу возводило на степень наставника и привлекало слышателей слова к говорящему Слово Божие, а не свое, человеческое слово. «Хорошо, — говорит преподобный Кассиан в вышеприведенном слове, — не утаивать своих помыслов от отцов, как я уже сказал; однако должно открывать их не кому случится, а старцам духовным, имеющим дар рассуждения, не по годам их и сединам. Многие, доверившись старости и исповедав свои помыслы, не получили врачевства, а впали в отчаяние от неискусства принявших исповедь». Преподобный авва Моисей Скитский просил себе совета у юного монаха Захарии, жившего в Скиту. Захария пал к ногам старца и сказал ему: «Отец! меня ли ты вопрошаешь?» Старец отвечал ему: «Поверь мне, сын мой Захария, что я видел сошествие Святого Духа на тебя, и потому нахожу нужным вопрошать тебя»[2]. Откровение помыслов и жительство под руководством духоносных отцов признавалось древними иноками столь необходимым, что иноки, отвергавшие это делание, причислялись к находящимся вне спасительного пути[3]. С постепенным ослаблением христианства начало постепенно ослабевать и монашество; начали умаляться живые сосуды Святого Духа; многие лицемеры, в видах корыстолюбия и приобретения человеческой славы, начали притворяться святыми и духовными, привлекать к себе неопытных искусно сочиненною личиною, повреждать и губить их. Уже Симеон Новый Богослов, живший в X веке по Рождестве Христовом, говорил: «Изучай Божественное Писание и писания святых Отцов, особливо деятельные, чтоб, с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (эти учение и поведение) как в зеркале и понимать; согласное с писанием усвоивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей»[4]. С течением времени более и более умалялись духоносные учители, как об этом с болезнованием повествуют позднейшие

[1] Кол. 1. 28, 29. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Авва Дорофей, поучение о еже не оставляти свой разум. || [4] Добротолюбие. Ч. 1, гл. 33.

святые Отцы. «Ныне таковые наставники до крайности оскудели», — говорит преподобный Нил Сорский, живший в XV веке[1]. С оскудением наставников святые Отцы, по внушению Святого Духа, благовременно и прозрительно промышлявшему о духовной потребности иноков последнего времени, составили много назидательных сочинений, совокупностию которых удовлетворительно определяется иноческий подвиг[2]. Этими святыми писаниями исполняется в некоторой степени недостаток живых органов духа. Позднейшие отцы уже более предлагают в руководство Священное Писание и писания Отеческие, как предложил их Новый Богослов, не отвергая и весьма осторожный совет с современными отцами и братиями, при всевозможном удалении от скитания и от знакомства вне и внутри монастыря, при тщательном содержании духа в мыслях и чувствованиях смирения и покаяния. Весьма затруднительно и весьма косно иноческое преуспеяние, доставляемое этим деланием; но это делание даровано Богом нашему времени, и мы обязаны с благоговением пользоваться даром Божиим, данным нам во спасение. Косность преуспеяния, многочисленность преткновений невольно смиряют дух наш, столько склонный к тщеславию и превозношению, доставляют драгоценное познание наших немощей, приводят к упованию на единое милосердие Божие. Такое *упование не посрамит*[3]. Почему не дано нам огненных крыл древнего монашества, которыми оно с быстротою и силою перелетало через море страстей, как то было открыто одному из великих древних отцов?[4] это судьбы Божии, превышающие наше понятие; исследование их нам воспрещено: оно было бы трудом тщетным, начинанием высокомерным и преступным[5], *яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? Ему слава во веки. Аминь*[6].

Заключение

Призванные милосердием Божиим к иноческому жительству, употребим все тщание для стяжания познаний и состояний духовных, существенно нужных для спасения нашего. Не будем удовле-

[1] Предисловие к уставу. ‖ [2] Эта мысль обретается в житии старца Паисия Величковского, искуснейшего наставника иноков, скончавшегося в конце XVIII столетия. Житие и писания его изданы Оптиною Пустынею в 1847 году. ‖ [3] *...надежда не постыжает* (Рим. 5. 5). ‖ [4] Алфавитный патерик, в житии преподобного Иоанна Колова. ‖ [5] Так же, в житии Антония Великого. ‖ [6] *Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Ему слава во веки, аминь* (Рим. 11. 33–36).

творять пустому любопытству, любознательности суетной и бесполезной. Страшно дозволять себе легкомыслие в подвиге святом: плодом такого легкомыслия могут быть тяжкие, неудобоисцелимые повреждения, нередко самая погибель. Постараемся снискать нищету духа, плач, кротость, алкание небесной правды. Умолим Бога, чтоб Он открыл нам грехи наши и сподобил принести в них истинное покаяние! Умолим Бога, чтоб Он открыл нам страсти наши и даровал исцеление от них! Умолим Бога, чтоб Он открыл нам падение человечества, его искупление Богочеловеком, цель нашего земного странствования и ожидающую нас вечность или в некончающихся наслаждениях, или в некончающихся мучениях, чтоб приуготовил нас и сделал способными к небесному блаженству, чтоб снял с нас те печати и уничтожил те рукописания, по которым мы должны быть низвергнуты в темницы ада! Умолим Бога, чтоб Он даровал нам чистоту и смиренномудрие, плодом которых бывает духовное рассуждение, с верностию отличающее добро от зла! Духовное рассуждение срывает личину с действия наших страстей, часто представляющегося для неопытных и страстных действием высочайшего добра и даже действием Божественной благодати; духовное рассуждение срывает личину с падших духов, которою они стараются прикрыть себя и свои козни. Умолим Бога, чтоб Он даровал нам духовное видение духов, при посредстве которого могли бы мы усматривать их и в приносимых ими нам помыслах и мечтаниях, расторгнуть общение с ними в духе нашем, свергнуть с себя иго их, избавиться из плена! В общении с падшими духами и в порабощении им заключается наша погибель. Удержимся от невежественного, пагубного желания и стремления к видениям чувственным, вне установленного Богом порядка! С покорностию и благоговением последуем учению святых Отцов, Преданию Православной Церкви! С благоговением подчинимся установлению Бога, покрывшего души наши густыми занавесами и пеленами тел на время нашего земного странствования, отделившего ими нас от духов сотворенных, заслонившего и защитившего ими нас от духов падших. Не нужно нам чувственного видения духов для совершения нашего земного, многотрудного странствования. Для этого нужен иной светильник, и он дан нам: *Светильник ногама моима — Закон Твой, и свет стезям моим*[1]. Путешествующие при постоянном сиянии светильника — Закона Божия — не будут обмануты ни страстями своими, ни падшими духами, как свидетель-

[1] *Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей* (Пс. 118. 105).

ствует Писание: *Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна*[1]. Открывает этот светильник все тайные и явные опасности на пути нашем; открывает не только наше падение, не только падших духов, но и самые чудеса Божии: *паче враг моих умудрил мя еси заповедию Твоею,* говорит Пророк. *Уклонитеся от мене лукавнующии!* — вам нет места: потому что я непрестанно упражняюсь в исследовании Закона Бога моего. Закон Его — поучение мое в течение всего дня и всей ночи, в течение всей жизни моей, которую по справедливости могу назвать днем, как освещенную Законом Божиим, и по справедливости могу назвать ночью, по преобладанию над обществом человеческим тьмы, исходящей от миродержца[2]. *Заповедь Господня светла*: она *просвещает* мысленные *очи*[3]: не может от них скрыться грех, притворяющийся добродетелию, и темный демон, принимающий личину светлого Ангела.

В свое время, назначаемое единым Богом и известное единому Богу, мы непременно вступим в мир духов. Недалеко от каждого из нас это время! Всеблагий Бог да дарует нам так провести земную жизнь, чтоб мы еще во время ее расторгли общение с духами падшими, вступили в общение с духами святыми, чтоб мы, на этом основании, совлекшись тела, были причислены к святым духам, а не к духам отверженным. Тогда, в неизреченной радости, увидим и чины святых Ангелов, и чины святых человеков в их чудных нерукотворенных обителях, на их вечном духовном празднике. Тогда познаем и узрим падшего херувима с его темными полчищами: тогда Богом даруемое зрение демонов — этих несчастнейших существ — удовлетворит вполне нашей о Господе любознательности, без всякой опасности для нас, как запечатленных перстом Божиим в неизменяемости и в неспособности к обольщению и повреждению злом. Аминь.

---

[1] *Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения* (Пс. 118. 165). ‖ [2] *Заповедью Твоею Ты соделал меня мудрее врагов моих... Удалитесь от меня, беззаконные...* (Пс. 118. 98, 115. 97.) ‖ [3] *...заповедь Господа светла, просвещает очи* (Пс. 18. 9).

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

СЛОВО О СМЕРТИ

Слово о Смерти

> Да поминаете день исхода вашего от земли Египетския вся дни жития вашего[1].

Смерть — великое таинство. Она — рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы слагаем с себя нашу грубую оболочку — тело, и душевным существом, тонким, эфирным, переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душе. Мир этот недоступен для грубых органов тела, чрез которые, во время пребывания нашего на земле, действуют чувства, принадлежащие, впрочем, собственно душе. Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна для нас, подобно прочим предметам невидимого мира. Видим только, при совершении смертного тайнодействия, бездыханность, внезапную безжизненность тела; потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в земле; там оно делается жертвою тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты бесчисленные поколения человеков. Что совершилось и совершается с душою, покинувшею тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

Сокровенное таинство — смерть! До озарения человеков светом христианства большею частию они имели о бессмертии души самые грубые и ложные понятия; величайшие мудрецы язычества только умозаключали и догадывались о нем. Однако сердце и падшего человека, как ни было мрачно и тупо, постоянно осязало, так сказать, свою вечность. Все идолопоклоннические верования служат тому доказательством: все они обещают человеку загробную жизнь — жизнь или счастливую, или несчастную, соответственно земным заслугам.

---

[1] *...дабы ты помнил день исшествия своего из земли Египетской во все дни жизни твоей* (Втор. 16. 3).

Необходимо нам, кратковременным странникам на земле, узнать нашу участь в вечности. Если во время краткого здешнего странствования наши заботы сосредоточены на том, чтоб устранить от себя все печальное и окружить себя всем приятным, тем более должны мы озаботиться об участи нашей в вечности. Что совершает с нами смерть? Что предстоит душе за пределом вещественности? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые человеками на земле произвольно и невольно? Неужели нет этого воздаяния, тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает? Необходимо, необходимо нам раскрыть таинство смерти и увидеть невидимую телесными очами загробную будущность человека.

Таинство смерти объясняется нам словом Божиим, а посредством действия Святаго Духа соделывается даже доступным и открытым для чувств, очищенных и утонченных благодатию: *Святый Дух*, сказал апостол Павел, *испытует глубины Божия*, не только человеческие[1].

Смерть — разлучение души с телом, соединенных волею Божиею и волею Божиею паки разделяемых. Смерть — разлучение души с телом вследствие нашего падения, от которого тело престало быть нетленным, каким первоначально создано Создателем. Смерть — казнь бессмертного человека, которою он поражен за преслушание Бога. Смертию болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его и отдельно существует тело его.

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято: оно продолжает существовать в самом тлении своем; оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душою, после которого оно соделается уже неприкосновенным для этой видимой смерти. Тела особенных избранников Божиих противостоят тлению, будучи проникнуты обильно благодатию Божиею, и в самой сени смертной являют начала своего славного воскресения. Вместо зловония они издают благоухание; вместо того, чтоб разливать вокруг смертоносную заразу, они разливают исцеление всех недугов, разливают жизнь. Такие тела вместе мертвы и живы — мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святого Духа. Они свидетельствуют, в каком величии и свя-

[1] *...ибо Дух все проницает, и глубины Божии* (1 Кор. 2. 10).

тости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением.

В то время, как тело уснуло сном смертным, что совершается с душою? Слово Божие открывает нам, что наши души, по разлучении их с телами, присоединяются — соответственно усвоенным ими в земной жизни добрым или злым качествам — к Ангелам света или к ангелам падшим. С ангелами они составляют, по естеству своему, один разряд существ, разделяясь по качеству, подобно им, добром или злом, усвоенными свободным произволением естеству, в первобытности непорочному и святому. Неоспоримые доказательства этому находим в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Господь обетовал покаявшемуся разбойнику немедленное преселение душою с креста в рай. *Аминь глаголю тебе,* сказал Он ему, *днесь со Мною будеши в раи*[1]. Страдалец, нищий Лазарь, отнесен был, по кончине своей, Ангелами в отделение рая, называемое лоном Авраамовым, а умерший немилосердый богач, веселившийся во время земной жизни *на вся дни светло,* был низвергнут в ад[2]. Души праведных, разлучившиеся с телами, наслаждаются блаженством на небе в ожидании воскресения тел, как повествует тайноведец Иоанн Богослов[3]; во аде, в ужасных муках, ожидают его грешники[4]. Когда вострубит труба воскресения, тогда рай представит небожителей для славного соединения с телами их, которые оживут от гласа Сына Божия[5], как услышал этот голос четверодневный и уже смердящий Лазарь и ожил: ад представит мертвецов своих для Страшного Суда и окончательного приговора. По изречении приговора и по исполнении его усугубится блаженство праведников, — грешники возвратятся в ад свой для сугубого мучения[6]. О состоянии праведников по воскресении Господь возвестил, что они *яко Ангели Божии на небеси суть, равни бо суть Ангелом*[7]. Предвозвещая о Своем втором пришествии и Страшном Суде, Господь сказал, что тогда Он речет стоящим одесную Его праведникам: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира;* а стоящим ошуюю грешникам речет: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его*[8]. И то достоверно, что воздая-

---

[1] *...истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23. 43). || [2] *...и каждый день пиршествовал блистательно* (Лк. 16. 19–31). || [3] Откр. 6. 10, 11. || [4] Откр. 20. 13. || [5] Ин. 5. 25. || [6] Пс. 9. 18. || [7] *... пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Мф. 22. 30); *...равны Ангелам* (Лк. 20. 36). || [8] *...приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира; ...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25. 34, 41).

ние как праведников, так и грешников весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому человеку *по делом его*[1]. Не только небесных обителей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество различных темниц и различного рода мучения: согрешивший в ведении *биен будет много,* согрешивший в неведении *биен будет мало*[2].

Христиане, одни православные христиане, и притом проведшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедию пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, то есть неверующие во Христа, злочестивые, то есть еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах или впали в какой-либо смертный грех и не уврачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в Послании своем говорят: «Души людей, впавших в смертные грехи и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящею жизнию покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближним, что все Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным, — души таких людей нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же получают они по бесконечной благости, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силою Бескровной Жертвы, которую в частности приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь»[3]. *Смерть грешников люта*[4], говорит Писание, а для благочестивых и святых она — переход от молв и смятений житейских к нерушимому спокойствию, от непрерывных страданий к непрерывному и некончающемуся блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сонмом святых Ангелов и бесчисленным сонмом святых человеков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовию к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий рассуждает об этом предмете следующим образом: «Когда исходит из тела душа чело-

[1] *...по делам его* (Откр. 22. 12). || [2] *...бит будет много; ...бит будет меньше* (Лк. 12. 47, 48). || [3] Член. 18. || [4] *Убьет грешника зло* (Пс. 33. 22).

веческая, тогда совершается некое великое таинство. Если она повинна будет греху, то приступают к ней полчища демонов и ангелы сопротивные и силы темные и похищают душу в область свою. И не должно сему как бы необычайному удивляться. Если человек, живя еще в сем веке, им покорился и повиновался, и соделался их рабом, тем более, когда исходит от мира, бывает ими пленен и порабощен. Также, напротив, в отношении лучшего состояния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне предстоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А когда из тела изыдут, лики Ангельские, восприяв их душу, относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Господу»[1].

Уже то самое, что для душ человеческих предназначено одно место жительства, одинаковое наслаждение и одинаковая казнь с ангелами, служит указанием, что души — существа по всему подобные ангелам. Это очевидно из вышеприведенных слов Господа, сказавшего, что праведные человеки по воскресении подобны и равны Ангелам. Древним праведникам Аврааму, Лоту, Иакову и другим Ангелы являлись в виде мужей, и не вдруг познавали праведники, что явившиеся им не человеки, а бесплотные. По Воскресении Христовом Ангелы явились женам-мироносицам в образе мужей, облеченных в блестящие белые ризы[2]; при Вознесении Христовом они явились Апостолам также в виде мужей, одеянных в белую одежду[3]. Святые Отцы часто видели Ангелов светлыми белоризцами, а демонов — черными безобразными эфиопами. Господь, по Воскресении Своем, внезапно стал посреди Апостолов, находившихся вместе в горнице. Апостолы устрашились, полагая, что видят дух; но Господь успокоил их, объяснив разность между явлением духа и явлением Своим в прославленном теле. *Что смущени есте,* сказал Он им, *и почто помышления входят в сердца ваша? Видите руце Мои и нозе Мои, яко Сам Аз есмь: осяжите Мя и видите: яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща*[4]. Здесь не сказано, что дух не имеет никакого вида. Мало этого: предоставлено признавать, что духи, то есть ангелы и души, имеют вид; сказано только, что они не имеют плоти и костей, которые сохранило тело Христово и в прославленном его состоянии. Выразили свое понятие христиане иерусалимские, понятие, что духи имеют вид, признав духом виденного отроковицею Роди апостола

[1] Беседа 22. ‖ [2] Лк. 24. 4; Ин. 20. 12. ‖ [3] Деян. 1. 10. ‖ [4] *...что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24. 38, 39).

Петра, чудесно избавившегося из темницы. *Ангел его есть*[1], сказали они. Святой Макарий Великий говорит, что Ангелы имеют образ и вид, так как и душа имеет свой образ и вид, и что этот образ, наружный вид как ангела, так и души, есть образ и вид внешнего человека в его теле[2]. Тот же угодник Божий научает, что ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они — тела тонкие, эфирные, так как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. Грубое человеческое тело служит одеждою для тонкого тела — души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены тела[3]. Когда душа разлучается с телом посредством смерти, она совлекается его, как бы одежды. Святой Макарий говорит, что совершеннейшие из христиан, очищенные и просвещенные Святым Духом, видят образ души, но такого совершенства и видения достигают между святыми весьма редкие[4]. Этот великий Отец утверждает, что у молящихся молитвою Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела особенным непостижимым действием Святого Духа[5]. И в тот век, в который процветал в пустыне Египетского Скита Великий Макарий, в век высокого подвижничества монашеского, весьма редкие между святыми иноками сподоблялись видеть образ души; тем реже они ныне. Но и ныне они встречаются, по великой милости Божией и по неложному обетованию Господа Иисуса пребывать с верными учениками Своими до скончания века. По личному свидетельству такого избранника Божия, внезапно узревшего душу свою при обильнейшем благодатном действии молитвы, исшедшею из тела и стоящею на воздухе, она — эфирное, весьма тонкое летучее тело, имеющее весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица — словом, полное сходство с ним. Не только силы ума и сердца были при душе, но при ней была вся жизнь, а тело оставалось на стуле, как мертвое, как скинутая одежда, доколе, по мановению Божию, не возвратилась в него душа так же непостижимо, как непостижимо вышла из него[6]. Ангелы подобны душе: имеют

[1] *...это Ангел его* (Деян. 12. 13–15). ‖ [2] Беседа 7. ‖ [3] Беседа 4, гл. 9; Слово 5, гл. 6. ‖ [4] Беседа 7, гл. 6, 7. ‖ [5] Слово 6, гл. 8. Описывая сверхъестественные действия Божественной благодати во время молитвы, Великий Макарий говорит: «В той час случается человеку, что с исхождением из уст молитвы исходит купно из него душа». Очевидно, что это случалось с самим святым Макарием. ‖ [6] В наше столетие, сколько известно писавшему это Слово, два инока сподобились зреть душу свою, исшедшею из тела во время молитвы: сибирский пустынник монах Василиск, скончавшийся в 1825 году, и Никифоровской пустыни схимонах Игнатий, скончавшийся в 1852 году. Последний лично открыл о себе писавшему Слово, а с ближайшими учениками первого составитель Слова удостоился сожительства и о Господе дружбы.

члены, главу, очи, уста, перси, руки, ноги, власы — словом, полное подобие видимого человека в его теле. Красота добродетели и Божия благодать сияют на лицах святых Ангелов; этот характер напечатлен на лицах и добродетельнейших христиан. Отчаянная злоба составляет характер падших ангелов; лица их похожи на безобразные лица злодеев и преступников между человеками. Так поведают видевшие Ангелов света и ангелов тьмы. Ангел и душа называются бесплотными, как не имеющие нашей плоти называются духом, как существа тонкие, совершенно отличающиеся от предметов, составляющих вещественный мир. Так называются они и на обыкновенном языке человеческом, и в Священном Писании, и в писаниях святых Отцов[1]: вещество их несравненно тоньше вещества земных предметов, нами видимых. В обыкновенном нашем состоянии падения мы не видим духов, но ощущаем влияние их на нас, если проводим внимательную, благочестивую жизнь. Благодатное, живое, мысленное ощущение духов есть духовное видение их[2]. Ветер, воздух, разные газы и испарения называются обыкновенно, и даже в Священном Писании и Отеческих писаниях, духом. Так Господь уподобил действие Святого Духа действию ветра; ветер в этом месте Евангелия назван *духом*[3]. Но в собственном, точном смысле один Бог — Дух. Он, как Существо всесовер-

---

[1] Известно, что духовные мужи и духовные письмена со всею точностию излагают мысль Духа, весьма часто употребляя слово современного человеческого общества как понятное всем, нисколько не заботясь, в каком виде эта мысль принята ученостию человеческою. Так изрек Иисус Навин: *да станет солнце* (Нав. 10. 12), — и день продлился более обыкновенного: сила Божия отозвалась духовному слову веры, немоществовавшему плотию, и тщетны возгласы человеческой учености, критикующей материальную точность слова, вызвавшего сверхъестественное событие! Вникнув в писания Отцов, найдем, что словом *дух*, по современному им понятию, весьма недавно утратившемуся, всегда именовались газы и пары, наиболее воздух, ветер и человеческое дыхание. Преподобного Григория Синаита гл. 1 из 15 глав «О безмолвии и о двух образах молитвы». Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [2] Духовное видение духов благодатною чистотою ума и сердца несравненно выше видения духов очами телесными, или душевными, когда эти очи видят только наружный образ духов. При последнем видении неопытный зритель почти всегда подвергается или обману, или душевному бедствию. Видение духовное, напротив того, есть плод благочестивой подвижнической жизни, осененной Божиею благодатию и Божиим благоволением. Оно преисполнено душевной пользы, потому что оно видит свойство духов, образ действия их и потому охраняется от духов лукавых, как и святой апостол Иоанн сказал: *рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5. 18). ‖ [3] Смотри толкование блаженного Феофилакта, епископа Болгарского, на Евангелие от Иоанна, главу 3, стих 8. Также преподобный Григорий Синаит говорит: «*Дух идеже хощет дышет* (глаголет Господь), прияв пример от дыхания чувственного ветра» (глава 3 из 15 вышеприведенных глав).

шенное, вполне отличается естеством Своим от естества тварей, как бы они ни были, сравнительно с другими тварями, тонки и совершенны. Нет существа одноестественного Богу! И потому, кроме Бога, нет другого духовного существа по естеству[1].

[1] «Бестелесным и невещественным, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — называется ангел по сравнению с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле невещественно и бестелесно» (Точное изложение Православной Веры. Книга 2, глава 3 «Об Ангелах»). «По естеству, — говорит тот же Святой, — бестелесен только Бог, Ангелы же, демоны и души бестелесны по благодати и в сравнении с грубым веществом» (Там же, гл. 12 «О человеке»). «Ниже премудрии премудростию своею, — говорит святой Макарий Великий, — ниже разумнии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказати, каким образом она существует, кроме тех, которым чрез Духа Святого открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, рассуди и внемли, и слыши, что она есть? Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Тот Создатель, а она создание; нет никакого подобия между естеством Того и сея» (Беседа 49, глава 4). — «Хотя мы называем, — говорит преподобный Кассиан Римлянин, — многие существа духовными, каковы Ангелы, Архангелы и прочие Силы, также самая душа наша, или каков этот тонкий воздух, но их никак не должно признавать бестелесными. Они имеют соответственное тело, в котором существуют, хотя несравненно тончайшее нашего тела. Они суть тела, по мнению Апостола, который сказал: *и телеса небесная, и телеса земная,* и опять: *сеется тело душевное, востает тело духовное* (1 Кор. 15. 40, 44), чем ясно указуется, что бестелесен один только Бог» (Собеседование 7, гл 13). — Преподобный Кассиан чествуется Святою Православною Церковию в лике святых угодников Божиих (память его 29 февраля), хулится и причисляется к еретикам полупелагианам [полупелагианство — богословское учение о благодати и свободе. — *Ред.*] папистами за то, что он еще в начале V века обличал римлян в отступлениях, в которых впоследствии они обличены были VI Вселенским Собором, и фактически доказывал, что христианство несравненно совершеннее развито на Востоке, чем на Западе. Сочинения преподобного Кассиана изданы, при пространных комментариях, иезуитом Аллардом Газеем. Издатель разделяет нерасположение своей секты к Преподобному, критикуя во многих местах его сочинение святое. Критикует он и мнение Преподобного, что духи суть тонкие тела (Собеседование 7, гл. 13, примечание 6 и Собеседование 8, гл. 12, примечание А). Аллард называет это мнение парадоксом (учением новым, странным) и сумасбродством, противопоставляет этому мнению мнение, как называет его, общепринятое, что ангелы вполне бесплотны, вполне духовны, невещественны. Критика, сама по себе не заслуживающая никакого внимания! К сожалению, и у нас некоторые участвуют в темном и неопределенном мнении иезуита и западных умствователей насчет бестелесности сотворенных духов. Священное Писание и святые Отцы постоянно называют их бесплотными и невещественными, но так называют их только *относительно,* относительно к грубым телам человеческим и к грубому миру вещественному, а отнюдь не относительно к Богу — единому Духу. Един Бог — вполне Дух. Ангелы, как святые, так и падшие, подчинены времени и пространству. Понятие о подчинении пространству неразлучно от понятия о подчинении форме. Отвергнув понятие о подчинении ангелов пространству, должно или вовсе отвергнуть их существование, или при-

Дух (есть) Бог[1], *творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя огнь палящь*[2], — Бог вочеловечившийся, чтоб *воврещи*[3] огнь в сердца наши, умерщвленные грехом и оледеневшие от греха, соделать нас чрез соединение с Собою пламенем и духом, неприступным для

знать их беспредельными, то есть приписать им вездесущие Божеское. Только две неопределенные величины — ничто и бесконечное — не подчиняются никакой форме; всякая, напротив того, определенная величина, как бы ни была велика или мала, непременно имеет форму, по самой определенности своей. Согласившись, что ангелы ограничены, необходимо должно принять и то, что они, по отношению к пространству, имеют форму, а по отношению к тонкости естества имеют известную степень этой тонкости, то есть неизбежно суть тела, как бы эти тела ни были тонки. Форма ограниченного существа непременно обрисовывается, так сказать, самыми его пределами, оконечностями; обрисованное таким образом существо имеет свой вид. Бесконечное не подчинено никакой форме как не имеющее ни в каком направлении никакого окончания; по этой же причине оно не может иметь никакого вида. *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1. 18). Бесконечное существо не может быть телом, потому что оно тоньше всякой превосходнейшей тонкости, оно вполне дух. Такой Дух — Существо, несравнимое ни с каким существом созданным, единое существо в точном смысле — есть Бог. Не один преподобный Кассиан был того мнения, что ангелы имеют тонкие тела, но и все те угодники Божии, которые сподобились видеть лицом к лицу Ангелов света и видели ангелов тьмы. Многие из них претерпели лютые биения от бесов (например, Антоний Великий); другие, получив силу от Бога, подвергали биению падших ангелов (см. житие св. Андрея 2 октября, житие св. мученицы Иулиании 21 декабря). Как бы могло это осуществиться, если б падшие ангелы вполне были бестелесны, как говорит о них западный писатель? Напротив того, их явную борьбу со святыми только и можно объяснить, приняв, что они имеют тонкие тела. Аллард говорит, что преподобные отцы Египетского Скита заимствовали мысль о тонкой телесности духов у греческого философа Платона (Collatio VII. Cap. XIII), но великий Макарий, основатель этого Скита, как выше приведено, утверждает, что познание о тонкости существа души, а потому и духов скрыто от премудрых земли, а доставляется единственно Святым Духом. Учение о сотворенных духах, принятое Российскою Церковию и всею Восточною Православною, изложено, хотя кратко, но весьма ясно и определенно в *Догматическом богословии Православной Кафолической Восточной Церкви*, которое, по определению Святейшего Синода, служит учебным руководством в российских семинариях. «Они (духи), — сказано в Богословии, — *бестелесны*. Впрочем, святые Отцы понимают бестелесность ангелов в *смысле ограниченном*, именно, что они *бестелесны* только *по сравнению* с нами, облеченными грубою и тяжкою плотию. Святой Иоанн Дамаскин говорит: *бестелесным и невещественным* называется ангел *по сравнению* с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. *Одно* только *Божество* в строгом смысле *невещественно*. Они — *невидимы*. Впрочем, и сие свойство принимается Отцами ограниченно: ангел, душа, демон, говорит святой Дамаскин, хотя и не имеют грубости телесной, но также имеют *вид* и *ограниченность*, свойственную своей природе. *Одно Божеское существо неописанно, совершенно безвидно, необразно и неограниченно*» (Гл. 97. С. 95 и 96, изд. 7, 1857 года).

[1] *Бог есть Дух* (Ин. 4. 24). ‖ [2] *Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь* (Евр. 1. 7). ‖ [3] *...низвести* (Лк. 12. 49).

тления и диавола. Чужды истинной жизни и истинной духовности и ангелы падшие, и души отверженных грешников[1].

Будущие жилища душ соответствуют естеству их, то есть их эфирной природе. Соответствует этой природе *эдем,* или *рай,* соответствует ей и ад. Кроме духовного наслаждения и внутреннего царства святой души, раскрывающегося в ней уже отсюда по мере ее очищения, она помещается в страну и обитель, каковым подобает быть местопребыванию души, удостоенной милостию Божиею вечного блаженства. Душа грешная, отвергнутая Богом, не только мучится своею совестию и своим состоянием отвержения, но и заключается в страшную подземную темницу, именуемую *адом, тартаром, геенною,* где подвергается лютым мукам, способным терзать ее эфирную природу. Все это сказано в Священном Писании и открывается Святым Духом, по Его избранию и усмотрению, человекам, достойным такого откровения, откровения душеполезнейшего.

Часто, когда хотим тщательно обозреть какой-либо предмет видимого мира, избираем удобное место для самих себя, с которого предмет мог бы быть удовлетворительнее виден и рассмотрен: делаем это не потому, чтоб нуждался в этом сам предмет, но потому, что мы нуждаемся пособить ограниченности нашей. Никак не лишним будет избрание для себя приличного мысленного места при нынешнем нашем рассматривании. Мы безошибочно приищем место это и станем на него, когда усмотрим и сознаем нашу ничтожность среди громадного мироздания, ничтожность наших средств к приобретению познаний, ничтожность самых познаний, нужду, настоятельную нужду, даже к самопознанию, в Божественном Откровении. Мы не видим ни рая, ни ада нашими чувственными

---

[1] «Умы некогда сущии и тии (демоны), и безвеществия онаго и тонкости отпадше, вещественную некую дебелость кийждо имать, по чину или действу втелесеваемь, по немуже действу укачествися: понеже бо и тии, подобне человеку, ангельскую сладость погубльше, наслаждения Божественнаго лишишася, и в персти, якоже и мы, наслаждение имут, вещественни некако и тии бывше вещественных страстей навыкновеньми (приятием). И чудитися недостоит, понеже и наша душа, создана бывши по образу Божию, словесна же и умна, не познавши же Бога, скотна соделася и нечувственна, и мало не безумна вещественных дел наслажденьми: обыче бо навыкновение (в рукописи: имство, то есть приятие чего-либо извне естества) претворяти естество и изменяти действо к произволению» (Преподобного Григория Синаита гл. 123. Добротолюбие. Ч. 1). Каким образом естество, чрез принятие чего-либо извне себя, подчиняется действию этого, чуждого естеству, с очевидностию можно заметить при принятии пищи и пития. Праотцы, преступив заповедь Божию, тотчас подчинились действию зла, произвольно ими принятого, хотя оно было и неестественно им.

очами; но что видим мы ими? Что видим ими — не говорю в мире духов, — что видим в этом самом чувственном мире, который с такою уверенностию называем видимым миром? Видим в нем лишь малейшую часть предметов, ничто в сравнении с целым. В этом уличают нас и телескоп и микроскоп, уличают обоняние и осязание наши, которые ощущают газы, невидимые для глаза, и тем открывают существование их, скрывающееся от зрения; уличает нас пространство, ограничивающее и затрудняющее взор наш тесным, непрестанно изменяющимся горизонтом; уличает непроницаемость земли и многих других предметов на ее поверхности; уличает нас ограниченность, крайняя ограниченность нашего зрения, не могущего видеть ни одного предмета в настоящем его виде[1], не видящего газов по их тонкости, не могущего проницать грубых предметов по их плотности, даже не могущего видеть одной стороны предмета без того, чтоб другая сторона или и многие стороны не скрывались. Что видим мы из видимой природы? — ничтожнейшую ее частичку!.. И нашу привычку к ограниченности нашего зрения считаем зрением полным и удовлетворительным. Из познания ограниченности нашей, познания смиренного и верного, благоговейно устремим взоры ума к тем предметам, которые скрыты от наших грубых чувств, но открываются нам милосердием и благодатию Божией.

Боговидец Моисей, описывая в Бытейской Книге сотворение мира, говорит, что в то же время Господь насадил на востоке *рай сладости*[2], куда и поместил первых двух человеков, родоначальников человеческого племени. *И взя Господь Бог человека, его же созда, и введе в рай сладости, делати его и хранити*[3]. Согласно этому повествованию, Господь засвидетельствовал, как выше было сказано, что Царство Небесное уготовано для человеков от сложения мира. Праотцы преступили в раю заповедь Божию; после преступления они внезапно изменились душою и телом, сделались не способными пребывать в святом рае. Тогда Бог, — говорит вдохновенный Бытописатель, — изринул человека *из рая* на землю, *и вселил* их на ней *прямо рая сладости*[4]. Слова: *прямо рая сладости* приводят к мысли, что земная природа подобна раю красотами своими, и напоминает его собою падшему человеку. Когда видим великолепие нашего изгнания —

---

[1] Известно, что ближайшие части предмета к глазу кажутся ему больше, а отдаленные меньше. На этом свойстве глаза нашего основана наука — дескриптивная, или начертательная, геометрия. ‖ [2] Быт. 2. 8. ‖ [3] *И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его* (Быт. 2. 1). ‖ [4] Быт. 3. 23, 24.

земли, невольно восклицаем: «Это рай!» Такое выражение употреблено и Священным Писанием о плодороднейшей стране Содомской до ее превращения: она уподоблена раю Божию[1]. Боговидец Моисей изображает рай изящнейшим и обширнейшим садом[2]. Точно таким видели рай многие угодники Божии Новозаветной Церкви. Таков он и на самом деле: но вещество его и природа тонки, соответствуют естеству его жителей — духов, и потому недоступны для наших чувств, огрубевших и притупевших от падения. Когда изгнан был из рая человек, первоначально бывший его хранителем, тогда обязанность райского стража возложена на Херувима[3]; душа разбойника, исповедавшего на кресте Господа, помещена в рай[4]; туда помещены души многих христиан, удостоившихся спасения: этим объясняется свойство райской природы. Святой Макарий Великий говорит о людях, приобретших небесное богатство: «Знают их сограждане, то есть духи Святых и Ангелов, и с удивлением говорят: великое богатство приобрели наши братия, находящиеся на земли. Они (эти земные братия небожителей), при отшествии из сего мира, имея с собою Господа, идут с великою радостию к небесным жителям; обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители (дома и вертограды, на греческом παράδεισος, сады, — рай во множественном числе) и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»[5]. Преподобный Григорий Синаит, ссылаясь на видевших рай и повествовавших о нем, говорит, что он есть низшее небо, что он преисполнен благовонными садами, насажденными Богом; что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами; что посреди рая течет река, его напояющая и разделяющаяся на четыре рукава[6]. Об этой реке упоминает и Священное Писание: *река же,* говорит оно, *исходит из Эдема напаяти рай: оттуду разлучается на четыре начала*[7]. Святой пророк Давид также воспоминает о воде, находящейся *превыше небес*[8]. Место рая определяется Священным Писанием *на востоце*. В таком направлении находится рай по отношению к земле. Преподобная Феодора поведала, что по исшествии ее из тела она с сопутствовавшими ей Ангелами направилась для достижения небесных обителей к востоку[9]; великий угодник Божий Симеон Дивногорец видел рай на

[1] Быт. 13. 10. ‖ [2] Быт. 2. 9. ‖ [3] Быт. 3. 24. ‖ [4] Лк. 23. 43. ‖ [5] Беседа 16. 8. ‖ [6] Рукопись Молдавского Нямецкого монастыря, имеющаяся у составившего Слово и содержащая житие и сочинение преподобного Григория Синаита на славянском языке, гл. 10; также Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [7] *Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки* (Быт. 2. 10). ‖ [8] Пс. 148. 4. ‖ [9] Житие преподобного Василия Нового. Четьи-Минеи, 26 марта.

востоке[1]; на востоке видела его преподобная Евфросиния Суздальская в дивном видении своем[2]. На восток строятся православные храмы; православные христиане при молитвах своих обращаются к востоку; тела умерших кладутся по направлению к востоку — *прямо рая сладости.* Тем, для которых остается недовольно удовлетворительным определение местности рая изречением Писания *на востоце,* отвечаем словами преподобного Григория Синаита: «Обычай есть Писанию о недоумеваемых доселе творити сказание просто и не многопытне»[3].

Апостол Павел был восхищен в рай, и потом до третьего неба — *аще в теле, или кроме тела, не вем,* говорит он, — и слышал там неизреченные глаголы, *ихже не леть есть человеку глаголати*[4]. Природа рая, благолепие небес, изобилие там благодатного блаженства так превышают все изящное и приятное земное, что святой Апостол, для изображения виденного им в священном иступлении, употребил следующие выражения: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим*[5]. В этих словах Апостола заключается печальная истина: падение человека так глубоко, что он в состоянии падения уже не может получить сам собою никакого понятия о потерянном своем блаженстве; греxолюбивое его сердце утратило всякое сочувствие к духовному наслаждению. Но слова эти, обличающие бедственное состояние падшего и пребывающего в своем падении, вместе с тем возвещают и радостную истину: обновление Святым Духом тех людей, которые верою и покаянием вступили в духовное племя Нового Адама, Господа нашего Иисуса Христа. Святой Дух, вселившись в человека, разрушает в нем царство греха, уничтожает невидимую внутреннюю борьбу и расстройство, водворяет мир Христов, производящий такое духовное наслаждение, что сердце, упоенное им, умирает для сочувствия греху и начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге. Водворив Царство Божие в человеке, Дух Святой нередко возводит достойных служителей Своих в страны премирные, в обители, уготованные праведникам для вечного их праздника. Многие из угодников Божиих были восхищены в рай, из него проникли в небо, в небеса небес, к самому Престолу Господа,

---

[1] Четьи-Минеи, 24 мая. ‖ [2] Рукописное житие Преподобной. ‖ [3] Добротолюбие. Ч. 1. Главы, краегранесием в греческом писании расположенные, зело полезные, гл. 11. ‖ [4] ...*(**только** не знаю — в теле или вне тела)... которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12. 3, 4). ‖ [5] ...*не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл **это** Духом Своим* (1 Кор. 2. 9, 10).

окруженному пламенными Серафимами и Херувимами. Свидетельства этих очевидцев о рае согласны. Так, преподобный Симеон Дивногорец видел в раю чудные сады, видел там душу праотца Адама и душу разбойника, первого из человеков, введенного Богочеловеком, по искуплении, в рай[1].

Из известных нам видений святых Отцов, бывших зрителями рая, с особенною ясностию и подробностию изложено видение святого Андрея, юродивого Христа ради, пребывавшего вышеестественно в течение целых двух недель в созерцании невидимого мира. Он поведал сотаиннику своему, иерею Никифору, об этом видении следующее: «Я увидел себя в раю прекрасном и удивительнейшем, и, восхищаясь духом, размышлял: что это?.. Знаю, что живу в Константинополе; как же очутился здесь — понять не могу. Я видел себя облеченным в самое светлое одеяние, как бы истканное из молний; венец был на главе моей, сплетенный из великих цветов, и я был опоясан поясом царским. Радуясь этой красоте, дивясь умом и сердцем несказанному благолепию Божия рая, я ходил по нему и веселился. Там были многие сады с высокими деревьями; они колебались вершинами своими и увеселяли зрение; от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из деревьев непрестанно цвели, другие украшались златовидными листьями, иные имели на себе различные плоды несказанной красоты и приятности. Невозможно тех дерев уподобить ни одному дереву земному: Божия рука, а не человеческая насадила их. Птиц в этих садах было бесчисленное множество: иные из них были с златовидными крыльями, другие — белые как снег, а иные — разнообразно испещренные; они сидели на ветвях райских дерев и пели прекрасно; от сладкого пения их я не помнил себя — так услаждалось мое сердце; и казалось мне, что глас пения их досягал даже до высоты небесной. Стояли те прекрасные сады рядами, как бы полк против полка. В то время как я ходил между ними в веселии сердца, увидел реку великую, текущую посреди их и их напояющую. На другом берегу реки был виноградник, которого лозы, украшенные златыми листьями и златовидными гроздиями, широко раскидывались. Дышали там от четырех стран ветры тихие и благоухающие; от их дыхания колебались сады и производили дивный шум листьями своими»[2].

Подобно этому преподобная Феодора поведала о райской обители великого угодника Божия Василия Нового, что она преисполнена была славы и имела многие сады златолиственные и много-

[1] Житие преподобного Симеона Дивногорца. Четьи-Минеи, 24 мая. || [2] Житие святого Андрея. Четьи-Минеи, 2 октября.

плодные. Святой Феодоре был подробно показан рай Ангелами, ее руководившими. «И видела я, — говорила она, — прекрасные селения и многочисленные обители, уготованные любящим Бога, преисполненные славы и благодати. Водящие меня показывали мне отдельно обители апостольские, отдельно пророческие, отдельно мученические, отдельно обители каждого чина святых. Каждая обитель была красоты неизреченной, в широту и долготу, сказать бы, подобная Царьграду, но несравненно красивейшая, со многими пресветлыми нерукотворенными палатами. Всюду в обителях тех слышен был глас радости и веселия духовного и видены были лики празднующих. Все, увидя меня, радовались о моем спасении, выходили ко мне навстречу, лобызали меня, восхваляя Господа, избавившего меня от сетей вражиих»[1].

Повторяем: природа земная служит только слабым образом рая, красоты которого нетленны, несказанно изящны, преисполнены священного мира и благодати. Земля, после согрешения праотцов наших, проклята Создателем, и непрестанно выражает это проклятие в своих смятениях и своем нестроении. То колеблется она и поглощает целые грады и веси; то выступают на поверхность ее свирепые воды и губят целые страны; то проходят по ней бури с вихрем, молнией, громом, градом, оставляя следом своим разрушение. Человечество, живущее на ней, находится в непрестанной борьбе, и частной и общественной, представляя собою обширное зрелище разнообразного страдания, неумолкающего труда, бесчисленных грехов, страшных преступлений, вавилонского столпотворения. Добродетель едва находит на ней тесный и скорбный приют. Неумолимая и ненасытная смерть ходит по ней и постоянно истребляет поколения человеческие, которые закон размножения, установленный для рода человеческого Творцом, заменяет поколениями новыми. И будет ходить она и пожинать людей, доколе сама не погибнет вместе с разрушающимся миром. Животные, населяющие землю, восстали одни против других, непощадно истребляют друг друга. Самые стихии находятся в непримиримой вражде и непрерывном борении между собою. На земле все сражается, все страдает, все стремится к взаимному уничтожению. Какое грозное и непрерывное смятение! какое повсеместное и ожесточенное столкновение! Оно неприметно или малоприметно для тех, которые всегда участвуют в нем; но из уединения и тишины монастырской оно очевидно для странника, которого вселил Бог *прямо рая сладости* для непрестанного воздыхания и сетования

[1] Житие преподобного Василия Нового. Четьи-Минеи, 26 марта.

о нем[1]. Если ж земля, проклятая Богом, земля — изгнание наше, страна бедствий, обольщений, злодеяний, смерти, обреченная Богом на сожжение[2], имеет красоты свои, нас восхищающие, то каков должен быть рай, уготованный Богом для возлюбленных Его в вечное жилище и наслаждение? *Око* плотское *не виде,* плотское *ухо не слыша, и на сердце,* занятое одною чувственностию, *не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим.*

Святой Андрей был восхищен не только в рай, но, подобно святому Апостолу Павлу, и до третьего неба. Вслед за вышеприведенным повествованием о рае он продолжал свое сказание так: «После этого напал на меня ужас, и я ощущал, что стою превыше небесной тверди. Юноша, с лицом подобным солнцу, предшествовал мне. Я последовал за ним, и вот — увидел Крест прекрасный и великий, видом похожий на радугу. Вокруг него стояли певцы огнезрачные, как пламень, и пели сладкую песнь, прославляя Господа, распявшегося на Кресте. Предшествовавший мне юноша, приступив ко Кресту, облобызал его и подал мне знак, чтоб я сделал то же: я припал к святому Кресту со страхом и радостию великою и усердно лобызал его. В то время как я его лобызал, насытился неизреченной духовной сладости и обонял большее благоухание, нежели в раю. Миновав Крест, я посмотрел вниз и, увидев под собою бездну — потому что мне казалось, что я хожу по воздуху, — начал пугаться, и возопил к руководившему меня: "Боюсь, чтоб мне не низвергнуться в глубину!" Он, обратясь ко мне, сказал: "Не бойся, нам должно взойти выше", — и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, — мы очутились выше второй тверди; я увидел там дивных мужей, и покой их, и радость праздника их, неизглаголанного языком человеческим. После этого мы вошли в чудный пламень, который нас не опалял, но только просвещал. Я начал ужасаться, и опять руководивший меня обратился ко мне и подал мне руку, говоря: "Нам должно взойти и еще выше". С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я увидел и услышал множество Небесных Сил, поющих и славословящих Бога. Мы пришли пред завесу, блиставшую как мо́лния, пред которою стояли страшные великие юноши, подобные пламени огненному; лица их сияли паче солнца, и в руках их было огненное оружие; кругом со страхом предстояло бесчисленное множество небесного воинства. Руководивший меня юноша сказал мне: "Когда отымется завеса и увидишь Владыку Христа, тогда поклонись престолу Славы Его". Услышав это, я вострепетал и возрадовался;

[1] Святой Петр Дамаскин. О первом разуме, и о том, како подобает начинати оный. Кн. 1. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [2] 2 Пет. 3. 7, 10.

меня объяли ужас и неизъяснимая радость; я стоял и смотрел, когда отымется завеса. Ее отъяла некая пламенная рука, и я увидел Господа моего, как некогда Исаия Пророк, седящего на престоле высоком и превознесенном, окруженного Серафимами. Он был облечен в багряную одежду, лице Его сияло неизреченным светом, и Он с любовию обратил ко мне Свои очи. Увидев Его, я пал пред Ним на лицо мое, поклоняясь пресветлому и страшному Престолу Славы Его. Какая же тогда от видения лица Его объяла меня радость, того невозможно выразить, так что и ныне, поминая это видение, исполняюсь неизреченной сладости. В трепете лежал я пред Владыкою, удивляясь толикому Его милосердию, что попустил мне, грешному и нечистому человеку, прийти пред Него и увидеть Божественную лепоту Его. Я исполнился умиления, размышляя о моем недостоинстве и рассматривая величие моего Владыки, повторял в себе слова Исаии Пророка: *О, окаянный аз! яко сподобихся, человек сый и нечисты устне имый, Господа моего очима моима видети!*[1] И услышал я, что премилосердый Творец мой изрек ко мне пречистыми и сладчайшими устами Своими три Божественных слова, которые столько усладили мое сердце и столько разожгли любовью к Нему, что я весь таял, как воск, от действия теплоты духовной, и исполнились надо мною слова Давида: *бысть сердце мое яко воск таяй посреде чрева моего*[2]. Потом все воинства воспели песнь предивную и неизреченную. После этого, не знаю как, я очутился опять ходящим в раю. Пришла мне мысль, что я не видел Госпожи Пресвятой Богородицы: и вот вижу некоего мужа, светлого, как облак, носящего крест и говорящего мне: "Ты захотел видеть здесь Пресвятую Царицу Небесных Сил? Ныне нет Ее здесь. Она ушла в многобедный мир помогать человекам и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое местопребывание, но теперь уже не время: тебе должно возвратиться туда, откуда ты пришел, — так повелевает Владыка". — Когда он говорил это, мне показалось, что я сладко уснул; проснувшись, я увидел, что нахожусь на том же самом месте, где был прежде». Из этого видения святого Андрея видно, что рай есть ближайшая к земле небесная обитель, или первое небо, превыше которого находятся другие небеса, воспетые духоносным Давидом, называющим их

---

[1] Ср.: *О, окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый и нечисты устне имый, посреде людий нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима. — ...горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа* (Ис. 6. 5). ‖ [2] *...сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей* (Пс. 21. 15).

небесами небес[1]. В этих горних обителях пребывают ныне души праведников, сообразно достоинству своему; к этим горним обителям будут восхищены праведники, по соединении душ их с телами воскресением *на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем*[2]. Над ними повторится искупленное и возвращенное роду человеческому Спасителем восхищение с земли и взятие в рай Адама. Святые тела их, не только души, обновленные и воссозданные Богочеловеком, соделаются способными к такому восхищению и взятию на небо, как способно было к нему тело первозданного человека[3]. Видение святого Андрея, так как и все подобные видения других угодников Божиих, служит доказательством и объяснением вышеприведенного мнения святого Макария Великого, что ангелы и души имеют свой вид и образ и что этот образ есть образ внешнего человека. Столько сходны образ тела и образ души, что святой Андрей не понимал ясно, восхищен ли он был в теле или вне тела. Приведем собственные слова его, как они передаются иереем Никифором в пространном жизнеописании. «Я видел себя, — говорит святой Андрей, — как бы без плоти, потому что я не чувствовал плоти». Далее святой поведает об одежде, которая была на нем, причем исчисляет телесные члены. Возвращаясь к объяснению своего состояния, святой сказал: «По видимому я был в теле, но не чувствовал тягости телесной; не чувствовал никакой телесной потребности в течение всех двух недель, в которые продолжалось восхищение. Это приводит меня к мысли, что я был без тела. Не знаю, как сказать достоверно: достоверно ведает это сердцеведец Бог». Святой видел Ангелов в образе светлых мужей и юношей. Он беседовал с ними. Руководивший его Ангел несколько раз подавал ему руку; Ангелы, предстоявшие завесе, имели образ юношей высокого роста, грозного вида, с пламенным оружием в руках. Поведая об Ангелах, исчисляя члены их: лицо, глаза, руки, ноги, как бы усиливаясь объяснить самую природу их, святой сказал, что они — тела бесплотные, или, по пониманию нашего времени, газообразные. Святой Андрей видел устроение и природу горних обителей, соответствующую их бесплотным жителям, несравненно превосходнейшую всего того, что знает и что может представить себе плотской человек, пригвожденный к земле, не обновленный и не воспитан-

---

[1] Пс. 148. 4. Смотри толкование сего стиха в Псалтири издания Киево-Печерской Лавры с толкованиями, заимствованными из святых Отцов и помещенными в начале и в конце псалмов и на брезе. ‖ [2] *...на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес. 4. 17). ‖ [3] По воскресении и тело будет духом. Преподобный Макарий Великий. Слово 6, гл. 13.

ный Духом Святым, а потому не способный проникнуть в таинства будущего века.

Ад[1] помещается во внутренности земли. Бог, произнося определение на Адама при изгнании его из рая, сперва исчислял земные казни для преступника райской заповеди, потом возвестил, что этим казням Адам будет подвергаться дотоле, доколе не возвратится в землю, из которой он взят. *Земля еси,* сказал ему Господь, *и в землю отыдеши*[2]. Здесь не сказано, что он пойдет в землю одним телом: изреченный приговор для дерзнувшего восстать против Бога страшнее, нежели каким он представляется для легкого, поверхностного взгляда[3]. Праведники Ветхого Завета, как очевидно из Священного Писания, постоянно признавали земные недра местом ада. *Сниду к сыну моему сетуя во ад*[4], говорит святой патриарх Иаков, когда принесли ему ложную весть о кончине любимого его сына, Иосифа. *Остави мене почити мало,* умоляет Бога праведный, многострадальный Иов из среды отвсюду окружавших его искушений, *прежде даже отыду, отнюдуже не возвращуся, в землю темну и мрачну, в землю тьмы вечныя, идеже несть света, ниже видети живота человеческаго*[5]. Боговдохновенный законодатель израильтян, Моисей, объявляя народу гнев Божий на Корея и его сообщников, сказал: *Аще смертию всех людий умрут сии, и аще по присещению всех человек посещение будет их, то не Господь посла мене. Но явно покажет Господь, и отверзши земля уста своя пожрет я и домы их, и кущи*

[1] *Ад, тартар* (ἄδος, τάρταρος) — слова греческие, означающие низменное, весьма глубокое место. Им соответствует славяно-русское слово: «преисподняя». *Геенна* — слово еврейское, собственное имя глубокого оврага, находящегося близ Иерусалима. ‖ [2] *...прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3. 19). ‖ [3] *Земля еси, и в землю пойдеши.* Святая Церковь относит этот приговор Божий преимущественно к душе человека, который за преступление заповеди Божией обречен на погребение в земле и телом и душою; приговор падает всею тяжестию на душу, которая, и по разлучении с телом, сохраняет при себе способности мышления и ощущения, которая одна чувствует на себе действие приговора; тело, по разлучении его от души, упокоевается в решительном нечувствии. Тропарь 2 песни 5 канона на утрени в Неделю 7 по Пасхе. Святой Афанасий Великий в «Слове на Пасху» говорит: «Человеческое естество, соединенное с Божеским (в лице Спасителя), привело в трепет преисподнюю. Воскликнул ад в сретение Похитителю умерших: “Зачем Ты извращаешь определение, сделанное Тобою же в раю? Зачем расторгаешь рукописание, написанное и скрепленное против естества человеческого? Я знаю определение, справедливо произнесенное на человеков: *Земля еси, и в землю отыдеши*”» (Opera omnia sancti Athanasii. Tom IV. P. 1,079 и 1,680). ‖ [4] *...с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. 37. 35). ‖ [5] *Не малы ли дни мои? Оставь, отступи от меня, чтобы я немного ободрился, прежде нежели отойду, — и уже не возвращусь, — в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма* (Иов. 10. 20–22).

их и вся, елика суть их, и снидут живы во ад... Егда же преста глаголя вся словеса сия, продолжает повествовать Писание, *разседеся земля под ногами их... и снидоша живы во ад*[1]. Пророк Давид воспевал Господу: *милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго*[2]. Когда душа святого пророка Самуила была вызвана волшебницею, по просьбе царя Израильского Саула, для совещания о предстоявшей битве со врагами, то волшебница, увидев эту душу, сказала: *видех мужа стара, восходяща от земли, и сей оболчен одеянием долгим: и уразуме Саул, яко сей Самуил есть*[3]. Пророк Исаия говорит сатане: *во ад снидеши и в основания земли*[4]. Подобно сему выражается о падшем ангеле, от лица Божия, пророк Иезекииль: *свождах его во ад со снисходящими в ров, и утешаху его в земли дольнейшей вся древеса сладости... сниди с древесами сладости в глубину земную*[5]. Пророк назвал падшего ангела Фараоном и уподобил его древу сладости; другие ангелы, увлеченные главным падшим ангелом в погибель, также уподоблены древам сладости, по состоянию их до падения. То же место для ада определяет и Священное Писание Нового Завета. Возвещая о нисшествии во ад Своею душою и неразлучным с нею Божеством, Богочеловек сказал: *будет Сын Человеческий в сердце земли три дни и три нощи*[6]. Объясняя слова Спасителя, блаженный Феофилакт Болгарский говорит, что Господь исполнил это предсказание Свое, «сошед в преисподнюю землю до ада». Господь, по словам святого апостола Павла, *сниде в дольнейшия страны земли,* — по русскому переводу: в преисподние места земли[7], а по словам апостола Петра: *сущим в темнице духовом сошед проповеда*[8]. «Обоженная Душа Христова, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — нисходит во ад для того, чтобы как живущим на земли воссияло солнце правды, так и для

[1] *...если они умрут, как умирают все люди, и постигнет их такое наказание, какое* ***постигает*** *всех людей, то не Господь послал меня; а если Господь сотворит необычайное, и земля разверзнет уста свои и поглотит их [и домы их и шатры их] и все, что у них, и они живые сойдут в преисподнюю... Лишь только он сказал слова сии, расселась земля под ними... и сошли... живые в преисподнюю* (Чис. 16. 29–35). ‖ [2] *...ибо велика милость Твоя ко мне: Ты избавил душу мою от ада преисподнего* (Пс. 85. 13). ‖ [3] *...выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил* (1 Цар. 28. 14). ‖ [4] *Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней* (Ис. 14. 15). ‖ [5] *... низвел его в преисподнюю, к отшедшим в могилу, и обрадовались в преисподней стране все дерева Едема... наравне с деревами Едемскими ты будешь низведен в преисподнюю* (Иез. 31. 16, 18). ‖ [6] Ср.: *...будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи. — Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12. 40). ‖ [7] *...нисходил прежде в преисподние места земли* (Еф. 4. 9). ‖ [8] *...находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал* (1 Пет. 3. 19).

сидящих *под землею* во тьме и сени смертной воссиял свет»[1]. В XIV-м огласительном поучении святого Кирилла Иерусалимского читаем: «Господь наш Иисус во Евангелии сказал: *Якоже бо бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи*[2]. Рассматривая повесть о Ионе, мы находим в ней действие очень подобное действию Иисуса. Иисус был послан проповедовать покаяние: и Иона *послася*[3]. Но он бежал, не ведая будущего: Иисус же добровольно пришел на покаяние спасительное... Иона был ввергнут во чрево китово: Иисус же сошел волею туда, где был мысленный кит, чтоб смерть извергла пожранных ею, по сказанному в Писании: *от руки адовы избавлю я и от смерти искуплю я*[4]. Иона из чрева китова молился, говоря: *возопих в скорби моей* и *из чрева адова вопль мой*[5]. Это говорил он еще находясь в ките. Но находясь в ките, он говорил о себе, что находится *во аде:* потому что он был предызображением Христа, долженствовавшего низойти во ад. Несколько далее, очень явственно пророчествуя, он сказал от лица Христова: *Понре глава моя в расселины гор*[6]. Если он был во чреве китове, то какие там горы? Знаю это, отвечает он; но я служу образом Того, Кто будет положен в иссеченном каменном гробе. Находясь в море, Иона говорит: *Снидох в землю, еяже вереи ея заклепи вечнии*[7], потому что он носил образ Христа, *нисшедшего в землю*»[8]. Подобным образом святой Епифаний Кипрский указывает со всею ясностию и определенностию местонахождение ада во внутренности земли, описывая в Слове своем на Великую Субботу спасение человеков Богочеловеком. Мы помещаем здесь это Слово с немногими исключениями. «Отчего толикое безмолвие на земле? Что значит это безмолвие и молчание великое? Безмолвие великое: Царь погрузился в сон. Земля убоялась и замолкла: потому что Бог во плоти уснул. Бог во плоти уснул, и *ад* ужаснулся. Бог уснул на краткое время и спящих издревле, от Адама, воскресил. Ныне спасение сущим на земле и от века сущим *под землею;* ныне спасение всему миру, и видимому и невидимому. Ныне сугубое пришествие Христово, сугубое промышление, сугубое человекам посещение: Бог приходит с небеси на землю, с зем-

[1] Точное изложение Православной Веры. Кн. 3, гл. 29. ‖ [2] *...ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12. 40). ‖ [3] Ин. 1. 2–5. ‖ [4] *От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их* (Ос. 13. 14). ‖ [5] *...к Господу воззвал я в скорби моей... из чрева преисподней я возопил* (Иона 2. 3). ‖ [6] Ср.: *...бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя* (Иона 2. 6). ‖ [7] *До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня* (Иона 2. 7). ‖ [8] Поучение 14, гл. 17 и 20.

ли *под землю.* Врата *ада* отворяются, и вы, спящие от века, радуйтеся. Седящии во тьме и сени смертной, свет великий приимите: с рабами Господь, с мертвыми Бог, с умершими Жизнь, с находящимися во тьме Свет Невечерний, с плененными Свободитель, *с преисподними* Сый превыше небес. Христос между мертвыми: снидем туда с Ним, да познаем тайны этой страны, да познаем тайну Божию *под землею,* и разумеем чудеса Господни; да научимся, какую благовествует Господь проповедь сущим *во аде,* и что со властию повелевает связанным. Изыдите, вещает, сущии во тьме, и просветитеся: изыдите, и восстаните лежащии. И тебе повелеваю, Адаме: возстани спяй. Я не для того сотворил тебя, чтоб ты остался связанным *во аде:* воскресни от мертвых. Я — живот человеков и воскресение. Для тебя Бог твой был сын твой. Для тебя Я, Господь твой, принял образ раба. Для тебя, Сущий превыше небес, Я пришел на землю и *под землю.* Восстань и изыди отсюду. Восстаньте, идите отсюда: из тьмы в вечный свет, от страданий к веселию. Восстаньте, идите отсюда: из рабства в свободу, *из темницы* в горний Иерусалим, из уз к Богу, из *под земли* на небо»[1].

В торжественные службы Великой Субботы и Святой Пасхи Церковь, празднуя и воспевая спасение человеков пострадавшим за нас Богочеловеком, поправшим смертию смерть, сокрушившим врата и заклепы адовы, воскресившим человечество в Себе и с Собою, с особенною ясностию выражает свое мнение о местонахождении как ада, так и рая. Церковь не занимается собственно изысканием, где ад и где рай, но славословя Господа и говоря о аде и о рае, по необходимости, хотя и мимоходно, высказывает свое мнение о месте их, говорит об этом как о предмете общеизвестном. Величественное песнопение на утрени Великой Субботы, после прочтения шестопсалмия и великой ектении, начинается с двух глубоко умилительных и вместе изящно-поэтических тропарей, из которых в первом воспевается погребение Господа, во втором нисшествие Его во ад. «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, в гробе нове закрыв положи». — «Егда *снисшел еси* к смерти, Животе безсмертный, тогда *ад* умертвил еси блистанием Божества, егда же и умершия от *преисподних* воскресил еси, вся Силы Небесныя взываху: Жизнодавче Христе, Боже наш, слава Тебе». — После этого все священнослужащие, а в монастырях и все братство, выходят с возжженными свечами на средину храма, становятся пред плащаницею и начинают возглашать так называемые церковным

[1] Собрание поучений. Составлено редакциею «Воскресного чтения» при Киевской Духовной Академии. Том 1.

Уставом *похвалы* Господу, соединяя их со стихами 118 псалма. Из этих похвал выписываем те, в которых с наибольшею ясностию упоминается о том, что ад находится внутри земли. «Зашел еси *под землею* Светоносец правды, и мертвыя якоже от сна воздвигл еси, отгнав всякую тьму, сущую *во аде*»[1]. — «Землю содержай дланию, умерщвлен плотию, *под землею* ныне *содержится,* мертвыя избавляя *адова* содержания»[2]. — «На *землю* сшел еси, да спасеши Адама, и *на земли* не обрет его, Владыко, даже *до ада* снисшел еси, ищай»[3]. — «О радосте оныя! о многия сладости, их же *во аде* наполнил еси, во *днах мрачных* свет возсияв»[4]. — «Волею снисшел еси, Спасе, *под землею,* умерщвленныя человеки оживил еси, и возвел еси в славе Отчей»[5]. — «Послушав, Слове, Отца Твоего, даже *до ада* лютаго *сошел* еси, и воскресил еси род человеческий»[6]. — «Зашел еси *под землю,* рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеши от падения соборы человеческия всесильною державою»[7]. — «Убояся Адам, Богу ходящу в раи: радуется же *ко аду* сошедшу, падый прежде, и ныне воздвизаем»[8]. — «Недр Отеческих неисходен пребыв, Щедре, и человек быти благоволил еси, и *во ад снисшел* еси, Христе»[9]. — «Возстани, Щедре, от *пропастей адских* возставляяй нас»[10]. — «*Под землею* хотением *нисшед* яко мертв, возводиши *от земли* к *небесным, оттуду* падшия, Иисусе»[11]. — «Аще и мертв виден был еси, но живый, яко Бог, возводиши *от земли* к *небесным, оттуду* падшия, Иисусе»[12]. В последних двух *похвалах* Церковь во всенародное услышание объявляет не только о местонахождении *ада,* но и о местонахождении *рая.* Человеки, в праотцах своих, низвержены на землю из *рая:* Церковь определяет место *рая,* говоря, что человеки ниспали с *неба.* В каноне утрени Великой Субботы воспевается: «Да Твоею славы вся исполниши, сшел еси в *нижняя* земли»[13]. Далее говорится, что «Господь явил Себя сущим *во аде,* что Он приобщился сущим *во аде,* что *ад,* Слове, срет Тя, огорчися, что душа Твоя *во аде* не оставлена, что *ад низу* стенет, что уязвися *ад,* в *сердце* прием Уязвленнаго копием в ребра, что Господь *сниде* даже до *адовых* сокровищ». В Синаксаре[14] Великой Субботы читается, что в этот день мы празднуем *погребение* Господа и Его *сошествие во ад,* что Он *сошел во ад* нетленною и Божественною Своею душою, разделившеюся от тела

---

[1] Похвала к 56-му стиху 118-го псалма. || [2] К стиху 17. || [3] К стиху 25. || [4] К стиху 48. || [5] К стиху 53. || [6] К стиху 59. || [7] К стиху 80. || [8] К стиху 58. || [9] К стиху 117. || [10] К стиху 160. || [11] Похвала к 46 стиху 118 псалма. || [12] К стиху 47. || [13] Песнь 1, троп. 3. || [14] Синаксарь — собрание исторических сведений о празднике или каком-либо святом. Раньше так назывались внебогослужебные собрания православных христиан, посвященные благочестивому чтению и псалмопению. — *Ред.*

смертию. Употреблены выражения о *аде,* как о глубокой пропасти, которая, очевидно из всей службы, признается подземною и находящеюся внутри земли[1].

То же мнение о местонахождении ада и рая видим в службе на Святую Пасху. С наибольшею определительностию выражено мнение о месте ада в ирмосе 6-й песни канона: «*Снишел* еси в *преисподняя земли,* и сокрушил еси вереи вечныя, содержащия связанныя, Христе». В Синаксаре по 6-й песни говорится: «Господь ныне из *адовых сокровищ* человеческое естество исхитив, *на небеса* возведе, и к *древнему достоянию* приведе нетления. Обаче *сошед во ад,* не всех воскреси, но елицы веровати Ему изволиша. Души же от века святых, нуждею держимыя, от *ада* свободи, и всем даде на *небеса* взыти». Здесь опять *древнее достояние,* то есть рай, указывается *на небе:* «Воскресением Твоим, Господи, *рай паки отверзеся*[2], и иже *на небеса* восход *обновил* еси нам»[3].

Мнение о местонахождении ада внутри земли усматривается на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Она повсюду говорит об этом предмете как общепринятом и общеизвестном: по этой причине выражение определенное встречается изредка. Но оно встречается, и именно по той причине, что встречается как общепринятое и общеизвестное, служит яснейшим свидетельством и доказательством. «Завеса раздрася, — воспевает Церковь, — распеншуся Тебе, Спасе наш, и отдаваше мертвыя, яже пожре смерть, и *ад* обнажися, Тебе зря в *преисподних земли* бывша»[4]. — «С *душею* пришедшу Тебе во *утробу земли,* души, яже стяжа, *ад* издаваше со тщанием, вопиющия державе Твоей песнь благодарную»[5]. — «С *душею* сшед в *страны преисподния ада,* возвел еси мужеством связанныя вся, яже от века смерть прият, горький мучитель»[6]. — «Тебе, *сошедшаго до последних земли,* и человека спасшаго, и восхождением Твоим сего возвысившаго, величаем»[7]. — «Не ктому боюся еже в *землю,* Владыко, возвращения: Ты бо *от земли* возвел мя еси, забвенна»[8]. «Адам низведен бысть, лестию запенся, ко *адове пропасти:* но естеством Бог же и милостив, сошел еси ко исканию, и на раму понес совоскресил еси»[9]. «Из *преисподняго ада* вознесша мя падшаго благословите вся дела Господа, и превозносите Его во веки»[10]. — «Дошед-

[1] Триодион. ‖ [2] 2-я стихира в понедельник Светлыя Седмицы вечера. ‖ [3] 1-я стихира во вторник Светлыя Седмицы вечера. ‖ [4] Тропарь 1-й песни 8-го канона утрени в 4-ю неделю по Пасхе. ‖ [5] Тропарь 2-й песни 3-го канона на утрени в 4-ю неделю по Пасхе. ‖ [6] Тропарь 2-й песни 7-го канона на утрени в 5-ю неделю по Пасхе. ‖ [7] Припев на 9-й песни в Воскресенье. ‖ [8] Тропарь 2-й песни 5-го канона на утрени в неделю 7-ю по Пасхе. ‖ [9] Тропарь 2-й песни 6-го канона на утрени в 7-ю неделю по Пасхе. ‖ [10] Тропарь 2-й песни 8-го канона на утрени в неделю Всех Святых.

шу Ти во *врата адова,* Господи, и сия сокрушившу, пленник сице вопияше: кто Сей есть, яко не осуждается в *преисподних земли,* но яко сень разруши смертное узилище»[1]. — «Вострепеташа *доле преисподняя* днесь, *ад* и смерть, Единаго от Троицы: *земля* поколебася, *вратницы же адовы,* видевше Тя, ужасошася»[2]. — «Во глубины достигша морския, и тридневствоваша в китовех персех морскаго зверя древле Иону подражаяй зову Ти: Спасе мой, возведи мя из *ада преисподняго»*[3]. — «Да не прииду в *землю плача,* да не вижу *место тмы,* Христе мой, Слове»[4]. — «Несть *во аде* покаяния, несть тамо прочее ослабы: тамо червь неусыпаемый, тамо *земля темна,* и помрачена вся»[5]. Также мимоходно, как о предмете общеизвестном, упоминает о местонахождении ада во внутренности земли святой Иоанн Лествичник. Он советует подвижнику благочестия непрестанно воспоминать о бесконечной пропасти преисподнего пламени, *о подземных* страшных местах и пропастях, о тесных сходах, чтоб таким размышлением и воспоминанием отторгнуть душу от усвоившегося ей сладострастия[6]. Учение, что ад находится внутри земли, есть учение Православной Церкви; в весьма многих сочинениях святых Отцов встречается это учение[7]; ни один из них не отвергает его[8]; Божественные Откровения, бывшие угодникам Божиим, подтверждают его.

---

[1] Воскресная стихира на хвалитех 8-го гласа. ‖ [2] Воскресный икос 7-го гласа. ‖ [3] Ирмос 6-й песни 2-го гласа. ‖ [4] Служба по вся дни канона, песнь 4. ‖ [5] Чин погребения священников. ‖ [6] Лествицы степень 7 о радостотворном плаче. ‖ [7] Святой Афанасий Великий положительно утверждает о местонахождении ада внутри земли (вышеприведенная цитата; также Послание к Антиоху, ответ на вопрос 19). Того же мнения и святой Василий Великий (на пророка Исаию, гл. 5. 14). Святой Кирилл Александрийский, как ниже будет видно, признавал ад во внутренности земли; там указывают его и другие Отцы. Соотечественник наш, святой Димитрий Ростовский, говорит: «На страшном судищи Христос Бог наш егда речет на грешники: идите от Мене проклятии в огонь вечный, и в той час под грешники земля расступится, якоже расступилася под Кореем, Дафаном и Авироном при Моисеи, и тогда впадут вси грешнии во ад, — потом паки земля в место сомкнется. Грешницы же будут во аде под землею, яко в сосуде железне тесне заперты и вовеки неисходны» (Часть 2). Поучение второе на Вход в Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. ‖ [8] Святой Иоанн Златоустый говорит: «В каком месте, спрашиваешь, будет геенна? Полагаю, вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопии бывают вдали, так и геенна будет вне этого мира. Станем искать не того, где она находится, но средств избегать ее» (Толкование на послание к Римлянам. Беседа 31. Opera omnia Chrysostomi). Этому мнению помещение ада во внутренности земли нисколько не противоречит, напротив того, подтверждает его: какой может быть более удобный способ скрыть ад от взоров вселенной, как не погребение его в недрах земли? Главы 16 Евангелия от Луки, стих 22 в некоторых греческих изданиях читается так: *умер и богатый,*

В первые времена христианства, когда ожесточенная и слепая ревность идолопоклонников к сохранению на земли идолопоклонства проливала реки невинной крови христианской, в Бруссе, главном городе Вифинии, претерпел мучение и казнь епископ города, Патрикий. Мучитель-игемон принимал ванну на теплых целительных источниках, находившихся близ города[1], там допрашивал и умертвил епископа. По поводу этих горячих вод, которых температуру и целебность игемон приписывал действию боготворимых им истуканов, святой Патрикий говорил ему так: «Блистательный игемон! если хочешь узнать истину о начале, течении и теплоте этих вод, то я могу открыть ее тебе, если с кротостию меня выслушаешь. Всякий исповедующий христианство святое и поклоняющийся единому истинному Богу стяжавает ум, исполненный разумения Божественных тайн: и я, будучи рабом Христа, хотя и грешным, могу объяснить истину о этих водах. Бог, предвидя, что созданные Им человеки прогневают Его — Бога, Создателя своего, и, отвергнув истинное Богопочитание, устроят себе бездушных кумиров и будут поклоняться им, уготовал два места для переселения в них человеков после их земной жизни. Первое место Он просветил вечным светом и исполнил обильными и неизреченными благами; другое же место исполнил непроницаемою тьмою, неугасающим огнем и вечными казнями. Он предназначил, чтоб в первое место были преселяемы те, которые будут стараться благоугождать Ему исполнением Его заповедей, а во второе, темное, ввергаемы те, которые прогневают Творца злым житием своим и заслужат себе казнь. Сподобившиеся места светлого будут жить бессмертною жизнию в непрестанной и бесконечной радости, а низринутые в темное место будут мучены непрестанно, бесконечно. Создатель, разделяя огонь от воды и свет от тьмы, каждое из них как создал отдельно, так и поставил на отдельных местах. Есть и над твердию небесною, так как и под землею, огонь и вода. Вода, находя-

---

и похоронили его во аде. Впрочем, и при чтении, принятом греко-российскою церковию, слова Господа о богаче *погребоша его* имеют то значение, что богач был душою низведен во ад. — Так объясняются эти слова блаженным Феофилактом. Златоустый, не одобряя одно любопытство при определении места аду, не только не воспрещает тех размышлений и изысканий о аде, которые приводят к страху Божию и уклонению от зла, но и завещавает непрестанно погружаться в них, непрестанно иметь пред очами геенну огненную, ожидающую беззаконников. Слово 1 о покаянии к Димитрию. Во времена, последующие Златоустому, Церковь выразила свое мнение о местонахождении ада со всею определенностию, огласила и оглашает его Божественными песнопениями и чтениями во всеуслышание и научение народа.

[1] Землетрясение, разрушившее Бруссу в 1854 году, уничтожило горячие источники; такое, по крайней мере, сведение доставлено было современными газетами.

щаяся на поверхности земной, собранная в собрания свои, называется морем, а подземная вода называется бездною. Из этой бездны, на потребности человеков и животных, населяющих землю, воды подымаются сквозь земные недра как бы водопроводными трубами и, выходя на поверхность земли, образуют источники, колодцы и реки. Из этих-то вод те, которые приближаются подземному огню, согреваются им и вытекают горячими; те же, которые текут вдали от огня, сохраняют естественную хладность. На некоторых местах бездны имеются самые холодные воды, обратившиеся в лед, как отстоящие весьма далеко от огня. Подземный огнь устроен для мучения нечестивых душ. Преисподняя вода, обратившаяся в лед, именуется тартаром[1]. В тартаре подвергаются бесконечной муке ваши боги и поклонники их, как воспел один из ваших стихотворцев: «Концы земли и моря — не что иное, как их последние пределы, где Иапет и Сатурн — так именуются ваши боги — не утешаются ни блистанием солнца, ни прохладою ветров». Это значит: ваших богов, заключенных в тартаре, не освещает и не согревает солнце, а вверженных в огнь не прохлаждает ветер. Тартар глубже всех прочих бездн, находящихся под землею. В том, что под землею находится огнь, уготованный на нечестивых, пусть удостоверит тебя по крайней мере тот огнь, который извергается из недр земных в Сицилии». —Так рассуждал о подземном аде святой епископ Христовой Церкви первых веков[2].

Вышеупомянутая преподобная Феодора, посетив райские обители, низведена была в *преисподняя земли* и видела страшные, нестерпимые муки, уготованные грешникам в аде[3].

Воскресший воин Таксиот поведал, что он был похищен диаволами с блудного мытарства: они свели его из воздушного пространства вниз, на землю. Земля расступилась, и он был спущен по узким и смрадным сходам до преисподних темниц адовых, где души грешных затворены в вечной тьме и вечной муке[4].

---

[1] «Боюсь тартара, зане [потому что, так как. — *Ред.*] не причастен есть теплоты» (Святого Кирилла о исходе души). ‖ [2] Четьи-Минеи, 19 мая. Святой Патрикий жил в начале IV века и пострадал при императоре Иулиане в 343 году по Р.Х. Смотри Следованную Псалтирь. ‖ [3] Смотри выше. ‖ [4] Воин Таксиот, житель африканского города Карфагена, проводил жизнь в грехах. Случилось в Карфагене моровое поветрие. Видя множество умирающих, Таксиот пришел в чувство, покаялся во грехах своих и переселился за город. Там он впал в прелюбодеяние с женою земледельца, у которого жил; вскоре был укушен змеею и, не успев покаяться, скончался. Его похоронили в соседнем монастыре. Чрез шесть часов по погребении он воскрес и едва пришел в себя на четвертые сутки. Тогда все, приключившееся ему по смерти, он поведал, обливаясь слезами, Карфагенскому архиепископу, блаженному Тарасию. Четьи-Минеи, 28 марта.

Самый образ исшествия души из тела и обстоятельства, его сопровождающие, изложены святыми Отцами для назидания и спасения нашего. Преподобный Феодор Студит в 3-м оглашении говорит: «Братия! останемся ли мы навсегда здесь? Нет! нет! О горе, братия! Какое страшное таинство смерти! Как мы должны быть всегда внимательны, исполнены покаяния, рассудительны, помышляя, что ныне же предстоит нам смерть, помышляя, как будет совершаться разлучение души от тела, как придут Ангелы — не говорю о том, как предстанут бесы. И бесы приходят к увлекающимся страстями. Помышляйте, каковы будут труд и болезнь при страшном видении их и при слышании повеления: "Душа, выходи!" Тогда человекам, разлучающимся от тела, служат великою помощию, утешением, радостию добрые дела и чистота совести. Тогда послушание имеет великое дерзновение; тогда смиренномудрие приносит великое утешение, слезы вспомоществуют, добрые дела прогоняют бесов, терпение вспомоществует, и противники возвращаются без всякого успеха, — души в великой радости пойдут вместе с Ангелами к Спасителю. Но душу, стяжавшую навык в страстях и побежденную грехом, обымет великий страх: тогда побеждают бесы и низводят эту окаянную душу с собою в преисподний ад, во тьму и тартар для мучения». Однажды два Ангела явились преподобному Макарию Александрийскому, современнику и сподвижнику Макария Великого, обиловавшему дарами Духа, и беседовали с ним. В этой беседе один из Ангелов сказал: «Услышь, Макарий, каким образом души, как верных, так и неверных, выходят из тел и уводятся, и ведай, что, по примеру совершающегося в этом мире, должно умозаключать о небесном. Как посланные земным царем воины взять кого-либо схватывают его и задерживают, хотя бы он этого не хотел и этому противился; задержанный, пораженный страхом, трепещет и ужасается присутствия тех, которые без милосердия влекут его в путь: так, когда пошлются Ангелы, чтоб изъять из тела чью-либо душу, благочестивого ли человека или нечестивого, она приходит в испуг и устрашается присутствия страшных и грозных Ангелов. Тогда, наконец, она усматривает, как бесполезно для нее, ничтожно, не доставляет никакой помощи множество богатства, знакомых и друзей; она слышит и понимает слезы и рыдания окружающих ее человеков, но не может произнести ни одного слова, ни подать голоса, потому что никогда не случалось ей испытать такого требования об исшествии. Ее устрашает и неимоверное пространство пути и перемена образа жизни; также она ужасается вида тех, у которых находится уже во власти и которые не оказывают

ей никакого сочувствия и милосердия. К тому же она томится скорбию по причине привязанности к телу; она болезнует и тоскует о разлучении и разъединении с ним, как с своим сожителем по природе. Ей не соприсутствует и не вспомоществует никакое утешение, доставляемое совестию, разве только душа сознает за собою добрые дела. Таким образом душа, и прежде изречения Верховного Судии, судится своею совестию»[1].

Пространно говорит об обстоятельствах, сопровождающих смерть, святой Кирилл, патриарх Александрийский, в Слове на исход души. Из этого Слова помещаем здесь краткую выписку: «Какой страх и трепет ожидает тебя, душа, в день смерти! Ты увидишь страшных, диких, жестоких, немилостивых и бесстыдных демонов, подобных мрачным муринам, тебе предстоящих. Одно видение их лютее всякой муки. Душа, увидев их, приходит в смущение, волнуется, мятется, ищет спрятаться, прибегает к Божиим Ангелам. Святые Ангелы держат душу; проходя с ними воздух и возвышаясь, она встречает мытарства, хранящие путь от земли к небу, удерживающие души и препятствующие им восходить далее. Каждое мытарство испытывает принадлежащие ему грехи; каждый грех, каждая страсть имеет своих мытарей и истязателей. Какой страх, трепет и беспокойство должна ощущать душа, видя все это, доколе не произнесется окончательный приговор, ее освобождающий! Болезнен, бедствен, исполнен стенаний, безутешен час нерешительности. Божественные Силы стоят против лица нечистых духов и представляют добрые помышления, слова и дела, принадлежащие душе, а она, в страхе и трепете, посреди препирающихся о ней Ангелов и демонов, ожидает или оправдания своего и освобождения, или осуждения и погибели. Если она проводила жизнь благочестиво и богоугодно и соделалась достойною спасения, то приемлют ее Ангелы, и она уже спокойно шествует к Богу, имея спутниками Святые Силы. Тогда исполнится сказанное: отбежали печаль, болезнь и воздыхание. Тогда, освободившись от лукавых, гнилых и страшных духов, она идет в неизглаголанную радость. Если же окажется, что душа прожила в небрежении и блуде, то услышит лютейший глас: “Да возьмется нечестивый, да не узрит славы Господней!” Постигают ее дни гнева, скорби, нужды и стеснения, дни тьмы и мрака!.. Оставляют ее святые Божии Ангелы, похищают мурины — демоны. Они начинают бить ее без милосердия и низводят на землю; растворивши землю, ввергают душу, связанную

[1] Bibliotheca veterum patrum Gallandii. T. VII: Macarii Alexandrini sermo de excessu justorum et peccatorum.

нерушимыми узами, в темную и мрачную страну, в преисподние узилища и темницы адовы, где заключены души грешников, от века усопших, как говорит Иов, в землю темную и мрачную, в землю тьмы вечной, где нет ни света, ни жизни для человеков, но болезнь вечная и печаль бесконечная, и плач непрестанный, и скрежет зубов немолчный, и воздыхания неусыпающие. Там слышится непрестанное "увы! увы!", там зовут — и нет помогающего; там вопиют — и никто не избавляет. Нет возможности поведать тамошнего бедствия; нет возможности выразить тамошней болезни, которой подвергаются низверженные туда и заключенные там души. Изнемогают всякие уста человеческие к объяснению страха и трепета, объемлющего узников адских; нет уст человеческих, могущих выразить томление и плач их; непрестанно и вечно стонут, но никто их не милует; испускают глубокие воздыхания, но никто не слышит; рыдают, но никто не избавляет; взывают и бьются, но никто не милосердствует. Тогда — где похвалы этого мира? где тщеславие? где наслаждение? где пресыщение? где благородие? где мужество плоти? где красота женская, обманчивая и губительная? где дерзость бесстыдная? где украшение пышными одеждами? где сладость греха нечистая и гнусная? где помазующие и окуривающие себя мирами и благовониями? где пирующие с тимпанами и гуслями? где пристрастие к деньгам и имуществу и происходящее от него немилосердие? где бесчеловечная гордость, гнушающаяся всеми и научающая уважать только одного себя? где пустая и суетная человеческая слава, где зрелища и прочие игрища? где кощунствующие, праздно и беспечно живущие? где мягкие одеяния и мягкие постели? где высокие здания и широкие врата? где мудрость мудрых, благоязычие риторов и суетная ученость? Увы! все смятутся, поколеблются, как изумленные; поглотится вся мудрость их. О, братия! помыслите, каким подобает быть нам, имеющим дать отчет в каждом поступке нашем, и великом и малом! Даже за каждое праздное слово мы дадим ответ Праведному Судии»[1].

Согласно этому поведал о своей кончине воин Таксиот: «Когда я умирал, — увидел муринов, представших мне. Вид их был очень страшен; душа моя, смотря на них, возмутилась. Потом я увидел двух прекрасных юношей, и выскочила душа моя к ним на руки. Мы начали немедленно восходить по воздуху на высоту, как бы

[1] Святой Кирилл жил в V веке и председательствовал на Вселенском Соборе. Приводимое здесь Слово его на исход души помещено в Следованной Псалтири. Учение, подобное святому Кириллу, проповедовал и патриарх Феофил, которого Кирилл был племянником и преемником. См. «Достопамятные сказания».

летя, и достигли мытарств, стрегущих восход и удерживающих душу каждого человека. Каждое мытарство истязывало об особенном виде греха: одно о лжи, другое — о зависти, иное — о гордости; каждый грех имеет на воздухе своих испытателей. И видел я, что Ангелы держат в ковчежце все мои добрые дела, — вынимая их, сравнивают с моими злыми делами. Так миновали мы мытарства. Когда же, приближаясь ко вратам небесным, пришли на мытарство блудное, — стрегущие там удержали меня и представили все мои плотские блудные дела, соделанные от детства моего и доселе. Руководившие меня Ангелы сказали: "Все телесные грехи, которые ты сделал в городе, простил тебе Бог, потому что ты покаялся в них". На это сказали мне сопротивники мои: "Но вышедши из города, на селе ты соблудил с женою земледельца твоего". Ангелы, услышав это и не нашедши доброго дела, которым бы можно было возмерить за грех мой, оставили меня и удалились. Тогда лукавые духи схватили меня и, удручая побоями, свели на землю. Земля разверзлась; я был спущен по узким и смрадным сходам в преисподнюю темницу ада»[1].

С особенною подробностию поведала о кончине своей преподобная Феодора, ученица великого угодника Божия Василия Нового. Здесь помещается сокращенно ее поведание. Ученику преподобного Василия, Григорию, вопросившему ее в видении об обстоятельствах, сопровождавших ее смерть и последовавших ей, Феодора сказала следующее: «Чадо Григорий! о страшной вещи вопросил ты меня, о которой и вспомянуть ужасно. Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видала, услышала глаголы, которых никогда не слыхала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих; но молитвами и помощию общего отца нашего Василия я избавилась от них. Как рассказать тебе телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто обнаженный, упавши на великий огонь, горел, истаявал, обращался в пепел: так разрушается человек смертною болезнию в горький час разлучения души с телом. Когда я приближалась к концу моей жизни и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступивших одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их — как каленые угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они

[1] Смотри выше сноску 4 на с. 461 наст. изд.

ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судию, долженствующего прийти. Убогая моя душа была объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другою лютейшею смертию. Я отвращала глаза мои во все стороны, чтоб не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них, — они всюду шатались; помогающего мне не было. Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных Ангелов Божиих в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне. Лица их сияли, взор был исполнен любви; волосы их были, как снег, белые с златовидным отблеском; одежды их сверкали, как молния; они были препоясаны златыми поясами по сосцам. Приближась к одру моему, они стали на правой стороне его, тихо беседуя друг с другом. Увидев их, я возрадовалась и с приятностию смотрела на них; черные эфиопы содрогнулись и отступили несколько далее. Один из светоносных юношей, с гневом обратясь к темным, сказал: “О бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! зачем всегда предваряете приходом к умирающим и молвою вашею устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь, потому что здесь не найдете ничего. Есть Божие милосердие к этой душе, и нет вам в ней ни части, ни жребия”. Когда Ангел перестал говорить, эфиопы восшатались, подняли клич и молву, начали показывать злые мои дела, содеянные от юности, и вопияли: ничего в ней не имеем? а эти грехи чьи? не она ли сделала то и то? Так вопия, они стояли и ожидали смерти. И вот пришла смерть, рыкая, как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних нагих костей человеческих[1]. Она принесла различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копья, серпы, пилы, секиры, удицы и другие неведомые. Узревши это, смиренная моя душа вострепетала от страха. Святые Ангелы сказали смерти: “Не медли: разреши эту душу от

[1] Многие перед кончиною своею видели смерть. Если значительная часть предметов видимого мира нам неизвестна, тем более неизвестны предметы мира невидимого, неизвестны особливо тем, которые на изучение их не обратили всего своего внимания, а занимаются ими только поверхностно. Не все, что кажется странным для плотского ума человеческого, уже странно и само по себе. Мы не должны ограничивать всемогущества Божия своими предрассудками. Каждый человек, не стяжавший истинного духовного разума, преисполнен предрассудков, как бы он ни был образован скорогибнущею образованностию мира — этим буйством в отношении к Богу.

союзов плотских; скоро и тихо разреши ее: она не имеет много тяжести греховной". Смерть приступила ко мне, взяла малую секиру и отсекла мне сперва ноги, потом руки; после другими орудиями расслабила мне все члены, отделив их по суставам один от другого. Я лишилась рук, ног; все мое тело омертвело, и я уже не могла двигаться. Потом отсекла мне голову — я не могла приводить в движение головы моей, соделавшейся мне чужою. После этого она растворила в чаше какой-то состав и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питие, что душа моя не могла вынести его: содрогнулась и выскочила из тела, отторгнувшись от него насильно. Светоносные Ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездушным, нечувственным и недвижимым. Как бы кто, совлекшись одежды и кинувши ее, стоял и смотрел на нее: так и я смотрела на тело мое и удивлялась. В то время как святые Ангелы держали меня, демоны, бывшие в образе эфиопов, обступили нас, вопия: "Множество грехов имеет эта душа: пусть отвечает нам!" — и показывали грехи мои. Святые Ангелы начали искать моих добрых дел и, по благодати Господа, находили их; они собирали все доброе, когда-либо с Божиею помощию сделанное мною, и готовились положить на весах против злых дел моих. Эфиопы, видя это, скрежетали на меня зубами, потому что хотели немедленно похитить меня из рук ангельских и низвести во дно адово. В то время неожиданно явился туда преподобный наш отец Василий и сказал святым Ангелам: "Ангелы Божии! эта душа много послужила мне при старости моей; я молился о ней Богу, и Бог даровал мне ее". С этими словами он вынул из недр червленый полный мешец — мне казалось, что в этом мешце было чистое золото — и, подав его Ангелам, промолвил: "Когда будете проходить воздушные мытарства, и лукавые духи начнут истязывать душу, выкупайте ее этим из долгов ее. Благодатию Божиею, я богат, собрал многое сокровище потом и трудами моими и дарую этот мешец душе, послужившей мне". Сказав это, он ушел. Лукавые духи пришли в недоумение, потом подняли плачевные вопли и удалились. И опять пришел преподобный Василий, неся с собою многие сосуды чистого елея и драгоценного мира. Он отверзал их, один за другим, и возливал на меня: я исполнилась благоухания духовного и ощутила, что изменилась и просветилась. Преподобный сказал святым Ангелам: "Когда совершите этой душе все подобающее, тогда введите ее на жительство в обитель, уготованную мне Господом". Сказав это, он сделался невидим. Ангелы взяли меня, и мы направились на восток».

В самом Святом Евангелии видим указание, что обстоятельства, сопровождающие кончину человека, те самые, какими они представлены в вышеприведенных сказаниях святых Отцов. Господь засвидетельствовал, что Ангелы отнесли душу нищего Лазаря на лоно Авраамово[1]. Скупому богачу, мечтавшему, по случаю обильного урожая нив его, о долговременной земной жизни, о построении более пространных житниц, о плотских наслаждениях, сказал Бог: *безумне! В сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?*[2] «Истяжут, — говорит Господь, по изъяснению этих слов Евангелия блаженным Феофилактом, — потому что немилостивые мытари-ангелы страшно и насильно исторгают душу грешника. Душа праведника не исторгается из него; он, радуясь и веселясь, предает дух свой Богу и Отцу».

Хотя смерть праведников и вполне покаявшихся грешников совершенно или, по крайней мере, во многом отличается от смерти грешников отверженных и грешников недостаточно покаявшихся, но страх и томление свойственны каждому человеку при его кончине. Это и должно быть так: смерть есть казнь. Хотя казнь и смягчается для праведников, но казнь пребывает казнию. Сам Богочеловек, приуготовляясь к приятию вольной смерти для спасения рода человеческого, был в подвиге, скорбел и тужил; капли пота Его падали на землю каплями крови: *Прискорбна есть душа Моя до смерти*[3], сказал Он Апостолам, уснувшим от печали и не чувствовавшим приближавшейся напасти. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*[4] — так молился Он Отцу. Предсмертный страх ощущала Пресвятая Дева Богоматерь пред Своим блаженным успением, хотя Ей предвозвещены были Архангелом Гавриилом Ее преселение в горние обители и слава, там ожидающая Ее, хотя Дух Святой, обильно обитавший в Ней, увлек все помышления и все желания Ее на небо[5].

Страхом и плачем приготовляли себя к роковому смертному часу все святые: они понимали значение этого часа для человека. Когда наступило время кончины преподобного Агафона, он пребыл три дня в глубоком внимании себе, не беседуя ни с кем. Братия спросили его: «Авва Агафон, где ты?» — «Я предстою суду Христову»,— отвечал он. Братия сказали: «Неужели и ты, отец, боишься?» — Он отвечал: «Я старался по силе моей сохранять заповеди Божии, но

[1] Лк. 16. 22. ‖ [2] ...*«безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»* (Лк. 12. 20). ‖ [3] ...*душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26. 38). ‖ [4] *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26. 39). ‖ [5] Четьи-Минеи, 15 августа.

я — человек и откуда знаю, были ли угодны дела мои Богу?» — Братия спросили: «Неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?» — «Не могу уповать, — отвечал он, — потому что ин суд человеческий и ин суд Божий». Они хотели еще спросить его, но он сказал им: «Окажите мне любовь, теперь не говорите со мною, потому что я не свободен». И он скончался с радостию. «Мы видели его веселящимся, — передавали ученики его, — как бы он встречал и приветствовал дорогих друзей». Этот угодник Божий во всем строго постоянно наблюдал за собою и говаривал, что без тщательнейшего наблюдения над собою человеку невозможно достичь преуспеяния[1]. Таков путь ко спасению. Святые Божии, непрестанно рассматривая себя, непрестанно находили в себе новые недостатки и, находя их, более и более погружались в покаяние, которое очищало и усовершало их для неба. Напротив того, лютая рассеянность и многопопечительность непременно соединены с глубоким неведением себя; а такое неведение всегда очень довольно, гордо собою. «Многие обольщают себя, — говорит блаженный Феофилакт, — суетным упованием, думают, что получат Царство Небесное, и присоединяют себя к лику возлежащих на высоте добродетелей, высоко мечтая о себе в сердце своем... Много званных, потому что Бог призывает многих, паче же всех, но мало избранных, мало спасаемых, мало достойных избрания Божия. Призвание — дело Божие, а избрание и не избрание зависят от нас: иудеи были званными, но не оказались избранными, оказавшись непослушными Призывавшему»[2].

Великий между святыми иноками Арсений, во все время жития своего, когда занимался рукоделием, полагал на колени платок, по причине слез, изливавшихся из очей его. Он скончался. Авва Пимен, Отец, особенно обиловавший даром духовного рассуждения, услышав о кончине его, сказал: «Блажен Арсений: ты оплакал себя в течение земной жизни? Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно избежать плача: или здесь — произвольного, или там, в муках, невольного». Услышал об этой смерти Феофил, патриарх Александрийский, и сказал: «Блажен, авва Арсений! ты непрестанно помнил час смертный»[3].

Утешительна повесть о смерти праведников, поучительно и душеспасительно сказание о том, с каким сокрушением и смирением сердца они приготовлялись к ней, с каким святым страхом они встречали ее. Некоторому Отцу, за чистоту его жизни, Бог не

---

[1] Патерик Скитский. ‖ [2] Благовест. Мф. 22. 14. ‖ [3] Патерик Скитский.

отказывал ни в каком его прошении. Старец однажды пожелал видеть разлучение с телом души грешника и души праведника. Приведенный рукою Божиею в некоторый город, он остановился при его вратах, в монастыре, в котором жил имевший громкое имя затворник. Затворник в то время был болен и ожидал смерти. Старец увидел, что делается большое приготовление восковых свеч и лампад для затворника, как бы ради его Господь подавал хлеб и воду городу и спасал его. Граждане говорили между собою: «Если скончается затворник, то мы все погибнем разом». Между тем настал час его кончины; старец увидел адского приставника с огненным трезубцем в руке, нисшедшего на затворника, и услышал глас: «Как эта душа не успокоила Меня в себе ни единого часа, так и ты без милосердия исторгни ее». Адский приставник вонзил огненный трезубец в сердце затворника и, промучив его несколько часов, извлек его душу. После этого старец вступил в город, где нашел некоторого больного странника, лежащего на улице. Некому было послужить этому страннику: старец пробыл с ним день. Когда настал час его успения, старец увидел, что Архангелы Михаил и Гавриил низошли за его душою. Один сел по правую, другой по левую сторону странника, и начали упрашивать душу его, чтоб она вышла. Она не хотела оставить тела и не выходила. Тогда Гавриил сказал Михаилу: «Возьмем душу и пойдем». Михаил отвечал: «Нам повелено Господом взять ее без болезни, не можем употребить насилия». Вслед за сими словами Михаил воскликнул громким голосом: «Господи! что повелишь о этой душе? она не повинуется нам и не хочет выйти». И пришел ему глас: «Вот! Я посылаю Давида с Псалтырью и певцов Божиих Иерусалима Небесного, чтоб душа, услышав псалмопение и гласы их, вышла». Они низошли и окружили душу, воспевая гимны: тогда она вышла на руки к Михаилу и принята была с радостию[1]. Кто не подивится Божией любви и милосердию к роду человеческому? К несчастию, к величайшему несчастию, мы с ожесточением отталкиваем все милости Божии и с безумным ослеплением становимся в ряды слуг и поклонников врага Божия и врага нашего.

Кончина избранников Божиих преисполнена славы. Когда настало время умирать великому Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: «Вот пришел авва Антоний». Помолчав несколько, сказал: «Вот лик пророческий пришел». Потом просветился более и сказал: «Вот пришел лик апостольский».

---

[1] Patrologia. Vitae Patrum. Lib. VI. Cap. 13.

И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать. Старцы упрашивали его сказать, с кем он беседует? Он отвечал: «Ангелы пришли взять меня; но я умоляю их, чтоб они оставили меня на короткое время для покаяния». Старцы сказали ему: «Отец, ты не нуждаешься в покаянии». Он отвечал им: «Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию». А все знали, что он совершен. Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то что во время жизни своей воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даров Святого Духа. И еще более засияло лицо его, засияло, как солнце. Все убоялись. Он сказал им: «Смотрите, — Господь пришел и изрек: принесите мне избранный сосуд из пустыни». С этими словами он испустил дух. Увидена была молния, и храмина исполнилась благоухания[1]. Так окончил земное течение один из величайших угодников Божиих.

Но и грешники, принесшие искреннее раскаяние во грехах, сподобились милости Божией. При греческом императоре Маврикии был во Фракии разбойник свирепый и жестокий. Поймать его никак не могли. Блаженный император, услышав о том, послал к разбойнику наперсный крест свой и повелел ему сказать, чтоб он не боялся: этим означалось прощение всех его злодеяний с условием исправления. Разбойник умилился, пришел к царю и припал к ногам его, раскаяваясь в преступлениях своих. После немногих дней он впал в недуг и помещен был в странноприимный дом, где видел во сне Страшный суд. Пробудившись и примечая усиление болезни и приближение кончины, он обратился с плачем к молитве и говорил в ней так: «Владыко, человеколюбивый Царь, спасший прежде меня подобного мне разбойника, удиви и на мне милость Твою: прими плач мой на смертном одре. Как принял Ты пришедших в единонадесятый час, ничего не совершивших достойного, так прими и мои горькие слезы, очисти и крести меня ими. Больше этого не взыскивай от меня ничего: я уже не имею времени, а заимодавцы приближаются. Не ищи и не испытывай: не найдешь во мне никакого добра; предварили меня беззакония мои, я достиг вечера; бесчисленны злодеяния мои. Как принял Ты плач апостола Петра, так прими этот малый плач мой и омой рукописания моих грехов. Силою милосердия Твоего истреби мои прегрешения». Так исповедуясь в течение нескольких часов и утирая слезы платком, разбойник предал дух. В час смерти его старший врач странноприимного дома видел сон: к одру разбойника пришли

[1] Патерик Скитский.

мурины с хартиями, на которых были написаны многочисленные грехи разбойника; потом два прекрасные юноши-царедворцы принесли весы. Мурины положили на одну чашу написанное на разбойника: эта чаша перетянула, а противоположная ей поднялась кверху. Святые Ангелы сказали: «Не имеем ли мы здесь чего?» — «И что можем иметь, — возразил один из них, — когда не более десяти дней, как он воздерживается от убийства?» — «Впрочем, — прибавили они, — поищем чего-нибудь доброго». Один из них нашел платок разбойника, намоченный его слезами, и сказал другому: «Точно, этот платок наполнен его слезами. Положим его в другую чашу, а с ним человеколюбие Божие, и посмотрим, что будет?» Как только они положили платок в чашу, она немедленно перетянула и уничтожила вес рукописаний, бывших в другой. Ангелы воскликнули в один голос: «Поистине победило человеколюбие Божие!» Взяв душу разбойника, они повели ее с собою; мурины зарыдали и бежали со стыдом. Увидев этот сон, врач пошел в странноприимный дом: пришедши к одру разбойника, он нашел тело еще теплым, оставленным уже душою; платок, наполненный слезами, лежал на глазах его. Узнав от находившихся при нем о покаянии его, принесенном Богу, врач взял платок, представил его императору и сказал: «Государь! прославим Бога: и при твоей державе спасся разбойник». Однако — заключает весьма благоразумно эту повесть передавший нам ее — гораздо лучше благовременно приготовлять себя к смерти и предварять страшный час ее покаянием[1]. Справедливо замечает святой Иоанн Лествичник, что зло, обратившееся от долговременной привычки к нему в качество, соделывается уже неисправимым[2]. «Злой навык обладает, как самовластный тиран, часто и над плачущими», — восклицает грустно тот же наставник иночествующих[3]. К этому должно присовокупить, что покаяние возможно только при точном, хотя бы и простом, знании православной христианской веры, чуждом всякой ереси и зломудрия. Заимствовавшие свой образ мыслей о добродетелях и правилах жизни из романов и других душевредных еретических книг, не могут иметь истинного покаяния: многие смертные грехи, ведущие в ад, признаются ими за ничтожные, извинительные погрешности, а лютые греховные страсти — за легкие и приятные слабости; они не страшатся предаваться им пред самыми смертными вратами. Неведение христианства — величайшее бедствие!

---

[1] Пролог, 17 октября. || [2] Лествицы 6-я степень. По рукописному славянскому переводу с греческого, сделанному в молдавском Свято-Вознесенском Нямецком монастыре. || [3] Лествицы 5-я степень.

Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты его жизни. В эту последнюю минуту еще отверсты двери милосердия Божия всякому, толкущему в них. Никто да не отчаявается! Доколе не закрыто поприще, действителен подвиг. Последние минуты человека могут искупить всю жизнь его. В Египте некоторая девица именем Таисия, оставшись сиротою после родителей, умыслила обратить дом свой в странноприимницу для скитских иноков. Прошло много времени, в которое она принимала и успокаивала отцов. Наконец ее имение истощилось. Она начала терпеть недостаток. С нею познакомились неблагонамеренные люди и отвратили ее от добродетели; она начала проводить худую жизнь, даже развратную. Отцы, услышав это, очень опечалились. Они призвали авву Иоанна Колова и сказали ему: «Мы слышали о сестре Таисии, что она расстроилась. Когда была она в состоянии, показывала нам свою любовь: и мы ныне покажем нашу любовь к ней и поможем ей. Потрудись посетить ее и, по премудрости, данной тебе Богом, устрой ее». Авва Иоанн пришел к ней и сказал старице, стоявшей на страже у ворот, чтоб она доложила о нем госпоже своей. Она отвечала: «Вы, монахи, поели все имение ее». Авва Иоанн сказал: «Доложи ей, я доставлю ей большую пользу». Старица доложила. Юная госпожа сказала ей: «Эти иноки, постоянно странствуя при Чермном море, находят жемчуг и драгоценные камни; поди, приведи его ко мне». Авва Иоанн пришел и сел возле нее. Воззрев на лицо ее, он преклонил главу и начал горько плакать. Она сказала ему: «Авва, что ты плачешь?» Он отвечал: «Вижу, что сатана играет на лице твоем, и как мне не плакать? чем не понравился тебе Иисус, что ты обратилась на противные Ему дела?» Она, услышав это, затрепетала и сказала ему: «Отец! Есть ли для меня покаяние?» Он отвечал: «Есть». «Отведи меня куда хочешь», — сказала она ему и, встав, пошла вслед за ним. Иоанн, заметив, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о доме своем, удивился. Когда они достигли пустыни, уже смеркалось. Он сделал для нее возглавие из песка, такое же другое, в некотором расстоянии, для себя. Оградив ее возглавие крестным знамением, сказал: «Здесь усни». И он, исполнив свои молитвы, лег спать. В полночь Иоанн проснулся — видит: образовался некий путь от того места, где почивала Таисия, до неба; Ангелы же Божии возносят ее душу. Он встал и начал будить ее, но она уже скончалась. Иоанн повергся ниц на молитву и услышал глас: «Един час покаяния ее принят паче долговременного покаяния многих, не оказывающих при

покаянии такого самоотвержения»[1]. «Господи! для рабов Твоих, — говорит святой Василий Великий, — разлучающихся с телом и приходящих к Тебе, Богу нашему, нет смерти, но преставление от печального на полезнейшее и сладостнейшее, и на упокоение и радость»[2].

Точно, в собственном смысле разлучение души с телом не есть смерть; оно — только последствие смерти. Есть смерть, несравненно более страшная! Есть смерть — начало и источник всех болезней человека, и душевных и телесных, и лютой болезни, исключительно именуемой у нас смертию. «Истинная смерть, — говорит преподобный Макарий Великий, — внутрь в сердце сокровенна, и чрез тую внешний человек жив умер. Аще кто в тайне сердца от смерти к жизни прешел, сей воистину живет вовеки, и к тому не умирает. Хотя же таковых тела на некое время и разлучаются от душ, но, однако, освященная суть, и со славою востанут. Сего ради и сном смерть святых именуем»[3].

Слово и понятие *смерть* поразили в первый раз слух и мысль человека при вступлении его в рай. Между древами рая были особенно замечательны древо жизни и древо познания добра и зла. Господь, введя человека в рай, заповедал ему: *от всякаго древа, еже в раи, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а в оньже аще день снесте от него, смертию умрете*[4]. Несмотря на страшную угрозу смертию, человек преступил заповедь и, по преступлении, немедленно умер; смерть мгновенно явилась во всех движениях души и в ощущениях тела. Святой Дух, обитавший в человеке, сообщавший бессмертие душе и телу, бывший их жизнию, отступил от них как от нарушивших общение с Богом произвольным отвержением заповеди Божией и столько же произвольным вступлением в единомыслие и союз с сатаною. Святой Григорий, архиепископ Фессалоникийский, говорит: «Как разлучение души от тела есть смерть тела, так и разлучение Бога от души есть смерть души. В этом, собственно, заключается душевная смерть. На эту смерть указывал и Бог заповедию, данною в раю, когда говорил: *в оньже аще день снесте от возбраненнаго древа, смертию умреши*. Тогда умерла душа Адамова, разлучившись преслушанием от Бога; телом же он прожил от того времени до девятисот тридцати лет. Эта смерть, постигшая душу за преслушание,

---

[1] Патерик Скитский. || [2] Молитва на вечерне Пятидесятницы. Требник. || [3] Слово 1, гл. 2, по изданию 1833 года. || [4] *...от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 16, 17).

не только соделывает непотребною душу, но и распространяет проклятие на всего человека; самое тело подвергает многим трудам, многим страданиям и тлению. Тогда, по умерщвлении внутреннего человека преслушанием, услышал перстный Адам: *проклята земля в делех твоих, в печали снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю: яко земля еси, и в землю пойдеши»*[1].

Знаменуя смерть души, святой Иоанн Богослов сказал: *есть грех к смерти, и есть грех не к смерти*[2]. Он назвал смертным грехом грех, убивающий душу, тот грех, который совершенно отлучает человека от Божественной благодати и соделывает его жертвою ада, если не уврачуется покаянием действительным и сильным, способным восстановить нарушенное соединение человека с Богом. Таким покаянием святой апостол Петр уврачевал свой смертный грех — отречение от Христа, а святой пророк Давид — свои два смертные греха: прелюбодеяние и убийство. Покаяние в смертном грехе тогда признается действительным, когда человек, раскаявшись в грехе и исповедав его, оставит грех свой[3]. Таким покаянием блудники, прелюбодеи, мытари, разбойники восхитили Царство Небесное; к такому покаянию — к воскресению из смерти душевной — призывает апостол Павел: *востани, спяй,* вопиет он, *и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос*[4]. Но кто внимает этому гласу, этой духовной трубе, призывающей к воскресению души, к воскресению, более необходимому для спасения, нежели то, которое оживит тела, не оживит уже душ, умерщвленных грехом? Все мы пребываем в умерщвлении, исполняя греховные пожелания наши, которые не только воюют на душу, но, будучи удовлетворяемы, и умерщвляют ее. Указывая на смерть души, на существенную смерть, Спаситель мира назвал мертвецами всех людей, современных Его пребыванию

---

[1] *...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терние и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой взят ты, ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3. 17–19). Святого Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, послание к монахине Ксении. ‖ [2] 1 Ин. 5. 16, 17. ‖ [3] Мнение преподобного Пимена Великого (Патерик Скитский). Оно выражено многими другими святыми Отцами, — наконец, святым Тихоном Воронежским. *Это* мнение принадлежит вообще Церкви и основывается на словах Спасителя. Исцелив расслабленного в Вифезде, при овчей купели, Господь сказал ему: *Се, здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5. 14). Жене, уличенной в любодеянии, Господь сказал: *Ни Аз тебе осуждаю: иди и (отселе) ктому не согрешай* (Ин. 8. 11). ‖ [4] *...«встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос»* (Еф. 5. 14).

на земле, не обращавших внимания на Его всесвятое учение, необходимое для спасения, единое на потребу для истинной жизни человека: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы*[1], сказал Он последователю Своему, просившему дозволения отлучиться на время от Господа и от внимания Его святому учению, для погребения скончавшегося своего родителя. Мертвыми наименовал Господь тех живых по плоти, которые были поистине мертвы, как умерщвленные душою[2]. Те из этих мертвецов, которые остаются чуждыми Христа в течение всей земной жизни, и в этом состоянии отходят в вечность, не познают воскресения во все пространство времени, данное для этого воскресения, и заключающееся между двумя пришествиями Христовыми, первым — совершившимся и вторым, имеющим совершиться. *Прочии же мертвецы не ожиша,* говорит о них зритель таин, святой Иоанн Богослов, *дондеже скончается тысяща лет*[3].

Блажен и свят, возвещает сын духовного грома[4], *иже имать часть в воскресении первем: на нихже смерть вторая не имать области, но будут иерее Богу и Христу и воцарятся с Ним тысящу лет*[5]. Тысяча лет, по объяснению, общепринятому Святою Церковию, не знаменует здесь определенного числа годов, а знаменует весьма значительное пространство времени, данное милосердием и долготерпением Божиим, чтоб весь плод земли, достойный неба, созрел и чтоб ни едино зерно, годное для горней житницы, не было утрачено. Когда и самые святые Божии уже сочли грехи мира преисполнившимися, а окончательный суд Божий настолько нужным, тогда услышали от Бога: *да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их и братия их*[6]. Так долготерпеливо великое милосердие Божие! «Тысяча лет, — говорит святой Андрей, архиепископ Кесарийский, — время от вочеловечения Христова до Второго славного Его Пришествия... Тысяча лет — время, в течение которого будет благовествоваться Евангелие. Нет нужды разумевать буквально тысячу лет. Так число не имеет буквального значения ни в словах Песни Песней: *муж принесет в плоде его тысящу сребреник. Виноград мой предо мною: тысяща Соломону и двести стрегущим плод*

---

[1] *...предоставь мертвым погребать своих мертвецов* (Лк. 9. 60). ‖ [2] По объяснению святого Григория Паламы (Послание к монахине Ксении), блаженного Феофилакта Болгарского и других святых Отцов. ‖ [3] *Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет* (Откр. 20. 5). ‖ [4] Сынами грома Господь назвал двух апостолов, Иакова и Иоанна Зеведеевых (Мк. 3. 17). ‖ [5] *Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет* (Откр. 20. 6). ‖ [6] *...чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число* (Откр. 6. 11).

его[1], ни в словах Господа Иисуса: *даяху плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесять*[2]. Полным числом изображается обилие и совершенство в плодоприношении. Так и здесь чрез тысячу лет изображается преисполненное плодоприношение веры»[3], для которого дано все нужное время: полнота времени изображена словом «тысяча лет». С начала этого тысячелетия открылось и ныне продолжает открываться первое, таинственное, существенное воскресение мертвых; оно будет продолжаться до конца времен. *Аминь, аминь глаголю вам,* сказал Господь, *яко слушаяй словесе Моего и веруяй пославшему Мя имать живот вечный, и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот*[4]. Объясняя эти слова Спасителя, блаженный Феофилакт говорит: «Верующий во Христа не пойдет на суд, то есть в муку, но живет присносущною жизнию, не подвергаясь душевной и вечной смерти, хотя бы и вкусил по естеству сию временную смерть». То же значение имеют и слова Господа, сказанные Им Марфе пред воскресением брата ее Лазаря: *Аз есмь воскресение и живот; и всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки*[5]. Сыны и дщери ветхого Адама, рожденные по его образу и подобию падшими, рожденные для вечной смерти, переходят верою в нового Адама к вечной жизни. Этот переход, это воскресение незаметны для чувственных очей, непостижимы для плотского ума, но ясны и ощутительны для души, над которою они совершаются. «Когда слышишь, — говорит святой Макарий Великий, — что Христос, сошед во ад, освободил содержимые там души, не думай, чтоб это далеко отстояло от совершающегося ныне. Знай: гроб — сердце: там погребены и содержатся в непроницаемой тьме твой ум и твои помышления. Господь приходит к душам, во аде вопиющим к Нему, то есть в глубину сердца, и там повелевает смерти отпустить заключенные души, молящие Его, Могущего освобождать, об освобождении. Потом, отвалив тяжелый камень, лежащий на душе, отверзает гроб, воскрешает точно умерщвленную душу и выводит ее, заключенную в темнице, на свет»[6]. Первое воскресение совершается при посредстве двух Таинств: Крещения и покаяния. Чрез Святое Крещение воскресает душа от гроба неверия и нечестия, или от первородного гре-

---

[1] *...каждый должен был доставлять за плоды его тысячу сребреников. А мой виноградник у меня при себе. Тысяча пусть тебе, Соломон, а двести — стрегущим плоды его* (Песн. 8. 11, 12). ‖ [2] *...принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать* (Мф. 13. 8). ‖ [3] Толкование святого Андрея на «Апокалипсис». ‖ [4] *Перешел уже от смерти в жизнь.* Русский перевод Евангелия (Ин. 5. 24). ‖ [5] *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек* (Ин. 11. 25, 26). По толкованию блаженного Феофилакта. ‖ [6] Слово 7, гл. 1.

ха и собственных грехов, соделанных в нечестии; а чрез покаяние уже верующая душа воскресает от смерти, нанесенной ей смертными грехами, или нерадивою, любосластною жизнию, по Крещении. Совершитель воскресения — Дух Святой.

Воскресших от душевной смерти видел святой Иоанн Богослов и сказал о них: *видех престолы и седящия на них, и суд дан бысть им: и души растесаных за свидетельство Иисусово и за слово Божие, иже не поклонишася зверю, ни иконе его, и не прияша начертания на челех своих и на руце своей. И ожиша и воцаришася со Христом тысящу лет... Се воскресение первое*[1], состоящее в оживлении души из ее смерти верою в Господа Иисуса Христа, в омовении грехов Святым Крещением, в жизни по завещанию Христову и в очищении покаянием грехов, соделанных после Крещения. Престолы святых — их господство над страстями, над самыми демонами, над недугами человеческими, над стихиями, над зверями, обилие их духовных дарований. Им дан суд, то есть рассуждение духовное, которым они обличают грех, как бы он ни был прикрыт благовидностию, и отвергают его; им дан суд, которым они судят ангелов тьмы, приемлющих вид Ангелов, и не дозволяют им обольщать себя. Они не поклонились ни зверю, ни иконе его: ни антихристу, ни предызображавшим его гонителям христианства, требовавшим от христиан отречения от Христа и отвержения Его всесвятых заповеданий. Они не прияли ни на челах, ни на десницах начертаний врага Божия, но, усвоив себе ум Христов, постоянно выражали его в образе мыслей и в образе действий, не щадя крови своей для запечатления верности Христу, и потому воцарились со Христом. Для них нет смерти! для них разлучение души с телом — повторим вышеприведенную мысль Василия Великого — не смерть, но переход от скорбного земного странствования к вечной радости и упокоению. *Смерть вторая*, то есть окончательное осуждение на вечные адские муки и предание им, *не имать области* над воскресшими первым воскресением; воскресшие им *будут иерее Богу и Христу и воцарятся с Ним тысящу лет*[2]. Это царствование священников Божиих в Духе Святом не может быть прервано разлучением души от тела: оно развивается

---

[1] *И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет... Это — первое воскресение* (Откр. 20. 4, 5). ‖ [2] *...смерть вторая не имеет власти, но ...будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет* (Откр. 20. 6).

и упрочивается им. *Егда скончается тысяща лет*[1], исполнятся времена, и созреет весь словесный плод земли, — последует воскресение второе, воскресение тел. После него усугубится блаженство праведников, благовременно воскресших первым воскресением; усугубится после него смерть отверженных грешников, лишившихся первого воскресения.

«Хотя в будущем пакибытии, — говорит святой Григорий Палама, — когда воскреснут тела праведников, воскреснут вместе с ними тела беззаконников и грешников, но воскреснут лишь для того, чтоб подвергнуться второй смерти: вечной муке, неусыпающему червю, скрежету зубов, кромешной и непроницаемой тьме, мрачной и неугасимой геенне огненной. Говорит Пророк: *сокрушатся беззаконнии и грешницы вкупе, и оставившии Господа скончаются*[2]. В этом заключается вторая смерть, как научает нас Иоанн в своем Откровении. Услышь и великого Павла: *аще бо по плоти живете,* говорит он, *имате умрети, аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живы будете*[3]. Он говорит здесь о жизни и смерти, принадлежащих будущему веку. Эта жизнь — наслаждение в присносущем Царстве; смерть — предание вечной муке. Преступление заповеди Божией — причина всякой смерти, душевной и телесной, и той, которой подвергнемся в будущем веке, вечной муке. Смерть собственно состоит в разлучении души от Божественной благодати и в совокуплении с грехом. Это для имеющих разум — смерть, которой должно убегать; это — смерть истинная и страшная. Она для благомыслящих ужаснее геенны огненной. Будем избегать ее со всевозможным усилием! Все подвергнем, все оставим, отречемся от усвоений, деяний, хотений, от всего, что низвлачает[4] и разлучает нас от Бога, и производит такую смерть. Убоявшийся этой смерти и сохранившийся от нее, не убоится приближения плотской смерти, имея в себе жительствующую истинную жизнь, которую плотская смерть соделывает лишь неотъемлемою.

Как смерть души есть собственно смерть, так и жизнь души есть собственно жизнь. Жизнь души — соединение ее с Богом, как жизнь тела — соединение его с душою. Душа, разлучившись с Богом преступлением заповеди, умерла; но послушанием заповеди опять соединяется с Богом и оживотворяется этим соединением. Посему-то и говорит Господь в Евангелии: *глаголы, яже Аз глаголах вам, дух*

[1] *Когда же окончится тысяча лет...* (Откр. 20. 7). || [2] *...всем же отступникам и грешникам — погибель, и оставившие Господа истребятся* (Ис. 1. 28). || [3] *...ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете* (Рим. 8. 13). || [4] Отнимает. — *Ред.*

суть и живот суть[1]. Это же выразил и Петр, уразумевший от опыта, словами, сказанными им Спасителю: *глаголы живота вечнаго имаши*[2]. Но глаголы живота вечного суть глаголы живота для послушных; для преступников же заповедь жизни соделывается причиною смерти. Так и апостолы, это Христово благоухание, были для одних вонею жизни в жизнь, а для других вонею смерти в смерть[3]. Опять, эта жизнь принадлежит не только душе, но и телу, доставляя ему бессмертие воскресением. Она не только избавляет его мертвенности, но с нею и никогда не престающей смерти — будущей муки. Она дарует телу присносущную жизнь о Христе, безболезненную, безнедужную, беспечальную, воистину бессмертную. Как душевной смерти, то есть преступлению и греху, в свое время последовала телесная смерть — соединение тела с землею и обращение его в прах, а за телесною смертию последовало помещение отверженной души во ад, так и за воскресением души, состоящем в возвращении души к Богу, посредством послушания Божественным заповедям, в свое время должно совершиться воскресение тела соединением его с душою, а за этим воскресением должно последовать нетление и вовеки пребывание с Богом достойных этого пребывания, соделавшихся из плотских духовными, способных, подобно Ангелам Божиим, жительствовать на небе. И мы будем *восхищены в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем*[4].

Сын Божий, соделавшись человеком, умер плотию: душа Его разлучилась с телом, но не разлучилась с Божеством; потом Он, воскресив тело Свое, вознес его на небо во славе. Так бывает и с жившими здесь по Богу. Разлучаясь с телом, они не разлучаются с Богом; по воскресении же и телом вознесутся к Богу, входя с неизглаголанною радостию туда, куда предтечею нашим взошел Иисус, для наслаждения с Ним Его славою, которая тогда явится[5]. Они соделаются общниками не одного воскресения Господня, но и вознесения Его и всякой Боговидной жизни. Не удостоятся этого жившие здесь по плоти и не вступившие ни в какое общение с Богом в час исхода своего. Хотя и все воскреснут, но каждый, говорит Писание, *в своем чину*[6]. Умертвивший здесь духом деяния плотские будет там жить Божественною и истинно присносущною жизнию со Христом; а умертвивший здесь дух похотями и страстями — увы! будет осужден с содетелем и вино-

---

[1] *Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63). ‖ [2] *Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6. 68). ‖ [3] 2 Кор. 2. 16. ‖ [4] *...восхищены... на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес. 4. 17). ‖ [5] Евр. 6. 20; Рим. 8. 18. ‖ [6] *...каждый в своем порядке* (1 Кор. 15. 22, 23).

вником злобы и предан нестерпимой и непрестанной муке — смерти второй и бесконечной.

Где прияла начало истинная смерть — причина и содетель временной и вечной смерти для души и тела? Не в месте ли жизни? По этой причине — увы! человек немедленно был осужден и изгнан из рая Божия как стяжавший жизнь, сопряженную смерти, неприличную для Божественного рая. Так и наоборот, истинная жизнь, причина бессмертной истинной жизни для души и тела, должна иметь свое начало здесь, в месте смерти. Не старающийся здесь стяжать в душе этой жизни, да не обольщает себя тщетною надеждою, что получит ее там, да не уповает там на человеколюбие Божие. Там — время воздаяния и отмщения, а не милосердия и человеколюбия, время откровения ярости, гнева и правосудия Божия, время показания крепкой и высокой руки, движимой для мучения непокорных. Горе впадшему *в руце Бога живаго!*[1] Горе узнающему там ярость Господню, не наученному здесь страхом Божиим познанию державы гнева Его, не предобручившему делами человеколюбия Его, на что дано настоящее время. Даруя место покаянию, Бог попустил нам земную жизнь»[2].

Вечные муки, ожидающие грешников во аде, так ужасны, что человек живущий на земле, не может получить о них ясного понятия без особенного Откровения Божия. Все наши лютые болезни и злоключения, все страшнейшие земные страдания и скорби ничтожны в сравнении с адскими муками. Напрасно вопиют сладострастные эпикурейцы[3]: «Не может быть, чтоб адская мука, если только она существует, была так жестока, была вечна! Это несообразно ни с милосердием Божиим, ни с здравым разумом. Человек существует на земле для наслаждения; он окружен предметами наслаждения: почему ж ему не пользоваться ими? Что тут худого и греховного?» Оставляя этот клич на произвол произносящим его и противопоставляющим его Божественному Откровению и Учению, сын Святой Церкви, пребывающий на земле для покаяния, руководствуется в понятиях своих о вечности и лютости адских мук Словом Божиим. Чего не отвергало многострастное

---

[1] *...в руки Бога живого* (Евр. 10. 31). || [2] Святого Григория Паламы к монахине Ксении. || [3] Эпикур, греческий философ, утверждал, что человек находится на земле для наслаждения, и предоставлял последователям своим вполне предаваться ему. Чтоб доставить разврату всю свободу, он отвергал бытие Божие и бессмертие души человеческой. Для всех, желающих разрушить закон, ограничивающий их злую волю, уничтожить даже воспоминание о Боге, о добродетели, о казни за грех, учение Эпикура оказалось столько удобным, что нашло множество последователей в древние и особливо в новейшие времена.

человеческое сердце, чтоб свободнее предаваться разврату! Оно употребило разум в слепое орудие своих греховных пожеланий, хотя и величает его здравым. Для своей греховной свободы оно отвергло учение о Боге и о Его заповедях, возвещенное на земле Самим Сыном Божиим, отвергло духовносладостнейшее наслаждение, доставляемое любовию Божиею: мудрено ли, что оно отвергло бразду и грозу, останавливающие грешника в путях его, отвергло ад и вечные муки? Но они существуют. Грех всякой ограниченной твари пред ее Творцом, бесконечно совершенным, есть грех бесконечный; а такой грех требует бесконечного наказания. Наказание твари за грех пред ее Творцом должно вполне растлить ее существование: ад с своими лютыми и вечными муками удовлетворяет этому требованию неумолимой справедливости[1].

[1] Эти положения о бесконечности адских мук заимствованы из известной математической теории о бесконечном. К этой теории мы обращаемся часто, чтоб по возможности правильно и точно объяснить отношения тварей к Творцу, в собственном смысле непостижимые и необъяснимые. Не способна к такому объяснению ни одна наука, кроме математики. Она, одна она, доказывая неприступность бесконечного к постижению его, ставит в правильные отношения к нему все числа, то есть все виды тварей. Вселенная есть число, и все составные части ее суть числа. Непосвященный в таинства математики никак не совместит в себе понятия, что все числа, столько различные между собою, вместе совершенно равны одно с другим в отношении к бесконечному. Причина такого равенства очень проста и ясна: она заключается в бесконечной, следовательно, постоянно равной разнице между бесконечным и каким бы то ни было числом. При посредстве неоспоримых выводов математики делается очевидным, что понятие о числе есть понятие относительное, а не существенное. Это понятие, составляя естественную принадлежность ограниченных разумных тварей, составляя неотразимое последствие впечатлений, под влияние которых твари вступают вместе с вступлением в существование, никак не может быть принадлежностию существа бесконечного. Бесконечное, объемля собою все числа, вместе с этим пребывает превыше всякого числа по свойству совершенства, не имеющего ни в чем никакого недостатка и не способного подвергнуться недостатку. По этому свойству бесконечное, объемля все впечатления, пребывает превысшим всякого впечатления; иначе оно подверглось бы изменениям, что свойственно числам и не свойственно бесконечному. Если ж число не имеет существенного значения, то вполне естественно миру быть сотворенным из ничего действием бесконечного, которое одно имеет существенное значение. Естественно действию бесконечного быть превыше постижения человеческого. Таковы неопровержимые истины, добытые уму человеческому математикою: ее нуль, изображающий идею о несуществующем, обращается в число, когда действует на него бесконечное. В помощь математике приходят естественные науки, к которым она относится как душа к телу. Без математики они не могут существовать; они строятся и держатся на ней, как плоть на скелете. Во всей природе господствует строжайший математический расчет. Что ж открывают нам естественные науки? То, что вещество, в среде которого мы вращаемся, которое видим и осязаем разнообразно и прикосновениями, и слухом, и

вкусом, и обонянием, — это вещество не только не понято, не постигнуто нами, — мало этого! — оно непостижимо для нас. Придумана теория атомов, чтоб была возможность остановиться и основать дальнейшие суждения на чем-нибудь правдоподобном. Теория атомов остается произвольным предположением (ипотезою). В точном смысле нет существ в природе: в ней одни явления. Этому закону подчинены и числа: нет числа, которое бы не могло изменяться от присовокупления к нему или от исключения из него; нет числа, которое не могло бы обратиться в нуль. Всякое число есть явление. Одно бесконечное постоянно пребывает неизменным, оно не изменяется ни от присовокуплений к нему, ни от вычитаний из него. Одно бесконечное совмещает в себе всю жизнь; одно оно есть в точном смысле существо. Если так, то сотворение мира Богом есть математическая необходимость и истина. Сколько верна эта истина, столько верна и та истина, что мироздание, как дело ума неограниченного, не может быть постигнуто, обсуждено и поверено ограниченным умом человеческим. Первую истину открывает человекам, заодно с наукою, Божественное Писание; на основании второй истины человеческий разум не имеет ни права, ни возможности отвергать того поведания о миросотворении, которое читаем в книге Бытия. Это опять подтверждает наука. С неба гремит нам апостол Иоанн Богослов: *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово.* Математика отвечает с земли: «Истина, всесвятая Истина! иначе быть не может. Таково свойство бесконечного: оно, одно оно, живет в себе и собою. Оно — саможизнь. Действия его на числа, как бы ни были громадны, не имеют и не могут иметь никакого влияния на образ существования бесконечного, отделенного от всех тварей бесконечным различием, существующего среди тварей вполне независимо от тварей и несмесно с ними. Нет никакого сходства между существованием и существованием». Опять гремит Богослов: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть.* И опять отвечает математика: «Истина, всесвятая Истина! явления, как и числа, должны иметь свой источник, источник неиссякаемый, — и такой источник есть бесконечное, есть Бог!» *Бога никтоже виде нигдеже,* продолжает провозглашать человечеству небесный вестник, и опять в сретение его исповедует математика: «Истина, всесвятая Истина! по бесконечному различию, которым отличается бесконечное от всякого числа, нет возможности никакому ограниченному существу, как бы оно ни было возвышено, видеть Бога ни чувственным зрением, ни постижением ума!» Бог пребывает в *свете неприступном* во всех отношениях, сказал Апостол. Бог объявил о Себе в Евангелии: *Я— жизнь.* Жизнь эта так всемогуща, что дала существование всей твари, существующей существованием, заимствованным из саможизни, что возвращает жизнь тем тварям, которые утрачивают свою жизнь смертию. Жизнь бесконечная не может не быть всемогущею. Согласно с положительною наукою Святая Церковь исповедует, что души человеческие и Ангелы бессмертны не по естеству, а по Божией благодати. Какое верное суждение: оно сделано в то время, когда математика безмолвствовала об этом предмете. Необходимо усвоить себе понятия о бесконечном различии бесконечного, и по естеству и по свойствам, от чисел и при суждениях о Боге повсюду иметь в виду это различие, определять его, чтоб не увлечься к суждениям, превышающим нашу способность понимания, и потому к суждениям неправильным по необходимости. Без этого придется бред свой выставлять за истину к погибели своей и к погибели человечества. Мечтатели сделались безбожниками, а изучившие глубоко математику всегда признавали не только Бога, но и христианство, хотя и не знали христианства как должно. Таковы были Невтон и другие. →

Священное Писание повсюду называет адские муки вечными: это учение постоянно проповедовалось и проповедуется Святою Церковию. Господь наш Иисус Христос несколько раз в Святом Евангелии подтвердил грозную истину. Предвозвещая отверженным грешникам общую участь с падшими ангелами, Он объявил, что скажет им на Страшном Суде Своем: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его*[1]. По изречении окончательного определения на род человеческий, погибшие отыдут *в муку вечную*[2]. В повести о жестокосердом богаче и нищем Лазаре Господь засвидетельствовал, что между обителями вечного блаженства и адскими темницами *пропасть велика утвердися,* и нет перехода от блаженства к мукам, ни от мук к блаженству[3]. *Червь* адский *не умирает, и огонь* адский *не угасает*[4]. Преисподние темницы представляют странное и страшное уничтожение жизни при сохранении жизни. Там полное прекращение всякой деятельности; там — одно страдание; там господствует лютейший из сердечных недугов — отчаяние; там плачи и стоны, не привлекающие никакого утешения душе, раздираемой ими; там узы и оковы неразрешимые; там тьма непроницаемая, несмотря на обилие пламени; там царство вечной смерти. Так ужасны адские муки, что ничтожна пред ними лютейшая из земных мук — насильственная смерть. Спаситель мира, предвозвещая ученикам Своим поприще мученичества, заповедал: *глаголю вам другом Своим: не убойтеся*

→ Желательно, чтобы кто-либо из православных христиан, изучив положительные науки, изучил потом основательно подвижничество православной Церкви и даровал человечеству истинную философию, основанную на точных знаниях, а не на произвольных ипотезах. Мудрец греческий Платон воспрещал упражнение в философии без предварительного изучения математики. Верный взгляд на дело! без предварительного изучения математики с зиждущимися на ней другими науками и без деятельных и благодатных познаний в христианстве невозможно в наше время изложение правильной философской системы. Многие, признающие себя сведущими в философии, но не знакомые с математикою и естественными науками, встречая в сочинениях материалистов произвольные мечты и ипотезы, никак не могут отличить их от знаний, составляющих собственность науки, никак не могут дать удовлетворительного отзыва и опровержения на самый нелепый бред какого-либо мечтателя, очень часто сами увлекаются этим бредом в заблуждение, признав его доказанною истиною. Одна логика может обойтись без математики; но и логика в сущности неразрывно связана с математикой и от последней может заимствовать особенную точность и положительность. Что такое — силлогизм? Это — алгебраическое уравнение. Что такое пропорции и прогрессии? Это — логичная последовательность понятий.

[1] *...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25. 41). || [2] Мф. 25. 46. || [3] Лк. 16. 26. || [4] *...червь... не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9. 48).

от убивающих тело и потом не могущих лишше что сотворити. Скажую же вам, кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убиении воврещи в дебрь огненную: ей, глаголю вам, того убойтеся[1]. Взирая оком веры на уготованное неизреченное блаженство для верных рабов Божиих и столько же неизреченные муки, ожидающие рабов неверных, святые мученики попрали лютейшие казни, которые изобретала против них исступленная злоба мучителей, и бесчисленными скорбьми и смертьми[2] сокрушили под ноги свои вечную смерть. На муки ада взирали непрестанною памятию о них святые иноки — таинственные мученики — и этим воспоминанием низлагали помыслы и мечтания искусителя, живописно и увлекательно рисовавшего пред их воображением, изощренным пустынею, гибельное сладострастие. Орудие, заповеданное Господом, — воспоминание о смерти и вечных муках — употреблял преподобный Антоний Великий, особливо в начале своего подвига. В ночное время диавол принимал вид прекрасных женщин и, являясь Антонию в этом виде, старался возбудить в нем греховное похотение; но Антоний противополагал диавольским мечтам живое представление пламени гееннского, неусыпающего червя и прочих ужасов ада, — этим оружием погашал огонь сладострастия и разрушал картины обольстительные[3]. Только потому мы побеждаемся страстями нашими, что забываем о казнях, последующих за ними; только потому считаем тяжкими земные скорби, что не изучили мучений адских. Некоторый инок, подвижнической жизни, сказал святому старцу: «Душа моя желает смерти». Старец отвечал: «Ты так говоришь потому, что желаешь избежать скорбей, а не знаешь, что будущая скорбь несравненно жесточе здешней». Другой брат вопросил старца: «Отчего я, живя в келлии моей, пребываю в небрежении?» Старец отвечал: «Потому, что ты не узнал ни ожидаемого покоя, ни будущей муки. Если б ты знал их как должно, то терпел бы и не ослабевал и тогда, когда б келлия твоя была полна червей, и ты стоял в них по шею»[4].

Господь, по великому милосердию Своему, открывал отчасти вечные муки некоторым избранникам Своим для их спасения и преуспеяния. Чрез поведание их и наши понятия об адских муках соделались яснее и подробнее. «Были два друга, — сказано

---

[1] *Говорю... вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геенну: ей, говорю вам, того бойтесь* (Лк. 12. 4, 5). ‖ [2] Требник. Последование пострижения в малую схиму. ‖ [3] Vita beati Antonii. Patrologiae tom. LXXIII. Также Четьи-Минеи, 17 января. ‖ [4] Преподобного аввы Дорофея поучение о страхе будущей муки.

в некоторой священной повести,— один из них, тронутый Словом Божиим, вступил в монастырь и проводил жизнь в слезах покаяния; другой остался в мире, проводил рассеянную жизнь и, наконец, пришел в такое ожесточение, что начал дерзко насмехаться над Евангелием. Среди такой жизни кончина постигла мирянина. Узнав о его смерти, монах, по чувству дружбы, начал молить Бога, чтоб загробная участь почившего была ему открыта. По прошествии некоторого времени в тонком сне является иноку друг его. “Что, каково тебе? хорошо ли?” — спросил монах явившегося. “Ты хочешь знать это? — со стоном отвечал почивший. — Горе мне, злосчастному! неусыпающий червь точит меня, не дает и не даст мне покоя чрез целую вечность”. — “Какого рода это мучение?” — продолжал вопрошать монах. — “Это мучение невыносимо! — воскликнул умерший. — Но нет возможности избежать гнева Божия. Ради твоих молитв теперь дана мне свобода, и, если хочешь, я покажу тебе мое мучение. Тебе не вынести, если б я открыл его так, как оно есть, вполне; но хотя отчасти узнай его”. При этих словах почивший приподнял одежду свою до колена. О ужас! вся нога была покрыта страшным червем, снедавшим ее, и от ран выходил такой зловонный смрад, что потрясенный монах в то же время проснулся. Но адский смрад наполнил всю келлию, и так сильно, что монах в испуге выскочил из нее, забыв затворить за собою двери. Смрад проник далее и разлился по монастырю; все келлии переполнились им. Как самое время не уничтожало его, то иноки должны были совершенно оставить монастырь и переселиться на другое место, а монах, видевший адского узника и его ужасную муку, во всю жизнь свою не мог избавиться от прилепившегося ему зловония, ни отмыть его от рук, ни заглушить никакими ароматами»[1].

[1] Письмо 6 Святогорца. Подобно этому в наше время некоторая старица в Горицком Девичьем монастыре, близ города Кириллова Новгородской губернии, видела во сне адские муки, и, во свидетельство истины сновидения, адское зловоние оставалось в ее обонянии в течение целых семи дней, не допуская ее в течение всего этого времени вкусить какой-либо пищи. — Святой Димитрий Ростовский так исчисляет адские муки: «Будут тамо терпеть и огнь неугасающий; ибо рекл Христос Спаситель наш: *огнь* их *не угаснет* (Мк. 9. 44). — Будет же тамо и зима лютая, и от тоя студености, не терпя, грешнии скрежетати зубы своими будут. О сем рек Христос Спаситель наш: тамо *будет плач и скрежет зубом* (Лк. 13. 28)... Будет же тамо и непрестанное червей томление, которые будут тамо непрестанно терзати и ясти человек грешных, и никогда они умрети не имут, ибо речено есть: *червь их не умирает* (Мк. 9. 44)... Будет же тамо еще и смрад нестерпимый от огня серчатаго, ибо написано есть: *огнь и жупел, и дух бурен, часть чаши их* (Пс. 10. 6)... Будет же тамо и тоска велия, такова лютая, яко аще бы возможно было умрети, то в сладость бы ея (смерть) со тщанием ради были восприяти, но никогда же умрут. Ибо

Согласно этой повести свидетельствуют и другие подвижники благочестия, которым были показаны адские муки: без ужаса они не могли воспоминать своих видений и в непрестанных слезах покаяния и смирения искали обрести отраду — извещение спасения. Так случилось с Исихием Хоривским. Во время тяжкой болезни душа его оставляла тело на целый час. Пришедши в себя, он умолял всех, находившихся при нем, удалиться от него. Заградив двери келлии, он пробыл двенадцать лет в неисходном затворе, не произнося ни с кем ни слова, не вкушая ничего, кроме хлеба и воды; в уединении задумчиво углублялся он в виденное им во время исступления и непрестанно проливал тихие слезы. Когда надлежало ему скончаться, он сказал пришедшим к нему братиям после многих их просьб только следующее: «Простите меня! Кто стяжал памятование смерти, тот не может согрешить»[1]. Подобно затворнику Хорива умирал и воскрес затворник наших отечественных Киевских пещер Афанасий, проводивший святую, богоугодную жизнь. Он после продолжительной болезни скончался. Братия убрали тело его, по обычаю иноческому, но скончавшийся оставался не погребенным в течение двух дней по некоторому встретившемуся препятствию. На третию ночь было божественное явление игумену, и он слышал глас: «Человек Божий Афанасий лежит два дня непогребенным, а ты не заботишься о нем». Рано утром игумен с братиею пришли к почившему с намерением предать его тело земле, но нашли его сидящим и плачущим. Ужаснулись они, увидев его ожившим; потом начали вопрошать: как ожил он? что видел и слышал в то время, как разлучался с телом? На все вопросы он отвечал только словом: «Спасайтесь!» Когда же братия неотступно упрашивали сказать им полезное, то он завещал им послушание и непрестанное покаяние. Вслед за этим Афанасий заключился в пещере, пребыл в ней безвыходно в течение

писано есть: *взыщут человецы смерти, и не обрящут ея: и вожделеют умрети, и убежит от них смерть* (Откр. 9. 6)... Еще же будет тамо и тьма кромешная, ибо писано есть: *связавше ему руце и нозе, вверзите* (его) *во тму кромешнюю* (Мф. 22. 13); и в той тьме вверженныя будут сидети вовеки, и не будут видети лица Божия никогда... Будет же тамо и глад, ибо рек Сам Христос: *горе вам, насыщении ныне, яко взалчете* (Лк. 6. 25)... Еще же тамо будет и жажда велия, ибо Сам же Христос рек: *яко вы возжаждете*. Тамо же будет теснота велия, ибо ад полон будет человек грешных, овии вверху, овии среди его, инии же в самом дне адском. Ибо якоже кто насыплет мешец пенязей полн и завяжет его или кто каковый сосуд наполнит доверху рыбою и закроет его; тако и Бог весь ад полн человеки грешными наполнит и заключит его, чтоб оттуду грешницы не исходили».

[1] Лествицы степень 6.

двенадцати лет, день и ночь проводя в непрестанных слезах, чрез день вкушая понемногу хлеба и воды и не беседуя ни с кем во все это время. Когда настал час его кончины, он повторил собравшимся братиям наставление о послушании и покаянии и скончался с миром о Господе[1]. *Страшно некое чаяние суда,* говорит святой апостол Павел, *и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя. Отверглся кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и Кровь заветную скверну возомнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый? Вемы бо рекшаго: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь. И паки: яко судит Господь людем Своим. Страшно (есть) еже впасти в руце Бога живаго*[2].

Пространство между небом и землею, пространство, которым отделяется Церковь торжествующая от Церкви воинствующей, обыкновенно называется и в Священном Писании, и в писаниях святых Отцов, и на общеупотребительном языке человеческом — воздухом. Предоставим ученым земли химическое исследование этого воздуха, то есть газов и других тонких веществ, окружающих землю и простирающихся от поверхности ее на пространство, не известное самим ученым: займемся исследованием того, что существенно нужно и полезно для нашего спасения.

Что такое — этот синий свод, который мы видим над собою и называем небом? точно ли это — небо? или это — только необъятная глубина воздуха, беспредельная, окрашивающаяся голубым цветом и закрывающая от нас небо? Последнее вероятнее: свойственно воздуху на большом пространстве принимать для глаз наших синеватый цвет и оттенять им другие предметы, находящиеся в отдалении от нас. В этом всякий может убедиться собственным опытом. Стоит только в ясный солнечный день стать на значительной высоте и посмотреть вдаль: зеленеющие рощи, вспаханные поля, строения — словом, все представляется не в своем цвете, но с синеватым отливом, производимым цветом воздуха, находящегося между нашими глазами и теми предметами, на которые смотрим. Чем далее эти предметы, тем они кажутся синее; нако-

---

[1] Патерик Печерский. Память преподобного Афанасия совершается 2 декабря. || [2] *...некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.* ***Если*** *отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия* ***наказывается*** *смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто сказал: «у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь». И еще: «Господь будет судить народ Свой». Страшно впасть в руки Бога живого!* (Евр. 10. 27–31).

нец, общая синева покрывает самые отдаленные предметы и сливает их в одну синюю полосу. Печально верное изображение ограниченности нашей, произведенной, поддерживаемой в нас грехом! Но лучше знать ее, нежели в неведении обольщать себя ложным мнением неограниченного видения и ведения.

Совершенные христиане, очистившие свои чувства, точно видели небо, и усмотрели на небе и в воздухе то, чего мы не видим дебелыми нашими очами. Так, внезапно увидел, по действию Святого Духа, отверзшееся небо святой первомученик Стефан пред страдальческою кончиною своею, стоя в многочисленном собрании иудеев, враждебных Христу и христианству. *Стефан же*, говорит Священное Писание, ***сый исполнь Духа Святаго, воззрев на небо, видит славу Божию и Иисуса стояща одесную Бога, и рече: се, вижу небеса отверста и Сына Человеча одесную стояща Бога***[1]. Видели небо и вход учителя своего во врата небесные святые ученики Макария Великого, конечно, так же как и Стефан, при посредстве Святого Духа[2]. Видел преподобный Исидор Скитский, присутствовавший при кончине юного подвижника Захарии, отверзшимися врата небесные для умирающего и воскликнул: «Радуйся, сын мой Захария: для тебя отворились небесные врата!»[3] Видел, как уже выше сказано, преподобный Иоанн Колов лучезарный путь от земли до неба, по которому Ангелы возносили душу почившей Таисии[4]. Увидела, при отверзении душевных очей, отверзшееся небо и сошедшего оттуда молниеносного Ангела мать старца Паисия Нямецкого, неутешно скорбевшая об отшествии ее сына в монашество[5]. Когда начинают действовать чувства, уже не связанные падением, действие их необыкновенно изощряется, самый круг действия принимает обширные размеры — пространство для них сокращается. Вышеупомянутые видения святых служат тому достаточным доказательством; но для большей ясности не останавливаемся представить и другие духовные опыты. Святой Антоний Великий, обитавший в одной из пустынь Египта, недалеко от Чермного моря, увидел возносимую на небо Ангелами душу преподобного Аммона, подвизавшегося на другой оконечности Египта, в Нитрийской пустыне. Ученики Великого заметили день и час видения, — потом узнали от братии, пришедших из Нитрии, что преподобный Аммон скончался именно в тот день и час, в которые видел

---

[1] *Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7. 55, 56). ‖ [2] Патерик Скитский. ‖ [3] Там же. ‖ [4] Там же. ‖ [5] Житие Паисия Нямецкого, параграф 14.

вознесение души его преподобный Антоний Великий. Расстояние между пустынями требовало тридцати дней путешествия для пешехода[1]. Очевидно, что зрение христианина, обновленного Святым Духом и достигшего высокой степени совершенства, простирается далеко за пределы зрения человеческого в его обыкновенном состоянии; подобно обновленному зрению действует и слух обновленный. Нетрудно было духоносным ученикам Макария Великого видеть шествие его души по воздуху и слышать слова, произнесенные ею на воздухе и при входе во врата небесные. Когда к этому великому Макарию привели женщину, которой вид изменился по наваждению нечистого духа, и некоторые из учеников его не могли заметить действия диавольского, очевидного для Великого, то он сказал им, что причина такого невидения их — плотское состояние их чувств, не способных для зрения духов и действий их[2]. В этом состоянии мы находимся, как в темнице и оковах.

Но большая часть людей не ощущает своего плена и своей темницы: они кажутся им удовлетворительнейшею свободою. Познание и ощущение такого состояния нашего — дар Божий. Открыл это состояние Святой Дух пророку Давиду, и Давид произнес от всего человечества и от каждого человека умилительнейшую молитву к Богу о избавлении от состояния бедственного. *Изведи,* молитвенно воспевает и вопиет он, *из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему*[3]. Апостол Петр называет плотское и душевное состояние человеков, хотя и благочестивых, темным местом. Место может быть не только вещественное, но, в отвлеченном значении, и мысленное и нравственное, как Писание говорит: *в мире* (сердечном) *место Его* (Божие)[4]. Заключенным в темном месте и желающим спастись должно руководствоваться, как светилом, Священным и Святым Писанием, доколе не низойдет на них Святой Дух и не соделается для них живою книгою Божественного Учения, всегда отверстою и неумолкающею. *Имамы известнейшее пророческое слово: емуже внимающе, яко светилу сияющу в темнем месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших*[5].

---

[1] Патерик Скитский. ‖ [2] Жена подверглась диавольскому искушению за то, что провела целые шесть недель без приобщения Святых Христовых Таин. При обильном действии Божественной благодати в первенствующей Церкви и такие погрешности, которые ныне кажутся малозначительными, влекли за собою наказание Божие (Деян., гл. 5). Патерик Скитский. ‖ [3] *...из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое* (Пс. 141. 7). ‖ [4] Пс. 75. 3. ‖ [5] *...имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших* (2 Пет. 1. 19).

Заключенные в темнице земного мудрования! Услышим тех, которые стяжали о Господе духовную свободу и озарились духовным разумом! Слепорожденные! услышим прозревших от прикосновения к очам их перста Божия, увидевших свет истины, увидевших и уведавших, при сиянии этого света, невидимое и неведомое для плотских и душевных умов. Слово Божие и содействующий слову Дух открывают нам, при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна воздухов, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба. *Бысть брань на небеси,* повествует великий зритель тайн, святой Иоанн Богослов: *Михаил и Ангели его брань сотвориша со змием, и змий брася и ангели его. И не возмогоша, и места не обретеся им ктому на небеси*[1]. Это низвержение диавола и увлеченных им духов с неба, по объяснению святого Андрея Кесарийского, последовало за первым согрешением их, когда они были устранены Святыми Силами из Ангельского сонма и изринуты из него, как поведает о том святой пророк Иезекииль[2]. В книге Иова падший ангел уже представляется блуждающим в неизмеримом пространстве поднебесной; он скитался в ней, быстро пролетал ее, томимый ненасытною злобою к роду человеческому[3]. Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесными[4], а главу их — князем власти воздушной[5]. Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над собою. Они не престают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами[6]. *Супостат ваш диавол,* говорит святой апостол Петр, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[7] и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться чрез воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный *диаволу и аггелом его.* Так действуют они по праву, приобретенному ими.

---

[1] *И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали* ***против них****, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе* (Откр. 12. 7, 8). ‖ [2] Иез. 28. 16. ‖ [3] Иов. 1. 7. ‖ [4] Еф. 6. 12. ‖ [5] Еф. 2. 2. ‖ [6] Cassiani collatio VIII. Это очевидно из писаний и многих других святых Отцов. ‖ [7] *... противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1 Пет. 5. 8).

Бог, сотворив Адама и Еву, предал им владычество над землею. Он благословил их, повествует Писание, *глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, (и зверми) и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по земли*[1]. Не только земля поручена была первым человекам, им поручен был самый рай, который они обязаны были возделывать и охранять[2]. Они имели над собою Владыкою единого Бога. Что ж сделали они в раю?.. Увы! несчастное ослепление! Увы! ослепление и безумие непостижимые! Вняв коварному и убийственному совету падшего ангела, они свергли с себя благое иго повиновения Богу и возложили на себя железное иго повиновения диаволу. Увы! прародители наши преступили повеление Божие и исполнили советование всезлобного врага своего, духа мрачного, духа богохульного, льстивого и лживого. Этим поступком, по весьма естественному порядку, они нарушили свое общение с Богом, и не только вступили в общение с диаволом, но и произвольно подчинили себя ему, а с собою и ту часть создания, которая сотворена была для них и над которою Богом предоставлено было им владычество. «Враг, прельстивший Адама, — говорит Макарий Великий, — и таким образом восхитивший господство над ним, лишил его всей власти и объявлен князем века сего. Сначала Бог поставил человека князем этого века и господином всего видимого»[3]. Праотцы наши изринуты из рая на землю, земля проклята ради их, и Херувим с пламенным, вращающимся оружием поставлен хранить путь древа жизни[4]. Но и другой херувим[5] стал на пути человека к раю, тот херувим, который не пощадил своего дивного величия, начальник и родитель зла и смерти, ниспавший в пропасть погибели, увлекший туда множество ангелов и весь род человеческий. Этот херувим, по справедливому попущению и распределению Божию, с сонмом ангелов падших,

---

[1] *...и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле* (Быт. 1. 28). ‖ [2] Быт. 2. 15. ‖ [3] Слово 4, гл. 3. Что власть сатаны над падшими ангелами и человеками, над миром и веком не есть собственность его, но приобретена от тех, которые произвольно предали ее ему, он сам засвидетельствовал пред Спасителем, когда показал Ему *вся царствия вселенныя в часе временне* и сказал о них: *Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и, емуже аще хощу, дам ю* (Лк. 4. 5, 6). ‖ [4] Быт. 3. 24. ‖ [5] Прп. Кассиан полагает, что сатана до падения принадлежал к лицу Херувимов (Col. 7. Cap. 8). И другие святые Отцы согласны, что он из числа высших ангелов.

князь воздушный, князь мира и века сего, князь и глава добровольно покорившихся ему ангелов и человеков, стал на пути от земли к раю и с того времени до спасительного страдания и животворной смерти Христовой не пропустил по пути тому ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. Врата небесные заключились для человеков навсегда. И праведники и грешники нисходили во ад.

Врата вечные и пути непроходимые открылись пред Господом нашим Иисусом Христом, Который, восприяв вольную смерть, сошел Пресвятою Душою Своею и не разлучившимся с нею Божеством во ад, сокрушил его вереи и врата, освободил его пленников[1], потом, воскресив Свое Тело, прошел уже с ним пространство поднебесной, небо, небеса небес и вступил на Престол Божества. Ужаснулись темные власти в ожесточении и ослеплении своем, видя шествие Богочеловека, уничтожающего всю силу их: в духовной радости, с величайшим торжеством, чиноначалия святых Ангелов отверзли пред Ним горние врата[2]. Потом снова объял ужас демонов, когда они увидели разбойника за исповедание Христа восходящего за Христом в рай: тогда они с изумлением познали силу искупления.

Недоведомою премудростию Божиею, по искуплении рода человеческого Господом нашим Иисусом Христом, предоставлена человекам свобода в изображении жизни и смерти, в принятии

---

[1] «Ужаснулась смерть, узрев, что снисшел во ад новый Некто, недержимый тамошними узами. Почему же, увидев Его, убоялись вы, вратницы адовы (Иов. 38. 17)? Какой необычайный страх овладел вами? Бежала смерть, и бегство обличило боязнь. Стеклись святые пророки, и законодатель Моисей, и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Давид, и Самуил, и Исаия, и Креститель Иоанн, который вещает и свидетельствует: *Ты ли еси грядый, или иного чаем?* (Мф. 11. 3). Искуплены все праведные, которых поглотила смерть, потому что проповеданному Царю надлежало соделаться Искупителем добрых проповедников. И после сего каждый из сих праведников сказал: *где ти, смерте, жало? Где ти, аде, победа?* (1 Кор. 15. 55). Нас искупил Победодавец». Святого Кирилла Иерусалимского 14-е Огласительное слово, § 19, по переводу Московской Духовной Академии. ‖ [2] «Когда сошел Господь Иисус Христос во ад, устрашились князи адские и возопили: *Возмитесь врата плачевныя, взошел Царь славы, Христос*. Когда Господь сокрушил ад и, освободив из его плена души праведников, возносился на небо, то Небесные Силы, удивляясь новому чуду, вопияли: *возьмите врата*. Одни из них вопияли: *Кто Царь славы?* Другие отвечали: *Господь сил*, сходящий плотию, Бог Слово, сидящий на престоле славы, Сын Отца, предвечно сущий со Отцом, сошедши на землю, восприял человечество и вознес его с Собою на небо — *Царь славы*». Толкование, заимствованное из святых Отцов и помещенное по третьей кафизме в Псалтири издания Киево-Печерской Лавры с толкованиями на брезе.

Искупителя и искупления или в отвержении их. И многие, к несчастию, весьма многие, пожелали остаться в общении с сатаною, в плену и рабстве у него, объявили себя открыто врагами Спасителя и Его Божественного Учения. Также многие, вписав себя в Его воинство и объявив себя Его служителями, нарушают обет верности Ему, — действиями своими, явными и тайными, вступают в союз с духами злобы. Все, явно отвергшие Искупителя, отселе составляют достояние сатаны: души их, по разлучении с телами, нисходят прямо во ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, не достойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтоб эти уклонения ко греху, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтоб определить степень уклонения ко греху христианской души, чтоб определить, что преобладает в ней — вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный Суд Божий, как сказал святой апостол Павел: *лежит человеком единою умрети, потом же суд*[1].

Правосудие Божие совершает суд над христианскими душами, исшедшими из тел своих, посредством Ангелов, как святых, так и злобных. Первые, в течение земной жизни человека, замечают все его добрые дела, а вторые замечают все его законопреступления. Когда душа христианина начнет восходить к небу, руководимая святыми Ангелами, темные духи обличают ее неизглажденными покаянием грехами ее, как жертвами сатане, как залогами общения и одинаковой вечной участи с ним.

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в Отеческих писаниях *мытарствами,* а духи, служащие в них, — *мытарями.*

Мытарем именовался во времена Христовы и в первые века христианской Церкви собиратель государственных повинностей. Как эта обязанность, по простоте древних обычаев, поручалась лицу без положительной ответственности и отчетности, то мытари позволяли себе все средства насилия, разного рода

---

[1] *...человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9. 27).

ухищрения, придирки, бесчисленные злоупотребления и бесчеловечное грабительство. Они обыкновенно становились при городских воротах, на рынках и других публичных местах, чтоб никто не мог избежать их зоркого наблюдения. Поведение мытарей сделало их ужасом для народа. По понятию его, имя мытаря выражало человека без чувств, без правил, способного ко всякому злодеянию, ко всякому унизительному поступку, дышащего, живущего ими, — человека отверженного. В этом смысле Господь сравнил упорного и отчаянного преслушника Церкви с язычником и мытарем[1]. Для ветхозаветных поклонников истинного Бога ничего не было отвратительнее служителя идолов: столько же ненавистным был для них и мытарь. Название мытарей распространилось от людей на бесов, стрегущих восход от земли к небу, по сходству должности и исполнения ее. Как сыны и наперсники лжи, демоны уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостию, чтоб вырвать душу из рук ангельских и умножить ею бесчисленное множество адских узников[2].

---

[1] Мф. 18. 17. || [2] Святой Иоанн Лествичник повествует, что некто Стефан, живший на Синае, любивший пустыню и безмолвие, пробывший много лет в монашеском подвиге, украшенный постом и еще более слезами, процветавший и другими превосходными качествами, достигший действительного покаяния, за день до кончины своей пришел в исступление, начал озираться на правую и левую сторону одра своего и, истязуемый невидимыми существами, говорил во всеуслышание всех предстоявших: «Так, точно так; но за это я постился столько-то лет». Потом: «Нет, вы лжете, я этого не сделал». Опять: «Да, точно так, да; но я плакал, я предал себя в служение братиям». И опять: «Нет, вы клевещете на меня». На иные обвинения он отвечал: «Да, точно так, и не знаю, что сказать на это: у Бога есть милость». Этим невидимым и тяжким истязанием представлялось зрелище грозное и страшное; всего страшнее было то, что его обвиняли в таких проступках, которых он вовсе не делал. Увы! безмолвник и отшельник говорил о некоторых своих согрешениях: «Не знаю, что сказать на это»; между тем он провел в монашестве сорок лет и имел слезы... Куда скрылось тогда изречение Иезекииля: в *чем обрету тебя, в том и буду судить*, сказал Бог (Иез. 33. 12, 20). Поистине он не нашелся сказать ничего такого: почему слава Единому Всеведущему! А некоторые поведали, свидетельствуясь в справедливости слов своих Господом, что Стефан в пустыне кормил из рук своих леопарда. Но он разлучался от тела с таким истязанием... и оставил в неизвестности, каким определением кончились этот суд, это истязание (Лествицы степень 7). — *Не предаждь мене в души стужающих ми: яко воста̂ша на мя свидетеле неправеднии, и солга неправда себе* (Пс. 26. 12), так говорит Святой Дух от лица души человеческой, описывая невидимую борьбу ее с невидимыми врагами.

Учение о мытарствах есть учение Церкви[1]. *Несомненно*, что святой апостол Павел говорит о них, когда возвещает, что христианам предлежит брань с поднебесными духами злобы. Это учение находим в древнейшем церковном Предании и в церковных молитвословиях. Пресвятая Дева, Богоматерь, извещенная Архангелом Гавриилом о приближающемся своем преставлении, принесла слезные молитвы Господу о избавлении Ее души от лукавых духов поднебесной. Когда настал самый час Ее честного успения, когда нисшел к ней Сам Сын и Бог Ее с тьмами Ангелов и праведных духов, Она, прежде нежели предала пресвятую душу Свою во всесвятые руки Христовы, произнесла в молитве к Нему и следующие слова: «Приими ныне в мире дух Мой и огради Меня от области темной, чтоб не встретило Меня какое-либо устремление сатаны»[2].

Святой Афанасий Великий, патриарх Александрийский, в жизнеописании преподобного Антония Великого повествует следующее: «Однажды он (Антоний) при наступлении девятого часа, начав молиться перед вкушением пищи, был внезапно восхищен Духом и вознесен Ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествию; Ангелы, препираясь с ними, требовали изложения причин их противодействия, потому что Антоний не имел никаких грехов. Демоны старались выставить грехи, соделанные им от самого рождения; но Ангелы заградили уста клеветников, сказав им, что они не должны исчислять согрешений его от рождения, уже изглажденных благодатию Христовою, но пусть представят, если имеют, грехи, соделанные им после того времени, как он поступлением в монашество посвятил себя Богу. При обвинении демоны произносили много наглой лжи; но как клеветы их лишены были доказательств, то для Антония открылся свободный путь. Тотчас он пришел в себя и увидел, что стоит на том самом месте, на котором стал для молитвы. Забыв о пище, он провел всю ночь в слезах и стенаниях, размышляя о множестве врагов человеческих, о борьбе с таким воинством, о трудности пути к небу чрез воздух и о словах Апостола, который сказал: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом* власти сего

[1] «Частный суд Божий над душами, по разлучении их с телами, предваряется, *по учению Православной Церкви,* истязанием на так называемых *мытарствах,* чрез которые они, восходя от земли в *сопровождении Ангелов,* проходят *воздушное пространство* и на которых *злые духи* задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни» (Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви преосвященного Антония. Гл. 341. С. 244 и 245. Изд. седьмое, 1857). ‖ [2] Четьи-Минеи, 15 августа.

воздуха[1], который, зная, что воздушные власти того только и доискиваются, о том заботятся со всем усилием, к тому напрягаются и стремятся, чтоб лишить нас свободного прохода к небу, увещевает: *приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют*[2], *да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно*»[3].

Святой Иоанн Златоуст, сказав, что умирающий, хотя бы был великим властелином на земли, объемлется смущением, страхом, недоумением, когда *увидит страшные власти ангельские* и *пришедшие противные силы,* чтоб разлучить душу от тела, — присовокупляет: «Тогда нужны нам многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от Ангелов при шествии чрез воздушное пространство. Если, путешествуя в чужую страну или чужой город, нуждаемся в путеводителе, то сколько нужнее нам путеводители и помощники для руководства нас мимо невидимых старейшинств и властей миродержителей этого воздуха, называемых и гонителями, и мытарями, и сборщиками податей!» От лица почивших христианских младенцев Златоуст так витийствует и богословствует: «Нас святые Ангелы мирно разлучили от тела, и мы свободно миновали старейшинства и властей воздушных. Мы имели благонадежных руководителей! Лукавые духи не нашли в нас того, чего искали; не увидели того, что желали бы увидеть. Увидев тело неоскверненное, они посрамились; увидев душу чистую, чуждую злобы, они устыдились; не нашли в нас слов порочных и умолкли. Мы прошли и уничижили их; мы прошли сквозь них и попрали их; *сеть сокрушися, и мы избавлени быхом. Благословен Господь, иже не даде нас в ловитву зубом их*[4]. Когда это совершилось, руководившие нас Ангелы возрадовались; они начали лобызать нас, оправданных, и говорить в веселии: “Агнцы Божии! ублажаем ваше пришествие

[1] ...*наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12). ‖ [2] ...*приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злой* (Еф. 6. 13). ‖ [3] ...*чтобы противник был посрамлен, не имея что сказать о нас худого* (Тит. 2. 8). Vita beati Antonii. Caput XXXVII. Преподобный Антоний Великий жил в III веке и в начале IV. Судя по долговременной его жизни и вступлению в монастырь в двадцатилетнем возрасте, с достоверностию можно заключить, что он оставил мир во второй половине III века. Описанным здесь восхищением души Преподобного на воздушные мытарства в то время, как он стал на молитву, подтверждается мнение св. Макария Великого, что души преуспевших в благочестивом подвиге иногда выходят из тела во время молитвы по особенному действию Святого Духа. ‖ [4] *Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились* (Пс. 123. 6, 7).

сюда; отверзся вам прародительский рай; предоставлено вам лоно Авраама. Прияла вас десная рука Владыки; призвал Его глас в десную часть. Благосклонными очами воззрел Он на вас; в Книгу Жизни вписал Он вас". И сказали мы: "Господь! праведный Судия! Ты лишил нас благ земных: не лиши небесных. Ты отлучил нас от отцов и матерей: не отлучи от святых Твоих. Знамения Крещения сохранились целыми на нас: тело наше мы представляем Тебе чистым по причине младенчества нашего"»[1].

Преподобный Макарий Великий говорит: «Слыша, что под небесами находятся реки змиев, уста львов, власти темные, огнь горящий и все члены в смятение приводящий, не знаеши ли, что если не восприимеши залога Святого Духа при исхождении из тела, они душу твою поимут и воспрепятствуют тебе внити на небеса»[2].

Святой великомученик Евстратий, по претерпении страшных пыток и мучений, по совершении дивных чудес, пред приятием смертной казни за постоянное и крепкое исповедание Христа принес молитву Богу, в которой сперва возблагодарил Бога, призревшего на него и даровавшего во время земных страданий победить невидимого врага, диавола; потом он переходит к предстоящему разлучению души его с телом и говорит: «Смутилась и возболезновала душа моя при исхождении своем из окаянного и скверного тела. Чтоб не уловил ее в чем лукавый супостат и не изверг во тьму за неведомые и ведомые грехи, соделанные мною во время сей жизни! Владыка! будь милостив ко мне, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов, но да примут ее Ангелы Твои светлые и пресветлые. Да будет слава Святому Имени Твоему, и Твоею силою возведи меня на Божественное Твое судилище. Когда буду судиться, да не восхитит меня рука князя мира сего для ввержения меня, грешного, в глубину ада: но предстань мне, и будь Спасителем и Защитником моим. Телесные же эти мучения суть увеселения для рабов твоих». Подобным образом и святой великомученик Георгий, поправший благодатию Христовою все ужаснейшие мучения, изобретенные злобою мучителей, воскресивший пред очами их мертвеца, низвергший идолов единым именем Господним, когда пришел на место казни, излил такую предсмертную молитву: «Благословен Господь Бог мой, не предавший меня в челюсти ловцов моих, не воз-

---

[1] Маргарит. Слово о терпении и благодарении, и о том, чтоб мы не плакали неутешно о умерших. Слово это положено читать в седьмую субботу по Пасхе и при каждом погребении усопшего. Западные критики признают Слово не принадлежащим Златоусту; но оно издревле освящено в Восточной Церкви чтением при богослужении. ‖ [2] Беседа 16, гл. 18.

веселивший о мне врагов моих и избавивший душу мою, как птицу от сети ловцов! Владыка! и ныне услышь меня: предстань мне в сей час моей кончины и избавь душу мою от козней воздушного князя, этого ужасного противоборца, и его нечистых духов. Не поставь в грех согрешившим против меня в неведении, но Твое прощение и любовь даруй им, да и они, познав Тебя, получат часть с избранными Твоими во Царствии Твоем»[1].

Великий угодник Божий, зритель тайн, святой Нифонт, епископ Кипрского града Констанции, стоя однажды на молитве, увидел небеса отверстыми и множество Ангелов, из которых одни нисходили на землю, другие восходили горе, вознося человеческие души в небесные обители. Он начал внимать этому зрелищу, и вот — два Ангела стремились к высоте, неся душу. Когда они приблизились к блудному мытарству, вышли мытоимцы бесы и с гневом сказали: «Наша эта душа! Как смеете нести ее мимо нас, когда она наша?» Отвечали Ангелы: «На каком основании называете ее вашею?» — Бесы сказали: «До самой смерти она грешила, оскверняясь не только естественными, но и чрезъестественными грехами, к тому ж осуждала ближнего, а что всего хуже, умерла без покаяния: что вы скажете на это?» — Ангелы отвечали: «Поистине не поверим ни вам, ни отцу вашему, сатане, доколе не спросим Ангела хранителя этой души». Спрошенный Ангел хранитель сказал: «Точно, много согрешил этот человек; но только что сделался болен, начал плакать и исповедовать грехи свои Богу. Простил ли его Бог, о том Он ведает. Того власть, Того праведному суду слава». Тогда Ангелы, презрев обвинение бесов, вошли с душою во врата небесные. — Потом Блаженный увидел и другую душу, возносимую Ангелами. Бесы, выбежав к ним, вопияли: «Что носите души без нашего ведома, как и эту, златолюбивую, блудную, сварливую, упражнявшуюся в разбое?» Отвечали Ангелы: «Мы наверно знаем, что она, хотя и впала во все это, но плакала, воздыхала, исповедываясь и подавая милостыню, и потому Бог даровал ей прощение». Бесы сказали: «Если эта душа достойна милости Божией, то возьмите грешников всего мира; нам нечего здесь трудиться». Отвечали им Ангелы: «Все грешники, исповедающие со смирением и слезами грехи свои, примут прощение по милости Божией; умирающих же без покаяния судит Бог». Так посрамив бесов, они прошли. Опять видел Святой возносимую душу некоторого

[1] Святые великомученики Евстратий (память его празднуется 13 декабря) и Георгий (память его 23 апреля) пострадали при императоре Диоклетиане между 301 и 310 по Р. Х. Четьи-Минеи. Молитва святого Евстратия внесена в чин двунадесяти псалмов. См. Канонник Киево-Печерский.

мужа боголюбивого, чистого, милостивого, ко всем любовного. Бесы стояли вдали и скрежетали на эту душу зубами; Ангелы же Божии выходили к ней навстречу из врат небесных и, приветствуя ее, говорили: «Слава Тебе, Христе Боже, что Ты не предал ее в руки врагов и избавил ее от преисподнего ада!» — Также видел блаженный Нифонт, что бесы влекли некоторую душу к аду. Это была душа одного раба, которого господин томил голодом и побоями и который, не стерпев томления, удавился, будучи научен диаволом. Ангел хранитель шел вдали и горько плакал; бесы же радовались. И вышло повеление от Бога плачущему Ангелу идти в Рим, там принять на себя хранение новорожденного младенца, которого в то время крестили. — Опять видел Святой душу, которую несли по воздуху Ангелы, которую отняли у них бесы на четвертом мытарстве и ввергли в бездну. То была душа человека, преданного блуду, волшебству и разбою, умершего внезапно без покаяния[1].

Преподобный Симеон, Христа ради юродивый, достигший высоты христианского совершенства, поведав сотаиннику своему диакону Иоанну о приближающейся своей кончине и великом воздаянии на небе, возвещенных ему откровением Свыше, говорил: «Ничего не знаю в себе такого, что было бы достойно небесного воздаяния: разве восхощет Господь помиловать меня туне Своею благодатию. Знай, что и ты скоро будешь взят отсюда, почему позаботься, сколько у тебя силы, о душе твоей, да возможешь безбедственно пройти чрез область воздушных духов и избегнуть лютой руки князя тьмы. Ведает Господь мой, что и я одержим большою печалью и великим страхом, доколе не миную эти грозные места, на которых истязаются все дела и слова человеческие»[2].

Блаженный Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, постоянно беседовал о смерти и о исходе души из тела, как ему о том открыто было преподобным Симеоном Столпником: «Когда душа выйдет из тела, — говаривал он, — и начнет восходить к небу, встречают ее лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязают ее во лжи, клевете, ярости, зависти, гневе, памятозлобии, гордости, срамословии, непокорстве, лихве, сребролюбии, пьянстве, объядении, злопомнении, волхвовании, братоненавидении, убийстве, воровстве, немилосердии, блуде, прелюбодеянии. Во время шествия души от земли к небу самые святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела,

[1] Святой Нифонт жил во второй половине III и в начале первой половины IV века. Четьи-Минеи, 23 декабря. ‖ [2] Преподобный Симеон жил в VI веке. Четьи-Минеи, 21 июля.

а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвению, то милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств. Братия! ведая это, убоимся горького часа встречи с суровыми и немилостивыми мытарями, часа, в который придем в недоумение, что отвечать нам истязателям нашим. Ныне покаемся во всех грехах наших, дадим по силе нашей милостыню, могущую проводить нас от земли на небо и избавить от задержания бесами. Велика их ненависть к нам, великий страх ожидает нас на воздухе, великое бедствие!»[1]

Симеон Столпник, открывший о мытарствах патриарху Иоанну, был Дивногорец, современник патриарха, хотя и старший его. До нас дошел отрывок поучения, принадлежащего собственно святому Симеону, в котором он говорит о загробной участи христианина. В этом поучении Преподобный сперва открывает, что ему возвещено Святым Духом о малом числе спасающихся, о малом числе сохраняющихся в руках Ангельских в настоящее время, то есть во время жизни Угодника Божия. Далее он говорит, что душу неоскверненную и праведную Ангелы воспринимают с любовию, ублажают, с песнопением возносят, отражая силу врагов и возвышаясь превыше мытарств восхода. Напротив того, грешная душа не допускается подняться в страну, превысшею воздуха: диавол имеет повод обвинять ее. Он препирается с несущими ее Ангелами, представляя ее согрешения, по причине которых она должна принадлежать ему, представляя недостаточество ее в той степени добродетели, которая необходима для спасения и для свободного шествия сквозь воздух[2].

Преподобный Иоанн Раифский, в послании к преподобному Иоанну Лествичнику, упоминает о воздушных князьях, миродержителях, духах злобы, желая, чтоб душеполезные наставления Синайского Светильника руководили иноков к вратам небесным и сохранили их от темных властей, стрегущих восход к небу. — Святой Иоанн Лествичник повествует, что падшие иноки, приносившие глубокое и постоянное покаяние, среди прочих, исполненных умиления и сопровождаемых стенаниями слов своих, произносили следующее: *убо прейде ли душа наша воду* воздушных духов *непостоянную?*[3] Так говорили они, убо еще не ощутили уверенности, но издали созерцали то, что совершается на воздушном истязании[4].

---

[1]Пролог, 19 декабря. Святой Иоанн Милостивый скончался во второй половине VII века, по взятии Александрии магометанами. ‖ [2] Пролог, 13 марта. ‖ [3] ...*прошли бы над душою нашею воды бурные* (Пс. 123. 5). ‖ [4] Слово 5, глава 22.

Преподобный Исаия Отшельник в завещании ученикам своим заповедал «ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе»[1]. В 17-м Слове он говорит: «Помысли, какова радость души предавшего себя в служение Богу и совершившего это служение! При исшествии его из этого мира дела его будут подвизаться за него; Ангелы, увидав его избавившимся от властей тьмы, возрадуются о нем. Когда душа выйдет из тела, ей сопутствуют Ангелы; навстречу ей выходят темные силы, желая удержать ее, и истязуя, не найдут ли в ней чего своего. Тогда не Ангелы противоборствуют врагам, но дела, совершенные душою, ограждают ее и сохраняют от врагов, не допуская им прикоснуться к ней. Если победят дела ее, то Ангелы воспевают ей песнь хвалы и ведут ее с веселием пред лице Божие. В тот час она забывает все, принадлежащее к земной жизни, и все понесенные ею труды. Со всем тщанием и усилием постараемся во время сего краткого века делать добро и сохранять его неприкосновенным для зла, чтоб было нам возможно спастись от рук князей, уже ожидающих нас: они лукавы и немилостивы. Блажен тот, в ком не найдется чего-либо, принадлежащего им: его радость, веселие, покой и венец превыше всякой меры»[2].

Некоторый инок, живший в общежитии аввы Серида, где безмолвствовал в затворе великий угодник Божий, старец Варсонофий, приближаясь к кончине своей, просил этого святого старца, чтоб он спутешествовал ему на воздухе в том пути, которого он (умирающий инок) не ведал. Великий Варсонофий отвечал: «Брат! предаю тебя Христу, благоволившему умереть за нас, Владыке неба и земли и всего живущего, да уменьшит Он в очах твоих страх смерти и соделает беспрепятственным восход души твоей»[3].

Преподобный авва Дорофей, воспитанник по монашеству того же общежития аввы Серида, пишет в одном из своих посланий: «При нечувствии (жестокости) души полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов богоносных Отцов, памятование о Страшном суде Божием, об исходе души из тела, о имеющих встретить ее страшных силах, с соучастием которых она делала зло в этой маловременной и бедственной жизни»[4].

Святой Иоанн Карпафийский, утешая иноков Индии, в одно и то же время терпевших сильное гонение от видимых и невидимых врагов и приближавшихся к пропасти отчаяния, говорит: «Ратуя и поношая, с дерзостию находит на душу, исшедшую из тела, враг, этот горь-

[1] Преподобного Исаии Слово 1. ‖ [2] Преподобный Исаия жил в VI веке. ‖ [3] Вопрос 145. Великий Варсонофий жил в V и VI веках по Р. Х. ‖ [4] Послание 1.

кий и страшный клеветник в содеянных ею грехах. Тогда боголюбивая и вернейшая душа, хотя бы и была уязвлена многими грехами, не придет в ужас от его устремления и угроз. Укрепляемая Господом, воскрыляемая радостию, ободряемая Святыми Силами, ее наставляющими, ограждаемая светом веры, она с великим мужеством противостоит лукавому диаволу и отвечает ему: "Что нам и тебе, чуждый Бога? Что нам и тебе, беглец с неба и раб лукавый? Ты не имеешь власти над нами: власть над нами и над всеми принадлежит Христу, Сыну Божию. Пред Ним согрешили мы, Ему и дадим отчет, имея Его честный крест залогом Его милосердия к нам и нашего спасения. Губитель! беги далеко от нас: нет ничего общего между тобою и рабами Христовыми". Когда душа мужественно говорит так, диавол обращается в бегство и вопиет: "Не могу противостоять Имени Христову!" А душа парит превыше врага... и после этого в радости приносится Божественными Ангелами в места, определенные ей по степени ее духовного преуспеяния»[1].

«Душа, возлетевши по смерти на воздух к вратам небесным, — говорит святой Исихий, — имея с собою и в себе Христа, ниже там устрашится врагов своих, но мужественно, как и ныне, будет отвечать им во вратах. Только да не ослабеет она до исхода своего вопить день и ночь к Господу Иисусу Христу. Он отмстит за нее вскоре, по неложному и Божественному Его обещанию, выраженному в притче о судии неправедном. Точно, говорю вам, отмстит и в настоящей жизни и по исшествии души из тела. — Найдет на нас час смерти, придет он, и избегнуть его будет невозможно. О, если б князь мира и воздуха, долженствующий тогда встретить нас, нашел наши беззакония ничтожными и незначительными и не мог обличить нас правильно! В противном случае, восплачемся бесполезно. *Раб,* говорит Писание, *ведевший волю господина своего* и не исполнивший ее, *биен будет много*[2]. Не видит света родившийся слепым: так и не пребывающий в трезвении не видит богатого сияния высшей благодати и не освободится от лукавых и богоненавистных дел, слов и помышлений. Таковой, при кончине своей, несвободно минует тартарских князей»[3].

Преподобный Феогност: «Неизреченна и несказанна сладость той души, которая разлучается с телом, будучи извещена о своем спасении. Она скидает тело, как одежду. В твердой уверенности

---

[1] Преподобного Иоанна Карпафийского утешительная глава 25. ‖ [2] *Раб же тот, который знал волю господина своего... бит будет много* (Лк. 12. 47, 48). ‖ [3] Слово святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, о трезвении, главы 149, 161 и 4. Добротолюбие. Ч. 2.

получить уже полученное в обручении, без печали отлагает она тело, мирно выходит из него к Свыше посланному за нею Ангелу, светлому и тихому. Сопутствуемая этим Ангелом, она беспрепятственно проходит воздушное пространство, нисколько не тревожимая лукавыми духами; радостно и дерзновенно восходит она, при восклицаниях благодарения Богу, и приходит наконец на поклонение Создателю своему. Там произносится о ней определение, повелевающее поместить ее с равными ей по добродетели для пребывания с ними до общего воскресения»[1]. — «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого, как приявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим ощущением души; но не потерпи разрешиться от плоти, не предваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом, и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится твоя кончина, если то полезно. Готовься к кончине всегда, отвергая всякую боязнь; готовься всегда, чтоб ты возмог пройти воздушное пространство, избежать лукавых духов, войти дерзновенно и безбоязненно в небесные круги, сопричислиться чинам ангельским, приумножить собою лик всех избранных и праведников, увидеть Бога, насколько достижимо это видение»[2]. — Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в Отеческих писаниях *извествованием,* по свойству решительной достоверности. Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которою возглашает к Богу из человека Дух Божий. *Вся кости* такого человека *рекут* неизреченным духовным славословием и благодарением: *Господи, Господи, кто подобен Тебе?* Ты — *избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа* такого человека *возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его.* Духовное ощущение это столько сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам: короче

[1] 1 Флп. 1. 9. — Главы 60 и 75 по переводу старца Паисия. Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в «Христианском чтении» за 1826 год, ч. 23. || [2] Там же. См. вышеприведенную сноску.

сказать — оно есть водворение в душе Царства Божия. Стяжавший это ощущение *ктому не себе живет,* но Богу[1], устремившись всецело к Нему и имея Его в себе. У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает *мнение такого ощущения* и отличается от благодатного по противоположным ему плодам.

«Опомнись, душа моя, — умилительно обращается скитский инок Евагрий к самому себе, — и помысли, как вынесешь внезапное разлучение твое от тела, когда грозные ангелы придут за тобою и восхитят тебя в час, в который ты не ожидаешь, и во время, о котором ты не знаешь! Какие дела пошлешь ты пред собою на воздух, когда начнут истязывать тебя о делах твоих враги твои, находящиеся в воздухе?»[2] Так чувствовали и говорили святые угодники Божии: они поняли и исследовали глубину падения человеческого; они поняли и исследовали власть демонов над человеками, возникшую из этого падения.

Затворник Задонский Георгий рассказывает событие, почти нам современное: архимандрит Варсонофий (Задонского монастыря) замирал в течение троих суток. В это время он находился душою на воздушных мытарствах, подвергаясь истязанию за все грехи, соделанные от самой юности, но услышал глас Божий: «Молитв ради Пресвятыя Богородицы, священномученика Мокия и стратилата Андрея, отпущаются ему грехи, и дается время на покаяние»[3].

Учение о мытарствах, подобно учению о местонахождении рая и ада, встречается как учение общеизвестное и общепринятое на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Возвещает и напоминает она его чадам своим, чтоб насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к благополучному переходу из временной жизни в вечную. В каноне молебном ко Господу Иисусу Христу и к Божией Матери, который положен при кончине *каждого православного*[4], читается: «*Воздушнаго князя,* насильника, мучителя, страшных *путей* стоятеля, и напраснаго сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно, отходяща от земли»[5]. «Убегнути ми *варвар безплотных полки, и воздушныя бездны возникнути,* и к небеси взыти ми сподоби»[6]. «Горькаго *мытарств* начальника, миродержца, отжени далече от мене»[7]. На келейном правиле, в молитвах после кафизм, Церковь влагает в уста молящегося следующие прошения: «Господи мой, Господи, дай ми слезы умиления, яко да ими Тя умолю очиститися прежде конца от всякаго греха: *страшно бо и грозно место*

[1] *...живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего* (2 Кор. 5. 15). ‖ [2] Пролог, 27 октября. ‖ [3] Сочинения Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря. Часть 1. С. 65, по изданию 1850 года. ‖ [4] Требник малый. Москва, 1838. ‖ [5] Песнь 4, тропарь 4. ‖ [6] Песнь 8, тропарь 2. ‖ [7] Песнь 8, тропарь 3.

имам проити, тела разлучився, и *множество* мя мрачное и безчеловечное *демонов* срящет»[1]. «Соверши мя Твоим совершенством, и тако мя настоящаго жития изведи, да невозбранно прошед *начала и власти тмы,* Твоею благодатию, узрю и аз неприступныя Твоея славы доброту неизреченную»[2]. В молитве пред кондаками и икосами акафиста Божией Матери читается: «О, Мати Царя небесе и земли! прощение всем согрешениям моим испроси, житию моему подаждь исправление, и на кончине от воздушных *врагов* немятежное пришествие»[3]. «Мертвии Тобою (Богоматерь) оживляются, жизнь бо ипостасную родила еси: немии прежде, благоглаголиви бывают, прокаженнии очищаются, недузи отгоняются, *духов воздушных множества побеждаются*»[4]. В Осьмигласнике воссылаются следующие моления к Божией Матери: «В час, Дево, конца моего *руки бесовския* мя исхити, и суда, и прения, и страшнаго истязания и *мытарств горьких,* и князя лютаго, и вечнаго осуждения»[5]. — «Истязания мя, Пречистая, в час смертный, *исхити от бесов*»[6]. — «В час, Дево, кончины моея *руки бесовския* и осуждения, и ответа, и страшнаго испытания, и *мытарств горьких,* и князя лютаго, и огня вечнаго исхити мя»[7]. — «Владычице и Мати Избавителя, Ты предстани мне в час исхода моего, истязуему мне от *воздушных духов* о яже несмысленною мыслию содеях»[8]. — «Егда плотскаго союза хощет душа моя разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и безплотных врагов советы разори, и сих челюсти сокруши, ищущих пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду *на воздусе стоящия князи тмы*»[9]. В «Чине на разлучение души от тела, внегда человек долго страждет» читается: «Ныне убо время все живота моего яко дым претече, и *предсташа* прочее *ангели,* послании от Бога, окаянную мою душу ищуще немилостиво»[10]. — «*Се предсташа множество лукавых духов,* держаще моих грехов написание, и зовут зело, ищуще безстудно смиренныя моея души»[11]. — «Помилуйте мя Ангели всесвятии Бога Вседержителя, и избавите *мытарств всех лукавых*»[12]. В каноне Ангелу хранителю: «Да покрыет срам и студ студная и смрадная и мрачная *лица вражия,* егда смиренная моя душа от тела распрягается»[13]. «Да узрю тя одесную окаянныя души моея предстояща, внегда исчезати от мене нуждно духу моему, и ищуща мя пояти, *горькия враги* отгоняюща»[14]. — «Молю тя,

---

[1] По 4-й кафизме. || [2] По 17-й кафизме. || [3] Акафисты и каноны. Издание Киево-Печерской Лавры. || [4] 4-й тропарь 8-й песни канона в акафисте Божией Матери. || [5] Пяток, глас 4, песнь канона 8. || [6] Четверток, глас 4, песнь 6. || [7] Вторник, глас 4, песнь 8. || [8] Пяток, глас 3, песнь 6. || [9] Суббота, глас 2, песнь 9. || [10] Требник. Москва, 1852. Песнь 1, тропарь 2 и 3. || [11] Там же. || [12] Песнь 7, тропарь 2. || [13] Канонник, песнь 6. || [14] Песнь 9.

хранителя моего, буди ми защититель и поборник непоборим, егда прехожду *мытарства лютаго миродержца»*[1]. Во второй молитве святителю Николаю: «Во исходе души моея помози ми, окаянному: умоли Господа, всея твари Содетеля, избавити мя *воздушных мытарств* и вечнаго мучения»[2]. Прошение о избавлении *воздушных мытарств* помещено в молитве преподобному Сергию Радонежскому и в молитвах другим святым. Преподобный Феодосий Печерский, ощутив конечное изнеможение от болезни, возлег на одр и сказал: «Воля Божия да будет: якоже благоизволи о мне, тако и да сотворит. Но молюся Ти, Владыко мой, Иисусе Христе, милостив буди души моей, да не *усрящет* ю противных духов лукавство, но да приимут Ангели Твои, проводящии чрез *темныя мытарства,* приводящии же к свету Твоего милосердия»[3]. Святитель Дмитрий Ростовский молился: «Егда приидет страшный час разлучения души моея от тела: тогда, Искупителю мой, приими ю в руце Твои, и сохрани от всех бедствий ненаветну, и да не узрит душа моя мрачнаго взора *лукавых демонов,* но да спасена прейдет *вся мытарства»*[4].

Подробное описание мытарств и порядок, в котором они следуют, одно за другим, в воздушной бездне, заимствуем из поведания преподобной Феодоры. Она, покинув на земли свое бездыханное тело, руководимая двумя святыми Ангелами, начала, как мы уже видели, шествие свое по воздуху к востоку. Когда она подымалась к небу, встретили ее темные духи *первого мытарства,* на котором истязуются грехи человеческие *словом,* как то: празднословие, сквернословие, насмешки, кощунство, пение песен и других страстных гимнов, бесчинные восклицания, хохоты и тому подобное. По большей части человек вменяет эти согрешения в ничто, не кается в них пред Богом и не исповедует их отцу духовному. Но Господь явственно сказал: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный. От словес бо своих оправдишися и от словес своих осудишися*[5]. И Апостол завещавает: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, и сквернословие и буесловие и кощуны*[6].

---

[1] Там же. || [2] Акафисты и каноны. Издание Киево-Печерской Лавры. || [3] Патерик Печерский. || [4] Православно-догматическое богословие преосвященного Макария. Том 5. С. 85. Изд. 1853 года. «Непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о *мытарствах,* особливо же между учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что оно передано им от учителей предшествовавших веков и основывается на *Предании апостольском*» (Там же. С. 86). || [5] *...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда; ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12. 36, 37). || [6] *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших... Также сквернословие и пустословие и смехотворство* (Еф. 4. 29; 5. 4).

Демоны с жестокостию и упорством обвиняли душу, представляя все согрешения ее словом, содеянные от самой юности; святые Ангелы оспаривали их и противопоставляли грехам соделанные душою добрые дела. Таким образом Феодора, искупленная на этом мытарстве, начала подыматься выше и приблизилась ко (второму) *мытарству лжи,* на котором истязывается всякая ложь, клятвопреступления, призывание Имени Божия всуе, неисполнение обетов, данных Богу, утаение грехов пред духовником на исповеди. Избавившись и здесь, она перешла к (третьему) *мытарству клеветы,* где истязуются оклеветание ближнего, осуждение, уничижение, обесславление его, ругательство и насмешки над ним, при забвении собственных согрешений и недостатков, при невнимании им. Подвергшихся согрешениям этого рода лютые истязатели истязывают с особенною жестокостию, как антихристов, предвосхищающих сан Христов и соделавшихся судьями и губителями ближних. На (четвертом) *мытарстве чревоугодия* истязуются объядение, пьянство, безвременное и тайное ядение, ядение без молитвы, нарушение постов, сластолюбие, пресыщение, пирование — словом, все роды угождения чреву. По избавлении от этого мытарства, Феодора, несколько ободрившись, вступила в беседу с святыми Ангелами и сказала им: «Кажется мне, никто из живущих на земли не знает совершающегося здесь и того, что ожидает грешную душу по смерти?» Святые Ангелы отвечали ей: «Разве не объясняет этого Божественное Слово, ежедневно читаемое в церквах и проповедуемое служителями Божиими? Но пристрастившиеся к земным суетам не обращают внимания на Слово Божие, считают наслаждением ежедневное насыщение и пьянство, пресыщаются и упиваются без страха Божия, имея себе богом чрево, не помышляя о будущей жизни и не внимая Писанию, которое говорит: *горе вам, насыщении ныне, яко взалчете*[1]. Баснею они считают Святое Писание, живут в небрежении и пространстве, ежедневно веселятся светло и пируют при звуке музыки и при пении хоров, подобно богачу, упоминаемому в Евангелии. Впрочем, те из них, которые милостивы, благодетельствуют нищим и помогают нуждающимся, удобно получают от Бога прощение грехов и, ради милостыни своей, проходят мытарства безбедственно. Говорит Писание: *милостыня от смерти избавляет и тая очищает всяк грех: творящии милостыни и правды исполнятся жизни: согрешающии же врази суть своего живота*[2]. Тем, которые

---

[1]*Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете* (Лк. 6. 25). ‖ [2]*...милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех. Творящие милостыни и* **дела** *правды будут долгоденствовать. Грешники же суть враги своей жизни* (Тов. 12. 9, 10).

не стараются милостынями очистить грехи свои, невозможно избегнуть бедствия на мытарствах: их похищают мытари и низводят, люто муча, в преисподние темницы ада, где держат в узах до Страшного Христова Суда». Так беседуя, они достигли (пятого) *мытарства лености.* Там сочтены все дни и часы, проведенные в лености, в нерадении о служении Богу; там истязуются тунеядцы, снедающие чужие труды и не хотящие сами трудиться, также наемники, получающие плату, но исполняющие свою обязанность с небрежением. За этим мытарством следовало (шестое) *мытарство воровства,* на котором рассматриваются всякого рода похищения и воровства, грубые и благовидные, явные и тайные; потом (седьмое) *мытарство сребролюбия и скупости;* далее (осьмое) *мытарство лихвы,* где обвиняются ростовщики, лихоимцы и присвоители чужого. Еще далее (девятое) *мытарство неправды,* на котором уличаются неправедные судьи, увлекающиеся на судах пристрастием или мздою, оправдывающие виновных и осуждающие невинных; здесь рассматриваются ложные весы и меры купцов и прочие неправды. (Десятое) *мытарство — зависти,* на нем истязываются предающиеся этой пагубной страсти и ее последствиям. Выше помещается (одиннадцатое) *мытарство гордости,* где надменные духи с презрением истязывают гордость, тщеславие, самомнение, презорство, величание, невоздаяние должной чести родителям, духовным и гражданским властям, неповиновение им и ослушание их. Выше — (двенадцатое) *мытарство гнева и ярости,* потом (тринадцатое) *мытарство памятозлобия.* По исшествии из этого мытарства, Феодора спросила Ангелов: «Прошу вас, скажите мне, откуда эти страшные воздушные власти знают все злые дела всех человеков, живущих во всем мире, не только явные, но и тайные?» Отвечали святые Ангелы: «Каждый христианин получает от Бога при Святом Крещении Ангела хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его денно-нощно на всякое благое дело в течение всей жизни его до самого смертного часа. Он записывает все добрые дела того человека, за которые сей мог бы получить милость и вечное воздаяние от Господа в Небесном Царстве. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который всюду следует за человеком, замечает все его злые дела, поощряет к ним кознями своими и, посещая мытарства, записывает там все грехи человека, внося каждый грех в принадлежащее мытарство. Вот почему известны воздушным властям грехи всех человеков во всем мире. Когда ж душа, разлучившись с телом, стремится взойти на небо, к Создателю

своему, тогда лукавые духи препятствуют ей в том, обличая ее грехами ее, записанными у них. Если душа имеет больше добрых дел, нежели грехов, то они не могут удержать ее. Если же найдут в ней больше грехов, то удерживают ее на время и заключают в темнице невидения Бога: там они мучат ее, доколе сила Божия попустит им мучить и доколе та душа не будет искуплена церковными молитвами и милостынями ближних. Если же душа окажется столько грешною и мерзостною пред Богом, что ей не остается никакой надежды спасения, но ожидает ее вечная погибель, то они тотчас же низводят ее в бездну, где имеют и для себя уготованное место вечного мучения; они держат ее там до Второго Пришествия Христова, после которого душа соединится с телом, и уже вместе с ним будет мучиться в геенне огненной. Еще и то знай, что этим путем восходят и подвергаются на нем истязанию только просвещенные святою христианскою верою и омовенные Святым Крещением. Не приходят сюда идолослужители, магометане и все чуждые Бога: они, будучи еще живы телом, уже мертвы и погребены во ад душою. Когда они умирают, тотчас, без всякого испытания, демоны берут их, как часть, себе принадлежащую, и низводят в гееннскую пропасть». После этой беседы Феодора достигла (четырнадцатого) *мытарства убийства,* на котором истязуются не только разбойничество и убийство, но и всякое ударение, заушение и толкание. Выше находилось (пятнадцатое) *мытарство волхвования,* где истязуются чародейство, обаяние, составление отравлений, наговоры, шепоты и чародейное призывание бесов. На этом мытарстве темные духи не нашли ничего, чем бы уличить блаженную Феодору, и в ярости кричали ей: «Придешь на блудные мытарства — увидим, избежишь ли их?» Подымаясь еще выше, она спросила святых Ангелов: «Неужели все христиане проходят этими местами, и никому из них невозможно пройти, не подвергаясь истязаниям и страху?» Святые Ангелы отвечали: «Нет другого пути для христианских душ, восходящих к небу; все проходят здесь, но не все бывают так истязуемы, как истязуются подвергшиеся грехопадениям и не вполне исповедавшиеся в них, стыдившиеся отца духовного и утаивавшие пред ним свои постыдные дела. Если же кто поистине исповедует грехопадения, жалеет о них и раскаявается в содеянном зле, того грехи невидимо заглаждаются Божиим милосердием, и когда душа придет сюда, воздушные истязатели, разгнув свои книги, ничего не находят в них[1], почему не могут ни оскорбить ее, ни устрашить, и вос-

[1] Святой Иоанн Лествичник повествует, что во время пребывания его в одном общежительном монастыре близ Александрии пришел в этот монастырь для покая-

ходит душа с радостию к Престолу благодати». Беседуя, они достигли (шестнадцатого) *блудного мытарства,* на котором истязуется всякого рода любодеяние, то есть блудный грех лиц, необязанных супружеством; также истязаются мечтание греха блудного, умедление в этом мечтании помысла, соизволение на грех, услаждение грехом, сладострастные воззрения, скверные осязания и прикосновения. Когда Феодора достигла этого мытарства, темные духи, принадлежащие к нему, очень удивились, что она дошла даже до них, и с жестокостию обвиняли ее, особенно по причине ее неоткровенности пред духовным отцом. Потом они пришли на (семнадцатое) *прелюбодейное мытарство,* на котором истязуются блудные грехи лиц, живущих в супружестве, не сохранивших супружеской верности и брачного ложа неоскверненным; здесь грозно истязуются похищения и насилия блудные, также блудные падения лиц, посвященных Богу, обещавших чистоту свою Христу, но нарушивших обет. (Осьмнадцатое) *мытарство — содомское,* на котором истязуются все чрезъестественные блудные грехи и кровосмешения. Когда они миновали это мытарство, святые Ангелы сказали Феодоре: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства!

ния и пострижения в монашество разбойник. Великий Отец, игумен монастыря, повелел учинить ему исповедание грехов своих при собрании всего братства в церкви. Когда разбойник исполнил это с горячею ревностию и самоотвержением, то Великий облек его немедленно в схиму. Святой Иоанн спросил наедине святого игумена: «Почему он постриг разбойника так скоро?» Игумен привел в причину то, что разбойник сподобился исповедию полного отпущения грехов. «И не неверуй этому, — присовокупил Великий, — потому что некоторый из присутствовавших тут братий уверял меня, говоря: "Я видел некоего страшного, державшего исписанную хартию и трость; и когда исповедавшийся произносил свой грех, тот страшный изглаждал этот грех на хартии тростию", — и по справедливости, ибо говорит Писание: *рех: исповем... беззаконие мое Господеви, и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31. 5)» (Лествица. Слово 4).

Нелишним будет упомянуть здесь о событии, нам почти современном. В окрестностях Вологды находится большое село Кубенское, имеющее несколько приходов. Один из приходских священников сделался болен и, приближаясь уже к кончине, увидел одр свой окруженным демонами, которые готовились похитить его душу и низвести во ад. Тогда явились три Ангела. Один из них стал у одра и начал препираться о душе с отвратительнейшим демоном, державшим отверзстую книгу, в которой были записаны все грехи священника. Между тем пришел другой священник, чтоб напутствовать собрата. Началась исповедь; больной, устремляя испуганные взоры в книгу, произносил с самоотвержением грехи свои, как бы извергая их из себя, — и что ж видит он? Видит ясно, что едва произносил какой грех, как этот грех исчезал в книге, в которой оставался пробел вместо записи. Таким образом, исповеданием он изгладил из бесовской книги все грехи свои и, получив исцеление, остаток дней провел в глубоком покаянии, поведая ближним, для назидания их, видение, запечатленное чудесным исцелением.

Знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир погружен во зле соблазнов и скверн, все человеки сластолюбивы и блудолюбивы. *Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его*[1], и едва кто соблюдает себя от нечистот блудных. Мало умерщвляющих плотские похоти, и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств! Большая часть, дошедши сюда, погибает: лютые истязатели блудных грехов похищают души блудников и низвлекают их во ад. Хвалятся власти блудных мытарств, что они одни более всех прочих мытарств наполняют огненное родство во аде. Благодари Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца твоего, преподобного Василия: уже более не увидишь страха». После этого они пришли на (девятнадцатое) *мытарство ересей,* где истязуются неправильное мудрование о вере, сомнения в вере, отступничество от православной веры, богохульства и тому подобные согрешения против *единого истинного* исповедания веры. По миновании этого мытарства они уже приближались ко вратам небесным; но и еще встретили их злобные духи последнего (двадцатого) *мытарства немилосердия,* на котором истязуются немилосердие и жестокость. Если кто совершил многие подвиги, посты, бдения, коленопреклонения, молитвословия; если кто соблюл чистоту девства неоскверненною и изнурил воздержанием тело, но был немилосерд и затворял сердце свое для ближнего, тот с этого мытарства низвергается долу и затворяется в адской бездне навеки. Наконец, с неизреченною радостию они приблизились к вратам небесным. Врата небесные светились, как кристалл; из них разливалось неизреченное сияние, и стояли в них солнцеобразные юноши. Они, увидев Преподобную, руководимую Ангелами, исполнились веселия о ней, что она, покрываемая Божиим милосердием, избежала воздушных мытарств, и с великою любовию ввели ее во врата. Во время шествия своего по мытарствам Феодора заметила, что каждое мытарство подчинено отдельному князю и что духи каждого мытарства по наружному виду были сообразны греху, истязуемому на мытарстве.

Великие угодники Божии, совершенно прешедшие от естества ветхого Адама в естество Нового Адама, Господа нашего Иисуса Христа, в этой изящной и святой новизне проходят честными душами своими воздушные бесовские мытарства с необыкновенною быстротою и великою славою. Их возносит на небо Святой Дух, Который и во время их земного странствования непрестанно

[1] *...помышление сердца человеческого — зло от юности его* (Быт. 8. 21).

внушал им желание разлучиться от тела и *со Христом быти*[1]. Протек, как молния, поднебесную великий Марк Фраческий в течение одного часа[2]. Когда настало время кончины преподобного Макария Великого — Херувим, бывший его Ангелом хранителем, сопровождаемый множеством небесного воинства, пришел за его душою. Низошли с сонмом Ангелов лики апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобнические, праведнические. Установились демоны рядами и толпами на мытарствах своих, чтоб созерцать шествие души Духоносной. Она начала возноситься. Далеко стоя от нее, кричали темные духи с мытарств своих: «О, Макарий! какой славы ты сподобился!» — Смиренномудрый муж отвечал им: «Нет! и еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе». — Между тем он быстро подымался к небу. С других высших мытарств опять кричали воздушные власти: «Точно! ты избежал нас, Макарий». — «Нет, отвечал он: и еще нуждаюсь в бегстве». Когда он уже вступил в небесные врата, они, рыдая от злобы и зависти, кричали: «Точно! избежал ты нас, Макарий!» — Он отвечал им: «Силою Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней»[3]. С такою великою свободою великие угодники Божии проходят воздушные стражи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ними и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжавают совершенную свободу от греха, соделываются храмом и святилищем Святого Духа, соделывающего словесную обитель свою неприступною для падшего ангела.

Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования, точно так таинственно совершается здесь, на земли, ее истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии чрез воздух эти свобода и плен только обнаруживаются.

Заповедь, данная человеку в раю, воспрещающая вкушение от древа познания добра и зла, не отменена[4]. Она и ныне воспрещает видеть зло в ближнем и осуждать его, воспрещает мстить ему, повелевая воздавать благим за зло; воспрещает воззрение с вожделением

---

[1] Флп. 1. 23. || [2] Четьи-Минеи, 5 апреля. «Воззрев, — говорит преподобный Серапион, присутствовавший при кончине преподобного Марка, — видех душу Святого, от соузов плотских уже разрешившуюся и руками ангельскими белосветлою одеждою покрываемую и на небеса возносимую». || [3] Патерик Скитский. Шествие Великого Макария от земли к небу видели некоторые ученики его, бывшие в особенном преуспеянии, а поведал об этом шествии преподобный Пафнутий, соделавшийся после Великого настоятелем Скита. || [4] Преподобного Марка Подвижника «Слово о рае и законе духовном».

на красоту жены, на красоту, которая до падения не возбуждала вожделения; воспрещает не только произнесение слова богохульного, раздавшегося в раю из уст диавола, но и произнесение Имени Божия всуе, и каждое праздное слово, каждое греховное помышление. «И блаженный Моисей, — говорит святой Макарий Великий, — изображая подобием, что душа не должна последовать двум несогласным между собою началам, то есть добру и злу, но должна прилепляться только к одному добру, также, что она не должна творить двоякого плода, полезного и вредного, но один полезный, говорит так: *не спряжеши на гумне твоем инородная животна вкупе, сиречь, вола и осла: но тождеродная сопряг, смлатиши жатву твою*[1]. Это значит: да не являют на гумне сердца твоего своих действий добродетель и злоба, но да действует одна добродетель. Опять тот же говорит: *Не изотчеши волняную ризу вкупе с льняною, ниже с льняною волняную. Не посееши на селе земли твоея два плода вкупе*[2]. *Не впустиши инородное животно в плод иному; но тождеродное с тождеродным спряжеши*[3]. Всем этим таинственно знаменуется, что не должны быть посеяны в нас и злоба и добродетель, но чтоб родились одного рода плоды, плоды добродетели, также чтоб душа не имела общения с двумя духами, то есть Духом Божиим и духом мира»[4].

Как стоял в раю, так и ныне стоит против человека убийца его, падший херувим, со своим вращающимся пламенным оружием, непримиримо борется с человеком, старается вовлечь его в нарушение заповеди Божией и в более тяжкую погибель, нежели какою погибли наши прародители. К несчастию, успех более и более ободряет врага. Вращающееся пламенное оружие в руках воздушного князя, по объяснению величайших святых Отцов[5], есть власть демонов вращать умом и сердцем человека, колебля и разжигая их различными страстями. Апостол называет оружие врага *огненными стрелами*[6], а Пророк уподобляет действие этого оружия в душе действию *огня в хворосте*[7]. «С того времени, — говорит святой

---

[1] Ср.: *Да не ореши юнцем и ослятем вкупе. — Не паши на воле и осле вместе* (Втор. 22. 10). ‖ [2] Ср.: *Ниже да облечешися в ризу разноличну от льна и волны вкупе ткану. — Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе* (Втор. 22. 11). ‖ [3] Ср.: *...И скота твоего да не смесиши со скотом инаго рода, и винограда твоего да не насадиши различна: и ризы из двух (вещей) сотканыя гнусныя да не возложиши на ся. — ...Скота твоего не своди с иною породою; поля твоего не засевай двумя родами* ***семян****; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся* (Лев. 19. 19). ‖ [4] Святой Макарий Великий. Слово 2, гл. 4. ‖ [5] Святого Макария Великого Беседа 37, гл. 5 и преподобного Марка Подвижника Слово 6. ‖ [6] Ср.: *стрелы разжженныя — раскаленные стрелы* (Еф. 6. 16). ‖ [7] Ср.: *огнь в тернии — огонь в терне* (Пс. 117. 12).

Симеон Новый Богослов, — как диавол устроил для человека, посредством преслушания, изгнание из рая и отлучение от Бога, он с бесами своими получил свободу мысленно колебать словесность каждого человека, одного больше, другого меньше. Уму невозможно иначе оградиться, как непрестанною памятию Божиею. Когда силою Креста напечатлеется в сердце память Божия, тогда чрез сие словесность делается непоколебимою. К этому ведет мысленный подвиг, которым подвизаться принял обязательство каждый христианин на поприще веры. Без этого плода суетен подвиг»[1].

Заповедь дана не только для дел и слов, но преимущественно для их начал, для помышлений, и брань врага направлена преимущественно против ума. Если этот вождь человека не согласится тайно на грех, то не может родиться ни слово, ни дело греховные. Оружие врага — помысл и мечтание греха[2]. Человек должен сражаться против воздушных властей в стране мысленной. Здесь назначено ему или одержать победу, или претерпеть побеждение; здесь он приобретает свободу от мытарей или подчиняется им; здесь решается его вечная участь; он произвольно избирает или вечную жизнь, дарованную ему Создателем, возвращенную Искупителем, или вечную смерть, возвещенную еще в раю правосудием Божиим для твари, попирающей благодеяния Творца. К этой великой и важнейшей брани призывает святой апостол Павел, когда говорит: *облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским: яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем (и) к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3]. Апостол показывает и страну этой страшной брани, и род оружия, который должно употреблять в ней. *Оружия воинства нашего,* говорит он, *не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе и всяко возношение, взимающееся на разум Божий, и пленяюще всяк разум в послушание Христово*[4]. Апостол завещавает пленять в послушание Христово не только греховные помышления, явно противные Ему,

[1] В Слове Никифора Монашествующего. Добротолюбие. Ч. 2. Также в 1-м Слове Устава преподобного Нила Сорского и в 7-м Слове, гл. 2, Макария Великого. ‖ [2] Преподобного Исихия Иерусалимского «Слово о трезвении», гл. 23. ‖ [3] *Облекитесь в всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 11, 12). ‖ [4] *Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь:* ***ими*** *ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2 Кор. 10. 4, 5).

но и всяк разум, — потому что лукавый супостат наш, опытный в погублении человеков, не внушает нам, при первоначальном столкновении с ним, помышлений явно греховных[1], но старается противопоставлять духовному разуму, то есть евангельскому учению, человеческий естественный, падший, плотский и душевный, лжеименный разум и, назвав его здравым, основательным, праведным, великим, устранить при посредстве его послушание Христу. В пример ласкательства и лукавства, с какими диавол привлекает волю человека к свержению благого ига Христова, святой Макарий Великий приводит следующую мысленную брань: «Кто-нибудь, ссорясь с братом своим, смущается сам в себе, помышляя так: сказать ли ему то или другое?.. Нет! Не скажу... Он так поносит меня!.. Наговорить ли ему вопреки?.. Лучше промолчу... Правда, имеем заповеди Божии, но должно беречь и честь свою... Таким образом трудно вполне отречься самого себя»[2]. Посему Апостол заповедует решительное и полное самоотвержение, заповедует облечение во всеоружие Божие, а не препоясание каким-либо одним оружием. Недостаточен один пост, недостаточна одна молитва, недостаточна одна милостыня, недостаточно одно целомудрие! Всеоружие Божие — все евангельские заповеди. Поправший одну из них, — попрал все собрание их, весь закон; поправший одну из них, *мний наречется в Царствии Небеснем*[3], пошлется в геенну огненную[4]. *Ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех*[5]. *Приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и вся содеявше стати*[6]. Только принявшему все *оружия Божия* возможно *противитися в день лют;* только содевающему все без исключения заповеди возможно устоять против врага. *День лютый* — година жестокого диавольского искушения

---

[1] «Когда диавол видит кого не желающего согрешить, то он не так несмыслен, чтоб предлагать ему явное зло. Он не говорит ему: иди, соблуди, или поди, украдь. Он знает, что мы не хотим этого, и не трудится говорить нам то, чего не хотим, но старается отыскать в нас какое-либо пожелание, какое-либо оправдание и ими наносит нам вред. Потому и говорит Писание: *лукавый злодействует, егда сочетавается с праведным* (Притч. 11. 15). Лукавый — диавол. Тогда он злодействует, когда сочетает правде нашей свою правду; тогда укрепляется, тогда более вредит, тогда действует. Когда водимся своими пожеланиями и последуем правде нашей, тогда, как бы делая добро, сами себе наветуем и даже не примечаем, как погибаем» (Поучение аввы Дорофея «О еже не составляти свой разум»). ‖ [2] Слово 4, 23. ‖ [3] *...малейшим наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5. 19). ‖ [4] По толкованию блаженного Феофилакта Болгарского. ‖ [5] *Все повеления Твои — все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу* (Пс. 118. 128). ‖ [6] *...примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злой и, все преодолев, устоять* (Еф. 6. 13).

и нападения, которым подвергаются мужественные воины Христовы во время земного странствования и при которых победители переходят от вечной смерти к воскресению души[1]; для прочих христиан *день лют* — день разлучения души от тела, день шествия по воздушным мытарствам. Во всеоружие Божие облекались святые Божии. Правилом жизни их было Евангелие, а словом их, словом уст, ума и сердца, был *глагол Божий*[2], имя Господа Иисуса Христа. Этим мечом духовным они поражали и сокрушали вращающееся огненное оружие врага: слова, произносимые диаволом, и мечты, изображаемые им, не могли проникать в душу, отражались от нее праздными. В строжайшем бодрствовании и трезвении угодники Божии внимали уму и сердцу. Озаряемые Божественною благодатию, уже издали они ощущали приближавшихся к ним мысленных татей и убийц и видели во внимании своем, как в зеркале, черные лица мысленных эфиопов[3]. Отвергшись общения их здесь, они лишили их всякого права над собою и, по смерти, уже беспрепятственно прошли мимо воздушных властей, благовременно попранных ими. «Только воистину отрекшийся от мира, — говорит святой Макарий, — подвизающийся, свергший с себя земное бремя, освободивший себя и искренно удалившийся от суетных желаний, плотских страстей, начальства и человеческих почестей, получивший тайно в тайном подвиге помощь от Господа, твердо пребывающий в служении Ему, весь предавшийся окончательно душою и телом Господу, — только таковой, говорю, находит сопротивление, тайные страсти, невидимые сети, сокровенную войну, внутреннюю брань. Находясь посреди этой брани и непрестанно молясь Богу, он приемлет с неба духовные оружия, которые описал блаженный Апостол: броню правды, шлем спасения, щит веры и меч духовный: препоясавшись ими, он может противустать тайным козням вражеским, на него устремленным. Приобретши эти оружия посредством молитвы, терпения, прошения, пощения, веры, он может производить мужественно брань против начал, властей и миродержителей и, победив сопротивные власти помощию Духа и собственными добродетелями, соделаться достойным вечной жизни»[4].

Выше было сказано, что смертный грех православного христианина, не уврачеванный должным покаянием, подвергает согрешившего вечной муке; также было сказано, что язычники,

---

[1] Это очевидно из житий прп. Антония Великого, прп. Иоанна Многострадального Печерского и других. ‖ [2] Еф. 6. 13. ‖ [3] Преподобного Исихия, гл. 23. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [4] Беседа 21, гл. 5.

магометане и прочие лица, принадлежащие ложным религиям, составляют отселе достояние ада и лишены всякой надежды спасения, будучи лишены Христа, единого средства ко спасению. Смертные грехи для христианина суть следующие: ересь, раскол, богохульство, отступничество, волшебство, отчаяние, самоубийство, любодеяние, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, кровосмешение, пьянство, святотатство, человекоубийство, грабеж, воровство и всякая жестокая, бесчеловечная обида. Только один из этих грехов — самоубийство — не подлежит врачеванию покаянием, но каждый из них умерщвляет душу и делает ее неспособною для вечного блаженства, доколе она не очистит себя удовлетворительным покаянием. Если человек впадет хотя однажды в один из этих грехов, он умирает душою: *иже бо весь закон соблюдет*, сказал Богобрат, *согрешит же во единем, бысть всем повинен. Рекий бо: не прелюбы сотвориши, рекл есть и: не убиеши. Аще же не прелюбы сотвориши, убиеши же, был еси преступник закона*[1].

Впадший в смертный грех да не впадает в отчаяние! да прибегает к врачевству покаяния, к которому призывается до последней минуты его жизни Спасителем, возвестившим во Святом Евангелии: *веруяй в Мя, аще и умрет, оживет*[2]. Но бедственно пребывать в смертном грехе, бедственно — когда смертный грех обратится в навык! Никакие добрые дела не могут искупить из ада душу, не очистившуюся до разлучения своего с телом от смертного греха. В царствование греческого императора Льва жил в Константинополе человек очень славный и богатый, подававший обильную милостыню нищим. К несчастию, он предавался греху прелюбодеяния и пребыл в нем до старости, потому что от времени укрепился в нем обычай злой. Непрестанно подавая милостыню, он не отступал от прелюбодеяния — и внезапно умер. Много рассуждал о его вечной участи патриарх Геннадий с другими епископами. Одни говорили, что он спасен, по сказанному в Писании: *избавление мужа души свое ему богатство*[3]. Другие утверждали против этого, что рабу Божию должно быть непорочну и нескверну, потому что также сказано в Писании: *аще и весь закон исполнит человек* [*иже бо весь закон соблюдет*], *согрешит же во единем, бысть*

[1] *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновником во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: «не прелюбодействуй», сказал и: «не убей»; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона* (Иак. 2. 10, 11). ‖ [2] *...верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25). ‖ [3] *Богатством своим человек выкупает жизнь **свою*** (Притч. 13. 8).

всем повинен[1], *не помянется вся правда его*[2]; и Бог сказал: *в чем тебя застану, в том и буду судить*[3]. Патриарх повелел всем монастырям и всем затворникам просить у Бога, чтоб открыл о судьбе почившего, и Бог открыл о ней некоторому затворнику. Он пригласил патриарха к себе и поведал ему пред всеми: «В прошедшую ночь я был на молитве и увидел некоторое место, имеющее по правую руку рай, исполненный неизреченных благ, по левую же — огненное озеро, которого пламень восходил до облаков. Между блаженным раем и страшным пламенем стоял умерший связанным и стонал ужасно; он часто обращал взоры к раю и предавался горьким рыданиям. И видел я светоносного Ангела, приступившего к нему и сказавшего "Человек! что ты стонешь напрасно? Вот, ради милостыни твоей, ты избавлен муки; а за то, что не оставил скверного любодеяния, ты лишен блаженного рая"». Патриарх и бывшие с ним, услышав это, объяты были страхом и сказали: «Истину провещал апостол Павел: *бегайте блудодеяния: всяк (бо) грех, егоже сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй в свое тело согрешает*[4]». Где те, которые говорят: если и впадем в любодеяние, то спасемся милостынею? Милостивый, если он милостив истинно, то должен прежде помиловать самого себя и приобрести чистоту тела, без которой никто не узрит Бога. Не приносит никакой пользы сребро, раздаваемое рукою нечистою и душою нераскаянною[5].

Лишены надежды спасения и те православные христиане, которые стяжали греховные страсти и посредством их вступили в общение с сатаною, расторгнув общение с Богом. Страсти суть греховные навыки души, обратившиеся от долгого времени и частого упражнения в грехе как бы в природные качества. Таковы: чревообъядение, пьянство, сладострастие, рассеянная жизнь, сопряженная с забвением Бога, памятозлобие, жестокость, сребролюбие, скупость, уныние, леность, лицемерие, лживость, воровство, тщеславие, гордость и тому подобное. Каждая из этих страстей, обратившись в характер человека и как бы в правило его жизни, соделывает его неспособным к духовному наслаждению на земле и на небе, хотя б человек и не впадал в смертный грех. *Не льстите себе,* говорит святой апостол Павел, *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодее,*

---

[1] *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2. 10, 11). ‖ [2] Ср.: *вся правды его не воспомянутся... — все праведные дела его не помянутся* (Иез. 33. 13). ‖ [3] Ср.: *Комуждо по путем его сужду вам, дом Исраилев. — Я буду судить вас, дом Израилев, каждого по путям его* (Иез. 33. 20). ‖ [4] *Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела* (1 Кор. 6. 18). ‖ [5] Пролог, 12 августа.

(ни сквернители,) ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы Царствия Божия не наследят[1]. *Явлена же суть дела плотская, яже суть прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, (соблазны,) ереси, зависти, убийства, безчинни кличи и подобная сим: яже предглаголю вам, якоже предрекох, яко таковая творящии Царствия Божия не наследят. А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*[2]. Страсть требует тщательного врачевания покаянием и благовременного искоренения противоположною ей добродетелию. Страсть не всегда выражается делом; она может тайно жить в сердце человека, обладая его чувствованиями и помышлениями. Страсть познается из того, когда человек не престает воображать грех и услаждаться мечтанием его, когда плененный им, он уже не в силах противиться увлекающей силе греховных помышлений и картин, которые своею непотребною сладостию поглощают всю его мудрость и крепость. Страстный не престает совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез что поддерживает свое общение с темными духами и свою подчиненность им, а потому и свою вечную погибель. *Возопий крепостию,* повелевает Господь Пророку Своему, *и возвести людем Моим грехи их и дому Иаковлю беззакония их. Мене день от дне ищут и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотворшии и суда Бога своего не оставившии, просят ныне у Мене суда праведна и приближитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша, и не уведел еси? Во дни бо пощений ваших обретаете воли ваша*[3], то есть «лукавые мысли ваши! Вы приносите им всесожжения, как идолам! Вы признали как бы богами вашими лютые помышления, и приносите им жертву честнейшее из жертв: свободу вашу,

[1] *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прилюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6. 9, 10). || [2] *Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны,] ереси, ненависть, убийства... бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. ...Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5. 19–24). || [3] *Взывай громко... и укажи народу Моему на беззакония его, и дому Иаковлеву — на грехи его. Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» — Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других* (Ис. 58. 1–3).

которую подобало вам посвятить Мне вашим благоделанием и чистою совестию»[1].

Тогда только осеняет человека надежда спасения, когда он увидит себя в невидимой брани постоянным победителем. Эту мысль выразил святой пророк Давид, когда молитвенно сказал Богу: *в сем познах, яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне*[2]. Он молился о получении этого блаженного состояния, когда говорил: *от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего*[3]. *Аще не обладают мною, тогда непорочен буду, и очищуся от греха велика. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом владычним утверди мя. И будут во благоволение словеса уст моих, и поучение сердца моего пред Тобою выну, Господи, помощниче мой и избавителю мой*[4]. Очевидно, что грехом тайным и вместе грехом великим Пророк назвал страсть. Он назвал ее грехом чуждым, потому что она составляется из принятых и усвоенных душою бесовских помыслов, чуждых душе, от которых она томится и болезнует, как от состояния противоестественного. Непорочность, достойная рая, является по истреблении из сердца страстей. Единый Святой Дух может вполне очистить человека от страстей и возвратить ему власть над самим собою, похищенную диаволом. В состоянии бесстрастия человек достигает чистой любви, и мысль его начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге. Душа, ощутив осенение духа, увидев себя победительницею греховных помыслов и мечтаний, начинает ощущать неизъяснимую радость спасения. Эта радость не имеет никакого сходства с обыкновенною человеческою радостию, которая рождается единственно от тщеславия, составляется самодовольством, когда человек льстит сам себе или когда льстят ему другие, или же когда льстит ему земное преуспеяние. Духовная радость, извещающая спасение, полна смиренномудрия, полна благодарения Богу, сопутствуется обильными и постоянными слезами, непрестанными молитвами, не насыщается осуждением и уничижением себя, изливается в исповедании Богу, в славословии Бога, ознаменовывается умерщвлением к миру. Она — предощущение вечной жизни! Она — живое познание Бога, которое вопиет таинственно: *глас радости и спасения в селениих*

---

[1] Исаак Сирский. Слово 53, по переводу старца Паисия. ‖ [2] *Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если враг мой не восторжествует надо мною* (Пс. 40. 12). ‖ [3] По толкованию Макария Великого. Слово 2, гл. 3. ‖ [4] *...от тайных* ***моих*** *очисти меня и от умышленных удержи раба Твоего* (Пс. 18. 13, 14). *Возврати мне радость спасения Твоего и Духом владычественным утверди меня* (Пс. 50. 14). *Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и Избавитель мой* (Пс. 18. 15).

праведных: десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу. Не умру, но жив буду, и повем дела Господня: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды, вшед в ня, исповемся Господеви. Сия врата Господня, праведнии внидут в ня. Исповемся Тебе, яко услышал мя еси, и был еси мне во спасение[1]. Врата Господня — благодатное смирение[2]. Когда отверзутся пред умом эти врата Божественной Правды, он престает осуждать ближнего, памятозлобствовать на него, обвинять и его и обстоятельства, перестает оправдывать себя, познает во всем совершающемся непостижимую Правду Божию, и потому отвергает свою правду как мерзость. Этими вратами в исповедании бесчисленных благодеяний Божиих и многочисленных своих согрешений, омовенный слезами покаяния и умиления, входит человек чистою молитвою и духовным видением пред лице Божие.

Бежим, бежим убийцы нашего — греха! Бежим греха не только смертного, но и простительного, чтоб он не обратился от небрежения нашего в страсть, низводящую в ад наравне с смертным грехом. Есть грехи простительные. Так, если случится кому увлечься чревообъядением, блудным воззрением и помышлением, произнести гнилое слово, солгать, украсть что-либо маловажное, потщеславиться, погордиться, прогневаться, на короткое время огорчиться или воспамятозлобствовать на ближнего, во всех таких увлечениях, по немощи человеческой, когда за ними следует сознание и раскаяние, мы удобно получаем прощение от милосердого Бога. Простительный грех не разлучает христианина с Божественною благодатию и не умерщвляет души его, как делает то смертный грех; но и простительные грехи пагубны, когда не раскаиваемся в них, а только умножаем бремя их. По сравнению, сделанному святыми Отцами, одинаково может потопить человека и навязанный на шею тяжелый камень и навязанный мешок с песком: так одинаково влекут в адскую пропасть и смертный грех, и накопленное множество малых, простительных грехов. Что, например, сделал особенно худого евангельский богач,

[1] *Глас радости и спасения в жилищах праведников: десница Господня творит силу! Десница Господня высока, десница Господня творит силу! Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни. Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня. Отворите мне врата правды; войду в них, прославлю Господа. Вот врата Господа; праведные войдут в них. Славлю Тебя, что Ты услышал меня и соделался моим спасением* (Пс. 117. 15–21). ‖ [2] В Алфавитном патерике читается следующее изречение преподобного Иоанна Колова: «Врата Божии — смирение. Отцы наши взошли, радуясь, в храм Божий путем многих уничижений».

предававшийся ежедневно увеселениям, имея на то собственные средства? Причиною его погибели выставлена в Евангелии единственно его рассеянная жизнь, приведшая к совершенному забвению о вечной будущности и о добродетели. Рассеянность сделалась его страстию; вне ее он не понимал жизни.

Беда получить сердечную язву — страсть! Эту язву наносит иногда самое ничтожное обстоятельство: один неосторожный, по-видимому, невинный взгляд, одно необдуманное слово, одно легкомысленное прикосновение могут заразить неисцельно. В какой тяжкий грех мог впасть вышеупомянутый затворник, особенно уважаемый гражданами, никуда не выходивший из келлии, не соблазнивший никого, напротив, служивший назиданием для многих и погибший за свое невидимое мысленное общение с сатаною, по причине которого он не упокоил в себе Святого Духа ни единого часа? — В некотором женском монастыре жила при игумении ее племянница, прекрасная собою, по наружности, и неукоризненного поведения. Все сестры любовались и назидались ее ангеловидностию и необыкновенною скромностию. Она скончалась. Ее похоронили торжественно, в твердой уверенности, что чистая душа ее воспарила в райские обители. Огорченная разлукою с нею, игумения предавалась непрестанной молитве, усиливая эту молитву постом и бдением, и просила Господа, чтоб Он открыл ей, какой небесной славы удостоилась ее племянница в лике блаженствующих девственниц? Однажды, когда игуменья, в келейной тишине преполовляющейся ночи, стояла на молитве, — внезапно расступилась земля под ее ногами и клокочущая огненная лава потекла пред взорами молившейся. Вне себя от испуга, она взглянула в открывшуюся пред нею пропасть — и видит среди адского пламени свою племянницу. «Боже мой! — отчаянно воскликнула она. — Тебя ли вижу я?» — «Да», — со страшным стоном произнесла погибшая. — «За что ж это? — с горестью и участием спросила старица. — Я надеялась видеть тебя в райской славе, в ликах ангельских, среди непорочных агниц Христовых, а ты... За что это?» — «Горе мне, окаянной! — простонала мучившаяся. — Я сама виною вечной моей смерти в этом пламени, непрестанно пожирающем, но не уничтожающем меня. Ты хотела видеть меня — и Бог открыл тебе тайну моего положения». — «За что ж это?» — снова сквозь слезы спросила игумения. — «За то, — отвечала мучившаяся, — что я в виду вашем казалась девственницею, непорочным ангелом, а на самом деле была не то. Я не осквернила себя плотским грехом, но мои мысли, мои тайные желания и преступные мечты свели меня в геенну.

При непорочности моего девического тела, я не умела сохранить в непорочности мою душу, мои мысли и движения сердечные, и за это я предана муке. По неосторожности моей я питала в себе чувство сердечной привязанности к одному юноше, услаждалась в моих мыслях и мечтах представлением его прекрасного вида и соединением с ним, и, понимая, что это грех, совестилась открыться в нем духовнику при исповеди. Следствием порочного услаждения нечистыми мыслями и мечтаниями было то, что по кончине моей святые Ангелы возгнушались мною и оставили меня в руках демонов. И вот теперь я горю в гееннском пламени, вечно буду гореть и никогда, никогда не сгорю, нет конца мучению для отверженных небом!» Сказав это, несчастная застонала — застонала, заскрежетала зубами и, подхваченная пылающею лавою, скрылась со всем видением от взоров игумении[1].

«Должно хранить душу и всячески ее блюсти, — говорит святой Макарий, — чтоб она не приобщалась скверным и злым помыслам. Как тело, совокупляясь с другим телом, заражается нечистотою, так и душа растлевается, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь заодно с ними. Это надо разуметь не об одном или двух родах помыслов, приводящих ко греху, но о всех вообще злых помыслах, как то: о помыслах неверия, лести, тщеславия, гнева, зависти и рвения. В отвержении всех этих помыслов и заключается очищение себя *от всякия скверны плоти и духа*[2]. Знай, что и в тайне души содевается действием непотребных помыслов растление и блужение, по слову великого Апостола: *аще кто храм Божий растлит, растлит* того *Бог*[3]. Под именем храма Божия разумей это видимое наше тело. Так и тот, кто растлит душу и ум, соединяясь и совокупляясь с злобою, повинен казни. Как должно хранить тело от видимого греха, так должен хранить и душу, эту невесту Христову, от непотребных помыслов. *Обручих вы,* говорит Апостол, *единому мужу невесту представити Христу*[4]. И другое Писание говорит: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота*[5]. И опять: научись из Божественного Писания, что *строптивая помышления отлучают от Бога*»[6]. Преподобный Нил Сорский так рассуждает о страсти: «Страсть подлежит или соразмерному покаянию или будущей муке. Должно

[1] Святогорца письмо 16. ‖ [2] 2 Кор. 7. 1. ‖ [3] *Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3. 17). ‖ [4] Ср.: *...обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови. — ...потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11. 2). ‖ [5] *Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни* (Притч. 4. 23). ‖ [6] *...неправые умствования отдаляют от Бога* (Прем. 1. 3).

раскаяваться в страсти и молиться о избавлении от нее: она подлежит будущей муке за нераскаяние в ней, а не за производимую ею внутреннюю борьбу. Если б вечною мукою каралась самая борьба, то без совершенного бесстрастия не было бы отпущения грехов, которое, однако ж, получено многими, как говорит святой Петр Дамаскин. Боримый какою бы то ни было страстию должен тщательно противиться ей, сказали Отцы. Приведем в пример блудную страсть. Боримый блудною страстью к какому-либо лицу, должен всячески удаляться собеседования с ним и сопребывания, прикосновения даже к одежде его и обоняния его. Не хранящийся во всем этом совершает страсть и любодействует помыслами в сердце своем, сказали Отцы. Таковой сам возжигает в себе пещь страстей и вводит в себя, как зверей, лукавые помыслы»[1].

Приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертию, во время земной жизни, в этом преддверии к вечности. Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнию и смертию: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ими, оспариваемся ими. Если оценим справедливо то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земли, сравнив его с неизмеримою и величественною вечностию, то найдем только одно правильное употребление земной жизни. Употребляется она правильно, когда проводится в приготовлении к вечности. Так судит о земной жизни и Слово Божие: *не бойся, малое стадо,* завещает Господь ученикам Своим на время их земного странствования, *яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство. Продадите имения ваша и дадите милостыню. Сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевает. Идеже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящии: и вы подобни человеком чающим господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих: аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им. И аще приидет во вторую стражу, и в третию стражу приидет, и обрящет (их) тако, блажени суть раби тии. Се же ведите, яко аще бы ведал господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего. И вы убо будите готови: яко в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет. Кто убо есть верный строитель и мудрый, егоже поставит*

[1] Преподобный Нил Сорский. Слово 1.

Господь над челядию своею даяти во время житомерие? Блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет творяща тако. Воистину глаголю вам, яко над всем имением своим поставит его. Аще же речет раб той в сердцы своем: коснит господин мой приити: и начнет бити рабы и рабыни, ясти же и пити и упиватися: приидет господин раба того в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не весть: и растешет его, и часть его с неверными положит[1]. Мало и уничиженно словесное стадо истинных христиан; оно в презрении и гонении у гордых сынов мира; но Господь заповедует ему не изнемогать в скорбях и не страшиться их, заповедует не обращать внимания на эти скорби, устремлять все внимание к Небесному Царству, обетованному благоволением Отца — Бога. Он заповедует превратить земное имение милостынею в небесное имение, чтоб самое сокровище человека, находясь на небе, влекло его к небу. Он повелевает так устраивать свои обстоятельства и проводить такое жительство, чтоб непрестанно быть готовым к смерти. Называя земную жизнь ночью, Он возвещает, что неизвестно, в которую стражу этой ночи придет смерть: в детском ли возрасте, или в юношеском, в зрелом ли мужестве, или в глубокой старости. Господь угрожает неожиданною смертию тому, кто, считая ее далекою от себя, позволяет себе злоупотреблять земною жизнию и дарами Божиими.

Истинные ученики Христовы с точностию исполнили завещание Господа. Апостол Павел говорит о себе, что он умирал ежедневно[2]. Точно: кто ежедневно приготовлен к смерти, тот умирает ежедневно; кто попрал все грехи и все греховные пожелания, чья мысль отселе

---

[1] Ср.: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволит дать вам Царство. Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе вместилища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет. Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будете подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те. Вы знаете, что если бы ведал хозяин дома, в который час придет вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой. Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, приидет Сын Человеческий... Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в свое время меру хлеба? Блажен раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так. Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его. Если же раб тот скажет в сердце своем: «не скоро придет господин мой», и начнет бить слуг и служанок, есть и пить и напиваться, то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с неверными* (Лк. 12. 32–40, 42–46). ‖ [2] 1 Кор. 15. 31.

переселилась на небо и там пребывает, тот умирает ежедневно. Кто умирает ежедневно, тот уже живет вечною, истинною жизнию[1].

Такой жизни мыслию и сердцем на небе, при жизни телом на земле, такого ежедневного преселения в вечность достигают весьма немногие из христиан, даже проводящих жизнь в святых обителях; тем менее доступно это духовное состояние христианам, живущим посреди мира. Земные попечения непрестанно гнетут мысль к земному, привязывают к временному и тленному, похищая у нее памятование о вечности. Это, однако ж, не должно приводить христианина в уныние. Если он не может постоянно пребывать в области вечного и духовного, то может обращаться к ней часто и благовременно приготовляться к смерти. Приготовляться к ней должно хранением себя от всякого дела, слова и помышления, воспрещенных Христовыми заповедями. Приготовляться к ней должно ежедневным или, по возможности, частым исповеданием своих согрешений как пред отцом духовным, так и в душевной клети пред единым Сердцеведцем — Богом. Должно приготовляться к смерти воздержанием от брашен и напитков, воздержанием от празднословия, шуток, смеха, рассеянности, увеселений и игр, воздержанием от роскоши, требуемой тщеславием мира, и от всех излишеств, соделывающих помышление о смерти чуждым уму, льстиво представляющих земную жизнь как бы бесконечною. Должно приготовляться молитвами от сердца сокрушенного и смиренного, слезами, воздыханиями, рыданиями; должно приготовляться обильным подаянием милостыни, прощением обид, любовию и благодеянием врагам, терпением всех земных скорбей и искушений, которыми искупаются вечные скорби ада. Если смерть застанет христианина в этом подвиге, то, конечно, она застанет его препоясанным, то есть приготовленным к совершению далекого пути от земли к небу, и со *светильником горящим,* то есть с разумом и поведением, озаренными Божественною Истиною.

Одним из превосходнейших способов приготовления к смерти служит воспоминание и размышление о смерти. Очевидно из вышеприведенных слов Спасителя, что оно заповедано Господом. И Священное Писание Ветхого Завета говорит: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*[2]. Святые иноки с особенною тщательностию возделывали эту часть умственного подвига. В них размышление о смерти, осененное благодатию, обращалось в живое созерцание смертного таинства, а такому созерцанию сопутствовала горячая

[1] Преподобного Макария Великого Беседа 49, гл. 2. ‖ [2] *...помни о конце твоем, и вовек не согрешишь* (Сир. 7. 39).

молитва с обильными слезами и глубокими сердечными стенаниями. Без постоянного памятования о смерти и суде Божием они признавали опасным самый возвышенный подвиг, как могущий дать повод к самомнению.

Преподобный Антоний Великий в наставлениях ученикам своим советует размышление о смерти: «Рассматривая, — говорит он, — превратность жизни человеческой и неизвестность ее конца, мы устранимся таким рассматриванием от греха. Когда встаем от сна, то вполне сомнительно — достигнем ли вечера. Опять, когда желаем успокоить тело сном, столько же ненадежно — увидим ли свет наступающего дня. Размышляя о неверности наших жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания, что Божий Промысл управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными, тогда не прогневляемся ни на кого, не стремимся к собранию земных сокровищ, попираем все тленное страхом могущего ежедневно последовать отшествия отсюду и непрестанным размышлением о разлучении души с телом; тогда престает действовать любовь к женскому полу, погасает пламень любодеяния, отпускаем друг другу долги наши, имея непрестанно пред очами наступление окончательного воздаяния. Боязнию суда и страхом мук уничтожаются обманчивые похотения плоти и вместе поддерживается душа, когда она клонится к падению»[1].

Святой Исаак Сирский говорит: «Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни; тот может положить предел своим согрешениям»[2]. «Первая мысль, посылаемая человеколюбием Божиим человеку и напутствующая его душу в живот вечный, есть западающая в сердце мысль об исходе. Этой мысли естественно последует презрение к миру; ею начинается в человеке всякое благое движение, наставляющее его в живот. Божественная сила, содействующая человеку, когда восхощет явить в нем живот, полагает в нем эту мысль в основание, как мы сказали. Если человек не угасит ее житейскими заботами и суесловием, но возрастит в безмолвии, углубляясь в себя и занимаясь ею, то она поведет его к глубокому видению, невыразимому словом. Эту мысль крайне ненавидит сатана и употребляет всю силу, чтоб исторгнуть ее у человека. Если бы можно было, он отдал бы человеку царство целого мира, только бы посредством развлечения изгладить эту мысль в уме человека; он сделал бы это охотно, если б мог. Коварный! он знает, что если помышление

---

[1] Patrologiae tom. LXXIII. Vita beati Antonii. Cap. XV. || [2] Слово 12.

о смерти укоренится в человеке, то ум его не остается уже более в стране обольщения, и бесовские хитрости к нему не приближаются. Не подумайте, что мы говорим о первом помысле, пробуждающем в нас напоминанием своим памятование смерти; мы говорим о полноте дела, когда непрестанно приходит человеку воспоминание и размышление о смерти, его всегда утверждающее и приводящее в удивление. Первый помысл телесен, а второе состояние — духовное видение и дивная благодать. Это видение облечено в светлые мысли. Имеющий его не обращает внимания на мир и не заботится о теле своем»[1].

«Когда приближишься к одру твоему, скажи ему: о одр мой! не сделаешься ли ты в эту ночь моим гробом? Мне неизвестно, не постигнет ли меня в эту ночь, вместо временного сна, будущий вечный сон. Доколе имеешь ноги, теки к деланию, прежде нежели они свяжутся узою, которая уже не может разрешиться. Доколе имеешь персты, распни их на молитву, прежде нежели придет смерть. Доколе имеешь очи, исполни их слез, прежде нежели они покроются прахом. Как роза увядает, едва дунет на нее ветер, так и ты умираешь, если поколеблется внутри тебя какая-либо из стихий, входящих в состав твой. О человек! вкорени в сердце твое мысль о твоем отшествии и напоминай себе непрестанно: вот! посланник, долженствующий прийти за мною, уже достиг дверей. Что сижу? Отшествие навеки, безвозвратное»[2].

«Как хлеб нужнее всякой другой пищи, — говорит святой Иоанн Лествичник, — так размышление о смерти нужнее всех деланий. Памятование о смерти рождает в общежительных иноках усердие к трудам и непрестанное приобучение себя к исполнению евангельских заповедей, особливо же к перенесению бесчестий с сладостию, а в безмолвниках отложение попечений, постоянную молитву и хранение ума. Эти добродетели — вместе и матери и дщери памятования смерти. Живое памятование смерти отсекает излишество в пище; когда ж со смирением отсечено будет это излишество, — с отсечением его отсекаются страсти. Как, по определению Отцов, совершенная любовь не падает, так я утверждаю, что истинное предощущение смерти не страшится падений. Как некоторые признают бездну бесконечною, говоря, что это место не имеет дна, так и памятование о смерти доставляет чистоту и делание, не имеющие пределов. Невозможно, невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днем нашей

[1] Слово 86.|| [2] Слово 41.

жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий; потому что часто при самых гробах не проливаем слез и пребываем равнодушными; напротив того, часто приходим в умиление и без этого зрелища»[1].

Великий Варсонофий утверждает, что человек, отсекающий свою волю во всем, имеющий смиренное сердце и всегда смерть пред глазами, может спастись благодатию Божией и, где бы он ни был, им не овладеет боязнь: такой *задняя забывает,* а *в предняя простирается*[2]. «Да укрепит мысль твою, — пишет этот преподобный Отец некоторому брату, — воспоминание о пришествии смерти, которой час неизвестен никому из людей. Постараемся делать добро, прежде нежели прейдем из этой жизни. Не знаем, в какой день будем позваны, чтоб не оказаться нам некоторыми и не остаться вне чертога с пятью юродивыми девами, которые взяли светильники, но не взяли елея в сосудах своих»[3]. Другому брату Преподобный пишет: «Уразумей, что время не медлит, и, когда настанет час, вестник смерти неумолим. Кто молил его и был услышан? Он есть истинный раб истинного Владыки, в точности исполняющий повеление Его. Убоимся страшного дня и часа, в который не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава: но будет лишь человек и дело его»[4]. — «Хорошо человеку помнить смерть, чтоб навыкнуть знанию, что он смертен; смертный — не вечен; невечный же и по неволе оставит век сей. Чрез непрестанную память о смерти человек начинает и произвольно делать добро»[5].

Преподобный Филофей Синайский советует Христову подвижнику посвящать все утро трезвенной и продолжительной молитве, а по вкушении пищи употреблять некоторое время на воспоминание и размышление о смерти[6]. Приводя в свидетельство этого древнего Отца, наш преподобный Нил Сорский советует также посвящать время после трапезы на размышление о смерти и суде[7]. Этим наставлением святых Отцов, как извлеченным из блаженного опыта, полезно и должно пользоваться всем, желающим приучиться к памятованию смерти, желающим освободиться от обольстительного и обманчивого мысленного состояния, при котором человек представляется сам себе как бы вечным на земле, а смерть считает уделом только других человеков,

[1] Извлечено из 6-й степени святой Лествицы. ‖ [2] *...забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3. 13). ‖ [3] Ответы на вопросы 229 и 623. ‖ [4] Ответы на вопросы 799 и 645. ‖ [5] Ответы на вопросы 799 и 644. ‖ [6] Преподобного Филофея, гл. 2. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [7] Преподобный Нил Сорский. Слово 7.

отнюдь не своим. После понудительного приобучения себя к воспоминанию о смерти милосердый Господь посылает живое предощущение ее, — и оно приходит помогать подвижнику Христову при его молитве. Оно благовременно восхищает его на Страшный Суд Христов; благовременно на этом суде человек умоляет человеколюбивого Господа о прощении своих грехов, и получает его. Потому-то святой Иоанн Лествичник назвал «молитву истинно молящихся — судилищем, судом, престолом Господа, предваряющими общий будущий суд»[1].

Преподобный Филофей Синайский свидетельствует, что *память смертная* (так вообще святые Отцы называют воспоминание и размышление о смерти) очищает ум и тело. «Узрев красоту ее, — говорит он, — и будучи пленен духом, а не оком, я захотел стяжать ее сожительницею на время этой земной жизни, соделавшись любителем ее благолепия и честности. Как она смиренна, радостно-печальна, рассмотрительна! как она постоянно страшится будущего праведного истязания! как она боится отлагать со дня на день добродетельное жительство! Она источает из чувственных очей живую, целительную воду, а из мысленных очей — источник, точащий премудрейшие мысли, которые текут и скачут, веселя смысл. Эту, как сказал я, дщерь Адамову, *память,* говорю, *смерти,* я постоянно жаждал иметь сожительницею, с нею усыпать, с нею беседовать и исследовать, что будет со мною по разлучении с телом»[2].

«Всегдашняя и живая *память смерти* рождает плач, соединенный с радостию и сладостию, и трезвение ума»[3].

«Искупующий искусно жизнь свою, непрестанно пребывающий в памятовании смерти и размышлении о ней, этим премудро отвлекающий ум от страстей, яснее видит ежечасные пришествия бесовских прилогов, нежели тот, кто хочет проводить жизнь вне *смертной памяти,* очищая сердце ради единого разума и не соблюдая своей мысли всегда плачевною и печальною. Таковой, думая побеждать остроумием все губительные страсти, связан, не ведая того, худшею из них и часто уклоняется далеко от Бога своим высокомудрием. Такому должно строго наблюдать за собою, чтоб не возгордиться и по этой причине не сойти с ума. Обычно душам, говорит Павел, собирающим познания оттуда и отсюда, кичиться на меньших, каковыми эти кажутся: в них нет искры назидающей любви, как я думаю. Напротив того, имеющий *память смерти,* видя,

---

[1] Лествицы степень 28. ‖ [2] Прп. Филофея, гл. 6. ‖ [3] Его же, гл. 13.

яснее других нашествия бесов, каждый вечер низлагает их и прогоняет»[1].

«Поистине заключает в себе многие добродетели живая *память смерти*: она — родительница плача, побуждение к воздержанию от всего, воспоминание геенны, мать молитвы и слез, бесстрастие брения при посредстве обнаружения его бренности, источник остроумия, соединенного с благоразумием; их чада — сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов, чем объемлются многие заповеди»[2].

Святой Исихий Иерусалимский помещает в числе образов трезвения непрестанное содержание в душе памятования о смерти. Он уподобляет *смертную память* вратарю, стоящему при дверях души и возбраняющему входить в них лукавым помыслам. «Будем, — говорит он, — если возможно, воспоминать смерть непрестанно. От такого памятования рождается в нас отложение попечений и всех сует, хранение ума и непрестанная молитва»[3].

Постоянное памятование смерти есть благодать дивная, удел святых Божиих, преимущественно предавшихся тщательному покаянию в нерушимом безмолвии. Только в безмолвии созревают и процветают возвышеннейшие добродетели, как в оранжереях редчайшие и драгие произрастения! Но и нам, немощным и страстным, необходимо принуждать себя к воспоминанию о смерти, усвоивать сердцу навык размышления о ней, хотя такое размышление и крайне противно сердцу грехолюбивому и миролюбивому. Для такого обучения, согласно вышеприведенному наставлению святых Отцов, полезно отделять ежедневно известный час, свободный от попечений, и посвящать его на спасительное воспоминание страшной, неминуемой смерти. Как ни верно это событие для каждого человека, но сначала с величайшим трудом можно принудить себя даже к холодному воспоминанию о смерти, что служит одним из бесчисленных доказательств падения нашей природы, помещенных в ней самой. Постоянное развлечение мыслей, нам усвоившееся, и мрачное забвение непрестанно похищают мысль о смерти у начинающих трудиться о частом воспоминании ее. Потом являются другие противодействия: неожиданно представляются нужнейшие дела и попечения именно в тот час, который мы отделили из дня для попечения о своей вечности, чтоб украдывать у нас этот час, а потом, чтоб вполне украсть и самое делание, даже самое воспоминание о существовании духовного,

[1] Прп. Филофея, гл. 21. ‖ [2] Того же, гл. 38. ‖ [3] Слово о трезвении, гл. 17, 18, 155.

спасительнейшего делания — размышления о смерти. Когда же, познав козни властей воздушных, мы удержимся в подвиге, тогда увидим в себе новую против него брань — помыслы сомнения в действительности и пользе подвига, помыслы насмешки и хулы, именующие его странным, глупым и смешным, помыслы ложного смирения, советующие нам не отделяться от прочих людей поведением нашим. Если, по великой милости Божией, победится и эта брань — самый страх мучительный, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как бы предощущением ее, сначала необыкновенно тяжел для нашего ветхого человека: он приводит в ужас ум и воображение; холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его; сердце томится невыносимою тоскою, сопряженною с безнадежием. Не должно отвергать этого состояния, не должно опасаться от него пагубных последствий. «Всякому начинающему жить по Боге, — говорит святой Симеон Новый Богослов, — полезен страх муки и рождаемая от него болезнь. Мечтающий положить начало без такой болезни и уз, не только полагает основание на песке своих деяний, но и подобен покушающемуся построить храмину на воздухе, вовсе без основания, что невозможно. От этой болезни вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиною не смерти, но жизни вечной. Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот, сообразно этому, начнет скорее шествовать, и она представит его Царю царствующих. Когда же совершится это и подвижник отчасти воззрит к славе Божией, тогда немедленно разрешатся узы, отбежит мучительный страх, болезнь сердца преложится в радость, явится источник, точащий чувственно приснотекущие слезы рекою, мысленно же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно ко всякому послушанию заповедям Божиим»[1]. Очевидно: такое изменение совершается от благодатного явления в сердце надежды спасения. Тогда, при размышлении о смерти, печаль растворяется радостию, слезы горькие претворяются в сладостные слезы. Человек, начавший плакать при воспоминании о смерти, как при воспоминании о казни, внезапно начинает плакать при этом воспоминании, как при воспоминании о возвращении в свое бесценное отечество. Таков плод памятования смерти.

[1] Деятельных и богословских глав 66 и 67; см.: Добротолюбие. Ч. 1.

По важности плода должно быть мужественным в возделывании его и преодолевать все препятствия разумным трудом и постоянством; должно веровать, что плод будет приобретен нами в свое время, по милости и благодати Божией. Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердною молитвою и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей.

Прежде нежели достигнем того молитвенного блаженного состояния, при котором ум непосредственно зрит предстоящую кончину и ужасается смерти, как должно твари ужасаться угрозы Творца, произнесенной вместе с заповедию, — полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами. Сколько знакомых наших, любивших эту земную жизнь и пользовавшихся благоденствием в ней, надеявшихся долго жить и еще вовсе нестарых, пожато смертию внезапно! Никто из них не мог сказать пришедшей смерти: «Подожди! удались: я еще не хочу умирать!» Иные из них не успели в час смертный сделать никакого распоряжения, никакого приготовления; иные восхищены были из среды веселого пира, из-за роскошной трапезы; иные скончались на дороге; иные потонули; иные убились сами или убиты; иные растерзаны зверями; иные легли на постель, чтоб успокоить тело малым временным сном, и уснули сном вечным. Осмотримся кругом себя: какое множество родственников, друзей и знакомых, взятых смертию, выбыло из нашего общества! Из них славные оставили славу, власть и почести, богатые оставили имение и деньги, накопленные с большим трудом, хранимые с большою скупостию. Смерть разлучила родителей с многочисленным семейством, супруга с супругою, друга с другом; она поразила гения среди великих дел его; она отняла у общества человеческого самого нужного для него члена и в минуты величайшей нужды в нем. Никто не мог остановить ее и воспротивиться ей; никто не мог спросить у нее отчета в ее действиях, столько непримиряющихся с разумом человеческим. Что на земле не суетно? что не превратно? что имеет какое-нибудь постоянство? Поистине — одна жизнь во Христе, продолжающаяся за пределы гроба и развиваемая во всей красоте и светлости смертию тела. Прочее же все — слабее тени, обманчиво, как сновидения... Многолет-

ние труды человека ради тления уничтожает смерть в один час, в одно мгновение[1].

Уразумев краткость нашей земной жизни и суетность всех земных приобретений и преимуществ, уразумев ужасную будущность, ожидающую тех, которые пренебрегши Искупителем и искуплением, принесли себя всецело в жертву греху и тлению, — отвратим мысленные очи наши от пристального зрения на обманчивую и обворожительную красоту мира, удобно уловляющую слабое сердце человеческое в любовь к себе и в служение себе; обратим их к страшному, но спасительному зрелищу — к ожидающей нас смерти. Оплачем себя благовременно; омоем, очистим слезами и исповеданием грехи наши, записанные в книгах Миродержца. Стяжем благодать Святого Духа — эту печать, это знамение избрания и спасения: оно необходимо для свободного шествия по воздушному пространству и для получения входа в небесные врата и обители. Имение неправедное[2] — так названо Евангелием всякое земное имение как следствие нашего падения — употребим, по совету Евангелия, на приобретение небесных сокровищ обильных раздаянием милостыни. Употребим земную жизнь нашу, этот великий дар Божий, соответственно назначению, указанному ей Богом, на познание Бога, на познание самих себя, на устроение своей вечной участи. Не будем терять времени; воспользуемся им правильно: в другой раз оно не дается; потеря его невознаградима. Изгнанники рая! не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтоб верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай.

Милосердый Господь да дарует читателям этого слова и составившему его помнить смерть во время земной жизни; памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному и жизнию для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти ею в блаженную, вечную, истинную жизнь. Аминь.

---

[1] Заимствовано наиболее из 7-го Слова преподобного Нила Сорского. Внезапная смерть постигает одних нерадящих о своем спасении: это возвещено Самим Господом (Лк. 12. 46). «Бог, — сказал преподобный Варсонофий Великий брату, боявшемуся неожиданной и преждевременной смерти, — не возьмет души его (подвижника, борящегося со страстями) дотоле, доколе не приведет его в меру высокую, в мужа совершенна». Ответ 265. || [2] Лк.16. 11.

Прибавление к «Слову о Смерти»

Взгляд на мнение западных о духах, аде и рае

«Слово о Смерти» было написано единственно с аскетическою целию. Требование от него бóльшей отчетливости в богословском отношении вызвало те дополнения, которые вошли в него при настоящем издании. Сделаны были против некоторых предметов учения Православной Церкви, помещенных в «Слове», возражения. Возражения эти возникли из учения, прочитанного в западных писателях. По этой причине признается не лишним ознакомить чад Православной Церкви с мнением западных о духах, рае и аде, обличить неосновательность и неверность этого мнения. Сведения о вышеупомянутых предметах заимствуем у западного писателя Ержье[1].

Статья первая
О духах

Выписка 1. «Дух — существо невещественное, отличное от тела». Такое определение дает западный писатель всякому вообще духу. Из этого определения не исключается и Бог, поставляемый таким образом в один разряд со всеми духами. Не высказано это здесь с ясностию, но ясно усматривается, как дальше будет видно, особенно из статьи, в которой западным писателем рассматриваются вообще духи[2].

Выписка 2. «Ангел — существо духовное, разумное, первостепенное по достоинству между тварями»[3].

---

[1] Dictionnaire de Théologie par l'abbé Bergier. Заимствованные статьи у этого писателя отмечены знаками «.........». || [2] Tom. III. Esprit. || [3] Tom. I. Ange.

Выписка 3. «Душа — существо духовное, мыслящее, начало жизни в человеке»[1].

Выписка 4. «Отцы Церкви различного мнения о естестве *ангелов*. Одни, как Тертуллиан, Ориген, святой Климент Александрийский и другие, думали, что *ангелы* всегда облечены тонким телом. Другие, как святой Василий, святой Афанасий, святой Кирилл[2], святой Григорий Нисский, святой Иоанн Златоуст и другие, признавали их существами чисто духовными. Таково мнение всей Церкви[3]; но Священное Писание свидетельствует, что *ангелы* часто являлись облеченными в тело; итак, мы не видим, почему бы мнение Тертуллиана было опасным»[4]. Дальше докажется, что ссылка западного писателя на восточных Отцов — неверна.

Выписка 5. «Многие философы нашего века до того простерли пристрастное суждение, что решились утверждать, будто писатели Священного Писания и Отцы Церкви не присвоивали слову *дух* того смысла, который даем ему мы, что под этим словом они разумели только вещество весьма тонкое, существо огненного свойства или воздушное, недоступное для наших чувств, а отнюдь не существо решительно невещественное»[5]. Суждение, названное здесь *пристрастным,* есть суждение *верное.* Ни Священное Писание, ни святые Отцы не давали слову *дух* того значения, которое начали давать ему западные очень недавно. Священное Писание и святые Отцы признают, исповедуют, проповедуют совершенную невещественность и независимость от пространства и времени единого Духа-Бога. Употребляют они слово *дух* для обозначения нравственных свойств. Во всех же случаях, когда *духом* называется предмет одушевленный и неодушевленный, и Писание и Отцы *именно* разумеют *вещество,* вещество тонкое, отличное от вещества грубого. Выражение, что сотворенные духи — существа *огненного или воздушного свойства,* принадлежит *именно* Отцам, как докажется далее точнейшими выписками из Отцов.

Выписка 6. «Мы сознаемся, что во всех известных языках нет *слова,* собственно и исключительно употребляемого для обозначения *существа невещественного.* Как воображение оказалось недостаточным для изобретения такого выражения, то должно было

---

[1] Tom. I. Ame. ‖ [2] Александрийский. Его особенно уважают западные, как председательствовавшего на III Вселенском Соборе по приглашению папы. И восточные признают его одним из великих Отцов Церкви. ‖ [3] Здесь надо разуметь мнение Западной Церкви, принятое ею недавно, как увидим дальше. ‖ [4] Tom. I. Ange. ‖ [5] Tom. III. Esprit.

прибегнуть к метафоре и ею заменить его. Бо́льшая часть наименований, данных ему, означают *дух, дыхание,* служащее знаком жизни»[1].

Выписка 7. «Но все человеки, не имея никакого понятия о философии, по естественному суждению различали *существо живое, действующее, начало движения,* от *существа мертвого, страдательного, неспособного к движению.* Пе́рвое они называли *духом,* второе *телом,* или веществом. Это различие современно по древности своей миру, распространено повсюду, где находится человек. Все были столько уверены в безжизненности вещества, что предполагали присутствие *духа* повсюду, где усматривали *движение*»[2]. На этом основании, столько неверном, западный писатель зиждет свое учение о духах.

Выписка 8. Сущность вопроса приводится к следующему:

«Когда писатели Священного Писания, Отцы Церкви и древние философы говорят о *Боге,* о *ангелах,* о *духах,* то принимают ли их существами мертвыми, страдательными, не движущимися, или существами, которые чувствуют, мыслят и действуют?»[3] Очевидно: Бог, Творец духов, поставлен здесь в один разряд существ с сотворенными Им духами.

Выписка 9. «Писатели Священного Писания и святые Отцы, признававшие *сотворение,* понимали, что Бог действовал единою волею Своею: рече Бог: *да будет свет, и бысть свет*[4]. Существо вещественное может ли быть творцом?»[5] Западный писатель признает и сотворенных духов решительно невещественными: то, по сделанному им возражению, должно признать духов способными к творению из ничего, так как эта способность приписывается решительной невещественности. Здесь опять Бог поставлен в один разряд с сотворенными духами, и видно усилие, при помощи такого смешения, обстаивая совершенную невещественность и духовность Бога, обстоять мнение Западной Церкви о совершенной невещественности сотворенных духов.

Выписка 10. «Мало нужды для нас знать, думали ли древние или нет, что всякий *дух* всегда *облечен* тонким *телом;* для нас довольно того, что эти два существа никогда не были смешиваемы»[6]. Отцы не признавали духов *облеченными в тело,* но самое существо их признавали тонким телом.

Выписка 11. «Однако мы сознаемся, что словом *дух* в Священном Писании не обозначается всегда существо невещественное.

---

[1] Tom. III. Esprit. ‖ [2] Там же. ‖ [3] Там же. ‖ [4] *...да будет свет. И стал свет* (Быт. 1. 3). ‖ [5] Tom. III. Esprit. ‖ [6] Tom. III. Esprit.

Как отличительное свойство *духа* есть *действие,* то древние называли духом всякую причину действующую, каковы ветер, вихрь»[1]. Точное определение значения, которое давали Писание и Отцы слову *дух,* будет видно далее из выписки, сделанной из творений святого Кирилла Иерусалимского.

Выписка 12. «Неверующие говорят, что до Декарта[2] философы и *богословы* приписывали *духам пространство*». Это показывает, с которого времени Западная Церковь приняла свое нынешнее мнение о духах. Писатель ее не оспаривает этого. Он присовокупляет: «Когда б это было и справедливо, то из этого еще ничего не следует, потому что, несмотря на Декарта, и теперь еще имеются философы, которые, допуская существенное различие между телами и духами, утверждают, что *последние не находятся в совершенной независимости от пространства*»[3]. Имеются, надо заметить, философы, но не богословы; богословы западные единодушно признали независимость от пространства сотворенных духов наравне с Богом. Новейшим философам, если они знакомы с положительными науками, объясняющими вещество, нет никакой возможности признать как независимость ограниченного существа от пространства, так и невещественность такого существа, наравне с невещественностию неограниченного существа, Бога. Декарт заимствовал свое мнение у древнего языческого философа Платона. Декарт не видит никакой связи, никакого *сродства* — употребляем техническое выражение химии — между духом и веществом. Это справедливо в отношении к одному Богу: потому что для уничтожения сродства между предметами нужно бесконечное различие между ними. Так отличается от всего один Бог. Отвергая всякое отношение души и духов к пространству, Декарт, вместе с этим, дает душе *место* в мозговой железе, чем, очевидно, противоречит сам себе. Таким образом он ограничивает душу пространством и веществом, ставит в зависимость от пространства и вещества. Из этого вытекает, как необходимое последствие, понятие о *вещественности* души, находящейся в естественной и невольной связи с телом. И мнение Декарта, и мнение Платона основаны единственно на произвольном предположении, а не на точном выводе из науки, как того требуют, при настоящем развитии своем, все науки, рассуждающие о веществе. По этой причине система Декарта и Платона не может и не должна иметь никакого значения в науке:

[1] Пс. 148. Tom. III. Esprit. ‖ [2] Рене Декарт жил в первой половине XVII века, до появления химии, этой новой науки, родившейся в конце XVIII столетия и извратившей прежние понятия о веществе. ‖ [3] Tom. III. Esprit.

место этой системе — в истории науки, подобно прочим отжившим знаниям, которые в свое время признавались или всеми или многими за истину. Эта система, противоречащая Священному Писанию, не должна иметь никакого места в православном богословии: с принятием ее должно быть отвергнуто учение Писания о рае и аде, в которых сотворенные духи будут блаженствовать и мучиться в *определенном отношении* к пространству и веществу. Самое существование сотворенных духов должно быть отвергнуто! если душа не ограничивается телом и не имеет сродства с ним, то она, ознаменовывая для нас свое пребывание в теле, есть уже не существо, а только явление, подобно *звуку* и прочим явлениям в природе. Церковные писатели второго века, святой мученик Иустин[1] и Тертуллиан[2], со всею удовлетворительностию опровергли учение Платона. Сам Бержье замечает, что «учение Платона о *Боге, о ангелах* и о *душах,* будучи принято, подрывает, без сомнения, главнейшие основания христианства»[3].

Выписка 13. «Богослов должен знать, на каком основании обвиняются писатели Священного Писания и Отцы Церкви в *незнании естества духовных существ,* в веровании, что Бог, ангелы и души человеческие суть существа телесные»[4]. Не вернее ли этому богослову, сознав свое знание незнанием, обратиться к тщательному изучению Священного Писания и Отцов Церкви, чтоб почерпнуть из них истинное знание? Заметим: Бог опять поставляется в один разряд духовных существ с сотворенными духами и с человеческою душою.

Выписка 14. «Первая истина, которой научает нас Священная История, состоит в том, что Бог есть Творец, что Он сотворил все Словом Своим или простым действием Своей воли: почему Он — чистый *Дух.* Эта же История научает нас, что Бог сотворил человека по Своему образу и по Своему подобию. Итак, человек не есть только тело: он разумен, действует, свободен в *своих волях,* как Бог»[5]. Не достало только западному писателю высказать с откровенностию свое мнение, что человек по душе такое же существо, как и Бог. Это, однако, как непременное последствие вытекает из такого умствования. Бог, не только по существу, но и по свойствам, совершенно отличается от сотворенных духов и души человеческой. Его свойства неограниченны, и существо — неограниченно.

---

[1] Разговор с иудеем Трифоном. ‖ [2] О душе. ‖ [3] Dictionnaire de Théologie. Tom. VI. Platonisme. Pag. 401, 402. ‖ [4] Tom. III. Esprit. ‖ [5] Tom. I. Ame. Последние две строчки переведены со скрупулезною точностию, как вынаруживающие с особенною ясностию мнение западного писателя.

Свойства сотворенных духов ограниченны: по необходимости ограниченно и существо их. Если существо их ограниченно, то и духовность их ограниченна. Напротив того, духовность Бога — беспредельная: она — совершенная и решительная духовность. Никак не требуется от образа, чтоб он был тождественного существа с своим подлинником. Это видим на изображениях человеческих. И портрет и статуя могут иметь ближайшее сходство со своим подлинником: никак не следует, чтоб самое существо их было тождественно с существом подлинника.

Выписка 15. Григорий Богослов (Назианзин) говорит, что «*Ангел* — существо огненного свойства, или *дух* (дыхание) разумный. По мнению Мефодия, *души* суть *тела разумные* (мысленные). Если верить Кассию, священнику Римскому, — *дух* человека имеет тот же *образ* (figure), как и тело, *дух* разлит во всех частях тела. Наконец, святой Августин признает, что *душа* в некотором смысле есть тело»[1]. Блаженного Августина особенно уважают западные. Они дают ему первое место между Отцами Церкви, называют божественным. Мнение Августина поставило западного писателя в затруднительное положение.

Выписка 16. «Древние часто смешивали понятие о *теле* с понятием о *сущности*. Они называли телом всякое существо ограниченное, описываемое местом, всякое существо, подверженное случайным приключениям и изменениям. В этом смысле они сказали, что один Бог — бесплотен»[2]. Эти древние — суть Отцы Церкви. Западный писатель, высказывая их мнение, не одобряет его. Очевидно: ему хотелось бы, чтоб Отцы не выразились так, чтоб новейшее учение западных о совершенной духовности Ангелов, демонов и душ человеческих, духовности, одинаковой и равной с духовностию Бога, не встретило непреодолимой преграды в Предании Церкви, то есть в писаниях Отцов.

Выписка 17. «Отец Пето, приведши во 2-й главе места из Отцов, которые кажутся предполагающими *ангелов телесными*, приводит в 3-й главе очень большое число этих святых учителей, утверждавших *совершенную духовность* небесных духов»[3]. Сколько можно положиться на это, мы увидим дальше. Наименовал же Бержье признающими ангелов чисто духовными святого Афанасия Великого, святого Василия Великого, святого Иоанна Златоустого, Кирилла Александрийского. О Григории Богослове он не упомянул как о уличенном в противном мнении (выписка 4 и 15).

---

[1] Tom. III. Esprit. || [2] Tom. III. Esprit. || [3] Tom. III. Esprit.

Выписка 18. «У Отцов, в прениях их с еретиками, вырывались иногда выражения неправильные, заимствованные у древней философии. Это произошло от того, что язык человеческий всегда очень недостаточный для выражения предметов богословских, не мог быть приведен в короткое время к такой точности, в какой он находится ныне»[1]. Чтоб оправдать мнение, недавно принятое Западною Церковию, писатель ее усиливается привести к мысли, что Отцы Церкви заимствовали свои выражения о духах у древних философов.

Выписка 19. Мозгейм говорит, что «древние философы различали в человеке *две души,* именно *душу чувственную,* которую они также называли духом и которую они представляли себе тонким телом, и душу бестелесную, неразрушимую, бессмертную. При смерти человека обе души отделялись от тела человеческого и пребывали всегда соединенными, но не смешиваясь, так что *одна душа* могла быть решительно отделяема от *другой.* Этот критик (Мозгейм) полагает, что Отцы Церкви сохранили в христианстве это мнение философов»[2]. Учение о том, что человек имеет душу и дух, находится и в Священном Писании[3] и в святых Отцах. По большей части оба эти слова употребляются для обозначения всей невидимой части существа человеческого. Тогда оба слова имеют значение тождественное[4]. Различается душа от духа, когда это требуется для объяснения невидимого, глубокого, таинственного аскетического подвига. *Духом* называется *словесная сила* души человеческой, в которой напечатлен образ Божий и которою душа человеческая отличается от души животных: животным Писание также приписывает души[5]. Преподобный Макарий Великий на вопрос: «Иное ли есть ум (дух), и иное душа?» — отвечает: «Якоже члены тела, многие суще, единым человеком именуются, так и члены души суть многие, ум, воля, совесть, помышления осуждающие и оправдывающие; однако вся сия в едину соединены *словесность,* и члены суть душевные; едина же есть душа — внутренний человек»[6]. В православном богословии читаем: «Что касается до *духа,* который, на основании некоторых мест Писания[7], почитают третиею составною частию человека, то, по словам святого Иоанна Дамаскина, он не есть что-либо отличное от души и подобно ей самостоятельное, а есть высшая сторона той же души; что глаз в теле, то ум в душе»[8].

[1] Tom. III. Esprit. ‖ [2] Tom. III. Esprit. ‖ [3] Евр. 4. 12. ‖ [4] Лк. 23. 46; Ин. 10. 15, 18. ‖ [5] Лев. 17. 11, 14 ‖ [6] Беседа 7, гл. 8. Перевод Московской Академии. ‖ [7] 1 Фес. 5. 23; Евр. 4. 12. ‖ [8] Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, § 120.

Выписка 20. «Предположим на минуту, что, может быть, некоторые Отцы Церкви точно думали таким образом. Из этого уже следует, что эти Отцы, так как и древние философы, имели очень ясное понятие о *совершенной духовности*[1], потому что они приписали ее *разумной душе*, которую они называли νοῦς, mens (ум, дух), насколько она отличалась от *души чувственной* ψυχή, anima (душа), которую представляли себе весьма тонким телом. Из этого также следует, что Отцы, хотя и полагали ангелов всегда *облеченными в тонкое тело*, но не смешивали их по этой причине с телами; и признавали их собственно существами духовными»[2]. Не признавали Отцы, как выше сказано, ангелов, облеченными в тонкое тело: *они признавали самую сущность их тонким телом.*

Выписка 21. «Правду сказать, Отцы, вынужденные подчиниться общеупотребительному образу выражения, были приведены в то же затруднение, в которое были приведены философы. Необходимость заставила их объяснять естество, свойства и действия души при посредстве выражений, заимствованных от предметов вещественных: потому что ни один язык вселенной не может представить иных выражений. Таким образом некоторые из Отцов употребляли слово *тело* в подобном смысле тому, какое имеет слово *сущность*, потому что последнее слово не употреблялось у латинян в том значении, в каком оно употребляется у нас. Другие называли образ существования духов *формою* (образом, видом их), действия их *движением*. Иные обозначали присутствие души во всех частях тела *разлитием* и так далее. *Это все — метафоры;* основывать на них выводы — смешно (безрассудно)»[3]. Очевидно: западный писатель думает, что духи не имеют не только вида, но и движения. Так и следует думать последователю Декарта. Невозможно иметь движения тому, кто не имеет никакого отношения к пространству. Для движения необходимо пространство. Имеющий движение непременно находится в известном отношении к пространству, то есть занимает в пространстве известное место. Занимающий в пространстве определенное место непременно должен иметь свой вид, свою форму. Переменяющий места непременно должен иметь движение. Признание движения есть признание

[1] *Совершенною духовностию* названа здесь Декартова ипотеза о духах. Как Декарт был великий математик, то ипотезу его весьма прилично изобразить математическою формулою. Для этого означим буквою *X* предмет, который намереваемся определить, как это обыкновенно делается; отсутствие всякой вещественности, в величине не бесконечной, необходимо изобразить знаком нуля 0: таким образом получится алгебраическое уравнение X=0. ‖ [2] Tom. III. Esprit. ‖ [3] Tom. I. Ame.

зависимости от пространства, есть признание вещественности. Отвержение движения и зависимости от пространства для сотворенных духов должно непременно соединяться с отвержением существования сотворенных духов, с отвержением всех поведаний Священного Писания о действиях этих духов. В Писании повсюду говорится о движении духов, о перемене ими места, о виде их.

Выписка 22. «Предположим, что Отцы худо объясняли те места Священного Писания, в которых говорится о телесных действиях *демонов,* что они ошибочно приписали этим *духам* легкие *тела,* вкусы и наклонности человеческие. Это заблуждение чисто отвлеченное, по вопросу очень темному, не касается никакого догмата христианской веры. Из этого не следует, чтоб *демоны* были, по *естеству* их, *существа вещественные,* или извлеченные из вещества, но что они имеют нужду *облекаться* в *тонкое тело,* когда Бог дозволяет им действовать на тела»[1]. Что это? — Туалет. Если духи имеют нужду каждый раз облекаться в тела, когда они являются человекам, то для таких тел, принимаемых только на время, принимаемых при каждом явлении, нужно обширное складочное место; или же каждому явлению духа должно предшествовать сотворение тела для него. Дело делается проще: духи являются собственным существом при отверзении очей у тех человеков, которые видят духов.

Западный писатель называет учение о духах вопросом очень *темным,* не относящимся ни к какому *догмату* христианской веры. С этим нельзя согласиться. Всякая наука темна для не изучившихся ей; остается она значительно темною для изучившихся недостаточно и поверхностно. Результаты, которых достигают некоторые науки, представляются невероятными для непосвященных в таинства науки. Измерения, производимые тригонометрическими инструментами, наш простой народ называл колдовством, и некто, в первый раз увидавший астрелябию, сломал ее, признав в ней действие волхвования. Познание духов, познание по возможности точное и подробное, необходимо для христиан. Цель пришествия Христова на землю заключается в том, чтоб *разрушить дела диавола,* чтоб *упразднить диавола*[2]. Из этого следует: не зная, что — диавол, мы не можем знать, что именно сделал для нас Христос; самый *догмат о* том, что Христос пришел на землю, чтоб *разрушить дела диавола и упразднить его,* должен остаться необъясненным для тех,

[1] Tom. II. Demon. || [2] Ин. 3. 8; Евр. 2. 14.

которые не заботятся получить надлежащее понятие о духах. — Бог положил вражду между *семенем жены*-Евы и *семенем*[1] змея-сатаны, то есть между человеками, которые — естественно семя жены, и демонами, которые — семя и чада сатаны по заимствованному от него настроению: *диавол, яко лев, рыкая, ходит, иский поглотити*[2] кого-либо из нас; мы должны вести непрестанную войну *к началом и ко властем* [*и*] *к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3]. Находясь в таком опасном положении, находясь постоянно в войне и под сверкающим огненным[4] кинжалом нашего злейшего врага и убийцы, мы нуждаемся знать этого врага в возможной для нас подробности, чтоб противопоставить ему все должное сопротивление, чтоб охраниться от него во всех отношениях. Без такого знания можно очень легко остаться в общении с ним, не примечая того, тем более, что он всегда прикрывает себя личиною добра[5]. Этому подверглись весьма многие, нисколько не поняв своего бедственного состояния: и в то время, как Иудеи провозглашали себя сынами Бога[6], Бог, предстоявший им лицом к лицу, объявил им, что они — чада диавола[7]. Святые Отцы признают крайне нужным отчетливейшее знание духов и стараются преподать его[8]. Недостаток в основательном познании о духах ведет или к прямому отрицанию существования духов, или к косвенному. Косвенным отрицанием существования духов со всею справедливостию можно назвать отвлеченное понимание их западными, причем все участие духов в деятельности человечества, излагаемое в Писании и Отцах, должно быть отвергнуто. Вместе с этим по необходимости должно быть отвергнуто значение вочеловечения Христова, а этим извращается правильное понимание и исповедание христианства. Откуда такое явление несчастное? из жизни в духе и системе миродержцев, как Господь сказал иудеям[9]. Падшие духи принимают величайшее старание о том, чтоб действовать скрытно и пребывать незамеченными[10]. Тогда действия их получают наибольшее развитие. По этому признаку да ведают те, которые отрицают прямо или косвенно существование духов, что они вступили в решительное подчинение демонам и в единение с ними, отчуждившись от Бога.

---

[1] Быт. 3. 15. ‖ [2] *...диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5. 8). ‖ [3] *...но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12). ‖ [4] Еф. 6. 16. | [5] 2 Кор. 11. 14. ‖ [6] Ин. 8. 41. ‖ [7] Ин. 8. 44. ‖ [8] Поучение о духах преподобного Антония Великого. Patrologiae Graecae tom. XXVI. S. Athanasii; Tom. II. Vita S. Antonii. P. 873, 874–907, 908. ‖ [9] Ин. 8. 42–47. ‖ [10] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

Выписка 23. «Пророк Илия, желая воскресить некоторое дитя, сказал Богу: *Господи Боже мой, да возвратится убо душа отрочища сего в онь*[1]. Историк присовокупляет, что душа этого дитяти возвратилась в него, и он воскрес»[2]. Это свидетельство очень затрудняет западного писателя, выражая *движение* души, которое, как мы видели, он отвергал, называя подобные выражения относительно духов метафорами. Бержье, упомянув, что в Писании много подобных мест, ничего не сказал ни о движении души, ни о зависимости ее от пространства, а только обратился с упреком к материалистам, отвергающим воскресение.

Из выписок, сделанных нами, приходим к следующему общему заключению: западные, принявшие в недавнее время много учений, чуждых и противных Православной Церкви, недавно приняли чуждое и противное ей учение о совершенной невещественности сотворенных духов, приписали им духовность в той степени, в какой имеет ее Бог. Они поставили Бога, Творца всех и всего, в один разряд существ с сотворенными духами, признают их независимость от пространства, отрицают в них подобную телам способность к передвижению, словом сказать, приписывают существу их свойства, одинаковые с Богом, не преставая, впрочем, признавать их созданными и ограниченными. В этом учении заключается явное противоречие: это учение уничтожает само себя. Западный писатель думает основывать свое мнение на Священном Писании, на Отцах Церкви и на науке. В этих трех отношениях мы обязаны представить удовлетворительное опровержение, которое должно быть вместе свидетельством правоты и святости учения, преподаваемого Православною Церковию.

Бог есть существо всесовершенное, не имеющее ничего общего с существами сотворенными. Он, один Он есть собственно Существо. *Аз есмь Сый,* сказал Он о Себе[3]. *Аз есмь живот*[4], сказал Господь о Себе: *якоже бо Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе*[5]. Существование разумных тварей и жизнь их отличаются от Жизни-Бога подобно тому, как отличается свет, который издают от себя предметы, освещенные солнцем, от света, изливающегося собственно из солнца, из источника света. Бытие и жизнь тварей есть слабейшее отражение бытия и жизни, составляющих собственно Божие свойство. Святой Иоанн Дамаскин говорит: «Бла-

[1] *Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него* (3 Цар. 17. 21). ‖ [2] Tom. I. Ame. ‖ [3] *Я есмь Сущий* (Исх. 3. 14). ‖ [4] *Я есмь... жизнь* (Ин. 14. 6). ‖ [5] *Ибо как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе* (Ин. 5. 26).

гий, всеблагий и преблагий Бог, будучи весь благость, по безмерному богатству своей благости, не потерпел, чтоб благо, то есть естество Его, пребывало одно, и никто не был причастником его. Для сего Он сотворил умные и Небесные Силы, потом видимый и чувственный мир, наконец, человека из умного и чувственного естества. И так все, сотворенное Им, по самому бытию, участвует в Его благости: потому что *Он для всех есть бытие,* все в Нем *существует,* не только потому, что Он привел все из небытия в бытие, но и потому, что *сила Его сохраняет и поддерживает* все, Им созданное. Особенно же участвуют в Его благости живые существа, как по бытию, так и по причине жизни; и еще более *существа разумные,* как по сказанным выше причинам, так и потому, что имеют разум. Ибо *последние* (то есть существа разумные) *несколько ближе* к Нему, хотя Он *несравненно* выше всего»[1]. Подобно этому рассуждают и все святые Отцы Православной Церкви. Святой Афанасий Великий: «Безрассудным было бы *разнородное* по естеству признавать равночестным. *Что общего, или какое сравнение между Творцом и сотворенными Им предметами?*»[2] Святой Василий Великий: «*В твари нет ничего сходственного с Творцом: напротив того, она во всем не сходствует с Творцом*»[3]. Святитель Димитрий Ростовский приводит слова святого Силвестра папы Римского: *несть той же образ и подобие Богу и Ангелом, «яко ниже естество и сила едино есть, но ино есть естество Божие, ино же ангельское»*[4]. Блаженный Феофилакт Болгарский: «*Все зданное естество, по елику к Богу, скотско есть:* по сему и *овча* зватися могут Горния Силы (Ангелы)»[5]. Преподобный Макарий Великий, определяя отношение души человеческой к Богу, к существу Божию, говорит: «Он — Бог, а она — не Бог; Он — Господь, а она — раба; Он — Творец, а она — тварь; Он — Создатель, а она — создание; *ничего нет общего в Его и ее естестве,* но только по бесконечной, неизреченной и недомыслимой любви Своей и по благоутробию Своему благоволил Он вселиться в сем создании, в этой разумной твари»[6].

«Сущность Бога, — говорит святой Иоанн Златоуст, — *неизреченно* (безмерно) *превышает* человеков, Ангелов, Архангелов

---

[1] «Точное изложение Православной Веры» святого Иоанна Дамаскина, кн. 4, гл. 13. ‖ [2] Epistolae ad Serapionem. Tom. II. P. 551, 552. ‖ [3] Patrologiae Graecae tom. XXIX. Contra Evnomium. Lib. 5. De Spiritu Sancto, guod non sit creatura. P. 709, 710 и 711, 712; по слич. Quod Spiritus creator est. P. 713, 714. ‖ [4] Четьи-Минеи, 2 января. Житие святого Силвестра, папы Римского. Словопрение его с избранными учителями еврейскими об истинной вере. ‖ [5] Благовестник. М., 1850. Толкование на Евангелие от Луки, гл. 15, ст. 4. ‖ [6] Беседа 49, гл. 4. По переводу Московской Духовной Академии 1855 г.

и *всякий*, без исключения скажу, *разум созданий, и не может быть постигнута ими*[1]. — *Не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, Сей виде Отца*[2]. Видением называет здесь (Господь) познание: и не сказал просто: "Никто не видел Отца" и потом умолчал, чтоб не подумал кто, что Он сказал это только о человеках, но желая показать, что ниже Ангелы, ниже Архангелы, ниже Высшие Силы могут видеть Его, сделал это ясным чрез дополнение: ибо сказав не *яко Отца видел есть кто*, присовокупил: *токмо сый от Бога, Сей виде Отца*[3]. — *Царь царствующих и Господь господствующих, Един имеяй безсмертие и во свете живый неприступнем*[4]. Остановись здесь немного и спроси еретика, что значит — *во свете живый неприступнем*. Желаю, чтоб ты дал должный вес точности Павла (Апостола): он не сказал *свет — неприступен*, но *во свете живый неприступнем*, чтоб ты научился, что если самый дом неприступен, тем более Бог, обитающий в этом доме. Впрочем, сказал он это не для того, чтоб ты подумал, что у Бога есть дом и место, но чтоб ты более и более изучил непостижимость Бога. Он не сказал *обитает в свете непостижимом*, но в *неприступнем*, что далеко выше непостижимого. Непостижимым называется то, что не может быть постигнутым при посредстве изыскания и изучения: неприступным же то, что, по свойству своему, ниже может подвергнуто изучению, к чему никто не может приступить. Что скажешь на это? Конечно, скажешь, непостижим для человеков, но не для Ангелов и не для Высших Сил. Чтоб ты научился, что Он неприступен не только для человеков, но и для Высших Сил, услышь, что говорит Исаия (назвав Исаию, объявляю определение Святого Духа: потому что Пророк говорит из действия в нем Святого Духа): *И бысть в лето, в неже умре Озия царь, видех Господа седяща на престоле высоце и превознесенне, и исполнь дом славы Его. И Серафими стояху окрест Его, шесть крил единому и шесть крил другому: и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя*[5]. Скажи, прошу, почему закрывают лица и закрывают ноги крыльями? почему, говорю, как не потому, что не могут выносить сияния и лучей, исходящих от престола? хотя они видели не самый свет, без умерения его, ниже

[1] Chrisostomi op. omn. Tom. I. P. 757. Parisiis, 1842. || [2] *Это не то, чтобы кто видит Отца, кроме того, Кто есть от Бога: Он видел Отца* (Ин. 6. 46). || [3] Chrisostomi op. omn. Tom. I. P. 736. || [4] *...Царь царствующих и Господь господствующих, единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете* (1 Тим. 6. 15, 16). || [5] *В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои* (Ис. 6. 1, 2).

самое чистое Существо, но все, что они видели, было *приспособлено*. В чем состоит это *приспособление*? В том, что Бог является не таким, каков Он есть, но умеряет Себя, соответственно способности того, кто должен увидеть Его, и приспособляет Себя к немощи видящего. А что совершалось совершавшееся по приспособлению, это явствует из самых слов Писания. Пророк говорит: *видех Господа седяща на престоле высоце и превознесенне*. Бог не сидит на престоле, потому что такое положение относится к телу; Бог не может помещаться на престоле, потому что Божество не определяется местом. Но и столько умалившегося не могли выносить, стоя близ Его: *Серафимы стояху окрест Его*. Потому именно не могли видеть, что стояли близко. Близко, говорю, не местом: этим Святой Дух хотел объявить, что Силы ближе нас к этому Существу, но самого Существа не могли видеть. Итак, хотя слышишь, что Пророк говорит: *Видех Господа*, не подумай, чтоб он видел существо Божие. Он видел к себе *приспособленный образ*, и видел не так ясно, как видят Высшие Силы: он не мог видеть столько, сколько может видеть Херувим»[1]. Святой Афанасий Великий на вопрос Антиоха: «Каким образом Пророки часто представляются видевшими Бога?» — отвечал: «После всех Пророков, после пришествия Христова, апостол, евангелист и Богослов Иоанн сказал: *Бога никтоже виде нигдеже*[2]. Чтоб доставить этим словам все вероятие, как весьма важным и существенным, он прибавил: *Единородный Сын, Сый в лоне Отчи, Той исповеда*[3]. Также и святой апостол Павел говорит: *Егоже никтоже видел от человек, ниже видети может*[4]. Итак, никто из человеков не мог видеть существа Божия таким, каково оно есть; но Бог, *приспособляя* Себя к немощи человеков, принимал соответствующий этой немощи образ и являлся Пророкам. Известно, что Он, бесплотный, часто являлся им в образе человека, облеченного плотию. Из этого явствует, что они видели не существо Бога, но славу Его»[5]. Такое приспособление Бога при явлении Его душам святых с особенною ясностию описывает преподобный Макарий Великий: «Сущий (то есть Бог), и как хочет и чем хочет, по несказанной благости и по недомыслимой доброте, прелагает, умаляет, уподобляет Себя святым и достойным верным душам *плототворя Себя*, по мере их удобоприемлемости, чтоб *Невидимый* для них был видим, и *Неосязаемый*, соразмерно свойству душевной

---

[1] Chrisostomi opera omnia. P. 721 и 722. || [2] *Бога не видел никто никогда* (Ин. 1. 18). || [3] *Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил* (Ин. 1. 18). || [4] *Которого никто из человеков не видел и видеть не может* (1 Тим. 6. 16). || [5] Patrologiae Graecae tom. XXVIII. S. Athan. Alex. Archiep. — Quest. 28. P. 614.

тонкости, был осязаем, и чтоб души ощутили благость и сладость Его и на самом опыте усладились светом неизреченного наслаждения. Когда хочет, бывает Он огнем, пожигая всякую негодную, прившедшую в нас страсть. Ибо сказано: *Бог наш огнь поядаяй (есть)*[1]. Когда хочет, — бывает неизреченным и неизъяснимым упокоением, чтоб душа упокоевалась покоем Божества. Когда хочет, — бывает радостию и миром, согревает и оберегает душу[2]. Таким образом, как Сам благоволил, являлся Он каждому из святых Отцов: иначе — Аврааму, иначе — Исааку, иначе — Иакову, иначе — Ною, Даниилу, Давиду, Соломону, Исаии и каждому из святых пророков, иначе — Илии, иначе — Моисею. Как Сам благоволил, являлся Он каждому из святых, чтоб успокоить, спасти и привести в познание Божие. Ибо все, что ни захочет, удобно для Него, и, умаляя Себя, как Ему угодно, *плототворит и образует* Себя, делаясь видимым для любящих Его, по великой и невыразимой любви, в неприступной славе света являясь достойным, соразмерно с силами каждого»[3]. Такое приспособление Божие для общения с разумными тварями необходимо не только для душ человеческих, но и для Ангелов, по согласному учению святого Иоанна Златоустого и преподобного Макария Великого: потому что Бог, отличаясь от всех тварей бесконечным отличием и превосходя их бесконечным превосходством, не может быть по собственному существу ни видим, ни постижим, ниже приступен для них каким бы то ни было способом. Объясняя это, преподобный Макарий говорит: «Беспредельный, неприступный и несозданный Бог, по беспредельной и недомыслимой благости Своей, оплототворил Себя и, так сказать, как бы умалился в неприступной славе, чтоб можно Ему было войти в единение с видимыми Своими тварями, разумею же души святых и Ангелов, и возмогли они быть причастными жизни Божества. А всякая тварь, и Ангел, и душа, и демон, по собственной природе своей, есть *тело:* потому что, хотя и утончены они, однако ж в существе своем, по отличительным своим чертам и по образу, соответственно утонченности своего естества, суть *тела тонкие,* тогда как это наше тело в существе своем дебело»[4]. Это изложение очень естественно. Если сотворенные духи ограниченны, то и существо их и свойства — ограниченны. Если существо их и свойства — ограниченны, то и духовность их — ограниченна. Если духовность их — ограниченна, то они по необходимости должны иметь известную степень вещественности, свойственную их природе. Напротив того, если при-

[1] *Бог наш есть огнь поядающий* (Евр. 12. 29). || [2] Беседа 4, гл. 11. || [3] Беседа 4, гл. 13. || [4] Беседа 4, гл. 9, 10.

пишем им совершенную невещественность, то есть неограниченную духовность, то вместе с сим по необходимости должны приписать им неограниченность существа, потому что только одно неограниченное существо может иметь и должно иметь неограниченные свойства. Сотворение тварей в разнообразных формах, в различных степенях, снабжение их многоразличными свойствами преподобный Макарий, со всею справедливостию, приписывает всемогуществу Творца и Его воле, для которой нет ничего ни затруднительного, ни невозможного. «Восхотел Бог, — говорит Преподобный, — и без труда сотворил из ничего существа грубые и жесткие, например, горы, дерева (видишь, какова твердость их естества!), потом средственные — воды, и из вод повелел родиться птицам, и еще тончайшие: огонь и ветры, и даже те, которые *по тонкости невидимы телесному глазу*»[1]. Современная наука нисколько не противоречит этому учению, напротив того, она сошлась в чудное согласие с ним. Познания отжившие, признанные вполне ошибочными, противоречили ему.

Из приведенных нами извлечений из святых Отцов, принадлежащих не только Восточной Церкви, но и всей Вселенской, видно, какое величайшее различие, какое бесконечное различие Отцы Церкви, основываясь на Священном Писании, признавали, исповедывали, проповедывали между существом Бога и существом Ангела, демона и души, хотя и Священное Писание и святые Отцы вообще называют и Бога Духом, и Ангелов и демонов и души человеческие духами. Этим выражается только то, что как Бог, так и Ангелы и демоны и души невидимы для телесных очей наших. Называются они бесплотными, невещественными по той причине, что не имеют нашей плоти, нашей грубой вещественности, не подлежат нашим чувствам, чем отличаются от разряда вещественных предметов, подлежащих нашим чувствам. Называются разумными, мысленными, по главному отличительному их свойству, уму, или духу — способности не только мыслить, но и ощущать духовно. По последней причине человек также называется существом разумным; он называется словесным, по свойству словества, по силе словесной, или духу, который имеет его душа и которого не имеют земные животные, называемые бессловесными, но имеющие также жизнь, инстинкт и свои ощущения, что называется душою их даже в Священном Писании. Так понималось и было принято выражаться в обществе человеческом всегда; так

[1] Беседа 4, гл. 9, 10.

понимается и принято выражаться и ныне. В общеупотребительном образе выражения, которого держатся и ученые вне своих кабинетов, подверженное нашим чувствам называется вещественным, а неподверженное — духовным, невещественным. Общий образ выражения употребляется наиболее Священным Писанием и святыми Отцами, так как целию и Писания и Отцов было то, чтоб слово, возвещаемое ими, было удобопонятно для всех человеков, а отнюдь не для того, чтоб составляло исключительную собственность ученых, не доступную для массы. Но и в Писании, и в Отцах точность смысла и значения всегда сохранялась и всегда может быть определена.

Образ понимания древними христианами естества *духов* и слова *дух* с удовлетворительнейшею точностию объясняет святой Кирилл Иерусалимский. Этот образ понимания основан всецело на Слове Божием. «Под общим названием *духа,* — говорит Архиепископ святого града, — сказано в Священном Писании о многом и различном. Настоит опасность, чтоб кто-либо не смешал значение со значением, не зная, к какому духу отнести написанное: почему ныне оказалось существенно нужным отметить верными признаками тот Дух, Который Писание называет Святым. Аарон именуется христом[1], Давид[2] и Саул[3] также именуются христами; но истинный Христос — один. Так и наименование *духа* отнесено к разным предметам: почему необходимо видеть, кто именно называется Святым Духом. Многое носит имя *духа.* И Ангел называется *духом;* и душа называется *духом;* и этот дующий ветер называется *духом;* и великая сила называется *духом;* и нечистое деяние называется *духом;* и демон-противник называется *духом.* Остерегись же и, услышав это слово, не прими, по сходству наименования, одного вместо другого. О душе нашей говорит Писание: *Изыдет дух его, и возвратится в землю свою*[4]. Опять говорит оно о душе: *Созидаяй дух человека в нем*[5]. Об Ангелах же говорит в псалмах: *Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[6]. О ветре говорит: *Духом бурным сокрушиши корабли Фарсийския*[7]. И: *Якоже в дубраве древо ветром* (духом, ὑπὸ πνεύματος) *возколеблется*[8]. И: *Огнь, град, снег, голоть, дух бурен*[9]. О Святом Учении Сам Господь

[1] Лев. 4. 5. ‖ [2] Пс. 131. 10. ‖ [3] 1 Цар. 24. 7. ‖ [4] *Выходит дух его, и он возвращается в землю свою* (Пс. 145. 4). ‖ [5] *...образовавшийся дух человека внутри него* (Зах. 12. 1). ‖ [6] *Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий* (Пс. 103. 4). ‖ [7] *...восточным ветром Ты сокрушил Фарсийские корабли* (Пс. 47. 8). ‖ [8] *...как колеблются от ветра дерева в лесу* (Ис. 7. 2). ‖ [9] *...огонь и град, снег и туман, бурный ветер* (Пс. 148. 8).

сказал: *Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть*[1], то есть глаголы эти — духовны.

Наименованием *дух* обозначается также грех, как мы сказали выше, но в другом и противном знаменовании, например, когда говорится: *духом блужения прельстишася*[2]. Называется также *духом* нечистый дух, демон, но с этим дополнением — *нечистый*. К каждому слову *дух* присоединено слово, которым изображается качество духа. Если Писание говорит о человеческой душе *дух*, то с присовокуплением *человека*; если говорит о ветре, то выражается: *дух бури*; если знаменует грех, — говорит *дух блужения*; если означает демона, — называет его *духом нечистым*, чтоб мы знали, о каком именно предмете идет речь и чтоб ты не подумал, что это говорится о Святом Духе. Да не будет! Это наименование *дух* есть среднее и общее, и *все, что бы то ни было, не имеющее густого и плотного тела*, по всеобщему употреблению, называется *духом*. И потому демоны, как не имеющие *таких тел*, называются *духами*»[3].

«Никакая тварь не равночестна Святому Духу. Все чины Ангелов, все небесное воинство, совокупленные воедино, не могут быть уподоблены и сравнены со Святым Духом»[4].

Сделав такое определение значению, в котором сотворенные духи называются духами Писанием и общим употреблением между христианами, сказав, что нет ничего общего, нет никакого сравнения между сотворенными духами и Духом-Богом, Кирилл называет духов *бесплотными* и *бестелесными*, в общепринятом смысле. В «Слове на Сретение Господне» он говорит: «Он — Бог Слово, приведший в бытие все из ничего единым словом. Он — Денница, сотворивший прежде денницы *бесплотные* Силы небесных, *бестелесных*, невидимых воинств и чинов»[5]. О естестве диавола святой Кирилл говорит, что «он создан добрым, по своему произволению соделался диаволом, получив себе имя от образа деятельности. Быв сначала Архангелом, он получил наименование *диавола* от *оклеветания;* быв благим служителем Бога, он соделался и назвался *сатаною,* потому что сатана значит *противник*»[6].

Подобным образом и преподобный Макарий Великий, упомянув только в 4-й Беседе, что Ангел, демон и человеческая душа,

---

[1] *Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63). ‖ [2] Ос. 4. 12. ‖ [3] На основании этих слов святого Кирилла западные приписывают ему, и справедливо, мнение о вещественности духов, им свойственной. Patrologiae Graecae. Tom. XXXIII. P. 1637, 1661. ‖ [4] Patrologiae Graecae tom. XXXIII. Catechisis 16. Cap. 13, 15, 23. ‖ [5] Гл. 10. По переводу преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского, напечатанному в Москве в 1784 году. ‖ [6] Поучение огласительное 2, О покаянии.

несмотря на тонкость существа своего сравнительно с грубыми телами, имеют свойственную себе вещественность, в прочих Беседах, подобно прочим Отцам, называет духов существами *бесплотными.* Беседу 16 он начинает так: «Все разумные существа, Ангелы, говорю, и души и демоны от Создателя сотворены простыми и не имеющими никакого примешения»[1]. Точно так выражаются все Отцы, сказавшие о духах прямо, что они имеют легкие, газообразные тела, как то: Василий Великий, Афанасий Великий и другие; они называют духов, по общему употреблению и пониманию Писания и человечества, существами простыми, бесплотными, невидимыми. Те же из святых Отцов, которые не сказали прямо, что духи имеют свойственную им вещественность, как, например, святой Иоанн Златоуст, — описали духов таким образом, что из этого описания со всею очевидностию явствует газообразная вещественность духов. Эту-то вещественность и называют все древние простою, бесплотною, духом.

Ипотеза о совершенной невещественности сотворенных духов, не подчиняющейся ни времени, ни пространству, ипотеза, приписывающая сотворенным духам одинаковую сущность с Богом, явилась в *семнадцатом столетии.* Она заимствована Декартом, как мы уже сказали, в значительной степени у древних языческих философов. Как Отцы могли быть последователями той ипотезы, которая принята западными еретиками после их? Да если б она появилась и в их время, как бы они могли согласиться с нею, когда она богохульно приписывает тождественную сущность сотворенным духам с Духом-Богом, когда все Отцы проповедали бесконечное, неизмеримое различие между сущностию Бога и сущностию духов, когда они отвергли подобное учение платоников. Погрешность западных и заключается в том, что они усиливаются навязать Отцам понимание Декарта о невещественности и бесплотности духов, а скрывают то понимание о этой невещественности и бесплотности, которое имели Отцы, которое всецело находится в Писании и возвещается Писанием. Злохитро навязывая Отцам ипотезу Декарта, западные стараются ввести Отцов в столкновение между собою и противоречие друг другу. Ни столкновения, ни противоречия между Отцами нет и не бывало. Все они проповедуют *бесплотность* духов в смысле Священного Писания, которое называет духов бесплотными — сравнительно с человеками. Некоторые из Отцов, как мы уже сказали, называя духов бесплот-

---

[1] По переводу Московской Академии, 1820.

ными, упомянули, что они имеют свойственные им тонкие тела; некоторые же, называя их бесплотными, не упомянули, что они имеют тела, но описали их так, что из описания со всею очевидностию явствует вещественность духов, им свойственная. Этих-то вторых Отцов западные стараются ввести в столкновение с первыми, оклеветывая вторых, якобы они держались неизвестной им ипотезы Декарта или же отвергнутой Отцами ипотезы Платона. Не могли бы Отцы принять ипотезы Декартовой, если б и знали ее. Они предали бы ее анафеме как учение богохульное, поставляющее Бога в один разряд с тварями, как ведущее к отвержению важнейших событий, о которых повествует Писание. Ка́к мог бы Архангел Гавриил, явясь Захарии, встать *одесную олтаря кадильнаго*[1], если б он не имел никакого отношения к пространству? Как мог бы Архангел сперва *войти к* Божией Матери, потом возвестить Ей благовестие, наконец *уйти* от Нее, если б он не имел движения, ни отношения ко времени и пространству? и как могли бы Ангелы сперва *явиться* пастырям Вифлеемским, потом *воспеть* славословие вочеловечившемуся Богу, наконец *отойти* на небо, как повествует Евангелие[2], если б они не имели никакого отношения к пространству, времени, к вещественности? Ипотеза Декарта ведет к отвержению Писания, к неверию. Рационализм Декарта и совершил это: он обильно распространил безбожие, обманув множество легкомысленных наружным блеском своим. Теперь он пал, как чуждый смысла, в него может веровать одно невежество, одно отсталое знание, не знакомое с наукою в ее современном развитии, может веровать лишь при отвержении и поведаний Писания и Предания Православной Церкви.

Учение Декарта о совершенной невещественности духов, о их независимости от времени и пространства, будучи поверено наукою, является равновесным отрицанию существования духов. Выставляя их равными Богу по существу, оно делает невозможным их существование. Бесконечное существо может быть только одно. Если допустить даже два таких существа, а не множество, то и эти два существа *должны быть уже изображены числом*, как имеющие ограничение одно другим, и потерять свойство *бесконечного*. Неограниченное же по свойствам непременно должно быть неограниченным и по существу. Таков непреложный вывод положительной науки — математики, против которого нет возражения. Две величины не зависят от пространства: бесконечное (∞)

[1] *...по правую сторону жертвенника кадильного* (Лк. 1. 11). || [2] Лк. 2. 8–15.

и точка (•). Для независимости от пространства надо быть тем или другим. Что такое бесконечное и точка? Это — идеи.

Бесконечное есть идея, явившаяся в уме человеческом от постепенного увеличения чисел, идея о величине, превышающей числа. По этой причине бесконечное есть величина неопределенная, непостижимая для человека, как сама по себе, так и по свойствам. Но самый закон чисел доставил многие верные, достопримечательные понятия об этой величине. Мы не остались при одной бесплодной идее! Мы поняли, что *бесконечное,* чтоб пребыть бесконечным, не должно подвергаться никакому изменению ни при приложении к нему каких бы то ни было чисел, ни при вычитании из него каких бы то ни было чисел. Разность между бесконечным и всеми числами — бесконечна. По этой причине все числа пред бесконечным равны между собою. Будучи сличаемы вне отношения к бесконечному, они имеют определенное различие между собою. Опять — что значит величина? Это — идея, явившаяся в уме нашем от сравнения предметов с нами. Понятие вполне относительное, а не существенное! По закону математики, — которая, не обретая в слове человеческом достаточных средств к изображению своих предметов и своих понятий выражениями, соответствующими требованию процесса науки, изображает их знаками, — Бог со всею точностию изображается бесконечным. На основании законов математики Бог должен быть признан существом превысшим всякого определения, не имеющим ничего общего с существами, которые могут и должны быть изображены числами, каковы духи. Даже по этому великолепному закону, если Бог — существо, то все без исключения твари, одаренные жизнию, уже не существа, а нечто иное. Если же они существа, то Бог есть нечто Иное, бесконечно превысшее того, что тут называется существом[1]. Таково различие между Богом и разумною тварию! Таковы понятия, доставляемые наукою в настоящем ее развитии. Математика, действуя знаками, изображая знаками и предметы и свойства их, достигает самым верным путем познаний, недостижимых иным путем, часто невыразимых словом. Чтоб объяснить это примером, понятным для каждого, укажем на принятый в учебных заведениях обычай изображать цифрами способности учащихся, их прилежание и успех в науках. Почему так? потому что цифрами выражаются эти отвлеченные понятия

[1] Эта высокая идея проявлялась и у древних святых мыслителей. «Бог не есть имя, но мысль, всажденная в природу человеческую, о чем-то неизъяснимом», — сказал святой мученик Иустин Философ. Апология 2, гл. 6.

с такою точностию и определенностию, для каких слова решительно недостаточны.

В противоположность идее о бесконечном, идея о точке или нуле составилась от постепенного уменьшения чисел. Точка есть величина, не имеющая никакого пространства ни в длину, ни в ширину, ни в высоту или глубину. Очевидно, что нет в природе ни точки, ни пути или следа точки — линии. В природе существуют одни тела, то есть предметы, имеющие три измерения. Все, что ни есть в пространстве, что ни ограничивается пространством или местом, есть тело. Геометрические точка и линия суть тела, приблизительно изображающие точку и линию. Они удовлетворяют механизму науки, но не выражают ее точного понимания. Это доказано со всею положительностию и решительностию. Отымите пространство у какого-либо предмета, — и вы, не имея возможности возвести ограниченное к бесконечному, по необходимости должны низвести его к точке или нулю, то есть отвергнуть существование предмета. Таким образом со всею ясностию доказывается совершенная нелепость вполне отвлеченного понятия о духах, которое составили себе многие — разумеется, не изучившие предмета с основательностию, доступною для одного христианина-аскета. Отвлеченное понятие о духах есть отвержение существования духов.

Декарт ученостию своею возбудил удивление во многих современниках своих. Точно: он сделал известный прогресс в науке; но этот прогресс ничтожен в сравнении с прогрессом, который совершился после недавнего появления новой науки — химии. Она произвела неимоверное превращение в понятиях человечества о веществе, и многие познания, пред которыми человечество благоговело в течение тысячелетий, сложены в архив для истории науки как оказавшиеся вполне ложными. Современники Декарта повторяли с восторгом его изречение: *дайте мне движение, и я сделаюсь творцом!* Он мог произнести такую хвастню только при современном ему понятии о веществе, о четырех стихиях, о простом и сложном, и так далее. Творение чего-либо из ничего свойственно одному бесконечному: оно производит число, преобразив в него ноль бесконечным действием на ноль[1]. Но положим, что дано движение Декарту. Как он примется творить, когда начала вещества человеку

[1] Прежде полагали, что ноль, помноженный на бесконечное, производит единицу. Несправедливо! он дает число, то есть все вообще числа, которые в отношении к бесконечному — все равны и различаются от бесконечного бесконечным различием, не произведя в нем никакого изменения своим явлением в бытие. Вот высшая идея, какая только может быть доставлена наукою о мироздании.

неизвестны и не могут быть известны? Что тут делать с одним движением? Творить должно известное и из известного; творение неизвестного и из неизвестного невозможно. Возьмем в пример воду. Во времена Декарта она признавалась веществом простым, несложным. В новейшие времена она разложена посредством гальванизма на два газа, кислород и водород: при разнообразном соединении с теплородом она бывает в виде плотного тела, тела жидкого и тела газообразного; при посредстве микроскопа усмотрено в воде множество движущихся животных, называемых инфузориями. Наука, достигшая этих открытий, справедливо называет свое познание степенью познания, а отнюдь не познанием полным. Это доказывается самыми добытыми познаниями. Так, разлагая воду на водород и кислород, мы не знаем, что делается с инфузориями, существование которых, однако, вполне известно. Следовательно, мы не имеем разложения воды удовлетворительного, а имеем возможное для нас, и удостоверяемся, что должно быть разложение более полное, которым бы вещество объяснялось со всею удовлетворительностию, причем объяснилось бы все, доселе остающееся необъяснимым. При скудости познания Декарт мог провозгласить глупость из глупостей, а современники — вострубить об этой глупости как о необыкновенном проявлении гениальных способностей. Очень полезно извлекать из науки доказательства для веры. Истина веры находится в единении с истиною науки. Но зачем принимать из науки бредню, которую она сама признала одною из неизбежных погрешностей на пути своем? Всякий математик и химик по необходимости должен отвергнуть нелепое учение о духах, которое принадлежит Декарту и западным, которое западные выставляют за учение веры, тем выставляют веру, произносящею нелепости, не заслуживающею ни доверия, ни внимания. Засвидетельствовано это опытами. Большинство математиков и химиков усомнились в христианстве и сделались деистами: им нельзя быть атеистами, как открывшим множество чудных законов в природе и уверенным в их бесчисленном множестве, свидетельствующем о беспредельном уме Творца и о беспредельности свойств Его. Впали эти личности в деизм единственно потому, что пред ними оклеветана и искажена вера.

При внимательном чтении святых Отцов делается очевидным, что все Отцы говорили о простоте, бесплотности и невещественности духов в том смысле, какой давался этим словам, общим употреблением и наукою их времени. Этого мало! Святые Отцы употребляли слово *дух* именно в том значении, в каком употребляло

его Священное Писание. Они не могли, они не должны были давать слову *дух* иного значения, — и не дали его. Иначе они отделились бы от Священного Писания и оказали бы предпочтение разумению человеческому пред разумением Писания, пред разумением, которое благоволил преподать человекам Святой Дух. Всецело основываясь на Писании и на согласных с Писанием своих опытах, Отцы, подобно Писанию, говорили о духах единственно с целию оградить человека от кознодейства лукавых духов и усвоить его благим духам. Отцы ознакомляют нас с естеством духов настолько, насколько это нужно для нашего спасения. Они не усиливаются определить с точностию то, что может быть известным лишь отчасти. Не только духи, не только наше тело и тела животных, но и все предметы из царства растительного и ископаемого остаются для нас предметами, известными лишь отчасти. Приписывающий себе полное познание какого бы то ни было вещества выражает только свое невежество. Мы знаем нечто, никак не все. Что такое листок на дереве? что — травка, попираемая ногами? что — цветок полевой? Почему растения, заимствуя соки из одной и той же земли, являются с различными свойствами? Как разлагается сок земли корнем растения или семенем его? отчего при этом разложении появляются разнообразные запахи, цвета, вкусы и другие разнообразнейшие, многочисленнейшие свойства? Таких вопросов можно поставить бесконечный ряд; ответ на них для ограниченного человека невозможен. Тварь — произведение неограниченного Ума. Знает ее вполне и существенно один Творец ее. Человеку дано познание малейшей частицы законов в громадной системе мира. Это познание подобно отверстой двери к познанию и исповеданию необъятного величия Божия. Вводит в эту дверь православное Богословие; вводит в эту дверь и современная наука, отделяющая Творца от тварей бесконечным различием.

Догматическое Богословие Православной кафолической Восточной Церкви — принятое, по определению Святейшего Синода, в учебное руководство во всех российских семинариях и переведенное с тою же целию на греческий язык, по тщательном рассмотрении понятий о духах, доставляемых Священным Писанием и святыми Отцами, — излагает учение о Ангелах и вообще о духах следующим образом: «Они *бестелесны*. Впрочем, святые Отцы понимают бестелесность Ангелов в *смысле ограниченном*, именно, что они бестелесны только *по сравнению* с нами, облеченными грубою и тяжкою плотию». Святой Иоанн Дамаскин говорит: «Бестелесным и невещественным называется Ангел по сравнению с нами.

Ибо все, в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле невещественно». «Они — *невидимы*. Впрочем, и сие свойство принимается *ограниченно:* Ангел, душа, демон, — говорит святой Дамаскин, — хотя и не имеют грубости телесной, но также имеют *вид и ограниченность,* свойственные своей природе. Одно Божеское существо неописанно, совершенно безвидно, необразно и неограниченно. Необычайная скорость и быстрота, с которою Ангелы переносятся с места на место, доказывает, что они не стеснены, подобно нам, формами, пространством и временем. Однако и сие свойство допускает ограничение». Святой Дамаскин говорит опять: «Ангелы ограничены: ибо, когда находятся на небе, не бывают на земле, и, когда Богом посылаются на землю, не остаются на небе и не могут в одно время быть и действовать здесь и там. Посему, конечно, для духов должен быть свой особый мир, занимающий *известное место* во вселенной, который именуется в Священном Писании третьим небом[1] и небом небес[2]. Ангелы одарены *бессмертием*». Впрочем, бессмертны Ангелы, по словам святого Дамаскина, «не по естеству, а по благодати»[3]. По естеству бессмертен един Бог, как об этом засвидетельствовало с решительною определенностию Священное Писание[4]. «Бог, — говорит преподобный Макарий Великий, — неописан и непостижим, везде являяйся, на горах и на море и в самой бездне; однако же сие бывает не пременением места, яко же Ангелы снисходят с небеси на землю: Он в одно время есть на небеси и на земли»[5]. То же самое утверждают и другие Отцы в решительную противоположность новейшему учению западных.

Таково учение Православной Церкви о сотворенных духах. Видим и в Богословии Православной Церкви и в святых Отцах ее особенную заботливость, повторенные и учащенные предостережения, чтоб, по какому-либо недоразумению, сотворенные духи не были по существу своему поставлены в один разряд с Богом, чтоб им не были приписаны свойства, *принадлежащие* единому Богу. Какая тому причина? Причина заключается в том, что усвоение тварям свойств Творца есть в отношении к Творцу богохульство. Святые Ангелы не ищут от нас недолжного и неправильного почитания: несравненно более увеселяются они, когда мы воздаем должную честь и поклонение Богу, внушают нам это, способствуют этому. *Аз,* поведает святой Иоанн Богослов в Откровении своем, *видех*

[1] 2 Кор. 12. 2. ‖ [2] 3 Цар. 8. 27. ‖ [3] «Догматическое Богословие» преосвященного Антония. Издание 7. 1857 г. С. 95 и 96. ‖ [4] 1 Тим. 6. 16. ‖ [5] Беседа 16, гл. 5.

сия и слышах. И егда слышах и видех, падох поклонитися на ногу Ангела показующаго ми сие. И глагола ми: виждь, ни: клеврет бо твой есмь и братии твоея пророков и соблюдающих словеса книги сея: Богу поклонися[1].

Догматическое Богословие, при изложении учения об Ангелах, ссылаясь вообще на святых Отцов, наименовывает одного святого Иоанна Дамаскина и делает извлечение из одного сочинения его, известного под названием «Точное изложение Православной Веры». Такой образ действия вполне основателен. Святой Иоанн Дамаскин, один из древних Отцов, изложил учение о христианстве в систематическом порядке[2]. Живя в VIII веке, он изучил предшествовавших ему Отцов Церкви и тщательнейшим чтением их сочинений, и сближением с ними в духе глубоко благочестивою жизнию. Учение этих Отцов, рассеянное частями в различных их Словах и Посланиях, он совокупил воедино и составил из него, как выше сказано, систематическое учение о христианстве. Учение его есть учение святых Отцов, предшествовавших ему. «Точное изложение Православной Веры» напечатано по *определению* Святейшего Синода. В предисловии в книге сказано: «Святой Иоанн Дамаскин есть один из великих учителей Церкви, которого труды и подвиги посвящены были пользе современников его, и душеспасительны были и будут последующим чадам Церкви Христовой. Книга святого Дамаскина о *Православной Вере* по преимуществу дает право Дамаскину на имя учителя веры Христовой. В сем писании учитель Церкви изложил истины веры Христовой сколько ясно, столько же и точно, и притом в порядке последовательного размышления и в такой полноте, в какой не были оные собраны ни в одной книге прежде его. Истины Слова Божия святой Дамаскин объясняет самым Словом Божиим, вместе с сим призывает в пособие и здравое размышление, просвещенное светом Откровения, а в том и другом случае чаще всего *повторяет слова*

---

[1] *Я... видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться* **ему**; *но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я — сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись* (Откр. 22. 8, 9). ‖ [2] «Иоанн Дамаскин — первый систематик между Отцами Церкви: это его неотъемлемая слава. “Изложение Православной Веры” составляет систематическое учение о созерцательных истинах Откровения. О предметах Откровения Дамаскин рассуждает на основании Слова Божия, по соображениям разума, и всего чаще говорит словами Отцов Церкви — особенно Григория Богослова, Василия, Афанасия. В сем последнем отношении Макарий Анкирский справедливо назвал Дамаскина провозвестником и истолкователем всех богословов». «Историческое учение об Отцах Церкви» архиепископа Филарета. Т. 3.

предшествовавших ему учителей Церкви. Книга о *Православной Вере* составляет *сокровищницу Отеческих мыслей* о предметах веры. Святой Дамаскин соединил воедино все, бывшие до него, Соборные и Отеческие определения о предметах веры, и не только собрал изречения Отеческие, но и, проникнув дальновидным зрением в самый дух учителей веры, открыл глубины духа разновременных глубоких учителей веры». Учение о Ангелах и вообще о духах и душе святой Иоанн Дамаскин основывает на творениях Афанасия Великого, Григория Богослова, Феодорита, Максима Исповедника и Немезия, как это видно в его книге из цитат.

Священное Писание не излагает отдельного, определенного учения о духах, как и о многих других предметах. Вместе с тем учение Священного Писания о духах — ясно, удовлетворительно. Оно преподано с тою подробностию и полнотою, какие нужны для нашего спасения. Требования пустого любопытства и тщеславной любознательности постоянно презираются и порицаются Писанием[1].

Из поведаний Писания о духах вытекают следующие понятия о них. Сотворенные духи суть существа ограниченные, газообразные, одаренные силою словесности. Духами названы они в Писании потому, что в нем всякое газовидное вещество называется духом[2]: этим названием обозначается тонкость естества духов, которою они отличаются от видимого нами грубого вещества[3]. Впрочем, такое отличие — лишь относительное: оно родилось из ограниченности познаний человека, принявшего за норму свое тело в состоянии падения его. Норма, подвергающаяся изменению, не может быть истинною нормою. Душа человека, подобно сотворенным духам, называется в Писании духом[4]; но она облечена в грубое тело: вот в чем единственное различие человека от сотворенных духов. Духи, как не имеющие человеческого тела, или плоти, называются бестелесными, бесплотными: они называются невидимыми, потому что мы не видим их телесными глазами.

Бог создал всех духов, и всех создал благими, изящными. Одни из них, по собственному произволению, остались благими, соединены с Богом причастием Его благодати; другие, также по собственному произволению, отчуждились от Бога, соделались началом зла. Благие духи называются Ангелами; разделяются на чиноначалия; жительствуют на небе; нисходят на землю и дей-

[1] Мк. 8. 11, 12. ‖ [2] Ин. 3. 8. ‖ [3] Человеки долгое время не знали о существовании газов. По этой причине, когда приходилось говорить о газах, то понятие темное выражалось очень темно. Газы открыты в конце XVIII столетия. ‖ [4] Ин. 19. 30.

ствуют на ней. Злые духи называются демонами, бесами, диаволами; но собственно диаволом и сатаною называется главный из них. Место жительства их — поднебесная, или воздух[1], поверхность земли и внутренность земли, или преисподняя. Во всех этих местностях они действуют по закону существ ограниченных, которому подчинены и Ангелы. Духи влияют на вещество, и вещество влияет на духов. Они могут осязать человеков, человеки могут чувствовать осязание их. Когда Бог отверзает очи человеку, то он делается способным видеть духов в их собственном виде. Эту способность могут иметь и животные. Ангелы, являясь человекам, *всегда* являлись в виде человеков, прославленных Божественною благодатию. Писание упоминает об их лице, персях, руках, ногах, одежде, — повествует, что они ходят, летают, сидят, говорят, слышат говоримое им. Писание приписывает им чувства, какие имеет человек: зрение, слух, обоняние, осязание. Святые человеки, по воскресении, в святых и духовных телах своих будут находиться вместе с Ангелами на небе; грешные человеки вместе с демонами будут заключены во ад. И местопребывание, и блаженство, и мука будут общие для человеков и духов: разделение между духами и человеками, производимое их телом, подверженным тлению, уничтожится, существо сблизится с существом до подобия и равности[2]. Естественное и необходимое последствие понятий, доставляемых Священным Писанием о духах, есть понятие о вещественности духов по новейшему пониманию вещественности. С понятием о вещественности и ограниченности неразрывно соединено понятие о зависимости от пространства и времени. Действие ограниченного существа в пространстве с переменою места есть движение. Ограниченное существо, действующее в пространстве и имеющее движение, непременно должно иметь вид: этому закону подчиняется всякое вещество.

Многие из святых Отцов при определении или описании естества духов основываются на изречении Писания: Бог — *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[3]. Если принять это изречение буквально и объяснить его сообразно современному пониманию науки, то должно сказать, что Ангелы суть существа свойства газов в соединении с теплородом, так как Писание называет собственно духом движущиеся газы. Очень близко к этому выражались Отцы. Если принять это изречение в высшем смысле, признавая одного Бога духом, что вполне правильно по

[1] Еф. 6. 12. ‖ [2] Мф. 22. 30; Мк. 12. 26; Лк. 20. 36. ‖ [3] *Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий* (Пс. 103. 4).

современному пониманию слова *дух*, то Бог, осеняя Своею благодатию Ангелов, соделывает их духами и огнем, возводит в то высокое достоинство, которого они не имеют по естеству. В таком случае опять Ангелы — непременно вещественны, как причастники Божественной духовности по дару и в известной мере, и как не имеющие ее по естеству. Подобно Ангелам духовные человеки, по действию в них Божественной благодати, получают свойства и способности, которых человек чужд, когда пребывает единственно в естественном состоянии своем.

Исчисленные свойства духов можно усмотреть с особенною ясностию из следующих поведаний Писания.

Два *Ангела* пришли вечером в Содом[1] в виде *мужей*[2]. Лот пригласил их в дом свой как путешественников, отнюдь не понимая, что мужи эти — Ангелы. *И внидоша в дом его*[3]. Содомляне, узнав, что у Лота странники, вознамерились обесчестить их, и, окружив дом Лота, требовали выдачи жертв. Лот вышел уговаривать неистовых. Они подвергли его тяжким оскорблениям. Тогда Ангелы, *простерше руки, вовлекоша Лота к себе в храмину, и двери храмины заключиша: мужи же, сущыя пред дверми поразиша слепотою*[4]. По наступлении *утра*, когда Лот не спешил выйти из Содома, *взяша Ангели за руку его, и за руку жену его, и за руки двух дщерей его*, и *изведоша я вон*[5]. Здесь со всею ясностию видно существование отношения Ангелов ко времени, пространству и веществу; видно движение; видно как действие, общее с человеками, так и действие, превышающее способности человеческие. Последним было ослепление беззаконников. В повести видно и другое действие Ангелов, превышающее способности и понимание человеческие: участие их в сожжении городов Содома и Гоморры. *Господь одожди на Содом и Гоморр жупел, и огнь от Господа с небесе*[6]; но Ангел сказал Лоту об этом событии: *потщися спастися тамо* (в Сигоре): *не возмогу бо сотворити дела, дондеже внидеши тамо*[7]. Деятелем был Бог, — орудием действия и деятелем в качестве орудия был Ангел. Страшное превращение при особенной операции в воздухе было произведено Ангелами. Чтоб подействовать на вещество существу ограниченному, необходимы сред-

[1] Быт. 19. 1. || [2] Быт. 18. 2. || [3] *...и пришли в дом его* (Быт. 19. 3). || [4] *...простерли руки... и ввели Лота к себе в дом, и дверь [дома] заперли; а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою* (Быт. 19. 10, 11). || [5] *...[Ангелы]... взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его, и вывели его* (Быт. 19. 16, 17). || [6] *И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с небес* (Быт. 19. 24). || [7] *...поспешай, спасайся туда, ибо Я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда* (Быт. 19. 22).

ство вещественное и сила вещественная. Пророк Давид говорит, что казни, которыми поражен был Египет при исшествии из него израильтян, были совершены *Ангелы лютыми*[1]; *волхвы* египетские, говорит Писание, совершили некоторые чудеса наравне с Моисеем при посредстве *волхвования*[2], то есть силою демонов. Демоны, подобно Ангелам, имеют способность, нам непостижимую, производить поразительнейшие превращения в видимой природе[3]; в законах ее они имеют гораздо бóльшие сведения, нежели какие имеют человеки; в естестве своем имеют бóльшее развитие сил; в действиях несравненно более свободы. По действию диавола огонь, представлявшийся для человеческих взоров спадшим с неба[4], пожег принадлежавшие Иову стада овец с пастухами их[5]; по действу диавола *внезапу ветр велик найде от пустыни и коснуся четырем углом храмины, и паде храмина на дети* Иова, *и скончашася*[6]. Святой Иоанн Богослов, изображая *змеем*[7] диавола, а *зверем* антихриста, говорит, что змей даст зверю *силу свою и престол свой и область великую*[8], что этою силою антихрист сотворит *чудеса велика, да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человеки*[9].

Действие Ангела на вещество посредством вещества, нам неизвестного, равно как и многие другие свойства духов, живописно изображены в следующей повести Писания. Ангел явился Гедеону, впоследствии судии израильскому, и повелел ему избавить народ свой от порабощения мадианитам. При этом явлении Ангел *сел* сперва под дубом, потом предстал Гедеону, *воззрел* на него и объявил ему призвание Божие. Гедеон выразил недоверие к явившемуся, очевидно, признавая его обыкновенным человеком, и просил *знамения*. Ангел, у которого был *жезл* в *руке*, повелел приготовить жертвоприношение. Когда олтарь и жертва были приготовлены, *простре Ангел конец жезла, иже в руце его, и прикоснуся мясом и хлебом пресным: и возгореся огнь из камене, и пояде мяса и опресноки. И Ангел Господень отыде от очей его.* Увидев чудо, Гедеон понял, что явившийся ему — не человек, а *Ангел Господень*. По отшествии Ангела, Гедеон сказал, что он *видел Ангела*

---

[1] Пс. 77. 49. ‖ [2] Исх. 7. 11; 22. 8, 7. ‖ [3] Это видно и из жизнеописаний святых: о морской буре, произведенной демонами, говорится в 5-м икосе Акафиста святителю Николаю. ‖ [4] Так и дождь называется в Писании сходящим с неба. Иак. 5. 18. ‖ [5] Иов. 1. 16. ‖ [6] *...и вот, большой ветер пришел от пустыни и охватил четыре угла дома, и дом упал на отроков, и они умерли* (Иов. 1. 19). ‖ [7] Откр. 12. 9. ‖ [8] *...силу свою и престол свой и великую власть* (Откр. 13. 2). ‖ [9] *...великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми* (Откр. 13. 13).

Господня лицем к лицу[1]. У Ангела не только была *рука,* но было и *лице,* как было лицо у Гедеона. Ангел по наружности своей имел полное сходство с наружным видом человека. Действие жезла было действием вещества, неизвестного нам. С открытием электричества и гальванизма мы ознакомились с утонченным, сильным и быстрым действием вещества, несхожим с его действиями, доселе известными, ознакомились с действием, остававшимся неизвестным человечеству в течение тысячелетий, с действием изумительным, которым мы пользуемся и которого не понимаем. Заметим мимоходом: гальванический прибор действует оконечностями своими — прикосновением.

Ангелы могут осязать человеков, а человеки чувствовать осязание их. *Остася,* говорит Писание, *Иаков един. И боряшеся с ним человек* — человеком назван Ангел[2] по человеческому образу его — *даже до утра. И прикоснуся широте стегна его: и отерпе широта стегна Иаковля, егда боряшеся с ним... Он же хромаше стегном своим*[3]. Во время бегства Илии Пророка от гнева царицы Иезавели он утрудился в пустыне, сел под *смерчием*[4] и просил у Бога смерти себе. От труда и печали Пророк погрузился в сон под тению древа. *И се, Ангел Господень коснуся ему и рече ему: востани, яждь и пий.* Пробудился Пророк, увидел близ себя хлеб и сосуд воды. Он вкусил этой пищи, но от утомления и скорби заснул снова. *И обратися Ангел Господень вторицею, и коснуся ему, и рече: востани, яждь и пий, яко мног от тебе путь. И воста, и яде и пи, и иде в крепости яди тоя четыредесять дней и четыредесять нощей до горы Божия Хорив*[5]. В Деяниях Апостольских читаем, что Ирод, для доставления удовольствия иудеям, казнил апостола Иакова Зеведеева, и с этою целию сковал и заключил в темницу апостола Петра. В ночь, предшествовавшую тому дню, в который намеревался Ирод вывести Петра для публичной казни, Апостол спал между двумя воинами, закованный в две железные

[1] *Ангел Господень простер конец жезла, который был в руке его, прикоснулся к мясу и опреснокам; и вышел огонь из камня и поел мясо и опресноки; и Ангел Господень скрылся от глаз его. ...Видел Ангела Господня лицом к лицу* (Суд. 6. 21, 22). ‖ [2] Ос. 12. 3, 4. Иаков... *труды своими укрепе к Богу, и укрепе со Ангелом и превозможе.* ‖ [3] Ср.: *И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари... коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним... и хромал он на бедро свое* (Быт. 32. 24–31). ‖ [4] Род хвойного дерева. ‖ [5] *И вот, Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь [и пей]... И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь [и пей], ибо дальняя дорога пред тобою. И встал он, поел и напился, и, подкрепившись той пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива* (3 Цар. 19. 4–8).

цепи; стражи были у дверей темницы и стерегли узника. Строжайшие меры предосторожности были приняты, чтоб не сбежал из темницы уже освобождавшийся из нее действием десницы Божией. *И се, Ангел Господень предста, и свет возсия в храмине. Толкнув же в ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскоре. И спадоша ему ужя (железная) с руку. Рече же Ангел к нему: препояшися, и вступи в плесницы твоя* (надень обувь). *Сотвори же тако. И глагола ему: облецыся в ризу твою, и последствуй ми. И изшед вслед его идяше. И не ведаше, яко истина есть бывшее от Ангела, мняше же видение зрети. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоста ко вратом железным, вводящим во град, яже о себе отверзошася има. И изшедша преидоста стогну едину, и абие отступи Ангел от него. И Петр быв в себе, рече: ныне вем воистинну, яко посла Бог Ангела Своего и изъят мя из руки Иродовы и от всего чаяния людей Иудейских*[1]. — И другое замечательное поведание о действии Ангела читаем в Деяниях. После того как святой диакон Филипп крестил евнуха Ефиопской царицы в источнике воды на дороге, ведущей из Иерусалима в Газу, *Ангел Господень восхити Филиппа, и не виде его ктому каженик* (евнух). *Филипп же обретеся во Азоте*[2]. — Подобно этому событие описывается в книге пророка Даниила. Даниил, находясь в Вавилоне, был ввергнут в ров, в котором содержались львы. Львов в течение продолжительного времени мучили и раздражали голодом, чтоб они съели Даниила. Даниил пробыл во рву шесть дней, не вкушая ни хлеба, ни воды. В это время пророк Аввакум, живший во Иудее, приготовил пищу для жнецов, работавших на его поле, и пошел на поле, неся приготовленное им. Внезапно явился ему Ангел Господень и сказал: *отнеси обед, егоже имаши, в Вавилон Даниилу, в ров левск. И рече Аввакум: Господи, Вавилона не видех, и рва не вем, где есть. И ят его Ангел Господень за верх его, и держа за власы главы его, и постави его в Вавилоне верху рва*

---

[1] *И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу.* ***Ангел****, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его. И сказал ему Ангел: опояшься и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною.* ***Петр*** *вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им; они вышли и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним. Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ иудейский* (Деян. 12. 1–11). ‖

[2] *...Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его... А Филипп оказался в Азоте* (Деян. 8. 39, 40).

шумом духа своего... И востав Даниил яде: Ангел же Божий постави Аввакума внезапу на месте его[1]. Шум, произведенный движением Ангела, Писание приписывает естеству его, *духу.* Равным образом, Ангел, сошедший в Вавилонскую печь к трем отрокам, *сотвори среднее пещи яко дух росы шумящь*[2]. Очевидно, что здесь словом дух означается тонкое вещество, потому что дух, в отвлеченном смысле этого слова, не может произвести никакого шума. Подобно этому *шум,* происшедший при сошествии Святого Духа, приписывается множеству Небесных Сил, устремившихся с неба для присутствия при великом деянии Божии. *Бысть внезапу с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и наполни весь дом, идеже бяху седяще*[3] Апостолы. Для Святого Духа, *вездесущаго и вся исполняющаго,* нет нужды в движении, чтоб явить свое действие в каком бы то ни было месте. «Святой Дух, — говорит Кирилл Иерусалимский, — живый, самосущный, всегда Отцу и Сыну присущ, не исходит из уст и устен Отца или Сына, не производится посредством дыхания, не разливается на воздух, но состоит в ипостаси»[4]. Что богословствует Святая Церковь о Боге-Слове, то, со всею точностию и верностию, можно возбогословить о Духе-Боге: «Снисхождение Его (сошествие на землю) бысть Божественное, а не прохождение местное»[5]. Быстрое движение сотворенных духов произвело в воздушном пространстве шум, подобный сильному ветру. Естественно духам производить такой шум, не только духам святым, но и духам отверженным: естество тех и других — одно, естественные свойства — одни; различие в качествах происходит от святости одних и от решительного повреждения злобою других.

Перемещение Ангела с места на место, занятие им определенного места, что дает понятие даже о естественной величине или росте духов, с особенною ясностию изображено в следующих местах Священного Писания. Архангел Гавриил, повествует евангелист Лука, явился *во храме,* во время всенародного богослужения, пророку Захарии и благовестил ему рождение Предтечи Господня; при

---

[1] *...отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный. Аввакум сказал: господин! Вавилона я* ***никогда*** *не видал и рва не знаю. Тогда Ангел Господень взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил в Вавилоне над рвом силою духа своего... И встал Даниил и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место* (Дан. 14. 31–39). || [2] *...сделал, что в средине печи был как бы шумящий влажный ветер* (Дан. 3. 50). || [3] *И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились* (Деян. 2. 2). || [4] Поучение 17. О Святом Духе, гл. 5. || [5] Икос 8 Акафиста Божией Матери.

этом явлении Архангел стоял *одесную* олтаря кадильнаго[1]. Тот же Архангел Гавриил был *послан* Богом в галилейский *город* Назарет к Пресвятой Деве Марии для возвещения Ей, что Она соделается Богоматерию. Он *вошел* в Ее *жилище* и, исполнив повеленное Богом, *вышел* от Нее[2]. По повествованию евангелиста Марка, жены-мироносицы, пришедши к гробовой *пещере*, в которой было положено тело Господа, увидели в ней *юношу*, одетого в белую одежду и *сидевшего* на *правой стороне*[3]; то был Ангел. Об этом Ангеле евангелист Матфей говорит, что он, *сошедши* с *неба, отвалил* камень от входа в гробовую пещеру и *сидел* на *камне. Вид лица* его был, как *молния,* и *одежды* его были *белы,* как *снег*[4]. Мария Магдалина, пришедши к гробовой пещере, наклонилась и посмотрела во внутренность пещеры; при этом она увидела *двух* Ангелов в белых ризах; Ангелы *сидели* в тесной *гробовой пещере:* один *сидел* у *головы,* другой *у ног* в том *месте, где* лежало тело Господа Иисуса[5]. — Способность к передвижению с места на место и к странствованию по разным местам имеют и демоны. Господь сказал о странствовании демона, скучающего об изгнании своем из человека, следующее: «Когда нечистый дух *выйдет* из человека, то *проходит* по *безводным местам, ища* покоя, и не обретает его. Тогда говорит: *возвращусь* в дом мой, из которого я *вышел*; и, *пришедши*, находит его пустым, выметенным и убранным. Тогда *идет* и *берет* с собою семь других *духов,* злейших его, и, *вшедши, живут там*»[6]. — Сатана, представ пред Господа в сонме Ангелов, на вопрос Господа, откуда он *пришел*, отвечал: *обшед землю, и прошед поднебесную, се есмь*[7]. — Искушая Господа, диавол *взял* Его во святой град, *поставил* на кровле храма, потом *взял* Его на очень высокую гору. Как Господь постился в пустыне, и там *приступил* к Нему диавол, то очевидно, что упоминаемые быстрые перемещения совершал дух подобно тому, как переместил Ангел диакона Филиппа с Газской дороги в Азот: диавол переносил Господа с места на место. После победы над падшим духом Господь сказал ему: «*Отойди* от Меня, сатана». Диавол оставил Его, — Ангелы *пришли,* и *служили Ему*[8]. — В повести о лжепророке Валааме, действовавшем против израильтян, говорится, что Ангел был *послан* воспрепятствовать лжепророку в предприятии неблагонамеренном. Валаам ехал на осле, сопровождаемый двумя рабами. Событие имело свидетелей. Осел, говорит Писание,

[1] *...по правую сторону жертвенника кадильного* (Лк. 1. 11). || [2] Лк. 1. 26–38. По Преданию Церкви, Архангел Гавриил предстал Богоматери в виде человека. 2-я стихира Акафиста Божией Матери. || [3] Мк. 16. 5. || [4] Мф. 28. 2, 3. || [5] Ин. 20. 11, 12. || [6] Мф. 12. 43–45. || [7] *...я ходил по земле и обошел ее* (Иов. 1. 7). || [8] Мф. 4. 1–11.

увидел Ангела Божия, противостояща ему на пути, *и меч извлечен в руце его,* совратился с пути и пошел в поле. Валаам начал бить жезлом осла и направлять его на дорогу. Между тем Ангел, переменив место, *встал* на браздах виноградных, там, где была ограда с обеих сторон. Осел опять увидел Ангела, прижался к ограде и придавил к ней ногу Валаама, который снова начал бить осла. Ангел Божий *перешел* и с этого места, *встал* в узком проходе, с которого не было возможным уклониться ни направо, ни налево. Осел, *увидев* Ангела, упал под Валаамом, и разгневанный лжепророк в третий раз начал бить осла. После этого Бог *отверз* очи Валааму, *и узре* Валаам *Ангела Божия, противостояща на пути, и меч извлечен в руце его*. Ангел сказал ему: *се, аз приидох на препятие твое, яко неприятен путь твой предо мною: и видя мя ослица, совратися от мене се третие: и аще бы не уклонилася от мене, ныне тя убо убил бых*[1]. Ангела увидела ослица, по воле Божией, точно так же, как увидел его Валаам: чрез *отверзение очей* всемогуществом Божиим. Бессловесные животные могут видеть одно вещество, так как и человеки телесными глазами видят одно лишь вещественное.

В невидимом нами мире имеются средства, разумеется вещественные, действующие самым сильным образом на предметы видимого мира. Это нисколько не противно современной науке; напротив того, гармонирует с нею. Нам известно отчасти вещество, принадлежащее земле; вещество в несравненно большем объеме, вне земли, за гранями ее атмосферы, остается для нас неизвестным. Мало этого: оно неприступно для нашего исследования. Но вещество это существует, потому что все в пространстве и все, ограничиваемое пространством, есть вещество[2]. Таков закон, открытый положительною наукою, против которого могут быть возгласы невежества, против которого нет возражений. Писание, в согласии с наукою, открывает невидимую для нас природу более, нежели сколько открывает ее наука, умозаключающая неоспоримо о существовании и вещественности невидимой природы. Писание поведает нам, сколько нужно для нас, о небе, об аде, о веществе неба и ада, о сотворенных разумных существах, для которых небо служит блаженною обителию, а ад темницею. Самое понятие о земле, в связи с этими понятиями, получает правильность и ведет к верным

---

[1] Ср.: *...и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке... Я вышел, чтобы воспрепятствовать [тебе], потому что путь [твой] не прав предо Мною; и ослица, видев Меня, своротила от Меня вот уже три раза; если бы она не своротила от Меня, то Я убил бы тебя* (Чис. 22. 32, 33). || [2] Natura horret vacuum.

результатам, устраняет от самообольщения, научает нас проводить время на земле, как в гостинице, а не приносить в жертву земле всех сил души и тела. В приведенной нами повести о лжепророке говорится, что в руке Ангела был меч, которым он намеревался убить лжепророка; в повести о Гедеоне говорится об Ангеле, что он имел жезл в руке, что от прикосновения этого жезла воспламенилась жертва. Эти события указывают на существование отношений между веществом, нами невидимым и нам неизвестным, с веществом, нами видимым и нам известным. Церковное Предание научает нас, что вообще разлучение души человеческой с ее телом совершается при посредстве Ангелов; Священное Писание повествует, что Ангелы употреблены в орудие для поражения смертию некоторых беззаконников и для поражения мором множества людей. — Ирод за присвоение себе славы Божией был *поражен Ангелом,* впал в странную болезнь и, съеденный червями, изверг душу[1]. Конечно, приближенным царя Иудейского и врачам его осталась неизвестною начальная причина болезни: открывает ее Писание. — Когда был послан Богом мор на Израильский народ за возложение человеками упования на свою силу, а не на силу Божию, — умерло в самое короткое время *семьдесят тысяч мужей* от Дана до Вирсавии. Уже простер Ангел руку на Иерусалим, чтоб поразить его. В это время Господь умилосердился, *и рече Ангелу,* избивающему*: довлеет ти, отыми руку твою. И Ангел* же *Господень стояще на гумне Орны Иевусеанина. И воздвиже Давид очи свои, и виде Ангела Господня стояща между землею и небом, и меч его извлечен в руку его, простерт на Иерусалим.* Давид, увидев Ангела, *биюща люди,* принес покаяние, *и рече Господь ко Ангелу: вложи меч во влагалище его*[2]. — В течение одной ночи Ангел Господень, нисшедший в стан войска Ассирийского, избил *сто восемьдесят шесть тысяч воинов*[3]. — К нанесению болезней и смерти человекам способны и демоны. *Диавол порази Иова гноем лютым от ногу даже до главы.* Он поразил бы ненавистного ему праведника и смертию, если б это не было воспрещено Богом[4]. — Сам Спаситель засвидетельствовал о скорченной женщине, что ее *связа сатана*[5]. Демон

---

[1] Деян. 12. 23. || [2] *...и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же Господень был тогда у гумна Орны Иевусеянина... И поднял Давид глаза свои, и увидел Ангела Господня, стоящего между землею и небом, с обнаженным в руке его мечом, простертым над Иерусалимом... поражавшего народ... И сказал Господь Ангелу: возврати меч твой в ножны его* (2 Цар. 24. 15–17; 1 Пар. 21. 15–27). || [3] 4 Цар. 19. 35. || [4] *...и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его* (Иов. 2. 6, 7). || [5] Лк. 13. 16.

Асмодей убил семь мужей, за которых поочередно была выдаваема Сарра, дочь Рагуила[1].

Как духи имеют влияние на вещество, так, наоборот, и вещество имеет влияние на духов. Отверженные духи будут вечно мучиться в огне адском, в огне вещественном, а святые духи будут вечно блаженствовать в селениях небесных. Вместе с святыми духами примут участие в наслаждениях неба и рая воскресшие святые человеки в телах своих; подвергнутся воскресшие грешные человеки в телах своих одним мукам с духами. Из этого явствует, что и духи имеют свою вещественность, вещественность, подобную духовным человеческим телам. И как горнему миру не иметь своей вещественности, когда глава его — Богочеловек облечен в тело? Мы исповедуем, что тело Богочеловека несравненно превосходнее в духовном отношении ангельского естества, и воспеваем Богоматери: *честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим*. Это песнопение, которое произносится Пресвятой Деве и Ангелами[2], не имело бы места, если б святые человеки на небе не были *подобны и равны* Ангелам, как то засвидетельствовал Сам Спаситель[3]. Что Ангелы способны к песнопению, что они при этом песнопении произносят слова — засвидетельствовано и Евангелием и Пророками[4]. — С особенною подробностию и отчетливостию изображено влияние даже земного вещества на духов в книге Товита. Архангел Рафаил сопутствовал в образе человека сыну Товита, Товии, в путешествии его из Ассирии в Мидию. Во время этого путешествия Товия поймал рыбу в реке Тигре, и Архангел приказал ему сохранить сердце и печень рыбы. На вопрос Товии, для чего бы нужны были сердце и печень этой рыбы, Архангел отвечал: *сердце и печень, аще кого смущает демон или дух зол, сим подобает курити пред человеком или женою, и ктому не будет смущатися*. Здесь сказано, что известное вещество имеет вообще влияние на злых духов, отгоняя их от мужчин и женщин, которых беспокоят духи. Архангел Рафаил с Товиею прибыли в Рагу, город Мидии, к Рагуилу, родственнику Товии. Архангел выразил желание, чтоб Товия сочетался браком с Саррою, единственною дочерию Рагуила. Товия возразил на это: *слышах аз, яко отроковица дана бе седми мужем, и вси в невестнице погибоша понеже демон любит ю*. Архангел сказал: о *демоне ни единыя мысли имей. Аще внидеши в невестник, возмеши жераток фимиамный, и возложиши от сердца и печени рыбныя и покуриши:*

[1] Тов. 3. 8. || [2] «Описание чудотворных икон Афона» и письма Святогорца. || [3] Мф. 22. 30; Лк. 20. 36. || [4] Лк. 2. 8–15; Пс. 6. 3.

и обоняет демон, и отбежит и не возвратится в век века. По заключении брака Товия исполнил повеленное Архангелом: *взя жераток фимиамный, и возложи сердце рыбы и печень, и покури. Егда же обоня демон воню, отбежа в вышняя Египта, и связа его Ангел* Рафаил[1].

Ангелы, являясь человекам, всегда являлись в виде человеков. Ни одного явления Ангелов в каком-либо другом виде Писание не упоминает; поведая, что Ангелы являлись в виде человеков, Писание нигде не оговаривает своего поведания, что непременно было бы сделано, если б Ангелы точно не имели никакого вида или имели вид не человеческий. Мы не имеем никакого права иначе понимать Ангелов как такими, какими изображает их Писание. — Ангелы, являвшиеся Лоту, названы в Писании сперва Ангелами, потом *мужами*. Эти Ангелы, прежде нежели пришли в Содом, явились Аврааму у дуба Мамврийского и также названы в Писании *мужами*[2]. Иисусу Навину явился *Архистратиг Силы Господни*. Повествуя об этом явлении, Священное Писание говорит: *бяше Иисус у Иерихона, и воззрев очима своима, виде человека стояща пред ним, и меч обнажен в руце его.* Навин сначала не понял, что то был Ангел, и спросил увиденного: *наш ли еси, или от сопостат наших?*[3] — Ангел предстал жене израильтянина Маноя, матери сильного Сампсона, возвещая ей о зачатии и рождении знаменоносного сына. О явлении Ангела жена поведала мужу своему так: *Человек Божий прииде ко мне, и образ его яко образ Ангела Божия, страшен зело.* Ангел явился жене вторично. Жена поспешила известить об этом Маноя, она сказала ему: *се, явися мне муж, иже приходил в день он ко мне. И востав иде Маное вслед жены своея, и прииде к мужу и рече ему: ты ли еси муж глаголавый к жене моей? И рече Ангел: аз.* Маное, полагая, что беседует с человеком, предложил Ангелу трапезу; но Ангел, отказавшись от трапезы, предложил всесожжение Господу. Когда пламень всесожжения разлился очень высоко над алтарем, — Ангел вступил в этот пламень и вознесся на небо. Увидев это, Маное

[1] *...если кого мучит демон или злой дух, то сердцем и печенью должно курить пред* ***таким*** *мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться... я слышал, что эту девицу отдавали семи мужам, но все они погибли в брачной комнате... ее любит демон... о демоне не беспокойся... Только, когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в нее сердца и печени рыбы, и покури; и демон ощутит запах и удалится, и не возвратится никогда. ...Взял курильницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел* (Тов. 6. 8–18; 8. 2, 3). ‖ [2] Быт. 18. 1, 2. ‖ [3] *Иисус, находясь близ Иерихона, взглянул и видит, и вот стоит пред ним человек, и в руке его обнаженный меч. ...Наш ли ты, или из неприятелей наших?* (Нав. 5. 13–15.)

и жена его поняли, что являвшийся им был Ангел[1]. Евангелист Лука, описывая одно из посещений гроба Господня мироносицами, говорит, что им предстали *мужа два в ризах блещащихся*[2]. Когда Господь вознесся на небо в присутствии Апостолов и глаза их были устремлены к небу, то внезапно предстали им *два мужа* в белых одеждах и сказали Апостолам: *мужие Галилейстии! что стоите зряще на небо: Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо*. Очевидно: эти мужи были Ангелы[3]. — Ангел явился сотнику Корнилию. Он *виде Ангела Божия сшедша к нему*. Передавая об этом явлении апостолу Петру, Корнилий говорил: *От четвертаго дне даже до сего часа бех постяся и в девятый час моляся в дому моем: и се, муж ста предо мною во одежди светле*[4]. — Когда Навуходоносор, царь Вавилонский, ввергнул в разженную печь трех святых отроков, отказавшихся от идолопоклонства, тогда Ангел[5] сошел вместе с ними в печь и отъял силу у огня. Отроки воспели в пространной печи песнь благодарения и славословия Богу, а Навуходоносор, услышав их поющих, пришел в удивление и спросил вельмож своих: *не трех ли мужей ввергохом среди огня связаных?* Вельможи отвечали: *воистину, царю*. Но царь сказал: *се, аз вижду мужи четыри разрешены и ходяща среде огня и зрак* (вид, лицо) *четвертаго подобен Сыну Божию?.. Благословен Бог, Иже посла Ангела Своего и изъя отроки Своя, яко уповаша на Него*[6]. — Святой пророк Даниил называет Архангела Гавриила *мужем. Еще глаголющу ми в молитве* моей, говорит он, *и се, муж Гавриил, егоже видех в начале, парящ* (летящ), *и прикоснуся мне*[7]. В другом видении явился Пророку Ангел, которого Пророк опять называет *мужем*. Этот муж *облечен* был в *льняную ризу*, и *чресла* его были *препоясаны* златом; *тело* его было подобно фарсису; *лице* его *сияло*, как молния; *глаза* его — как

---

[1] *...Человек Божий приходил ко мне, которого вид, как вид Ангела Божия, весьма почтенный... вот, явился мне человек, приходивший ко мне тогда. Маной встал и пошел с женою своею, и пришел к тому человеку и сказал ему: ты ли тот человек, который говорил с сею женщиною? [Ангел] сказал: я* (Суд. 13. 6–20). ‖ [2] *...два мужа в одеждах блистающих* (Лк. 24. 4). ‖ [3] *..мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1. 10, 11). ‖ [4] *...четвертого дня я постился до теперешнего часа и в девятом часу молился в своем доме; и вот, стал предо мною муж в светлой одежде* (Деян. 10. 30). ‖ [5] Дан. 3. 49. ‖ [6] *...не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? ...истинно так, царь! ...вот, я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен Сыну Божию. Благословен Бог... Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих, которые надеялись на Него* (Дан. 3. 91–95). ‖ [7] *...когда я еще продолжал молитву, муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня* (Дан. 9. 21).

возженные свечи; *мышцы и голени* его были облечены в блистающую медь; *голос* его — как голос народа[1]. Спутники Даниила, находясь при нем, не видели явления, потому что им не были отверсты очи; только страх объял их, как это обыкновенно случается с теми, которые находятся при человеке, видящем духов и беседующих с духами. К концу видения Даниил увидел, что *муж*, облеченный в льняную одежду и стоявший над водами реки, воздел и *правую* и *левую руки свои* к небу и клялся[2]. — Когда первомученик Стефан, обильно помазанный благодатию Святого Духа, предстал богоубийственному собору иудейских архиереев и священников, *то воззревше нань вси седящии в сонмищи, видеша лице его яко лице Ангела*[3]. — Из приведенных нам мест Священного Писания видно, что Ангелы не только имеют вид человеческий, но и все члены человеческого тела. Писание исчисляет в них эти члены: лицо, глаза, перси, руки, ноги. Этого мало! Писание указывает, что духи имеют те же чувства, какие имеет человек: зрение, слух, обоняние, осязание, оно приписывает им способность говорить; падшим духам приписывает недостатки падшего человечества, *глухоту* и *немоту*. Сам Господь, не кто иной, назвал одного из демонов *глухим* и *немым*. *Душе немый и глухий*, сказал ему Господь, *Аз ти повелеваю*[4], и глухий дух, не слышавший голоса святых Апостолов и не подчинявшийся их повелению, услышал голос Бога, и немедленно, страшно мучаясь и муча, исполнил повеление Божие. При другом исцелении человека, одержимого бесом, Евангелие говорит, что этот бес был *нем*[5]. Очень естественно духам иметь чувства: имеет их и душа человеческая, принадлежащая по естеству своему к сотворенным духам. Чувства человека принадлежат душе его, а не телу, хотя во время земной жизни человека и действуют чрез члены тела. Чрез члены тела действует вся душа, даже ее словесная сила. Чувства оставляют тело вместе с душою; правильнее: душа, выходя из тела, уносит с собою принадлежащие ей чувства. Если б чувства принадлежали телу, то оставались бы при нем и по исшествии души или оставляли тело в другое время, а не в то именно, в которое оставляет его душа.

Демоны имеют по естеству такой же наружный вид, как и Ангелы, то есть вид человека в его теле. По такому сходству с человеком Господь назвал диавола *человеком*[6]. Демоны исказили себя уничтожением в себе добра, рождением и развитием зла. По этой

---

[1] Дан. 10. 5, 6. ‖ [2] Дан. 12. 7. ‖ [3] *И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лицо его, как лицо Ангела* (Деян. 6. 15). ‖ [4] *...дух немой и глухой! Я повелеваю тебе* (Мк. 9. 25). ‖ [5] Лк. 11. 14. ‖ [6] Мф. 13. 28.

причине Писание называет *их зверями,* а главного из них *змеем*[1]. *Не предаждь зверем душу исповедающуюся Тебе*[2]. *Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли*[3], так как отверженные ангелы и глава их низвергнуты с неба на землю[4]. Злоба и падение демонов отразились и на их наружном виде: сохранив естественный образ свой, они исказили его чертами зверства и ужасного неблаголепия. Видел Иов диавола страшным чудовищем и изобразил его страшною живописию слова[5].

Духи имеют свое местопребывание, свои обители, соответственные естеству их и произвольно усвоенным качествам, по причине которых одни вступили в ближайшее общение с Богом, — другие отвергнуты Богом, и заразились исступленною, безумною ненавистию к Нему. Местопребывание святых Ангелов — небо. Это открыл нам Господь. *Ангели на небесех,* сказал Он, *выну видят лице Отца Моего Небеснаго*[6]. В *воскресение ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть*[7]. И из многих других мест Писания видно, что небо есть обитель Ангелов. Находясь на небе, они посылаются Богом на землю для исполнения различных повелений Божиих, как мы видели из приведенных повествований Писания; посылаются они и для вспомоществования всем спасающимся, как сказал святой апостол Павел: *служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение*[8]. При Втором славном и страшном Пришествии Своем, Господь *послет Ангелы Своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их*[9].

Доколе диавол был ангелом светлым и святым, дотоле обитал он на небе. На небе совершилось несчастное превращение, и многочисленное собрание ангелов отделилось от святого сонма Небесных Сил, соделалось собранием мрачных демонов, имея во главе падшего херувима. Увлечены в падение и погибель многие из высших ангелов, из господствий, начал и властей[10]. Вследствие этого превращения *бысть брань на небеси: Михаил,* Архистратиг Небесной Силы, *и Ангели его,* пребывшие верными Богу, *брань сотвориша со змием, и змий брася и ангели его. И не возмогоша, и места не обретеся им*

---

[1] Откр. 12. 9. ‖ [2] *Не предай зверям душу горлицы Твоей* (Пс. 73. 19). ‖ [3] *Змей был хитрее всех зверей полевых* (Быт. 3. 1). ‖ [4] Лк. 10. 18; Откр. 12. 9. ‖ [5] Иов. главы 29–41. ‖ [6] *...Ангелы ...на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного* (Мф. 18. 10). ‖ [7] *...в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Мф. 22. 30). ‖ [8] *...служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение* (Евр. 1. 14). ‖ [9] *...пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их* (Мф. 24. 31). ‖ [10] Еф. 6. 12.

ктому на небеси. И повержен бысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана, льстяй вселенную всю, и повержен бысть на землю, и ангели его с ним низвержени быша[1]. Местопребыванием падших ангелов соделались *поднебесное* пространство, которое все древние называли воздухом, *земная поверхность* и *бездна*, или *ад*. Это явствует из Священного Писания. В Книге Иова дважды диавол свидетельствует о себе, что он *обошел всю землю, и протек поднебесную*[2]. Пребывание падших ангелов в воздухе, или пространстве поднебесном, по согласному мнению Отцов, указывается следующими словами апостола Павла: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем* [*и*] *к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3]. Собрание этих духов Апостол называет *властию воздушною*, а главного из демонов, собственно диавола, называет *князем власти воздушныя, духом, действующим в сынах противления*[4]. Пребывание демонов на земле со всею ясностию видно из поведаний Евангелия, которое повествует о различных действиях демонов на земле, различных злодеяниях их. Демоны не только живут на земной поверхности, но входят иногда в тела человеков и скотов[5] всем газообразным существом своим. Они входят во внутренность тела человеческого подобно тому, как входит в нее воздух, привлекаемый механизмом дыхания, — подобно тому, как могут входить другие газы. Демон, войдя в человека, не смешивается с душою, но пребывает в теле, обладая насильственно душою и телом. Газы имеют в особенном развитии свойство *упругости*, то есть свойство принимать различной меры объем: очевидно, что и демоны имеют это свойство, по которому множество их может помещаться в одном человеке, как говорит об этом Евангелие[6].

В настоящее время местопребыванием для диавола, главы падших ангелов, служит бездна, тартар, ад, преисподняя, внутренность земли. Предвозвестил это жилище падшему архангелу святой пророк Исаия: *Во ад снидеши*, сказал он ему, *и во основания земли*[7]. Совершилось предсказание над князем воздушной власти

---

[1] *И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали* ***против них***, *но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним* (Откр. 12. 7–9). ‖ [2] *...я ходил по земле и обошел ее* (Иов. 1. 7; 2. 2). ‖ [3] *...наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против миро правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6. 12). ‖ [4] *...князя, господствующего в воздухе, духа, действующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления* (Еф. 2. 2). ‖ [5] Лк. 8. 33. ‖ [6] Лк. 8. 29.‖ [7] *Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней* (Ис. 14. 15).

силою и властию Спасителя человеков, Богочеловека. Спаситель есть тот *великий Ангел* — Бог, *имеющий ключ бездны,* Который сошел с неба и, вочеловечившись, употребил человеческую плоть Свою, это *великое уже* (веревку), распростерши ее на кресте, для *связания змия, змия древняго, иже есть диавол и сатана.* Связал Господь сатану на все пространство времени между двумя пришествиями Своими, и *в бездну затвори его, и заключи его, и запечатле над ним.* Будучи заключен и запечатлен в вещественной темнице, диавол по необходимости должен иметь вещественное естество: иначе никакая вещественная темница не могла бы удержать его. Пред Вторым Пришествием Господа *разрешен будет сатана от темницы своея и изыдет прельстити языки сущыя на четырех углех земли*[1].

Сотворенные духи называются *бесплотными* как в писаниях святых Отцов, так и в общем употреблении. Название это основано на Священном Писании. *Дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща*[2], сказал Спаситель ученикам Своим, явившись им по воскресении в прославленном теле, обличая и опровергая помышление их, что они видят дух. Сравнение *якоже Мене* есть сравнение с человеческою плотию Богочеловека. Святой Василий Великий видит такое же сравнение существа духов с человеческою плотию в словах Апостола: *несть наша брань к плоти и крови, но к духовом злобы*[3]. Этот Отец определеннее других Отцов говорит о газоподобной вещественности духов; но, основываясь на вышеприведенных словах Апостола, он утверждает, что «*естество* диавола — *бесплотное*»[4], очевидно, не имеющее такой плоти, какую имеют человеки. В таком смысле душа человеческая, когда выйдет из тела, соделывается существом бесплотным. В таком смысле Тертуллиан, церковный писатель второго века, говорит, что «*душа невещественна* и вместе с этим *тело*; отвержение ее *телесности* было бы вместе отвержением существования ее»[5].

О виде и сущности души человеческой Священное Писание упоминает лишь мимоходно и весьма мало. Но из этих поведаний Писания явствует со всею очевидностию, что душа человеческая имеет вид человека в его теле, подобна прочим сотворенным духам и по наружному виду, и по существу, и по свойствам. Апостол

---

[1] *...сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли* (Откр. 20, 1–7; слич. с 1. 18). ‖ [2] *...дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24. 39). ‖ [3] *...наша брань не против крови и плоти, но... против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12). ‖ [4] Homilia, quod Deus non est auctor malorum. Tom. III. P. 351–352. ‖ [5] Слово о душе.

Иоанн Богослов повествует в Откровении своем, что он видел на небе *души избиенных за слово Божие. И даны быша коемуждо их ризы белы*[1]. Видение повторилось Богослову. *Видех,* говорит он, *и се, народ мног от всякаго языка и колена, и людий и племен, стояще пред престолом и пред агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их*[2]. Писание изображает души точно так, как изображает Ангелов. Богослов, сказав, что он видел души, составлявшие многочисленный народ, этим самым обнаруживает, что он видел души в образе человеческом: одно только собрание людей называется народом. Повествованием о *одежде* их и о том, что пальмовые *ветви* были в руках их, *утверждается понятие* о виде их и о вещественности их. — Когда волшебница Аендорская вызвала душу пророка Самуила из подземного жилища душ и он явился ей, — она увидела *мужа стара восходяща от земли, и сей оболчен одеянием долгим*[3]. Душа явилась в образе человеческом, в одежде человеческой и с признаками пола. Душа изображена здесь так, как изобразил души святой Иоанн Богослов. — При преображении Господнем на горе Фаворской просветилось лицо Господа *яко солнце, ризы Его быша белы яко свет*[4]. Господь показал, в какой славе был создан первый человек и сколько тело его в этом состоянии отличалось от тела, извращенного падением. Предстали пред Господом Моисей и Илия, услышали от Него о страданиях и смерти крестной, которым Он намеревался добровольно подчиниться в Иерусалиме для исцеления человеческого рода. Илия предстоял в теле, измененном при восхищении в рай; Моисей предстоял душою, которая, очевидно, имела весь образ тела. Без этого как бы могли увидеть его Апостолы? Как мог бы сказать апостол Петр о приготовлении палатки для Моисея? Апостолы увидели Моисея, как увидели Илию при отверзении очей. Моисей присутствовал тут душою: Отцы[5] поведают, что Господь, сошедши во ад, возвел из ада с прочими ветхозаветными святыми Моисея и воскресил его, чему не противоречит и Евангелие, возвещающее о воскресении многих святых вслед за воскресением Господа[6]. В частности, Писание упоминает только о погребении Моисея и умалчивает

---

[1] *...души убиенных за слово Божие... И даны были каждому из них одежды белые* (Откр. 6. 9, 11). ‖ [2] *...и вот, великое множество людей... из всех племен, и колен, и народов, и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих* (Откр. 7. 9). ‖ [3] *...выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду* (1 Цар. 28. 14). ‖ [4] *...как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет* (Мф. 17. 2). ‖ [5] Святой Кирилл Иерусалимский. Огласительное слово 14, гл. 19. ‖ [6] Мф. 27. 52.

собственно о его воскресении[1]. — Апостол Павел, поведая о своем восхищении в рай и на небо, сказал, что он не знает, совершилось ли это восхищение в теле или без тела[2], одною душою. Если б душа отличалась своим видом от тела, то Апостол мог бы удобно сказать, каким образом он был восхищен, в теле или без тела. Можно утвердительно сказать, что восхищена была душа Павлова. Так впоследствии была восхищена душа святого Андрея, и он, подобно Павлу, говорил о себе, что не ведает, как был восхищен, в теле или без тела, несмотря на то что видел себя со всеми членами и со всеми органами чувств, какие имеет тело. К такому заключению приводят нас учение Отцов об этом предмете, подобные события из жизни их и даже некоторые современные опыты[3]. Святая мученица Мавра поведала о себе: «В то время, как она пригвождена была ко кресту, явился ей некоторый чудный муж, которого лицо сияло, как солнце. Он взял Мавру за руку и возвел ее на небо. Там показано было мученице блаженство, уготованное ей и ее супругу, участнику ее подвига. После этого светоносный муж привел ее к телу, висевшему на кресте, и сказал ей: теперь *возвратись в твое тело*; завтра же, в час шестой, придут за душами вашими Ангелы Божии»[4].

Рассматривая приведенные нами места Священного Писания, естественно приводимся к убеждению, что сотворенные духи и человеческая душа имеют свойственную им вещественность, имеют наружный вид, подобный виду человека в его теле; подобно человекам духи зависят от пространства и времени, имеют движение. Вещество духов гораздо тоньше, нежели вещество тела человеческого: по этой причине духи в действиях своих гораздо свободнее, в способностях гораздо развитее, нежели человеки. Таково вообще свойство вещества. Оно, в утонченном состоянии своем, действует несравненно сильнее и обширнее, нежели как действовало в состоянии грубом; оно, в утонченном состоянии своем, получает новые свойства, каких вовсе не имело в состоянии грубом. Чтоб сделать это удобопонятным для всех, укажем на воду в трех ее состояниях: в твердом, в жидком и парах.

Священное Писание научает нас, что имеются *тела земные* и имеются *тела небесные,* что имеются *тела душевные* и имеются *тела духовные,* что свойство и достоинство этих тел — различное[5]. Священное Писание называет наши тела, в которых мы находимся в земной жизни, *душевными*: эти же тела оно называет *духовны-*

[1] Втор. 34. 6.|| [2] 2 Кор. 12. 3. || [3] Об этом подробно изложено в «Слове о смерти». || [4] Четьи-Минеи, 3 марта. || [5] 1 Кор. 15. 39–46.

ми, когда они воскреснут со свойством бессмертия и с прочими свойствами, необходимыми для того, чтоб бессмертие было бессмертием. В духовных телах своих святые человеки будут вечно пребывать с святыми Ангелами, получив с ними одно блаженство и одинаковое развитие, одинаковое отношение к пространству и времени. Наука учением своим о веществе вступает в нужную гармонию с Писанием. Она признает повсюду вещество, где есть пространство. Понятие о вещественности с понятием о пространстве — неразлучны и неразделимы. Наука исследовала и доказала, что газы, принадлежащие земле и известные нам, ложатся слоями в атмосфере соответственно своей удельной тяжести. В подобной пропорции должны следовать за газами нашей атмосферы другие газы, нам неизвестные, более легкие и тонкие. Эти газы, которые в общем употреблении называются эфиром, непременно должны существовать, потому что никакое пространство не может обойтись без свойственного ему вещества. Пространство, которое мы называем небом, непременно должно иметь свое вещество.

Что такое человек? Такой же сотворенный дух, как и Ангелы, но облеченный в тело. Прочие сотворенные духи отличаются от человека тем, что не имеют *его* тела, *его* плоти. По этой причине они называются *бестелесными, бесплотными, невещественными.* Называются они *невидимыми*, потому что мы, будучи извращены и страшно повреждены падением, не видим их в обыкновенном состоянии нашем. Наше тело совсем не таково, каким оно создано: оно соделалось для человека узами и темницею; оно лишено многих способностей; оно оковано многоразличными немощами. Воскреснет оно уже иным, и человек, не преставая быть человеком, вступит в разряд сотворенных духов, причислится к сонму их, будет находиться в обществе их и в общении с ними. Отношения естества человеческого ко всей обстановке его будут те же, в каких находится и естество духов. Возвещено это Господом.

Священное Писание решительно противоречит учению Декарта, принятому вообще западными. Нет ни одного места в Писании, которое бы сколько-нибудь благоприятствовало учению западных. Наоборот, приняв учение западных и основываясь на нем, по необходимости должно отвергнуть все важнейшие поведания Писания о служении духов. Господь, возвещая о Втором славном Пришествии Своем, говорит: *Приити имать Сын Человеческий во славе Отца Своего со Ангелы Своими*[1]. *Приидет Сын Человеческий во славе*

[1] *Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими* (Мф. 16. 27).

Своей и вси святии Ангели с Ним[1]. Воскресшие человеки *узрят*[2] Сына Божия, невидимого по Божеству, видимого в Его Божественном человеческом теле, *узрят* и Ангелов в их собственном виде. Если бы не было вида у Ангелов, то воскресшие человеки не могли бы увидеть их, и Сын Божий предстал бы в странном одиночестве. Если б не было движения у Ангелов, то они не могли бы прийти с Господом, Который по Своему человечеству естественно имеет движение. Здесь Господь изобразил движение Ангелов подобным Своему движению; движение с движением совокуплено в одно действие. Впрочем, мы веруем, что движение тела Господня, по Божественности этого тела, несравнимо с движением, к которому способны Ангелы: столько превосходнее движение движения. Некоторым из святых был уже показан в священном видении тот образ, в каком совершится Второе Пришествие Господа. Святой Дионисий Ареопагит в письме к монаху Демофилу поведает о ученике святого апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и, по причине чистоты ума его, очень способным к Боговидению. Карп был в таком духовном преуспеянии, что никогда не начинал Божественной Литургии прежде, нежели благодать Святого Духа явно не осенит его. Однажды он сподобился видеть небо отверстым, подобно первомученику Стефану, и Господа Иисуса стоящим посреди многочисленнейшего собрания Ангелов; при этом святой Карп увидел *Ангелов в образе человеков*. Такими они явятся и на Страшном суде Христовом.

Явления духов угодникам Божиим Новозаветной Церкви имеют решительно тождественный характер с явлениями, о которых говорит Писание. Этими явлениями доказывается, что духи вещественны, имеют наружный вид человеков, все члены человека, способность говорить, плакать, смеяться, что в невидимом нами мире, в котором живут духи, имеется *свое* вещество, что духи находятся в отношении к веществу, зависят от пространства и времени, имеют движение. Для доказательства представим немногие опыты, предоставляя желающим получить познание более подробное почерпнуть его в жизнеописаниях святых.

Святая великомученица Параскева, истерзанная и полумертвая, ввергнута была в темницу. Мучители думали, что она умрет в самом скором времени. В полночь вошел к ней Ангел; по плечам и груди он был препоясан золотым поясом, а в руках держал орудия Христовых страданий. Ангел повелел девице встать, объявив, что

---

[1] *...приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним* (Мф. 25. 31). || [2] Мф. 26. 64.

Христос Господь исцеляет ее. Мученица, лежавшая без чувств, встала, как бы пробудившись от сна. Ангел приступил к ней, отер губою все раны ее, отчего исцелилось тело ее, и лицо процвело красотою более, нежели цвело пред вступлением в подвиг мученичества. После этого явившийся Ангел сделался невидим[1]. И образ врачевания, и средство врачевания, и быстрота врачевания непостижимы для нас, но очевидно из повести, что средство было вещественное. — Преподобный Тит, иеромонах Печерского Киевского монастыря, был болен при смерти. Братия, видя наступившую кончину Тита, привели к нему иеродиакона Евагрия, с которым он был во вражде, для примирения. Больной с одра своего сделал при усиленном напряжении поклон пришедшему, прося о прощении и примирении. Но Евагрий произнес следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним: ни в сей век, ни в будущий», — и, сказав это, внезапно упал мертвым, а Тит в ту же минуту встал здоровым, как бы никогда не был болен. Изумленной братии Тит поведал, что, пришедши в крайнее изнеможение, он увидел близ одра своего Ангелов и демонов. Первые *плакали* о том, что Тит умирает во вражде с ближним, а вторые *радовались* о его погибели. Когда же Тит поклонился Евагрию, а Евагрий отказался от примирения, тогда один из Ангелов, державший *в руке пламенное копие*, ударил этим копием непростившего, отчего Евагрий упал мертвым. Тот же Ангел простер другую *руку* к больному и восставил его, отчего Тит мгновенно выздоровел[2]. Для поражения Евагрия было употреблено средство вещественное, но невидимое для человеков и неизвестное. Причиняют смерть и демоны. Преподобный Евфимий Великий поведал, что некоторый инок был мучим и убит демоном, который для мучения и убийства употребил *трезубец*[3]. Плачут и демоны. Плакали о том, что преподобный Макарий Великий избег рук их и вступил в небесные врата[4]. — Святой Амфилохий, епископ Иконийский, друг Василия Великого, хиротонисан во епископа Ангелами. Он был иноком и подвизался в отшельничестве, прожив сорок лет в пустынной пещере. В это время скончался архипастырь Иконийский. Ангел Господень явился ночью Амфилохию и сказал ему: «Амфилохий! поди в город и паси духовных овец». Амфилохий оставил повеление без исполнения, опасаясь быть обманутым мечтанием бесовским. На следующую ночь повторилось видение, и Амфилохий опять не вышел из пещеры. На третию ночь Ангел пришел к нему в то время, как он лежал на одре своем,

[1] Четьи-Минеи, 28 октября. ‖ [2] Патерик Печерский. ‖ [3] Четьи-Минеи, 20 января. ‖ [4] Патерик Скитский.

и сказал ему: «Амфилохий! встань с одра твоего». Амфилохий встал, но сказал Ангелу: «Если ты Ангел, то прими участие в моей молитве», — и начал молиться. Ангел, исполнив это, взял Амфилохия за правую руку и привел в ближайшую церковь. Двери церкви сами отворились пред ними, как некогда врата города пред апостолом Петром. Они вошли в церковь, в которой сиял великий свет и было множество *мужей* в *белых одеждах*. Эти мужи взяли Амфилохия, привели к алтарю и вручили ему Святое Евангелие, сказав: «Господь с тобою». Один из них, превосходивший других важностию вида и светлостию, сказал громогласно: «Молимся все». Потом начал говорить: «Святая благодать поставляет брата нашего Амфилохия епископом граду Иконийскому; помолимся о нем, да будет на нем благодать Божия». По окончании молитвы они преподали ему мир Христов и соделались невидимы[1]. Преподобный Пимен Многострадальный, инок Киево-Печерского монастыря, пострижен в монашество Ангелами. Этот Святой был болен с детства до смерти. Пришед в юношеский возраст, Пимен очень просил родителей, чтоб они дозволили ему вступить в монашество; но родители не соглашались. Однажды болезнь юноши усилилась до крайности. Родители, отчаявшись уже в его жизни, и против воли своей принесли его в Киево-Печерский монастырь, прося преподобных иноков того времени, чтоб помолились о болящем. Преподобные Отцы много потрудились, молясь о возвращении здравия Пимену, но не были услышаны: Бог устраивал иной путь избраннику Своему. Отец и мать болящего неотступно были при нем, опасаясь, чтоб он в отсутствие их не был пострижен, а Преподобный умолял Бога, чтоб Бог сподобил его вступить в лик иноков. Однажды ночью, когда родители и прислуга спали при нем, вошли к нему светлые Ангелы, одни во образе прекрасных юношей, другие в образе Печерского игумена и монашествующей братии, нося *в руках* свечи, Евангелие, власяницу, мантию, куколь, все, нужное для пострижения. Они спросили больного: «Хочешь ли, чтоб мы постригли тебя?» В радости Блаженный отвечал: «Истинно — хочу; Господь послал вас, чтоб вы исполнили желание сердца моего...» Они немедленно начали делать вопросы и совершать все, что положено Уставом при пострижении. Постригши больного в схиму, они назвали его Пименом — имя Святого, данное ему по рождении, неизвестно — и дали ему в руки возжженную свечу. При этом они сказали, что свеча будет гореть в течение сорока дней и сорока

---

[1] Четьи-Минеи, 23 ноября.

ночей, а он будет страдать в болезни во всю жизнь свою, внезапное же выздоровление послужит признаком приблизившейся смерти. Совершив с точностию весь образ пострижения, они приветствовали Пимена по иноческому обычаю и ушли, взяв его волосы в полотно, которое положили на гробе преподобного Феодосия. Соседи монахи, услышав голоса поющих и полагая, что игумен с некоторыми сослужащими постригает больного или что он уже скончался, пришли к нему в келлию. Там все были погружены в глубокий сон, келлия была преисполнена благоухания. Пришедшие увидели больного веселящимся и облеченным в иноческое одеяние. Братия спросили его: «Кем он пострижен? Какое пение слышали мы у тебя, которого твои родители и прочие, бывшие при тебе, не слышали?» Пимен отвечал: «Полагаю, что игумен с братиею постригли меня, при чем совершали песнопение, слышанное вами. Они дали мне эту свечу, которую вы видите, и сказали, что она будет гореть сорок дней и ночей, а волосы мои, завернув в полотно, отнесли в церковь». Братия пошли к Церкви, но она была заперта. Призвали пономарей и экклисиарха, у которого хранились ключи от дверей церковных, которые засвидетельствовали, что после повечерия церковь была заперта и никто не входил в нее. О чудном событии дали знать игумену. Отворили церковь: волосы найдены на гробе преподобного Феодосия. После тщательного разыскания поняли, что пострижение совершено Ангелами. В этом удостоверились тем более, что свеча, которой надо было сгореть в несколько часов, горела сорок суток. Преподобный Пимен провел в тяжкой болезни, не сходя с одра, всю жизнь; пред самою смертию выздоровел и, явив знамения живущей в нем благодати Божией, скончался блаженною кончиною[1]. Продолжительное горение свечи — опять непонятное для нас явление в веществе, нам неизвестном.

В той же Киево-Печерской обители было следующее явление Ангела преподобному Алипию. Алипий был иконописцем. Некоторый христолюбец заказал ему местную икону Успения Божией Матери к этому празднику. Алипий обещал кончить икону к сроку, но, когда приготовил доску и все принадлежности к работе, разболелся к смерти, слег в постель. Заказавший икону не раз приходил осведомляться об иконе и очень скорбел, видя, что икона даже не начата; но Преподобный советовал ему положиться на Промысл Божий. Пришел наконец христолюбец накануне самого

[1] Патерик Печерский.

праздника, после вечерни, и очень попеняв Святому за то, что лишил возможности передать работу другому иконописцу, вышел в великой скорби. По отшествии его вошел к Алипию неизвестный светлый юноша и начал писать икону. Алипий думал сначала, что это — человек, иконописец, присланный владельцем иконы; но необыкновенная быстрота и красота работы показали, что это был Ангел. В три часа написалась икона. По окончании работы и чудный иконописец и икона соделались невидимы. Между тем хозяин иконы от великой скорби не спал всю ночь; рано утром пошел он в церковь, в которую была заказана икона, чтоб там излить свою печаль пред Богом; вошедши в церковь, увидел, что икона чудной красоты стоит уже на своем месте. Он поспешил к игумену Печерского монастыря и рассказал ему о совершившемся чуде. Вместе с игуменом они пошли к Алипию, — застали его уже при последнем издыхании. Однако игумен спросил его, как написалась икона? Алипий поведал свое видение и присовокупил: «Ангел написал эту икону, и вот! он предстоит, чтоб взять меня». Сказав это, Преподобный скончался[1].

Был особенно способен к чувственному видению духов святой Андрей юродивый, во плоти принадлежавший к бесплотным по причине умерщвления плоти сверхъестественным подвигом. Однажды по той улице, на которой случилось быть Святому, несли мертвеца. То был человек очень богатый. Множество народа сопутствовало его гробу; значительное собрание священнослужителей предшествовало гробу с песнопением; большое собрание родственников и знакомых последовало за гробом, оглашая воздух рыданиями и плачем. Святой начал чувствовать в себе изменение, и отверзлись его очи и прочие чувства. Он увидел множество черных эфиопов, которые *шли* впереди священнослужителей, и голоса их заглушали своими голосами. Одни из эфиопов держали *в руках* пепел, которым осыпали людей, окружавших тело; другие из них плясали; иные хохотали бесстыдно; иные издавали звероподобные и скотоподобные вопли; иные окропляли мертвеца смрадною водою; иные *летали* по воздуху около гроба; иные *шли* сзади, хлопая руками, производя *топот ногами, издеваясь* над поющими и *проклиная* христиан. Потом святой Андрей увидел *бесовского князя с* огненными глазами; этот демон, принадлежавший к падшим ангелам высшего чиноначалия, держал *в руке* серу и смолу, и *приближался* к гробу с намерением сжечь труп. Когда тело было пре-

[1] Патерик Печерский.

дано земле, Святой увидел *идущего прекрасного юношу,* который был погружен в глубокую печаль и горько плакал. Когда юноша подошел к Святому, то Святой, полагая, что это — один из родственников умершего, сказал юноше: «Ради Бога, скажи, какая причина твоего плача; спрашиваю об этом потому, что никогда и никого не видал, кто бы так плакал о мертвеце». Юноша отвечал: «Причиною плача моего то, что я был хранителем этого умершего, а его похитил себе диавол». Святой сказал: «Теперь я понял, кто — ты». После этого Ангел поведал Андрею образ жизни почившего и что он умер без покаяния. «Душу его, — говорил Ангел, — взяли демоны, а поругание, которому подвергнуто было его тело, ты видел сам». Шедшие по улице люди, видя, что святой Андрей стоит один и как бы разговаривает с кем-то, говорили между собою: «Посмотрите на этого сумасшедшего! он вступил в разговор со стеною». Этим прохожим подобны те, которые, будучи погружены в суетные занятия и плотское мудрование, отвергают существование духов или, что равновесно, дают духам отвлеченное значение, признавая их чуждыми веществу. — Находим нужным поместить здесь и другое видение святого Андрея, служащее к выражению отношения между духами и веществом. В начале своего подвига Андрей, окованный цепями, был помещен в церковь святой мученицы Анастасии, в Константинополе, и провел значительное время в этой церкви неисходно. Однажды ночью, наяву, пришел к нему один из начальных демонов в сопровождении многих других темных духов. Диавол *имел в руке* топор, и все демоны вооружены были разным оружием. Они кинулись на Святого, чтоб убить его, а Святой возопил к Богу о помощи. Раздался гром и явилось многочисленное собрание *людей,* одеянных в белые одежды, а за ними пришел *благообразный старец.* Лицо его было светлее солнца, и множество слуг последовало ему. Он сказал им: «Затворите двери, чтоб никто не убежал, и переловите эфиопов». Повеление было тотчас исполнено. При этом Андрей услышал, что один из демонов шепотом говорил другому: «Горе нам! мы обманулись. Иоанн — грозен, будет мучить нас жестоко». Иоанн повелел *белоризцам,* пришедшим с ним, и они, сняв железную цепь с шеи Андрея, подали ее Иоанну. Иоанн взял цепь в руки, сложил ее втрое; потом он встал в дверях церкви и приказал приводить к себе демонов по одному. *Привели* первого демона, *растянули* его на земле, и Иоанн *дал* ему цепью *сто ударов.* Демон *вопиял подобно человеку*: «Помилуй меня». Такому наказанию подверглись все демоны, один за другим. После этого Иоанн сказал им: «Подите, покажитесь отцу вашему, сатане: как

покажется ему сделанное вам!» Демоны исчезли; белоризцы также удалились. Благолепный старец подошел к Андрею, возложил цепь на его шею. — Объявив, что он — апостол Иоанн Богослов и что ему поручено попечение об Андрее, молнией отошел он от очей его[1]. — Из жизнеописаний святых явствует, согласно поведанию Апокалипсиса, что глава падших ангелов — сатана — пребывает во аде, а на земной поверхности действуют демоны под управлением князей своих, то есть падших ангелов из высших чиноначалий. Демоны нисходят во ад для получения приказаний и наставлений от сатаны, доносят ему о своих действиях и о всем, совершающемся на поверхности земной. Однажды демон очевидно явился святому Андрею и произнес предсказание о духовном и нравственном расстройстве христиан, долженствующем растлить христианство во времена последние. «В те времена, — говорил демон, — человеки будут злее меня, и малые дети превзойдут стариков лукавством. Тогда я начну почивать! тогда не буду учить человеков ничему! они, сами собою, будут исполнять волю мою!» Святой Андрей сказал демону: «Как ты знаешь это? ведь демон ничего не знает по предведению». Демон отвечал: «Умнейший отец наш, сатана, *пребывая во аде,* гадательствует о всем посредством волхвования и передает нам; а сами мы не знаем ничего»[2]. — Великий угодник Божий Нифонт, о котором сказано, что он беседовал с Ангелами, как с друзьями, и видел демонов открыто, поведал, что однажды князь бесовский Алазион послал с несколькими демонами во ад, к отцу своему сатане, монету, которую дал христианин скомороху[3].

Церковное Предание поведает, что святые Апостолы, рассеянные по вселенной для проповеди, были восхищены Ангелами и принесены в Иерусалим ко дню Успения Божией Матери. Это событие воспевается в церковных всенародных песнопениях[4]. Преподобный Никон Сухий, инок Киево-Печерского монастыря, взят был в плен половцами при нападении их на Киев. Уведши Никона в страну свою, половцы подвергали его различным мукам, томили голодом и всеми образами лишений. В таких страданиях Никон провел более трех лет. Ему было Божественное Откровение, что он скоро избавится от плена. Он сказал об этом мучителям. Половцы, услышав это и полагая, что Никон принял меры к бегству, подрезали ему ножные жилы, заковали его в цепи и стерегли с особенною тщательностию. Чрез три дня после предсказания о скором избавлении, пред наступлением полуденного часа, когда половцы,

---

[1] Четьи-Минеи, 2 октября. || [2] Пролог, 6 октября. || [3] Четьи-Минеи, 23 декабря. Житие святого Нифонта. || [4] Акафист Успению Божией Матери.

вооруженные, сидели вокруг Никона, он внезапно сделался невидим, а сторожившие его услышали в воздухе голоса, которые пели: *хвалите Господа с небес*. Никон был поставлен в церкви Печерского монастыря в то время, как на Божественной Литургии начали петь причастный стих. Братия стеклись к нему и спрашивали, каким образом он возвратился. Никон хотел скрыть совершившееся с ним, но это было невозможно; тяжкие цепи, которыми он был окован, тело, покрытое загноившимися ранами, кровь, которая еще капала из подрезанных ножных жил, свидетельствовали о событии, выходящем из порядка событий обыкновенных. Никон объявил во славу Божию случившееся. Между тем заключен был мир с половцами. Тогда половчанин, у которого находился в плену преподобный Никон, прибыл в Киев и зашел в Печерский монастырь. Там, к величайшему удивлению, он увидел прежнего пленника своего, рассказал подробно игумену и братии, каким образом Никон подвизался в плену и избавился из плена. Половчанин принял христианскую веру и монашество в Киево-Печерском монастыре; его примеру последовали многие половцы. Великое чудо имело многих свидетелей и благодетельнейшие последствия[1].

Способность быстро протекать пространства, которые человеками признаются весьма значительными, имеют не только Ангелы, но и демоны. Имеют демоны возможность переносить с места на место как грубое земное вещество[2], так и человеков. Святой Иоанн, архиепископ Новгородский, стоял однажды ночью на келейной молитве по обычаю своему. В полночный час пришел демон с намерением чем-нибудь необычайным устрашить Святого и отвлечь его от молитвы. Для этого демон вошел в умывальницу, тут стоявшую, и начал полоскаться в воде. Святой связал демона и крестным знамением заключил в умывальнице. Демон начал вопить человеческим голосом и умолять Святого о разрешении от связания и заключения в сосуде. Божественный Иоанн отвечал демону: «В возмездие за твою дерзость повелеваю тебе, чтоб ты этою же ночью отнес меня в Иерусалим ко храму Гроба Господня и этою же ночью принес обратно сюда в Новгород, к моей келлии». Демон обещал исполнить требование. Тогда Святой именем Господа освободил демона из заключения в сосуде и повелел ему: «Будь в подобии коня готов пред дверьми моей келлии». Демон вышел из сосуда в виде темного воздуха или дыма, то есть газа, а в виде коня встал

[1] Патерик Печерский. || [2] Смотри житие преподобномучеников Феодора и Василия Печерских в Патерике Печерском, житие святого Аверкия, епископа Иеропольского, 22 октября.

у входа в келлию Святого. Святой воссел на него, и принесен в Иерусалим. Двери храма Господня сами собою отворились пред ним, сами собою возжглись свечи и лампады у Гроба Господня. Иоанн принес Богу благодарственное славословие и усерднейшую молитву, воздал поклонение всем святым местам и иконам храма. Когда он вышел, двери храма затворились сами собою, а демон в виде коня стоял, ожидая всадника. Святой воссел на демона, и прежде рассвета принесен был в Новгород[1]. — Это событие дает некоторое понятие о быстроте движения духов; хотя по всему видно, что перенесение Аввакума из Иудеи в Вавилон и обратно из Вавилона в Иудею совершилось быстро, но Писание не упоминает ничего о времени, а здесь назначается приблизительно и время: все событие совершилось во вторую половину ночи, следовательно, на путешествие употреблено около двух-трех часов.

Некоторый иерей по имени Адам жил с малолетним сыном своим отроком Михаилом в скиту преподобного Нила Сорского. Однажды отец, при встретившейся церковной нужде, послал сына к пономарю. Когда дитя вышло из келлии, внезапно встретил его некоторый дикий человек и, схватив его, понес как бы вихрем и занес в непроходимые места и болота. Там была какая-то хоромина. Дикий человек внес дитя в эту хоромину и поставил посреди ее. Тут был как бы старшина в виде человека. Этот старшина сказал находившейся тут же женщине: «Покорми дитя». Принесено было много овощей, и дитя было принуждено к вкушению их; но Михаил не исполнил требования, стоял неподвижно на одном месте и горько плакал. Отец, видя, что сын долго не возвращается, начал искать его и, не нашедши, созвал всю братию, пошел с ними в часовню, находившуюся в недальнем расстоянии от монастыря. В часовне стояла икона Божией Матери; пред этою иконою братия начали совершать молебствие, проливая слезы и призывая на помощь преподобного Нила. В это самое время дитя увидело, что пришел преподобный Нил и, встав пред окном хоромины, ударил в окно жезлом, от чего потряслась хоромина, а находившиеся в ней нечистые духи попадали лицами на землю. Михаил стоял и плакал, смотря на преподобного Нила. Преподобный сказал: «О окаянные! как дерзнули вы напасть на мой скит и похитить это дитя! тотчас отнесите его туда, откуда взяли». И немедленно дикий человек подхватил дитя и, принесши его опять как бы вихрем, донес до монастырской мельницы и поставил на стог сена, тут бывший. Михаил начал

[1] Четьи-Минеи, 7 сентября.

кричать со стога. В это время иерей с братиею выходили из часовни и услышали крик дитяти. На голос его они пришли к стогу и, увидев на вершине его дитя, прославили Бога и угодника Его Нила. Сняв Михаила со стога, они спрашивали его, каким образом он попал туда? Михаил рассказал случившееся с ним. С того времени Михаил сделался особенно тих, но осталось на умственной способности его, как это всегда бывает, впечатление от действия на него демонов. Иерей, напуганный происшествием, оставил скит и с сыном[1].

В Божественных откровениях, бывших святым Новозаветной Церкви, *души* почивших человеков являлись точно в таком виде, какой изображается Священным Писанием. Первейшие вельможи Римского императора Максимиана Геркулия, Сергий и Вакх, вступили в подвиг мученичества за веру во Христа и за исповедание Его пред царем нечестивым. Вакха забили палками до смерти. Сергий в это время был в тюрьме. Узнав о мученической кончине своего друга, он начал плакать о том, что не умер с ним вместе, и молил Бога о даровании себе венца мученического. Настала полночь; бдел и плакал в молитве своей Сергий. Внезапно предстал ему окруженный небесным светом Вакх. *Лицо* Вакха было как *лицо* Ангела; на Вакхе была блистающая воинская *одежда.* Он утешил и укрепил друга, возвестив ему о скором совершении им мученического поприща и о великом небесном достоинстве, уготованном от Господа Иисуса Христа[2]. — Особенного внимания заслуживает освобождение из темницы преподобного Петра Афонского святыми Симеоном Богоприимцем и Николаем Чудотворцем. Событие это имеет большое сходство с освобождением Ангелом апостола Петра из темницы и живописно изображает души святых в их загробном состоянии. Преподобный Петр Афонский был в мирском быту воеводою. Несколько раз помышлял он о вступлении в монашество, и несколько раз давал Богу обет вступить в монашество, но, отвлекаемый житейскою суетою, отлагал и отлагал исполнение намерения и обета. В то время сыны Измаила, приняв магометанство, уже громили Греческую империю; между греками и измаильтянами кипела война, почти не прерывавшаяся. Однажды войско греческое было послано в Сирию. В войске находился и воевода Петр. Измаильтяне поразили греков, взяли множество пленных: в числе пленных был воевода. Окованный тяжкими цепями, он отведен в город Самару на реке Евфрате, там ввергнут в мрачную темницу. Томясь в темнице,

[1] Рукописное житие преподобного Нила Сорского. || [2] Четьи-Минеи, 7 октября.

Петр вспомнил о неисполненном обете и, поняв, что неисполнение этого обета было причиною постигшего бедствия, начал умолять святителя Николая о избавлении, возобновляя обет свой и усиливая действие молитвы строгим постом. Святитель Николай дважды явился Петру во сне, а в третий раз наяву, и уже не один, а вместе со святым Симеоном Богоприимцем. Великий Симеон был дивен видением, благолепен образом, сиял небесным светом. Он был *облечен* в ефуд (льняную одежду) ветхозаконного священства, и златой *жезл* был *в руке* его. Петр, увидев представших ему святых, объят был страхом. Симеон сказал Петру: «Ты просишь брата Николая об освобождении тебя из уз и темницы?» Петр едва мог отворить уста — таким объят был страхом: «Я», — отвечал он. Святой Симеон сказал: «Исполнишь ли обет твой вступить в монашество и провести земную жизнь добродетельно?» Петр отвечал: «Исполню, владыка мой, при помощи Божией». Симеон: «Если обещаешься поступить так, то выдь отсюда беспрепятственно и иди, куда хочешь». Петр показал ему свои ноги, окованные цепями. Святой Симеон прикоснулся к цепям златым жезлом, бывшим в руке его, и цепи растаяли, как тает воск от огня[1]. Петр встал и увидел, что тюрьма отворена. Он вышел из нее, последуя со святителем Николаем за святым Симеоном, и внезапно очутился за городом. Когда совершалось это, — пришла Петру мысль: то, что делается с ним, не есть ли только видение? Немедленно святой Симеон обратился к нему и сказал: «Зачем совершающуюся над тобою милость Божию ты полагаешь только видением? разве ты не видишь с достоверностию, где ты и кому последуешь?» — После этого святой Симеон, поручив Петра Святителю, соделался невидим. Петр шел вслед святого Николая. Рассвело. Святитель спросил Петра, взял ли он с собою пищи на путь. Петр отвечал: «Владыко! мне нечего было взять, потому что я не имел ничего». Святитель повелел Петру зайти в случившийся тут по близости сад. «Там встретишь, — сказал он ему, — человека, который даст тебе овощей, сколько тебе надо; взяв их, последуй мне». Петр, исполнив приказанное ему, шел за святителем Николаем и в короткое время достиг пределов Греческой империи. Тогда Святитель сказал Петру: «Брат! ты уже в своем отечестве и имеешь всю свободу исполнить обет твой. Исполни его немедленно, чтоб снова не попасть в Самару и в оковы». Сказав это, святой Николай соделался невидим[2].

---

[1] На пламени невмановой лампы металлы плавятся подобно воску. Пламень лампы образуется от возжженных газов кислорода и водорода, пущенных в одну струю. || [2] Четьи-Минеи, 12 июля.

Современные явления духов в недре Православной Церкви вполне сходствуют по характеру своему с явлениями, о которых повествуют Священное Писание и святые Отцы. Особенного внимания заслуживает видение Валаамского схимонаха Кириака, мужа святой жизни. Он сподобился этого видения еще в мирском быту, по обращении своем из раскола, стоя в олтаре церкви праведного Лазаря, что в Невской Лавре, за раннею Литургиею. Сперва Кириак ощутил необыкновенное благоухание. Потом, когда иеромонах стал призывать Святого Духа на предложенные Дары, — Херувимы окружили святой престол и иеромонаха; равным образом и весь олтарь наполнился Херувимами. Служащий иеромонах был весь объят огнем. Когда он положил земной поклон пред святым престолом, то белый голубь, но меньшего размера в сравнении с обыкновенным голубем, слетел сверху и стал парить над святым дискосом, потом взлетел на верх святой чаши и, сжав крылия, опустился в нее, а Силы Небесные в это время, падши ниц, поклонились святому престолу. Когда иеромонах возгласил *Изрядно о Пресвятей*, — Силы Небесные опять поклонились до земли. Когда пропели *Достойно есть*, — они в третий раз поклонились, потом окружили иеромонаха, осенили его главу некоею чудною плащаницею и соделались невидимы. Кириак, находясь в расколе, проводил жизнь строго подвижническую, был наставником раскольников и подвергался тяжким истязаниям по обычаю того времени. Присоединившись к Православной Церкви в 1783 году, он скончался кончиною праведника в 1798 году[1]. — Подобного видения Небесных Сил при совершении Таинства Евхаристии сподоблялись и древние святые Отцы. Сподобился такого видения святой Нифонт, один из величайших угодников Божиих. Однажды он присутствовал при служении архиерея в одной из Константинопольских церквей. Отверзлись душевные очи Нифонта, сказано в его жизнеописании, и он увидел, что огнь сошел с неба, покрыл олтарь и архиерея. Во время Трисвятого явились четыре Ангела и начали петь с певцами. При чтении Апостольского Послания явился святой апостол Павел, встал за чтецом, наблюдая за чтением. Когда началось чтение Евангелия, тогда слова возлетали на небо в подобии светильников. Когда

[1] Пространная повесть об обращении схимонаха Кириака, о его видении в Невской Лавре, о постоянном пребывании в благодатном состоянии во время жительства в Валаамском монастыре написана им самим, по приказанию игумена Назария, в духе глубокого смирения, единственно в исполнение священной обязанности послушания. Повесть была несколько раз напечатана; в последний раз она напечатана в журнале «Странник», в книжке за февраль 1862 года.

наступило время принесения Даров, отверзся свод церковный, отверзлось небо, разлилось великое благоухание, низошли Ангелы, воспевая: «Слава Христу Богу!» Они несли необыкновенной красоты Младенца и, возложив его на дискос, сами окружили престол, и два Серафима и два Херувима, паря над главою Младенца, покрывали ее крылиями своими. При освящении Даров и совершении страшного Таинства один из светлейших Ангелов приступил и, взяв нож, заколол Младенца, кровь источил в святую чашу, а Младенца положил на дискос, потом благоговейно встал в чине своем. По окончании Божественной Литургии Нифонт увидел Младенца целым на руках ангельских и вознесшимся на небо[1]. — Подобное видение было некоторому Сирскому монаху, — описано преподобным Ефремом[2]; подобное видение было иноку Египетского Скита[3].

И ныне святые Ангелы являются в виде крылатых прекрасных юнош; и ныне души святых человеков являются в образе человека в его теле, в небесной славе; и ныне демоны являются в безобразном, отвратительном и ужасном виде чудовищ, но чудовищ, имеющих образ человека. Такими являются они, когда являются в своем виде; они принимают на себя, как принимали и прежде, образ зверей и гадов, в особенности любимый ими образ змея[4]. Мы помещаем здесь поведание о недавнем событии, которое сообщено нам лицом, заслуживающим полное доверие.

В ямщицком селении Тосне, по дороге из Санкт-Петербурга в Москву, жил ямщик Федор Казакин, женатый, бездетный, пожилых лет, неграмотный, простодушный, кроткий и вообще хорошего поведения. Он занимался кузнечным мастерством и сам для этой работы выжигал уголья в лесу, версты за три от селения, вниз по течению реки Тосны, на правом берегу ее, у Дубка. Так называется участок земли по растущему на нем мелкому дубу. Однажды

---

[1] Житие святаго Нифонта, декабря 23 дня. || [2] Слово 86, по славянскому изданию. || [3] Патерик Скитский. Житие Арсения Великого. || [4] Сказание о многих современных явлениях из мира духов помещено в журнале «Странник». Указываем на некоторые из них: а) *Видение Ангела.* Ангел явился отроковице Вере в таком виде, в каком пишется на иконах. Книжка «Странника» за сентябрь 1864 года; б) *Замечательная кончина.* Крестьянин Филипп видел наяву, пред кончиною своею, пришедшую к нему Богоматерь в сопровождении двух Ангелов, которые были в образе юнош. Август 1864 года; в) *Дивная христианская кончина отрока.* Двенадцатилетний сын мещанина города Твери умер, потом ожил. Ожив, поведал о рае, в который был восхищен, и о помещенных в раю душах родственников его. Июль 1864 года; г) *Редкая христианская кончина дьячка.* Ангелы и демоны, представ дьячку наяву за несколько дней до кончины его, состязались о душе его. Февраль 1863 года; д) *Урок кощунству и неверию.* Демоны явились среди шумного мирского собрания безбожнику, отвергавшему существование духов. Октябрь 1863 года.

Казакин работал один у угольной ямы. Внезапно, среди дня, он увидел множество бесов *в образе человеков обоего пола*, в необыкновенных разнообразных одеждах, в колпаках. Бесы сидели на бывших тут высоких деревьях и играли на разных музыкальных инструментах, припевая: «Наши годы! наша воля!» Они делали и другие припевы, которых Казакин не расслушал. Ни крестное знамение, которым Казакин ограждал себя, ни молитва, которою он вооружился, не произвели никакого действия на бесов. Объятый страхом, он покинул работу и побежал домой. Путь к дому лежал на берегу реки, которая от места его работы находилась не более как во ста саженях; по берегу росли большие развесистые березы. Казакин выбежал к реке, и видит на березах бесов, которые играли на инструментах, торжествовали и бесчинно припевали: «Наши годы! наша воля!» Казакин бежал без оглядки. В расстоянии с версту от места его работы он увидал в третий раз бесов на деревьях; они ликовали, играя на инструментах и припевая: «Наши годы! наша воля!» Бесы не делали Казакину никаких вопросов и не препятствовали бежать. В сильнейшем расстройстве прибежав к селению, от которого отделяла его река, и видя, что нет на том берегу ни плота, ни лодки, Казакин присел отдохнуть. Между тем стали подавать ему плот с другой стороны. В это время явился у ног его огромный змей, который намеревался уязвить его; но Казакин отскочил от змея. Скоро разнеслось известие о событии по селению. Причетник села Иоанн Андреев[1] слышал лично от Казакина о приключении и признает рассказ его вполне достоверным, так как Казакин по простодушию своему не способен ни к каким выдумкам. — Ликование бесов имело соответствующие себе последствия. Вскоре после этого (1817 года 16 октября) был сильный пожар в селении Тосне: сгорела церковь, три дома священнослужителей и 18 домов обывательских. Затем явился раскольничий учитель Петр Антропов, сильный в слове, большой начетник; под влиянием его до половины жителей многолюдного села Тосны совратились в раскол.

Западный писатель утверждает, что святые Василий, Афанасий, Иоанн Златоуст, Кирилл, Григорий Нисский и другие восточные Отцы признавали сотворенных духов существами *чисто духовными* (**Выписка 4**), то есть духовными по пониманию

[1] Этот причетник принял монашество в Сергиевой пустыне и по отличным нравственным качествам и хозяйственным способностям сделан настоятелем Введенского Островского монастыря. Ныне настоятельствует в сане игумена над Коневским монастырем.

Декарта, без вида, без движения, без отношения к пространству. Справедливо ли это?

Святой Василий Великий в книге о Святом Духе говорит: «По отношению к Небесным Силам, признавай, что по существу они — *духи,* свойства *воздуха или огня невещественного*[1], как свидетельствует Писание: *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[2]. По сей причине они и зависят от места и бывают видимы, являясь достойным этого в собственном *виде, в телах своих* (σωμάτων). Но освящение, которое не принадлежит их естеству, доставляется им чрез приобщение Святому Духу. Сохраняют они свое достоинство пребыванием в добре, имея, впрочем, свободное произволение избирать добро или зло, но никогда не испадая из общения с истинным добром. Если б отъято было от них действие Духа, то погибли бы лики Ангелов, ниспали бы чиноначалия Архангелов, и все (множество духов) пришло бы в беспорядок: жизнь их уже не подчинялась бы никакому закону, никакому порядку, никакому правилу. Каким образом говорят Ангелы: *слава в вышних Богу?* — не иначе, как получив власть от Святого Духа, потому что *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым,* и *никтоже, Духом Божиим глаголяй, речет анафема Иисуса*[3], что, конечно, сказали лукавые и враждебные духи, которых падение доказывает сказанное нами, что *невидимые Силы* имеют свое произволение, равно способное обращаться к добродетели и порокам»[4].— «Веруем, что Небесные Силы, каждое существо, определяются местом. Ангел, который предстоял Корнилию, не предстоял в то же время Филиппу[5]; тот, кто говорил с Захариею близ олтаря[6], не находился в то же время на том стоянии, которое он занимал на небе. Но о Духе Святом мы веруем, что Он действовал в одно время, действовал и в Аввакуме, находившемся в Иудеи, и в Данииле, находившемся в Вавилоне, осенял и Иеремию в подземной темнице Иерусалима, и Иезекииля на реке Ховар в Халдее: *яко Дух Господень испол-*

---

[1] Невещественным названо здесь, по пониманию древних Отцов, не имеющее грубой плоти. Под именем воздуха или огня должно разуметь теплород, газы или эфир. Газами называем тела, принадлежащие земле, в их утонченнейшем виде, а эфиром собрание газов, еще более тонких, нам не известных, наполняющих пространство, превысшее земной атмосферы. В природе нет пустоты. Natura horret vacuum, — сказал знаменитый Галилей. ‖ [2] *Ты творишь Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий* (Пс. 103. 4). ‖ [3] *...никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым... никто говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса* (1 Кор. 12. 3). ‖ [4] Книга о Святом Духе. Patrologiae Graecae tom. IV. P. 138. ‖ [5] Деян. 10. 3, 8, 26. ‖ [6] Лк. 1. 11.

ни вселенную[1], и *камо пойду от Духа и от лица Твоего камо бежу*[2]. И Пророк: *Аз с вами есмь, Господь Вседержитель, и Дух Мой настоит посреде вас*[3]. Какое естество должно признавать в Том, Который находится повсюду и есть едино с Богом? Такое ли, которое все объемлет или которое определяется известными местами, каково естество Ангелов, как явствует из сказанного?»[4] — В Беседе на псалом 33-й Святой говорит: «Я объясню тебе страх спасительный, страх, которым доставляется святость, страх, который является в душе от научения, а не от впечатлений извне. Когда увидишь, что ты влечешься к какому-либо греху, тогда, умоляю тебя, помысли о Страшном и невыносимом судилище Христовом, при котором Судия восседает на высоком и превознесенном престоле, и вся тварь предстоит Ему в трепете, производимом славою Его явления. Каждый из нас — это непременно последует — будет приведен пред Него и деятельность жизни каждого из нас подвергнется рассмотрению. После этого к тем, которые совершили во время жизни много зла, приступят некие страшные, угрюмые ангелы, *испущающие огнь из очей своих, огнем дышащие, лицом подобные ночи, по выражению им* жестокости и ненависти к человекам. После этого вообрази себе глубокую пропасть, непроницаемую тьму, огнь, лишенный сияния, имеющий силу жечь во мраке; далее: особенную породу червей ядовитых и плотоядных, едящих ненасытно и никогда не наедающихся досыта, производящих угрызениями нестерпимые болезни; наконец наказание, тягчайшее всех, проклятие и отвержение вечные. Этого страшись! научаемый этим страхом, удерживай как бы уздою твою душу от нечистых вожделений»[5]. — О естестве диавола Василий говорит, что «оно — *бесплотное,* по словам Апостола: *несть наша брань к крови и плоти, но к духовом злобы...*[6] Место начальства его (диавола) — воздух, как тот же Апостол сказал: *по князю власти воздушныя*»[7]. Далее в этом же слове святой Василий говорит, что *полчища демонов,* подчиненных князю их, пребывают *в воздухе,* что под словом *воздух* надо разуметь все пространство между небом и землею[8]. — «Демоны, как преданные сластолюбию и страстям, в значительной степени наслаждаются

[1] *Дух Господа наполняет вселенную* (Прем. 1. 7). ‖ [2] *Куда пойду от Духа... и от лица Твоего куда убегу* (Пс. 138. 7). ‖ [3] *...Я с вами... Господь Саваоф... дух Мой пребывает среди вас* (Агг. 2. 4–6). ‖ [4] Книга о Святом Духе. Patrologiae Graecae, omnia opera Sancti Basilii. Tom. IV. P. 167, 170. ‖ [5] Беседа на псалом 33, ст. 12. — Patrologiae Graecae tom. XXIX. ‖ [6] *...наша брань не против крови и плоти, но... против духов злобы* (Еф. 6. 12). ‖ [7] *...по воле князя, господствующего в воздухе* (Еф. 2. 2). ‖ [8] Беседа о том, что Бог не есть причина зол.

и питаются жертвами. В то время как сожигаются жертвы, кровь превращается чрез горение в испарения и, разложившись таким образом на тонкие части, переходит в состояние, соответственное естеству демонов. Все, конечно, они питаются испарениями, не так, чтоб они их ели или наполняли ими чрево, но подобно некоторым животным, устрицам и прочим этого рода, которые принимают пищу всем существом своим. По этой причине демоны с жадностию пожирают газы, происходящие от горения жертв, и втягивают в себя дым курящегося ладана как вещества, приспособленные им в пищу. Может быть, в животных находится некоторое естественное сродство с *телами демонов* (τῶν δαιμονικῶν σωμάτων)[1]. — *Возрыдайте, изваянная во Иерусалиме и в Самарии: якоже бо сотворих Самарии и рукотворенным ея, тако сотворю и Иерусалиму и кумиром его*[2]. Каким образом восплачут *изваяния*, сделанные из дерева, камня или другого какого-либо вещества и получившие от художника образ и вид человеков или бессловесных животных, четвероногих, или птиц, или пресмыкающихся, каковы были статуи и изваяния египтян? Рыдание есть голос печали, которая звуком этого рода выражает болезнь сердца. Каким же образом возрыдают *изваянные?* Совершается это так: обрубкам древа, которым руками человеческими дан образ и вид, или камням, или также золоту и серебру, или слоновой кости и вообще всем идолам, сделаны ли они из драгоценного или дешевого вещества, всем идолам, которым язычники воздают поклонение, невидимо сожительствуют и соприсутствуют некоторые демоны, находящие наслаждение в нечистых жертвах. Близ мясных лавок, там, куда выбрасывается испортившаяся и запекшаяся кровь, пребывают псы (собаки), лакомые до этого рода пищи: подобно этому и демоны, порабощенные объядению, жадно ищущие наслаждения запахом и разложением крови жертвоприношений, летают вокруг жертвенников статуй, им посвященных. Может быть, даже питаются этим *их тела* (σώματα), состоящие из воздуха или огня, или из смешения обеих этих стихий. Ясно вынаруживается власть демонов над статуями, им посвященными, повестию, которую читаем в Книге Царств. *Взяша иноплеменницы кивот Господень и внесоша его в храм Дагонов, и поставиша его близ Дагона. И обутреневаша Азотяне наутрие*

[1] Comment. in Isaiam, cap. I. Tom. II. P. 165–168. || [2] Ср.: *Так как рука моя овладела царствами идольскими, в которых кумиров более, нежели в Иерусалиме и Самарии, то не сделаю ли того же с Иерусалимом и изваяниями его, что сделал с Самариею и идолами ее* (Ис. 10. 10, 11).

и се, Дагон паде на землю на лице свое[1]. Изваяние, видимое для всех, был Дагон; упавший же на лицо свое был демон, ниспровергнутый славою, окружавшею кивот Божий: он-то (демон) и пал на лицо свое, а с собою ниспроверг и опрокинул видимую вещь. По этой причине употребляющие в пищу идоложертвенное признаются причастниками трапезы демонов[2]. Когда приносится жертва идолу, то некоторая часть ее назначается присутствующему тут демону, так как демоны усвоивают себе некоторую часть и от крови, обращающейся в воздух (в газ), и от курящегося тука, и из прочих жертвоприношений. И потому тот, кто пьет из чаши возлияния, употребляемого при жертвоприношении, пьет из чаши *бесовстей*[3]. По этой причине возрыдают изваяния, то есть демоны, которые обозначаются одним именем с изваяниями. Когда предвозвещается, что Господь *приидет во Египет, и потрясутся рукотворенная* (идолы) Египта *от лица Его, и сердца их разслабеют в них*[4], то это изречение имеет тот же смысл, какой имеют вышеприведенные изречения: потому что демоны, жительствовавшие в этой стране, были изгнаны и сокрушились и, когда пришел Господь, посланы были в принадлежащее им место, в бездну. По этой причине *проклят человек, иже сотворит изваяние и слияние, дело рук художника, и положит е в сокровении*[5]; стяжав изваяние, человек стяжавает себе злое сокровище, то есть демона, соприсутствующего изваянию, а посредством демона навлекают на себя проклятие и домашнее и общественное»[6].

Не лишним будет заметить, что Василий Великий изображает отношение демонов к газам, происходящим от разложения жертв, вполне сходственно с описанием этого отношения в Божественном Писании[7]. Также согласно с Божественным Писанием он видит сходство в свойствах демонов с плотскими свойствами бессловесных животных. Туда ниспали эти духи! Утратив безвозвратно все стремления, для которых созданы Богом разумные существа, они стяжали неестественные им стремления скотские и зверские. Сохранив разум, демоны при посредстве его развили в себе необычайно

---

[1] *И взяли Филистимляне ковчег Божий, и внесли его в храм Дагона, и поставили его подле Дагона. И встали Азотяне рано на другой день, и вот, Дагон лежит лицом своим к земле* (1 Цар. 5. 2, 3). ‖ [2] 1 Кор. 10. 21. ‖ [3] 1 Кор. 10. 21. ‖ [4] *...грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идолы Египетские, и сердце Египта растает в нем* (Ис. 19. 1). ‖ [5] *«Проклят, кто сделает изваянный или литой кумир... произведение рук художника, и поставит его в тайном месте!»* (Втор. 27. 15). ‖ [6] Comment. in Isaiam Pr. Cap. X. Tom II. P. 531–534. ‖ [7] Тов. 6. 17, 18; 8. 2, 3.

эти стремления, — и называет Писание диавола *мудрейшим всех зверей, сущих на земли*[1].

Некоторых латинских ученых, рассматривающих Отеческие писания из своего самомнения, из учености по букве, из учености односторонней и недостаточной, из слепоты своей, чуждых духа Отцов и истинного разумения их, возмутило мнение святого Василия Великого о духах, встречающееся в разных местах его сочинений. Они покусились утверждать, что эти места не принадлежат Василию, приписали их, с дикой улыбкой невежественной иронии, воображению поэта-язычника. Но другие из них же доказали, что эта легкомысленная попытка не имеет никакого основания, что заподозренные места принадлежат именно Василию, что места тождественного значения встречаются и у святого Григория Богослова[2].

Святой Григорий Богослов в Слове на Святую Пасху говорит: «Благость Божия не удовлетворилась созерцанием Самой Себя: долженствовало ей излить и распространить благо, чтоб многие соделались причастниками благости, а это свойственно величайшей благости. Она, во-первых, измыслила Ангелов и небесных духов. Мысль была делом, которое производилось Словом, совершалось Духом. Таким образом сотворены вторые светы, служебные первому Свету. Надлежит признавать их духом (движущимся воздухом, ветром), одаренным умственною способностию (силою словесности), или огнем невещественным и бестелесным, или какою другою природою, близко подходящею к сказанному»[3]. Мы называем духом ум, мысль и чувства души, происходящие от ума; но святой Григорий под словом дух и огонь, как ясно видно, понимает, по общему пониманию древних, вещество в состоянии газов, а не в грубом состоянии, которое одно называлось телесным и вещественным. Такое мнение Богослова о духах объясняется и другими местами его сочинений. Употребляя для определения естества духов те же выражения, которые употреблены другом его Василием Великим, Григорий основывает свое определение на том же изречении Писания, на котором основывается и Василий. «Бог, как предает нам Священное Писание, — говорит Богослов, — сотворил *Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[4]. Ангел называется и духом и огнем... Несомненно, по отношению к нам они бесплотны или

---

[1] *...хитрее всех зверей полевых* (Быт. 3. 1). ‖ [2] Patrologiae Graecae tom. XXIX. Vita sancti Basilii. P. 169. ‖ [3] Oratio XXXXV, in Sanctum Pascha. Omnia opera Sancti Gregorii. Tom. II. P. 629, 630. ‖ [4] *...Ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий* (Пс. 103. 4).

близки к тому... Непрестающим ликом песнопевцев они окружают первоначальную Причину или приносят нечто большее, по способности к тому, нежели песненное славословие, осияваясь чистейшим светом, разнообразно озаряясь им соответственно или естеству своему или чиноначалию... Будучи служителями[1] воли Божией, не только по естественной способности, но и по обилию благодати, они переносятся на все места, и всем соприсутствуют повсюду, как по быстрому исполнению служения, так и по *легости естества*»[2]. Здесь изображено определение духов, заимствованное из Священного Писания, которое называет в этом случае духом газообразное вещество; здесь изображается отношение духов не только к месту, но и ко времени, так как на перемещение с места на место требуется время; наконец, здесь быстрота движения Ангелов приписывается их естественной легости, а *легость, как степень тяжести, есть свойство вещества.* В Слове на Богоявление Богослов повторяет то же учение о Ангелах. Он называет их *разумными* духами, или огнем невещественным и бесплотным, или же какого другого естества, близко подходящего к этому[3]. Очевидно, что здесь указывается на газообразное вещество, которое древним было неизвестно. Почему Ангелы названы духами, одаренными разумом? Потому что древние, на основании Писания и общего понятия, признавали духом ветер, воздух и вообще всякое вещество, не имеющее грубого тела и не подверженное чувству зрения. Почему Ангелы названы огнем невещественным? Потому что древние, не зная о существовании теплорода, называли огнем видимое пламя; очень недавно поняли, что пламя есть только *явление* при соединении вещества с теплородом. Почему Богослов говорит, что естество Ангелов, если не дух и не огонь, то близко подходит к этому? Потому что существование газов не было известно и более точное выражение не было возможным. Что, как не газы, близко подходит к движущемуся воздуху и к огню невидимому? И мы можем сказать немного более! Нам, в обыкновенном состоянии нашем, не известно ни одно животное газообразное. Зная газы, принадлежащие земле, и умозаключая о существовании эфира или собрания газов, не принадлежащих земле, мы можем только сказать, что Ангелы принадлежат к природе эфирной или газовой. И газы и эфир мы признаем, по современному состоянию науки, веществом; древние признавали их духами, как и теперь по общему употреблению газы, имеющие запах, называются духами. На иностранных языках словом дух (spiritus, спирт)

---

[1] Евр. 1. 14. *Служебнии дуси, в служение посылаеми.* || [2] Oratio Theologica II. Cap. XXX. Tom. II. P. 71, 72. || [3] Oratio XXXVIII. Tom. II. P. 319, 318.

обозначаются некоторые жидкие тела. — Чтоб выяснить по возможности удовлетворительно понимание духов Григорием Богословом, присовокупляем еще следующую выписку о том, каким образом римский император Иулиан Богоотступник[1] вступил в открытое общение с демонами: «Нисходил он (Иулиан) в некоторую пещеру, всем неприступную и страшную (о, когда бы нисшел он в преисподнюю прежде, нежели низвергся в толикие злодеяния!), имея спутником того, который достоин был многих темниц, то есть человека искусного в этих делах и опытного, правильнее же лжефилософа и обманщика. У них есть между прочим род волхвования, в котором они совещаются о будущем с подземными демонами в мрачных пещерах, или потому, что им приятнее темнота, или потому, что они сами — тьма и делатели дел темных, или же потому, что убегают общества и присутствия благочестивых человеков, от чего ослабляется сила их. Когда великий муж[2] углублялся в пещеру, то начали встречать его ужасные привидения и постепенно становиться многочисленнее и сильнее; говорят, что он услышал необычные звуки, отвратительный запах, увидел огненные страшилища и не знаю еще какую пустошь и сумасбродство. Он, встревоженный новостию обстановки, как новый в этом деле, прибегнул к древнему врачевству, к кресту, ознаменовал себя им в ограждение от ужасов, приняв себе в защитника Того, Кого он преследовал. Следующее — еще ужаснее. Знамение креста оказало свою силу: пали демоны, прогнаны страшилища. Что за этим? Отдохнул нечестивец, — снова ободряется, снова пытается проникнуть далее в пещеру, снова являются страшилища, снова прибегает к крестному знамению, снова обуздываются демоны. Ищет совета у своего руководителя недоумевающий ученик: предстоятель этих таин, шедший возле его, злохитро перетолковывает истину. “Мы были мерзостны для них, а не страшны, — сказал он, — преодолело худшее”. Такие слова произнес он, и такими словами убедил; убежденного ученика он повел в глубину вертепа. Этому не должно удивляться. Нечестивый скорее и удобнее последует злу, нежели преклоняется к добру. Что он говорил или делал после этого, или какими обманами был обольщен, прежде нежели вышел из

[1] Юлиан Флавий Клавдий — римский император (361–363), известный под именем «Отступник». Был племянником Константина Великого. Воспитывался под руководством арианского епископа Евсевия. Но на Юлиана большее влияние оказывали поклонники эллинской культуры, потому постепенно он стал на сторону противников христианства, хотя долгое время открыто не высказывал своих взглядов. Став императором, Юлиан на стороне язычества повел борьбу с христианством. — *Ред.* || [2] Так назван иронически Иулиан.

пещеры, то знают те, которые частию вводят других в эти таинства, частию сами вводятся. Он вышел исступленным, достаточно выражая ярым взором и всем существом своим, кому он воздал божеское поклонение. Но он, не с того самого дня, в который впустил в душу свою толикое нечестие, был преисполнен демонами. Правда — тогда это открылось явно. Не напрасно сходил он в пещеру: там вступил он в общение с демонами. Это состояние они называют энтузиазмом, прикрываясь честными и великолепными наименованиями»[1]. — В Похвале святому Киприану Богослов говорит: «Что удивительного, если он (диавол), при посредстве Киприана, напал на святую душу и на тело непорочное?[2] Сам Киприан действовал на нее, и употребил посредником (деятелем) не какую-либо старую женщину, способную для таких дел, но некоторого демона, любителя тел и плотских похотений. Мятежные и враждебные власти охотно и поспешно исполняют таковые служения, ища умножить число участников своей погибели. Такого сводничества наградою были жертвы и возлияния, приведенные в утонченный вид, и в испарениях от крови и жертвоприношений приспособленные к демону»[3].

Чтоб правильно понимать и объяснять Отцов, писавших при содействии Божественной благодати и при пособии аскетических опытов, нужно содействие и этих опытов и благодати. Просвещенные благодатию, Отцы уклонились от многих понятий, особливо в отношении существенного, которое представляла им современная младенчествовавшая наука о веществе. Они произнесли мнения, которые наука при новейшем необычайном развитии своем находит самыми верными, как то видно на всем пространстве Шестоднева Василия Великого. Святой Каллист Катафигиот, просвещенный подвигом умной молитвы, даже не остановился сказать, что один Бог есть существо собственно простое[4]. Принимающиеся судить о веществе, не имея о нем основательных познаний, приводятся посредством неправильного суждения к неправильным заключениям. Такие господа с величайшею уверенностию провозглашают о мире видимом и невидимом, полагая, что такое понятие есть неопровержимая аксиома, никак не понимая, что это разделение — вполне относительное, что в сущности нет его. Что значит мир видимый? Это тот, который мы видим. Что — мир

[1] Oratio contra Iulianum I. Cap. 55, 56. Tom. I. P. 577–580. || [2] Здесь говорится о нападении на святую деву Иустину блудного беса, которого послал Киприан, будучи еще язычником и волхвом. || [3] Tom I. Oratio XXIV. Cap. IX и X. P. 1179, 1180. || [4] Добротолюбие. Ч. 4, гл. 9.

невидимый? Это тот, который мы не видим. Христианство, изучаемое по завещанию Спасителя путем всежизненного аскетизма, приводит к познанию, что чувства наши извращены падением, подвержены переменчивостью, и потому никак не могут служить нормою для упомянутого разделения; оно никак не может быть правильным. Наука приходит к подтверждению этого понятия, распространяя различными механическими средствами область нашего зрения и соделывая посредством увеличительных стекол, телескопов и микроскопов многое невидимое видимым. При таком понятии о мирах видимом и невидимом непременно должно измениться понятие о веществе. Оно и изменилось при современных успехах химии: многое, казавшееся невещественным, оказалось вещественным. Очевидно, что вещество простирается за пределы наших чувств на неизмеримый объем в бесчисленных, неизвестных нам формах, под управлением законов, недоступных для постижения нашего. Наука приводит к этой великолепной идее, к этой величественной истине, при которой открывается для ума обширнейшее, священное созерцание, при которой созерцается с особенною ясностию и правильностию в таинственной картине видимого мира наше ничтожество и величие Творца — Бога.

Святой Афанасий Великий следует тому же учению о духах, какое изображено Василием Великим. Подобно Василию Великому он говорит, что духи имеют *тонкие и легкие тела,* что, имея такие *тела,* быстро переносятся с места на место, что место жительства демонов есть воздушное пространство, что вид у демонов страшный, как у разбойников, а у святых Ангелов — самый приятный. Святой Афанасий составил жизнеописание преподобного Антония Великого, с которым он был знаком лично и находился в дружеском отношении о Господе. В этом жизнеописании Преподобного Святитель Александрийский передает очень пространное поучение Преподобного о духах и разные искушения, которые он претерпел от них[1]. Мысли принадлежат Антонию, — изложение принадлежит Афанасию. Но мысли Преподобного Святитель усвоил себе и повторяет многие из них на всем пространстве своих сочинений уже от лица своего. Святой Афанасий называет Ангелов бесплотными по сравнению с человеками[2]. Благ, говорит он, Сам по Себе един Бог; Ангелы — благи по причастию Божественной благодати[3]. Они — существа живые, разумные, бесплотные (ἄυλος),

---

[1] Patrologiae Graecae, s. Athanasii. Tom. II. Vita s. Antonii. P. 873–908. || [2] Disputatio contra Arium. Cap. II. Tom. IV. Omnia opera S. Athanasii Mag. || [3] De sancta Ttinitatae dialogues I. Cap. XII. Tom. IV.

способные к песнопению, бессмертные[1]. Естество демонов нисколько не отличается от естества Ангелов; они различаются усвоенным произволением подобно тому, как у праведного человека — одно направление духа, а у грешника другое[2]. Говоря о книге Товита и причисляя ее к каноническим книгам Священного Писания, святой Афанасий упоминает о демоне Асмодее, который любил Сарру, дочь Рагуила, и убивал мужей ее; приводит слова Архангела Рафаила, сопутствовавшего Товии в образе человека, что печень и сердце рыбы, будучи возжжены, прогонят демона. Прогнанный этим курением, демон был связан Ангелом в верхних частях Египта[3].

«Диавол, враг нашего рода, ниспавши с неба, блуждает в пространстве этого нижнего воздуха, где, начальствуя над другими демонами, как над сделавшимися непокорством и гордостию подобными ему, при содействии их, обольщает человеков привидениями и старается воспрепятствовать тем, которые стремятся горе, о чем Апостол говорит: *по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления*[4]. Господь нисшел с неба, чтоб низложить диавола, очистить воздух и открыть нам путь к небу *завесою, сиречь плотию Своею*[5]. Если это долженствовало совершиться при посредстве смерти, то какою иною смертию, скажи мне, могло это привестись в исполнение, как не тою, которую понес Господь на кресте в воздухе? Умирает в воздухе только тот, кто полагает душу на кресте. По этой причине Господь понес такую смерть согласно требованию нужды. Таким образом вознесенный вверх, Он очистил воздух от козней диавола и всех демонов, что и засвидетельствовал Он следующими словами: *Видех сатану яко молнию с небесе спадша*[6]».

«Когда оракулы Греции и всего мира прекратились и умолкли, как не по пришествии Спасителя на землю? Когда начали понимать, что боги и герои поэтов — человеки, и по этой причине презирать их, как не после победы Господа над смертию, причем Он принятое Им тело воскресил из мертвых и сохранил нетленным? Когда оказались удобопрезренными лукавство и ярость демонов, как не по явлении на земле Слова, Божией Силы, Господа всего и их, умилосердившегося над немощию человеков? Когда

---

[1] De communii essentia Patr. et Fil. et Sp. S. quaestio LI. Tom. IV. || [2] Quaestiones ad Antiochum, quaestio VII. Tom. IV. || [3] Synopsis Scripturae Sacrae. P. 371–372. Tom. IV. || [4] *...по воле князя, господствующего в воздухе духа, действующего ныне в сынах противления* (Еф. 2. 2). || [5] *...завесу, то есть плоть Свою* (Евр. 10. 20). || [6] *...Я видел сатану, спадшего с неба* (Лк. 10. 18). — Oratio de incarnatione Verbi. Tom. I. P. 139, 140.

искусство и училища волхвов попраны, как не после пришествия к человекам Божественного Слова? Наконец — когда мудрость язычников соделалась глупостию? — После того, как истинная Божия премудрость открыла Сама Себя на земле... Прежде вселенная была преисполнена обманами оракулов и ложными понятиями человеков. Предметом удивления для всех были оракулы Дельф, Додоны, Виотии, Ликии, Египта и Кавир, равно как и Пифии; но ныне, когда повсюду проповедуется Христос, совершенно прекратилось их неистовство, и нигде между ними уже не обретается пророка. Прежде демоны вводили в заблуждение умы человеков различными привидениями, пребывая в источниках и реках, в древах и камнях[1], и невежественных смертных устрашали призраками. Эти кознодейства увяли по пришествии Божественного Слова»[2].

«*Супостат* наш диавол[3], завидуя великим благам, которые мы должны получить, ходит вокруг нас и тщательно наблюдает, чтоб похитить семена Слова, находящиеся в нас. По этой причине Господь, предостережением запечатлевая в нас Свои заповеди как собственное сокровище, говорит: *Блюдите, да не прельщени будете: мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще, яко Аз есмь: и время приближися. Не изыдите убо вслед их*[4]. Без сомнения, нечто великое предоставлено нам Словом: нам предоставлено избегать обмана, который мог бы быть произведен *наружным видом* представляющихся предметов, и мы действием благодати Духа можем правильно судить об этих предметах, несмотря на то что они прикрыты и замаскированы. Если бы великий демон, диавол, изобретатель злобы, достойный сам по себе всякой ненависти, тотчас открывал себя, то каждый отгонял бы его, как змея, как дракона, как льва, идущего похитить и пожрать кого только можно. По этой причине он прячется и прикрывает себя, лукаво присвоивает себе имя, вожделенное для всех человеков, чтоб обмануть человеков ложною наружностию и уже обманутых заковать в свои цепи. Как кто-либо, желающий увлечь чужих детей в рабство себе, принимает в отсутствие родителей их подобие этих родителей, при посредстве этой хитрости обманув горящих любовию к родителям сынов, уводит их далеко и погубляет несчастных, так и нечестивый демон, извивистый и лукавый диавол, не дерзает показываться кому-либо таким, каким он есть: зная же, сколько человеки любят истину, при-

[1] Подобно тому как ныне пребывают в столах. || [2] Oratio de incarnatione Verbi. Tom. I. P. 177–180. || [3] 1 Пет. 5. 8. || [4] *...берегитесь, чтобы вас не ввели в заблуждение, ибо многие придут под именем Моим, говоря, что это Я; и это время близко: не ходите вслед их* (Лк. 21. 8).

нимает на себя личину правды и этим средством изливает яд свой в последователей своих.

Так обманул он некогда Еву, говоря ей не свои слова, но притворяясь повторять слова Бога и извращая их смысл[1]. Так обольстил он супругу Иова, научил ее излишеству любви к мужу, а отсюда хуле на Бога[2]. Так обольстил и обманул он всех людей, извращая наружный вид предметов, и всех похитил и увлек в пропасть зла, собственно принадлежащего ему. После того как он обольстил первого человека и посредством этого пришел к сознанию, что содержит в своей власти и в своем подданстве весь род человеческий, — произнес жестокое и надменное наругание над ними в следующих словах: *вселенную всю обиму рукою моею яко гнездо, и яко оставленая яица возму: и несть, иже убежит мене, или противу мне речет*[3]. Когда же пришел Господь, когда враг узнал из опыта Его домостроительство и не мог обмануть плоть, в которую облекся Христос, тогда гордец, хвалившийся, что обхватит вселенную, соделался, при посредстве Христа, игралищем даже для детей, наподобие воробья. Ныне *отроча младо на ложе изчадий аспидских руку возложит*[4], насмехается тому, кто обманул Еву, и все, право верующие в Господа, попирают того, который сказал: *Взыду выше облак, буду подобен Вышнему*[5]. Не без стыда выносит он это; но, по могущественной дерзости своей, он покушается изменять вид свой. Несмотря на это, не может он, несчастный, укрыться от тех, которые знаменуются крестным знамением на челе своем: тем жесточе отгоняется он ими, с великим бесчестием и срамом для себя. Хотя он ныне, подобно пресмыкающемуся змею, облекается притворно в образ светлого ангела, но такое притворство не может принести ему никакой пользы: мы научены, что хотя бы Ангел с неба благовестил нам более преданного, то и он подлежит анафеме.

Опять если он захочет прикрыть свойственную ему лживость и притворяется устами произносить правду, то мы не знаем его цели в этом действии и по справедливости отвергаем его словами, заимствованными у Святого Духа: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя?*[6] *Не красна похвала во устех грешника*[7]. Лукавый, если б и правду говорил, не заслуживает вероятия, как научает этому Писание, поведая о коварстве, которое он употребил против

[1] Быт. 3. 1. ‖ [2] Иов. 2. 9, 10. ‖ [3] Ср.: «*...и рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю, и никто не пошевелил крылом, и не открыл рта, и не пискнул*» (Ис. 10. 14). ‖ [4] *...дитя протянет руку свою на гнездо змеи* (Ис. 11. 8). ‖ [5] «*...взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему*» (Ис. 14. 14). ‖ [6] *Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои?..»* (Пс. 49. 16.) ‖ [7] *Неприятна похвала в устах грешника* (Сир. 15. 9).

Евы. Дерзость его обуздал Господь: во-первых, в горе, где обличил многообразную злохитрость его, показал, что он — состаревшийся в лукавстве, назвав его не кем-либо из святых, но сатаною. *Иди за Мною, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши*[1]. Во-вторых, он повелел демонам молчать, когда они вопияли из одержимых ими. Воплем своим они провозглашали правду; они не лгали, когда говорили: *Иисусе Сыне Божий* и *Святый Божий*[2]. Господь не благоволил, чтоб истина проповедывалась нечистыми устами, особливо же устами демонов, чтоб они, воспользовавшись этим случаем, не примешали, по злому произволению, чего-либо своего и не насеяли его *спящим человеком*[3]. По этой причине Он не потерпел, чтоб они говорили, и нам не дозволил попускать им это, сделав Сам наставление в следующих словах: *Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы*[4]; а чрез святых Апостолов: *не всякому духу веруйте*»[5]. Очевидно, что изложенные здесь мысли тождественны с мыслями, которые читаем в Поучении Антония Великого. Находящееся в этом поучении мнение, что сотворенные духи имеют легкие тела, без сомнения принадлежит не только Антонию, но и Афанасию; в противном случае Святитель не преминул бы оговорить его. Вещественность сотворенных духов явствует из описания тех искушений, которые понес от них Антоний Великий. Как эти искушения помещены в житии Антония Великого в Четьих-Минеях[6], то мы здесь и не выписываем их. Подобные искушения претерпели многие отшельники и пустынножители.

Святой Епифаний Кипрский, скончавшийся на корабле, плывя из Константинополя в Кипр, так говорил ученикам своим в предсмертной прощальной беседе: «Чада мои! если вы любите меня, то сохраните мои заповеди, и любовь Божия пребудет с вами. Вы знаете, чрез какие скорби я прошел в жизни моей! Скорби эти я не вменял в скорби, но, подвергаясь им, всегда пребывал радостным по причине упования на Бога, и Бог никогда не оставлял меня, но Сам охранял от всяких козней лукавого. *Любящим Бога вся поспешествуют во благое*[7]. Однажды, возлюбленные чада мои, когда я находился в пустынном месте и приносил молитвы Христу, чтоб

---

[1] *...отойди от Мня, сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»* (Мф. 4. 10). ‖ [2] *...Иисус, Сын Божий* и *Святой Божий* (Мф. 8. 29; Мк. 1. 24). ‖ [3] Ср.: *...когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел* (Мф. 13. 25). ‖ [4] *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Мф. 7. 15). ‖ [5] *...не всякому духу верьте* (1 Ин. 4. 1). — Epistola ad Episcopos Aegypti et Libiae. Tom. I. P. 539–544. ‖ [6] 17 января. ‖ [7] *...любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8. 28).

Он избавил меня от всех козней сопротивника, — напало на меня множество демонов. Они ударили меня о землю и, схватив за ноги, влачили по земле. Некоторые из них били меня. Так поступали они со мною в течение десяти дней. После этого я уже не видел демонов *в собственном их виде* во все дни жизни моей; но они чрез людей изливали на меня свою злобу»[1].

Древние Отцы, как мы видели из цитаты святого Кирилла Иерусалимского, согласно с Священным Писанием и по общему употреблению, называли духом воздух, ветер, словом все, что не имеет дебелого тела. Для доставления возлюбленным братиям самого удовлетворительного понятия о мнении древних Отцов о духах предлагаем здесь учение святого Афанасия Великого о теле и душе человеческих. «Известно, — говорит Святитель, — что тело заимствует состав свой от стихий; равным образом от них зависит и разрушение его. По этой причине тела, как человеков, так и прочих животных, удобно умирают, будучи составлены из четырех стихий, именно из земли, солнца, воды и воздуха. Стихии эти и сами не свободны от обветшания и порчи: таким же образом не свободны от них и тела, так как все тела сделаны из земли. Напротив того, вещества простые, несложные удобно сохраняются и пребывают до окончания неразрушенными. Таковы солнце, человеческая душа, свет, светила, воздух, вода, огонь, дух, словом — все простое». О душе же говорит следующее: «В ней находится пять страстей, называемых душевными. Они суть гнев, печаль, страх, попечительность, зависть. Кто стяжал трезвение ума, тот может властвовать над этими страстями. Собственно душа, по существу своему, есть *как бы огонь горящий*. Как огонь сваривает то, что будет положено в кастрюлю, таким образом и огненная душа переваривает и истребляет пищу, вложенную в чрево. Хотя она и называется ψυχή (душа), но называется так не потому, чтоб была ψυχρά, то есть *холодная*, как думают некоторые из простейших. Явствуют в ней сила и действие солнца из того, что она иссушает сырое силою теплоты своей. Солнце, будучи огненным и жарким, иссушает болотные места и что бы то ни было наполненное сырости разрешает испарениями. Что душа по естеству своему тепла, в этом несомненно и опытно уверят тебя мертвые, потому что в тот час, когда отделится душа от тела, все члены объемлются холодом, ни сколько не менее, как и от действия мороза. Доколе душа принимает пищу в изобилии, дотоле тело находится в силе и бодро; когда же лишится питания, тогда самое тело

[1] Opera omnia S. Epiphanii. Tom. I. Vita ejus. P. 107, 108.

служит вместо пищи теплоте души. Как медный сосуд или кастрюля в затопленной печке, не наполненные водою, не могут выносить силы огня, потому что они сожигаются и совершенно разрушаются, таким же образом и сосуд телесный, если подвергнется недостатку в питании, непременно разрушится, будучи приведен в совершенное расслабление огненною душою. Если желаешь научиться от кого, каким образом душа пребывает в теле, то вопроси его так: "Скажи мне, во всем ли теле обитает душа человека или в какой-нибудь части тела?" Если он скажет тебе: "Во всем теле", — отвечай ему: "Отчего же, когда отсекут руку или ногу человека, не рассекается душа, но человек продолжает жить, не умирает?" Если же скажет: "В одном месте", — то отвечай ему: "Каким же образом существуют все прочие члены? потому что все, что лишено души, — мертво, и я не знаю, что ты хочешь сказать. Но я объявлю тебе, в каком месте, по какой причине и где пребывает душа. Положительно присутствует она в трех местах тела. Как луч солнца вступает и входит в дом всегда в одном месте и освещает весь дом, так и душа, обитая в трех частях тела, освещает весь дом тела. Именно обитает она в сердце, в высшей части головы и в царских жилах. В этих трех частях живет душа. По этой причине в тот час, как поразится голова или сердце, или когда вытечет кровь в большем количестве из царственной жилы, немедленно отлучается душа от тела, и тело соделывается мертвым. Душа, подлинно обитая в этих трех частях, разливает во все тело действие своей силы"»[1].

Мнение, изложенное святым Афанасием Великим, мужем просвещеннейшим своего времени, достойно особенного внимания. Достойно внимания оно по преимуществу в наше время, когда рационализм Декарта пал или исповедуется однеми отсталыми личностями, не знакомыми с настоящим развитием наук, объясняющим вещество. Из изложения, сделанного Афанасием о значении тела и души, явствует со всею очевидностию, что древние называли *простым*. Они называли простым то, что не было разложено на составные части, к разложению чего не имелось в виду никаких средств. Понятие и изображение словом понятия — очень естественные! Вода, воздух, дух, душа назывались простыми в одном и том же отношении. Появилась химия и извратила понятия о веществе, определив сложность в том, что признавалось простым, доказав вещественность в том, что признавалось невещественным, достигнув самым точным, математическим процессом познания, что все, кроме бесконечного, вещественно. Этим познанием наука

[1] Opera omnia Sancti Athanasii Magni. Tom. IV. P. 1431–1434.

сошлась в одно мнение с мнением Священного Писания и святых Отцов, которые отделяют существо Бога бесконечным расстоянием от всех сотворенных существ как по естеству, так и по свойствам. Все замысловатые предположения, весь великолепный бред философов, не знакомых с положительными науками, отвергается и низлагается в прах положительными науками[1]. Присутствие теплорода в душе, указываемое святым Афанасием, хотя не может быть принято в том виде, в котором оно находится в сочинении, будучи основано на современном состоянии познаний о веществе, но и не может быть признано странностию и нелепостию, как должны признать его декартисты. Все газы, нам известные, эти невидимые и тонкие тела, содержат в себе теплород. Афанасий признает, на основании известных ему опытов, присутствие души в трех главных отделах тела; во всех членах он признает действие души, отвергая присутствие ее. Новейшие опыты единогласно свидетельствуют, что душа присутствует во всех членах тела; но жизнь присутствует там, где указал святой Афанасий. Все человеки, без всякого исключения, лишившиеся рук или ног, чувствуют явственно присутствие этих членов, чувствуют способность действовать ими. Некоторые полагают, что это — игра нервов. Несправедливо! Нервы действуют только в теле; действовать вне тела они не имеют никакой возможности: это — ясно ощущаемые члены души, со способностию действия, которая остается без употребления, по причине соединения главных частей души с телом.

Святой Иоанн Златоуст: «Ты желаешь видеть Ангелов и вместе мучеников? Открой очи веры и смотри на это зрелище. Ибо если весь воздух наполнен Ангелами, тем более церковь. Что весь воздух наполнен Ангелами, услышь, что говорит Апостол, увещевая жен, чтоб они покрывали головы. *Сего ради,* говорит он, *должна есть жена власть имети на главе Ангел ради*[2]. Опять Иаков: *Ангел, иже мя избавляет от всех зол*[3]. И те, которые были в доме с Апостолами, говорили отроковице Роди: Ангел его есть[4]. И опять Иаков *виде полк Божий воополчившийся: и сретоша его Ангели Божии*[5]. Но для чего полк и множество Ангелов на земле? Как царь повелевает размещать своих

---

[1] Надо бы новейшим философам помнить слова отца языческой философии Платона, который отказывал вход в философию всем не знающим математики. Естественные науки, в настоящем положении их, входят в состав наук математических, принадлежа в значительной степени к прикладной математике. || [2] *Посему жена и должна иметь на голове своей* ***знак*** *власти* ***над нею****, для Ангелов* (1 Кор. 11. 10). || [3] *...ангел, избавляющий меня от всякого зла* (Быт. 48. 16). || [4] *...это Ангел его* (Деян. 12. 15). || [5] [*...увидел ополчение Божие ополчившееся.*] *И встретили его Ангелы Божии* (Быт. 32. 1).

воинов по всем городам, чтоб где-либо не наступила война, и они не подверглись неожиданному нападению, так и Бог противопоставляет полки Ангелов жестоким и свирепым демонам, врагам мира, которые непрестанно возбуждают брани в этом воздухе, чтоб Ангелы останавливали демонов, только что они покажутся, а для нас сохраняли постоянный мир. А чтоб ты научился, что Ангелы суть Ангелы мира, услышь, что диакон постоянно говорит в молитве: *Ангела мирна просим*»[1]. Святой Иоанн Златоуст, отвергая мнение тех, которые утверждали, что Ангелы совокуплялись с дщерями человеческими, называет Ангелов *бесплотными,* не имеющими способности к деторождению, основывает последнее мнение свое на словах Господа: *в воскресение бо ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть*[2]. Златоустый говорит, что каждый человек имеет своего Ангела; он доказывает свое мнение словами иерусалимских христиан: *Ангел его есть*[3]. В Беседе 53-й на евангелиста Матфея Златоустый говорит: «Заключенный тогда предается наибольшей скорби, когда выводят его пред судилище; тогда наиболее трепещет, когда приближается к месту истязания, когда он должен дать ответы. Подобно этому многие поведают о страшных видениях, представляющихся в это время (при смерти), которых зрелища умирающие не будучи в состоянии выносить, потрясают с великим усилием самый одр, на котором лежат, смотрят на предстоящих извращенными от страха глазами, когда душа мятется сама в себе, не хочет выйти из тела, не выносит *взора* приближающихся *Ангелов.* Если мы трепещем, когда смотрим на страшных людей, то какому подвергнемся страху, когда *увидим* сошедшихся *Ангелов и свирепые силы,* когда душа будет отторгаться от тела, напрасно и много рыдать?» В Слове о непостижимом Златоустый говорит: «И что говорю я об оном блаженном существе (Божества), когда человек не может *свободно видеть* даже *существа ангельского.* Чтоб вы поняли, что это так, приведу в пример друга Божия, который был наделен за его мудрость и праведность великим мужеством, о котором повествуется, что он сделал много славных дел, именно святого Даниила, чтоб никто не полагал, когда покажу, что он после явления ему Ангела впал в расслабление, лишился сил и изнемогал, что он подвергся этому по причине грехов и лукавой совести. После того как доказана крепость его духа, тем яснее доказывается немощь самого есте-

[1] Chrisostomi opera omnia. Tom. II. P. 443, 444. || [2] *...в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Мф. 22. 30). — На книгу Бытия Беседа 22. Быт. 6. 2; Мф. 22. 30. || [3] На Деяния Апостольские Беседа 26. Деян. 12. 15.

ства. Итак, этот Даниил постился в течение трех недель, не вкушал вожделенного хлеба; вино, мясо и сикера не входили в уста его, ниже употреблял он помазания: и тогда был сподоблен видения, когда *душа* его соделалась к такому созерцанию способнее, при посредстве поста легче и *духовнее*. Итак, что он говорит? *Возведох очи мои и видех, и се, муж един облечен в ризу льняну,* то есть в священную одежду, *и чресла его препоясана златом светлым. Тело же его аки фарсис, лице же его аки зрение молнии, очи же его аки свещы огнены, и мышцы его и голени аки зрак меди блещащияся, глас же словес его аки глас народа. И видех аз Даниил един явление, а мужие, иже со мною, не видеша явления, но ужас великий нападе на них, и отбегнуша во страсе. И не оста во мне крепость, и слава моя обратися в разсыпание*[1]. Что значит это: *слава моя обратися в разсыпание?* Прекрасен собою был юноша (Даниил): поелику же страх от присутствующего Ангела произвел то, что, по образу умирающих, изменился его наружный вид и увял естественный цвет лица, то он сказал: *слава моя обратися в разсыпание*. Что же Ангел? Поднял его и сказал: *Данииле, мужу желаний, разумей во словесех сих, яже аз глаголю к тебе, и стани на стоянии своем, яко ныне послан есмь к тебе*[2]. Он встал, объятый трепетом. И когда Ангел опять начал говорить с ним и сказал: *от перваго дне, в оньже подал еси сердце твое, еже разумети и трудитися пред Господем Богом твоим, услышана быша словеса твоя, аз же приидох во словесех твоих*[3], — Даниил снова упал на землю по подобию умирающих. Да услышат это те, которые по любопытству доискиваются видения Ангелов! Даниил, пред которым почтительны были взоры львов, Даниил, который мог в теле человеческом делать то, что превышает человека, не перенес присутствия сослужителя, но лежал без чувств. *Обратися утроба моя, в видении* моем, *и не имех силы и дыхание не оста во мне*»[4]. В толковании на 41-й псалом Златоуст говорит: «Сколько *демонов* носится в этом

---

[1] *...и поднял глаза мои, и увидел: вот, один муж, облеченный в льняную одежду, и чресла его опоясаны золотом из Уфаза. Тело его — как топаз, лицо его — как вид молнии; очи его — как горящие светильники, руки его и ноги его по виду — как блестящая медь, и глас речей его — как голос множества людей. И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них, и они убежали, чтобы скрыться. ...но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости* (Дан. 10. 5–8). ‖ [2] ...«*Данил, муж желаний! вникни в слова, которые я скажу тебе, и стань прямо на ноги твои; ибо к тебе я послан ныне*» (Дан. 10. 11). ‖ [3] «*...с первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить себя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим...*» (Дан. 10. 12). ‖ [4] *...от этого видения внутренности мои повернулись во мне, и не стало во мне силы. ..Дыхание замерло во мне* (Дан. 10. 16, 17).

воздухе? сколько противных властей? Если б только позволил им Бог показать нам их *страшный и отвратительный образ,* то не подверглись ли бы мы умопомешательству? не погибли ли бы?»[1] В Беседе 34 на евангелиста Матфея Златоуст говорит, что «демоны скитаются по гробам». Отношение демонов к приносимым им жертвам Златоуст изображает в «Слове о святом Вавиле», против Иулиана и язычников. Поведав обстоятельства, давшие им повод к построению капища Аполлону в Дафне, предместии Антиохийском, Златоуст говорит, что диавол, воспользовавшись баснословным преданием, поместил в капище демона для обольщения и погубления людей. Демон, присутствуя при идоле, давал провещания, которыми поддерживались заблуждения язычников. В Дафне были перенесены мощи священномученика Вавилы, и демон сперва умолк, а потом, когда прекратились жертвоприношения ему, и вовсе удалился из капища. «Таков обычай у демонов, — присовокупляет Златоуст, — когда воздают им человеки божеское поклонение *вонею и дымом крови,* тогда они, подобно кровожадным и ненасытным псам, пребывают в тех местах *для питания и наслаждения* (этими вонею и дымом). Когда же никто не приносит им таких жертв, тогда они пропадают, как бы *от голода. Доколе приносятся жертвоприношения,* доколе совершаются скверные тайнодействия... *дотоле демоны присутствуют и увеселяются*»[2].

Подобного мнения о духах святой Кирилл Александрийский, как это видно из «Слова [его] на исход души», приведенного в «Слове о смерти». Святой Кирилл называет демонов страшными, дикими, жестокими, немилостивыми, бесстыдными, *гнилыми, подобными мрачным муринам.* Он говорит, что душа умирающего видит их, что душу, исшедшую из тела, держат святые Ангелы, что она с ними проходит чрез воздух от земли к небу, что злые духи препятствуют этому восходу, обличая душу в содеянных ею грехах, что святые Ангелы стоят против демонов и препираются с ними о душе, что она, находясь посреди Ангелов и демонов, в трепете ожидает, чем кончится истязание ее и состязание о ней духов между собою. Святой говорит, что благочестивые души восходят к Богу, а душу отверженную, по причине ее греховности, воздушные демоны получают во власть свою, начинают бить ее без милосердия, низводят с воздушного пути на землю, разверзают землю, низводят душу во внутренность земли и заключают там в темницы адские для вечного мучения.

---

[1] Chrisostomi opera omnia. Tom. I. P. 722, 723. || [2] Op. Chrys. Tom. II. P. 551–554.

Святой Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской, говорит: «Никакого нет сомнения, что бесов — многое множество: все святые утверждают, что воздух наполнен ими»[1]. — «Змей этот (диавол) цвета чермного (красного), чем изображается его убийственное и кровожадное свойство, или его ангельское огненное естество, хотя он и отчуждился от Ангелов»[2] произвольно усвоенными качествами.

Святой Григорий Двоеслов говорит много о загробной жизни и о духах. Мы избираем немногое из многого, особенно замечательное, особенно служащее к доставлению определенного, по возможности, понятия о духах. В беседе на евангельскую притчу о десяти девах Двоеслов рассказывает следующее событие: «Приближаясь к кончине, Хрисерий в тот самый час, в который долженствовал выйти из тела, открытыми глазами увидел мерзких и *чернейших духов,* стоящих пред ним, страшно угрожающих взять его в заклепы ада. Он начал трепетать, бледнеть, потеть, ужасным воплем просить об отсрочке, и чрезвычайным, неистовым криком призывал сына своего Максима, называя его по имени, которого я сам, бывши уже монахом, видел монахом, говоря: “Максим! скорее! я не сделал тебе никакого зла: прими меня в веру твою”. Испуганный Максим прибежал тотчас; сошлось плачущее и трепещущее семейство. Они не могли видеть тех духов, от нападения которых он мучился страшно, но догадывались о присутствии их по смятению, бледности и трепету того, который был влеком. Устрашась безобразного вида их, он метался на постели туда и сюда, ложился на левый бок, не мог выносить вида их, оборачивался к стене, — там были они. Когда же, стесненный до чрезвычайности, он уже отчаялся в возможности послабления себе, начал громко кричать, говоря: “Отсрочки! хотя до утра! отсрочки! хотя до утра!” Но когда он кричал, — с этими самыми воплями был исторгнут из жилища своей плоти. О нем известно именно потому, что он видел это не для себя, а для нас, чтобы видение было полезно нам, которых еще ожидает Божественное долготерпение. Собственно для него какая была польза в том, что он пред смертию видел мерзких духов и просил отсрочки, тогда как не получил этой отсрочки?»[3]

«Когда день смерти понуждал Стефана выйти из тела, тогда собрались многие для того, чтоб отходящей от сего мира столь святой душе представить во внимание и свои души. И когда около одра его стояли все, которые собрались, тогда *одни телесными очами*

[1] Толкование на Апокалипсис, гл. 9, ст. 13–16. ‖ [2] Там же, гл. 12, ст. 3. ‖ [3] Беседа на Евангелие 12, гл. 7, кн. 1. Чтение святого Евангелия от Мф. 25. 1–13. С. 112–131.

видели входящих Ангелов, но никак не могли проговорить что-либо; другие решительно не видали ничего. Но всех присутствовавших объял такой сильнейший страх, что при исходе этой святой души никто не мог оставаться там»[1].

«*Приидут дние на тя, и обложат врази твои острог о тебе*[2]. Какие враги для души человеческой столь опасны, как *злые духи*, которые *окружают ее* при *разлучении с телом*, тогда как содействуют ей в плотской любви обманчивыми наслаждениями? Они облагают ее окопами, потому что, представив пред глаза ее содеянные ею беззакония, они стесняют ее, влача к сообществу своего осуждения, так что она, застигнутая уже на самом конце жизни, и сама видит, какими окружена врагами, и, однако же, не может отыскать выхода из их обложения, потому что не может уже творить добрых дел та, которая презирала их, когда могла творить. Приноровительно к ним может быть разумеваемо и то, что далее следует: *и обыдут тя, и обымут тя отвсюду*[3]. Злые духи отвсюду стесняют душу, когда представляют ей на вид беззакония, не только совершенные на деле, но и в слове, и даже в помышлении: она, развлекавшаяся многим в преступлении, стесняется донельзя всем в воздаянии. Далее следует: *и разбиют тя и чада твоя в тебе*[4]. Душа разбивается сознанием своей виновности тогда, когда плоть, которую она считала своею жизнию, принуждена бывает возвратиться в персть. Чада ее пробиваются тогда, когда непозволительные помыслы, происшедшие от нее, рассыпаются на последнем отмщении жизни, как написано: *в той день погибнут вся помышления их*[5]. Эти же грубые помыслы можно разуметь и под значением камней, ибо далее следует: *и не оставят камень на камени в тебе*[6]. Развратная душа, присоединяя к преступному помыслу еще преступнейший, что другое делает, как не полагает камень на камень? Но в разрушенном городе не оставляется камень на камне, потому что когда душа приводится к отмщению своему, тогда рассыпается все строение помыслов ее.

А за что она претерпевает, далее присовокупляется: *понеже не разумел еси времене посещения твоего*[7]. Всемогущий Бог обыкновенно посещает развратную душу многими способами... Но поелику она не разумеет времени своего посещения, то на конце жизни

---

[1] Беседа 35, гл. 3, 2. ‖ [2] *...придут на тебя дни, когда враги обложат тебя окопами* (Лк. 19. 43). ‖ [3] *...и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду* (Лк. 19. 43). ‖ [4] *...и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе* (Лк. 19. 44). ‖ [5] *...в тот день исчезают [все] помышления его* (Пс. 145. 4). ‖ [6] *...и не оставят в тебе камня на камне* (Лк. 19. 44). ‖ [7] *...за то, что ты не узнал времени посещения твоего* (Лк. 19. 44).

предается тем врагам, с которыми вступает в общение, на вечном суде непрестаемого осуждения, как написано: *егда бо грядеши с соперником твоим ко князю, на пути даждь делание* (потщися) *избыти от него: да не како привлечет тебе к Судии, и Судия предаст тя слузе* (истязателю), *а слуга всадит тя в темницу*[1]. Соперник наш на пути есть слово Божие, противное нашим плотским пожеланиям в настоящей жизни. От этого соперника освобождается тот, кто смиренно подчиняется заповедям его. Иначе соперник передает Судии, а Судия истязателю. Это значит: грешник, виновный в презрении слова Господня, будет задержан на испытании Судии. Судия предает его истязанию, дозволяя злому духу восхитить его к отмщению и понудительно извлечь из тела душу, которая добровольно согласовалась с этим злым духом на преступления. Истязатель отсылает в темницу. Это значит: грешник чрез посредство злого духа *низвергается в преисподнюю* доколе наступит день суда, с которого уже и сам (злой дух) будет вместе мучиться в *огнях преисподней*.

Надобно основательно размышлять о том, сколько страшен будет для нас час смертный, какой тогда ужас души, какое воспоминание всех зол, какое забвение протекшего счастия, какой страх и какое опасение Судии. Тогда злые духи в отходящей душе отыскивают дела ее; тогда они представляют на вид те грехи, к которым расположили ее, чтоб свою сообщницу увлечь на мучения. Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они приходят даже к избранным умирающим и в них отыскивают свое, если в чем успели? Среди людей был только один, Кто прежде страдания Своего безбоязненно говорит: *Ктому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже*[2]. Князь мира видел в Господе смертного человека: то подумал, что может найти в Нем что-либо свое. Но вышел без всякого греха из растления мира Тот, Кто пришел в мир без греха. Этого не осмелился сказать об отношении к князю мира сего Петр, который удостоился слышать: *еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех*[3]. Этого не смел говорить Павел, который прежде смерти своей был восхищен до таинств

---

[1] Ср.: *Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг тебя в темницу* (Лк. 12. 58).‖ [2] *Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14. 30). ‖ [3] *...и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах* (Мф. 16. 19).

третьего неба[1]. Этого не смел сказать о себе даже Иоанн, который по особенной любви возлежал во время вечери на персях своего Искупителя[2]. Пророк говорит: *се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя*[3]: из этого следует, что без виновности не может быть тот, кто пришел в мир с виновностию. По сей-то причине тот же Пророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый*[4]. По сей-то причине и Соломон говорит: *несть человек праведен на земли, иже сотворит благое и не согрешит*[5]. По этой причине и Иоанн говорит: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас*[6]. Поэтому и Иаков говорит: *много согрешаем вси*[7]. Как все — это известно всем — зачаты от услаждения плоти, то, без всякого сомнения, князь мира сего имел нечто свое во всех, или в их делах, или в словах, или в помышлениях. Но он не мог ни похитить их после, ни держать их прежде, потому что освободил их от долгов их Тот, Кто, без долга, заплатил за нас долг смерти, чтоб наши долги врагу нашему не задерживали нас, потому что за нас Посредник Бога и человеков, человек Христос Иисус даром отдал ему то, чем не был должен. Нас освободил от должной душевной смерти Тот, Кто заплатил за нас смертию телесною, которою не был должен. По этой причине Он говорит: *грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже.* — Должно нам заботиться и с обильными ежедневными слезами помышлять о том, сколь свирепый, сколь страшный князь мира сего придет в день кончины нашей, отыскивая в нас дела свои, если он приходил даже к Господу, умирающему плотию, и отыскивал чего-либо в Том, в Ком не мог найти ничего.

Итак! что будем говорить, что делать мы, несчастные, которые впали в бесчисленные грехи? Что скажем врагу, отыскивающему и находящему много своего в нас, если не то только, что у нас есть известное прибежище и твердая надежда, потому что мы одно совершили вместе с Тем, в Ком князь мира сего и отыскивал что-либо свое и не мог найти чего-либо своего? потому что Он только свободен среди умерших[8], потому что мы разрешаемся от рабства греховного к истинной свободе, соединяясь с Тем, Кто свободен один. Известно, — и мы не можем отвергать, но искренно призна-

[1] 2 Кор. 12. 2. ‖ [2] Ин. 21. 20. ‖ [3] *Вот, я в беззакониях зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50. 7). ‖ [4] *...не оправдается пред Тобой ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [5] *Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы* (Еккл. 7. 20). ‖ [6] *Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас* (1 Ин. 1. 8). ‖ [7] *...все мы много согрешаем* (Иак. 3. 20). ‖ [8] Пс. 87. 5, 6.

емся, — что князь мира сего имеет в нас многое; но, несмотря на то, он уже не имеет силы похищать нас во время смерти нашей, потому что мы соделались членами Того, в Ком тот не имеет ничего»[1].

«Некоторая монахиня по имени Редемпта имела двух учениц, из которых одна называлась Ромулою. Ромула была поражена параличом и в совершенном расслаблении лежала на постели в продолжение многих лет, перенося болезнь с терпением и занимаясь тщательно молитвою. В одну ночь Ромула внезапно призвала к себе Редемпту словами: "Мать моя! подойди ко мне, мать моя! подойди ко мне". Немедленно подошла Редемпта к одру болящей, пригласив с собою и другую ученицу. Когда они, среди ночи, стояли у постели, на которой лежала Ромула, — свет с неба наполнил все пространство келлии, и засиял блеск толикой славы, что сердца предстоящих проник неизреченным ужасом. Они услышали звуки как бы от какого входящего множества; дверь келлии потряслась как бы от напора толпы, спешившей войти. Ощущая множество входящих, от чрезвычайного страха и света не могли видеть ничего: сжимал глаза их и страх, и ослепляла яркость непомерного света. За явлением света немедленно последовала воня дивного благоухания, и душу их, устрашенную явившимся светом, успокоила приятность запаха. Но когда они не могли выносить, тогда Ромула начала ласковым голосом утешать трепещущую Редемпту, свою наставницу, говоря: "Мать моя! не бойся: я еще не умираю". Когда она повторяла это, явившийся свет исчезал мало-помалу, — последовавшее за ним благоухание осталось. Таким образом прошел второй и третий день; воня распространившегося благоухания оставалась. На четвертую ночь Ромула опять пригласила к себе свою наставницу. При приближении ее она попросила напутствия, и получила его. Редемпта и другая ученица еще не успели отойти от постели болящей, как внезапно на улице, пред ее дверями, услышались два хора Ангелов, причем, как удостоверяли монахини, было явно различие полов по голосам. Мужи начинали пение псалмов; жены вторили им. Когда пред дверьми келлии совершалось это небесное погребальное песнопение, тогда святая душа разлучилась от тела. Когда она была возносима на небо, и чем выше возвышались хоры поющих, тем песнопение становилось менее слышным. Когда на высоте окончились звуки песнопения, тогда прекратилось и благоухание. Святой Григорий знал этих монахинь лично»[2].

[1] Беседа 39, главы 4, 5, 8 и 9. С. 300–308. На чтение Евангелия от Луки — 19. 42–47. || [2] Беседа 40, гл. 11. С. 330–334. На чтение Евангелия от Луки 16. 19–31.

«Ангельский дух описуем; но самый верховный Дух, Который есть Бог, неописуем»[1].

Представленные извлечения из святых Отцов, указанных западным писателем, решительно определяют учение этих Отцов о духах. Извлечения свидетельствуют: 1) что учение Отцов о духах тождественно с учением Священного Писания; 2) что учение о духах, изложенное в православном богословии, тождественно с учением Священного Писания и святых Отцов; 3) что приписываемое западным писателем Отцам учение о совершенной духовности и невещественности сотворенных духов наравне с совершенной невещественностию и духовностию Бога приписано несправедливо.

Западный писатель говорит, что на Отцов Церкви имела влияние языческая философия и вообще современная ученость. Справедливо, но только по отношению к некоторым Отцам и к некоторым, весьма немногим предметам. Это было замечено, и дана православным читателям должная предосторожность[2]. В настоящее время всякий, изучающий должным образом Отцов, имевших ученость мира сего, может видеть, в чем они платили неизбежную дань как современным понятиям общества человеческого, так и понятиям, почерпнутым из науки в том состоянии, в каком она преподавалась в их время. Этого нельзя сказать о писателях Священного Писания. Эти лица просвещены были единственно Святым Духом. Также преподобный Антоний Великий был неграмотный; очистив себя благочестивым подвигом, он соделался обителию Бога и возвестил учение о духах сообразно тому, как духи были открыты ему Богом. Муж ученый, патриарх, святой Афанасий Великий, хотя был также мужем благодатным, однако признал более основательным преподать Церкви учение о духах так, как оно сообщено было ему Антонием, имевшим опытное знание, нежели написать о них сочинение, заимствованное из чтения, своих умствований и, может быть, опытов немногих и недостаточных, каковыми эти опыты должны быть по занятиям Святителя[3]. Поведание о духах святого Антония Великого просто, естественно, ясно! между тем оно сообщает познание столько подробное и определенное, какого никак не могли бы сообщить все ученые на основании своей уче-

[1] Беседа 34, гл. 13. С. 200. На чтение Евангелия от Луки 15. 1–10. || [2] Преподобный Варсонофий Великий. Ответ 611. || [3] Преподобный Макарий Великий объясняет причину, по которой святые мужи, упражняющиеся в проповеди Слова Божия, не могут в то же время пребывать в духовных видениях. Беседа 8, гл. 4. Эту же причину приводил и преподобный Арсений Великий, когда его спрашивали, почему он так тщательно убегает общества людей, даже святых. Алфавитный патерик.

ности. Познания о веществе должны быть подтверждены опытом. Одним суждением невозможно доходить до познаний точных, верных. Часто суждение, представляющееся по наружности безошибочным, будучи проверено опытом, оказывается ошибочным. Суждния, не подтвержденные опытом, как бы ни казались правдоподобными, как бы ни были изложены великолепно, суть только положения и предположения, а не истина. Таков приговор науки. Он основан на истории наук, объясняющих вещество; он основан на бесчисленных опытах: нет для него отмены, нет против него голоса. Голос, подаваемый невежеством или произвольною игрою воображения, не имеет никакого значения пред судом науки. Какое значение в науке имеет учение Декарта о духах? — Учение это не есть положительный, доказанный вывод, полученный законным путем науки. Учение это — ипотеза, или предположение. Ипотеза допускается в естественных науках не как учение достоверное, но как учение, усиливающееся дать о предмете определенное понятие, которого наука не может еще выработать законным путем своим. По этой причине наука, доколе не получит точного знания о предмете, придерживается ипотезы, как объясняющей предмет, отнюдь не вверяясь ей. Она отвергает ипотезу, только что факты начнут доказывать неправильность ипотезы. Так знаменитый Франклин придумал ипотезу для объяснения электричества. Когда наука выработала факты, противоречащие франклиновой ипотезе, тогда ипотеза была отвергнута наукой, соделалась принадлежностию истории науки. Что же такое была ипотеза Франклина? Игра ума даровитого, обогащенного многими познаниями о естественных науках, — игра ума, и только. На основании новых фактов Симмер придумал свою ипотезу, так как наука не выработала точного знания об электричестве. Но при дальнейшем труде науки и Симмерова ипотеза получила одно достоинство с Франклиновой. При всем этом составление ипотез никак не отвергается наукой как труд, способствующий к развитию науки. Удачно придуманная ипотеза может перейти в учение, когда будет положительно доказана. Такой должна быть по всем признакам, по крайней мере, в значительной степени, новейшая ипотеза о свете.

Что такое ипотеза Декарта о духах? Это сочиненное им учение, игра его ума, опиравшегося на современных ему познаниях. Ипотеза Декарта совершенно опровергается наукою в настоящем ее развитии. Опровергают ее и факты, как доставленные Православною Церковию, так и враждебными Церкви средствами, магиею, магнетизмом, спиритизмом. Декарт видит между грубым веществом

и сотворенными духами решительную *противуположность*. Наука видит не противуположность, а *постепенность* и *сродство*. То, что ограниченный предмет не подлежит нашим телесным чувствам и нашему постижению, никак не дает ему права на свойства, принадлежащие предмету неограниченному. Всякий ограниченный предмет может быть изображен числом. Хотя бы это число, по громадности своей, было чуждо подчинения всякому действию человека; однако оно пребывает числом, имеет все свойства прочих чисел и отличается от бесконечного бесконечным различием.

Учение о духах, представленное здесь, исключительно сообщается откровенным Богопознанием, верою христианскою. Других средств к приобретению его нет; все другие средства ведут к ошибочным заключениям[1]. Учение это не имеет характера систематических учений, составляемых учеными мира сего и по стихиям мира. Оно изложено в Священном Писании подобно тому, как изложены в нем многие другие учения. Таким же образом изложено оно и в святых Отцах. Но при внимательном чтении и изучении Писания и Отцов делается ясным точное мнение Писания и Отцов о духах. Для такого изучения нужна не только благочестивая жизнь, но и жизнь подвижническая, сосредоточенная, жизнь в уединении. Церковь воспевает своему мудрецу: *деяние обрел еси, богодухновенне, видения восход*[2]. Только отрекшиеся от мира и предавшие себя всецело в служение Богу могут достичь до опытного познания падших духов в приносимых ими помыслах, мечтаниях и ощущениях, как говорит преподобный Макарий Великий[3]; только при содействии внутренних опытов делаются доступными для понимания те места Писания и Отцов, которые говорят об этой невидимой борьбе. При умножении опытов познание делается полнее и полнее, а учение Писания и Отцов яснее и яснее. Святой Исаак Сирский, упомянув о святых Василии Великом и Григории Богослове, что они сперва образовали себя в обществе человеческом соответствующими такому жительству добродетелями, потом удалились в пустыню и пребыли с своим внутренним человеком, — говорит далее, что пустыня полезна для сильных потому, что они достигают в ней до борьбы с духами злобы[4]. Преподобный Кассиан Римлянин, описав благочестивую жизнь древних иноков в общежитиях, говорит, что эта святая жизнь произвела из себя еще возвышеннейшее жительство — отшельничество, к которому и в первые века христианства оказывались способными весьма

[1] См. «Слово о чувственном и духовном видении духов». Аскетические опыты. Т. 2. ‖ [2] Общий тропарь священномученику. ‖ [3] Беседа 21. ‖ [4] Слово 55.

немногие. Этих избранников Кассиан называет цветом монашества. Они, «не довольствуясь получаемою среди общества человеческого победою, которою попрали невидимые козни диавола, пожелали вступить в открытую борьбу и явное сражение с демонами и для этого не устрашились удалиться в уединенные места обширной пустыни»[1]. В таких избранниках Божиих внутренняя невидимая борьба непомерно усиливалась, возводила их в необыкновенный подвиг, переходила в видимую. Это совершалось по особенному смотрению Божию[2]. Отцы, возведенные в такой подвиг, сподоблялись особенных даров Святого Духа, приходили в высокое духовное преуспеяние и просвещение, получали вход в невидимый чувственными очами мир. Дверь в него отверзалась для них рукою Бога. Таковы были преподобные Антоний и Макарий, египетские пустынножители, которых Церковь признает Духоносцами и именует Великими. Имея обильное опытное и благодатное знание духов, они сказали о них гораздо яснее, нежели другие Отцы, которых благодать Божия также освятила, которым даны были другие духовные дары, соответственные их роду жизни и деятельности. К числу немногих Отцов, написавших о духах с особенною определенностию, принадлежит преподобный Кассиан Римлянин. Он излагает в сочинении своем учение, преданное ему лично иноком Египетского Скита, аввою Сереном, достигшим великого духовного преуспеяния. Серен имел ведение и видение духов опытное и благодатное, почему и учение о них изложено им с особенною ясностию и простотою[3]. Это учение тождественно тому, которое мы видели в приведенных нами Отцах и в православном Богословии. Когда в V веке появились на Западе «Собеседования» преподобного Кассиана, — некоторые из западных энергически восстали против его *тринадцатого собеседования;* но против *седьмого и осьмого,* в которых изложено учение о духах[4], не сделано ни малейшего возражения. Уже по принятии мнений Декарта о совершенной невещественности сотворенных духов, о независимости их от времени и пространства, о тождественности естества их с естеством Бога явились на Западе возгласы против учения о духах, излагаемого Кассианом. Опровержения не сделано: оно невозможно; опровержение заменено порицаниями. — На Седьмом Вселенском Соборе прочитана была выписка из сочинений святого Иоанна, епископа Селунского, в которой сказано, что Ангелы имеют

[1] Collatio XVII. Cap. VI. || [2] Житие Иоанна Многострадального. Патерик Печерский. || [3] Collatio VII et VIII. || [4] Учение преподобного Кассиана смотри в «Слове о смерти».

свойственную им вещественность и вид, — в этом, собственном виде их являлись многим святым мужам. Собор на основании этой цитаты из святого Отца, единодушно оправдал и определил изображение Ангелов на иконах. Отцы Собора не только не выразили никакого сомнения относительно учения, произнесенного святым Иоанном, не только не сделали никакого замечания, но на основании этого учения сделали *постановление* изображать Ангелов на иконах живописью[1]. Седьмой Вселенский Собор одинаково принят на Востоке и на Западе.

Изложенное здесь учение о духах никак не дает права представлять в изображении как образы духов, так и образы прочих предметов невидимого мира, о которых говорится в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Образы, сочиняемые воображением, никак не могут быть правильными; не будучи снимками с истины, они по необходимости должны быть ложными и поставляют мечтателя на стези самообольщения. Правильное понятие о видении духов, как чувственном, так и духовном, не может быть приобретено иначе как опытом. Видение, действуя на чувства душевные или телесные, или на те и другие вместе, объясняется чрез ощущение его и не может быть объяснено словами. Так для слепорожденных и ослепших в младенчестве остается необъяснимым, при всем усилии объяснить словами, общение человека с видимым миром посредством зрения; так вкус плодов, которых мы никогда не вкушали, остается необъяснимым, сколько бы ни объясняли его словами, доколе не объяснится вкушением. Словом, все понятия, приобретаемые посредством чувств души и тела, пребывают очень темными, доколе они объясняются одними словами. Основательно говорят Отцы[2], что здоровые глаза не нуждаются в обучении зрению, потому что зрение естественно человеку; точно так очищенные покаянием очи ума и сердца начинают прозирать в тайны Божии и в духовный мир, потому что это естественно человеческой природе, обновленной Искупителем.

При темноте понятия о духах, полученного единственно из поведания, хотя и святого, тем опаснее давать волю воображению и истолковывать соответственно своей мечте то, что и при опытном познании не может быть объяснено с удовлетворительностию в стране вещества[3]. Способность воображения находится в особенном развитии у людей страстных. Она действует в них соответ-

[1] Пятое заседание II Никейского Собора, Вселенского Седьмого. ‖ [2] Преподобный Феодор в сочинении преподобного Кассиана. Книга 5: О чревообъядении, гл. 33 и 34. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слово 55.

ственно своему настроению и все священное изменяет в страстное. В этом могут убедить картины, на которых изображены священные лица и события знаменитыми, но страстными художниками. Эти художники усиливались вообразить и изобразить святость и добродетель во всех видах ее; но, преисполненные и пропитанные грехом, они изображали грех, один грех. Утонченное сладострастие дышит из образа, в котором гениальный живописец хотел изобразить неизвестные ему целомудрие и божественную любовь. Пророкам и Апостолам, при желании выразить их состояние вдохновения, дан вид языческих беснующихся жрецов или актеров кровавой трагедии[1]. Произведениями таких художников восхищаются страстные зрители; но в людях, помазанных духом Евангелия, эти гениальные произведения, как запечатленные богохульством и скверною греха, рождают грусть и отвращение. Воображение у людей страстных, у людей порочных и развратных, не имеющих никакого понятия об истине, никакого сочувствия к святости, способно только к сочинению изображений ложных. Оно не может не обманывать этих людей. Оно и обманывает, и обольщает, скрывая обман, ясный для одних чистых по уму, сердцу и телу. К действию воображения в человеке плотском и греховлюбивом удобно присоединяется действие падших духов, которым сделалось свойственным вращаться и пресмыкаться во грехе, находить во грехе единственное наслаждение и питание. А как все, вступающие в благочестивый подвиг, несмотря на благое намерение свое, находятся во власти страстей, ощущают сильнейшее сочувствие ко греху, состоят в союзе и единении с ним, то святые Отцы строго воспрещают употребление способности воображения, повелевают содержать ум вполне безвидным, незапечатленным никакою печатию вещественного. Не должно представлять себе в воображении ни рая, ни неба, ни престола Божия, ни сияния славы Божией, ни Ангела, ни Мученика, ни Святителя, ни Преподобного, ни Божией Матери, ни Самого Христа. Падшие духи стараются возбудить в нас действие воображения, иногда же и сами являются в разных ложных и обольстительных призраках: по этой причине воспрещена нам не только мечтательность, как бы она ни была благовидна, но и доверенность к какому бы то ни было явлению из невидимого мира. Образы светлых Ангелов, святых отшедших человеков и Самого Христа принимают на себя демоны для обольщения и погубления не только новоначальных, но

[1] По образу описания языческого жреца-прорицателя Калкаса, сделанного Расином в трагедии «Ифигения».

и преуспевших в подвиге. Дозволяется живое представление адского пламени, тьмы вечной, подземной, страшной темницы и прочих ужасов предсмертных и посмертных единственно при возникновении плотских ощущений, помышлений и мечтаний; дозволяется это употребление воображения только в час нужды, по миновании которой оружие тотчас отлагается. Будучи употребляемо без нужды, оно может нанести вред уму, соделав его удобопреклонным к мечтательности и к самообольщению.

В первые века христианства имелась особенная нужда отвлечь новообращенных из идолопоклонства от представления Ангелов и даже Бога в грубом чувственном виде. Идолы были вместе изображением и демонов и греховных страстей. Сделавшие навык к идолопоклонению, запечатленные долговременным устремлением всех чувств души и тела к идолам, наполнившие разум понятиями, а воображение образами, заимствованными из идолопоклонства, поневоле находились под влиянием этих впечатлений[1]. Нужду в предостережении современников от грубого понимания видел ученик апостола Павла, святой Дионисий Ареопагит. Изложил он это предостережение в глубоком и духовном сочинении своем «О небесной иерархии». «Нужно, — говорит он, — чтобы мы *не представляли* грубо небесных и *богоподобных* Сил[2] имеющими много ног и лиц, носящими *скотский образ* волов и *звериный* вид львов, с изогнутым клювом орлов или с птичьими крыльями; равно не воображали и того, будто на небе находятся огневидные колесницы, вещественные троны, нужные для восседания на них Божества, многоцветные кони, военачальники, воо-

[1] Влияние понятий, заимствованных из идолопоклонства, с особенною ясностию обнаружилось в ереси или заблуждении антропоморфитов, представлявших себе Бога в колоссальном человеческом виде. Эта ересь открыта в IV веке, но очевидно, что и прежде многие, по неведению, держались ее. Последнее явствует из следующего факта. Когда Феофил, архиепископ Александрийский, изложил опровержение заблуждения в Окружном послании, которое обыкновенно составлялось Александрийскими архиепископами пред Пасхою и рассылалось по всему Египту, тогда в одной только церкви пустыни Скита, в которой жили тысячи монахов, послание было принято и прочитано; в прочих трех церквах настоятели не только не приняли послания, но и воспретили монахам чтение его по келлиям как прямо противоречащего Священному Писанию. Из слов Писания, что человек сотворен по образу и подобию Божиим, антропоморфиты выводили заключение, что Бог имеет вид. Cass. Coll. 10. ‖ [2] Ареопагит указывает здесь на следующие места Писания: Иез. 1. 7; Дан. 7. 9; Зах. 1. 8; 2 Мак. 3. 25; Нав. 5. 13. Небесные Силы названы *богоподобными* как сотворенные по образу и подобию Божиим. Так сотворен и человек. Далее, как увидим, Ареопагит говорит, что все бесконечно далеко от того, чтоб быть *подобным* Богу; самые первые существа нимало не *подобны* Ему.

руженные копиями, и многое тому подобное, показанное нам Священным Писанием под *многоразличными таинственными символами.* Богословие употребило священные пиитические изображения для описания умных Сил, не имеющих *образа*»[1]. Далее святой Дионисий говорит: «Быть может, иной в самом деле подумает, что небо наполнено множеством львов и коней, что там славословия состоят в *мычании*, что там стада птиц и других животных, что там находятся низкие вещи, что ведет к *неверному, неприличному* и *страстному*»[2].

Выразившись так о Небесных Силах, святой Дионисий говорит о Боге следующее: «Таинственное Учение, преданное нам в Священном Писании, различным образом описывает досточтимое высочайшее Божество. Иногда оно именует Бога *Словом, Умом, Существом*[3], показывая тем разумение и премудрость, свойственную одному Богу, и выражая, что Он-то и существует истинно, и есть причина всякого бытия, уподобляет его свету и называет жизнию. Конечно, эти священные изображения представляются некоторым образом приличнее и возвышеннее *чувственных образов*[4], но и они далеки от того, чтоб быть точным отражением высочайшего Божества. Божество превыше всякого существа и жизни; никакой свет не может быть выражением Его; всякий ум и слово *бесконечно* далеки от того, чтоб быть *подобными* Ему. Иногда то же Священное Писание величественно изображает Бога чертами, не сходными с Ним. Так оно именует Его *невидимым, беспредельным* и *непостижимым*[5], и этим означает не то, что Он есть, но то, что Он не есть. Последнее, по моему мнению, даже свойственнее Богу, потому что хотя мы и не знаем невместимого, непостижимого, неизреченного, беспредельного бытия Божия, однако ж на основании таинственного Священного Предания истинно утверждаем, что *Бог ни с чем из существующего не имеет сходства*»[6]. — «Божество, по Своему пресущественному величеству, несравненно превосходит всякую видимую и невидимую силу и так превознесено над всем, что и *самые первые существа нимало не подобны Ему.* Божество есть *начало* всего, есть *причина,* осуществляющая все, есть неизменное основание постоянного бытия существ, от Которого зависит бытие и блаженство самых Высших Сил»[7]. Ареопагит утверждает, что Божественные явления

[1] Глава 2, § 1. Из самого изложения, сделанного Святым, видно, что он понимал под названием вещественности и образа. Далее он, согласно со всеми древними, не признает уже свет *образом чувственным.* ‖ [2] Глава 2, § 2. ‖ [3] Ин. 1. 1; Пс. 135. ‖ [4] Смотри на с. 624 выноску 2. ‖ [5] 1 Тим. 6. 16; Пс. 144. 13; Рим. 11. 31. ‖ [6] Глава 2, § 3. ‖ [7] Глава 13, § 4.

святым совершались *приспособительно* к человеческому естеству[1]. Он говорит, что «сокровенного Божиего[2] никто не видал, не увидит; но Бог являлся святым в известных видениях, достойных Его и сообразных со свойством тех, которым были эти святые видения. Видение, которое проявляло в себе, как в образе, подобие ничем не изобразимого Божества, справедливо называется в Божием Слове Богоявлением: потому что оно возводило видящих к Богу, просвещая их Божественным озарением и Свыше открывая им нечто Божественное. Сии Божественные видения славным Отцам нашим были открываемы посредством Небесных Сил. Так: не говорит ли Священное Предание, что и Святое Законоположение дано Самим Богом Моисею? Этим оно научает нас той истине, что оно есть отпечаток Божественного и Священного Закона. Но то же Слово Божие ясно научает и тому, что этот Закон преподан нам чрез Ангелов»[3].

Святой Дионисий в сочинении своем о Небесной Иерархии объясняет только таинственные видения пророков и духовное отношение Небесных Сил между собою и к святым человекам; но он ничего не упоминает ни о падших ангелах, ни о чувственном явлении Ангелов людям простейшим, какова была Агарь, раба Авраама[4], ни о способности животных к видению духов, ни о местопребывании святых Ангелов на небе, ни о низвержении падших ангелов с неба, ни о мучении их в пламени и темнице ада, между тем как о всем этом поведает Писание. Даже о Господе Иисусе Христе Дионисий говорит единственно как «о истинном Свете Отца, просвещающем *всякаго человека грядущаго в мир*»[5], умалчивая о Его вочеловечении, о Его человеческой плоти, в которой Он явился на земле, в которой восседает на небе одесную Отца, в которой явится судить живых и мертвых. «Этот Свет, — богословствует Дионисий, — никогда не теряет Своего внутреннего единства, хотя по Своему благодетельному свойству и раздробляется для того, чтоб сраствориться с смертными срастворением, возвышающим их горе и соединяющим их с Богом. Он и Сам в Себе остается и постоянно пребывает в неподвижном и одинаковом тождестве, и тех, которые надлежащим образом устремляют на Него свой взор, по мере их сил, возводит горе и единотворит их по примеру того, как Он Сам в Себе прост и един»[6]. Из книги о Небесной Иерархии уже видно, что Ареопагит был в состоянии того духовного видения, которое здесь изображено им; в других сочинениях

[1] Глава 1, § 2. ‖ [2] То есть собственно существа Божия, собственно Бога. ‖ [3] Глава 4, § 3. ‖ [4] Быт. 16. 7–12; 21. 17. ‖ [5] Ин. 1. 8. ‖ [6] Глава 1, § 2.

своих он говорит открыто об этом состоянии своем[1]. Это состояние есть состояние христианского совершенства и называется Отцами *Божественным осиянием*[2]. Преподобный Симеон Новый Богослов, ссылаясь на святого Григория Богослова, говорит: «Начало премудрости есть страх Божий. Где страх Божий, там и хранение заповедей. Где хранение заповедей, там очищение плоти, которая, будучи неким густым облаком пред душою, не попущает ей видеть ясно Божественное сияние. Где очищение плоти, там сияние Божественное. Где сияние Божественное, там совершение Божественного желания. И потому осияние Божественного Света и просвещение Святого Духа есть некончаемый конец всякой добродетели: достигший этого конца забывает все чувственное и начинает приходить в познание духовных дарований»[3]. Даже понятие о таком состоянии вполне чуждо для людей, не посвященных в тайны христианского подвижничества! По этой причине Ареопагит назначил книгу свою о Небесной Иерархии отнюдь не для общего употребления христиан, а только для находящихся в значительном духовном преуспеянии. Он завещал пресвитеру Тимофею, для которого написано сочинение, тщательно скрывать его от людей плотских и душевных, хотя бы они были благочестивы. «Ты, сын мой, — пишет Дионисий Тимофею, — сообразно с святым установлением, преданным нам от наших иерархов, благоговейно внимай священным словам, *осеняемый вдохновением от вдохновенного учения,* и, скрыв святые истины во глубине души как единообразные, тщательно храни их от людей непосвященных: по учению Писания, не должно бросать пред свиниями чистого, светлого и драгоценного украшения умных маргаритов»[4]. Всякий, знакомый с сочинением о Небесной Иерархии, оправдает мудрое предостережение сочинителя и сознается, что сочинение малопонятно и даже во многих местах странно для людей, не знакомых с духовным состоянием.

Книга Священного Писания, которою наиболее удобно объяснить сочинение Ареопагита, есть, несомненно, Откровение святого апостола, евангелиста Иоанна Богослова: Богослов, во многих местах, описав видение, немедленно говорит или объясняет, что это видение есть символ, что оно — таинственное. Таковы

[1] Послание к святому апостолу Павлу о свидании Дионисия с Божиею Материю. || [2] Добротолюбие. Ч. 1. Сочинения святых Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Феофана, умиленного инока; Лествица. Слова 25 и 26; святой Исаак Сирский. Слова 8, 15 и пр. || [3] Добротолюбие. Ч. 1. Слово о вере. || [4] Глава 2, § 5.

видения: видение семи звезд и семи светильников[1]; видение жены, названной Вавилоном и сидевшей на водах многих[2]; видение жены, облеченной в солнце, с луною под ногами и с венцом из двенадцати звезд на главе[3]; видение змея, отторгшего хоботом третию часть звезд небесных[4]; видение зверя, выходящего из моря, и зверя, выходящего из земли[5]. Напротив того, видение первому́ченика архидиакона Стефана не заключает в себе ничего символического, иносказательного: Архидиакон, объятый Святым Духом, увидел небеса отверзшимися и Сына Божия, в Его человеческой плоти, стоящим одесную Бога[6]. Подобное видение имел великий угодник Божий Карп: видение это описано святым Дионисием Ареопагитом без всякого иносказательного объяснения. Преподобный Макарий Великий сделал таинственное истолкование, по отношению к душе человеческой, видению, которое имел пророк Иезекииль[7], на которое указывает и святой Дионисий; несмотря на это Преподобный не остановился сказать, что совершеннейшие христиане сподобляются видеть самое существо души человеческой и что души, Ангелы и демоны имеют вид человека в его теле. Так и Ареопагит, объяснив, что символические видения пророков имеют таинственный смысл, не остановился сказать, что святой Карп, достигший христианского совершенства, видел Ангелов в образе человеков. — Беседы преподобного Макария Великого, подобно книге святого Дионисия, имеют наиболее таинственное значение и могут быть весьма полезным чтением для преуспевших подвижников: в них подробно излагается злосчастное общение, в которое человек вступил с демонами при посредстве греха, о чем святой Дионисий вовсе умалчивает. Беседы Преподобного мало понятны для людей, не знакомых с духовным подвигом, хотя некоторым из них и представляются понятными по необыкновенной простоте и ясности слога.

Западный писатель говорит (**Выписка 7**), что «все человеки всегда различали существо живое, действующее, начало движения, от существа мертвого, страдательного, не способного к движению. *Первое* они называли *духом,* второе телом или веществом. Это различие современно по древности своей миру, распространено повсюду, где находится человек. Все были столько уверены в безжизненности вещества, что предполагали присутствие *духа* повсюду, где усматривали движение». Такую сентенцию, выведенную якобы из

[1] Откр. 1. 20. ‖ [2] Главы 17–19. ‖ [3] Глава 12. ‖ [4] Там же. ‖ [5] Глава 13. ‖ [6] Деян. 7. 55, 56. ‖ [7] Иез. 1. Преподобный Макарий. Беседа 1.

науки, должно поверить наукою[1]. Наука, да и вообще человечество, признают только *жизнь,* а не присутствие *духа* там, где видят *движение* тела, независимо от действия на это тело другого тела. Жизнь, иначе *органическая сила,* недоступна для постижения человеческого: эту истину признала наука. Живут растения, насекомые, животные, человек. И растения имеют свое движение. Их рост, постепенное облачение в листья, цветы, плоды — что, как не движение? Соки в деревьях весною идут от корня к вершине дерева: что это, как не движение? Листья и цветы некоторых трав делают сами собой движение, то свертываясь, то раскрываясь, как, например, клевер свертывает свои листья на ночь, развертывает их при наступлении утра. Признаком жизни тела служит для нас, кроме движения, *чувство.* Одно движение, без чувства, может принадлежать веществу безжизненному, и принадлежит оно планетам. Что такое жизнь? Жизнь есть идея человека, родившаяся в нем от впечатления, произведенного на него телами, имеющими движение и чувство. У науки нет ответа положительного: по необходимости она должна была прибегнуть к определению страдательному. Она должна была сказать о впечатлении, которое произведено явлением — *(жизнь)* в видимых тварях на человека, и определением этого впечатления заменить определение процесса, происходящего в самых тварях. Скажут: неужели растения имеют чувство? Отвечаем: они не имеют средств поведать нам этого ясно; но мы видим, что растения, отделенные от корней своих, вянут; это явление в нежных растениях совершается быстро и возбуждает в нас сочувствие. Не имея основания к принятию решительного мнения, что растения одарены свойственным им чувством, мы не имеем права и отвергать это решительно. Движение вещества и присутствие в нем чувства свидетельствуют только о жизни его, а отнюдь не о присутствии в нем *духа.* Никто и никогда не признавал в насекомых, рыбах, птицах, вообще во всех животных присутствия духа: в них признавали жизнь, часто называя жизнь душою. И поэтому вопрос *о духе* на тех основаниях, которые положил западный писатель, остается нетронутым.

Понятие *о духе* явилось в человеке по другим поводам. Оно явилось в нем, во-первых, от рассматривания самого себя. Человек

---

[1] Бержье может быть отчасти оправдан тем, что он получил образование прежде появления химии, хотя он и дожил до появления ее в конце XVIII века. Но нельзя не признать многих погрешностей его намеренными: ему нужно было во что бы то ни стало отстоять новое учение. Это усматривается на всем пространстве его полемики.

ощущает в себе присутствие существа, совершенно отличающегося от тела. Он видит гораздо большее развитие жизни в этом существе, нежели в своем теле. Тело имеет свои ощущения; существо, пребывающее в теле, имеет свои отдельные ощущения и, кроме ощущений, имеет разум, который в собственном смысле есть чувство[1]. Существо, пребывающее внутри человека, называется обыкновенно душою. Несмотря на разнообразие свойств души и тела, между ними находится неразрывная связь. Так от мыслей являются в душе соответствующие мыслям ощущения; ощущения души отражаются в ощущениях тела. И наоборот, ощущения тела действуют на душу, рождают в ней соответственные ощущения; от этих ощущений являются соответственные им мысли. Такая связь души с телом доказывает, что, несмотря на значительное различие между телом и душою, тело и душа имеют и нечто общее, имеют — употребим выражение химии — сродство. Если б не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если ж есть сродство, то душа необходимо должна иметь некоторую свойственную себе вещественность.

Когда человек живет, процесс жизни совершается при непрерывном дыхании. Дыхание есть существенный очевидный признак жизни. Когда человек умирает, — окончательный процесс умирания совершается при сильном дыхании или при нескольких повторенных вздохах. При таком усиленном дыхании душа оставляет тело. Оставление душою тела совершается при усиленном дыхании; после оставления душою тела дыхание прекращается; до оставления душою тела дыхание служит признаком присутствия души в теле; душа после исшествия ее из тела невидима: на основании этих данных весьма было естественно назвать существо, живущее внутри тела, *духом* и *душою*. Столько же было естественно признать душу, или дух, существом невидимым, бесплотным, невещественным, как отличным от всего, что видим в веществе, подверженном нашим чувствам. Опять столько же естественно было признать в душе свойственную ей вещественность, обозначаемую

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 38. Преподобный Марк Подвижник сказал: «Память, возобновляя страстно и с услаждением виденное или слышанное или осязанное мыслию, воображением и порочным размышлением, живописует в душе образы и посредством этого оскверняет ум, еще находящийся в порабощении у страстей» (Послание к монаху Николаю). — Очень верно! как телесные чувства имеют общее значение осязания, так и душевные. Святые иноки, достигнув при свете Божественной благодати самовоззрения, которому самообольщение уже не может давать той неправильности и темноты, которые оно сообщало философам, водимым духом века сего, духом лжи и прелести, соделались единственными истинными психологами.

особенною полнотою дыхания, при котором она выходит. Признание существования души после разлучения ее с телом и смерти тела естественно проистекает из ощущения и сознания себя бессмертным, которые находятся в каждом человеке. Несмотря на достовернейшее познание того, что каждый человек умирает по телу, — каждый человек чувствует, внутренно сознает себя бессмертным, живет и действует как бессмертный: это — ощущение и сознание души.

Все человечество, которое не входит в глубокое рассматривание естества души, довольствуясь познанием поверхностным, общепринятым, безразлично называет невидимую часть существа нашего, живущего в теле и составляющую его сущность, и *душою* и *духом*. Как признаком жизни животных служит также дыхание, то они обществом человеческим называются от *жизни* — животными и от *души* — одушевленными (animales). Прочее вещество называется безжизненным, неодушевленным, или бездушным. Человек в отличие от прочих животных называется словесным, а они в отличие от него бессловесными. Масса человечества, всецело занятая попечениями о земном и временном, на все иное смотрящая поверхностно, видела разность между человеком и животными в даре слова. Но мужи разумные поняли, что человек отличается от животных внутренним свойством, особенною способностию души человеческой. Эту способность они назвали *силою словесности*, собственно *духом*. Сюда отнесены не только способность мыслить, но и способность к ощущениям духовным, каковы ощущение высокого, ощущение изящного, ощущение добродетели. В этом отношении значение слов *душа* и *дух* весьма различно, хотя в обществе человеческом оба слова употребляются безразлично, одно вместо другого.

Предание сохранило во всех народах понятие о существовании невидимого мира, то есть о загробной жизни душ человеческих, о существовании духов — существ, подобных душе человеческой, о существовании места, в котором добродетельные души наслаждаются блаженством, а злые страдают. Предание это, сохранившись в разных формах, но у всех народов, служит свидетельством о себе самом: свидетельством, что оно принадлежит всему человечеству. Общение с падшими духами, в которое вступило падшее человечество, поддержало, распространило, уяснило односторонним образом понятие о духах. Древняя философия часто соединена была с магиею[1], как видим на мудрецах фараона, противодействовавших

[1] Исх. 7. 11 и далее.

Моисею, на Иулиане Богоотступнике[1], на Киприане — впоследствии епископе Антиохийском и мученике. «Поверьте мне, — поведал Киприан по обращении своем, — я видал самого диавола. Я умолил его жертвами, и целовал, и говорил с ним, и с теми, которые у него старейшинами. Он полюбил меня, похвалил мой разум и пред всеми сказал: "Вот новый Амврий[2], скорый на послушание нам, достойный общения с нами". И обещал поставить меня князем по исшествии моем из тела, а во время жизни моей на земле во всем помогать мне, и полк бесов дал мне в услужение. Когда я уходил от него, он воскликнул ко мне: "Будь мужествен, доблестный Киприан!" — и, встав, проводил меня, что удивило всех бесовских старейшин. По этой причине князья его оказывали мне повиновение, видя честь, которую он мне воздал. Лицо его было подобно цвету полевому; глава его была увенчана венцом, который украшался золотом и пресветлыми камнями, одежда его была пречудная. Когда он обращался в какую сторону, — потрясалось все место; многие злобные духи стояли в великом повиновении у престола его: тогда и я отдал ему всего себя»[3]. Сведения, полученные посредством магии, свидетельствовали, что духи бесплотны подобно душе, имеют силу словесности, имеют и свойственную своей природе вещественность, имеют влияние на вещество, сами подвергаются влиянию на них вещества в известных случаях. Существование общения между отверженными человеками и отверженными духами явствует из Священного Писания[4]. Оно продолжается и ныне, между прочим, при посредстве магнетизма и спиритизма.

Науки, рассматривающие вещество, достигли в новейшее время величайшего развития. Между многими услугами, оказанными человеку науками в настоящем развитии их, не последнее место должно дать познанию чрезвычайной ограниченности наших познаний. Когда наука была скуднее, человек считал себя ученее. Когда человек полагал, что небо есть свод над землею, что небо и земля сходятся окраинами своими и соприкасаются, — он был в глазах своих больше, нежели каким представляется себе теперь, когда открыто, что над нами необъятное пространство, что земля в отношении к этому пространству — едва приметная кроха. Говорит современная наука: мы не знаем, что значит наше тело, несмотря на то, что по привычке к нему и по тому, что оно подвержено нашим чувствам, думаем удовлетворительно знать его. Жизнь тела недо-

[1] Histoire du Christianisme, par. Fleury. Tom. I. || [2] Мудрец и маг египетский, противодействовавший Моисею. 2 Тим. 3. 8. || [3] Житие священномученика Киприана. Четьи-Минеи, 2 октября. || [4] Чис. 22; 1 Цар. 28 и проч.

ступна для постижения нашего. Анатомия рассматривает трупы, а не тела. Жизни тела она не видит: не видит также собственно тела. Тело пребывает телом до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставлением его жизнию начинается разложение его. Более: этим оставлением разложение совершается; дальнейшее разложение есть только последствие главного, существенного разложения. Разложение вещества, по законам химии, не иначе может совершиться, как отделением от него одной или многих составных частей его. Здесь — указание науки на вещественность души: отделение чего-либо невещественного, отвлеченного не произвело бы на вещество никакого влияния. Но душа невидима. Что до того? невидим и теплород. Он — не взвешиваемое начало; но отделяется он химически от воды отделением, незаметным и непостижимым для чувств, и вода обращается в другое вещество, в лед. Едва жизнь оставила тело, оно — уже не тело: оно — труп. Чувствования и свойства тела могут быть описаны, а не определены. Никак не могут заменить определений предположения, как бы они ни были замысловаты. Злоупотребление наукою может блестящими предположениями удовлетворять любопытству невежества и заграждать ему уста. Вводить человеков в обман именем науки — недобросовестно. Наука, доставлением познаний истинных и точных, обязана поставлять человека в самые правильные отношения ко всему.

Химия положительно указала, что все ограниченное имеет свою степень вещественности. Математика столько же положительно доказала, что все ограниченное подчинено пространству. На этом основании совершенно невещественным, не зависящим ни от пространства, ни от времени, бесконечным во всех отношениях, не подверженным никакому изменению, никакому постороннему влиянию, неограниченным и по существу Своему и по свойствам Своим, бесконечно различествующим от всех тварей и по существу и по свойствам, исповедуется Бог. На этом же основании сотворенные духи, будучи тварями, суть существа ограниченные; они по необходимости должны иметь свою степень вещественности, должны быть подчинены пространству. Ограниченное по существу должно иметь и ограниченные свойства. Приписание неограниченного свойства или неограниченных свойств существу ограниченному — чуждо смысла (нонсенс).

Химия отвергает младенческое определение вещества на основании наших чувств. Вещество должно быть определяемо своими свойствами. Оно может простираться и простирается далеко за пределы наших чувств, круг действия которых очень ограничен.

Существование чего-либо вещественного, не имеющего действия на наши чувства или имеющего действие, которого не понимаем и не замечаем, не только не противно ее учению, явствует из ее учения. Существование духов в таком виде, в каком оно преподается православным Богословием, нисколько не противно учению химии и математики; оно вполне совпадает и согласуется с положительно доказанною теориею этих наук. Заметим: эти науки, отделив Бога от тварей бесконечною разницею, как бы отворяют дверь вере, объясняя необходимость откровенного Богопознания. Отвергнуть его они не могут по причине признанного ими всемогущества Божия и независимости действий Его от суждения человеческого.

Вот — источники понятия о духах в обществе человеческом. Из них человечество не могло составить и не может составить правильного познания по неясности одних понятий, по лживости других и по причине собственного падения: падший человек находится в общении только с падшими духами; он чужд общения с духами святыми. Отличительные черты падших духов — безумная и исступленная ненависть к Богу, гордость и лживость[1]. По гордости и по вражде к Богу падшие духи стремились к тому, чтобы падший человек воздавал им поклонение, подобающее Богу; по лживости они употребляли к достижению этой цели все средства обольщения и обмана. Демоны не только склонили утративших познание истинного Бога к поклонению себе как бы богам: поныне они стараются обольстить тех, которым являются, даже святых подвижников, склонить их к тому же. «Являясь, — поведает великий Антоний, — они стараются усугубить страх (в том, кому явились), чтоб ввергнуть в глубокий ров нечестия, исторгнув у человеков поклонение себе»[2]. По этой причине христианин, желающий стяжать непогрешительное понятие о духах, должен оставить без внимания все понятия, доставляемые преданием человеческим ученостию, магиею, магнетизмом, спиритизмом и другими подобными средствами, как могущими доставлять одни неправильные и ошибочные понятия, в которых человек, не обновленный Божественною благодатию, никак не отделит истины от обильной примеси лжи.

Для получения точного познания о духах — единственное средство: христианство, изучаемое в Священном Писании, в святых

[1] Ис. 14. 13, 14; Ин. 8. 44. || [2] Vita beati Antonii. Cap. XVIII. Опытное доказательство этого можно видеть в жизни преподобного Исаакия Печерского (Патерик Печерский); также в житии преподобного Пахомия Великого (Четьи-Минеи, 15 мая).

Отцах Православной Церкви и благочестивою, подвижническою жизнию по нравственному Преданию Православной Церкви. Для первоначального теоретического познания духов вполне достаточно того учения, которое преподается в православном Богословии. Невидимая борьба с духами в помыслах, мечтаниях и ощущениях составляет принадлежность подвижников, иноков, занимающихся правильным подвигом в иноческих общежитиях. Они стяжавают соответственно своему жительству нравственное, так выразимся для ясности, понятие о падших духах. Это понятие аскетическими писателями называется духовным видением; потому что при нем подвижник видит умом и ощущает сердцем невидимые козни невидимых врагов[1]. Свое нравственное понятие о падших духах святой Игнатий Богоносец изобразил так: «Лживый дух себя проповедует, своя глаголет, самоугоден бо есть, себе прославляет, гордыни бо есть полн, лжесловесен, прелестен, ласкосерд, ласкателен, хитр, стихосошиватель, блядив, несогласен, велеречив, ползок, боязлив: от его *действа* да избавит вас Иисус Христос»[2]. Также: «О, всех злых духов лукавнейший душе от своего злоумия! чрева ради побежден и тщеславием обесчестен еси, сребролюбием и любоначалием в нечестие привлекаеши. Ты велиар, дракон, отступник, змий стропотный, ты от Бога отступивый, от Христа отлучивыйся, от Духа Святого отчужден и от лика ангельского низриновен еси, Законов Божиих ругатель, и враг законных»[3]. Такое познание духов, такое видение их — познание и видение, существенно нужные! Оно в полноте своей доставляется внимательною иноческою жизнию. Оно — дар Божий, которым увенчавается собственный, посильный подвиг подвижника, усиливающегося усмотреть невещественные лица демонов, как в зеркале, в Священном Писании, в писаниях святых Отцов и в собственной деятельности. Оно

---

[1] Слово о чувственном и духовном видении духов. ‖ [2] Послание к Ефесеям. По изданию Киево-Печерской Лавры 1824 г. ‖ [3] Послание к Филипписиям. «Потщитеся, — говорит святой Игнатий, — частее собиратися ко Евхаристии и славе Божией: егда бо часто вкупе бываете, ослабевают силы сатанинские и бездельны возвращаются его разжженныя стрелы ко греху. Ваше бо единомыслие и согласная вера, погибель *ему* есть, *сослужителем* же его мучение. Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же всякая брань разрушается *воздушных и земных духов*». Сказав это, Богоносец ссылается, подобно Василию Великому, на слова Апостола: ***Несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем (и) к миродержителем тьмы, к духовом злобы поднебесным*** (Еф. 6. 12). Из этой цитаты видно, что Богоносец разумел духов одинаково с прочими Отцами Православной Церкви. Он установил, по свидетельству историка Никифора (книга 13, 8), в Антиохийской Церкви, которой был епископом, пение на два лика вследствие Божественного Откровения, в котором видел *Ангелов, поющих* таким образом.

разсуждение духовом[1], дар Святого Духа. С этим даром сопряжена победа над греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; побеждаемому ими доказывается этим, что он не стяжал еще дара, но обольщается, обманывается, пленяется невидимым врагом. Посредством духовного видения духов они видятся в их *действиях:* видеть самое *существо* духов даруется или попускается очень немногим, по особенному Промыслу Божию. Самопроизвольно отъемлющие завесу и покров, установленные Самим Богом, вторгающиеся насильно и дерзостно в мир духов, подвергаются величайшим бедствиям[2].

В заключение скажем: Божественное Откровение объяснило нам сотворенных духов, нашу душу, наше тело в той степени, в какой это познание нужно для нашего спасения. Как создание Божие, духи, душа, самое тело наше, все предметы видимой природы остаются в сущности тайною для нас, будучи постижимы только отчасти. При благочестивом созерцании творений Божиих и по причине такого созерцания вступим в ряды созданий, как несомненно принадлежащие к ним, прославим Создателя нашего, и в недоумении пред Его всемогуществом и премудростию принесем смиренное и истинное исповедание вместе с Давидом: *Чудна,* Господи, *дела Твоя! страшно удивился еси! Удивися разум Твой от мене, утвердися: не возмогу к нему*[3]. *«Бог наш, на небеси и на земли, вся, елика восхоте, сотвори»*[4].

Статья вторая
О рае и аде

О рае[5]

Бержье признает существование *земного рая,* приводит о месте его мнение позднейших западных ученых и церковных писателей, находит, что страна, орошаемая реками Тигром и Евфратом, не соответствует описанию Моисея, который при описании рая упоминает о этих реках, что святые Отцы, жившие на этих местах, имевшие страну пред глазами, *ничего не говорят* о земном рае. Бержье приходит к заключению, что земной рай разрушен всемирным потопом.

[1] 1 Кор. 12. 10. ‖ [2] Слово о чувственном и духовном видении духов. ‖ [3] *Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это. Дивно для меня ведение [Твое], — высоко, не могу постигнуть его!* (Пс. 138. 14, 6). ‖ [4] Великий прокимен на вечери в Богоявление. ‖ [5] Dictionnaire de Théologie par l'abbé Bergier. Tom. VI. Paradis.

Бержье признает и существование *небесного рая.* О местонахождении его он отказывается сказать что-либо *определенное.* Впрочем, упоминает о Енохе, благоугодившем Богу и взятом в рай, о душе разбойника, введенной Спасителем в рай, о восхищении в рай святого апостола Павла.

«Правду сказать, — говорит Бержье, — Иисус Христос сказал нам, что награда наша будет *на небе*»[1]. Далее западный писатель говорит: «Вера научает нас, что после общего воскресения души блаженных соединятся с телами их; но святой апостол Павел научает нас, что воскресшие и прославленные *тела* причастны *естеству духов:* следовательно, они будут в таком состоянии, о котором мы не можем составить себе никакого понятия».

О аде[2]

О аде Бержье говорит пространнее и определеннее, нежели о рае. Сделаем из статьи его несколько извлечений.

Выписка 1. «*Ад* — место мучений, в котором грешники после этой жизни подвергнутся казни за свои преступления. Итак, ад противоположен *небу,* или *раю,* где праведники получают награду за их добродетели».

Выписка 2. «Еврейское *шеол,* греческое *тартарос* и *адис,* латинское *инфернус* и *оркус,* ад, выражают, в собственном смысле, место низкое и глубокое, а по аналогии (по подобию) гроб, местопребывание мертвых. Иудеи употребляли еще слово *геенна,* или *гегинон,* — так называлась долина близ Иерусалима, в которой находилась печь, именуемая *тофель;* в этой печи исступленные идолопоклонники содержали огонь, чтоб приносить в жертву, или посвящать детей своих Молоху (идолу). По этому поводу в Новом Завете *ад* часто называется *геенной огненною,* долиною огня».

Выписка 3. «Моисей во Второзаконии говорит от лица Божия: *огнь возгорится от ярости Моея, разжжется до ада преисподняго* (шеол): *снест землю и жита ея, попалит основания гор*[3]. Если разуметь здесь под именем *ада* гроб, яму глубиною в три или четыре локтя, то это было бы объяснением самым холодным»[4].

Выписка 4. «Иов говорит, что *ад* (шеол) открыт взорам Бога и что место пагубы не закрыто от Него[5]. Иов изображает жилище

---

[1] Мф. 5. 12; 19. 21. ‖ [2] Tom. III. Enfer. ‖ [3] *...огонь возгорелся во гневе Моем, жжет до ада преисподнего, и поядает землю и произведения ее, и попаляет основания гор* (Втор. 32. 22). ‖ [4] Объяснения, отвлеченные или самые обыкновенные, часто заменяли собою прямое отвержение глубокого учения, преподаваемого Священным Писанием, чтоб отвержение учения не было ясным для всех. ‖ [5] Иов. 26. 6.

мертвых *землею,* покрытой мраком и тьмою, землею, в которой царствует томление и горе вечные»[1].

Выписка 5. «Давид говорит Богу: *плоть моя вселится на уповании, яко не оставиши душу мою во аде* (шеол), *ниже даси преподобному Твоему видети истления* (не попустишь служителю Твоему истлеть во гробе)[2]. Вот два различные местопребывания, одно для души, другое для тела».

Выписка 6. «Пророк Исаия говорит: *Узрят трупы человеков преступивших Мне: червь бо их не скончается, и огнь их не угаснет, и будут в позор всяцей плоти*[3]. Иисус Христос, во Евангелии, говоря о отверженных, относит к ним эти слова Исаии: червь их не умрет, и огонь не угаснет»[4].

Выписка 7. «Господь объявил в определенных выражениях, что *злые* пойдут в *огнь вечный,* который был приготовлен для *диавола* и *его ангелов*»[5].

Выписка 8. «По этой причине богословы (западные) признают в осужденных два рода вечных казней, различных между собою: казнь *проклятия,* или скорбь о потере вечного блаженства, и казнь *чувственную,* или мучение, производимое огнем, который не угаснет никогда. Эти два рода мучения ясно обозначены в вышеприведенных словах Спасителя. *Неумирающим червем* обозначается *казнь проклятия,* а *неугасающим огнем — казнь чувственная»*. С этим мнением нельзя согласиться вполне. Православная Церковь признает в вечности *двоякое* мучение, как и *двоякое блаженство:* 1) *внутреннее,* производимое ощущениями и помышлениями, рождающимися от положения, и 2) *внешнее,* производимое обстановкой извне. Но объяснение, якобы *червь неусыпающий* знаменовал собою внутреннее мучение, принадлежит собственно Западной Церкви. Православная Церковь признает *червь червем,* не пытаясь объяснить то, о чем сказано просто, без объяснения, не могущего быть удовлетворительно понятым в том состоянии, в котором мы находимся. Мы видели, как святой Василий Великий понимал *адского червя.* Он признает его существующим действительно, а не иносказательно, не мечтательно и отвлеченно. Святой Иоанн Златоуст также помещает *червя* в числе чувственных мук ада: «От гроба и червя, — говорит он, — перенеси мысль твою к *червю неусыпающему,* к огню неугасающему, к

---

[1] Иов. 10. 21, 22. ‖ [2] *...плоть моя успокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление* (Пс. 15. 9, 10). ‖ [3] *...увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти* (Ис. 66. 24). ‖ [4] Мк. 9. 44, 46. ‖ [5] Мф. 25. 41.

скрежету зубами, к тме кромешной, к скорби и тесноте»[1]. Здесь, как и у Василия Великого, казнь внутренняя ясно отделена от казней внешних; в числе последних оба Святителя указали на *неусыпающего червя,* как на казнь внешнюю и чувственную. Подробное исчисление адских мук внутренних и внешних можно видеть в поучениях святого Димитрия Ростовского[2]. Это исчисление помещено в «Слове о смерти». Слова Писания о райском наслаждении и о адской муке должно принимать просто и прямо, наставляет святой Тихон Воронежский[3]. «В мире случающееся неблагополучие, — говорит этот Святитель в одном из своих писем, — есть тень некая и образ будущего и вечного неблагополучия. Тяжко здесь вмененным быти между злодеями, и злым людям и бесчестным причислитися; но далеко тяжчае будет причтенным быть диаволу и злым ангелам его и с ними заедино вменятися вечно. Тяжко зде у мучителя некоего под властью быть и от него наругание, посмеяние и всякое насилие и озлобление терпеть; но далеко тяжчае будет у *сатаны,* противника Божия, быть во власти и от *него* ругание, посмеяние и озлобление терпеть вечно. Тяжко зде биение, страдание, болезнь, огневицу, лихорадку, зубную болезнь и расслабление тела терпеть; но далеко тяжчае будет терпеть вечно жжение *огня* гееннскаго, болезнь лютую и несносную, *скрежет зубов, червь* неусыпающий и *душою* и *телом* в том страдать. Тяжко зде в темнице сидеть, лишатися света и никакого не чувствовать утешения; но далеко тяжчае сидеть в *адской темнице* и никогда света не видеть, и всего лишитися утешения вечно. Тяжко зде *жажду* терпеть и желать, но не иметь прохлаждения; но тяжчае будет вечно. Словом: тяжко есть всякое страдание временное, или на душе или на теле бываемое, всяк то знает; но несравненно тяжчайшее вечное, и ради величества, и ради продолжения, яко бесконечное, которое и *душою* и *телом* будут терпеть осужденные. Тень есть временное страдание вечного страдания. Тень есть ничто в сравнении с истиною; и временное страдание — ничто в сравнении с вечным. Познавай убо вечное страдание от временного и берегись, да не впадеши в тое. Ныне *сходи* умом во ад, да не потом *душою* и *телом снидеши.* Како стерпишь *огнь* жгущий, но не сожигающий, *червь* грызущий, но не поядающий, скрежет зубов, тму кромешную, *скаредный вид демонов* и *плач,* и *стенание,* и *рыдание,* и прочая злая како стер-

[1] Слово 1 к Феодору падшему. ‖ [2] Часть 2. Поучение 2 на вход во Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. ‖ [3] Келейные письма. Том 14, письмо 2.

пиши? Помышляй сия, сравнивай временное страдание с вечным, и прожежется сим размышлением, как бичом, суета от сердца твоего»[1].

Выписка 9. «О вопросе, в каком *месте* вселенной помещается *ад,* должно сказать, что этот вопрос по крайней мере *бесполезен.* Откровение не разрешает нам его; предположения философов и предположения богословов (западных) по этому предмету одинаково ничтожны. Некоторые сочли основательным поместить ад в центре (во внутренности) земли, без сомнения, по причине огня, которым наполнена внутренность земли».

Выписка 10. «Святой Августин сказал в творении своем на книгу Бытия, что *ад не находится под землею;* но в своих Retractiones[2] он признает, что ему следовало бы сказать противное».

Выписка 11. «Относительно естества, свойственного адскому огню, нет никакой причины думать, чтоб этот *огонь* не был *вещественным* и что в приведенных нами местах Писания должно принимать *огонь* в смысле *метафорическом,* за казнь духовную, очень сильную, невыносимую... Слова Писания должно принимать буквально: *огонь,* которым мучатся осужденные *души и демоны, — вещественен*». Здесь западный писатель говорит правильно, и говорит в противоречие своему объяснению о адском черве.

Выписка 12. «Напрасно будут спрашивать, каким образом *душа, существо духовное,* каким образом *дух,* каков *демон,* могут быть мучимы *огнем вещественным.* Конечно, для Бога не затруднительнее подвергнуть мучению душу, отделенную от тела, как и душу, соединенную с телом... Для нас так же неудобно понять, каким образом удостоившиеся вечного блаженства, в *теле* и в *душе,* будут *видеть* Бога, Который — чистый дух, как и то, каким образом *дух* без тела может ощущать наказание *огнем*». Очевидно: здесь Бог поставляется в один разряд с сотворенными духами! Православная Церковь исповедует, что Бог, по естеству Своему, невидим ни для человеков, ни для Ангелов. По воскресении все человеки увидят вочеловечившегося Сына Божия и славу Божию, как сказал Господь: *узрят Сына Человеческаго, грядущаго на облацех небесных с силою и славою многою*[3], подобно тому как первомученик Стефан

---

[1] Том 15, письмо 62. ‖ [2] Так называется сочинение блаженного Августина, написанное им в старости. В этом сочинении Блаженный пересматривает прежние свои сочинения и исправляет их. И святые не вдруг получали о всех предметах откровенного Богопознания точное понятие, но достигали этих понятий постепенно, соответственно жительству своему. ‖ [3] *...увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою* (Мф. 24. 30).

при отверзении ему небес Божественным действием *виде славу Божию и Иисуса стояща одесную Бога*[1]. Слава эта, будучи проявлением Бога, именуется также *лицем* Божиим, которое *Ангели выну видят*[2], потому что собственно Бога *никтоже виде нигдеже*[3]. Это объяснено выше, в особенности извлечениями из творений святого Иоанна Златоустого и преподобного Макария Египетского.

Выписка 13. «Что касается до времени, в течение которого будут продолжаться адские муки, то Вселенская Церковь исповедует, что эти муки — вечны, не кончатся никогда. Это — догмат веры, в котором христианин не может сомневаться». Согласно — с учением Восточной Церкви.

Выписка 14. «Богословы (западные) не согласны относительно смысла, заключающегося в члене Символа Апостолов, в котором сказано, что Господь наш был распят, что Он умер, что Он был *погребен* и что *низошел* во ад (ᾅδης). Некоторые понимают в этом только то, что Он *низошел* во *гроб;* но Символ ясно различает *погребение* от нисшествия во *ад*».

Выписка 15. «По общему мнению православных богословов (западных) и Отцов Церкви, в то время как тело Иисуса Христа покоилось во гробе, Его душа нисходила в места, где были заключены души древних праведников, и возвестила им избавление их».

Из сделанных нами извлечений, которыми обрисовывается с отчетливостию мнение западного писателя о рае и аде, видно, что учение у западных об этих предметах — очень неопределенное. Несмотря на это, Бержье приводится, как бы насильственно, ясными словами Господа, к мысли, что *рай* находится на *небе*. Также он приводится к мысли, хотя и не принимает ее, что *ад* находится во внутренности земли (**Выписка 9** и **10**). Обратим теперь внимание на учение Православной Восточной Церкви, сличим учение с учением...О! с какою ясностию она указывает *место рая на небе и место ада во внутренности земли,* показывая этим величие человека, в которое он возведен Богом, и ужас казни, назначенной за пренебрежение благодеяний Божиих. Оглашается это учение во всеуслышание человечества торжественным песнопением при богослужении церковном; проповедуется и возвещается это учение святыми Отцами Православной Церкви. Многочисленные цитаты приведены в «Слове о смерти» из богослужебных книг и из творений Отцов Православной Церкви: они со всею удовлетворительностию

[1] *...увидел слову Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога* (Деян. 7. 55). ‖ [2] *...Ангелы... всегда видят* (Мф. 18. 10). ‖ [3] *...не видел никто никогда* (Ин. 1. 18).

решают вопрос относительного того, где помещаются *рай* и *ад*. Впрочем, цитаты могут быть приведены в несравненно большем количестве.

Очень затрудняют западного писателя определение отношения рая и ада к духам, тем более что в том и другом месте будут помещены вместе с бесплотными духами воскресшие человеки в их телах. Очевидно, что затруднение происходит от принятого на Западе учения о совершенной духовности сотворенных духов. В статье о рае он старается выйти из затруднения ссылкою на святого апостола Павла, научающего, что *воскресшие и прославленные тела* будут причастны естеству *духов*. В статье о аде он старается объяснить всемогуществом Божиим *мучение* невещественных духов вещественным *огнем* (**Выписка 12**) и усиливается прикрыть западное неправильное признание сотворенных духов совершенно невещественными совершенной невещественностию Бога, признаваемою и исповедуемою единодушно Вселенскою Церковию (**Выписка 12**).

Если возвратимся к статье о духах, соединим высказываемое западным писателем о духах в статьях его о рае и аде с высказываемым в статьях о духах, душе, Ангелах и демонах, то пред нами откроется следующее зрелище. Западный писатель подвергается постоянному колебанию, постоянно противоречит сам себе: он ссылается на святых Отцов Восточной Церкви с неверностию (**Выписка** о духах **4**), приводит других Отцов, которые оказываются противного ему мнения (**Выписка** о духах **15**); он то оправдывает Отцов (**Выписки** о духах **16, 18, 20**), то признает их ошибавшимися (**Выписка** о духах **22**); отвергая эфирную, газообразную вещественность духов, свойственную их природе, признает и проповедует, что они имеют нужду *облекаться в тонкое тело* при действии их на тела (**Выписка** о духах **22**); он старается прикрыть учение о совершенной невещественности души и сотворенных духов, принятое Западною Церковию в позднейшие времена, учением о совершенной невещественности Бога (**Выписки** о духах **8, 9, 12, 13, 14**), ставит бесконечного, неограниченного Бога в один разряд существ с Его тварями, существами ограниченными, не сравненными с Богом ни по существу, ни по свойствам, в чем — явное богохульство. Таким образом, учение Запада о духах, будучи тщательно рассмотрено и проверено, само свидетельствует о своей неосновательности. Возблагодарим, прославим Бога, даровавшего нам великую милость: рождение в бытие и рождение в пакибытие на лоне Православной Церкви. Аминь.

Письмо епископа Игнатия к некоторому духовному лицу, спрашивавшему об основаниях его убеждений

о существе сотворенных духов и души человеческой, и почему он назвал человеческую душу — эфирною[1]

...Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 28 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностию.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и потом в монастырь, хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1827 году, а начал заниматься Писанием и Отцами гораздо раньше, — можно сказать, с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему. В противность понятиям, заимствованным у западных мечтателей, опыт доказывает верность учения Отцов со всею решительностию. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. Что ж касается до слова **эфир,** то химия называет этим

---

[1] Ответ святителя Игнатия Брянчанинова на письмо святителя Феофана Затворника (Говорова); подробнее см.: Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 158–163.

словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле — невеществен Один, необъемлемый пространством — Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу — жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени — решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости, зависит от пространства...

Епископ Игнатий.

4 июня 1865 года
Николо-Бабаевский монастырь

ПРИЛОЖЕНИЕ

СВЯТИТЕЛЬ ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ

Предисловие[1]

Автор данного труда — святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867), известный русский подвижник и духовный писатель XIX века. Его сочинения, изданные еще при жизни святителя и переизданные в 5 томах в 1886 году, привлекают внимание глубоким знанием Священного Писания и творений святых Отцов Православной Церкви, творчески переработанных и осмысленных применительно к духовным запросам современности. Написанные к тому же с незаурядным литературным мастерством, произведения Святителя представляют собой ценное пособие для всех желающих проходить узкий и тернистый путь опытного богопознания. Данное сочинение — «Слово о человеке» — не вошло в 5-томное издание и вообще до сего времени оставалось неизвестным. Оно принадлежит к числу немногих творений Святителя, имеющих философско-догматический характер и излагающих вероучительные истины в систематическом порядке. Этот труд епископа Игнатия можно назвать очерком по христианской антропологии.

Святитель Игнатий излагает учение о человеке на основании Предания Православной Церкви — Священного Писания и творений святых Отцов. Все неправославные и тем более нерелигиозные концепции человека им просто не рассматриваются — они отнесены им к «измышлениям падшего человеческого разума». Впрочем, находясь в русле святоотеческой традиции, его антропология имеет свои особенности. Святителя интересуют в первую очередь пути исцеления души человеческой от греха, вопросы пастырской практики и аскетики. Вот почему из святых Отцов по данной теме ему наиболее близки святой Иоанн Златоуст, преподобные Макарий Великий и Исаак Сирин. Основополагающая идея учения о человеке епископом Игнатием взята у святого апостола Павла.

[1] Текст творения святителя Игнатия «Слово о человеке» печатается по: Богословские труды. Сб. 29. М., 1989. С. 284–320.

Человек — это храм. Его назначение — освящение, наполненность Святым Духом. Иначе этот «словесный» храм становится жилищем сил зла — демонов. Третьего не дано. Столь же резко Святитель разграничивает две линии развития мировой истории. Первую определяют те, кто стремится к Небу и земную жизнь считает временем покаяния, а самую землю — лишь временным пристанищем, страной изгнания из рая. Вторую линию составляют те, кто, забыв о покаянии и возвращении к Небу, нацелен на устроение земной жизни, на упрочение состояния грехопадения, приводящее в конце концов к полному подчинению «князю века сего» — диаволу.

Содержание «Слова о человеке» строится по обычному плану. Вначале — введение, затем — о творении мира и человека, о пребывании в раю, грехопадении и последующей земной жизни человечества. Далее начинается 2-я часть — о пришествии в мир Христа, и здесь рукопись обрывается. Из этого можно предположить, что свой труд Святитель писал незадолго до смерти (30 апреля 1867 года).

Многие идеи «Слова о человеке» — об аде и рае, о познании добра и зла, об относительной бестелесности человеческой души — встречаются и в других произведениях святителя Игнатия, в таких, как «Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», «Об образе и подобии Божием в человеке» (Аскетические опыты, т. 2), «Слово о смерти» (Аскетические опыты, т. 2). Более того, в самом «Слове о человеке» автор ссылается на эти свои произведения, что также позволяет отнести его к последним годам жизни Святителя.

Очень жаль, что труд святителя Игнатия остался незавершенным и в нем не рассмотрены, в частности, вопросы учения о человеке, связанные с христологией и сотериологией. Тем не менее и в таком виде «Слово о человеке» представляет несомненный интерес и вполне может послужить к назиданию и духовной пользе всех, стремящихся «спастися и в разум истины приити» (1 Тим. 2. 4).

Текст данного творения сохранился в семейном архиве Флоренских. Вероятно, он предполагался для публикации в «Богословском вестнике», редактором которого был священник Павел Флоренский в 1912–1917 годах. Рукопись предоставлена игуменом Андроником (Трубачевым); подготовлена к печати иеромонахом Исаией (Беловым) [1988 г.].

Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были (1 Кор. 11. 31).

Иеромонах Исаия, Троице-Сергиева Лавра

Введение

Из монастырского уединения смотрю на видимое нами великолепное и обширное мироздание — поражаюсь недоумением и удивлением. Повсюду вижу непостижимое! Повсюду вижу проявление Ума, столько превышающего мой ум, что я, созерцая бесчисленные произведения Его в необъятной картине мира, вместе не могу понять окончательно ни одного произведения Его, ни одного действия Его. Мне дана возможность созерцать только ту часть творения, которая доступна моим чувствам; мне дана возможность осязательно убедиться в существовании вещества, доступного для чувств моих по его свойствам, недоступного для меня по ограниченности моей[1]; мне дана возможность заключать со всею достоверностию по веществу, подверженному моим чувствам и исследованию, о существовании вещества, недоступного для меня по тонкости его; мне дано узнать, что природа управляется обширнейшим, премудрым законодательством, что законодательство это одинаково объемлет и громаднейшие, и самомалейшие творения. Ничто из существующего не изъято из подчинения законам. Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтоб из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего[2]. Возвещает Его, громко проповедует природа. Во мне естественно существует понятие о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачимым сознанием, которое почерпает душа из рассматривания природы чистым оком. Непостижима она для меня! Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение ее! Должна быть она непостижимою, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и в своих путях огромные светила небесные: столько же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами. Она тянет из земли нужные для себя соки, разлагает их, образует из них свойственные себе качество, вкус, запах, цвет, плод; возле нее другой стебелек, из той же земли, из таких же соков, вырабатывает принадлежности совсем иные, последуя отдельным, своим законам, и часто возле вкуснейшей ягоды или

---

[1] Так, например, вещество, из которого составлена Земля, доступно для наших чувств. Но кора Земли исследована только на самую незначительную глубину: дальнейшее исследование превышает средства человеческие, и доступное само по себе делается недоступным по невозможности исследования. ‖ [2] Рим. 1. 20.

благовоннейшего цветка произрастает злак, напитанный смертоносным ядом.

Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя — человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на Земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на Земле, не зная будущего. Мне неизвестно, что сделается со мною чрез день, чрез несколько минут. Постоянно встречаюсь с неожиданным. Постоянно нахожусь под влиянием обстоятельств и обстановки, которые порабощают меня себе. Одна привычка, одна проводимая безрассудно жизнь мирит с таким странным положением. Не может оно укрыться от наблюдателя. Что делается со мною, когда я, пробыв на Земле срочное время, исчезаю с лица ее, исчезаю в неизвестность, подобно всем прочим человекам. Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью. С понятием о смерти соединено понятие о прекращении существования; но во мне живет убеждение невольное, естественное, что я — бессмертен. Чувствую себя бессмертным: постоянно действую из этого чувства. Умирающие при сохранении сознания говорят и действуют, как отходящие и переселяющиеся, отнюдь не как уничтожающиеся. Человек — тайна для самого себя.

Неужели эта тайна запечатлена окончательно и нет никакого средства раскрыть ее? Да! Запечатлел ее для человека грех, запечатлело ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, дотоле тайна — человек — пребывает для меня неразъяснимою: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее. Не понимаю души моей, не понимаю тела моего; понятия, которые думаю иметь о них, оказываются, при рассмотрении неповерхностном и нелегкомысленном, очень недостаточными, по большей части ошибочными. Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами. Тайна — человек — отверзается в степени, доступной и нужной для нас, вочеловечившимся Богом, Господом нашим Иисусом Христом. *В Немже суть вся сокровища премудро-*

сти и разума сокровенна[1]. Приобретаемое при посредстве Божественного откровения познание о человеке все еще остается относительным: относительным к ограниченности постижения нашего, относительным к существенной нужде нашей в познании. Бог дарует нам самовоззрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения, или, что то же, для вечного блаженства нашего; но основная причина создания человека, существенное условие бытия его, самое существо его ведомы единому Богу. Действия неограниченного Творца не могут быть объяснены со всею точностию тварям, хотя и разумным, ни постигнуты ими. Полное и совершенное познание всех тварей имеет один Творец их, Бог. Это познание отличается от познания, свойственного и возможного нам, различием бесконечным.

Озаряемые светом Слова Божия, светящего нам из Священного Писания и из писаний святых Отцов, мы предлагаем здесь учение Святого Духа о человеке, предлагаем сообразно скудости способностей наших, особливо же сообразно скудости духовного преуспеяния нашего. Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здравым и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания. Поступая так, мы последуем завещанию Духа, завещавшего христианству чрез посредство Апостола: *Блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе*[2].

Определение человека

Что такое — человек? На этот вопрос отвечает человекам Апостол: *Вы бо есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие*[3]. Священное Писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. *Егда нечистый дух,* сказал Спаситель, *изыдет от человека, преходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретает. Тогда*

---

[1] *В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения* (Кол. 2. 3). ‖ [2] Преподобный Макарий Великий. Беседа 49, 4. — *Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу* (Кол. 2. 8). ‖ [3] *Ибо вы храм Бога Живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом* (2 Кор. 6. 16).

речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох: и пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою седмь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых[1]. Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца. Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человекам преуспевать как в добре, так и во зле во время всей *земной* жизни, говорит: *яко камение живо зиждитеся в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны благоприятны Богови Иисус Христом. В велицем дому* мира *не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо в честь, ови же не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце*[2]. Дана свобода, но воля Божия пребывает неизменною: *Сия есть воля Божия — святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд, стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы, не ведящии Бога. Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаяй, не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас*[3]. Соделывается человек сосудом и жилищем Божиим посредством христиан-

[1] *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит* (Мф. 12. 43). *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, и бывает для чел века того последнее хуже первого* (Лк. 11. 24–26). См. объяснение этих слов Евангелия блаженным Феофилактом Болгарским, также в Слове о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу. Аскетические опыты. Т. II. Изд. 1865 г. || [2] *...и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело* (1 Пет. 2. 5; 2 Тим. 2. 20–21). || [3] *Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога. Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Сол. 4. 3–5, 7–8).

ства; устраивается и украшается жилище действием Святого Духа: *вы созидаетеся,* говорит Апостол, *в жилище Божие Духом*[1]. Вожделенно для человека удовлетворение Божественной цели! Вожделенно для человека достижение достоинства, предоставленного ему Богом! Достоинство это при сотворении человека было даром Божиим; потерянное падением, оно по искуплении опять соделалось даром Божиим. *Преклоняю колена моя,* пишет святой Павел к Ефесеям, *ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша*[2]. Достоинство даровано и законоположено Богом: отвержение достоинства влечет за собою вечную погибель. *Будите во Мне, и Аз в вас,* сказал Спаситель всем ученикам Своим — христианам. *Якоже розга не может плода сотворити о себе* (сама собою), *аще не будет на лозе: тако и вы, аще во мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает*[3]. *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*[4]. Соделались храмами Божества все избранники Божии, как говорит о себе святой апостол Павел: *Живет во мне Христос*[5]. Неудовлетворивших Божественному назначению он называет не тем, чем они должны быть. *Или не знаете себе,* говорит он, *яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте,* то есть (по русскому переводу) *разве только вы не то, чем должны быть*[6]. За неудовлетворение человеком назначению своему Апостол возвещает ему вечное бедствие. *Не весте ли,* говорит он, *яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* отступлением от Него, преданием собственному состоянию падения, общению с падшими духами и последствию их — погребению навеки во адской огненной

---

[1] *...вы устрояетесь в жилище Божие Духом* (Еф. 2. 22). ‖ [2] *Для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3. 14. 16–17). ‖ [3] *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают* (Ин. 15. 4–6). ‖ [4] *Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14. 23). ‖ [5] Гал. 2. 20. ‖ [6] 2 Кор. 13. 5.

бездне. *Храм Божий свят есть, иже есте вы,* то есть *храм Божий свят, а этот храм — вы*[1]. Не только души, но и *телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, Егоже имате от Бога,* получив в себя при таинстве Крещения, *и несте свои? Куплени бо есте* ценою Крови Богочеловека. *Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия*[2]. Основываясь на этих свидетельствах Святого Духа, определяем человека так: «Человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу».

Предлагаем возлюбленным братиям, инокам и всем вообще подвижникам христианства, желающим подвизаться правильно, законно, соответственно воле Божией, предлагаем обратить должное внимание на сделанное нами определение человека! Указание и объяснение правильного подвига составляет цель нашего убогого Слова. Плод правильного, предначертанного Святым Духом подвига — обновление подвижника Божественною благодатию и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храме — человеке. «Тех, которые не ощущают вселения Христова, — сказал некоторый великий Отец, — Священное Писание именует неискусными, то есть не знающими опытно христианства»[3]. К правильному подвигу, как к существенно необходимому, приглашает Апостол служителя Христова: *злопостражди,* говорит он, *яко добр воин Иисус Христов. Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися*[4].

Естественно, что учение Священного Писания о человеке возвещается и проповедуется единогласно Отцами Православной Церкви. «Мы дом Божий, по слову пророческому, евангельскому и апостольскому», — сказал преподобный Марк Подвижник[5]. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Благодать Святого Духа соделывает нас самих, если мы проводим благочестивую жизнь, храмами Божиими, и мы получаем способность молиться на всяком месте. Не таково у нас богослужение, каковым было оно некогда у иудеев, сопряженное с значительною наружною обстановкою, нуждавшееся в многих обрядах. Там намеревавшемуся принести молитву долженствовало придти ко храму, купить горлицу, иметь в руках дрова и огонь, пригласив жреца, приступить к алтарю,

[1] 1 Кор. 3. 16–17. ‖ [2] *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6. 19–20). ‖ [3] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 27. ‖ [4] *...переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2. 3, 5). ‖ [5] Гл. 224. О мнящихся от дел оправдитися.

сверх того, исполнить много других постановлений: здесь ничего нет такого; где бы ты ни был, приуготовлен тебе и алтарь, и жрец, и жертва. Ты сам и алтарь, и священник, и приношение»[1]. *Вы есте церкви Бога Жива*[2]. Этот дом укрась, извергни всякое греховное помышление, чтоб соделаться драгоценным членом Христа, чтоб соделаться храмом Духа[3]. *Основания иного никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Иисус Христос*[4], *о Немже всяко создание составляемо* (то есть зиждется всякое здание)[5]. Самое дело, будучи рассмотрено со вниманием и точностию, показывает, что основание иначе положено быть не может, как трезвенным и правильным жительством. *Здание растет,* говорит Апостол, *в Церковь Святую о Господе* — часто повторяет он это, — в святой храм, *в жилище Божие Духом*[6]». Что это за здание? Храм, предназначаемый в обитель для Бога. «Каждый из вас есть храм, и все вообще составляете храм, в котором жительствует Бог, как в теле Христовом, как в духовном храме»[7]. Учение святого Иоанна Златоустого читаем и в возвышенных словах святого Исаака Сирского. Епископ Ниневии и отшельник в пустынях Месопотамии, а потом Египта [Исаак] уясняет это учение из опытов святого подвижничества. «Дерзаю утверждать, — говорит Исаак, последуя святому Павлу, — что мы — храм Божий. Очистим храм Его, потому что Он чист, чтоб Он возжелал вселиться в него. Освятим его, потому что и Он свят. Украсим его всеми делами благими и благолепными. Покадим его кадилом — упокоением Бога исполнением воли Его, чистою и сердечною молитвою, которой невозможно стяжать при частом общении с миром участием в действиях его»[8]. Тогда осенит душу облак славы Божией, и свет величия Его воссияет внутри сердца[9]. Небо — внутри тебя, если будешь чист, в самом себе увидишь Ангелов со светом их, и Владыку их с ними и внутри их. Сокровище смиренномудрого внутри его: оно — Господь[10]. Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Что значит пребывать в попечении о суде Его? Не что иное, как непрестанно изы-

---

[1] Sanct. Chryssi. P. 667. Sermo de Anna. *Св. Иоанн Златоуст.* Творения. Т. 4. С. 820. ‖ [2] *...вы храм Бога Живого* (2 Кор. 6. 16). ‖ [3] S. Chr. Tom I. P. 915, contra iudeoi sermo VI. Св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. I. С. 718. ‖ [4] *Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3. 11). ‖ [5] Еф. 2. 21. ‖ [6] Еф. 2. 22. ‖ [7] S. Chrysost. Tom XI. P. 14. Св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 11. С. 50. ‖ [8] Очевидно, что это участие может быть лишь сердечным: и такого участия достаточно для отьятия у сердца сосредоточенной, неразвлеченной молитвы. Чтоб стяжать неразвлеченную молитву, должно верою возложить все попечения свои на Бога. ‖ [9] Слово 68. ‖ [10] Слово 8.

скивать все средства к упокоению Его[1], непрестанно скорбеть и печалиться по причине немощи естества нашего, непопускающей нам достигнуть совершенства, непрестанно заботиться о том, чтоб постоянно содержать в душе своей непрерывающуюся память Божию[2], как сказал блаженный Василий. Сосредоточенная молитва, чуждая развлечения, соделывает в душе волю Божию явственною. В этом заключается вселение Бога в человека, когда Бог, постоянным памятованием Его, напечатлеется (водрузится) в человеке[3]. Святому Исааку был предложен вопрос: «В чем заключается совокупность всех частных подвигов жительства, то есть безмолвия, чтоб по ней подвижник мог уразуметь, что он достиг совершенства в жительстве?» Великий Отец дал вопросу следующее решение, которое можно было дать только из глубокой подвижнической опытности: «Когда безмолвник достигнет постоянного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшей грани всех добродетелей и отселе соделался жилищем Святого Духа. Если кто с достоверностию[4] не приял в себе благодати Утешителя: тот не может свободно пребывать таким образом в молитве. Дух, говорит Писание[5], когда вселится в кого из человеков, не престает от молитвы: потому что Сам Дух непрестанно молится. Тогда молитва не пресекается в душе ни во время сна, ни во время бодрствования; но ест ли человек или пьет, или что другое делает, даже во время глубокого сна, благоухания и пары молитвы этой без труда источаются из его сердца. Тогда молитва не отлучается от подвижника, но постоянно пребывает в нем и с ним: если она и умолкает по наружности на краткое время, то тайно она же служит в нем»[6].

Преподобный Макарий Великий очень часто в глубоких беседах своих к совершенным христианам обращается к объяснению

---

[1] Упокоевается Бог человеком тогда, когда человек пребывает в преданности и покорности воле Божией, или, что то же, в учении Евангелия. ‖ [2] Память Божия или Поучение состоят в непрестанной молитве. См. о сем во 2-й части Аскетических опытов. ‖ [3] Слово 89. ‖ [4] Присовокупление этого слова служит намеком, что многие, чуждые благодати, приписывают ее себе, а другие признают благодатию вкравшуюся в них бесовскую прелесть. ‖ [5] Рим. 8. 26. ‖ [6] Слово 21. Святой Исаак согласно с прочими Отцами (Слово 1, Слово 84) научает, что Христос насаждается в сердца наши таинством Святого Крещения, как семя в землю. Дар этот сам собою совершен; но мы его или развиваем, или заглушаем, судя по тому, какое проводим жительство. По этой причине дар сияет во всем изяществе своем только в тех, которые возделали себя евангельскими заповедями, и по мере этого возделания. См. Преподобного Марка Подвижника Слово о крещении, Ксанфопулов главы 4, 5 и 6; также Слово о трех отношениях естества человеческого к добру и злу. Аскетические опыты. Ч. 2.

назначения, данного человеку Творцом. Он постоянно выражается о человеке, как об обители, храме, сосуде, Престоле Божества. «Благоизволил Небесный Отец обитать во всяком, верующем в Него и просящем у Него»[1]. Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой! Таково благоволение неизглаголанной Божией благости[2]. Внутренний человек есть некое живое существо, имеющее свой образ и вид: внутренний человек есть подобие внешнего человека. Это — превосходнейший и драгоценнейший сосуд, потому что Бог благоволил о нем более, нежели о всех тварях[3]. Престол Божества есть ум наш и, наоборот, Престол ума есть Божество и Дух. Подобно этому, по преступлении заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол, воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений, в которых они обитали. Господь очистил совесть, соделал Своим Престолом разум, помышление и тело[4]. Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как и в общении с Ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святого Духа. Итак, рассматривайте, братия, совесть вашу: с кем вы находитесь в общении, с Ангелами ли или с демонами? Чей вы храм и жилище, Божие ли или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце ваше, благодатным ли или сатанинским? Как дом, оскверненный зловонием и нечистотами, должно, во-первых, окончательно очистить, потом украсить и наполнить всяким благовонием и сокровищами, так должно нам очистить и сердце, чтоб вместо сатаны пришел Дух Святой и почил в душах христианских[5]. Души, ищущие естеству своему странника, то есть освящение Святого Духа, прилепляются всею любовию своею ко Господу, в Нем живут, в Нем молятся, к Нему устремляют все помышления свои, презирая все прочие блага мира. За это они удостаиваются приять елей Божией благодати. После этого они могут проводить жизнь свою беспреткновенно, во всем вполне благоугождая духовному Жениху. Но души, пребывающие в одном собственном естестве, пресмыкающиеся помышлениями своими по земле, занятые попечениями единственно о земном, разум их живет в стране дольней. Сверх того, — что хуже всего — обольщенные самомнением и упорные в нем, они признают себя, будучи украшены плотскими правдами[6], истинными

---

[1] Ин. 14. 21, 24. ‖ [2] Беседа 18, гл. 6. ‖ [3] Беседа 16, гл. 7. ‖ [4] Беседа 6, гл. 5. ‖ [5] Беседа 27, гл. 19. ‖ [6] То есть правдами плотского мудрования или ветхого человека, отверженными Богом. Богу благоугодна одна евангельская правда.

невестами Небесного Жениха. По самой же вещи их невозможно признать рожденными Свыше, как неприявших елея радости[1]. Дом, в котором не живет господин его, находится в темноте, нечистоте и запустении, наполняется сором и смрадом: так и душа, в которой не обитает Господь с Ангелами, наполняется греховным мраком, скверными и унизительными страстями. Горе пути, по которому никто не ходит, на котором не слышится человеческого голоса! Такой путь соделывается притоном зверей. Горе душе, в которой не ходит Господь и не прогоняет из нее Своим гласом зверей — духов злобы! Горе дому, когда не обитает в нем владелец его! Горе земле, когда нет земледельца, который бы возделывал ее! Горе кораблю, не имеющему кормчего! Он сокрушится и погибнет от морских волн и бури! Горе душе, не имеющей в себе истинного Кормчего, Христа! Находясь в горестном и мрачном море, обуреваемая волнами страстей и духами злобы, бедствуя как бы от тяжкой непогоды, наконец, она подвергается погибели! Горе душе, если она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтоб она могла приносить благие плоды Духа! Будучи оставлена, она порастает терниями и волчцами и наконец подвергается потреблению огнем. Горе душе, если она не имеет обитающим в себе Господа своего Христа! Будучи оставлена, она наполняется смрадом страстей и соделывается жилищем пороков[2].

Мироздание

Сообразно определению, данному нами человеку, мы намереваемся изобразить по силам нашим чудное зодчество этого словесного храма Божия; мы намереваемся начертать духовную и нравственную историю его от создания до кончины мира: и человек сам собою, и история его представят фактическое убеждение, что единственно то назначение, которое указывается человеку Словом Божиим, а не иное, свойственно ему.

Человек сотворен Богом. Сотворением человека Творец заключил мироздание, то есть сотворение миров, видимого и невидимого. Он, прежде нежели приступил к созиданию окончательной твари, в которой восхотел сочетать миры видимый с невидимым, приуготовил для этой твари жилище — землю. Извлекал Он все из ничтожества единым словом; творил Он из преждесотворенных тварей твари новые единым словом. Для совершенно-

[1] Беседа 4, гл. 6. ‖ [2] Беседа 28, гл. 2.

го в премудрости Зиждителя труд размышления или обдумывания был излишен; для всемогущего Зиждителя труд созидания был излишен: все являлось по Его мысли, по Его слову. Его мысль есть Его слово, и Его слово есть мысль Его. *Той рече, и быша: Той повеле, и создашася*[1]. На глас Божий явились небо, земля, светила небесные, отделились от земли воды в свои хранилища, потом земля покрылась произрастениями, населилась различными животными. Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. *Виде Бог,* по совершении всего мироздания, *вся, елика сотвори: и се добра зело*[2]. Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение[3]; создана была она для вечности. Боговдохновенный Бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своем, не нуждалась в возделывании[4]: сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастений не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: *Терния и волчцы возрастит тебе* земля[5]. По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою — самою ясною и благорастворенною. Дождей не было: источник исходил из земли и напаявал лицо ее[6]. Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями[7]. Гнев Творца изменил землю. *Проклята земля в делех твоих*[8], — сказал Он человеку, поправшему заповедь Его, и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвозвещающим сожжение ее, соделывающим это сожжение как бы естественною необходимостию. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала

---

[1] *Он сказал, и они сделались, повелел, и сотворились* (Пс. 148. 5). ‖ [2] *Увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт. 1. 31). ‖ [3] *Приидет день Господень яко тать в нощи, вонъже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаеми разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (Пет. 3. 10). ‖ [4] Быт. 2. 5. ‖ [5] *Терния и волчцы произрастит... тебе* (Быт. 3. 18). ‖ [6] Быт. 2. 5–6. ‖ [7] Быт. 1. 30. ‖ [8] *Проклята земля за тебя* (Быт. 3. 17).

молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе насильно и содержит в повиновении насильно; с другими он — в вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностию к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелия гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервенением кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилось проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свой, смерть, которую они ощутили и в душе и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были, без сомнения, зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения[1]; наконец, явилась смерть между человеками от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником[2]. До греха не было в мире смерти. Смерть взошла в мир грехом[3], быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром; самое небо свиется, как одежда, и исчезнет[4]. Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас Книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека.

Мы упомянули выше о мирах видимом и невидимом[5]. Это понятие — *относительное.* Оно образовалось в нас из состояния падения, в котором мы находимся, в котором называть очень естественно видимую нами часть создания Божия миром видимым, а неви-

[1] Быт. 4. 4. ‖ [2] Быт. 4. 8. ‖ [3] Рим. 5. 12. ‖ [4] 2 Пет. 3. 10; Откр. 6. 14. ‖ [5] Мироздание описано в 1-й и 2-й главах Книги Бытия.

димую — миром невидимым. В сущности, этого разграничения нет[1]. К невидимому миру мы причисляем Ангелов и ту часть вселенной, которая служит жительством для них. Бытописатель ничего не говорит о сотворении Ангелов, но из Священного Писания видно, что они сотворены прежде видимого мира. Описание мироздания заключается единственно в описании сотворения видимого мира, который мы также называем миром вещественным. Это название — опять *относительно;* в описании мироздания говорится о предметах вещественного мира, находящихся вне земли, только по отношению их к земле и человеку. Дух Святый поведает нам о мироздании столько, сколько требует того существенная наша нужда, а не столько, сколько желало бы любопытство кичащегося разума, злоупотребляющего познаниями. Так, поведается о светилах небесных, что они сотворены с целию *освещати землю, и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по земли*[2]. Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительства богоугодного, — жительство богоугодное соделывает человека обителью Святого Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного[3]. Мироздание совершилось в шесть дней; завершилось оно сотворением человека.

Сотворение человека

Бог сотворил человека по *образу* и *подобию* Своему. Под словом *образ* должно разуметь, что самое существо человека есть снимок (портрет) с Существа Божия; а *подобием* выражается сходство в самых оттенках образа или его качествах. Очевидно, что образ и подобие, сопряженные вместе, составляют полноту сходства; напротив того, утратою или искажением подобия нарушается все достоинство образа. Бог сотворил человека по образу и подобию Своему: следовательно, сотворил его совершенным образом Своим. Человек был отпечатком Божества не только по существу своему, но и по нравственным качествам — по премудрости, по благо-

[1] Действие чувств в святых мужах, обновленных Святым Духом, гораздо обширнее, нежели у людей, пребывающих в области падения. Даже некоторые механические средства, каковы зрительные трубы, телескоп, микроскоп и другие, распространяют действие чувств и соделывают видимым то, что в обыкновенном состоянии нашем невидимо. ‖ [2] Быт. 1. 14–15. ‖ [3] Ин. 16. 12–13; 1 Кор. 2. 13–14.

сти, по святой чистоте, по постоянству в добре. Зло или недостаток не могли иметь никакого места в человеке: несмотря на свою ограниченность, он был совершен; несмотря на свою ограниченность, он имел полноту сходства с Богом. Полнота сходства необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению — назначению быть храмом всесовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим[1], слово его долженствовало быть Словом Божиим[2], дух его должен быть соединен с Духом Божиим[3], его качества должны быть Богоподобными[4]. Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь соделывается причастником Божественного естества![5] Человек, достигший такого состояния, называется богом по благодати! К такому состоянию призваны все мы Творцом при сотворении, в прародителях наших, как возвестил сам Творец: *Аз рех: бози есте*[6]. В таком состоянии находился наш праотец немедленно по сотворении его, так что слова, сказанные им о жене, Спаситель мира прямо назвал словами Божиими[7].

Священное Писание представляет Бога совещавающимся с Самим Собою пред сотворением человека. *Сотворим человека,* произнесло непостижимым образом Непостижимое Божество, *по образу Нашему и по подобию: и да обладает рыбами морскими и птицами небесными, и зверми и скотами, и всею землею, и всеми гады, пресмыкающимися по земли*[8]. В этих словах, предшествовавших сотворению дивного образа Божия, открывается и свойство Самого Первообраза — Бога, открывается Троичность Лиц Его. Совещание Божественное, предшествовавшее созданию человека-мужа, предшествовало и созданию человека-жены. *И рече,* говорит Писание, *Господь Бог: не добро быти человеку единому: сотворим ему помощника по нему*[9]. Жена, подобно мужу, создана по образу и подобию Божиим; создание ее, как и создание мужа, почтено совещанием, в котором проявляются Три Лица Единого Божества и произносят величественное *сотворим,* изображающее едину волю и одинаковое достоинство Лиц Всесвятой Троицы, действующих нераздельно и неслитно. Троичность Лиц Божества при единстве Божественного Существа отпечаталась и на образе Божием — человеке — с порази-

---

[1] 1 Кор. 2. 16. || [2] 1 Кор. 7. 12; 2 Кор. 13. 3. || [3] 1 Кор. 6. 17. || [4] Мф. 5. 48. || [5] 2 Пет. 1. 4. || [6] *Я сказал: вы — боги* (Пс. 81. 6). || [7] Быт. 2. 24; Мф. 19. 4–5. || [8] *И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле* (Быт. 1. 26). || [9] *И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему* (Быт. 2. 18).

тельною ясностию. Представителем человечества, его деятелем поставлен муж: по этой причине Священное Писание упоминает о нем одном при взятии человека в рай и при изгнании человека из рая[1], хотя ясно видно из того же Писания, что в том и другом обстоятельстве участвовала и жена. Она вполне участвует в достоинстве человека и в достоинстве образа Божия: *Сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их*[2].

Тело и душа

Действие Творца при сотворении человека-мужа Священное Писание изображает так: *Созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу*[3]. Этот образ сотворения человека показывает в нем превосходнейшее и ближайшее к Богу творение. Человек производится не единократным действием, как произведены были прочие твари, но образуется и созидается постепенно. Творец мира для сотворения земли, неба, громадных светил, бесчисленных растений и животных употреблял единое свое Слово; Творец человека представляется сперва глаголющим в Самом Себе, потом действующим; сперва образующим тело, потом вдыхающим в лицо человека дыхание жизни. По самому сотворению достоинство тела человеческого несравненно выше всех прочих тел, а душа несравненно выше всех душ животных, душ, которые произвела из себя земля по повелению Творца[4]. Но первое начало человека — персть. Мысль об этом начале должна служить для нас неисчерпаемым источником смирения! Душа от первого видимого действия, свидетельствующего о присутствии ее в человеке, названа *дыханием жизни;* самое вдохновение ее отнесено к лицу человека, как к той части тела, которая одна по преимуществу служит зеркалом души, выражая на себе характер ее движений и ощущений. Весь человек наименован *живою душею,* потому что, по соединении души с телом, он сделался единым существом, состоящим из души и тела, но существом, в котором полное преобладание имеет душа[5]. Тело — дом души, ее одеяние, ее орудие. Так именуют его и Священное Писание, и святые Отцы. Два

---

[1] Быт. 2. 15; 3. 22—24. || [2] *И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их* (Быт. 1. 27). || [3] *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 2. 7). || [4] Быт. 1. 24. || [5] Мысли сей статьи заимствованы из Записок на Книгу Бытия преосвященного митрополита Московского Филарета.

верховные Апостола назвали его своею хижиною[1]. Тело есть одежда и вместе орудие души. «Душа окружается и одевается членами тела», — сказал преподобный Макарий Великий[2]. «Душа, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — действует посредством органического тела, сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения». «Она употребляет тело орудием»[3]. Такое понятие об отношениях души к телу есть естественное: оно истекает из постоянных опытов жизни, из самого ощущения нашего.

Язычники полагали, что человеческая душа составляет частицу Божества. Мысль ложная и очень опасная, как заключающая в себе богохульство! Мы сочли нужным остановиться на ней, чтоб охранить от нее наших братий: потому что многие члены современного общества, узнав из Книги Бытия, что *Бог вдунул в лице человека дыхание жизни,* опрометчиво заключают из этого о божественности души человеческой по самому ее сотворению, следовательно, по ее естеству. Священное Писание прямо свидетельствует, что человек — вполне создание Божие[4]. *Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя*[5], — молитвенно вопиет это разумное создание Творцу своему, по внушению Святого Духа, Единого могущего открыть человеку его начало и образ этого начала. Конечно, этот молитвенный вопль — вопль души, ходатайствующей о себе и о теле своем, — отнюдь не вопль одного тела. Православная Восточная Церковь постоянно признавала человека существом, созданным по душе и телу, но способным и по душе и по телу быть причастником Божественного Естества, быть богом по благодати. Преподобный Макарий Великий говорит: «О неизреченнаго благоутробия Божия, яко туне Самаго Себя дает верующим, дабы они в малое время Бога получили себе в наследие и Бог вселился бы в тело человека и его соделал Себе благим жилищем! Якоже бо Бог небо и землю создал, для обитания на них человеку, тако тело и душу человеческую создал в жилище Себе, дабы жити и упокоеватися в теле, яко в Своем доме, с прекрасною невестою, сиречь, с возлюбленною душею, по образу Его созданною». *Обручих бо вас*, глаголет Апостол, *Единому Мужу деву чисту представити Христови*[6]. И паки: *Егоже дом есмы*[7]. Якоже бо муж в дому своем со всяким тщанием вся благая сокровиществует, тако и Господь в дом Свой, сиречь в душу и тело, собирает и влагает небесное духовное богатство. Ниже премудрии

[1] 2 Пет. 1. 13; 2 Кор. 5. 1–4. ‖ [2] Слово 5, гл. 6. ‖ [3] Точное изложение Православной Веры. Кн. 2, гл. 12: О человеке. ‖ [4] Быт. 1. 27; Мф. 19. 4. ‖ [5] *Руки Твои сотворили меня и устроили меня* (Пс. 118. 73). ‖ [6] *Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11. 2). ‖ [7] Евр. 3. 6.

премудростию своею, ниже разумнии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказати, каким образом она существует, кроме тех, которым через Духа Святаго открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, разсуди и внемли, и слыши, что она есть. Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Той Создатель, а она создание: нет никакого подобия между естеством Того и сея. Но Бог по беспредельной, неизреченной, непостижимой любви и благоутробию Своему благоволил сие самое создание умное, драгое и изрядное избрати Себе жилище, якоже Писание глаголет: *во еже быти нам в начаток некий созданием Его*[1], в премудрость сиречь, и сообщение Его, в собственное Его жилище, и в чистую невесту»[2]. Святой Иоанн Дамаскин, писатель VIII века, в книге своей «Точное изложение Православной Веры» собрал мнения предшествовавших ему знаменитейших святых Отцов о предметах христианского Богословия, почему, приводя здесь его учение о душе, приводим вместе и учение святого Григория Богослова, Афанасия Великого, Василия Великого, Максима Исповедника и других величайших учителей Церкви. «Бог, — говорит святой Иоанн, — сотворил природу, созерцаемую умом, то есть Ангелов и все небесные чины, которых естество, без сомнения, разумно и бесплотно, то есть бесплотно в сравнении с грубым веществом. Ибо одно только Божество в собственном смысле невещественно и бестелесно. Еще Бог сотворил и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними. И первую природу сотворил Он близкою к Себе, — ибо разумная и одним умом постигаемая природа близка к Богу; а другую, как подлежащую чувствам, сотворил по всем отношениям весьма далекою от Себя. Но надлежало явиться существу, смешанному из сих двух природ, которое показывало бы большую премудрость и щедроту Творца к той и другой и, как говорит Богоглаголивый Григорий, было как бы некоторым союзом природы видимой с невидимою. Здесь под словом *надлежало* я разумею волю Зиждителя: ибо она для Бога есть устав и закон самый приличный... Так из видимого и невидимого естества Бог Своими руками сотворил человека по образу Своему и подобию; из земли Он образовал тело, а душу, разумом и умом одаренную, сообщил человеку Своим вдуновением... Тело и душа созданы вместе... Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, чуждым печали и забот, сияющим всеми совершенствами, преизобилующим всеми благами, как бы некий

[1] *...чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий* (Иак. 1. 18). ‖ [2] Беседа 49, гл. 4.

второй мир — в великом малый, как другого Ангела, поклоняющегося Богу; сотворил смешанным из двух природ, созерцателем твари видимой, таинником твари, умом постигаемой, царем всего, что на земле, подчиненным Верховному Царю, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и постижимым для одного ума, как нечто среднее между великим и низким, — сотворил духом и вместе плотию, духом для принятия благодати, плотию в предупреждение гордости, — духом для того, чтоб он твердо стоял и прославлял своего Благодетеля, — плотию для того, чтоб подвергался страданиям и, страдая, не забывал себя и вразумлялся, если бы вздумал превозноситься своим величием; сотворил животным, поставленным здесь, то есть в настоящей жизни, и переселяемым в другое место, то есть в будущую вечную жизнь, и — что составляет верх тайны — существом, обожаемым за свое прилепление к Богу, и обожаемым по причастию Божественного озарения, а не претворяемым в Божию Сущность»[1].

Повторением дуновения вочеловечившимся Богом при воссоздании человека объясняется дуновение Божие при сотворении души человеческой. Господь наш Иисус Христос, совершив наше искупление и предуготовляя[2] человечество к принятию Святого Духа, стал посреди учеников Своих по воскресении Своем, *дунул* и сказал им: *Приимите Дух Свят*[3], Который вскоре и низошел на них при шуме с неба, как бы от несущегося сильного дыхания ветра[4]. Этим вторым дуновением объясняется и указуется, что и при первом дуновении было сошествие Святого Духа. На душу первозданного при самом сотворении ее обильно излилась Божественная благодать; душа первозданного по преимуществу была живою, как движимая, просвещаемая и управляемая Святым Духом. Это доказывают с убедительностью самые события, последовавшие за созданием первого человека. Святой Макарий Великий говорит: «Как в Пророках действовал Дух, и научал их, и был внутрь их, и вне их являлся: так и в рассуждении Адама[5], егда хотел, с ним был и научал его... Вся ему было Слово, и доколе пребывал храняй заповедь, друг был Богу»[6].

Для сотворения жены Бог навел иступление на Адама. Он уснул. Во время этого необыкновенного сна Господь взял одно из ребр

---

[1] Кн. 2, гл. 12: О человеке. || [2] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского. || [3] *Примите Духа Святаго* (Ин. 20. 22). || [4] Деян. 2. 2. || [5] Так именуется первый человек. Впрочем, на еврейском языке, которому принадлежит это слово, оно — нарицательное имя, и «Адам» значит «человек» вообще. || [6] Беседа 12, гл. 8.

его и, сотворив жену из ребра, привел ее к Адаму. Несмотря на то что взятие ребра совершилось во время странного сна и исступления, Адам немедленно узнал, по внушению обитавшего в нем Святого Духа, происхождение жены своей[1]. *Се ныне,* сказал он, *кость от костей моих, и плоть от плоти моея: сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия. Сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину*[2]. В этих словах Адама произнесен закон от лица Божия для супружеской жизни человеков, как засвидетельствовал Сам Богочеловек. Во взятии жены от мужа видим образец бесстрастного размножения рода человеческого до его падения. Взята жена из ребра Адамова: в это время Адам не подвергся никакому ощущению, нарушающему непорочность; напротив того, он находился в иступлении, которое наведено было на него Богом. В такое состояние приходят только благодатные человеки. Мы не видим образца, по которому могли бы объяснить размножение рода человеческого до его падения от мужа и жены, размножения, назначенного прежде падения; но наверно утверждаем, что это размножение должно было совершаться во всей полноте непорочности и бесстрастия. Вместо наслаждения плотского, скотоподобного долженствовало быть наслаждение святое, духовное. Самого же образа, как неоткрытого Богом, и не испытываем, веруя, что для Бога как легко было попустить известный способ, так легко было установить и другой способ. Здесь употреблено о настоящем способе размножения слово *попустить.* Да! Этот способ есть попущение Божие, есть горестное следствие нашего падения, есть знак отвращения Божия от нас. Мы уже рождаемся убитые грехом: *в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя*[3]. Зачатия в беззакониях и рождения во грехах не может быть установителем Бог.

Господь привел пред Адама всех зверей и скотов земных, всех птиц небесных; человек, проникая по действию Святого Духа в свойства каждого животнаго, нарек им имена[4]. Святой Макарий Великий говорит: «Доколе Слово Божие было с ним (Адамом) и (он) хранил заповедь, все имел. Самое бо Слово было ему наследием, было одеждою и славою, его покрывающею, и было ему наставлением. Дана бо ему была власть нарекати вся; сие нарек

[1] Быт. 2. 21–22. ‖ [2] *И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть* (Быт. 2. 21–24). ‖ [3] *...я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя* (Пс. 50. 7). ‖ [4] Быт. 2. 19.

он небом, другое солнцем; сие луною, другое землею; сие птицею, другое зверем и иное древом. Как он был сам научаем, тако и имена налагал тварям... (Дух) научал его и повелевал: тако нареки, тако назови»[1]. Трудно в нашем состоянии падения получить ясное понятие о состоянии совершенства, в котором были созданы наши праотцы, по душе и телу. О святом теле и святой душе их невозможно нам заключать по нашим душе и телу, пораженным и убитым греховною смертью. Они начали существовать непорочными и святыми; мы начинаем существовать оскверненными и грешными. Они были бессмертны по душе и телу; мы рождаемся умерщвленные душою, с семенем смерти в теле, долженствующим раньше или позже, но непременно принести плод свой — видимую нами смерть тела. Они находились в непрестанном мире сами с собою, со всем, что их окружало, в непрестанном духовном наслаждении, в созерцании изяществ мироздания, в богомыслии, в боговидении; мы волнуемся и раздираемся различными греховными страстями, потрясающими и терзающими и душу и тело, непрестанно боремся сами с собою и со всем, что нас окружает, страдаем и мучимся или находим наслаждение в наслаждениях скотов и зверей; все вокруг нас находится в ужаснейшем смущении, в неумолкающем и по большей части в суетном труде, в плинфоделании и рабстве фараоновом. Одним словом, мы падшие и погибшие от самого рождения нашего, они были святы и блаженны с самого сотворения своего. Все условия нашего существования и первоначальнаго существования наших праотцев — далеко, далеко различны.

Силы души

Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть с силою словества — этим высшим достоинством души человеческой. Борьба между составными частями человека — это обнаружение внутри живущей смерти — борьба, ныне не прерывающаяся и не дающая покоя человеку ни днем, ни ночью, тогда не имела места. Дух пребывал постоянно горѐ, при Боге; увлекал туда с собою душу; она влекла туда с собою тело. Нетрудно и естественно было телу, не способному не только к наслаждениям греховным, но и плотским, напротив того, способному единственно к наслаждениям духовным, силою врожденного ему желания и стремления пребывать при Боге, Им питаться и наслаждаться, Им жить. Очень ошибаются, ошибаются в погибель

[1] Беседа 12, гл. 6 и 8.

свою те, которые признают плотские пожелания неотъемлемыми свойствами тела человеческого, а удовлетворение их естественною необходимостию. Нет! Человеческое тело низошло к телам скотов и зверей по причине грехопадения. Естественны плотские пожелания естеству падшему, как свойства недуга — недугу; они противоестественны естеству человеческому в том состоянии, в котором оно было создано[1]. Иначе: зачем бы и воскресать телам человеческим для блаженной вечности, в которой имеют место одни наслаждения духовные? Плоть человека сотворена способною радоватися *о Бозе живе*[2]. Так возвышенны были непорочность и бесстрастие первозданных, что они не нуждались в одежде; *и беста оба нага,* говорит Писание, *Адам и жена его, и не стыдястася*[3]. Они вышли из рук Создателя в состоянии зрелости и вместе неувядающей юности, красоты и силы, неподверженные никаким недостаткам, никаким изменениям ни в возрасте, ни в здравии. Тело Адама не сгорало от огня, не тонуло в воде, не опалялось солнцем, не подвергалось влиянию стихий, которые сами находились в совершенном благоустройстве и мире. «Сначала, — говорит Макарий Великий, — князем века сего и господином всех видимых человек был поставлен от Бога: ниже бо огнь силы своея над ним явити мог, ни вода потопити, ни вредити зверь, ни ядовитое что-либо действовати»[4]. Тело Адама, легкое, тонкое, бесстрастное, бессмертное, вечно юное, отнюдь не было узами и темницею для души: оно было для нее чудною одеждою. Наконец — это изящное тело было способно, по совершенству своему, для жительства в раю, где в настоящее время обитают отшедшие отсюда праведники только душами своими. Они соделаются способными взойти туда телами по всеобщем воскресении, когда самые тела соделаются духовными. По падении и при изгнании из рая даны человеку *кожаныя ризы*[5]; тогда, говорит святой Иоанн Дамаскин, «он облекся в смертность, или в смертную и грубую плоть, что означают кожаные ризы»[6].

В основание изложения нашего о душе человека мы полагаем то определение, которое делает ей вышеприведенный учитель Церкви. «Душа,— говорит он, — есть существо живое, простое, бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством

---

[1] Святой Исаак Сирский и другие святые Отцы называют состояние человека по падении *чрезъестественным*. Это слово с точностию выражает сущность дела. Слово 4. По переводу Паисия Нямецкого. ‖ [2] *...к Богу живому* (Пс. 83. 3). ‖ [3] *И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт. 2. 25). ‖ [4] Слово 4, гл. 3. ‖ [5] *...одежды кожаные* (Быт. 3. 21). ‖ [6] Точное изложение Православной Веры. Кн. 3, гл. 1.

органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностию хотеть и действовать, изменяемое, и именно изменяемое в воле, как существо сотворенное»[1]. Для полноты этого определения или описания должно сказать, следуя указанию другого святого Отца, что душа есть существо доброе по естеству[2]. Хотя в ней после падения добро смешалось со злом, следовательно, сделалось поврежденным; но то же можно и должно сказать о ее разуме и о ее свободе: повреждение чего-либо не есть уже его уничтожение. Очевидно, что святой Иоанн Дамаскин дал такое определение душе относительно: относительно нашему состоянию и степени способностей к познанию. Далее он объясняет это. «Бестелесное, — говорит он, — одно таково в самом естестве, а другое в сравнении с грубым веществом. По естеству бестелесен только Бог; Ангелы же, демоны и души — бестелесны по благодати, и в сравнении с грубым веществом»[3]. Еще далее святой Иоанн называет «телом то, что имеет три протяжения, то есть в длину, ширину и глубину»[4]. Из такого определения тела, определения, и доселе признаваемого вполне правильным и удерживаемого наукою, вытекает, как необходимейшее и точнейшее последствие, что всякое ограниченное существо неизбежно есть тело. Всякое ограниченное существо заключается в большем или меньшем пространстве; вне всяких изменений, вне всякого пространства, как превысший всякого пространства и всякой меры, — Бог. Бог вполне бестелесен, то есть существо Божие совершенно другое, нежели существа тварей, как бы эти твари ни были тонки, и различается от существа тварей неизмеримым различием. Поставлять в один разряд духовных существ Бога и сотворенных духов есть дерзостнейшее богохульство. Как Священное Писание, так и все святые Отцы Восточной Церкви, хотя и называют Ангелов, демонов и человеческие души духами, но именно в том смысле, как объясняет святой Иоанн Дамаскин. Постоянно называет их духами Макарий Великий во всех своих сочинениях; но в этих его сочинениях мы имеем его суждение о сотворенных духах, еще более определительное, нежели суждение Дамаскина. Заимствовал его Угодник Божий из своего превосходнейшего совершенства. «Высокое

---

[1] Точное изложение Православной Веры. Кн. 2, гл. 12. || [2] «Душа наша проста некако сущи и блага, тако от благого Владыки своего создавшися», и проч. Преподобного Исихия Слово, гл. 43. Добротолюбие. Ч. 2. || [3–4] Точное изложение Православной Веры преподобного Иоанна Дамаскина.

некое, — говорит он, — и глубокое слово, по силе ума моего предложити хощу. Неизследимый и бесплотный Господь за безмерную Свою благость плоть на Себе приемлет, и умален быти является велий Сый и преестественный, да возможет с разумными Его тварьми сочислитися, душами, глаголю, святыми и Ангелами, яко да и те бессмертныя Божества Его жизни причастники будут. Зане каждое из сих по естеству своему тело есть, аще Ангел, аще душа, аще демон. Хотя бо тончайшие суть, однако в ипостасе, характере, начертании и образе по тонкости естества своего тело суть, якоже в ипостасе своей сие наше тело дебело есть. Сим образом и душа тело сущи тончайшее, окружается и одевается членами тела сего. Надевает око, имже и смотрит; надевает ухо, имже и слышит; руки, ноздри и, просто рещи, все члены тела приемлет и срастворяется со всеми душа, посредством которых и вся, елика к житию человеческому потребна суть, исправляет»[1]. На вопрос: имеет ли душа какой-либо вид? — преподобный Макарий отвечал: «Имеет образ и вид, подобный Ангелу. Якоже бо Ангелы имеют образ и вид и якоже внешний человек имеет вид, так и внутренний человек образ имеет, подобный Ангелу, и вид внешнему человеку»[2]. Преподобный Кассиан Римлянин, беседовавший с величайшими угодниками Божиими древнего христианского Египта, учениками великих Антония, Макария, Пахомия, передает учение их о сем предмете таким образом: Хотя мы называем некоторые существа духовными, каковы Ангелы, Архангелы и прочие Силы, также самая душа наша, или, конечно, этот тонкий воздух; однако никак не должно признавать их бестелесными. Ибо они имеют свойственное себе тело, в котором содержатся (пребывают), хотя много тончайшее, нежели мы. Они суть тела, по изречению Апостола, который говорит так: *И телеса небесная, и телеса земная*[3]; и опять: *Сеется тело душевное, возстает тело духовное*[4]. Из сих (слов Апостола) вытекает ясное заключение, что ничего нет бестелесного, кроме единого Бога, и что, следовательно, только Он может проникать во все духовные и разумные существа, потому что един Он весь всюду и во всех находится, так что Он видит и провидит помышления и внутренние движения человеков, все тайны духа (ума). О Нем едином провозгласил Апостол: *Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред Ним, но вся*

[1] Слово 5, гл. 6. ‖ [2] Беседа 7, гл. 7. ‖ [3] *Есть тела небесные и тела земные* (1 Кор. 15. 40). ‖ [4] *Сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1 Кор. 15. 44).

нага и объявлена пред очима Его[1]. Руководствуясь этими свидетельствами святых Отцов и многочисленными другими, которые оставляем для избежания обременительного многословия[2], мы утверждаем о душе нижеследующее: она дух — подобно Ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости; имея известную степень тонкости, может содержаться, и содержится, в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам, огню неугасающему, червю неусыпающему, страшной и вечной тьме, может скрежетать зубами от невыносимого адского страдания, может, если будет допущена, переменять места, может быть помещена в раю, может вкушать сладость и покой рая, как места сладости и покоя; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и распространяющемуся по всему человеку, сообщающемуся даже его телу, состоящему в общении с Богом, когда Бог соделает достойную душу, по ее назначению, Своею обителию; она, наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, то есть душа имеет и главу, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши, словом, все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела[3]. По исшествии из тела души праведных облекаются в светлые одежды, как о том повествует святой Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе[4], как свидетельствует преподобный Макарий Великий: «[Души праведных], — говорит он, — при отшествии из сего мира, имея с собою Господа, идут с великою радостию к небесным жителям; обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители и вертограды и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»[5]. Подтверждают это многие места Священного Писания; это очевидно из писаний святых Отцов и житий их[6]. При

---

[1] *Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4. 12–13). — Collatio Vll, caput XIII. || [2] См. Слово о смерти. || [3] Не лишним будет упомянуть здесь, что люди, лишившиеся рук и ног, вполне ощущают присутствие этих членов при теле и способность действовать ими. Такое практическое познание дает ясный намек о существе души, согласно тому, как изображают его святые Отцы. || [4] Откр. 6. 11; 7. 9. || [5] Беседа 16, гл. 8. || [6] Ангелы, которых существо однородно с существом души человеческой, являлись святым Божиим облаченные в белые или светлые одежды (Мф. 28. 3; Лк. 24. 4, Ин. 20. 12, Деян. 1. 10). Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи восхищен в рай, видел себя в одежде, сотканной из молний. И проч.

противоположном мнении, то есть что душа есть дух, столько же тонкий, как и Дух Божий, непременно потребуются следующие заключения: потребуется признать, что душа не может быть содержима и удержана никаким местом, никаким веществом, ни нашим телом, ни раем, ни адом, не может ощущать адских мук, должна быть превыше наслаждений рая. Мы уклоняемся от такового мнения, как бы явной нелепости, от пагубного для спасения нашего богохульства и последуем с покорностию и убеждением вышеизложенному учению Святой Православной Церкви. Называя и признавая душу, вместе с святыми Отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с Отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое *плоти и кости не имать*[1], но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху, как выражается преподобный Кассиан, и прочим газам[2].

---

[1] *...плоти и костей не имеет* (Лк. 24. 39). || [2] В московском издании Бесед преподобного Макария Великого 1820 года к 9-й главе 4-й Беседы приложено примечание, в котором сказано, что некоторые из древних церковных учителей, как-то: Ориген, Тертуллиан, преподобный Кассиан, преподобный Макарий Египетский, — приписывали Ангелам и душам тончайшие тела, что Иоанн Дамаскин в своем Изложении Православной веры (кн. 2, гл. 3), толкуя сие их мнение, говорит, что они называли их телесными по отношению только к Богу, что прочие учители Церкви, как-то: Игнатий, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст, — полагали их «бестелесными и существами простыми». Мы сочли нужным дополнить это примечание нижеследующим: святой Иоанн Дамаскин, как в третьей главе 2-й книги, так и во всем «Изложении Православной Веры», не сделал ни одной ссылки ни на сочинения святого Макария Великого, ни на сочинения преподобного Кассиана Римлянина, а ссылается он наиболее на святого Григория Богослова, потом на святых: Дионисия Ареопагита, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского и других. Отнюдь не в виде толкования, а как прямое Предание Православной Церкви излагает Дамаскин учение о Ангелах в упомянутых книге и главе. «Бестелесным и невещественным, — говорит он, — называется Ангел по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в строгом (точном) смысле, невещественно и бестелесно». Где тут толкование мнения преподобных Макария и Кассиана? Очевидна тут цель святого писателя: она состоит в том, чтобы охранить читателя от пагубной мысли признать Ангелов и души духами наравне с Духом-Богом, от пагубной мысли поставить в один разряд существ Творца и Его тварей. Если угодно видеть тут толкование, то тут — толкование того, в каком смысле святые Григорий Назианзин, Василий Великий и другие называли Ангелов и души бестелесными и невещественными по современным понятиям, не сделав такой ясной оговорки, какую сделал Дамаскин, но всегда вполне отличая существо Творца от существа тварей, что явствует из всех писаний их. Понятия древних о духе и веществе, о началах, о простом и сложном, понятия, которых держалось человечество до новейших времен, изменились в конце прошедшего и начале настоящего столетий, с явлением новой науки — химии. Человечество признавало прежде, руководствуясь поверхностным взглядом, четыре вещественные начала (стихии): землю, воду, воздух и огонь.→

Образ и подобие Божии

Святые Отцы научают нас, что душа имеет три силы: силу словесности, силу желания, или воли, и силу мужества, называя сию последнюю силою ярости; она в общем употреблении у нас назы-

→ Из этих начал воздух и огонь назывались невещественными, и воздух часто назывался духом: потому что веществом или материею называлось одно грубое вещество. Химия изменила эти понятия. Вода и воздух, будучи разложены на свои составные части, низошли с степени начал на степень веществ сложных; понятие, что земля есть начало, как вполне неопределительное и очевидно нелепое, отвергнуто; пламя, которое собственно называли огнем, признано явлением при отделении от некоторых веществ теплорода, который отделяется от других веществ и без пламени. Понятие о веществе расширилось и сделалось правильнее. Все газы, все пары, теплород и свет сознательно признаны материею. Химия в соединении с математикою неоспоримо доказали, что собственно начал, существ и веществ простых, бестелесных не существует между тварями. Все твари более или менее вещественны, более или менее сложны. Ни одна тварь не имеет ни одного бесконечного свойства; все свойства тварей конечны, то есть ограничены. Основываясь на этой аксиоме, мы утверждаем, что сотворенные духи ограничиваются местом, и потому непременно имеют вид (форму), имеют свою степень тонкости, а отнюдь не бесконечно тонки, а потому и свою степень вещественности. Дух — один Бог, как имеющий бесконечную тонкость, как превысший всякого пространства. Бог бесконечно тоньше всех тончайших сотворенных существ и потому существом Своим бесконечно различествует от существа тончайших тварей: ибо между бесконечным и самовеличайшим числом разница — бесконечна; таков неопровержимый вывод математики. По этой причине начало в точном смысле и простое существо — вина всех прочих существ, видимых и невидимых, — един Бог. — Очевидно, что святой Григорий Богослов, Василий Великий и другие говорили о веществе и духах сообразно современным им понятиям; благодать Святого Духа доставляла им правильное понятие о Боге. Движимый этою благодатию, святой Иоанн Дамаскин изрек непреложную истину, что «в сравнении с Богом, единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным». Он изрек это за десять столетий до того времени, как человечество пришло к этому познанию путем науки, говорим дерзновенно — по Промыслу Божию, для удобнейшего богопознания. Составитель вышеупомянутого примечания тщетно старается найти разноречие в чтениях святых Отцов: мы находим в них одно и то же учение, выраженное у одних яснее, у других не так очевидно. Странное явление! Столько было Вселенских и Поместных Соборов, столько святых писателей упоминают о Макарии Великом и преподобном Кассиане, и никто не подал голоса против их учения об ограниченности сотворенных духов; внезапно раздается обвинительный голос в 1820 году с нареканием на духоносных мужей в разноречии, усиливающийся сотворенных духов представить тождественными с Богом. Что бы значило такое явление? Не можем объяснить его ничем иным, как только влиянием папистов, которые между прочими чудовищными учениями своими поставляют в одну категорию существ и Творца-Духа, и тварей-духов, богохульно выставляя зараженными философиею Платона святых Отцов, признанных Вселенскою Церковию сосудами Святого Духа, свидетельствующих о себе, что познание о душе им открыто Святым Духом. См. примеч. 1 и 2 (с. 441 наст. изд.) к Слову о Смерти.

вается характером, энергией, силою духа, мужеством, твердостию[1]. В силе словесности преимущественно напечатлен образ Триипостасного Божества. «Что же такое образ Божий, если не ум?» — говорит святой Иоанн Дамаскин (Изложение Православной Веры. Кн. 3, гл. 18). Ум человеческий непрестанно рождает в себе и из себя мысль, или внутреннее слово, неслитен и неразделен с мыслию, не может быть без нее и составляет отдельное от нее проявление словесной силы, как бы отдельное лицо ее, так как и мысль опять составляет отдельное проявление этой же силы, другое лицо ее, будучи вместе с тем неотлучна от ума. Ум невидим и непостижим сам по себе; является и открывается в мысли своей; мысль, чтоб открыться в стране вещества, должна воплощаться, так сказать, в звуки и знаки. Третье проявление, или лицо, той же силы, видим в духе нашем, который есть словесное или умное чувство сердца, исходящее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли[2]. В этом словесном чувстве положено Творцом сознание добра и зла, именуемое совестию. Управление человеком принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силою воли и силою мужества, или твердости. Воля стремилась к Богу; сила твердости содержала человека постоянно в его правильном стремлении; силою словесною человек пребывал в непрерывном соединении с Богом. Мысль плавала, как выразился некоторый знаменитый подвижник[3], в Слове Божием, в Всесвятой Истине, и Дух Божий, как Дух Слова Божия и Дух Истины, почивал на духе человеческом; ум человека был умом Божиим, как и апостол Павел сказал: *Мы ум Христов имамы*[4]. Весь человек находился в чудном согласии с самим собою; силы его не были разрознены в своем действии; разрознились они по падении нашем. По падении они начали бороться и препираться между собою. Самый дух наш соделался обличителем своего начала — ума, подвергшегося омрачению, борется с мыслями, приводит их к разноречию и сбивчивости и сам увлекается обольщенными мыслями. Молясь и сетуя о множестве недостатков наших, мы молимся о избавлении от совести лукавыя[5].

---

[1] Добротолюбие. Ч. 2. Преподобного Исихия, гл. 1; преподобного Филофея Синайского, гл. 16. Это учение встречается у весьма многих святых Отцов. В некоторых русских переводах сила твердости названа раздражительностию; но раздражительность, как и ожесточение, и малодушие, суть болезненные состояния этой силы, или характера. || [2] Здесь, в выноске, можно поместить «понятие о словесности». — *Ред.* || [3] Иеросхимонах Серафим Саровский. || [4] *..мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2. 16). || [5] Молитва архиерея во время Херувимской песни.

Рай

Изобразив сотворение видимого нами мира, Боговдохновенный Бытописатель говорит: *И насади Господь Бог рай* (παράδεισον — вертоград, сад) *во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*[1]. Согласно этому повествованию Бытописателя, и Сам Господь возвестил, что *Царство,* или страна вечного блаженства, *уготовано* для человеков *от сложения мира*[2]. Рай находится на востоке; таково положение его по отношению к земле. Это указание, по-видимому, довольно неопределенно и недостаточно; но оно недостаточно только для тех, которые желают измерять и объяснять все единственно по отношению к себе, к кругу действия своих чувств и к видимому миру. В громадном мироздании не только мы, но и обитаемая нами земля — величины весьма малозначительные. Пространства, доступные нашему измерению и кажущиеся нам огромными, не определяют для нас размеров мира, только объясняют неизмеримость их: за этими, известными нам, пространствами лежат другие пространства — разумеется[3] — бóльшие первых, а за теми пространствами — пространства новые, еще бóльшие. Измерение и исследование их для нас невозможно, как измерение и исследование непостижимо и невыразимо великого, соединенного с идеею о бесконечном. Указание Писанием места для рая на востоке вполне достаточно для нашей ограниченности. Престанем опираться на слабый разум наш — этот хрупкий жезл; приступим с верою к учению Божественного Откровения: вера усваивает человеку познания, вполне превысшие его силы постижения.

Рай находится на востоке и по указанию Священного Писания, и по указанию Святого Церковного Предания. Святой Иоанн Дамаскин говорит: *Царства земная, пойте Богу, воспойте Господеви, восшедшему на небо небесе на востоки*[4]; еще же в Писании сказано: *Насади Бог рай во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*[5], а когда человек преступил заповедь, *изгна его, и всели*

---

[1] *И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал* (Быт. 2, 8). ‖ [2] *...от создания мира* (Мф. 25. 34). ‖ [3] Очевидно, что при атмосферических наблюдениях человек-наблюдатель служит центром наблюдений, а центр наблюдений всего человечества — земля. Область наблюдений всего человечества имеет вид шара. Пространства, чем ближе к центру, тем более стесняются и умаляются, а чем более удаляются от него, тем более расширяются и увеличиваются. ‖ [4] *Царства земные! пойте Богу, воспевайте Господа, шествующего на небесах небес от века* (Пс. 67. 33–34). ‖ [5] *Насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал* (Быт. 2. 8).

прямо рая сладости[1], то есть на западе. Посему, желая возвратиться в прежнее отечество и устремляя к нему взоры, мы поклоняемся Богу на восток... Восходя на небо, Господь возносился к востоку, и на восток Апостолы поклонились Ему; и придет Он с востока точно так же, как они видели Его восходящим на небо[2], о чем Сам Господь сказал: *Якоже молния исходит от восток и является до запад, тако будет и пришествие Сына Человеческого*[3]. Итак, ожидая Его пришествия, мы кланяемся на восток. Это предание Апостолов неписанное: ибо «они многое предали нам и без писания»[4]. Святой Иоанн Дамаскин говорит, что по той же причине, то есть потому, что рай находится на востоке, скиния Моисеева имела завесу и очистилище к востоку, что колено Иудово, из среды которого долженствовал произойти по плоти Господь наш и которое имело поэтому предпочтение пред другими коленами, располагалось станом на восток во время путешествия израильтян по пустыне в землю Обетованную; в знаменитом храме Соломоновом врата Господни находились на востоке; распятый Господь взирал к западу от востока, и мы, устремляя к Нему взоры, кланяемся на восток[5]. Новозаветные православные храмы строятся алтарем к востоку; при совершении молитвословий вне храмов всегда обращаемся к востоку; усопших наших погребаем, обращая их лицом к востоку — *прямо рая сладости,* в надежде воскресения, в надежде возвращения в рай. Преподобный Симеон Дивногорец и некоторые другие угодники Божии, удостоившиеся восхищения в рай, обрели его на востоке[6].

Святой Бытописатель изображает рай обширнейшим садом, преисполненным всякого рода плодовитыми и прекрасными для вида древами, взятыми с земли, между которыми, как особенно примечательные, именуются Древо Жизни посреди рая и древо различения добра от зла. Из Едема выходит река, напаяющая рай, и оттуда разделяется на четыре начала. Такое описание рая, имена протоков райской реки, исчисление стран, по которым идут эти протоки, подали повод некоторым заключить, что рай находится на земле. Но протоки реки райской, нося название известных земных рек, имеют одно общее начало, прежде составляют одну реку, потом разделяются на четыре протока; этих условий не выполняют

---

[1] Ср.: *И выслал его Господь Бог из сада Едемского. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни* (Быт. 3. 23–24). ‖ [2] Деян. 1. 11. ‖ [3] *Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24. 27). ‖ [4–5] Точное изложение Православной Веры. Кн. IV, гл. XII. ‖ [6] Четьи-Минеи, 24 мая.

тождеименные им земные реки, отстоя одна от другой истоками своими весьма далеко. Не на земле находится рай, хотя и имеет с землею ближайшее отношение и сходство. Самое устроение рая названо не сотворением, а насаждением, заимствованным с земли[1], так как с земли взяты были и жители для него. Причиною мысли, что рай находится на земле, было, без сомнения, прежде господствовавшее понятие о веществе, когда веществом называлось одно грубое, осязательное вещество и когда еще не могли догадаться, что вещество может иметь степень тонкости, превысшую постижения человеческого; прежде утонченное вещество смешивали с духами и называли его духом, или же во всем невидимом, неподверженном и весьма мало подверженном нашим чувствам искали уже бесконечной тонкости, что одинаково погрешительно. Не на земле рай[2]: рай на небе. Апостол Павел, восхищенный на *небо*, восходивший до *третьяго неба*, поведал о себе, что он был восхищен *в рай, и слыша там неизреченны глаголы*[3]. *Аминь глаголю тебе*, сказал распятый Спаситель сораспятому с Ним разбойнику, исповедавшему Его Господом, *днесь со Мною будеши в раи*[4]. Очевидно, что разбойник душою помещен в рай; тело его, по пребитии голений, снято со креста и предано земле. Помещение души разбойника в рай объясняет как свойство души (что она тонкое тело), так и свойство райской природы, состоящей из тонкого вещества, соответствующего жителям своим — сотворенным духам. Сверх того, этим объясняется состояние тела Адама до его падения: в святом теле своем Адам был способен обитать в одном жилище с сотворенными духами, как будут обитать с ними на небе святые человеки в телах своих по воскресении. «Небо, — говорит святой Иоанн Дамаскин, — есть объем тварей видимых и невидимых. В нем заключаются и им ограничиваются умные силы Ангелов и все чувственное. Одно только Божество беспредельно»[5]. Святой Андрей был восхищен, подобно святому апостолу Павлу, до третьего неба; на первом небе от земли, по видению сего святого, помещен рай[6]. Согласно с этим поведают и другие святые, заимствуя поведание свое из Божественных откровений и видений, которых они сподоблялись[7].

[1] Быт. 2. 9. ‖ [2] Определение места на земле для земного рая поставляет защитников этого мнения в такое затруднение, что они принуждены прибегать к другой ложной мысли, именно, что земной рай уничтожен всемирным потопом. Dictionnaire Theologique par Bergier, Paradis. ‖ [3] *...что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова* (2 Кор. 12. 4). ‖ [4] *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю* (Лк. 23. 43). ‖ [5] Точное изложение Православной Веры. Кн. II, гл. VI. ‖ [6] Четьи-Минеи, 2 октября. ‖ [7] Сочинения преп. Григория Синайского по рукописи Молдавского Нямецкаго монастыря. См. примеч. 1 (с. 444 наст. изд.) к Слову о Смерти.

Научаемые Священным Писанием и святыми Отцами, мы признаем рай — это место непорочного наслаждения, в которое помещен был Адам, в котором ныне помещаются многие души праведных человеков, в котором будут помещены многие угодники Божии с телами своими по воскресении, — соответствующим и сообразным по природе своей своим жителям. Рай веществен, но вещество его тонко, как тонки души, как было тонко тело Адама до облечения его в кожаные ризы, как будут тонки воскресшие тела праведников по образу прославленного тела Господа нашего Иисуса Христа. «Рай, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — есть село духовного покоя». Рай, по сказанию сего учителя Церкви, был чувственный; Адам видел его, плоды дерев райских употреблял в пищу, веселился там духовно. В этот рай, древнее достояние и отечество человека, возведен разбойник, исповедавший на кресте Господа[1]. Святой Макарий Великий говорит: «Премирный и горний Иерусалим, идеже рай» (Беседа 25, гл. 7).

Земля служит некоторым подобием рая. Священное Писание сравнило плодороднейшую долину Содомскую, до ее запустения, орошенную водами Иордана, с Божиим раем[2]. Если, до времени проклятия своего, земля была совсем иною, нежели какою теперь видим ее в ее состоянии нестроения и обречения на сожжение, то как превосходен должен быть рай, далеко превосходивший землю обилием красот своих и обилием благодати своей. Таким видел рай святой Андрей! Он поведал о реке райской, о райских плодах и цветах, о райских птицах и чудном пении их, о райских виноградниках и древах; о сих последних присовокупил он, что их нельзя сравнить ни с каким земным древом, потому что, говорил он, Божия рука, а не человеческая насадила их. Это должно разуметь и о всех предметах, составляющих утонченную и изящную природу рая. Угодник Божий передавал о себе, что он ходил по раю, с удивлением созерцая красоты его, и от созерцания красот его, от обильного влияния благодати, которою преисполнен рай, приходил в несказанный восторг, в сладостнейшее исступление. Очень понятное состояние! Красоты земли приводят в восторг созерцателя, когда он чистым оком ума начинает усматривать в них необъятную силу и премудрость Творца, — тем более чудные красоты рая должны привлекать человека всецело к созерцанию, к видению Бога в делах Его и от такого видения исполнять видящего духовным нетленным наслаждением.

---

[1] Толкование на 23-ю главу, 43-й стих Евангелия от Луки. ‖ [2] Быт. 13. 10.

Все поведания святых о рае согласны между собою. Преподобный Григорий Синайский говорит, что рай есть низшее небо, что он состоит из садов, насажденных Богом, что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами, что посреди рая течет река, напаяющая его и разделяющаяся на четыре начала[1]. Преподобный Иоасаф, царь, потом Апостол, наконец инок Индии, сподобился видеть рай. Однажды, после продолжительной молитвы, сопровождаемой многими слезами, он погрузился в тонкий сон. Во сне он увидел, что некоторые грозные мужи восхитили его и, проведши по странам, которых он никогда не видал, привели на обширнейшее поле, усеянное прекраснейшими цветами и чрезвычайно приятное. Там были всех родов произрастения, изобиловавшие какими-то необыкновенными и удивительными плодами, и особенно красивыми для вида, и особенно приятными для вкуса. Листья деревьев, движимые нежнейшим ветром, издавали шум и, колеблясь, испускали неизъяснимое благоухание. Там были седалища, устроенные из золота и драгоценнейших камней, блиставшие обильным светом. Там были светлые одры, украшенные чудными покрывалами и пышностию, превышающею всякое слово. Там протекали чистейшие воды, увеселявшие самый взор. После сего преподобный Иоасаф введен был в Небесный град, горний Иерусалим, и видел красоту и славу его. Упоенный небесным утешением, Преподобный не хотел возвратиться на землю; но руководившие его мужи сказали, что пребывание в этих светлых местах доставляется многими трудами и потами. Они вывели его оттуда и показали ему страшные места вечных мук; после сего он тотчас пришел в себя[2].

Особенного замечания достойны две повести, о монахе Павле и о монахе Ефросине, сохраненные нам Церковным Преданием. Этих иноков видели в раю, первого многие из благоговейнейших братий его монастыря, а второго — игумен его Власий, пришедши в священное иступление или тонкий сон, правильнее, в самозабвение — состояние, в котором обыкновенно находятся видящие видения, что явствует и из Деяний Апостольских[3]. В том и другом случае рай описывается обширным вертоградом, исполненным неизреченной красоты и благоухания. Преподобный Павел наделил своих братий, сообразно желанию каждого, цветами и другими произрастениями святого рая; братия по окончании видения, пришедши в себя, имели в руках своих каждый то, что взял из рая[4]. Преподобный Ефро-

---

[1] Рукопись Нямецкого монастыря, гл. 10. || [2] Vita Sanctorum Barlaam Eremitae et Iosaphat Indiae Regis caput XXX. Patrologiae tom. LXXIII. || [3] Деян. 12. 7–11. || [4] Пролог, 7 декабря.

син дал игумену Власию три благовонные яблока. Игумен разделил яблоки братии: вкусившие их исполнились духовного веселия, а вкусившие их больные исцелились от недугов своих[1].

Не в одних вышеупомянутых двух событиях тонкое вещество рая, по мановению Божию, сгущалось и соделывалось осязательным для наших телесных чувств. Когда святую мученицу Дорофею повели из претора на место казни, чтоб по повелению мучителя игемона отсечь ей голову за исповедание Господа нашего Иисуса Христа, некоторый ученый, именем Феофил, советник игемона, воскликнул к ней в насмешку: «Слушай, невеста Христова! Пошли мне яблоков и розанов из рая, от Жениха твоего». Святая Дорофея сказала: «Поистине исполню это». Пришедши на место посечения, она упросила палача, чтоб дозволил ей немного помолиться Богу своему. Когда она окончила молитву, предстал ей Ангел Господень в виде отрока необыкновенной красоты; он принес ей в чистом платке три прекрасных яблока и три красные розы. Святая сказала Ангелу: «Прошу тебя: отнеси их к Феофилу и скажи ему: вот тебе то, чего ты просил». Сказав это, она преклонила под меч главу и была усечена. Между тем Феофил, насмехаясь над обещанием Святой, рассказывал о нем друзьям и сверстникам своим. «Теперь, — говорил он, — когда повели на казнь Дорофею, называвшую себя Христовою невестою и хваставшею, что она взойдет в Его рай, я просил ее, чтоб она послала мне оттуда яблоков и розанов. И она обещалась мне непременно исполнить это!» Передавая это друзьям своим, Феофил безмерно смеялся, как внезапно предстал ему Ангел с тремя яблоками и тремя цветками, говоря ему: «Это посылает тебе святая дева Дорофея, как обещала, из рая Жениха своего». Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, воскликнул громким голосом: «Истинный Бог — Христос, и нет в Нем никакой неправды». Друзья его сказали ему: «Феофил! Ты или сошел с ума, или смеешься». Феофил отвечал им: «Я не сошел с ума и не смеюсь, но здравый разум требует от меня, чтоб я веровал, что Иисус Христос есть Истинный Бог». Они спросили его: «Отчего ты так внезапно переменился?» Феофил отвечал: «Скажите мне, какой ныне месяц?» Они сказали: «Февраль». Феофил: «Теперь — зима. Вся Каппадокия покрыта снегом и льдом, и нет ни одного дерева или растения, которое бы украшалось своими листьями; откуда же, думаете вы, эти цветы и яблоки с своими сучками и листьями?» Говоря это, он показывал им яблоки

---

[1] Пролог, 11 сентября, и Отечник, буква Е.

и розаны. Видя их, осязая, поражаясь особенным благовонием их, они в удивлении говорили: «Мы не видали таких плодов и цветов и в обыкновенное время их». Феофил из гонителя превратился в проповедника веры христианской. Немедленно дано было знать о нем игемону, который подверг Феофила сперва обольщениям и увещаниям, а потом мукам, и Феофил запечатлел своею кровию свое исповедание Христа[1].

Образец сгущения райского вещества совершился при успении Божией Матери. За несколько дней до сего святого успения предстал Пресвятой Деве Архангел Гавриил с сияющею финиковою ветвию из рая[2] и возвестил Ей блаженное преселение в горние обители. При погребении Девы райская ветвь несена была святым апостолом Иоанном пред гробом Богоматери[3]. Таковы понятия, таковы, так сказать, намеки, доставляемые Божественным Откровением человечеству, странствующему и страждущему на земле, о стране упокоения и вечного блаженства, уготованной ему от сложения мира[4]. По причине греховности нашей, по причине омрачения нашего, по причине падения нашего мы знаем и созерцаем только самую малую частицу чудес Божиих: горячайшими молит-

[1] Четьи-Минеи, 6 февраля. || [2] По этой причине Святой Архангел Гавриил изображается с пальмовою ветвию в руке. || [3] Четьи-Минеи, 15 августа. || [4] В приведенных здесь повестях мы видим, что райские произрастения, перенесенные на землю, переходили, по мановению Божию, из тонкого состояния в состояние более грубое, чтоб соделаться способными к действию на наши чувства. При скудных понятиях, которые мы имеем о веществе горнего мира, с достоверностию, однако ж, утверждаем, что вещество этого мира свободы, нетления и блаженства должно управляться другими законами, нежели какими управляется вещество мира дольнего, служащего темницею и изгнанием для преступников заповеди Божией. Доказательства этому видим в проявлениях из горнего мира в нашу юдоль плача. Так, Тело Богочеловека, по воскресении Его уже принадлежавшее горнему миру, соделывалось и видимым и невидимым по воле Богочеловека, то являлось с плотию и костями, было осязаемо, принимало пищу, то проходило сквозь твердейшие земные вещества, как дух. Тела величайших святых уподобились еще в сей жизни Телу Господа, а по воскресении и по всему будут подобны Ему (1 Ин. 3. 2; 1 Кор. 15. 39–46). Вещество горнего мира должно быть сообразно тому веществу, в которое облечены его жители, как и вещество дольнего мира находится в соотношении с веществом своих жителей. Впрочем, и в дольнем мире многие тела, не изменяясь в естественных свойствах своих, то есть не разлагаясь химически на свои составные части, могут быть в виде более тонком и более грубом. Например, вода, сера, все металлы могут быть и в твердом виде, и в жидком, и в виде паров. Углерод мы имеем и в виде газа, и в виде камня (алмаза). Новейшие гигантские открытия в стране вещества приводят к уверенности, что человеческие познания о веществе вполне ничтожны. При этой уверенности с доверчивостию выслушивается сказание Писания и Отцов о природе рая.

вами от сердца сокрушенного и смиренного и жизнью по евангельским заповедям умолим Господа нашего, чтоб Он явил нам славу Свою, которую узрят и всегда будут видеть избранные Его, которой никогда не узрит ни один служитель греха.

Введение в рай и совершенство первозданных

Создав тело человека на земле и из земли, вдунув в него живую душу, душу, оживленную Святым Духом, Всемогущий Создатель земелет человека превыше земли, в рай; *взя Господь Бог человека, егоже созда,* говорит Писание, *и введе его в рай сладости*[1]. Какая цепь великих благодеяний, из которых всегда последующее превыше предваряющего! Но и в раю еще предоставлено было Адаму преуспеяние: ему предоставлено было возделывать рай и хранить его[2]. Трудно в нашем состоянии падения понять с отчетливостью, в чем состояло возделывание и хранение рая; но никак не должно понимать этих слов в плотском смысле, как бы о возделывании и хранении сада для его украшения и очищения от недостатков. Рай насажден рукою Божиею; недостатков нет в нем: в нем преизобилует присутствие и благоухание благодати Божией; он приводит обитателей своих в непрестанное духовное наслаждение, приводит к созерцанию величия и благости Создателя, изображающейся в великолепии рая, как в обширном и чистейшем зеркале. Обильно и красноречиво вещает о Боге и проповедует Бога рай сладости. Во внимании этой проповеди, в изучении Бога, состояло главное делание рая; изучение изящества созданий было деланием второстепенным. Как ни был совершен Адам, но он был совершен относительно — относительно к ограниченной природе человека: изучение Всесовершенного и Бесконечного Бога составляло для него, по естественной необходимости, делание, достойное всего его внимания. Это делание представляло собою поприще бесконечного преуспеяния! Это делание сопряжено с высшим духовным наслаждением! Это делание — бесценный дар, достойный бесконечно Совершенного и бесконечно Благого Бога! Чистый ум человека, распростершись по необъятному Божеству, истощает всю свою естественную силу движения и стоит в священном иступлении пред непостижимым Божеством, вне и превыше всякого размышления, как Серафим, утоляя обильным славословием обилие наслаждения и ненасытно насыщаясь видением Невидимого, закрывая благоговейно и пре-

---

[1] *И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском* (Быт. 2. 15). || [2] Быт. 2. 15.

мудро очи пред предметом, превысшим видения[1]. Заповедь о хранении рая соделывается понятною для нас, когда сообразим, что падшему ангелу, еще не исполнившему меры грехов своих[2], возможен был вход в рай, что человек был способен к открытой беседе с духами, что он не был утвержден в состоянии святыни, как утверждены в нем Ангелы Света. Хотя он не знал греха, но мог получить это знание, для него невыносимое и гибельное.

Падение первозданных

Посреди рая находилось древо жизни; вкушением плода его поддерживалось бессмертие тела человеческого. Находилось посреди рая и другое древо, древо познания добра и зла. Господь, введши первозданных в рай, заповедал Адаму: *От всякаго древа, еже в раи, снедию снеси. От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а вонь же аще день снесте от него, смертию умрете*[3]. Эта заповедь объясняет многое. Очевидно, что плоды дерев райских, как мы и выше видели, гораздо тоньше и сильнее, нежели плоды земные, действуют не только на тело, но на ум и душу. Одно древо было древом жизни, а другое древо — древом познания добра и зла. Познание это хранилось, отлагалось, может быть, для усовершившихся деланием и хранением рая, — для новосозданных оно было преждевременно и смертоносно. Такое суждение заимствуем из опытного учения великих иноков. Они завещавают новоначальным подвижникам немедленно отвергать всякую злую мысль, только что она явится уму: потому что ум новоначального еще слаб и неопытен, еще не разрушил вражды со грехом и, вступив в беседу с ним, непременно увлекается и низлагается им. Напротив того. Отцы завещавают преуспевшим подвижникам не тотчас отвергать злую мысль, но сперва рассмотреть, истязать, обличить и тогда уже отри-

---

[1] Добротолюбие, 4. 4, Каллиста Катафигиота, гл. 3, 5, 6. Преподобный Феолипт Филадельфийский говорит в своем Слове о сокровенном делании: «Память Бога видение Бога есть, влекущаго зрение и желание ума к Себе и светом от Себя озаряющаго оный. Обращаяся бо ум к Богу, внегда преставати всем видотворным мыслем, зрит безвидне, и превосходящим неведением неприступныя ради оныя славы, воззрение свое просвещает. И не познавая за непостижимость видимаго, познавает истины ради свойственне сущаго, и единаго могущаго превыше быти; и богатством источающияся отонуду благости питая свое рачение, и свое быстроумие извествуя, сподобляется непрестаннаго и блаженнаго покоя». Также см. 15-е и 16-е Слова преподобного Исаака Сирского. || [2] Преподобного Кассиана Римлянина Collatio VIII. Capiti IX–XI. || [3] *От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 16–17).

нуть ее: таким образом действия доставляется особенная опытность в невидимой борьбе с духами злобы, изучаются их лукавство, их козни, сила веры, смирения и молитвы[1]. Есть смертоносное познание зла, которое человек может развить сам в себе: оно смертоносно, потому что тогда естественная доброта человека отравляется принятою злобою, как прекрасная пища ядом, и сама превращается в злобу. Есть и душеполезнейшее познание зла, даруемое Святым Духом избранным сосудам Его, при котором чистый и сильный ум исследует все, и самые тончайшие извития греха, обличает их, не смешиваясь со грехом, и хранит от зла себя и ближних. Так, водимый Святым Духом, святой апостол Петр сказал Симону волхву: *В желчи горести и союзе неправды зрю тя суща*[2].

В то время как наши праотцы наслаждались в раю, падший князь небесных сил с многочисленным сонмищем темных ангелов, уже низвергнутый с неба, скитался в поднебесной. По неисповедимым судьбам Божиим ему допущен был вход в рай, как еще не вполне отчаянному злодею. Эту благость Божию, привлекавшую заблудшего к сознанию греха и к раскаянию в нем, сатана употребил для совершения нового преступления, для неисцелимого запечатления себя во вражде к Богу. Диавол, вступив в рай, огласил рай богохульством, переплетенным ложью, и ознаменовал свое присутствие в раю погублением первозданных человеков, как прежде ознаменовал свое присутствие на небе погублением бесчисленного множества Ангелов. Он приступил к жене, как к существу более слабому, и, притворяясь незнающим заповеди, данной Богом, предложил лукавый вопрос: *Что яко рече Бог: да не ясте от всякого древа райскаго?*[3] Всеблагого Бога он представляет недостаточно благим, а святую и благотворную заповедь Божию жестокою и тяжкою! Увидев, что жена вступила с ним в разговор с некоторою доверчивостию и в опровержение ему высказала точные слова заповеди: *От плода древа, еже есть посреди рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетеся ему, да не умрете*[4], — злодей начинает прямо оспаривать и отвергать справедливость заповеди Божией. Страшно повторять дерзкие и богохульные слова его! *Не смертию умрете,* сказал он. *Ведяще бо Бог, яко вонь же аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете*

---

[1] «Достопамятные сказания», об авве Иосифе Панефосском, гл. 3. || [2] *Вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды* (Деян. 8. 23). || [3] *И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?* (Быт. 3. 1). || [4] *...только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть* (Быт. 3. 3).

яко бози, ведяще доброе и лукавое[1]. Несмотря на явный яд слов змея — так называет Писание падшего ангела, — жена остановилась на них; забыв и заповедь, и угрозу Божии, она начала рассматривать древо под водительством собственного разума, склонившегося под влияние диавольской лжи и обольщения. Плод древа показался ей добрым в снедь, а познание добра и зла показалось познанием любопытным. Она вкусила от древа и склонила к вкушению мужа. Удивительно, с какою легкостию совершилось падение праотцев! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изящества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно гибельно, ведет к превозношению и самомнению. К такому рассуждению приводит Писание, когда оно повествует, что жена, выслушав речи диавола, *виде, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети, и красно есть еже разумети, и веземши от плода его яде, и даде мужеви своему, и ядоста*[2].

Очевидно, что праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание диаволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами диавола. Обещанная им смерть за преступление заповеди тотчас объяла их: Дух Святой, обитавший в них, отступил от них. Они были предоставлены собственному естеству, зараженному греховным ядом. Этот яд сообщил человеческому естеству диавол из своего растленного естества, преисполненного греха и смерти. Первое греховное ощущение праотцев было ощущение стыда, в котором — невольное и горестное сознание внутри живущего греха, заменившего в них прежнего жителя — Святого Духа. Они поняли, что они наги, и немедленно сделали себе опоясания из смоковничных листьев, чтоб прикрыть неблагообразные уды тела, в которых они до падения не видели никакого безобразия, как и ныне не видят его младенцы, чуждые греховного похотения. «Умертвилась душа Адама, — говорит святой Григорий Палама, — преслушанием разлучившись от Бога: ибо телом он прожил после того (после падения своего) до девятисот тридцати лет. Но смерть, постигшая, по причине преслушания, душу, не только соделывает непотребною душу и наводит проклятие на человека, но и самое

---

[1] *И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3. 4–5). ‖ [2] *...увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел* (Быт. 3. 6).

тело, подвергнув его многим немощам, многим недугам и тлению, наконец предает смерти»[1]. «Адам, — говорит блаженный Феофилакт Болгарский, — будучи живым, был и мертвым: он умер с того часа, в который вкусил (от запрещенного древа)»[2].

Вездесущие естественно Богу. Он присутствовал и в раю во время согрешения праотцев; но присутствие это обнаружил хождением в раю по полудни, когда уже праотцы совершили преступление. Вероятно, около полудня вкусили они плод воспрещенный: потому что в этот час Богочеловек распростер руки Свои на Древе Крестном, искупая пригвождением рук к Древу дерзновенное простертие рук праотцами к плоду древа воспрещенного. Праотцы почтены были свободою; при свободе в руководителя дан им Дух Божественной премудрости: справедливость требовала, чтоб свободе предоставлено было выразиться по произволу ее. Выразилась она самоубийством. Едва праотцы нанесли себе язву, как милосердный Господь является им для уврачевания язвы: Адам и Ева услышали *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни*[3]. Укрывшись друг от друга листьями смоковницы, праотцы покусились укрыться и от Бога в чаще дерев райских: так они омрачились внезапно! Господь призвал Адама словами: *Адаме, где еси?*[4] По объяснению святых Отцов[5], эти слова суть слова величайшего милосердия и соболезнования. Они значат: В какое ты впал бедствие! Какое тебя постигло глубокое и несчастное падение; *Адаме, где еси?* — Не понимает омраченный грешник гласа, призывающего его к сознанию греха и к раскаянию в нем. Он старается оправдать себя, и оправданием оговаривает: *Глас слышах,* говорит он, *Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся*[6]. Уличенный, он снова не сознается, не кается, с дерзостию говорит Богу: *Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох*[7]. Эти слова, по замечанию некоторого святого Отца, имеют такое значение: «Беда, постигшая меня, наведена мне Тобою: жена, юже дал еси со мною!»[8] От ожесточенного Адама Господь переходит к жене, с милосердием говорит ей: *Что сие сотворила еси?*[9] Но и жена не приносит покаяния, не просит помилования, старается оправдать себя обвинением змея.

---

[1] Святого Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, послание к Ксении монахине. || [2] Толкование Евангелия от Луки, гл. 20. || [3] *...голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня* (Быт. 3. 8). || [4] *[Адам,] где ты?* (Быт. 3. 9). || [5] Преподобного аввы Дорофея поучение 1. || [6] *Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся* (Быт. 3. 10). || [7] *Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел* (Быт. 3. 12). || [8] Преподобного аввы Дорофея поучение 1. || [9] *Что ты это сделала?* (Быт. 3. 13).

Глубоко поврежденные познанием зла, проникшего молнией в ум, в сердце, в душу, в тело, не сознающиеся во грехе своем, гордо и дерзко оправдывающие себя праотцы подверглись суду и наказанию Божию. Суд Божий пал, во-первых, на змея, как на зачинщика и главу преступления; потом он карает жену, как первую преступницу заповеди и виновницу погибели мужа; наконец, он поражает мужа, как отвергшего послушание Богу для послушания жене. Змей-диавол окончательно отвергнут[1]: он вполне предоставлен своей злобе; благодать Божия отреклась от прикосновения к нему какою бы то ни было благою мыслию, достойною неба. *На персех твоих и чреве ходити будеши,* возвестил ему Бог, *и землю снеси вся дни живота твоего*[2]. Установлена вражда между диаволом и женою, между семенем диавола и семенем жены, то есть, с одной стороны, между диаволом и семенем его — увлеченными им в погибель ангелами, между диаволом и семенем его — грехом, с другой стороны, между женою и семенем жены, то есть Богочеловеком, Который по человечеству есть исключительно Семя жены, и верующими в Него человеками, облеченными во всеоружие Божие. При установлении этой вражды и брани возвещено, что Семя жены — Богочеловек — сотрет главу змея; при установлении этой вражды и брани заповедано последователям Богочеловека блюсти главу змия, то есть познавать и отвергать все начинания диавола в самом первоначальном их помысле[3]; диаволу попущено, как приобретшему право добровольным покорением ему человеков, наветовать Семя жены во время его земного странствования, блюсти его пяту. И блюдет диавол эту пяту всякого праведника о Христе, от Авеля праведного до праведника самых последних времен; не остановился он, омраченный необузданною злобою и дерзостию, наветовать и Богочеловека. На жену возложены многие болезни, и преимущественно болезни чадорождения; она порабощена мужу; на Адама возложены труды в снискании пропитания — земля проклята ради его. Поприщем для этих страданий назначена вся земная жизнь, а окончанием их — телесная смерть. По изречении приговора Адам и Ева были изгнаны и низринуты из рая на землю[4].

---

[1] Cassiani Collatio VIII. Caput X. || [2] *Ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей* (Быт. 3. 14). || [3] Cassiani. De institutis renuntiantium. Caput XXXVII. || [4] Быт. 3. 22–23.

Смерть души

Но существенная казнь падшего человека состояла в душевной смерти, поразившей его немедленно по преступлении заповеди. Тогда человек лишился обитавшего в нем Святого Духа, который составлял как бы душу всего существа человеческого[1], и был предоставлен собственному естеству, зараженному грехом и вступившему в общение с естеством демонов. От подчинения смерти и греху составные части человека разобщились, стали действовать одна против другой: тело противится душе; душа находится в борьбе сама с собою; ее силы препираются; человек находится в полноте расстройства. Сила желания болезненно превратилась в ощущение ненасытных похотений; сила мужества и энергии превратилась в различные виды гнева, от исступленной ярости до утонченного памятозлобия; сила словесности, отчуждившись от Бога, потеряла возможность управлять силою воли и силою энергии и правильно направлять их. Этого мало: душа сама поработилась греху, приносит ему непрестанные жертвы лукавством, лицемерством, лжею, самомнением; она борется и препирается сама в себе, сама с собою, волнуя все существо человека разными неправильными и необузданными мыслями, возбуждающими мучительнейшие ощущения, тщетно обличаемыми сознанием духа или совестию, лишенною и силы, и истины. Образ и подобие Божии в человеке, по падении его, изменились. Подобие, состоявшее в совершенном отчуждении зла из качеств человека, познанием зла и сообщением его этим качествам, уничтожилось; при уничтожении подобия образ исказился, соделался непотребным, но не уничтожился совершенно. «Да вемы убо, — говорит святой Димитрий Ростовский, — яко образ Божий есть и в неверного человека душе, подобие же токмо в христианине добродетельном: и егда согрешает смертне христианин, тогда подобия токмо лишается Божия, а не образа: и аще и в муку вечную осудится, образ Божий тойжде в нем во веки, подобие же уже быти не может». И Церковь воспевает: «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу согрешений, но еже к подобию возведи древнею добротою возобразитися»[2].

---

[1] Святой Макарий Великий говорит, что в совершенных христианах Господь есть [является] как бы душою их. Слово 6, гл. 12. || [2] Последование панихиды. — *Ред.*

Подчинение человека диаволу

Страшным плодом падения было порабощение человека диаволу и ничем не отвратимое смешение с ним. Об этом горестном порабощении так беседует святой Макарий Великий: «Царство тьмы, то есть оный злый князь, пленивши человека искони, так обложил и облек душу властию тьмы, аки какого человека, по оному: *Яко да сотворят его царем и облекут в царския одежды, и да носит от главы даже до ног царския одеяния.* Тако душу и все ея существо облек грехом злый оный начальник, всю ее осквернил и всю пленил в царство свое, что ни помышлений, ни разума, ни плоти, и, наконец, ни единаго ея состава не оставил от своея власти свободным; но всю ее одеял в хламиду тьмы... Всего человека, душу и тело, злый оный враг осквернил и обезобразил; и облек человека в ветхого человека, оскверненна, нечиста, богопротивна, не повинующася Закону Божию, то есть в самый грех облек его, да не к тому видит человек, якоже хощет, но зле видит, зле слышит, ноги имеет стремительны к злодеянию, руки, творящие беззаконие, и сердце, помышляющее злая... Грех и душа смесилися между собою, имея однакоже оба из них собственное при себе естество». «Как во время мрачной и темной ночи, когда дышит бурный ветр, колеблются, мятутся и приходят в великое движение все растения: так и человек, подвергшись темной власти ночи — диавола и в этой ночи и мраке проводя жизнь свою, колеблется, мятется и волнуется лютым ветром греха, который все его естество, душу, разум и помышления пронзает, причем и все телесные члены его также движутся, и нет ни одного ни душевного, ни телесного члена, свободного от греха, обитающего внутри нас»[1]. По падении и до самого Искупления нашего Господом нашим Иисусом Христом «с насилием и мучительски владел враг человеком, — говорит преподобный авва Дорофей, — так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит Апостол от лица нашего: *Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю*[2]. Действует на нас диавол, влагая свои помыслы, обольщая мечтаниями[3], возбуждая помыслами и мечтаниями греховные ощущения, волнуя и разгорячая кровь, поглощая этими волнами и попаляя этим пламенем весь здравый смысл человека и всю силу его воли. Действия всех страстей соединены с движением разнообразным крови; где движение крови, там непременное действие

[1] Беседа II, гл. 1, 2, 4. ‖ [2] Поучение первое. — *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю* (Рим. 7. 19). ‖ [3] Святого Исихия Слово о трезвении, гл. 46. Добротолюбие. Ч. 3.

страсти, там непременно действие бесов. Такое действие непостижимо для омраченного падением человека, пребывающего в падении своем: лукавые помыслы и мечтания так тонко и хитро действуют в душе, что ей представляются они как бы рождающимися в ней самой, а отнюдь не действием чуждого ей злого духа, вместе и действующего и желающего оставаться непримеченным[1].

В чем существенно состоял грех первозданных? По наружности он состоял в вкушении от запрещенного древа. Он получает и большую тяжесть и большее значение, когда мы определим его нарушением заповеди Творца тварию, противодействием твари воле Творца. Еще большее значение получает он, когда мы признаем в нем попытку человека соделаться равным Богу. А на эту именно попытку и указывает Бог словами, исполненными неизреченного сострадания, произнесенными Им при изгнании праотцев из рая: *Се Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое*[2]. «Солгася (обманулся) древле Адам, — возвещает Святая Церковь, — и Бог возжелев быти, не бысть»[3]. Диавол сообщил свой грех обольщенному человеку. Но грех диавола был собственным его созданием; он задумал сам в себе соделаться равным Богу[4], обрабатывал эту мысль, стремился привести ее в исполнение, сообщил ее многочисленному сонмищу других духов, склонил их в единомыслие с собою, наконец, явно восстал против Бога; грех человека был нечаянно постигшим его увлечением.

Грех человека был приготовлен не замыслом, но неправильным и недостаточным деланием и хранением рая. Не менее того грехом своим человек соделался сообщником диавола и пленником его. Как падшему по увлечению, человеку вместе с изречением казни обетовано искупление и Искупитель.

Земная жизнь

Господь, изгнав человека на землю из рая, вселил его на ней *прямо рая сладости*[5], чтоб он, непрестанно обращая взоры к раю и вместе питаясь надеждою возвращения в рай, пребывал в непрестанном плаче покаяния. Вселение прямо рая сладости показывает, что Адаму дано было живое воспоминание о рае, и сама земля красотами своими, сохранившимися в некоторой степени и после

---

[1] Преподобного Макария Великого. Слово 7, гл. 31. || [2] *Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло* (Быт. 3. 22). || [3] Акафист Божией Матери, стихиры на Господи воззвах. || [4] Ис. 14. 14. || [5] *И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни* (Быт. 3. 24).

ее проклятия, напоминала рай. Земля назначена в место покаяния для праотцев и для всего имевшего произойти от них рода человеческого. Земная жизнь каждого человека есть время, данное ему на покаяние. Все человечество на земле должно быть погружено в покаяние, в неутешное рыдание. Оно должно странствовать на ней, не прилепляясь сердцем ни к каким предметам, которыми обстановлена эта гостиница, но непрестанно помышляя о горнем своем Отечестве и всеусильно стремясь возвратиться в него. Труд и злострадание — непременные спутники покаяния и родители смирения, рождающего покаяние, должны господствовать на земле, по самому определению Божию. Человек должен постоянно помнить, что Господь назначил ему в поте лица снедать не только вещественный, но и духовный хлеб свой; человек должен непрестанно помнить, что он на земле во временном изгнании, что он — земля, что он должен возвратиться в землю, из которой он создан. Об этом все на земле непрестанно напоминает ему. Он находится в непрестанном разнообразном страдании, в борьбе с собственною злобою, в борьбе с злобою ближних своих, в борьбе со стихиями, в борьбе с землею, ради его проклятою и повинующеюся ему только при пролитии кровавого пота. Об этом непрестанно напоминают ему братия его, похищаемые один вслед за другим неумолимою смертию. От земли дозволено ему пользоваться одним самонужнейшим, необходимым для земного странствования нашего, отнюдь не излишним, отторгающим мысль от вечности. Все праведники Ветхозаветной Церкви, странствовавшие на земле, начиная от Адама, проводили земную жизнь сообразно назначению, данному ей Богом. Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаясь надеждою обетованного избавления, соглядая оком веры вечность. *Проидоша,* говорит о них Апостол, *в милотех, и в козьях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных. И сии вси послушествовани быша верою*[1]. *По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше, и исповедовавше, яко страннии и пришельцы суть на земли*[2].

---

[1] *Скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли. И все сии, свидетельствованные в вере* (Евр. 11. 37–39). ‖ [2] *Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле* (Евр. 11. 13).

Мир

К немногим из человеков могут быть приложены эти слова Апостола; немногие из них проводили земную жизнь согласно с назначением, данным ей Богом. Падение человека так глубоко повредило его, что он, отвергши жизнь плача на земле, избрал на ней жизнь наслаждений и вещественного преуспеяния, как бы торжествуя и празднуя самое падение свое. К этой жизни плотского наслаждения и преуспеяния, убивающей жизнь для Бога, уже начали склоняться некоторые из детей Адама, мало внимая повести о рае и о духовном состоянии человека, находя в стране изгнания полную пищу и удовлетворение в скотских и зверских страстях своих. Внуки Адама еще более устремились к развитию вещественной жизни на земле с забвением о вечности. Сюда, наконец, устремилось все его потомство, за исключением немногих избранных мужей, считая сказание о рае баснею, изобретением суеверного воображения. Тщетно смерть пожинала людей с лица земли: они продолжали жить и действовать, как бы вечные на ней. Поддержание телесных сил вкушением необходимого количества простой пищи перешло в лакомство и пресыщение изысканными яствами. Утоление жажды перешло к наслаждению различными напитками и к пьянству. Прикрытие наготы кожаными ризами преобразилось в украшение себя богатыми одеждами и утварями. Скромные жилища для убежища и ограждения от стихий и зверей, восставших на человека, стали заменяться огромными и великолепными палатами. Явилась роскошь с ее бесчисленными требованиями, которые обращались в неумолимый закон среди общества падших человеков. Законное совокупление полов для размножения рода человеческого изменилось в ненасытное любодеяние, противодействующее размножению человеков. Этого мало: люди, распаленные необузданным пожеланием, вполне лишившимся правильного стремления, изобрели грехи противоестественные. Сила энергии душевной стала побороть ненасытным пожеланиям и требованиям грехолюбивого человека: явились ссоры, обиды, убийства, разбой, грабеж, война, завоевание. Словесная сила человека всецело употреблена для доставления ему выгод и преимуществ земных, употреблена в содействие греху: явились ложь, обманы, лукавство, лицемерие. Таким образом, немедленно по падении человеков начал образовываться на земле, а с течением времен получать большее и большее развитие по самому началу своему враждебный Богу мир.

Мир есть жизнь человеков на земле единственно для земли, единственно с целию удовлетворения своим греховным пожеланиям,

с целию плотского наслаждения, с целию вещественного преуспеяния, с целию, вполне противоположною той высокой и всеблагой цели, с которою человек помещен Богом на земле. «Мир есть общее наименование всех страстей. Мир — плотская жизнь и плотское мудрование. Где прекратилось движение и действие страстей, там умер мир». Так любомудрствует великий наставник монашества святой Исаак Сирский[1]. К этому миру ненависть, от этого мира отречение заповедует Дух Святой ученикам Своим, когда говорит: *Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем. Яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очима, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки*[2]. *Мир весь во зле лежит*[3]. *Любы мира сего вражда Богу есть: иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает*[4].

Когда же Священное Писание говорит, что *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй вонь не погибнет, но имать живот вечный*[5], тогда надо разуметь под словом «мир» всех человеков, не исключая и грешников, как и апостол Иоанн Богослов говорит: *О сем явися любы Божия в нас, яко Сына Своего Единороднаго посла Бог в мир, да живи будем Им*[6].

Опять: и все общество человеческое, в соединении с их греховною жизнию, в соединении с их плотскими наслаждениями, с их вещественным преуспеянием, с их столпотворением, называется «миром». Этот мир враждебен Богу и служителям Его. *Аще мир вас ненавидит,* говорил Богочеловек ученикам своим, *ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были: мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир*[7]. Этот мир пребыл и пребывает чуждым и Богу-Создателю и Богу-Искупителю; гонение и убийство служителей Божиих он признает служением правде[8].

---

[1] Слово 2. ‖ [2] *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1 Ин. 2. 15–17). ‖ [3] Ср.: *...весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5. 19). ‖ [4] *Дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4. 4). ‖ [5] *...так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3. 16). ‖ [6] *Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него* (1 Ин. 4. 9). ‖ [7] *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15. 18–19). ‖ [8] Ин. 16. 2.

Глава и начальник этого мира, враждебного Богу, есть падший ангел; содействуют ему и служат в этой безумной и дерзостной брани прочие падшие ангелы и увлеченные им человеки. Самая земля и ее твари, прежде подчиненные Адаму, по падении Адама вместе с ним подчинились сатане. Сам сатана так засвидетельствовал о власти своей над миром: дерзнув приступить к Сыну Божию для искушения, он возвел Его на высокую гору и, показав все царства вселенной и славу их, сказал: *Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и емуже аще хощу, дам ю*[1]. Сатана называет власть над миром не собственно своею, но преданною себе. Точно: она предана ему. «Враг, прельстивший Адама, — говорит святой Макарий Великий, — и таким образом восприявший над ним владычество, лишил его всей власти и объявлен князем века сего. Сначала же князем века сего и господином всего видимого Бог поставил человека... Когда же он предался вражеской лести, то вместе с сим предал и начальство свое обольстителю. Сея ради вины волхвы и чародеи по действу противныя силы, попущением Божиим, чудная некая являются творити, ядовитыми обладающе зверьми и во огнь и в воду без вреда входяще»[2]. Священное Писание по этой причине называет падшего ангела миродержцем, князем века сего[3].

Идолопоклонство

Сатана не удовлетворился тем, что он покорил человека с землею под власть свою, что держал его в плену, возбуждая в нем различные страсти и ими оковывая его, что служением греху привел его в служение себе. Мысль, обуявшая ангела на небе, не оставляла его и в поднебесной, куда, как в преддверие ада, он низвергнут с неба: мысль соделаться равным Богу. Он привел ее в исполнение введением на земле идолопоклонства. Род человеческий, постепенно размножаясь на земле, вместе с тем более и более переходил от удовлетворения нуждам к удовлетворению прихотей и греховных пожеланий. Несовместно с такою жизнью истинное Богопознание и самопознание! Человеки, потонув в земных попечениях и наслаждениях, соделавшись исключительно плотию, потеряли самое понятие о истинном Боге. Но чувство богопочитания есть чувство неотъемлемое от сердца человеческого, как врожденное и естественное ему: оно не уничтожено падением — лишено правильности. Водимые этим бессознательным чувством, человеки воздали божеское

---

[1] *Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее* (Лк. 4. 6). ‖ [2] Слово 4, гл. 3. ‖ [3] Ин. 12. 31; Еф. 2. 2, 6, 11–12.

поклонение изобретателю и родителю греха — падшему ангелу и сонмищу его демонов. Человек обоготворил убивший его грех во всех его видах, обоготворил представителей греха — демонов. Он признал божественными наслаждениями удовлетворение всем страстям. И блудодеянию, и пьянству, и воровству, и убийству воздана почесть. Каждая страсть изображалась своим истуканом или идолом. Идол был символом демона, вполне чуждого жизни, вполне мертвого для ощущений духовных. Пред такими идолами совершалось и общественное и частное или домашнее поклонение; пред идолами закалались и приносились жертвы из животных, а нередко и из людей. Смерть духа тем была сильна, что отразилась в жизни отрицательной. Но наружное служение идолам было в сущности служением бесам, как научает нас Божественный апостол Павел[1]. Идольские храмы и самые идолы были любимым жилищем демонов. Из этих жилищ своих они издавали гласы и прорицания для обольщения злосчастного человечества. И сам человек, престав быть храмом Бога Живаго, соделался храмом и обиталищем сатаны[2].

Идолопоклонство объяло всех человеков и всю землю. Немногие избранные человеки сохранили истинное богопознание и богослужение. Впоследствии Бог избрал и отделил в служение Себе народ израильский, даровав ему письменный Закон. Но недуг идолопоклонства так сильно действовал в падшем человечестве, что и избранный народ, часто оставляя поклонение Единому Истинному Богу, стремился к поклонению кумирам.

Человек, лишившись падением своим Божественного Света — Святого Духа, должен был довольствоваться своим собственным, скудным светом — разумом. Но этот естественный свет привел весьма немногих человеков к познанию Истинного Бога: он устремился наиболее к доставлению всевозможных удобств для земной жизни, изобрел различные науки и искусства, которые точно способствовали и способствуют к умножению и развитию этих вещественных удобств, но вместе способствуют и к сильнейшему развитию греховной жизни, к запечатлению и утверждению падения украшением падения многоразличными призраками благосостояния и торжества. Науки человеческие, будучи плодом падения, удовлетворяя человека, представляя ему Божию благодать и Самого Бога ненужными, хуля, отвергая, уничижая Святого Духа, соделались сильнейшим орудием и средством греха и диавола для поддержания и укрепления падения. Свет человеков соединился со светом демонов и образовал челове-

[1] 1 Кор. 10. 20. || [2] Лк. 11. 24–26.

ческую ученость (премудрость), враждебную Богу, растлевающую человека диаволоподобною гордынею[1]; Объятый недугом учености, мудрец мира сего подчиняет все своему разуму и служит сам для себя кумиром, осуществляя собою предложение сатаны: *Будете яко бози, ведущи доброе и лукавое*. Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и поставляющее в ложное отношение ученого и к себе, и ко всему[2]. Ученость есть мерзость и безумие пред Богом; она — беснование. Слепоту свою она провозглашает удовлетворительнейшим ведением и видением и таким образом соделывает слепоту неисцельною, а хранимое ею падение неотъемлемым достоянием злосчастного книжника и фарисея[3]. *Мудрование плотское — вражда на Бога: Закону бо Божию не покаряется, ниже бо может. Мудрование плотское — смерть*[4]. Святой Дух заповедует отвержение мудрости земной для того, кто хочет приступить к Богу и соделаться причастником духовной мудрости[5]. Апостол Павел замечает, что немногие из ученых приняли веру христианскую[6]; напротив того, для этих мнимых и напыщенных мудрецов показалась безумием духовная мудрость, всеобильно и всесовершенно заключающаяся во Христе[7]. Философы и художники были величайшими поборниками идолопоклонства и врагами истинного Богопознания. По водворении веры христианской в мире ученость родила бесчисленные ереси и ими старалась ниспровергнуть святую Веру. Величайшее злодеяние — убийство Богочеловека — совершено учеными во имя мудрости их и во имя закона их[8]. В наше время ученость возвращает язычников, принявших христианство, к язычеству и, отвергая христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы для удобнейшего обольщения человечества. Редкий, весьма редкий книжник научается Царствию Небесному и износит новое учение Духа пред общество собратий своих, облекая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтоб оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое[9].

Смерть и ад

По падении первого человека и отвержении его Богом, а в нем и всего рода человеческого, все человеки, окончив смертию тела свое земное странствование, нисходили душами в преисподние

[1] 1 Кор. 3. 17–18. ‖ [2] 1 Кор. 3. 18. ‖ [3] Ин. 9. 41. ‖ [4] *Плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Помышления плотские суть смерть* (Рим. 8. 7, 6). ‖ [5] 1 Кор. 3. 18. ‖ [6] 1 Кор. 1. 26. ‖ [7] 1 Кор. 1. 23. ‖ [8] Ин. 11. 49–50. ‖ [9] Мф. 13. 52. Ср.: Лк. 5. 39.

темницы ада. Ад находится в недрах земли[1]. Там пылает *огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его*[2], которые, следовательно, падением своим предварили сотворение вещественного мира. Там тьма кромешная, там тартар, там скрежет зубов, там червь неусыпающий, там плач без утешения, непрерывающийся и напрасный. Там разнообразные муки по разнообразию грехов; там различные степени мук соответственно различной степени греховности. Смерть душевная, смерть существенная, поразившая человеческий род в его родоначальниках, выражающая власть свою и над телом земного странника во время его земного странствования недугами и другими бесчисленными страданиями, при окончании земного странствования выражает эту власть самым страшным явлением: разлучением души от тела. По разлучении души от тела власть смерти над человеком получает полное развитие (здесь говорится о временах, предшествовавших Искупителю): тело разрушающееся и смердящее погребается в недрах земных, а душа каждого человека, и нечестивца и ветхозаветного праведника, нисходит во ад. Души нечестивцев низвергались в вечный огнь, как окончательно принадлежащие вечной смерти; души праведников нисходили во ад, в темницы его менее глубокие и страшные, где они пребывали, томясь жизнию во аде и вместе утешаясь надеждою Искупления. Все обстоятельства земной жизни доказывают человеку, что он на земле изгнанник за ужасное преступление; но всего более доказывает это смерть. Она не оказывает ни уважения, ни сожаления ни к чему высокому и важному человеческому. Она поражает и юность, и красоту, и гения, и могущество, и богатство. Ничем человек не может отвратить неумолимой смерти, служащей для рода человеческого опытным доказательством его падения, его согрешения пред Богом, его казни. Она свидетельствует пред человеками, что человек — создание и раб, возмутившийся против своего Творца и Господа, что знаменитейшие и важнейшие дела человеков для земли ничего не значат для вечности, что высокое человеческое — *мерзость есть пред Богом*[3]. Смерть — казнь. Поражая каждого человека, она доказывает, что каждый человек — преступник; поражая всех человеков без исключения, она доказывает, что карается человечество за преступление, общее всему человечеству. Пред одним благочестием благоговеет смерть, и молитва праведника может иногда остановить секиру смерти и отодвинуть час ее[4].

---

[1] Слово о Смерти. ‖ [2] *...огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25. 41). ‖ [3] *...мерзость пред Богом* (Лк. 16. 15). ‖ [4] Ис. 38, 5. Смотри житие Василия Великого, скончавшегося в противность предсказанию врача, который столько

Преуспеяние зла на земле

Когда род человеческий провел многие тысячелетия в жестоком порабощении у падшего ангела, тогда явился на земле обещанный Богом Искупитель. Прежде нежели приступим к описанию этого величайшего и чудеснейшего события, взглянем еще на состояние злосчастного мира в то время, как Господь низшел на землю и вочеловечился для обновления и спасения человечества. Мир был погружен на всем пространстве его в идолопоклонство. Люди, возненавидев друг друга, завидуя друг другу, полили всю поверхность земли своею кровию в ожесточенных бранях, в которых истребились и исчезли многочисленные народы, пожатые мечом и лишенные народности невольничеством и продажею на рынках вселенной подобно скоту или бездушному товару. Бедствия и гибель человечества признаны величайшею славою для человечества, и обагренные кровию собратий завоеватели объявлялись еще при жизни их богами. Другим злодеям, отличавшимся гнусными пороками, воздана божеская честь по смерти их. Удовлетворение постыднейшим страстям считалось высшим наслаждением. Некоторые из отверженнейших человеков вступили в явное сношение с сатаною, облекшись в силу его, содействовали укреплению его господства над землею и человечеством[1]. Это господство достигло полного развития. Под это господство склонился и избранный народ Израильский. Крайне умалившись числом и упав в гражданском отношении, народ этот подпал под власть народов идолопоклоннических. Внутренная, существенная сила его, заключавшаяся в общении с Богом посредством познания и исполнения Его воли, истощилась. Жизнь по заповедям Божиим, образующая в человеке чистоту ума и сердца, которую осеняет Божественная благодать, просвещая человека истинным духовным разумом и богословием, заменилась в большинстве школьным изучением Закона, соединенным с небрежением о богоугодном жительстве, которое книжники и фарисеи — так назывались иудейские ученые того времени — старались заменить притворством и лицемерством. Эти омраченные сатанинскою гордостию ученые, исполненные презрения и ненависти ко всем прочим сословиям народа, рабы страстей, не способные

был убежден в верности своего предсказания, что неисполнение его приписал положительно силе Христа, уверовал в Него и принял Святое Крещение. Прежде этого никакие убеждения мудрого и святого Василия не могли сломить врача-еврея к принятию христианства. Четьи-Минеи, 1 января.

[1] Исхода глава 7 и далее. Деян. гл. 8, 9 и проч.

к вере по своей неограниченной и исступленной привязанности к земной славе и земным преимуществам, способные по этой привязанности ко всевозможным преступлениям, совершители этих преступлений, захватили во власть свою вероучение, отвергли из него заповеди Божии, ввели в него свои нелепые предания, сами стремясь в слепоте своей к погибели, влекли к ней и руководимый ими народ[1]. Немногие, весьма немногие человеки остались верными Богу самою жизнию своею и от такой жизни зависящими и воссиявающими истинным богопознанием. Святые имена их — в Святом Евангелии[2].

Теперь переходим к отраднейшему зрелищу. Приготовим, предочистим себя слезами покаяния и, отвлекши ум и сердце от всех земных попечений, присоединимся к сонмам Святых Ангелов, чтоб предаться вместе с ними священному созерцанию вочеловечения Бога-Слова, чтоб вместе с ними в священном удивлении и радости воспеть: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение*[3].

---

[1] Описание книжников и фарисеев заимствовано из собственных слов Господа нашего Иисуса Христа и из поведаний Евангелия. Господь произнес на них грозное определение Свое, назвав их родом лукавым и прелюбодейным (Мф. 12. 39), лицемерами, выкрашенными гробами, по наружности красивыми, внутри же исполненными лицемерия и беззакония, как и гробы внутри полны мертвых костей и всякой нечистоты (Мф. 23. 13, 23, 27–29). Он признал их чадами диавола, и диавола отцом их (Ин. 8. 44). Он признал их слепцами, ослепленными своим ложным знанием, руководящими других слепцов, слепцов по невежеству своему; Он объявил, что и слепцы-руководители, и слепцы-руководимые влекутся в бездну погибели (Мф. 15. 14). Он признал недуг их неисцельным, потому что они признавали слепоту свою удовлетворительнейшим видением и ведением (Ин. 9. 41). Он заповедал ученикам Своим охраняться от кваса фарисейского (закваски), то есть от учения их, вполне основанного на лицемерстве, вполне проникнутого лжею и лицемерством, имеющего началом отца лжи (Мф. 16. 6, 12; Лк. 12. 1; Ин. 8. 44). Господь обличил фарисеев в том, что они, притворно совершая пред глазами людей продолжительные молитвы, снедали домы вдовиц и совершали и готовы были совершить ужаснейшие беззакония и преступления (Мф. 23. 14, 34; Ин. 8. 40). Сребролюбие было недугом фарисеев (Лк. 16. 14). Искание славы человеческой было недугом фарисеев (Ин. 5. 44). Они были не способны к вере по причине своего пристрастия к земным преимуществам (Ин. 5. 44; Лк. 16. 13–14). Они присвоили себе ключ разумения и затворили Царство Небесное для человеков: сами не входили в него и не допускали других войти в него (Лк. 11. 52; Мф. 23. 13). Страшная гордость их слышится как глас самого сатаны в беседе их с исцелевшим слепорожденным (Ин. 9). О единоплеменном им народе, не имевшем их учености, они выразились так: «Народ сей, иже не весть Закона, прокляти суть» (Ин. 7. 49).

[2] Таковы были праведные Захария и Елизавета, родители святого Иоанна Предтечи, святой Симеон Богоприимец, святая Анна Пророчица, дочь Фануила (Лк. гл. 1–2).

[3] *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2. 14).

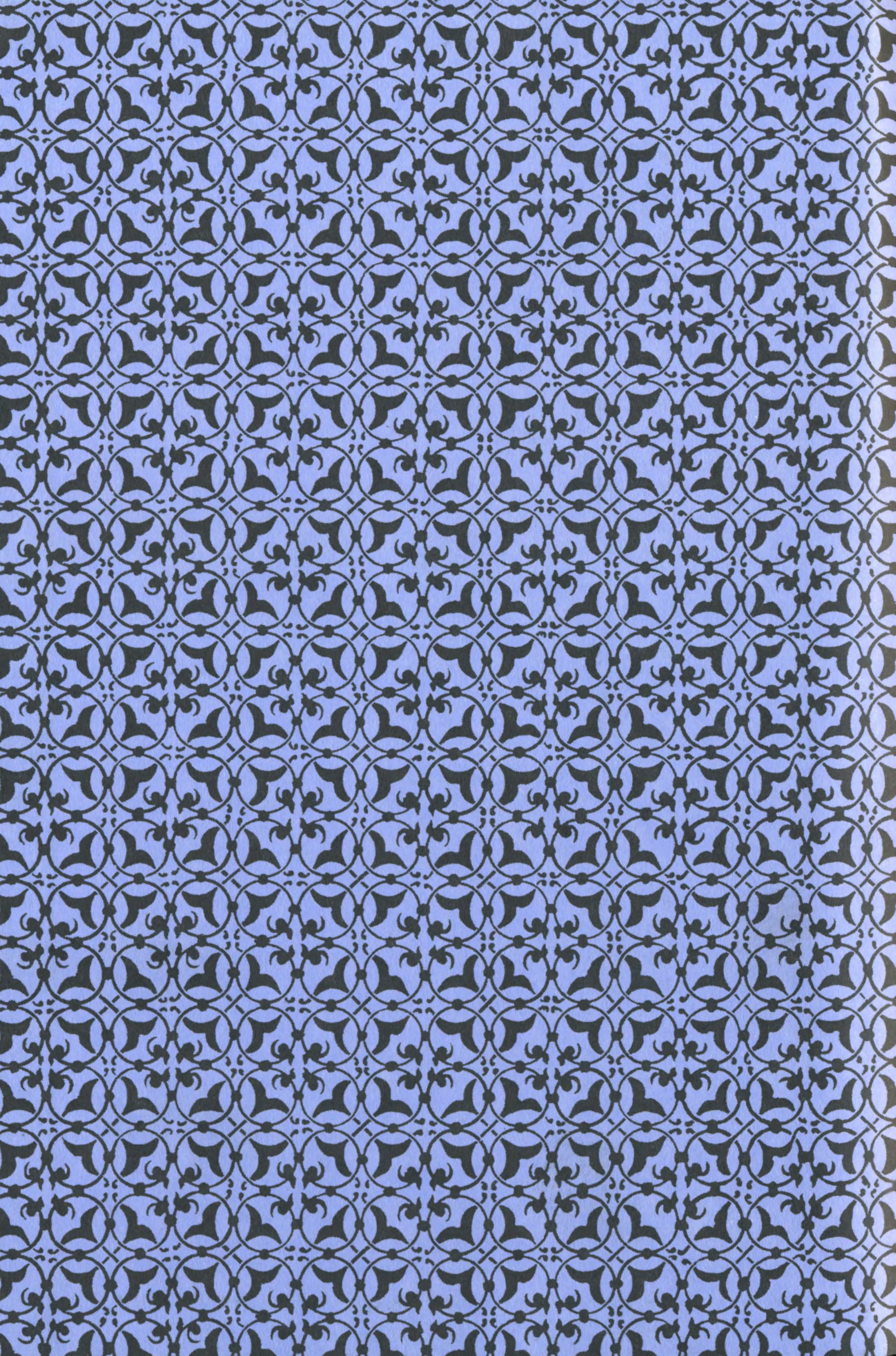
Содержание

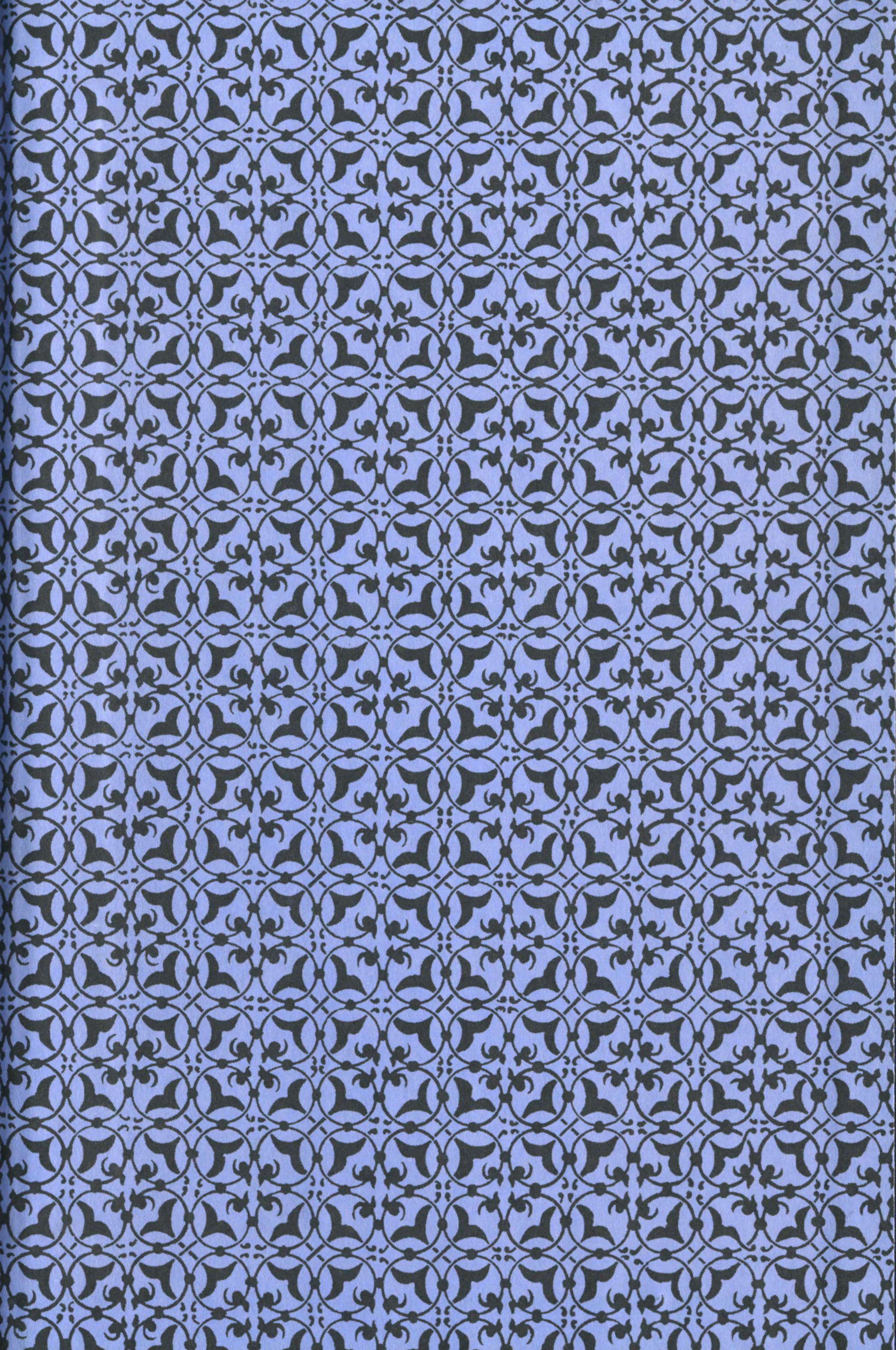
АСКЕТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

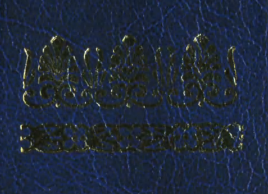
Часть II

СЛОВО О СМЕРТИ

ПРИЛОЖЕНИЕ







ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ

Том
II